

ТРУДЫ

XIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ТРУДЫ

1962 г.

1965 г.

ТРИНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЕЗДА

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ

1905

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ II.

МОСКВА — 1908

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Леоптьевскій пер., д. 5.

Печатано на основані постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества
Предсѣдатель Графиня Уварова.

1950z

БИБЛИОТКА
Ин-та Крѣдологической
и Музейной работы

B-309

	<i>Стран.</i>
<i>Дѣятельность</i> Донскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета	9
" Воронежскаго " " " "	—
" Екатеринославскаго " " " "	—
" Курской Архивной Комиссiи	—
" Таврической " " " "	—
<i>Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ</i>	11
<i>Сторожева, В. Н.</i> —Записка	15
<i>Опись утвари</i> Екатеринославской Каѳедральной Успенской Церкви, учиненная въ 1808 г.	19
<i>Машукова, В.</i> —Воспоминанiе старожиловъ объ Екатеринославской иконѣ „Плачущаго Спасителя	70
— Памятники XVIII ст. въ Екатеринославскомъ Преображенскомъ Соборѣ	72
<i>Щербаковскаго, В. М.</i> Краткiй отчетъ объ экскурсiи, совершенной лѣтомъ 1904 г.	87
<i>Филанскаго, Н.</i> —Списокъ церквей Полтавской губ. XVII и XVIII вѣковъ	89
" —Дворцы Графа Разумовскаго	91
" —Вотчины, перешедшiя Гр. Кириллу Разумовскому по наслѣдству отъ его брата Гр. Алексiя	" "
<i>Графини П. С. Уваровой.</i> —Къ вопросу о каменныхъ бабахъ	92
<i>Державина, Н. В.</i> —Предварительный Отчетъ объ изслѣдованiи болгарскихъ колонiй въ Новороссiйскомъ краѣ	97
<i>Кордтъ, В. А.</i> —Письмо къ Графинѣ съ программой его дѣятельности по изданiю древнихъ картъ	100
<i>Трефильева, Е. П.</i> —Археологическая экскурсiя въ Дергачи, Харьков. губ. въ 1903 г.	102
<i>Щербаковскаго, Д. М.</i> —Отчетъ объ археологической экскурсiи въ 1904 г.	104
<i>Орлова, А.</i> —Стоянка каменнаго вѣка на р. Осколѣ близъ с. Шалаева Валуйскаго уѣзда, Воронежской губ.	106
<i>Графа О. Э. Келлера</i> —Приглашенiе XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославъ	110
<i>Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣнiй по Екатеринославской губ.</i>	111

IV. Протоколы.

Засѣданiя Московскаго Предварительнаго Комитета	121—142
Составъ Предварительнаго Комитета	143—147
Правила Съѣзда	148—150
Вопросы, предложенные на обсужденiе Съѣзда	151—154
Запросы, обращенные къ Съѣзду	155—158
Засѣданiе Совѣта Съѣзда	159—160
Личный составъ Съѣзда	161—171
Общия засѣданiя Съѣзда	172, 245, 255
Засѣданiя Отдѣленiй.	
Древности первобытныя	200, 203, 214, 235, 247
Древности историко-географическiя и этнографическiя	192, 222, 251
Памятники искусствъ, нумизматики и сфрагистики	217, 239
Древности юридическiя, бытъ хозяйственный, домашнiй и военный	196, 210, 230, 242
Древности церковныя	194
Древности классическiя, византийскiя, восточныя и западно-европейскiя	227
Археографiя и архивовѣдѣнiе	207, 233
Старина Запорожская	233
Экскурсiя на Днѣпровскiе пороги	267
" въ Херсонисѣ и Севастополь	269
Доклады, сообщенiя и рѣчи:	
<i>Айналова, Д. В.</i> —О неизданномъ трудѣ Гр. А. С. Уварова „Символика Христiанскаго искусства“ и статья изъ этого труда „Ветхозавѣтная и Новозавѣтная церковь“	218
<i>Алексѣенко, М. М.</i> —Рѣчь при открытiи Съѣзда	175
<i>Антоновича, В. Б.</i> —Благодарственная рѣчь на привѣтствiя	202
<i>Багалъя, Д. И.</i> —Привѣтствiе Владимiра Бонифацiевича Антоновича	200
" О раскопкѣ кургановъ въ Волковскомъ и Богодуховскомъ у	208
" Неизданныя сочиненiя Г. С. Сковороды	213

<i>Багалтя, Д. П.</i> —О картахъ и планахъ Украинскихъ городовъ, представленныхъ на Выставку Съезда Гр. П. С. Уваровой	232
" Отчетъ Предсѣдателя Ученаго Комитета Съезда	256
<i>Богумила, А.</i> —Ордера Князя Потемкина по архивнымъ документамъ	242
<i>Бугославскаго, Г. К.</i> —Къ вопросу о Бѣломорскихъ казакахъ въ XVI в.	199
<i>Бяднова, В. А.</i> —Свѣдѣнія объ Архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи	209
" Обь Архивѣ Самарскаго Монастыря	233
<i>Бѣляшевскаго, Н. Ѳ.</i> —Раскопки въ Липовецкомъ у., въ Кіевской губ. 1905 г.	250
<i>Веселовскаго, Н. И.</i> —Альбомъ Самаркандскихъ Древностей	229
<i>Голубовскаго, П. В.</i> —Историческая карта Черниговской губ. до 1800 г.	232
<i>Данилевича, В. Е.</i> —Раскопки около дер. Кекенеизъ, Ялтинскаго у., Таврич. губ.	204
" Изъ исторіи управленія и быта Слободской Украины въ XVII и XVIII ст.	230
" По поводу одной рукописи XVIII ст. въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ	240
" О раскопкахъ близъ х. Покровскаго, Валковскаго у., Харьк. г.	250
<i>Державина, Н. С.</i> —Болгарскія колоніи Таврической и Херсонской губ. въ культурно-этнографическомъ отношеніи	251
<i>Добровольскаго, П. М.</i> —О письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ цеховаго устройства въ Черниговской губ.	244
<i>Евсьева, Н. Е.</i> —Древнѣйшіе памятники церковной старины въ Орловскомъ краѣ	196
<i>Ефименко, А. Я.</i> —Къ исторіи землевладѣнія въ Галицкой Руси въ XVI в.	197
<i>Иванчина-Писарева, А. А.</i> —О курганахъ Мариупольскаго уѣзда	215
<i>Каманина, П. М.</i> —Метрическій методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южно-русскаго устава и полуустава въ XVI—XVIII в.	207
<i>Курилова, В. В.</i> —Рѣчь при открытіи Съезда	178
<i>Ляскоронскаго, В. Г.</i> —О Городищахъ и Длинныхъ валахъ въ области рр. Пела и Ворсклы	202
" О походѣ Кн. Витовта и его битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399	210
" О Зміевыхъ валахъ въ предѣлахъ южной Россіи и ихъ связи съ курганами-майданами	232
<i>Маркевича, А. И.</i> —Къ исторіи Крымскихъ Архивовъ	209
<i>Машукова, В.</i> —Опись имущества Каедральнаго собора г. Екатеринослава	240
" " " Соборной церкви г. Новомосковска, Екатерин. губ.	—
<i>Мельникъ-Антоновичъ, Е. И.</i> —Карта кургановъ-майдановъ	247
<i>Миклашевскаго, М. И.</i> —Рѣчь при открытіи Съезда	172
<i>Нейгарта, А. Б.</i> —Рѣчь при открытіи Съезда	—
" Рѣчь при закрытіи Съезда	267
<i>Павлуцаго, Г. Г.</i> —Деревянныя церкви Полтавщины	195
" О вліяніи деревяннаго церковнаго зодчества на архитектурныя формы каменныхъ храмовъ въ Кіевѣ XVII и XVIII в.	220
" Древнія деревянныя синагоги юго-западнаго края, какъ памятники, отражающіе въ себѣ черты, выработанныя мѣстнымъ искусствомъ	221
<i>Падалка, Л. В.</i> —О единствѣ основныхъ чертъ степныхъ майдановъ круглыхъ городковъ, робленицъ и раскопанныхъ могилъ	194
" Эволюція казацкихъ "Сичей" на Подиѣпровьи въ связи съ общимъ ходомъ развитія Диѣпровскаго казачества	223
<i>Пичета, В. И.</i> —Нѣсколько данныхъ по исторіи крестьянства и хозяйства въ Екатеринославскомъ уѣздѣ въ началѣ XIX в.	234
<i>Покровскаго, Н. В.</i> —Рѣчь при открытіи дѣятельности Отдѣленія Церковныхъ древностей	194
<i>Прусевича, А. Н.</i> —Деревянныя синагоги Подольской губ.	222
" Описаніе и объясненіе живописи въ синагогѣ г. Ярышева, Могилевскаго у., Подольской губ.	240

Историческая Карта Черниговской губ. до 1300 г.

П. В. Голубовскаго.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Мысль объ изданіи исторической карты Черниговской губерніи была выдвинута передъ послѣднимъ Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ покойнымъ нынѣ, извѣстнымъ историкомъ Малороссіи, А. М. Лазаревскимъ. Собственно, предполагалось издать три карты: для древнѣйшаго періода, для литовскаго періода и для малорусскаго періода исторіи Черниговской губерніи. Участникамъ предпринятой работы сразу же пришлось встрѣтиться съ массой затрудненій, присущихъ вообще историко-географическимъ изысканіямъ и въ частности усугублявшихся спеціальными историческими условіями жизни Черниговщины. Постоянные переходы этой области отъ одного политическаго центра къ другому обусловливали разнообразіе подлежащаго изученію матеріала и до безконечности расширяли его объемъ, а политическія судьбы ея населенія въ значительной степени были причиной утраты литературныхъ и документальныхъ памятниковъ древнѣйшаго прошлаго. Всѣ эти обстоятельства должны были затягивать работу. Неожиданная смерть А. М. Лазаревскаго, малое количество изданнаго матеріала для литовскаго періода исторіи Сѣверской земли, — заставили отложить составленіе историческихъ картъ литовскаго и малорусскаго періодовъ на неопредѣленное время.

Историческая карта Черниговской губерніи отъ древнѣйшихъ временъ до 1300 года выпала на мою долю. Составленіе ея стоило мнѣ огромнаго труда. Вполнѣ вѣренъ взглядъ, высказанный нашимъ уважаемымъ коллегой, Д. И. Багалѣемъ, относительно историко-географическихъ изысканій: „что ни городъ то вопросъ, что ни названіе, то и задача“. Я совершенно не придаю окончательнаго значенія составленной мною картѣ и произведеннымъ для нея историко-географическимъ розысканіямъ: это есть лишь первый опытъ, подлежащій усовершенствованію по мѣрѣ открытія новыхъ матеріаловъ, хотя для древнѣйшаго періода русской исторіи это и очень сомнительно, и благодаря указаніямъ мѣстныхъ знающихъ людей, которыхъ можетъ заинтересовать эта карта, и очень желательно было бы, чтобы мѣстныя интеллигентныя силы своими сообщеніями пришли на помощь людямъ науки. Важно было положить начало новому, полному, пересмотру историко-географическихъ вопросовъ, и мы думаемъ, что теперь,

когда карта передъ глазами, она можетъ вызвать цѣлый рядъ новыхъ, цѣнныхъ для науки соображеній и появленіе новыхъ данныхъ, — и этимъ она окажетъ огромную услугу русской исторической наукѣ. Мы надѣемся еще и на другое. По всѣмъ вопросамъ нами произведено *самостоятельное* изслѣдованіе, приводившее насъ или къ принятію какого-либо существующаго мнѣнія, или къ новому рѣшенію. Съ нашимъ методомъ изслѣдованія интересующіеся познакомятся въ нашемъ „Объяснительномъ Словарѣ“. Нашъ трудъ мы считали бы вполне вознагражденнымъ, если бы въ русской исторической наукѣ навсегда прекратилъ свое существованіе тотъ антинаучный методъ, въ основахъ котораго лежатъ такія сближенія, какъ Русотинъ—Ряботинъ, Нѣжатинъ — Нѣжинъ и т. п...

На нашей картѣ мы не позволили себѣ проводить никакихъ границъ, считая, что мы можемъ отмѣчать на ней только то, что считаемъ, такъ или иначе, точнымъ.

Въ этомъ случаѣ лучше сказать: „мы не знаемъ“, чѣмъ проводить бесполезныя, по неточности, для науки, фантастическія линіи. Только на югѣ рѣшились мы обозначить рядъ городищъ, несомнѣнно существующихъ, которыя до нѣкоторой степени могутъ указывать направленія черниговско-перемышльско-печенѣжской границы. Всѣ городища взяты нами изъ извѣстнаго труда г. Самоквасова, кромѣ городища Рожны (см. Носово), недалеко отъ р. Десны, указаннаго намъ покойнымъ А. В. Половцовымъ и городища у Русанова на р. Трубежѣ, вблизи Носова, которое указано намъ І. А. Погенополемъ.

Въ нашемъ объяснительномъ словарѣ и на нашей картѣ нѣтъ слѣдующихъ населенныхъ пунктовъ и по слѣдующимъ причинамъ:

Варина, Растовца, Неятина, потому, что мѣстонахожденіе ихъ *на правой*, сторонѣ Днѣпра указано гораздо раньше (Голубовскій, Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 81, 140, 145; Грушевскій, Очеркъ исторіи кievской земли, 37, 38).

Зартыя потому, что онъ долженъ былъ находиться уже на территоріи Курской губерніи, какъ показали мы въ особой статьѣ (въ Ж. М. Н. Пр.).

Села Турова потому что, по извѣстію лѣтописи, оно несомнѣнно было уже за предѣлами Черниговской губерніи.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ КАРТѢ.

1. **Березый.** Подъ 1152 г. въ Ипатьевской лѣтописи находимъ, что Юрій Суздальскій былъ въ Глуховѣ „и оттуду поиде къ *Березому* и яко ста у Свины с Половцы у субботу, а заутра в недѣлю не хотя ити городу (Чернигову), но ста у Гуричева“ (314). Это извѣстіе дополняется разсказомъ о томъ же событіи Лаврентьевской лѣтописи: „и здумавши вси, поидоша (изъ Глухова) къ Чернигову (Юрій и его союзники) и перешедше Сновъ и стаха у Гуричева близъ города, перешедше Канинъ, бѣ же тогда день недѣльный, тѣмже не идоша к городу“ (320-321). — Юрій съ союзниками перешли рр. Сновъ и Свинь. На это указываетъ и ихъ обратный путь: „князи-же... поидоша отъ Чернигова и идоша за Свинь, та за Сновъ“ (Ипатьев. Лѣт., 315). Сопоставляя эти извѣстія, мы видимъ, что Юрій переходилъ изъ Глухова къ Чернигову, Сновъ и Свинь (по Ипатьев. лѣтописи) и Сновъ и Канинъ (по

Лаврентьев. лѣтописи), откуда очевидно, что Свинь и Канинъ одна и та же рѣка. Названіе „Канинъ“ теперь утерялось, а осталось лишь имя Свинь. Эта рѣчка образуетъ болото Замглай и впадаетъ въ Десну. Существуютъ три мнѣнія по вопросу мѣстонахожденія *Березаго*: 1) его отождествляютъ съ селомъ Березанкой Черниговскаго уѣзда между р. Свинью и Черниговомъ 2) — съ Березной, заштатнымъ городомъ Черниговской губерніи, на ручьѣ Гайстровый Струй и 3) отдѣляютъ *Березый*, упоминаемый подъ 1152 годомъ, отъ *Березаго*, о которомъ говорится подъ 1156 годомъ (Барсовъ, Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, 6). Мы всецѣло присоединяемся къ мнѣнію второму, признавая въ нынѣшней Березнѣ древній городъ *Березый*. Къ такому выводу приводитъ насъ какъ сопоставленіе топографическихъ данныхъ, такъ и соображенія политическихъ событій того времени, *которыя также должны приниматься во вниманіе и при рѣшеніи историко-географическихъ вопросовъ*. Вотъ что мы находимъ въ лѣтописи подъ 1156 годомъ:... „бѣжа Володимиричъ, сыновець Изяславль изъ *Березаго* во Вщижъ и зая у него всѣ города Подесненскія, Всеволожь, не створивъ извѣта хрестьному цѣлованію къ стрыви своему, и яся по Ростислава по Смоленскаго князя, и отъ строя отступивъ; и приде къ нему Мстиславичъ и Стародуба въ засаду“ (Ипатьев. лѣт., 333). Въ 1152 году была такая группировка князей: Изяславъ Мстиславичъ и братъ его, Ростиславъ, были въ союзѣ съ черниговскимъ княземъ, Изяславомъ Давидовичемъ, и его племянникомъ, Святославомъ Владиміровичемъ, а Юрій Суздальскій дѣйствовалъ заодно съ Святославомъ Ольговичемъ Новгородсѣверскимъ. Въ 1156 году является иная политическая комбинація: въ соединеніи съ Юріемъ Суздальскимъ является и Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, слѣдовательно, къ Юрію же долженъ былъ примкнуть за своимъ дядей и Святославъ Владиміровичъ. Но оказывается изъ только-что приведеннаго мѣста лѣтописи, что онъ не захотѣлъ измѣнить старому крестному цѣлованію — союзу съ Изяславомъ и Ростиславомъ Мстиславичами и потому отложился отъ своего дяди, Изяслава Давидовича, и отдался подѣ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго. Такимъ образомъ, въ 1152 г. Святославъ Владиміровичъ былъ въ союзѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ и въ согласіи съ своимъ дядей, Изяславомъ Черниговскимъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется движеніе Юрія Суздальскаго изъ Глухова прежде всего къ *Березому*, гдѣ сидѣлъ Святославъ Владиміровичъ, какъ удѣльный князь, чтобы раздѣлаться неожиданнымъ нападеніемъ съ однимъ изъ союзниковъ (враговъ). Зная причину движенія Юрія къ *Березому*, мы уже не можемъ отдѣлать этотъ *Березый* отъ того, въ которомъ сидѣлъ Святославъ Владиміровичъ и въ 1156 году. А что въ 1156 г. онъ сидѣлъ въ *Березомѣ*, это доказывается не однимъ указаніемъ лѣтописи, что онъ *оттуда* бѣжалъ, чтобы захватить Подесненскіе города, а доказывается и тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что онъ сидитъ въ *Березомѣ* и послѣ совершенія своего смѣлаго предпріятія. Вслѣдъ за рассказомъ о захватѣ Святославомъ Владиміровичемъ Подесненскихъ городовъ лѣтописецъ сообщаетъ: „пойде Гюрги, пойма съ собою Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича къ Зарубу на снемъ съ Половцы, и с ними миръ створи. И бысть ихъ многое множество. Изяславъ же (Давидовичъ) пойма я и ѣха с ними к *Березому* на сыновца своего

на Святослава Владиміріча“ (Ипатьев. Лѣт., 333). Чтобы наказать Святослава Владиміровича за захватъ Подесенскихъ городовъ, чтобы заставить его отстать отъ союза съ Мстиславичами, надо было идти туда, гдѣ онъ сидѣлъ, а не туда, гдѣ его не было. Слѣдовательно, *Березый*—это удѣльный княжескій городъ, въ которомъ и въ 1152 году и въ 1156 имѣеть мѣстопробываніе постоянно Березенскій удѣльный князь Святославъ Владиміровичъ. Если же это такъ, то нѣтъ возможности прикрѣплять этотъ удѣльный городъ къ селу Березанкѣ, которое отстоитъ отъ Чернигова всего въ 12 верстахъ. Это было бы для Святослава Владиміровича не владѣніе удѣломъ, а поддѣрестное состояніе. Дѣло же тутъ состояло совсѣмъ не въ такомъ положеніи, а въ томъ, что Святославъ Владиміровичъ, получивъ отъ Изяслава Давидовича Березенскій удѣлъ, былъ имъ, вполнѣ основательно, недоволенъ и имѣлъ на это право. Я позволю себѣ напомнить, что Сѣверская земля разбивалась на двѣ половины, на два главныхъ удѣла—Черниговскій и Новгородсѣверскій. Черниговскій большой удѣлъ состоялъ въ свою очередь изъ двухъ большихъ удѣловъ—Черниговскаго и Стародубскаго, къ которому принадлежали Подесенскіе города, а подъ послѣдними разумѣлись города верхняго теченія Десны. При жизни обоихъ братьевъ Давидовичей, мы и видимъ одного изъ нихъ въ Черниговѣ, а другого въ Стародубѣ (см. хотя бы Ипатьев. Лѣт., 242).

Когда, въ 1151 году, Владиміръ Давидовичъ былъ убитъ, то Изяславъ Давидовичъ занялъ Черниговъ (Ипатьев. Лѣт., 304). Теперь, по праву, Стародубскій удѣлъ долженъ былъ перейти Святославу Владиміровичу, но Изяславъ Давидовичъ удержалъ и Стародубъ въ своихъ рукахъ, а Святославу Владиміровичу далъ только *Березый*, какъ удѣлъ. Что тутъ именно въ этомъ дѣло, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Святославъ Владиміровичъ уговорилъ Ростислава Смоленскаго занять своими войсками Стародубъ, а затѣмъ отрядъ этихъ войскъ явился и въ *Березый* въ качествѣ гарнизона (Ипатьев. Лѣт., 333).—Несообразность при допущеніи, что *Березый* есть село Березанка около Чернигова, заключается еще и въ слѣдующемъ. Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы Изяславъ Давидовичъ въ Черниговѣ, въ 12 верстахъ, не узналъ во-время, что происходитъ въ Березанкѣ, что князь оттуда бѣжалъ, сталъ-бы ждать пока въ Березанку явятся Смольняне, а не занялъ бы Березанку черниговскимъ гарнизономъ,—это съ одной стороны, а съ другой—и Святославъ Владиміровичъ не могъ быть настолько наивенъ, чтобы при разстояніи въ 12 верстъ допустить возможность полнаго скрытія своихъ дѣйствій до полнаго ихъ совершенія, при чемъ онъ даже: возвращается назадъ, въ самыя руки Черниговскаго князя: незначительныя силы Смольнянъ, какъ гарнизона, не могли гарантировать ему безопасный вѣздъ на мѣсто жительства. Само собой является предположеніе, что удѣльный городъ Святослава Владиміровича былъ достаточно укрѣпленъ имъ, на что онъ и надѣется, уѣзжая изъ него и возвращаясь въ него. Въ городѣ Березнѣ до сихъ поръ сохранилось древнее городище (Самоквасовъ; Города, Приложение, 22). Его-то мы и признаемъ остаткомъ древняго города *Березаго*.—Возвращаясь послѣ всѣхъ этихъ соображеній къ извѣстіямъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 годомъ, мы должны сказать, что Лаврентьевская лѣтопись выражается точ-

нѣе, когда говорить, что Юрій на пути къ Чернигову перешелъ рѣки Сновъ и Канинъ (Свинь) и въ воскресенье остановился у Гюричева, не упоминая совершенно объ остановкѣ у *Березаго*, которой и въ дѣйствительности не было. Ипатьевская лѣтопись, указавъ просто направленіе похода изъ Глухова къ Чернигову на *Березыи*, не хотѣла сказать, что остановка была у этого города, а у р. Свини, но оборотомъ рѣчи, довольно неправильнымъ, ввела въ заблужденіе изслѣдователей: она не хотѣла сказать, что *Березыи* былъ у Свини, а только что изъ Глухова шли въ направленіи *Березаго*, а не къ *Березому*, въ субботу стали у Свиня (Канина), тогда же перешли черезъ него и въ воскресенье остановились у Гюричева. Никакой остановки у *Березаго* не было и съ р. Свинью онъ совсѣмъ не связывается.

2. **Блестовитъ.** Въ 1151 г. Святославъ Ольговичъ находился въ Новгородѣ Сѣверскомъ, откуда по приглашенію Юрія Суздальскаго, „не дожда велика дни, но поиде въ понедѣльникъ святой (чт.: страстной) недѣль, а во вторникъ родися у него сынъ...; великъ же день дѣя въ *Блестовитъ* и оттуда поиде Чернигову“ (Ипатьев. Лѣт., 292). Въ этомъ извѣстїи описки „святой“ вмѣсто „страстной“ видна ясно: если Святославъ не хотѣлъ ожидать Свѣтлаго Воскресенія въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а торопился выйти раньше этого праздника, если затѣмъ встрѣтилъ этотъ праздникъ уже въ *Блестовитъ*, то само собой разумѣется вышелъ онъ изъ Новгорода Сѣверскаго въ понедѣльникъ Страстной недѣли. Слѣдовательно, отъ Новгорода Сѣверскаго до *Блестовита* Святославъ двигался шесть дней. Отсюда само собой вытекаетъ, что лѣтописный *Блестовитъ* не можетъ быть приурочиваемъ къ селу Блестовиту Кролевецкаго уѣзда, которое отстоитъ отъ Новгорода Сѣверскаго всего на разстояніи 30 в. Слѣдовательно, *Блестовитъ* находился гдѣ-то дальше на пути отъ Новгорода Сѣверскаго къ Чернигову. Этому вполне и соответствуетъ село Блистово Сосницкаго уѣзда на р. Пулькѣ. Что это поселеніе древнее доказывается существованіемъ его еще въ XV ст., т.-е. до перехода Сѣверской земли подъ власть Московскаго государства, такъ какъ въ Описаніи границъ между Московскимъ и Литовскимъ государствами, составленномъ въ самомъ началѣ XVI в., упоминается „село *Блистовичи*—городовое (города Чернигова), уверхъ по Деснѣ, домовъ 30“ (Документы Москов. Архива Минист. Юстиціи, I, 64, 66). Въ этомъ „Описаніи“ *Блистовичи* стоятъ рядомъ съ селомъ Ушно, существующимъ и до настоящаго времени, что окончательно опредѣляетъ мѣстонахожденіе *Блестовита*.

3. **Боловесь.** Обыкновенно *Боловесь* признаютъ селомъ (Барсовъ, словарь, 10—11; Арцыбашевъ, повѣствованіе о Россіи, I, 148, прим. 905; Багалъй, Исторія Сѣверской земли, 151). Мы положительно не видимъ возможности въ лѣтописномъ *Боловесь* или *Боловось* видѣть село. Возьмемъ извѣстія лѣтописи. 1148 г.: „Изяславъ-же ту стоя и поьяже вся села ихъ оліи и до *Боловеса*“ (Ипатьев. лѣт., 254). Если бы здѣсь *Боловось* было село, то спрашивается, почему Изяславъ, сжегши всѣ села, не сжегъ его, а сказано прямо, что онъ сжегъ все до этого именно мѣста. Проще поэтому видѣть здѣсь рѣку *Боловесь* (нынѣ Бѣлоусъ): Изяславъ сжегъ всѣ села вплоть до р. *Боловеси*. 1152 г.: „Вячеславъ-же и Изяславъ пришедша стана на *Боловесь*...“ (Ibidem, 315). Если бы здѣсь разумѣлось село, то не могло быть сказано „на *Боловеси*“, а быть бы

употребленъ мѣстный падежъ: „сташа *Боловеси*“ или: „у *Боловеси*“. 1154 г.: „...и выидоша ко *Боловесу* противу имъ; стрѣльцемъ-же стрѣляющимся о *рѣку*...“ (Ibidem, 327). Мы думаемъ, что лѣтопись во всѣхъ этихъ случаяхъ говоритъ о рѣкѣ *Боловесь*. Вторая половина слова „весь“ не должна вводить насъ въ заблужденіе. Названіе рѣкѣ съ такимъ окончаніемъ встрѣчается. Такъ напр. на рубежѣ Полоцкаго повѣта въ XVI в. мы находимъ рѣчку *Дунавесь* и озеро *Дунавесь* (Пицовыя книги Москов. государства XVI в., ч. I, 425). Мы читаемъ въ грамотѣ литовскаго князя Александра: „тетка его (князя Петра Михайловича Масальскаго) взяла его за сына и записала ему имѣнія мужа своего въ Черниговскомъ повѣтѣ, на имя: Слободку, а Шерепье, а Зарудье, а селцо на *Боловесь*“ (Акты Метрики Литовской, I, № 223). „Сельцо на *Боловесь*“ не значитъ „сельцо *Боловесь*“. Но можетъ быть, отсюда ведетъ свое начало нынѣшнее село Старый Бѣлоусъ, хотя приведенный актъ не говоритъ еще, что сельцо на *Боловесь* называлось *Боловесь*. По р. Боловесю (Бѣлоусу) и теперь есть нѣсколько сель. Между прочимъ, у села Гущина (или Гучина) есть городище (Самоквасовъ, Города, приложенія, 21; Списки населен. мѣсть Черниг. губерніи, № 71). Можетъ-быть, оно и есть остатокъ сельца на *Боловесь XV в.*; можетъ-быть, оно есть остатокъ одного изъ сель, существовавшихъ на р. *Боловесь* въ до-татарскій періодъ, — но отсюда еще нельзя никакъ сдѣлать вывода о существованіи на р. *Боловесь* села того же имени до 1300 г.

4. **Бохмачь.** Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской лѣтописи рассказывается, что Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ, Ростиславомъ, взяли городъ Всеволожь и „слышавше инии гради Уненѣжь, Бѣловежа, *Бохмачь*, оже Всеволожь взять, и побѣгоша Чернигову“ (Ипатьев. лѣтоп., 252). Это древнее поселеніе существуетъ и теперь съ именемъ *Бахмачь*, представляя изъ себя въ настоящее время мѣстечко Копотопскаго уѣзда, при р. Борзиѣ (Списки насел. мѣсть Черниг. губ., 1352; Барсовъ, Словарь, 13).

5. **Бѣлая Вежа.** Въ 1147 году „...слышавше инии гради, Уненѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь оже Всеволожь взять, и побѣгоша Чернигову... Слышавъ же Глѣбъльци, оже Уненѣжь и Бохмачь, и *Бѣлавежу* (сожегоша) и не утягли убѣжати“ (Ипатьев. лѣтопись, 252). Изъ приведенныхъ мѣсть лѣтописи видно, что *Бѣлая Вежа* должна была находиться въ сторонѣ Бохмача. Теперь около нѣмецкой колоніи *Бѣловежи*, Борзенскаго уѣзда, въ народѣ называемой Белемешъ, существуетъ большое городище, которое обозначено три раза еще въ Книгѣ Большого Чертежа (стр. 86, 94, 95). Оно принимается основательно за остатки древняго города *Бѣлой Вежи* (Барсовъ, Словарь, 18; Самоквасовъ, Города, Приложеніе, 25; Списки населен. мѣсть Черниг. губерніи, 22).

6. **Ворголь.** Воскресенская лѣтопись подъ 1283 годомъ рассказываетъ о насиліяхъ татарскаго баскака Ахмата: „Еще-же къ тому сотвори (Ахматъ) двѣ свободы во отчинѣ Олга князя Рыльского и *Ворголекаго* (Ворлогскаго)...“ (П. С. Р. Л., VII, 178). Далѣе: „...и насиліе творяху христіаномъ, сущимъ Курекія области, около *Ворлога* и около Курска пусто сотвориша...“ (Ibidem). Изъ этихъ мѣсть лѣтописи мы ясно видимъ, что: 1) городъ *Ворголь* съ городомъ Рыльскомъ составляли одинъ удѣль, слѣдовательно,

должны были находиться не особенно далеко другъ отъ друга, 2) это удѣльное княжество Воргольско-Рыльское составляло часть княженія Курскаго. Поэтому, нѣтъ никакой возможности отождествлять *Ворголь* съ одноименнымъ селомъ Елецкаго уѣзда Орловской губерніи на р. Ворголь, впадающей въ р. Сосну (Барсовъ, Словарь, 40), потому что въ такомъ случаѣ два города *Ворголь* и Рыльскъ, одного и того же удѣла оказались бы на противоположныхъ концахъ Курскаго княженія и на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, чего, конечно, быть не могло. *Ворголь* долженъ лежать гдѣ-то въ западной части Курскаго княженія, такъ какъ въ западной части его лежитъ и Рыльскъ. Отыскивая *Ворголь* въ этомъ направленіи, мы должны согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ архіепископомъ Филаретомъ, а за нимъ Зотовымъ и Лазаревскимъ, что древній *Ворголь* по мѣсту своего нахождения соотвѣтствуетъ нынѣшнему селу *Ворголу* Глуховскаго уѣзда, на р. Ворглѣ, впадающей въ рѣку Клевень (Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ, 200; Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, II, 458; Списки населен. мѣсть Черниг. губерніи, 30). Собственно, древній *Ворголь* находился, очевидно, на мѣстѣ бывшаго городища, сохранившагося на дачахъ села *Воргола*, въ двухъ верстахъ отъ него, на возвышенномъ мысѣ надъ лугами р. Клевени (Самоквасовъ, op. cit., Приложенія, 7). Сообщение Воскресенской лѣтописи, что Святославъ, когда татары осадили 13 января *Ворголь*, „бѣжа въ лѣсы Воронежскіе“ (П. С. Рус. Л. VII, 177), нисколько не противорѣчитъ сдѣланному выше прикрѣпленію *Воргола*. Никоновская лѣтопись, не знавшая никакого другого Воронежа, кромѣ Рязанскаго, добавила, Святославъ „побѣжа въ Резань“ (П. С. Р. Л., X, 163), чего въ Воскресенской лѣтописи нѣтъ, и понятно, почему. Слободы, какъ мы видѣли, были построены въ Рыльскомъ удѣлѣ, и вотъ что мы находимъ еще въ Воскресенской лѣтописи: два бесерменина ѣхали изъ слободы въ слободу, а „Святославъ удари на нихъ разбоемъ“ (изъ Воронежскихъ лѣсовъ (П. С. Р. Л., VII, 178). Спрашивается, какимъ образомъ могъ Святославъ сдѣлать нападеніе изъ рязанскихъ воронежскихъ лѣсовъ на ѣхавшихъ изъ слободы въ слободу въ Рыльскомъ удѣлѣ? Очевидно, эти воронежскіе лѣса находились также въ Рыльскомъ уѣздѣ. На нѣкогда бывшее ихъ существованіе именно въ этомъ удѣлѣ и недалеко отъ намѣченнаго мѣстонахожденія *Воргола* указываетъ названіе *Воронежъ*, принадлежащее мѣстечку Глуховскаго уѣзда, къ сѣверу отъ *Воргола*. Вотъ тутъ и простирались тѣ воронежскіе лѣса, куда бѣжалъ Святославъ, и отъ которыхъ теперь сохранилось только, кажется, одно имя „Воронежъ“, но они существовали еще не очень давно въ большомъ количествѣ (Лазаревскій, op. cit., II, 48)*).

7. **Воробейна.** Въ 1160 году Изяславъ Давидовичъ былъ въ городѣ Вырѣ (на его городищѣ выстроено Бѣлополье, см. нашу „Исторію южно-русскихъ степей“, 92), „и придоша (къ нему) Половцы мнози, и иде с ними к *Воробейнѣ* и к Росусѣ; и тудѣ повоевавъ, иде къ сыновцю своему ко Вщижю“ (Ипатьевск. лѣтоп., 348). Отсюда мы можемъ только заключить, что *Воробейна* находилась гдѣ-то на дорогѣ отъ города

*) Въ Трудахъ XI Археол. Съѣзда помѣщенъ рефератъ г. Бунина: „Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголь?“ Что касается *Воргола*, то доводы почтеннаго ученаго намъ кажутся неубѣдительными, а потому мы позволяемъ себѣ остаться при прежнемъ мнѣніи.

Выря (на югѣ) къ городу Вщижу (на сѣверѣ). Болѣе точное опредѣленіе даетъ другое мѣсто лѣтописи подѣ 1147 годомъ: Святославъ Ольговичъ, надвигаясь съ сѣвера, „заемъ вси Вятичи и до Брянскъ, и до *Воробейны*, Подесенье, Домагощъ и Мценскъ“ (Ibidem, 242). Такимъ образомъ, *Воробейна* находилась гдѣ-то въ области верхней Десны, въ группѣ городовъ Сѣверской земли на границѣ съ землей Вятичей. Эти указанія даютъ право прикрѣпить *Воробейну* къ селу *Воробейны* Мглинскаго уѣзда, на р. Теремхѣ. Тутъ сохранилось древнее городище (Самоквасовъ, op. cit., Приложенія, 14). Его мы и признаемъ остаткомъ древняго города *Воробейны*.

8. **Всеволожь.** Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ и братъ его Ростиславъ отъ границъ Переяславскаго княжества пошли наперерѣзъ Черниговскимъ князьямъ, которые находились въ области верхняго теченія Сулы, около городовъ Выря, Выханя и Попаша, и оттуда двинулись къ Чернигову, на городъ Глѣбль. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ и Ростиславъ „пойдоша имъ переку, не перестигоша ихъ до *Всеволожа*, уже бо бѣ Изяславъ Давидовичъ (и его союзники) ушли бяху мимо *Всеволожь*“... (Ипатьев. лѣт., 251—252). Изъ этихъ извѣстій обнаруживается, что городъ *Всеволожь* находился на дорогѣ отъ Чернигова къ городу Вырю, т.-е. въ юго-восточномъ направленіи отъ Чернигова. Затѣмъ Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи взяли *Всеволожь* штурмомъ и пошли по прямому направленію дальше. Послѣ этого событія „слышавше инѣ гради, Уненѣжь, Бѣловежа, Бохмачъ, оже *Всеволожь* взять, и побѣгоша Чернигову“... (ibidem). Такимъ образомъ, *Всеволожь* долженъ былъ находиться между Черниговомъ и городами Бохмачемъ и Бѣлой Вежей. Что послѣдніе лежали далѣе за *Всеволожемъ*, въ юго-восточномъ направленіи, явствуетъ изъ хода событій: жители Бохмача и Бѣлой Вежи бѣжали потому, что Мстиславичи отъ *Всеволожа*, послѣ его взятія, направлялись къ этимъ городамъ. Мстиславичи и пришли затѣмъ къ нимъ и „Изяславъ повелѣ зажечи грады ты“... (ib., 252). Какъ разъ по прямому направленію отъ Чернигова, на юго-востокъ къ Бохмачу и Бѣлой Вежѣ, ближе къ послѣднимъ, находится село *Сиволожь*, Борзенскаго уѣзда, при р. Загоровкѣ (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 23). Въ первой четверти XVII ст. въ польскихъ актахъ упоминается „*городище Зейволожь*“, ясно искаженное „*Всеволожь*“, на мѣстѣ нынѣшняго села Сиволожа (Лазаревскій, op. cit., II, 122, 125). Древнее городище существуетъ у села Сиволожа и въ настоящее время (Самоквасовъ, op. cit., Приложенія, 25). Всѣ приведенныя нами выше соображенія и указанныя данныя приводятъ насъ къ помѣщенію древняго города *Всеволожа* на мѣстѣ нынѣшняго села Сиволожа, которое удержало, хоть и въ исковерканномъ видѣ, древнее имя.

Существовалъ ли другой *Всеволожь*, кромѣ только-что опредѣленнаго? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ вполне отрицательно. *Всеволожь* былъ одинъ, на мѣстѣ нынѣшняго Сиволожа. Поводъ къ недоразумѣнію подали два извѣстія Ипатьевской лѣтописи: подѣ 1156 и 1159 годами. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы (см. *Бережый*): въ 1156 году Святославъ Владиміровичъ „зая у него (у Изяслава Давидовича) всѣ города Подесенскыя, *Всеволожь*“... (Ипатьев. лѣт., 333). На первый взглядъ кажется, будто и *Всеволожь* есть городъ Подесенскій. Другое извѣстіе слѣдующее: „Господи!—говоритъ Святославъ Ольговичъ,—вижь мое смиреніе, колико на ся поступахъ, не

хотя крови пролити хрестьянскии, отцины своея погубити, взяти Черниговъ съ 7 городъ пустыхъ, Моравиескъ, Любескъ, Оргощъ, *Всеволожь*, а въ нихъ сѣдятъ псареве же и Половци“... (ib., 343). Помѣщеніе рядомъ Оргоща и *Всеволожа* указываетъ будто бы и на ихъ дѣйствительное сосѣдство. Но лѣтописецъ не имѣлъ въ виду давать такого показанія.

Обратимся сначала къ первому извѣстію лѣтописи, подъ 1156 годомъ. Почему Святославъ Владиміровичъ захватилъ, кромѣ Подесенскихъ городовъ, еще и *Всеволожь* на югѣ? Потому, что послѣдній былъ очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ: чрезъ него шель для Черниговскихъ князей путь на юго-востокъ, въ степи, къ Половцамъ. Черезъ него двигаются князья въ 1147 году (см. выше); отсюда Изяславъ Мстиславичъ отряжаетъ сына своего Мстислава въ 1152 г. на Половцевъ (... и ставше у *Всеволожа*, и ту отряди Изяславъ сына Мстислава на Половцы съ полки своими“... (Ипатьев. лѣт., 316). *Всеволожь*—ключъ для сношеній Черниговскихъ князей съ Половцами. Поэтому-то Святославъ Владиміровичъ занялъ также и этотъ городъ, чтобы не допустить Изяслава Давидовича немедленно послать гонца къ Половцамъ, для дѣйствія противъ него, Святослава. Но не этого только достигалъ Святославъ Владиміровичъ занятіемъ *Всеволожа*: онъ самъ приобрѣталъ теперь возможность безъ помѣхи сноситься съ Половцами: вѣдь онъ былъ пасынокъ половецкаго хана Башкорда (Ипатьев. лѣт., 343). Таково значеніе захвата *Всеволожа* Святославомъ Владиміровичемъ, и лѣтописецъ понималъ важность этого факта и рѣзко выдвинулъ его въ своемъ сообщеніи подъ 1156 годомъ.

Уяснивъ себѣ этотъ фактъ, мы можемъ объяснить и извѣстіе лѣтописи подъ 1159 годомъ. Города, населенные Половцами, или у которыхъ были половецкія поселенія, названы такіе: Моравійскъ, Любечъ, Оргощъ, *Всеволожь*. Одно только помѣщеніе *Всеволожа* рядомъ съ Рьгощемъ (Оргощемъ) не доказываетъ ихъ непремѣннаго сосѣдства, или нахожденія въ одномъ направленіи. Посмотрѣвъ на карту, мы видимъ, что эти города съ половецкими поселеніями охватываютъ Черниговъ съ двухъ сторонъ: южной (Моравійскъ и *Всеволожь*) и сѣверо-западной (Любечъ, Оргощъ). Зная значеніе *Всеволожа*, мы должны признать вполне естественнымъ устройство въ немъ и около него военного половецкаго поселенія. Кромѣ того, оно прикрывало Черниговъ со стороны Переяславля. Такое же поселеніе было устроено со стороны Кіева и опять Переяславля, въ Моравійскѣ и два со стороны Смоленска, у Любеча и Оргоща. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ выше, гдѣ лѣтопись говоритъ о *Всеволожь*, это есть одинъ и тотъ же *Всеволожь*, въ юго-восточномъ направленіи отъ Чернигова.

9. **Глуховъ.** Упоминается въ первый разъ въ 1152 году. Юрій Суздальскій съ своими союзниками „поидоша на Вятичи, и тако взяша я, таже на Мценескъ, оттуда же идоша на Спашь, таже на *Глуховъ*, ту и сташа“ (Ипатьев. лѣт. 341). Въ настоящее время это уѣздный городъ Черниговской губерніи, при рр. Есмани и Березѣ (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 1).

10. **Глѣбль.** Въ 1147 г. Черниговскіе князья были въ городѣ Понашѣ, на р. Сулѣ (Ипатьев. лѣт., 251; см. карту). Отсюда они „поидоша на *Глѣбль* Чернигову“ (ib., 252)

Это извѣстіе показываетъ только, что городъ *Глѣбль* находился гдѣ-то между Черниговомъ (на юго-востокъ отъ него) и Попашемъ. Яснѣе представляется положеніе города *Глѣбля* изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи, съ которымъ мы уже встрѣчались. Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ Ростиславомъ двинулись къ Всеволожу, чтобы встрѣтиться съ князьями Черниговскими (см. *Всеволожь*; Ипатьев. лѣт., 252 и карта). Слѣдовательно, *Глѣбль* лежалъ за Всеволожемъ, дальше на юго-востокъ, между городомъ Попашемъ и Всеволожемъ. Далѣе въ лѣтописи говорится, что послѣ взятія Всеволожа войсками Мстиславичей, послѣдніи двинулись дальше, по прямому направленію, вслѣдствіе чего жителями городовъ Уненѣжа, Бѣлой Вежи, Бохмача „побѣгоша Чернигову“. Мстиславичи захватили бѣжавшихъ жителей этихъ городовъ, а самые города сожгли. „Слышавъ же *Глѣблицы*, оже Уненѣжъ, и Бохмачъ, и Бѣлувежю (сожгоша) и не утягли убѣжати. И тако Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, и то слыша, поидоста къ *Глѣблю*, ополчившеса поидоша къ граду полки и начаша битися“... (*ibidem*). Итакъ, Мстиславичи, послѣ сожженія Уненѣжа, Бохмача и Бѣлой Вежи, двинулись далѣе и напали затѣмъ на *Глѣбль*, жители котораго хотѣли убѣжати, но не успѣли. Слѣдовательно, *Глѣбль* лежалъ далѣе за сожженными городами, т.-е. другими словами, городъ *Глѣбль* находился гдѣ-то между сожженными городами и городомъ Попашемъ. Замѣтимъ, что, по разсказу лѣтописи, городъ *Глѣбль* былъ сильно укрѣпленъ: ему удалось выдержать штурмъ цѣлый день, и затѣмъ враги сняли осаду. Производя поиски въ направленіи отъ Бѣлой Вежи къ Попашу и принимая во вниманіе, что разстояніе между *Глѣблемъ* и Бѣлой Вежей не должно быть велико, такъ какъ жители *Глѣбля* не успѣли уйти, пока Мстиславичи двигались отъ Бѣлой Вежи, принимая все это во вниманіе, мы должны искать слѣды города *Глѣбля* въ какомъ-нибудь изъ городищъ, въ благоприятной для защиты мѣстности. Такое городище, дѣйствительно, и отыскивается. Мы присоединяемся къ мнѣнію, что древній *Глѣбль* совпадаетъ съ нынѣшнимъ Краснымъ Колядинымъ, Конотопскаго уѣзда (Лазаревскій, *op. cit.*, II, 310). Отъ древняго города *Глѣбля* осталось обширное городище, недавно описанное г. Ляскоронскимъ (Труды XI Археол. Съѣзда, II, 453—6). По всей вѣроятности, Гуляй-гора хранитъ въ своихъ нѣдрахъ развалины древняго храма Св. Бориса и Глѣба, упоминаемаго въ лѣтописи (Ипатьев. лѣт., 252).

11. **Городецъ.** Первый разъ упоминается подъ 1026 годомъ: „Ярославъ совокупи воя многи и приде Киеву, и створи миръ съ братомъ своимъ Мстиславомъ у *Городьца*“ (Ипатьев. лѣт., 104). Въ 1135 г. Всеволодъ Ольговичъ разорялъ села и города Переяславской волости, „даже до Кіева придоша и *Городецъ* зажгоша на святаго Андрѣя день, ѣздяху по оной сторонѣ Днѣпра... Ярополку бо бяше нѣлзѣ перевестися *крами* с воя своими, а они стоявше три дни за *Городьцемъ* въ бору, идоша Чернигову“ (*ibidem*, 213). Въ 1180 году, послѣ пораженія Половцевъ подъ Кіевомъ, у Долобскаго озера, Игорь... „с Концакомъ въскочиша в лодью, бѣжа на *Городецъ* къ Чернигову“ (*ib.*, 421). Всѣ приведенныя лѣтописныя извѣстія указываютъ, что *Городецъ* находился гдѣ-то на лѣвой сторонѣ Днѣпра, не особенно далеко отъ берега и противъ Кіева. Въ настоящее время остатками *Городца* является городище у села Вы-

гуровщины, къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, на лѣвомъ берегу р. Гнилуши, теперь почти не существующей, между этой рѣчкой и боркомъ, который, какъ мы видѣли, также упоминается въ извѣстнй лѣтописи подь 1135 г. (См. изслѣдованіе Гошкевича: „Замокъ князя Симеона Одельковича и лѣтописный Городецъ подь Кіевомъ“, Кіевъ, 1890 г.; село Выгуровщина, Остер. уѣзда, при Черторыѣ, — Списки населен. мѣств Чернигов. губерніи, 2781). По всей вѣроятности, этотъ самый *Городецъ* слѣдуетъ разумѣть и въ сообщеніи лѣтописи подь 1238 годомъ: „Меньгуканови же пришедшу сгядаты града Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра во градъка Писочнаго, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его“ (Ипатьев. лѣт., 520—521). Видѣ на Кіевѣ съ валовъ *Городка*, дѣйствительно, величественный.

12. **Гостничи.** Необходимо прослѣдить весь рассказъ лѣтописи подь 1160 годомъ, чтобы выяснитъ положеніе этого населеннаго пункта. Вотъ что находимъ въ лѣтописи: ... „придоша Половци мнози ко Изяславу Давидовичю къ *Выреви*, и поиде Изяславъ к Чернигову съ *всею силою Половецкою* на Святослава на Олговича; и сташа *подль Десну по Крырову оми до Устья, а внизъ до Стоянничъ*. И бяхуться съ ними о *рѣку о Десну* крѣпко они на конихъ, а инши въ насадехъ ѣздяче, и не пустиша *черезъ рѣку*; и стоявшє велику пакость створиша, села пожгоша, люди повоеваша“... Осажденные послали въ Кіевъ просить помощи у Ростислава. „Изяславъ же с Половци отѣхаша въ поле; си же пришедши и не обрѣтоша его, бродишася по немъ *за Десну*. Святослава оба и Рюрикъ и ходивше за днище не обрѣтоша его, возвратишася каждо въ свояси“... (Ипатьев. лѣт., 346—347). Первое, что вытекаетъ изъ приведеннаго рассказа,—это, что Изяславъ Давидовичъ подошелъ къ Чернигову съ юго-востока отъ Выря, очевидно, обыденной дорогой—Вырь, Бѣлая Вежа, Всеволожь. Изъ указаній лѣтописи, что Изяславъ сталъ „*подле Десну*“ (такъ и Воскресенской лѣт. П. С. Р. Л., VII, 71 и Никоновской лѣт., изд. 1768 г., II, 167), что Черниговцы „бяхуться с ними о *рѣку*... и не пустиша ѣ *черезъ рѣку*“, видно, что Изяславъ и Половцы не могли перебраться этотъ разъ черезъ Десну, стало быть стояли все время по лѣвую сторону р. Десны, а отсюда слѣдуетъ, что и мѣстность *Крыровъ* (Крыловъ, у Карамзина, И. Г. Р., II, пр. 396) лежала по лѣвую же сторону Десны, такъ какъ прямо сказано, что Изяславъ съ Половцами расположились по *Крырову* (Крылову). Слѣдовательно и искать *Крыровъ* слѣдуетъ у Десны же, по ея лѣвую сторону, на лѣвомъ берегу.

Изяславъ отступилъ въ поле; князья, какъ видимъ, погнались за нимъ, не нашли, разѣхались; тогда пріятели Изяслава изъ Чернигова дали ему объ этомъ знать. Изяславъ быстро двинулся къ Чернигову „и, приѣхавъ къ Деснѣ противу *Сотниковичемъ* и в зорѣ *переправи* полци своя *черезъ Десну*. И бысть вѣсть Святославу, оже Изяславъ бродится *черезъ Десну*, а Половци воюють и *стлце Святого Спаса* зажгоша“ (Ипатьев. лѣт., 347). Изъ сопоставленія этихъ приведенныхъ кусковъ лѣтописи явствуеть, что неудача переправы черезъ Десну первый разъ произошла оттого, что дѣло происходило передъ самымъ Черниговомъ, вдоль его: воины въ насадахъ ѣздили по рѣкѣ и мѣшали непріятелю перевозиться или переплывать на коняхъ. Эта попытка переправы подь самымъ городомъ является тактической ошибкой, которая можетъ

объясняться лишь надеждой Изяслава Давидовича захватить Черниговъ врасплохъ, что, однако же, не оправдалось. Потерпѣвъ неудачу подь самымъ городомъ, Изяславъ второй разъ бросился черезъ Десну вдали отъ города, гдѣ ему никто не могъ оказать сопротивленія: опять съ юго-востока онъ перебродился черезъ Десну выше города, у *Свѣнковичей*. Вполнѣ основательно отождествляютъ Свѣнковичи съ селомъ Свинь (Свѣнь), находящемся при устьѣ р. Свини. Мы знаемъ изъ позднѣйшихъ источниковъ, что тутъ, при впаденіи р. Свини въ Десну, дѣйствительно, былъ бродъ, называвшійся „Свиньская переволока“ (см. Описание границъ земель города Чернигова конца XVII в. у Маркевича: „Черниговъ“ 129). Удачная переправа вдали отъ города, выводила Изяслава на ту же самую дорогу, по которой производились нападенія на Черниговъ и въ 1078, и въ 1152 г. (при Юріи Долгорукомъ), т.-е. Свинь (онъ же Канинь), Боричевъ (Бобровица, см. далѣе), сельце Св. Спаса (онъ же Семень, см. ниже) и р. Стрижень, протекавшей у самыхъ валовъ Чернигова. Этой обыденной дорогой, по которой двигались Олегъ, Юрій, которая вела къ слабой части города, не была избрана Изяславомъ сразу, очевидно, только по увѣренности его въ неприготовленности Чернигова. Черниговъ взять, какъ говорится, „въ лобъ“, со стороны Десны было невозможно. Правда, Изяславъ и вторично потерпѣлъ неудачу, но это благодаря уже своей медлительности и быстротѣ появленія союзниковъ Святослава Ольговича со стороны Кіева. Итакъ, изъ хода фактовъ, намъ кажется совершенно яснымъ, что *Свѣнковичи* есть село Свинь, „противу“ котораго перебродилъ Изяславъ Давидовичъ съ Половцами черезъ „Свиньскую переволоку“.

Обратимся теперь къ *Крырову* и Гостоняничамъ или Гостничамъ. Припомнимъ опять, что мѣстность *Крыровъ* должна была находиться *по лѣвую сторону р. Десны*. Лѣтопись отмѣчаетъ, что Изяславъ явился „со всею силою Половецкою“, т.-е., что силы его были огромны. Эти силы и растянулись *вдоль берега Десны*, одновременно стараясь переправиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Огромность занятого врагами пространства лѣтопись отмѣчаетъ еще выраженіемъ „оли“, а не просто „до“: „оли до“— „даже до“, „ажъ до“, что указываетъ на значительное протяженіе *Крырова*. Что такое *Крыровъ*? Разберемъ выраженіе лѣтописи: „сташа по *Крырову* оли до устья а внизъ до Стопяничъ“. Пишущій желаетъ опредѣлить крайнія точки полосы, занятой врагами, точку направо и точку налѣво. Одна точка обозначена такъ: „по *Крырову* до устья“, другая— „а внизъ до Стопяничъ“, одна точка—устье, другая Стопяничи. Лѣтопись ясно указываетъ, что бой происходилъ все время на Деснѣ, на ея берегу и на водѣ. „Сташа по *Крырову* до устья“, очевидно, этого самого *Крырова*, потому, что разумѣть здѣсь устье Десны невозможно. Отсюда слѣдуетъ, что *Крыровъ* это — какая то рѣчка или притокъ Десны, съ ней соединяющійся и находящійся по лѣвому ея берегу, а устье—мѣсто сліянія этой рѣчки или притока съ Десной. Точно указать въ настоящее время этотъ притокъ или рѣчку нѣтъ возможности, такъ какъ за столѣтія значительно могло измѣниться расположеніе придесенскихъ водъ—притоковъ, озеръ. Можно, кажется, ориентироваться такимъ соображеніемъ, чтобы до нѣкоторой степени приблизиться къ рѣшенію вопроса: непріятелю надо было захватить перевозки. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что непріятель хотѣлъ завладѣть

перевозами, находившимися на Деснѣ, на которыхъ были готовыя суда для переправы. Эти перевозки были расположены вблизи города. Объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ Владиміръ Мономахъ въ своихъ запискахъ: „и изидохомъ (изъ Чернигова), говорить Мономахъ, „.....и ѣхавомъ сквозѣ полкы Половѣчьскыи..... и облизахутся на насъ акы волцы стояще, и отъ перевоза и з горъ“... (Лавр. Лѣт., 240). Принимая въ соображеніе топографію Чернигова, можно съ увѣренностью сказать, о какомъ перевозѣ говоритъ здѣсь Мономахъ: это — перевозъ противъ села Анисова, потому что, только спустившись изъ города отъ Елецкаго монастыря, Мономахъ оказывался между горами съ правой стороны и перевозомъ съ лѣвой. Другой перевозъ, у нынѣшней Количевки, не можетъ тутъ имѣться въ виду, такъ какъ горы отъ него, хотя и видимы, находятся на значительномъ разстояніи, а Мономахъ рисуетъ именно картину, что его сжимали враги съ двухъ сторонъ. Въ XVIII ст. около города на Деснѣ были перевозки: 1) по дорогѣ въ Нѣжинъ, принадлежавшій Пятницкому монастырю, 2) по проселочной дорогѣ, подь селомъ Анисовымъ, бывшій во владѣніи Елецкаго монастыря, и 3) подь селомъ Калчевкой—Троицкаго монастыря (Шафонскій, Описание Чернигов. намѣстничества, 236). Въ „Описи“ Чернигова бурмистра Бублика и райцы Леонтьева 1765 г. (Чернигов. Губерн. Вѣд., 1852 г., № 46) указаны два перевоза: „На рѣкѣ жъ Деснѣ, выше города въ две версти—Магистратской перевозъ, прозываемой Мѣской, на коемъ одинъ паромъ двубайдачный, а другой—однобайдачный, и два дуби; да ниже города на той же рѣкѣ Деснѣ, тожь въ двѣ версти — перевозъ Елецкаго Черниговскаго монастыря, прозваніемъ Онисовскій, гдѣ противъ вышенисаннаго два парома, да одинъ дубъ содержится, и тѣмъ перевозомъ мости и гати по речкамъ и ручаямъ, на тракту до Мѣскаго перевоза, по обоимъ сторонамъ Десни — отъ магистрата, и *по тракту до Онисовскаго перевоза, по обоимъ реки Десни сторонамъ — отъ монастыря Елецкаго Черниговскаго* — исправляются. Эти перевозки, несомнѣнно, существовали въ древнѣйшій періодъ. Приведенная выписка указываетъ, что перевозъ у села Онисова не былъ раньше на проселочной дорогѣ, а на главной дорогѣ. Эта-то дорога, очевидно, въ древнее время шла изъ Чернигова въ Переяславское княжество и въ Остеръ. Путь на Кіевъ можно было совершать и черезъ Остеръ, т.-е. по лѣвой сторонѣ Десны, и по правой, перейдя недалеко отъ Чернигова черезъ р. Боловесь. Этотъ перевозъ, находившійся у села Онисова, на тракѣ изъ Чернигова въ Переяславль и Кіевъ черезъ Остеръ и надо считать за упоминаемый въ „запискахъ“ Мономаха. Этотъ перевозъ (у Онисова) находится отъ Елецкаго монастыря всего въ 3-хъ в., а монастырь этотъ былъ подь самымъ Черниговомъ, почти у самыхъ валовъ „предгородія“. Интересно, что село Онисово стоитъ на рѣчкахъ: Иржавецъ, Лебедь и Здвизъ (Списки населен. мѣстн. Чернигов губерніи, 125). Имена эти, несомнѣнно, древнія: Ръжавецъ. Лыбедь, Здвизъ. Въ Атласѣ Погодина отмѣчена р. Лыбедь. Итакъ, по нашему крайнему разумѣнію, здѣсь переправлялись, затѣмъ около Елецкаго монастыря поднимались и подходили къ „предгородію“. Съ другой стороны подходила сюда та дорога, которая шла на Кіевъ вдоль праваго берега Десны. Мы думаемъ, что недалекъ отъ этого мѣста была и пристань, съ которой товары везлись уже на „колахъ“ по той же дорогѣ въ городъ.

Замѣтимъ, что ни къ какому другому пункту путь съ юга и юго-запада подходить не могъ, и со стороны той части древняго „Подолія“, которая теперь называется „Кавказъ“, шли по горѣ сплошные валы. — Обратимся теперь къ *Гостояничамъ*.

Вариантъ „*Стоянничии*“, несомнѣнно, испорченное, ибо не имѣетъ смысла. Другіе варианты уясняютъ намъ, съ какимъ именемъ мы имѣемъ здѣсь дѣло. *Гостянничии* (Хлѣбниковскій и Погодинскій списки), *Гостянничии* (Карамзинъ, ор. cit., II, пр. 396). Ясно, что имя поселенія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, произведено отъ слова „гость“. *Гостянничии*, *Гост(ъ)янничии*, откуда — *Гостъ(н)янничии* — *Гостояничии* (съ бѣглымъ *о*), *Гостъ-ничии* — поселеніе, гдѣ останавливались *гости*, пріѣзжіе купцы, или, гдѣ принимали и, въ случаѣ нужды, помогали чѣмъ-нибудь пріѣзжимъ купцамъ-гостямъ. Что помогать гостямъ и принимать гостей считалось дѣломъ добрымъ и богоугоднымъ, — это видно изъ показаній разныхъ источниковъ. Напомню мѣсто изъ записокъ Мономаха: „.....боле же чтите *гостъ*, откуда-же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ.....“ (Лавр. Лѣт., 237). Тутъ подъ именемъ *гостя* разумѣется всякій пріѣзжій изъ чужой земли, включая, сюда, конечно, и купцовъ. Въ Житіи Св. Варлаама Хутынскаго говорится: „..... повелѣ (строитель монастыря) им кормити гостей.....“ (Житіе Св. Варлаама Хутынскаго, изд. Общества Любителей древн. письменности, 79). Наконецъ, укажу еще на Уставъ Владиміра Св., гдѣ въ вѣдѣніе церковнаго суда и подъ покровительство церкви отдаются: „болницѣ, *гостинницѣ*, страннопріемницѣ.....“ (Памятники, посвящ. Владиміру Св., изд. Историч. Обществомъ Нестора Лѣтописца, подъ редакціей А. И. Соболевскаго, 67). Замѣтимъ, что здѣсь отмѣчена разница между *гостинницей* и страннопріемницей: не странникамъ, а *гостямъ*, т.-е. людямъ изъ чужой страны, попавшимъ въ новую обстановку, никому незнакомымъ и потому лишеннымъ заступничества, оказывали покровительство въ *гостинницѣ*; *гостинницей*, конечно, назывались и просто тѣ заведенія, которыя позже являются у насъ подъ названіемъ „заѣзжій дворъ“, „постоялый дворъ“, но въ такихъ мѣстахъ могли эксплуатировать заѣзжаго человѣка, притѣснять его, даже нанести ему вредъ. Открытіе такихъ заѣзжихъ дворовъ монастырями и людьми состоятельными-благочестивыми разсматривалось поэтому, вполне справедливо, дѣломъ благочестивымъ: на такихъ „заѣзжихъ дворахъ“ — *гостинницахъ*, гостей не обирали, не убивали, не обмашеничивали. — Мы сказали, что черезъ указанный перевозъ шла дорога на Переяславль и Остеръ. Это былъ „великій гостинецъ“, какъ называли въ древности главные пути, по которымъ совершалось большое движеніе вообще и ѣздили *гости* съ товарами (см. Рус. Правда, Карамзин. списокъ, изд. Буданова, 1876 г., стр. 88 и 64). Это имя на югѣ Россіи удержалось долго. Такъ хотя бы въ Люстраціи Остер. замка 1628, мы находимъ: „...aż do wielkiego błota, Izbrod nazwanego, w tym miejscu, gdzie szlak, albo *gościniec* z Kijowa do wsi Rożnow idący, to błoto przechodzi...“ (см. Носовъ). Тутъ между прочимъ *гостинецъ* названъ тотъ путь, который идетъ отъ Кіева къ Остру. Начало его отъ Днѣпра идетъ черезъ Черторой, Городокъ (Выгуровщина, см. выше). Но Черниговскіе князья не всегда ходили черезъ Остеръ, а потому путь отъ ихняго Городка, несомнѣнно, отклонялся къ востоку, и мы не ошибемся, если скажемъ, что этотъ путь отъ Городка къ Чернигову выхо-

диль на старый Кіево-черниговскій шляхъ, который, то сливается съ шоссе, то пересѣкаетъ его, то отъ него, удаляется. Несомнѣнно, путь отъ Кіева, Переяславля и Остра въ Черниговъ какъ бы онъ ни шель, назывался въ древности *гостинецъ*, и этотъ *гостинецъ* подходилъ къ Деснѣ у перевоза противъ Онисова, откуда ѣхали прямо къ „Подолію“, къ той части его, которая находится подъ Елецкимъ монастыремъ, и здѣсь *гости* временно останавливались, — это поселеніе и есть *Гостѣннич*, т.-е. нынѣшняя Лѣсковица, которая лежитъ именно какъ разъ на дорогѣ. Почему утрачивается старое имя и замѣняется новымъ, этого никогда сказать нельзя. Можно указать на одно существующее преданіе и одинъ позднѣйшій фактъ, сохранившіе отзвукъ древняго значенія Лѣсковицы и бросившіеся намъ въ глаза уже послѣ опредѣленія положенія *Гостѣнничъ*. Преданіе состоитъ въ томъ, что мѣстность Лѣсковицы принадлежала въ древности князю Николѣ Святошѣ (Маркевичъ, *op. cit.*, 147; Шафонскій, *op. cit.*, 244).

Это, какъ извѣстно, былъ большой страннолюбецъ и, конечно, гостелюбецъ, и потому возможно, что тутъ были устроены имъ *гостинницы* для приѣма нуждающихся или находящихся въ бѣдѣ гостей, а фактъ позднѣйшій состоитъ въ томъ, что Кіево-Печерская лавра даже 1-го іюля 1786 г. имѣла на Лѣсковицѣ „пріѣзжіи дворъ“. Итакъ *Гостѣннич* это поселеніе подъ Елецкимъ монастыремъ, противъ перевоза, поселеніе, гдѣ останавливались *гости*, можетъ-быть, проживали тамъ, или постоянно, или временно, гдѣ были *гостинницы*, ибо *гостинецъ* отъ перевоза шель къ Чернигову прямо сюда. Вотъ до этого перевоза на Деснѣ, приблизительно противъ *Гостѣнничъ* и доходило лѣвое крыло неприятелей. Что касается *Крырова*, то это былъ, какъ мы уже сказали, какой-то протокъ (или рѣчка), протекавшій вдоль Десны и впадавшій въ нее вправо. И въ настоящее время можно указать рѣчку, на которой стоятъ села: Выбли, Пески и Уборки (Списки насел. мѣсть Черниг. губерніи, 106, 107, 111), и которая соединяется съ какимъ-то другимъ протокомъ и впадаетъ въ Десну ниже р. Свины (Десяти-верстн. карта, Л. 30). Этотъ протокъ еще съ рѣчкой Угремъ (Угрой?). Въ Атласѣ Погодина обозначенъ этотъ протокъ и, кромѣ того, другая рѣчка, въ видѣ протока, подходящая верховьями къ первому и вливающаяся въ Десну нѣсколько ниже рѣки Свины. Въ древности, при обилии водъ, эти протоки могли сливаться и образовать одинъ протокъ — рѣчку *Крыровъ*.

13. *Гуричевъ*. Мѣстонахожденіе этого города опредѣляется изъ хода событій, происходившихъ около Чернигова въ 1152 году. Юрій Суздальскій и Святославъ Ольговичъ изъ Глухова подошли къ Чернигову „и перешедше Сновъ сташе у *Гуричева* близъ города, перешедше Канинь“ (Лавр. лѣт., 320—321). Такимъ образомъ, *Гуричевъ* или *Гуричевъ* (Ипатьев. лѣт., 314) находился около Чернигова, близко отъ него, между нимъ и р. Свиною—Канинымъ (см. Березий). Эти данныя заставляютъ принять мнѣніе, что древнему *Гуричеву* соотвѣтствуетъ нынѣшнее село Бобровица, около самаго Чернигова, которое въ народѣ называется Юрьевкой (Багалѣй, *Исторія Сѣверской земли*, 153).

14. *Долобское озеро*. См. *Золотча*. Это озеро соединялось съ Черторыей и лежало нѣсколько южнѣ впаденія въ Черторую р. Радуні. Что *Долобское* и *Дулебское озеро*

одно и то же, доказывається соотвѣтствующимъ мѣстомъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1151 годомъ: „но пустиша и (ладьи) в озеро Долобское“ (стр. 314).

15. **Золотча.** Точное опредѣленіе мѣстонахожденія *Золотчи* даетъ намъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи подъ 1151 г.: „и поиде Гюрги къ Киеву, и стаха въ Радуні, и придоша Половци диции мнози Дюргеви в помочь; Изяславу блюдуцу въбрести въ Днѣпръ, и тако начашася бити по Днѣпру у насадехъ, отъ Києва оли и до устья Десны... и хотящимъ (Юрію и его союзникамъ) внизъ пойти къ Витчевскому броду, не смѣющимъ же имъ пустити лодия мимо Києвъ, но пустиша ѣ во озеро Дулѣбское и отголи волочища ѣ берегомъ в *Золотчу*, по *Золотчи* же внидоша во Днѣпръ лодьи ихъ“... (Ипатьев. лѣт., 293). Село Радунь находилось на р. Радуні, рядомъ съ Городцемъ, но недалеко отъ Ольжичей (см. Радосынъ, Радунь). Отсюда Юрій думалъ переправиться черезъ Днѣпръ, но приходилось какъ-нибудь миновать Києвъ и воспользоваться другимъ бродомъ, для переправы на Кіевскую сторону. Очевидно, чтобы перевести (а не перетащить) ладьи изъ Днѣпра въ озеро Долобское, послѣднее должно было соединяться съ Десной, слѣд., это было озеро, имѣвшее протокъ къ Деснѣ или, лучше, къ Черторою (Барсовъ, Очерки рус. историч. географіи, 224). Въ *Золотчу* надо было уже *переволокивать* ладьи по суху. Слѣд., *Золотча* начиналась въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Долобскаго озера и направлялась вдоль Днѣпра къ югу, впадая гдѣ-то ниже Києва. Карамзинъ указываетъ, что на р. *Золотчѣ* стоитъ село Вишенки (Карамзинъ, *op. cit.*, II, 336). У Арцыбашева находимъ, что „сія рѣчка представляется теперь въ малыхъ озеркахъ, по направленію къ Неводницкой пристани (Арцыбашевъ, *op. cit.*, II, 845). Дѣйствительно, и теперь существуетъ рѣчка, на которой стоитъ село Вишенки, не имѣющая названія на картѣ 10-верстной (л. 31), но названная на 15-верстной картѣ Чернигов. губерніи (изд. Ильина) *Уволочье*. Направленіе ея, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, а въ древности цѣлый рядъ озеръ и протоковъ могъ приближать ея верховья къ Долобскому озеру *).

16. **Игоревъ.** Въ 1160 году Изяславъ Давидовичъ подошелъ къ Чернигову съ большими силами Половцевъ, какъ обыкновенно, съ юго-восточной стороны, расположилъ свои силы отъ устья Крырова до Гостыничъ. Бывшіе въ Черниговѣ Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ послали въ Києвъ къ Ростиславу Мстиславичу съ просьбой о помощи. Ростиславъ послалъ имъ Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича и Галицкую помощь. „Изяславъ же (Давидовичъ) с Половци отѣхаша в поле; си же пришедши и не обрѣтоша его, бродишася по немъ за Десну Святослава оба и Рюрикъ, и ходивше за днище не обрѣтоша его, възвортисася кождо въ свояси. Изяславъ же Давидовичъ дойде *Игорева* броду, и ту постиже и вѣсть изъ Чернигова отъ своихъ ему приятель, рекуче: „не ѣзди, княже, никаможе; братъ ти Святославъ боленъ, а сыновець отъ него шель Новугороду, и дружину свою пустиль отъ себѣ прочь. Бѣ бо тогда Святославъ не сдравуя. Изяславъ же вборзѣ сгадавъ съ дружиною, пойма ратники своя и поѣха изъѣздомъ к Чернигову“

*) Мы не можемъ принять относительно Долобскаго озера мнѣнія профессора Грушевскаго (Очеркъ исторіи Кіев. земли, 21), такъ какъ его размѣщеніе озера и р. *Золотчи* не отвѣчаетъ обстоятельствамъ дѣла.

(Ипатьев. лѣт., 347). Изяславъ Давидовичъ, вѣчно якшавшійся съ Половцами, усвоилъ быстроту ихъ передвиженій, что доказываетъ чуть не вся его жизнь, — наполненная маршами на огромныхъ разстояніяхъ: достаточно вспомнить его передвиженія отъ Выря къ Вщижу, изъ Вщижа въ Вырь, изъ Чернигова въ область Вятичей, отсюда въ Вырь и т. д. Это вполне половецкій наѣздникъ. Но на этотъ разъ онъ, какъ видно, измѣнилъ своему обычаю. Что Черниговскіе князья, съ пришедшими изъ Кіева союзниками, не нашли Изяслава на разстояніи одного „днища“, это еще ничего не означаетъ, потому что онъ могъ быть очень недалеко отъ нихъ: они его не нашли только потому, что дальше не пошли, а дальше не пошли потому, что явившіеся только-что изъ Кіева отряды не въ силахъ были двигаться дальше. Между тѣмъ гонецъ изъ Чернигова нагналъ затѣмъ Изяслава, какъ видно, довольно быстро: Изяславъ, пройдя извѣстное разстояніе, какъ бы выжидалъ вѣстей изъ Чернигова; затѣмъ онъ быстро снова является подъ Черниговомъ „изъѣздомъ“, какъ выражается лѣтопись, что немисливо на дальнемъ разстояніи. Отсюда приходится прійти къ заключенію, что искомое мѣсто лежало отъ Чернигова къ югу или юго-востоку, не въ особенно далекомъ разстояніи. Если мы просмотримъ путь отъ Чернигова къ Вырю, то увидимъ, что на немъ нѣтъ никакой важной рѣки, на которой находился бы бродъ, достойный быть отмѣченнымъ особымъ именемъ. Единственной такой рѣкой, гдѣ могъ, особенно въ древнее время, быть отмѣченъ бродъ, это — рѣка Остеръ. Направление пути, избранное Изяславомъ, въ такомъ случаѣ не прямо юго-восточное, а юго-юго-восточное. Намъ кажется, можно найти объясненіе этого факта. Надо вспомнить, что Святославу Ольговичу Изяславъ Давидовичъ отдалъ лишь Черниговъ съ извѣстной округой. Всеволожъ принадлежалъ Святославу (см. Всеволожъ): это былъ конечный юго-восточный пунктъ Черниговскаго удѣла *въ этотъ моментъ*. Это обстоятельство заставило князя Изяслава объѣзжать Всеволожъ (см. Хороборъ). Стремленіе скорѣе выйти изъ Черниговскаго удѣла и вмѣстѣ не особенно удаляться отъ Чернигова заставило Изяслава идти болѣе на югъ и ближнимъ путемъ выбраться на дорогу Уненъжъ—Бѣлая Вежа, Глѣблъ (и далѣе Вырь), ту извѣстную дорогу, по которой Юрій Суздальскій и Ольговичи водили Половцевъ къ Сунойскимъ границамъ Переяславскаго княжества. — Только въ одномъ Ипатьевскомъ спискѣ мы находимъ „Игорева брода“. Въ родственныхъ съ нимъ спискахъ является, несомнѣнно, испорченное „Игорева брата“. Но во всѣхъ спискахъ, составляющихъ группу Воскресенской лѣтописи, стоитъ: „дойде Игорева города“ (П. С. Р. Л., VII, 72) и только издатели сдѣлали поправку, на основаніи Ипатьевского списка, „брода“, и эта поправка кажется намъ произвольной. Въ Никоновской лѣтописи стоитъ: „дойде Игорева града“ (изд. 1768 г., II, 168). У Карамзина также находимъ: „Изяславъ же доиде Игорева города“ (Карамзинъ, *op. cit.*, II, пр. 396). Наконецъ, въ Словарѣ Щекатова оказывается: „Игорева городъ, бывший встарину въ Черниговской области, о коемъ упоминается въ Россійскомъ Лѣтописцѣ“ (Словарь Геогр. Росс. Государства, II, 1804 г., столб. 696). Самое искаженіе „брата“ могло произойти изъ „града“ такъ же, какъ и изъ „брода“. Во всякомъ случаѣ, безусловно отрицательно относиться къ показаніямъ Воскресенской и Никоновской лѣтописей и Карамзина нельзя, и намъ кажется, что оба варианта,

„Игорева брода“ и „Игорева города“ должны быть удержаны. Обратимъ вниманіе на свѣдѣнія наши объ этомъ уголкѣ Сѣверской земли. Прежде всего мы знаемъ, что берега р. Остра были укрѣплены. Еще Владиміръ Св. строилъ города „по Устри“ (Ипатьев. лѣт., 83), потому что, при теченіи своемъ почти прямо съ востока на западъ, р. Остеръ представляетъ естественную линію, ограждающую Сѣверскую землю съ юга. Тонкія, болотистыя берега этой рѣки еще болѣе усиливали это ея значеніе: переходъ черезъ нее былъ возможенъ въ то отдаленное время далеко не во всѣхъ мѣстахъ, но такія мѣста „перелазы“, несомнѣнно, существовали, и мы не ошибемся, если скажемъ, что Владиміръ Св. и закрѣпилъ городами эти „перелазы“-броды. Мы уже знаемъ, что теченіе р. Остра закрѣпляли города: Бѣлая Вежа, Уненѣжь, по линіи городовъ, несомнѣнно, шла и далѣе по р. Остру на западъ. Затѣмъ припомнимъ, что когда, въ 1147 году, князь Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ Ростиславомъ двинулись отъ границъ Переяславля, на перерѣзъ Черниговскимъ князьямъ по направленію къ Всеволожу (см. Всеволожь) и дошли до него, то оказалось, что уже *населеніе двухъ городовъ* вѣжало въ него, спасаясь отъ Изяслава и Ростислава (Ипатьев. лѣт., 252). Очевидно, эти города лежали между Переяславскими границами и Всеволожемъ. Слѣдовательно, къ юго-западу отъ Всеволожа, по направленію къ границамъ Переяславля, мы должны признать существованіе еще двухъ городовъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны, но отъ которыхъ могли остаться городища. Далѣе въ 1159 году Святославъ Ольговичъ жалуется, что Изяславъ Давидовичъ далъ ему только Черниговъ *съ семью* городами. Изъ этихъ городовъ Святославъ Ольговичъ указываетъ только *четыре*: Моровіескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь (Ипатьев. лѣт., 343, см. также Всеволожь), а остальныхъ *трехъ* мы не знаемъ. Несомнѣнно, въ числѣ этихъ *трехъ* городовъ долженъ былъ быть хоть одинъ, который *замыкалъ южную линію* этого *временнаго* Черниговскаго удѣла *между Всеволожемъ и Моровійскою*. Стоитъ бросить взглядъ на карту чтобы убѣдиться, что такой линіей является р. Остеръ. Такимъ образомъ мы, опять приходимъ къ тому же убѣжденію, что по р. Остру отъ Уненѣжа къ западу и юго-западу были города. Изъ всѣхъ этихъ соображеній мы приходимъ къ заключенію, что на р. Острѣ, *въ числѣ другихъ „перелазовъ“ - „бродовъ“* былъ одинъ особенно важный, ведшій прямо къ границамъ Переяславскаго княжества и вмѣстѣ съ тѣмъ на дорогу Уненѣжь — Бѣлая Вежа — Вырь. Этотъ важный бродъ-перелазъ и есть *Игоревъ бродъ*. Но такъ какъ эти перелазы-броды были укрѣплены, то былъ укрѣпленъ и *Игоревъ бродъ* городомъ, и этотъ городъ есть *Игоревъ городъ*. *Игоревъ городъ* былъ у *Игорева брода*. Разсматривая теченіе р. Остра отъ Уненѣжа на западъ, мы находимъ вполне соответствующее движенію Изяслава Давидовича отъ Чернигова мѣсто, гдѣ лежалъ этотъ важный въ стратегическомъ отношеніи бродъ-перелазъ, укрѣпленный въ древности. Это мѣсто есть теперешній Нѣжинъ. Древнее городище существовало въ немъ еще въ первой четверти XVII в. Сигизмундъ въ 1625 г. пишетъ: „... ознаймуемъ ... ижъ... *городище* наше Нѣжинъ въ княжествѣ Черниговскомъ лежащее... Мы опатруючи, же тое *городище* новоосѣлое Нѣжинъ будучи на мѣстцу оборонномъ *въ валашъ*, не только самые импеты непріятельскіе здержати, але и границамъ цанства нашего короннымъ заслоною бути можетъ“... (Лаза-

ревскій, *op. cit.*, II, 51). Вотъ это же самое назначеніе — выдерживать „импеты“ неприятеля — Печенѣговъ — и быть „заслоной“ противъ нихъ же имѣлъ *Игоревъ* еще со времени Владиміра Св. „Игоревъ“ можетъ здѣсь являться какъ имя собственное, или имя его могло быть и другое, намъ неизвѣстное, а „Игоревъ“ — только указаніе, что этотъ городъ принадлежалъ Игорю (вѣрнѣе всего Ольговичу), когда послѣдній сидѣлъ въ Черниговѣ, или, наконецъ, первое имя исчезло и городъ получилъ новое имя по князю, который могъ усилить его укрѣпленія, какъ бы ни было, въ настоящемъ случаѣ имя не можетъ играть никакой роли и какимъ бы то ни было образомъ ослабить наши соображенія. Напомню кстати, что нынѣшній Нѣжинъ могъ получить свое имя отъ имени озера „Нѣжинъ“ (вѣроятно „Нѣжино“), находившагося около города въ XVIII ст. (Шафонскій, *op. cit.*, 455), откуда и названіе самаго города, а древнее имя города могло быть другое.

17. **Игореве сельцо.** Въ 1146 году Изяславъ и Владиміръ Давидовичи съ Мстиславомъ Изяславовичемъ осадили Святослава Ольговича въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Послѣ неудачнаго штурма союзники отступили и стали въ селѣ Мельтековѣ (Ипатьев. лѣтоп., 235). Отсюда они „идоста на *Игореве сельце*, идеже бяше устроилъ дворъ добръ... и потомъ повелѣста зажечи дворъ и церковь святаго Георгія... а сами подоша къ Путивлю... (Ibidem, 236). Это единственное упоминаніе о селѣ Игоря не даетъ, можно сказать, никакихъ указаній для опредѣленія мѣста этого населеннаго пункта. Но мы позволяемъ себѣ, однако-же приурочить *Игореве сельцо* къ тому *городищу*, которое находится у села Дегтеревки недалеко отъ р. Десны, въ 9 верстахъ къ югу отъ Новгорода Сѣверскаго (Списки насел. мѣстъ Чернигов. губерніи, 2128). Приводятъ насъ къ этому слѣдующія соображенія. Союзники стояли въ селѣ Мельтековѣ (см. Мельтеково), отъ котораго сохранилось городище у села Стохорщины. Отсюда они перешли къ *Игореву сельцу* и двинулись къ Путивлю. Слѣдовательно, *сельцо Игореве*, надо полагать, по направленію отъ Мельтекова села къ Путивльской дорогѣ изъ Новгорода Сѣверскаго. Указанное городище и лежитъ между Путивльской дорогой и Мельтековымъ. На немъ выпахиваютъ черепки, кости, битый дикій камень, уголь, пряслицы (Самоквасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 11). Около этого городища тянутся луга р. Десны. Мимо села Дегтеревки протекаетъ рѣчка, которая не названа на 10-верстной картѣ, впадающая въ р. Десну. Эту рѣчку и можно признать *Рахной*, по берегу которой и лугу Десны паслись стада и табуны Игоря и Святослава.

18. **Нанинъ** — рѣчка та же, которая носила въ древности имя Свинь (см. Березый).

19. **Крыровъ** — протокъ р. Десны передъ Черниговомъ, по лѣвую ея сторону (см. Гостничі).

20. **Лиственъ.** Въ 1024 году Ярославъ, нанявъ за моремъ варяговъ, двинулся въ Сѣверскую землю на Мстислава, занявшаго Черниговъ. „Мстиславъ же слышавъ взде противу има къ *Листвену*“ (Лаврентьев. лѣт., 144). Такъ какъ Ярославъ съ варягами двигался, несомнѣнно по Днѣпру, то высадился онъ, также несомнѣнно, въ Любечѣ. Мстиславъ изъ Чернигова долженъ былъ направляться ему на встрѣчу, чтобы не дать Ярославу углубиться въ Сѣверскую землю. Столкновеніе и произошло у нынѣшняго села *Малаго Лиственя* Городнянскаго уѣзда на р. Боловесѣ (Бѣлоусѣ), вер-

стахъ въ 25 отъ Любеча (Списки населен. мѣстъ Черниговской губерніи, 1105; тутъ Бѣлоусъ названъ Пятницкой). Малый Лиственъ существовалъ и въ XV ст., какъ показываетъ „Описаніе границъ“ между Литовскимъ и Московскимъ государствами: „*Лиственъ Малый* — село владыки Брянскаго, домовъ 20 было“ (Документы Моск. Архива Мин. Юстиціи, I, 64). Отъ древняго *Лиственя* сохранилось и городище на берегу р. Бѣлоуса (Самоквасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 20). Село Великій Лиственъ (Барсова, Матеріалы, 114) лежитъ совершенно въ сторонѣ и очень далеко отъ Днѣпра, Любеча и Чернигова. Какъ видно, теченіе р. Боловеса (Бѣлоуса) Черниговскіе князья укрѣпили: у верховьевъ его лежалъ городокъ *Лиственъ* (а не село, чего мы изъ лѣтописи не видимъ; селомъ является онъ въ XV ст., но подобныя превращенія происходили со многими древними городами), а среднее теченіе охранялъ городъ Рѣгощъ (Оргощъ), о которомъ мы будемъ говорить далѣе.

21. **Лутава.** Въ 1155 году Юрій Суздальскій княжилъ въ Кіевѣ, Изяславъ Давыдовичъ въ Черниговѣ и Святославъ Ольговичъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ. „Тогда же Дюрги иде на снемъ съ Изяславомъ съ Давыдовичемъ и съ Святославомъ съ Ольговичемъ; и ту сняшася въ *Лутавы*“ (Ипатьев. лѣт. 331). То же самое произошло и въ 1159 г.: „тогда же и сняшася въ *Лутавъ* Изяславъ и Святославъ Ольговичъ...“ (Ibid., 341 — 342). Изяславъ былъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ. Такимъ образомъ, *Лутава* является постояннымъ мѣстомъ сѣздовъ князей Кіевскихъ и Черниговскихъ, что указываетъ на ея срединное положеніе между Кіевомъ и Черниговомъ. Кромѣ этого яснаго указанія, мы находимъ вполне соответствующее ему другое. Въ 1175 году, помогая одному изъ Черниговскихъ князей, Ростиславичи двинулись изъ Кіева и „пожгоша *Лутаву* и Моровіескъ“ (Ibid. 408). Такъ какъ положеніе Моровіиска извѣстно (см. Моровіискъ), то изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ данныхъ вытекаетъ, что *Лутава* находилась гдѣ-то на пути между Чернигомъ и Кіевомъ и на или около Десны. На собраніе князья ѣхали, по всей вѣроятности, водой, хотя былъ путь и посуху. Всѣмъ этимъ условіямъ и соответствуетъ село *Лутава* на р. Деснѣ, Остерскаго уѣзда (Списки населен. мѣстъ Черниг. губерніи, 2614). На ея мѣстѣ и должно помѣстить древній городъ *Лутаву*.

22. **Любечъ.** „Въ лѣто 6390 (883). Поиде Олегъ, поемъ вси свои многы... и приде къ Смоленску... и прия городъ Смоленскъ, и посади в немъ мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и пришедь взя *Любечъ*, и посади мужъ свой“ (Ипат. лѣт., 13). Путь изъ Сѣверской земли на сѣверъ по Днѣпру и наоборотъ съ сѣвера въ землю Сѣверскую и къ Чернигову шелъ черезъ *Любечъ*. Такъ въ 1154 г., когда Ростиславъ Мстиславичъ и Мстиславъ Изяславичъ были разбиты подъ Чернигомъ, то первый „на *Любечъ* бѣжа Смоленську“ (Лаврентьев. лѣт., 326). У *Любеча* происходили столкновения враговъ, подвигавшихся другъ къ другу съ сѣвера и юга. Ярославъ двигался на *Любечъ* и былъ разбитъ Мстиславомъ у Лиственя въ 1024 г. (см. Лиственъ). Вслѣдствіе такого важнаго значенія *Любеча*, какъ звѣна между сѣверомъ и югомъ, легко опредѣляется и мѣстонахожденіе его. *Любечъ*, въ качествѣ мѣстечка Городнянскаго уѣзда, на берегу р. Днѣпра и р. Ужика, существуетъ на древнемъ городищѣ (Списки насел. мѣстъ Черниг. губерніи, 1064; Самоквасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 19).— Суще-

ствовать ли какой нибудь городъ Любескъ, особый отъ *Любеча*? Мы положительно отрицаемъ это и считаемъ написаніе „Любескъ“ въ извѣстіи 1159 года простымъ вариантомъ или даже опиской писца Ипатьевского списка, такъ какъ въ спискахъ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ стоитъ „*Любечь*“. Воскресенскій сборникъ, составившійся изъ древнѣйшихъ списковъ, имѣетъ точно такъ же „*Любечь*“ (П. С. Р. Л., VII, 69). Мы уже раньше приводили извѣстіе 1159 года, именно жалобу Святослава Ольговича, что онъ согласился „взяти Черниговъ съ 7 городъ пустыхъ, Моровіескъ, *Любескъ*, Оргощъ, Всеволожь, а въ нихъ сѣдять исареве и Половци...“ (Ипатьев. лѣт., 343). Говоря о Всеволожь (см. Всеволожь), мы выяснили значеніе его и полную естественность того факта, что военныя половецкія поселенія были устроены около такихъ пунктовъ, какъ Всеволожь, Моровійскъ, Рьгощъ и *Любечь*. Немного выше мы говорили, что теченіе р. Боловеса (Бѣлоуса), въ то время судоходной, было укрѣплено въ верхнемъ теченіи городомъ Лиственомъ, въ среднемъ — городомъ Рьгощемъ. Зная теперь значеніе *Любеча* и Рьгоща, мы должны признать вполне разумнымъ устройство около нихъ военныхъ поселеній Половцевъ. *Любечь*, Листвень, Рьгощъ, оберегали сѣверный путь къ Чернигову отъ Днѣпра, а потому искать другого какого-то города Любеска нѣтъ положительно никакихъ основаній.

Барсовъ въ своихъ „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“ говоритъ только объ одномъ *Любечь* (стр. 119), но въ „Очеркахъ русской исторической географіи“ предполагаетъ уже существованіе *Любеча* и Любча, ссылаясь, между прочимъ, на указаніе Бороздина въ известномъ Атласѣ. Погодинъ въ своемъ Атласѣ срисовываетъ у Бороздина. Откуда взяты свѣдѣнія Бороздинымъ, неизвѣстно. Что подлѣ Городца (см. Городецъ), у р. Десны существовало озеро Подлюбче, еще не доказываетъ, что тутъ былъ городокъ Любчъ (Любчъ). Любецкій сеймъ происходилъ весной или лѣтомъ, и въ крайнемъ случаѣ, ранней осенью, потому что всѣ извѣстные намъ сѣзды князей происходили именно въ такое время. Такъ сѣздъ въ Витичевѣ 1100 года былъ въ іюнѣ (Лаврентьев. лѣт., 263 — 264), на Долобскѣ 1103 года — весной (Ibid., 267), на Золотчѣ 1101 года — лѣтомъ (Ibid., 265). Князья располагались въ шатрахъ, на коврѣ или разговаривали, сидя верхомъ. Скорѣе всего надо думать, что и сѣздъ въ Любекѣ въ 1097 г., происходилъ весной, лѣтомъ или ранней осенью. Теперь, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство. Прямо съ сѣзда Василько Ростиславичъ прибылъ въ Кіевъ 4-го ноября. Возьмемъ крайній срокъ сѣзда — августъ, даже сентябрь. Спрашивается, какъ же это Василько цѣлый октябрь мѣсяць употребилъ на ничтожную дорогу отъ Городца (нынѣ село Выгуровщина), около котораго полагаютъ Любчъ, до Кіева, т. е. верстъ 10 по берегу Днѣпра. Очевидно, ему требовалось проѣхать большое пространство. Такое пространство, при медленномъ движеніи, съ роздыхами, и существуетъ между *Любичемъ* (Городнянскаго уѣзда) и Кіевомъ, особенно, если двигаться немного въ объѣздъ около Чернигова, а не по самому берегу Днѣпра.

23. **Мелтеково село.** Въ 1146 году Изяславъ Давидовичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ осадили Святослава Ольговича въ Новгородъ-Сѣверскомъ. Штурмъ былъ неудаченъ. „Бившимъ-же ся имъ и до вечера, и оттуда шедше сташа у *Мелтекова*

селъ...“ (Ипатьев. лѣт., 235). Явились союзники къ Новгороду-Сѣверскому изъ Чернигова; туда же они и отступали. Итакъ, прежде всего *Мелтеково* лежало на дорогѣ отъ Новгорода-Сѣверскаго къ Чернигову. Въ 1167 году князь Святославъ Всеволодовичъ послалъ на князя Олега Святославича своего брата, Ярослава, съ Половцами къ Новгороду-Сѣверскому изъ Чернигова. Они, „дошедше Молочны рѣки и ту воротисаша, вдалѣе 15 верстъ отъ града“ (Ibid. 360). Такимъ образомъ, р. Молочна была также на пути между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ, ближе къ послѣднему, всего на разстояніи 15 верстъ. Почти точно въ такомъ разстояніи отъ Новгорода-Сѣверскаго, дѣйствительно, протекаетъ р. Малотечка (10-тиверстная карта, л. 45), которая и должна быть признана за р. Молочну. 15 верстъ составляютъ одинъ переходъ. Когда оставался до города одинъ переходъ, Ярославъ остановился, и Олегъ вошелъ съ нимъ въ переговоры. Отсюда можно заключить, что и въ 1146 году князья остановились въ селѣ *Мелтековѣ*, сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Новгорода-Сѣверскаго. Это соображеніе заставляетъ искать село *Мелтеково*, какъ лежащее на пути къ Чернигову, на р. Молочной—Малотечки, также въ разстояніи 15 в. отъ Новгорода-Сѣверскаго. Обозрѣвая теченіе р. Малотечки, древней Молочной, мы находимъ городище у села Стахорщины (Самоквасовъ, ор. cit., Приложенія, 11). Признавая это городище остаткомъ древняго села *Мелтекова*, мы, такимъ образомъ, принимаемъ мнѣніе А. М. Лазаревскаго, помѣщавшаго *Мелтеково* также въ нынѣшней Стахорщинѣ (Лазаревскій, ор. cit., I, 216—217; см. также Барсова, Матеріалы, 123).

24. **Молочна**—рѣка, нынѣ Малотечка. См. *Мелтеково*.

25. **Моровійскъ**. Въ 1139 году князь Кіевскій, Ярополкъ, двинулся изъ Кіева къ Чернигову на Черниговскаго князя, Всеволода Ольговича. „Стояша у *Моровѣйска* и владившеса цѣловаша честный крестъ, и разидошася каждо въ свояси“ (Ипатьевъ. Лѣт., 216—217). Поселеніе, существующее и теперь. *Моровскъ* въ настоящее время—мѣстечко Остерскаго уѣзда при р. Деснѣ (Списки населен. мѣсть Чернигов. губерніи, 2605).

26. **Новгородъ-Сѣверскій**. Подъ 1141 годомъ мы находимъ въ лѣтописи первое упоминаніе объ этомъ городѣ и притомъ уже какъ имѣющемъ важное значеніе,—городѣ удѣльномъ: „иде Святославъ (Ольговичъ) Курьску, бѣ бо и *Новгородъ* сѣдя *Сѣверскѣ*“ (Ипатьевъ. Лѣт., 221). Въ настоящее время *Новгородъ-Сѣверскій*—уѣздный городъ Черниговской губерніи. Въ немъ сохранилось древнее городище (Самоквасовъ, ор. cit., Приложенія, 9).

27. **Носовъ**. Въ 1147 году Глѣбъ Юрьевичъ занялъ Остерскій городокъ (Остеръ) и рѣшилъ сдѣлать быстрое, неожиданное, нападеніе на Переяславль, гдѣ сидѣлъ Мстиславъ Изяславичъ. Мстиславъ „сбравъ дружину, выступи противу ему изъ города и стоявъ Глѣбъ до заутрѣя, воротися опять. Мстиславъ-же совокупивъ ся съ дружиною и с Переяславци, гна по немъ и угони у *Носова* на Рудѣ, изоимаша нѣколько дружины его, а самъ иде въ Городечь, а Мстиславъ иде к Переяславлю“ (Ипатьевъ; Лѣт., 253). Изъ этого лѣтописнаго разсказа для насъ является несомнѣннымъ, что *Носовъ* лежалъ гдѣ-то на прямомъ и притомъ кратчайшемъ пути между Переяславлемъ и Остерскимъ городкомъ. Такого мнѣнія держатся всѣ изслѣдователи, зани-

мавшіеся вопросомъ о мѣстонахожденіи Носова (на Рудѣ), считая необходимымъ искать это поселеніе на берегу какой-нибудь изъ рѣчекъ съ именемъ Руды, протекающихъ на прямомъ пути отъ Остерскаго городка къ Переяславу (Барсовъ, Матеріалы, 178; Багалъй, Исторія Сѣверской земли, 150).—Извѣстіе Воскресенской лѣтописи, что въ 1159 году „воеваша Половци около *Носова* и до Лта, Юля 23, и взяша душъ болѣе 8 сотъ“ (П. С. Р. Л., VII, 71), не только подтверждаетъ вышеуказанное общепринятое положеніе, но и еще болѣе опредѣленно намѣчаетъ районъ, въ которомъ мы должны искать *Носова*. Въ настоящее время вполне точно указала мѣстонахожденіе древняго поселенія Лта А. В. Стороженко: Лта въ настоящее время является въ видѣ Борисполя (А. В. Стороженко, Очерки Переяславской старины“, 18—32). Важно точное указаніе Воскресенской лѣтописи, что разгромъ произошелъ въ одинъ день, въ одинъ набѣгъ, именно, села на пространствѣ отъ *Носова* до Лта были разграблены 23-го Юля. Отсюда неопровержимо вытекаетъ, что *Носовъ* былъ гдѣ-то въ сторонѣ Лта, что онъ находился отъ Лта въ очень недалекомъ разстояніи, такъ какъ, чтобы совершить *въ одинъ день* дѣло разграбленія съ уводомъ 800 душъ, нельзя было этотъ цѣлый день совершать большіе переходы, а необходимо было дѣйствовать на опредѣленномъ, ограниченномъ, пространствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Лто и *Носовъ* не могли стоять рядомъ, потому что захватить въ нихъ самихъ 800 душъ въ плѣнъ едва ли было возможно при малонаселенности мелкихъ городковъ, къ которымъ, несомнѣнно принадлежали Лто и *Носовъ*. Очевидно, эти 800 и болѣе душъ были захвачены и въ *Носовѣ*, и въ Лтѣ, и въ другихъ городкахъ и селахъ, которые лежали между Лтомъ и *Носовомъ*. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что Лто и *Носовъ* лежали другъ отъ друга на извѣстномъ, хотя и небольшомъ, разстояніи.—Прежде предполагали, что *Носовъ* необходимо искать на Рудѣ рѣкѣ. Лѣтописныя извѣстія, которыя приведены нами, совсѣмъ не настаиваютъ на этомъ. Если бы „на Рудѣ“ являлось какъ неразрывное опредѣленіе къ „*Носовъ*“ для отличія его отъ другихъ, якобы существовавшихъ, *Носововъ*, то въ такомъ случаѣ мы всегда находили бы, какъ неразрывное цѣлое, „*Носовъ* на Рудѣ“, а между тѣмъ въ Воскресенской лѣтописи просто сказано „*Носовъ*“. Это обстоятельство даетъ право думать, что словами „угони у *Носова* на Рудѣ“ лѣтописецъ вовсе не хотѣлъ опредѣлить, какой это *Носовъ*, а хотѣлъ сказать: „догналъ его у Руды (на Рудѣ), около *Носова*“. Отсюда вытекаетъ только одно ясное указаніе, что *Носовъ* надо искать гдѣ-то около какой-то Руды, или *рѣчки* съ такимъ именемъ, или просто около *болота*, особенно въ данной мѣстности извѣстнаго, такъ какъ на югѣ Россіи болото называется *руда*, какъ на сѣверѣ болото носить названіе *мохъ*.—Но извѣстіе лѣтописи подъ 1147 годомъ даетъ еще и другое важное данное. Отчего Мстиславъ преслѣдовалъ Глѣба только до *Носова*, не пошелъ дальше, а вернулся назадъ? Едва ли бы онъ прекратилъ преслѣдованіе, если бы непріятель находился еще на территоріи Переяславскаго княжества. Мстиславъ долженъ былъ преслѣдовать Глѣба до границы или перейти границу, пока не догонитъ Глѣба. То обстоятельство, что Мстиславъ отъ *Носова* и Руды вернулся, показываетъ, что *Носовъ* и Руда или лежали на границѣ Переяславскаго удѣла съ волостью Остерскою, или были уже на Остерской территоріи. Оказывается, что дѣйствительно на недале-

немъ разстояніи отъ Льва проходила граница между Переяславскимъ княжествомъ и территоріей, тянувшей къ Остру, что на этой границѣ, дѣйствительно, находилась и рѣчка Руда, та, которая впадаетъ въ р. Трубежъ съ правой стороны. Эту границу точно устанавливаетъ Люстрація Остерскаго Староства 9-го Ноября 1628 года. Люстраторы обводятъ, на основаніи собранныхъ ими документовъ, границу этого староства, начиная съ сѣвера, потомъ переходятъ къ востоку и затѣмъ, поворотивъ на западъ, проводятъ границу на югъ. Мы начнемъ съ р. Трубежа: „...рѣкой Трубежомъ внизъ до устья рѣчки Плоской Руды въ Трубежъ; рѣкой Плоской Рудой вверхъ до болота Милотичи называемаго, изъ котораго начинается та рѣчка Плоская Руда, а оттуда прямо по суху, чрезъ дубраву, до великаго болота, называемаго Избродъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ переходитъ это болото шляхъ или *гостинець*, изъ Кіева до деревни Рожны идущій, отъ того мѣста вверхъ къ городищу Рожны называемому, лежащему надъ тѣмъ болотомъ, идя до того мѣста, гдѣ вода изъ этого великаго болота протокомъ тянется до Спасова озера, а потомъ этимъ Спасовымъ озеромъ въ рѣку Десну, которое Спасово озеро граничитъ между Рожнами и Пуховой слободой“ („...rzeczką Trubiesem na niz, aż do uścia rzeczki Ploskiej Rudy w Trubies, rzeczką Płoską Rudą w górę idąc, aż do błota, Miłotycze nazwanego, którego się to ta rzeczka Płoska Ruda z błota Miłotycze zaczęła, a z tamtąd wprost przez Dąbrowę, aż do wielkiego błota, Izbrod nazwanego, w tym miejscu, gdzie szlak, albo gościniec, z Kijowa do wsi Rożnów idący, to błoto przechodzi, a od tego miejsca, tym błotem wielkim, w górę ku horodyszczu, Rożny nazwanym, nad tym błotem leżącym, idąc aż do tego miejsca, gdzie się woda z tego wielkiego błota strumieniem do Spasowego jeziora ciągnie, a potem tym Spasowym jeziorem w rzekę Desnę, które to Spasowe jezioro między Rożnami a Puchową śłododą graniczy...“ (Архив юго-запад. Россіи, ч. VII, т. 1, 346—347; ср. Александровичъ, „Остерскій уѣздъ“, 92—93). Эта граница легко проводится и въ настоящее время: она шла отъ верховьевъ р. Руды на западъ, южнѣе слободы Дымирки, потомъ направлялась на сѣверозападъ къ Деснѣ между Пуховной и Рожнами.¹⁾ Теперь р. Руда называется просто Рудой, но ея старое названіе „Плоская Руда“ напоминаетъ село, лежащее недалеко отъ ея средняго теченія на ручьѣ Смолянкѣ и носящее названіе „Плоское“ (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 2736). Интересно при этомъ отмѣтить имена урочищъ, которыя отзываются древностью: болото *Милотичи*, великое болото *Избродъ*, *Спасово* озеро (можетъ-быть, принадлежавшее церкви Св. Спаса въ Черниговѣ). Вотъ къ югу отъ этой границы начиналась территорія Переяславскаго княжества. Остерскій городокъ далеко не всегда былъ въ соединеніи съ Переяславлемъ, какъ это видимъ, хотя бы, и въ 1147 году. До этой то границы и преслѣдовалъ Мстиславъ Глѣба Юрьевича. Эта естественная граница, состоящая изъ рѣкъ и болотъ,

¹⁾ Дымирка, Пуховка и Рожны извѣстны, какъ существующія и въ Литовскій періодъ. Городище Рожны и поселеніе Рожны, кромѣ указанной выше Люстраціи 1628 года упоминаются еще въ грамотѣ Казимира князя Трабской (1481—1490 г.) (Акты Запад. Россіи, I, 98) и въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда III на владѣніе Юрію Рожиновскому (За сообщеніе этой, еще не напечатанной, грамоты приносимъ благодарность М. В. Довнару-Запольскому). Точное мѣстонахожденіе городища Рожны указано нами А. В. Половцовымъ, лично его осматривавшимъ, за что остаемся ему всегда признательными.

несомненно, была закреплена еще городками, къ числу которыхъ принадлежалъ и *Носовъ*. Такимъ образомъ, мы должны искать *Носова* непосредственно около этой границы, къ югу отъ нея, не въ дальнемъ разстояніи отъ Лѣта. Мы и находимъ городище, хотя только въ видѣ едва замѣтныхъ слѣдовъ вала, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, одинъ изъ „кутковъ“ которою до сихъ поръ называется „замокъ“. Рѣчка Руда протекаетъ вблизи у лѣсовъ Гоголева, впадаетъ въ рѣчку Ставъ, которая уже впадаетъ въ Трубежъ.¹⁾ На этомъ городищѣ мы и помѣщаемъ древній городъ *Носовъ*.²⁾ Мстиславъ дальше *Носова* не пошелъ, а около него, у границы, на берегахъ рѣчки Руды и болотъ, нанесъ неприятелю только небольшой ударъ.

28. **Нѣжати́на нива.** Подъ 1078 годомъ мы находимъ въ лѣтописи слѣдующій рассказъ: „...приведе Олегъ и Борисъ поганья на Русьскую землю и поидоста на Всеволода с Половци, и побѣдиша Половци Русь... Олегъ же и Борисъ придоша Чернигову... и поиде Изяславъ (Ярославичъ, изъ Кіева) съ Ярополькомъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и Черниговцы затворишася в градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившемся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратамъ восточнымъ, отъ Стрежени, и отя врата, и взяша градъ окольний, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дѣнѣшній градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ Чернигову... поидоста отъ града противу Ольгови... И поидоста противу и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на *Нѣжати́ннѣ нивѣ*, и сступившимся обоимъ, бысть съча зла... убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль... и взяше тѣло его, привезоша и в ладьи, и поставиша противу Городьцю, взиде противу ему весь городъ Кіевъ...“ (Лавр. Лѣт., 194—5).—Прежде всего, что неопровержимо вытекаетъ изъ приведеннаго рассказа лѣтописи, это—нахожденіе искомаго мѣста на берегу или недалеко отъ берега р. Десны, потому что тѣло Изяслава съ поля битвы было положено въ ладью и привезено въ Кіевъ. Второй выводъ: мѣсто это на берегу Десны находилось недалеко отъ Чернигова, потому что Изяславъ и Всеволодъ узнали о приближеніи Олега и Бориса въ тотъ моментъ, когда взяли

¹⁾ Такимъ образомъ, и въ 10-тиверстной картѣ, и въ картахъ черниговской губерніи Ильина, обозначеніе неточно: на нихъ нѣтъ рѣчки Става, вмѣсто „Руды“ написано „Рудка“, и впаденіе ея обозначено гораздо выше Русанова. См. слѣдующее примѣчаніе.

²⁾ Всѣми мѣстными свѣдѣніями о Гоголевѣ и р. Рудѣ мы обязаны І. А. Погенполю, имѣвшему возможность прекрасно изучить всю интересующую насъ мѣстность, которому и приносимъ благодарность. Древность поселенія Гоголева свидѣлствуется тарифомъ подъемной подати Кіевского воеводства 1631 г., въ которомъ онъ фигурируетъ уже, какъ мѣстечко (Архивъ ю.-в. Россіи, ч. VII, т. I, 370). Но имя „Гоголевъ“ есть осмысленіе другого, болѣе древняго, имени: народъ произноситъ Оглевъ (г—сильный *spirant*). Это ведетъ насъ къ картѣ Боплана (VII в.), на которой мы находимъ въ этомъ мѣстѣ *Ogulow* (см. Матеріалы по исторіи русской картографіи, в. 1, изд. Кіев. Археогр. Комиссіи, Кіевъ, 1899 г., № XXXII). *Носовъ* встрѣчается въ документахъ и иллюстраціяхъ литовскаго періода, но показанія ихъ запутаны. Въ нихъ, между прочимъ, есть (въ концѣ XVI и въ XVII ст.) указаніе и на Носовку, которая по мѣсту своего нахождения ничего общаго съ древнимъ *Носовымъ* не имѣетъ, такъ какъ ея положеніе не подходитъ совершенно подъ тѣ обстоятельства, о которыхъ говорятъ извѣстія лѣтописей подъ 1147 и 1159 годами. Еще одно замѣчаніе о *Носовѣ*. Имя *Ogulow*—Оглевъ, очевидно, тюркскаго происхожденія (ср. *ogul-filius*, *oglan-puer*, см. *Codex Cumanicus*, ed. Comes Geza Kuun pp. 104, 114). Если это такъ, то является предположеніе, не входило ли это поселеніе въ число чернокобужскихъ: тутъ неособенно далеко лежитъ древній городъ Баручъ (нынѣшняя Барышевка), гдѣ жили Переяславскіе Торки (А. В. Стороженко, „Очерки Переяславской Старины“, Кіевъ, 1900 г., 33).

со стороны Стрижня окольный городъ, немедленно двинулись отъ города противъ Бориса и Олега, послѣ чего быстро произошла битва, и лѣтописи при этомъ не говорятъ намъ о переходѣ какой-либо рѣки вообще и Десны въ частности. Слѣдовательно, мѣсто битвы находилось на той же сторонѣ Десны, на которой стоитъ и Черниговъ. Въ какую сторону пошли отъ Чернигова Изяславъ и Всеволодъ, или, въ какой сторонѣ надвигались Олегъ и Борисъ? Нечего и говорить, что съ запада — съ стороны Кіева — они не шли; съ юго-запада — отъ Переяславля — тоже. Мы не разъ уже видѣли приходъ князей съ половцами къ Чернигову (см. Всеволожъ, Гостничи и др.). Мы точно знаемъ, что при наймѣ этихъ кочевниковъ маршрутъ Черниговскихъ князей такой: Вырь, Бѣлая Вежа, Уненъжъ, Всеволожъ. По этой прямой дорогѣ въ степь и изъ степи, очевидно, подошли Олегъ и Борисъ и въ данное время. Въ 1095 году Олегъ напалъ на Черниговъ, гдѣ сидѣлъ Владиміръ Мономахъ, и опять таки онъ штурмуетъ окольный городъ, отъ Стрижня, т. е., съ восточной стороны (Ипатьев. Лѣт., 157; Лавр. Лѣт., 218, 240). Объясняется этотъ фактъ тѣмъ во 1-хъ, что штурмовать Черниговъ съ юга было трудно, ибо приходилось лѣзть на высокую гору, на которой былъ дѣтинецъ и окольный городъ, то же было и съ западной стороны, во-2-хъ, тѣмъ, что въ такомъ случаѣ приходилось переправляться въ виду города, на очень близкомъ къ нему разстояніи (см. Гостничи), и въ 3-хъ тѣмъ, что съ восточной стороны можно было переправиться не у самаго города, а гораздо выше него, напр., у села Свѣнковичей (см. Свѣнковиичи и Гостничи). Такимъ образомъ, изъ сопоставленія фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ разное время, мы приходимъ къ заключенію, что въ описываемый моментъ дѣйствіе происходитъ къ востоку отъ Стриженскихъ воротъ, къ востоку отъ р. Стрижня. Но мы точно можемъ опредѣлить мѣстность, гдѣ произошло самое столкновение. Несмотря на всѣ, на нашъ взглядъ, странныя, недоумѣнія, высказывавшіяся въ литературѣ, мы считаемъ весьма точнымъ и яснымъ показаніе объ этой битвѣ Слова о Полку Игоревѣ: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на *Канину*¹⁾ зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и молода князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ я(ти)²⁾ отца своего между Угорьскими иноходцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву...“ (Ироническая пѣснь о походѣ на Половцевъ. М. 1800, переизд. проф. Владиміровымъ, 15 — 16). Борисъ Вячеславичъ и Олегъ, сражающіеся бокъ о бокъ, не могутъ быть иными, какъ только тѣми, которые, дѣйствительно, сражались вмѣстѣ въ 1078 г. противъ Кіевского князя Изяслава, который также здѣсь упоминается, о которомъ и здѣсь, какъ и въ лѣтописи, говорится, что онъ былъ убитъ. „Слово“ и о Борисѣ Вячеславичѣ говоритъ, что „слава его *на судъ приведе*“, т. е., что онъ былъ убитъ, и лѣтописи отмѣчаетъ то же самое.³⁾ Подробность, очень интересная, что тѣло Изяслава съ поля битвы было везено венгерскими иноходцами, нисколько не противорѣчитъ лѣтописи: венгерскіе кони могли довести тѣло Изяслава Ярославича съ поля битвы до берега р. Десны, или, съ берега Днѣпра, въ Кіевъ,

1) Большая буква принадлежит намъ.

2) Вставка въ скобкахъ наша.

3) Всевозможныя недоразумѣнія и разнорѣчія относительно этого мѣста см. у Барсова: „Слово о Полку Игоревѣ“, II, 186—198.

къ церкви Св. Софіи: пѣвецъ не могъ разказать намъ всѣ подробности доставки тѣла убитаго князя въ Кіевъ, а беретъ, при необходимой ему краткости, только тѣ моменты, которые кажутся ему наиболѣе поэтическими. Вообще эта мелочь не имѣетъ значенія въ толкованіи этого мѣста и установленіи хронологіи упомянутаго пѣвцомъ событія, какъ не имѣетъ значенія и смѣшеніе Святополка Изяславича съ Ярополкомъ Изяславичемъ (при Изяславѣ въ этой битвѣ былъ Ярополкъ); наоборотъ, упоминаніе Святополка рядомъ съ Изяславомъ еще разъ показываетъ, какой это Изяславъ. „Слово“ указало даже отчество Бориса — „Вячеславичъ“. Чего кажется точнѣе?! И такъ битва, вспомянутая пѣвцомъ, есть та битва, которая происходила къ востоку отъ Чернигова въ 1078 году. Точное опредѣленіе мѣста битвы даютъ слова: „...и на канину зелену наполому постла...“, что значитъ: „и на Канинъ зеленый коверъ положила“ (его, Бориса). М. П. Погодинъ уже догадывался, что здѣсь „Канинъ“ имя прилагательное притяжательное, но говорилъ, что должно было бы быть „канинскій“. Но дѣло въ томъ, что весьма часто у насъ употребляются прилагательныя притяжательныя на *инъ*, и при этомъ мы наблюдаемъ слѣдующее явленіе. Если существительное, отъ котораго производится прилагательное притяжательное, на концѣ имѣетъ *инъ*, то образованное прилагательное притяжательное совпадаетъ съ существительнымъ. Возьмемъ существительное *Квашининъ*; отъ него прилагательное притяжательное на *инъ* = Квашини + инъ, напр. домъ, но обыкновенно говорится не Квашинининъ домъ, Квашинининъ коверъ, а Квашининъ домъ, Квашининъ коверъ. Существовалъ, какъ мы увидимъ, городъ въ Сѣверской землѣ *Сининъ*. Лѣтописцу надо было сказать, что у моста этого города произошла нѣкая встрѣча, и онъ при словѣ „мостъ“ ставитъ прилагательное притяжательное *Сининъ*, „Сининъ мостъ“, „у Синина моста“, вмѣсто „Сининскій мостъ“, „у Сининскаго моста“. Лѣтописецъ просто взялъ прилагательное притяжательное не на *скій*, а на *инъ* и долженъ былъ бы образовать его: „Синин + инъ мостъ“ „у Синин + ина моста“, но въ нашемъ языкѣ въ такихъ случаяхъ является сокращеніе и „Синин—инъ“ обращается въ въ „Сининъ“, т.-е., совпадаетъ съ первоначальнымъ существительнымъ, отъ котораго произведено. Такой же фактъ мы наблюдаемъ и здѣсь. Отъ существительнаго *Канинъ* произведено имя прилагательно притяжательное чрезъ приставку *инъ*: *Канини + ина* наполома, откуда *Канина наполома*. Такимъ образомъ, данное мѣсто „Слова о Полку Игоревѣ“ мы переводимъ такъ: „и распростерла (его) на зеленомъ коврѣ *Канина*“. Если мы припомнимъ все, что говорили раньше о приходахъ Черниговскихъ князей съ Половцами, если вспомнимъ, что удобный бродъ былъ у Свѣнковичей, у впаденія *Свини = Канина* въ Десну, то наше толкованіе этого мѣста „Слова“ является вполне обоснованнымъ, а слѣдовательно, битва 1078 года произошла на берегу р. *Канина-Свини*.¹⁾ Стало-быть, и *Нъжатину низу* надо искать недалеко отъ берега *Свини-Канина*. *Нъжатина низа*,

¹⁾ Упоминаемая тутъ же Каяла повาดобилась пѣвцу для указанія, въ весьма поэтической формѣ, внутренняго сходства событій съ нравственной точки зрѣнія: Сѣверскіе князья заранѣе похвалялись побѣдой и за эту похвалу потеряли поражение; Борисъ Вячеславичъ тоже „похвалился вельми“ (Ипатьев. Лѣт., 141) и былъ убитъ; для него Канинъ былъ Каялой. Пѣвецъ играетъ словами: онъ очевидно, производитъ „Каяла“ отъ глагола „каяться“. Настоящее имя этой рѣки было Кояла, но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

было ли это просто урочище или дѣйствительно нива какого-то Нѣжаты, должна была находиться „у села“, какъ говоритъ Лаврентьев. Лѣтопись. Самое названіе „нива“ показываетъ, намъ кажется, близость этого мѣста къ какому-то селу. Все дѣло намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Князя Борисъ и Олегъ только-что успѣли перейти бродъ (черезъ Десну) противъ устья Свины-Канина; князя Изяславъ и Всеволодъ напали на нихъ недалеко отъ берега Десны, и вся битва произошла между берегами Десны и Канина и у села Свѣнковичей (см. Свѣнковичи и Гостичи). На зеленый берегъ Канина палъ Борисъ Вячеславичъ. Итакъ, мѣсто *Нѣжатины нивы* находилось, по нашему крайнему разумѣнію, гдѣ-то у села Свѣнковичей. Она не имѣетъ ничего общаго съ городомъ Нѣжатинымъ, существовавшимъ въ Переяславскомъ княжествѣ (см. Росотина).

29. **Ольгово поле.** Въ 1148 году Изяславъ Мстиславичъ двинулся къ Чернигову „...и пришедъ ста на *Ольгови поли*. И ту стояше 3 дни и не смѣша изъ Чернигова выйти противу Изяславу... Изяславъ-же стоя и позже вся села ихъ, оли и до Боловеса...“ (Ипатьев. Лѣт., 254). Изъ этого извѣстія ясно, что *Ольговымъ полемъ* называлось какое-то мѣсто у самага Чернигова съ западной стороны и вблизи р. Боловеса (Бѣлоуса). Въ 1858 году одинъ изъ старожиловъ Чернигова, Грембецкій, утверждалъ, что еще онъ помнилъ, какъ этимъ именемъ называлось пространство отъ Троицкаго монастыря до деревни Гущина и до береговъ р. Бѣлоуса (Маркевичъ, ор. cit, 148—149).

30. **Ольжичи.** Первое извѣстіе объ этомъ селѣ мы находимъ подъ 947 годомъ въ рассказѣ о поѣздкѣ княгини Ольги „...и по Деснѣ, и есть село ея *Ольжичи* и до сего дне“ (Ипатьев. Лѣт., 38). Отсюда можно только вывести, что село это лежало гдѣ-то у р. Десны. Яснѣе опредѣляется его мѣстонахожденіе въ рассказѣ о событіяхъ 1142 года. Братья великаго князя Всеволода Ольговича пріѣхали всѣ къ Киеву и переговаривались съ Всеволодомъ о волостяхъ. „И позва Всеволодъ братію къ себѣ, и пришедше стаха во *Ольжичахъ* Святославъ, Владиміръ, Изяславъ, а Игорь стояше у Городьча. И ѣха Святославъ к Игореву и рече... и чѣлова Святославъ крестъ съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣй цѣловали Володимеръ, Изяславъ съ Игоремъ... И посла ихъ Всеволодъ звать на обѣдъ, и не ѣхаша, и послашасъ братья ко Всеволоду...“ (Ипатьев. Лѣт., 222). Мы знаемъ, гдѣ находился Городецъ, о которомъ здѣсь говорится; это—городище около нынѣшняго села Выгуровщины (см. Городецъ). Очевидно, вблизи отъ него должно было находиться и село *Ольжичи*: князя ѣздить изъ стана въ станъ, условливаются между собой, несомнѣнно, обсуждаютъ приглашеніе на обѣдъ, сообща отказываются отъ этого приглашенія. Можно сказать, что всѣ князья стояли гдѣ-то рядомъ. Въ силу этого обстоятельства, кажется намъ, нѣтъ никакой возможности держаться мнѣнія, что *Ольжичи* скрываются въ нынѣшнемъ селѣ Старосельѣ, потому что народное преданіе называетъ это село *Ольжичами* (Александровичъ, „Остерскій уѣздъ“. Повторяютъ это мнѣніе и другіе). Староселье лежитъ на другой сторонѣ Десны и совсѣмъ не вблизи Городца. Мы присоединяемся къ мнѣнію, что *Ольжичи* находились на мѣстѣ нынѣшняго села Троещины. Еще Барсовъ помѣщаетъ село *Ольжичи* у Чертороя (Барсовъ, Очерки, 143). Въ атласѣ Погодина *Ольжичи* такъ же

помѣщены рядомъ съ Городцемъ, на мѣстѣ нынѣшняго села Троещины. У села Троещины мы находимъ и городище (Самоквасова, *op. cit.*, Приложенія, 22 и карта).

31. **Оргоць.** Объ *Оргоць* мы имѣемъ только одно извѣстіе лѣтописи, подъ 1159 годомъ. Когда Изяславъ Давидовичъ собирался предпринять походъ на Галичъ, потребовалъ помощи отъ Святослава Ольговича, сидѣвшаго въ Черниговѣ, и пригрозилъ ему, въ случаѣ отказа, лишить его Чернигова („а ты не жалуй на мя, оже ся почнешь попалзывати изъ Чернигова къ Новугороду—(Сѣверскому“). Тогда Святославъ Ольговичъ „рѣче: Господи! вижь мое смиреніе, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити хрестыянскіи, отцины своя погубити, взяти Черниговъ съ 7 городъ пустыхъ, Моровіескъ, Любескъ, *Оргоць*, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и Половцы.“ (Ипатьев. Лѣт., 343; дословно повторяетъ это извѣстіе и Воскресенская лѣтопись, только называя *Оргоць* — *Оргище*, II, С. Р. Л., VII, 69). Изъ приведеннаго извѣстія видно, что около городовъ Моровійска, Любеча, *Оргоца* и Всеволожа были устроены Черниговскими князьями военныя, половецкія, поселенія. Раньше мы видѣли, какое значеніе въ стратегическомъ отношеніи имѣлъ Всеволожь (см. Всеволожь). Города Моровійскъ, Любечъ и *Оргоць*, какъ видно, играли также видную роль, защищая Черниговъ съ разныхъ сторонъ. Мы видѣли раньше стратегическое значеніе Любеча и Лиственя (см. Любечъ, Листвень) и указывали, что, кромѣ Лиственя, теченіе р. Боловеса (Бѣлоуса) защищало рядъ городковъ. На среднемъ теченіи этой рѣки и существуютъ остатки укрѣпленія въ селѣ *Рогоць*, на лѣвомъ берегу (Самоквасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 22). Вотъ это городище и есть остатокъ древняго города *Оргоца*. Сомнѣнія въ вѣрности такого рѣшенія вопроса быть не можетъ. Вышеприведенное извѣстіе лѣтописи показываетъ, что древній *Оргоць* лежалъ гдѣ-то недалеко отъ Чернигова и Любеча. Городище въ нынѣшней *Рогоць* доказываетъ древность этого поселенія. Что касается имени этого города, то мы имѣемъ доказательство, что въ древности онъ назывался не только *Оргоць* но и *Ргоць*. Въ грамотѣ Литовскаго князя Александра 1496 года читаемъ: „билъ намъ чоломъ подклучій Виленскій Богданъ Павловичъ и повѣдилъ передъ нами, штожь отчина его и дѣдина, имѣнія въ Черниговскомъ повѣтѣ есть, на имя Сибрезъ, Забаловесье зъ бобровыми гоны у въ обрубѣ, а селище *Ргоць* (очевидно, вмѣсто *Ргоць*), а Замстайловище... (Акты Метрики Литовской, изд. профессора Леонтовича, I, № 134, стр. 123). Указываемые въ этой грамотѣ пункты точно опредѣляются: Сибрезъ есть нынѣшнее село Сибирежь, Черниговскаго уѣзда, лежащее недалеко отъ берега р. Бѣлоуса, съ лѣвой стороны (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 70); Забаловесье,—несомнѣнно, земля за р. Боловесемъ (Бѣлоусомъ), да и въ имени „Замстайловище“ безъ ошибки можно предположить „Замглайловище“, т.-е., территорію, лежащую за болотомъ Замглаемъ, къ сѣверовостоку отъ рѣки Бѣлоуса. Такимъ образомъ, оказывается, что *Оргоць*, по лѣтописнымъ даннымъ, долженъ находиться гдѣ-то недалеко отъ города Лиственя и города Чернигова, къ сѣверу отъ послѣдняго, а по грамотѣ князя Александра, *Ргоць* лежитъ гдѣ-то у р. Бѣлоуса, слѣдовательно, *Оргоць* лѣтописи и *Ргоць* — *Ргоць* грамоты совпадаютъ, т.-е., *Оргоць* и *Ргоць* — одно и то же поселеніе. Изъ древняго *Ргоць* вполне правильно образовалось *Рогоць*, а затѣмъ послѣднее уже позже измѣнилось

въ *Рогоща*; и параллельно, въ силу законовъ русскаго языка, изъ *Ръгощъ*, съ потерей ъ (бѣглое о), явилось замѣнительное о впереди слова: *Ръгощъ—Оргощъ*, какъ Рѣша—Орша (Ср. Соболевскій, Лекціи по исторіи рус. языка, 46,48). Итакъ, *Ръгощъ=Оргощъ=Рогощъ=Рогоща*.

32. **Ормина.** Когда въ 1140 году Черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ занялъ Кіевскій великокняжескій столъ, то его родные братья, Игорь и Святославъ Ольговичи, и его двоюродные братья Давидовичи начали требовать себѣ различныхъ удѣловъ. Сначала они дѣйствовали единодушно, но ловкій политикъ Всеволодъ Ольговичъ сумѣлъ разъединить интересы родственниковъ: „Всеволодъ же радъ бывъ разлучѣнью и уладивъся о волость и да (Давидовичамъ) Берестій, Дорогичинъ и Въщижь, *Ормину*, а братома пославъ и да има, Игореви Городечь, Гюрговъ и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ,— и тако разидошася“ (Ипатьев. лѣт., 223). Какъ видимъ, Всеволодъ не только разобщилъ интересы князей, но и раскидалъ отданныя имъ волости по разнымъ направленіямъ: Берестій (Брестъ) и Дорогичинъ на правой сторонѣ Днѣпра, Вщижь (теперь село Орловск. губерніи, Брянск. уѣзда, на р. Деснѣ, см. Бѣляева „О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Руси“, 73 и 107; Барсовъ, Матеріалы 44—45; описаніе городища и развалинъ храма въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ., 1849 г., IX, 352—354) въ верхнемъ теченіи Десны. Въ этой сѣверной части Сѣверской земли отыскивается и древній городъ *Ормина*. Точное указаніе на мѣсто его нахождения даетъ Описаніе границъ Литовскаго государства начала XVI в. Вотъ что мы тамъ находимъ: „на память, што рубежъ пришол изъ Гомглия. Ипуть река, изъ Ипутя к Ушаковичомъ-то Мглинска, а противъ того Саловняне брянская, а межи тыми селы рубежъ мглинскій изъ Брянскомъ—*Ормина* Городищи брянская, *Окуличи* село“ (Документы Моск. Архива Минист. Юстиціи, I, 65). Такимъ образомъ въ XVI ст. сохранялось еще городище древняго города *Ормины*. До сихъ поръ сохранилось село Акуличи (Окуличи) на р. Опороти, а почти прямо, на западъ отъ него, находимъ село *Ормино* на р. Ворминкѣ, Мглинскаго уѣзда, Чернигов. губерніи (Списки населенн. мѣсть Чернигов. губерніи, 2018 и 10-верстная карта, л. 44). Вотъ тутъ и находился древній городъ *Ормина*.

33. **Остерскій городокъ.** Можно, съ нѣкоторой долей вѣроятности, относить основаніе *Остерскаго городка* ко времени Владиміра Св., на основаніи извѣстія лѣтописи, что этотъ князь „нача ставити грады по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугиѣ“ (Лавр. лѣт., 119), но вполне ясное указаніе на построеніе *Остерскаго городка* относится къ 1098 году: „... заложи Володимеръ городъ на *Вѣстри* (Ипатьев. лѣт., 179). Съ этихъ поръ онъ часто появляется на страницахъ лѣтописи, играя довольно важную роль въ событіяхъ до-монгольскаго періода. Является онъ подъ двумя названіями: „городка“ и „городца“, отчего его иногда смѣшиваютъ съ Городцемъ, лежавшимъ у р. Днѣпра (см. Городецъ). Такъ, напр., подъ 1141 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „зая (Всеволодъ Ольговичъ) *Городецъ Вѣстрьскій*, а подъ 1150 годомъ рассказываетъ: „бѣжа (Юрій Долгорукій) в *городокъ* въ *Вострьскій*“ (Ипатьев. лѣт., 221, 276). Но, просматривая лѣтописныя извѣстія, мы видимъ, что названіе *Городокъ Вострьскій* пользуется предпочтеніемъ. Съ такимъ именемъ этотъ городъ переходитъ и въ

Литовскій періодъ. Такъ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира мы находимъ: „князю **А**лександрю Володимировичу **О**стрецкии **Г**ородок“ (Документы Арх. Мин. Юст., I, 56). Но въ томъ же XV ст. мы находимъ и нынѣшнее имя этого города. Такъ, въ грамотѣ того же короля Казимира княгинѣ Трабекой мы читаемъ, что она „искала отчизны своею на имя *Остра*“... (Акты Запад. Россіи, I, 98). Въ Люстраціи Остерскаго замка 1652 года говорится: „Остерскій замокъ за Десной, на Острѣ, въ верстѣ отъ Десны, на старомъ городищѣ, около церкви стародавней, мурованой опустѣлой“ (Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, 592). Въ настоящее время это—село Старогородка, въ 1 верстѣ отъ города Остра, съ развалинами церкви Св. Михаила (Юрьевой божницы) и остатками валовъ (см. Александровичъ, Остерскій уѣздъ, Бережкова—„Св. Владиміръ—строитель городовъ“ въ „Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“, Константиновичъ—О Юрьевой божницѣ, въ Киев. Старинѣ и др.).

34. **Радогощъ**. „В лѣто 6663 (1155) уерѣте Святославъ Олговичъ свата своего Гюргя у Синина мосту, у *Радоща* и снястася. Тогда же уерѣте и Всеволодичъ (Святославъ) у Стародуба... и поидоста къ Стародубу, оттуда же поидоша к Чернигову“ (Ипатьев. лѣт., 328). Изъ этого лѣтописнаго извѣстія обнаруживается, что *Радощъ* (вар. *Радогощъ*) находился на дорогѣ съ сѣвера на югъ и при томъ между Стародубомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ, въ которомъ въ то время находился Святославъ Ольговичъ. Этотъ городъ мы находимъ существующимъ и гораздо позже, въ XV, XVI и въ началѣ XVII в. Такъ, въ Книгѣ земельныхъ раздачъ Казимира читаемъ: „Яцку Ильиничу... у *Радогосчи* Дольчинъ“... (Документы Архива Мин. Юст., I, 15). Въ 1488 году великій князь Московскій Иванъ III жалуется великому князю Литовскому Казимиру: „а въ *Радогощъ* напередъ того имали по грошу съ воза, а нынѣ воеводка пановъ Олехновъ прабавиль, емлетъ тридцатое“ (Сборникъ Императорск. Русск. Историч. Общества, т. XXXV, 10). Изъ перемирной грамоты тѣхъ же государей 1503 года оказывается, что *Радогощъ* есть центръ, къ которому тянеть нѣсколько волостей (ibid., 399). Въ 1535 году онъ былъ взятъ и сожженъ литовскими войсками (Воскресен. лѣт., II. С. Р. Л., VIII, 287). Въ книгѣ Большого чертежа на мѣстѣ *Радоща* указывается уже только городище: „а ниже Почепа, 30 в. противъ Стародуба, на рѣкѣ на Судости *городище Радогощъ*“ (85). На старомъ городищѣ было посажено новое поселеніе, которое является уже подъ новымъ именемъ „Погарь“, существующій и по настоящее время въ видѣ заштатнаго города Чернигов. губерніи (Лазаревскій, op. cit., 237—238; Барсова, Матеріалы, 171; Списки населен. мѣсть Черниговск. губерніи, 19).

35. **Радосынь, Радунь, Родунь**. Подъ 1111 годомъ, рассказывая о чудѣ, бывшемъ въ Киевѣ предъ походомъ на Половцевъ, лѣтопись говоритъ: „се бо, якоже рекохомъ, видинье видиша въ Печерьскомъ монастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезниці, таже преступе на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в *Радосыни* и тогда се ангель вложи Володимеру въ сердце, нача понужати (къ походу), якоже рекохомъ“ (Ипатьев. лѣт., 193). Выраженіе „в *Радосыни*“ указываетъ, что *Радосынь*—поселеніе, а не урочище: Владиміръ проживалъ въ это время въ селѣ *Радосыни*, около Городца. Какой это Городецъ опредѣляется извѣстіемъ Лаврентьевской

лѣтописи подѣ 1146 годомъ: „и совокупи Всеволодъ (Ольговичъ) братью свою въ *Радосыни*, и сложи путь с Бориша на Володимера... и розболѣся вельми, и везоша к Вышгороду, и тамо скончася мѣсяца іюля въ 30 день“ (Лавр. лѣт., 296—7). Черниговскіе князья могли собраться только у Городца, который находился въ низовьяхъ р. Десны, а не у Остерскаго городка. Указаніе, что Всеволода повезли прямо въ Вышгородъ подтверждаетъ сказанное. Въ 1151 году „пойде Гюрги (Суздальскій) къ Киеву и стаща в *Родуни*, и придоша Половци дщци мнози Дюргеви в помощь; и Изяславу же блюдущу въбрести въ Днѣпръ, и тако начаша ся бити по Днѣпру у насадехъ, отъ Кыева оли и до устья Десны“... (Ипатьев. лѣт., 293). Очевидно, здѣсь мѣстность та же, что и прежде: низовье Десны, а поселеніе *Родуни*, гдѣ останавливался Юрій, та же *Радосыни*. На основаніи документовъ Михайловскаго монастыря, г. Гошкевичу удалось опредѣлить мѣстоположеніе р. Радунь, именно въ той мѣстности, на которую указываютъ вышеприведенныя лѣтописныя извѣстія. Эта рѣчка представляла изъ себя восточный протокъ р. Десны и обходила нынѣшнее село Троещину (Гошкевичъ, Замокъ князя Симеона Олельковича, 3—14, 15). Лѣтописи не говорятъ о рѣчкѣ Радункѣ, а о поселеніи *Радосыни* или *Радунь*, которое, вѣроятно, было селомъ. Но это село *Радосыни* или *Радунь* находилось въ томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе поздніе документы указываютъ р. Радунку, т.-е. у низовьевъ р. Десны, около Городца. Отсюда неопровержимо слѣдуетъ, что село *Радосыни-Радунь* находилось на этой рѣчкѣ. Совершенно неважно, село ли получило названіе по рѣчкѣ или наоборотъ: имя рѣчки есть отъзвукъ имени древняго, бывшаго на ней, поселенія. Въ болѣе позднихъ актахъ въ этой же мѣстности упоминается еще рѣчка Гнилуша, но болѣе ранніе документы знаютъ только р. Радунь. Дѣйствительно, и Гнилуша позднѣйшихъ актовъ переплетается съ Радункой. На этой рѣчкѣ стояли и Городецъ, и *Радосыни* или *Радунь*, а мѣсто ея нахождения указывается между селомъ Выгуровщиной и боркомъ, о которомъ говорятъ еще лѣтописи. Тутъ масса черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ и костей человѣческихъ, т.-е. тутъ слѣды древняго селища (Гошкевичъ, *op. cit.*, 18), которое мы и признаемъ за остатокъ древней *Радосыни*. (См. также Барсова, Очерки, 224).

36. **Рахна**—рѣчка, впадающая въ р. Десну, верстахъ въ 4 выше впаденія р. Молочной. (См. Игоревое сельцо).

37. **Ропскъ**. Въ 1159 году, послѣ пораженія Изяслава Давидовича подѣ Бѣлгородомъ, онъ бѣжалъ прямо черезъ Вышгородъ въ Гомель, а „княгыни же бѣжа к зяти Глѣбови Переяславлю и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на Хороборъ, та на *Ропскъ*. Ярославъ же Всеволодовичъ, утѣшивъ и почтивъ ю *Ропскъ*, допроводи ю до Гомья ко Изяславу“ (Ипатьев. лѣт., 344). Ярославъ Всеволодовичъ, какъ видно изъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій, сидѣлъ въ это время въ Стародубѣ. Въ своемъ Стародубскомъ княженіи онъ и встрѣтилъ княгиню, оказалъ ей радушный приѣмъ и проводилъ до Гомеля. Такимъ образомъ, городъ *Ропскъ* слѣдуетъ искать гдѣ-то не особенно далеко отъ Стародуба. На то же, но гораздо точнѣе, указываетъ позднѣйшій документъ, относящійся къ 1620 году. Это—земельный актъ, выданный королевскимъ комиссаромъ Бальтазаромъ Стравинскимъ *стародубскимъ* дѣтямъ боярскимъ Рубцамъ.

Въ перечисленіи людей „свѣдущихъ“, вызванныхъ для опредѣленія границъ земель Рубцовъ, мы находимъ: „зъ села *Ропска* Аксенъ Миркулинъ Азловъ, Борисъ Шати-ковъ, Семень Аксамитовъ, Иванъ Шостковъ“... Въ перечисленіи сельъ, пограничныхъ съ владѣніями Рубцовъ, указываются: Топаль, Нижнее, Солова, Тимоновичи, *Ропскъ*, Могилевци, Сачковичи (этотъ важный документъ напечатанъ Лазаревскимъ въ „Обозрѣніи Румянцевской описи“, 675—680). Эти села, существующія и въ настоящее время, всѣ расположены вокругъ села *Ропска* Старого, расположеннаго на р. Ирпѣ, Новозыбковск. уѣзда (Списки населен. мѣстъ Черниговск. губерніи, 2295, 3066, 3052, 2366, 2374, 2282 и 2267). Такимъ образомъ и *Ропскъ*, упоминаемый въ лѣтописи, тянулъ къ Стародубу, и *Ропскъ*, указываемый Стравинскимъ, также тянетъ къ Стародубу, потому что сосѣднія съ нимъ села принадлежать дѣтямъ боярскимъ *стародубскимъ*: слѣдовательно, *Ропскъ* лѣтописи и *Ропскъ* Стравинскаго—одно и то же поселеніе, нынѣшній Старый *Ропскъ* на р. Ирпѣ. Имя рѣки „Ирпа“ заставляеть предпо- лагать древнѣйшее имя *Рѣпа*, откуда имя города должно было быть *Рѣпскъ*.

38. **Росуха.** Въ 1160 году Изяславъ Давидовичъ былъ около Выря. Ко Изяславу же придоша Половци мнози, иде съ ними къ Воробейнѣ и къ Расухи. и тудѣ пое- вавъ, иде гъ сыновцю своему ко Вищюю* (Ипатьевск. лѣт., 348). Положеніе этого го- рода до нѣкоторой степени опредѣляется уже мѣстонахожденіемъ города Воробейны, который теперь является въ видѣ села на р. Теремхѣ Мглинскаго уѣзда (см. Во- робейна). Въ той же мѣстности мы должны искать и города *Росухи*. Но вполне точное указаніе о мѣстѣ послѣдняго мы находимъ въ Описаніи границъ Литовскаго госу- дарства начала XVI ст. Королевскій комиссаръ говоритъ, что между Стародубомъ и Мглиномъ граница проходитъ между селами *Росухой*, Найпутовичами, и Руховой и т. д. Документы Архива Мин. Юст., I, 65). Найпутовичи и Рухова, существуютъ и теперь и указываютъ направленіе границы давняго времени. На этой границѣ, къ сѣверо-востоку отъ Руховой, и теперь стоитъ село *Разсуха* на рѣкѣ того же имени, Мглинскаго уѣзда. (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 3155, 3203, 1799; 10-ти верстная карта, л. 45). Тутъ сохранилось и древнее городище, остатокъ древняго го- рода *Росухи* ¹⁾.

39. **Русотина.** При рѣшеніи вопроса о мѣстонахожденіи *Русотина* (вар. *Русотины*) намъ приходится совершенно разойтись со всѣми нашими предшественниками. Рѣ- шеніе этого вопроса подготовлено изслѣдованіемъ А. В. Стороженко, который точно опредѣлилъ мѣстонахожденіе двухъ историческихъ пунктовъ: Лѣта и Баруча (см. А. В. Стороженко, „Очерки Переяславской старины“, 18—43). Мастерское изслѣдо- ваніе А. В. Стороженко еще одинъ лишній разъ подтверждаетъ, что точное опредѣ- леніе историческихъ мѣстностей имѣеть огромное значеніе для критики сообщеній даже лѣтописца. Лѣто есть нынѣшній Борисполь; Баручь — нынѣшняя Барышевка на р. Трубежѣ,—опредѣленіе точное и неопровержимое. Теперь приведемъ лѣтопис- ное извѣстіе о городѣ Нѣжатинѣ подъ 1135 годомъ: „тое-же зимы придоша Ольговичи

¹⁾ О городищѣ сообщила намъ мѣстная учитель. М. Н. Косачъ, которой и приносимъ глубокую благодарность.

съ Половцы и взяша Городокъ и Нѣжатиный, и села пожегоша, и Баручь пожегоша, и людье уйдоша, и многъ полонъ взяша, скоты и кони“ (Лавр. Лѣт., 287). Изъ этого извѣстія долженъ быть сдѣланъ одинъ выводъ, что Городокъ, Нѣжатиный и Баручь должны были находиться въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, что Городокъ и Нѣжатиный должны быть недалеко отъ Баруча, лежавшаго на р. Трубежѣ (Барышевка), что, стало-быть, Городокъ этотъ не Городокъ Остерскій, а *Нѣжатиный не Нѣжинъ*, ибо и Городокъ Остерскій, и Нѣжинъ очень далеко отъ Барышевки. Но этого мало. Набѣгъ сдѣлали Половцы. Когда Половцы приходили на помощь Ольговичамъ, то всегда двигались одной и той же дорогой—Вырь, Бѣлая Вежа, Уненѣжъ, иногда далѣе Всеволожъ, иногда прямо далѣе къ р. Суною, къ его верховьямъ. Когда Ольговичи рѣшали двинуться на Переяславское княжество, они всегда шли на Суною; *той же дорогой* они шли, и отступая изъ Переяславскаго княжества. Сказанное ясно видно изъ слѣдующихъ извѣстій лѣтописца. Подъ 1136 годомъ лѣтопись говорить, что Ольговичи, сдѣлавши попытку взять Переяславль, „почютиша Ярополка идуча, идоша на верхъ Суною и ту пристроившися дождаша ихъ“ (Ипатьев. Лѣт., 214). Подъ 1149 годомъ мы находимъ: „и стояше у Бѣлы Вежи (Юрій Суздальскій и Святославъ Ольговичъ) мѣсяць, сжидающе к себѣ Половецъ . . . и оттолѣ поидоша к Суновеи . . . и Половци дикии придоша к Гюргеви ту на Суною . . . “ (ibid., 218). Очевидно, и въ 1135 году Ольговичи съ Половцами вошли въ предѣлы Переяславскаго княжества тою же дорогою, т.-е. *отъ Суною*. Отсюда становится понятнымъ, почему Изяславъ Мстиславичъ и въ 1147 году прежде всего спѣшить на верховья Суною (Лавр. Лѣт., 299): онъ, занявъ эту мѣстность, предупреждалъ возможность вторженія Юрія Суздальскаго и Святослава Ольговича съ Половцами или однихъ Половцевъ въ Переяславское княжество. Итакъ, опустошеніе Переяславскаго княжества и въ 1135 году началось съ верховьевъ Суною и дошло до Баруча. Слѣдовательно, идя *отъ верхняго Суною*, лежали послѣдовательно Городокъ, Нѣжатиный и Баручь (нынѣшняя Барышевка). Такимъ образомъ, запомнимъ, какъ выводъ изъ приведенныхъ фактовъ, что *Нѣжатиный долженъ лежать или къ югу, или юго западу отъ верховьевъ р. Суною, между этой рѣкой и Баручемъ (Барышевкой)*. Теперь обнаруживается вся несостоятельность разсказа лѣтописи Ипатьевской о событіяхъ 1147 года. Эта лѣтопись говорить, что Изяславъ отправилъ Улѣба въ Черниговъ съ верховьевъ Суною, а самъ пошелъ къ Нѣжатиному, затѣмъ, узнавъ о дѣлахъ въ Черниговѣ, отступилъ *назадъ* къ Суною. Если Изяславъ отступилъ отъ Нѣжатинова къ верху Суною (назадъ), то Нѣжатиный лежалъ бы *къ северу* отъ верха Суною, а мы знаемъ, что онъ лежалъ *безусловно къ югу* или *юго-западу отъ верха Суною*. Получается бессмыслица: Изяславъ съ верха Суною посылаетъ Улѣба, а самъ идетъ на югъ или юго-западъ, къ Нѣжатиному (т.-е. назадъ), а затѣмъ опять отступаетъ *назадъ* къ верху Суною, т.-е., *въ действительности, идетъ впередъ*. Очевидно, Изяславъ никуда съ верховьевъ Суною не ходилъ, и вся путаница произошла оттого, что поѣздку Улѣба Ипатьевская лѣтопись прицѣпила не туда, куда слѣдуетъ. Изяславъ изъ Кіева „иде же на Лто, и оттолѣ иде къ Нѣжатиному, и отъ Нѣжатинова шедъ и ста у Русотины полки своими, и оттуда посла Улѣба Чернигову“ (Ипатьев. Лѣт., 243). Вотъ послѣднія слова: „и оттуда посла Улѣба

Чернигову“ должны быть отсюда выброшены. Маршрутъ, какъ увидимъ, вѣренъ, но только маршрутъ. Разсказъ, соотвѣтствующій историко-географическимъ условіямъ и потому вполне достовѣрный, находится въ лѣтописи Лаврентьевской. Вотъ этотъ важный разсказъ: „Изяславъ-же совокупя воѣ, перебродися черезъ Днѣпръ и ста надъ Черторыею и оттуда посла Ульба Чернигову, а самъ поиде на Супой“ (Лавр. Лѣт., 299). Далѣе: „ . . . то же слышавъ (объ измѣнѣ Черниговскихъ князей) Ульбъ прибѣже ко князю своему ко Изяславу на Супой . . . Изяславъ-же воротися оттуда . . .“ (ibidem), замѣчательно, что лѣтописи Воскресенская и Никоновская говорятъ согласно съ лѣтописью Лаврентьевской (П. С. Р. Л., VII, 40 и Никонов. Лѣт. изд. 1768 г., 2, 98). Изяславъ отъ Черторыя пошелъ прямо къ верхнему Супою, а Ульба съ Черторыя же послалъ въ Черниговъ, приказавъ ему явиться на верхній Супой; когда Ульбъ прискакалъ на верхній Супой съ важнымъ извѣстіемъ, тогда Изяславъ оттуда т.-е. съ верхняго Супоя воротился назадъ, въ южномъ направленіи, т.-е., въ Переяславское княжество, вглубь, отъ сѣверныхъ его границъ. Ходъ событій послѣдовательный. Слѣдовательно, Изяславъ все время стоялъ у верхняго Супоя, никуда еще сѣвернѣе не ходилъ и съ верхняго же Супоя ушелъ назадъ. Когда-же былъ онъ въ Нѣжатинѣ? Въ Нѣжатинѣ Изяславъ былъ, когда шелъ отъ Черторыя на верхъ Супоя. Соединимъ разсказъ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей, отличивъ текстъ послѣдней курсивомъ, а ея лишнія слова взявъ въ скобки. Получимъ: „Изяславъ-же совокупя воѣ, перебродися чересъ Днѣпръ и ста надъ Черторыею, и оттуда посла Ульба Чернигову, а самъ поиде на Супой. . . иде-же на Лто и оттуда иде къ Нѣжатику, и отъ Нѣжатику шедъ и ста у Русотины полки своими (и оттуда посла Ульба Чернигову)“. Такимъ образомъ, путь Изяслава изъ Кіева къ верхнему Супою былъ такой: черезъ Днѣпръ, Черторыя, съ нея на юго-востокъ къ Лту (Борисполь), отъ Лта минувши стороною Баручъ (Барышевку), къ Нѣжатику (между Баручемъ и верхнимъ Супоемъ) и верхнему Супою, — тутъ онъ сталъ у Русотины. Отсюда само собой вытекаетъ, что мѣстонахожденіе Русотины совпадаетъ съ верховьемъ Супоя, т.-е., что Русотина былъ городокъ на верхнемъ Супою. И такъ мы должны искать Русотины на верхнемъ теченіи р. Супоя. Тутъ, дѣйствительно, мы находимъ два городища: одно на лѣвомъ берегу Супоя, другое немного южнѣе на островѣ Супоя, около села Петровскаго, съ которымъ оно соединено плотиною и мостикомъ (Мисевскій, „О трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ“, Труды III Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ, I). Мнѣ кажется, что одно изъ этихъ городищъ и должно быть древней Русотиной, самое имя которой могло получить начало отъ положенія среди воды и болота. Указанное городище, какъ говоритъ г. Мисевскій, повидимому, было не разъ утилизировано и въ позднѣйшіе времена, хотя и сохраняло свою древнюю форму. Это послѣдовательное пользованіе городищемъ объясняется его малодоступностью на островѣ рѣки, окруженномъ еще болотистыми берегами. Этотъ укрѣпленный городокъ Русотина, былъ наблюдательнымъ и опорнымъ пунктомъ Переяславля на верховьяхъ Супоя противъ земли Сѣверской. Но надо также предполагать, что самые истоки Супоя Черниговскіе князья старались удержать за собой. Намъ кажется, что городище около Быкова, расположенное на лѣвомъ берегу р. Супоя, у озера, есть остатки городка,

который служилъ базой для движеній Ольговичей въ Переяславское княжество. Между этими двумя городками (*Русотиной* — Переяславскимъ и безыменнымъ для насъ — Черниговскимъ) и проходила Переяславско-Черниговская граница. Эта граница какъ-бы намѣчается рядомъ городищъ, идущихъ отсюда къ западу до р. Трубежа до той границы, которая даже намѣчена на западъ между Трубежемъ и Днѣпромъ (см. Носовъ) Тотъ Городокъ, который взяли Ольговичи и Половцы въ 1135 году, и Нѣжинъ, находившіеся, какъ я уже сказалъ, по совокупности лѣтописныхъ извѣстій, между р. Супоємъ и Баручемъ, должны были лежать уже на территоріи нынѣшней Полтавской губерніи и потому къ нашей картѣ не относятся.

40. **Свинь.** Въ настоящее время эта рѣка почти не существуетъ и иногда даже называется Замглаемъ по имени болота, изъ котораго она вытекаетъ. Но подъ именемъ *Свинь* она извѣстна не только въ древнѣйшій періодъ, но и во время, гораздо болѣе позднее. Такъ о ней упоминается въ Описаніи границъ Чернигова въ началѣ XVI ст., при чемъ она одинъ разъ названа *Свинь*, а другой разъ *Свинья* (Документы Архива Мин. Юст., I, 64. 66). Съ именемъ *Свинья* эта рѣчка является и въ Описаніи Чернигова XVIII ст., со ссылкой на грамоты XVII вѣка. При обводѣ границъ городскихъ земель между прочимъ говорится: „оттолъ суходоломъ къ Лубянову острову въ *Свинью*, *Свинью* на низъ по озеро Стародубъ . . . “ (Чернигов. Губ. Вѣдомости, 1852 г., № 47, стр. 531). Эта рѣка носила еще другое имя: Канинъ (см. Березый).

41. **Свѣнновичи.** Это древнее поселеніе лежало недалеко отъ впаденія р. Свини въ р. Десну. Теперь это—деревня *Свинь* (см. Гостнички).

42. **Сельцо Св. Спаса.** См. Семьнь.

43. **Семьнь.** Въ разсказѣ о нападеніи Юрія Долгорукаго и Святослава Ольговича на Черниговъ въ 1152 году говорится: „ . . . и сташа у Гуричева близъ города, перешедше Канинъ, бѣ-же тогда день недѣльный, тѣмъ-же не идоша к городу . . . На утрии же день Гюрги и Святославъ исполчивша воѣ свои, поидоша к городу и сташа, не дошедше *Семьня*; тогда же все множество Половецъ ѣхаша к городу битися и отъемше острогъ, зажгоша предгородье все и, пришедше всею силою, сташа около города . . . “ (Лавр. Лѣт., 320—321). Ипатьевская лѣтопись повторяетъ этотъ разсказъ слово въ слово, но дѣлаетъ вначалѣ маленькое добавленіе: „Гюрги же ста у Гюричева и пусти Половци к Чернигову воевать: Половецемъ-же пришедшимъ къ городу много полона взяша, и *Семьнь* пожгоша. . . “ (Ипатьев. Лѣт., 315). Прежде всего ясно, что *Семьнь* какое-то поселеніе: его сожгли. Такъ какъ Гюричевъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней Бобровицы (см. Гюричевъ), то *Семьнь*, куда подошелъ Юрій отъ Гюричева и затѣмъ двинулся къ городу, долженъ былъ находиться между Гюричевомъ (Бобровицей) и Черниговомъ. Арцыбашевъ, вслѣдъ за Маркевичемъ, указываетъ на рѣчку Кордиковку, какъ на *Семьнь*, но справедливо замѣчаетъ, что рѣчку сечь нельзя (Арцыбашева, Повѣствованіе о Россіи, I, 142, пр. 900). Рѣчка Кордиковка начиналась недалеко отъ Гюричева (Бобровицы), текла къ Чернигову и впадала въ Стриженъ подъ самымъ городомъ, противъ Стриженскихъ воротъ (Шафонскій, Описаніе Чернигов. Намѣстничества, 229—230). Какъ видно изъ разныхъ описаній Чернигова, этотъ городъ, въ соотвѣтствіе съ показаніями лѣтописей о существованіи въ немъ дѣтница

и предгородія съ острогомъ, имѣлъ два вала. Но оказывается, что существовалъ еще третій валъ, котораго начало замѣтно въ саду Елецкаго монастыря. Онъ шелъ далѣе полемъ, загибался къ р. Стрижню, переходилъ его и кончался у р. Кордиковки. Пролѣднить его непрерывно на всемъ протяженіи нельзя: онъ какъ бы проявляется на всемъ протяженіи въ разныхъ мѣстахъ (Маркевичъ, „Историч. и Статистич. Описаніе Чернигова“, Черниговъ, 1852 г., 49, 61—62; Хижнякова, „Чернигов. Старина“, въ Киев. старинѣ, 1899 г., № 6, 399, 403, 407). Очевидно, этотъ огромный валъ не считался уже городскимъ укрѣпленіемъ, потому что защищать его на такомъ огромномъ разстояніи было невозможно, но онъ, въ родѣ „зміева вала“, могъ служить препятствіемъ непріятелю и дать возможность Черниговцамъ задержать его въ извѣстномъ мѣстѣ, хотя бы на короткій срокъ. На пространствѣ между окольнымъ городомъ и этимъ дальнимъ валомъ располагались, повидимому, отдѣльные поселки, въ родѣ *сельца Св. Спаса*, и къ которымъ, несомнѣнно, принадлежалъ и *Семьинь*, сожженный Половцами. Относительно *сельца Св. Спаса* мы находимъ въ лѣтописи слѣдующее сообщеніе подъ 1160 годомъ: „и пріѣхавъ Изяславъ къ Деснѣ противу Свѣнковичемъ, и в зорѣ переправи полци своя чересь Десну и пусти я воевать; переѣхаль-же бяше и самъ чересь Десну. И бысть вѣсть Святославу, оже Изяславъ бродится чересь Десну, а Половци воюють и *сельце святого Спаса* зажгоша“ (Ипатьев. Лѣт., 347). Такимъ образомъ, и въ 1152 году и 1160 году движеніе шло съ востока, а стало быть, мы должны искать и *сельце Св. Спаса* къ востоку же отъ Чернигова. Очевидно, непріатели и въ 1152 и въ 1160 году выходили на одну и ту же дорогу, которая и нынѣ, можетъ быть, съ ничтожными отклоненіями, существуетъ отъ Чернигова на Сосницу, и по ней, раскинувъ свои крылья на сѣверъ и югъ, подвигались къ Чернигову. Какъ разъ на пути, на этой дорогѣ, находится издавна Архіерейскій домъ, при которомъ нѣкогда была и церковь. Въ древности подъ именемъ „села“, а тѣмъ болѣе „сельца“ разумѣлось просто *поселеніе*, которое могло состоять изъ одного двора съ необходимыми хозяйственными службами, домъ съ постройками, какъ хуторъ. „Слову „село“ въ греческомъ подлинникѣ (Кормчей) соотвѣтствуетъ слово *προδοτειον*, что значитъ, по переводу Максима Грека, „приградіе сельное“, т. е. *загородная дача*, а не населенная вотчина“ (Павловъ, „Исторія источниковъ церкви. права“, Богослов. Вѣстникъ, 1900 г., № 2, 216). Въ этомъ значеніи ясно употреблено слово „село“ въ Житіи св. Θεодосія (изд. Сапунова, л. 29) и въ житіи Св. Евфросиніи Полоцкой (изд. Сапунова, 6, 28, 47). Этотъ хуторъ, *сельцо Св. Спаса*, и обратился въ Архіерейскій загородный домъ, потому что въ древности соборъ Св. Спаса былъ каѳедральнымъ. Итакъ, въ 1152 и въ 1160 году враги двигаются къ Чернигову съ одной и той же стороны, отъ Гюричева и сожигаютъ *сельцо Св. Спаса* и *Семьинь*. Отсюда, намъ кажется, ясно, что *Семьинь*, есть то же самое *сельцо Св. Спаса*, подгородній хуторъ каѳедральнаго собора Св. Спаса. Такимъ образомъ, *Семьинь—сельцо Св. Спаса* находилось на мѣстѣ бывшаго Архіерейскаго дома, на мѣстѣ котораго въ настоящее время стоитъ Сиротскій домъ. (Хижняковъ, *op. cit.*, 405).

44. **Сининъ.** „В лѣто 6663 (1155). Усрѣте Святославъ Ольговичъ свата своего Гюргя у *Сикина* моста, у Радоца (Радогоща), и снятася. Тогда же усрѣте и Всево-

лодичь у Стародуба“ (Ипатьев. Лѣт., 328). Определеніе мѣста этого поселенія не встрѣчаетъ затрудненій. Такъ какъ *Сининь* находился у Радогоща, т.-е. нынѣшняго Погара (см. Радогощъ), то и искать его слѣдуетъ около и недалеко отъ послѣдняго. Дѣйствительно, и въ настоящее время существуетъ въ 25 в. отъ Стародуба, на лѣвомъ берегу р. Вабли, древнее городище у села *Синина* (Самоковасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 13 и Лазаревскій, *op. cit.*, I, 142). Такимъ образомъ, это поселеніе сохранило до нынѣ свое древнее имя. *Сининь* былъ, очевидно, пограничнымъ городомъ между удѣлами Новгородскимъ и Стародубскимъ и, какъ находящійся на лѣвомъ берегу р. Вабли, принадлежалъ Стародубу. Рѣка Вабля была, слѣдовательно, границей между сказанными удѣлами. Городъ Радогощъ находится отъ *Синина* на разстояніи около 20 вер. Онъ принадлежалъ Новгороду Сѣверскому. Святославъ Ольговичъ встрѣтилъ Юрія на границѣ своего княжества, недалеко отъ послѣдняго своего города Радогоща на р. Ваблѣ, а Святославъ Всеволодовичъ выѣхалъ къ своему крайнему городу *Синину*. Здѣсь всѣ князья соединились, чтобы идти къ Чернигову.

45. **Сновскъ.** Въ 1068 году братья, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, были разбиты на Лѣтѣ, т.-е. у нынѣшняго Борисполя Полтавской губерніи (см. А. Б. Стороженко, *op. cit.*, 18—32). Святославъ бѣжалъ въ Черниговъ. „Посемъ-же Половцемъ воющимъ по землѣ Рустѣй, а Святославу-же суцу въ Черниговѣ, а Половцемъ воющимъ около Чернигова, Святославъ-же собравъ дружину, и нѣколько ихъ изиде на ня ко *Сновску*. Но узриша Половци идуща вся и пристроишася противу; и выдавъ Святославъ множество ихъ и рече дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти“, и удариша въ конѣ, и одолъ Святославъ въ трехъ тысящахъ, а Половецъ 12 тысящъ, и тако изби я, и друзии потопоша въ Снѣви, а князя ихъ руками яша, въ 1 день ноября, возвратися с побѣдою въ градъ свой Черниговъ Святославъ“ (Ипатьев. Лѣт., 121). Маленькая неточность въ текстѣ Ипатьев. лѣтописи исправляется лѣтописью Лаврентьевской: „Святославъ-же, собравъ дружины нѣколько, изиде на ня къ *Сновску*. . .“ тутъ выпускается лишнее выраженіе: „нѣколько ихъ“, запутывающее смыслъ разсказа (Лавр. Лѣт., 167). Въ остальномъ извѣстія обѣихъ лѣтописей тождественны. Другія мѣста ихъ, гдѣ упоминается городъ *Сновскъ*, не имѣютъ значенія при определеніи мѣстонахожденія этого города. Изъ приведеннаго разсказа обѣихъ лѣтописей о событіи 1068 года ясно вытекаетъ нижеслѣдующее. Половцы, сказано, грабили около Чернигова, и Святославъ вышелъ на нихъ къ городу *Сновску*, слѣдовательно, городъ *Сновскъ* находился недалеко отъ Чернигова. Святославъ двигался къ *Сновску* со стороны Чернигова и погналъ Половцевъ къ р. *Снови*, гдѣ часть ихъ и погибла, слѣдовательно, городъ *Сновскъ* лежалъ недалеко отъ р. *Снови*, между р. *Сновью* и Черниговомъ, т.-е., на правомъ берегу этой рѣки. Мы получаемъ, такимъ образомъ, довольно точное определеніе мѣстности древняго *Сновска*. Предполагая, что Святославъ напалъ на Половцевъ въ пунктѣ, самомъ ближайшемъ къ Чернигову, принимали за остатки древняго города *Сновска* городище, расположенное при впадении р. *Снови* въ Десну у мѣстечка Брусилова (Барсовъ, *Очерки*, 172—173). Такое городище, дѣйствительно, существуетъ (Самоковасовъ, *op. cit.*, Приложенія, 22). Это мнѣніе должно было считаться правильнымъ до изданія Описанія границъ между Ли-

товскимъ и Московскимъ государствами начала XVI в. Вотъ что находимъ мы въ этомъ документѣ. Въ немъ отмѣчаются не только пункты, прямо лежащіе на границѣ, но и ближайшіе къ ней. Королевскій чиновникъ пишетъ: „на устьи Десны *Сновю* село Перекопъ, городовое, домовъ сорокъ . . . “ Далѣе перечисляетъ: „на рецѣ *Сновѣ* село Ключковъ городовое, домовъ 20 было. Село *Сновескъ* городовое, домовъ 50 было“ (Документы Москов. Архива Мин. Юст., I, 64). Такимъ образомъ, одновременно существуютъ села Перекопъ и *Сновескъ*, одно при устьѣ р. Снови, и другое гдѣ-то на р. Снови. Отсюда ясно, что село Перекопъ лежало тамъ, гдѣ въ настоящее время находится указанное городище при устьѣ р. Снови. Село Перекопъ само могло существовать еще въ домонгольскій періодъ, и городище сохранилось именно отъ него, или оно возникло на развалинахъ древняго города, котораго имя намъ неизвѣстно, и которому принадлежитъ это городище у нынѣшняго села Брусилова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда-же, изъ факта *одновременнаго* существованія Перекопа и *Сновеска*, вытекаетъ, что *Сновскъ* не лежалъ при устьѣ р. Снови. Если бы село Перекопъ по мѣсту замѣнило собой древній городъ *Сновескъ*, то мы не видѣли бы существующимъ въ то же время села *Сновеска*, а оно существуетъ. Предположеніе, что городъ *Сновескъ* уничтожился, и на его мѣсто стало село Перекопъ, что упоминаемое королевскимъ чиновникомъ село *Сновескъ* есть позже образовавшееся поселеніе и получившее имя по рѣкѣ, или что еще въ домонгольскій періодъ существовало село *Сновескъ* независимо отъ города *Сновеска*, — все это предположеніе было бы натяжкой, тѣмъ болѣе, что древніе города въ большомъ количествѣ обращались въ села. Такъ города Листвень, Оргощъ, Ворголь, уже извѣстные намъ, фигурируютъ потомъ, какъ мы видѣли раньше, въ видѣ селъ. И такъ, село *Сновескъ*, существующее въ началѣ XVI в., а слѣдовательно, и въ XV в. (потому что королевскій комиссаръ описываетъ положеніе вещей бывшее до отхода Сѣверщины къ Московскому государству), является замѣстителемъ древняго города *Сновьска*. Въ настоящее время такого села нѣтъ, но Описаніе границъ даетъ намъ возможность съ точностью опредѣлить мѣсто этого села *Сновьска* — древняго города *Сновьска*. Сказавъ то, что мы раньше привели, комиссаръ послѣ небольшого отклоненія въ сторону снова возвращается къ берегамъ р. Снови и идетъ, очевидно, съ того пункта, на которомъ остановился. Помѣстимъ теперь весь его обзоръ береговъ р. Снови: „на устьи Десны *Сновю* село Перекоп, городовое, домовъ сорокъ . . . На рецѣ *Сновѣ* село Ключковъ, городовое, домовъ 20 было. Село *Сновескъ*, городовое, домовъ 50 было . . . Село Мокишино, городовое, на *Снове*, домовъ 20 и 6 было. Село *Смянескъ*, городовое, уверхъ ко (по) *Снове*, домовъ 30 было . . . (Документы Москов. Архива Мин. Юст., I, 64 и 66). Распредѣляя указанные населенные пункты отъ устья р. Снови вверхъ, мы получаемъ такой порядокъ: Перекопъ, Ключковъ, *Сновескъ*, Мокишино, *Смянескъ*. Перекопъ прикрѣпленъ къ мѣсту самимъ королевскимъ чиновникомъ, — это устье р. Снови; Села Ключковъ, Мокишино, *Смянескъ*, съ ничтожными измѣненіями въ имени, существуютъ и въ настоящее время. Ключковъ или Клячковъ — село Черниговскаго уѣзда на правомъ берегу р. Снови; Мокишино — Макишинъ — село Городнянскаго уѣзда Черниговской губерніи на правомъ берегу р. Снови; *Смянескъ* — Смячь (и Смачь) — село того же уѣзда при впаденіи р. Смяча въ р. Сновъ,

также на правомъ берегу послѣдней (Списки населенныхъ мѣстъ Чернигов. губерніи, 32, 881, 872; 10-ти верстная карта, л. 30). Какъ видимъ, королевскій чиновникъ соблюлъ точный порядокъ въ размѣщеніи сель, какъ они располагаются по р. Снови, въ дѣйствительности. Эта точность заставляетъ насъ признать точнымъ и указаніе имъ мѣста среди перечисленныхъ сель для села *Сновеска*, т.-е. древняго города *Сновьска*. Описаніе границъ помѣщаетъ его между селами Ключковымъ и Мокишинымъ. Вотъ на пространствѣ между этими селами, на правомъ берегу р. Снови, потому что на правый берегъ, какъ мы видѣли, указываетъ и лѣтопись, мы и должны искать слѣдовъ древняго города *Сновьска*. На этомъ пространствѣ, дѣйствительно, и существуетъ древнее городище въ мѣстечкѣ Сѣднѣвѣ, на правомъ берегу р. Снови (Самокусовъ, *op. cit.*, Примѣчанія, 20). Вотъ на мѣстѣ этого городища и стоялъ древній городъ *Сновьскъ*.

46. **Сожица.** Въ 1078 году „... поидоста (Олегъ и Борисъ) на Всеволода с Половцѣ. Всеволодъ-же изоиде противу има на *Съжици*, и побѣдиша Половця Русь... Олегъ-же и Борисъ придоша Чернигову...“ (Ипатьев. Лѣт., 140). Несомнѣнно, это — урочище, находившееся къ востоку или юго-востоку отъ Чернигова, потому что молодые князья явились изъ Тмутороканя съ Половцами, а слѣдовательно, двигались обыкновенной дорогой—Вырь, Бѣлая Вежа, Уненѣжъ, Всеволожь, Десна, Черниговъ. Но при томъ количествѣ данныхъ (всего *одно* приведенное выше лѣтописное извѣстіе), которое мы имѣемъ относительно *Съжици*, мѣстонахожденіе этого урочища въ настоящее время опредѣлено быть не можетъ.

47. **Сосница.** Въ 1234 году Даниль Романовичъ Галицкій и Владиміръ Рюриковичъ „поидоста Чернигову... оттуда-же поидоша плѣнячи землю, поимаша грады многы по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ, и *Сосницу* и Сновескъ, инии грады многы, и придоша-же опять Чернигову“ (Ипатьев. Лѣт., 514). Городъ *Сосница* въ самомъ началѣ XVI в. является уже, какъ село. Именно, въ извѣстномъ уже намъ описаніи границъ мы находимъ дважды указаніе на него: 1) „Сосница село черниговское, рубежъ з Новымъ Городкомъ, домов 30, а церкви 2“; 2) „Сосница черниговское, граница черниговская, рубежъ з Новымъ Городкомъ, домов 30, а церкви 2“ (Документы Архива Мин. Юст., I, 63, 64). Это извѣстіе, очень важное, какъ указывающее границу между Новгородомъ-Сѣверскимъ и Черниговомъ, объясняетъ, почему лѣтописецъ изъ числа многихъ, взятыхъ въ 1234 г., городовъ упомянулъ *Сосницу*: это, очевидно, былъ и въ XIII в. пограничный городъ между двумя удѣлами, и разгромъ собственно Черниговскаго княжества начался съ самой восточной границы. Другіе два города Хороборъ и Сновскъ, указаны потому, что были центрами отдѣльныхъ волостей, именно, Сновской (тысячи) и Хороборьской (см. Хороборъ). Городъ Сосница былъ восточнымъ пограничнымъ городомъ Черниговскаго княженія, въ Хороборьской волости. Въ позднѣйшее время городъ *Сосница* обратился, какъ видимъ, въ село, а Хороборъ удержалъ значеніе волостного центра, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ Московскаго правительства, которое и называетъ его постоянно волостью, совершенно не упоминая о *Сосницѣ* (см. Хороборъ). Въ настоящее время *Сосница*—уѣздный городъ Черниговской губерніи при р. Убѣди (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 13).

48. **Стародубъ.** Самое древнее извѣстіе объ этомъ городѣ относится къ 1096 году, но въ это время онъ является уже очень важнымъ и сильно укрѣпленнымъ городомъ, какъ несомнѣнно вытекаетъ изъ разсказа лѣтописи подъ указаннымъ годомъ. „Олегъ-же (Святославичъ) вбѣже въ *Стародубъ* и затворися ту; Святополкъ-же и Владимиръ оступися и у городѣ, и бяхуся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и уязвенѣ бываху многѣ отъ обоихъ; и бысть межн ими брань люта, и стояша около города дни 30 и 3, и изнемогаху люди въ городѣ“ (Ипатьев. Лѣт., 160—161). Такимъ образомъ, возникновеніе *Стародуба* должно быть отнесено къ глубокой древности. Теперь это — уѣздный городъ Черниговской губерніи на р. Бабинцѣ (Списки населен. мѣстъ Черниговской губерніи, 14).

49. **Уненѣжь.** Этотъ городъ упоминается лѣтописью всего одинъ разъ, именно въ разсказѣ о событіяхъ 1147 года. Намъ необходимо припомнить это мѣсто лѣтописи. Князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ, Ростиславомъ, пошли на перерѣзъ князьямъ Черниговскимъ, которые двигались къ Чернигову съ юго-востока, отъ верхняго Посулья. Мстиславичи взяли штурмомъ Всеволожь; тогда „слышавши инии гради, *Уненѣжь*, Бѣловежа, Бохмачь, аже Всеволожь взять, и побѣгоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша“. Изяславъ и Ростиславъ послали перехватить бѣглецовъ, „и постигоша (ихъ на поли), и ту взяша ты три города, а инии уидоша. Изяславъ-же повелѣ зажечи грады ты. Слышавъ-же Глѣблыцы, оже *Уненѣжь*, и Бохмачь, и Бѣловежу (взяша, сожгоша), и не утягли убѣжати“. Мстиславичи явились къ Глѣблю, штурмовали его цѣлый день, но неудачно (Ипатьев. Лѣт., 252). Мы знаемъ, гдѣ находились города Всеволожь, Бѣловежа, Бохмачь, и Глѣбль. Отъ Всеволожа осталось городище, расположенное у села Сиволожа, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Городъ Бохмачь замѣнился мѣстечкомъ Бахмачемъ, Конотопскаго уѣзда той-же губерніи при р. Борзигѣ. Отъ Бѣлой Вѣжи сохранилось большое городище у верховья р. Остра. Городъ Глѣбль, несомнѣнно, лежалъ на мѣстѣ городища Краснаго Колядина, Конотопскаго уѣзда той же губерніи (см. всѣ эти города выше). Обращаясь къ картѣ, мы видимъ, что города Бохмачь и Бѣлая Вежа находятся между Всеволожемъ и Глѣблемъ. Если мы проведемъ прямую линію отъ Всеволожа до Глѣбля, то города Бѣлая Вежа и Бохмачь окажутся по сторонамъ ея. Очевидно, Мстиславичи и двигались по этому среднему направленію и съ марша послали сжечь Бохмачь и Бѣлую Вежу. Измѣряя на картѣ разстоянія, мы находимъ, что послѣ сожженія этихъ городовъ наступающимъ князьямъ оставалось пройти до Глѣбля всего верстѣ 18. Вотъ почему жители Глѣбля и не успѣли уйти: когда имъ стало извѣстно о гибели Бохмача и Бѣлой Вежи, то между ихъ городомъ и врагами не было уже и 18 верстѣ. Но, какъ говоритъ лѣтопись, жители Бохмача и Бѣлой Вежи бѣжали вмѣстѣ съ жителями города *Уненѣжа*, вмѣстѣ съ которыми и были захвачены на полѣ. Кромѣ того, всѣ эти три города, Бохмачь, *Уненѣжь* и Бѣлая Вежа были сожжены одновременно. Все это доказываетъ, что всѣ они были въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, и въ частности *Уненѣжь* находился недалеко отъ того пути, по которому двигались Мстиславичи отъ города Всеволожа къ Глѣблю. Слѣдовательно, мы должны искать слѣдовъ древняго города *Уненѣжа* гдѣ-то неда-

леко о ть Всеволожа, отъ того пути, по которому двигались князья отъ городовъ Бохмача и Бѣлой Вежи. Такіе слѣды и существуютъ. Это есть городище въ Иванъ-городѣ, мѣстечкѣ Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи на р. Острѣ (Самоковъ, ор. cit., Приложенія, 25; Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 538). Произведя измѣреніе разстоянія по прямому направленію, мы видимъ, что Иванъ-городское городище лежитъ отъ Всеволожа въ 14 верстахъ, отъ приблизительнаго направленія движенія князей — въ 10 верстахъ, отъ Бѣлой Вежи — въ 18 верстахъ и отъ Бохмача — въ 25 верстахъ. Очевидно, жители городовъ *Уненъжа* и Бѣлой Вежи бѣжали къ Бохмачу и потомъ вмѣстѣ съ жителями послѣдняго направились на сѣверо-западъ, къ Чернигову, но, вслѣдствіе близости всѣхъ ихъ къ Всеволожу, были перехвачены, а князья, направившись быстро по направленію къ Глѣбю, съ пути послали сжечь эти городки. Такимъ образомъ, положеніе городища Иванъ-города вполне удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, вытекающимъ изъ разсказа лѣтописи. Въ XVII в. Иванъ-городъ называется „Иванъ-городище“ (Лазаревскій, ор. cit., II, 128). Это обстоятельство ясно указываетъ, что новое поселеніе явилось на мѣстѣ стараго древняго городища, которое (городище) называлось „Иванъ“. Мы знаемъ, что городища иногда имѣютъ у народа прозвища, которыя часто необъяснимы, но могутъ быть прозвища городищъ, имѣющія связь съ древнимъ именемъ того поселенія, отъ котораго городище осталось. Можетъ быть, что прозвище „Иванъ“ есть отголосокъ одного изъ вариантовъ имени *Уненъжъ*, который мы находимъ въ Никоновской Лѣтописи: „Уній“ и „Иуній“ (П. С. Р. Л., IX, 177). Но это соображеніе мы дѣлаемъ между прочимъ.

50. **Хороборъ.** Первый разъ этотъ городъ упоминается въ лѣтописи подъ 1153 годамъ: „Святославъ Ольговичъ скупяся съ Изяславомъ Давыдовичемъ у *Хороборя*, и утвердишася якоже за одинъ мужъ быти и цѣловавше межи собою крестъ, и разѣхастася каждо въ свояси“ (Ипатьев. Лѣт., 320). Изъ этого извѣстія мы можемъ вывести только одно заключеніе, именно, что городъ *Хороборъ* лежалъ гдѣ-то на границѣ между удѣлами Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, такъ какъ князья, послѣ враждебныхъ отношеній, для заключенія мировой обыкновенно сѣзжались въ пограничнымъ пунктахъ, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы далеко удаляться отъ своей границы на территорію другого князя. Подобные примѣры мы постоянно находимъ въ древній періодъ нашей исторіи, и приводить ихъ нѣтъ надобности. Соглашеніе между Изяславомъ Давидовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, о чемъ сообщаетъ Ипатьевская Лѣтопись, произошло послѣ войны Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, при чемъ на сторонѣ перваго былъ Святославъ Ольговичъ, а со вторымъ въ союзѣ находился Изяславъ Давидовичъ. Послѣ пораженія и ухода Юрія въ Суздаль оба Изяслава осадили Новгородъ-Сѣверскій и заставили Святослава Ольговича просить мира. Это произошло въ 1152 году, и только въ 1153 году князья въ *Хороборѣ* окончательно помирились (см. нашу „Исторію Сѣверской земли“, Кіевъ, 1880 г., 134—139). Такимъ образомъ, мы пока знаемъ только, что городъ *Хороборъ* лежалъ на границѣ Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго удѣловъ.

Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ извѣстіе объ интересующемъ насъ

городъ относится къ 1159 году. Въ этомъ году Изяславъ Давидовичъ, занявшій было Кіевъ, потерпѣвъ пораженіе подъ Бѣлгородомъ, бѣжалъ на Вышгородъ къ Гомелю, гдѣ и дождался своей жены. Княгиня бѣжала изъ Кіева, но путь, избранный ею, на первый разъ кажется страннымъ. Лѣтопись рассказываетъ: „княгини же бѣжа къ зятю Глѣбови Переяславлю и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на *Хороборъ*, та на Ропескъ. Ярославъ-же Всеволодичъ утѣшивъ и почти ю Ропескъ, допроводи ю до Гомья ко Изяславу^а (Ипатьев. Лѣт., 344). Что княгиня прежде всего бѣжала въ Переяславль, это является вполне естественнымъ. Лѣтопись прямо указываетъ, что и самъ Изяславъ Давидовичъ направился въ Гомель чрезъ Вышгородъ, т.-е. по правой сторонѣ р. Днѣпра, а черезъ Днѣпръ въ Черниговское княжество не переправился: тамъ сидѣлъ Святославъ Ольговичъ, который былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, даже породнился съ нимъ (*ibid.*, 258), а съ Изяславомъ Давидовичемъ прочныхъ, добрыхъ отношеній у него никогда не было, а потому и рисковано было бѣжать въ Черниговъ. Жена Изяслава, замедлившая въ Кіевѣ, боялась уже ѣхать на Вышгородъ и далѣе по правой сторонѣ р. Днѣпра, боялась направиться и на Черниговъ, а потому рѣшила искать покровительства у своего родственника въ Переяславлѣ. Но куда поѣхала она изъ Переяславля? Изъ перечисленныхъ въ лѣтописномъ разказѣ пунктовъ мы точно знаемъ мѣстонахождение Ропеска. Въ настоящее время послѣдній представляетъ изъ себя село на р. Ирпѣ, Черниговской губерніи, Новозыбковского уѣзда (см. Ропескъ). Какимъ образомъ пробралась княгиня изъ Переяславля въ Ропескъ, лежавшій далеко къ сѣверо-востоку отъ Чернигова, гораздо ближе къ Стародубу? Бѣгство ея въ Переяславль объясняется именно боязнью княгини ѣхать черезъ Черниговскій удѣлъ, въ которомъ княжилъ въ это время Святославъ Ольговичъ, а потомъ она черезъ Переяславль ѣдетъ въ Ропескъ, т.-е. переѣзжаетъ отъ юга къ сѣверу все Черниговское княжество! Очевидно она объѣхала послѣднее по Переяславской территоріи. Этимъ обстоятельствомъ отклоняется предположеніе о тождествѣ древняго города *Хоробора* съ нынѣшнимъ селомъ Хоробичами или Хоробричами, Городнянскаго уѣзда, которое лежитъ далеко къ сѣверу отъ Чернигова: пробраться къ нему изъ Переяславля можно было, только пересѣвши Черниговское княжество и при томъ двигаясь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ самого Чернигова, чего именно и избѣгала княгиня. Кромѣ того эта гипотеза опровергается и показаніемъ важнаго источника, на который я укажу ниже. Такъ какъ княгиня стремилась объѣхать территорію Черниговскаго удѣла, то является необходимымъ опредѣлить болѣе или менѣе объемъ послѣдняго въ данный моментъ. Этотъ объемъ выясняется безъ особенной трудности. Святославъ Ольговичъ получилъ отъ Изяслава Давидовича не весь Черниговскій удѣлъ. На это ясно указываютъ слова Святослава, что Изяславъ „далъ ему Черниговъ съ 7 пустыми городами, а всю волость Черниговскую собою держать . . .“ (Ипатьев. Лѣт., 343). Изъ 7 пустыхъ городовъ Святославъ указываетъ только четыре, опредѣляя такимъ образомъ приблизительно границы той части Черниговской волости, которую ему уступилъ Изяславъ Давидовичъ. Очевидно, на западѣ эта часть примыкала къ р. Днѣпру, такъ какъ и городъ Любечъ входилъ въ нее. Юго-восточнымъ крайнимъ пунктомъ ея является

городъ Всеволожь (см. Всеволожь). Княгиня и объѣхала этотъ городъ, держась сначала по Переяславской территоріи, а потомъ проѣхала къ востоку отъ Всеволожа на перерѣзъ къ сѣверу до Ропеска по той части Черниговской волости, которая не была уступлена Святославу, а оставалась во власти Изяслава Давидовича. Такимъ образомъ, разобранное нами извѣстіе лѣтописи, сообщая вполнѣ вѣрно о маршрутѣ княгини, ничего не даетъ еще для опредѣленія мѣстонахожденія города *Хороборь*: нужны другія указанія, чтобы опредѣлить искомый пунктъ на огромномъ пространствѣ отъ границъ Переяславскаго княжества на югъ до города Ропеска на сѣверъ. Только одно показаніе въ рассказѣ лѣтописи даетъ слабое указаніе для ориентировки,—именно, что княгиня пріѣхала въ *Хороборь* изъ города Глѣбля. Другого Глѣбля, кромѣ того, положеніе котораго мы опредѣлили раньше, мы не знаемъ (см. Глѣбль). Такимъ образомъ, приходится искать древняго города *Хороборь* на линіи Глѣбль—Ропескъ, но трудно предположить, что княгиня ѣхала непременно по прямой линіи, а стало быть, допуская отклоненія отъ прямого направленія, мы ровно ничего не получаемъ изъ извѣстія лѣтописи для уясненія интересующаго насъ вопроса.

Это указаніе лѣтописи, что княгиня была въ Глѣблѣ и изъ него пріѣхала въ *Хороборь*, это показаніе повело къ предположенію, что древній *Хороборь* совпадаетъ съ нынѣшнимъ заштатнымъ городомъ Коропомъ, Кролевецкаго уѣзда, на р. Коропѣ, недалеко отъ лѣваго берега р. Десны (Лазаревскій, *op. cit.*, II, 310 и слѣд.; Барсовъ, *Матеріалы*, 210; Багалъй, *Исторія Сѣверской земли*, 155—156; Любавскій, *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства*, 289). Кромѣ шаткаго созвучія именъ Коропъ и Хороборь, эта гипотеза не имѣетъ за собой прочныхъ доказательствъ, а болѣе вѣскія данныя ей совершенно противорѣчатъ.

У насъ имѣется еще одно лѣтописное извѣстіе, которое даетъ возможность нѣсколько болѣе подойти къ рѣшенію вопроса. Въ 1234 г. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій двинулся къ Кіеву, гдѣ въ это время сидѣлъ Владиміръ Рюриковичъ. Послѣднему на помощь явился Данилъ Романовичъ. Михаилъ отступилъ отъ Кіева, а союзники двинулись въ Сѣверскую землю, къ Чернигову, „оттуда же поидоша плѣняти землю, поимаша гради многи по Деснѣ, ту же взяша и *Хороборь*, и Сосницу, и Сновескъ, и ныи гради многи, и приидоша же опять Чернигову“ (Ипатьев. Лѣт., 541). Приведенное мѣсто лѣтописи даетъ нѣкоторое право сдѣлать предположеніе, что городъ *Хороборь* находился гдѣ-то недалеко отъ рѣки Десны, хотя могъ и не быть на ея берегу. Дѣло въ томъ, что мы знаемъ, гдѣ лежали города Сновскъ и Сосница. Первый былъ на берегу р. Снови, а второй, существующій и нынѣ, какъ уѣздный городъ Черниговской губерніи, находится на р. Убеди (см. Сновскъ, Сосница), т.-е. ни тотъ, ни другой на Деснѣ не лежалъ. Отсюда ясно вытекаетъ, что лѣтописецъ дѣлать взятые союзниками города на двѣ группы: города по р. Деснѣ и *Хороборь*, Сосница и Сновескъ, которые лежали не на р. Деснѣ, а только въ районѣ этихъ городовъ, располагавшихся по этой рѣкѣ. Городъ Сновескъ (нынѣ Сѣднєвъ) на р. Снови, городъ Сосница на р. Убеди, находились не на берегу р. Десны, но въ области подесенскихъ городовъ, недалеко отъ ея береговъ. Такое же положеніе занимаетъ и городъ *Хороборь*, по сходству положенія соединенный лѣтописцемъ съ городомъ Снов-

скомъ и Сосницей. Выраженіе лѣтописи „*ту же*“, какъ видно, изъ другихъ ея мѣстъ, не всегда означаетъ наше „туть же“ въ тѣсномъ смыслѣ, но имѣеть иногда и болѣе широкое и разнообразное значеніе: „въ томъ же районѣ“, „въ той же области“, „тогда же“, „за одинъ разъ“. Вотъ одно изъ такихъ значеній выроженіе „*ту же*“ имѣеть и въ данномъ мѣстѣ лѣтописи. Такимъ образомъ изъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа мы можемъ вывести заключеніе, что городъ *Хороборь* находился въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ р. Десны, какъ и города Сновскъ и Сосница, и въ районѣ послѣднихъ. Есть тутъ и еще одно важное указаніе. Владиміръ Рюриковичъ и Даніилъ Романовичъ ведутъ войну съ Михаиломъ Всеволодовичемъ, княземъ Черниговскимъ, слѣдовательно, и города Сновскъ, Сосница и *Хороборь* принадлежали къ удѣлу Черниговскому. Этотъ фактъ подтверждается показаніемъ того документа, на который намъ не разъ уже приходилось ссылаться. Это—„Описаніе“ границъ между Литовско-русскимъ и Московскимъ государствомъ послѣ перехода Черниговско-Сѣверской земли къ послѣднему. Это „Описаніе“, какъ мы знаемъ, сдѣлано въ началѣ XVI в., несомнѣнно, послѣ указаннаго факта. Вотъ какъ королевскій чиновникъ очерчиваетъ границы черниговскія: „отъ *Стародуба* граница *Горескъ*, держалъ *Ходкевичъ*, а в томъ *Гореску* было подымѣй тридцать. Село *Боровичи* держалъ панъ *Войтъхъ* къ *Чернигову* дымовъ 40. *Домыслинь* село черниговское, домов 40. *Волянчо* село Черниговское, граница з *Новымъ Городком*, домовъ 4. *Козлиничи* село черниговское, боярщина, домовъ 10. *Сосница* черниговское граница черниговская, рубеж з *Новымъ Сородком*, домов 30, а церкви 2“ (Документы Москов. Архива Мин. Юст., I. 64). Какъ мы видимъ, королевскій чиновникъ указываетъ не только тѣ населенные пункты, которые прямо стояли на самомъ рубежѣ, какъ *Горескъ*, *Волянчо*, *Сосница*, но и тѣ, которые были ближайшими къ рубежу со стороны Черниговской, какъ *Боровичи*, *Домыслинь*, *Козлиничи*: граница проходила, очевидно, недалеко отъ нихъ по полю. Такимъ образомъ, крайнимъ пунктомъ черниговскимъ на западѣ является городъ *Сосница* на р. *Убеди*. Недалеко отъ *Сосницы* и той же рѣки существуетъ и понынѣ село *Волянка* (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 2976). Слѣдовательно, границей между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ была р. *Убедь*. Извѣстіе лѣтописи подъ 1234 годомъ, которое мы выше разбирали, наводило на ту же мысль: не даромъ тамъ въ числѣ взятыхъ городовъ отмѣченъ *Сосница*. Очевидно, писавшій этотъ разсказъ лѣтописи хотѣлъ указать на то, что Черниговское княжество подверглось разоренію до самыхъ границъ княжества Новгородскаго. Нѣсколько далѣе лѣтописецъ прямо указываетъ на этотъ фактъ, говоря, что Даніилъ „поплѣнилъ всѣ Черниговскыя страны“ (Ипатьев. Лѣт., 514). И сообщеніе лѣтописи и показаніе королевскаго чиновника, оба вмѣстѣ, подтверждаютъ извѣстный фактъ устойчивости историческихъ границъ. Явленіе интересное, но не оно, собственно, важно для нашего вопроса. Королевскій чиновникъ перечисляетъ два раза села, лежащія по Деснѣ. Мы приведемъ это перечисленіе отъ устья р. Снови: „на устьи Десны Сновю село *Перекопъ*, городовое, домов сорок. На Дѣсну вверхъ село *Руднь*, к городу домов 15 было. Село *Авдѣевичи* до верху Десны, домов 7 было. Село *Колчовъ* вверхъ по Деснѣ, домов 20, держал *Сулдешовъ*. *Блистовичи*, село городовое по верху Десны, домов 30

было. Ушно у верху Десны, подворей 15 было, то архимандриче. *Хороборь* село у верху Десны, держалъ Глинскій, домовъ сто было“ (Документы Архива Мин. Юст., I, 64, 66). При повтореніи этого перечня вставлено еще: „Село Гусавичи у верхъ Десны, городовое, подымѣй 7“. Вставлено это село между Рудней и Авдѣвичами. Къ счастью, почти всѣ эти села существуютъ и теперь, кромѣ села Перекопа, на мѣстѣ котораго есть городище при впаденіи р. Снови въ Десну (см. Сновскъ), и *Хороборя*. Опредѣлимъ эти села по современнымъ даннымъ. 1) Рудня, нынѣ Рудка, село Черниговскаго уѣзда при р. Бычалкѣ, по правой сторонѣ р. Десны, 2) Гусавичи, теперь Гусавка, село того же уѣзда, при ручьѣ Острой Стругѣ, по той же сторонѣ Десны, 3) Авдѣвичи, теперь Авдѣвка, село того же уѣзда, при рѣчкѣ Деменкѣ, по лѣвой сторонѣ р. Десны, 4) Колчовъ, нынѣ Ковчинъ, село того же уѣзда на р. Деснѣ, по той же ея сторонѣ, 5) Блистовичи, нынѣ Блистово, село Сосницкаго уѣзда, при рѣчкѣ Пулькѣ, по правой сторонѣ Десны, 6) Ушно, теперь Ушня, того-же уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ, по правой ея сторонѣ (Списки населен. мѣсть Чернигов. губерніи, 259, 59, 113, 114, 2842, 2855; 10-ти верстная карта, л. 30). Мы видимъ, что порядокъ сель въ документѣ соблюденъ точно, но мы замѣчаемъ также, что не всѣ они непосредственно находятся на берегу р. Десны. Дѣлая промѣръ по картѣ, находимъ, напримѣръ, что село Рудка отстоитъ отъ берега Десны болѣе, чѣмъ на 6 верстъ; село Гусавка—болѣе 4 верстъ. Слѣдовательно, королевскій чиновникъ не имѣлъ въ виду сказать непременно, что всѣ эти села стоятъ при р. Деснѣ, а только, что они находятся вверхъ по ея теченію, вдоль ея береговъ, не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи. Онъ не знаетъ или просто не указываетъ никакихъ другихъ рѣкъ, кромѣ Десны и Снови, хотя у него былъ случай упомянуть р. Убѣдь, какъ пограничную, такъ какъ онъ говоритъ о городѣ Сосницѣ, называя его порубежнымъ, а Сосница стоитъ на р. Убѣди. Можно было бы еще привести примѣры такого же неточнаго обозначенія. Это обстоятельство имѣетъ, какъ мы увидимъ ниже, важное значеніе. Итакъ, отъ устья р. Снови въ Десну, вверхъ по ея теченію, вдоль ея береговъ, указаны *черниговскія* села: Рудня (Рудка), Гусавичи (Гусавка), Авдѣвичи (Авдѣвка), Колчевъ (Ковчинъ), Блистовичи (Блистово), Ушно (Ушня) и *Хороборь*. Далѣе сель *черниговскихъ* вверхъ по Деснѣ нѣтъ: комиссаръ постепенно направляясь къ *черниговской* границѣ, дошелъ до нея указаніемъ *Хороборя*, послѣднiаю *черниговскаго* села по Деснѣ. Слѣдовательно, вполне ясно, что *Хороборь* находился передъ этой границей, т.-е. до впаденія р. Убѣди въ Десну: за рѣкой Убѣдью *Хороборь* быть уже не могъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ комиссаръ не могъ бы его указать какъ село *черниговское*. Затѣмъ, послѣднее село, положеніе котораго намъ извѣстно, есть Ушня, за которой непосредственно, по документу, долженъ былъ слѣдовать *Хороборь*, слѣдовательно, послѣдній долженъ былъ находиться между этимъ селомъ Ушной и пограничной рѣкой Убѣдью. Село Ушня расположено въ 2-хъ съ небольшимъ верстахъ отъ впаденія р. Мены въ Десну. Такимъ образомъ, мѣстонахожденіе древняго города, а потомъ села *Хороборя* должно искать между рѣками Меной и Убѣдью, на р. Деснѣ или не въ далекомъ отъ нея разстояніи (см. 10-ти верстную карту, л. 30).

Намъ удалось значительно сѣззить территорію, на которой должно искать древ-

ній *Хороборь*. Но королевскій чиновникъ указываетъ подесенскія села, лежащія и по правую и по лѣвую сторону р. Десны, стало быть, и городъ или село *Хороборь* могъ быть или по правой, или по лѣвой сторонѣ этой рѣки, хотя и въ промежуткѣ между Меной и Убѣдью. Кажется намъ, нахожденіе *Хоробора* на правой сторонѣ Десны не можетъ возбуждать сомнѣній. Военныя дѣйствія 1234 года ясно указываютъ, что города Сосница, *Хороборь* и Сновскъ территориально связаны другъ съ другомъ, что всѣ они находятся въ одномъ районѣ.

Какъ мы видѣли, королевскій чиновникъ указываетъ между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ ту же самую границу, какая существовала и въ 1234 г., т.-е. р. Убѣдь. Такая граница установилась, очевидно, къ началу или въ началѣ XIII столѣтія, но не всегда было такъ. Есть данныя, на основаніи которыхъ можно твердо указать иное положеніе вещей и опредѣлить значеніе города *Хоробора* въ древности. Вотъ что мы находимъ въ лѣтописи. Въ 1149 г., когда великимъ княземъ кievскимъ сдѣлался Юрій Суздальскій, въ Кіевъ съѣхались и чернигово-сѣверскіе князья для рѣшенія недоразумѣній относительно волостей, и „тогда взя (Святославъ Ольговичъ) и Сновскую тысячу у Изяслава (Давидовича) (Ипатьев. Лѣт., 268). Это извѣстіе показываетъ что до 1149 г. городъ Сновскъ съ своею тысячею, т.-е. съ тянувшей къ нему въ административномъ отношеніи волостью, принадлежалъ къ Черниговскому удѣлу, а теперь перешелъ къ Новгороду-Сѣверскому. Но въ 1155 году Святославъ Ольговичъ, вернувшись изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскій, призвалъ къ себѣ своего племянника, Святослава Всеволодовича, который въ это время сидѣлъ въ Стародубѣ, и „прида ему три города, а Сновскъ себѣ отъя...“ (ibid., 329). Значить, послѣ 1149 г. Сновскъ съ своею тысячею вошелъ въ составъ удѣла Стародубскаго. Очевидно, эта волость была отнята у Святослава Ольговича Изяславомъ Давидовичемъ, и мы даже знаемъ когда. Это должно было произойти въ 1152 г. послѣ осады Новгорода-Сѣверскаго. Изяславъ Давидовичъ въ союзѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ принудили Святослава Ольговича къ миру на желанныхъ для себя условіяхъ. Сновская тысяча была отнята у Святослава Ольговича и отдана Святославу Всеволодовичу, который былъ на сторонѣ союзниковъ. Оказывается, что Сновская тысяча была волостью спорной, переходной. Одной своей стороною, очевидно, сѣверной, она соприкасалась съ удѣломъ Стародубскимъ, но эта сторона намъ не важна. Для насъ важенъ другой вопросъ: гдѣ проходила граница между Черниговскимъ и Новгородскимъ удѣломъ каждый разъ, когда Сновская тысяча переходила то къ одному, то къ другому изъ нихъ? Другими словами, мы должны найти восточную границу Сновской волости или западную границу Новгородсѣверскаго удѣла. Имѣя въ виду, что въ XIII ст., какъ мы видѣли, границей между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ служила р. Убѣдь, а Сновская тысяча была тогда причислена къ Чернигову, можно было бы думать, что р. Убѣдь стала границей именно потому, что Сновская волость отошла къ Чернигову, т.-е. что между р. Сновью и Убѣдью лежала одна волость—Сновская тысяча, имѣвшая своей восточной границей р. Убѣдь. Въ такомъ случаѣ городъ *Хороборь*, находившійся гдѣ-то между рр. Меной и Убѣдью (а это мы уже знаемъ), долженъ былъ бы входить въ составъ Сновской тысячи. Но оказывается,

что между рр. Убѣдью и Сновью была не одна а двѣ волости. Объ этомъ намъ ясно говорятъ документы, которые, относясь къ позднѣйшему времени, *передаютъ факты, сохранившіеся изъ древности*. Я разумѣю акты дипломатическіе, переговоры и мирные договоры между Московскимъ и Литовскимъ государствами. Въ перемирной грамотѣ Іоанна III мы читаемъ слѣдующее: „... города Чернигова съ волостми, города Стародуба съ волостми, города Путивля съ волостми, города Новгородка-Сѣверскаго съ волостми... и волостей: Сновеска, *Хороборя*...“ (Сборникъ Имп. Рус. Историч. Общ. XXXV, 399; повтореніе, но въ безпорядкѣ, стр. 638 и 744). Такимъ образомъ, издревле Сновскъ и *Хороборь* представляли изъ себя двѣ отдѣльныя волости, расположенныя рядомъ между рѣками Сновью и Убѣдью. При взглядѣ на карту мы видимъ, что Сновская волость (тысяча) находилась у р. Снови, т.-е. занимала западную часть территоріи, лежащей между Сновью и Убѣдью, а волость *Хороборская* — восточную часть и граничила р. Убѣдью съ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Не трудно намъ кажется указать и границу между этими двумя волостями: это р. Мена. На существованіе здѣсь границы указываетъ и археологія: по теченію р. Мены и далѣе отъ ея верховьевъ, направляясь къ сѣверо-западу до р. Снови, идетъ рядъ городищъ. Эти городища находятся въ селѣ Феськовѣ, въ мѣстечкѣ Менѣ, въ селахъ: Киселевкѣ, Верхотльсѣ, Будѣ, Шкребовѣ, Шмель (Самоковасовѣ, *op. cit.*, Приложенія, 18—19; 10-ти верстная карта, л. 30). Вотъ эта территорія, заключенная между рр. Десной, Сновью, городищами и р. Меной, и составляла, очевидно, Сновскую тысячу—волость. *Хороборская* волость имѣла своими границами рр. Десну, Мену и Убѣдь.

Въ XIII столѣтіи, какъ мы видѣли, граница между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ простиралась по р. Убѣди, но въ XII в., какъ видно изъ ранѣе приведенныхъ данныхъ, границей между ними была р. Мена. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что спорной, переходной, волостью является *тогда* Сновская тысяча, а не *Хороборская*. Очевидно, послѣдняя всегда принадлежала *въ то время* Новгороду-Сѣверскому, потому что въ противномъ случаѣ, съ присоединеніемъ къ нему Сновской волости, являлась бы черезполосица: Сновская волость причислялась-бы къ Новгороду-Сѣверскому, *Хороборская* къ Чернигову. Сновская волость и могла быть присоединяема къ Новгороду-Сѣверскому потому, что непосредственно примыкала къ принадлежащей послѣднему волости *Хороборской*. Въ XII столѣтіи граница измѣнялась такъ, что ею служила то р. Мена, то р. Сновъ, смотря по тому, куда причисляется Сновская тысяча. Если Сновская волость соединена съ Черниговомъ, то восточной границей послѣдняго со стороны Новгорода-Сѣверскаго является р. Мена; если Сновская тысяча переходитъ къ Новгороду-Сѣверскому, то восточной границей Чернигова служить р. Сновъ. Соединеніе Сновской тысячи съ Стародубомъ въ 1153 году является случаемъ единичнымъ и, по всей вѣроятности, никогда болѣе не повторялось.

Итакъ, соберемъ теперь всѣ добытыя нами данныя о *Хороборѣ*: 1) *Хороборь* долженъ былъ находиться гдѣ-то между рр. Десной, Меной и Убѣдью, 2) *Хороборь* былъ административнымъ центромъ отдѣльной волости *Хороборской*, 3) *Хороборь*—волость граничила съ волостью Сновской р. Меной, 4) волость *Хороборь*, въ XIII в. принадлежала Черниговскому удѣлу, 6) городъ *Хороборь*, административный центръ этой во-

лости, долженъ былъ находиться не въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ р. Десны. Имѣя въ виду всѣ эти добытыя данныя, мы должны искать слѣдовъ древняго *Хоробора* въ сохранившихся остаткахъ древности въ очерченномъ районѣ. Мы находимъ, что тутъ существуютъ два городища на р. Менѣ: въ селѣ Феськовкѣ на правой ея сторонѣ и въ мѣстечкѣ Менѣ—на лѣвой. [Одно изъ этихъ городищъ и должно представлять изъ себя остатокъ древняго *Хоробора*. Какое же изъ нихъ? Намъ кажется что въ выборѣ нѣтъ сомнѣнія: городище Феськовки лежитъ по правую сторону р. Мены, слѣдовательно, внѣ волости, а городище Мены—по лѣвую, т.-е. въ самой волости. Такое приуроченіе древняго *Хоробора* отвѣчаетъ всѣмъ извѣстнымъ условіямъ. Это городище находится въ 8—9 верстахъ отъ берега р. Десны; оно лежитъ на границѣ Новгородѣверскаго удѣла, почему тутъ, въ *Хороборѣ*, и могли сѣхаться недобрявшіе другъ другу князья Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ; сюда именно очень удобно было проѣхать княгинѣ Изяслава Давидовича съ Переяславской границы, объѣхавъ городъ Всеволожь, конечный пунктъ на юго-востокъ удѣла Святослава Ольговича, сидѣвшаго въ то время въ Черниговѣ; отсюда недалеко и до Ропеска, города уже Стародубскаго удѣла, въ которомъ княземъ тогда былъ Ярославъ Всеволодовичъ; миновавъ Всеволожь, княгиня Изяслава съ переправой черезъ рѣку Десну оказывалась въ Новгородѣверскомъ удѣлѣ, такъ какъ *Хороборская* волость принадлежала къ этому удѣлу, въ которомъ въ тотъ моментъ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ. Почему съ теченіемъ вѣковъ на мѣстѣ древняго *Хоробора* явилась Мена, этотъ вопросъ аналогиченъ съ вопросомъ, почему древній Радогощъ сталъ Погаромъ: такихъ примѣровъ можно подыскать нѣсколько, а такія мѣны зависѣли или отъ какого-нибудь случая, или отъ вкуса новыхъ поселенцевъ, которые, поселясь на старомъ городищѣ, иногда и не знали древняго имени поселенія, остаткомъ котораго оно являлось.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно преданія о Глинскихъ, помѣщеннаго въ Родословіи (Временникъ Москов. Общества Исторіи и Древностей, X): „и князь Ивановы (Глинскаго) вожи привели великаго князя Витовта къ литовской Украинѣ, къ городу его *Хороблю* да къ волостемъ: къ Макошину, да къ Сохачеву да къ Верху, да къ Оболонью. Князь-же великій Витовтъ тотъ городъ *Хоробръ* и волости тѣ далъ въ вотчину князю Ивану Глинскому“. Это преданіе ровно никакого значенія въ рѣшеніи вопроса о мѣстонахожденіи древняго *Хоробора* не имѣетъ, при существованіи тѣхъ данныхъ, которыя приведены нами выше. Упоминаемые въ этомъ преданіи населенные пункты расположены и къ востоку, и къ западу отъ р. Убѣди. Такъ Сохачевъ (нынѣ Сохачи)—село Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, при р. Сохачѣ; Оболонье—село того же уѣзда, при р. Деснѣ,—оба къ востоку отъ р. Убѣди; Макошинъ—село Сосницкаго уѣзда при р. Деснѣ—къ западу отъ р. Убѣди (Списки населен. мѣстъ Чернигов. губерніи, 1672, 1715, 3005). Мы видѣли, что *Хороборъ*, дѣйствительно, былъ во владѣніи Глинскаго. Но отсюда можно только заключить, что Макошинъ, Сохачи и Оболонье тоже принадлежали Глинскому, но находился ли *Хороборъ* къ западу отъ р. Убѣди вмѣстѣ съ Макошинымъ, или къ востоку отъ нея вмѣстѣ съ Сохачами или Оболонью,—изъ преданія вывести нельзя. Что *Хороборъ* лежалъ

къ западу отъ р. Убѣди, объ этомъ ясно, какъ мы видѣли, говорить „Описаніе“ границъ начала XVI столѣтія.

51. **Черниговъ.** Начало его теряется во мракѣ временъ. *Черниговъ*—племенной городъ Сѣверянъ, центръ земли этого племени, сохранившій значеніе политическаго центра ея во весь древнѣйшій періодъ Русской исторіи. Первое упоминаніе о немъ и при томъ, какъ о политическомъ центрѣ, находится въ договорѣ Руси съ Византіей 907 года. Одна изъ статей этого договора гласитъ, что Греки обязаны „дяти уклады на Рускыя грады: первое на Кіевъ, также на *Черниговъ*, і на Переяславль, і на Полтѣскъ, і на Ростовъ, і на Любечь, и на прочаа города, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще . . . “ (Ипатьев. Лѣт., 30). Въ настоящее время *Черниговъ*—губернскій городъ, лежитъ на р. Стрижнѣ, недалеко отъ впаденія его въ р. Десну. Въ немъ сохранились остатки древнихъ укрѣпленій.

Карты Украины и Запорожья и планы р. Днѣпра.

Д. И. Эварницкаго.

До первой половины XVII вѣка представленія въ Западной Европѣ о Польшѣ и областяхъ, входившихъ въ ея составъ, были слишкомъ фантастичны и темны вслѣдствіе того, что Польша не имѣла картъ, которыя бы давали точныя представленія о ея владѣніяхъ. Но въ первой половинѣ XVII вѣка, въ виду наступленія на Польшу турокъ и татаръ, польское правительство, въ лицѣ короля Владислава IV и короннаго гетмана Конецпольскаго, пригласило на службу французскаго инженера Боплана, родомъ изъ Нормандіи, и поручило ему, во-первыхъ соорудить рядъ крѣпостей вдоль юго-восточныхъ границъ Рѣчи Посполитой и, во-вторыхъ, составить карту южной Руси или Украины.

Принявъ такое предложеніе, Бопланъ выѣхалъ на Украину, прожилъ въ ней около 17 лѣтъ, составилъ цѣлую книгу „Описаніе Украины“ и нѣсколько картъ Польши и Украины. Впослѣдствіи всѣ планы и карты были изданы частію въ Руанѣ, частію въ Данцигѣ, частію въ городахъ Голландіи.

Карты Украины, составленныя Бопланомъ, раздѣляются на двѣ категоріи: 1) карты общія или генеральныя, представляющія Украину въ общемъ видѣ; 2) карты спеціальныя, изображающія ту или другую область Украины въ отдѣльности.

Изъ двухъ категорій картъ первая категорія, т.-е. общія карты, не представляетъ особеннаго интереса, за то карты второй категоріи чрезвычайно цѣнны и незамѣнимы. Самое печатаніе ихъ, порученное извѣстному въ XVII вѣкѣ граверу Вильгельму Гондіусу, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Надъ составленіемъ послѣднихъ картъ Бопланъ, по его собственнымъ словамъ, трудился около 8 лѣтъ и составилъ ихъ послѣ личнаго и вполне основательнаго знакомства съ топографіей каждаго края или области.

И точно, карты эти имѣютъ значеніе многосторонняго научнаго матеріала, начиная съ гидрографіи и флоры края и кончая извѣстными шляхами и указаніемъ количества населенныхъ пунктовъ въ различныхъ областяхъ Украины.

Всѣ эти карты вышли отдѣльно отъ его общей карты Украины, приложенной къ сочиненію „Описаніе Украины“, и большей частью совсѣмъ неизвѣстны многимъ

Названія нѣкоторыхъ рѣкъ искажены до неузнаваемости: Демокань, читай Домоткань, Замохань, читай Самоткань, Осигаровка, читай Осокоровка, Качавайца, читай Кичкаса, Винарадна крица, читай Винаградна криница и т. п.

Изъ 265 острововъ, разбросанныхъ на р. Днѣпрѣ въ предѣлахъ Запорожья, названо всего только около десятка и то лишь, начиная съ острова Романовскаго противъ теперешняго села Романкова, Екатеринослав уѣзда, а до тѣхъ поръ не указано ни единого острова на р. Днѣпрѣ.

Заборы на р. Днѣпрѣ, какъ напримѣръ, Стрѣльчья, Княгинина, Таволжанская, названы порогами; порогъ Лишній передѣланъ до неузнаваемости въ Лачный.

Изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ обозначенъ только лишь Черный лѣсъ; нѣтъ отвѣчнаго, тысячелѣтняго лѣса—Чуты, какъ нѣтъ и теперь еще знаменитыхъ въ нашей губерніи лѣсовъ на р. Самарѣ, Орели, Волчьей (Дибривка), бывшихъ лѣсовъ на островѣ Хортицѣ, на рѣчкѣ Гайчурѣ и др.

Изъ запорожскихъ поселеній названы только: самая Сѣчь, потомъ селенія—Хортица, на правомъ берегу р. Днѣпра, противъ острова этого же имени; Гайрань, ниже предшествовавшаго селенія; Томаковка, какой-то Кацане-Тополь на р. Орели и безымянный поселокъ близъ лѣваго берега р. Ингульца, „приблизительно на широтѣ, одинаковой съ Коцацкимъ порогомъ“. Неужели же въ первой половинѣ XVII вѣка у запорожцевъ только и было 6 поселеній на всемъ протяженіи огромной территоріи ихъ владѣній, имѣвшей по правой сторонѣ Днѣпра сверху внизъ 800 верстъ и по лѣвой сторонѣ Днѣпра 850?

Далеко неполонъ и тотъ перечень городищъ или развалинъ башенъ, какъ напр., *Balneum Vitholdi*, Тягинка, Осламъ-Кермень, Рогать-Кермень, который представленъ на картѣ Боплана. Трудно догадаться, что разумѣлъ Бопланъ подъ именемъ *Vestigia arcis Siemimaiki*, если не призвать на помощь указаніе другого иностранца, приѣзжавшаго гораздо раньше Боплана, Эриха Ласоты, который приблизительно тамъ, гдѣ Бопланъ ставитъ *Siemimaiki*, называетъ урочище Семь маяковъ.

Объясненіе причины такой неполноты мы находимъ у того же Боплана на одной изъ страницъ его сочиненія „Описаніе Украйны“, гдѣ онъ заявляетъ, что онъ не доходилъ до острова Хортицы, и потому сообщаетъ только то, что почерпнулъ изъ рассказовъ другихъ, и не считаетъ возможнымъ выдавать все это за чистую монету¹⁾.

При всей неполнотѣ, при всей неточности и при всѣхъ искаженіяхъ, извинительныхъ для иностранца, для Запорожья въ XVII вѣкѣ карта Боплана единственный, и потому ничѣмъ незамѣнимый источникъ. Съ этой картой Запорожье переходитъ и въ XVIII вѣкъ.

Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся прежде всего съ картой инженеръ-подполковника Даниэля де-Боксета.

Эта карта носитъ полное названіе такое: „Генеральная карта отъ Кіева по Днѣпру до Очакова по степи до Азова съ показаніемъ Новой Сербіи со слобод-

1) Тамъ же, стр. 14.

скимъ козачьимъ поселеніемъ и украинскою линією, такожь турецкой области и польскаго владѣнія съ Россійскою имперією границъ. Составлена въ 1751 году инженеръ подъ-полковникомъ Даніэлемъ Дебоксетомъ и подписана генераль-лейтенантомъ Хорватовымъ“.

Карта эта сочинена еще въ 1740 году и находится въ Сенатскомъ архивѣ, но копія съ нея унаслѣдована мной отъ перваго историка Запорожья, А. А. Скальковскаго. На эту карту часто ссылались запорожцы, когда у нихъ возникали споры изъ-за земельныхъ владѣній съ сосѣдями. Въ 1751 году по этой картѣ отведены были земли въ Новороссіи сербскимъ эмигрантамъ, вышедшимъ въ Россію подъ начальствомъ Хорвата и Куртича и занявшимъ земли отъ срединны южнаго Буга до Днѣпра, которыя запорожцы считали своею исконною собственностью.

На картѣ де-Боксета подробно, точно и обстоятельно обозначены всѣ населенные пункты Новосербіи и Слободскаго малороссійскаго козачьяго полка, но мало обращено вниманія на край, занятый собственно запорожскимъ войскомъ. Изъ запорожскихъ рѣкъ, напримѣръ, Орель названа совсѣмъ безъ притоковъ; Самара только съ Волчьей и Ганчуломъ; рѣка Конка протянута, но не названа; не названы ни Омельникъ, ни Самоткань, ни Дюмоткань; Ингулецъ показанъ съ Саксаганью и съ Бекеневскимъ или Бѣлымъ бродомъ на немъ; Большой Ингуль поименованъ безъ притоковъ; Бугъ съ Синюхой и Мертвыми водами.

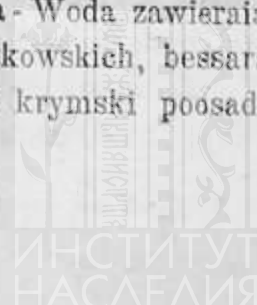
Цѣнными на картѣ де-Боксета слѣдуетъ считать указанія на мѣста Песчаной Самары, Старой Самары и Усть-Самары по берегамъ рѣки этого же имени; также указанія на запорожскіе редуты или ретраншементы—Беркуцкій, Романовскій, Протолчанскій, Соткольскій и др. Крайне интересно также указаніе мѣстонахожденія острова Малой Хортицы, тамъ, гдѣ теперь островъ Канцерской, въ Старомъ Днѣприцѣ, возлѣ острова Большой Хортицы, а не тамъ, гдѣ теперь такъ называемый „Степокъ“, т. е. выше Большой Хортицы и даже выше Кичкаса, въ чемъ увѣряетъ насъ Л. В. Падалка¹⁾. Не менѣе интересны указанія татарскихъ и турецкихъ мечетей по берегамъ р. Конки и Буга, а также указанія запорожскаго Гарда на Бугѣ и Каменской или Старой Сѣчи на Днѣпрѣ, выше г. Кызыкерменя.

Но этимъ и исчерпывается въ сущности весь интересъ карты де-Боксета для запорожскаго края.

Несравненно больше даетъ матеріала при изученіи запорожскаго края карта извѣстнаго географа, родомъ итальянца, Риччи Занони, который вызванъ былъ сослѣдственно польскимъ и турецкимъ правительствомъ во второй половинѣ XVIII вѣка для точнаго установленія пограничныхъ владѣній Польши и Турціи со стороны Буга и низовьевъ Днѣпра.

Карта эта написана на польскомъ и турецкомъ языкахъ и имѣетъ слѣдующее названіе: „Karta granic Polski, zaczawszy od Balty aż do rzeki, Sina - Woda zawieraiaca slobody kosakow, humanskich i zaporohowskiech, stepy tatarow oczakowskich, bessarabskich i nohaiskich z ich ordami, tak ie w roku MDCCLXVII. Nan krymski poosadzal

¹⁾ См. Остатки старинны на Нижнемъ Днѣпрѣ, Кевъ, 1903, 5, 7.

znajdnie się tu jeszcze dalsze wyciągnięcie Bogu i Dniestru; Dnieper także od porogów aż do wпадnienia w morze Czarne. Добыта мной за границей, въ столицѣ Австріи, Вѣнѣ, какъ большая библиографическая рѣдкость; напечатана въ моемъ трудѣ „Вольности запорожскихъ козаковъ“.

Въ предѣлахъ Запорожья она начинается, однако, слишкомъ низко,—отъ села Новаго Кодака, и кончается устьемъ праваго притока рѣки Днѣпра, рѣчки Каменки, гдѣ была у запорожцевъ, послѣ памятнаго для нихъ полтавскаго пораженія, Каменская Сѣчь, по теперешнему, въ Херсонскомъ уѣздѣ, выше извѣстнаго Бизюкова монастыря.

На картѣ Риччи Занони названы всѣ наиболѣе извѣстные правые и лѣвые притоки р. Днѣпра со множествомъ ихъ собственныхъ притоковъ; перечислены всѣ пороги и заборы Днѣпра; названы многія крѣпости, селенія и зимовники, совершенно неизвѣстные на предшествующихъ картахъ; обозначены горы, лѣса, озера, лиманы, долины. Кромѣ того, на ней же указаны, начиная отъ лѣваго притока Днѣпра, Конки, внизъ къ морю, древнія турецкія мечети, развалины городовъ и крѣпостей, что представляетъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для всякаго, кто занимается вопросомъ о городищахъ въ области нижняго теченія Днѣпра.

Крайне любопытны также нѣкоторыя отмѣтки на картѣ Риччи Занони, въ родѣ слѣдующихъ: Dawnie kuznie, близъ Сѣчи Подшиленской; Stary kosciol, немного выше мѣста той же Сѣчи; Skok Koguci, Skok owezy, Skok konia bialego, Piekna gora, Belweder spalona, Wiska spalona, Kaplica drewniana, Grob Pauluka (на правомъ притоку р. Ингула, Боковой), Withold Hammamu (баня Витольда, при устьѣ р. Великаго Ингула).

У А. А. Скальковскаго всѣ эти и подобныя имъ названія на картѣ Риччи Занони вызываютъ недоумѣніе и объясняются имъ „пламеннымъ воображеніемъ какого-нибудь козака“, сочинившаго ихъ для иностранца¹⁾; но для меня лично многія изъ нихъ вполне понятны и вполне объяснимы. Почему не могло быть Овечьяго скака или брода, могилы Павлюка, Спальной деревни, когда мы знаемъ у запорожцевъ все это, исключая могилы Павлюка, и на другихъ картахъ, а также и въ новой устной рѣчи. Даже названіе могила Павлюка не возбуждаетъ у меня сомнѣнія, потому что позднѣе, на планѣ Сѣчи инженеръ-подполковника де-Боксета мы читаемъ отмѣтку „Могила Кошеваго“ (безъ фамиліи), въ дѣйствительности могила кошеваго атамана Стефана Гладкаго, въ теперешнемъ с. Покровскомъ, Екатеринославскаго уѣзда, въ чемъ можно было убѣдиться, прочитавъ надпись на могильномъ крестѣ, видѣнную мной и прочитанную въ 1887 году. Если въ настоящее время нѣтъ могилы Павлюка, за то есть рѣчка Павлюкъ, выходящая съ правой стороны Днѣпра и впадающая въ р. Подшильную, какъ разъ противъ мѣста бывшей Чортомлыцкой Сѣчи.

Но при всемъ томъ планъ Риччи Занони имѣетъ и свои недостатки; главнѣйшій изъ нихъ состоитъ въ томъ, что на немъ представлена полностью только право-

¹⁾ Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края, Одесса, 1850, I, 30.

бережная сторона "запорожскихъ владѣній; лѣвобережная же сторона, исключая самаго Приднѣпровья, совсѣмъ не нанесена на карту, потому что нанесеніе всего лѣвобережнаго Запорожья не входило въ задачу Риччи Занони.

Отъ XVIII вѣка, кромѣ общихъ плановъ Запорожья, сохранились еще планы отдѣльныхъ мѣстъ или урочищъ запорожскихъ.

Такъ, извѣстны два плана названнаго выше инженеръ-подполковника Даніэля де-Боксета, составленные имъ въ 1742 году, по порученію императрицы Елизаветы Петровны. Это — планы запорожской Сѣчи съ ситуациею и запорожскаго Гарда на р. Бугѣ.

Оба эти плана чрезвычайной цѣнности. Подлинники ихъ находятся въ архивѣ Военно-топографическаго депо Генеральнаго Штаба, а копіи воспроизведены г. Шмидтомъ въ изданіи „Записокъ Одесскаго Общества исторіи древности“.

На планѣ Запорожской Подпильной Сѣчи представлено мѣстоположеніе ея на р. Подпильной, противъ устья вѣтки Сыси (т.-е. Сысиной), идущей прямо въ Днѣпръ. Внутри и внѣ Сѣчи обозначены: комендантскій домъ, дома офицерскіе, инженерная квартира, солдатскіе казармы, артиллерійская квартира, пороховой погребъ, гауптъ-вахта, слобода козаковъ запорожскихъ, замокъ запорожскихъ козаковъ, церковь запорожская, курени запорожскихъ козаковъ, хутора козацкіе, дорога къ Мишурину-Рогу и въ Переволочну, дорога къ Хортицкому острову и въ Усть-Самару, плавни, которыя „понимаются“ вешнею водою, проходъ и проѣздъ плавнями до Днѣпра и, наконецъ „могила кошевого“, какъ сказано выше, Стефана Гладкаго, умершаго въ 1746 году.

Также интересенъ и планъ запорожскаго Гарда на Бугѣ, того же Даніэля де-Боксета.

На немъ обозначенъ среди р. Буга большой и очень скалистый островъ, на которомъ „Запорожскіе козаки жительство имѣютъ“ и на этомъ же островѣ показана запорожская церковь; на протяженіи самой рѣки обозначены гарды или „рыбные заколы“, подѣланные запорожцами для ловли рыбы; затѣмъ вдоль береговъ рѣки отмѣчены мѣста, гдѣ запорожцы жительство осенью имѣютъ; также отмѣченъ всякій берегъ рѣки, гдѣ имѣется камень, называемый Пугачъ, до 20 сажень вышиной¹⁾; наконецъ, протянута—козацко-турецкая граница отъ р. Буга и Великаго Конара²⁾.

Въ такой же мѣрѣ интересенъ и „Планъ Старой (т.-е. Чортотмыцкой) Сѣчи козаковъ запорожскихъ“, снятый по приказу графа фонъ-Миниха съ цѣлью закрѣпленія за запорожцами ихъ бывшихъ владѣній по возвращеніи изъ-подъ власти Турціи въ предѣлы Россіи и скрѣпленный собственноручною подписью графа въ лагерь при р. Каменкѣ, 24 мая, 1738 года. Подлинникъ его также находится въ военно-топографическомъ депо Генеральнаго Штаба, а копія напечатана въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (томъ IV).

Вокругъ мѣста бывшей Чортотмыцкой Сѣчи названы три большія рѣчки—Чорто-

¹⁾ Это названіе сохранилось и до сихъ поръ. См. мое сочиненіе Запорожье, т. II, стр. 151, 152.

²⁾ Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. IV.

млыкъ, Скарбна и Павлюкъ и четвертая обозначена безъ названія (на другихъ планахъ Лапинка). На двухъ первыхъ рѣчкахъ показана, въ различныхъ мѣстахъ теченія, и глубина ихъ—на Чортомлыкѣ отъ 2 до 3 сажень, на Павлюкѣ отъ 12 до 19 футовъ. Въ центрѣ Сѣчи обозначена бывшая запорожская крѣпость; кругомъ отмѣчены мѣста, гдѣ быть верфямъ, елентамъ для спуска судовъ, канавамъ, палисадамъ, мастерскимъ избамъ, кузницамъ.

Дополненіемъ къ этимъ планамъ Сѣчи Подпиленской и Сѣчи Чортомлыцкой могутъ служить два рукописныхъ плана тѣхъ же Сѣчей, найденные мной въ конторѣ имѣнія Великаго князя Михаила Николаевича, села Грушевки, Херсонскаго уѣзда, находящейся въ 10—12 верстахъ отъ мѣста бывшей Подпиленской Сѣчи. Планъ этотъ, какъ значится въ его картушѣ, составленъ по указу Новороссійской губернской канцеляріи въ 1782 году, 1 марта, въ должности замлембра Волошскаго гусарскаго полка подпоручикомъ Степаномъ Дребеніемъ на слободы Покровскую и Копыловку съ принадлежащими къ нимъ землями, въ количествѣ 45,922 десят. 2,113 кв. сажень изъ запорожскихъ казенныхъ земель, которыя были размежеваны во владѣніе его сіятельства господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генераль-прокурора и кавалера князя Александра Алексѣева сына Вяземскаго. Планъ утвержденъ государственною печатью Императрицы Екатерины II и подписью губернатора Григорія Языкова съ двумя его товарищами. Земля значилась въ Новороссійской губерніи, Никопольскаго уѣзда. Вокругъ Чортомлыцкой Сѣчи на планѣ обозначено 5 рѣчекъ — Чортомлыкъ, Лапинка, Скарбная, Павлюкъ, Скарбная другая; на самой Сѣчи показанъ виноградный садъ; къ западу отъ Сѣчи показаны—виноградный садъ, садъ разныхъ деревьевъ, выше этихъ садовъ слобода Копыловка, а выше Копыловки, на 400 сажень къ сѣверу, очень большое земляное, въ видѣ ромба, укрѣпленіе, имѣющее въ основаніи 1000 сажень, по верхней линіи 600, съ восточной стороны около 307, съ западной около 450.

Когда и для какихъ цѣлей сооружено это земляное укрѣпленіе, на планѣ не сказано. Можетъ-быть, это тотъ самый редутъ, который построенъ былъ „отъ россиянь въ 1738 году“, какъ объ этомъ говорить въ своей „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ инженеръ-подпоручикъ князь С. И. Мышецкій, находившійся въ Сѣчи съ 1736 по 1740 годъ для произведенія тамъ крѣпостныхъ работъ ¹⁾.

На планѣ бывшей Подпиленской Сѣчи обозначены рѣчки — Подпольня и ея рукава— Ширай, Новая Сысина, Старая Сысина; между правымъ берегомъ Сысиной и другой безымянной рѣчкой показано большое Городище, которое съ этимъ же названіемъ извѣстно и въ настоящее время; далѣе обозначенъ Каменскій лиманъ, куда падаетъ Подпольня. На мѣстѣ бывшей Сѣчи показаны валы, редуты и у берега Подпольни церковь; за валами отмѣчена ея слобода Покровское и выше слободы могила кошевого безъ имени, очевидно, Стефана Гладкаго.

Нельзя не отмѣтить также въ числѣ картъ отдѣльныхъ мѣстъ Запорожья и „Карту запорожскихъ урочищъ“ неизвѣстнаго года, но сдѣланную несомнѣнно еще до паденія Запорожья, также сохраняющуюся въ томъ же военно-топографическомъ депю Генеральнаго Штаба.

¹⁾ Исторія, Одесса, 1852, 69.

Тр. XIII Археол. съѣзда, Т. II.

Карта эта начинается нѣсколько выше Микитовки (теперешняго Никополя, Екатеринославскаго уѣзда) и кончается у турецкой крѣпости Кызыкермена (теперешняго Берислава, Херсонскаго уѣзда); на ней интересна ситуація „р. Конскихъ-Водъ, по-татарски Ель-Кысу“, съ притоками Янчокракомъ и Карачокракомъ, куда въ 1689 году шли съ російско-казацкими войсками противъ Крыма князь В. В. Голицынъ и гетманъ И. С. Мазепа; далѣе, интересно указаніе мѣстонахожденія крѣпости, на лѣвомъ берегу Днѣпра, Каменнаго Затона; ниже Каменнаго Затона—урочище Песчанья кучугуры, а по-запорожски Святое, и еще ниже — острова Скалозубки, балки Золотой рѣчки Дурной и балки Валивалы¹⁾.

Этими картами въ сущности и исчерпывается весь картографическій матеріалъ, касающійся запорожскаго края до 1775 года. Я не буду говорить о небольшой картѣ геодезиста Семена Леонтьева 1758 года, а также о картѣ Елисаветградской провинціи 1772—1774, изданной извѣстнымъ изслѣдователемъ южнорусской старины Ястребовымъ. Обѣ эти карты незамѣнимы для того, кто занимается вопросомъ о поселеніи въ Новороссіи сербскихъ эмигрантовъ, вышедшихъ сюда изъ Австріи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ²⁾.

Но мы имѣемъ нѣсколько картъ бывшаго Запорожскаго края и планы Днѣпра составленныхъ послѣ политической смерти Запорожья. Слѣдуетъ ли пользоваться ими историку Запорожья? Въ однихъ случаяхъ показанія ихъ безусловно слѣдуетъ брать во вниманіе, когда дѣло идетъ о гидрографіи, и топографіи, флорѣ края; въ другихъ не слѣдуетъ, напримѣръ, при разсмотрѣніи селъ и хуторовъ, возникшихъ на территоріи бывшаго Запорожья послѣ паденія Сѣчи.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить въ этомъ отношеніи „Генеральную карту Новороссійской губерніи, раздѣленную на уѣзды, сочиненную въ 1779 году Иваномъ Исленьевымъ“ и напечатанную въ моемъ сочиненіи „Вольности запорожскихъ казаковъ“.

Уже при одномъ разсмотрѣніи рѣкъ и ихъ притоковъ въ предѣлахъ Запорожья видно, что карта Исленьева оставляетъ за собой все предшествовавшія, такъ какъ на ней представлены не только прибрежныя владѣнія бывшаго Запорожья, какъ напримѣръ, на картѣ Риччи Занони, но въ полномъ объемѣ и лѣвобережныя по бывшую живую грань казацко-татарскихъ владѣній, рѣчку Конку.

Въ частности любопытно указаніе на существованіе р. Желтой или Желтыхъ-Водъ, притока р. Ингульца, на которой была знаменитая битва Желтоводская, гетмана Богдана Хмельницкаго съ поляками, 8 мая, 1648 года, но которую напрасно мѣстный изыскатель старины А. И. Егоровъ относилъ къ рѣкѣ Днѣпру и даже отождествлялъ не съ рѣчкой, а съ балкой Глиняной, у деревни Катерино-Григорьевки³⁾.

Также любопытно указаніе на существованіе трехъ рѣчекъ на правомъ берегу р. Днѣпра, какъ разъ противъ середины острова Большой Хортицы, Верхней, Средней и Нижней Хортицы. Это указаніе тѣмъ важно, что оно даетъ полное основаніе приу-

¹⁾ Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. IV.

²⁾ Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. III и т. XIV.

³⁾ См. мое сочиненіе „Вольности Запорожскихъ казаковъ“, С.-ПБ. 1898. 219.

рочивать мѣстонахожденіе острова Малой Хортицы именно къ теперешнему острову Канцерскому, находящемуся въ Старомъ Днѣприцѣ, противъ середины Большой Хортицы, а не къ урочищу „стенку“, находящемуся на 6 верстѣ выше его верхней головы Большой Хортицы.

Меньше подробностей даетъ „карта, представляющая Азовскую и Новороссійскую губерніи съ показаніемъ смежныхъ къ онымъ земель. Сочинена въ 1778 году мѣсяца сентября“.

Рукописный подлинникъ этой карты находится въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но копія съ него напечатана во второмъ изданіи моего труда „Вольности запорожскихъ казаковъ“, 1897 года.

На этой картѣ интересны главнымъ образомъ показанія отмѣченныхъ запорожскихъ шляховъ, Муравскаго, Чумацкаго, Коржеваго и друг., которые служили главными артеріями торговли и промышленности не только Запорожья, но и всей Гетманщины, а отчасти и разныхъ окраинъ Московскаго государства.

Остаются еще карты р. Днѣпра въ предѣлахъ бывшаго Запорожья.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить планъ части пороговъ Днѣпра 1779 года и планъ части р. Днѣпра 1780 года, изъ коихъ каждый рукописный и каждый представляетъ собой unicum.

Первый изъ этихъ плановъ найденъ мной, въ числѣ другихъ бумагъ, у владѣльца с. Попаснаго, Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда, Н. В. Родзянки. Онъ принадлежалъ ивѣстному въ концѣ XVIII вѣка устройтелю каналовъ въ порогахъ Днѣпра, полковнику М. Л. Фалѣеву, съ которымъ фамилія Родзянокъ находится въ отдаленномъ родствѣ, и составленъ имъ, какъ есть основаніе думать, именно въ виду устройства каналовъ въ Днѣпрѣ. Объ этомъ можно судить по тому, что на немъ обозначены цифрами тщательно и точно глубина и ширина фарватера въ порогахъ Днѣпра, показаны грунтъ ложа и ходъ судовъ, названы острова, пороги и заборы, и попутно, по берегамъ рѣки, поименованы балки, крѣпости, селенія, зимовники. На обратной сторонѣ этого плана стоитъ цифра 13, написанная старымъ почеркомъ, изъ чего можно заключить, что этотъ планъ входитъ только, какъ одинъ нумеръ, въ составъ цѣлой серіи нумеровъ плановъ порожиистой части Днѣпра. Такую догадку подтвердилъ и самъ собственникъ этого плана, заявивъ, что другіе №№ плановъ дѣйствительно существовали, но за давностью времени, исчезли.

Другой планъ части рѣки Днѣпра, 1780 года, сочиненный премьеръ-майоромъ Егоромъ Араповымъ, составлялъ иѣкогда собственность мѣстнаго обывателя гор. Екатеринослава, старшаго нотаріуса А. И. Егорова. Въ свое время съ этого плана снята была мной точная копія, которая находится теперь въ областномъ Музеѣ имени А. Н. Поля. Планъ Днѣпра Егора Арапова представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ захватываетъ гораздо большій районъ, нежели планъ Фалѣева, хотя и не имѣетъ такой цѣнности. На немъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ глубины и ширины порожиистой части Днѣпра; но зато есть названіе острововъ, балокъ, селеній и хуторовъ, начиная отъ Переволочны и кончая почти у Никополя.

Въ общемъ оба эти плана представляютъ большой интересъ для того, кто изу-

часть запорожскій край и оба же они напечатаны въ виду XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ на счетъ Екатеринославскаго губернскаго земства.

Дополненіемъ къ плану Арапова можетъ служить „рукописный атласъ рѣки Днѣпра 1786 года“ адмирала Петра Ивановича Пуцина, составляющій собственность Императорской Публичной Библиотеки въ С.-Петербургѣ и хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи ея, подъ знаками Т. IV, 267. Топографическія данныя, которыя извлекаетъ изслѣдователь изъ этого атласа, отличаются точностью и опредѣленностью, тѣмъ болѣе, что онъ захватываетъ гораздо большій районъ Днѣпра, нежели планъ Арапова: по теперешнему отъ самаго села Троицкаго, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, и дальше г. Алешекъ Таврической.

Наконецъ, не можемъ не сказать также о рукописномъ планѣ, хранящемся въ Москвѣ, въ Archivѣ Иностранныхъ Дѣлъ, острова Большой Хортицы, сочиненномъ геодезистомъ Иваномъ Елагинымъ, въ концѣ XVIII вѣка (даты нѣтъ), въ большомъ масштабѣ, представляющемъ также въ своемъ родѣ *unicum* и дающемъ точный отвѣтъ относительно вопроса о томъ, въ какомъ именно мѣстѣ находилась Малая Хортица относительно Большой, т.-е. тамъ, гдѣ показано на картѣ де-Боксета, генеральной картѣ Азовской губерніи и на картѣ части рѣки Днѣпра и Азовскаго моря, въ старомъ Днѣприцѣ, противъ середины Большой Хортицы, между рѣчками Хортовками.

Планъ этотъ, въ числѣ другихъ, также напечатанъ въ моемъ трудѣ „Вольности запорожскихъ казаковъ“, въ изданіи 1897 года.

Вотъ тѣ, такъ сказать, топографическія вѣхи, которыя необходимы каждому, кто беретъ на себя задачу изучить край бывшаго Запорожья, понять движеніе происходившихъ въ немъ историческихъ событій, ясно и точно представить ихъ и избѣгать въ большей или меньшей степени невольныхъ ошибокъ и погрѣшностей.

Запорожская старина.

Д. И. Эварницкаго.

Историки стараго типа довольствовались, при изложеніи судебъ извѣстнаго края, области, государства, чаще всего лѣтописнымъ или архивнымъ матеріаломъ. Изрѣдка они прибѣгали къ сырому этнографическому матеріалу. Первый историкъ Запорожья А. А. Скальковскій, написавшій свой, и до сихъ не утратившій цѣнности, трудъ „Исторія Новой Сѣчи“, также главное свое вниманіе обратилъ на матеріаль, составлявшій нѣкогда богатства запорожскаго архива. Въ меньшей мѣрѣ онъ использовалъ историческія думы и пѣсни; но онъ чрезвычайно мало удѣлилъ вниманія на такое богатое наслѣдіе, оставшееся послѣ запорожцевъ, какъ священно и церковно богослужебныя книги съ сдѣланными на нихъ надписями, какъ образа хоругви, церковная утварь, утварь домашняя, одежда, вооруженіе, самыя могилы, остатки куреней, будинковъ, земляныхъ укрѣпленій и т. п.;—почти все это прошло мимо него.

А между тѣмъ это даетъ огромный матеріаль для каждаго изслѣдователя и освѣщаетъ бытъ Запорожья въ различныхъ отношеніяхъ.

Уже болѣе 25 лѣтъ я занимаюсь осмотромъ, собираніемъ и изученіемъ этнографической старины на всемъ пространствѣ бывшаго Запорожья и дальше его предѣловъ, но въ послѣдніе три года, въ виду предстоящаго XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ, мнѣ пришлось вновь объѣхать различныя мѣста бывшаго Запорожья, вновь пересмотрѣть запорожскую старину. При этомъ могу отмѣтить съ удовольствіемъ тотъ фактъ, что объѣзжая запорожскія мѣста сызнава и снова пересматривая оставленное запорожцами наслѣдіе, я нашелъ и новый, доселѣ мнѣ неизвѣстный матеріаль, частью церковнаго, частью нецерковнаго характера.

У запорожскихъ казаковъ первою по времени святынею былъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, основанный во второй половинѣ XVI вѣка на обширномъ островѣ между р. Самарью и ея рукавомъ Самарчикомъ, въ 3 верстахъ отъ теперешняго г. Новомосковска.

Далѣе слѣдовала церковь на Микитиномъ Рогѣ, гдѣ была у запорожцевъ Микитинская Сѣчь (теперь м. Никополь), когда гетманъ Богданъ Хмельницкій, послѣ

славной побѣды при Желтыхъ Водахъ, одержанной имъ надъ поляками въ 1647 году, прислалъ на сѣчевыхъ священно-служителей 300 талеровъ въ подарокъ¹⁾.

Затѣмъ церковь во имя архистратига Михаила въ селѣ Старомъ Кодакѣ, у праваго берега Днѣпра, ниже слободы Половицы или теперешняго г. Екатеринослава.

Далѣе, церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы на мѣстѣ Подпиленской Сѣчи, въ теперешнемъ с. Покровскомъ, Екатеринославскаго уѣзда.

Наконецъ, церковь въ с. Лычковомъ на лѣвомъ берегу р. Орели, теперь Новомосковскаго уѣзда.

Въ настоящее время главнѣйшими очагами запорожской церковной старины оказались двѣ церкви Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, соборная церковь города Новомосковска, главная церковь мѣстечка Никополя, церковь с. Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сѣчь; кромѣ того, Георгіевская церковь мѣстечка Петриковки, Новомосковскаго уѣзда основанная послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ; церковь села Чернетчины, того же уѣзда, за время Запорожья, принадлежавшаго къ Нехворощанскому Заорельскому монастырю, впоследствии, съ уничтоженіемъ монастыря, вольнаго села, наконецъ, церковь с. Старога Кодака, на 12 верстѣ ниже г. Екатеринослава.

Въ церкви села Лычкова только пахнетъ Запорожьемъ, но уцѣлѣло древностей слишкомъ мало.

Замѣчу, что почти въ каждой изъ поименованныхъ и непоименованныхъ церквей на ряду съ предметами старины церковнаго характера имѣются предметы и нецерковнаго характера, хотя въ значительно меньшемъ сравнительно количествѣ.

Что касается другихъ очаговъ запорожской старины, т.-е. нашихъ старо-панскихъ домовъ, то такими оказались: домъ гг. Родзянокъ, въ селѣ Попасномъ, Новомосковскаго уѣзда; домъ Г. П. Алексѣева (мать его по фамилиі Запорожская), въ м. Котовкѣ того же уѣзда; домъ г-жи Чернявской, въ хуторѣ Богачкѣ на р. Орели, того же уѣзда; домъ Магденки, въ хуторѣ Сѣчкореvkѣ на Кильчени, того же уѣзда; домъ В. И. Маламы, урожденной Синельниковой, въ с. Никольскомъ у Ненасытецкаго порога; домъ А. А. Иваненка, въ с. Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда, и домъ Тихомировыхъ, въ хуторѣ Благодатномъ, того же уѣзда.

Въ Самарскомъ монастырѣ отъ запорожцевъ осталось не мало предметовъ старины. Таковъ прежде всего поясной портретъ полковника Аѳанасія Ѳедоровича Колпака. Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ приобрѣлъ извѣстность, въ качествѣ полковника запорожскаго войска, съ 1771 года, когда онъ, по приказу главнокомандующаго россійскими войсками, кн. Долгорукова, дѣйствовалъ съ запорожскими казаками въ низовьяхъ Днѣпра, близъ Збурьевскаго лимана и захватилъ тамъ, „по казачьему обычаю“, нѣсколько турецкихъ кораблей. За свои храбрые подвиги противъ турокъ и татаръ Колпакъ былъ награжденъ императрицей Екатериной II большою золотою медалью для ношенія на шеѣ. Послѣ уничтоженія Запорожья онъ получилъ участокъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 74.

земли у лѣваго берега р. Орели и основаль здѣсь два села Аванасьевку и Колпаковку, и затѣмъ былъ выбранъ первымъ предводителемъ дворянства теперешняго Новомосковского, а тогда Алексапольскаго уѣзда.

Подобный же портретъ полковника Аванасія Федоровича Колпака имѣется и въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Кто писалъ тотъ и другой портретъ и почему одинъ изъ нихъ попалъ въ Москву, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Интересенъ также портретъ такъ называемаго „дикаго пона“, находящійся въ томъ же Самарскомъ Пустыно-Николаевскомъ монастырѣ. Дикій попъ — звѣстная личность въ нашемъ краѣ, но о немъ мы имѣемъ слишкомъ мало точныхъ данныхъ. Извѣстно, однако, что настоящая его фамилія Тарахъ-Тарловскій, Кирилль Николаевичъ. Родомъ онъ былъ изъ Польши, но учился въ Кіевской Духовной Академіи и кончилъ курсъ около половины XVIII ст.; по окончаніи курса женился на дворянкѣ Софьѣ Ходавской, племянницѣ всесильнаго впоследствии Новороссійскаго генераль-губернатора В. А. Черткова, черезъ что, какъ говорятъ одни, и сдѣлалъ себѣ карьеру, понавъ въ столицу ко двору. По другому разсказу онъ будто бы вѣнчалъ императрицу Елизавету Петровну съ гр. Разумовскимъ въ г. Козельскѣ, и потому сразу сдѣлался любимцемъ Государыни, былъ взятъ Ею въ Петербургъ, гдѣ назначенъ былъ „лейбъ-компани“ священникомъ.

Послѣднее извѣстіе подтверждается тѣмъ документомъ, который напечатанъ въ матеріалахъ Екатеринославскаго уѣзда епископа Феодосія: „По указу Е. В. Государя Императора Петра Федоровича самодержца Всероссійскаго и пр., и проч., и проч. Объявитель сего находившійся въ бывшемъ лейбъ-компани корпусѣ при церкви священникъ Кирилль Тарловскій, который, по имянному Е. И. В. высочайшему указу, по упраздненіи оной церкви черезъ военную коллегію присланъ въ св. прав. синодъ, поданнымъ св. синоду прошеніемъ просить о увольненіи его за болѣзнию отъ ото всѣхъ мѣстъ, а до выздоровленія и свободы отъ тѣхъ болѣзней, о дачѣ ему отъ св. правит. синода указа о житіи ему С.-Петербургѣ, въ Бѣлоградской и Малороссійской епархіяхъ свободно съ отправленіемъ священнодѣйствій, по указу Е. И. В. и по опредѣленію св. правительствующаго синода велѣно ему священнику Кириллу Тарловскому, до освобожденія отъ показанныхъ его болѣзней, въ С.-Петербургѣ и реченныхъ епархіяхъ, гдѣ онъ пожелаетъ, жительство имѣть позволить, а священнослуженіе отправлять съ вѣдома и дозволенія оныхъ мѣстъ епархіальнымъ архіереемъ, и о томъ дать ему Тарловскому паспортъ; чего ради сей паспортъ отъ св. прав. синода ему священнику Тарловскому и данъ апрѣля 25 дня 1762 года“.

Отсюда начинается сплошная легенда о томъ, какъ священникъ Кирилль Николаевичъ Тарловскій попалъ въ дикую степь Запорожья, теперешній Новомосковский уѣздъ, на р. Самарь, какъ его открылъ запорожскій развѣздъ, какъ привезли его въ Сѣчь и какъ сѣчевики прозвали его „дикимъ попомъ“, потому что онъ былъ пойманъ въ дикой степи, какъ ловятъ въ ней дикую птицу и дикихъ звѣрей.

Много легендъ разсказывалось и о смерти дикаго пона. Но мнѣ удалось найти вблизи Самарскаго монастыря, въ церкви с. Воскресеновки, основанной дикимъ попомъ важный документъ, синодикъ или помянникъ маіора Василія Ивановича Тар-

ловскаго, на первомъ листкѣ котораго сдѣлана надпись: „Родъ священнаго іерея Кирилла Тарловскаго онъ же и создатель храма сего и представился въ Самарскомъ монастырѣ въ каменной церкви погребенъ 1784 года декабря дня 4“.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Тарловскій былъ „создатель храма сего“ (каменнаго, вмѣсто деревяннаго, во имя святителя Николая чудотворца въ Самарскомъ монастырѣ) объясняется то, что монастырь имѣлъ его портретъ съ надписью: „Тарловскаго, портретъ священника Кирилла, щедрота коей (sic) сей храмъ соорудила“. Я говорю имѣлъ, потому что въ настоящее время онъ совершенно исчезъ, и копія съ него имѣется въ Іосифовскомъ женскомъ монастырѣ матушки Маріи Свѣнцицкой.

Въ томъ же Самарскомъ монастырѣ есть превосходная вещь, трость кошевого атамана Филиппа Ѳедоровича Лантуха, умершаго 101 года и погребеннаго въ Самарскомъ монастырѣ. Трость состоитъ изъ камышевой палки, украшенной перламутромъ, золотомъ и усѣянная рубинами, изумрудами, и рѣзными камнями въ стилѣ Людовика XIV, и сверху камнемъ-жучкомъ, превосходно сдѣланнымъ.

Кромѣ того, имѣется большая золотая медаль, данная запорожскому есаулу Евстафію Кобелану за храбрые подвиги противу непріятеля.

Изъ церковныхъ вещей здѣсь имѣется нѣсколько чашъ, евангелій, крестовъ и т. п., не раньше, впрочемъ, половины XVIII вѣка.

Изъ рукописныхъ книгъ въ монастырѣ найдена мной рѣдкая вещь, учительное евангеліе, „повидимому конца XVI в., представляющее по языку и особенностямъ полное сходство съ Пересопницкимъ евангеліемъ, съ тою разницею, что послѣднее писано на пергаментѣ, а наше—на бумагѣ. Употребленіе юсовъ, архаизмы и окончанія волинскаго говора (пошоль, мовиль) вполне тождественны.

Въ г. Новомосковскѣ, по Запорожски въ г. Самари, прежде всего интересно самое зданіе собора. Это единственный церковный памятникъ, сохранившійся въ своей неприкосновенности до нашихъ дней. Впрочемъ, спѣшу оговориться: соборъ этотъ, простоялъ съ 1772 года по 1887 годъ; въ этомъ году былъ разобранъ до основанія, и затѣмъ благодаря ходатайству мѣстнаго землевладѣльца, гр. Ностица и вмѣшательства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества вновь сложенъ послѣ замѣны въ немъ сгнившихъ бревенъ новыми, въ такомъ точно видѣ, какъ онъ былъ сооруженъ запорожцами. Уничтожена лишь колокольня, стоявшая отдѣльно отъ храма, она замѣнена новою колокольнею, совершенно могу сказать обезобразившей собою прекрасное произведеніе талантливаго запорожскаго строителя Якима Погребняка. Въ соборѣ достаточно предметовъ церковной старины, уже давно описанныхъ мной. Укажу лишь на тѣ, какія не были мнѣ извѣстны, какъ напримѣръ, холщевые расшивные, прекрасной работы, подризники, которыми Новомосковскій соборъ оказался наиболѣе богатымъ.

Укажу также на великолѣпное запорожское евангеліе, имѣющее 1 пудъ и 30 фунтъсу, московской печати, скрѣпленное по листамъ надписью: „Сію книгу священное евангеліе отмѣннымъ своимъ коштомъ и стараніемъ рабъ Божій Іоаннъ Андреевъ сынъ Сребреникъ до храма святыхъ Живоначальныхъ Троицы въ Государственную слободу Новоселицу 1782 года мѣсяца марта 26 дня“.

Памятникъ надъ могилой кошевого атамана И. Д. Сирка.

Одна изъ чашъ Самарскаго Монастыря.

ИИЭ ДИО - ИИ А
ИИИ ИИИ ИИИ ИИИ ИИИ
ИИИ ИИИ ИИИ ИИИ ИИИ

Достоинно вниманія еще такъ называемое било, висѣвшее на стѣнѣ церкви обокъ съ главною дверью собора, въ которое ударяли церковные сторожа въ ночное время и которое представляетъ собой единственный экземпляръ во всемъ бывшемъ Запорожьѣ.

Еще больше богата предметами древностей оказалась Покровская церковь м. Никополя. Не буду называть ихъ, такъ какъ они болѣе или менѣе извѣстны и мѣстному населенію и г.г. специалистамъ, видѣвшимъ ихъ на Выставкѣ XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ.

Скажу лишь о двухъ большихъ, прекраснаго письма иконахъ (7 $\frac{1}{2}$ четвертей высоты и 5 четв. ширины) Спасителя и Богоматери. Существовало мѣстное преданіе, будто передъ этими иконами молился гетманъ Богданъ Хмельницкій передъ отдачей Украйны и Запорожья Москвѣ, въ 1654 году. Можетъ-быть, оба эти образа сами по себѣ и древни, но во всякомъ случаѣ серебряныя шаты сдѣланы гораздо позже времени гетмана Богдана Хмельницкаго. На обратной сторонѣ иконы Спасителя сдѣлана подпись, которая только въ послѣднее время была мной замѣчена: „Сна Шата изделана вцерковъ Сечевую Покровы Богоматерѣ Скошту Вельможныхъ Господь умершихъ Войска Запорожскаго Низоваго Атамановъ Кошовыхъ Константина Іоанна и племенника ихъ Андрея стараньемъ же куреня пашковскаго Атамана Пархома Яковенка 1766 февраля 1 Дня. Вѣсу 13 ф. и 15 золот.“

Точно такая же шата имѣется и на образѣ Богоматери, вѣсу 8 ф. 48 зол., но она не имѣетъ надписи, подобной, что сдѣлана на образѣ Спасителя.

Въ Покровской церкви м. Никополя были огромныя богатства, перешедшія сюда изъ сѣчевой церкви послѣ паденія Сѣчи.

Изъ описи, сохранившейся въ церкви, видно, что здѣсь было: 1) 50 серебряныхъ позолоченныхъ коронъ; 2) два куска червонцевъ лому; 3) одинъ кусокъ золота; 4) слитокъ серебра въ 24 фунта; 5) 38 нитокъ мелкаго жемчуга и 3 нитки крупнаго съ красными кораллами и червонцами на иконахъ Богоматери; 6) 153 разнаго сорта червонцевъ; 7) 50 нитокъ крупныхъ и мелкихъ коралловъ съ червонцами и янтаремъ.

Не буду перечислять остальные богатства Никопольской церкви, въ родѣ серебряныхъ лампадъ, богатыхъ ризъ, стихарей, шелковыхъ, гаптовальныхъ золотомъ и серебромъ платковъ. Съ болью въ сердцѣ замѣчу лишь, что отъ золота и серебра, жемчуга, коронъ не осталось рѣшительно ничего.

Въ Никополѣ имѣются еще у частныхъ владѣльцевъ запорожскій курень 1763 г. и будинокъ кошевого атамана Василя Григорьевича Сыча 1747 г.

Чрезвычайнымъ богатствомъ запорожской старины изобилуютъ мѣста бывшихъ запорожскихъ сѣчей, Чортомлыцкой и Подпиленской, теперешнихъ селеній Капулилки и Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда.

Въ с. Капулилкѣ уцѣлѣло нѣсколько каменныхъ надгробныхъ, съ надписями, запорожскихъ крестовъ и между ними памятникъ надъ прахомъ знаменитаго кошевого атамана Ивана Дмитріевича Сирка, умершаго въ 1680 году, 1 августа. Въ высокой степени интересно и мѣсто самой сѣчи, представляющее изъ себя небольшой, но возвышенный островъ, охваченный рѣчками: Чортомлыкомъ, Скарбною, Керовкою, Бейкусомъ, Скаженою, Бобкаемъ, Павлюкомъ и Подпильною.

Собирание древностей на мѣстѣ Чорторыжской Сѣчи поручено мной мѣстному учителю г. Ивану Марковичу Черноивану. У меня давно явилась мысль купить мѣсто, гдѣ покоится прахъ кошевого Сирка, и сдѣлать его, такъ сказать, первымъ пунктомъ для помѣщенія находимыхъ древностей на Сѣчи, а также мѣстомъ отдыха для тѣхъ многочисленныхъ туристовъ, которые часто посѣщаютъ мѣсто славной Сѣчи. Въ послѣднее время за эту же мысль ухватился и товарищъ предѣдателя мѣстной Архивной Комиссiи, А. С. Спильскій. Но пока наше дѣло не приведено въ исполненіе.

Въ с. Покровскомъ также не мало имѣется всевозможнаго рода запорожской старины. Такъ, на хорахъ мѣстной церкви лежалъ въ полномъ забвеніи иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви съ иконами, на которыхъ, между прочимъ, имѣются фигуры запорожцевъ съ булавою въ рукѣ и въ казацкихъ костюмахъ. Въ 1887 году этотъ иконостасъ видѣлъ извѣстный собиратель казацкой старины В. В. Тарновскій и хотѣлъ его пріобрѣсти для собственной коллекціи. Жители с. Покровскаго запросили съ него 10.000 руб., и сдѣлка не состоялась. Теперь этотъ иконостасъ взятъ мной безвозмездно и находится въ Музеѣ А. Н. Поля.

Близъ Подпиленской Сѣчи и на мѣстахъ Сѣчи находятся всевозможные предметы запорожской старины. Между прочимъ, находимъ деревянный якорь, двѣ запорожскія чайки, нѣсколько штукъ рѣчныхъ гарматъ и мортирокъ. Все это, кромѣ чаекъ, получено нынѣ въ собственность Музея отъ владѣльца Подпиленской Сѣчи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Отмѣчу еще два мѣста, гдѣ-мнѣ удалось найти неизвѣстные доселѣ предметы запорожской старины,—это м. Петриковка, Новомосковскаго уѣзда, гдѣ въ одной изъ церквей, а именно Георгіевской, я нашелъ серебряный съ 4 позолоченными евангелистами напрестольникъ, 1 арш. и 11 вер. длины и 1 арш. $5\frac{1}{2}$ верш. ширины, до 3 пуд., съ доской вѣсу. Затѣмъ назову с. Попельнистое, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, гдѣ найдена была, въ мѣстной церкви пока единственная метрическая книга съ записью запорожцевъ, 1772 года.

То мѣсто, гдѣ мы сейчасъ находимся, т.-е. городъ Екатеринославъ, у запорожцевъ называлась слободой Половицей, безъ сомнѣнія отъ рѣчки Половицы, праваго притока Днѣпра. Сама же рѣчка Половица получила свое наименованіе отъ слова полый, полая вода, какимъ именемъ и теперь въ разныхъ мѣстахъ губерніи именуются сухія балки, заливаемые въ весеннее время водой. Въ предѣлахъ сл. Половицы былъ погребенъ владѣлецъ прекраснаго нагорнаго мѣста теперешняго Потемкина сада, Лазарь Остаповичъ Глоба, могила котораго находится въ Городскомъ саду. Совладѣльцемъ Лазаря Остаповича Глобы былъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, у которыхъ и было куплено все мѣсто теперешняго Потемкина сада княземъ Г. А. Потемкинымъ за 500 руб.

Въ новой церкви Воздвиженія противъ архіерейскаго двора въ виду Потемкина дворца, имѣется, на колокольнѣ, предметъ запорожской старины, который каждый день вѣщаетъ обывателямъ время, но обыватели не вѣдаютъ, что устами его говорятъ запорожцы. Это небольшой колоколъ, даръ кошевого атамана Павла Ивановича Козелецкаго, правившаго Сѣчью въ 1747 году, но потомъ окончившаго свои дни, въ

званіи чернеца, въ Нехворощанскомъ Заорельскомъ монастырѣ. „Здѣланъ сей звонъ до обители Нехворощанской до храму успенія Богоматере особливомъ коштомъ, бывшаго славнаго войска 1754 года мѣсяца октября 20 дня запорожскаго атамана кошового Павла Иванова а въ монашествѣ тоеяжь обители Петра а весу внемъ 203¹ и фунтовъ 10 за всякій пудъ по девяти рублей а всего кошти 200 40 и 3²“).

Кромѣ указанныхъ мѣстъ запорожскихъ древностей назову еще нѣкоторые старопанскіе дома нашей губерніи, въ которыхъ уцѣлѣли предметы запорожской старины. Долженъ сказать, что такихъ домовъ слишкомъ мало у насъ: прежде всего домъ г.г. Родзянокъ въ с. Попасномъ, Новомосковскаго уѣзда. Здѣсь имѣются четыре фамиліныхъ портрета Родзянокъ. Портретъ Василя Родзянки съ подписью: „1732 (года) декабря 11 предвечернею преставися Василий Родзянка обозній полку миргородскаго поживе отрощества лѣтъ 80“. Портретъ Стефана Родзянки, съ гербомъ и подписью: „Року 1736 мѣсяца августа 31 преставися Стефанъ Родзянка обозній полка миргородскаго отъ рожденія поживе лѣтъ четыре десять девять“. Портретъ полковницы Анастасіи Стефановны Родзянкиной съ подписью: „Анастасія Стефановна Родзянкина полко. родил. 1720 г. генваря 11 д. представилась 1781 году маія 4 д. въ 4-мъ часу пополудни, поживе л. 61 и 24 д.“. Далѣе портретъ Іереміи Родзянки болѣе позднихъ временъ.

Изъ другихъ портретовъ историческихъ лицъ Гетманщины и Запорожья въ домѣ Родзянокъ имѣются еще портреты — гетмана Богдана Хмельницкаго, точная копія съ лучшаго портрета, писаннаго Гондіусомъ; портретъ Ивана Скоропадскаго; Павла Полуботка и Ивана Мазепы. Размѣры ихъ: 1 арш. + 13 вершк., но всѣ фигуры, кромѣ Полуботка, писаны во весь ростъ.

Наибольшій интересъ представляетъ портретъ Мазепы. До сихъ поръ наиболѣе извѣстныхъ портретовъ гетмана Ивана Мазепы у насъ было четыре. Самый общераспространенный портретъ—это такъ называемый академическій, находящійся въ одной изъ залъ Академіи Художествъ въ Петербургѣ съ надписью: „Портретъ наполянаго гетмана“ (безъ имени и фамиліи). Портретъ этотъ писанъ художникомъ И. Никитинымъ (1690—1744) и представляетъ собой старика около 60 лѣтъ, съ открытой головой, большимъ, типично-малорусскимъ лицомъ, умными, пронизывающими, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустными и какими-то разочарованными глазами, съ ровнымъ, высокимъ и красивымъ лбомъ, одѣтаго въ два казацкихъ, со шнурами и гапליками, кафтана, съ полуоткрытымъ воротомъ на шеѣ. Этотъ портретъ напечатанъ въ „Исторіи Малой Россіи“ Бантышъ-Каменскаго, также повторенъ въ „Исторіи Петра Великаго“ Брикнера, въ журналѣ „Міръ искусства“ Дигилева. Однако, вслѣдствіе неполной на немъ надписи и не существовавшего въ Малороссіи званія „напольный“ гетманъ, этотъ портретъ не признается въ настоящее время знатоками украинской старины за портретъ Мазепы.

Въ 1886 году въ Кіевѣ, въ великой церкви Кіево-Печерской лавры, на заломѣ стѣны противъ клироса, открытъ былъ другой портретъ гетмана Мазепы, писанный

1) То-есть $20 + 3 = 23$ пуда.

2) То-есть $200 + 40 + 3 = 243$ рубля.

во весь ростъ масляными красками и сохранившійся, несмотря на большой пожаръ, бывшій въ церкви въ 1718 году и на истребленіе всѣхъ портретовъ Мазепы, благодаря самому мѣсту, гдѣ они были написаны, т.-е. темному и далекому углу. Копія съ этого портрета неполная (только до пояса) и несовсѣмъ точная, была напечатана въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1887 годъ. На этомъ портретѣ Мазепа представленъ въ шапкѣ на головѣ, съ тростью въ правой рукѣ; у него „прямой продолговатый носъ, отнюдь не выдающіяся скулы, широкой открытый лобъ, правильно очерченные глаза, брови и губы, большіе менѣе висячіе усы; вообще типъ чисто малороссійскій, въ частности весьма близкій къ типу бѣлоцерковскому, выраженіе лица спокойное и пріятное, взоръ сосредоточенный и въ добавокъ никакой рѣзкой выдающейся черты въ лицѣ и въ выраженіи“¹⁾. Такъ описываетъ этотъ портретъ Мазепы Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Въ 1899 году извѣстный изслѣдователь малороссійской старины А. М. Лазаревскій, отвергая Мазепу Лебединцева, напечаталъ въ той же „Кіевской Старинѣ“ портретъ Мазепы съ гравюры Норблина и старался доказать, что только этотъ портретъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному Мазепѣ²⁾. На этомъ портретѣ Мазепа представленъ съ раздвоенной, въ видѣ двухъ длинныхъ сѣдыхъ ключковъ, бородой, безъ признаковъ усомъ, съ необыкновенно широкимъ носомъ, еще болѣе широкимъ ртомъ, избороденнымъ морщинами лицомъ, узкими, сильно прищуреными глазами и стальнымъ чисто демоническимъ, взглядомъ; ко всему этому въ высокой съ перомъ шапкѣ, въ широкомъ, слегка наброшенномъ на спину верхнемъ кафтанѣ и съ портретомъ какой-то, можетъ-быть, царственной особы.

Такое описаніе внѣшности Мазепы стоитъ въ полномъ противорѣчій съ описаніемъ гетмана, сдѣланнымъ секретаремъ шведскаго короля Карла XII Густавомъ Адлерфельдомъ, лично видѣвшимъ Мазепу и совсѣмъ иначе его изображающимъ. Мазепа, по его словамъ, былъ старикъ лѣтъ около 66 отъ роду, средняго тѣлосложенія, худощавый, безъ бороды, но съ усами по польскому обычаю; при важномъ видѣ, онъ временами проявлялъ проблески веселаго и живого порыва, шутилъ съ очень мѣткимъ остроуміемъ и развеселялъ слушателей; обладалъ большимъ тактомъ и большимъ умомъ; былъ очень образованъ и превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ³⁾.

Есть еще портретъ Мазепы неизвѣстнаго мнѣ художника, напечатанный въ сочиненіи Энгеля „Geschichte der Ukraine“, 1796 г., совершенно несходный ни съ портретомъ, изданнымъ Лебединцевымъ, ни съ портретомъ, напечатаннымъ Лазаревскимъ. Мазепа представленъ у него съ небольшой окладистой бородой, умѣренной величины усами, продолговатымъ носомъ, короткими волосами, спущенными ко лбу, съ булавою въ правой рукѣ, съ латами на груди и съ мѣховой накидкой поверхъ латъ на лѣвомъ плечѣ. Въ общемъ выраженіе лица мелкаго и ограниченнаго человѣка.

¹⁾ Кіевская Старина, 1887, январь, стр. 189.

²⁾ Кіевская Старина, 1899.

³⁾ Костомаровъ, Мазепа, С.-ПБ., 1885, 438.

Не буду говорить о других портретах Мазепы, напр., о портрете, имѣющемся въ собраніи Е. Н. Скаржинской, но спрошу: что даетъ портретъ гетмана Мазепы, открытый мной въ домѣ г.г. Родзянокъ? Этотъ портретъ есть почти точное повтореніе того самаго портрета, который былъ открытъ въ великой церкви Киево - Печерской лавры и который былъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“ О. Г. Лебединцевымъ. Мазепа изображенъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, въ невысокой мѣховою шапкѣ, въ двухъ казацкихъ кафтанахъ, съ тростью въ правой рукѣ, съ лѣвой рукой заложеною за поясъ, съ усами умѣренной длины, съ продолговатымъ, безъ выдающихся скулъ лицомъ, съ спокойнымъ и пріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ глазахъ. Вверху портрета, съ лѣвой стороны, изображено сердце; на срединѣ сердца крестъ; ниже креста два копья, остреями вверхъ, связанные бантомъ внизу; изъ-подъ сердца видны съ обѣихъ сторонъ ручка ятагана и ручка сабли; по краямъ сердца буквы: И. М. Г. З. К. К. С. П. Л. На обратной сторонѣ портрета надпись: „Иванъ Мазепа“.

Я же буду говорить о другихъ предметахъ старины, хранящихся въ домѣ г.г. Родзянокъ, напр., о рѣдкомъ планѣ Днѣпровскихъ пороговъ 1779 года изъ портфеля извѣстнаго строителя городовъ въ Новороссійскомъ краѣ, полковника М. Л. Фалѣева, — о немъ была рѣчь въ предыдущемъ докладѣ. Пospѣшу сказать о другихъ домахъ, гдѣ имѣются предметы казацкой старины.

Таковъ затѣмъ домъ оберъ-гофмейстера Высочайшаго двора Г. П. Алексѣева въ Котовкѣ Новомосковскаго уѣзда. Г. П. Алексѣевъ ведетъ свой родъ по женской линіи отъ запорожцевъ и отъ гетмана Апостола (его матушка носила фамилію до замужества Запорожской) и потому естественно находить въ его домѣ предметы гетманской и запорожской старины. Таковыхъ очень много у владѣльца Котовки: оружіе, одежда, конскій уборъ Апостола, утварь, — все это цѣнно и все хранится, какъ семейная святыня, въ обширныхъ помѣщеніяхъ владѣльца. Но еще цѣннѣе тѣ пять томовъ мемуаровъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, сына гетмана Данила Павловича Апостола, Петра Даниловича, состоявшаго сперва при русскомъ дворѣ, знавшаго многія тайныя пружины его, но потомъ, противъ воли, ушедшаго за границу и написавшаго тамъ свои воспоминанія о Россіи вообще и о Малороссіи въ частности.

Назову также домъ г-жи Чернявеной въ Богачкѣ, домъ г. Магденка въ Стукаревкѣ, гдѣ имѣются такіе рѣдкіе предметы казацкой старины, какъ портретъ ахтырскаго обознаго Павлова и въ особенности портретъ запорожскаго полковника Павла Руденка, впоследствии бургомистра г. Полтавы, писанный, по преданію, художникомъ Боровиковскимъ. Вмѣстѣ съ портретомъ Руденка въ домѣ г. Магденка имѣется и нѣсколько цѣнныхъ документовъ, относящихся до исторіи Запорожья.

Въ домѣ В. И. Маламы въ с. Никольскомъ, Екатеринославскаго уѣзда, имѣются предметы казацкой старины большой цѣны. Три подлинныхъ суконныхъ различныхъ цвѣтовъ кафтана гетмана Д. П. Апостола, съ которымъ фамилія Маламы (черезъ мать Синельникову) состоитъ въ родствѣ; двѣ гетманскія булавы, одна изъ чернаго дерева, обложенная сплошь золотомъ, другая вся изъ слоновой кости, обѣ болѣе аршина высоты; гетманское сѣдло, бархатное, алаго цвѣта, усеянное камнями и стеклами, прекрасной сохранности, которое могло бы украсить лучшей въ Россіи музей.

Большое собраніе казацкой старины имѣлось также въ домѣ А. А. Иваненка, въ с. Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда; все оно состояло изъ предметовъ вооруженія и предметовъ домашняго быта запорожскаго войска и все оно поступило, какъ и большинство изъ перечисленныхъ выше предметовъ старины, въ собственность Музея имени А. Н. Поля.

Въ домѣ г.г. Тихомировыхъ (хуторъ Благодатный, Александровскаго уѣзда) имѣлся портретъ *unicum* послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, полученный русскимъ резидентомъ Константиновымъ лично отъ хана и сохранившійся въ семьѣ г.г. Тихомировыхъ, находящихся въ родствѣ съ Константиновымъ. Портретъ этотъ полученъ въ собственность Музея Поля.

Въ г. Екатеринославѣ живутъ внуки послѣдняго кошевого атамана запорожскихъ казаковъ Осипа Михайловича Гладкаго, умершаго въ 1866 году и похороненнаго въ г. Александровскѣ, въ виду знаменитаго острова Хортицы. Можно было бы ожидать, что въ домѣ г.г. Гладкихъ, внуковъ послѣдняго кошевого атамана, найдется немало предметовъ запорожской старины. Но здѣсь оказалась только грамота Императора Николая Павловича на пожалованіе въ 1829 году полковнику „Іосифу Гладкову“ дворянскаго званія; кромѣ того оказался еще дневникъ Гладкаго, составляющій большую цѣнность въ глазахъ историка края.

Вотъ результаты тѣхъ разысканій казацкой старины, которыя я предпринималъ вмѣстѣ съ раскопками кургановъ, въ виду предстоящаго XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Полученъ богатый и разнообразный матеріаль, цѣнный и въ глазахъ историка, и въ глазахъ этнографа художника, богослова, артиста, романтика, поэта.

Дерев: рѣзные аналоги изъ съчевой церкви села Покровскаго Екатеринославскаго уѣзда и губ.

Тарловский и другие священники
вместе со своим попом.

К. Н. Тарловский или „дикій попъ.“

Василий Родзянко, обозный полку
Миргородскаго.

Василий Родзянко, обозный полку Миргородскаго.

Къ вопросу о Бѣломорскихъ казакахъ XVI в.

Гр. Бугославскаго.

На юго-западномъ берегу Онежскаго залива Бѣлаго моря между рѣчками Выгъ, хорошо извѣстной по исторіи раскола (безпоповцами), и Сумой издавна находилось нѣсколько населенныхъ пунктовъ, какъ то: Вирма, Шижня, Сухой Наволокъ и Сумы. Возникли они во времена самостоятельности Вел. Новгорода, принадлежали разнымъ новгородскимъ боярамъ и торговымъ людямъ, а затѣмъ мало-по-малу путемъ даренія, мѣны, покупки и т. п. перешли во владѣнія Соловецкаго монастыря, который изъ названныхъ деревень съ присоединеніемъ Монастырской Слободки образовалъ особую „Виремскую волостку“ съ центромъ въ с. Вирмѣ. Здѣсь проживали монастырскія власти: приказчикъ, келарь и доводчикъ. Благодаря тому, что названныя деревни расположены были по Онежскому заливу и по берегамъ впадавшихъ въ него рѣчекъ, главнымъ занятіемъ населявшихъ ихъ жителей служили, какъ и теперь служатъ, ловля рыбы, бой морскихъ звѣрей и солевареніе, а главной единицей обложенія были не обжа, сохи и т. п. земельныя единицы древней сѣверной Руси, а *луки*, т.-е. участки земли съ прилегающими къ нимъ водными пространствами, годными для „промысла“, какъ выражались въ старину¹⁾. Въ 1548 году въ Виремской волосткѣ между населеніемъ ея и представителями Соловецкой обители, видимо, произошли какія-то недоразумѣнія по взысканію повинностей. И вотъ для устраненія этихъ недоразумѣній на будущее время соборъ монастыря въ лицѣ игумена Филиппа Колычева и старцевъ 17 августа этого года (отъ сотв. м. 7056 г.) далъ названной волосткѣ „уставную грамоту“ (она напечатана въ I т. Акт. Археогр. Экспед. подъ № 221, а отсюда перепечатана въ „Собраніи важн. пам. по исторіи древн. Русск. права“ Лазаревскаго и Утина, стр. 156 и слѣд.). Изъ содержанія этой грамоты видно, что въ то время населеніе Виремской волостки составляли крестьяне, бобыли и *казаки*. Последніе наравнѣ съ крестьянами и бобылями подчинялись юрисдикціи

¹⁾ Слово „лука“ въ томъ же смыслѣ употреблено въ бывшей въ моемъ разсмотрѣніи описи Сѣско-Антоніева монастыря конца XVI в. при описаніи имѣнія Варзуги. Оно извѣстно было и въ Смоленской землѣ. Мы извѣстна по документамъ „лука Митрофановъ торгъ“, расположенная на берегу р. Дѣбра на с. отъ Смоленска, откуда, видимо, какой-то Митрофанъ производилъ торговлю товарами, привозимыми по р. Дѣбру.

мѣстныхъ монастырскихъ властей—приказчику, келарю и доводчику, платили имъ *поминки* только въ меньшемъ размѣрѣ и на другомъ основаніи. Такъ, крестьяне платили поминки съ тягла съ „житейскаго двора и луки“, бобыли со двора, а казаки лично съ человѣка. Крестьяне платили съ луки „поминки“ въ пользу приказчика 4 деньга, въ пользу доводчика 2 д., а—келаря 1 д. Бобыли же и казаки платили поминки вдвое меньше. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ грамоты, казаки были люди пришлые, осѣлости не имѣвшіе, склонные къ вышивкѣ и игрѣ въ зернь, вообще были людьми гулящими; вельдствие чего въ Виремской волосткѣ имѣли за ними особый присмотръ: домохозяева, у которыхъ они поселялись, должны были объявлять доводчику какъ о ихъ прибытіи, такъ и объ уходѣ, за неисполненіе же этого платили „пошлину“ какъ въ пользу монастыря, такъ и доводчика и т. п. Содержаніе грамоты даетъ основаніе думать, что казаки пріѣзжали въ Виремскую волостку для „промысловъ“; но чѣмъ они промышляли, трудно сказать,—по всей вѣроятности, ловлей рыбы и боемъ морскихъ звѣрей. Откуда они приходили въ волостку, неизвѣстно.

Затѣмъ, о казакахъ упоминается въ „Уставной грамотѣ“, данной 30 октября 1564 г. (отъ сотв. м. 7073) Соловецкимъ монастыремъ при томъ же игуменѣ Филиппѣ крестьянамъ Сумской волости, въ составъ которой къ тому времени вошла Виремская волостка (эта грамота напечатана въ томъ же томѣ Акт. Арх. Эксп. подъ № 262 и оттуда перепечатана въ „Хрест. по исторіи Русск. права“ М. Ф. Владимирскаго-Буданова, вып. II, стр. 220 и слѣд.). Въ этой грамотѣ казаки разсматриваются уже, какъ осѣдлые люди: для раскладки повинностей они изъ среды своей выбирали 2 человѣкъ (крестьяне выбирали 6 чел.). Раскладка разнаго рода повинностей между населеніемъ Сумской волости производилась такимъ образомъ: крестьяне платили „*обежныя деньга*“, по обжамъ; казаки же нѣтъ. Деньги же *наместничьи* и *дьячія*, и *старость городовыхъ*, и *цѣловальничкія*, и *положняникомъ на окупъ*, и *пищальныя*, и *посошныя*, и въ *городовое дѣло*, и въ *мостовщину*, и *хлѣбныя* платили въ мирное время какъ земскіе люди, такъ и казаки „по животомъ и по промысламъ и по головамъ“, а наступало военное время („ратчина“), казаки не платили означенныхъ денегъ, а платили только обежныя деньга; при чемъ основаніемъ для раскладки служили не обжа, земельное владѣніе, какого у нихъ, видимо, не было, а животы, промыслы и головы „кто чего стоитъ“. *Таможенныя деньга* земскіе люди и казаки должны были платить по торгамъ и по головѣ, „кто больше торгуетъ, тотъ больше даетъ“. Казаки, владѣвшіе усадьбой и имѣвшіе лошадей и коровъ, должны были платить ¹⁾ *выть* „по разсужденію, кто чего стоитъ“. „*Головщину*“, т.-е. денежную пеню за необнаруженіе убійцы въ предѣлахъ волости, земскіе люди и казаки платили по „разсужденію“. Въ пользу разныхъ должностныхъ лицъ волости сборы шли, какъ съ земскихъ людей, такъ и съ казаковъ, съ головы, при чемъ лица, не достигшія 15-тилѣтняго возраста, освобождались отъ платежа этого сбора. Содержаніе этой грамоты даетъ основаніе заключить, что упоминаемые въ ней казаки занимались лишь промыслами и торговлей; земледѣліемъ же они не занимались и земельного владѣнія, кромѣ усадебъ, у нихъ не было.

¹⁾ Очевидно, за пользованіе разнаго рода угодыми, какъ-то: вынасами, выгонами и т. п.

Имѣются документальныя свѣдѣнія о существованіи казаковъ въ концѣ XVI в., но уже не въ предѣлахъ прежней Двинской земли, а нынѣшняго Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губ. О нихъ упоминается въ описи движимаго и недвижимаго имущества Антоніева-Сійскаго монастыря, расположеннаго въ Холмогорскомъ уѣздѣ, составленной въ 1598 г. Климомъ Бердниковымъ, согласно данной ему царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ грамотѣ (опись эта въ настоящее время хранится въ Древлехранилищѣ Архангельскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Комитета въ отдѣлѣ Библиотеки Сійскаго монастыря), и упоминается вотъ по какому случаю. Въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго въ означенномъ монастырѣ строилась каменная церковь. На постройку церкви отпущено было изъ государевой казны 900 руб. Изъ этихъ денегъ, какъ видно изъ отчета, употреблено на содержаніе и на жалованье подмастерьевъ, каменщиковъ, кирпичниковъ, кузнецовъ и казаковъ 218 руб. 5 алт. 2 д. Въ виду того, что въ отчетѣ казаки стоятъ послѣ разныхъ мастеровъ-специалистовъ, нужно думать, что они были простыми рабочими. Въ описяхъ позднѣйшихъ временъ, а таковыя имѣются въ той же Библиотекѣ за XVII и начало XVIII в., о казакахъ уже не упоминается. Не упоминается о нихъ и въ другихъ документахъ Сійскаго монастыря въ тѣ же вѣка. Впрочемъ въ народѣ слово „казакъ“ сохранилось и по настоящее время. Оно употребляется въ Холмогорскомъ уѣздѣ для обозначенія временныхъ рабочихъ, по преимуществу холостыхъ, нанимаемыхъ на лѣтнія полевые работы, на такъ называемую на сѣверѣ „страду“. Въ томъ же смыслѣ употреблено слово *казакъ*, въ одномъ изъ документовъ конца XVII в. Николо-Корельскаго монастыря, Архангельскаго у.

Вотъ всѣ данныя, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи относительно „казаковъ“ древней сѣверной Руси. Но откуда они появились здѣсь, откуда взялось самое названіе ихъ, не знаемъ...

Для выясненія поставленнаго вопроса долгомъ своимъ считаю заявить, что казаки смутнаго времени (1612 и слѣд. г.), зашедшіе на сѣверъ Руси изъ отрядовъ Заруцкаго, Лисецкаго и т. п. и разграбившіе многіе города, села, деревни и монастыри сѣверной Руси, извѣстны среди мѣстныхъ жителей и по рассказамъ современниковъ подъ именемъ „черкесъ“, „литовскихъ людей“. Проживавшіе же на сѣверѣ Руси при Петрѣ I и его преемникахъ, казаки-малороссы (ссылные) носили названіе „черкешанъ“. Такъ они назывались по документамъ, подъ такимъ именемъ они слыли среди мѣстнаго населенія.

Письменные и вещественные памятники цехового устройства въ Черниговской губерніи.

II. Добровольскаго.

Черниговская губернія всегда давала богатый и при томъ самый разнообразный матеріаль для изученія народнаго быта. Въ числѣ многоразличныхъ формъ этого быта, въ его прошломъ и настоящемъ, видное мѣсто занимаютъ такъ называемые цехи и цеховыя братства.

Я не буду касаться здѣсь исторіи возникновенія цеховъ и братствъ у насъ, въ Малороссіи. Не стану также касаться существующихъ въ наукѣ новѣйшихъ извѣстій о нихъ. Задача моя скромна: она состоитъ лишь въ желаніи представить нѣкоторые письменные и вещественные памятники цехового устройства—эти вѣрнѣйшіе источники для характеристики занимающей насъ общественной организаціи.

Предъ нами слѣдующія рукописи:

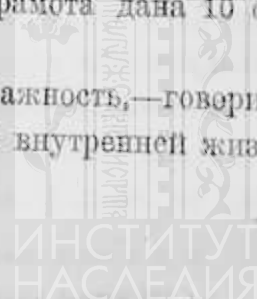
1. Книга цеховъ кравецкаго и кушнѣрскаго ремесла, списанная (т.-е. заведенная) 31 января 1678 г. изъ гор. Кролевца.
2. Книга Новгородсѣверскаго калачническаго цеха, заведенная 6 мая 1711 г.
3. Книга Глуховскаго рѣзницкаго цеха,—20 февраля 1716 г.
4. Книга Коропскаго кравецкаго цеха,—20 ноября 1724 г.
5. Книга Глуховскаго калачническаго цеха,—9 марта 1732 г.
6. Книга Воронежскаго (мѣстечко въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.) ткацкаго цеха,—27 октября 1749 г.

Предъ нами, наконецъ, подлинная грамота игумена Кіевскаго Выдубицкаго монастыря Θεодосія Углицкаго, или, какъ онъ называетъ ее въ надписи на оборотѣ, „листъ на братство и на цех, ковалѣвъ бондарув и римарув.“ Грамота дана 10 февраля 1687 года ¹⁾.

Эта грамота имѣетъ для насъ значительную историческую важность,—говорить проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ ²⁾. Помимо другихъ сторонъ внутренней жизни

¹⁾ Труды Черниговск. Архивн. Комм., вып. I, отд. II, 7.

²⁾ Ibidem, вып. II, отд. I, 79.

цеховъ, въ ней видна забота игумена о сохраненіи крестьянами, благодаря братствамъ, большихъ правъ самоуправленія и экономической свободы въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ, въ данномъ случаѣ монастыря, и забота объ укрѣпленіи и упорядоченіи этихъ правъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть приписано и великимъ достоинствамъ души св. Феодосія. Мы, Черниговцы, говоря вообще, имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о личности св. Феодосія, какъ человѣка, больше зная его, какъ Святого. Оказывается, что онъ былъ большой сторонникъ общественнаго самоуправления, и великія начала общественной свободы, общественной самостоятельности въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и селахъ Черниговской губерніи ведутъ свое начало именно отъ него. Съ этой-то стороны мы и рассмотримъ цитируемый документъ. Въ немъ читаемъ:

„Схадзку мають мѣти з собою братія в двѣ недѣли; а еслѣ бы который брат, кром слухной причины, не былъ на схадцѣ, той повиненъ дати до скринки осмакъ вини“.

Зная, какъ трудно было вызвать малороссовъ къ самостоятельности, къ дружной общественной работѣ, Феодосій Углицкій вмѣняетъ всѣмъ братчикамъ-членамъ Лѣтковицкаго союза въ обязанность собираться на сходку не менѣ одного раза въ двѣ недѣли и за опущеніе сходки безъ уважительной причины устанавливаетъ опредѣленный штрафъ. Порядокъ довольно поучительный, имѣющій отголосокъ и въ наше время. Какъ извѣстно, и теперь въ собраніяхъ нѣкоторыхъ союзовъ за непосѣщеніе сходокъ назначается штрафъ, точно такъ же, какъ и за разговоръ на сходкѣ не на одномъ общемъ нарѣчій, напримѣръ, малороссійскомъ.

Какъ устраивались сходки цеховыхъ союзовъ, объ этомъ также нѣкоторыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія находимъ въ той же грамотѣ. „Если для похорону, або и для якого иншого дѣла схадзки потреба будетъ, має старшій братъ цѣху ѿ себе послати, а братіа ѿбачивши цѣху, повинны будуть на схадзку стати, а еслѣ бы кто цѣху ѿ себе задержал, и до схадзки не стѣлъ, таковыи шагъ вини заплатитъ“.

Что такое „цѣха“?

„Цѣха“—это металлическій предметъ—мѣдный, бронзовый, желѣзный, въ формѣ глухого колокольчика или толкучки для кухонной ступки (въ которой зерно обрабатывается въ порошокъ), съ ремнемъ для привѣски и ношенія. Предметъ этотъ, въ рукахъ старшаго брата или цехмистра, имѣлъ такое же значеніе, какое въ рукахъ предсѣдателей современныхъ намъ общественныхъ и другихъ собраній имѣетъ колокольчикъ. Когда братчики очень ужъ увлекались преніями и начинали шумѣть, цехмистръ останавливалъ ихъ, стуча „цѣхой“ по столу. Когда же наставало время для очередной или и чрезвычайной сходки, старшій братъ передавалъ „цѣху“ ближайшему по мѣсту жительства братчику, съ сообщеніемъ о времени сходки; тотъ передавалъ ее слѣдующему и т. д., пока, наконецъ, „цѣха“ не побывала въ рукахъ всѣхъ братчиковъ, и отъ послѣдняго изъ нихъ уже возвращалась къ цехмистру. Задержаніе „цѣхи“ считалось нарушеніемъ порядка и наказывалось штрафомъ.—Таковъ былъ въ XVII вѣкѣ примитивный способъ оповѣщенія о сходкахъ.

Чрезвычайныя собранія братчиковъ созывались преимущественно для похоронъ, для чего въ братствѣ полагалось имѣть и „покрывало на мѣры и свѣчи великіе“.

Покрывало—сукно; мѣры (иначе нары)—носилки, на которыхъ ставится гробъ съ покойникомъ. Подъ гробомъ на носилки полагалось покрывало, которое имѣло особенное значеніе въ погребальномъ ритуалѣ. Оно знаменуетъ собою „гробныя пелены“, потому и украшается всегда съ нѣкоторою прихотливостью, съ разными рисунками и эмблемами и съ пространными надписями. Передъ нами образецъ такого покрывала. Это сукно Конотопскаго цеха. На немъ вышита слѣдующая надпись: „Сіе Сукно Сооружено; 1778 года **мѣсяца июля** 15 дня Цехъ разцого, пкалачницкого, Вгородѣ Конотопѣ Зацехмистра **Ѳеодора Корноуха, Ключника Семѣна Рѣзника, Старшого Брата Іакова Булисчи, Совсею Братією**“. Сукно красное, съ вырѣзками, придающими ему крестообразную форму; посрединѣ нашитъ изъ зеленого манчестера семи-конечный крестъ съ тростію и копіемъ, на подножїи съ обыкновенными при Крестахъ надписями.

Я не буду останавливаться на другихъ деталяхъ грамоты. Скажу только, что организованное Ѳеодосіемъ Углицкимъ въ мѣстечкѣ Лѣткахъ (при р. Деснѣ, въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи) соединенное цеховое братство, на началахъ полной свободы самоуправления, чрезвычайно полюбилось монастырскимъ крестьянамъ. Оно скоро возрасло и окрѣпло, и въ началѣ XVIII вѣка въ составѣ его, кромѣ ковалей, бондарей и рымарей, мы видимъ уже и новыя, также свободныя цеховыя организаціи мельниковъ, „тесливъ“ (т.-е. плотниковъ), пильниковъ и музыкантовъ. Всѣ эти мѣстныя рабочія ассоціаціи объединялись и, съ разрѣшенія настоятелей Кіевскаго Выдубицкаго монастыря, примыкали къ общему союзу—къ „одному цеху“, „одному братству“ Лѣтковицкому. Братство это и теперь существуетъ въ м. Лѣткахъ и имѣетъ нѣкоторыя пережитки добраго стараго времени.

Подобное отношеніе Ѳеодосія Углицкаго къ цехамъ нашло въ Черниговской землѣ полное сочувствіе, вѣроятно, еще и потому, что здѣсь была, такъ сказать, готовая почва для такого воспрїятія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговщины были уже цеховыя организаціи, хотя, правда, только въ городахъ: Кролевецѣ, Нѣжинѣ, Новгородѣ-Сѣверскѣ, Погарѣ, Конотопѣ, Коропѣ и въ самомъ Черниговѣ. По примѣру городовъ стали, заводить цехи и по мѣстечкамъ, которыя впоследствии оказались наиболѣе лояльными своимъ организаціямъ и не хотятъ отказаться отъ нихъ даже послѣ недавняго закона Императора Николая II объ упраздненіи ремесленныхъ организацій. Кромѣ Лѣтковицкаго братства, намъ извѣстно еще цеховое братство въ мѣстечкѣ Седневѣ, Черниговскаго уѣзда, которое свято хранитъ всю свою старину.

По сохранившимся письменнымъ и вещественнымъ памятникамъ намъ извѣстны слѣдующія отдѣльныя и сложныя цеховыя организаціи: сложный еврейскій цехъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ; цехи: ковальскіе, бондарскіе, римарскіе, конвисарскіе (оловяншники), серебрянническіе, теслицкіе, пильницкіе, мельницкіе, музыкантскіе, сапожницкіе, шевскіе, шаловальскіе, кушнѣрскіе, перепечайные, мясницкіе и рѣзницкіе, калачницкіе, малярные, металлическіе, портняжескіе, кравецкіе, выбойчатые, кожемяцкіе и мн. др. Въ каждомъ изъ этихъ цеховъ въ отдѣльности и въ общихъ соеди-

ненных цеховыхъ организаціяхъ житейскіе порядки довольно однообразны. Весьма часто они и измѣнялись, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ общихъ условій жизни.

Въ настоящей краткой замѣткѣ я лишень возможности представить подробную, вполне разработанную характеристику всѣхъ Черниговскихъ цеховъ и потому постараюсь отмѣтить лишь нѣкоторыя, общія и наиболѣе характерныя черты изъ жизни отдѣльных цеховъ и братствъ.

Собранныя въ Музеѣ Черниговской Архивной Коммиссіи цеховыя книги даютъ намъ образцы цехового суда и самыхъ разнообразныхъ „ремесницкихъ поточныхъ справъ“. Въ книгѣ Кролевецкаго кравецкаго и кушнѣрскаго цеха приведенъ „листъ“, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Абы знали и вѣдали о томъ добре же мѣемъ власть през данное и утвержденное намъ писмо, судъ важкій судити подлугъ проступку брата нашего. ѿ прочъ кровавое раны и злодѣйства выполняющого и задуючого кому, того судити немаемъ. Только „раны кривавовіе и вины злодѣйскіе“ полагалось „въ цеху не судити“, а „на врьдъ“ сотника „отсылати“. Съ нарушителями цеховыхъ правъ и интересовъ допускалась и прямая расправа, въ родѣ грабежа: „только вярѣемъ того абы где кѣлвекъ любо вгородѣ любо нахуторахъ албо населѣ хто майстромъ ремѣсла нашего знаи довался, и розніе работи безнашого ѿповедана робить такового ѿко непослушного и противного писма панского *) и власти наше братерское забрати и зграбити кождому брату зочивши бы и наменшому позволяемъ“.

Въ большинствѣ случаевъ цехи организовались съ соблюденіемъ, конечно, вѣроисповѣдной розни: православные — отдѣльно, евреи—также отдѣльно. Былъ сложный еврейскій цехъ въ г. Новгородѣверскѣ; отъ него сохранился въ Музеѣ „значикъ“ въ видѣ двуглаваго, но однохвостаго металлическаго орла, съ короной, украшенной маленькой главкой, вмѣсто креста. Но были и сложные цехи такіе, въ которыхъ уживались и православные, и евреи съ полною вѣротерпимостью и даже съ уваженіемъ общихъ праздниковъ. Примѣръ такой вѣротерпимости находимъ въ сложномъ цехѣ гор. Чернигова. Памятникомъ этого цеха (въ Музеѣ) сохранилась дежурная доска, интересная по своему оригинальному росписанію: „Понедѣльникъ. Портняжскій цехъ“. „Вторникъ. Сапожницкій цехъ“. „Среда. Столярно Малярный цехъ“. „Четвергтокъ. Металлическій цехъ“. „Пятница. Перепечайно Мясницкій цехъ“.

Въ субботу же и въ воскресенье никакихъ дежурствъ не полагалось, ибо объединенные Черниговскіе цехи въ эти дни не работали и не собирались. А когда, въ дни работы, собирались, то должны были говорить на одномъ общемъ языкѣ — русскомъ, и виновные въ нарушеніи этого правила обязывались штрафомъ въ кружку. Надпись на этой доскѣ гласитъ: „Въходъ Въ присутствіе. Постороннимъ лицамъ воспрещается Неявка Старшинъ въ свой день Плотять Штрафъ въ Кружку. Разговоръ на иностранныхъ Язикахъ Воспрещается подь Отвѣтственностію въ зысканія Пени“. Ниже переводъ того же на еврейскомъ языкѣ.

Итакъ, въ доброе старое время люди свободныхъ профессій легко сходились, „братались и еднались“, забывая вѣроисповѣдную и расовую рознь. Въ записяхъ

*) Подъ „письмомъ панскимъ“ разумѣется листъ полковника нѣжинскаго Золотарецка.

„поеднання цеху“ видимъ, насколько это дѣло совершалось въ общемъ просто и въ то же время пріятно. Такъ, въ Кролевецкомъ соединенномъ кравецкомъ и кушнѣрскомъ цеху желающій вступить въ цехъ обыкновенно являлся къ цехмистру и заключалъ съ нимъ словесный договоръ; напередъ давалъ „до скринки братерской копѣ три грошей личбы литовской“, покупалъ на угощеніе всей братіи „цебриевъ два пива“, „гарцовъ два горѣлки“ и „два фунта воску“; его записывали въ цеховую книгу, именуя „братомъ“, затѣмъ, конечно, выпивали всѣ хорошенько; — тѣмъ дѣло и заканчивалось.

Я не буду здѣсь распространяться объ обязательствахъ, принимавшихся добровольно всякимъ вступающимъ въ цехъ, или соединенное братство. Обязательства эти чрезвычайно разнообразны, хотя въ общихъ чертахъ между ними есть, конечно, и извѣстное единство.

Всѣ рукописные и вещественные памятники цехового устройства Черниговской губерніи, собранные въ нашемъ Музеѣ, даютъ, на мой взглядъ, богатый и рѣдкій матеріалъ для изученія разнообразныхъ сторонъ жизни цеховыхъ братствъ—этихъ дѣйствительно нѣкогда свободныхъ организацій и союзовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ и пришедшихъ въ упадокъ въ XIX вѣкѣ, подъ давленіемъ общихъ условій нашей жизни.

Въ настоящее время, за упраздненіемъ всѣхъ ремесленныхъ обществъ по закону 1902 года *), наши цехи ех offiціо перестали существовать и отошли уже въ область исторіи. Хотя на самомъ дѣлѣ цеховыя братства въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и продолжаютъ еще существовать (напр., въ Олишевкѣ, Седневѣ, Лѣткахъ), но, конечно, это ужъ жалкіе остатки стараго житія. Въ большинствѣ же отъ цеховъ и братствъ сохранились лишь воспоминанія, подобно тѣмъ (весьма немногимъ) памятникамъ—письменнымъ и вещественнымъ на которые я имѣлъ честь обратить вниманіе, въ моемъ краткомъ сообщеніи.

*) Распоряженіе хозяйств. департ. минист. внутр. дѣлъ 16 января 1902 г. № 471 черниговскому губернатору.

Историческое прошлое г. Сумъ, Харьковской губерніи ¹⁾.

Священника Іакова Левитскаго.

I.

Города за Бѣлгородскою чертою и города внутренніе.—Причины переселенія казаковъ изъ-за Днѣпра въ Слободскую Украину и основаніе переселенцами многихъ городовъ въ Слободской Украинѣ, въ томъ числѣ и города Сумъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ успѣшно продолжалъ дѣло своего отца, Михаила Ѳеодоровича. Дѣло это было устроеніе царства, расшатаннаго предшествующею эпохою смуть. Южная граница государства уже достаточно была укрѣплена отъ нападений татаръ постройкою крѣпостей на значительномъ протяженіи. Оставалось это дѣло докончить и оно было докончено и завершено устройствомъ такъ называемой *Бѣлгородской черты*.

Бѣлгородскою чертою назывался рядъ вновь построенныхъ на южной границѣ государства укрѣпленныхъ городовъ, соединенныхъ между собою валами. Рядъ этихъ городовъ, съ центральнымъ Бѣлгородомъ, тянулся длинною чертою съ востока на западъ, въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской Воронежской, Курской и Харьковской губерніи. Двадцать семь городовъ по этой линіи были основаны въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича до 1654 г., а остальные девять въ періодъ отъ 1654 г. до 1677 г. Вся та мѣстность, по которой проходила эта черта, носила названіе „польской“, отъ слова *поле*, иначе степной окраины Московскаго государства. Но вслѣдствіе прилива жителей изъ-за Днѣпра возникали мало-по-малу новыя поселенія, которыя осаживались частію внутри самой черты, частію далеко за чертою. Такъ возникли „города за чертою“ въ Слободской Украинѣ и города „внутренніе“. Къ послѣднимъ принадлежали нѣкоторые старинные города и вновь возникшіе: Ливны, Курскъ, Елецъ, Мценскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернявской,

¹⁾ Составлено по слѣдующимъ источникамъ: 1) „Историко-статистическое описаніе Харьков. епархіи“, г. Сумы, отд. III. Преосв. Филарета, архіеписк. Харьк. и Ахтыр.; 2) Очерки колонизаціи степной окраины Москов. госуд. Проф. Д. И. Багалъя; 3) Его же: Матеріалы для исторіи колонизаціи степи, окраины Южн. Россіи; 4) Архивы церквей г. Сумъ; 5) „Архивы Харьковской губ.“. Проф. Д. П. Шиллера, Харьковъ, 1902 г.; 6) „Исторія Малороссіи“ Н. И. Костомарова, т. XV.

Ефремовъ, Старый Осколь, Землянскъ, Обоянь, Суджа и *Сумы*. Суджа и Сумы въ Слободской Украинѣ къ 1678 г. потеряли свое украинное положеніе и очутились внутри Бѣлгородской черты. Изъ перечисленныхъ городовъ только Суджа и Сумы обязаны своимъ происхожденіемъ малороссійской колонизаціи степной окраины Московскаго государства, а большая часть прочихъ—исключительно строительской дѣятельности Московскаго правительства. Но и въ устроеніи основанныхъ малороссіянами городовъ Московское правительство оказывало свою дѣятельную поддержку.

До 1651 года, т.-е. до несчастнаго Берестечкаго пораженія казаковъ польскими войсками, не было большого эмиграціоннаго движенія малороссовъ въ слободы, лежащія за Бѣлгородской чертой. У малороссійскихъ казаковъ въ это время была еще надежда добиться своихъ правъ у поляковъ войною, но всѣ мечты свободолюбивыхъ казаковъ разлетѣлись въ прахъ вмѣстѣ съ ихъ пораженіемъ. Положеніе казаковъ послѣ проигранной кампаніи стало значительно хуже, чѣмъ было до того. Бѣлоцерковскій договоръ столь же былъ тягостенъ для Богдана Хмельницкаго, какъ прежде Зборовскій для Казимира Польскаго. Польскія войска расположились на зимнія квартиры во всей Малороссіи. Народъ ропталъ. Возвратившіеся съ войны польскіе помѣщики начали отнимать у крестьянъ имущество, чтобы вознаградить собственные убытки. Казаки бѣжали кто куда могъ. Бѣжавшихъ паны приказывали ловить и сажать на колы; оставшихся въ хатахъ женъ и дочерей казацкихъ поляки безстыдно безчестили. Въ такое несчастное время невольно напрашивалась мысль о привольномъ житьѣ подъ высокою рукою Московскаго царя.

Къ 1651 году относятся рассказы всѣхъ малороссійскихъ лѣтописцевъ о выходѣ значительнаго количества малороссіянъ изъ Польши, изъ-за Днѣпра, въ степную окраину Московскаго государства. Авторъ „Краткаго описанія Малороссіи“, Самовидецъ, такъ передаетъ это эмиграціонное движеніе: . . . „козацтво . . . волно сходило . . . з городовъ, кидаючи набитки свои у городи ку Полтавѣ и тамъ слободи поосаживали, а инніе на грунтахъ московскихъ слободъ и поосаживали не хотяче съ жолнерами застовати и стаціи имъ давати, бо не сносную стацію брали. А на тоє мѣли казаки позволенія, же бы сходили с домовъ, отъ гетмана Хмельницкаго . . . ляхи не людски поступали, зѣло убогихъ людей податми и мудрствомъ ратнымъ тайно и явно, отчего было слышно въ народѣ воздыханіе и горе и роптаніе на Хмельницкаго, по изгнаніи ляховъ изъ Украины паки имъ Украину въ неволю попустившаго. Тогда жъ Хмельницкій, ожидаая угоднаго ко опущенію времени, позволилъ утѣсняемому отъ ляховъ народу вольно сходить изъ городовъ ку Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житіе и изъ того времени начали сѣдати *Сумы*, *Лебединь*, *Харьковъ*, *Ахтырка* и иные слободскія мѣста ажъ до Дону казацкимъ народомъ“¹⁾. То же самое сообщаетъ намъ и другой малороссійскій лѣтописецъ, Гадячскій полковникъ Григорій Грабянка: „и повелѣлъ народу (Хмельницкій) волно сходить съ городовъ, кидаючи свои набитки ку Полтавщинѣ, такоже и за границу, у Великую Россію, а бы тамъ городами осидали. И отъ того часу стали осидати *Сумы*, *Лебединь*,

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, 1878 г., 29: 233 — 234. Очерки колонизаціи степной окраины Московск. госуд. Д. И. Багалъя, стр. 391.

Харьковъ, Ахтырка и всѣ слободы даже до рѣчки Дону казацкимъ народомъ” 2). Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ свидѣтельствъ, народъ малороссійскій разомъ снялся изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ вслѣдствіе польскаго гнета и разбрелся по вольнымъ мѣстамъ кто куда: въ нынѣшнюю Полтавскую губернію и въ южныя окраины Московскаго государства, за границу, т.-е. за Бѣлгородскую черту, гдѣ и образовалъ рядъ слободъ и городовъ.

Сумы были основаны въ 1652 году, а Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка нѣсколько позже.

Впоследствии, по основаніи уже этихъ городовъ, переселенческое движеніе изъ Польши продолжалось, вслѣдствіе чего основанные казаками слободы и города быстро разрастались. Колонизація эта обнимаетъ время съ 1651 года по 1712 годъ. Иногда сразу являлась большая партія переселенцевъ изъ одного мѣста и основывала городъ или слободу, такъ, напр., было при основаніи города Острогожска, но чаще являлись переселенцы отдѣльными партіями и притомъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей. Такъ было, напр., при заселеніи слободы Терны и города Суджи. Было и такъ, что основаніе извѣстному селенію или городу полагали выходцы одной мѣстности, а къ нимъ уже потомъ присоединялись „сходцы“ отовсюду.

Большая часть городовъ возникла въ „дикомъ шляховомъ полѣ“, на татарскихъ бродахъ и сакмахъ, на „сыромъ корню“. Въ такихъ именно мѣстахъ появились Сумы, Волчанскъ, Салтовъ и другіе города. Громадное большинство городовъ и слободъ возникло на старыхъ городищахъ или вблизи ихъ. Городищами назывались развалины старинныхъ городковъ, давно брошенныхъ жителями и запустѣвшихъ. Такъ возникли Харьковъ, *Сумы*, Хорошевъ, Зміевъ и другіе города. Если сразу являлась очень большая партія переселенцевъ, то они устроили городъ. Въ Острогожскѣ, Ахтырку, *Сумы* сразу сошлось болѣе, чѣмъ по 1000 человекъ. А куда сходилось небольшое количество переселенцевъ, тѣ мѣстности навсегда остались только слободами, поселеніями, такъ, напр., въ Печенѣги пришло только 45 семействъ и Печенѣги навсегда остались слободой.

II.

Построеніе г. Сумъ.—Воевода Арсеньевъ и первый осадчій полковникъ Герасимъ Кондратьевъ. — Выборъ мѣста для города и названіе его. — Укрѣпленія города.—Описаніе города Сумъ 1686 года.—Составъ населенія г. Сумъ въ первое время его существованія.

Мѣстность Слободской Украины, гдѣ селились черкасы, была открыта для набѣговъ татаръ. Это обстоятельство заставляло переселенцевъ спѣшить съ постройкою хотя какихъ-нибудь укрѣпленій. Нынѣшнему жителю территоріи Слободской Украины (Харьковской губ.) трудно и представить себѣ, какъ много прежде было здѣсь всевозможныхъ укрѣпленій. Правда, это не были крѣпости въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но все же постройка и содержаніе ихъ требовали отъ населенія не мало

1) Лѣтопись Григ. Грабяки, стр. 111—112; тамъ же, у Д. И. Багалѣя, Очерки колонизаціи.

Т. XIII Археол. Сѣвада. Т. II

трудова и средства. Постройка города и укрѣпленій обыкновенно происходила подъ руководствомъ присланнаго Московскимъ правительствомъ воеводы, иногда трудами и иждивеніемъ самыхъ переселенцевъ однихъ, а иногда при содѣйствіи другихъ слободскихъ казаковъ или великорусскихъ служилыхъ людей. Такъ, напр., Салтовцы, Волчанцы и Боромлянцы строили свои города „собою“, т.-е. собственными силами, Острогощане — при содѣйствіи великорусскихъ служилыхъ людей. *Городъ Сумы начатъ постройкою въ 1652 году и оконченъ въ 1653 году на Суминомъ городищѣ самими черкасами, казаками-малороссіянами, подъ руководствомъ царскаго воеводы Арсеньева.* Ему поручено было Московскимъ правительствомъ воздвигнуть укрѣпленія и устроить черкасѣ-казаковъ землями и всякими угодыями. Впослѣдствіи воеводѣ замѣнили представители мѣстнаго казацкаго управленія, полковники, которые назывались Московскимъ правительствомъ „осадчими“. Такимъ знаменитымъ осадчимъ въ Сумахъ былъ полковникъ Герасимъ Кондратьевъ, дѣятельность котораго началась въ скорости по построеніи воеводою Арсеньевымъ города Сумъ, именно черезъ 4 года.

Постройка новыхъ городовъ производилась послѣ тщательныхъ развѣдокъ. Обращали вниманіе прежде всего на то, выгодно ли будетъ положеніе города въ стратегическомъ отношеніи и удобно ли для жизни. Совершенно открытая со всѣхъ сторонъ степь не представляла удобствъ для поселеній, потому что не давала никакихъ естественныхъ преградъ къ нападенію со стороны непріятели, тогда какъ мѣста на возвышенномъ правомъ берегу рѣкъ, за которыми шли лѣса, какъ бы самою природою предназначались для постройки городовъ, потому что представляли собою и безопасное убѣжище для жителей, и готовый строительный матеріалъ, и столь необходимую для жителей воду. Рѣки въ то же время были самыми удобными путями сообщенія. На случай „осаднаго сидѣнія“ очень удобно въ такихъ мѣстахъ устроить „тайникъ“, чтобы провести изъ рѣки воду прямо въ городъ, что всегда и дѣлалось. Такое выгодное положеніе прибрежныхъ возвышенныхъ мѣстъ и значеніе водъ и лѣсовъ постоянно выставляется на видъ въ старинныхъ документахъ; въ нихъ постоянно встрѣчаются выраженія, что такое-то мѣсто недоступно, ибо сюда „подошли крѣпости великія — лѣса и болота“. Если на такихъ мѣстахъ оказывались остатки старинныхъ городовъ или „городища“, то положеніе будущаго города опредѣлялось уже само собою: города строились или на мѣстѣ городища или поблизости къ нему. Но предварительно Московское правительство обыкновенно посылало для развѣдокъ, собранія необходимыхъ свѣдѣній и составленія чертежа будущаго города или поселенія особаго рода специалистовъ, потомъ всѣ эти добытыя свѣдѣнія обсуждались въ Разрядѣ и тогда только посылалось извѣстное лицо, уполномоченное правительствомъ для постройки города, при чемъ ему давались всѣ необходимые запасы и потребное число рабочихъ людей. Въ особой инструкціи ему точно указывалось, что и какъ должно быть сдѣлано.

Мѣсто для постройки города Сумъ было выбрано самое удобное: по берегу рѣки Пела, при впаденіи въ нее рѣчки Сумы съ рѣченкою Сумкою, въ двухъ верстахъ отъ стараго городища, внизъ по теченію р. Пела. Городище это, называвшееся въ XVI столѣтіи Липенскимъ (можетъ-быть, отъ росшихъ здѣсь липъ), расположено на

правомъ крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки Псла¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ берегъ выдался нѣсколько впередъ плоскою горою и съ боковъ круто отдѣляется обрывами. Пселъ здѣсь раздѣляется на множество рукавовъ, образующихъ мѣстами затоны; болотистое пространство между ними поросло камышомъ; вдали на востокъ синѣютъ то тамъ, то сямъ темные, густые лѣса, а въ старину вся эта мѣстность представляла сплошной лѣсъ. Словомъ, положеніе „Липенскаго городища“—самое стратегическое. Воды, болотца, камыши и лѣса изобиловали дичью: куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, вепрей и всякаго звѣря водилось множество, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ „отписка воеводы Арсеньева о Сумскихъ черкасахъ“ (см. „Матеріалы для исторіи колон. степ. окраины Мос. г.“ Д. П. Багалѣя, № VIII, стр. 19—21). На мѣстѣ этого городища существовалъ еще до временъ татарскихъ какой-то городъ, какъ догадывается преосвященный Филаретъ, авторъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“, это былъ одинъ изъ городовъ Черниговскаго княжества²⁾. Впослѣдствіи, въ 1785 году, вся эта мѣстность, съ городищемъ Липенскимъ, составляла собственность полковника Степана Кондратьева и тогда значительная часть его была занята садами, отъ которыхъ теперь и слѣдовъ не осталось.

Въ грамотахъ и древнихъ актахъ городъ Сумы назывался чаще Суминымъ. Наименованіе *Суминь* звучитъ такъ же, какъ и Лебединь. Сумы—сокращеніе отъ слова Суминь, т. - е. городъ, расположенный по рѣкѣ Сумѣ. Есть преданіе о томъ, что когда-то въ старину какой-то царскій гонецъ потерялъ три охотничьихъ сумки съ царскою казною, которая впослѣдствіи нашель на берегу рѣчки Сумы. Согласно этому преданію, и старинный гербъ города Сумъ изображаетъ въ серебряномъ полѣ три черныя охотничьи сумки съ перевязями и золотыми пуговками. Но, какъ справедливо замѣчаетъ преосвященный Филаретъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“, преданіе о трехъ сумкахъ можетъ быть признано справедливымъ въ отношеніи къ рѣчкамъ Сумѣ и Сумкѣ, но не въ отношеніи къ городу Сумы или Сумину. Скорѣе названіе города взято отъ названія рѣчекъ, а названія рѣчекъ, быть-можетъ, отъ найденныхъ трехъ сумокъ.

Воевода Кирилль Арсеньевъ въ 1653 году „сдѣлалъ башни, стѣны, бойницы и тайникъ, всё изъ дубоваго лѣса, а черкасамъ въ городѣ далъ мѣсто подъ дворы, гумна и огороды“³⁾. Новопришедшіе черкасы поселились, по словамъ самого воеводы, „на дикомъ шляховомъ полѣ“, гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и другія украинскія мѣста. Пришли они сюда изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ⁴⁾. Пушки, порохъ, ядра, вѣстовой колоколь и прочія принадлежности для крѣпости были доставлены Арсеньеву отъ Московской казны. Всякій городъ, находившійся въ предѣлахъ Слободской Украины, былъ укрѣпленъ въ большей или меньшей степени. Одни города были укрѣплены такъ же хорошо, какъ и тѣ, которые

¹⁾ При раскопкахъ здѣсь находили арабскія монеты VII — IX в. (Брокгаузъ и Ефронъ, Энцикл. Словарь).

²⁾ Отдѣлъ III, стр. 280.

³⁾ Отписка воеводы Арсеньева о Сумскихъ черкасахъ 1653 г. См. „Матеріалы“ Д. П. Багалѣя, № VIII, стр. 19.

⁴⁾ Тамъ же.

находились въ Бѣлгородской чертѣ, другіе представляли изъ себя просто небольшіе острожки. Къ первому разряду принадлежали всего пять полковыхъ городовъ, въ томъ числѣ и Сумы, именно: Острогжскъ, Сумы, Ахтырка, Харьковъ и Изюмъ. Приводимъ общее описаніе укрѣпленій городскихъ того времени, составленное по первоисточникамъ проф. Д. И. Багалъемъ (въ „Очеркахъ колониз. степной окраины Московскаго государства“, стр. 202), чтобы можно было судить и объ укрѣпленіяхъ г. Сумъ.

„Укрѣпленія всѣхъ городовъ въ общемъ были похожи другъ на друга. Это — наполовину земляныя, наполовину деревянныя сооруженія. Самымъ главнымъ укрѣпленіемъ являлась, конечно, острожная стѣна или вся построенная изъ дерева, или состоявшая изъ деревяннаго тына на земляномъ валу. Почти всѣ города окружены были стѣнами послѣдняго вида. Иногда башни и стѣны покрывали тесомъ или лубьемъ. Высота стѣнъ была неодинакова. По всей окружности стѣны, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, находились значительно возвышавшіяся надъ нею глущія или проѣзжія башни, количество которыхъ колебалось между 5-ю и 20-ю; обламы, катки, тарасы, кровати были не вездѣ ¹⁾. Въ башняхъ сосредоточивались желѣзныя и мѣдныя пушки; количество ихъ колебалось отъ нѣсколькихъ штукъ до нѣсколькихъ десятковъ. Больше всего было „затынныхъ“ пицалей меньшихъ размѣровъ. Затынными онѣ назывались потому, что ложились на тынъ, т.-е. стѣну, откуда и получили свое названіе. Рядомъ съ оружіемъ новаго времени встрѣчалось и оружіе, такъ сказать, первобытное — запасы кольевъ и камней. Колья и камни скатывались во время приступа на непріятеля. Для этого служили и такъ называемые *катки*. Стѣнами и башнями не ограничивались городскія укрѣпленія. За городскою стѣною находился обыкновенно ровъ, который иногда укрѣпляли еще частоколомъ или дубовымъ тыномъ; иногда отъ стѣнъ шли еще земляные городки, служившіе какъ бы передовыми укрѣпленіями, форпостами. Отъ города въ двѣ противоположныя стороны расходился валъ, тянувшійся до двухъ другихъ на разстояніи не менѣе 10 верстъ. Валъ смѣнялся иногда засѣками, если шелъ черезъ лѣса. Въ болѣе опасныхъ мѣстахъ по чертѣ устраивались острожки, башни съ караульными клѣтками, гдѣ помѣщались сторожа, плетни, засыпанные землею и т. д. Самый валъ, если не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ былъ укрѣпленъ еще дубовымъ тыномъ“.

Въ напечатанныхъ „Матеріалахъ“ Д. И. Багалъя помѣщено интересное описаніе города Сумъ, составленное недолгое время спустя по построеніи его, всего черезъ

¹⁾ *Обламы*—это брустверь на стѣнѣ или валу, который служилъ для защиты стрѣлка по груди; онъ состоялъ изъ ряда стоекъ, забранныхъ досками; потомъ его дѣлали изъ вѣнчатыхъ бревенъ. Въ стоячемъ острогѣ бревна вкапывались вертикально. Кромѣ стоячихъ, были еще рубленые остроги, въ которыхъ бревна были отесанные, и косы, наклоненныя внутрь.

Катки — это бревна, которыя скатывались на врага и помѣщались на вершинѣ стѣны или крыши.

Тарасы—часть деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами. Стѣны, рубленыя тарасами, состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами. Такимъ способомъ образовывались глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями; были, впрочемъ, и треугольныя клѣтки.

Кровати — это особаго рода прилавки, которые устраивались тогда, когда вершина бруствера превышала вершину стѣны болѣе, чѣмъ на грудную высоту, или когда стѣна была сдѣлана острогомъ.

33 года, въ 1686 году Кондратомъ Борисовичемъ Борисовымъ по указу царей Иоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ описанія, между прочимъ, видно, до чего непрочно были старинныя сооруженія. Черезъ 33 года по построеніи города и разныхъ его укрѣпленій все почти пришло въ разрушеніе, частію обвалилось, частію прогнило: стѣны подгнили, обламы, кровати и катки обвалились, тайникъ совершенно сгнилъ, ровъ, выкопанный вокругъ города, обвалился и засорился.

Тогда же, когда производился осмотръ Сумской крѣпости Арсеньевымъ и составлялась опись наличнаго имущества крѣпости, въ скорости въ томъ же 1686 году, былъ поставленъ новый острогъ, но очень небольшой, всего на 192 сажня и при томъ въ немъ не было ни обламовъ, ни кроватей, ни катковъ. Тогда же сдѣланы были еще два земляныхъ острога; окружность одного равнялась 898 саж., другого — 866 саженьямъ. Всякаго рода боевыхъ запасовъ было снова заготовлено большое количество, пицалей 13 штукъ ¹⁾.

По произведенному измѣренію окружность всего города Сумъ съ посадомъ равнялась: 3426 сажень; кругомъ посада шелъ ровъ на 3500 сажень. Въ городѣ было устроено 27 башень ²⁾.

По вѣдомости 1780 года въ городѣ были полковныя казармы и церкви: 1) соборная, Преображенія Господня, и приходскія: 2) апост. Матѳея, 3) Николая Чудотворца, деревянная, и 4) каменная Воскресенская ³⁾. Но въ то время существовала еще одна церковь, Рождество-Богородицкая, называемая теперь Холодногорской, а тогда посадскою. Она была освящена въ 1681 году. Странно, почему она не упомянута въ числѣ перечисленныхъ.

Остатки вала и нынѣ замѣтны у рѣки Пела, куда онъ концами своими упирался. По рву одна часть города и донынѣ называется „*Перекопомъ*“, а другая часть города, по городской стѣнѣ, называется „*Стѣнкой*“.

Въ первое время существованія города составъ его населенія былъ смѣшанный — частію великороссійскій, изъ служилаго класса, частію малороссійскій, изъ пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ черкасъ. Въ 1678 году въ Сумахъ числилось русскихъ людей только 50 и черкасъ 246, только всего. Но съ теченіемъ времени число послѣднихъ постепенно все возрастало, а число первыхъ колебалось и въ общемъ уменьшалось. Причина этому заключалась въ особыхъ политическихъ намѣреніяхъ Московскаго правительства. Оно старалось съ одной стороны удержать за собою руководство въ дѣлѣ обороны новой Украины и для этого ему нужны были русскіе люди. Имъ поручалось строить остроги и исполнять гарнизонную службу въ новостроенномъ городѣ съ русскимъ обязательно воеводою во главѣ, такъ какъ оно не было увѣрено въ томъ, что дѣло защиты границы будетъ удовлетворительно исполнено малороссіянами, но съ теченіемъ времени убыль въ великороссіянахъ пополнялась все чаще и чаще туземнымъ малороссійскимъ элементомъ, такъ что со временемъ великороссій-

¹⁾ „Матеріалы“ Д. И. Багалъя, стр. 146—148.

²⁾ Дополненія къ Акт. Истор., IX, 296.

³⁾ „Истор.-стат. опис. Харьк. епар.“ преосв. Филарета, отд. III, стр. 281.

скій элементъ сдѣлался незамѣтнымъ. Правительство очевидно постепенно переходило къ политикѣ довѣрія по мѣрѣ своего знакомства съ малороссами.

По переписи, произведенной въ 1732 году майоромъ гвардіи Хрущовымъ, въ городѣ Сумахъ оказалось жителей: старшинъ съ ихъ родами — 46 душъ муж. пола; казаковъ—800 душъ муж. п., подпомощниковъ—2704 чел., великороссіянь — 14 чел., пушкарей—267 душъ, работниковъ—148 чел., духовныхъ—49 чел., богадѣльныхъ—13 чел., а всего въ 975 дворахъ—3818 душъ муж. пола и въ пригородной деревнѣ Пришибѣ подпомощниковъ—39.

III.

Кипучая жизнь переселенцевъ - слобожанъ и устроительная дѣятельность Сумскихъ полковниковъ, въ особенности перваго изъ нихъ, Герасима Кондратьева. — Привилегія, дарованная царями слободскому казачьему населенію за вѣрную службу и стойкость его за свои права. — Столкновенія слобожанъ съ сосѣдями.

Слободскіе полки: Сумскій, Ахтырскій, Харьковскій, Острогожскій и другіе образовались изъ переселенцевъ - казаковъ, осѣвшихъ слободами и городами за Бѣлгородской чертой по разнымъ удобнымъ мѣстамъ, часто на татарскихъ шляхахъ и перелазахъ. До Алексѣя Михайловича малороссы, поступая на царскую службу въ Московскіе украинные города, никакими особенными льготами не пользовались, а были на такомъ же положеніи, какъ и великороссійскіе служилые люди. Теперь же льготы черкасскимъ поселенцамъ значительно увеличиваются. Самой важной льготой является вольная заимка земель и всякихъ угодій, потому — свободные промыслы: гонка смолы, дегтя, пчеловодство, винокурение, столь излюбленное занятіе черкасскихъ малороссовъ. Въ одной челобитной 1689 года читаемъ слѣдующее характерное показаніе одного Сумскаго казака, Манойлы (Мануила) Леонтьева: . . . „онъ (Манойло) хутора не строилъ, а построилъ де тотъ хуторъ отецъ ево въ прошлыхъ годахъ . . . какъ Сумы садились, а крепостей де у него, Манойлы, на тотъ хуторъ никакихъ нѣтъ, то у насъ крѣпости, что хто что занялъ, тѣмъ владѣть“¹⁾. Также въ грамотѣ царя Петра Великаго полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву говорится: . . . „за вѣрныя службы ихъ (казаковъ) велѣно въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу Государеву полковую службу по черкасской обиклости при всякихъ вольностяхъ . . . заимки занимать, пасеки и всякіе грунта заводить и торговыми всякими промыслами промышленяты въ своихъ полкахъ безъоброчно и безошлинно противъ старой черкасской обиклости“ . . .²⁾ Образовалась поговорка: „идти на слободы“, т.-е. на вольное, свободное житъе. „Слободская Украина“, какъ видно, значитъ то же, что вольная земля или земля, гдѣ вольно, вольготно живетъся. Названіе произошло не отъ *слободы* въ смыслѣ географическомъ, но отъ *свободы* или, по народному произношенію, *слободы*, въ смыслѣ привольнаго житъя. Эту кипучую, широкую жизнь, живо напоминающую жизнь американскихъ піонеровъ, прекрасно изображаетъ намъ одинъ документъ, от-

¹⁾ Д. П. Миллеръ, Архивы Харьк. губ., 1902 г. Архивъ графини Строгановой, стр. 2.

²⁾ Д. П. Миллеръ, Архивъ Харьк. губ. Архивъ графини Строгановой, грамота 1705 г., стр. 22.

носящійся ко времени построения города Сумъ: „Отписка воеводы Арсеньева о сумскихъ черкасахъ“¹⁾.

Изъ этой отписки видно, что нужно было имѣть много хлопотъ начальству, чтобы устроить новыхъ поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ уже по тому одному, что они пришли хозяйничать на тѣ мѣста, въ которыхъ привыкли считать себя хозяевами другія лица. Но гораздо больше хлопотъ и умѣнья нужно было для того, чтобы въ одно и то же время колонизировать край, устроить мирную промышленную жизнь его и въ то же время все населеніе его поставить на военную ногу для защиты отъ такихъ безпокойныхъ сосѣдей, какими были искони крымскіе татары и коварные поляки. Требовались люди испытанной честности, энергій, ума, твердаго характера. Такіе выдающіеся по своимъ способностямъ люди, по счастью для того времени, нашлись. Это были полковники слободскихъ полковъ. Самымъ выдающимся изъ нихъ (Харьковскаго полка — Григорій Донецъ, Острогожскаго — Иванъ Дзанковскій) былъ первый Сумскій полковникъ или, по московской терминологіи, осадчій, стольникъ Герасимъ Кондратьевичъ Кондратьевъ. Герасимъ Кондратьевъ переселился изъ Червонной Руси въ Слободскую Украину въ 1647 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дворянскими семействами. Въ Сумахъ была его резиденція и здѣсь же помѣщалась полковая канцелярія полковника, въ которой завѣдывали воинскими и гражданскими дѣлами Сумскаго полка. Округъ военный былъ довольно значителенъ. Въ составъ его входили: Лебединъ, Недригайловъ, Бѣлополье, Межиричи, Ворожба, Сыроватки или, по тогдашнему выговору, Суровицы Верхняя и Нижняя, Краснополье, Мирополье и Суджа.

Вѣрную и ревностную службу осадчихъ Московскіе государи и великій Царь Петръ весьма цѣнили. Они награждали полковниковъ, сколько было возможно, землями, деньгами, льготами, давали также и дворянское достоинство, какъ это видно по жалованнымъ грамотамъ. Въ особенности выдающимся вѣрнымъ слугою Московскаго государства былъ первый полковникъ Сумскаго полка, вышеупомянутый Герасимъ Кондратьевъ, почему никто болѣе его и не получилъ наградъ отъ государей. Онъ имѣлъ жалованныя грамоты отъ Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Во всѣхъ этихъ грамотахъ подробно и ясно указаны какъ заслуги полковника, такъ и награды ему. Самыя грамоты уже напечатаны²⁾, поэтому мы сдѣлаемъ только извлеченіе изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Въ межевой выписи 20-го окт. 1657 года по указу царя Алексѣя Михайловича представляется „*атаману Герасиму Кондратьеву съ товарищи . . . отмырить Сумину городу вверхъ и внизъ по рѣкѣ Пселу и по сторонамъ по 10 верстъ . . . земли и сѣнные покосы и лѣса и всякія угодыя для заселенія слобожанъ, а между учинить съ Путивльскимъ уѣздомъ; велѣно ему службу служить, т.-е. бдительно охранять границу государства отъ разбойниковъ татаръ и воровъ измѣнниковъ своихъ же братьевъ чер-*

¹⁾ „Матеріалы для исторіи колониз. степн. окр. Моск. госуд.“, Д. И. Багалъя, Харьковъ, 1886 г., VIII, стр. 19.

²⁾ Въ „Историко-статистич. описаніи Харьковской епархіи“, преосвященнаго архіепископа Филарета, отд. III.

кась, каковыхъ въ то „шаточное время“ было много. Въ заключеніе выпиши приказано Кондратьеву „*бортиныхъ деревьевъ со пчѣлами и безъ пчѣлъ не стчь и не владѣть до Государева указу*“¹⁾).

Чтобы быть понятнымъ, прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему документу, нужно сказать предварительно нѣсколько словъ.

Въ 1657 году умеръ славный въ исторіи освобожденія казацкой Украины отъ власти Польши и присоединеніемъ ея къ Московскому государству гетманъ Богданъ Хмельницкій. Тогда войсковою писарь, Виговскій, пользуясь малолѣтствомъ сына Богдана, Юрія, самовольно захватилъ гетманскую власть въ свои руки и, какъ полякъ, не замедлилъ передаться на сторону Польши, замышляя вмѣстѣ съ тѣмъ рано или поздно и весь народъ малороссійскій снова отвести подъ польское иго. Для приведенія въ исполненіе этого плана Виговскій 6-го сентября велъ переговоры съ польскими комиссарами подъ городомъ Гадячемъ и утвердилъ съ ними договоръ, по которому вся Малороссія вмѣстѣ съ запорожскимъ войскомъ должна была перейти подъ власть Польши. Но, предвидя неминуемую изъ-за этого войну съ Московскою державою, Виговскій хлопоталъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону казаковъ и для этого оповѣстилъ малороссійскій народъ универсаломъ, въ которомъ лживо утверждалъ, будто царь Московскій намѣревается убавить число казаковъ, однихъ будто хочетъ оставить, а другихъ перевести въ драгуны. Разсчитывая на неудовольствіе казаковъ по этому случаю, онъ приглашалъ всѣхъ ихъ къ возстанію, при чемъ сулилъ разныя льготы, какъ-то освобожденіе Малороссіи отъ всякихъ повинностей, за исключеніемъ военныхъ.

Получивъ отъ Виговскаго такой „универсалъ“, Герасимъ Кондратьевъ минуты не раздумывалъ надъ тѣмъ, что ему дѣлать. Честная натура его, долгъ присяги и сознание високаго довѣрія ему со стороны такого лица, какъ великій государь, всея великія и малыя и бѣлыя Русси Самодержецъ, сразу подсказали ему, что надо было дѣлать. Полковникъ разорвалъ бумагу на кусочки въ присутствіи полковой старшины и велѣлъ передать посланцу Виговскаго, что его панъ *або съ „роду былъ дурень, або сдуривъ съ того часу якъ зробився гетманомъ. Передай своему гетману, прибавилъ Кондратьевъ, что слобожане не гетманцы; они за безчестье считаютъ имѣть что-нибудь общее съ ними послѣ того, какъ они, гетманцы, нарушили свою присягу на вѣрность царю Московскому. Мы, слобожане, завсегда будемъ вѣрны его пресвѣтлому Величеству, царю Московскому и всероссійскому“*. Сказавши такую рѣчь, полковникъ выгналъ вонъ изъ хаты (полковой канцеляріи) посланца пана Виговскаго. Не того ожидалъ Виговскій. Въ универсалѣ была приписка: снятъ копии и разослать ихъ къ полковникамъ Харьковскому и Ахтырскому.

Неудача для пана полная!

Чтобы отомстить Кондратьеву Виговскій подговорилъ татаръ разорять и грабить Сумы и Сумскій полкъ, расположенный по слободамъ. Разбойники-татары нѣсколько лѣтъ хозяйничали время отъ времени въ предѣлахъ нынѣшняго Сумскаго уѣзда и

¹⁾ „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“, архіеннскаго Филарета, отд. III, стр. 337.

въ сосѣднихъ съ нимъ. Объ этомъ есть указаніе въ царской грамотѣ отъ 23 февр. 1659 г. на имя Чугуевского воеводы: ... „писаль къ Намъ Великому Государю изъ Сумъ Наумъ Ашаматовъ, что приходили подъ Сумы татарове многи люди и бой съ ними бытъ. И татарове отошедши отъ Сумина, стали въ Суминскомъ уѣздѣ и села и деревни воюють и людей въ полонъ емлютъ; а дожидаются большихъ людей и дождався хотять приходить на украинскіе города вскорѣ“¹⁾. Воеводѣ предписывалось поскорѣй собрать изъ уѣзда людей въ городъ съ женами и сидѣть въ Чугуевѣ, „укрѣпляясь осаднымъ береженьемъ“²⁾. Царь извѣщалъ того же воеводу, что Крымскій ханъ собирается идти съ большимъ войскомъ на украинные города.

Съ такою же честностію и непоколебимою вѣрностію выступилъ на защиту своего царя Кондратьевъ и противъ другого измѣнника, Брюховецкаго, который въ 1668 году сталъ склонять черкасѣ-слобожанъ къ измѣнѣ Русскому царю, но не успѣвши сдѣлать это посредствомъ интригъ, рѣшилъ употребить въ дѣло силу, чтобы добиться своего. Онъ выслалъ запорожцевъ и татаръ въ Слободскую Украину. Началась братоубійственная война. Запылали села, слободы, повсюду лилась кровь. Но тогда выступилъ противъ Брюховецкаго Кондратьевъ со своимъ Сумскимъ полкомъ. Къ Герасиму пристали и другіе слободскіе полковники со своими полками. Дружнымъ натискомъ, общими силами сломили врага и далеко прогнали его за предѣлы Слободской Украины.

За такую вѣрную, честную службу полковника Герасима царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ своей отъ 28 іюня 1668 года благодарилъ его такъ³⁾:

....„Вѣдомо намъ, Великому Государю по отпискамъ изъ полковъ бояръ и воеводъ, что ты полковникъ и сотники и атаманъ и казаки и мѣщане намъ, Великому Государю, служите вѣрно, и съ измѣнниками черкесы и съ татары бьетесь, не щадя головъ своихъ и на ихъ никакія воровскія затѣйливыя прелести не склоняетесь и для провѣдыванія всякихъ вѣстей и про ихъ измѣнничьи замыслы ты полковникъ посылаешь товарищей своихъ почасту и о тѣхъ вѣстяхъ и о измѣнничьихъ замыслахъ въ полки и въ города къ бояромъ нашимъ и воеводамъ пишешь... И мы, Великій Государь, тебя полковника и сотника и атамановъ и всѣхъ черкасѣ и мѣщанъ за вашу службу жалуемъ, милостиво похваляемъ... Унасъ служба ваша забвена не будетъ“. Дальше Царь увѣщаетъ черкасѣ измѣнниковъ, чтобы они „памятуя Господа Бога и намъ, Великому Государю обѣщаніе, отъ измѣнниковъ обратились... А впредь нынѣшнія ихъ вины воспоминаены не будутъ, потому-что они то учинили поневолѣ, по прелестнымъ письмамъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ“. Въ заключеніе грамоты Царь приказываетъ своему вѣрному слугѣ, полковнику Кондратьеву, чтобы онъ еще сослужилъ ему службу по дипломатической части, разбуживалъ бы, что дѣлается въ малороссійскихъ городахъ: въ Кіевѣ, въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и въ другихъ городахъ, „нѣтъ ли

¹⁾ „Историко-статистич. описаніе Харьковской епархіи“, архіеп. Филарета, отд. III, стр. 314, Грамота 18 м. 167(1659) г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Историко-статистич. описаніе Харьк. епархіи“, отд. III, архіеп. Филарета, стр. 337—339.

Тр. XIII Археол. Съѣзда Т II.

какова утѣсненія ротнымъ людямъ отъ измѣнниковъ и отъ татаръ, и про всякія вѣсти“, и обо всёмъ доносилъ бы Московскому правительству.

Въ другой грамотѣ отъ 5 мая 1669 года „города Сумина черкасскому полковнику Герасиму Кондратьеву и всёмъ того полка старшинамъ и всему посольству“ царь Алексѣй Михайловичъ сначала благодарить полковника и все „посольство“ за то что какъ „въ прошлыхъ годѣхъ до измѣны Ивашки Брюховецкаго и послѣ того въ нынешнюю черкасскую смуту ты полковникъ со всёмъ посольствомъ своимъ служилъ вѣрно, безъ всякія шатости и измѣны и на измѣнничьи никакія прелести не прельщались и къ измѣнникамъ не приставали и надъ измѣнниками и надъ татарами чинили промыслы... про непріятеля всякую вѣдомость чинили“. Въ награду за такую службу кромѣ похвалъ царь жалуетъ „вмѣсто годоваго денежнаго жалованья“ сложениемъ оброчныхъ денегъ, которыя взимались въ царскую казну „съ винныхъ и пивныхъ котловъ и съ шинковъ въ городѣ Суминѣ, Лебединѣ и Суджѣ“. Царь не только прощалъ всю недоимку, которой насчитывалось за 13 лѣтъ¹⁾ на 6091 рубль, но и впредь позволялъ винокурениемъ и продажею спиртныхъ напитковъ промыслять безоброчно, „чтобы было на что службы служить“.²⁾ Кромѣ этой милости, сложения оброчной недоимки за 13 лѣтъ, царь жалуетъ полковника и все его посольство еще и другою. Въ 1668 году половину оброчныхъ денегъ въ царскую казну за добываніе бортяного меду въ лѣсахъ въ количествѣ 200 рублей Государь сложилъ со слобожанъ, а теперь и другую половину также жалуетъ имъ и впредь позволяетъ безошлинно промыслять медовымъ промысломъ. Право свободного винокурения было очень важной льготой въ глазахъ малороссіянь. За него крѣпко держались и оно дѣйствительно пережило всѣ права и привилегіи. Оно доставляло малороссіянамъ значительныя выгоды, которыя еще болѣе усиливались отъ того, что великорусское населеніе не пользовалось льготой и потому малоросійская „горьлка“ въ значительномъ количествѣ находила себѣ сбытъ въ центральной Россіи и въ великоросійскихъ украинскихъ городахъ.

Жалованная грамота царя Θεодора Алексѣевича Герасиму Кондратьеву 1687 г.³⁾ рекомендуетъ его, какъ ревностнаго служаку, вѣрнаго Московскимъ царямъ, зорко оберегавшаго интересы ихъ отъ враговъ всякаго рода, — лихихъ людей — воровъ и татаръ разбойниковъ, неутомимаго въ розыскахъ царскихъ измѣнниковъ. Такія-же заслуги по грамотѣ признаются и за четвермя его сыновьями: Иваномъ, Григорьемъ, Андреемъ и Романомъ. За вѣрную службу царь Θεодоръ Алексѣевичъ подтверждаетъ права Кондратьевыхъ на владѣніе жалованными „землями и всякими угодіями и строеніями и дворами и хуторами и пасѣками и рыбными ставами и мельницами и сѣнными покосами и всякими угодіями“.

1) Недоимки набралось за 13 лѣтъ. Г. Сумы началъ заселяться въ 1652 году, а оброки на промыслы наложены были на Сумчанъ въ 1665 году, какъ это видно изъ грамотъ. Слѣдовательно льготы отъ оброковъ существовали съ 1652 года по 1665 годъ. Такія льготы давались и другимъ городамъ.

2) Историко-статист. описаніе Харьк. епарх. Преосвящ. Филарета, отд. III, стр. 337.

3) Историко-статист. описан. Харьков. епарх. Преосвящ. Филарета, отд. III, г. Сумы.

Въ 1681-мъ году, 11-го мая Герасимъ Кондратьевъ съ сыномъ своимъ Григоріемъ снова получилъ въ грамотѣ благодарность отъ царя Феодора Алексѣевича за вѣрную службу его по тому случаю, когда войска Турецкаго султана вмѣстѣ съ ордою Крымскаго Хана вторглось въ предѣлы Малороссіи и нѣсколько лѣтъ сряду опустошало города и селенія. Враги уже подходили къ Чигирину. Изъ этой грамоты видно, что казаки Сумскаго полка бились съ турками и татарами въ 1677 и 1678 годахъ и въ продолженіе всей турецко-татарской войны, начиная съ 1673 года. Царь въ грамотѣ называетъ службу Кондратьевыхъ *честью для царскаго имени и славою для всего государства*. По случаю состоявшагося перемирія съ турками приказано было отслужить въ Сумахъ благодарственный молебенъ. ¹⁾

Въ 1687 году Сумы были однимъ изъ сборныхъ мѣстъ русскихъ войскъ, отправлявшихся съ княземъ Голицынымъ противъ татаръ. Сумскій полкъ также участвовалъ въ походѣ подъ начальствомъ Герасима и Андрея Кондратьевыхъ. По возвращеніи изъ похода Кондратьевы получили похвальную грамоту. Въ этой грамотѣ отъ 2-го августа 1687 года сказано: „пожаловали мы, Великіе Государи, Герасима за многіе твои прежнія службы и за кровь и за раны, а также и тебя Андрея за прежнія и что вы нынѣ были въ Крымскомъ походѣ ²⁾ и служили радостнымъ хотѣніемъ и усердствомъ честью, тебя Герасима написать по Московскому дворянству, а тебя въ стольники“. ³⁾

Въ 1688 году Сумской полкъ одновременно съ другими полками, Харьковскимъ и Ахтырскимъ, получилъ жалованную грамоту, освобождавшую его отъ оброковъ на мельницы. Въ Сумскомъ полку было на оброкѣ 9 мельницъ, съ которыхъ взималось оброчныхъ денегъ 119 рублей 6 алтынъ и 4 деньги. Въ челобитныхъ полчане всѣхъ слободскихъ полковъ ссылались на жалованную грамоту царя Алексѣя Михайловича 1669 года, предоставлявшую имъ свободу отъ промысловъ вмѣсто Государева жалованья. ⁴⁾

Въ грамотахъ царя Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 1695 года, 21 февр. подтверждаются привилегіи, полученныя полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ для себя и для своего полка отъ прежнихъ царей и сверхъ тѣхъ привилегій, по челобитью Герасима Кондратьева и сына его Андрея и всей полковой старшины „за многія и вѣрныя службы и за осадное сидѣніе, что имъ учинилось въ измѣну Ивашки Брюховецкаго“ велѣно „въ Сумахъ и Сумскомъ полку во всѣхъ городахъ мельницами и всякими промыслами, шинками и кузницами и лавками и всякими заводы и котлами владѣть и промышлять безоброчно“. Что же касается „судныхъ и всякихъ росправныхъ дѣлъ“, то велѣно таковыя вѣдать въ Москвѣ, въ приказѣ великой

¹⁾ Въ промежутокъ между 1681 и 1687 годомъ была послана въ Сумы еще одна грамота частнаго характера—память. Сумскимъ полковникамъ Герасиму и Григорію Кондратьевымъ позволялось для пользы города собирать въ ратушу съ торговыхъ людей пошлину за провозъ по Сумскому мосту—съ большой телѣги 2 деньги, съ малой по одной.

²⁾ Во второй Крымскій походъ, въ которомъ слободскими войсками командовалъ Ахтырскій полковникъ Перекрестовъ. Сумской и Ахтырской полки потерѣли тогда страшное пораженіе.

³⁾ Историко-статист. описаніе Харьк. епарх. Преосвящ. Филарета., отд. III, гор. Сумы.

⁴⁾ Подлинная напечатана въ сборникѣ В. П. Гурова, стр. 482—485.

Россіи". 1) Очевидно въ Москвѣ еще было недовѣріе къ черкасамъ и соблюдалась по этому осторожность. Въ этой грамотѣ двукратно повторяется, что малороссы пришли изъ разныхъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ городовъ „подъ высокую царскую руку въ надеждѣ на премногую милость царскую и построили городъ Сумы и себѣ дворы“ по своему черкасскому обыкновению на р. Пселѣ и по инымъ рѣчкамъ заняли плотины и построили мельницы, также въ городѣ лавки и шинковные дворы и кузницы и по рѣчкамъ рыбныя ловли“. Грамота эта, относящаяся ко времени перваго Азовскаго похода, вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1675 г. были присланы раньше изъ разряда грамоты въ Сумы и другія города Сумскаго полка съ требованіемъ оброчныхъ денегъ за прошедшіе годы. Тогда полчане Сумскаго полка подали челобитную, въ которой объяснили, что они давно уже освобождены по грамотамъ отъ всѣхъ оброковъ, вслѣдствіе чего новою грамотою снова были подтверждены ихъ прежнія привилегіи. Такія же грамоты на право привилегій въ то же время получили и Харьковскій полкъ.

Императоръ Петръ I, грамотою 18 февр. 1700 года на имя полковниковъ Сумскаго полка Герасима Кондратьева и Андрея Герасимовича 2) подтвердилъ Сумскимъ казакамъ права ихъ на безошлинную продажу водки и свободное владѣніе занятыми землями. Тогда же между прочимъ Государь постановилъ: „Сумскаго Черкаскаго полка быть въ конной службѣ казакамъ указному числу 1230 [человѣкамъ“. Вслѣдствіе такой царской воли Андрей Герасимовичъ въ началѣ Шведской войны до 1702 года былъ со своимъ Ингерманландскимъ полкомъ. Въ это время, въ 1701 году, старикъ отецъ его скончался. По смерти отца, Андрей Герасимовичъ принялъ отъ бывшихъ по городамъ русскихъ воеводъ всѣ города Сумскаго полка съ ихъ артиллеріею въ полное завѣдываніе и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ походъ.

Въ другой грамотѣ отъ 28 февраля 1700 г. всѣмъ слободскимъ полкамъ по челобитію слобожанъ-черкасъ снова подтверждалась всѣмъ полкамъ—Сумскому, Харьковскому, Ахтырскому, Изюмскому и Острожескому право безъоброчно заниматься всѣми промыслами, владѣть землями и всякими угодами, мельницами, рыбными ловлями, курить безошленно водку и шинковать *горьлкой*, не платить никакихъ податей и таможенныхъ денегъ, но за всё это черкасы должны были нести только воинскую службу, сражаться съ татарами и доносить о всѣхъ ихъ движеніяхъ на государевы украины 3).

Въ 1705 г. Сумской полкъ одновременно съ Харьковскимъ получилъ новую льготную грамоту, въ которой снова подтверждается право казаковъ на льготу отъ оброковъ за бортные ухояи (за добычу мѣду въ лѣсахъ) и уничтожается указъ Ингерманландской канцеляріи, по которому отписывались на Государя принадлежавшія Сумскому полку сѣла: Коряжъ, Кобылье, Комаровка, Сукимовка и другія и деревни: Худяковка, Панкратово, Козыревка, Мужецъ, Кубабаки, Вишневка и Веселовка. Такія же жалованныя грамоты получили разновременно и другіе слободскіе

1) Историко-статистич. описаніе Харьков. епарх. Преосвящ. Филарета, отд. III. г. Сумы.

2) Историко-статист. опис. Харьков. епарх. Преосвящ. Филарета, отдѣлъ III, гор. Сумы.

3) Сборникъ В. И. Гурова, стр. 521—524. Очерки колонна. степн. окр. Моск. Госуд. Д. И. Багадя.

полки. Но послѣ Петра Великаго до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны ни одинъ слободской полкъ не получалъ жалованныхъ грамотъ. При Аннѣ Іоановнѣ слобожане лишились многихъ льготъ. Но жалованная грамота Елизаветы Петровны отъ 22-го ноября 1743 года всѣмъ слободскимъ полкамъ возстановила тотъ порядокъ, который былъ при Петрѣ Великомъ.

Изъ всѣхъ этихъ грамотъ видна и заботливость Русскаго правительства объ устройствѣ казаковъ на вновь заселенныхъ слободахъ и городахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то уклончивость къ исполненію собственныхъ обѣщаній. Что въ одно время жаловалось, то въ другое, чрезъ извѣстные промежутки, снова отнималось. Изъ разрядовъ и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій выходили распоряженія, которыми дарованныя уже права безпошленной промышленности снова отнимались, вслѣдствіе черкасы то и дѣло безпокоять Русское правительство просьбами своими объ утвержденіи своихъ привилегій и Русское правительство никогда просителямъ въ этихъ просьбахъ не отказывало, но охотно подтверждало за ними всѣ ихъ права и вольности. Очевидно правительство какъ будто хотѣло придать временный характеръ этимъ льготамъ, между тѣмъ какъ сами слобожане, будучи лицами заинтересованными, смотрѣли на нихъ, какъ на свое исконное право, обусловленное ихъ вѣрною службою. Взглядъ слобожанъ на свои права и обязанности довольно ясно выраженъ въ челобитной сумскихъ казаковъ, помѣщенной въ грамотѣ 1705 года. Здѣсь они между прочимъ писали: „въ прошлыхъ-де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники ихъ и они изъ разныхъ малороссійскихъ и изъ-зидиѣпровскихъ городовъ подъ государеву высокодержавную руку по сю сторону Днѣпра (приходили) и бывшіе въ Бѣлгородѣ и Курскѣ бояре и воеводы обнадеживали ихъ нашего Государя милостями и всякими ихъ черкасскими неотъемлемыми отъ нихъ обычными вольностями и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по Бѣлгородской чертѣ въ дикихъ стѣняхъ на татарскихъ займахъ; которыми мѣстами хаживали крымскіе и ногайскіе орды подъ наши государевы жилые украинскіе города и для расположенія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены города на Путивльскихъ дикихъ земляхъ Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и деревни и во время приходовъ крымскихъ и ногайскихъ орды подъ украинскіе города служили они Великому Государю по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнныя шаточныя времена и ко измѣнникамъ не приставали и на прелестныя ихъ никакія письма, памятуя къ себѣ государеву милость, не склонялись никогда-же и въ прошлыхъ годахъдля утвержденія тѣхъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья ¹⁾ въ тѣхъ городахъ жить и Государеву полковую службу служить по черкасской обик-

¹⁾ Въ первое время пововѣзкіе черкасы получали Государево жалованье—денежное, а иногда и хлѣбное. Это было почти общимъ правиломъ до Алексѣя Михайловича; выдавали его новымъ черкасскимъ поселенцамъ и при Алексѣи Михайловичѣ. Очерки Колониз. степной окр. Москов. Госуд. Д. И. Багалъя, стр. 457.

ности при всяких вольностях и вельно-же заимки занимать, пасѣки и всякіе грунты заводить и торговыми промыслами промыслять въ своихъ полкахъ безоборочно и безошливно противъ старочеркасской обычности¹⁾. Тѣ льготы, которыя были предоставлены имъ жалованными грамотами, не обнимаютъ вполне этой „черкасской обычности“. Сюда, напр. не вошли привеллегіи казацкаго самоуправленія. Грамоты узаконивали то, изъ-за чего происходитъ борьба между слобожанами съ одной стороны и русскими украинскими воеводами съ другой. Предоставляя значительную внутреннюю автономію слободскимъ казакамъ, русское правительство не считало необходимымъ регламентировать всѣхъ подробностей ея: все это должно происходить по „ихъ черкасскимъ обыностямъ“. А борьба происходила нерѣдко, такъ какъ для нея была одна постоянно дѣйствующая причина — смѣшеніе на одной территоріи двухъ управленій, — приказнаго русскаго и малороссійскаго казацкаго и двухъ колониціонныхъ типовъ. Московское Правительство постоянно слѣдило за тѣмъ, чтобы великорусскіе поселенцы не попадали въ привеллигерованное положеніе, въ какомъ находились черкасы, и тѣмъ не причиняли ущерба казнѣ. Въ указахъ осадчимъ прямо запрещалось принимать къ себѣ великорусскихъ служилыхъ людей. Это были тяглые люди и выходъ ихъ изъ тягла наносилъ ущербъ какъ частному владѣльцу, такъ и государству. Съ другой стороны и сами черкасы, какъ свободные выходцы изъ-за польскаго рубежа, пользовавшіеся правомъ вольнаго перехода, не хотѣли принимать на себя тѣхъ повинностей, которые несли великорусскіе служилые люди. „Нашъ малороссійскій народъ, писали изюмскіе полчане въ своей челобитной 1710 года, за неизвычай иноземства своего противъ русскихъ людей такихъ тяжестей на себѣ (оброковъ на промыслы) понести отнюдь не можемъ и отъ того пойдутъ все въ свободные гетманскіе города“²⁾. Вольный переходъ слобожанъ былъ самой надежной гарантіей ихъ льготъ и, дѣйствительно, иногда они и расходились врозь. Это право свободного перехода съ занятыхъ мѣстъ на другія оставалось за слобожанами на долгое время. Въ архивѣ Рождество-Богородицкой церкви города Сумъ есть указъ изъ канцеляріи генераль-адъютанта князя Шаховскаго отъ 1733 года о томъ, чтобы малороссійскіе переселенцы въ Слободской Украинѣ не смущались производимою по указу императрицы Анны Іоановны майоромъ Хрущовымъ переписью и не толковали, „что якобы они тою переписью были о техъ поселеній где нынѣ живутъ укреплѣны вечно какъ і великороссіяне но конечно же они отъ того свободны і по прежнему обыкновенію не токмо въ слободскихъ полкахъ і в маестностяхъ владѣльческихъ переходить но и повсюду . . . кто пожелаетъ . . . вольно, не запрещается“.

Поступившіе на царскую службу черкасы до Алексѣя Михайловича получали только такія льготы, какими пользовались и великорусскіе служилые люди. Но съ Алексѣя Михайловича льготы значительно увеличились и вмѣстѣ съ тѣмъ и Слободская Украина стала быстро заселяться и устраиваться. Московскому правительству очень дорого обходилась постройка городовъ и укрѣпленій на южной границѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 457.

²⁾ Историко-статистическое описаніе Харьков. епархіи, преосвящ. Филар., отд. III. Очерки колониз. степи. окраины Моск. госуд., Д. И. Багалъя, стр. 458.

и содержаніе въ нихъ служилыхъ людей; понятно, слѣдовательно, почему правительство охотно стало принимать малороссовъ, которые брали на себя обязанность сами на свой счетъ защищать границу отъ враговъ.

Расширяя во все стороны свои предѣлы, слобожане вступали въ частые споры со своими ближайшими соседями, какъ то мы видѣли, между прочимъ, и изъ вышеприведенной отписки царю Алексѣю Михайловичу воеводы Арсеньева. Теперь споры становились все чаще и чаще, потому что случаевъ столкновенія интересовъ у соседей было больше.

Сѣверная граница Сумскаго полка проходила въ нынѣшнемъ Рыльскомъ уѣздѣ, западная въ Суджанскомъ. На сѣверозападной границѣ Слободской украины у сумскихъ слобожанъ происходили частыя споры съ путивльскими помѣщиками, продолжавшіеся по нѣскольку десятковъ лѣтъ. На спорной землѣ Путивльскаго и Бѣлопольскаго уѣздовъ великорусскими помѣщиками было построено 14 селъ и деревень. Въ нихъ за помѣщиками жило значительное количество пришлыхъ малороссіянъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые служили раньше въ казакахъ, велѣно было возвратитъ въ прежнее званіе и отдать имъ ихъ прежнія земли. Села Крыгу, Ворожбу и деревню Павловку отъ Путивля переписали къ Бѣлопольскому уѣзду; жившихъ тамъ помѣщиковъ выслали оттуда вмѣстѣ съ ихъ крестьянами, а многихъ подданныхъ малороссіянъ отобрали у нихъ и возвратили въ казачью службу.

IV

Движеніе черкасскаго эмиграціи въ предѣлы Слободской Украины въ эпоху „Руины“. Обязанности, принятія слобожанами относительно защиты окраинъ Московскаго государства отъ татаръ и служба ихъ московскому правительству. Особый складъ жизни казака-слобожанина и служба ихъ 1).

Немедленно по смерти Богдана Хмельницкаго, знаменитаго гетмана Малороссійскаго, въ Украинѣ начались смуты; явился цѣлый рядъ претендентовъ на гетманскую булаву, которые не только не заботились о благосостояніи края, но разоряли— „шарнали“ его, не хуже бусурманъ. Въ особенности положеніе народа стало тяжело въ гетманствѣ Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, въ эпоху, извѣстную подъ именемъ „Руины“ (съ 1663 г.—1687 г.).

Въ правобережной Украинѣ гетманомъ въ это время былъ Дорошенко. Желая объединить правобережную по р. Днѣпру и лѣвобережную земли, заселенныя малороссійскимъ народомъ, подъ однимъ гетманствомъ, Дорошенко прибѣгалъ ко всемімъ средствамъ. Къ несчастію, политическое положеніе сложилось такъ, что единственно рациональный союзъ, союзъ съ Москвою, оказался не осуществимымъ на дѣлѣ. Московское правительство не имѣло причинъ предпочитать Дорошенкѣ Брюховецкаго или Многогрѣшнаго и потому оно отказывало Дорошенкѣ въ гетманствѣ, а Дорошенко не хотѣлъ поступиться своимъ самолюбіемъ ради благъ родины, въ результатѣ явился неестественный союзъ Дорошенки съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ сул-

1) Составлено по Костомарову (XV-й т. Исторія Малороссіи) и по «Очерк. колониз. степ. окраины Моск. Госуд.», Д. И. Багтя.

таномъ. Послѣдствія союза были печальны: правобережная Украина была обращена въ пустыню. Въ 1667 году былъ заключенъ Андрусовскій договоръ, по которому вся правобережная Украина опять отдавалась подъ власть Польши. „Отъ того часу,— пишетъ малороссійскій лѣтописецъ ¹⁾, встали шатости на Украинѣ“. Въ 1669 году запорожцы выступаютъ совмѣстно съ ордою противъ самаго Дорошенка, въ 1671 году Дорошенко ведетъ орду на разореніе поселянъ своего же малороссійскаго народа и „орда много шкоды учинила въ людехъ“; въ 1672 году Дорошенко уже совмѣстно съ турками разоряетъ Каменецъ. Въ 1674 году противъ Дорошенки выступаетъ гетманъ Самойловичъ въ союзѣ съ московскими войсками и снова разоряется Каневъ и Черкасы. Опустошенія увеличиваются, когда Дорошенко приводитъ съ собою цѣлыхъ три орды противъ Самойловича, а вслѣдъ за ордою являются и поляки со своимъ королемъ доканчивать разоренье. Отъ хозяйничанія всѣхъ этихъ грабителей всё Побережье опустѣло. Со смертію Дорошенки (1676 г.) опустошенія Заднѣпровья не окончились. Чтобы поддержать претендента на гетманскую булаву Юрія Хмельницкаго, турки снова разорили Чигиринъ и сожгли Каневъ. Противъ турокъ снова выступилъ Самойловичъ и снова запылала села и города. Правобережная Украина теперь совершенно опустѣла. Понятное дѣло, что въ такую несчастную эпоху эмиграція должна была получить широкое развитіе. Такъ дѣйствительно и было. Еще въ 1665 году православные жители г. Корсуня, Бѣлой церкви и другихъ городовъ и селеній „*нестерпимаго ради гоненія людскаго*“ (главнымъ образомъ отъ полковника Чернецкаго) многими десятками семей выѣзжали изъ своей родины, переправлялись черезъ Днѣпръ и просили себѣ новоселья, изъявляя желаніе быть въ подданствѣ у православнаго государя. Тогда же казацкіе полковники доносили, что, въ городахъ (правобережныхъ) счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣше на лѣвую сторону въ наши города и всѣ наги отъ непріятели въ конецъ обижены“. Тоже самое продолжалось и въ послѣдующее время. Въ 1670 году Малороссія пришла въ унадокъ отъ междоусобій и татарскихъ набѣговъ; селенія пустѣли, жители во множествѣ переселялись въ слободскіе полки и вообще въ царскія земли. Есть извѣстія и о переселеніяхъ въ московскія украинскія слободы и въ послѣдующіе годы, 1674 и 1675-й.

Въ лѣтопискѣ „Самовидца“—Величко, говорится: „послѣ взятія Умани и Лодыжина турками остатокъ народа многими купами и таборами зо всехъ повѣтовъ собирався и болесними серцами и слезочительными очима вѣчне з своими красними тамошними селеніями и угодіями... на сю Днѣпра сторону перебирался и где улюбя, по разнихъ сегобочнихъ полкахъ Украинно-Малороссійскихъ для житія своего избиралъ... иніи многіе одойшли въ полки слободскіе Московскіе“ ²⁾.

Наконецъ послѣднее движеніе въ эпоху „Руины“ относится къ 1679 году. Самовидецъ въ своей лѣтописи пишетъ, что послѣ отступленія въ 1674 году князи Родановскаго и Самойловича на лѣвый берегъ Днѣпра „изъ большихъ и малыхъ

¹⁾ Лѣтопись «Самовидца». Кіевъ, 1786 г. стр. 89.

²⁾ Лѣтоп. Самовидца, Величко, 1851 г. т. II. 356 стр.

городовъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженные прочанами, (такъ назывались переселенцы), съ семьями и пожитками ¹⁾. По разсказу казака нѣжинскаго полка Гаврилы Тимофеева „въ Каневѣ, Черкасахъ и въ другихъ мѣстахъ на перелазахъ безпрестанно идутъ люди съ той стороны Днѣпра на эту съ женами и дѣтьми на жительство къ Ахтырскимъ и Сумскимъ слободамъ и къ другимъ лѣснымъ мѣстамъ ²⁾. Количество переселенцевъ было столь значительно, что возникло существенное затрудненіе въ вопросѣ объ отводѣ земель. Переселенцевъ этихъ было болѣе 20.000 человекъ. Это были казаки бывшихъ Заднѣпровскихъ полковъ: Чигиринскаго, Каневскаго, Черкасскаго Уманскаго и Тарговицкаго. У гетмана съ боярами московскаго царя, княземъ Голицынымъ и Головинымъ 5-го марта 1681 года было совѣщаніе относительно того, какъ и гдѣ устроить переселенцевъ. Гетманъ отъ лица переселенцевъ просилъ царскихъ пословъ, чтобы „прочанъ переселить по Бѣлгородской чертѣ въ новопостроенныхъ городахъ и слободахъ—въ Сумскомъ, Ахтырскомъ и другихъ слободскихъ полкахъ, потому что въ этихъ городахъ и слободахъ поселились и живутъ ихъ отцы и братья, дѣды и племянники“, и при этомъ высказывалъ пожеланіе, чтобы эти полки находились подъ гетманскимъ управленіемъ. Бояре отвѣчали, что въ слободскихъ полкахъ живетъ уже не мало народу, который устроилъ по Бѣлгородской чертѣ всякія крѣпости и оберегаетъ государевы земли отъ прихода воинскихъ людей и что поселить тамъ теперь Заднѣпровскихъ выходцевъ негдѣ. Малороссійскіе представители указывали на пустыя земли по Сѣверному Донцу. Бояре со своей стороны предлагали на жительство мѣста по рѣкѣ Орели. Переговоры отложены были на 6-е марта, но неизвѣстно, чѣмъ окончились. Что касается не массовыхъ переселеній, а частичныхъ, отдѣльными семействами, то они не прекращались въ продолженіе всего XVIII столѣтія, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ акты Кіевскаго центрального архива, изданные въ послѣднее время кіевскимъ архивистомъ Каманинымъ ³⁾.

Московское правительство покровительствовало черкасскимъ переселенцамъ въ видахъ защиты своей границы отъ постоянныхъ татарскихъ опустошительныхъ набѣговъ, укрѣпленія ея и постепеннаго заселенія. Оно возлагало на казаковъ трудную службу, но за то давало и большія льготы имъ, какъ мы видѣли. Кромѣ татаръ, врагами южной окраины московскаго государства являлись и поляки съ бывшими у нихъ на службѣ литовцами и черкасами—измѣнниками. Казаки часто переходили на службу отъ одного лагеря къ другому. То они бились противъ поляковъ, то нападали на московскихъ заодно съ поляками, то шли противъ татаръ, то заодно съ татарами нападали на слободы и поселенія Слободской Украины.

Чтобы судить насколько трудна была задача, принятая на себя казаками слобожанами — защищать границу Московскаго государства отъ враговъ, представимъ сначала данныя о татарскихъ погромахъ, заимствуя свѣдѣнія изъ историческихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 147.

²⁾ Акты Ю. З. Россіи т. XI. Стр. 656.

³⁾ Кіевскія Универс. Извѣстія 1886 г. № 8, стр. 123—130.

Тр. XIII Археол. Съѣзда. Т. II.

трудовъ Д. И. Багалѣя: „Очерковъ колонизаціи степной окраины Московскаго государства“ и „Матеріаловъ“ къ этимъ очеркамъ.

Татары двигались на Слободскую Украину или цѣлою ордою, во главѣ которой стоялъ ханъ, или небольшими отрядами. Нападеній перваго рода было немного, но ихъ можно уподобить опустошительному урагану, все истреблявшему и разрушавшему. Въ 1680 г. татарская орда разсѣялась по 18 украинымъ городамъ и селеніямъ и перебила, взяла въ плѣнъ и сожгла 3014 душъ жителей, разорила 7 церквей, 1273 улья пчель, сожгла 17369 четвериковъ хлѣба, 1571 копенъ сѣна, 889 дворовъ, гумень и мельницъ и отогнала 21770 головъ скота. Конечно, не всякій разъ татары производили такія опустошенія; гораздо чаще они являлись менѣе значительными партіями, отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколько тысячъ человекъ. Но и менѣе значительныя партіи наносили страшный вредъ жителямъ, ежегодно отъ нихъ страдали то тѣ, то другія села и деревни. Непритель не щадилъ ни храмовъ Божіихъ, ни монастырей, забиралъ церковную утварь, обдиралъ иконы, вѣзжалъ въ церкви на лошадахъ, забирая въ плѣнъ священниковъ и монаховъ. Дивногорскій монастырь такъ сильно пострадалъ отъ татаръ, что братія ушла изъ него и основала новый монастырь въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Отъ татарскихъ погромовъ Слободскіе полки: Изюмскій (1736 — 1737), Харьковскій (1687-й г., 1693-й г. и 1710-й г.), многія мѣстности Ахтырскаго полка также подверглись опустошеніямъ татаръ. Не былъ совершенно свободенъ и Сумскій полкъ, особенно въ первое время своего существованія. Но съ теченіемъ времени его со всѣхъ сторонъ окружили заселенныя мѣста (гетманщина, Ахтырскій полкъ, Бѣлгородскій край) и потому естественно, его положеніе сдѣлалось болѣе безопаснымъ.

Вотъ что пишетъ французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ польскихъ войскахъ подъ знаменами Конецпольскаго о татарскихъ набѣгахъ на польскія окраины въ своемъ сочиненіи „объ Украинѣ“. Что дѣлали татары съ поляками, которыхъ они захватывали въ плѣнъ, тоже дѣлали они и здѣсь, въ слободской Украинѣ, однихъ забирали въ плѣнъ, другихъ избивали на мѣстѣ, безчестили женскій полъ, жгли селенія, грабили и разоряли все до чиста.

...„Когда ханъ Крымскій выводитъ свои войска въ полѣ, оно простирается тысячъ до 80 и больше. А если предводительствуетъ мурза, то состоитъ тысячъ изъ 40 или 50. Обыкновенно татары вторгались въ непрительскія земли въ началахъ января и всегда въ зимнюю пору, для избѣжанія разныхъ препятствій на пути и чтобы рѣки и болота не останавливали нашествія. Знатнѣйшія изъ нихъ вмѣсто подковъ для лошадей употребляютъ бычачій рогъ, прикрѣпляя его къ копытамъ кожею наподобіе верыи и гвоздей, но это весьма непрочное. По сей причинѣ татары чрезвычайно опасаются неснѣжной зимы и гололедицы, во время которой и наилучше подкованныя лошади скользятъ. Ежедневный переходъ ихъ не великъ, ограничивается только шестью французскими милями. Подвигаясь медленно, они рассчитываютъ время, чтобы возвратиться въ улусы до вскрытія рѣкъ и обеспечить свое отступленіе. Такимъ образомъ приближаются крымцы къ границамъ польскимъ, избирая путь между лощинъ и стараясь укрыться отъ казаковъ, которые стерегутъ ихъ непрестанно и въ разныхъ

мѣстахъ и когда примѣчаютъ, немедленно приводятъ въ тревогу всю страну. Соблюдая строжайшую осторожность, вечеромъ не разводятъ они огня, отряжаютъ впередъ разъѣзды, чтобы захватить нѣсколько казаковъ и удостовѣриться о числѣ непріятеля. Татарскій фронтъ состоитъ изъ 100 человекъ и ихъ 300 лошадей, потому что у каждаго двѣ заводныя лошади для перемѣны и выюченья добычи. Татарскій всадникъ весьма легокъ и столь искусенъ, что когда утомится подъ нимъ лошадь во время преслѣдованія его непріателемъ, онъ перепрыгиваетъ на другую, не останавливая той, на которой скачетъ во всю рысь. Оставленная ѣздокомъ лошадь перебѣгаетъ на правую сторону, чтобы удобнѣе было потомъ пересѣсть на нее.

80000 войска выводитъ болѣе 200000 лошадей. Зрѣлище для невидавшаго оное удивительное страшное! Не такъ часты бываютъ деревья въ лѣсахъ, какъ конница татарская, выступающая въ поле: ее можно уподобить нѣкому облаку, на горизонтѣ плывущему, и по мѣрѣ приближенія своего распространяющемуся.

Въ семь порядкѣ движется громада сія, останавливающаяся каждый часъ минутъ на 15 для облегченія лошадей отъ мочи. Достигнувъ границъ польскихъ, татары за 3 или за 4 мили дѣлуютъ роздыхъ дня на два или на три, избирая для сего мѣсто безопасное. Тогда приготовляются къ нападенію слѣдующимъ образомъ: раздѣляютъ свои силы на три части: $\frac{2}{3}$ составляютъ корпусъ, а $\frac{1}{3}$ дѣлятъ и еще на двое и сіи полтрети образуютъ правое и лѣвое крыло. Въ такомъ устройствѣ вступая въ землю непріятельскую, днемъ и ночью подаются впередъ, останавливаясь на одинъ только часъ для корма лошадей и не причиняя никакого опустошенія, доколѣ не войдутъ во внутренность той страны на 60 или на 80 миль. Возвращаясь главный вождь татаръ отряжаетъ во все стороны крылья своей арміи, которыя отдѣляются отъ оной на 8 или на 12 миль. Каждое крыло, составленное изъ 8000 или 10000 человекъ, раздробляется на 10 или на 12 отрядовъ, заключающее въ себѣ отъ 500 до 600 человекъ. Они въ разныхъ направленіяхъ устремляются на деревни, окружаютъ ихъ четырьмя караулами, разводятъ сильные огни, чтобы не одинъ изъ жителей не могъ спастись ночью бѣгствомъ, потомъ грабятъ, истребляютъ селенія, умерщвляютъ всѣхъ противящихся имъ, берутъ въ плѣнъ сдающихся не только мужчинъ, женщинъ, но даже и грудныхъ младенцевъ, уводятъ скотъ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ козъ и проч., запираютъ свиней въ овинъ или въ инныя строенія и вечеромъ зажигаютъ оныя по омерзенію къ симъ животнымъ, возвращаются въ четыре или въ 5 часовъ съ значительной добычей къ арміи, которую не трудно отыскать по слѣдамъ, ибо татарскій фронтъ, какъ выше упомянуто, состоитъ изъ 300 лошадей. Тогда свѣжія два крыла отдѣляются отъ главныхъ силъ и направляютъ путь въ противоположныя стороны въ равномъ числѣ для одинаковаго опустошенія. Такимъ образомъ татары совершаютъ попеременно свои набѣги, не уменьшая корпуса въ числѣ людей, составляютъ всего $\frac{2}{3}$ и идутъ медленнымъ шагомъ, чтобы не утомляя себя, быть въ готовности къ отраженію войскъ польскихъ, коихъ стараются избѣгать. Они никогда не возвращаются тѣмъ же путемъ, которымъ вошли, опасаясь поляковъ, не нападаютъ, но обороняются и то, когда въ десятеро превышаютъ своихъ противниковъ; вторгаются въ Польшу не для сраженій, но для грабежа и хищничества внезапнаго. По окончаніи всѣхъ

своихъ набѣговъ, вступаютъ въ необитаемыя пограничныя степи и въ безопасныхъ для себя мѣстахъ дѣлаютъ продолжительный роздыхъ, потомъ вновь устраиваются, если приведены въ беспорядокъ встрѣчей съ поляками. Отдыхъ сей продолжается недолго, въ которое время собираютъ всю свою добычу, состоящую изъ плѣнныхъ и скота и дѣлятъ между собою. Самый нечувствительный человѣкъ не могъ-бы равнодушно взирать на разлученіе мужа съ женою, матери съ дочерью, лишающихся надежды когда либо свидѣться, поступающихъ въ тягостное рабство невѣрныхъ, которые по варварству своему чинятъ надъ ними всякія неистовства, насилуя дѣвицъ, женъ въ присутвіи отцовъ, мужей, обрѣзывая дѣтей для въ введенія въ магометанство. Словомъ, сердце самое холодное содрогнулось-бы, слыша радостный крикъ плѣніе среди вопля и стоны злосчастныхъ малороссіянъ, отправляемыхъ въ Константинополь, въ Крымъ, въ Анатолю и пр. Вотъ въ краткихъ словахъ описаніе хищническихъ вторженій татаръ, менѣе чемъ въ двѣ недѣли уведать 50000 душъ и плачевная картина обращенія ихъ съ невольниками!“...

Такимъ образомъ татарскія нападенія были важнѣйшимъ тормазомъ естественнаго расселенія слобожанъ Бѣлгородской черты и культурнаго развитія ихъ во второй половинѣ XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка. Но были къ тому и другія причины, хотя и не столь значительныя: внутреннія смуты, вызванныя политическими движеніями въ сосѣднихъ областяхъ (въ гетманщинѣ и на Дону), участіе въ заграничныхъ походахъ и войнахъ (крымскихъ, прусскихъ и другихъ), разнаго рофа физическія бѣдствія: пожары, чума и тому подобныя обстоятельства въ совокупности дѣйствовали задерживающимъ образомъ на прогрессивный ходъ мѣстной жизни. Съ первой половинѣ XVIII в. Слободская Украина потеряла свое окраинное положеніе, за нею образовались Новосербскія и Славяносербскія поселенія. Миниховъ походъ также нанесъ тяжелый ударъ Крыму. Ко внутреннимъ смутамъ относятся бунты Ивана Выговскаго, гетмана Брюховецкаго, Мазены, Орлика на Дону, Степана Разина, Булавина и другихъ. Возстаніе Выговскаго не распространилось на территоріи Слободскихъ казаковъ. Они послушались царскихъ увѣщательныхъ грамотъ и остались вѣрны правительству не смотря на то, что подручникъ Выговскаго Жученко подступалъ къ Ахтырскому полку со своими казаками и татарами. Болѣе успѣха къ несчастью имѣлъ Брюховецкій. Движенія на Дону отразились на слободскихъ полкахъ. Острогожскій полковникъ Иванъ Дзанковскій, оставшійся вѣрнымъ во время бунта Брюховецкаго, увлекся движеніемъ Разина. Театромъ возстанія Булавина была между прочимъ и территорія нынѣшней Харьковской губерніи.

Благодаря постояннымъ внѣшнимъ войнамъ и внутреннимъ смутамъ, въ Слободской Украинѣ выработался особый складъ жизни, правовъ и привычекъ; это было сочетаніе военно-казацкаго и земледѣльческо-промышленнаго быта. Казакъ-украинецъ былъ вмѣстѣ и пахаремъ и промышленникомъ. Такъ было и въ первоначальномъ мѣстожителствѣ слобожанъ — въ Заднѣпровьи. Эту „старочеркасскую обыкность“ они перенесли и въ слободскіе полки. Этимъ какъ нельзя лучше опровергается мнѣніе тѣхъ, которые не иначе себѣ представляютъ малороссійскаго казака, какъ въ видѣ какого-то добычника, вѣчно воюющаго съ басурманами. Казаки

вели съ татарами войну, но не наступательную, а оборонительную и заботились только о защитѣ своей украины. Это была ихъ обязанность, за исполненіемъ которой наблюдалъ Бѣлгородскій воевода. Нести эту обязанность имъ было трудноѣе, чѣмъ напр. Запорожцамъ, которые далеко не въ такой мѣрѣ преданы были земледѣлію и промысламъ. Между тѣмъ для слободскихъ казаковъ эти мирныя занятія были единственнымъ источникомъ содержанія, такъ какъ жалованья отъ правительства они не получали. Служба слободскихъ казаковъ совершенно была подобна во всемъ службѣ въ предѣлахъ Бѣлгородской черты. Какъ и въ Московскихъ окраинахъ, такъ и здѣсь она дѣлилась на четыре службы: 1, полковую, 2, городовую, 3, сторожевую и 4 станичную.

При приближеніи врага въ случаѣ его ожиданія преслѣдовались двѣ цѣли: узнать заранѣе о движеніи врага и 2, отразить его. Первую обязанность, какъ въ Бѣлгородской чертѣ, такъ и въ Слободской Украинѣ несли главнымъ образомъ сторожа и станичники; впрочемъ и независимо отъ нихъ вѣсти подавались отовсюду, чаще всего отъ плѣнныхъ татаръ и лазутчиковъ¹⁾. Въ ожиданіи врага принимались такія-же мѣры, какъ и въ московскихъ украинахъ, именно, уѣздные люди должны были спастись въ города, какъ въ болѣе безопасныя мѣста. Но Слободскіе Украинскіе города въ общемъ были укрѣплены хуже Бѣлгородскихъ и Воронежскихъ, по этому и не представляли изъ себя надежной защиты для населенія.

Отражать врага въ полѣ и въ городахъ должны были казаки полковой и городской службы. Но въ Сумахъ, какъ видно изъ описанія города 1686 года, были только (въ 1678 г.) караульщики у проѣзжихъ воротъ и всего четыре человека, отъѣзжихъ-же сторожей вовсе не было²⁾.

V.

Полковники Сумскаго полка Кондратьевы. Пребыванія Петра Великаго въ Сумахъ. Последующія событія.

Въ исторіи города Сумъ первенствующую роль играли полковники Сумскаго полка Кондратьевы. Ввиду этого въ дополненіе тому, что извѣстно уже намъ о дѣятельности ихъ по жалованнымъ грамотамъ, сообщимъ и другія свѣдѣнія, извѣстныя изъ другихъ источниковъ.

Родоначальникомъ фамиліи Кондратьевыхъ былъ нѣкто Кондратій, родомъ изъ-за Днѣпровья. У Герасима Кондратьевича, сына того Кондратія, перваго Сумскаго полковника и стольника, столь знаменитаго своею честною службою Московскимъ Государемъ, было двѣ жены и четверо сыновей. Вторую жену звали Екатериной. О ней упоминается въ духовномъ завѣщаніи Герасима 1796 года.³⁾ Старшій сынъ былъ Иванъ, второй Григорій, третій Андрей и четвертый Романъ. Всѣ они были

¹⁾ А. В. Вейбергъ, матеріалы по истор. Воронеж. и сосѣд. губер. V. 290—291. у Д. И. Багалъя, Очерки Колов.

²⁾ Матеріалы къ Очерку Колонизація Д. И. Багалъя. Дополненіе къ Актамъ Истор. г IX. 296 страница.

³⁾ Архивъ Харьков. губ. Д. П. Миллеръ, 1902 г. стр. 12.

помощниками отцу въ устройствѣ новыхъ поселеній и оборонѣ отъ враговъ. У Герасима была сестра, отличавшаяся строптивымъ нравомъ и своеволиемъ. Въ духѣ того времени, она взяла на себя командованіе разбойничьею шайкою. Небыло никому пощады отъ лихого атамана, въ особенности доставалось богатымъ, проѣзжимъ купцамъ. Дѣлалось это не столько ради наживы, сколько ради ложно понимаемаго удальства. И вотъ въ то время, когда родной братъ не щадилъ ни силъ своихъ, ни здоровья, проливая кровь въ честныхъ бояхъ съ врагами, защищая границу государства и оставаясь при всѣхъ искушеніяхъ непоколебимо вѣрнымъ долгу совѣсти и присягѣ, сестра родная проливала кровь не свою, а чужую, орудья разбойнымъ дѣломъ. По крайней мѣрѣ таково старинное преданіе, занесенное Преосвященнымъ Филаретомъ, на скрижали исторіи, въ его извѣстномъ трудѣ: „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи.“¹⁾ Два раза унималъ ее братъ оставить гнусное ремесло, не срамить его головы, но сестра не унималась. Тогда Герасимъ самъ словилъ ее на разбойномъ дѣлѣ и посадилъ въ такъ называемый каменный мѣшокъ, въ застѣнокъ и замуровалъ ее на вѣкъ. Насколько правды въ этомъ народномъ преданіи—трудно судить, но, признавая вѣрною пословицу—гласъ народа—гласъ Божій по отношенію собственно къ характеру Герасима, онъ является здѣсь по народному представленію человѣкомъ справедливымъ до суровости, права честнаго но крутаго. Нужно думать, что такъ именно и было, что дѣйствительно Герасимъ Кондратьевичъ былъ человѣкъ съ желѣзною волею, и такіе люди дѣйствительно тогда и нужны были: только они могли авторитетно вліять на вольницу и дисциплинировать ее.

Изъ „записки по дѣлу госпожи Камбурлей (урожденной Кондратьевой) въ Сенатѣ“²⁾, узнаемъ о раздѣлѣ имѣній полковника Герасима слѣдующее: „Герасимъ владѣя при жизни своей своимъ имѣніемъ, раздѣлилъ оное двумъ сыновьямъ своимъ Андрею и Роману (который упредилъ смертію отца своего Герасима³⁾), да умершихъ сыновъ своихъ Григорія и Ивана дѣтямъ, Емельяну и Петру и невѣсткѣ своей умершаго сына Ивана женѣ Аксиньѣ и внучатамъ Дмитрію, Федору и Ивану Кондратьевымъ, послѣ чего до состоянія о раздѣлахъ 714 г. указа умре. За Герасимомъ Кондратьевымъ сверхъ раздѣленнаго имъ при жизни его дѣтямъ, внучатамъ и невѣсткамъ имѣнія осталось еще въ собственномъ его владѣніи село Хотѣнь да деревни Рудневка и Пещаная, и во время жизни его Герасима дѣти его сыновья всѣ кромѣ Андрея, по смерти же онъ Андрей при жизни и по смерти отца своего Герасима въ пунктахъ 714 года былъ старшій и первенствующій наслѣдникъ. По смерти его Герасима, какъ онъ въ жизнь свою управлялъ принадлежащимъ имѣніемъ малолѣтняго внука своего Мануила Романова и какъ онъ Мануилъ еще не приспѣлъ въ возрастѣ совершенныхъ лѣтъ, то имѣніе его изъ разряднаго приказа ввѣрено дядѣ его Мануила Андрею Кондратьеву..... Послѣ его Андрея Кондратьева то его (Мануила) имѣніе раздѣлено между дѣтьми его (Мануила) Василиемъ, Иваномъ и Михаиломъ Кондратьевыми и такимъ образомъ принадлежащая часть Василью по нисхо-

¹⁾ Отдѣлъ III, городъ Сумы.

²⁾ Архивъ Харьков. губер. Д. П. Миллеръ, Архив. Графини А. Д. Строгановой, стр. 70—71.

³⁾ Герасимъ скончался въ 1701 году, а сынъ его Ромаъ въ 1700 году.

дящей линіи дошла до Анны Комбурлеевой, которой Василій Кондратьевъ былъ родной прадѣдъ, а затѣмъ достальныя части отъ Ивана Кондратьева дошли внуцатамъ его роднымъ Степану и Федору Кондратьевымъ, а отъ Михаила Кондратьева дочери его Катеринѣ, которая въ замужествѣ была за Лизогубомъ и отъ нихъ Лизогубыхъ, а равно и Степана Кондратьева производимы были изъ того имѣнія разныя продажи и залогы, послѣ которыхъ оное имѣніе до предковъ ея Анны Комбурлеевой дѣда Андрея и прадѣда Василія большею частію приобрѣтено правомъ выкупа, и проч. "...

Андрей Герасимовичъ Кондратьевъ былъ владѣльцемъ богатѣйшихъ имѣній, которыя ему частію достались отъ родителя его, знаменитаго стольника Герасима Кондратьевича, частію вновь ему были пожалованы и частію имъ самимъ куплены. Всѣ эти земли и владѣнія подробно перечисляются въ жалованной ему Царемъ Петромъ Великимъ грамотѣ 1702 года. Грамота эта, чрезвычайно обширная, напечатана въ „Архивѣ Харьковской губерніи Д. П. Миллера (г. Богодуховъ, фамильныя бумаги С. Д. Кондратьева, стр. 158—160). По этой грамотѣ за стольникомъ и полковникомъ Андреемъ Герасимовичемъ Кондратьевымъ въ Суджанскомъ и Сумскомъ уѣздахъ числилось земель: 565 четей пахатной и 257 десятинь сѣнокосной и лѣсу, сверхъ того хутора, двѣ мельницы, дворы и рыбныя ловли. Изъ прошенія, поданнаго на Высочайшее Имя внучкою Андрея Герасимовича Кондратьева Екатериною Михайловою Лизогубовой, въ 1751 году, видно, что по смерти Андрея Герасимовича осталась вдовою жена его Елена Михайловна съ дѣтьми: старшимъ Иваномъ, среднимъ Михаиломъ и младшимъ Василиемъ. Въ 1722 году скончалась и Елена Михайловна, а послѣ того и дѣти ея Иванъ и Василій со внуками: Иваномъ Ивановичемъ и Андреемъ Васильевичемъ. Владѣльцемъ тѣхъ имѣній оставался Михайло Андреевичъ Кондратьевъ, у котораго была дочь Екатерина Михайловна. Онъ выдѣлилъ изъ имѣній своихъ равныя доли племянникамъ: Ивану Ивановичу и Андрею Васильевичу Кондратьеву, именно: племяннику Ивану Ивановичу село Низы съ мельницею, село Старое съ мельницею, село Илекъ, деревню Закобылье, хуторъ г. Сумами, прозываемый Стѣномъ, съ пасѣкою подъ Сыроваткою Будю, пасѣкою Черемошною, а Андрею Васильевичу съ матерію его Марѳою Михайловною—село Хотень, село Ястребиное, село Бобрикъ, село Терешковку, деревню Пещаную, деревню Малый Бобрикъ, деревню Малую Слободу, мельницу на р. Пелѣ подъ Сумами, а себѣ Михайло Андреевичъ оставилъ—село Кровное, деревню Рудневку, село Шпилѣвку, деревню Исторжъ, село Локня, село Конопелька, деревня Басовка и проч..., каковыя имѣнія и должны были перейти къ Катеринѣ Михайловнѣ. Въ 1751 году скончался мужъ ея, Екатерины Михайловны, Иванъ Семеновичъ Лизогубовъ; Екатерина Михайловна осталась вдовою съ дѣтьми: пятью сыновьями и четырьмя дочерьми. Вдову съ дѣтьми сталъ обижать двоюродный братъ ея, отставной полковникъ Андрей Васильевичъ Кондратьевъ. Вдова вынуждена была искать защиты у Государя, для чего она подала на Высочайшее Имя прошеніе, въ которомъ писала слѣдующее: „видя вдовство мое, а детей моихъ бѣдныхъ малолѣтныхъ сиротство, братъ мой Андрей Васильевичъ Кондратьевъ, не бояся Бога и не памятуя смертнаго часа...

билъ челомъ въ вотчинную коллегію (1751 г.), ложно написавъ мое недвижимое село Локню, да Шпилевку, да Высторонецъ, да Рудневку, будто бы оное недвижимое его доли..... и въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ сего 1751 года братъ мой, отставной полковникъ Андрей Кондратьевъ съ подканцеляристомъ Иваномъ Янинымъ, да съ сотникомъ..... Кондратьемъ Фонфилерсомъ..... да съ нимъ же казаковъ человекъ съ 50, да подданныхъ его Андрея Кондратьева человекъ до 1000, съ огненнымъ ружьёмъ пріѣхавъ въ село моё Локню, гдѣ я жительство имею и сталъ на крестьянскіе дворы и призвавъ меня къ себѣ, объявили мнѣ словесно, что де по указу изъ вотчинной коллегіи велено отцовское мое недвижимое все у меня отнять и отдать ему Андрею, объявляя: по женскомъ де колѣну в приданые отдавать изъ роду невелѣно, а указъ и инструкціи мне о томъ необъявили и того ж часа ис того моего села з бѣдными моими дѣтми сиротами выслали подъ неволею со всякою бесчесною бранью вонъ из села только въ той одежде, в чемъ мы ходили, пеши, а пожитки наши и всякой скарбъ остался въ томъ домѣ моемъ въ ихъ рукахъ, и подданныхъ моихъ крестьянъ собравъ, стращая ихъ, казакамъ велели стрелять изъ ружья и велели быть в послушаніи и во владеніи у брата моего Андрея Кондратьева, а въ другихъ моихъ вотчинныхъ, в Шпилевкѣ, в Сторонце, Рудневке, пріѣхавъ, тож учинили, все отказали за него брата моего неправо и все мое недвижимое имѣніе и всякой скарбъ в техъ моихъ вотчиннахъ все захватили, а меня бѣдную вдову с сиротами моими лишили дневной пици" ¹⁾. Изъ другихъ документовъ видно, что этотъ Андрей Васильевичъ вообще отличался необузданнымъ характеромъ, дѣйствовалъ часто насиліемъ, притѣсня слабыхъ. Въ фамильномъ архивѣ графини А. Д. Строгановой ²⁾, въ числѣ разныхъ документовъ хранятся также и письма Кондратьевыхъ XVIII и XIX вѣка. Ихъ 257. Вотъ что писано въ одномъ изъ нихъ о вышеупомянутомъ Андрѣе Васильевичѣ. „Почтенный господинъ судья Кондратьевъ. Сего сентября 4-го дня (1741 года) присланнымъ ко мнѣ его превосходительства князя Бориса Григорьевича Юсупова письмомъ упоминать изволить, что вы чините подваннымъ его слободы Юсуповки не малыя обиды: на отдаточной ему отъ Степана Григорьевича землѣ отняли 12 лошадей, забили настуха и двухъ бабъ немилостиво палками, называя, яко бы та земля ваша, и посѣянной на оной землѣ подданныхъ его хлѣбъ похваляетесь забрать, также и сенные покосы отнимаете и лѣсы ево рубите и другіе многіе обиды и разоренія чините, и просить, дабы о нечиненіи таковыхъ обидъ къ вамъ писать. Того ради предлагаю вамъ.... лошади отдать безъ умедленія и проч.“. Переписка Кондратьевыхъ свидѣтельствуесть, что у нихъ, какъ и у всѣхъ крупныхъ пановъ лѣвобережной Украйны тяжбы объ имѣніяхъ были явленіемъ постояннымъ. Чѣмъ богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ онъ считалъ себя сильнѣе другихъ и злоупотреблялъ своею силою въ ущербъ другимъ. Андрей Васильевичъ Кондратьевъ былъ богаче всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и потому также позволялъ себѣ черезъ-чуръ много. За нимъ числилось въ одномъ Сумскомъ полку подданныхъ малороссовъ—

¹⁾ Архивъ Харьков. губерніи Д. П. Миллеръ, Харьковъ, 1902 г. Богодуховскій уѣздъ, г. Богодуховъ, Фамильныя бумаги С. Д. Кондратьева, стр. 174—175.

²⁾ Тамъ же, Архивъ граф. Строгановой, стр. 27.

3088 душъ. Изъ описи имѣній Андрея Васильевича Кондратьева ¹⁾ 1783 года видно, что за сыномъ его, Андреемъ Андреевичемъ по 5-ой ревизіи 1795 года числилось въ разныхъ слободахъ, селахъ, деревняхъ и хуторахъ 5113 душъ крестьянъ и множество заводовъ—винокуренныхъ, кирпичныхъ, овчарныхъ и другихъ.

Замѣчательна церковно-строительная дѣятельность Кондратьевыхъ.

Первый Сумской полковникъ, Герасимъ Кондратьевичъ Кондратьевъ былъ строителемъ двухъ Сумскихъ монастырей, мужскаго Успенскаго и женскаго, нынѣ упраздненныхъ и двухъ церквей—соборной и Николаевской. Кто былъ строителемъ перваго соборнаго храма—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ существовалъ до дѣятельности Герасима въ Сумахъ, вѣроятно былъ построенъ самими казаками вмѣстѣ съ основаніемъ поселенія; о немъ упоминается въ донесеніи воеводы Арсеньева. Храмъ былъ деревянной постройки, во имя Преображенія Господня съ придѣломъ во имя Алексѣя, челоуѣка Божія, ангела царя Алексѣя Михайловича. Этотъ храмъ сгорѣлъ. Герасимъ Кондратьевичъ на мѣстѣ сгорѣвшаго вновь построилъ храмъ во имя того же Преображенія Господня въ 1694 г. за семь лѣтъ до своей смерти и также деревянный. И этотъ соборъ просуществовалъ недолго, всего 60 лѣтъ. Подробнѣе о храмахъ скажемъ мы далѣе, въ слѣдующей главѣ. Николаевскій храмъ, построенный въ 1652 г., такъ же какъ и соборъ, казаками былъ вновь перестроенъ тѣмъ же Герасимомъ Кондратьевичемъ и на его счетъ ²⁾, въ томъ же 1694 году. Дѣти перваго Сумскаго полковника считали своимъ христіанскимъ долгомъ поддерживать храмосоздательную дѣятельность отца своего, что имъ впрочемъ и не трудно было дѣлать, такъ какъ они имѣли къ тому всѣ средства. Сынъ перваго полковника Андрей Герасимовичъ Кондратьевъ, стольникъ и полковникъ, какъ и его отецъ, построилъ первый каменный храмъ въ городѣ, въ 1702 г. что было по тогдашнему времени рѣдкостью не только для Сумъ, но и для всей Украины, въ которой церкви были сплошь деревянные. Храмъ построенъ былъ въ два яруса, что также было новостію; въ верхнемъ ярусѣ престолъ былъ сооруженъ во имя Воскресенія Христова, а въ нижнемъ—во имя св. апост. Андрея Первозваннаго, ангела храмоздателя. Андрей Герасимовичъ былъ благотворителемъ и Рождество Богородицкой церкви въ Сумахъ ³⁾. Онъ же построилъ въ селѣ Рясномъ храмъ во имя Св. Великомученика Димитрія Солунскаго, впоследствии неоднократно перестраивавшійся и наконецъ обращенный въ мужской общежительный монастырь, существующій доселѣ и извѣстный подъ именемъ „*Ряснянскаго*“.

За годъ до смерти перваго Сумскаго полковника Герасима Кондратьевича указомъ Петра Великаго отъ 18 февр. 1700 года Сумскому черкасскому полку приказано было быть въ конной службѣ въ количествѣ 1230 челоуѣкъ. Вслѣдствіе такого распоряженія, сынъ Герасима Кондратьевича Андрей въ началѣ Шведской войны отправился со своимъ полкомъ въ Ингерманландію, гдѣ пробылъ до 1702 года, а ме-

¹⁾ Архивъ Харьков. губ. Д. П. Миллеръ, стр. 26—27.

²⁾ Историко-статист. описаніе Харьк. епарх. Преосвящ. Филарета, Архіеп. Харьков. Ахт. отд. III, г. Сумы.

³⁾ Истор. статист. описаніе Харьк. епар. Преосвящ. Филарета, Отд. III г. Сумы.

Тр. XIII Археол. Съѣзда. Т. II.

жду тѣмъ старикъ отецъ его, изнуренный лѣтами и боевой жизнью, скончался въ 1701 г. По возвращеніи оттуда, Андрей Герасимовичъ принялъ въ 1706 г. отъ бывшихъ по городамъ русскихъ воеводъ всѣ города Сумскаго полка съ ихъ артиллерією и службою въ полное завѣдываніе. Вскорости послѣ этого онъ отправилъ въ походъ для подавленія бунта, поднятаго Донскимъ атаманомъ Булавинымъ. Главнымъ начальникомъ экспедиціи Петръ I-й назначилъ князя Голицына. Въ этомъ походѣ полковникъ Андрей Герасимовичъ былъ убитъ ¹⁾.

Преемникомъ должности Андрея Герасимовича сдѣлался набожный сынъ его Иванъ Андреевичъ. При немъ однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ событій было пребываніе Петра Великаго въ г. Сумахъ. Поводомъ къ этому событію, славному въ лѣтописяхъ города, была Шведская война. По пятамъ за Карломъ XII, Шведскимъ королемъ, орломъ летѣлъ Петръ Великій послѣ того, какъ на сторону Карла присталъ измѣнникъ гетманъ Мазепа. По журналу самаго Петра I, по запискамъ Крекшина и по „исторіи Ригельмана“ ²⁾ царь Петръ 25 декабря 1708 г. прибылъ изъ Лебедина въ Сумы. За нимъ вслѣдъ прибыла вся гвардія. Первый день новаго года, 1709-го, царь вѣликолѣпно праздновалъ въ Сумахъ. Въ Преображенскомъ соборѣ было совершено молебствіе, за которымъ присутствовалъ Государь. Во время молебна, пишетъ въ своихъ запискахъ Крекшинъ, палили изъ пушекъ и стрѣляли гвардейцы изъ ружей. Генералы и штабъ-офицеры приглашены были къ столу Его Величества. Пиръ продолжался до полуночи. Также торжественно весело провелъ царь въ Сумахъ и другой зимній праздникъ, день Крещенія Господня, 6-го января. Но царь зналъ дѣлу время и потѣхъ часъ. За пирами онъ не забывалъ о главномъ дѣлѣ, за которымъ прибылъ на югъ Россіи и всё свободное время готовилъ войско свое къ сраженіямъ. 6-го января собралъ царь на военный совѣтъ цвѣтъ своего войска и рѣшилъ на этомъ совѣтѣ немедленно идти въ походъ на Карла. А Карлъ тѣмъ временемъ усердно старался заискать расположенія населенія въ свою пользу и въ манифестахъ своихъ оповѣщалъ казаковъ, что онъ пришелъ сюда защищать страну отъ насилія царя и что за каждый фунтъ хлѣба, отпущенный его солдатамъ, онъ платитъ, а на дѣлѣ было совсѣмъ другое. То и дѣло возникали пожары въ разныхъ мѣстахъ: Шведы безъ пощады жгли и грабили мирныхъ жителей, Карлъ мечталъ о побѣдахъ и триумфальномъ шествіи напрямки въ Москву; онъ уже заранѣе выдалъ генераль-майору Шпору патентъ на званіе Московскаго коменданта и приказалъ уже сдѣлать расписаніе квартиръ для войскъ своихъ въ Москвѣ. Узнавши объ этомъ, Петръ I-й говорилъ (18-го февр. 1709-го г.) въ городѣ Сумахъ вслухъ всѣхъ: „уповаю на Бога; Шведы будутъ въ Москвѣ, да только не на тѣхъ квартирахъ“. Царю показали также хвастливое донесеніе Карла своему сенату о побѣдахъ его надъ русскими подъ Добрымъ и Лѣснымъ. Царь прочитавши, сказалъ съ улыбкою: „желаю такихъ счастливыхъ побѣдъ Его Королевскому Величеству и впредь“. 21-го января царь

¹⁾ Историко-статистич. описаніе Харьк. епархіи, Преосвящ. Филарета, Архіеп. Харьк. и Ахтырск. Отд. III, г. Ахтырка, записка о слобод. полкахъ, стр. 76—78.

²⁾ „Библиот. для чтенія“ за 1849-й г., Исторія Малороссіи, Ригельманъ, 2, 65. См. ист. стат. опис. Харьк. Епар. Преосв. Филар. Отд. III, г. Сумы.

издалъ въ Сумахъ манифестъ, въ которомъ выводилъ на чистую воду измѣнника Мазепу: въ манифестѣ пропечатано было письмо Мазепы къ Лещинскому, въ которомъ Мазепа измѣннически отдавалъ Малороссію во власть Польши. Тогда-же, въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца, Царю доставленъ былъ манифестъ Карла къ казакамъ (отъ 16 дек. 1708 г.) съ клеветами на Царя и лживыми обѣщаніями казакамъ. Въ отвѣтъ на этотъ манифестъ Карла, царь издалъ въ Сумахъ свой манифестъ 3-го февраля, въ которомъ между прочимъ писалъ: „чтоже принадлежитъ до лживой клеветы его, короля Шведскаго, будто я, Великій Государь, договариваюсь съ панюю о соединеніи вѣры, то это больше достойно смѣха, чѣмъ какого-либо довѣрія. Да сохранить насъ Всевышній отъ того, чтобы я, защитникъ благочестія, когда нибудь имѣлъ въ мысляхъ что нибудь подобное“. 3-е февраля было послѣднимъ днемъ пребыванія царя въ Сумахъ. Время это онъ прожилъ по мѣстному преданію въ лучшемъ въ то время домѣ, фундаментъ и подвалы котораго сохранились доселѣ, а верхній этажъ надстроенъ впоследствии. Подвалы аркообразной постройки такой же постройки и нижній этажъ, потолки со сводами, стѣны—необычайной толщины. По преданію, здѣсь въ старину было когда то казначейство. Замѣчательно, что за все время существованія дома, съ самаго построенія его, сколько ни было въ городѣ пожаровъ, случалось, что весь городъ выгоралъ, домъ этотъ всегда оставался неповрежденнымъ и нынѣ онъ, благодаря внимательному уходу и постоянному ремонту, совершенно крѣпокъ и приноситъ владѣльцамъ не малый доходъ: верхъ сдается за 600 рублей въ годъ, низъ—за 400 р. Крыша дома, какъ и всѣхъ старинныхъ домовъ, очень высокая, крутая; домъ стоитъ во дворѣ и немного наискось улицѣ, называемой Монастырской. Гвардія царская выступила изъ Сумъ въ Ахтырку еще заблаговременно, 28-го января. Царя въ Сумахъ задержалъ сынъ его Алексѣй, за болѣзнію своею опоздавшій прибыть со своими тремя полками въ Сумы. Полечившись въ Сумахъ отъ лихорадки у лейбъ-медика Дупеля, онъ оправился, но не вдругъ и пробылъ въ городѣ до 12 февраля, а отецъ его, Императоръ Петръ I-й, выѣхалъ раньше ¹⁾. Извѣстенъ и именной списокъ казаковъ Сумскаго полка, участвовавшихъ въ борьбѣ Петра Великаго съ Карломъ.

О другихъ сыновьяхъ знаменитаго перваго Сумскаго полковника Герасима Кондратьева мало извѣстно. Въ грамотѣ царя Феодора Алексѣевича, отъ 1-го ноября 1679-го года, упоминается о смерти Ивана Герасимовича отъ ранъ въ бояхъ „и на многихъ бояхъ онъ полковникъ (Герасимъ) и сынъ его Иванъ ранены и тотъ сынъ его отъ ранъ и умре“. Авторъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“, Преосвящ. Филаретъ, догадывается, что это было въ славномъ Чигиринскомъ бою 1677 года, гдѣ по извѣстію Велички были и „казаки слободскіе“. Григорій Герасимовичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ боевой жизни и подвигахъ своего отца, послѣ смерти своего брата Андрея также въ одно время исполнялъ должность Сумскаго полковника. Извѣстна его отписка 1680 г. „Григорію Ивановичу (генералу Кассагову) Григорій Герасимовичъ полковникъ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества По вѣрнымъ вѣстямъ два салтана со многими ордами раздѣлились

¹⁾ Письма Царевича Алекс. Петровича. Одесса, 1849 г., стр. 55—57. Дополн. Голубова, 8, 179. Смотр. у Преосв. Филар. Истор.-статист. опис. Харьк. Епар. Отд. III, г. Сумы.

на три части, одна пошла въ полкъ Переяславскій, другая къ Пырятину и Прилуцинѣ, а третія Сулою, не малыми купами, силою великою“¹⁾. Послѣдній отрядъ по всей вѣроятности опустошалъ западный край Сумскаго полка.

Въ маѣ 1681 года г. Сумы и Сумскій полкъ праздновали двойное торжество по случаю перемирія съ турками и татарами послѣ многолѣтней кровопролитной войны и по случаю объявленія благодарности Сумскому полку отъ имени царя за вѣрную службу его. Изъ грамотъ видно, что казаки Сумскаго полка бились съ турками и татарами подъ Чигириномъ въ 1677 и 1678 г. и участвовали во всѣхъ бояхъ въ продолженіе всей Турецко-татарской войны, начиная съ 1673 года. По фамильнымъ свѣдѣніямъ Григорій Герасимовичъ скончался въ 1683 году²⁾. Сынъ Григорія Герасимовича, приходившійся внукомъ первому Сумскому полковнику Герасиму Кондратьеву, Димитрій Григорьевичъ, получилъ на свое имя въ 1743 году жалованную грамоту Сумскому полку съ подтвержденіемъ всѣхъ привилегій, дарованныхъ по жалованнымъ грамотамъ царей Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Алексѣевича и съ отмѣною всѣхъ тягостей, возложенныхъ на Слободскіе полки при Биронѣ. Грамота напечатана въ запискахъ о слободскихъ полкахъ и у Срезневскаго³⁾. Четвертый сынъ Герасима Кондратьевича Романъ Герасимовичъ также былъ полковникомъ Слободскаго Ахтырскаго полка. Онъ участвовалъ въ несчастномъ второмъ Крымскомъ походѣ подъ начальствомъ полковника Перекрестова въ 1700 г. Сумской и Ахтырской полкъ потерѣли страшное пораженіе; тогда-жъ и полковникъ Ахтырскаго полка Романъ Герасимовичъ былъ убитъ. Послѣдними полковниками Сумскаго полка были уже не Кондратьевы — Михайло Михайловичъ Захаржевскій и Романъ Ивановичъ Романовъ.

О событіяхъ послѣдующаго времени немного можно узнать изъ историческихъ матеріаловъ, да и тѣ носятъ характеръ простаго перечня эпизодовъ и случайныхъ событій. Изъ дневника дьяка Никиты Зотова, который онъ велъ во время своего путешествія въ качествѣ Московскаго посла вмѣстѣ со стольникомъ Василиемъ Тяпкинымъ къ Крымскому хану въ 1680—1681 годахъ, за пять лѣтъ до похода въ Крым князя Голицына, мы узнаемъ кое что о Сумахъ. Городъ лежалъ на проѣзжей дорогѣ изъ Москвы въ Крымъ, такъ что при поѣздкѣ изъ Москвы въ Крымъ его нельзя было миновать. Изъ Москвы Зотовъ выѣхалъ 18 августа 1680 года вмѣстѣ съ ханскимъ гонцомъ обыкновенною въ то время дорогою въ Крымъ—на Тулу, на Мценскъ, на Орель, Курекъ, Суджду и 10 сентября, т.-е. чрезъ 24 дня пріѣхалъ въ Сумы. Въ Сумахъ Зотовъ долженъ былъ дожидаться своего товарища, который заѣзжалъ еще къ Малороссійскому гетману въ Батуринь. Посламъ вездѣ устраивали торжественныя встрѣчи по городамъ; въ Сумахъ также встрѣтили пословъ торжественно. Здѣсь послы отдыхали въ виду предстоящаго „опаснаго пути“: за Сумами ѣхать уже было рискованно. Изъ Сумъ они выѣхали 28 сентября и для „береженья такого страшнаго пути“ взяли съ собою провожатыхъ 600 человекъ рейтаръ Бѣлгородскаго разряда и Запо-

¹⁾ Историко-статист. опис. Харьк. епарх. Преосвящ. Филар. Отд. III, г. Сумы.

²⁾ Историко-статист. опис. Харьк. епарх. Преосвящ. Филарета. Отд. III, г. Сумы.

³⁾ Тамъ же.

рожескихъ казаковъ съ ихъ начальниками. Изъ Сумъ прїѣхали въ Краснополье, оттуда въ г. Вольный, Богдуховъ, Ольшанку и т. д.

Въ 1738 г. въ Сумахъ и во всей Слободской Украинѣ была такъ называемая „морская язва“, вѣриѣ—чума. Бѣлгородскій губернаторъ Грековъ, въ вѣдѣніи котораго состояли Сумы, обращался къ содѣйствию Бѣлгородскаго Преосвященнаго Петра и онъ указомъ консисторіи отъ 7 сент. 1738 года на имя игумена Сумскаго мужскаго монастыря Иларіона и Соборнаго протопопа Антонія Словинскаго предписалъ совершать на литургіи особыя моленія на эктеніяхъ, и послѣ службы—крестные ходы съ молитвою объ избавленіи города отъ эпидеміи. Въ 1806 г. каменный Николаевскій храмъ, два года тому назадъ только что отстроенный, внезапно рушился до основанія. Богъ далъ, что обошлось безъ жертвъ. Катастрофа случилась на первый день Пасхи, спустя около часу по выходѣ народа изъ храма, по окончаніи литургіи. Въ началѣ XIX вѣка еще русскіе зодчіе, значить, не научились, какъ слѣдуетъ строительному искусству, по крайней мѣрѣ въ Сумахъ архитекторы были настолько мало свѣдуши или невнимательны къ своему дѣлу, что построенный ими храмъ просуществовалъ кое-какъ только 2 года! Въ 1839—1840 годахъ отъ сильнаго пожара сгорѣла лучшая часть города Сумъ. Въ то же время изъ Сумъ была переведена большая ярмарка въ Ромны. Совпаденіе одновременно обоихъ случаевъ было причиною упадка города, впрочемъ не на долгое время, лѣтъ на 30, послѣ чего городъ расцвѣлъ и обогатился до неузнаваемости благодаря благотворительной дѣятельности Сумскихъ магнатовъ, извѣстныхъ капиталистовъ, Ивана Герасимовича Харитоненко, памятникъ котораго украшаетъ городской скверъ, сына его Павла Ивановича Харитоненко и почетнаго гражданина и, строителя собора, Дмитрія Ивановича Суханова. Послѣдній періодъ въ жизни города со времени введенія городского положенія можно было бы прослѣдить обстоятельно по документамъ, такъ какъ они всѣ на лицо въ Городской Управѣ и сейчасъ, но это не входитъ въ нашу задачу.

Въ 1708 г. Сумы были приписаны къ Кіевской губер., въ 1732 г. къ Бѣлгородской и съ этого времени Сумы стали центральнымъ пунктомъ всѣхъ Слободскоукраинскихъ полковъ; въ 1765 г. въ городѣ была открыта канцелярія вновь образованной Слободско-украинской губерніи, впоследствии переименованной въ Харьковскую. Уѣзднымъ городомъ Сумы стали съ 1780 года.

VI.

О храмахъ города Сумъ. Архивъ Рождество-Богородицкой церкви.

Съ большою вѣроятностію нужно признать, что построеніе храмовъ въ Сумахъ началось одновременно съ построеніемъ города, ибо нельзя допустить, чтобы набожный въ тѣ времена малороссійскій народъ при постройкѣ города и разныхъ принадлежностей его первымъ дѣломъ, такъ сказать, первою священною обязанностию не почелъ заложить и потомъ построить на новомъ мѣстѣ своего жительства церковь Божію, для удовлетворенія своихъ насущныхъ религіозныхъ вуждъ. И

дѣйствительно, источники свидѣтельствуютъ о существованіи храмовъ и среди нихъ соборнаго съ самаго основанія города. Строитель города Сумъ, воевода Кириаль Арсеневъ, въ отпискѣ Московскому царю Алексѣю Михайловичу о сумскихъ черкасахъ, занимавшихся добываніемъ дегтя, въ 1653 году, упоминаетъ о соборной церкви: „взялъ я, холопъ твой, съ тѣхъ черкасъ въ твою государь казну 17 бочекъ (дегтю), потомучто въ твоей государь казнѣ въ новомъ Суминѣ городе приходу ни откуда никакого нету и купить желѣза къ соборной церкви на строенье и на твое государь городовое дѣло.... не на что.... и пр.“¹⁾ Въ 1661 году, черезъ 9 лѣтъ отъ начала постройки города, уже упоминается въ документахъ о соборномъ *Преображенскомъ храмѣ*, съ придѣломъ во имя Алексѣя человѣка Божія, царскаго ангела²⁾. Но если тогда былъ соборный храмъ, то значить были и приходскіе и дѣйствительно въ числѣ таковыхъ былъ *Рождество-Богородицкій храмъ*. Соборный храмъ, по соборнымъ документамъ, всегда былъ во имя Спаса-Преображенія Господня, а придѣлъ во имя Алексѣя, человѣка Божія, устроенъ былъ позднѣе. По запискѣ священника Теодора Словинскаго 1802 года древняя надпись на храмованномъ крестѣ была такая: „освятися алтарь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа къ церкви соборной св. Алексія человѣка Божія въ гор. Суминѣ въ лѣто отъ созданія міра 7169 индикта 14-го, отъ воплощенія Слова Божія 1661-й, марта въ 17-й день, при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Алексѣѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи и при великомъ Государѣ Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ Московскомъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи“. Храмъ этотъ существовалъ недолго. Во время татарскаго нашествія на Сумы въ 1659 г. онъ уцѣлѣлъ невредимымъ, но пострадалъ въ послѣдствіи отъ пожара, какъ писали прихожане соборные въ 1728 году. На мѣстѣ сгорѣвшаго снова былъ построенъ соборъ первымъ Сумскимъ полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ въ 1694 году на его личныя средства и опять-же во имя Преображенія Господня. Имя строителя собора было вырѣзано при входѣ въ соборъ, на дверяхъ. На храмованномъ крестѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: „освятися жертвенникъ во храмѣ Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа при державѣ Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцахъ за бытность тогда Преосвященнаго Авраамія, Митрополита Бѣлгородскаго и Обоянскаго, въ лѣто отъ Р. Х. 1694-е, маія въ 18-й день, на память св. мучениковъ Петра, Діонисія и иже съ ними“. Этотъ соборъ существовалъ 60 лѣтъ. Его за ветхостію сломали и продали, а временно, пока собирались строить новый храмъ и потомъ пока его строили, служили въ маломъ храмѣ наскоро выстроенномъ въ 5 саженьяхъ отъ мѣста постройки новаго каменнаго храма. Этотъ малый деревянный храмъ поставилъ на свои средства соборный протопопъ Матѣей Грессовскій въ 1754 г. во имя своего ангела, апостола Матѣя. 22 года собирали средства на постройку новаго каменнаго храма и все это время и въ послѣдствіи, пока

¹⁾ Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Д. И. Багалъя, Харьковъ 1886 г. № VIII, стр. 49.

²⁾ Ист. стат. опис. Харьк. Еп. Преосвящ. Филарета. Отд. III, г. Сумы

строился онъ, служили въ семь маломъ храмѣ. Каменный храмъ заложенъ былъ въ 1776 г. 13 іюля; строился храмъ съ благословенія Преосвященнаго Аггея при соборномъ протопопѣ Иванѣ Ивановичѣ Словинскомъ. Соборъ строился 12 лѣтъ; освященъ былъ при преосвященномъ Теофистѣ, епископѣ Бѣлгородскомъ и Обоянскомъ, 12 октября 1788 года. Соборъ былъ двухъярусный, нижній во имя Преображенія Господня и верхній во имя Благовѣщенія Божіей Матери. Для постройки собора устроенъ свой кирпичный заводъ. 1000 кирпичу тогда стоила, какъ видно по записямъ, 3¹/₂ рубля; известь получали изъ Бѣлгорода отъ подрядчика, четверть ея стоила 40 коп.; кирпича на построение храма пошло болѣе милліона. Храмъ строился большею частію на сборныя жертвованныя деньги. Церковнаго капитала было немного, всего 150 рублей; къ нимъ присоединены были деньги, вырученныя отъ продажи старой церкви, 400 р. Главными благотворителями по постройкѣ храма были три лица: Яковъ Алексѣевичъ Шубскій, вдова чиновника Евдокія Парафіевская и купецъ Ѳедоръ Кондратьевичъ Филоненко. Шубскій пожертвовалъ до 7000 рублей, Парафіевская—3000 рублей и самостоятельно, на свой счетъ устроила иконостасъ въ верхней Благовѣщенской церкви, что обошлось ей въ 800 рублей, а Филоненко пожертвовалъ 3000 рублей и на значительную сумму дорогихъ церковныхъ сосудовъ—большой потиръ серебряный, вызолоченный, съ финифтями и стразами, дискосъ, звѣздицу, лжицу, серебряныя, вызолоченныя и священное облачение золотой парчи. По счету на устройство церкви съ окончательной отдѣлкой внутреннихъ украшеній и принадлежностей храма израсходовано 20000 рублей. Каменная колокольня заложена была въ 1797 году іюля 15 дня и окончена въ 1801 г. По огромности зданія, или по непрочности устройства, въ этой колокольнѣ оказались большія трещины, поэтому изъ опасенія паденія зданія, оно было разобрано въ 1812 г. Изъ разобраннаго кирпича былъ построенъ корпусъ для торговли съ четырьмя магазинами по сторонамъ и со входомъ въ церковную ограду. Въ такомъ видѣ Сумской соборъ существовалъ до 1858 года. Съ этого года выбранъ былъ въ старосты именитый гражданинъ г. Сумъ и богатѣйшій человекъ, дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Димитрій Ивановичъ Сухановъ. Въ первый же годъ своей службы онъ принялся за реставрацію собора на свой счетъ: расширилъ его, украсилъ золоченымъ иконостасомъ и богатою утварью, но это однако же его не удовлетворило. Въ 1882 г. Димитрій Ивановичъ Сухановъ предпринялъ болѣе капитальную перестройку церкви, также на свои средства, при чемъ изстратилъ денегъ до милліона рублей. Вновь была выстроена колокольня во вкусѣ построекъ знаменитаго архитектора Растрелли, расширена и перестроена трапезная церковь съ двумя придѣлами: иконостасы въ главномъ храмѣ и въ придѣльныхъ поставлены мраморныя, роскошной отдѣлки, колонны; живопись писана въ главномъ храмѣ художникомъ В. Маковскимъ, въ правомъ Благовѣщенскомъ придѣлѣ художникомъ Шохоровымъ и въ лѣвомъ Димитріевскомъ придѣлѣ (въ честь ангела строителя собора) художникомъ Лебедевымъ. Мраморныя иконостасы работали въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ и по замыслу г. Орлова. Крыша колокольни и собора покрыта была золотомъ, по краямъ крыши, какъ собора, такъ и колокольни его, поставлены были большія чугунныя фигуры св. апостоловъ, выкрашенныя

въ зеленый изумрудный цвѣтъ, на колокольнѣ устроены башенные часы. Димитрію Ивановичу не суждено было однако вполне осуществить при жизни своей всѣ свои замыслы относительно переустройства собора; смерть взяла его (20 дек. 1890 г.) ранѣе того времени, чѣмъ закончены были всѣ работы въ соборѣ, но все предположенное Димитріемъ Ивановичемъ по завѣщанію его было окончено и исполнено наслѣдникомъ его Н. А. Сухановымъ. Благодарные граждане г. Сумъ сохранили память щедрого жертвователя въ притворѣ на большой мраморной плитѣ.

Святыню собора, чтимую во всей мѣстности г. Сумъ и его уѣзда, составляетъ икона *Божіей Матери*, извѣстная подъ именемъ Корсунской, почитаемой за многія явленныя ею чудеса. Въ „лѣтописи“ Сумскаго собора сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ этой св. иконѣ. Икона когда-то принадлежала крестьянину деревни Романовки, имѣнія въ то время гг. Кондратьевыхъ. Изображеніе писано на бѣломъ листовомъ желѣзѣ шириною вершковъ 5 и длиною вершковъ 7. Впослѣдствіи ее перенесли въ новый храмъ, построенный въ селѣ Шпилевкѣ. Въ 1859 году разрѣшено было переносить ее ежегодно въ Преображенскій соборъ г. Сумъ, гдѣ она должна пребывать до третьяго дня св. Пасхи и потомъ обратно относить съ крестнымъ ходомъ въ Шпилевку.

Въ библиотекѣ соборной рѣдкихъ книгъ нѣтъ; архива также нѣтъ; въ числѣ рукописей—важнѣйшая—царская грамота на жалованную собору землю въ 1692 году на имя протопопа Тихона съ братією и межевая книга на эту землю, составленная въ 1694 г.

Воскресенскій храмъ въ городѣ Сумахъ былъ первымъ каменнымъ храмомъ, построеннымъ въ городѣ, прочіе были деревянные. Построенъ онъ былъ полковникомъ Андреемъ Герасимовичемъ Кондратьевымъ, сыномъ знаменитаго перваго Сумскаго полковника, въ 1702 году на собственные его средства. Въ немъ было два этажа—въ верхнемъ, холодномъ, престолъ во имя Воскресенія Христова, по благословенію Преосвященнаго Іустина Базилевича, освященный въ 1702 году 23 октября, въ нижнемъ—теплый, во имя св. апост. Андрея Первозваннаго, ангела строителя храма, освященный нѣсколько позже¹⁾. Каменный храмъ былъ построенъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ осады города, могъ служить убѣжищемъ для мирныхъ гражданъ. Отъ того стѣны этого храма въ 2 арш. толщины, окна узенькія, съ желѣзными ставнями снаружи, запиравшимися изнутри на крючки, подъ поломъ былъ подвалъ (теперь засыпанный), въ которомъ жители могли прятать свои пожитки. Изъ подвала, по преданію, впрочемъ не проверенному, былъ потайной ходъ къ рѣкѣ Сумкѣ. Вѣроятно и храмъ вначалѣ былъ войсковымъ храмомъ. Въ этомъ храмѣ, по преданію, Императоръ Петръ Великій, во время посѣщенія своего г. Сумъ на пути въ Полтаву для сраженія съ Карломъ XII, Шведскимъ королемъ, былъ, молился и самъ читалъ апостолъ за литургіей. Въ ризницѣ Воскресенскаго храма и доселѣ сохраняется эта реликвія, какъ святыня. 1732 года 2-го сентября, во время грозы ударомъ молніи повредило иконостасъ и деревянную крышу церкви. (Указъ 1733 г.).

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на храмовомъ крестѣ.

Въ 1791 г. августа 19-го дня церковь вторично пострадала, на этотъ разъ отъ пожара: гонтовая крыша храма сгорѣла и даже иконостасъ внутри попортился, особенно пострадалъ верхній храмъ, впоследствии возобновленный на средства благотворителей (Ивана Стрѣльченко и Петра Кроквы). Въ 1839 году былъ снова сильный пожаръ, во время котораго сгорѣлъ лучший въ городѣ кварталъ, сгорѣла совсѣмъ, Ильинская церковь и сильно пострадали двѣ — Воскресенская и Введенская. Въ слѣдующемъ 1840 году, новымъ пожаромъ былъ истребленъ церковный домъ при Воскресенской церкви и церковныя лавки.

Въ числѣ замѣчательныхъ пожертвованій есть серебряный вызолоченный крестъ пожертвованный потомкомъ создателя храма помѣщикомъ Димитріемъ Кондратьевымъ.

Покровская каменная церковь заложена была въ 1783 г. на мѣсто деревянной по благословенію Преосвященнаго Аггея, Епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго, усердіемъ, трудами и на средства Архимандрита Святогорскаго Успенскаго монастыря Теофана Федоровскаго, который былъ прежде настоятелемъ старой деревянной Покровской церкви. Освящена церковь въ 1790 г. по благословенію Преосвященнаго Θεоктиста, епископа Бѣлоградскаго и Курскаго.

Первый храмъ во имя св. Николая построенъ въ Сумахъ не позже 1652 года. Въ духовномъ завѣщаніи полковника Сумскаго Герасима Кондратьевича Кондратьева 1694 года, декабря 8-го дня, въ числѣ свидѣтелей завѣщанія упоминается Николаевскій попъ Григорій ¹⁾.

Храмъ во имя св. Троицы существуетъ въ Сумахъ съ половины XVIII в., но съ какого именно года — неизвѣстно. По церковнымъ документамъ Троицкая церковь значится существующею въ 1730 г., а въ 1732 г. при церкви значится существующимъ „шпиталь“, — госпиталь или богадѣльня для мѣщанъ. Церковь была деревянная (какъ и всѣ въ городѣ первоначально, кромѣ Воскресенской). Въ 1827 году заложена была каменная о двухъ престолахъ церковь на мѣстѣ деревянной. Строителемъ былъ Михаилъ Лаврентьевъ со своимъ племянникомъ Михаиломъ Линтваревымъ. Главный престолъ въ нижнемъ храмѣ во имя св. Троицы, а въ верхнемъ придѣлѣ (маленькомъ и тѣсномъ) во имя благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго, ангела строителя храма.

Ильинскій храмъ существуетъ съ 1705 г.

Петропавловская кладбищенская церковь съ 1851 года.

Рождество-Богородицкая церковь, называемая въ просторѣчій *Холодногорскою*, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, называемомъ „Холодною горою“, по причинѣ дуящихъ съ сѣвера, съ этой горы, на городъ холодныхъ вѣтровъ. Гора и церковь приходятся въ сѣверозападной части г. Сумъ, за рѣчкою Сумкою, по Курской дорогѣ. За церковью, вдоль къ западу, по возвышенной площади, составляющей продолженіе Холодной горы, растянулся приходъ этой церкви. Въ старинныхъ документахъ церковь называлась: „на посадѣ“ ²⁾. Нынѣшняя каменная церковь существуетъ на мѣстѣ прежней

¹⁾ Архивы Харьк. губер. Д. П. Миллеръ. Харьков. Архивъ графини Строгановой, стр. 11.

²⁾ Архивы Харьк. губ. Д. П. Миллеръ; Жалованная грамота стольнику Андрею Кондратьеву, стр. 17.

деревянной во имя того же Рождества Богородицы. Построенная вышедшими из-за Днѣпра казаками въ XVII в., церковь была освящена въ 1681 году Сумскаго Успенскаго монастыря игуменомъ іеромонахомъ Варнавою и Сумскимъ протоіереемъ Емеліаномъ Яковлевичемъ Середою, какъ свидѣтельствуеъ надпись на храмозданномъ крестѣ, хранящемся въ церковной ризницѣ. Но кто былъ старостою при устройствѣ храма, а также была ли когда перестроена эта церковь или существовала въ одномъ видѣ слишкомъ 100 лѣтъ, въ актахъ церковныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Извѣстно только, что по случаю пожара въ городѣ, бывшаго 18 и 19 числа августа 1791 года, угрожавшаго церкви, престолъ былъ вынесенъ изъ храма и впоследствии снова внесенъ и освященъ вновь, какъ свидѣтельствуеъ надпись на оборотной сторонѣ названнаго креста. Когда деревянная церковь настолько уже обветшала, что служеніе въ ней становилось опаснымъ, 20-го августа 1808 г. заложена была новая каменная церковь на мѣстѣ разобранной деревянной. 6 мая 1855 года, церковь была снова разобрана, за исключеніемъ колокольни, до нижнихъ оконъ, и снова построена.

Рождество-Богородицкая церковь и по настоящее время бережно хранитъ старинный архивъ со многими важными и интересными документами. Изъ нихъ замѣчательны:

1. *Указъ 1733 года, апрѣля 3 д.* изъ канцеляріи сенатора Генераль-лейтенанта князя Шаховскаго о томъ, чтобы малороссійскіе переселенцы въ Слободской украинѣ не смущались производимою по указу Императрицы Анны Іоанновны майоромъ Хрущовымъ переписью.

2. *Указъ 1734 г. декабря 15 д.* изъ Сумской полковой канцеляріи сумской полковой сотни сотникамъ Аванасію Высоцкому и Ивану Севастѣеву о томъ, чтобы „полку сумскаго обиватели, у кого какие имѣются прежние старіе крепости..... въ указный срокъ для записки объявляли въ сумахъ въ полковой канцеляріи“.

Затѣмъ слѣдуютъ указы Преосвященнаго Епископа Іоасафа Горленко, замѣчательные съ одной стороны потому, что въ нихъ ясно вырисовывается высоко нравственная личность автора ихъ, а съ другой—рисуются нравы и понятія того времени и того общества, указываются черты и характеръ жизни того времени.

Откуда двуглавый орелъ на деньгахъ Тверского вел. кн. Михаила Борисовича?

В. Савва.

А. В. Орѣшниковъ въ своемъ описаніи: „Русскія монеты до 1547 г.“¹⁾, отмѣчая деньгу съ двуглавымъ орломъ, принадлежащую послѣднему Тверскому вел. кн. Михаилу Борисовичу (1461—1486), высказалъ предположеніе, что Михаилъ Борисовичъ помѣстилъ на монетѣ двуглаваго орла „въ подражаніе Московскому вел. кн. Ивану III, начавшему употреблять этотъ византійскій гербъ послѣ своей женитьбы на Софьѣ Палеологъ“. Исходя отъ такого предположенія, почтенный археологъ вноситъ поправку въ мнѣніе Карамзина, что Иванъ III началъ пользоваться изображеніемъ двуглаваго орла, какъ гербомъ, съ 1497 г.: „двуглавый орелъ на монетѣ Михаила Борисовича, появившійся не позже 1486 г., послѣдняго года его княженія, какъ я сказалъ въ подражаніе московскому двуглавному орлу, указываетъ, что Иванъ III сталъ свои монеты съ двуглавымъ орломъ чеканить ранѣе 1486 года“²⁾.

Мнѣніе свое о заимствованіи Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ изображенія двуглаваго орла изъ Москвы, отъ Ивана III, А. В. Орѣшниковъ повторилъ въ другомъ своемъ трудѣ. Почтенный археологъ, повидимому, имѣетъ въ виду, что основаніемъ къ такому мнѣнію могли бы быть печати или монеты Ивана III съ изображеніемъ двуглаваго орла, которыя относились бы ко времени между 1472 г., годомъ брака Ивана III съ Софьей Палеологъ, и 1486 г., когда Тверь была присоединена къ Москвѣ. „На всѣхъ, говоритъ онъ, изданныхъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог. грамотахъ между 1472 г., годомъ женитьбы Ивана III на Софьѣ Палеологъ, и 1497 г. ни разу не встрѣчается печати съ двуглавымъ орломъ, хотя нельзя сказать, чтобы печать съ этимъ гербомъ обяза-

¹⁾ „Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III. Описание памятниконъ. Вып. I. Русскія монеты до 1547 г.“. М. 1896 г.

²⁾ Назв. гр., 52—53. Карамзинъ, отмѣчая изображеніе двуглаваго орла на печати Ивана III, привѣщенной къ мѣновной грамотѣ его съ Волоцкими князьями, датированной 1497 г. (грамота и снимки съ печатей въ С. Г. Г. и Д., I, № 129), говоритъ: „Вел. Князь началъ употреблять сей гербъ съ 1497 г.; до 1472 г. на печати его изображались Ангелъ, держащій въ рукѣ кольцо, и человекъ съ обнаженнымъ кинжаломъ; а съ сего времени до 1497 г. левъ, терзающій змѣю: работа греческая, и, какъ вѣроятно, подарокъ Софїинъ“. (Ист. гос. Рос., VI т., прим. 98).

тельно привѣшивалась ко всѣмъ грамотамъ послѣ 1497 г.: такъ, къ грамотѣ Ивана III, данной сыну его Юрію около 1504 г., привѣшена печать прежняго образца съ Викторіей и человѣкомъ, другими словами, печать съ двуглавымъ орломъ употреблялась наравнѣ съ другими печатями Ивана III и возможно допустить, что если византійскій орелъ перешелъ къ намъ послѣ женитьбы Ивана III на Софьѣ Палеологъ въ 1472 г., то и до 1497 г. были съ его изображеніемъ печати при грамотахъ, которыя могли не сохраниться до нашего времени, благодаря многократнымъ пожарамъ Московскаго Кремля¹⁾. Повидимому, А. В. Орѣшниковъ полагаетъ, что неупотребленіе Иваномъ III послѣ 1497 г. только печати съ двуглавымъ орломъ даетъ основаніе заключить, что и до 1497 г. Иванъ III, со времени женитьбы на Софьѣ Палеологъ, пользовался, на ряду съ печатями, на которыхъ были изображенія съ Викторіей и человѣкомъ, съ двумя всадниками, съ Викторіей предъ человѣкомъ (извѣстны 3 эти типа печатей Ивана III), также и печатью съ двуглавымъ орломъ, если этотъ орелъ появился на Московскихъ печатяхъ вслѣдствіе брака Ивана III съ Софьей Палеологъ, только грамоты, при которыхъ были печати съ двуглавымъ орломъ, до насъ могли не дойти.

Не найдя изображенія двуглаваго орла на московскихъ печатяхъ до 1497 г., А. В. Орѣшниковъ не нашелъ это изображеніе и на московскихъ монетахъ времени Ивана III. „Двуглаваго орла, говоритъ онъ, изображеннаго на пулахъ, относимыхъ мною ко времени Ивана III, Московскихъ и Новгородскихъ относить ко времени до 1497 г. съ увѣренностью нельзя, такъ какъ русскія монеты этой эпохи годовъ не имѣютъ; но изображеніе двуглаваго орла на издаваемой здѣсь деньгѣ Михаила Борисовича, заимствованнаго, по всему вѣроятію, съ московскихъ монетъ или печатей, а не съ татарскихъ или византійскихъ, указываетъ, что до 1486 г., позже котораго монеты послѣдняго самостоятельнаго Тверскаго князя чеканены быть не могли, въ Московскомъ великомъ княжествѣ двуглавый орелъ уже существовалъ и былъ введенъ Иваномъ III, вѣроятно, вскорѣ послѣ своей вторичной женитьбы въ 1472 г.“²⁾.

Такимъ образомъ, представленіе о двуглавомъ орлѣ, какъ московскомъ гербѣ, привело А. В. Орѣшникова къ заключенію, что двуглавый орелъ на монетѣ Тверскаго вел. кн. Михаила Борисовича, отчеканенныхъ не позже 1486 г., когда Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, заимствованъ былъ изъ Москвы отъ Ивана III, а такое заключеніе должно было привести къ предположенію, что двуглавый орелъ появился на печатяхъ Ивана III Московскаго послѣ 1472 г., но эти печати могли не дойти до насъ, благодаря пожарамъ Московскаго Кремля; монетъ Ивана III съ двуглавымъ орломъ, которыя были бы чеканены до 1486 г., А. В. Орѣшниковъ не указалъ, замѣтивъ, что русскія монеты того времени годовъ не имѣютъ³⁾.

¹⁾ Матеріалы къ русской нумизматикѣ до царскаго періода. Древнѣйшее русское изображеніе двуглаваго орла“ въ Трудахъ Моск. Нумизмат. Об. т. II, вып. 1, стр. 12.

²⁾ Тамъ же, 12—13.

³⁾ Нѣсколько позже, въ 1901 г., А. В. Орѣшниковъ издалъ 10 монетъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, принадлежащихъ Михаилу Борисовичу Тверскому (Труды Моск. Нумизмат. Об. т. II, вып. 3, стр. 332, №№ 42—51).

Предполагая, что Михаилъ Борисовичъ Тверской заимствовалъ изображеніе двуглаваго орла съ московскихъ печатей или монетъ, А. В. Орѣшниковъ замѣчаетъ: „да не съ татарскихъ или византійскихъ“. Отсюда, кажется, можно заключить, что почтенный археологъ не считаетъ невозможнымъ предположеніе, что двуглавый орелъ на Тверскихъ деньгахъ могъ быть заимствованъ съ татарскихъ или византійскихъ монетъ, но самъ къ этому предположенію относится отрицательно. Основаніе къ такому предположенію указываетъ самъ А. В. Орѣшниковъ: древнѣйшія изображенія двуглавыхъ орловъ, говоритъ онъ, существовали въ очень отдаленныя времена; въ М. Азіи среди высѣченныхъ на скалахъ каменныхъ рельефовъ, древность которыхъ относятъ къ VII в. до Р. Х., находятся два изображенія двуглавыхъ орловъ; на Афонѣ, въ основаніи одного монастыря, построеннаго Имп. Пульхеріей въ V в., найденъ мраморный рельефъ съ двуглавымъ орломъ; на цѣломъ рядѣ памятниковъ арабскихъ и византійскихъ встрѣчаются изображенія двуглавыхъ орловъ, эти же изображенія находятся на арабскихъ монетахъ Зенгидовъ и Ортокидовъ съ XII по XIV в.; на европейскихъ монетахъ двуглавый орелъ появляется въ половинѣ XIV в., у нѣмецкихъ Императоровъ, занесенный, какъ думаютъ, крестоносцами, и еще позже на монетахъ византійскихъ Мануила III Комнена (1390—1417), чеканенныхъ въ Трапезунтѣ. Высказавъ убѣжденіе, что на русскихъ монетахъ двуглавый орелъ, какъ воспроизведеніе византійскаго герба, ранѣе 1472 г. не могъ изображаться, А. В. Орѣшниковъ указываетъ, что на одной имъ изданной русской деньгѣ конца XIV в. изображено нѣчто, подобное двуглавному существу, съ перваго взгляда похожее на орла; отмѣчая, что подобныя изображенія встрѣчаются на ортокидскихъ монетахъ, почтенный археологъ говоритъ: „безъ сомнѣнія и вышеупомянутая русская деньга воспроизводитъ какой-нибудь восточный памятникъ“. Кромѣ этой русской деньги конца XIV в. А. В. Орѣшниковъ отмѣчаетъ серебряную русскую же деньгу изъ собранія П. В. Зубова, на которой находится изображеніе, хотя и очень примитивной работы, двуглаваго орла. Эту деньгу, по неразборчивости русской надписи на ней, почтенный археологъ склоненъ отнести, судя по внѣшности ея, скорѣе къ вел. кн. Суздальско-Нижегородскому, чѣмъ къ Московскому, и полагаетъ, на основаніи типа и вѣса деньги, что она принадлежитъ концу XIV в., изображеніе же двуглаваго орла на ней считаетъ вѣроятнымъ заимствованіемъ съ джучидскихъ монетъ. Такимъ образомъ, заключаетъ А. В. Орѣшниковъ, древнѣйшее русское изображеніе двуглаваго орла, какъ воспроизведеніе восточной эмблемы, можно отнести къ концу XIV в. ¹⁾

Слѣдовательно, по опредѣленію А. В. Орѣшникова, изображеніе двуглаваго орла появляется на русскихъ монетахъ, какъ воспроизведеніе восточной эмблемы до 1472 г., съ этого же года двуглавый орелъ на московскихъ монетахъ и печатяхъ изображается какъ византійская эмблема и заимствуется Михаиломъ Тверскимъ отъ Ивана III Московскаго, печати котораго съ изображеніемъ двуглаваго орла времени до 1497 г. не извѣстны, а монетъ Ивана III за то же время съ такимъ же изображеніемъ указать нельзя.

¹⁾ Труды Моск. Нумизмат. Об., т. II, вып. 1, стр. 13—14.

Такія соображенія могутъ вызвать, какъ кажется, нѣсколько вопросовъ. Въ лѣтописи, подѣ 1399 г., рассказывается о встрѣчѣ вел. кн. Литовскаго Витовта съ Золотоордынскимъ ханомъ Темиръ-Кутлукомъ на р. Ворсклѣ. Витовтъ потребовалъ отъ хана покорности и дани. Ханъ согласился, тогда Витовтъ, говоритъ лѣтопись, „еще къ тому возхотѣ во всей Ордѣ быти на денгахъ Ординскихъ знаменіе Витовтово“. Въ это время пришелъ на помощь къ хану мурза Едигей, и переговоры приняли другой характеръ: Едигей потребовалъ отъ Витовта покорности, дани и чтобы „на денгахъ Литовскихъ Ординскому знамени быти“ ¹⁾. Это мѣсто лѣтописи извѣстно А. В. Орѣшникову; онъ называетъ его „характернымъ для выясненія вопроса о помѣщеніи тамги одного государства на монетахъ другого“ ²⁾, и это извѣстіе лѣтописи объясняетъ находженіе на значительномъ количествѣ русскихъ монетъ Татарской тамги, какъ слѣдствіе зависимости Руси отъ Золотой Орды. Далѣе, А. В. Орѣшникову извѣстны условія договора Василія Темнаго Московскаго съ новгородцами, состоявшагося послѣ пораженія послѣднихъ въ 1456 г.; одно изъ этихъ условій гласитъ: „А печати быти князей великихъ“ ³⁾, это же условіе повторено въ договорной грамотѣ Ивана III съ новгородцами въ 1471 г.: „а печати быти князей великихъ“ ⁴⁾. Какъ понимать это условіе? Должны ли были новгородцы пользоваться печатью московскою для грамотъ, или же изображать печать эту и на монетахъ? А. В. Орѣшниковъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ такъ: „Мнѣ кажется, что эти выраженія въ договорахъ если и относились къ печатямъ, которыя прикладывались къ официальнымъ документамъ, вѣроятно, должны были также распространиться и на деньги“ ⁵⁾. Мысль, что помѣщеніе на монетѣ чужой печати означаетъ зависимость отъ того лица, которому принадлежитъ печать, высказаны А. В. Орѣшниковымъ при опредѣленіи деньги, съ неясно отчеканеннымъ изображеніемъ, повидимому, всадника, поступившей въ нумизматическое собраніе г. Зубова вмѣстѣ съ монетами волоколамскаго клада; въ этомъ кладѣ, говоритъ почтенный археологъ, „судя по надписямъ, позднѣйшія монеты принадлежатъ Михаилу Борисовичу, и ни московской или другой, изъ болѣе поздней эпохи, въ немъ не оказалось и эта деньга (съ всадникомъ, повидимому) представляетъ единственное исключеніе по отсутствію имени великаго князя“. Вслѣдствіе этого А. В. Орѣшниковъ находитъ возможнымъ предположеніе, что деньга эта принадлежитъ тому времени, когда Иванъ III пожаловалъ сына своего Ивана Молодого Тверью, и Московскій всадникъ явился на деньгѣ, какъ знакъ власти Москвы надъ Тверью. Находя возможнымъ такое предположеніе, почтенный археологъ оговаривается, что и Михаилъ Борисовичъ могъ помѣстить на деньгѣ своей Московскаго всадника, но потому только, что онъ помѣщалъ „на своихъ монетахъ двуглаваго орла, на котораго онъ не имѣлъ права, но, очевидно, изъ подражанія Ивану III“ ⁶⁾. Но,

¹⁾ П. С. Р. Л. XI, 173.

²⁾ „Русскія монеты до 1547 г.“, 74.

³⁾ А. Арх. Эксп. I, № 58, стр. 43.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д. I, № 20, стр. 28.

⁵⁾ „Русскія монеты до 1547 г.“, 7.

⁶⁾ Тамъ же, 62.

мы знаемъ, есть основаніе думать, что такое подражаніе означало бы для послѣдняго Тверскаго князя признаніе полной подчиненности Москвѣ, а отъ нея онъ бѣжалъ въ Литву ¹⁾. Если Михаилъ Борисовичъ заимствовалъ двуглаваго орла отъ Ивана III, мы вправѣ, думается, ожидать двуглаваго орла на монетахъ тверскихъ, какъ знака власти Москвы, послѣ присоединенія Твери къ послѣдней; но до насъ дошла денга въ собраніи гр. И. И. Толстого съ надписью: князь | велики | ванъ | тв | ерек | и съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ всадника московскаго типа, и эту денгу А. В. Орѣшниковъ считаетъ принадлежащею Ивану Молодому, сыну Ивана III Московскаго, пожалованнаго отцомъ Тверью послѣ бѣгства Михаила Борисовича въ Литву ²⁾.

Выше было отмѣчено, что нельзя указать монетъ Ивана III Московскаго съ изображеніемъ двуглаваго орла. Одно показаніе лѣтописи подъ 1535 г. даетъ право думать, что при сынѣ Ивана III и Софій Палеологъ, Василій III, на московскихъ монетахъ двуглавый орелъ не изображался. Вотъ это мѣсто: „А при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на денгахъ князь великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ; а князь великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ князь великій на конѣ, а имѣя конь вѣ руцѣ, и оттолѣ прозваша денги копейныя“ ³⁾. Принимая во вниманіе отсутствіе монетъ съ двуглавымъ орломъ времени Ивана III и только что приведенное извѣстіе лѣтописи, можно думать, что на монетахъ Ивана III не изображался двуглавый орелъ, потому что, если бы онъ изображался, то и при Василіи III, по всей вѣроятности чеканился бы на монетахъ двуглавый орелъ. Печати московской съ двуглавымъ орломъ до 1497 г. мы не знаемъ, поэтому думать, что Тверской князь заимствовалъ двуглаваго орла на денгахъ своихъ изъ Москвы, какъ предположилъ А. В. Орѣшниковъ, врядъ ли, пока, основательно. Самъ А. В. Орѣшниковъ высказалъ предположеніе, что на серебряной денгѣ, которую онъ отнесъ по времени къ концу XIV в. и по мѣсту къ Суздальско-Нижегородскому княжеству, двуглавый орелъ заимствованъ съ джучидскихъ монетъ. Не оттуда ли и двуглавый орелъ на денгахъ Михаила Борисовича Тверскаго? Возможны, быть можетъ, предположенія, что Михаилъ Борисовичъ заимствовалъ изображеніе двуглаваго орла или непосредственно съ византійскихъ печатей или отъ нѣмецкихъ императоровъ, къ которымъ изображеніе это было занесено, какъ думаютъ, крестоносцами.

Вопросы, возникающіе при пересмотрѣ богатаго нумизматическаго матеріала, издавнаго А. В. Орѣшниковымъ и при чтеніи его цѣнныхъ изысканій и соображеній, для разрѣшенія своего требуютъ приведенія въ извѣстность и тщательнаго изученія имѣющагося нумизматическаго матеріала и печатей, конечно, не только русскихъ, ждуть такихъ опытныхъ и знающихъ работниковъ, какъ А. В. Орѣшниковъ, недавно посвятившій цѣнную статью русской сфрагистикѣ, огромное значеніе которой вмѣстѣ

¹⁾ Отношенія Михаила Борисовича къ Ивану III съ 1484 г. въ договорныхъ между ними грамотахъ (С. Г. Г. и Д. I, №№ 119 и 120). Объ этихъ отношеніяхъ въ „Исторіи Тверскаго княжества“ Борзаковскаго (200). О времени чеканки монетъ въ княжествахъ С. В. Руся въ Предисловіи А. В. Орѣшникова къ „Русскимъ монетамъ до 1547 г.“. XII—XIII.

²⁾ „Русскія монеты до 1547 г.“, 53.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 296.

съ нумизматической для исторіи и археологін не подлежит сомнѣнію. Монеты и печати — памятники искусствъ, и въ изученіи ихъ принесутъ большую пользу историкѣ искусствъ. Не располагая данными для рѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ, я только имѣлъ въ виду обратить вниманіе на нихъ, въ надеждѣ, что болѣе компетентные изслѣдователи, чѣмъ я, сдѣлаютъ возможное для разрѣшенія ихъ.

Къ вопросу о доставкѣ фруктовъ ко двору царя Алексѣя Михайловича.

С. Д. Щербакъ.

Историкъ и археологъ И. Е. Забѣлинъ давно положилъ прочный фундаментъ изученію исторіи сѣверно-русскаго садоводства въ рядѣ образцовыхъ очерковъ, иллюстрирующихъ состояніе царскихъ и частновладѣльческихъ садовъ московскаго района XVII и XVIII столѣтій (Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, т. II, стр. 266—350).

Въ работѣ Забѣлина съ ясностью установлено, что на мѣропріятія царя Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ разведенія и устройства собственныхъ садовъ по европейскому образцу, кромѣ природной его склонности къ сельскому хозяйству, оказали вліяніе частью иноземцы, доставлявшіе изъ-за границы экземпляры плодовыхъ деревьевъ, частью русскіе посланники (Лихачевъ, Потемкинъ), побывавшіе въ тѣхъ европейскихъ странахъ (Флоренціи, Испаніи, Франціи), гдѣ садоводство и въ силу климатическихъ условій и благодаря культурности населенія стояло высоко. Понятно доставка плодовыхъ деревьевъ оттуда, хотя и была возможна, представляла значительныя трудности, а между тѣмъ въ составъ Московскаго государства входили мѣстности благоприятныя также въ климатическомъ отношеніи (Слободская Украина, Лѣвобережная съ древней столицей Кіевомъ, живописно расположеннымъ на правой сторонѣ Днѣпра, южное Поволжье), откуда легче было получить и необходимый садоводственный матеріалъ и потребныхъ инструкторовъ. И дѣйствительно, въ цѣляхъ снабженія государевыхъ садовъ черенками, а также въ видахъ поставки фруктовъ къ царскому столу, московское правительство заводило виноградники и арбузные огороды въ Поволжьѣ—въ Астрахани и въ Тамбовѣ, въ Слободской Украинѣ—въ Чугуевѣ.

Медовиковъ ¹⁾, Соловьевъ ²⁾, Цвѣтаевъ ³⁾, Иловайскій ⁴⁾ удѣлили свое вниманіе

¹⁾ Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича. Москва, 1854 г., стр. 180.

²⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII, стр. 92.

³⁾ Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Москва, 1890 г., стр. 717—718.

⁴⁾ Исторія Россіи, т. V, стр. 430 и 632, прим. 39.

разработкѣ вопроса о разведеніи виноградниковъ въ Астрахани и на Терекѣ; Оглоблинъ, Багалъйи, Миклашевскій, Бѣлявскій прослѣдили насажденіе виноградниковъ и устройство арбузныхъ огородовъ въ г. Чугуевѣ, послѣдній изслѣдователь также въ г. Тамбовѣ и Курскѣ, съ указаніемъ литературы по исторіи садоводства въ г. Чугуевѣ ¹⁾.

Въ Лѣвобережной Украинѣ и г. Кіевѣ московское правительство въ XVII в. собственныхъ садовъ не разводило, зато практиковало въ широкой мѣрѣ доставку фруктовъ и плодовыхъ насажденій путемъ купли при посредствѣ воеводъ. Особенно много посадочнаго матеріала и плодовъ доставлялъ Кіевъ, при чемъ главными поставщиками были монастыри. Еще изъ путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, описаннаго архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, можно усмотрѣть, какое вниманіе обращала Кіево-Печерская лавра на садоводство. Было бы утомительно приводить данное Павломъ Алеппскимъ довольно пространное описаніе архимандритскаго сада, помѣщенное въ главѣ XIV, книга 4-я, стр. 53, его путешествія (см. Чтенія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1897 годъ, книга 4-я). Замѣтимъ лишь, что утвержденіе его о существованіи въ главномъ лаврскомъ саду абрикосовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ подтверждается архивными документами, къ обзору которыхъ мы и переходимъ. О пріобрѣтеніи фруктовъ, именно вишенъ и орѣховъ, у крестьянъ Кіево-Печерской лавры для надобностей царскаго двора было извѣстно въ литературѣ давно изъ документовъ, напечатанныхъ въ Симбирскомъ Сборникѣ, въ отдѣлѣ малороссійскія отписки на стр. 59—60 и 201—202 (см. Закревскій. Описаніе Кіева, томъ 2-й, Москва 1868, стр. 589), а также новѣйшая работа (см. проф. Иконниковъ. Кіевъ въ 1654—1855 гг. Кіевская старина за сентябрь 1904 г., стр. 241); въ той же статьѣ проф. В. С. Иконниковъ ссылается еще на архивный матеріалъ, добытый Оглоблинымъ и напечатанный въ чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца, книга XI, 20, гдѣ сообщается о куплѣ орѣховъ въ г. Кіевѣ для надобностей царскаго двора. Въ столбцѣ 667 Приказнаго стола лл. 15—17 Москов. Архива Министер. Юстиціи находятся любопытныя свѣдѣнія о посылкѣ ко двору царя Алексѣя Михайловича изъ кіевскихъ монастырей и отъ монастырскихъ крестьянъ грушъ, сливъ, яблокъ, винограда, при чемъ въ кіевскихъ монастыряхъ взято: въ Межигорскомъ тысяча дулъ, восемьсотъ сливъ, въ Кирилловскомъ монастырѣ четыреста дулъ, въ Выдубецкомъ монастырѣ триста восемьдесятъ дулъ; эти дули и сливы были переданы безденежно игуменами монастырей, а 4420 дулъ было куплено у монастырскихъ крестьянъ, равно какъ 1600 яблокъ и 34 кисти винограда. О пріобрѣтеніи орѣховъ для надобностей царскаго двора (см. столбецъ 667 Приказнаго стола лл. 168—170 и об. Москов. Архива Министер. Юстиціи). Сѣвернорусскіе пункты, изъ которыхъ шла доставка орѣховъ ко двору царя Алексѣя Михайловича, отмѣчены еще Соловьевымъ (см. Исторія Россіи т. XIII, стр. 92—93). При преимникахъ Алексѣя Михайловича московское правительство въ видахъ снабженія

¹⁾ Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной стеной окраинѣ Московскаго государства. Государевы арбузные огороды и виноградники въ г. Чугуевѣ. Харьковъ, 1905 г., стр. 1 и 24.

царскаго двора орѣхами и орѣховымъ масломъ предложило воеводамъ городовъ Боровска, Верей, Волока-Ламскаго, Владиміра, Дмитрова, Зарайска, Зубцова, Калуги Можайска, Переславля-Залѣскаго, Суздаля, Твери, Тулы, Юрьева-Польскаго и Ярославля прокликать въ торговые дни на торгахъ о продажѣ всякихъ чиновъ людьми орѣховъ и орѣховаго масла для надобностей царскаго двора, разъяснивъ при этомъ населенію, что за утайку орѣхи или орѣховое масло будутъ отобраны у ослушниковъ безденежно на государевъ обиходъ, а виновные будутъ сосланы въ ссылку съ семействами. Извѣстіе относится къ 1697 году (см. столбецъ 1633 Бѣлгородскаго стола лл. 61—65 Москов. Архива Министер. Юстиціи). Изъ отписокъ воеводы князя Григорія Козловскаго оказывается, что доставлялись ко двору царскому изъ Кіева не только фрукты: орѣхи волошскіе, грецкіе, черешни, вишни, груши и разновидность ихъ дули, сливы, виноградъ, бросквины (или брасквины), но и плодовые деревья (грушевыя, сливыя, дули, бросквины (см. столбецъ 704 Бѣлгородскаго стола лл. 138—139, лл. 253—254 лл., 342—343). Весьма цѣнныя свѣдѣнія о доставкѣ фруктовъ, а главное плодовыхъ деревьевъ извлечены изъ книгъ Малороссійскаго приказа 10, 12 и 14, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министер. Юстиціи, Эйнгорномъ (см. его работу о сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича стр. 690 и стр. 779—780, въ чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1898 годъ, книга 4-я); однако при исчисленіи плодовъ Эйнгорномъ допущена ошибка: въ числѣ плодовъ упоминаются брантквили, которые мною въ другомъ мѣстѣ прочтены бросквины или брасквины (см. выше ссылку на столбецъ 704 Бѣлгородскаго стола); подобнымъ же образомъ эти фрукты должны быть прочтены и въ тѣхъ документахъ, которыми пользовался Эйнгорнъ въ вышеупомянутомъ его трудѣ (см. книга 12-я Малороссійскаго приказа. Москов. Архива Министер. Юстиціи лл. 711—718 и лл. 886—889). Сходное съ моимъ наименованіе находимъ и у Андриѣвскаго (см. историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія выпускъ 3-й стр. 154. „О заготовленіи въ Кіевѣ для императорскаго двора варенія въ 1751 году“). Означенные фрукты именуешь бросвинами И. Е. Забѣлинъ (см. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, т. II стр. 289).

Въ малорусскихъ словаряхъ Пискунова, Уманца и Спилки перекики названы „брусквинами“. Совершенно вѣрно со ссылкой на 10 книгу Малороссійскаго приказа лл. 201 об.—203 Москов. Архива Министер. Юстиціи Эйнгорнъ дѣлаетъ заключеніе о доставкѣ фруктовъ изъ Нѣжина. Въ томъ IX актовъ Южной и Западной Россіи подъ № 46 стр. 190, 192, 194—195 находится извѣстіе объ отсылкѣ изъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря садовниковъ для государева сада въ селѣ Измайловѣ; изъ той же Мгарской обители была получена часть виноградныхъ черенковъ при разведеніи въ г. Чугуевѣ виноградниковъ для надобностей царскаго двора (см. Бѣлявскій Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства. Государевы арбузные огороды и виноградники въ г. Чугуевѣ. Харьковъ 1905 г., стр. 26). Указаніе на остатки одичавшихъ виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ XVII в. въ г. Лубнахъ и его окрестности см. въ работѣ Бочкарева „Очерки

Лубенской старины», выпускъ 1-й. Москва 1901 г., стр. 6—7. Для города Прилукъ прямыхъ указаній о доставкѣ виноградныхъ черенковъ или фруктовъ къ царскому столу въ XVII в. до сихъ поръ не найдено, хотя изъ путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія видно, что сады около Густынскаго Троицкаго монастыря, расположеннаго близъ города Прилукъ, были. Я позволю себѣ привести изъ описанія этого путешествія Павломъ Аленискимъ выдержку о Густынскомъ монастырѣ: „Мы оставили въ городѣ (Прилукахъ) свои вещи, лошадей, слугъ, экипажи и въ субботу отправились съ настоятелемъ, захвативъ свои облаченія, такъ какъ мы намѣревались отслужить въ монастырѣ обѣдню. Онъ (т.-е. Густынскій Троицкій монастырь) отстоитъ отъ города около одной большой мили. Его блестящіе куполы видны на значительномъ разстояніи. Не доѣзжая до него, приходится спуститься въ долину по узкой дорогѣ и густому лѣсу, который весь состоитъ изъ орѣховыхъ, вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ. Близко большой прудъ и мельницы, дорога по плотинѣ сдѣлана изъ переплетенныхъ вѣтвей и трудно проходима (книга 5-я, глава 2-я, стр. 86, см. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за 1897 годъ, книга 4-я, переводъ Муркоса)».

Густынскій игумень Авксентій Устрицкій ѣздилъ ко двору царя Алексѣя Михайловича за милостынею, поэтому весьма вѣроятно, что фрукты, а можетъ быть и плодовые деревья, доставлялись въ Москву изъ Густынскаго монастыря. Тѣмъ болѣе, что сохранилось извѣстіе объ отправкѣ правительственныхъ агентовъ для закупки фруктовъ на Переяславскую сторону рѣки Днѣпра (т.-е. въ нынѣшнюю Полтавскую губернію) и лишь, повидимому, благодаря неурожаю посылка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ (см. Малорос. дѣла 1672 г. Июль—Декабрь, лл. 124—125 № 14, Москов. Главнаго Архива Министер. Иностран. Дѣлъ). На доставку фруктовъ въ XVIII в. изъ Густынскаго монастыря ко двору Императрицы Елизаветы Петровны, именно яблокъ зимницъ въ 1752 г., было уже указано Плохинскимъ (см. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества выпускъ 3-й, „о доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору“, стр. 324). Выше перечислены города Великороссіи, изъ которыхъ шли орѣхи къ царскому столу, но привозились оттуда и иные фрукты (преимущественно изъ южной окраины Московскаго государства). Сохранилась грамота бѣлевскому воеводѣ Григорію Адриановичу Байдикову о закупкѣ имъ въ Бѣлевѣ яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ; такія же грамоты посланы въ Болховъ, Брянскъ, Лихвинъ, Мценскъ, Путивль, (см. столбецъ 593-й Бѣлгородскаго стола, л. 445, Москов. Архива Министер. Юстиціи). Деньги потребныя на покупку фруктовъ воеводамъ предписывалось взять изъ таможенныхъ и кружечныхъ доходовъ подвѣдомственныхъ имъ городовъ, повелѣвалось также устроить амбары для храненія фруктовъ по ихъ приобрѣтеніи, приставить сторожей и цѣловальниковъ для охраны ихъ, а равно послать для надобностей письмоводства дячковъ; позволялось также взять потребное число стрѣльцовъ для разсылокъ (см. столбецъ 593-й Бѣлгородскаго стола, лл. 449—451 Москов. Архива Министер. Юстиціи). Сверхъ только что перечисленныхъ городовъ на лл. 436—439 и лл. 449—451 того же 593 столбца Бѣлгородскаго стола какъ плодовые пункты указаны также: Веневъ, Вязьма, Можайскъ, Одоевъ,

Тула, но помѣты дьяка о посылкѣ грамотъ воеводамъ этихъ городовъ мною не найдено. Въ актахъ Южной и Западной Россіи, т. IX стр. 188—189 и 195—196 Путивль выступаетъ какъ мѣсто, откуда ѣздилъ въ село Измайлово старецъ Софроній изъ Путивльской пустыни какъ садовый инструкторъ. Въ столбцѣ 985 Приказнаго стола лл. 95—96 Москов. Архива Министер. Юстиціи находится грамота 1666 г. путивльскому воеводѣ Михаилу Семеновичу Волынскому съ товарищи объ устройствѣ центральнаго хранилища для яблокъ, грушъ, сливъ и вишенъ, собранныхъ въ городахъ Бѣлевѣ, Болховѣ, Брянскѣ, Лихвинѣ, Мценскѣ и Путивлѣ до отправки ихъ въ Москву. На нахожденіе плодовыхъ деревьевъ при домахъ жителей г. Путивля обратилъ вниманіе и Павелъ Алеппскій (см. Исторія Россіи Иловайскаго, т. V, стр. 138). За то городъ Короча и его уѣздъ, занимающій нынѣ столь видное мѣсто въ губерніи по своему садоводству (см. Россія, полное географическое описаніе нашего отечества т. II, стр. 223—224 Спб. 1902 г.), врядъ ли выдавался имъ и въ старину, по крайней мѣрѣ обнаруженныхъ царскія грамоты на Корочу г. Зайцевымъ (см. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1859 годъ, книга 2-я) не даютъ права сдѣлать выводъ о широкомъ развитіи садоводства въ Корочанскомъ уѣздѣ въ XVII столѣтіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ I-е.

1) Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Юшка Трубецкой съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ Государь во 181 году июля въ 27 день въ твоей великого Государя Царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамоте и съ приказу Малыя Росіи за приписію дьяка Івана Евстафьева писано къ намъ холопомъ твоимъ: въ прошлыхъ во 179 і во 180 годѣхъ по твоему великого Государя указу покунано на твой великого Государя обиходъ въ Кіеве і въ киевскихъ монастырехъ яблоки и груши и дули добрыя і вишни и присланы къ Москве, и намъ бы холопомъ твоимъ въ Кіеве і въ киевскихъ монастырехъ или гдѣ есть, какъ время тому придетъ, купить две тысячи яблокъ, пять тысячъ дуль самыхъ большихъ и добрыхъ, сливъ сколько доведется, да вишенъ пятнадцать вѣдръ добрыхъ же, чтобъ тѣ яблока и дули и сливы и вишни были про твой великого Государя обиходъ годны, и устроя яблока и дули, какъ напередъ сего къ тебѣ великому государю къ Москве посланы, а вишни въ патокъ или какъ лутчи зъ знающимі добрыми провозатыми съ кѣмъ пригожь послать и велѣтъ имъ то все дорогою вестъ до Москвы съ великимъ береженьемъ и опасеньемъ, чтобъ тѣхъ яблокъ и дуль и сливъ не перепортить
. и какъ тѣ яблока и дули про твой великого Государя обиходъ мы холопи твои велимъ искупить и что на тое покунку денегъ дано будетъ и съ кѣмъ имянемъ и котораго числа пошлемъ о томъ къ тебѣ великому Государю писать, и по твоему великого Государя Царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу на твой великого Государя

обиходъ яблокъ и дуль и сливъ и вишенъ въ киевские монастыри купить мы холопи твои посылали, и киевскихъ Государь монастырей на твой великого Государя обиходъ взято: въ Межигорскомъ монастырѣ тысяча дуль восьмь сотъ сливъ, въ Кирилловскомъ монастырѣ четыреста дуль, въ Выдубецкомъ монастырѣ триста восьмь десять дуль и тѣхъ монастырей игумены межигорской Феодосей, кирилловской Мелетий, выдубецкой Феодосий Углицкой тѣми дулями и сливами тебѣ великому Государю челомъ ударили безденежно, а четыре тысячи четыреста двадцать дуль купили киевскихъ же монастырей у крестьянъ, тысячу шестьсотъ яблокъ да тридцать четыре кисти винограду, всего государь дуль и яблокъ винограду куплено на одиннадцать рублей алтынъ и по великому Государю двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ дуль, сливы і виноградъ облепя въ воскъ и того воскъ государь на тоѣ облѣнку пошло четыре пуда двадцать пять гривенокъ, а купленъ тотъ воскъ по четыре рубли съ полтиною пудъ, а достатные три тысячи шестьсотъ пятьдесятъ дуль и яблоки посланы устроая въ возахъ противъ прежнихъ отпусковъ Лукина приказу Изединова съ сотникомъ московскихъ стрелцовъ съ Климомъ Камаевымъ да съ провожатымъ того жъ приказу съ стрелцомъ съ Оскою Михайловымъ августа въ 26 день і велѣли имъ дорогою ѣдучи тѣ яблока и дули и сливы и виноградъ смотреть почасту и беречь накрепко, чтобъ до Москвы довести въ цѣлости, а на Москвѣ велѣли отписку подать и яблока и дули и сливы и виноградъ объявить въ приказе Малыя Росіи околичему Артемену Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову да Якову Поздышеву да Ивану Евстафьеву, а яблокъ Государь противъ твоего великого Государя указу послано несполна, потому что въ Кіеве яблокомъ былъ неродъ про твой великого государя обиходъ сполна выбрать было нѣисчево, а вишни Государь до твоего великого Государя указу зъ деревъ сняты, а гдѣ вишни ныне и есть и тѣ в бочкахъ наливаны виномъ и медомъ по киевскому обычаю и тѣхъ вишенъ на твой великого Государя обиходъ взять мы холопи твои не смѣемъ и о томъ ты великіи Государь Царь и великіи князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ намъ холопомъ твоимъ что укажешъ.

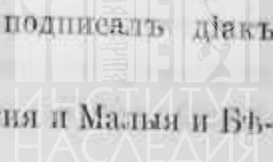
667 столбець Приказнаго стола, лл. 15—17, Москов. Архива Минист. Юстиціи.

2) Послать великого государя грамота въ Кіевъ съ подячимъ тотчасъ, чтобъ прислалі куны орѣховъ волоскихъ сухихъ 5000, да чиненыхъ въ патоке 5000, а будетъ столько чиненыхъ добыть не мочно, и купить столько, сколько добыть мочно, и прислать съ тѣмъ же подячимъ не замочавъ устроая

182 г. ноябра въ 12 день въ Ямской приказъ

великіи Государь Царь и великіи князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ: послать съ своею великого Государя грамотою въ Кіевъ приказу Малыя Росіи подъячего Алексѣя Меншикова, а отъ Москвы до Сѣвска и до малоросіискихъ городовъ и назадъ до Москвы дать ему поводы зъ заводными по указу, отпускъ ему векоре съ оборот. подписалъ дѣакъ Иванъ Евстафьевъ

Отъ Царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣ-

лыя Росіи Самодержца въ нашу отчину въ Киевъ боярину нашему и воеводамъ князю Юрью Петровичю Трубецкому съ товарищи: указали мы великіи Государь на нашъ великого государя обиходъ купить въ Кieve і въ иныхъ городехъ гдѣ мочно волоскихъ орѣховъ сухихъ пять тысячъ да чиненыхъ пять тысячъ же и послать тѣ орѣхи съ подъячимъ съ Алексѣемъ Меншиковымъ, устроя на подводахъ съ провожатыми, а на ту покунку деньги дать изъ киевскихъ доходовъ, и какъ къ вамъ ся наша великого Государя грамота придетъ и вы бѣ велѣли въ Кieve и гдѣ мочно купить на нашъ великого государя обиходъ волоскихъ сухихъ орѣховъ пять тысячъ да чиненыхъ въ патоке пять тысячъ же, а буде столько орѣховъ добыть не мочно и кунить столько, сколько добыть возможно, а на покунку деньги дать изъ киевскихъ доходовъ, а куня и устроя тѣ орѣхи, какъ пригоже, чтобъ тѣ орѣхи до Москвы довести въ цѣлости, прислать къ намъ великому Государю къ Москве не замотчавъ, а сколько тѣхъ орѣховъ куплено и на покунку денегъ будетъ дано и вы бѣ о томъ къ намъ великому Государю писали, а отписку велѣли подать Малыя Росіи околицемъ нашему Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ нашимъ думному Григорью Богданову да Якову Поздышеву да Ивану Евстафьеву да Василию Бобинину. Писанъ на Москвѣ лѣта 7182 ноября въ 13 день. Подписалъ дьякъ Иванъ Евстафьевъ. Отдана великого Государя грамота Алексѣю Меншикову, того жъ числа съ Москвы поѣхалъ Ноябрь въ 14 день во 2 часу дни.

667 столбець Приказнаго стола, лл. 168—170 (и об.), Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

1) Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Гришка Козловской съ товарищи челомъ бьютъ: въ прошломъ государь во 177 году августа въ 27 день въ твоей великого Государя Царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамоте изъ приказу Малыя Росіи за приписію дьяка Якова Поздышева въ Киевъ къ намъ холопомъ твоимъ написано: по твоему великого Государя указу посланы въ Киевъ изъ приказу Болшого Дворца Иванъ Мошковъ съ товарищи для покунки на твой великого Государя обиходъ дуль, грушъ, сливъ, вишенъ, винограду, яблокъ, черешни, брасквинны и дуль волоскихъ да деревья грушныхъ, и сливныхъ, и черешныхъ и брасквинныхъ, и дулевыхъ, и грецкихъ орѣховъ и какъ онъ Иванъ съ товарищи въ Киевъ приѣдутъ і намъ бы холопомъ твоимъ на твой великого Государя обиходъ дули, и сливы, и вишни, и виноградъ, и яблоки, и черешны, и брасквы, и деревья грушныя, и сливныя, и дули волоскыя, и деревья грецкихъ орѣховъ купить ему Ивану съ товарищи и къ тому овощному строенью и деревью, что надобно, давать велѣтъ съ роспискою і по твоему великого Государя указу мы холопи твои Ивану Мошкову съ товарищи въ покунке на твой великого Государя обиходъ овощей и деревья и къ тому овощному строенью всякое вспоможенья

чинили и съ тѣми государь овощами и зъ деревьемъ онъ Иванъ съ товарищи изъ Кіева поѣхали къ тебѣ Великому Государю ꙗзъ Москве октября въ 18 день.

Столбець 704 Бѣлгородскаго стола, лл. 138—139, Москов. Архива Министерства Юстиціи.

2) Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Гришка Козловской съ товарищи челомъ бѣють. Въ нынешнемъ Государь во 178 году ноября въ 28 день въ твоей великого государя Царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамоте къ намъ холопомъ твоимъ въ Кіевѣ написано: по твоему великого Государя указу велено намъ холопомъ твоимъ купить на твой великого Государя обиходъ пять четі самыхъ добрыхъ новыхъ свѣжихъ волоскихъ орѣховъ, а денегъ на тое орѣховою поупку взять въ заемъ у киевскихъ мещанъ сколько доведетца и устроя тѣ орѣхи прислать къ тебѣ Великому Государю ꙗзъ Москве съ кѣмъ пригоже, а сколько денегъ у мещанъ взято и съ кѣмъ которого числа тѣ орѣхи посланы будутъ о томъ къ тебѣ Великому Государю велено намъ холопомъ твоимъ писать и потвоему великого Государя указу мы холопи твои волоскихъ орѣховъ на твой великого Государя обиходъ у киевскихъ мещанъ купить спрашивали і въ Печерской і въ ыные монастыри посылали і у киевскихъ мещанъ і въ Печерскомъ і въ ыныхъ монастырехъ такихъ орѣховъ не сыскали, а сказываютъ Государь киевские мещаня і въ монастырехъ что такие орѣхи прежь сего въ Кіевѣ приваживали изъ Турской і изъ Волоской земель, а ныне де такимъ орѣхомъ привозу въ Кіевъ нѣтъ, потому что торговымъ людемъ за непріятелскими людемъ проѣзду нѣтъ, а будетъ государь впредь въ Кіеве волоские орѣхи обявятца, и мы холопи твои противъ твоего великого государя указу некупа орѣховъ къ тебѣ Великому государю ꙗзъ Москве пришлемъ.

Столбець 704 Бѣлгородскаго стола, лл. 253—254, Москов. Архива Министерства Юстиціи.

3) Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Гришка Козловской съ товарищи челомъ бѣють. Въ нынешнемъ Государь во 178 году ноября въ 28 день въ твоей Великого Государя Царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамоте изъ приказа Малыя Росіи къ намъ холопомъ твоимъ въ Кіевѣ написано: по твоему Великому Государю указу велено намъ холопомъ твоимъ купить на твой великого Государя обиходъ пять четвертей самыхъ добрыхъ новыхъ и свѣжихъ волоскихъ орѣховъ, а на поупку тѣхъ орѣховъ денегъ взять у киевскихъ мещанъ сколько доведетца и купя волоскихъ орѣховъ прислать къ тебѣ Великому государю съ кѣмъ пригоже, а сколько денегъ у мещанъ взято и тѣ орѣхи съ кѣмъ посланы будутъ о томъ къ тебѣ Великому государю велено намъ холопомъ твоимъ писать и декабря Государь въ 17 день писалі къ тебѣ Великому государю мы холопи твои, что волоскихъ орѣховъ на твой великого Государя обиходъ въ Кіеве купить мы холопи твои не сыскали и въ нынешнемъ же Государь во 178 году евраля въ 16 день приѣхалъ изъ Волоской земли киевской мещанинъ Федка Мѣн-

сѣвъ и привезъ оны съ собою волоскихъ орѣховъ пять пудъ и по твоему Великому Государю указу мы холопи твои тѣ волоски орѣхи на твой великого Государя обиходъ купить велѣли, а денегъ далі за тѣ орѣхи шесть рублевъ: за пудъ по рублю пошти алтынъ по четыре денги и изъ Кіева къ тебѣ великому Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу тѣ орѣхи послали мы холопи твои съ сотникомъ московскихъ стрелцовъ съ Андрѣемъ Головачевымъ, а отписку Государь велѣли ему Андрѣю подать и орѣхи объявить въ приказе Малыя Росіи столнику и полковнику Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ Григорью Богданову да Якову Поздышеву, и если Государь впрядь такіе волоски орѣхи въ Кіевъ откуда привезены будутъ и на твой великого Государя обиходъ по той цѣнѣ купить лі, о томъ вели Государь намъ холопомъ своимъ свой Великому Государю указъ учинить.

Столбець 704 Бѣлгородскаго стола, лл. 342—343, Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

4) Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Гришка Козловской съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ Государь во 178 году ноябра въ 28 день въ твоей великого государя Царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамоте изъ приказу Малыя Росіи къ намъ холопомъ твоимъ въ Кіевъ написано: по твоему великого Государя указу велено намъ холопомъ твоимъ въ Кіеве купить на твой Великому Государю обиходъ пять четі волоскихъ орѣховъ, а на поунку тѣхъ орѣховъ денегъ взять у киевскихъ мещанъ сколько доведетца, а купя волоскихъ орѣховъ прислать къ тебѣ великому Государю к Москве съ кѣмъ пригоже, а сколько денегъ у мещанъ взято и тѣ орѣхи съ кѣмъ посланы будутъ о томъ къ тебѣ Великому Государю велено намъ холопомъ твоимъ писать и февраля Государь въ 17 день по твоему великого государя указу купили мы холопи твои въ Кіеве волоскихъ орѣховъ пять пудъ і изъ Кіева тѣ орѣхи къ тебѣ великому государю к Москве послали мы холопи твои съ сотникомъ московскихъ стрелцовъ съ Андрѣемъ Головачевымъ февраля въ 20 день и тѣ Государь орѣхи оны сотникъ к Москве довезъ ли того намъ холопомъ твоимъ невѣдомо и впрядь если орѣхи обявятца купить ли, о томъ твоего великого государя указу къ намъ холопомъ твоимъ не прислано, и въ нынешнемъ же Государь въ 178 году мая въ 11 день приѣхали изъ Волоской земли киевские мещаня торговые люди и привезли съ собою волоскихъ орѣховъ три пуда и по твоему великого Государя указу мы холопи твои тѣ волоски орѣхи на твой великого Государя обиходъ купить у нихъ мещанъ велѣли, а денегъ Государь дали за тѣ орѣхи три рубли тритцать алтынъ за пудъ по рублю по десяти алтынъ і изъ Кіева къ тебѣ великому Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу тѣ орѣхи послали мы холопи твои съ сотникомъ московскихъ стрелцовъ Матвѣева приказу Спягина с Бѣваномъ Лвовымъ, а отписку Государь велѣли ему Ивану подать и орѣхи объявить въ приказе Малыя Росіи столнику и полковнику Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дья-

комъ Григорью Богданову да Якову Поздышеву и если государь впредь въ Кieve волоские орѣхи обявятца і по той ценѣ намъ холопомъ твоимъ купить ли, о томъ вели Государь намъ холопомъ своимъ свой великого Государя указъ учинить.

Столбецъ 704 Бѣлгородскаго стола, лл. 552—553, Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

П Р И Л О Ж Е Н І Е П І І.

Государю Царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу холопи твои Гришка Козловской съ товарищи челомъ бьютъ. Въ прошломъ государь во 180 году августа въ 20 день прислана твоя великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамота и съ приказу Малыя Росіи за приписію дьяка Якова Поздышева къ намъ холопомъ твоимъ въ Киевѣ, а въ той твоей великого государя грамоте написано: велѣтъ бы намъ холопомъ твоимъ въ Кieve про твой Великого Государя обиходъ купить двѣ тысячи яблокъ добрыхъ самихъ большихъ свѣжихъ, пять тысячъ дулъ добрыхъ же и большихъ, которые бѣ про твой великого государя обиходъ были годны, и прислать тѣ яблока и дули къ тебѣ великому государю к Москве, и августа въ 22 день писали къ тебѣ великому государю мы холопи твои приказу Малыя Росіи съ приставомъ съ Кирюшкою Слобоцкимъ, что въ Кieve въ садѣхъ нынѣшняго лѣта яблокомъ и дулямъ урожаю нѣтъ, а которые государь яблока и дули есть и тѣ про твой великого государя обиходъ не годятца и по твоему великого государя указу мы холопи твои для покупки яблокъ и дулъ въ киевскіе монастыри посылали и въ монастырехъ государь посланнымъ нашимъ архимандритъ и игумены сказали, что нынѣшняго лѣта яблокомъ и дулямъ недородъ: которые и есть и тѣ плохи и мѣлки, и мы холопи твои для сыску и покупки добрыхъ яблокъ и дулъ послали за Днепръ на Переясловскую сторону рѣки Днепра въ твои великого государя малоросіискіе города и если государь сколько яблокъ и дулъ добрыхъ сыскано и куплено будетъ, о томъ къ тебѣ великому государю мы холопи твои писать будемъ и яблока и дули к Москве приишемъ и сентября государь въ 4 день нынѣшняго 181 году сотникъ Московскихъ стрелцовъ Ермогенова приказу Вешнякова Екимъ Мещериновъ, которого мы холопи твои посылали за Днепръ на Переясловскую сторону въ твои великого государя малоросіискіе разные города для сыску и покупки яблокъ и дулъ, въ Киевѣ приѣхалъ, а передъ нами холопи твоими онъ сотникъ сказалъ, что въ тѣхъ городѣхъ и въ уѣздехъ яблокъ и дулъ добрыхъ, которые бѣ про твой государевъ обиходъ годились, купить не добытъ.

Малоросіискія дѣла 1672 г. іюль—декабрь № 14, лл. 124—125, Москов. Главнаго Архива Иностран. Дѣлъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е І V.

Лѣта 7175 июля въ 12 день по Государеву Цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу дьякомъ

думному Дементью Башмакову да Федору Грибоедову да Василью Семенову Великий Государь Царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ: послать нѣсъ приказу Большого Дворца для покупки на свой государевъ обиходъ яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ въ Белевъ, въ Болховъ, во Брянскъ, въ Путивль, въ Мценскъ, въ Лихвинъ, въ Одоевъ, на Тулу, на Веневу Сытного Дворца стряпчего Юрья Карандашева въ Можгаескъ въ Вязьму Сытного дворца стряпчего Степана Лихачова, а купить имъ въ тѣхъ городехъ і в посадахъ у посадскихъ і всякихъ чиновъ людей такъже і въ уѣздехъ въ своихъ государевыхъ дворцовыхъ селехъ і въ помѣщичьихъ і въ вотчинничьихъ і въ монастырскихъ і въ крестьянскихъ садѣхъ, гдѣ отыщутъ, и тѣ яблоки, и груши, и дули, и сливы, і вишни устроить в бочки и налить патокою, а сливы осолить, а на тоѣ покупку и на медь и на соль и на бочки деньги нѣсъ таможенныхъ и кружечного двора изъ сборныхъ и изъ всякихъ доходовъ сколько надобно съ роспискою и для писма дьячковъ и розсылки стрельцовъ и къ яблокамъ целовальниковъ и сторожей по сколку человекъ пригожь и анбары, гдѣ до отпуску яблока держать, имать въ тѣхъ городѣхъ у воеводъ, а сколько въ которыхъ городѣхъ дворовые люди на тоѣ покупку денегъ возмутъ и о томъ бы воеводы писали к Москве въ приказъ Большого Дворца имянно и о томъ указалъ великий Государь послать свои государевы грамоты изъ розряду и по Государеву Цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу дьякомъ думному Дементью Башмакову да Федору Грибоедову да Василью Семенову учинить о томъ по указу Великого Государя. Скрѣпа дьякъ Евстратъ Фроловъ, подалъ стряпчей Юрьи Карандашевъ, на оборотѣ надписъ: учинить по тому дѣлу о людехъ по государеву указу.

175 июль въ 16 день выписать тотчасъ, какъ о томъ прежь сего отпускъ государевымъ грамотамъ въ тѣ города къ воеводамъ былъ и сколько денегъ дано было гдѣ и тѣ денги изъ дворца въ розрядъ иманы ль или не иманы и памяти о томъ въ дворецъ посыланы ль и въ которыхъ мѣсяцехъ и числахъ и противъ сей помѣты въ розряде выписано: Въ прошлыхъ во 173 июля въ 5 день да во 174 году июля въ 23 день въ памятахъ въ розрядъ нѣсъ приказу Большого Дворца за приписію діака Евстрата Фролова написано:

Великий Государь Царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ купить въ городѣхъ въ Белеве, въ Болхове, въ Лихвине, во Брянску, въ Путивле, во Мценску въ городѣхъ и въ уѣздехъ яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ и устроить в бочки и налить патокою, а сливы осолить, а на тоѣ покупку и на медь и на соль деньги нѣсъ таможенныхъ і кружечныхъ дворовъ и сборныхъ изъ всякихъ доходовъ сколько надобно съ роспискою и для писма дьячковъ и розсылки стрельцовъ и къ яблокомъ целовальниковъ и сторожей по сколку человекъ пригожь и анбары (гдѣ?) до отпуску яблокъ держать имать въ тѣхъ городѣхъ и по помѣтамъ на памятахъ изъ розряду въ приказъ Большого Дворца въ памятахъ писано: Великого Государя денежныя казна въ тѣхъ городѣхъ на тоѣ покупку дать шѣчево, потому по ево великого Государя

указу тѣхъ городовъ таможенные и кружечные дворовъ доходы вѣрно браня и откупные велено изъ тѣхъ городовъ посылать въ полки въ Бѣлгородъ і въ Сѣвскъ на жалованье и на кормъ тѣхъ полковъ начальнымъ и иныхъ чиновъ ратнымъ людямъ и на тое дачю тѣхъ дву полковъ ратнымъ людямъ белгородского и сѣвского полку городовъ денежныхъ доходовъ не стаеть многихъ і въ прибавку къ тѣмъ денежнымъ зборомъ денежная казна на жалованье тѣхъ дву полковъ ратнымъ людямъ посылаетца съ Москвы, а противъ тѣхъ памятей Государевы грамоты въ города посланы велено дворовымъ людямъ для того дѣла служилыхъ людей и целовальниковъ и сторожей и анбары давать сколько имъ къ тому дѣлу будетъ надобно, а о денгахъ о даче въ тѣ города не писано [а денежные казны въ тѣхъ городѣхъ гвѣтъ велено вся отдавать въ Сѣвскъ ратнымъ людямъ на жалованье и на кормѣ].

Столбець 593 Бѣлгородскаго стола, лл. 436 — 439, Москов. Архива Минист. Юстиціи.

Отъ Царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Белевъ Григорью Андреяновичю Байдикову по нашему великаго Государя указу велено въ Белеве въ Болхове въ Брянску въ Путивле во Мценску въ Лихвине Сытнаго Дворца стряпчему Юрью Карандашеву купить на дворцовые расходы яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ, а у той покупки въ Белеве быть для писма дьячку и для розсылки стрельцомъ въ целовальникахъ и сторожамъ белевцомъ посадекимъ людямъ и анбары гдѣ то устроить до повоски отвезть гдѣ пригожь и какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты бѣ стряпчему Юрью Карандашеву для того дѣла дьячка і служилыхъ людей целовальниковъ и сторожей и анбары даль сколько имъ къ тому дѣлу будетъ надобно чтобъ у нихъ ни за чѣмъ тому дѣлу мотчанья не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7175 года июля въ 24 день Писано писать грамоты таковыякъ въ Болховѣ, во Брянскѣ, въ Путивль, во Мценскѣ, въ Лихвинѣ.

Столбець 593 Бѣлгородскаго стола, л. 445, Москов. Архива Министерства Юстиціи.

Лѣта 7175 года июля въ 24 день по Государеву Цареву і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу боярину и оружейничему Богдану Матвѣевичю да думному дворянину Ивану Богдановичю Хитрово да дьякомъ Семену Титову да Андрѣю Селину да Евстрату Фролову да Ларіону Иванову изъ приказу Болшого Дворца въ розрядъ въ память за твоею Евстратовою приписью написано: указать великні Государь Царь и великні князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ въ городѣхъ въ Белеве, въ Болхове, во Брянску, въ Путивле, во Мценску, въ Лихвине, въ Одоеве, на Туле, на Веневе на покупку яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ Сытнаго Дворца стряпчему Юрью Карандашеву дать въ тѣхъ городѣхъ съ таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ изъ зборныхъ и изъ всякихъ доходовъ сколько на тое покупку будетъ надобно для писма дьячковъ и для розсылки стрельцовъ и къ яблокомъ целовальниковъ и сторожей по сколько человекъ пригожь и анбары гдѣ до отпуску яблока держать давать въ тѣхъ городѣхъ и о томъ великаго государя

указъ послать въ тѣ въ города къ воеводамъ изъ розряду и изъ розряду потому великого государя указу въ города къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ великого государя указъ посланъ велено имъ въ тѣхъ городѣхъ дворовымъ людямъ Юрью Карадашеву давать для розсылки служилыхъ людей и целовальниковъ и сторожей и анбары сколько имъ къ тому дѣлу будетъ надобно, а денежные казны въ тѣхъ городѣхъ на тое покунку дать нечево, потому. (конца нѣтъ).

Столбецъ 593 Бѣлгородскаго стола, лл. 449—451 Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

П Р И Л О Ж Е Н І Е V.

Отъ Царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Путивль окольникему нашему і воеводамъ Михайлу Семеновичю Волынскому съ товарищи по нашему великого Государя указу велено купить на нашъ великого Государя обиходъ въ Путивле, въ Белеве, въ Болхове, въ Лихвинѣ, во Брянску, во Мценску яблокъ, грушъ, дуль, сливъ, вишенъ Сытного Дворца стряпчему Давыду Маркову да сытнику Ивану Рокотову на посадехъ у посадскихъ і у всякихъ чиновъ людей также і въ уѣздехъ въ нашихъ великого государя дворцовыхъ селѣхъ і въ помѣщиковыхъ і въ вотчинниковыхъ і въ монастырскихъ і въ крестьянскихъ садѣхъ гдѣ отыщутъ и велено тѣ яблока и груши и дули и сливы і вишни устроить въ бочки и налить патокою, а сливы осолить, а къ тому дѣлу для пиема дьячковъ и для розсылки стрельцовъ и къ яблокомъ целовальниковъ и сторожей по сколку человекъ пригожь и анбары гдѣ до отпуску яблока держать имать имъ въ Путивле и какъ къ вамъ ея наша великого государя грамота придетъ и Сытного Дворца стряпчей Давыдъ Марковъ да сытникъ Иванъ Рокотовъ въ Путивль да (для?) яблочной и грушной и душной и сливной и вишневной покунки приѣдутъ и ты бѣ окольникей нашъ и воевода Михайло Семеновичъ съ товарищи велѣлъ имъ давать дьячковъ и стрельцовъ и целовальниковъ и сторожей сколько надобно и анбары гдѣ яблокомъ быть до отпуску по своему розсмотренью, а лишнего ничего давать не велѣлъ, чтобъ городовымъ и уезднымъ людямъ отъ тѣхъ дворовыхъ людей продажъ и убытковъ и налогъ не было велѣлъ того смотреть и беречь накрепко, да о томъ къ намъ великому государю писаль, а отпуску велѣлъ подать въ розрядѣ дьякомъ нашимъ думному Дементью Башмакову да Федору Грибоѣдову да Василью Семенову, Писанъ на Москвѣ Лѣта 7174 июля въ 27 день.

Столбецъ 985 Приказнаго стола, лл. 95—96, Москов. Архива Министерства Юстиціи, на об. 96 л. надписъ: противъ сего отпуску великого Государя шесть грамотъ въ города къ воеводамъ въ Лихвинѣ, въ Белевѣ, въ Брянскѣ, въ Болховѣ, въ Путивль, во Мценскѣ приказу Болшого Дворца подъячей Иваншко Протопоновъ взять и росписался.

Лѣта 7174 года июля въ 23 день по Государеву Цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу дьякомъ думному Дементью Башмакову да Федору Грибоѣдову да Василью Семенову великий Государь Царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Ма-

лѣя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ послать ись приказу Большого Дворца дворовыхъ людей для покупки на своѣй государевъ обиходъ яблокъ и грушъ и дуль и сливъ и вишенъ въ Белевъ, въ Болховъ, въ Лихвинъ, въ Брянскъ, въ Путивль, въ Мценскъ Сытного Дворца стряпчего Давыда Маркова да сытника Ивана Рокотова, а кушитъ имъ въ тѣхъ городѣхъ на посадехъ у посадскихъ і всякихъ чиновъ людей также и въ уѣздехъ въ своихъ государевыхъ дворцовыхъ селехъ і въ помѣщичьихъ і въ вотчинниковыхъ і въ монастырскихъ и въ крестьянскихъ садѣхъ гдѣ отыщутъ и тѣ яблока и дули и сливы и вишни устроить въ бочки и налить патокою, а сливы осолить, а на покупку и на медъ и на соль и на бочки (давать?) ись таможенныхъ и кружечного двора доходовъ (сколько?) надобно съ роспискою и для писма дьячковъ и для розсылки стрелцовъ и къ яблокомъ целовальниковъ и сторожей по сколько человекъ пригожь и анбары гдѣ до отпуску яблока держать имать имъ въ тѣхъ городѣхъ у воеводъ, а сколько въ которыхъ городѣхъ дворовые люди на яблочную и медвеную і соленую и бочечную покупку денегъ возмутъ и о томъ воеводы писали въ приказъ Большого Дворца имянно и о томъ указалъ великнй Государь послать свои государевы грамоты въ тѣ города къ воеводамъ изъ розряду и по Государеву Цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу діакомъ думному Дементью Банмакову да Ѳедору Грибоѣдову да Василью Семенову учинить о томъ по указу Великого Государя.

Столбецъ 985 Приказнаго стола, лл. 520—522, Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Царю Государю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу быють челомъ холопи твои путивльскія стрельчишка и пушкаришка и сироты твои посадскія людишка. Въ нынешнемъ Государь во 174 году прислана твоя великого Государя грамота изъ розряду въ Путивль къ окольному і воеводамъ къ Михаилу Семеновичю Волинскому съ товарищи по челобитью Духова Нова-Дѣвичя монастыря игуменьи Анисье съ сестрами, а по той твоей великого Государя грамотѣ велено въ Путивле въ Духове Ново-Дѣвиче монастыре обещалыя места построить вновь путивльцамъ служилымъ і всякихъ чиновъ людямъ, а мы холопи твои стрельчишка и пушкаришка служимъ твои великого Государя разные многе службы, а мы сироты твои посадскія людишка отъ посадского тягла и отъ ямскія гоньбы обедняли и одолжали до конца и твоего великого Государя жалованья пашень и сенныхъ покосовъ и никакихъ угодей за нами нѣтъ и намъ холопомъ и сиротамъ твоимъ за твоими великого Государя службами и за скудостью Духова монастыря строить нечимъ, а игуменьи Анисье съ сестрами твое великого Государя жалованья на монастырское строеня и на свечи и на ладошь и имъ на пропитанья дано въ разныхъ местехъ шесть мельницъ да около того Духова монастыря сады многи всякие и съ техъ садовъ сходить по пятидесять рублевъ на годъ и болши и тѣми садами владеють они игуменья Анисья съ сестрами да имъ же дано твое Государево жалованье въ Сѣвѣскомъ уѣздѣ въ Крупецкой волости дуброва бортной ухожей и лесъ хоромной и дровяной и сеножати и пахатная

земля и со всеми угодн да подле Духова монастыря слободка і въ той слободке бобылей человекъ зъ двадцать и болши и тою слободкою и бобылями владеють они игуменья Анисья съ сестрами і въ прошломъ во 170 году по твоему великого государя путивлецъ Алексѣй Мисковъ въ Путивле всякихъ чиновъ людьми про тое ихъ слободку про разоренья смекивалъ и мы холопи твои и сироты твои въ обыскахъ сказали, что та слободка отъ воинскихъ людей разорена, а ныне въ той слободке бобыли живутъ по прежнему, да у нихъ же въ севскомъ уѣздѣ на речке на Обѣсте въ урочищѣ Налокти построена винница и на той виннице курятъ вино на шесть котловъ и съ той винницы имъ доходъ большой, да они жъ игуменья Анисья съ сестрами да пушкаръ Ѳедоръ Серого прозвище Ботовря завладели нашими холопей твоихъ стрелецкими дворовыми многими землями въ стрелецкой слободе, которая слобода близко Духова монастыря. Милосердый Государь Царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ для нашей бѣдности не вели Государь намъ Духова монастыря строить, чтобъ намъ не разоритца въ конецъ, и твоей великого Государя службы намъ холопомъ твоимъ и намъ сиротамъ твоимъ посадцкого тягла и ямьския гоньбы не отбыть, Царь Государь смилуйся, пожалуй.

Столбець 985 Приказнаго стола лл. 620—621 Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Папа Мартинъ I въ Херсонѣ.

С. П. Шестаковъ.

Въ числѣ тѣхъ изгнанниковъ и узниковъ, мѣстомъ заключенія коихъ неоднократно служилъ Херсонъ, древній Херсонесъ въ Крыму, въ римское и византийское время, въ половинѣ VII вѣка мы встрѣчаемъ папу Мартина I-го.

Позволяю себѣ остановить Ваше вниманіе на судьбѣ названнаго пастыря церкви, поскольку она связана съ этимъ городомъ, близко знакомымъ намъ благодаря трудамъ отечественныхъ историковъ и археологовъ. Эпизодъ ссылки папы Мартина I-го въ Херсонъ интересенъ тѣмъ болѣе, что самъ участникъ его повѣствуетъ о своихъ злоключеніяхъ въ дошедшихъ до насъ его письмахъ, и строки, посвященныя имъ Херсону, правда немногія, представляютъ значительный интересъ для характеристики положенія города, въ особенности по сопоставленію ихъ съ другими источниками, болѣе или менѣе близкими по времени.

Не стану здѣсь останавливаться на исторіи энергичной борьбы папы съ ересью монофелитовъ, насильственного захвата его въ Римъ и препровожденія въ Византію, суда и притѣсненій надъ нимъ въ столицѣ, что все извѣстно намъ частью изъ писемъ самого папы, частью изъ подробныхъ сообщеній его современниковъ и сторонниковъ. Начиная съ того момента, когда по высадкѣ съ корабля, попирая впервые почву Херсона, изгнанникъ со слезами возсылаетъ мольбу къ Богу, чтобы здѣсь и закончить свою жизнь ¹⁾.

Вотъ что пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Херсонъ своему близкому другу: „Сообщаемъ родственной милости Вашей, братъ и господинъ мой, что, отплывъ отъ мѣста, именуемаго въ К. П. *Ἰερὸν* ²⁾, въ Великій четвергъ ³⁾, проходя различныя мѣстности, миновали мы Фаръ ⁴⁾ 15 мая и прибыли въ Херсонъ. И вотъ достави-

¹⁾ Migne, Patrol. ser. lat. CXXXIX 599 D.

²⁾ *Ἰερὸν* — пыльное Анадоли-Кавакъ, на Босфорѣ, ближе къ Черному морю. *Васильевскій*, Русско-виз. отрывки, II стр. CXLI. Искъ въ текстѣ латинской серіи Мниа CXXXIX 600 С невинное чтение. Верно въ сборникѣ писемъ, Ser. lat. LXXXVII.

³⁾ Къ выраженію s. quinta feria coenae Domini срв. Migne, Ser. lat. CXXXIX col. 1352 D.

⁴⁾ Это не можетъ быть Фаръ—маякъ около КИ, о которомъ срв. Theoph. Contin. pg. 19 Βεηη. τότε δὲ τοῦ Ἀόργου ἐμφανέντος Μιχαὴλ ἕνα παιδί τε καὶ γυναίκα τὴν κόμην ἀποθέμενοι πρὸς τὸ τοῦ θεοῦ τεμερίσιμα, ὁ Φάρος κατονομάζεται ἀπὸ τοῦ φῶς ἀνάπτειν πᾶσι χτέ — ἀντίμιμον τοῦ κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν ὄντα τε καὶ γενόμενον.

тель сихъ строкъ, который вручить Вамъ настоящее письмо, явился въ Херсонъ изъ предѣловъ Византійскихъ спустя мѣсяць послѣ насъ. Какъ обрадовались мы его появленію, разсчитывая, что съ нимъ присланы изъ Италіи сюда припасы, которые облегчатъ съ прибытіемъ его наше положеніе! Но, освѣдомившись у него, узнали мы, что ничего онъ не везетъ намъ изъ Италіи, и подивился я, но и на этомъ прославить Бога моего, ибо Онъ распредѣляетъ намъ испытанія по предусмотрѣнію своему ¹⁾, въ особенности какъ въ этихъ краяхъ, гдѣ голодь и нужда такія, что хлѣбъ здѣсь извѣстенъ развѣ по названію, а его и видомъ не видать. Поэтому, если не пришлютъ намъ потребнаго оттуда (изъ Италіи) или изъ области Понта, жить намъ здѣсь нѣтъ никакой возможности. Духъ бодръ, плоть же, какъ самъ знаешь, немощна. Въ этой странѣ нельзя располагать даже продуктами, удовлетворяющими, самымъ умѣреннымъ потребностямъ. Если потому, какъ сказано, будутъ посланы намъ оттуда (изъ Италіи) хлѣбъ, вино или оливковое масло и другіе продукты, по возможности поспѣши всячески переслать ихъ намъ“ ²⁾.

Позже, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, папа пишетъ тому же адресату: „Завѣряю тебя именемъ Христа, Бога нашего: Удалившись отъ всякой мірской суеты, сложивъ бремя грѣховъ своихъ, вотъ мы лишены и самой возможности жить. Дѣло въ томъ, что обитатели этой страны всѣ язычники и языческіе нравы приобрѣли тѣ, которые извѣстны какъ жители здѣшняго города ³⁾; они не проявляютъ ни малѣйшей любви къ ближнему, какою обыкновенно сказывается человѣческая природа и у самыхъ варваровъ, въ нѣрѣдко обнаруживаемомъ ими состраданіи. Да, Богъ свидѣтель! Если бы не съ тѣхъ небольшихъ судовъ, которыя прибываютъ изъ предѣловъ Романіи, какъ ихъ называютъ здѣшніе жители, въ отличіе отъ предѣловъ греческихъ поселеній, называемыхъ ими понтійскими, (не откуда бы было достать здѣсь хлѣба). Ни разу, право, не могъ я приобрѣсти въ здѣшнемъ краю хлѣба хоть на тримисіи ⁴⁾; и равнымъ образомъ и съѣстныхъ продуктовъ иного какого-либо рода, кромѣ, какъ вышесказаннымъ образомъ, съ судовъ, изрѣдка заходящихъ сюда, съ тѣмъ, чтобы уходить съ грузомъ соли. Такимъ путемъ могли мы покунать три или четыре модія за золотой до настоящаго сентября мѣсяца. Но до сихъ поръ мы не могли купить изъ новаго урожая, кромѣ четырехъ модіевъ ⁵⁾ за золотой“. Папа сѣдуетъ въ дальнѣйшихъ строкахъ на представителей святѣйшей церкви апостола Петра, что они не заботятся объ удовлетвореніи его насущнѣйшихъ потребностей присылкою если не денегъ, то хоть самыхъ продуктовъ, хлѣба, вина и проч. ⁶⁾.

¹⁾ Dispensatio, по Доканжу, въ словарѣ med. et inf. latinitatis=греч. *οἰκονομία*, о божественноиъ предопредѣленіи.

²⁾ Письмо XVI-ое въ собраніи писемъ Migne, T. LXXXVII.

³⁾ „Городъ“—наша прибавка. Разумѣются греки, жители самаго Херсона, въ противоположность соседнимъ готамъ и, можетъ-быть, другимъ инородцамъ. Срв. къ этому Tomaschek, Die Goten in Taurien II, Loewe, Die Reste d. Germanen am Schwarzen Meere 126.

⁴⁾ Trimisium, *Τριμίσιον*, $\frac{1}{2}$ соида, золотого, срв., напр., Theoph. pg. 444,7 de Boor, рядомъ съ *σπίσιον*.

⁵⁾ Модій 8,7 литра. Въ эпоху римской имперіи стоить, при дорогихъ цѣнахъ, $5\frac{1}{2}$ динаріевъ (Hirschfeld, Untersuch. auf d. Gebiete d. röm. Verwaltungsgesch. I 3130 Anm.)

⁶⁾ Письмо XVII-ое (ibid.).

Гр. XIII Археол. Създа. Т. II.

1. Полагаемъ, что обозначеніе терминовъ путешествія въ началѣ перваго изъ привлеченныхъ писемъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что папа Мартинъ вѣхалъ въ гавань Херсона съ востока. Онъ называетъ *φάρος*, какъ предѣлъ своего плаванія: обогнувъ его, онъ въ тотъ же день былъ въ Херсонѣ. Слѣдовательно, можно догадываться, что путь корабля, на которомъ былъ отправленъ изгнанникъ изъ Византіи, лежалъ по выходѣ изъ пролива сначала вдоль южнаго побережья Понта; затѣмъ, напр. изъ Синопы, онъ могъ переправиться въ Воспоръ—Керчь. Такой именно рейсъ черезъ Черное море, Синопа—Керчь, извѣстенъ намъ въ другихъ описаніяхъ, изъ коихъ одно близко по времени. Монахъ Епифаній (конецъ VIII-го—IX-й в.), приписывая такую переправу апостолу Андрею, опирается, можетъ-быть, на личный опытъ ¹⁾. Арабскій путешественникъ XIV-го вѣка Ибнъ-Батута прибываетъ въ Керчь на нанятомъ въ Синопѣ греческомъ кораблѣ ²⁾. *Ὁ φάρος Χερσῶνος*, на морскомъ пути отъ Балаклавы (*Συμβόλον λιμῆρ*) назападъ мимо Херсона, упоминается въ описаніи бѣгства Юстиніана II-го (конецъ VII-го, начало VIII в.) отъ хазарскаго хагана въ Болгарію въ хроникѣ Теофана ³⁾.

2. Сообщенія папы о голодѣ и нуждѣ въ странѣ, гдѣ ему суждено было окончить дни свои, можно бы считать за свидѣтельство о бѣдствіи, постигшемъ ее случайно въ годъ его прибытія въ Херсонъ. Не такъ представляется дѣло, если сопоставимъ жалобы папы въ обоихъ его письмахъ съ тѣмъ, что говоритъ Константинъ Багрянородный о зависимости благосостоянія жителей Херсона отъ подвоза съ южнаго берега Чернаго моря, въ концѣ 53-й главы *De admin. impregio*. Достаточно, читаемъ здѣсь, запретить переправу въ Херсонъ судовъ изъ ѳемъ Пафлагонской, Вукелларіевой и Арменіакской „съ хлѣбомъ, виномъ или другими какими-либо продуктами первой необходимости“, и херсонесцамъ окажется невозможнымъ продолжать свое существованіе. Если, далѣе, у Константина Порфиророднаго торговля продуктами, приобретаемыми у печенѣговъ (кожи, воскъ и проч.), является необходимымъ средствомъ существованія для херсонесцевъ, то во времена Мартина подобную же, повидимому, роль играетъ старыи херсонскій промыселъ, добыча соли (*Strabo* VII, 7, надписи, *Constant. Porphyrog. De adm. imp. cap. 42, pg. 180, 4 sq. Bonn*). Эта скудость производительности области самого города Херсона, впрочемъ, вознаграждалась плодородіемъ соседней области готовъ, о которой Прокопій Кесар., *De aedific.* III, 7 pg. 261, пишетъ: *Τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῶ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρά ἐστίν, ἀλλ' ἀγαθὴ τε καὶ εὐφορὸς καρπῶν τῶν ἀρίστων.*

Между тѣмъ, подъ язычками Мартина обыкновенно разумѣютъ прежде всего готовъ. Таково, повидимому, было мнѣніе В. Г. Васильевскаго ⁴⁾; опредѣленнѣе высказываются Томашекъ ⁵⁾ и Лѣве ⁶⁾. Двое послѣднихъ ученыхъ находятъ въ свидѣ-

¹⁾ Migne, *Patrol. ser. graeca* CXX col. 244 C.

²⁾ Изд. Défrémery, съ франц. пер., т. II, стр. 355. У него отмѣчена и продолжительность порозада черезъ открытое море на тогдашнемъ кораблѣ.

³⁾ Подробностей, отсутствующая въ вариантѣ Никифора К. П., pg. 47 Bonn. *Theoph. 373 de Boor.*

⁴⁾ Ж. Мин. Нар. Просв. Часть 195 (1878 г.), стрр. 119, 152.—О времени появленія готовъ въ Крыму въ послѣднее время м. проч. и Э. фонъ-Штернъ, *Зап. И. Одесск. Общ. Ист. и Др.* 1897.

⁵⁾ *Die Goten in Taurien* 1881, S 19. ⁶⁾ O. c. S. 126.

тельствѣ Мартина указаніе на господство готскаго вліянія на юго-западномъ побережьѣ Крыма въ VII-мъ в. Готы не сразу сдались въ борьбѣ съ хазарами. О послѣдней попыткѣ сохранить свободу повѣствуетъ для конца VIII-го вѣка Житіе Іоанна Готскаго ¹⁾. Центромъ готскаго владычества въ Крыму являлся Доросъ (позднѣе Мангунъ, Ай-Тодоръ; то же *Κλίματα* Константина Багрянороднаго и въ Запискѣ готскаго топарха по объясненію Вестберга ²⁾). Въ словахъ папы нельзя не видѣть недостаточной освѣдомленности о природѣ южнаго берега Крыма, болѣе удаленнаго отъ ближайшихъ окрестностей Херсона. Окрестности Севастополя и въ наше время представляютъ картину самую безотрадную. Отзывъ папы о „язычникахъ“ не вяжется также съ характеристикой готовъ въ Крыму у Прокопія, *De aedific.* III, 7, очень благоприятной. Здѣсь уместно припомнить то объясненіе постепеннаго упадка благолѣнія и забвенія религиозныхъ церемоній, процессій ко храму Св. Климента, близъ Херсона, какое дѣтъ двѣсти сличкомъ послѣ папы Мартина даетъ другой знаменитый посѣтитель г. Херсона, св. Кириллъ, первоучитель славянской. Въ настоящее время мы располагаемъ однимъ несомнѣнно подлиннымъ отрывкомъ собственнаго разказа его объ обрѣтеніи мощей св. Климента. Это тотъ отрывокъ, который сохранилъ намъ бібліотекарь Анастасій въ письмѣ къ Гавдеріку, епископу Веллетри. Отмѣчаемъ особенно эти слова отрывка: „desertus est et factus inhabitabilis locus, destructum templum, et tota illa pars Cersonicae regionis prope modum desolata est—дѣло идетъ о ближайшей къ городу округѣ видѣ стѣны (въ *legenda aurea*: *Georgia*, см. *Martinov*, *Revue des questions historiques* T. 36. (1884) pg. 163; гдѣ въ итальянской легендѣ, вмѣсто „*civitatula nomine Georgia*“, фигурируетъ „*civitatulae ipsius metropolita, nomine Georgius*“) — ita ut ubi *Cersoni episcopus* intra eandem urbem *cum non plurima plebe* remansisset, *cerneretur, qui scilicet non tam urbis cives quam esse carceris habitatores, cum non auderent extra eam progredi, viderentur*“ ³⁾. Авторъ, писавшій болѣе 200 лѣтъ послѣ Мартина, говоритъ здѣсь, однако, объ обстоятельствахъ, по его изслѣдованіямъ сложившихся задолго до его времени („*a multis retro temporibus*“ срв. *legenda italica*: „*ex longo jam tempore*“). Если Готія, сосѣдь Херсона въ Крыму, терпитъ въ концѣ VIII-го в. неудачу въ борьбѣ съ хазарами, то, можно полагать, тѣ притязанія этого народа-завоевателя на Херсонъ, которыя окончились неудачно въ концѣ VI-го вѣка ⁴⁾, возобновлялись

¹⁾ В. Г. Васильевскій, I. с. Ю. А. Кулаковскій, Ж. М. Нар. Пр. Часть CCCXV (1898), стр. 180.

²⁾ Записки *Истор.* Акад. Наукъ, по пет.-филол. отд. (*Mémoires*), T. V, pg. 2 (1901 г.), стр. 84.

Въ Житіи Іоанна Готскаго родиною его названъ *ἐπιλόριον λεγόμενον Παρθενίων* (въ синаксарѣ *τὸ μοναστήριον ὁ Παρθενίων*) въ Тавроскииѣ, зависимой отъ области готовъ.—Напротивъ, что касается Фуллѣ, мнѣнію *Кёппена*, *Томашека*, *Васильевскаго* и *Билъбасова*, Кириллъ и Меодій II, стр. 176, можно противопоставить мнѣніе *Лёве*, S. 58, *Marquard't'a*, *Osteurop. u. ostasiat. Streifzüge* (Lpg. 1903), S. 15, и *Кулаковскаго*. Послѣдній обосновалъ свое мнѣніе въ особомъ экскурсѣ къ статьѣ въ Ж. М. Нар. Просв. Часть CCCXV. Спорнымъ представляется намъ только толкованіе почтеннымъ изслѣдователемъ (стр. 194-прим. 1) словъ *διὰ φύλον* Менаандра (стр. 43) = *διὰ φύλον τῶν νομάδων*, гдѣ В. Г. Васильевскій, Ж. М. Нар. Просв. Часть 195, стр. 117, предлагалъ поправку *διὰ Φοῦλλων*, соотвѣтственно дѣйствиительно предшествующимъ названіямъ городовъ.

³⁾ *Friedrich*, Ein Brief des Anastasius Bibliothekarius etc. Sitz. ber. philos.-philol. u. hist. Cl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München. 1893 (Jahrg. 1892), S. 439 fg. Критика *Фридриха* у *П. Франка*, Записки науковаго товариства імени Шевченка 1904 г. III т., стр. 204 слл., на основаніи поднаго пролога XVI-го в., (стр. 184 у *Франка*), едва-ли состоятельна.

⁴⁾ Осада Херсона хазарами (турсами у Менаандра; по *Marquard't'u*, см. *Osteurop. u. ostasiat. Streif-*

и послѣ; и хотя крѣпкія стѣны города, не даромъ служившія предметомъ особыхъ заботъ византійскихъ государей ¹⁾, и были надежнымъ убѣжищемъ для населенія, однако постоянные набѣги и хазаровъ и другихъ иноплеменниковъ сильно затрудняли сухопутныя торговыя сношенія Херсона. Тѣ дипломатическія сношенія города съ хазарами, о какихъ повѣствуютъ византійскія лѣтописи для начала VIII-го в. (710-й годъ), вызваны были особыми, чрезвычайными обстоятельствами ²⁾. Вообще же, можно думать, хазары уже во второй половинѣ VII-го вѣка являлись грозой не только для Готіи ³⁾, но и Херсона. Рядомъ съ этимъ допустимо участіе въ набѣгахъ на Херсонъ и другихъ полуварварскихъ племенъ. Намъ не извѣстно, къ какому времени восходитъ поселеніе по близости отъ Херсона аланъ, которыхъ застаеъ здѣсь въ половинѣ XIII-го вѣка епископъ Феодоръ ⁴⁾. Это было очень старое населеніе Крыма, но для первыхъ вѣковъ нашей эры оно засвидѣтельствовано лишь въ восточной части южнаго побережья полуострова ⁵⁾. Утвержденіе близъ Херсона могло быть результатомъ позднѣйшихъ набѣговъ. Природа страны допускала постепенное водвореніе въ отдѣльныхъ неприступныхъ пунктахъ шаекъ того или другого племени, совершавшихъ отсюда свои походы и на область г. Херсона.

Такъ представляемъ мы себѣ тѣ „castra gentium“ въ сосѣдствѣ Херсона, о которыхъ говоритъ источникъ, къ коего разбору мы теперь переходимъ. Мы разумѣемъ Scholion sive Hupomnesticum нѣкоего Феодора, сохраненное въ Collectanea бібліотекаря Анастасія и повѣствующее о ссылкѣ и пребываніи въ Херсонѣ братьевъ Феодора и Евпренія и о страданіяхъ, ссылкѣ и смерти въ Херсонѣ папы Мартина I-го. Этотъ scholion напечатанъ въ 129-мъ томѣ латинской серіи патрологіи Мниа, coll. 682 sqq., и въ XC-мъ томѣ греческой серіи того же издателя, coll. 193 sqq. (при дѣяніяхъ Максима Исповѣдника) ⁶⁾. Передаемъ вкратцѣ содержаніе схолія: Братъ Феодоръ и Евпреній, сыновья Плутима, главнаго интенданта ⁷⁾ „при блажен-

zūge, S 46 fg., это наименованіе объясняется зависмостью въ VI в. хазарь отъ турокъ) въ 581-омъ г. окончилась неудачно (Менадръ). Въ 590-омъ году, судя по надписи стратилата Евпатерія (*Латышевъ*, Сборникъ греч. надп. христ. временъ въ южной Россіи. С. Пбгъ. 1896. нр. 99), и Боспоръ, взятый въ 576 г., опять въ зависимости отъ Византіи (*Кулаковскій*, стр. 179).

¹⁾ Срв. извѣстную надпись о возобновленіи башни при Зенонѣ, *Кѣне*, Изслѣд. объ истор. г. Херсона 93 слѣд. *В. В. Латышевъ*, Сборникъ, № 7. С. *Шестаковъ*. Ж. Мни. Нар. Просв. 1906, мартъ (Отд. класс. филол.). О Юстиніанѣ I Прокоп. De aedific. III 7. О вѣроятныхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту реставрацію, см. *В. В. Латышевъ*, О. с. с., стр. 102.

²⁾ Theophan. pg. 372 sq.; pg. 377—380 cf. Niceph. Cr. Breviar. 44 sqq. — Отзвѣвъ о хазарахъ въ VIII в., см. Житіе св. Або, пострадавшаго въ Тифлисѣ, Texte u. Untersuch. Гарнака, 1905 (K. Schultze), S. 23, преувеличенно суровъ.

³⁾ Прибывъ въ Доросъ, Юстиніанъ II-й имѣетъ уже возможность вступитъ въ непосредственныя сношенія съ хазарскимъ хаганомъ, Theoph. 372, 30, *Кулаковскій*, цит. статья, стр. 180.

⁴⁾ *Ю. А. Кулаковскій*, Епископа Феодора „Аланское посланіе“. Одесса. 1898 (переводъ съ введеніемъ).

⁵⁾ Срв. о Сугдеѣ, подъ 212 г., синаксарь (Зап. Одесск. Общ. V, 605), о Феодосіи (*Αρδάβδα*), въ V в., Periplus ponti Euxini, C. Müller, Frr. H. Gr. Vol. V. Geogr. graeci minores I 415. *Васильевскій*, Русско-виз. изсл. II, CLXVII, *Fr. Hirth*, Ueber Wolga-Hunnen, Sitz. ber. d. philos. philol. Cl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München 1899. II Bd. 245 fg. Въ XIV в. Аланія предметъ спора между митрополитами Херсона и Готіи (Acta patriarch. Cr. II, 67, 150). *С. В. Петровскій*, Зап. Им. Од. Общ. Ист. и Др.

⁶⁾ Col. 687 С авторъ называетъ себя Феодоромъ, имя одного изъ братьевъ, подвизавшихся въ Херсонѣ. Цитуемое здѣсь писъмо (Анастасія) Феодору см. въ Collectanea бібліотекаря Анастасія, coll. 659—664.

⁷⁾ Въ подлинникѣ annonae scholarum носятъ названіе tetransiton, annona quadruplex, по Дв-

пѣйшей памяти императорѣ" (здѣсь разумѣется Ираклій), захвачены были во время гоненія со стороны еретиковъ близъ Авиды и сосланы въ Херсонъ. Тамъ неоднократно были они насильственно разлучаемы и отправляемы въ качествѣ пословъ въ укрѣпленія (городища) племенъ, жившихъ по соседству („in castris gentium ibidem adjacentium“). Евпреній ¹⁾ умеръ на 9-й годъ ссылки, 26 октября, въ одинъ годъ съ папой Мартиномъ I-мъ, умершимъ 16 сентября 655 года. Теодоръ прожилъ лѣтъ 12 дольше ²⁾. Авторъ схолія ѣздилъ къ нему въ Херсонъ и получилъ отъ него нѣкоторыя вещественныя памяти, оставшіяся послѣ папы, а также выслушалъ его рассказы о многочисленныхъ чудесахъ святого въ Херсонѣ и вынесенныхъ имъ здѣсь лишенійхъ, см. col. 685 B: „cujus et miracula nobis copiosa quae ibidem facta sunt, cum illatis quoque illis importabilibus, retulit, donata etiam particula sancti orarii, id est facialis, quae sibi fuerat ab eo dimissa, et uno ex campagis ejus id est caligis, quos nullus alius inter homines portat, nisi sanctus papa Romanus“.

Этому источнику обязаны мы и наиболѣе точнымъ обозначеніемъ мѣста погребенія папы Мартина въ Херсонѣ, col. 686 C (cf. ser. gr. col. 198 B): „reconditus inter tumulos sanctorum in domo percolenda sanctissimae intemeratae ac semper laudandae gratiosae vereque semper gloriosae dominae nostrae, utpote quae proprie natura et absque mendacio ac veraciter est Dei genitrix et semper virgo Maria, quae appellatur Blachernes, extra muros a stadio uno ipsius de cetero benedictae urbis Chersonis“. Въ этомъ же Влахернскомъ храмѣ Богородицы похороненъ, по свидѣтельству схолія, рядомъ съ папой Мартиномъ, и Евпреній. Отсюда заимствуютъ замѣтки о мѣстѣ погребенія папы въ Херсонѣ синаксари (переводъ съ греческаго схолія виденъ и въ длинномъ рядѣ эпитетовъ Богородицы), см., напр., cod. Mosq. Synod. graec. nr. 390, f. 22v: *Τὸ δὲ ἄγιον αὐτοῦ λείψανον ἐτέθη ἔξω τοῦ κάστρου Χερσῶνος ἐν τῷ ναῷ τῆς ὑπερυψίας Θεοτόκου τῶν Βλαχερῶν*. Изъ письма папы Григорія II-го императору Льву Исаврійскому мы знаемъ, что еще въ это время (726 г.) мощи св. Мартина были почитаемы „всѣмъ сѣверомъ“, общинами Херсона и Босфора, и имъ приписывали цѣлительную силу ³⁾. По предположенію Северина Бона, однако, мощи были увезены въ Римъ, и въ Херсонѣ осталась только частица мощей. Можно предполагать, что въ числѣ погребенныхъ святыхъ были и нѣкоторые изъ тѣхъ, имена коихъ передаетъ легенда, какъ первыхъ миссіонеровъ въ Херсонѣ: свв. епископы и мученики Ефремъ, Василій, Евгеній, Агаѳодоръ, Елнидій, Эверій, Капитонъ (Acta SS. Болланда, подъ VII марта, T. I, pgg. 638 sqq.).

Влахернская церковь съ усыпальницами святыхъ является одной изъ немногихъ извѣстныхъ намъ по литературнымъ памятникамъ церквей Херсона византийской поры. Церкви св. Созонта и св. Леонтія упоминаются въ одной изъ версій преданія объ обрѣтеніи мощей св. Климента: извѣстны также соборная церковь и цер-

канжу, Gloss. med. et inf. graecitatis (здѣсь и въ лат. глоссаріѣ наше мѣсто единственный примѣръ этого термина).—Срв. *ὁ μέγας στρατοπεδάρχης* Codin. Curpal., pg. 33, 2.

¹⁾ Этимологическое толкованіе имени (col. 684 D) определенно говоритъ о переводѣ съ греческаго, такъ же, какъ подобное толкованіе имени Григорія въ вышеупомянутомъ письмѣ Анастасія пресвитера къ Теодору, col. 662 A „et vere pheronomie (*φερωνύμιος*) vigilantem“.

²⁾ Индиктъ 10-й „instantis cycli“, въ данномъ случаѣ (col. 685 A), очевидно, сѣдующаго цикла.

³⁾ Patrol. curs. compl. Ser. lat. Migne, T. LXXXIX, col. 520 A—B.

ковъ Св. Прокопія (Слово на принесеніе мощей св. Климента), Св. Петра въ кварталѣ Θεоны; наконецъ тѣ храмы въ городѣ, о которыхъ сообщаетъ русское сказаніе о крещеніи св. Владимира.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Коснувшись въ предшествующемъ письмѣ пресвитера и монаха Анастасія къ пресвитеру Θεодосію, позволяемъ себѣ воспользоваться случаемъ отмѣтить значеніе этого документа для географіи и исторіи закавказскихъ племенъ. Напередъ считаемъ долгомъ оговориться, что не имѣемъ пока достаточно матеріала, дабы съ точностью опредѣлить нѣкоторые пункты, указываемые въ памятникѣ.

Письмо сообщаетъ, что св. Максимъ Исповѣдникъ, по прибытіи его съ спутниками въ страну Лазовъ, больной, на плетеныхъ носилкахъ былъ доставленъ въ мѣсто своего заключенія „Схемарій, укрѣпленіе по сосѣдству съ племенемъ алановъ“ (col. 660 A). Авва Анастасій, какъ называетъ его Анастасій, авторъ письма (сотоварищами св. Максима въ изгнаніи въ область Лазовъ были оба эти Анастасія), по разлученіи ихъ съ св. Максимомъ, былъ доставленъ въ укрѣпленіе Скоторъ „въ Апсиліи, что вблизи Авазгін“ (т.-е. Абхазіи), а самъ авторъ письма „въ Вукуль (Vuculus), области, именуемой Месиміана, на границѣ съ вышеупомянутыми аланами; это именно укрѣпленіе тѣ же аланы въ настоящее время захватили и удерживаютъ въ своихъ рукахъ“ (col. 660 B). Отсюда оба Анастасія, первый уже едва живой, доставлены были въ Мукурисъ. Здѣсь они разстались: Анастасій старшій немедленно доставленъ въ укрѣпленіе Сваніи (Сванетіи), а авторъ письма „въ Тацирію (Thacuria), близъ Иверіи“. Авторъ письма полагаетъ, что его спутникъ до Мукуриса умеръ дня черезъ 4—6 послѣ выѣзда отсюда, 20—22 іюля.

Почти все названные здѣсь географическіе пункты сходятся съ данными мѣстнаго церковнаго синаксаря, цитуемаго г. Джанашвили, въ примѣчаніяхъ его къ его переводу географіи Грузіи царевича Вахушти (Записки Кавк. Отд. *Импер.* русск. географ. общ. Книжка XXIV, выпускъ 5-й. Тифлисъ. 1904 г., примѣч. 560-е): Схемарій = Нимаг, Скоторъ = Котори, Кодори, что въ Цебельдѣ, Vuculus = Букелесъ синаксаря, Сванетія, мѣсто ссылки Анастасія старшаго и въ синаксарѣ. Что же касается Мукуриса, въ синаксарѣ Анастасій умираетъ въ Мури. Одноименное урочище и въ настоящее время значится на картахъ Закавказья (см., напр., Закавказье В. Я. Лисовскаго. Тифлисъ. 1896, въ Зап. Кавк. Отд. Книжка XX). Положеніе его выше Цагери, въ верхнемъ теченіи праваго притока Ріона Цхенисикали, Цагери, скорѣе всего отождествляемаго съ Thacuria письма Анастасія (хотя въ синаксарѣ другое, сходное по названію, но сосѣднее мѣсто, Таквари, см. 558-е примѣчаніе у Джанашвили), и на дорогѣ въ Сванетію убѣждало бы насъ въ томъ, что крѣпость Мурисъ (Мурисъ-цихе: цихе = крѣпость, башня, см. у г. Джанашвили примѣч. 461, 597. *Хановъ*, цит. изд. Книжка XXII, выпускъ 6-й, стр. 27) географіи Вахушти могла бы быть отождествлена съ Мукурисомъ письма Анастасія, если бы, съ другой стороны, названіе Мукурисъ не напоминало такъ *Μουχίριος* Прокопія Кесар. *De bello Gothico* lib. IV, cap. 16 et alb., Agath. pg. 234, 3 sqq. Въ послѣднемъ г. Джанашвили не безъ основанія усматриваетъ нынѣшнее селеніе Мухури, см. примѣч. 556-е и 573-е (гора Мухура см. въ текстѣ Вахушти также стр. 206).

Положеніе (С) кодора опредѣляется достаточно рѣдкою Кодоромъ и названіемъ селенія Цебельдинскаго на этой рѣкѣ. Относительно *Vuculus* письма, Букелесъ синаксаря, замѣтимъ, что и у ритора Агаѳія, pg. 173, 9 sqq., указывается на притязанія алановъ на г. *Βούχλονς* въ Мисиміанѣ (здѣсь и pg. 238, 6 указана у Агаѳія пограничность Мисиміаны и Аписиліи), которая, по Агаѳію, близкому по времени къ событіямъ, описываемымъ въ письмѣ Анастасія, лежала сѣвернѣе и вмѣстѣ нѣсколько восточнѣе Аписиліи. Названіе Аписиліи, несомнѣнно, надо ставить въ связь съ однимъ изъ названій абхазцевъ въ древнихъ лѣтописяхъ Грузіи — *απισίλι* (срв. Записки Кавк. Отд. *Импер.* русск. геогр. общ. Книжка XVI. 1894, стр. 1)—и съ этимъ согласуется опредѣленіе въ письмѣ Скотора, Котора или Кодора: „въ Аписиліи, что вблизи Авазгіи“. Агаѳій называетъ пограничное между Аписиліей и Мисиміаною укрѣпленіе *τὸ Τιβέλεος*, можетъ быть стоящее въ какомъ-нибудь отношеніи къ Цебельдѣ синаксаря и Цебельдинскому на рѣкѣ Кодорѣ.

Анастасій, авторъ письма, пережилъ своихъ товарищей по изгнанію. О дальнѣйшей своей судьбѣ онъ сообщаетъ въ письмѣ, что изъ Тациріи (Цагери или Таквери), послѣ двухмѣсячнаго здѣсь пребыванія, онъ былъ препровожденъ властителемъ области къ предѣламъ Аписиліи и Мисиміаны („*ad partes*“ опредѣленіе направленія по отношенію къ „*juxta Iberiam*“, col. 660 С) для заключенія въ крѣпости Фусты (col. 661 В). Это географическое или этнографическое названіе хорошо извѣстно намъ изъ позднѣйшихъ версій сказаній о проповѣди христіанства на Кавказѣ апостолами Андреемъ, Симономъ и другими учениками Иисуса Христа, см. *Πράξεις καὶ περίοδοι τοῦ ἁγίου καὶ πανευφήμου Ἀποστόλου Ἀνδρέου, ἐγκομιῶν σμιλεπλεγμέναι*, въ *Analecta Bollandiana*, t. XIII, fasc. III. IV, pgg. 331—336. 337—352. Въ сопоставленіи относящагося сюда отрывка *Πράξεις* съ текстомъ грузинскаго житія св. апостола Андрея Первозваннаго (русск. перев. съ груз. ркп. Давидгареджійскаго монастыря, въ Христ. Чтеніи 1869 г., № 8, стр. 151—180) у С. В. Петровскаго (Зап. Импер. Одесск. Общ. Ист. и др., т. XXI, 1898, стр. 148 слѣд.), гдѣ греческіе этнографическіе и географическіе термины пояснены позднѣйшими туземными, Фусты въ Алапціи названы Фостофоромъ въ землѣ осетинцевъ. Фусты названы также въ „Словѣ о жизни, дѣяніяхъ и кончинѣ св. всехвальнаго Первозваннаго апостола Андрея“ монаха и пресвитера Епифанія (первой половины IX-го в. Migne, *Patrol. curs. compl. Ser. gr.*, t. CXX, pgg. 216—260). Симонъ и Андрей прибываютъ у него въ Саланію и городъ Фусту, отсюда въ Авазгію, въ Севастополь (какъ въ *Πράξεις*. Въ житіи: въ Абхазію, въ г. Севасту, нынѣ называемый Сухумомъ). Саланія въ текстѣ Епифанія, можетъ-быть, простое механическое извращеніе текста изъ *εἰς Ἀλλυρίαν*, гдѣ послѣдняя буква предлога примкнула къ собственному имени (col. 244 А).

Что слѣдуетъ разумѣть подъ Фустами (у Епифанія col. 221 В *Φοῦστοι* рядомъ съ *Ἀλλυροί* и другими этническими названіями), Фостофоромъ, до сихъ поръ не опредѣлено (срв. разныя попытки у С. В. Петровскаго, цит. изслѣд., стр. 99, примѣч. 1). Направленіе пути свв. апостоловъ въ *Πράξεις* и у Епифанія, съ юга (Фазисъ-Ріонъ) на сѣверъ (верхняя Сугдея, срв. В. Г. Васильевскій, Русско-визант. отрывки, II стр. CLXX: аулъ Суадагъ въ Осетіи, въ 35 верстахъ отъ Владикавказа), даетъ только приблизительное указаніе на мѣстоположеніе, между Сванетіей и Авазгіей съ

т. Сухумомъ. На сосѣдство съ Авазгіей указываетъ и письмо Анастасія тамъ, гдѣ онъ говоритъ о заступничествѣ за него авазгійской знати передъ „владыкой“, *prinseps*, очевидно Аланіи, бѣжавшимъ изъ своей области, при содѣйствіи авазговъ возстановленнымъ на престолѣ и потомъ снова изгнаннымъ. Этотъ неизвѣстный владыка аланъ, измѣняя даннымъ авазгійской знати обѣщаніямъ, снова послалъ Анастасія въ тотъ самый Схемарій (*Himar* синаксаря), гдѣ скончался св. Максимъ Исповѣдникъ. Но еще на пути туда автора письма въ Аланіи произошелъ новый переворотъ и у власти сталъ „нынѣ начальствующій областью“ богобоязненный и христіолюбивый Григорій (*vere pheronume vigilantem*), который вернулъ гонимаго и доставилъ ему спокойный пріютъ „въ мѣстѣ, поистинѣ подобающемъ для монаховъ“, въ разстояніи около пяти миль отъ собственной резиденціи (col. 662 A—B). Точнѣйшее обозначеніе этого мѣстопробыванія находимъ въ упомянутомъ нами въ нашей статьѣ *scholion sive hypomnesticum*, col. 683 D—684 A: „въ крѣпости, именуемой *Thusume*, расположенной выше хутора *Mochoes*, на границахъ области Аписліи, на востокъ Понта, у самой подошвы кавказскихъ горъ, близъ страны христіолюбивыхъ авазговъ; у племени аланъ, около пяти миль отъ помѣстья *Zichachorio*), т.-е. резиденціи (*prima domus*) истинно христіолюбиваго патриція и правителя той самой области Аланіи“.

Приведенныя сообщенія письма Анастасія и схолія объ аланахъ не обсуждаются въ монографіи объ аланахъ *Ю. А. Кулаковскаго* въ XIII томѣ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца (1899), а также въ его статьѣ о христіанствѣ у аланъ, въ Византійскомъ Временникѣ, 1898 г.

Что касается названій, упоминаемыхъ въ сейчасъ приведенномъ мѣстѣ схолія, обращаемъ вниманіе на то, что слова „*id est prima domo Gregorii*“ повидимому переводъ иноязычнаго слова „*Zichachorio*“. Первая часть этого слова—*zicha*—несомнѣнно грузинское „цихе“, „джиха“=башня, укрѣпленное мѣсто (см. вышецитов. ссылки на стр. 142-ой). О типѣ этихъ древнихъ укрѣпленій-башенъ въ Осетіи, Сванетіи и Грузіи см. Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. т. XVI, стр. 104 и слѣд. Обычнѣе прибавленіе этого нарицательнаго въ концѣ названія, но встрѣчается соединеніе слова передъ именемъ владѣльца, какъ *цихе-Годжи* у Джанашвили, къ геогр. царев. Вахушти, примѣч. 597. Не скрывается ли во второй части слова *Zichachorio* имя Григорія (*zicha-[Gre]gorii* или т. под.) или Георгія? Возможны и другія предположенія: во 2-й части слова нельзя ли видѣть корень слова к’ори „домъ“, „домъ съ башнями“ (см. Джанашвили, къ геогр. Вахушти, примѣч. 102-ое), или же въ *Zichachorium* видѣть греч. *Ziχα χορίον*?—Для *Mochoe* или *Mochus* (въ текстѣ греч. серіи Migne’a) можно предположительно указать на рѣку Мокви и селеніе Мокви, гдѣ позднѣе (въ X в.) была построена великолѣпная церковь (см. географію царевича Вахушти, стр. 229, и примѣчаніе къ ней Джанашвили 608-е). Въ такомъ случаѣ *Thusume* не есть ли Цхоми, Сухумъ? Положеніе на берегу моря и у подошвы Кавказскихъ горъ какъ-разъ соотвѣтствуетъ мѣстоположенію Сухума. Какъ простое совпаденіе, отмѣтимъ, что Новый Аѳонъ находится въ какихъ-нибудь 20—25 верстахъ къ сѣверо-западу по берегу моря отъ предполагаемой нами „мѣстности, какъ бы созданной для жизни монаховъ“ (допуская этотъ легкій перифразъ), у Анастасія.

Заговоры инкантии.

Н. О. Сумцовъ.

Громадное количество изданныхъ въ печати заговоровъ настойчиво требуетъ изученія и классификаціи. Вопросъ о способахъ классификаціи заговоровъ давно уже занимаетъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ и разрѣшается весьма разнообразно; большей частью заговоры дѣлятся съ практической цѣлью по принятымъ въ народѣ названіямъ болѣзней, и хотя такая группировка заговоровъ облегчаетъ нѣсколько ихъ распредѣленіе, но она не даетъ ни малѣйшаго указанія на происхожденіе, значеніе и хронологію заговоровъ, легко приводитъ къ смѣшенію разнороднаго матеріала и въ научномъ отношеніи совсѣмъ несостоятельна.

Германскій ученый Амманъ дѣлитъ заговоры на три группы: 1) Heilsprüche, т.-е. лѣчебныя изрѣченія, 2) Beschwörungs und Zauberformel, или собственно заклинанія, и, наконецъ, 3) Kirchliche Segen und Gebete, или молитвы; дѣленіе это, очевидно, искусственно и неустойчиво. Многія апокрифическія молитвы входятъ въ разрядъ лѣчебныхъ изрѣченій; часто отдѣльные элементы такъ смѣшаны, что заговоръ можно, по личному усмотрѣнію, помѣстить въ любой изъ трехъ рекомендуемыхъ отдѣловъ.

Проф. И. В. Помяловскій въ „Эпиграфическихъ этюдахъ“ пытался положить рѣзкую грань между наговорами и заговорами, въ томъ смыслѣ, что наговоромъ накликается бѣда, а заговоромъ отвращается; но народный фольклоръ и тутъ даетъ такое смѣшеніе и такую пестроту явленій, что ни теоретически, ни практически нельзя удержать этого дѣленія, при всей его подкупающей простотѣ.

Довольно вѣскимъ представляется раздѣленіе заговоровъ по мотивамъ чарованій. На первое мѣсто выступаютъ многочисленные заговоры, основанные на вѣрѣ въ силу слова и тѣ заклинанія, главное значеніе которыхъ опирается на обрядовомъ дѣйствіи. Еще Крушевскій обратилъ вниманіе на заговоры по слову и заговоры по дѣйствію, съ той осторожной оговоркой, что такое различіе замѣтно лишь намъ на почвѣ изученія и сравненія и не могло быть замѣтно самимъ древнѣшимъ творцамъ заговоровъ. „Въ пониманіи первобытнаго человѣка, замѣчаетъ по этому поводу Крушевскій, такое различіе не существуетъ; для него слово настолько же матеріально, насколько и другіе дѣйствительно матеріальные предметы, употребляемые при заговорахъ“.

Въ разное время заговоровъ съ теоретической стороны касались акад. А. Н. Веселовскій, А. А. Потебня, Браунъ, Зелинскій и Ветуховъ. Любопытно, что Зелинскій высказываетъ сомнѣніе въ возможности самой классификаціи заговоровъ. „Содержаніе заговоровъ, говоритъ онъ, такъ однообразно, что прилаживается легко къ какому угодно случаю жизни. Потому мы думаемъ, что всякая группировка заговоровъ должна быть болѣе или менѣе искусственной и можетъ быть допущена лишь для удобства расположенія матеріала и его изложенія“.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей заговоровъ г. Ветуховъ говоритъ по этому поводу: „Миѣ думается, что для удобства обслѣдованія матеріала можно распредѣлить его по наименѣе встрѣчающимся и при томъ у различныхъ народностей названіямъ болѣзней (каковы — лихорадка, слезъ, кровотеченіе), а въ этихъ крупныхъ отдѣлахъ, попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной и тѣми психологическими основаніями возникновенія и эволюціи заговора, которыя высказывались Крушевскимъ, Потебней и Веселовскимъ... Главная, по моему задача изслѣдованія — установить не хронологическую дату даннаго, единичнаго заговора (да это врядъ-ли и возможно, за рѣдкими исключеніями), а прослѣдить типы развитія, по которымъ можно судить о приѣмахъ чело-вѣческой мысли на данномъ пути, подмѣтить, уловить, по возможности, законы чело-вѣческой мысли вообще“; но авторъ вслѣдъ затѣмъ не признаетъ себя въ силахъ выполнить эту чрезчуръ сложную задачу.

Итакъ, выходитъ, что вопросъ о классификаціи — вопросъ трудный, темный и спорный. Строго опредѣленныхъ рѣшеній тутъ не дано, и самыя задачи научнаго изслѣдованія еще мало выяснены. А. В. Ветуховъ, какъ ученикъ А. А. Потебни, выдвигаетъ психологическую сторону, желаетъ прослѣдить приемы мысли; но наряду съ этой задачей можетъ идти не менѣе важная — историко-бытовая, или археологическая, имѣющая въ основѣ не столько строй мысли, сколько строй быта.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время на лицо нѣтъ ни одной вполне цѣльной и достаточно испробованной теоріи классификаціи, если не считать устарѣлаго, но пока единственно возможнаго для научнаго примѣненія раздѣленія по народнымъ названіямъ болѣзней. При всѣхъ научныхъ недостаткахъ этого способа, съ нимъ приходится считаться, въ практическихъ интересахъ, и для огромнаго большинства этнографовъ собирателей способъ этотъ остается единственно возможнымъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы люди науки, вооруженные сравнительнымъ методомъ и большими библиотечными пособіями, складывали передъ трудностями задачи свои оружія и шли лишь по проторенной традиціонной дорожкѣ. Дѣло требуетъ работы по частямъ, монографической, и чѣмъ болѣе будетъ отдѣльныхъ спеціальныхъ монографій, тѣмъ болѣе будутъ выясняться наиболѣе правильные пути для научной классификаціи заговоровъ. Нужно еще разобратся въ массѣ матеріала, и на первое время выдѣлить изъ него отдѣльныя гнѣзды, или группы заговоровъ, и заняться спеціальнымъ изученіемъ каждой группы, связывая затѣмъ постепенно эти изученія въ одно стройное цѣлое. Въ фольклорѣ накопленіе матеріала далеко обгоняетъ изслѣдованіе, и есть такіе отдѣлы, напр., свадебныя пѣсни, гдѣ непомерное обиліе мате-

ріала, изданнаго въ сыромъ видѣ, со многими повтореніями, представляетъ скорѣе препятствіе, чѣмъ подспорье. Съ заговорами, при ихъ краткости и рельефности отдѣльныхъ мотивовъ, дѣло изученія обстоитъ лучше; но все таки и въ этомъ отношеніи сильно ощущается недостатокъ монографическихъ изученій матеріала. Самыми крупными въ этомъ отношеніи трудами представляются изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго и проф. М. П. Соколова о такъ называемыхъ сенинѣвыхъ молитвахъ—заговоровъ отъ лихорадки и нѣкоторыя главы въ изслѣдованіи г. Ветухова о заговорахъ въ „Рус. Фил. Вѣсти.“, напр., глава о заговорахъ на глаза.

Въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на одномъ малоизвѣстномъ разрядѣ заговоровъ, такъ называемыхъ инкантаціяхъ:

Форчеллини слово *incanto* объясняетъ этимологически *in aliquo loco canto*, а по значенію *carminibus necare autquo quomodo nocere* — вредитъ пѣснопѣніемъ или какимъ либо другимъ способомъ, вредитъ, вгоняя въ землю — таковъ основной смыслъ термина. Далѣе идетъ обобщеніе — вообще колдовать, заклинать, испортить. У древнихъ писателей *incantatares* имѣютъ синонимами *magos, haruspices et maleficos aut conjectores, aut magos*. У Плинія — *qui malum carmen incantasset*.

Въ романскихъ языкахъ латинское *incantare* въ значеніи околдовать и съ разными производными до настоящаго времени, какъ указываетъ Литре въ словарѣ французскаго языка, весьма распространено: испан. *encantar*, франц. *enchanter*, между прочимъ, до сихъ поръ сохраняетъ древнее значеніе производить чудесное дѣйствіе посредствомъ пѣнія. Отсюда существительныя: *enchantement, encantamiento*, въ значеніи волшебства, очарованія, восхищенія.

Обращаясь къ классической древности, мы встрѣчаемъ часто грозныя *carmina cantusque* въ соединеніи съ *incantare, incantatio, incantamentum, incantator*.

При всей древности и характерности термина *incantatio*, нельзя признать характернымъ то описаніе инкантаціи, которое даетъ Овидій въ *Метаморфозахъ* (VII, 164). Говоря здѣсь о чародѣйствѣ Медеи, Овидій спрашиваетъ: „*Quid enim non carmina possunt?*“ и чего только не могутъ сдѣлать заклинанія. Далѣе слѣдуетъ описаніе инкантаціи Медеи, очевидно, со слѣдами большой литературной раскраски: Медея ночью выходитъ въ поле и, воздѣвъ руки къ звѣздамъ, трижды оборачивается, трижды орошаетъ свои волосы водою изъ рѣки и трижды издаетъ пронзительный вой — *terrisque ululatus ora solvit*. Склонивъ колѣни къ землѣ, она обращается съ заклинаніями къ ночи, лунѣ, звѣздамъ, землѣ, вѣтру, къ пѣснямъ и искусству маговъ — *cantusque artesque magorum*. При помощи воя и пѣнія она вызываетъ бурю, нагоняетъ тучи, *ventos abigoque vocoque*. Въ данномъ описаніи Медея является старшей сестрой тѣхъ европейскихъ вѣдьмъ, которымъ приписывалась въ старину власть надъ тучами и тѣмъ татарскимъ заклинательницамъ, которыя отличались во время осады Казани русскими. Давая распространенное и приукрашенное описаніе инкантаціи, Овидій выдвигаетъ искусственно придуманную обстановку и различныя литературныя детали. Тутъ нѣтъ качанія тѣла; но есть близкое къ нему троекратное оборачиваніе и колѣнопреклоненіе; совсѣмъ нѣтъ провала; оно замѣнено другими болѣе эффектными мотивами; но и тутъ главное значеніе придается пѣнію и вою.

Въ средніе вѣка инкантаціи часто были связываемы съ именемъ Соломона, который считался чародѣемъ и повелителемъ демоновъ. Викентій изъ Бове говоритъ: „Potest etiam daemon includi in aliquo vase, sicut includebantur per incantationes Salomonis“ (Speculum naturale, II, гл. 123).

Основными элементами инкантаціи представляются пѣніе, что связываетъ ихъ съ заговорами по слову, и качаніе, что связываетъ ихъ съ заговорами дѣйствія. Третьимъ важнымъ мотивомъ является провалъ въ землю того лица, надъ которымъ инкантація произведена. Далекое не всегда и не вездѣ выдержаны всѣ три формы; полныя инкантаціи рѣдко встрѣчаются; но въ отдѣльныхъ сочетаніяхъ—пѣнія и провала, пѣнія и качанія, качанія и провала, въ такихъ урѣзанныхъ или сокращенныхъ формахъ инкантаціи занимаютъ широкое мѣсто въ археологической этнографіи и въ современномъ фольклорѣ.

Въ яркихъ поэтическихъ краскахъ инкантація обрисована въ Калевалѣ. Молодой и легкомысленный Юкагайненъ захотѣлъ превзойти въ пѣніи мудраго Вейнемейнена. Онъ поѣхалъ къ Вейнемейнену, встрѣтился съ нимъ на пути, наговорилъ нарочно дерзостей и, вызвавъ его на состязаніе, обѣщалъ обратить его въ свинью. Сдержанный Вейнемейненъ сначала все терпѣлъ и уклонялся; но, когда имъ овладѣло негодованіе, онъ запѣлъ такую могучую пѣсню, что горы дрогнули, моря заволновались, и Юкагайненъ сталъ погружаться въ землю. Видя свою гибель, Юкагайненъ предлагалъ Вейнемейнену разные подарки; но старый Вейнемейненъ продолжалъ пѣть свою могучую пѣсню, отъ которой Юкагайненъ все глубже и глубже погружался въ землю, и, когда глина и песокъ стали уже лѣзть ему въ ротъ, онъ предложилъ Вейнемейнену свою сестру красавицу. Тогда Вейнемейненъ началъ брать свои заклинанія обратно и, спустя нѣкоторое время, Юкагайненъ вышелъ изъ земли и уѣхалъ посрамленный ⁴⁾.

Славянскій фольклоръ даетъ значительное число инкантаціи, въ однихъ разсказахъ съ качаніемъ взадъ и впередъ, въ другихъ — съ мотивомъ провала. вмѣсто пѣнія иногда выдвигается проклятiе, вмѣсто колдуна священникъ.

Извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ въ интересной статьѣ о русской демонологіи, напечатанной въ „Нов. Времени“ 1880 г. №№ 1528, 1536, 1542 и 1552, приводитъ такой случай: Въ 1818 г. одинъ богатый помѣщикъ, Орловской губ., объѣзжая съ приказчикомъ свои житныя поля, замѣтилъ среди колосьевъ что-то бѣлое. Подѣхавъ, онъ увидѣлъ колдуна Гусака, который стоялъ босыми ногами на иконѣ, безъ портъ, въ одной рубашкѣ, покрывшись мѣшкомъ. Онъ вязалъ въ пучекъ колосья, причемъ все качался то впередъ, то назадъ и бормоталъ заговоры. Его отодрали кнутомъ и отвели въ деревню, гдѣ снова высѣкли.

Любопытно, что весьма сходный разсказъ циркулируетъ среди поляковъ куявлянь: „Na cmentarzu kościelnym w Konecku podczas summy niedzielnej w kościele widziano kobietę (zapewne ciotę), jak przy poruszeniu czy kołysaniu ciała to naprzód to w tył zrywała ziele czy też kwiat (drobny biały) i żucała je znowu o ziemię gadając wciąż:

⁴⁾ Калевала, въ рус. пер., гл. III.

Mnie na użytek, tobie na ubytek! Mnie na użytek, tobie na ubytek!“, т.-е. на церковномъ кладбищѣ въ Концецѣ во время воскресной обѣдни видѣли женщину (навѣрно вѣдьму), какъ она, колыхаясь, срывала цвѣты и, бросая ихъ на землю, говорила: „Мнѣ на пользу, тебѣ въ убытокъ!“¹⁾

Такимъ образомъ, великорусскій колдунъ и польская колдунья одинаково качаются при заговорѣ и бормочатъ слова. Пѣнія нѣтъ, и при такой обстановкѣ трудно было его ожидать.

Въ то время, какъ въ Калеваль! мудрый чародѣй Вейнемейненъ посредствомъ инкантаціи вгоняетъ своего противника въ землю, въ русскихъ рассказахъ обратно колдуны и вѣдьмы, проклятые, проваливаются въ землю. Тутъ инкантація получаетъ обратное, карающее дѣйствіе, такъ что самый инкантаторъ погибаетъ въ землѣ; но уже самая эта кара указываетъ на характеръ тѣхъ инкантацій, которыя приписывались колдуну. Онъ терпитъ то же мученіе, которому подвергалъ другихъ. Это своего рода Немезида народнаго фольклора.

Въ Симбирскѣ записана сказка о томъ, какъ вѣдьма пристала къ двумъ богомолкамъ, шедшимъ въ Кіевъ, но на дорогѣ стала опускаться въ землю и призналась священнику, что она людей портила, дѣтей вымаривала и мѣсяць скрадывала. Священникъ ее проклялъ, и она окончательно провалилась сквозь землю съ гуломъ²⁾.

Весьма сходный рассказъ дѣтъ пять тому назадъ я слышать отъ одной 70-ти лѣтней старухи, крестьянки слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда. Весь май мѣсяць былъ сухой и знойный. Въ немногихъ мѣстахъ пробѣжали легкія тучки, съ плодотворнымъ, живительнымъ дождемъ. Отъ продолжительной засухи озимые хлѣба сильно пострадали; мѣстами, на пригоркахъ, и яровые выгорѣли. Въ объясненіе причины засухи всплыло наружу древнее народное повѣрье о колдовствѣ надъ тучами, причемъ рассказы о томъ, какъ и кто тутъ наколдовалъ варьируются на разные лады, съ мѣстными приуроченіями. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ фономъ, на которомъ народное воображеніе выводитъ самые разнообразные узоры.

Первый рассказъ передавался со словъ какого-то „человика зъ Никитовки“ (въ 8 или 10 верстахъ отъ Боромли). Содержаніе его въ короткихъ словахъ такое: три женщины шли въ Кіевъ на богомолье; подъ Кіевомъ онѣ сѣли отдохнуть; двѣ женщины потомъ встали, а третья никакъ не могла подняться. „Не могу йти, и сама не знаю чого“ говорила она. Пошли ея спутницы въ Кіевъ и объявили игумену, что онѣ оставили въ полѣ женщину, которая безъ всякой видимой причины не можетъ подняться съ земли. Игумень послалъ къ этой женщинѣ священника съ иконой и крестомъ. Священникъ нашелъ, что женщина до половины вошла въ землю. „Въ чемъ ты грѣшна?“ — спросилъ онъ. „Тилько и грѣхъ мій, що заговорила дощъ на три мѣсяца“ — сказала женщина. „Будь же ты проклята!“ — сказалъ священникъ, и баба съ шумомъ провалилась сквозь землю. „Треба бѣ зробити публикацію“ неожиданно закончила рассказчица. Она знакома съ „публикаціями“ по многолѣтнему судебному процессу, который ведетъ ея мужъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ за дугъ.

1) Kolberg, Lud, s. VIII, Kujaw. I, 102.

2) Садовниковъ. Сказки и преданія „Самар. Края“, 244.

Въ богатомъ русскомъ фольклорѣ есть одна замѣчательная пикантациа. Въ деревняхъ Торопецкаго уѣзда (Пековской губ.) дѣвушки наканунѣ Иванова или Петрова дня взбираются на крышу бани и заклинають вѣдьмъ, причемъ поють слѣдующую заклинательную пѣсню:

Зарожался три вѣдьмы
На Петра да на Ивана:
Первая вѣдьма законъ разлучаетъ,
Другая вѣдьма коровъ заклиняетъ,
Третья вѣдьма заломъ ломаетъ.
Первой вѣдьмѣ, что законъ разлучаетъ,
Ее по уши въ землю,
Ей прощенья нѣтъ!
Другой вѣдьмѣ, что коровъ заклиняетъ,
Ту по плечи въ землю,
Ей прощенья нѣтъ!
Третью вѣдьму, что заломъ ломаетъ,
Ту по поясъ въ землю,
Ей прощенья нѣтъ!
Вы катитесь вѣдьмы
За мхи, за болоты,
За гнилыя колоды,
Гдѣ люди не бають
Собаки не лають,
Кури не поють,
Вамъ тамъ и мѣсто ⁴⁾.

Къ этому заговору примыкають нѣкоторыя малорусскія купальскія пѣсни въ сборникѣ г-жи Мошинской, въ V т. „Zbiór wiadomości do antrop. krajow.“.

Проваль въ землю колдуна или большого грѣшника часто встрѣчается въ народной словесности и въ старинной письменности. Сюда примыкаетъ повѣсть о посадникѣ Щилѣ и старинное извѣстное по рукописи XVII в. преданіе о томъ, какъ бѣсоугодный чародѣй и оборотень Волхъ былъ удавленъ демонами въ рѣкѣ Волховѣ. Когда трупъ былъ выброшенъ водой на берегъ и похороненъ, то черезъ три дня онъ провалился сквозь землю (*Буслаевъ*, Историч. очерки, II, 8).

Нѣтъ достаточнаго основанія обрядовое качаніе связывать исключительно съ пикантациями. Точныхъ приуроченій въ фольклорѣ и археологической этнографіи приходится избѣгать, въ виду чрезвычайной подвижности матеріала, также въ силу того соображенія, что человѣкъ на первоначальныхъ стадіяхъ умственнаго развитія склоненъ былъ къ широкимъ обобщеніямъ и легко связывалъ разнородныя представленія и разнородные обряды.

⁴⁾ *Семевскій*, въ Зап. Геогр. Общ. 1864 Изв. и мат. 12.

Въ зависимости отъ темпа пѣнія, мѣрное качаніе встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, при исполненіи историческихъ пѣсень, свадебныхъ и др.

Любопытно, что раскачиваніе упоминается при первомъ историческомъ упоминаніи о малорусскихъ думахъ въ *Анналахъ Сарницкаго* подь 1506 г.: „Per idem tempus duo Strussii fratres adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi, occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quae Dumas russi vocant, canuntur, voce lugubri, et gestu canentium se in utramque partem motantium id, quod canitur, exprimentes, quin et tibiis infantis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“, т.-е. въ то же самое время захваченные волохами погибли два брата Струси, храбрые и воинственные молодые люди. О нихъ и теперь еще поютъ элегии, которыя русскіе называютъ думами. Излагая содержаніе пѣснн, поютъ ихъ печальнымъ напѣвомъ, покачиваясь со стороны на сторону. Мало того, деревенскій людъ, воспроизводя то же самое, наигрываетъ на сопилкахъ печальные мотивы“.

Мѣрное покачиваніе соблюдалось еще недавно въ свадебномъ ритуалѣ. Такъ, по описанію свадебнаго ритуала въ с. Полянѣ, Ахтырскаго у., Харьк. губ. (великорусскаго) свящ. Петра Мансюкова въ 8 № „Харьк. Епарх. Вѣд.“ 1869 г. отмѣчено, что, когда молодые на стоворѣ угощаютъ гостей водкой, то дѣвушки сначала поютъ печальную пѣсню, „покачиваясь всѣмъ корпусомъ вправо и влѣво“, а когда гость выпьетъ, поютъ веселую пѣсню съ крикомъ и прыганьемъ.

Основное гипнотизирующее значеніе пикантаций состоитъ въ томъ очарованіи, которое производитъ ритмическое движеніе. Недаромъ пѣніе съ качаніемъ вошло въ религіозные ритуалы стараго и новаго времени, и нынѣ въ широкой степени примѣняется у разныхъ народовъ.

Такъ, въ Манжуріи, по словамъ г-жи Лухмановой, присутствовавшей при лѣченіи знахаремъ больной китаянки, знахарь, подходя къ фанзѣ, сталъ присѣдать, кланяться и, бормоча что-то, раскачиваться всѣмъ туловищемъ ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе, какъ знахарь то подкупалъ демона болѣзни фальшивыми деньгами (бумажечками), то грозилъ ему и т. д.

Въ японскихъ монастыряхъ, при поклоненіи идоламъ боговъ-цѣлителей отъ болѣзней Ню, богомольцы просиживаютъ на колѣняхъ дни и ночи, раскачиваясь взадъ и впередъ, падая на землю и издавая крики ²⁾.

Подобнаго рода покачиванія встрѣчаются въ обрядности сибирскихъ шамановъ и мусульманскихъ дервишей.

Извѣстно, что въ организациіи человѣка глубоко заложено удовольствіе отъ ритма. Спенсеръ замѣтилъ, что всякое сильное душевное движеніе склонно воплощаться въ ритмическихъ движеніяхъ тѣла, а Герней идетъ далѣе и предполагаетъ, что всякая эмоція уже сама по себѣ ритмична ³⁾. Удовольствіе отъ ритма можно считать за одинъ изъ первичныхъ фактовъ. Несомнѣнно, что первобытные народы испытываютъ его ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ цивилизованные, съ той разницей, что у

¹⁾ Лухманова, Съ дороги, въ „Южн. Краѣ“ 1904 № 8176.

²⁾ Пеликанъ, Современная Японія.

³⁾ Э. Гроссе, Пропх. искусства, пер. г. Грузинскаго, 207.

цивилизованныхъ народовъ преобладаетъ рациональный элементъ, а у первобытныхъ мистическій и религіозный, что у цивилизованныхъ народовъ ритмическое движеніе имѣетъ значеніе чистаго удовольствія, а у первобытныхъ съ нимъ связываются религіозныя представленія, напр., идея мистическаго воздѣйствія на божество, солярныя имитациі и т. п.

Не входя въ подробную расцѣнку ритмическаго очарованія, мы позволимъ высказать лишь одно предположеніе или точнѣе поставить лишь вопросъ, не стоятъ ли инкантаціи во внутренней органической связи съ древнѣйшими погребальными обрядами, въ которые, какъ показываетъ разсказъ Ибнъ-Фозлана о похоронахъ знатнаго руса, входило пѣніе, движеніе взадъ и впередъ, круговращательныя танцы. Если допустить правильность предлагаемой гипотезы, то инкантаціи можно разсматривать, какъ отраженіе или искаженіе погребальнаго ритуала, и тогда станетъ понятнымъ, почему съ инкантаціями обыкновенно связывается мотивъ о провалѣ въ землю. При такомъ толкованіи, провалъ представляется лишь замѣной предполагаемаго погребенія заживо того лица, которое имѣло несчастье навлечь на себя гнѣвъ колдуна.

I. Современное состояніе научной разработки древнихъ архивныхъ матеріаловъ.

Д. Я. Самоквасовъ.

Полустолѣтіе тому назадъ профессоръ историкъ-юристъ К. Д. Кавелинъ слѣдующими словами характеризовалъ историческую литературу своего времени: „Ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину; писано, если хотите, довольно; но всѣ изслѣдованія поражаютъ безцвѣтностью, случайностью выбора; вопросы существенные, важные оставлены въ сторонѣ, мелочи поглотили все вниманіе изслѣдователей; отсюда никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи“¹⁾.

Прошла четверть вѣка. Не менѣе компетентный судья профессоръ исторіи русскаго права Ѳ. И. Леонтовичъ опредѣлилъ научную разработку памятниковъ древняго русскаго права такими словами: „По всѣмъ основнымъ вопросамъ нашей науки встрѣчаемъ массу возрѣній и ученій, съ самыми разнохарактерными и противоположными направленіями, возрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода“²⁾.

Прошла еще четверть вѣка. Несомнѣнно много знающій профессоръ исторіи русскаго права В. И. Сергѣевичъ, закончивъ свое новѣйшее капитальное изслѣдованіе по древностямъ русскаго права, посвящаетъ послѣднюю „книгу—главу“³⁾ анализу литературныхъ разногласій „по болѣе крупнымъ вопросамъ древняго быта“ (стр. 386) и находитъ, что по такимъ вопросамъ были высказаны въ литературѣ „два, три, четыре и даже болѣе мнѣній, взаимно одно другое исключаящихъ“⁴⁾.

Одинъ изъ нашихъ изслѣдователей-профессоровъ обратился къ архивнымъ источникамъ за рѣшеніемъ вопроса о значеніи древнихъ сябровъ, но „архивные матеріалы не дали автору ничего новаго“ (398). Другой профессоръ, обратившійся за рѣшеніемъ этого вопроса къ иноземнымъ источникамъ, „къ недоразумѣніямъ своихъ

¹⁾ Полн. Собр. Сочин., ч. I, стр. 310. Изд. 1859 г.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 г., июнь, стр. 201.

³⁾ Древности Русскаго Права; т. III, стр. 385—496. Изд. 1903 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 494.

предшественниковъ только прибавить цѣлый рядъ новыхъ, ничего не объяснивъ“ (408). Этотъ же профессоръ по вопросу о крестьянской общинѣ „принимаетъ мнѣніе объ исконной древности общины и мнѣніе о возникновеніи ея изъ правительственныхъ мѣропріятій (444) чисто механическое склеиваніе чужихъ мнѣній, взаимно одно другое исключаютъ, ничего не разъясняетъ, а можетъ быть причиною многихъ недоразумѣній“ (447). Причиною прикрѣпленія крестьянъ одинъ профессоръ признаетъ тяглость, другой старожильство, третій задолженность, а четвертый соединилъ вмѣстѣ три причины (449); въ изслѣдованіяхъ этого автора „много неяснаго, — ему удается осложнить и запутать самые простые вопросы и сдѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми“ (461). Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ посвятилъ свой трудъ доказательствамъ существованія патроната и феодальныхъ отношеній въ древней Руси, и этотъ трудъ „былъ встрѣченъ сочувственно критиками и рецензентами“; а по мнѣнію проф. Сергѣевича „тожество нашей вольной службы со службой феодаловъ и боярскихъ вотчинъ съ феодами такое же крупное недоразумѣніе, какъ и причисленіе патроната и иммунитетовъ къ системѣ феодальныхъ учрежденій“ (475). Другой новѣйшій изслѣдователь положилъ въ основу своего труда неизданные источники; къ обработкѣ архивныхъ документовъ онъ въ широкой мѣрѣ примѣняетъ статистическій пріемъ и обогащаетъ свой трудъ множествомъ таблицъ (476); но „его таблицы ровно ничего не доказываютъ, кромѣ полной неопытности автора по части статистическихъ выкладокъ“ (478,482).

Причины ученыхъ разногласій по болѣе крупнымъ вопросамъ нашего древняго быта профессоръ Сергѣевичъ усматриваетъ „въ способахъ изслѣдованія и личныхъ свойствахъ изслѣдователей.., въ отсутствіи единообразной подготовки дѣятелей.., въ недостаткѣ школы: мы мало и плохо учимся“ (495, 496).

Намъ кажется, что причины современной намъ слабой научной разработки памятниковъ исторіи и исторіи права московскаго государства, указанныя профессоромъ Сергѣевичемъ, не основныя, а производныя, основными причинами представляются намъ печальное современное состояніе нашихъ архивовъ древнихъ актовъ и нашей археографіи, при которомъ невозможны рациональное университетское преподаваніе русской исторіи и исторіи русскаго права и успѣшная подготовка молодыхъ людей къ ученой дѣятельности въ сферѣ историко-юридической специальности.

Высочайше утвержденныя правила университетскихъ экзаменовъ, напечатанныя въ № 184 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1885 годъ, требуютъ отъ испытуемаго по исторіи русскаго права „*основательнаго знакомства съ исторіею постепеннаго развитія основныхъ институтовъ правъ государственнаго, уголовнаго, торговаго, финансоваго и церковнаго, при чемъ испытуемый долженъ знать не только положеніе сказанныхъ институтовъ въ разныя историческія эпохи, но и умѣть объяснить причины ихъ измѣненій*; а для сего отъ испытуемаго требуется знаніе какъ политической, такъ и внутренней, бытовой исторіи русскаго народа. Сверхъ того требуется знаніе важнѣйшихъ источниковъ и памятниковъ русскаго права. Испытуемый долженъ знать исторію и содержаніе этихъ памятниковъ, а также знаніе ихъ для дальнѣйшаго развитія русскаго права. При устномъ и письменномъ испытаніи *требуются доказательства изуче-*

нія текста Русской Правды, Псковской грамоты и одного изъ судебныхъ, а также опытность въ экзегесѣ ихъ текстовъ“.

Теоретически эти требованія вполнѣ основательны, но невозможно удовлетворить имъ на практикѣ при современномъ состояніи русской археографіи и русскихъ архивовъ. Нельзя требовать отъ студентовъ фактическаго знанія исторіи памятниковъ и основныхъ институтовъ русскаго права, когда знанія университетскихъ профессоровъ по признанію компетентныхъ судей, представляютъ собою по основнымъ вопросамъ науки „лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ“, „два, три, четыре и даже болѣе мнѣній, одно другое исключаютъ“; нельзя требовать отъ студентовъ знанія внутренней, бытовой исторіи русскаго народа, когда акты дѣлопроизводства древнихъ государственныхъ учреждений, представляющіе собою фактической матеріаль по исторіи внутренняго быта русскаго народа, не собраны, не разобраны, не описаны, не изданы, не доступны для научной разработки; нельзя требовать отъ профессора соединенія въ университетскомъ преподаваніи исторіи русскаго права лекціоннаго способа съ экзегетическимъ, когда напечатанныя средства познанія древняго русскаго права разбросаны безъ научной системы, безъ указателей во множествѣ изданій, которыхъ профессору невозможно собрать, изучить и приложить къ преподаванію древняго русскаго права способомъ аудиторіальной экзегесы.

По изданіи „экзаменныхъ требованій 1885 года“ исторія русскаго права преподавалась въ университетахъ прежнимъ лекціоннымъ способомъ: студенты знакомились съ наукою только по лекціямъ своихъ профессоровъ, и скоро забывали ихъ курсы, потому что нельзя студенту изучать и знать древніе законы, не имѣя передъ глазами подлинныхъ текстовъ и безъ объясненія ихъ подъ руководствомъ профессора, какъ нельзя изучать и знать по теоретическимъ лекціямъ строенія человѣческаго тѣла, систематики растений, положенія географическихъ урочищъ, не имѣя передъ глазами трупа, растений, рисунка, карты, объясняемыхъ специалистомъ.

Бывшій профессоръ-юристъ Н. П. Боголѣповъ, занявъ постъ министра, сдѣлалъ распоряженіе о дополненіи лекціоннаго способа преподаванія юридическихъ наукъ практическими занятіями профессоровъ со студентами; но на практикѣ въ отношеніи исторіи русскаго права это распоряженіе выразилось въ формѣ вечернихъ 2 часовыхъ занятій приватъ-доцентовъ съ группами студентовъ, чередующимися черезъ двѣ недѣли, бесполезныхъ для научнаго преподаванія исторіи русскаго права способомъ аудиторіальной экзегесы. Несмотря на практическія занятія этого рода, студенты выходятъ изъ университета безъ непосредственнаго знакомства съ содержаніемъ памятниковъ древняго русскаго права и порядкомъ дѣятельности древнихъ государственныхъ учреждений.

Молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ, профессора посылаютъ для изготовленія диссертацийъ въ архивы древнихъ актовъ, даже не зная тѣхъ матеріаловъ, какіе потребуются для рѣшенія данныхъ задачъ, а слѣдовательно, оставляя начальныя ученныя работы молодыхъ людей безъ опытнаго руководства. Магистрантъ долженъ по архивнымъ матеріаламъ изготовить диссертацию въ срокъ своей стипендіи, недостаточный даже для того, чтобы научиться читать, понимать и правильно

называть акты XIV-XVII столѣтій по даннымъ вопросамъ, а не только утилизировать ихъ для научнаго рѣшенія такихъ вопросовъ.

Является магистрантъ, на примѣръ, въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, запасается „Памятною Книжкою“ архива и по своей неопытности требуетъ столбецъ даннаго архивнаго отдѣла, указаннаго въ „Памятной Книжкѣ“; но требуетъ этотъ документъ только для того, чтобы немедленно возвратитъ обратно, даже безъ попытки ознакомиться съ содержаніемъ актовъ, потому что письмо столбца для него—китайская грамота, а на развертку, свертываніе и приведеніе актовъ столбца въ тотъ порядокъ, при которомъ можно было бы извлечь изъ этого сборника древнихъ актовъ свѣдѣнія по данному научному вопросу, требуется затрата такого количества времени и труда, какимъ не располагаютъ лица, являющіяся въ архивы съ научными цѣлями. Требуется магистрантъ документъ другой формы, на примѣръ, писцовую книгу; она также для него—китайская грамота и по формѣ письма и по его содержанію состоящему изъ непонятныхъ древнихъ словъ и выраженій; „мучится“ онъ надъ пониманіемъ даже такихъ простыхъ формулъ писцовыхъ книгъ, какъ формула: „а въ дву по тому же“; а такое начало архивныхъ занятій побуждаетъ начинающаго ученаго иногда къ перемѣнѣ темы своей диссертациі, а иногда и къ выходу изъ университетской среды.¹⁾ Другимъ молодымъ людямъ удается, при помощи отвлеченія отъ должностныхъ работъ архивариусовъ, ихъ помощниковъ и писцовъ, въ два-три года составить „ученую“ работу въ размѣрѣ 20—40 печатныхъ листовъ, представляющую собою обыкновенно безпорядочный сборникъ матеріала, произвольно толкуемаго. Въ области положительныхъ наукъ профессора довольствуются диссертациями малаго объема, съ законченною по силамъ автора фактической разработкою данной темы; такую диссертацию члены факультета имѣютъ возможность провѣрить и оцѣнить по достоинству; историко-юридическія диссертациі, при громадности своего размѣра, никогда не заканчиваютъ разработку своихъ задачъ; а выводы, основанные на архивномъ матеріалѣ, не провѣряютъ фактически ни университетскіе оппоненты, ни частные рецензенты, присуждающіе академическія преміи: для такой провѣрки у нихъ не достаетъ времени и знанія архивныхъ источниковъ.

Результатомъ такого порядка университетской подготовки молодыхъ людей къ ученой дѣятельности является скудость въ ученыхъ специалистахъ по исторіи русскаго права до такой степени, что министерскія распоряженія и университетскія конкурсы лишены возможности замѣщать свободныя кафедры лицами ученой степени, требуемой закономъ; а по недостатку профессоровъ юридическіе факультеты вынуждены поручать чтеніе общихъ обязательныхъ курсовъ по свободнымъ кафедрамъ приватъ-доцентамъ, неимѣющимъ даже магистерской степени; студенты вынуждены слушать обязательные курсы и экзаменоваться у лицъ, не имѣющихъ права на профессуру по университетскому уставу; а молодые преподаватели поставлены въ невозможность доучиться и получить ученую степень: обремененные чтеніемъ об-

¹⁾ См. Ж. М. Н. П. за 1902 г. Май. Совр. Лѣт.: стр. 26, 27

щих обязательныхъ курсовъ и вечерними практическими занятіями со студентами они лишены возможности готовить свои ученія работы и лекціи по первоисточникамъ.

Университетское преподаваніе исторіи русскаго права основано почти исключительно на изданныхъ памятникахъ законодательства; а древнее законодательство не только содержитъ въ себѣ много формулъ, выражений и словъ, давно вышедшихъ изъ употребленія и измѣнившихъ древнее значеніе, но представляетъ и другія преграды для пониманія въ наше время древнихъ правовыхъ институтовъ; умалчиваетъ о многихъ институтахъ, несомнѣнно существовавшихъ въ народной юридической жизни, но не требовавшихъ законодательной регламентаціи по своей общеизвѣстности въ то время; а упоминая о тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, древній законъ не останавливался на опредѣленіи ихъ организаціи, компетенціи, порядкѣ дѣятельности и формахъ дѣлопроизводства.

Напримѣръ, Судебники не содержатъ въ себѣ постановленій объ устройствѣ и порядкѣ дѣятельности боярскаго думы, земскихъ соборовъ, приказовъ высшаго, центральнаго и мѣстнаго управленія, порядкѣ намѣстническаго управленія и суда, организаціи военныхъ силъ, порядкѣ пріобрѣтенія и передачи поземельной собственности, юридическихъ отношеній землевладѣльцевъ къ государству и о многихъ другихъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ, несомнѣнно существовавшихъ въ юридической жизни Московскаго государства. Упоминая судъ государя и его дѣтей, судъ приказовъ, судъ намѣстниковъ, и волостелей съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда и судъ смѣстный, Судебники не указываютъ началъ, опредѣлявшихъ подсудность каждому изъ нихъ и порядокъ суда въ низшихъ и высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Упоминая о помѣстьяхъ и вотчинахъ, Судебники умалчиваютъ о происхожденіи помѣстнаго и вотчиннаго права, формахъ и содержаніи актовъ установленія, удостовѣренія и укрѣпленія помѣстныхъ и вотчинныхъ правъ, юридическихъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами и землевладѣльцевъ и крестьянъ къ государству. Извѣстная статья Судебниковъ „о крестьянскомъ отказѣ“, по неопредѣленности значенія въ ней словъ „крестьяне“ и „отказъ“ породила обширную литературу, тракующую о свободѣ перехода *всѣхъ разрядовъ* крестьянъ Московскаго государства XIV—XVI вѣка отъ одного землевладѣльца къ другому и о причинахъ происхожденія крѣпостнаго права въ Московскомъ царствѣ XVII вѣка, причемъ изслѣдователи признаютъ такую причиною новое государственное тягло, старожильство крестьянъ на данной землѣ, крестьянскую задолженность землевладѣльцамъ, царскій указъ; но все это литературныя догадки, а содержаніе Судебниковъ не даетъ указаній на время и причину прикрѣпленія крестьянъ Московскаго царства. Такою же загадочностью отличаются и многіе другіе постановленія древняго законодательства, порождающіе литературныя разногласія нашего времени по основнымъ вопросамъ исторіи права Московскаго царства.

Средствомъ фактическаго пополненія и разъясненія древняго законодательства являются „дѣла“ государственныхъ учреждений, хранящіяся въ архивахъ древнихъ актовъ; но научная разработка актовъ этого рода встрѣчаетъ въ наше время непре-

одолимыя для ученыхъ изслѣдователей преграды въ беспорядочности архивовъ, разрозненности однородныхъ матеріаловъ по разнымъ хранилищамъ и въ отсутствіи архивныхъ описей, ограничивающемъ ученія работы въ архивахъ древнихъ актовъ немногими отдѣлами документовъ, уже описанныхъ и частью изданныхъ.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, хранящемъ дѣлопроизводства многихъ приказовъ Московскаго царства, работы ученыхъ изслѣдователей послѣднихъ десятилѣтій были сосредоточены почти исключительно на трехъ архивныхъ отдѣлахъ, имѣющихъ описи: документахъ Литовской Метрики, такъ называемыхъ „грамотахъ“ Коллегіи Экономіи и писцовыхъ книгахъ. Но грамоты Коллегіи Экономіи, несомнѣнно высоко-цѣнный научный матеріалъ, представляютъ собою почти исключительно акты установленія и удостовѣренія *вотчинныхъ* правъ и содержатъ много выраженій и словъ, допускающихъ разное пониманіе, неясныхъ безъ знанія актовъ дѣлопроизводства, имъ предшествовавшихъ: книгъ обыскныхъ, отдѣльныхъ, описныхъ, отписныхъ, селидебныхъ, отвозныхъ и др.; а книги этого рода остаются неизданными и даже неизвѣстными современной историко-юридической литературѣ. Писцовыя же книги не содержатъ въ себѣ юридическаго матеріала даже въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ имѣется въ грамотахъ Коллегіи Экономіи: не имѣется въ нихъ указаній на причины и условія происхожденія чернаго, дворцоваго, вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія и на содержаніе актовъ дѣлопроизводства, правительственныхъ учреждений, предшествовавшихъ составленію писцовыхъ книгъ и служившихъ матеріаломъ для писцовъ; а безъ знанія матеріаловъ этого рода изученіе писцовыхъ книгъ даетъ историко-юридической литературѣ только „лабиринтъ теорій“ „спорные выводы, уничтожающіе другъ друга“, и „таблицы, ровно ничего не доказывающія“.

Большими дефектами страдаетъ и современная постановка археографическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Всѣ наши ученія учрежденія, отъ Академіи Наукъ и Археографическихъ Комиссій до губернскихъ Архивныхъ Комиссій, издававшіе документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, не имѣя въ своей средѣ лицъ, специально преданныхъ археографическому дѣлу и способныхъ разбирать древніе архивные матеріалы для изданія, поручали выборъ и печатаніе архивныхъ матеріаловъ архивистамъ, ограничивая въ немъ свое участіе уплатою вознагражденія за выборку, переписку и корректуру издаваемыхъ актовъ.

Результатами такой постановки археографическаго дѣла являются: 1) сплошная переписка и печатаніе безъ выбора всѣхъ документовъ данныхъ архивныхъ отдѣловъ мало полезное превращеніе массы рукописнаго матеріала въ библиотечный, 2) печатаніе отрывочныхъ документовъ, случайно попадавшихъ подъ руки архивистамъ и казавшихся имъ по чему либо интересными, 3) нарушеніе въ Архивѣ служебной дѣятельности по разбору и описанію документовъ и составленію алфавитовъ.

Напримѣръ, писцовыя книги были издаваемы въ Петербургѣ безъ палеографическихъ указаній, характеризующихъ рукописи, безъ личныхъ топографическихъ и предметныхъ указателей и безъ „главъ“ и вступленій, предшествующихъ текстамъ подлинниковъ, а потому пользоваться съ научными цѣлями изданными писцовыми

книгами труднѣе, нежели подлинными книгами, хранящимися въ Архивѣ и имѣющими описи—„главы“.

Печатаніе въ Петербургѣ Академіей Наукъ пяти томовъ „Докладовъ и Приговоровъ Сената“ длилось 27 лѣтъ, а напечатаны только акты сенатскаго дѣлопроизводства за 1711—1715 годы; слѣдовательно для окончанія предположеннаго изданія докладовъ и приговоровъ Сената времени Петра Великаго потребовалось бы еще до 100 лѣтъ. Сколько же потребуется времени и расходовъ для изданія по принятому Академіей порядку докладовъ и приговоровъ Сената по 1800 годъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи? Съ другой стороны печатаніе актовъ дѣлопроизводства Сената „въ строго хронологическомъ порядкѣ“, безъ всякаго выбора и съ нарушеніемъ того естественнаго порядка, въ какомъ дѣлопроизводства Сената хранились въ его архивѣ, уничтожило распредѣленіе актовъ по отдѣламъ, характеризующимъ отношенія Сената къ Синоду, коллегіямъ, губерніямъ, и дало въ печати на казенныя средства 9/10 актовъ повторительныхъ и неимѣющихъ научнаго и практическаго интереса.

Академическое изданіе „Акты Московскаго Государства“ подвергла критикѣ сама Академія, въ лицѣ своего представителя А. С. Лаппо-Данилевскаго, который въ „Планѣ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII в.“ высказалъ: „И по окончаніи изданія Актовъ Московскаго Государства изслѣдователю, изучающему дѣлопроизводство Разряда, трудно будетъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ Актамъ и придется посвятить не мало времени на архивныя розысканія, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи приступить къ построенію исторіи Разряднаго приказа или аналогическихъ съ нею темъ“. Академія согласилась съ такимъ заключеніемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго и поручила ему сплошное поуѣздное печатаніе „грамоть“ Коллегіи Экономіи,—архивнаго отдѣла, уже достаточно извѣстнаго нашей археографіи и историко-юридической литературѣ, такъ какъ изъ этого архивнаго отдѣла уже напечатаны болѣе трехъ тысячъ актовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ изданіяхъ Петербургской Комиссіи, Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Московскаго Архива Министерства Юстиціи, губернскихъ архивныхъ ученыхъ Комиссій и въ описаніяхъ монастырей.

Дефекты въ подлинникахъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, изданныхъ въ Петербургѣ, такъ многочисленны, что ихъ перечислить невозможно. Ограничусь примѣрами:

Въ приправочной книгѣ „письма и мѣры Василья Волинскаго съ товарищи“, напечатанной Русскимъ Географическимъ Обществомъ во второмъ отдѣленіи первой части писцовыхъ книгъ Московскаго государства (стр. 567—831), первая половина подлинника, соотвѣтствующая 567—670 страницамъ печатнаго текста, оказалась вырѣзанною изъ переплета и до настоящаго времени не возвращена изъ Петербурга. Сличеніе сохранившейся половины подлинника съ печатнымъ текстомъ показало, что этотъ документъ изданъ до такой степени неисправно, съ такими пропусками, отступленіями отъ подлинника и искаженіями личныхъ и топографическихъ именъ, что требуется его переизданіе въ научныхъ интересахъ, а это уже невозможно за утратою

подлинника. Другая древнѣйшая книга „письма и мѣры Ивана Жеребцова съ товарищи“, высланная въ Петербургъ и напечатанная въ сказанномъ изданіи (стр. 1073—1260), несмотря на неоднократные поиски, до настоящаго времени не розыскана и не возвращена въ Архивъ. Въ печатномъ текстѣ этой книги сдѣланы такія же отступленія отъ подлиннаго текста, какъ и въ изданіи книги письма и мѣры Василія Волинскаго (см. примѣч. редак. на стр. 1075, 1080, 1097 и др.). На страницѣ 1135 имѣется слѣдующее примѣчаніе редактора: „Женою Хвоцинскаго, какъ видно изъ оглавленія фамилій помѣщиковъ, находящагося передъ писцовой книгою“; слѣдовательно, въ подлинникѣ утраченной книги была опись ея содержанія, но редакторъ не нашелъ нужнымъ напечатать эту опись, занимавшую 51 листъ и нынѣ утраченную вмѣстѣ съ текстомъ всей книги. Сборникъ древнѣйшихъ актовъ Малороссійскаго Приказа, высланный въ Петербургскую Археографическую Комиссію 25 лѣтъ тому назадъ, былъ выданъ Комиссіей историку Костомарову для домашнихъ занятій; а недавно, послѣ долгихъ поисковъ, былъ найденъ въ частной библіотекѣ Мордовцева и возвращенъ въ Архивъ. Столбцы, высланные изъ Архива съ археографическими цѣлями въ Орловскую губернскую Архивную Комиссію, возвращены разбитыми и съ такими дефектами, что порядокъ актовъ и цѣлость многихъ дѣлъ невозможно возстановить. Въ такомъ же состояніи возвращены въ Архивъ многіе столбцы, высланные для изданія въ Петербургскую Археографическую Комиссію и оставшіеся тамъ десятилѣтія. Двѣ книги архива Литовской Метрики, состоящаго подъ особой охраной, высланные изъ Архива въ Археографическую Комиссію съ археографическими цѣлями, были выданы Комиссіей профессору Бершадскому для домашнихъ занятій. Для ускоренія выборки актовъ для академическаго изданія разрѣшено было одному изъ архивныхъ чиновниковъ брать изъ Архива издаваемые документы для домашнихъ занятій; а послѣ смерти этого чиновника въ его квартирѣ найдены болѣе ста столбцовъ Московскаго стола Разряднаго приказа въ такомъ беспорядкѣ, что описательное отдѣленіе Архива затратило болѣе трехъ мѣсяцевъ на возстановленіе нарушеннаго порядка въ распредѣленіи актовъ по столбцамъ и дѣламъ, а точное опредѣленіе прежняго мѣста многихъ листовъ въ разбитыхъ столбцахъ оказалось невозможнымъ...

Систематическое ученое изданіе архивныхъ матеріаловъ обусловлено предварительнымъ изученіемъ книгъ, столбцовъ, вязокъ, дѣлъ и актовъ издаваемыхъ архивныхъ отдѣловъ. Только такимъ предварительнымъ трудомъ, разборомъ и систематизаціей древнихъ документовъ специалистомъ возможно предупредить бесполезную трату рабочихъ силъ и матеріальныхъ средствъ на печатаніе массы повторительныхъ древнихъ актовъ и неимѣющихъ научнаго и практическаго интереса. Но специалистовъ археографіи, преданныхъ изученію содержанія архивовъ древнихъ актовъ и способныхъ научно классифицировать и систематически издавать древніе архивные матеріалы, у насъ не имѣется, потому что не имѣется въ государствѣ специальной подготовки къ архивной службѣ,—отсутствуетъ въ университетахъ преподаваніе архивовѣдѣнія и не имѣется школъ архивовѣдѣнія при архивахъ древнихъ актовъ.

Магистранты и докторанты, являющіеся въ архивы древнихъ актовъ для уче-

ныхъ занятій, печатая отрывочные акты въ приложеніяхъ къ своимъ магистерскимъ и докторскимъ диссертаціямъ, въ предисловіяхъ къ нимъ и въ періодической прессѣ обыкновенно заявляютъ объ открытіяхъ, какія имъ удалось сдѣлать при помощи данныхъ архиваріусовъ или ихъ помощниковъ, каковымъ и изъясняется благодарность за эту помощь. Заявленіе этого рода должно понимать въ томъ смыслѣ, что архиваріусы и ихъ помощники отвлекаются отъ служебныхъ работъ лицами, собирающими матеріалы для своихъ диссертацій. Ученые изслѣдователи своимъ личнымъ трудомъ никакихъ „открытій“ въ Архивѣ дѣлать не могутъ, потому что по архивнымъ правиламъ имъ выдаются только документы описанные; а къ неразобраннымъ и неописаннымъ документамъ архивнаго хранилища, гдѣ возможны открытія, постороннія Архиву лица не допускаются.

По сказаннымъ причинамъ, кажется намъ, несмотря на многія ученые диссертаціи, составленныя въ послѣднія десятилѣтія по документамъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, авторы которыхъ получили академическія преміи, ученые степені и университетскія профессуры, ученая разработка памятниковъ исторіи и исторіи права недалеко ушла отъ состоянія, характеризованнаго полустолѣтіе тому назадъ словами К. Д. Кавелина: „Ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину...“

По нашему мнѣнію, такое состояніе научной обработки древнихъ памятниковъ русской исторіи и исторіи русскаго права будетъ длиться до того времени, когда въ нашемъ отечествѣ будутъ учреждены, для спеціальной подготовки къ трудному и важному дѣлу разбора, систематизаціи, описанія и изданія архивныхъ матеріаловъ, университетскія профессуры архивовѣдѣнія и школы архивовѣдѣнія, подобныя существующимъ нынѣ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ.

Свѣдѣнія нашего общества о научномъ значеніи разбора, описанія, изданія и научной обработкѣ древнихъ архивныхъ матеріаловъ до такой степени слабы, что даже профессорскія коллегіи относятся равнодушно къ современному нестроенію архивнаго дѣла въ Россіи, и съ своей стороны не принимаютъ никакихъ мѣръ къ его реорганизаціи соотвѣтственно требованіямъ современной науки и потребностямъ университетскаго преподаванія. Въ 1901 году, при обсужденіи въ московскомъ юридическомъ факультетѣ вопросовъ извѣстной программы бывшаго министра П. С. Ванновскаго, относившихся къ организаціи факультетскихъ преподавательскихъ силъ и порядка преподаванія, было предложено факультету избрать комиссію для обсуждения вопроса объ учрежденіи въ Москвѣ, гдѣ сосредоточены архивные матеріалы съ XIV по XIX стол., профессуры архивовѣдѣнія и о заграничной командировкѣ одного изъ факультетскихъ магистрантовъ для спеціальной подготовки къ этой профессурѣ, такъ какъ *въ архивахъ хранится юридическій матеріалъ — письменные акты дѣятельности древнихъ государственныхъ учреждений, акты установленія, удостовѣренія и укрѣпленія правъ, — научное описаніе которыхъ, систематизація, изданіе и обработка доступны только юристу спеціального образованія.* Юридическій факультетъ большинствомъ отклонилъ это предложеніе съ совѣтомъ обратиться съ нимъ въ историко-филологическій факультетъ, гдѣ, по его мнѣнію, учрежденіе профессуры

архивовѣдѣнія было бы умѣстнѣе. Конечно, за этимъ совѣтомъ нельзя было послѣдовать, потому что въ историко-филологическомъ факультетѣ не преподаются науки юриспруденціи. Въ томъ же факультетѣ въ текущемъ 1905 году послѣдовалъ фактъ еще болѣе странный: по порученію Министра Народнаго Просвѣщенія факультетъ серьезно предложилъ сверхштатному профессору по кафедрѣ исторіи русскаго права преподавать студентамъ науки археологію и архивовѣдѣніе въ годичномъ 2-часовомъ курсѣ.

II. „Архивный Матеріалъ“.

Въ нашихъ архивахъ древнихъ актовъ имѣются богатые фактическіе матеріалы по исторіи и исторіи права Московскаго государства, неизвѣстные археографіи и историко-юридической наукѣ, настоятельно требующіе систематическаго разбора, описанія, изданія и научной разработки. Фактическимъ доказательствомъ тому служитъ первый томъ „Архивнаго Матеріала“, изданный Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи ко времени открытія XIII-го русскаго Археологическаго Съѣзда и содержащій въ себѣ перечни и частью тексты документовъ Московскаго государства XV—XVII столѣтій, открытыхъ въ сказанномъ Архивѣ за послѣднее десятилѣтіе.

Предпринятый нами пересмотръ книгъ и столбцовъ по городамъ Новгороду, Пскову, Торопцу, Великимъ-Лукамъ и нѣкоторыхъ другихъ архивныхъ отдѣловъ показалъ, что многія группы документовъ и даже цѣлые архивы учреждений Московскаго царства сокрыты подъ ошибочными названіями, а потому неизвѣстны археографіи и историко-юридической наукѣ. Къ нимъ принадлежатъ: книги и свитки разнороднаго содержанія бывшаго архива Помѣстнаго стола Новгородской Съѣзжей избы; документы разнороднаго содержанія формы книгъ и столбцовъ бывшаго архива Помѣстнаго стола Псковской Съѣзжей избы; разнородные документы въ формѣ книгъ бывшаго архива Новгородской Дворцовой избы; документы формы столбцовъ бывшаго Псковскаго Писцоваго архива; документы формы книгъ, представляющихъ собою сборники актовъ мѣстнаго исполнительнаго дѣлопроизводства Московскаго стола Помѣстнаго приказа; документы формы книгъ и столбцовъ, содержащихъ акты дѣлопроизводства по запискѣ вотчинъ, дачѣ помѣстій и др.

Особый интересъ по древности, разнородности и научной цѣнности представляютъ собою новооткрытые книги и столбцы новгородскихъ архивовъ эпохи Московскаго государства.

Извѣстнымъ пожаромъ 1626 года были сожжены архивы московскихъ приказовъ; пожаръ 1609 года уничтожилъ архивъ псковской Съѣзжей избы; пожары, военные событія и правила уничтоженія „ненужныхъ архивныхъ дѣлъ“, изданныхъ въ 50-хъ и особенно въ 60-хъ годахъ XIX вѣка по учрежденіямъ всѣхъ вѣдомствъ, настолько разрушили наши провинціальныя архивы, что находки въ нихъ документовъ XVII

вѣка представляютъ собою рѣдкія явленія ¹⁾; находки же документовъ XVI вѣка и первой четверти XVII вѣка во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ до настоящаго времени были такъ рѣдки, что признается обязательнымъ изданіе всѣхъ документовъ времени до московскаго пожара 1626 года.

Въ послѣднемъ десятилѣтіи во второмъ отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи открыты два новгородскихъ архива: дворцовый въ официальныхъ копіяхъ и помѣстно-вотчинный въ подлинникахъ, содержащихъ такое множество документовъ времени до московскаго пожара 1626 года, конца XV, XVI и первой четверти XVII столѣтій, что полное ихъ изданіе потребовало бы большихъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ ²⁾, какими не располагаетъ Архивъ.

Высочайше утвержденнымъ 15 іюня 1887 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта на Московскій Архивъ Министерства Юстиціи возложена обязанность научной разработки и изданія архивныхъ дѣлъ и документовъ и важнѣйшихъ архивныхъ описей. По тому же закону обязанности Архива заключаются: въ храненіи и приѣмѣ на храненіе дѣлъ и документовъ по 1800 годъ изъ упраздненныхъ судебныхъ учреждений, въ разборѣ и описаніи хранящихся въ Архивѣ дѣлъ и документовъ, въ выдачѣ ихъ для занятій постороннимъ лицамъ, въ изготовленіи, выдачѣ и доставленіи справокъ и выписей, снятіи копій съ гербовъ и родословныхъ и въ повѣркѣ документовъ по требованіямъ правительственныхъ установленій и по прошеніямъ частныхъ лицъ.

Рабочую силу Архива по исполненію сказанныхъ обязанностей составляютъ 8 чиновниковъ описательнаго отдѣленія, занятыхъ разборомъ и описаніемъ документовъ Разряднаго приказа, и 9 чиновниковъ справочныхъ отдѣленій, едва успѣвающихъ исполнять свои справочныя обязанности; а на печатаніе изданій Архива ассигновано только тысяча рублей въ годъ, затрачиваемая на печатаніе описей документовъ Разряда, составляемыхъ описательнымъ отдѣленіемъ.

Для исполненія обязанности по научной разработкѣ и изданію древнихъ документовъ, дѣлъ и актовъ не имѣется въ Архивѣ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, а потому возбуждено было установленнымъ порядкомъ ходатайство о расширеніи рабочей силы Архива археографическимъ отдѣленіемъ, специально предназначеннымъ для разбора, описанія, систематизаціи и изданія новооткрытыхъ документовъ второго отдѣленія Архива, составлявшихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ содержаніе архивовъ новгородской Дворцовой избы, Помѣстнаго стола новгородской Съѣзжей избы, Помѣстнаго стола псковской Съѣзжей избы, псковскаго писцоваго архива и Московскаго стола Помѣстнаго приказа. Ходатайство встрѣчено сочувственно въ министерскихъ сферахъ, и уже составленъ былъ проектъ представленія по этому дѣлу въ Государственный Совѣтъ; но японская война остановила дальнѣйшее движеніе этого дѣла.

¹⁾ См. Д. Самохвасова: Архивное Дѣло въ Россіи; кн. II, приложение.

²⁾ См. гл. I—III „Архивнаго Матеріала“.

Не имѣя возможности отвлечь кого бы то ни было изъ штатныхъ чиновниковъ Архива для разбора, научной разработки и изданія архивнаго матеріала безъ нарушенія установленнаго порядка дѣятельности описательнаго, справочныхъ и канцелярскаго отдѣленій, мы приступили къ разбору, описанію и изданію сказанныхъ новооткрытыхъ документовъ конца XV—XVII столѣтій при средствахъ, дозволяющихъ намъ сдѣлать только малую долю того, что можно было бы сдѣлать при достаточныхъ личныхъ и матеріальныхъ средствахъ, требуемыхъ труднымъ и важнымъ дѣломъ систематическаго научнаго изданія древнихъ архивныхъ документовъ, основаннаго на предварительномъ разборѣ множества дѣлъ и актовъ, беспорядочно размѣщенныхъ и снабженныхъ невѣрными названіями и датами.

Первый отдѣлъ перваго тома нашего „Архивнаго Матеріала“ посвященъ преимущественно документамъ, выясняющимъ происхожденіе и значеніе двухъ формъ землевладѣнія въ Новгородской землѣ, возникшихъ по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ въ 1478 году: дворцовыхъ волостей и жалованныхъ помѣстей. Во второмъ отдѣлѣ перваго тома напечатаны дословно тексты нижеслѣдующихъ новооткрытыхъ грамотъ и дѣлъ, характеризующихъ происхожденіе жалованныхъ помѣстій въ Новгородской землѣ, формы и содержаніе актовъ установленія, удостовѣренія и укрѣпленія помѣстныхъ правъ и порядокъ дѣлопроизводства Помѣстнаго стола новгородской Сѣзжей избы по дачѣ и отдѣлу помѣстій, выдачѣ помѣстныхъ грамотъ служилымъ людямъ и судебнымъ тяжбамъ между помѣщиками:

11 жалованныхъ грамотъ	1482—1572 г.
2 отдѣльныя грамоты	1502—1503 г.
45 отдѣльныхъ выписей	1561—1570 г.
12 послушныхъ грамотъ	1553—1573 г.
103 ввозныя грамоты	1571—1584 г.
Грамота объ „отказѣ“—передачѣ помѣщику крестьянскимъ старостою охранныхъ деревень	1563 г.
Дѣло полюбовнаго раздѣла помѣстья между совладѣльцами	1572 г.
11 дѣлъ по отдѣлу помѣстій и выдачѣ ввозн. грам.	1572—1584 г.
Судное дѣло между сосѣдними помѣщиками	1588 г.

Для характеристики въ изданіи содержанія и формы архивныхъ сборниковъ, сказанные акты напечатаны нами въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ записныхъ книгахъ и съ сохраненіемъ названій, данныхъ этимъ актамъ древними писцами; но съ цѣлью облегчить читателю пользованіе изданными актами въ историческомъ порядкѣ мы прилагаемъ „Хронологическій указатель“, въ которомъ изданные акты расположены въ исторической послѣдовательности, а ихъ названія, опущенныя или невѣрныя въ записяхъ, дополнены и замѣнены соответствующими формъ и содержанію актовъ.

Свѣдѣнія о виѣшнихъ признакахъ издаваемыхъ документовъ, важныя для архивной исторіи, и указанія палеографическія помѣщаются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. На палеографическихъ признакахъ каждаго акта въ отдѣльности нашему изданію останавливаться нѣтъ надобности, потому что всѣ его акты точно датированы.

несомнѣнные подлинники и официальные копии. Главная задача первого тома „Архивнаго Матеріала“ состоитъ въ указаніи новооткрытыхъ архивныхъ описей XVII и XVIII столѣтій и документовъ по исторіи права Московскаго государства, оставшихся до настоящаго времени неизвѣстными археографіи и историко-юридической литературѣ¹⁾.

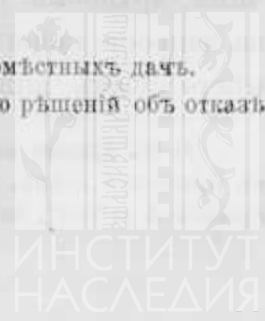
ВЪ ИСТОРИИ ПРИБЛИЖЕНІЯ АРХИВОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ ПРИБЛИЖЕНІЯ АРХИВОВЪ

Въ исторіи приближенія архивовъ... (The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a list or a detailed description of archival materials, but the specific words are difficult to discern.)

¹⁾ Одновременно съ изданіемъ первого тома „Архивнаго Матеріала“ открываются для публичнаго пользованія съ научными и практическими цѣлями слѣдующіе отдѣлы документовъ XV — XVII столѣтій:

1. Книги и столбцы архива Помѣстнаго стола псковской Съѣзжей избы.
2. Столбцы псковскаго писцоваго архива.
3. Столбцы архива Помѣстнаго приказа по городу Пскову.
4. Книги и столбцы Архива Помѣстнаго приказа по запискѣ вотчинъ и помѣстныхъ дачъ.
5. Документы архива Московскаго стола Помѣстнаго приказа по исполненію рѣшенія объ отказѣ отпискѣ и отдѣлѣ помѣстій и вотчинъ.
6. Документы архива новгородской Дворцовой избы.
7. Документы Помѣстнаго стола новгородской Съѣзжей избы.

Къ исторіи крымскихъ архивовъ.

А. И. Маркевичъ.

Екатеринославскій Археологическій Съѣздъ совпалъ съ пятидесятилѣтіемъ Крымской войны, съ послѣдними днями обороны Севастополя, и умѣстно, мнѣ кажется, будетъ перенестись хотя бы на нѣсколько минутъ къ тому времени, въ событіяхъ котораго было столько сходнаго съ обстоятельствами переживаемой нами эпохи, было столько поучительнаго и вѣщаго, и которое стало для насъ уже историческимъ. Въ настоящемъ докладѣ я позволю себѣ остановиться на обстоятельствѣ, имѣющемъ прямое отношеніе къ секціи архивовѣдѣнія на нашемъ Съѣздѣ, именно на положеніи и судьбѣ крымскихъ архивовъ въ эпоху Крымской войны, насколько они обрисовываются архивными матеріалами ¹⁾.

Извѣстно, что крымскіе архивы очень молоды. Архивное наслѣдство, полученное нами отъ Крымскаго ханства, ничтожно; оно состоитъ всего изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ казыѣскерскихъ рѣшеній, которыя хранились до послѣдняго времени въ архивѣ Таврическаго губернскаго правленія и нынѣ переданы въ Императорскую Публичную Библіотеку, и немногихъ, сравнительно, ханскихъ ярлыковъ и указовъ, значительная часть коихъ въ эпоху Крымской войны находилась въ частныхъ рукахъ. Въ виду этого, казалось бы, охрана небольшихъ архивовъ, присутственныхъ мѣстъ и учреждений во время войны, не должна была бы вызвать какихъ-либо затрудненій, и сохраненіе архивовъ отъ непріятеля и внутреннихъ неурядицъ могло бы быть предусмотрѣно и обезпечено. Но вышло не такъ, и крымскіе архивы всѣхъ вѣдомствъ подверглись во время войны тяжелымъ испытаніямъ, а многіе даже погибли.

Не подготовленная къ обстоятельствамъ военнаго времени администрація Тавриды обратила однако вниманіе еще до начала военныхъ дѣйствій, въ мартѣ 1854 г., на сохраненіе казеннаго имущества въ приморскихъ городахъ Крыма, и между прочимъ, архивовъ. 18-го марта 1854 г. главнокомандующій князь Меншиковъ, въ отвѣтъ на запросъ таврическаго губернатора Пестеля, призналъ „перевозку въ безопасное мѣсто суммъ, книгъ и дѣлъ, принадлежащихъ присутственнымъ мѣстамъ Тавриче-

¹⁾ Въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора находятся около тысячи дѣлъ, относящихся къ Крымской войнѣ, которыя подробно обследованы въ моемъ трудѣ: „Таврическая губернія во время Крымской войны“, напечатанномъ въ № 37 „Извѣстій Таврической Ученой Архивной Комиссіи“.

екой губерніи, при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, какъ *не безполезную мѣру осторожности*, которую и должно привести теперь же въ исполненіе“ и предписалъ оставлять въ казначействахъ только самыя небольшія суммы, какія нужны для покрытія необходимыхъ ближайшихъ по времени расходовъ, и не въ звонкой монетѣ, а въ депозиткахъ. Это распоряженіе относилось главнымъ образомъ къ казначействамъ: еодосійскому, ялтинскому и евпаторійскому. Въ случаѣ высадки непріятеля велѣно было составить законнымъ порядкомъ акты, въ присутствіи властей уложить все въ сундуки и выѣхать на подводахъ: еодосійскому казначею въ Мелитополь, евпаторійскому въ Перекопъ и ялтинскому въ Симферополь, съ конвоемъ. *Если бы представилась возможность*, предписывалось увезти и весь архивъ казначейства, но, во всякомъ случаѣ, предлагалось позаботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, были взяты съ собою книги, документы, мѣсячные и годовые счета за послѣдніе пять лѣтъ; поэтому велѣно ихъ заблаговременно увязать и уложить въ тюки. Распоряженія эти были очень неопредѣленны и мало осуществимы въ критическую минуту.

10-го и 23-го апрѣля 1854 г. губернаторъ Пестель сдѣлалъ соответственныя Циркулярныя распоряженія по всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, магистратамъ, думамъ, судебнымъ мѣстамъ и карантинамъ въ губерніи о мѣрахъ, которыя должны быть приняты присутственными мѣстами Таврической губерніи въ случаѣ явной опасности и о сохраненіи дѣлъ и казеннаго имущества.

Первымъ предписаніемъ Пестель предложилъ, между прочимъ, ялтинскому уѣздному суду: „Для сохраненія казенныхъ суммъ, документовъ, имущества, книгъ и дѣлъ, суммы, принадлежащія другимъ мѣстамъ и лицамъ, выслать въ кредитныя установленія, оставя однѣ штатныя и изъ пересылочныхъ тѣ, которыя не могутъ быть высланы. Эти послѣднія вмѣстѣ съ денежными и другими документами хранить въ особомъ сундукѣ въ казначействѣ. А такъ какъ при выѣздѣ казначейства сундукъ будетъ переданъ суду обратно, то сохраненіе его оставляется на отвѣтственности предсѣдателя“. *Въ случаѣ опасности* предписывалось книги, окончательно не обревизованныя и состоявшія въ производствѣ, въ сопровожденіи конвойныхъ, вытребованныхъ отъ мѣстнаго военного начальства, вывести на подводахъ, которыя должны быть заблаговременно договорены въ городѣ, а если ихъ нельзя было бы здѣсь получить, то при содѣйствіи окружнаго начальника у поселянъ ближайшихъ селеній, и слѣдовать изъ Ялты въ Симферополь. Подобнымъ же образомъ предписывалось присутственнымъ мѣстамъ Бердянска и Алешекъ переѣхать въ Мелитополь. Въ виду этого распоряженія ялтинскій уѣздный судъ рѣшилъ архивъ уѣзднаго суда и дворянской опеки съ хранившими въ немъ дѣлами стряпчаго и предводителя дворянства перевести въ имѣніе Мартыанъ помѣщицы Сокольниковой, въ 10 верстахъ отъ Ялты, откуда уже 21 сентября 1854 г. весь этотъ архивъ былъ отправленъ въ Симферополь. Архивъ ялтинскаго земскаго суда въ 1854 г. былъ перевезенъ, согласно этому предписанію въ Ай Даниль, откуда въ маѣ 1855 г., въ виду частаго появленія непріятельскихъ судовъ вблизи Ялты, дѣла, книги и бумаги ялтинскаго земскаго суда также были вывезены въ Симферополь.

Вторымъ предписаніемъ, въ отвѣтъ на запросы нѣкоторыхъ присутственныхъ

мѣсть, можно ли въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ перевозить дѣла въ болѣе безопасныя мѣста, и должны ли чиновники слѣдовать при обозѣ или оставаться въ городѣ, губернаторъ Пестель давалъ знать, что *дѣла можно вывозить заблаговременно* въ безопасное мѣсто, но чиновники должны оставаться въ городѣ при своихъ мѣстахъ и заниматься исполненіемъ своихъ обязанностей до послѣдней возможности, въ случаѣ же открытія непріателемъ военныхъ дѣйствій состоять въ распоряженіи военного начальства и дѣйствовать по его распоряженіямъ ¹⁾.

Этими распоряженіями администраціи, къ сожалѣнію запоздавшими, очень скоро пришлось воспользоваться.

15 апрѣля 1854 г. непріятельскій флотъ появился у Евпаторіи, черезъ два дня подошелъ снова, и нѣкоторые изъ присутственныхъ мѣсть поспѣшили перевезти дѣла въ болѣе безопасныя мѣста: земскій судъ въ д. Саки, городской магистратъ въ д. Курузу, а уѣздный судъ, сложивъ свои дѣла въ погребъ при домѣ, который занималъ земскій судъ, закрылъ со всеѣмъ присутствіе и ожидалъ распоряженій отъ губернскаго начальства. Казначейство и карантинъ выѣхали въ Перекопъ, а дума въ д. Бозоглу, но затѣмъ эти учрежденія возвратились въ Евпаторію. 26-го апрѣля появились непріятельскія суда на еодосійскомъ рейдѣ, и въ виду этого денежные документы, книги и казенное имущество всеѣхъ присутственныхъ мѣсть были вывезены изъ Феодосіи въ ближайшія деревни, но возвратились вновь, когда непріятельскіе корабли снова ушли въ море, за исключеніемъ казначейства, которое со всеѣмъ имуществомъ отправилось въ Милитополь, кромѣ ссуднаго отдѣленія, возвратившагося по настоянію стряпчаго въ Феодосію, въ виду необходимости ускоренія отчетовъ за прошлые годы ²⁾.

Прошло полгода со времени этихъ событій, и въ теченіе этого времени не принималось никакихъ мѣръ къ сохраненію архивовъ въ Крыму. Наконецъ 2-го сентября громадный союзный флотъ подошелъ къ Евпаторіи. Тогда казначейство, земскій судъ, таможня, секретарь городского магистрата съ дѣлами и писмоводитель квартирной комиссіи съ производившимися дѣлами ея и городской полиціи быстро стали спасаться въ Перекопъ и Армянскій Базаръ.

3-го числа, когда непріятель произвелъ десантъ и занялъ городъ, отправился въ Перекопъ и евпаторійскій уѣздный судья Стойковичъ и остановился на ночлегъ у родственницы своей помѣщицѣ Фесенко въ д. Бейбулатъ, куда секретарь уѣзднаго суда Козынецъ привезъ производившіяся дѣла уѣзднаго суда. Тутъ ночью съ 4-го на 5-ое число произошло нападеніе на помѣщичью экономію толпы возмущившихся въ Евпаторійскомъ уѣздѣ татаръ, при чемъ усадьба владѣлицы была разграблена, домъ разрушенъ, судья Стойковичъ избитъ и увезенъ въ пленъ въ Евпаторію, а дѣла и книги уѣзднаго суда за послѣдніе десять лѣтъ разбиты, почти всеѣ уничтожены. Въ теченіе десяти дней они горами лежали во дворѣ усадьбы и въ сосѣд-

¹⁾ Дѣло о мѣрахъ къ сохраненію казеннаго имущества въ случаѣ появленія непріятельскаго войска. Св. 24, № 1282. На 196 л.

²⁾ Дѣло о появленіи непріятельскихъ пароходовъ въ портовыхъ городахъ Чернаго моря. Св. 195, № 15. На 415 л.

ней деревнѣ. За собираніемъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ и бумагъ отправленъ былъ въ Бейбулатъ изъ Симферополя особый чиновникъ. Впослѣдствіи остатки дѣлъ и книгъ евпаторійскаго уѣзднаго суда были найдены въ предмѣстьи Перекопа Армянскомъ Базарѣ.

Дѣла евпаторійскаго магистрата и сиротскаго суда были во время вывезены изъ Евпаторіи распорядительнымъ секретаремъ Кузьменко, но мѣста для нихъ не было отыскано въ Перекопѣ, и Кузьменко перевезъ ихъ на собственный счетъ въ г. Алешки и сложилъ въ кладовой въ домѣ своей матери, откуда они были перевезены въ помѣщеніе алешковскаго городского полицейскаго управленія. Дѣла дворянской опеки остались въ занятой непріятелемъ Евпаторіи; тамъ же остались и всѣ старыя дѣла уѣзднаго суда, сложенные частію въ каменной кладовой казначейства, частію (болѣе старыя) въ кладовой при помѣщеніи уѣзднаго суда. Тамъ, конечно, эти дѣла и погибли.

Начавшееся вслѣдъ за занятіемъ Евпаторіи возмущеніе татаръ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ встревожило жителей Перекопа, и всѣ находившіяся тамъ присутственныя мѣста съ чиновниками, соляное управленіе, казначейство, таможня, а также предводитель дворянства съ канцеляріей переѣхали въ Бериславъ, но затѣмъ, по прекращеніи бунта, снова вернулись въ Перекопъ ¹⁾.

Только послѣ занятія союзниками Евпаторіи и появленія непріятельскихъ разбѣдовъ въ 30 верстахъ отъ Симферополя губернаторъ распорядился, чтобы, на всякій случай, губернскія Присутственныя мѣста приготовили къ вывозу въ болѣе безопасныя мѣста текуція, самовужнѣйшія дѣла и бумаги, равно и денежныя суммы съ документами и книгами. Затѣмъ, 8-го сентября, въ виду близости театра военныхъ дѣйствій, Пестель сдѣлалъ распоряженіе о выводѣ всѣхъ Присутственныхъ мѣсть, не исключая и полициі, съ дѣлами, изъ губернскаго города въ Мелитополь, и 10-го числа они были отправлены съ военнымъ конвоемъ на подводахъ, заблаговременно приготовленныхъ управленіемъ Государственными имуществами. Вмѣстѣ съ дѣлами Присутственныхъ мѣсть двинулись изъ Симферополя, въ экипажахъ, на подводахъ и пѣшкомъ, и служаніе съ семействами и имуществомъ и горожане, съ губернаторомъ во главѣ. Впрочемъ въ тотъ же день, по полученіи увѣдомленія отъ кн. Меншикова объ отсутствіи опасности для Симферополя, этотъ кортежъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ тысячи подводъ, изъ д. Шибань, Перекопскаго уѣзда, вернулся въ Симферополь, и Присутственныя мѣста снова открыли въ немъ свои дѣйствія. Подводы съ дѣлами присутственныхъ мѣсть возвратились въ городъ только на слѣдующее утро—въ общемъ благополучно; только при переѣздѣ черезъ р. Салгирь, въ трехъ верстахъ отъ города, оборвались веревки, связывавшія дѣла и книги врачебной управы, которыя и попадали въ воду, но были подобраны.

Въ то же время евпаторійское и перекопское казначейства выѣхали изъ Перекопа въ болѣе безопасный Мелитополь, куда переѣхало ранѣе и еодосійское казна-

¹⁾ Дѣло о перевозкѣ дѣлъ изъ Присутственныхъ мѣсть въ то мѣсто, куда начальствомъ приказано будетъ, по случаю военного времени въ Крыму. Св. 28, № 1441. На 519 л.

чейство; 8-го сентября теодосійскій уѣздный судъ выѣхалъ въ Геническъ. Собранныя въ Перекопѣ другія Присутственныя мѣста также готовились къ выѣзду.

Въ половинѣ сентября 1854 г. распространился слухъ, что непріятель намѣренъ высадиться въ Теодосіи, и въ виду этого инспекторъ теодосійскаго карантина просилъ губернатора о разрѣшеніи перевезти дѣла въ Геническъ. Пестель по этому поводу писалъ начальнику штаба главнокомандующаго: „При всемъ моемъ желаніи, какъ можно менѣе беспокоить его свѣтлость, нахожусь въ необходимости просить ваше выс — іе исходатайствовать мнѣ у князя Александра Сергѣевича приказаніе, какъ я долженъ поступить въ упомянутомъ случаѣ и точно ли ожидается означенный десантъ, дабы я отъ совершеннаго невѣдѣнія не былъ еще разъ вовлеченъ въ ошибочное распоряженіе (намекъ на неудачную попытку оставить Симферополь) и незаслуженное нареканіе“. Въмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ разрѣшилъ теодосійскому карантину, въ случаѣ оставленія Теодосіи нашими войсками, переѣхать въ Геническъ.

Въ это же время, послѣ занятія непріателемъ Балаклавы и Байдаръ, при чемъ погибли дѣла Балаклавскаго греческаго баталіона, прекратилось производство дѣлъ въ ялтинскихъ Присутственныхъ мѣстахъ, и дѣла и книги ялтинскаго уѣзднаго суда и дворянской опеки 21 сентября были отправлены, какъ мы сказали выше, въ Симферополь. Другія Присутственныя мѣста остались въ Ялтѣ, хотя большая часть чиновниковъ разѣхались, и когда 22-го сентября непріятель сдѣлалъ высадку въ Ялтѣ, сильно пострадали дѣла нѣкоторыхъ Присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, напримѣръ, стряпчаго.

Въ теченіе 1855 г. принимались мѣры къ сохраненію дѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда они были перевезены, къ приготовленію ихъ къ новой перевозкѣ, въ случаѣ надобности, и установкѣ ихъ, а также къ непрерывному, по возможности, производству дѣлъ, особенно судебныхъ. Но и теперь дѣло ограничивалось бумажной перепиской, и всѣ эти распоряженія были безрезультатны. Судя по перепискѣ губернатора съ губернскимъ прокуроромъ и управляющимъ государственными имуществами, необходимость перевозки дѣлъ изъ Симферополя считалась весьма возможной даже въ мартѣ 1855 года. Было предложено перевозить дѣла въ запечатанныхъ тюкахъ, подъ наблюденіемъ благонадежныхъ чиновниковъ и съ соблюденіемъ очереди по степени важности дѣлъ. Но исполнить все это было крайне затруднительно. Многія книги и дѣла приходилось долго разыскивать, такъ какъ они перепутались по разнымъ вѣдомствамъ во время спѣшныхъ перевозокъ. Къ тому же всѣ архивы, напр. симферопольскаго уѣзднаго суда, были совершенно неустроены, дѣла валялись въ беспорядкѣ, и перевозить ихъ можно было только какъ попало.

Особенно печально было положеніе симферопольскихъ архивовъ. Въслѣдствіе громаднаго количества больныхъ и раненыхъ и необходимости въ помѣщеніяхъ для госпиталей, всѣ дома, занятые губернскими Присутственными мѣстами, казенныя и частныя, были отведены подъ госпитали; Присутственныя мѣста и многія учрежденія были переведены въ другія, болѣе тѣсныя помѣщенія, гдѣ дѣла ихъ и архивы сваливались какъ попало, кучами, часто въ чуланахъ, кладовыхъ и погребкахъ.

15 мая 1855 г. были заняты неприятелем Керчь и Еникале, и печальная участь постигла при этомъ архивы и дѣла керченскихъ Присутственныхъ мѣстъ не вывезенные въ другіе города. Когда неприятель приблизился къ Керчи, дѣла керченскихъ присутственныхъ мѣстъ были сданы на шаланду для перевозки на пароходъ „Аргонавтъ“. Не имѣя времени для перевозки, этотъ пароходъ взялъ шаланду съ архивами на буксиръ и снялся съ якоря, но былъ отрѣзанъ неприятельскими судами и, чтобы не попасть въ руки неприятеля, бросилъ шаланду, и самъ едва спасся. Въ то же время пароходъ „Бердянскъ“, на которомъ были книги и денежныя суммы, былъ взорванъ и погибъ со всеѣмъ находившимся на немъ имуществомъ. По поводу этого событія былъ, между прочимъ сдѣланъ министромъ юстиціи гр. Панинымъ строгій выговоръ губернскому прокурору за недостатокъ предусмотрительности.

Въ день занятія Керчи неприятелемъ дѣла бердянскихъ Присутственныхъ мѣстъ были вывезены за 40 верстъ отъ Бердянска, въ с. Андреевку, а оттуда въ с. Большой Токмакъ. Помѣщенія здѣсь, въ крестьянскихъ избахъ, были очень плохи; мебели вовсе не было, пока она не была доставлена изъ Бердянска. Можно судить, въ какомъ состояніи были здѣсь архивныя дѣла и документы.

Въ августѣ 1855 г., по требованію министра юстиціи, губернской прокуроръ былъ командированъ въ Феодосію, а губернской стряпчій въ Ялту для принятія мѣръ къ сохраненію дѣлъ присутственныхъ мѣстъ министерства юстиціи. Для содѣйствія къ спасенію дѣлъ отъ неприятеля, министр юстиціи командировалъ теперь въ Таврическую губернію колл. сов. Варранда.

Дѣла феодосійскихъ Присутственныхъ мѣстъ, какъ мы видѣли, были перевезены сначала въ д. Байбугу, а затѣмъ въ Геническъ. Здѣсь уѣздный судъ помѣщался въ одной комнатѣ, тѣсной и плохо освѣщенной. вмѣсто стульевъ чиновники сидѣли на связкахъ дѣлъ. Архивъ помѣщенъ былъ въ другомъ домѣ. Магистратъ со всеѣми дѣлами помѣщался тоже въ одной комнатѣ—затѣмъ въ началѣ мая 1855 г., когда въ Геническъ былъ учрежденъ госпиталь, феодосійскія присутственныя мѣста съ дѣлами переѣхали частью въ г. Старый Крымъ, а частью въ г. Ногайскъ, откуда, черезъ десять дней, 18-го мая, въ виду появленія неприятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ и небезопасности Ногайска, они были перевезены въ г. Орѣховъ въ полной исправности и сохранности, какъ рапортовалось губернатору.

Когда неприятель 7-го сентября 1855 г. высадилъ десантъ въ семи верстахъ отъ Кибурна, начались быстрыя приготовленія къ выводу дѣлъ въ Алешкахъ, впрочемъ скоро прекратившіяся.

Перейдемъ, наконецъ, къ печальной судьбѣ архивовъ гражданскихъ Присутственныхъ мѣстъ г. Севастополя. Магистратъ и сиротскій судъ помѣщались въ началѣ войны въ частномъ домѣ Бибикова, на Большой Морской, въ которомъ до войны находились всеѣ Присутственныя мѣста. Потомъ они были переведены въ т. наз. Екатерининскій дворецъ, затѣмъ въ Николаевскую батарею и только въ июль 1855 года стали готовиться къ вывозу всеѣхъ дѣлъ изъ города. Наконецъ, въ половинѣ августа 1855 г. было велѣно перевезти ихъ съ дѣлами и архивами на сѣверную сторону, а оттуда на Мекензіеву дачу вблизи Бельбека. Но это запоздавшее распо-

ряженіе севастопольскаго губернатора, вице адмирала Новосельскаго, было получено тогда уже, когда, вслѣдствіе начавшейся 24 августа въ 5 часовъ утра страшной бомбардировки Севастополя, рѣшительно не было никакой возможности спасти не только упакованныхъ, производившихся и рѣшенныхъ дѣлъ, которыя находились въ архивѣ, но дажѣ и того, казеннаго имущества которое было перенесено съ Николаевской батареи черезъ устроенный мостъ на сѣверную сторону. Только небольшое количество дѣлъ и бумагъ перевезено было на Мекензіеву гору въ кустарники, а всѣ остальные хранившіяся въ архивѣ, какъ бывшія еще въ производствѣ, такъ и рѣшенныя дѣла съ имуществомъ остались на мѣстѣ въ городѣ, занятомъ непріателемъ, и при отступленіи нашихъ войскъ 27-го августа были сожжены въ зданіи, въ которомъ хранились, т.-е на Николаевской батарее. 31-го августа Севастопольскій магистратъ съ сиротскимъ судомъ были переведены въ Николаевъ. Оказались въ цѣлости только денежныя суммы ихъ съ книгами и гербовая бумага. Остальное все погибло въ Севастополѣ. Тамъ же поглыбъ и весь архивъ Севастопольскаго военнаго губернатора.

Въ Симферополѣ дѣла были готовы къ вывозу только по окончаніи военныхъ дѣйствій, *въ октябрѣ 1855 года, но безъ описей*, потому что были въ крайнемъ безпорядкѣ, напр. дѣла уѣзднаго суда. 15-го января 1856 г. пріѣхалъ въ Симферополь состоявшій въ должности прокурора правит. сената д. с. с. Роговскій для ревизіи судебныхъ мѣстъ. Онъ поручилъ отобрать важнѣйшія дѣла на случай перевозки, хотя командующій войсками находилъ эту мѣру уже излишней. Выяснилось что на случай оставленія Симферополя, для перевозки только важнѣйшихъ дѣлъ и канцелярскихъ чиновниковъ при нихъ до Мелитополя потребовалось бы свыше ста подводъ и уплаты около 2600 р.

Въ концѣ марта 1856 г. всѣ ялтинскія, бердянскія и еодосійскія Присутственныя мѣста должны были возвратиться на свои мѣста и открыть прерванныя во время войны дѣйствія, а по водвореніи гражданскаго порядка въ Евпаторіи, Керчи и Еникале вернулись и тамошнія Присутственныя мѣста. Въ виду отсутствія или недостатка средствъ и подводъ, возвращеніе это сопровождалось крайними затрудненіями.

И такъ во время Крымской войны, вслѣдствіе непринятія во время должныхъ мѣръ, погибло въ Тавридѣ нѣсколько архивовъ. 1) при занятіи непріателемъ Евпаторіи погибли дѣла евпаторійскаго полицейскаго управленія и предводителя дворянства, а также частію въ городѣ, частію при вывозѣ дѣлъ въ Перекопъ поглыбъ почти весь архивъ евпаторійскаго уѣзднаго суда. 2) Непріателемъ были уничтожены дѣла Балаклавскаго греческаго баталіона. 3) Въ маѣ 1855 г. погибли дѣла Керчь-Еникальскаго градоначальства. 4) 27 августа 1855 г. поглыбъ весь архивъ севастопольскаго военнаго губернатора, севастопольскаго магистрата, а также сгорѣли при оставленіи города и дѣла севастопольскаго военно-временнаго госпиталя. Вслѣдствіе же неоднократной перевозки изъ одного мѣста въ другое, многіе архивы, и безъ того неустроенные, пришли въ крайній безпорядокъ. Несомнѣнно, что при своевременномъ принятіи мѣръ всѣ поглыбшіе архивы могли бы быть сохранены въ цѣлости, и излишнихъ перевозокъ архивовъ съ одного мѣста въ другое не было бы.

Представленный краткій очеркъ приключеній, которыя испытали въ 1854—1855 гг. находившіеся вблизи театра военных дѣйствій архивы крымскихъ и таврическихъ, вообще, Присутственныхъ мѣсть и учреждений ясно показываетъ, какъ необходимо у насъ учрежденіе центральныхъ архивовъ, куда постепенно передавались бы назначенныя къ храненію дѣла губернскихъ, уѣздныхъ и другихъ учреждений и присутствій и гдѣ они были бы въ должной безопасности и сохранности.

Краткія свѣдѣнія объ архивѣ Самарскаго Пустынно-
Николаевскаго монастыря.

В. Д. С.

Историческія свѣдѣнія о Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1652 году, принадлежатъ къ числу немногихъ, въ которыхъ упоминается о существованіи архива. Въ 1782 году, по повелѣнію Императора Павла I, монастырскіе архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1804 году, по повелѣнію Александра I, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1812 году, по повелѣнію Александра I, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1825 году, по повелѣнію Николая I, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1854—1855 гг. архивы Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря были повреждены въ результате военных дѣйствій. Въ 1856 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1861 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1864 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1869 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1871 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1876 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1881 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1886 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1891 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1896 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1901 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1906 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1911 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1916 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1921 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1926 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1931 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1936 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1941 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1946 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1951 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1956 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1961 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1966 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1971 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1976 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1981 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1986 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 1991 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 1996 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 2001 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 2006 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 2011 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 2016 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри. Въ 2021 году, по повелѣнію Александра II, архивы были собраны въ Императорскій архивъ въ Петербургѣ. Въ 2026 году, по повелѣнію Александра II, архивы были возвращены въ монастыри.

Краткія свѣдѣнія объ архивѣ Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря.

В. Бѣднова.

Находящійся въ 28 верстахъ отъ Екатеринослава Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь является самымъ древнимъ монастыремъ здѣшняго края. Какъ старинный запорожскій *войсковой* монастырь, судьба котораго въ значительной степени связана была съ покровительствовавшей ему всегда Запорожской Сѣчью, онъ въ прошломъ своемъ представляетъ много интереснаго. Неудивительно, что на немъ останавливали свое вниманіе многіе изъ изслѣдователей прошлыхъ судебъ нашего края. Такія почтенныя личности, какъ мѣстные владыки — архіепископъ Гавріилъ Розановъ и епископъ Θεодосій Макаревскій — писали научныя изслѣдованія, касавшіяся исторіи этого монастыря ¹⁾. Извѣстный и неутомимый изслѣдователь исторіи Запорожья, проф. Д. Ив. Эварницкій въ своихъ сочиненіяхъ также посвящаетъ ему немало страницъ ²⁾. Это вниманіе любителей мѣстной старины къ Самарскому монастырю и его, говоря относительно, древность и связь съ прошлымъ Запорожья давно уже возбуждали во мнѣ желаніе побывать въ немъ и поближе ознакомиться съ его архивными сокровищами, которыя, по моему предположенію, должны были быть значительны въ количественномъ и цѣнны въ качественномъ отношеніяхъ. Желанію моему суждено было исполниться при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Благодаря разрѣшенію и содѣйствію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Сумеона, епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго, за которыя приношу Его Преосвященству свою глубочайшую признательность, я пересмотрѣлъ съ возможною внимательностью все содержаніе архива и сдѣлалъ выписки изъ наиболѣе интересныхъ дѣлъ и документовъ.

Монастырскій архивъ помѣщается въ трапезной Георгіевской церкви, находящейся направо отъ главной Николаевской церкви. Здѣсь рядомъ съ алтаремъ, примыкая къ лѣвой сторонѣ послѣдняго, находится небольшая комната съ однимъ окномъ;

¹⁾ Разумѣются здѣсь рѣдкое сочиненіе архіепископа Гавріила (Розанова): „Историческая записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ. Одесса, 1838 г.“ — и изслѣдованіе епископа Θεодосія: „Самарскій, Екатеринославской епархіи, Пустынно-Николаевскій монастырь. Екатеринославъ, 1873 г.“.

²⁾ См., напримѣръ, его „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, СПб. 1888 г.“, т. I, стр. 80 — 96, и „Исторія Запорожскихъ казаковъ“, т. I, изд. 2-е, Москва, 1900 г., стр. 410 — 430.

по тремъ стѣнамъ этой комнаты сдѣланы деревянныя полки, на которыхъ разставлены церковныя книги — печатныя и нѣсколько рукописныхъ (всѣхъ болѣе 150 — XVII и XVIII вв.) и сложены связки монастырскихъ дѣлъ. Число послѣднихъ довольно значительно; но, къ сожалѣнію, большинство документовъ относится къ XIX в. и представляетъ мало интереса, такъ какъ касается такихъ событій и явленій, которыя могутъ имѣть значеніе только для занимающагося изученіемъ нравственнаго состоянія монашества Самарскаго монастыря въ истекшемъ столѣтіи. Только небольшое количество дѣлъ относится къ тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ XVIII столѣтія. На нихъ-то и было устремлено главнымъ образомъ мое вниманіе. Мнѣ думалось, что здѣсь найду много документовъ, знакомящихъ насъ въ томъ или другомъ отношеніи съ Запорожьемъ, колонизаціей мѣстнаго края и прошлымъ архіерейскаго дома нашей епархіи ¹⁾. Рядъ документовъ изъ временъ существованія Коша Запорожскаго, документовъ, приводимыхъ архіепископомъ Гавріиломъ и епископомъ Θεодосіемъ, давалъ надежду видѣть здѣсь оригиналы ихъ: поэтому, я съ увлеченіемъ занимался разсмотрѣніемъ найденныхъ здѣсь на полкахъ связокъ старыхъ бумагъ. Но мои ожиданія совершенно не оправдались. Меня неприятно поразили самый виѣшній видъ дѣлъ. Послѣднія далеко не всѣ подшиты; масса ихъ разбита, подѣлена на части, отъ многихъ остались только отрывки. Хотя они и сложены въ кучки, перевязанныя веревками и снабженныя ярлыками съ надписью: дѣла такого-то года, но на самомъ дѣлѣ, никакого порядка въ нихъ не было. Прежде всего отсутствовало точное распредѣленіе дѣла по годамъ: въ одной и той же связкѣ находились дѣла разныхъ годовъ — отъ семидесятыхъ XVIII стол. и до послѣднихъ лѣтъ XIX в. Пришлось сначала разложить ихъ по кучкамъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ и только затѣмъ уже приступить къ ознакомленію съ содержаніемъ дѣлъ. Отсутствіе описи увеличивало трудность работы. Впрочемъ, среди массы дѣлъ удалось найти старую опись „письменнымъ дѣламъ“ Самарскаго монастыря, опись невѣдомо кѣмъ и когда составленную ²⁾, но она обнимаетъ періодъ съ 1773 года по 1801 годъ. Замѣчательно, что въ этой описи не упоминается ни объ одномъ изъ тѣхъ документовъ, которые приводятся архіепископомъ Гавріиломъ Розановымъ и Θεодосіемъ Макаревскимъ въ ихъ изслѣдованіяхъ о Самарскомъ монастырѣ. У каждаго изъ этихъ іерарховъ можно найти десятка по два приводимыхъ ими цѣликомъ такихъ документовъ, которыхъ не только въ настоящее время нѣтъ въ монастырскомъ архивѣ, но о которыхъ не сохранилось даже упоминанія въ названной нами описи. Если подлинниковъ этихъ документовъ нѣтъ въ домовомъ архіерейскомъ правленіи (въ Екатеринославѣ), то они погибли безвозвратно. Изъ этой описи видно, какія дѣла пропали уже по составленіи ея; ихъ пропало не мало. Между прочимъ, по свидѣтельству этой описи, въ архивѣ должно находиться дѣло отъ 1753 г. (самое раннее дѣло) „о рѣзаніи иконостаса Семеномъ Сиѣсаремъ“ и другое — отъ 1766 года „о невѣнчаніи и некрещеніи въ семь монастырѣ Самарчичскихъ обывателей“, вѣроятно, возникшее по поводу дозволенія со стороны Коша (22 января 1766 года) вѣнчаться въ Самарскомъ монастырѣ

¹⁾ Съ 1791 года монастырь сдѣланъ былъ загороднымъ домомъ Екатеринославскихъ архіереевъ.

²⁾ Написано на пожелтѣвшей бѣлой бумагѣ красными, четкимъ почеркомъ; чернила выдѣли.

тѣмъ, кого „священники Новоселицкіе за умѣренную заплату... бракосочетать не похотятъ и будутъ излишней требовать“¹⁾. Въ настоящее время ихъ нѣтъ. Въ дѣйствительности самыми ранними являются дѣла 1773 года; изъ двухъ упоминаемыхъ въ описи дѣлъ 1773 г. сохранилось одно — это присланный изъ Межигорскаго монастыря, вѣдѣнію котораго подлежалъ Самарскій монастырь, ордеръ о совершеніи молебна, по случаю бракосочетанія Великаго Князя Павла Петровича съ Наталіей Алексѣевной.

Чтобы яснѣе представить содержаніе наиболѣе древнихъ документовъ монастырскаго архива, разсмотримъ дѣла въ строго хронологическомъ порядкѣ, сдѣлавъ предварительное замѣчаніе, что наиболѣе неприкосновенными остались дѣла съ высочайшими манифестами и консенсорскими указами. Очевидно, любители старины менѣе всего интересовались дѣлами такого рода. Отъ 1774 года осталось три дѣла (вмѣсто пяти, значащихся по описи): одно объ обмѣнѣ Сокольскимъ жителемъ Михаиломъ Литвиненкомъ своей земли на монастырскую и два ордера Межигорскаго монастыря: одинъ съ манифестомъ о заключеніи мира съ Турціей, другой — съ табелью о высокаторжественныхъ дняхъ. Не сохранились два наиболѣе интересныхъ дѣла: одно — ордеръ изъ Коша, сообщающій о высочайше жалованной грамотѣ Запорожскому войску за его заслуги во время первой русско-турецкой войны (1768 — 1774 гг.), другое дѣло о присылкѣ изъ Межигорскаго монастыря двухъ писемъ кошевому „Петру Калнишу“. Отъ 1775 года должно быть четыре дѣла, въ томъ числѣ одно съ ордеромъ изъ Коша; послѣднее отсутствуетъ: есть нѣсколько манифестовъ и дѣло съ документами подпоручика Іереміи Малаго (изъ запорожцевъ), въ числѣ коихъ находится: а) „сальвогвардія“, выданная 30 іюля 1775 года генераломъ Текеліемъ войсковому эсаулу Іереміи Малому, б) указъ Азовскаго губернатора, генераль-маіора Василя Черткова отъ 20 октября 1776 года о нечиненіи „обидъ и оскорбленій“ тому же самому Іереміи Малому; в) выданный Малому 24 ноября 1778 года армейскимъ полковникомъ Филиппомъ Ѳедоровымъ аттестатъ о службѣ его во время русско-турецкой войны, и г) указъ о пожалованіи (5 августа 1779 г.) „бывшей Сѣчи Запорожской полкового эсаула Еремія Малова“ чиномъ „отъ арміи подпоручика“. Приводимъ въ возможной полнотѣ каждый изъ этихъ документовъ.

а) Сальвогвардія. „По указу ея императорскаго величества“, императрицы Екатерины II, „дана сія салвогвардія полковому асаулѣ Іеремѣи Малому, имеющему зимовникъ за Самарью, при рѣчкѣ Татарке, а дворъ въ местечке Самаре состоящіе, силою которой войскъ ея императорскаго величества проходящихъ или пребывающихъ всѣмъ чинамъ запрещается чинить въ техъ его зимовникѣ и дворе какихъ-либо и малейшихъ обидъ и озлобленіевъ, но еще отого защищать и поступать съ нимъ и людьми его снисходительно и благосклонно подъ неунустительнымъ въ силу законовъ за пренебреженіе сего штрафомъ. Лагирь при бывшей Запорожской Сѣчи 1775 года іюля 30, № 1252-й“. Подписалъ генераль-подпоручикъ Петръ Текелій.

б) Указъ В. Черткова. „По указу ея императорскаго величества... Самарскаго уѣзда полковой старшина Еремѣй Малый поданнымъ ко мнѣ доношеніемъ“ съ приложеніемъ аттестата о службѣ и „салвогвардіи“ господина генераль-поручика

¹⁾ „Историч. записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ“, стр. 34 — 36.

Петра Аврамовича Текелія, „просить, по старости ево лѣтъ и по слабости здоровья, уволить отъ воинской и гражданской службы“. Изъ аттестата его видно, что, Малый несъ государственную службу съ 1741 года, участвовалъ въ послѣднюю турецкую войну „въ походѣ и поступалъ, какъ долгъ службы требуетъ“; въ виду его старости, уволенъ отъ военной и гражданской службы, а для того, чтобы ему не чинили никакихъ „обидъ и оскорбленій подѣ неупустительнымъ взысканіемъ, а о показаніи всякаго возможнаго вспомошествованія и уваженія сей открытой указъ за подписаніемъ и с приложеніемъ Азовской губернской канцеляріи печати данъ при крѣпости Белѣвской октября 20 д. 1776 году, № 1917“. Подписаль: Азовской губернаторъ, Луганскаго пикинерскаго полку шефъ, генераль-маіоръ Василій Чертковъ.

в) *Аттестатъ*. „Предъявитель оного Іеремѣи, Максимовъ сынъ, Малый, бывшій сюда въ 741-мъ году, со оного до-днесъ служилъ, и между тѣмъ, Ея императорскаго величества высочайшему престолу службу отъ войска куреня Полтавскаго отправляя, былъ командированъ подѣ Очаковомъ въ Кинбуръ, Крымъ и прочіи тамошней мѣста, гдѣ будучи во всѣхъ случившихся партіяхъ в сраженіи противъ непріятели, стоялъ незакрытой, за которіе понесенные имъ, Іеремѣемъ Малымъ, службы награжденъ въ чинъ полковымъ старшиною, что симъ аттестатомъ утверждая, всепокорнѣйше прошу властей і правительствъ — высокихъ и низкихъ — о неоставленіи его, Іеремѣя, за тѣ продолженія ея императорскаго величества милости пожалованіемъ; во увѣреніе-жъ понесенныхъ имъ Іеремѣемъ службъ“ и выданъ этотъ аттестатъ 24 ноября 1778 года.

г) Указъ о пожалованіи Малаго чиномъ подпорутчика (отъ 5 августа 1779 г.). „...Бывшей Сѣчи Запорожской полкового есаула Еремея *Малова*, для его оказанной въ службѣ нашей (императрицы Екатерины II, отъ имени которой писанъ указъ, выданный военною коллегіею) ревности и прилежности, въ наши отъ арміи подпорутчики... пожаловали и учредили“, о чемъ и свидѣтельствуется указъ, данный, по повелѣнію Императрицы, государственной военною коллегіею.

Этотъ Іеремія Малый поселился „въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ по обѣщанію окончить жизнь“ свою, здѣсь и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей 26 апрѣля 1804 года. Въ архивѣ сохранился подробный реестръ оставшагося послѣ Іереміи Малаго имущества, состоявшаго въ деньгахъ, домашнихъ вещахъ и оружіи.

Отъ 1776 г. осталось лишь шесть совершенно неважныхъ дѣлъ, а должно быть — десять; отъ 1777 года — должно быть одно дѣло (манифестъ), оно и есть на лицо отъ 1778 года, вмѣсто восьми, можно видѣть только шесть; кромѣ того сохранилось еще три отдѣльныхъ документа: одинъ — черновикъ рапорта въ Межигорскій монастырь начальника Самарскаго монастыря, іеромонаха Леонида, два другіе — копіи предписаній духовнаго собора Межигорскаго монастыря тому же самому іеромонаху Леониду и казначею нашего монастыря, іеромонаху Теофану. Оба эти предписанія довольно характерны по своему содержанію. Въ первомъ изъ нихъ (отъ 27 февраля 1778 г.) содержится приказаніе духовнаго собора Межигорскаго монастыря начальствующимъ въ Самарскомъ монастырѣ купить въ Новоселицѣ 1000 пудовъ соли для Межигорья; начинзается оно

такъ: „чрезъ прошедшіе многіе года монастырь Кіево-Межигорскій получалъ соль и рыбу отъ начальниковъ, въ бывшей Сѣчи, что нынѣ Покровскъ, находившихся, которую они начальники било покупаютъ изъ тамошнихъ доходовъ въ разныхъ мѣстахъ, а въ прошедшихъ двохъ 1776 и 1777 годахъ въ Станиславѣ“¹⁾. Но доставка соли и рыбы изъ Станислава, по дальности разстоянія, „стоитъ немалою цѣною“, поэтому, духовный соборъ разсудилъ за лучшее купить соли „сколько надобно“ въ Новоселицѣ, куда „промышленники соляниіи много вывозятъ той соли изъ Криму“, и поручилъ іеромонахамъ Леониду у Теофану купить соли „четвѣрень восьмь или пудовъ тысячу“ съ обязательствомъ, если возможно, доставить ее въ Межигорье на счетъ продавца. За одно съ симъ порученіемъ дѣлается замѣчаніе начальствующимъ Самарскаго монастыря за то, что они присылаютъ въ Межигорскій монастырь „вовну“ не мытою, „со всею нечистотою“. „А при томъ, какъ ежегодно присылается изъ Самарскаго монастыря вовна немтая, какъ снята изъ овецъ рунами со всею нечистотою, какова и прошедшаго 777 года отъ васъ прислана, и что било уже время холодное, то и здѣсь осталась и остается такъ же сложенной в кучу, от чего она, согрѣвшись, прѣтеть и теряетъ свою крѣпость, такъ что и дѣлаемое съ ней сукно совсѣмъ къ ношенію свиты непрочно, для чего и въ семъ учинить вамъ слѣдующее: какъ скоро снята будетъ съ овецъ старихъ и молодыхъ вовна, оную не держа много, ниже отправляя сюда нечистою, старатся всю помить и висушить тамо, хотя нанявъ за деньги работниковъ и работницъ, и сколько будетъ вами сюда отправлено оной, то оную свѣсивъ, сколько будетъ пудовъ написать, ибо въ рунахъ биваетъ несходство и сумнительство, потому иное большое, а другое малое, а много и совсѣмъ порвани на разніе мѣлкіе части, коихъ собрать и присовокупить въ число всячески невозможно. Посему исполнить вамъ непремѣнно“. Подписали упоминаемое предписаніе: намѣстникъ — іеромонахъ Аркадій и іеромонахи — Іессей, Петръ и казначей Кодратъ.

Еще болѣе характерно второе предписаніе духовнаго собора Межигорскаго монастыря іеромонахамъ Леониду и Теофану. 13 марта 1778 г. духовный соборъ писалъ послѣднимъ, что еще 21 октября 1777 года онъ отправилъ въ Самарскій монастырь „на возахъ смолы 8 бочекъ и діогтю рѣткого бочонкъ 3 съ предписаніемъ о томъ, чтобы имѣмій битъ надъ сверхъ потребности оному монастырю (деготь) продать“, а вырученныя отъ этой продажи деньги — выслать въ Межигорскій монастырь; но до сихъ поръ духовному собору неизвѣстно, проданъ ли деготь и даже цѣль ли онъ, „а потому монастырю потребно вѣдать для того о вышенисанномъ, ежели продано, сколько бочокъ, за коликую цѣну всякая бочка, прислать заразъ репортъ и денги, ежели не продано, то въ цѣлости ли оный и гдѣ находится, тако-жь и нынѣ по чему бочка діогтю рѣткого и смолы въ Новоселицѣ²⁾ въ продажѣ состоитъ, и ежели тамо оный сходно продать, то и еще монастырь предпріять можетъ средствъ къ доставленію оного къ вамъ (въ) патлежащее время“.

1) Станиславъ — нынѣ мѣстечко Херсонскаго уѣзда (Херсонск. губ.) при слияніи Днѣпра и Буга.

2) Слобода Новоселица — прежнее названіе нынѣшняго Новомосковска; въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается и другое его старинное названіе — мѣстечко Самарчикъ. Въ XVIII в. Новоселица (или Самарчикъ) имѣла важное торговое значеніе.

Отъ слѣдующаго, затѣмъ, 1779 сохранилось лишь одно дѣло (манифестъ), а должно быть пять. Отъ 1780 г. вмѣсто значащихся по описи шести дѣлъ, видимъ только три; между ними находится дѣло о построеніи въ Самарскомъ монастырѣ, взамѣнъ прежней деревянной церкви, новой каменной — коштомъ замѣчательнаго въ исторіи колонизаціи нашего края „дикого попа“ лейбъ-компаніи священника Кирилла Тарловскаго — церкви во имя святителя Христова Николая Чудотворца съ боковымъ придѣломъ во имя святыхъ мучениковъ Кирика и Іулитты. Это та самая церковь, которая существуетъ и донинѣ и теперь носитъ названіе главной или соборной церкви монастыря. Дѣло о построеніи этой церкви обнимаетъ 38 листовъ; оно имѣетъ важное значеніе для исторіи самаго монастыря. Такъ какъ исторія построенія названной церкви, на основаніи упоминаемаго дѣла, изложена довольно обстоятельно у преосвященнаго Θεодосія (Макаревскаго)¹⁾, то не привожу изъ него никакихъ выдержекъ. Кромѣ того, отъ 1780 г. сохранились еще свѣдѣнія о монастырскихъ мельницахъ. 3 марта 1780 года Азовская губернская канцелярія потребовала отъ монастыря свѣдѣній о количествѣ и времени сооруженія его мельницъ. Изъ оставшихся черновиновъ монастырскаго доношенія этой канцеляріи видно, что въ данное время монастырь владѣлъ тремя мельницами. Одна находилась на р. Самарѣ въ урочищѣ Хащовомъ; выстроена она „по дозволенію Коша“ 10 апрѣля 1752 г.; канцеляріей Азовской губерніи подъ эту мельницу было отведено 120 десятинъ земли. Другая мельница на Самарчикѣ близъ Новоселицы, куплена 15 сентября 1752 года у казака Канѣвскаго куреня Григорія Чумаченка, при чемъ одна половина ея стоимости уплачена продавцу монастыремъ, а другая — войсковымъ писаремъ Димитріемъ Романовскимъ. Третья — при устьѣ р. Самарчика издавна находится, „по дозволенію бывшаго запорожскаго Коша, во владѣніи монастыря“.

Отъ 1781 г. осталось шесть дѣлъ; по описи ихъ должно быть столько же. Отъ 1782 г. осталось столько, сколько и должно быть — всего пять. Самое интересное изъ нихъ — это большое дѣло о смерти монаховъ за время отъ 1777 по 1783 г. и о назначеніи на ихъ мѣсто другихъ; въ немъ заключается переписка между Самарскимъ и Межигорскимъ монастырями по поводу смерти того или другаго монаха и реестры оставленныхъ покойниками вещей; послѣ одного изъ нихъ — іеромонаха Антонія Траумблера — осталось 10 русскихъ книгъ, 15 латинскихъ и 8 нѣмецкихъ (прочіе монахи мало оставляли книгъ).

Отъ 1783 г. осталось только 4 дѣла; должно быть 7. Есть дѣло о посвященіи во іерея іеродіакона Серапіона; посвященіе совершалъ 28 ноября 1783 года митрополитъ Готфрейскій и Кефайскій Игнатій, по просьбѣ Межигорскаго архимандрита Гавріила. При дѣлѣ хранятся копія ставленной грамоты и письмо митрополита Игнатія къ начальнику Самарскаго монастыря; свое имя митрополитъ писалъ по-гречески. Интересно въ бытовомъ отношеніи и дѣло о требованіи находящихся подъ залогомъ монастыря овецъ прапорщика Бѣлаго.

За 1784 г. въ описи не упомянуто ни объ одномъ дѣлѣ; но за то сохранилась отъ этого года опись монастырскаго имущества и церковныхъ принадлежностей; опись эта очень интересна (составлена 2 іюля 1784 г.).

¹⁾ См. его „Самарскій, Екатерин. епар., Пустын.-Николаев. монастырь“, стр. 56 — 60.

Отъ 1785 г. должно быть три дѣла; отъ 1786 г. сохранилось 4 дѣла, вмѣсто упоминаемыхъ въ описи семи. Интересны свѣдѣнія о населеніи Орловщины (получила названіе отъ Орловаго Кута), Песчаной, Хащевой мельницы и Лозовой (владѣнія Самарскаго монастыря) за 1782 — 85 гг. Не всѣ дѣла сохранились и отъ 1787 г.; ихъ должно бѣть 14; между ними заслуживаетъ вниманія дѣло о доставленіи монастыремъ, по требованію правителя намѣстничества Ив. М. Синельникова въ Херсонъ, „въ Черноморское правленіе“, къ 1 ноября 1788 г. тысячи пудовъ сухарей; муку для нихъ надо было брать изъ Старосамарскаго или Кодацкаго (казенныхъ) магазиновъ.

Въ этомъ дѣлѣ сохранилось нѣсколько писемъ присутствующаго (члена — по нынѣшнему) Екатеринославской консисторіи, игумена Созонта къ начальнику Самарскаго монастыря, іеромонаху Теофану, въ которыхъ Созонтъ передавалъ распоряженія архіепископа Амвросія (Серебряникова) относительно поставки этихъ сухарей. Сухари, въ количествѣ 83 четвертей, были доставлены къ 20 декабря 1788 г. въ Новокодацкій провіантскій магазинъ и сданы туда подъ росписку. Магазинъ выдалъ квитанцію. Вѣроятно, за одно съ приготовленіемъ сухарей (въ виду предстоящей русско-турецкой войны) монастырь долженъ былъ дать въ казну и извѣстное количество зерна. Думать такъ, даетъ основаніе письмо упомянутаго Созонта къ іеромонаху Теофану, которое приводимъ цѣликомъ.

„Пречестнѣйшій іеромонахъ, отецъ Теофанъ, любезнѣйшій благопріятель мой! Преосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Екатеринославскій, милостивой архипастыръ нашъ, изволилъ приказать мнѣ написать къ вамъ, чтобъ вы увѣдомили о двухъ стахъ четвертяхъ хлѣба, назначенномъ къ поставкѣ въ казну въ бытность вашу въ Кременчугъ, поставленъ ли уже оной, или еще непоставленъ; а между тѣмъ, чтобы и сами вы въ скорости пріѣхали сюда къ его преосвященству, о чемъ объявивъ, съ истиннымъ васъ почитаніемъ остаюсь вашей пречестности всегдашній желатель и слуга игумень Созонтъ. 1788 года, марта 2 дня, М(онастырь) Полтавскій“¹⁾.

Отъ 1788 г. имѣется на лицо 16 дѣлъ, совсѣмъ не упоминаемыхъ въ описи. Интересно дѣло о построеніи въ монастырѣ новой колокольни, которую удалось соорудить лишь въ 1797-98 гг. Не имѣя денежныхъ средствъ для сооруженія этой колокольни, монастырь рѣшилъ прибѣгнуть къ традиціонному сбору пожертвованій среди христіанцевъ. 30 марта 1788 г. начальникъ монастыря, уже не разъ упоминаемый Теофанъ, испросилъ у архіепископа Амвросія разрѣшеніе послать сборщика „милостыни“ для сооруженія колокольни. Архіепископъ далъ свое разрѣшеніе, и 1 апрѣля 1788 г. Екатеринославская консисторія монастырскому сборщику выдала на два года „билетъ на испрашиваніе подаванія“. Годы шли за годами, новая колокольня не строилась, а старая грозила паденіемъ. Митрополитъ Гавріиль Банулеско Бодони въ 1797 г. обратилъ вниманіе на столь печальное положеніе монастырской колокольни и приказалъ замѣнить ее новой. Въ разсматриваемомъ дѣлѣ наиболѣе интересными документами являются рапортъ іеромонаха Теофана, указъ консисторіи и указъ митрополита Гавріила эконому монастыря, іеромонаху Антонію. Приводимъ указъ цѣликомъ.

¹⁾ Разумѣется Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ жили наши епархіальные архіереи до 1797 г., до переселенія ихъ въ Новомиргородъ.

„Честной эконо́мъ, отецъ Антоній! Повелѣваемъ вамъ состоящую въ загородномъ нашемъ домѣ Самарскомъ Пустыннониколаевскомъ монастырѣ старую колокольню, яко гнилую, уже къ паденію наклоняющуюся, снять, а на мѣсто оной сооронить новую прочную, фасономъ, сколько можно, для сего монастыря приличнымъ, на воротахъ монастырскихъ, что на западной сторонѣ. На построение же оной колокольни употребить церковныя онаго монастыря деньги, которыхъ сколько на покупку потребныхъ матеріаловъ и на уплату майстру употреблено будетъ репортовать намъ и предложить именной реестръ.

Гавріиль, митрополитъ Екатеринославскій 1797 года, іюня 15 дня, Самарскій монастырь“.

Изъ девяти дѣлъ 1789 года сохранилось восемь, а отъ 1790 г. — изъ шестнадцати осталось только одиннадцать; въ числѣ документовъ отъ 1790 г. есть дѣло о бывшемъ Запорожцѣ Алексѣѣ Довбнѣ, жившемъ въ монастырскомъ хуторѣ Лозоватомъ; ему разрѣшено было отправиться на Кубань.

Не будемъ дальше перечислять архивныхъ дѣлъ Самарскаго монастыря въ хронологическомъ порядкѣ. Сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній относительно находящагося здѣсь архивнаго матеріала послѣдующихъ лѣтъ. Чѣмъ ближе къ концу XVIII ст., тѣмъ больше отъ каждаго года сохранилось дѣлъ. Но всѣ они имѣютъ значеніе исключительно только для исторіи самаго монастыря, хотя есть и такія, что могутъ быть полезны и для исторіи всей епархіи. Манифесты, синодальные указы, распоряженія мѣстной консисторіи или домового архіерейскаго правленія разнообразятся дѣлами объ „эпитимійцахъ“, т.-е. лицахъ духовнаго сана, ссылаемыхъ сюда, въ видѣ наказанія, за тѣ или иные проступки противъ правилъ нравственности и церковнаго благочинія¹⁾. Отъ 90-хъ годовъ позапрошлаго столѣтія такого рода дѣлъ осталось очень много; къ началу XIX в. число ихъ увеличивается; они знакомятъ съ бытомъ и нравственнымъ состояніемъ Новороссійскаго духовенства того времени и въ этомъ отношеніи служатъ матеріаломъ для исторіи мѣстной и двухъ сосѣднихъ съ нею (Херсонской и Таврической) епархій. Они являются прекраснымъ подспорьемъ при составленіи исторій отдѣльныхъ приходовъ, такъ какъ содержащимися въ нихъ свѣдѣніями выясняется нравственный обликъ нѣкоторыхъ представителей не только причта церковнаго, но и пасомыхъ. Пишущій эти строки воочію убѣдился, насколько полезенъ въ этомъ отношеніи монастырскій архивъ: ему удалось найти очень интересныя свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему приходовъ Херсонской губерніи. Интересны сохранившіеся здѣсь отрывки документовъ изъ архивовъ нынѣ не существующихъ монастырей нашей епархіи: Нефороцанскаго, Гольмянскаго, Роговскаго и Пасасельскаго. Эти монастыри были закрыты по распоряженію свѣтской власти (нѣкоторые и духовной), монахи же со всѣмъ монастырскимъ имуществомъ переведены въ Самарскій монастырь. Объ упраздненныхъ монастыряхъ въ печати не сохранилось, можно сказать, никакихъ свѣдѣній (Гавріиль и Феодосій перечисляютъ въ своихъ трудахъ одни лишь названія ихъ), почему сохранившіеся обрывки документовъ получаютъ важное значеніе: они хоть немного знакомятъ насъ

¹⁾ Многіе эпитимійцы доставлялись „подъ карауломъ“, т.-е. при посредствѣ полиціи.

съ положеніемъ и судьбой этихъ монастырей. Приходится жалѣть о томъ, что этихъ документовъ дошло до насъ очень немного. Среди всѣхъ документовъ значительный интересъ представляютъ сохранившіяся „описи“ церковнаго имущества и хозяйственныхъ принадлежностей монастыря; онѣ знакомятъ насъ съ состояніемъ монастыря въ разные годы; изъ нихъ наиболѣе древни описи 1784, 1787, 1794 и 1795 годовъ. Описи XIX в. (1801 г., 1806 г., 1812 г. и мн. др.) также имѣютъ большой интересъ и важное значеніе въ дѣлѣ изученія прошлаго нашего монастыря. Насколько важны для ознакомленія съ прошлымъ монастыря упоминаемыя нами „описи“, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ нихъ. Опись 1787 г. „Монастырь въ островѣ при рѣкѣ Самарѣ, окруженъ другою рѣчкою Самарчикомъ, въ лѣсу и оградю деревянною огражденъ; въ немъ церковь каменная новая (Свято-Николаевская)... другая церковь деревянная при общей трапезѣ, храмъ Преображенія Господня... крыта дранью“. „Колокольня деревянная, ветхая, крытая шалюванкою“ съ пятью колоколами; вѣсу въ самомъ большемъ изъ нихъ 52 пуда 30 фунтовъ.

Выдержка изъ описи 1812 года. Въ Самарскомъ архіерейскомъ загородномъ домѣ церковь „каменная обѣ одной главѣ во именованіе святителя Христова Николая съ предѣломъ (!) съ правой стороны святыхъ мученикъ Кирика и Улиты. Въ оной церкви къ первому престолу иконостасъ вѣтхій деревянный столярской гладкой работы, по мѣстамъ посеребренъ, а иконы писаны старинною живописью разными красками, золотомъ и серебромъ. Святія врата рѣзаны цвѣтами ¹⁾ и вызолочены. Въ алтарѣ горнее мѣсто новое деревянное столярной рѣзанной работы, по жемчужному полю позолоченъ, а иконы писаны живописью разными красками. Ко второму престолу иконостасъ не такъ еще старый, небольшой, писанъ на фланскомъ полотнѣ живописью разными красками, золотомъ и серебромъ“.

Значеніе упоминаемыхъ нами описей еще болѣе увеличится, если мы вспомнимъ, что въ нихъ, кромѣ перечня церковныхъ предметовъ съ подробнымъ ихъ описаніемъ, встрѣчаются указанія на время приобрѣтенія того или другого предмета, на лицо, пожертвовавшее его и приводятся имѣющіяся на предметахъ (евангеліяхъ, сосудахъ, крестахъ и т. д.) надписи. Послѣднія всегда очень интересны. Для образца приведемъ нѣсколько надписей. На одномъ изъ евангелій послѣ указаній на то, что оно Московской печати 1735 г. написано: „сіе евангеліе, купленное за покойнаго Никифора, прозываемаго Рябошанкою, знатнаго товарища куреня Поповичовскаго за отпущеніе грѣховъ до монастыря святоуспенскаго Нехворощанскаго, Заорѣлскаго, тцаніемъ высоце въ Бгу преподобнѣйшаго отца а(р)химандрита Гавриила Яновскаго, того-жь монастыря вышѣ означеннаго начальника, цѣною рублей 15 изполтною безъ сребра, 1740 года, мца мая 6 дня“. На одной изъ чашъ написано: „сія чаша сдѣлана коштомъ отъ казака войска Запорожскаго куреня Поповычевскаго Алексея Бѣлицкаго, бывшаго кошового, въ Самарскій монастырь въ церковь святителя Христова Николая, ко Кіево-Межигорскому приписный, 1771 года, декабря 20 д.“.

Для полноты обзорѣнія архивныхъ документовъ Самарскаго монастыря, относя-

¹⁾ Въ описи 1801 года — „квѣтомъ“. По всей вѣроятности, врата, какъ и весь иконостасъ, „рѣзаны“ въ 1753 году.

щихся къ позпрошлomu столѣтію, считаю нужнымъ сказать, что помимо тѣхъ дѣлъ, о которыхъ упоминалось выше, здѣсь можно найти еще нѣсколько отношеній Ново-московскаго нижняго земскаго суда, два или три „предложенія“ изъ Азовской губернской канцеляріи и нѣсколько бумагъ касательно межеванія монастырскаго земли при Чертковѣ (1777—1780 гг.), отписку іеромонаха Теофана, стоявшаго во главѣ нашего монастыря, Межигорскому монастырю и др. Случайно какъ-то попала сюда и опись не разъ упоминаемаго нами Кіево-Межигорскаго монастыря, упраздненнаго въ 1786 году; опись эта составлена въ 1769 г. и, конечно, имѣеть немалый интересъ для изслѣдователя прошлыхъ судебъ нашего края.

Такимъ образомъ, историческихъ матеріаловъ отъ XVIII в. въ Самарскомъ монастырѣ очень мало. Приходится съ грустью констатировать этотъ фактъ! Отъ монастыря, существовавшаго уже въ XVII ст. и стоявшаго очень близко къ Запорожскому войску, можно было ожидать гораздо большаго. Гдѣ же дѣвались документы болѣе ранніе, чѣмъ разсмотрѣнные нами? Самарскій монастырь неоднократно подвергался опустошеніямъ со стороны татаръ (наприм., послѣ перехода Запорожья подъ протекцію турецкаго султана въ 1709 г., затѣмъ — въ 1736—37 годахъ); они разоряли и жгли его, при чемъ, разумѣется, пропадали и документы. Затѣмъ, въ 1771—72 годахъ на всемъ югѣ свирѣпствовала страшная моровая язва-чума, опустошившая и Самарскій монастырь: во избѣжаніе заразы были сожжены цѣлыя келіи со всемъ находящимся въ нихъ. При этомъ легко могли погибнуть и документы. Наконецъ, исчезновенію документовъ (особенно наиболѣе цѣнныхъ и интересныхъ) немало способствовали, по выраженію епископа Θεодосія, „любопытные изыскатели древностей“, которые въ значительномъ количествѣ посѣщали монастырь, разсматривали архивъ и „убѣжали отсюда съ большими запасами и приобрѣтеніями“¹⁾. Печальный видъ, въ которомъ находятся оставшіяся дѣла архива, ясно говоритъ объ усердіи господъ изслѣдователей старины. Въ результатъ — скудность архивнаго матеріала за XVIII вѣкъ.

Что касается документовъ, относящихся къ XIX в., то число ихъ въ монастырскомъ архивѣ очень велико. Они находятся тоже въ не совсѣмъ удовлетворенномъ состояніи — то же разбиты и расположены въ беспорядкѣ. О нихъ скажемъ только нѣсколько словъ. Среди нихъ находимъ книги для записи братскихъ доходовъ, приходо-расходныя книги, дающія возможность ознакомиться съ цѣнами на разные предметы на протяженіе всего XIX в., списокъ монаховъ и штатныхъ служителей за разные годы, описи монастырскихъ церковныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей (особенно интересны описи 1801 г., 1806 г. — описи сосудовъ и облачений, сдѣланная по распоряженію архіепископа Платона Любарскаго, на 54 листахъ, — 1812 г. и др.), указы — Синодалные, консисторскіе и домового архіерейскаго правленія, — дѣла по сношенію съ другими монастырями, особенно съ Черноморскою Лебяжьей Николаевскою пустынью и много др. Тутъ можно видѣть книгу для записи жертвуемыхъ монастырю „привѣсокъ и прочихъ вкладовъ“, выданную консисторіей въ 1811 г. (доведена до 1818 г.), переписку о бѣглыхъ монахахъ въ началѣ XIX ст., свѣдѣнія

¹⁾ Θεодосій, „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи“, вып. I, стр. 2.

о Пасасельскомъ (Тираспол. уѣз., Херсон. губ.) монастырѣ, дѣла о присылаемыхъ на эпитимію лицахъ духовнаго званія. Такого рода дѣлъ очень много за первую четверть прошлаго столѣтія. Очень часто ссылали сюда за пьянство; въ послѣднемъ случаѣ на монастырское начальство возлагалось обязанность раскрывать предъ провинившимся „гнуемость пьянства“. Встрѣчаются дѣла объ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ; дѣла эти имѣютъ интересъ въ бытовомъ отношеніи. Интересенъ списокъ книгъ (1812 г.) съ обозначеніемъ тѣхъ книгъ, какія были перенесены въ Самарскій монастырь изъ упраздненныхъ Нефороцанскаго и Пасасельскаго монастырей.

Наибольшій интересъ, по нашему мнѣнію, имѣютъ рапорты начальниковъ Самарскаго монастыря, представляемые ими епархіальнымъ архіереямъ, донесенія экономовъ о ходѣ хозяйственныхъ дѣлъ, о доходахъ съ полей, садовъ, мельницъ, стадъ и т. п. На этихъ донесеніяхъ встрѣчаются характерныя и очень интересныя замѣчанія владыкъ: Платона (Любарскаго), Іова, Онисифора и Гавріила, особенно перваго и послѣдняго. Замѣчанія эти могутъ служить матеріаломъ для біографій и характеристикъ нашихъ архіереевъ. Такое же значеніе, въ смыслѣ интереса, могутъ имѣть и многочисленныя предписанія домового архіерейскаго правленія экономамъ монастыря, въ коихъ содержатся хозяйственныя распоряженія (иногда даваемые архіепископомъ, какъ напри- мѣръ, Платономъ и Гавріиломъ), или требованія доставить въ Екатеринославъ муки, дровъ, овса, дойныхъ коровъ или молочныхъ продуктовъ, ягнятъ, плодовъ и т. под. Эти документы могутъ служить матеріаломъ для исторіи нашего архіерейскаго дома, а все вообще документы XIX в. — источникомъ для исторіи самаго монастыря въ истекшемъ столѣтіи (ибо и Гавріиль, и Θεодосій очень мало касаются ея); потребность и въ той, и въ другой уже, кажется, достаточно назрѣла.

Свѣдѣнія объ архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи (документы XVIII вѣка).

В. Бѣднова.

Екатеринославская епархія существуетъ всего лишь сто-тридцать лѣтъ, если считать годомъ ея основанія 1775 годъ, когда 9 сентября, по волѣ императрицы Екатерины II, учреждена была на югѣ Россіи, въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ, Славянская и Херсонская епархія. Сто тридцать лѣтъ — небольшой промежутокъ времени, поэтому нечего искать въ архивѣ здѣшней епархіальной консисторіи документовъ глубокой древности; но то, что находится здѣсь, имѣетъ интересъ и не малое значеніе для изслѣдователя судебъ, можно сказать, всего юга Россіи. Дѣло въ томъ, что Славянская епархія обнимала огромнѣйшій районъ: въ составъ ея входили вся нынѣшняя Екатеринославская губернія, восточная половина Херсонской, южная часть Полтавской, части Харьковской губерніи, Области Войска Донского и Таврическая губернія. Въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія къ ней присоединены были еще земли Очаковской области (часть Херсонской губерніи, между Бугомъ и Днѣстромъ) и земли, пожалованныя такъ-называемому Черноморскому войску (часть нынѣшней Кубанской области).

Весь этотъ огромнѣйшій районъ во второй половинѣ позапрошлага вѣка только заселялся русскими выходцами; во многихъ мѣстахъ его русская культура появлялась впервые и дѣлала, такъ-сказать, первые шаги. Въ числѣ первыхъ строеній во всякомъ мѣстѣ появленія русскаго населенія были церкви, которыя строились и на частныя и на казенныя средства. Постройка церкви въ извѣстномъ мѣстѣ вынуждала населеніе завязывать сношенія со своимъ архіереемъ, живущимъ тогда въ Полтавѣ, въ Кресто-воздвиженскомъ монастырѣ. Надо было испросить его благословленіе на постройку церкви, а для этого надо было представить самыя точныя свѣдѣнія о времени возникновенія даннаго поселенія, о количествѣ населенія и его матеріальной обеспеченности. Такія свѣдѣнія часто, по просьбѣ населенія, представлялись мѣстной администраціей. Благодаря этому въ консисторіи епархіальнаго архіерея возникали дѣла о заложеніи церкви въ томъ или другомъ мѣстѣ. Далѣе, по построеніи церкви, являлась нужда въ священникѣ. Прихожане выбирали кандидата и съ особымъ „доношеніемъ“ представляли его духовнымъ властямъ для посвященія. Прежде чѣмъ облачить представленнаго кандидата „а кого лѣта“ въ священныя санѣ, его подвергали

испытанію, предварительно собравъ возможно полныя свѣдѣнія о личности ставленника и о приходѣ, для котораго предназначался послѣдній. Возникалъ новый родъ дѣлъ, имѣющихъ не малый интересъ для исторіи прошлаго епархіи и здѣшняго края. Необходимость произвести починку церкви, перемѣнить иконостасъ, недовольство прихожанъ противъ своего священника и мн. др.— все это давало поводъ и матеріаль для новыхъ дѣлъ, образцы которыхъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ консисторскомъ архивѣ.

Самый архивъ въ настоящее время находится въ старомъ помѣщеніи консисторіи, гдѣ на второмъ этажѣ занимаетъ пять комнатъ. Дѣла расположены кипами, изъ коихъ каждая составляетъ особую связку. Связки расположены въ хронологическомъ порядкѣ по полкамъ. Въ одной изъ комнатъ, второй отъ входа, въ углу, связки дѣлъ свалены въ кучу прямо на полъ; куча эта занимаетъ площадь около квадратной сажени и имѣетъ болѣе двухъ аршинъ въ высоту; въ этой кучѣ не менѣе двухсотъ связокъ дѣлъ. Архивнаго матеріала въ общемъ здѣсь очень много, но изъ всего количества его на долю XVIII вѣка, наиболѣе интереснаго въ дѣлѣ колонизаціи нашего Новороссійскаго края, приходится очень и очень немного: всего лишь четыре полки въ одной изъ комнатъ, выходящихъ окнами на Потемкинскую улицу, да большинство связокъ, лежащихъ въ упомянутой кучѣ. Такая скудость документовъ XVIII столѣтія объясняется судьбой нашего архива. На первыхъ порахъ существованія упомянутой выше Славяно-Херсонской епархіи онъ составилъ изъ дѣлъ, которыя были присланы изъ консисторій Кіевской, Переяславской, Воронежской и Бѣлгородской, изъ консисторій тѣхъ епархій, отъ которыхъ были отдѣлены для вновь открываемой Славянской епархіи населенныя мѣстности съ организованными уже раньше приходами. Сюда попали дѣла, касающіяся приходо-вольностей войска Запорожскаго, Кременчугскаго, Полтавскаго, Кобеляцкаго и Константиноградскаго уѣздовъ Полтавской губерніи, южной части нынѣшней Харьковской губерніи, нѣкоторыхъ округовъ Области (Войска Донскаго и приходо-вольностей гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ въ сѣверной части Херсонской губерніи (Елисаветградской провинціи). Въ Полтавѣ архивъ, какъ и кафедра екатеринославскихъ архіереевъ, находился до 1798 года. Въ этомъ году, съ переименованіемъ Екатеринославской епархіи въ Новороссійскую, онъ вмѣстѣ съ архіерейскимъ домовъ и консисторіей былъ перевезенъ въ Новомиргородъ (заштатный городъ Херсонской губерніи), а въ 1804 году, когда, по волѣ Императора Александра I, архіерейская кафедра перемѣстилась въ Екатеринославъ, нашъ архивъ перешелъ сюда же. Перевозка на разстояніи сотенъ верстъ не могла быть благопріятной для цѣлости и неприкосновенности его содержанія; многіе изъ документовъ погибли окончательно, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Пропажа была настолько ощутительна, что въ 1807 году, во время управленія Екатеринославской епархіей архіепископа Платона Любарскаго была назначена особая комиссія для разслѣдованія причинъ и открытія виновниковъ гибели консисторскихъ документовъ. Комиссія эта ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не пришла.

Кромѣ перевозокъ архива съ одного мѣста на другое, сокращеніе архивнаго матеріала способствовало постепенное сокращеніе предѣловъ Екатеринославской епархіи

путемъ отдѣленія отъ нея въ разное время разныхъ частей ея. Всякій разъ, какъ учреждалась по сосѣдству новая самостоятельная епархія, къ которой отходила часть Екатеринославской, въ консисторію первой отправлялись изъ нашего архива и дѣла, имѣвшія непосредственное отношеніе къ отторгаемой мѣстности. Ихъ можно встрѣтить и въ Харьковѣ, куда они попали со времени учрежденія въ 1799 году Слободско-Украинской епархіи, и въ Полтавѣ (въ 1803 г. была открыта Полтавско-Переяславская епархія) и въ Кишиневѣ (въ 1813 г. открыта Кишиневская и Хотинская епархія) и въ Одессѣ, гдѣ съ 1837 года находится кафедра херсонскихъ архіереевъ, въ вѣдѣніи которыхъ передана значительная часть Екатеринославской епархіи¹⁾.

Наконецъ, уменьшенію архивнаго матеріала и исчезновенію документовъ способствовали и любители мѣстной старины. Роясь въ архивѣ и изучая содержаніе документовъ, они не удерживались и подчинялись искушенію уносить болѣе интересныя дѣла. Утверждать это есть полное основаніе: всякій можетъ видѣть во многихъ связкахъ только обрывки, а не цѣлыя дѣла (для примѣра можно указать на связки дѣлъ „приказнаго стола“ за 1788 годъ). Нѣкоторыхъ дѣлъ совсѣмъ нѣтъ; объ этомъ свидѣлствуетъ сохранившаяся на дѣлахъ нумерація. Назвать виновныхъ въ исчезновеніи историческихъ документовъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ консисторскій архивъ привлекалъ вниманіе любителей старины еще съ 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Имъ пользовались для своихъ работъ два мѣстныхъ архіерея: архіепископъ Гавріиль Розановъ (умеръ на покой въ Тверскомъ Желтиковомъ монастырѣ въ 1858 году) и епископъ Θεодосій Макаревскій († 1885 г.) Первому принадлежатъ слѣдующіе труды: „Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый“ (въ III и V т. т. „Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей“), „Повѣствованіе о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ“ (Одесса, 1838 г.) и нѣсколько очень цѣнныхъ замѣтокъ и документовъ въ первыхъ томахъ тѣхъ же „Записокъ Одес. Общ. Исторіи и Древностей“ (наприм., въ III т., стр. 587—89, помѣщено имъ донесеніе императрицѣ Екатеринѣ II генерала Текелія о разрушеніи имъ коша Запорожскаго). Второму, т.-е. епископу Θεодосію, принадлежатъ: „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи, церкви и приходы прошедшаго столѣтія“ — вып. I (573 стр.) и II (372 стр.) — оба изданы въ Екатеринославѣ въ 1880 г., „Самарскій, Екатеринославской епархіи, Пустынно-Николаевскій монастырь“, Екатеринославъ, 1873 г. „Историческій обзоръ православной христіанской церкви въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской епархіи до времени формальнаго открытія ея“ („Екатерин. Епархіальныя Вѣдомости“ 1875 г.).

Произведенія названныхъ іерарховъ написаны на основаніи документовъ архива Екатеринославской консисторіи; оба они во многихъ мѣстахъ своихъ цѣнныхъ изслѣдованій говорятъ словами документовъ. Несмотря на свой немалый объемъ, труды эти далеко не исчерпываютъ всего того, что содержитъ въ себѣ нашъ архивъ, и послѣдній имѣетъ и въ наше время (и будетъ имѣть) очень важное значеніе въ дѣлѣ изученія исторіи юга Россіи.

¹⁾ Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи, вып. I, Екатеринославъ, 1880 г., стр. 2.

Самыя раннія дѣла, какія намъ удалось найти среди связокъ, относятся къ 1758 году; ихъ всего лишь 10: семь изъ архива Переяславской консисторіи и три — Воронежской; касаются они вопросовъ о построеніи новыхъ церквей и опредѣленія къ нимъ священниковъ въ округахъ гусарскихъ полковъ (въ сѣверной части Херсонской губ.) и слободахъ Бахмутской заката. Опредѣленной нумераціи эти дѣла не имѣютъ. Изъ нихъ наиболѣе интересны два дѣла о назначеніи священниковъ и одно о построеніи церкви. Каждому изъ дѣлъ, поступившихъ изъ Переяславской консисторіи, предпосылается опись документовъ, входящихъ въ составъ его; при дѣлахъ Воронежской консисторіи такая опись отсутствуетъ. Первое изъ названныхъ трехъ дѣлъ надписывается: „о опредѣленіи священника Іоанна Левицкаго на приходъ протопопіи Елисаветской въ слободу Добрянку (на 16 листахъ)“, второе: „о усыновленіи протопопіи Елисаветской въ слободѣ Орель волоскаго священника Θεодора Яркоускаго на приходъ“. Дѣла эти интересны въ томъ отношеніи, что касаются такъ называемыхъ волоскихъ священниковъ и знакомятъ насъ, съ какими затрудненіями приходилось поселенцамъ пріискивать для себя отцовъ духовныхъ. 24 сентября 1758 года протопопъ крѣпости св. Елисаветы доносилъ Переяславской консисторіи, что еще въ 1756 году пришелъ „въ новопоселенный слободскій казачій полкъ въ слободу Добрянку“ (Елисавет. уѣзда) священникъ Іоаннъ Левицкій, котораго жители Добрянки желали имѣть у себя для отправленія богослуженій и требъ христіанскихъ, хотя церкви еще не имѣли, а только собирали деньги для ея сооруженія. Левицкій Іоаннъ, какъ видно изъ дѣла, былъ рукоположенъ во іерея 28 октября 1748 г. „отъ преосвященнаго Молдавскаго Гушскаго епископа Іерооѳея“ и нѣкоторое время священствовалъ въ селѣ Лубенецѣ, „Чигринской губерніи Полской области“; въ 1752 году онъ перешелъ въ Россію, „въ мѣстечку Цибулевѣ“ принесъ клятву на вѣрность русской Императрицѣ, въ удостовѣреніе чего и получилъ отъ тамошняго сотника Данила Байрака „писменное свидѣтельство“; послѣ этого онъ былъ „усыновленъ“ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ къ церкви села Дмитровки („Малороссійскаго Миргородскаго полку“). Отсюда онъ ушелъ въ Добрянку. Въ 1756 г. сербскія поселенія — гусарскій и пандурскій полки (въ нынѣш. Херсон. губ.) и русскія заднѣпрянскія слободы вокругъ крѣпости св. Елисаветы — были изъяты изъ вѣдѣнія кіевскаго митрополита и причислены къ епархіи Переяславской. Новое епархіальное начальство потребовало, чтобы всѣ священнослужители этой мѣстности явились въ консисторію для провѣрки и подтвержденія своихъ ставленныхъ грамотъ. Левицкій, по заявленію стоящаго во главѣ новонаселяемаго казачьяго полка, къ которому принадлежала Добрянка, генераль-майора Юста, не могъ явиться въ консисторію, въ виду постигшей его тяжелой болѣзни, почему и не былъ усыновленъ Переяславскимъ архіереемъ вмѣстѣ съ прочими своими товарищами. Къ 1758 г. Левицкій выздоровѣлъ и возбудилъ дѣло о своемъ „усыновленіи“, при чемъ его, кромѣ прихожанъ, поддерживалъ и Юстъ, написавшій письмо къ епископу Гервасію Линцевскому. Такъ какъ ставленная грамота священника Іоанна Левицкаго оставалась въ Кіевской консисторіи, то между консисторіями Переяславскаго епископа и Кіевскаго митрополита завязалась переписка, благодаря которой выяснилась личность Левицкаго. Въ дѣлѣ есть нѣсколько резолюцій преосвященнаго Гервасія, писанныхъ его собственною рукою.

Въ дѣлѣ „о усыновленіи“ священника Феодора Яркового также есть много интереснаго и знакомящаго насъ съ бытомъ и положеніемъ приходскаго священника XVIII столѣтія въ колонизируемомъ краѣ. Рукоположенъ Ярковою Данииломъ, митрополитомъ Прославскимъ, Томаровскимъ, Хотинскимъ, „всѣхъ Дунайскихъ и Днѣстровскихъ береговъ“, и священствовалъ нѣкоторое время въ Палеевомъ-Озерѣ (въ польскихъ владѣніяхъ), а затѣмъ ушелъ въ Россію. Въ Орлѣ прихожане-казаки пожелали имѣть его у себя священникомъ и дали ему „выборъ“, т.-е. удостовѣреніе въ томъ, что они желаютъ оставить его въ своей слободѣ. Выборъ этотъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ прихожане опредѣлили плату своему священнику за совершеніе имъ требъ (такихъ „выборовъ“ въ архивѣ очень мало). „Выбрали“, говорятъ казаки, его (Яркового) „за целого настоятеля (были и половинные) и священство его во всемъ почитать и доброхотно поступили ему въ довольствіе доходовъ за сорокоустъ сорокъ гривень, за крещенскую метрику пять копеекъ, за исповедь копейка, за . . . ки¹⁾ на воскресеніе по две копейки, за кухлики, приносимые въ постъ, за службы, за молебень, за акаѣистъ по десять копеекъ, за освященіе дому и службу Божію тритцать пять копеекъ, за венчаніе первобрачно тритцать копеекъ безъ квитового, за второбрачныхъ два рубля, за вводины по браку пять копеекъ, за соборованіе масла надъ больнымъ шесть гривень, за упись суботника рубль, за освященіе колодезя десять копеекъ, за погребеніи малыхъ копеекъ, за — великихъ полтина, за евангеліе одинъ рубль“ и т. д. Примѣры такого „выбора“ въ дѣлахъ архива очень рѣдки; чаще всего писалось одно лишь заявленіе прихожанъ, что они выбираютъ такого-то во священника безъ договора о платѣ за требоисправленіе. Въ этомъ дѣлѣ также есть нѣсколько резолюцій епископа Гервасія Линцевскаго, письма генерал-майора Юста къ нему и черновики отвѣтовъ послѣдняго Юсту.

Въ дѣлѣ „о заложеніи Гусарскаго полку въ шанцѣ Ереминобалскомъ вновь церкви“, начатомъ 4 іюля 1758 года есть письмо основателя Новосербіи генерала Хорвата и отвѣтъ на него епископа Гервасія. Отъ 1759 года не сохранилось не одного дѣла; отъ 1860 года нѣсколько, въ томъ числѣ одно очень большое „дѣло по писму Елисоветскаго коменданта, брегадира Муромцева о излишнихъ протопопомъ Елисоветскимъ Орловскимъ за вѣнчаніе памяти сверхъ указной пошлени взимаемыхъ денгахъ, 1760 г. мая 27 зачатое“. По писму коменданта Муромцева назначена была изъ трехъ священниковъ слѣдственная комиссія для разслѣдованія проступковъ протопопа Орловскаго. Комиссіей собрано много свѣдѣній, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи, что и составляетъ содержаніе этого дѣла.

Отъ 1761 г. осталось всего лишь два дѣла, отъ 1762 г. — девять дѣлъ и отъ 1763 г. — до двадцати; всѣ эти дѣла переданы сюда изъ Воронежской Консисторіи, относятся къ приходамъ Бахмутскаго заказа.

Отъ 1765 г. сохранилось документовъ больше, чѣмъ отъ упомянутыхъ выше годовъ; отъ этого года находимъ уже цѣлую связку дѣлъ. Среди нихъ много относящихся къ нынѣшней Полтавской епархіи: встрѣчаются дѣла о селахъ-магистратіяхъ „его вельможности гинда обозного генералнаго Семена Васильевича Кочубея“ (На-

¹⁾ Неразборчиво написано.

дежда, Трибы и др.) съ письмами Кочубея къ митрополиту Кіевскому, о старой церкви Новыхъ Санжаръ и др. Цѣнны свѣдѣнія о несуществующихъ теперь монастыряхъ женскомъ Пушкаревскомъ (№№ 5 и 34) и мужскомъ Недюрощанскомъ (№ 24), которые пользовались вниманіемъ мѣстнаго населенія.

Для ознакомленія съ внутренней жизнью женскаго монастыря имѣеть немалое значеніе дѣло № 5, начатое по жалобѣ игуменіи съ сестрами Пушкаревскаго Спасо-Преображенскаго монастыря на служившаго въ немъ (монастырѣ) священника Григорія Копача, который своими поступками возбудилъ противъ себя всѣхъ; на него жаловались за то, что онъ „боемъ и ругательствами озлоблялъ“ всѣхъ и при ссорахъ оглашалъ грѣхи своихъ духовныхъ чадъ, открывавшихъ ему свою душу на исповѣди. Дѣло большое и очень любопытное.

Для ознакомленія съ порядкомъ замѣщенія священническихъ мѣстъ въ вольностяхъ войска Запорожскаго низоваго важно дѣло № 36 „о рукоположеніи Григорія Иванова намѣстника Старокодацкой, села Камянки къ церкви Преображенія во священника 1765 г.“ и 3-го октября 1765 г. „правляцій въ войски Запорожскомъ войсковій судія Павелъ Головатій съ старшинами, атаманами и товариствомъ“ доносилъ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому, что „священники и прихожане“ Камянской церкви избрали во священника Запорожскаго войска старшину Григорія Иванова „и просили о рукоположеніи во священника (Григорія) къ вашему высокопреосвященству отъ насъ (т.-е. отъ Коша) писанія и разсмотренія“. Упоминаемый здѣсь Григорій Ивановъ—полковой старшина куреня Левушковскаго. Интересенъ „выборъ“, данный священниками и прихожанами села Камянки (Новомосков. уѣзда) Иванову. Изъ дѣла видно, что прихожане сами выбирали себѣ кандидатовъ въ священнослужители, давали имъ письменное удостовѣреніе объ этомъ („выборъ“) и просили кошъ ходатайствовать предъ митрополитомъ о посвященіи ихъ избранниковъ. Ходатайство это шло въ видѣ „доношенія“ митрополиту со стороны Коша и духовнаго Старокодацкаго намѣстніи Правленія. Въ данномъ случаѣ митрополитъ отвѣчалъ лично Головатому, о чемъ свидѣтельствуется имѣющійся при дѣлѣ черновикъ его письма.

Подобнаго же содержанія и дѣло № 37 „о рукоположеніи Ѳедора Фомича Старокодацкой намѣстніи мѣстечка Новаго Кодаку къ церкви Николаевской во священника 1765 года“ („на 21 листахъ“). Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ письма войскового судіи Павла Головатаго съ старшиною и товариствомъ, интересно еще „доношеніе“ священниковъ Новокодацкой церкви намѣстника Старокодацкаго Стефана Андреева и Василя съ прихожанами къ митрополиту Арсенію отъ 29 октября 1765 г. Они писали: „на мѣсто умершаго церкви Ныколаевской Новокодацкой священника Іоанна Василюва Курѣннаго Левушковскаго Ѳедора Фомича вѣдая его честное и доброобходительное обхожденіе принять всѣ обще желаемъ; для того вашего преосвященства всепокорнѣйше просимъ оного к церквѣ Свято-Николаевской Новокодацкой во іерея на четвертую часть рукоположеніемъ и выдачею усыновительной грамоты архипастырско не оставить“. Подписали это доношеніе, кромѣ двухъ священниковъ „Полковникъ Кодацкій Антоць Красовскій с старшиною и прихожане; ктиторъ Семень Бардодимъ, ключникъ Василь Пѣменій, атаманъ козацій Петро Незолтенко,

восемь козаковъ, атаманъ посполитыхъ Назаръ Левченко, 18 посполитыхъ, „а вмѣсто ихъ неграмотныхъ прошение жительствовающей в Новомъ Кодакѣ козакъ куреня Батуринскаго Василь Іллѣчь подписался“.

Среди связки дѣлъ 1766 года заслуживаетъ серіознаго вниманія пять дѣлъ (№№ 3, 10, 11, 29 и 31), знакомящихъ насъ съ несуществующими нынѣ монастырями: Великобужскимъ, Сокольскимъ, Нефорощанскимъ и Пушкаревскимъ. Дѣло № 3 трактуетъ „о облеченіи въ мандію Великобужскаго монастыря монахинь Антоніи, Агніи и Евдокіи“. Эти монахини вышли изъ предѣловъ Польши, въ приводимыхъ въ дѣлѣ справкахъ о нихъ содержатся свѣдѣнія о такъ называемыхъ заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи—Лебединскомъ, Онуфріевскомъ, Жаботинскомъ и Мошенскомъ. Дѣло № 10 „о выдачѣ въ Успенскій Нефорощанскій монастырь четырехъ грамотъ“—первой на починку большой Успенской церкви, второй на заложеніе новой трапезной церкви, третьей и четвертой „на испрошеніе милостины“. Изъ этого дѣла можно получить ясное представленіе о виѣшнемъ видѣ Нефорощанскаго монастыря въ 1766 г. „Большая Успенія Пресвятыя Бѣги церковь зъ верха зонтою весьма искусно покрита, тако-жь при церковныхъ съ правой и лѣвой сторонѣ дверокъ притворовъ не имѣется“, отъ чего „въ окошки.. и в двери во время биваемыхъ дождей и снѣговъ внутрь церкви является течь“, отъ которой могутъ скоро портиться окна, двери, „о двѣрки и помость“. „Поломорія“ весьма малая и тѣсная.. Трапезная церковь пренесеніе мощей свят. Николая и въ оной иконостасъ и трапеза весьма старіе и ветхіе“. Все это „вновь дѣлать надлежитъ, яко оной иконостасъ весьма старимъ и не совѣмъ искуснимъ мастерствомъ здѣланъ и, за силу указовъ, таковому въ церквѣ быть не слѣдуетъ“. Монастырь для этихъ исправленій не имѣетъ средствъ (или, по выраженію документа, „отъ самаго монастырскаго кошту выполнить всячески ненадежно“), почему монастырскія власти и просили у митрополита разрѣшенія послать за сборомъ подаенія — „приличествовало-де ко испрошенію на то въ Сѣчи Запорожской и принадлежащихъ ко оной Сѣчи козачьихъ зимовникахъ, гдѣ бы оніе по тамошнимъ урочищамъ ни были“ и въ другихъ мѣстахъ Кіевской епархіи просить „отъ добротныхъ Христолюбивихъ дателей вспомошествованія (изъ доношенія игумена Петра Митрополиту отъ 29 генваря 1766 г.)“.

Въ дѣлѣ № 37 (о постриженіи въ монашество трехъ послушниковъ), имѣющемъ отношеніе къ Сокольскому монастырю, содержатся свѣдѣнія объ одномъ Запорожцѣ, казакѣ Щербиновскаго куреня Романѣ Чапулкѣ; интересны его показанія о себѣ самомъ; ему было уже 60 лѣтъ, „женать не бываль, но желая монашескаго чина, пришелъ въ сей Свято-Преображенскій Соколекскій монастырь“, гдѣ жилъ „въ послушаніи ктиторскомъ три года“, до поступленія въ монастырь „пропитаніе себѣ имѣлъ зо ловлѣ рыбной и содержанія пчель“.

Кромѣ того, въ этой связкѣ есть дѣло (№ 71) о рукоположеніи пятаго священника къ Троицкой церкви мѣстечка Самарчика Запорожскаго полкового старшину Ивана Леонтьева Ковалевскаго; въ дѣлѣ № 29 — объ увольненіи отъ должности строителя Сокольскаго монастыря іеромонаха Исаи и назначеніи на его мѣсто митрополичьяго „реента“ іеромонаха Сафронія содержатся описъ всего монастырскаго

имущества какъ церковнаго, такъ и хозяйственнаго (перечисляются церкви, монастырскіе „подданные“, коихъ было 20 хатъ, лѣсъ, земельные участки и проч.). Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ попадаются ставленныя грамоты умершихъ священниковъ; такъ, въ дѣлѣ № 40 есть грамота, выданная священнику Рождество-Богородичной г. Полтавы церкви Іоанну Филипповичу въ 1727 г. архіепископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ.

Очень любопытно въ бытовомъ отношеніи дѣло № 17—„о преданіи дьячка Герасима Моисеева чертамъ“. Въ заглавіи по ошибкѣ указанъ дьячекъ Моисеевъ вмѣсто нѣкоего „Бѣлинскаго чнего-либо къ тому совѣта и якимъ-либо о томъ согласіи, по своему желанію, будучи самъ въ хатѣ и написалъ („карту, въ коей картѣ онъ, Бѣлинскій записалъ себе діаволу“) и врѣзавши ножомъ на правой рукѣ мизиннаго пальца текущею кровію въ двохъ мѣстахъ припечаталъ“. Сдѣлалъ это онъ въ полной увѣренности, что діаволь въ образѣ человека принесетъ ему деньги, чтобы получить у Бѣлинскаго эту „карту“. Но прежде чѣмъ пришелъ къ нему діаволь, „карту“ онъ потерялъ, нашедшіе эту карту представили ее въ Полтавское духовное правленіе, а то привлекло Бѣлинскаго къ суду церковному.

Отъ 1767 и 1768 г.г. въ консисторскомъ архивѣ не сохранилось дѣлъ, по крайней мѣрѣ, намъ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ. Отъ 1769 г. можно видѣть одну не малую связку дѣлъ. Среди нихъ наиболѣе интересны № 53 „о перенесеніи походной Запорожской церкви намѣстни Старокодацкой въ село Камянку и о дозволеніи въ ней до устройства въ томъ селѣ церкви священно-дѣйствовать“ и дѣло № 55 „о дозволеніи вышедшихъ съ волосной націи съ волоснымъ народомъ въ Новороссійскую губернію на жительство священникамъ священнодѣйствовать и о прочемъ“. Первое дѣло начато по письму отъ 19-го мая 1769 г. къ митрополиту Арсенію атамана Кошевого Петра Кальнишевскаго съ войсковою старшиною и товариществомъ; въ немъ Кошевой просилъ благословенія на перенесеніе въ Камянку (гдѣ въ то время сгорѣла церковь) походной церкви; въ дѣлѣ есть и отвѣтное письмо митрополита Кошу. Во второмъ дѣлѣ заключаются свѣдѣнія „о волосныхъ священникахъ, вышедшихъ съ румынами изъ Бесарабіи“ (съ береговъ Днѣстра); всѣ эти священники русскіе (изъ польскихъ владѣній), но рукоположенъ волочискими архіереями; въ дѣлѣ можно видѣть ихъ ставленныя грамоты какъ въ оригиналѣ (на румынскомъ языкѣ), такъ и въ переводѣ. Елисаветградское духовное правленіе отобрало у нихъ грамоты для отсылки въ Переяславскую Консисторію. Заслуживаютъ вниманія дѣла № 2 со свѣдѣніями о Полтавскомъ Успенскомъ соборѣ съ двумя письмами полтавскаго полковника Андрея Горленка къ митрополитамъ—Тимоею Щербацкому и Арсенію, и №№ 7 и 15, въ которыхъ видны примѣры опустошеній произведенныхъ Крымскими татарами во время набѣга ихъ на русскія владѣнія зимою 1768—69 г.г.

Отъ 1770—72 г.г. сохранилось по одной связкѣ отъ каждого изъ нихъ, отъ 1773 г.—двѣ связки и отъ 1774—75 г.—по одной связкѣ; во всѣхъ этихъ связкахъ содержится масса свѣдѣній относительно чернаго и желтаго гусарскихъ полковъ, относительно пикинерныхъ полковъ, о поселеніяхъ молохвеннаго гусарскаго полка,

образованнаго изъ Волосскихъ выходцевъ. Вопросы объ основаніи церквей во вновь заведенныхъ селеніяхъ (носившихъ названія ротъ) и назначеніи къ этимъ церквамъ священниковъ сильно занимали новыхъ пришельцевъ и доставляли много хлопотъ ихъ начальству. Приходилось имѣть переписку не только съ епархіальнымъ архіереемъ (Переяславскимъ), но и Новороссійской губернской канцеляріей и даже съ центральными учрежденіями Петербурга. Благодаря такимъ перепискамъ, сохранилось довольно много свѣдѣній о сѣверной части Херсонской губерніи, историческихъ, статистическихъ и бытовыхъ. Что касается вольностей войска Запорожскаго, то и о нихъ получаемъ немало свѣдѣній изъ дѣлъ о сооруженіи церквей въ Запорожскихъ поселеніяхъ и назначеніи къ нимъ священниковъ. Не мало въ этихъ связкахъ и дѣлъ со свѣдѣніями о монастыряхъ. Самыми интересными являются дѣла о назначеніи священниковъ. Выборное начало примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прихожане сами выбираютъ кандидатовъ священства и даютъ имъ „выборъ“, письменное удостовѣреніе, носящее иногда названіе „презента“ и „презентъ“. Это дѣлалось, и въ предѣлахъ вольностей Запорожскихъ. Начальство этихъ поселеній поддерживало предъ епаріальнымъ начальствомъ просьбы прихожанъ.

По такого рода дѣламъ можно составить представленіе о томъ, въ какомъ состояніи находилось просвѣщеніе на югѣ Россіи и къмъ пополнялся контингентъ священнослужителей, такъ какъ относительно каждаго ставленника предъ его рукоположеніемъ особой „сказкой“ собирались точныя справки касательно его происхожденія, образованія и образа жизни.

Изъ цѣлаго ряда интересныхъ документовъ отъ 1770—1774 г.г. можно указать нѣсколько. Дѣло № 24 (или 548) „копромеморіямъ Бахмутскаго гусарскаго полку о дозволеніи вышедшимъ изъ-заграницы волосскимъ священникамъ Василию Лукьянову, Димитрію Киріякову и прочимъ священнослуженія и исправленія при волосскомъ народѣ мірскихъ требъ и о прочемъ на 193 листахъ“ (начато 11 мая 1771 г., а закончено 16 мая въ 1781 г.). Бахмутскій гусарскій полкъ составлялъ часть такъ называемой Славяносербіи, которая входила въ составъ Бѣлгородской и Обоянской епархіи. Въ самомъ дѣлѣ находится нѣсколько промеморій отъ Бахмутскаго гусарскаго полка въ Бѣлгородскую консисторію, подписанныхъ извѣстнымъ дѣятелемъ Славяносербіи, полковникомъ Георгіемъ де-Преродовичемъ. Изъ нихъ видно, что при взятіи русскими города Бендеръ было уведено „въ пленъ ко опредѣленію въ сей (Бахмутскій) полкъ въ службу“ много волоховъ; ихъ было болѣе трехъ тысячъ, „кои пороссійски и слова выговорить не разумеютъ“. Въ виду крайней нужды среди этихъ волоховъ въ понимающихъ молдавскій языкъ священнослужителяхъ, Преродовичъ хватался за каждаго священника и діакона молдованина и ходатайствовалъ предъ Бѣлгородской Консисторіей о дозволеніи ему священнодѣйствія. Дѣло доходило до св. Синода. Нѣкоторые изъ протежируемыхъ Преродовичемъ священнослужителей не имѣли ставленныхъ грамотъ; при допросахъ въ консисторіи они заявляли (какъ наприм. „молдавскаго княженія села Малоэштъ волоской націи“ священникъ Василій Лукьяновъ), что „во время бывшей тревоги“ (т. е. военныхъ событій) „грамота невѣдома къмъ отъ россійскихъ войскъ Донскими козаками захвачена“. Въ та-

кихъ случаяхъ требовались письменныя свидѣтельства „волоскихъ обывателей“, дѣйствительно-ли данное лицо было у нихъ священнослужителемъ. Въ дѣлѣ находится нѣсколько грамотъ на молдавскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ. Дѣло закончено уже Славянской Консисто́ріей.

Дѣло 1772 г. № 53 (или 40 и 675) „показу изъ Святѣйшаго Синода о состроеніи намѣстниі Старокодацкой въ новѣ церкви бывшей¹⁾. Запорожской Сѣчи въ селахъ: Бабойковкѣ, Могилевѣ, Гупаловкѣ и Карнауховкѣ (Новомосковского уѣзда) на 40 листахъ“. Въ этомъ дѣлѣ можно видѣть пять или семь копій Запорожскаго къ Кіевскому митрополиту Гавріилу, письма послѣдняго къ графу Румянцеву Задунайскому и два письма послѣдняго къ названному митрополиту. Въ историко-статистическомъ отношеніи дѣло это заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

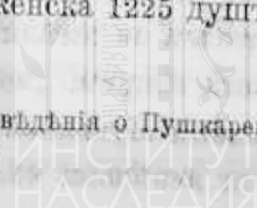
Дѣло 1772 г. № 52 (или 39 674) „о дозволеніи Нефорощанскаго монастыря поданнымъ получать всякіе христіанскіе требы отъ монастыря“ (а не отъ причта Преображенской церкви с. Нефорощи). Здѣсь содержатся свѣдѣнія о положеніи монастырскихъ „подданныхъ“, отъ которыхъ монастырь пользовался „панщиною какъ въ вивозѣ дровъ, въ посѣвѣ хлѣба, въ укушенки на зиму для монастырскаго скота сѣна“²⁾.

Дѣло 1772 г. № 29 (или 653) „о устроеніи Молдавскаго гусарскаго полка въ первой Павловской ротѣ вновь и на новомъ фундаментѣ во имя святаго великомученика и побѣдоносца Георгія церкви и о прочемъ“. Въ немъ содержится нѣсколько писемъ отъ „сторателя в соборниі заграницей волоского народа“ полков. Звѣрева къ Переяславскому епископу Юву; изъ нихъ почерпываемъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ поселеніяхъ (ротахъ) Молдавскаго гусарскаго полка. Занимательна исторія священника Андрея Зенковскаго, относительно котораго Звѣревъ усиленно ходатайствовалъ предъ архіереемъ, чтобы послѣдній сдѣлалъ его намѣстникомъ Молдавскаго полка. Среди связи дѣлъ 1775 г. заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣло № 48, въ коемъ заключаются свѣдѣнія о Запорожской Св.-Покровской церкви изъ Гарду (на Бугѣ), которая по уничтоженіи Сѣчи была перенесена въ Екатерининскій шанецъ. Кромѣ того, Запорожья касаются и дѣла №№ 30, 33, 38; въ нихъ имѣются письма Коша.

Въ сохранившейся отъ 1776 г. связкѣ находимъ много матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ открытой въ 1775 году (9 сентября) Славянской епархіи. Въ нѣсколькихъ дѣлахъ о смерти священниковъ хранятся ставленныя грамоты, изъ коихъ одна выдана митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ въ 1743 г. (№ 22 о смерти священника с. Крюкова Іосифа Леонтіева). Дѣло № 44 „о назначеніи протопопа Григорія Кремьянскаго къ Троицкой церкви мѣстечка Новоселицы“ (нынѣшняго Новомосковска) интересно обиліемъ заключающагося въ немъ статистическаго матеріала, относящагося къ нынѣшнему уѣздному городу Новомосковску; здѣсь мы находимъ подворный списокъ всего населенія Новоселицы и прилегающихъ къ ней „фугаровъ“. Въ 1776 г. было въ Новоселицѣ 194 двора, мужскаго пола 1434 и женска 1225 душъ,

¹⁾ Очевидно, написаніе дѣла появилось уже по разрушеніи Сѣчи.

²⁾ Дѣло № 29, въ связкѣ отъ 1771 года, заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о Пушкаревскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (опись монастыря и его имущества).

да кромѣ того бездворныхъ 162. Тутъ находимъ нѣсколько писемъ къ митрополиту Гавриилу (Кременецкому) такихъ мѣстныхъ дѣятелей, какъ Азовскій губернаторъ Чертковъ и кн. Прозоровскій. Дѣло № 18 „о имѣющейся въ мѣстечкѣ новыхъ Койдакахъ Богоматерной Чудотворной иконѣ“ болѣе полутора ста листовъ; интересно въ церковно-историческомъ отношеніи; есть свидѣтельскія показанія о совершившихся отъ этой иконы чудесахъ. Тутъ же можно видѣть и дѣла, относящіяся къ открытію Славяно-Херсонской епархіи и семинаріи въ Полтавѣ.

Начиная съ 1777 г. количество архивнаго матеріала постепенно увеличивается, теперь мы отъ каждаго года находимъ не по одной связкѣ, а отъ 3-хъ до 5 и болѣе. Различаются дѣла такъ называемаго „приказнаго стола“ и дѣла по „новостямъ“ или „повѣстьямъ“. Въ дѣлахъ послѣдней категоріи заключается много свѣдѣній о построеніи церквей во вновь заселяемыхъ казенныхъ и помѣщичьихъ слободахъ, указывается число населенія, прилагается чертѣкъ планъ отводимой причту земли; часто встрѣчаются и письма Черткова къ архіепископу Евгенію Булгарису. Въ дѣлахъ приказнаго стола находимъ свѣдѣнія о числѣ монастырей и церквей, монашесствующихъ и причтовъ по уѣздамъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (какъ напримѣръ, въ Ингульскомъ и Новопавловскомъ) не встрѣчаемъ ни одной церкви. Такого года свѣдѣнія собирались консисторіей для представленія въ св. Синодъ; ихъ находимъ мы и въ дѣлахъ послѣдующихъ годовъ. Въ связкѣ 1777 г. Славянскаго повѣстья есть дѣло (безъ №) „по промеморіи Новороссійской губернской канцеляріи о рукоположеніи города Покровска (на мѣстѣ Сѣчи, нынѣ с. Покровское) къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы пономоря Андрея Дробота во священника и о прочемъ“; здѣсь есть упоминанія „о церковной“ Сѣчевой школѣ, въ которой былъ Дроботь (уроженецъ Лубенскаго полка) причетникомъ, о бывшемъ Кошевомъ Филиппѣ Федоровѣ, судіи Андреѣ Ортемовѣ, асаулѣ Василинѣ Пишмичѣ, Запорожскихъ старшинахъ и атаманахъ; по даннымъ, заключеннымъ въ этомъ дѣлѣ, можно составить себѣ представленіе о томъ, что было на мѣстѣ Сѣчи въ 1777 году.

Много, и очень много можно было бы указать еще относительно интересныхъ дѣлъ консисторскаго архива, имѣющихся весьма важное значеніе для исторіи Новороссійскаго края, но чтобы не утомлять читателя, ограничимся только бѣглымъ перечнемъ ихъ. Въ связкахъ приказнаго стола за всѣ годы находимъ не мало дѣлъ относительно Славянской (а съ 1786 г. Екатеринославской) семинаріи. Отъ 80 годовъ XVIII столѣтія сохранилось много распоряженій, сдѣланныхъ консисторіи архіепископомъ Никифоромъ Феотоки, значеніе которыхъ для историка мѣстной епархіи едва-ли кто станетъ отрицать, а равно какъ и свѣдѣнія о церквахъ и монастыряхъ Крымскаго полуострова. Отъ 1787 года сохранились свѣдѣнія о первыхъ годахъ пребыванія въ Россіи архимандрита Гавриила Бакулеско-Бодони, въ послѣдствіи митрополита Кіевскаго. Отъ 90-хъ годовъ позапрошлаго остались дѣла о церквахъ и монастыряхъ въ присоединенныхъ по ясеному миру земляхъ (Очаковской области, Ханской украины). Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ наибольшаго вниманія два дѣла о церквахъ и приходахъ по р. Днѣстру—одно 1792 г., другое 1793 г., въ послѣднемъ сообщаются краткія историческія свѣдѣнія о селахъ и монастыряхъ: Гольмскомъ, Пасасельскомъ и Роговскомъ. О Пасасельскомъ монастырѣ сохранилось много свѣ-

дѣній. Съ 1787 по 1797 г. въ Екатеринославской епархіи существовало Θεодоссійско-Маріупольское викаріатство. Викарные епископы жили въ Θεодосіи и имѣли при себѣ консисторію. Дѣла этой консисторіи, съ упраздненіемъ викаріатства, перенесены въ Екатеринославскую консисторію. Среди нихъ интересно дѣло 1792 г. о смерти епископа Моисея Гумилевскаго, покончившаго съ собою подъ вліяніемъ болѣзненно-угнетеннаго состоянія духа.

Изложенное, полагаю, вполне подтверждаетъ ту мысль, что архивъ Екатеринославской Духовной Консисторіи дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе для ознакомленія съ прошлымъ не только Екатеринославской епархіи, но и всего юга Россіи и что въ интересахъ науки необходимо какъ можно скорѣе использовать все его содержаніе, чтобы какая-либо случайность не истребила хранящихся въ немъ документовъ.

Рисунки Кіева 1651 года по копіямъ ихъ конца XVIII вѣна.

Я. П. Смирнова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Осенью 1904 года авторъ этой работы въ поискахъ за видами совершенно иныхъ странъ наткнулся въ библіотекѣ Императорской Академіи Художествъ среди рисунковъ, копированныхъ для короля Станислава Августа, на рядъ рисунковъ Кіевскихъ древностей, помѣченный 1651 годомъ; по странной случайности первымъ попался ему самый интересный изъ нихъ, изображающій Ярослава Мудраго съ семействомъ.

Значеніе найденныхъ рисунковъ выяснилось послѣ двухъ-трехъ справокъ и повлекло къ дальнѣйшимъ розысканіямъ, конечная цѣль которыхъ, отысканіе подлинныхъ рисунковъ 1651 года, остается, къ сожалѣнію, недостигнутою и понынѣ. Результаты первыхъ розысковъ автора и, благодаря всегдашней любезности администраціи Библіотеки, самые рисунки представлены были Императорскому Русскому Археологическому Обществу въ общемъ собраніи его 12 Декабря 1904 года. Вниманіе гг. членовъ Общества и то содѣйствіе, которымъ почтенъ былъ авторъ съ разныхъ сторонъ и въ Петербургѣ и внѣ его, дало ему возможность, представляя фотографіи рисунковъ на XIII-й Археологическій Съѣздъ въ Екатеринославѣ, объяснить ихъ двумя переработанными рефератами, которые и были прочтены проф. Е. К. Рѣдинымъ въ засѣданіи 21 Августа 1905 года.

Получивъ предложеніе напечатать ихъ въ Трудахъ Съѣзда авторъ счелъ за благо соединить оба реферата *) въ одну общую работу о рисункахъ Кіева 1651 года. При этой обработкѣ значительную помощь оказало ему непрекращавшееся содѣйствіе польскихъ и русскихъ изслѣдователей древностей, особенно же любезная присылка въ Петербургъ администраціей библіотеки Ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ хранящихся тамъ рисунковъ Кіева.

Несмотря на встрѣчаемую всюду помощь, авторъ ясно сознаетъ всю неполноту и недоконченность предлагаемой нынѣ работы; помимо внѣшнихъ препятствій къ желательному усовершенствованію ея (недостатка времени, недосыгаемости многихъ

*) „Кіевскій Альбомъ 1651 года князя Януша Радзивила“ и „Изображеніе Ярослава съ семействомъ на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора по рисунку 1651 года“.

книгъ и т. п.) она, вообще, превосходитъ силы автора, не владѣющаго польскимъ языкомъ и не могущаго поэтому пользоваться матеріалами архивными, въ которыхъ только и можно найти опредѣленныя указанія какъ на судьбу самыхъ оригиналовъ 1651 года, такъ и на обстоятельства ихъ исполненія; точныя свѣдѣнія по послѣднему вопросу представляются автору тѣмъ болѣе важными, что, на его взглядъ, не исключена возможность существованія на ряду съ рисунками и соответственнаго описанія Кіева и его древностей. Излишне распространяться, какой интересъ представляло бы для русской археологіи находеніе такового и какъ признательны мы были бы нашимъ польскимъ коллегамъ, если бы имъ, какъ болѣе для того приготовленнымъ, удалось найти то, о чемъ авторъ этой работы могъ лишь мечтать.

Но и тѣмъ, что удалось ему сдѣлать, обязанъ онъ въ значительной мѣрѣ именно любезному содѣйствію многихъ лицъ, общую благодарность которымъ позволяетъ себѣ выразить онъ здѣсь, въ частности же многообразная помощь ихъ указана въ соответственныхъ мѣстахъ работы.

I.

РИСУНКИ КІЕВА 1651 ГОДА ДОСЕЛѢ ИЗДАННЫЕ И МЕДАЛЬ НА ВЗЯТІЕ КІЕВА КН. ЯНУШЕМЪ РАДЗИВИЛОМЪ.

Давно уже стали извѣстны нѣсколько видовъ Кіева 1651 года *), но доселѣ никто не разбиралъ подробно вопроса о происхожденіи и достовѣрности этой серіи рисунковъ и, что еще болѣе удивительно, не пытался розыскать оригиналы, изданные по большей части весьма неудовлетворительно.

Счастливымъ случаемъ находки еще двадцати рисунковъ этой же серіи обязываетъ меня при изданіи ихъ коснуться и рисунковъ, изданныхъ уже ранѣе, и, конечно, включить и ихъ, насколько то оказалось возможнымъ, въ общее фототипическое изданіе кіевскихъ рисунковъ 1651 года.

Первымъ, еще въ 1822 году, изданъ былъ „Видъ развалинъ Златыхъ воротъ въ Кіевѣ, снятый съ натуры въ 1651 году“ въ довольно плохой литографіи (размѣръ 0,317 × 0,201 м.) съ подписью „П. Александровъ“ въ приложеніи къ первой книжкѣ журнала „Сѣверный Архивъ“, издававшагося Ѳ. В. Булгаринымъ въ С.-Петербургѣ. Въ анонимномъ краткомъ „Историческомъ объясненіи картинъ“ (на стр. 114—116) сообщалось, что изданный видъ „находился въ собраніи рисунковъ послѣдняго поль-

*) Если иногда виды эти обозначаются 1657 годомъ, то это, очевидно, лишь опечатка или описка: М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій. Томъ II. 1877, стр. 118.

Очеркъ исторіи города Кіева, составленный Николаемъ Закревскимъ. Ревель. 1836, стр. 33.

И. Сементковскій. Кіевъ и его достопамятности. Кіевъ, 1852, стр. 152.

Труды III-го Археологическаго Съезда въ Кіевѣ. Т. I. 1878 г., стр. 72.

1651 г. является въ запискѣ К. А. Лохвицкаго (Кіевская Старина. 1889, № 7, т. XXIV, стр. 250).

скаго короля Станислава Августа, скончавшагося въ С.-Петербургѣ. Портфель его, заключающій въ себѣ множество любопытныхъ предметовъ касательно Русской Исторіи, находится въ редакціи сѣвернаго Архива“ (стр. 114); далѣе приводилось описаніе Кіева изъ книги Нѣмцевича (Dzieje panowania Zygmunta III. t. I, str. 355) и кончалась статья такъ: „Вотъ описаніе сей древней Русской столицы въ концѣ 16 столѣтія (1596 — 1598)! Впослѣдствіи постараемся сообщить нашимъ читателямъ нѣкоторые виды сего города той эпохи, во многомъ перемѣнившіеся до нашего времени. Сравненіе оныхъ можетъ пріятно и съ пользою занять любителей отечественной исторіи“ (стр. 116). Изъ этихъ словъ ясно, что вмѣстѣ съ видомъ Золотыхъ воротъ въ рукахъ Булгарина были и какіе-то другіе виды Кіева 1651 года, происходившіе изъ собранія Станислава Августа, которое, какъ увидимъ ниже, находилось въ то время въ Варшавѣ. Желая отыскать какія-либо указанія на содержаніе и на время и способъ перехода упоминаемой портфели въ руки редакціи Сѣвернаго Архива, я просмотрѣлъ „Воспоминанія Ѳаддея Булгарина“ (С. П. Б. 6 тт. 1846—49 гг.), но никакихъ прямыхъ указаній не нашелъ: воспоминанія доходятъ лишь до 1812 года. Косвенное указаніе, однако, можно усматривать въ слѣдующихъ фразахъ I-го тома, гдѣ рассказывается о пребываніи Станислава Августа въ Петербургѣ: „Послѣ я былъ знакомъ съ двумя человекѣми весьма близкими къ королю: Швендровскимъ, бывшимъ при немъ секретаремъ, и Тремономъ*), исправлявшимъ должность казначея“ (т. I, стр. 293)... „Швендровскій подарилъ мнѣ копію съ альбома польскаго короля, т.е. выписки изъ разныхъ сочиненій, на всѣхъ европейскихъ языкахъ въ стихахъ и прозѣ, собственныя его замѣтки и нѣкоторые нигдѣ не напечатанные стихи и эпиграммы..... Этотъ альбомъ понынѣ [1846] хранится у меня. Замѣчательна въ немъ статья о всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ алмазахъ и драгоценныхъ камняхъ, съ рисунками, въ настоящую ихъ величину, съ означеніемъ вѣса, цѣны, дворовъ или частныхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ“ (Т. I, стр. 294).

Весьма допустимо, конечно, предположеніе, что знакомство Ѳ. Булгарина съ этими лицами помогло редакціи Сѣвернаго Архива получить въ свое распоряженіе портфель, содержавшій между прочими относящимися къ русской исторіи матеріалами и нѣсколько видовъ Кіева 1651 года; но возможны, конечно, и иные пути.

Библіотека и архивъ Ѳ. В. Булгарина хранились въ его имѣніи Карловѣ подъ Дерптомъ. На мои справки у профессора Юрьевскаго Университета В. К. Мальмберга получилось извѣстіе, что нынѣ наслѣдники Ѳ. В. Булгарина, уже внуки его, тамъ болѣе не живутъ, а полученіе тѣмъ временемъ искомаго рисунка изъ Варшавы побудило меня отложить пока поиски въ этомъ направленіи.

Въ бумагахъ отрывшаго въ 1832 году Золотыя Ворота К. А. Лохвицкаго, принадлежащихъ кіевскому Обществу Нестора Лѣтописца и любезно сообщенныхъ мнѣ въ Петербургѣ Д. В. Айналовымъ, имѣются двѣ старыхъ копіи литографіи, издавнй Ѳ. В. Булгаринимъ. Оба рисунка тушью одинаковыхъ размѣровъ (0,315 x 0,203 м.) исполнены одинаково плохо и, повидимому, копированы одинъ съ другаго. Если

*) Вѣроятно не Тремонъ, а Tremot, бывший въ 1787 г. королевскимъ кухмистеромъ: см. Wincenty Hr. Łoś. Historyczne to i owo. Warszawa. 1898. str. 196.

среди плохого можетъ быть лучшее, то таковъ рисунокъ съ подписью: „Видъ развалинъ Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ, снятый съ натуры въ 1651 году“ и именемъ рисовальщика: „Р. юнкеръ П. Просинъ“. Главная нелѣпость обоихъ рисунковъ, это переходъ свода, находящагося на заднемъ планѣ, на передній фасъ башни, — что, какъ увидимъ ниже, повторяется и на другихъ воспроизведеніяхъ рисунка 1651 г., — но на второмъ рисункѣ не оказывается даже пролета въ воротахъ, такъ какъ, будучи сильно суженъ уже и на первомъ рисункѣ, онъ раздѣланъ мѣстами анонимнымъ рисовальщикомъ какъ стѣна. Подпись подъ вторымъ рисункомъ такова: „Видъ развалинъ Златыхъ Вратъ въ Кіевѣ, снятый съ натуры въ 1651 году Вопламомъ (sic!) Инженеромъ (sic) Польскаго короля. Напечатанъ въ журналѣ Сѣвернаго Архива“.

Въ 1845 году въ Кіевѣ издано было новое воспроизведеніе рисунка 1651 года въ видѣ маленькаго рисунка перомъ, литографически воспроизведеннаго на стр. 17, III отдѣла, I тома „Памятниковъ, изданныхъ Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ (и т. д.)“; этотъ рисунокъ (размѣръ 0,11 × 0,062 м.)¹⁾ объясняется въ предисловіи (стр. XVII), какъ „Видъ развалинъ Златыхъ вратъ въ Кіевѣ, снятый въ 1651 году“, но никакихъ указаній на мѣсто нахождения оригинала не сообщено. Существеннѣйшія отличія его отъ изданнаго Ө. В. Булгаринымъ состоятъ въ слѣдующемъ: правый край развалинъ не примыкаетъ къ краю рисунка, а тутъ имѣется нѣкоторое пространство, занятое въ нижней его части кустомъ; довольно значительно измѣнены и детали мѣстности слѣва отъ воротъ, напр., дерево обратилось въ кустъ и т. п.; гнѣзда для лѣсовъ въ лицевой стѣнѣ воротъ сдѣланы слишкомъ крупными и кажутся маленькими окнами; выступающая справа отъ воротъ стѣна такъ сливается съ находящейся лѣвѣе ея частью арки, что кажется какимъ то трехграннымъ пилястромъ; главная же нелѣпость рисунка состоитъ въ томъ, что задняя арка развалинъ оказывается переходящей на передній фасъ башни, тогда какъ на рисункѣ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (и на оригиналѣ) ясно видно, что на переднемъ планѣ влѣво выдается лишь кусокъ арки, лѣвая половина которой совершенно разрушена.

Мнѣ кажется, что изданный въ 1845 году²⁾ рисунокъ сдѣланъ не по литографіи 1822 года, а скорѣе по какой-либо копіи ея, но, конечно, болѣе точной, чѣмъ упомянутые выше рисунки, бывшіе у К. А. Лохвицкаго.

Къ сожалѣнію я не имѣю достаточныхъ свѣдѣній о какомъ то рисункѣ Золотыхъ воротъ въ 1651 г. нѣкоего Владислава Шотарскаго, на который любезно указалъ мнѣ въ письмѣ, отъ 3 ноября 1906 г. н. с., Фр. К. Пуласкій, какъ на хранящейся нынѣ въ библиотекѣ гр. Браницкаго въ м. Сухой въ Галиціи. Этотъ рисунокъ принадлежалъ нѣкогда І. Крашевскому и въ каталогѣ его (нынѣ гр. Браницкаго) собранія описывается такъ: *Szotarski, Lad. Restes des portes d'or à Kiew en 1651. Dessin à la plume. 16°*³⁾.

¹⁾ Высота дана отъ нижняго края рисунка до верхней точки воротъ, такъ какъ рамки рисунка этотъ не имѣетъ. Во всѣхъ даваемыхъ мною размѣрахъ рисунковъ первымъ стоитъ горизонтальное ихъ протяженіе, вторымъ вертикальное.

²⁾ Во второмъ изданіи „Памятниковъ“ 1898 года рисунокъ этотъ не переизданъ.

³⁾ *Catalogue d'une collection iconographique polonaise, composée des dessins originaux, gravures,*

Малые размѣры и техника позволяютъ предполагать ближайшую связь между этимъ рисункомъ и изданнымъ въ 1845 году, но, который изъ нихъ оригиналь и который копія, рѣшить могутъ лишь могущіе ихъ сравнивать.

Одна изъ копій литографіи „Сѣвернаго Архива“, вращавшихся въ Кіевѣ, служила оригиналомъ для рисунка перомъ въ атласѣ М. П. Погодина къ его „Древней русской исторіи до монгольскаго ига“ (т. III. Москва, 1871, листъ 60, литографія Шелковникова); въ „объясненіяхъ“ Погодина (стр. 19) сообщаетъ: таблица издана „съ рисунка, сдѣланнаго въ 1651 году и доставленнаго мнѣ въ списокъ покойнымъ профессоромъ Даниловичемъ“¹⁾; отъ упомянутыхъ выше копій этотъ рисунокъ (размѣръ 0,177 × 0,205 м.) отличается тѣмъ, что изображаетъ лишь развалины воротъ, прилежающія справа къ краю рисунка, лѣвая же пустая часть рисунка отчасти опущена: оставлено лишь начало вала и дерево.

Въ такомъ же и еще болѣе укороченномъ видѣ:—опущено даже и дерево,—изданы „Златія Врата въ 1651 г.“ Н. Закревскимъ въ его „Описаніи Кіева“ (Москва. 1868, атласъ, листъ 6, литографія Шелковникова); какимъ оригиналомъ онъ пользовался, въ „объясненіи рисунковъ и чертежей“ не сказано (у. с., стр. 924), но изданный имъ рисунокъ перомъ (размѣръ 0,13 × 0,17 м.) настолько отличается пропорціями развалинъ отъ рисунка, изданнаго Ѳ. В. Булгаринымъ, что прямая связь между ними на нашъ взглядъ невозможна: вѣроятно, рисунокъ исполнялся по какой-либо изъ плохихъ кіевскихъ копій таблицы „Сѣвернаго Архива“.

Рисунокъ Закревскаго воспроизведенъ цинкографически въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ (0,12 × 0,16 м.) въ изданіи М. М. Захарченко: Кіевъ прежде и теперь. Кіевъ. 1888 г. (см. рис. на стр. 51).

Всѣ перечисленные выше рисунки, несомнѣнно, прямо или косвенно зависятъ отъ изданной Ѳ. В. Булгаринымъ литографіи и только рисунокъ въ „Памятникахъ“ допустилъ небольшую вольность, отдѣливъ правый край воротъ отъ праваго края рисунка. Но еще дальше пошло одно воспроизведеніе стараго рисунка, характеризующее Н. Закревскимъ рѣзко, но справедливо, какъ „неизвѣстная фантазія съ подписью Золотія Ворота 1651 г.“ (Описаніе Кіева, стр. 921): это—литографія съ обычнымъ

xylographies, lithographies, illustrant l'histoire, la géographie, antiquités, costumes, moeurs, armes, meubles, etc., de l'ancienne Pologne, de ses provinces et pays limitrophes. Dresde. 1865. in 8°. pag. 30.

Въ этомъ собраніи находятся еще слѣдующіе рисунки Шотарскаго: Le château de Mir, lavis, colorié, 4°; Vieille église grecque à Luck, crayon, 4°; Château d'Olyka, crayon, 4° (p. 30) и 6 feuilles des plans des châteaux de Kiewan et Olyka, dessinés, fol.; 4 feuilles plus petites: château de Mir (p. 247—248). Имени Владислава Шотарскаго мнѣ нигдѣ найти не удалось; но я не вижу основанія видѣть въ немъ стараго художника: указанные размѣры его рисунка Золотыхъ Воротъ „in 16°“ какъ разъ сходятся съ находившейся у I. Крашевскаго же литографіей, очевидно, изъ I тома „Памятниковъ“, описываемой какъ Ruines des portes d'or 1651. 16 Lith. (p. 135) рядомъ съ двумя таблицами изъ того же изданія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже: „Kiew en 1651 lith. fol. d'après un ancien dessin“ и „Vue générale de Kiew 1651. Lith. fol. obl. (o. s. p. 135).“

¹⁾ Проф. Игн. Н. Даниловичъ былъ въ 1819—24 гг. въ Вильнѣ, въ 1825—30 въ Харьковѣ, въ 1835—39 въ Кіевѣ въ 1835—42 въ Москвѣ, см. біографію его М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра“. Кіевъ. 1884. Стр. 147—173. Вѣроятно же всего, что копія была получена или сдѣлана имъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ занимался и археологіей.

желтоватымъ фономъ, изданная въ 1859 году въ Кіевѣ въ первой за этотъ годъ тетради „Галереи Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей. Изданіе Н. Сементковскаго и А. Гаммершмидта“. Рисунокъ (размѣръ 0,196×0,27 м.) представляетъ,—несмотря на подпись подъ нимъ: „Кіевскія Златія врата (по рисунку 1651 года)“,—лишь вольную переработку рисунка этого въ очевидномъ стремленіи согласовать его съ дѣйствительными остатками воротъ, открытыми въ 1832 г. К. А. Лохвицкимъ, что ясно сказалось въ замѣнѣ кладки изъ тесаннаго камня, каковую видимъ на рисункѣ 1651 года, кладкою изъ чередующихся слоевъ кирпича и бутового камня, какъ то оказалось въ самихъ развалинахъ. Арка воротъ невозможнымъ образомъ переходитъ съ лицевой плоскости башни на пилястръ, стоящій далеко внутри воротъ; проломъ надъ аркою пріобрѣлъ правильную форму; стѣна съ остаткомъ свода передъ башнею обратилась въ правильный пилястръ съ тремя лицевыми гранями; беспорядочно разбросанныя по стѣнѣ отверстія,—вѣроятно гнѣзда для лѣсовъ,—обращены въ довольно правильно размѣщенныя четырехгранныя окна или ниши; два такихъ окна (верхнее сводчатое) появились даже, вопреки всякому смыслу, на лицевой поверхности стѣнки, выступающей впередъ отъ лѣвой части развалинъ. Словомъ опытъ исправленія рисунка 1651 г. совершенно его испортилъ. Искажена и обстановка воротъ: валъ получилъ видъ какого то пригорка, да притомъ двойного, тянущагося за воротами; справа пространство между краями воротъ и краемъ рисунка заполнено кустами и большимъ сухимъ деревомъ. Рисовальщикъ,—нѣкій Васильевъ, судя по подписи въ лѣвомъ нижнемъ углу рисунка,—счелъ нужнымъ оживить свое произведеніе фигурами: на первомъ планѣ помѣстилъ онъ двухъ разговаривающихъ мужчинъ: казака съ пищалью и саблею и человекъ въ шапкѣ и двухъ кафтаннахъ; изъ воротъ выходятъ двѣ женщины въ старорусскихъ костюмахъ; справа около воротъ на бревнѣ сидитъ женщина въ малороссійскомъ костюмѣ; а въ самихъ воротахъ идетъ женщина съ палкой, ведущая за руку мальчика. Издатели „Галереи“ ни слова не говорятъ о происхожденіи ихъ рисунка; но указанныя отличія его отъ литографіи 1822 г. показываютъ, что рисовальщикъ имѣлъ передъ собою скорѣе рисунокъ „Памятниковъ“, чѣмъ литографію „Сѣвернаго Архива“.

Въ свою очередь рисунокъ Васильева послужилъ оригиналомъ для позднѣйшаго воспроизведенія якобы рисунка 1651 года въ польскомъ „Живописномъ Альбомѣ Кіева“ Р. Рачинскаго и К. де Беллье ¹⁾: во второмъ выпускѣ его находится прекрасно исполненная Цеглинскимъ (J. Cegliński) литографія съ желтоватымъ фономъ по рисунку Р. Рачинскаго съ подписью въ двѣ строки: „Złota brama podług rysunku 1651 roku“. Рисунокъ (0,171×0,228 м.) явно зависитъ только отъ рисунка Васильева. Всѣ архитектурныя нелѣпости повторены, только кладка слоями исчезла и лишь мѣстами можно усматривать какъ бы ряды тонкихъ кирпичей. Развалины въ общемъ приняли еще болѣе правильный и чистый видъ. Опущено бревно, вставленное въ заднюю арку

¹⁾ Malownicze album Kijowa z szczegółowym opisem miasta przez Romana Raczynskiego i Kamilla de Bellier. Historya Kijowa od początku jego założenia aż do naszych czasów napisana przez Julijana Bartoszewicza. Warszawa. Nakład i własność wydawców. Odbito w Lithografii A. Dzwonkowskiego i Spółki. 1831—1862.

воротъ, которое сохранилось еще на рисункѣ Васильева. Измѣнена обстановка воротъ: они стоятъ на совершенно ровномъ мѣстѣ; справа и слѣва отъ нихъ растутъ деревья, покрытыя листвою. Валъ показанъ такъ воздушно, что еще болѣе, чѣмъ у Васильева, кажется отдаленною горою. Въ ворота идутъ женщина и мальчикъ, нѣсколько измѣненные противъ рисунка Васильева; прочія же фигуры, равно какъ и инныя детали обстановки, опущены. Въ текстѣ ¹⁾ говорится объ изданіи рисунка 1651 г. въ Сѣверномъ Архивѣ только, но издатели пользовались очевидно не имъ, а кievской „Галереей“.

Всѣ перечисленныя выше воспроизведенія рисунка Золотыхъ Воротъ 1651 года столь сходны между собою, что зависимость всѣхъ ихъ прямо или косвенно отъ одного общаго оригинала, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; нѣкоторыя различіе въ деталяхъ, естественно объясняются небрежностью или неточностью различныхъ рисовальщиковъ или литографовъ. Меня удивляло отсутствіе на копіяхъ, — кромѣ вольныхъ рисунковъ Васильева и Рачинскаго, — какихъ бы то ни было фигуръ, которыми оживлены всѣ прочіе рисунки Кіева 1651 года; при видѣ обширной и совершенно пустой, а потому и ненужной, лѣвой части вида Золотыхъ Воротъ въ копіяхъ 1822 и 1845 года мнѣ приходило въ голову предположеніе, что въ оригиналѣ и на этомъ рисункѣ фигуры были, но что онѣ опущены копировальщиками ради ли упрощенія работы, или ради удешевленія ея стоимости или же по какимъ инымъ причинамъ; вѣдь заказчики копій интересовались главнымъ образомъ самими развалинами воротъ, а не рисункомъ 1651 года. Мои предположенія вполнѣ подтвердились, какъ увидимъ ниже, оригиналомъ, найденнымъ Фр. К. Пуласскимъ въ библиотекѣ Ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ; по нему (см. табл. IV, рис. 2) ясно и то, почему развалины воротъ такъ странно помѣщены у самаго края рисунка: онъ изображалъ не столько самыя Золотыя Ворота, которыя были изображены спеціально на особомъ рисункѣ (см. табл. IV, рис. 1), отыскавшемся въ Академіи Художествъ (№ 321), сколько торжественный въѣздъ въ нихъ кн. Януша Радзивила, и только произвольное опущеніе всѣхъ фигуръ на рисункѣ, изданномъ Ѳ. В. Булгаринымъ, исказивъ смыслъ рисунка, дало поводъ послѣдующимъ его издателямъ, никто изъ которыхъ не имѣлъ, видимо, предъ собою оригинала, исправлять рисунокъ по собственному усмотрѣнію.

Послѣднимъ по времени воспроизведеніемъ рисунка Золотыхъ Воротъ 1651 г. оказывается, сколь это ни странно, лицевая сторона медали, выбитой въ С.-Петербургѣ въ 1896 году въ память пятидесятилѣтія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, гдѣ въ числѣ иныхъ памятниковъ древности нашло себѣ мѣсто и довольно точное воспроизведеніе изданной М. П. Погодинымъ копіи рисунка 1651 года.

На медали же по странному капризу судьбы находимъ мы и первое по времени, правда очень вольное, воспроизведеніе оригинальнаго рисунка 1651 года:

¹⁾ Zeszyt II, str. 25—26: Przewstawiony tu rysunek z roku 1651, a znaleziony w papierach Stanisława Augusta Poniatowskiego, odbity w N. 1-ym północnych archiwów 1822 roku, okazuje nam jej ruiny wystające z wałów fortecznych. — Podług tego rysunku widać, że na Złotej Bramie były jeszcze w roku 1651 zwaliska cerkwi z oknami i drzewiami niektórymi.

а именно, на медали, изготовленной въ 1651 или скорѣе 1652 г. въ Данцигѣ (или Дрезденѣ) въ память занятія Кіева кн. Янушемъ Радзивиломъ; подробнѣе о медали этой рѣчь будетъ ниже, здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить лишь, что несмотря на значительную передѣлку рисунка 1651 г. медальеромъ зависимость изображенныхъ имъ на медали аллегорическихъ воротъ Кіева отъ рисунка реальныхъ развалинъ Золотыхъ Воротъ при сравненіи не подлежитъ сомнѣнію (ср. табл. II, рис. 1 и табл. IV, рис. 2).

Въ томъ же первомъ томѣ „Памятниковъ Временной Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ при кіевскомъ Генераль-Губернаторѣ“, гдѣ изданъ былъ рисунокъ Золотыхъ Воротъ въ 1651 году, воспроизведены были на особыхъ, приложенныхъ къ книгѣ, таблицахъ еще два рисунка того же года съ видами Кіева, при чемъ въ текстѣ также не сказано ни слова, откуда они заимствованы.

Оба эти рисунка исполнены литографіей I. Вальнера въ Кіевѣ, съ припечатаннымъ особо желтоватымъ фономъ и бѣлыми по нему мѣстами бликами, и передаютъ оригиналъ по всей видимости лучше, чѣмъ указанная выше воспроизведенія рисунка Золотыхъ Воротъ.

Одинъ изъ нихъ, № 1, называемый (предисловіе, стр. XIX) „Видъ Кіева съ изображеніемъ сухопутнаго сраженія, рисованный въ 1651 году“ имѣетъ по чрезвычайной длинѣ своей (размѣръ 0,56 × 0,215 м.) видъ панорамы и, очевидно, художникъ болѣе интересовался дать общій видъ города (Подола), замка на Киселевкѣ и Старого города, чѣмъ изобразить незначительную по всей видимости кавалерійскую схватку подъ его стѣнами. Другая таблица, № 2, названа „Видъ Кіева съ изображеніемъ сраженія на Днѣпрѣ, рисованный въ томъ же году“ (предисл., стр. XIX); рисунокъ (размѣръ 0,305 × 0,19 м.), хотя и даетъ видъ Печерска и части Кіева, но главное мѣсто несомнѣнно занимаетъ изображеніе нападенія Козаковъ на лодкахъ на Литовцевъ, — о чемъ рѣчь будетъ ниже, — и отстрѣливающіеся отряды послѣднихъ изображаются художникомъ со всею тщательностью, но въ очевидный ущербъ всѣмъ законамъ перспективы и соразмѣрности.

Обѣ эти таблицы переизданы, къ сожалѣнію въ еще болѣе плохихъ литографіяхъ Н. Т. Корчакъ-Новицкаго въ Кіевѣ съ желтоватымъ фономъ (размѣры: № 1—0,535 × 0,187 и № 2—0,305 × 0,187), во второмъ съ дополненіями изданіи „Памятниковъ“ (Кіевъ, 1898, т. I и II вмѣстѣ), въ которомъ изъ всего множества рисунковъ первого изданія оставлены лишь эти двѣ таблицы; въ предисловіи говорится (стр. II), что это сдѣлано „въ видахъ сокращенія издержекъ по изданію“.

Переиздавая эти двѣ таблицы, Временная Комиссія интересовалась, — какъ любезно сообщилъ мнѣ на мой вопросъ проф. В. С. Иконниковъ письмомъ отъ 19 декабря 1904 г., — оригиналами этихъ рисунковъ, но ни у себя ихъ не имѣла, ни узнать что-либо положительное о мѣстонахожденіи ихъ не могла; было лишь предположеніе, что они принадлежали К. Свидзинскому.

Воспользовавшись этимъ указаніемъ я пошелъ по указанному пути. О собраніи Свидзинскаго я прочелъ статью Лоскаго¹⁾, но тамъ объ этихъ рисункахъ упоминаній не нашель.

¹⁾ J. Łoski. Biblioteka i muzeum Świdzińskiego. Warszawa. 1857. 8°. 83 str. (-Gazeta Warszawska 1857 г. №№ 138, 140, 143, 146, 148, 149, 151 и 153).

За то обращеніе въ Варшаву къ Фр. К. Пуласкому въ бібліотеку Ординаціи гр. Красинскихъ увѣнчалось, благодаря любезности г-на Пуласкаго, полученіемъ отсюда трехъ карандашныхъ рисунковъ на ватманской бумагѣ 1837 года, которые здѣсь и издаются (см. табл. III и V, рис. 2), такъ какъ они представляютъ копія лучшія и даже болѣе полныя, чѣмъ изданныя въ 1845 г. литографіи. Подробнѣе рисунки эти разсмотрѣны будутъ ниже, здѣсь же слѣдуетъ указать на то, что по сравненіи съ ними обѣ таблицы 1845 года оказались нѣсколько укороченными сравнительно съ оригиналами. Къ сожалѣнію копія, принадлежавшія К. Свидзинскому, не имѣютъ подписей, которыхъ, конечно, могло и не быть въ оригиналахъ, хотя это и мало вѣроятно. Я не могу утверждать, изготовлены ли таблицы „Памятниковъ“ по тѣмъ именно копіямъ, которыя были у К. Свидзинскаго, или нѣтъ, но долженъ отмѣтить, что въ присланныхъ мнѣ на просмотръ изъ бібліотеки гр. Красинскихъ бумагахъ К. Свидзинскаго, относящихся до его сношеній съ Временною Комиссіею, почетнымъ членомъ которой онъ былъ съ 21 декабря 1843 года, объ интересующихъ насъ рисункахъ никакихъ упоминаній не нашлось.

Въ 1847 году въ составленномъ Д. П. Журавскимъ „Обозрѣніи Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изданномъ по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ“ помѣщена была хорошая, печатанная у Thierry frères въ Парижѣ, литографія G. Müller'a (размѣры 0,262 x 0,19 м.) съ подписью: „Видъ Кіевского замка на горѣ Киселевкѣ, копированный съ рисунка 1651 года“ (табл. безъ №, послѣ стр. 4). Объ оригиналѣ литографіи въ текстѣ упоминается дважды: одинъ разъ говорится (стр. 4): „Видъ замка изображенъ на картинѣ Кіева, рисованной въ 1651 году“, другой разъ (стр. 109): „Видъ Кіевского замка на горѣ Киселевкѣ и часть Кіево-подола въ половинѣ 17-го вѣка. Скопированъ съ картины, рисованной въ 1651 году, какъ кажется болѣе по воспоминанію“. Последнее заключеніе явно несправедливо: оригиналъ рисунка несомнѣнно сдѣланъ былъ на мѣстѣ съ природы, какъ о томъ придется еще говорить; слово „картина“ въ обоихъ случаяхъ надо замѣнить, конечно, словомъ „рисунокъ“. Рисунокъ же этотъ былъ несомнѣнно тотъ же, какъ и воспроизводимый 1-ою таблицей I тома „Памятниковъ“: изъ длинной какъ бы панорамы Кіева здѣсь вырѣзана лишь часть со Св. Софіей и горою Киселевкой на заднемъ планѣ и съ соотвѣтственной частью города Кіева (Подола) внизу. Живыя фигуры на этой литографіи вовсе опущены; сдѣлано пустое мѣсто вмѣсто домовъ и въ городѣ у лѣваго края рисунка. Хотя литографія сама по себѣ и гораздо лучше Кіевскихъ, но при тщательномъ сравненіи ея съ ними и съ копіями, принадлежавшими нѣкогда К. Свидзинскому, оказываются мелкія детальныя различія; эта литографія зависитъ скорѣе отъ первыхъ, чѣмъ отъ вторыхъ.

Таблица Фундуклея переиздана въ книгѣ Захарченко: Кіевъ прежде и теперь. Кіевъ 1888, на особой фототипической таблицѣ (размѣры 0,21 x 0,164) къ стр. 64, съ подписью: „Кіевъ. Замки на Киселевкѣ и Кудрявцѣ. 1651 г.“.

Довольно подробное изложеніе Н. П. Дубровскимъ статьи этой по-русски см. въ Русскомъ Вѣстникѣ. XI. 1857, Современ. лѣтопись, стр. 31—38. Тамъ-же (Смѣсь, стр. 229—233) см. статью Кулиша: Воспоминаніе русскаго о польскомъ археологѣ Константиѣ Свидзинскомъ.

Послѣдній по времени изданія рисунокъ Кіева 1651 года превосходитъ всѣ указанные выше, какъ по своему чисто-археологическому значенію, такъ и по историческому интересу, такъ, наконецъ, и по точности воспроизведенія.

Сперва рисунокъ этотъ появился, какъ особая нумерованная таблица къ стр. 3 изданія: „Христіанскія Древности, издаваемая по Высочайшему повелѣнію подъ редакціей В. Прохорова“. (СПб. 1875 г. 4^о): это—литографическій рисунокъ перомъ (размѣры 0,33 × 0,205) на излюбленномъ литографами желтоватомъ фонѣ, воспроизводящій не только самый рисунокъ, но и старинную подпись подъ нимъ, чего не было сдѣлано ни при одномъ изъ перечисленныхъ выше воспроизведеній. Издатель, В. Прохоровъ, бывшій въ 1874 году въ Кіевѣ на Археологическомъ съѣздѣ и оставшійся его дѣятельностью недовольнымъ, свою таблицу называетъ (у. с., стр. 3): „рисунокъ Кіево-Софійскаго собора 1651 года, гдѣ представленъ вѣздъ кн. Радзивилла въ Кіевъ“,—хотя, конечно, точнѣе было бы сказать наоборотъ,—а въ подстрочномъ примѣчаніи прибавляетъ еще слѣдующее: „Съ фотографіи этого рисунка, сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ (въ Кіевѣ), я прилагаю здѣсь вѣрную копию. Этого же года Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ изданы рисунки Кіева и на нихъ Кіевская Софія тоже изображена въ такомъ видѣ“, имѣя въ виду, очевидно, выше упомянутые виды Кіева съ Подола и съ Днѣпра, изданные въ 1845 г. въ „Памятникахъ“ Комиссіи.

Къ величайшему нашему сожалѣнію, узнавая изъ примѣчанія этого о находженіи фотографіи древняго рисунка въ рукахъ тогдашняго Предсѣдателя Временной Комиссіи, мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи о владѣльцѣ оригинальнаго рисунка; теперь, по любезному сообщенію проф. В. С. Иконникова, во Временной Комиссіи не имѣется даже и упомянутой фотографіи, которая составляла, вѣроятно, собственность М. В. Юзефовича. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось доискаться ¹⁾, находилась ли эта фотографія на выставкѣ при Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, въ „Трудахъ“ котораго она была воспроизведена фототипически: см. „Атласъ къ трудамъ III Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ“. (Кіевъ. 1878 г. fol.) таблицу IV (размѣръ изображенія 0,254 × 0,157). Хотя въ оглавленіи таблицъ и указано, что таблица относится къ статьѣ прот. П. Г. Лебединцева: О св. Софій Кіевской (т. I, стр. 52—93), а именно „къ стр. 51-ой II тома Трудовъ“ (изд. 1878 г.), но указанная страница оказывается пустою; единственно же упоминаніе о рисункѣ я нашелъ на стр. 72, гдѣ прот. Лебединцевъ мимоходомъ упоминаетъ „недавно ставшій извѣстнымъ видъ нашего Софійскаго храма на рисункѣ, представляющемъ вѣздъ князя Радзивилла въ Кіевъ въ 1657 (sic!) году при митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ“.

Та часть этого рисунка, которая изображаетъ св. Софію, воспроизведена въ рисункѣ перомъ, какъ „Видъ Софій Кіевской въ половинѣ 17 вѣка“, прот. П. Лебединцевымъ на литографической таблицѣ рисунковъ въ его книжкѣ „Описаніе Кіево

¹⁾ Не упоминаетъ о фотографіи этой ни „Указатель выставки при третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ 1874“ (Кіевъ. 1874. 8^о), ни статья: „Древности церковныя на археологической выставкѣ, открытой при III археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ“ (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. 1874. Отд. II, стр. 465—472; № 16); не упоминается о немъ и въ изложеніи реферата Лебединцева о св. Софій (ibid. стр. 460).

Софійскаго собора". (Кіевъ. 1884), изданной подъ литерами П. Л., но въ текстѣ не говорится ни о рисункѣ этомъ, ни о занятіи Кіева кн. Янушемъ Радзивилломъ.

Во французскомъ анонимномъ изданіи той же книжки: *Notice sur l'église cathédrale Sainte Sophie de Kiev*. (Kiev. 1886) приложена та же самая, съ тѣми же русскими подписями, литографія. Тотъ же рисунокъ повторенъ цинкографіей въ упоминавшейся выше книгѣ Захарченко: Кіевъ прежде и теперь, на стр. 205.

Такъ же вырѣзка изъ рисунка, изображающая лишь Софійскій соборъ, помѣщена П. Полевымъ въ его книгѣ „Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта“, ч. II. 1880, стр. 107, рис. 18; ср. стр. 231, гдѣ авторъ объясняетъ, что „снимокъ, помѣщенный въ „Трудахъ“, представляетъ собою очень плохую фотолитографію, почему мы и должны были удовольствоваться контурнымъ рисункомъ, въ область котораго вошло только зданіе собора, безъ окружавшихъ его въ XVII в. зданій и пристроекъ“. Излишне однако доказывать преимущества фототипіи Атласа предъ гравюрой на деревѣ у Полевого.

Значительно уступаетъ, конечно, по ясности этой фототипіи и цинкографическое воспроизведеніе ея цѣликомъ въ IV выпускѣ „Русскихъ Древностей въ памятникахъ искусства, издаваемыхъ графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ“. СПб. 1891, стр. 112, рис. 85, съ ошибочною подписью: „Гравюра XVII столѣтія, представляющая видъ Софійскаго собора въ Кіевѣ“.

Худшій оттискъ того же клише, съ тою же ошибкой въ подписи, повторенъ въ книжкѣ Д. Айдалова и Е. Рѣдина „Древніе памятники искусства Кіева. Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри“. Харьковъ. 1898, 8°, стр. 7, рис. 2.

Наконецъ Е. Е. Голубинскій въ „Археологическомъ атласѣ ко второй половинѣ I тома Исторіи Русской церкви“ (Москва. 1906) переиздалъ (табл. XXVI, рис. 1) рисунокъ Лебединцева, со слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ (стр. 18):

„Видъ Кіево-Софійскаго собора на гравюрѣ XVII вѣка. Изъ Л[ебединцева].“

Гравюра представляетъ триумфаторскій въѣздъ въ Кіевъ въ 1651 г. князя Януша Радзивилла и подъ ней подпись: *Monasterium S. Sophiae juxta quod Janusius Princeps Radziwil Belli Dux Triumphator an. 1651 in 8 Aug. Kijoviam ingressus*, см. у Толстова и Кондакова т. IV, № 85, стр. 112 (о въѣздѣ Радзивилла въ Кіевъ см. въ Исторіи Соловьева, т. 10, 2-го изд., стр. 254—255). Слѣдовательно гравюра сдѣлана послѣ и вскорѣ послѣ 1651 года“.

Не найдя этого рисунка св. Софійи и не зная, гдѣ онъ теперь находится, и я принужденъ ограничиться здѣсь лишь переизданіемъ фототипіи изъ Атласа „Трудовъ“ Кіевского съѣзда (см. табл. V, рис. 1).

Вотъ тѣ четыре рисунка Кіева 1651 года, которые были доселѣ извѣстны по болѣе или менѣе удовлетворительнымъ, полнымъ или сокращеннымъ воспроизведеніямъ. Хотя при изданіи ихъ и совершенно ясна была тѣснѣйшая связь рисунковъ этихъ съ походомъ и личностью литовскаго гетмана польнаго кн. Януша Радзивилла, хотя самый фактъ пребыванія въ 1651 г. въ Кіевѣ художника, весьма точно воспроизводившаго видѣнное, и долженъ бы, казалось, побудить изслѣдователей Кіевскихъ

древностей къ розыскамъ какъ иныхъ рисунковъ того же года,—на существованіе которыхъ имѣлось прямое указаніе Ө. В. Булгарина,—такъ и оригиналовъ, столь неудовлетворительно воспроизведенныхъ въ старыхъ изданіяхъ, но, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, вся эта группа рисунковъ Кіева 1651 года никѣмъ не была доселѣ подвергнута специальному разбору. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ новѣйшихъ работахъ къ рисункамъ этимъ относятся съ полнымъ вниманіемъ и не называютъ ихъ „фантазіями“, какъ то дѣлали, какъ мы видѣли, старые историки Кіева.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію и разсмотрѣнію вновь нашедшихся рисунковъ Кіева того же года я полагаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь еще одно, давно извѣстное, изображеніе Кіева отъ того же 1651 года, которое однако доселѣ не привлекалось нашими изслѣдователями Кіева, хотя сходство и явная зависимость его отъ одного изъ извѣстныхъ уже видовъ Кіева 1651 года, при несомнѣнной принадлежности памятника этого 1651-му или 1652-му году, являются лучшимъ доказательствомъ полной достовѣрности Кіевскихъ видовъ 1651 года.

Я имѣю въ виду медаль, выбитую на занятіе Кіева въ 1651 году литовскимъ войскомъ кн. Януша Радзивила.

Медаль эта впервые описана была проф. Игн. Н. Даниловичемъ въ 1830 году¹⁾, но не по оригиналу, а лишь по изображенію ея, вырѣзанному на бронзовой позолоченной пластинѣ внутри ящика для монетъ, изготовленнаго между 1735 и 1742 годомъ въ Несвижѣ кн. Михаиломъ V Казиміромъ Радзивиломъ. Этотъ—и другой болѣе простой, но и болѣе древній, принадлежавшій кн. Христофору Радзивилу (1631 года?)²⁾,—ларецъ заключали въ себѣ собраніе монетъ и медалей и были вмѣстѣ съ прочими сокровищами („скарбцемъ“) Несвижскихъ Радзивиловъ захвачены осенью 1812 года адмираломъ П. В. Чичаговымъ; осенью 1813 г. адмиралъ П. В. Чичаговъ прислалъ ихъ въ Харьковскій Университетъ, откуда позднѣе, въ 1846 году кн. Вильгельмъ Радзивиль вымѣнялъ шесть медалей³⁾. Къ сожалѣнію, какъ оказалось по справкѣ,

¹⁾ J. D. Medale Radziwiłowskie. Gabinety Numismatyczne Nieświeżski i Charkowski (Tygodnik Petersburski 1830 № 35, 40 и отдѣльно подъ заглавіемъ: O medalach Radziwiłowskich i o gabinetach Nieświeżskim i Charkowskim. W Petersburgu. W drukarni wojennej. 1830. in 8°. 18 str.); эта же, безъ имени автора, статья перепечатана съ значительными сокращеніями и искаженіями въ книгѣ Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłowskich, opisana historycznie przez Edwarda Kotłubaja. Wilno. 1857. 8°. str. 531—535. За эту небольшую работу Даниловичъ получилъ почему-то 2000 рублей, единственную денежную награду за всю его долгую научную дѣятельность.

²⁾ Даниловичъ не зналъ, кто сдѣлалъ второй ларецъ; но см. Bibliografia numismatyczna polska przez Antoniego Ryszarda. Kraków. 1882. 8°. str. 70: „Inwentarz szkatuły xięcia Jego Mości Pana Krzystofa Radziwiłła Hetmana W. K. lit. z monetą starą, zaczęty dnia 14 Kwietnia 1631 r.“ 4°, stron. 18. O tym rękopiśmie donosi Kotłubaj, znajduje się w bibliotece publicz. Monachijskiej“. Указаннаго извѣстія я не нашелъ у Котлубая ни въ Galerja Nieświeżska, ни въ Życie Janusza Radziwiłła. Первый ларецъ Даниловичъ относилъ къ Михаилу I Казиміру († 1690 г.), но званіе: Palat. Trok. Dux Samr. къ нему не подходитъ (см. Icones Radivillianaе, tab. 142 и 157).

³⁾ См. Историко-статистическія записки объ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ и его заведеніяхъ (и т. д.), составленныя (и пр.) К. Фойгтомъ. Харьков. 1859, стр. 38 и 40, гдѣ проф. А. П. Зеринъ пишетъ: „въ 1845 г. отъ князя Радзивила 236 монетъ по отдѣлу древнихъ городовъ, народовъ и царей. Эти монеты присланы имъ взаменъ возвращенныхъ ему, съ разрѣшенія Правительства, шести фамильныхъ Радзивилловскихъ медалей“. Онѣ-то именно и описаны, повидимому, барономъ Кеке въ статьѣ: Denkmünzen des Radziwillschen Fürstenhauses (см. Koehne's Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. VI. 1846, SS. 261—269, Taf. XII). Catalogue des monnaies et médailles polonaises compo-

любезно произведенной для меня проф. Е. К. Рѣднимъ, въ Харьковѣ теперь ларцевъ этихъ нѣтъ: они были возвращены кн. Радзивилу и теперь искать ихъ надо въ Несвижѣ, а между тѣмъ описаніе Даниловичемъ изображенія Кіевской медали на ларицѣ не вполне сходится съ оригиналами этой медали: на лицевой сторонѣ ея кромѣ надписи указанъ лишь Кіевъ, да печальная дѣвица въ воротахъ, и ни словомъ не упомянуто объ изображеніяхъ короля и гетмана¹⁾. Не имѣя возможности провѣрить этого описанія, мы не можемъ пускаться въ объясненія такой разницы; для насъ особенно интересно лишь то, что это изображеніе медали 1651 года (ея варианта или проекта?) также воспроизводило, очевидно, два изъ рисунковъ 1651 года: общій видъ Кіева и развалины Золотыхъ Воротъ, какъ то видимъ мы и на дошедшихъ до насъ оригиналахъ этой медали.

Императорскій Эрмитажъ владѣеть однимъ экземпляромъ ея изъ собранія Рейхеля²⁾; описывается и изображается медаль эта и въ изданіи гр. Эд. Рачинскаго³⁾.

Обратная сторона медали, занятая сплошь длинною и пышною латинскою надписью⁴⁾, значенія для насъ не имѣетъ; за то лицевая сторона ея, — (см. таблицу II, рисунокъ 1, снятый по Эрмитажному оригиналу въ увеличенномъ вдвое размѣрѣ)—представляетъ явную зависимость отъ кіевскихъ рисунковъ 1651 года.

По краю идетъ латинская стихотворная надпись:

Kiiovios arcus fractos pharetrasque rebelles
Radzivil en tradit Rex Casimire tibi.

Подъ аллегорическимъ изображеніемъ передачи королю усмиренного города въ узорной рамкѣ стоитъ подпись: Kiovia Rescepta M:DC:LI: Въ нижнихъ завиткахъ этой рамки спрятаны буквы S и D: инициалы медальера, т.-е. Себастьяна Дадлера или Датлера, извѣстнаго аугсбургскаго императорскаго золотыхъ дѣлъ мастера, исполнившаго за время своего пребыванія въ Данцигѣ (?) цѣлый рядъ медалей для Польши и въ числѣ ихъ одну медаль на Смоленскую побѣду для кн. Христофора Радзиви-

sant le Cabinet Numismatique de Son Altesse le Prince Guillaume Radziwill издавъ былъ дважды: въ 1848, 8°, 134 pp. Berlin. (Catalogue des Monnaies et des médailles de Pologne, que renferme le cabinet monétaire de Son Altesse le Prince Guillaume Radziwill) и въ 1869 г.: Nouvelle édition revue, corrigée et augmentée par les soins de C. F. Trachsel. Berlin. 8°, 178 pp.

1) Str. 9: Przy wschodzie słońca widać Kijów murem otoczony, w bramie stoi smutna niewiasta.

2) Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. II Theil. 1842. SS. 188—189, № 1409.

3) Comte Ed. Raczyński. Le Médaillier de Pologne. Hr. Edw. Raczyński. Gabinet medalów polskich. II. Berlin. 1845. pp. 114—119, № 134. Описаніе медали этой въ вышеупомянутомъ каталогѣ собранія кн. Вильгельма Радзивила (2-ое изд., стр. 158) не очень точно.

4) SUB AUSPICIA REGNI IOHANNIS CASIMIRI, TURBATI LICET PER COSACORUM INSOLENTIAM, SED OPPRESSA REBELLIONE FELICIS, EXERCITUS LITHUANICUS DUCE IANUSSIO RADIVILIO SERVATIS PATRIÆ FINIBUS, OCCUPATO VI ET CONSILIO BORYSTHENIS TRAJECTU, REBELLUM DUCIBUS NIEBABA CAESO ET OCCISO, ALTERO ANTONIO PROFLIGATO ET PULSO, ATQUE PER STRATA HOSTIUM CADAVERA APERTA FERRO VIA KIOVIAM USQUE PERRUPIT, ET HANC REGIONIS AC REBELLIONIS METROPOLIM, OCCUPAVIT. ANNO DOMINI M. DC. LI.

Вокругъ этой надписи вѣнокъ перехваченный нѣсколькими вѣнками; на срединѣ вѣнка сверху помѣщенъ литовскій гербъ, внизу—орелъ Радзивиловъ, а не польскій, какъ писалъ Даниловичъ.

ла, а другую по заказу города Вильны въ память назначенія кн. Януша виленскимъ воеводою въ 1653 году ¹⁾.

Изъ полуразрушенныхъ сводчатыхъ воротъ (=arcus fractus?) выходитъ триумфаторъ въ римскихъ доспѣхахъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и маршалскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ, правой — онъ держитъ за руку колѣнопреклоненную женщину, въ европейскомъ платьѣ, съ градскою короной на головѣ (=Кіовія); за ними толпа воиновъ въ антично-фантастическихъ костюмахъ, изъ которыхъ одинъ держитъ хоругвь со всадникомъ (литовская „погоня“) на полотнищѣ и лавровымъ вѣнкомъ на концѣ, а другой значекъ съ инициалами Януша Радзивила, I и R, внутри лавроваго вѣнка и съ сидящимъ на вѣнкѣ княжескимъ орломъ Радзивиловъ съ тремя рогами (гербъ „trąby“) ²⁾ на груди.

Направо сидитъ, попирая ногами луки и колчаны (=Kiovios arcus fractos pharetrasque rebelles), король Янъ Казиміръ также въ фантастическомъ псевдо-античномъ нарядѣ съ вѣнкомъ на головѣ и жезломъ въ рукѣ; за нимъ два тѣлохранителя съ алебардами и знаменосцы; на полотнищѣ перваго штандарта польскій орелъ въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ нимъ инициалы короля I, S и S; на второмъ значкѣ „готскій“ левъ въ лавровомъ вѣнкѣ; третій штандартъ на полотнищѣ имѣетъ родовой гербъ короля Ваза (перевязанный лентами снопъ) съ бюстомъ надъ нимъ; слѣдующій значекъ состоитъ изъ трехъ коронъ древняго шведскаго герба (=Suecorum, Gothorum, Vandalogumque rex) и послѣдній внутри лавроваго вѣнка имѣетъ австрійскій гербъ Констанціи, матери Яна Казиміра ³⁾.

Съ небесъ слетаютъ крылатые геніи съ побѣдными пальмовыми вѣтвями, вѣнками и вѣнцами въ рукахъ; одна изъ этихъ фигуръ въ отличіе отъ прочихъ одѣта въ длинную одежду, украшена браслетомъ на верхней части руки и трубитъ въ

¹⁾ Объясненіе буквъ дано уже Trachsel'емъ въ вышеуказанномъ (см. стр. 208 пр. 2) каталогѣ.

Schlickeysen (Erklärung der Abkürzungen auf Münzen. 2-te Auflage von Dr. R. Pallmann und Dr. H. Droysen. Berlin. 1882. S. 319) называетъ мастера „Kaiserlicher Hofgoldschmied in Augsburg“, мѣстомъ рожденія указываетъ Страсбургъ и о пребываніи его въ Данцигъ не упоминаетъ, называя мѣстами временнаго его пребыванія лишь Нюрнбергъ, Гамбургъ и Дрезденъ. Тоже и въ Biographical Dictionary of Medallists... by L. Forrer. Vol. I. London. 1902. pp. 319—321. Напротивъ того, именно о Данцигской дѣятельности его между прочимъ и для Польши см. статьи польскихъ нумизматовъ въ Краковскомъ журналѣ Wiadomości Numismatyczno-archeologiczne: 1899 № 2—3 и сл.=tom IV, sp. 41—59, и др.: Józef Zieliński. Rys historyczny medalierstwa w Polsce XVII i XVIII wieku (о медаляхъ Дадлера sp. 53, 54, 58) и Józef i Gustaw Zieliński, Dadler Sebastian (ibidem 1906 № 1=tom V, sp. 385—388). Здѣсь Дадлеръ называется уроженцемъ Страсбурга и, наоборотъ, ничего не говорится объ Аугсбургской его дѣятельности и званіи императорскаго мастера. Подъ конецъ жизни Дадлеръ поселился въ Дрезденъ, гдѣ и умеръ; дѣятельность его опредѣляется 1619—1653 г.; доказательствъ пребыванія Дадлера въ Данцигъ не приведено.

²⁾ О гербѣ Радзивиловъ, какъ князей Римской Имперіи, см. статью Kёне: Siegel des Fürsten Janusz Radziwill vom Jahre 1614 (Köhne's Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. I, 1841, SS. 129—139).

³⁾ См. такіе же королевскіе гербы, кромѣ австрійскаго, напр. въ аллегорической композиціи Адольфа Боя (Boy) на заключеніе королемъ мира съ Москвою въ 1634 году, гравированной В. Хондусомъ: J. C. Block. Das Kupferwerk von Wilhelm Hondius. 1891. Taf. 2. S. 24. Австрійскій гербъ сходенъ съ другою медалью Дадлера (см. Raczyński, № 115).

прямую трубу съ подвѣшеннымъ къ ней кускомъ матеріи, украшеннымъ гранатами: это, очевидно, Слава (Fama).

Еще одного генія, правда безкрылаго, находимъ мы сидящимъ на воротахъ и держащимъ предъ собою гербовый щитъ, съ изображеніемъ на немъ натянутаго лука (еще разъ arcus!), обращеннаго вправо, при чемъ тетива въ нижней ея половинѣ почему то сдѣлана двойною. Этотъ геній съ гербомъ нашель себѣ товарища на одномъ изъ вновь нашедшихся рисунковъ, а именно на томъ, который я считаю выходнымъ листомъ ко всему альбому: тамъ онъ сидитъ надъ среднею аркой фантастической руины, за которою виднѣется Кіевъ, и держитъ такой же гербъ: натянутый лукъ, обращенный вправо (см. табл. II, рис. 2). Единственною возможностью объяснить его мнѣ кажется предположеніе, что рисовальщикъ хотѣлъ изобразить старинный, существовавшій до времени Екатерины II, гербъ Кіевского магистрата.

Поручикъ В. И. Новгородцевъ около 1784 года писалъ, говоря о гербѣ Кіева: „города же Подола, гдѣ жительствоуютъ мѣщане, магистратская печать имѣетъ изображеніе: лука съ тетивою и называется „Куша“¹⁾. То же повторяется въ книжкѣ: „Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ“²⁾: описавъ гербъ Кіева, архангела Михаила, анонимный авторъ прибавляетъ (стр. 4): „касательно города Подола, гдѣ по большей части жительствоуютъ мѣщане, была прежде печать съ изображеніемъ древней стрѣльбы оружія, на подобіе лука съ тетивою, называемаго Куша; но нынѣ оная не употребляется“. Прибавка Н. Закревскаго (Описание Кіева, стр. 148), излагающаго это извѣстіе: „но съ полученіемъ нынѣшняго герба означенная печать болѣе не употреблялась“, не соотвѣтствуетъ тексту 1795 г. Тамъ непосредственно послѣ приведенныхъ выше словъ слѣдуетъ фраза: „Когда гербъ Кіеву и кѣмъ назначенъ, записокъ не отыскалось“, которая относится, конечно, къ гербу съ архангеломъ Михаиломъ, а не съ „кушею“ (т.-е. по-русски, самострѣломъ), такъ какъ послѣдній гербъ существовалъ, какъ мы видѣли, одновременно съ первымъ. Н. Самойловъ (Кіевъ въ началѣ своего существованія (и пр., и пр.). Москва, 1834, стр. 30, прим. 42), безъ указанія источника пишетъ: „Города Подола, гдѣ жительствоуютъ природные граждане, древняя Магистратская печать имѣетъ изображеніе: лука съ тетивою, и называется „куша“.

Извѣстія о магистратской печати съ самострѣломъ подтверждаются и фактически: подъ однимъ документомъ 1698 года изъ Кіевского магистрата, на печати ви-

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ. 1874. Отд. II, стр. 126, гдѣ напечатано, однако, — вслѣдствіе очевидной и простѣйшей опечатки, — не „лука“, а „луна“, что не мѣшаетъ повторять ее: напр. см. М. М. Захарченко. Кіевъ прежде и теперь. 1888. стр. 79.

²⁾ Печатано въ типографіи Академіи Кіевской при Лаврѣ Печерской. 1795 года. 4^о тѣп. 8 стр. Находящееся на послѣдней страницѣ указаніе, что „сіе извѣстіе почеркнуто изъ Высочайшаго путешествія въ полуденный край Россіи, напечатаннаго при Горномъ училищѣ 1786 года, стр. 33“ — не совсѣмъ вѣрно: въ указанной книжкѣ (in 8^о. 149 стр. съ картой) въ краткой статьѣ о Кіевѣ (стр. 35 — 39), перепечатанной въ 1795 г. въ Кіевѣ, всего пассажа о Кіевскомъ гербѣ (15 строкъ на стр. 4) не оказывается.

димъ руку, держащую самострѣль лукомъ вверхъ, съ надписью вокругъ: **ПЕЧАТЬ МЕССКАА МАІСТРАТЪ ЕГО Ц. В. КІЕВСКІА ОТУШ** ¹⁾.

Гербъ Самострѣла, по-польски „kusza“, въ польскомъ гербовникѣ фигурируетъ среди литовскихъ и русскихъ гербовъ, называясь иногда и гербомъ „Korejwa“ ²⁾; самострѣль является обыкновенно обращеннымъ лукомъ внизъ, какъ напр. на одномъ кубкѣ Оружейной Палаты ³⁾, гдѣ около такого герба размѣщены русскія и латинскія буквы, для насъ непонятныя.

На рисунокѣ и медали 1651 г. мы видимъ натянутый лукъ со стрѣлою, обращенной вправо, играющимъ, по всей видимости, роль герба города Кіева. Въ концѣ XVII вѣка на печати Кіевского магистрата изображается самострѣль. Въ концѣ XVIII вѣка Кіевскіе историки, говоря о магистратскомъ гербѣ смѣшиваютъ, видимо, самострѣль съ лукомъ. Какъ выйти изъ затрудненія я не знаю. Фактическій матеріалъ въ видѣ печатей Кіевского магистрата подъ актами половины XVII в. и ранѣе мнѣ не доступенъ. Предполагать простую ошибку рисовальщика, изобразившаго на гербѣ Кіева вмѣсто самострѣла лукъ, я считаю маловѣроятнымъ, хотя бы потому что надпись на лицевой сторонѣ медали упоминаетъ Kijovius arcus видимо съ намекомъ на гербъ города. Остается, поэтому, допустить, что въ половинѣ XVII в. въ гербѣ Кіевского магистрата изображался лукъ со стрѣлою, обращенной вправо; если же фактически на печатяхъ того времени окажется такъ же, какъ позднѣе, самострѣль, то лукъ на медали 1651 г. придется объяснять какъ уступку требованіямъ надписи, въ которую нельзя было вставить, пользуясь классической лишь латынью, обозначенія самострѣла, или же, что не невозможно, ошибкой художника.

Помимо генія съ гербомъ города Кіева, медаль 1651 года связывается съ выходнымъ листомъ Кіевского альбома 1651 г. еще и фигурою согбеннаго съ палкою старика: на медали стоящаго рядомъ съ литовскимъ знаменосцемъ, а на рисунокѣ, идущаго, но въ иномъ оборотѣ, по ступенямъ фантастической руины, о которой рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ (см. табл. II, рис. 1 и рис. 2).

Ворота Кіева на медали представлены сложенными изъ большихъ тесанныхъ камней; иной болѣе реальный видъ имѣютъ Золотыя Ворота на двухъ рисункахъ альбома 1651 года (см. табл. IV, рис. 1 и 2), но все же при сравненіи тѣхъ и другихъ очевидна нѣкоторая зависимость медальера отъ рисунковъ 1651 и притомъ именно отъ рисунка, представляющаго триумфальный вѣздъ кн. Радзивила въ Золотыя Ворота (см. табл. IV, рис. 2); правда, сходство это лишь въ общемъ очертаніи руинъ, да въ деревянной перекладинѣ въ аркѣ, но вѣдь на медали ворота эти чисто условныя, а не реальныя Золотыя, хотя бы по одному тому уже, что они оказываются

¹⁾ Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Вып. I. Москва. 1880 г. № 68 и № 69 [оба таблицы представляютъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ одно и то же, хотя на табл. 68 должна быть печать Гадяча].

²⁾ Herbarz polski Kaspra Nlesieckiego S. J. wydany przez J. N. Bobrowieza. I. 1839 — 1846, str. 553, 562—563; V, 1840, str. 237, 471.

³⁾ Опись Московской Оружейной Палаты. Часть II, кн. 1. Москва. 1884, стр. 108, № 564.

стоящими гдѣ-то за Днѣпромъ, если судить о положеніи ихъ по тому виду Кіева, который помѣщенъ на заднемъ планѣ аллегорической композиціи (см. табл. II, рис. 1).

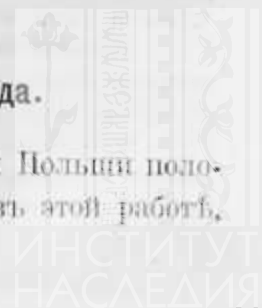
Этотъ видъ Кіева столь близокъ къ упомянутому виду Кіева 1651 года со стороны Подола (см. табл. III, рис. 1 и 2), сходство между ними прослѣживается въ столь мелкихъ деталяхъ, что знакомство медальера съ этимъ рисункомъ 1651 года не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ. Конечно, при детальномъ сличеніи того и другого вида оказываются и нѣкоторыя различія, напримѣръ, на медали передъ городской оградой показанъ ровъ, котораго на рисункѣ не оказывается, вопреки положительному свидѣтельству Боцлана (см. Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева. 1874. Отд. II, стр. 45), который, впрочемъ, называетъ его ничтожнымъ, медальеру же, вѣроятно, городъ безъ рва казался невозможнымъ; число и расположеніе, относительно нижняго города, церквей на горахъ нѣсколько различается; но все это, конечно, не можетъ ослабить наиболѣе важнаго для насъ изъ сравненія рисунковъ 1651 года и медали того же года вывода, а именно, что медальеръ имѣлъ у себя въ оригиналѣ или въ копіи по крайней мѣрѣ три изъ кіевскихъ рисунковъ 1651 года. Эта зависимость медали, выбитой, очевидно, въ ближайшее послѣ событія время, т.-е. въ концѣ 1651 или началѣ 1652 года, отъ рисунковъ, изображающихъ намъ то же событіе, дѣлаетъ неподлежащимъ никакому сомнѣнію фактъ исполненія дошедшихъ до насъ, къ сожалѣнію лишь въ копіяхъ конца XVIII вѣка, видовъ Кіева и его памятниковъ именно во время Кіевского похода кн. Януша Радзивила, т.-е. осенью 1651 года.

Теперь же, когда уже установлена, — и безъ того, впрочемъ, очевидная, — причинная зависимость между появленіемъ видовъ Кіева 1651 года и походомъ того же года, естественно обратиться къ исторіи этого похода, дабы выяснить по возможности условія, при которыхъ исполнены были рисунки эти. Но если тѣ, извѣстные уже, рисунки, которые перечислены выше, равно какъ и медаль, вполне объясняются естественнымъ у всякаго побѣдителя желаніемъ увѣковѣчить свои подвиги или удачи и потому для возникновенія ихъ достаточно было лишь наличности у заказчика честолюбія и, конечно, денежныхъ средствъ, то отыскавшійся вновь цѣлый рядъ иныхъ видовъ Кіева въ 1651 году и памятниковъ его прошлаго указываетъ, что кн. Януша Радзивила Кіевъ интересовалъ не только какъ достигнутая цѣль удачнаго похода, но и самъ по себѣ и притомъ именно тѣми его достопримѣчательностями: древностями и святынями, которыми интересуется онъ и насъ, археологовъ; а потому мы не можемъ не остановиться и на самой личности литовскаго полководца, Кіевскій походъ котораго оставилъ по себѣ столь важный для русской археологіи памятникъ.

ГЛАВА II.

Князь Янушъ Радзивиль и его кіевскій походъ 1651 года.

Личность и исторія одного изъ виднѣйшихъ магнатовъ Литвы и Польши половины XVII вѣка, князя Януша Радзивила, должна занимать насъ въ этой работѣ,

конечно, лишь постольку, сколько то может быть полезнымъ для яснаго сужденія о происхожденіи и значеніи кievскихъ рисунковъ 1651 года; сообразно этому мы и дѣлаемъ нижеслѣдующую комбинацію извлеченій изъ его біографіи, напечатанной въ 1859 году Эдуардомъ Котлубаемъ ¹⁾, и нѣкоторыхъ иныхъ источниковъ и пособій.

Янушъ родился въ 1612 году въ кальвинистской семьѣ Биржанской линіи князей Радзивилловъ и до самой смерти оставался ревностнымъ кальвинистомъ. Уже этимъ однимъ онъ вызывалъ постоянныя на себя нападки со стороны католиковъ, которые постоянно подозрѣвали богатаго и вліятельнаго „еретика“ въ замыслахъ, противныхъ „коронѣ“ (т.-е. Польшѣ) и даже королю, послѣ же того, какъ въ 1655 году безвыходное положеніе Литвы заставило его передать ее подъ покровительство Швеціи, это враждебное отношеніе къ нему получило очевидныя фактическія основанія и стало на долгое время общимъ ²⁾.

Изъ взводимыхъ на князя Януша обвиненій болѣе другихъ касаются нашей темы подозрѣнія въ какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ и договорахъ его съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Эти навѣты опровергаются повидимому фактически рядомъ кровавыхъ побѣдъ князя Януша надъ казаками, хотя,—кромѣ Кіевского похода 1651 года,—столкновенія его съ ними и являются въ сущности лишь обороной Литвы отъ прямыхъ нападеній казаковъ и отъ распространенія эмиссарами ихъ крестьянскаго (т.-е. русскаго) бунта ³⁾. Но нельзя забывать также и того, что политическіе и религіоз-

¹⁾ *Życie Janusza Radziwiłła, ś. państwa Rzymskiego xiążęcia na Birzach i Dubinkach, hrabi na Nowlu i Siebieżu, wojewody wileńskiego, hetmana wielkiego W. X. L. etc. etc. przez Edwarda Kotłubaję. Wilno i Witebsk. 1859. 8° VIII+460 str.* Тому же автору принадлежит и другая краткая біографія князя Януша въ изданіи: *Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich opisana historycznie przez Edwarda Kotłubaję. Z drzeworytami Michała Starkmana. Wilno. 1857. in 8° 558 str., см. стр. 133—154.* Прочія, указываемыя у Finkel'я (*Bibliografia historii polskiej. Kraków. 1906. №№ 26377*), статьи о князѣ Янушѣ остались для меня недоступными.

²⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ его сравнительно съ измѣнникомъ Радзеевскимъ Рудавсей, приступая къ описанію событій 1655 года:

Lituaniae clades non tam Radzieievii quam Janussio duci Radivilio adscribenda est. Fuit ille primus mali motor, primusque patriae proditor direptorque, quem ad funditus tollendam rempublicam, primum vindicta, deinde egestas compulerunt. Hunc genere Ducem, divitiis potentem, dignitate florentem, auctiores opes ad mala adegerunt consilia. Forsitan et Calviniana avita professio capite et corde calvum effecerat, ac in turbido republicae statu piscari docuerat. Radzieievii rabies intra Mazoviam se praecluserat quasi expiratura, Radivili furor Russiam, Lituaniam, Samogitiam, Curlandiam Podlesiamque corripuit. Nec de Lituaniis quaeri potest Lituania, extrema tentassent illi, si Radivilus voluisset, cujus fidei commissa tunc amplissima regio fuit. Primum ejus facinus primaque de patria extitit victoria, irrita senatorum comitia. Hinc clades subsecuta Battoviana, ut supra memoravimus. Fasces deinde imperatoris dum avidius Varsaviae sectatur, Smolenscum amittit, uno verbo, initium et causa belli Lituani inexplebilis honorum Radivili fames, qui alter Romanorum Marius potentia valens, Gonsevium non ferebat aemulum potentiae, quem millies perire volebat. Ita Radivili aviditas imperandi, perdidit sepelivitque Lituaniam. Mohiloviae mercator, Vilnae praedator nobilis, quam ut perderet, prius universam voluit perdere Lituaniam, voluntaria suorum fuga, quam nec ipse stator Jupiter stitisset. Igitur melius Radivilianum quam Moschoviticum hoc ego dixerim bellum, potiusque civile quam externum.

(*Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Olivensem usque libri IX seu Annales regnante Joanne Casimiro... auctore Laurentio Johanne Rudawski... edidit Laurentius Mitzlerus. Varsaviae et Lipsiae. 1755. fol. p. 179*).

³⁾ Н. Костомаровъ, давая отчетъ о работахъ въ Несвижскомъ архивѣ, писалъ: „Есть нѣсколько писемъ Богдана Хмѣльницкаго, изъ которыхъ заключить можно, что онъ въ продолженіе своего бурнаго гетманства оказывалъ вниманіе къ Радзивилламъ и пощаду его (sic!) имѣли; такимъ

ные интересы объединяли нерѣдко православныхъ съ кальвинистами, такъ, напримеръ, митрополитъ кievскій Петръ Могила въ 1632 году, во время избранія Владислава IV-го, въ письмѣ къ отцу князя Януша, великому гетману литовскому, князю-Христофору Радзивилу, энергично настаивалъ на совмѣстныхъ дѣйствіяхъ¹⁾.

По мнѣнію самого князя Януша самое существованіе диссидентовъ являлось въ Рѣчи Посполитой гарантіей политической свободы (шляхты конечно)²⁾. О покровительствѣ князя Януша, въ послѣдніе годы его жизни, православнымъ рѣчь будетъ ниже; видная же роль его въ исторіи кальвинизма въ Литвѣ и Польшѣ нашей темы не касается.

Но все это, конечно, далеко не достаточно для того, чтобы принимать на вѣру все тѣ обвиненія и подозрѣнія, которыя ввозили на него его современники и которыя казались вполне доказанными послѣдующимъ историкамъ фактами 1655 года. Только одна огромная переписка кн. Януша, хранящаяся въ несвижскомъ архивѣ, можетъ освѣтить столь темный вопросъ, какъ честолюбивые замыслы литовскаго гетмана, соблазнявшагося, быть можетъ, примѣромъ гетмана казацкаго.

Учился Янушъ въ кальвинскихъ школахъ въ Кейданахъ (1620—1624 годы) и Слуцкѣ (1624—1625 годы), а потомъ посланъ былъ за границу въ Лейпцигскій университетъ (1629—1630 годы), гдѣ его торжественно принимали и магистратъ и академія³⁾, поспѣшившая почтить его званіемъ „ректора“; еще годъ (1632) слушалъ Янушъ лекціи въ Голландіи въ Лейденскомъ университетѣ, хотя предъ тѣмъ успѣлъ уже повоевать охотникомъ въ войскѣ штатгальтера Генриха Оранскаго, воевавшего съ испанцами за независимость Штатовъ (1631 годы).

Насколько основательны были его учебныя занятія, мы, конечно, не знаемъ, во всякомъ случаѣ онъ владѣлъ латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, кромѣ того, съ дѣтства, конечно, зналъ польскій, литовскій и русскій. Ниже мы встрѣтимся съ фактами, указывающими на особый интересъ его къ древностямъ и, само собою разумѣется, всякаго рода рѣдкостямъ и драгоценностямъ.

Король Владиславъ IV, вступивъ на престолъ, пожаловалъ Януша въ подкоморіи великаго княжества литовскаго и въ концѣ 1632 года отправилъ изъ Лейдена посломъ въ Англію съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ. Этимъ посольствомъ

образомъ, въ 1649 году, во время войны съ поляками, онъ писалъ и послалъ универсалъ полковнику Небабѣ, отправленному въ Литву, чтобы не принималъ крестьянъ изъ староствъ, принадлежащихъ Радзивилламъ, и что все ихъ крестьяне должны оставаться въ послушаніи своихъ пановъ“. (Лѣтописи занятій Археографической Коммисіи V. 1871, отд. IV, стр. 20).

Къ сожалѣнію, время универсала этого точно не указано, а иныхъ упоминаній о немъ я не нашелъ. Двоюродный братъ и ближайшій къ князю Янушу человекъ, князь Богуславъ Радзивиль, также перешедшій на сторону шведовъ, въ 1656 и 1657 гг., находился съ казаками въ сношеніяхъ, прямо враждебныхъ польскому королю (см. Kotłubaj. Galerja, str. 173; Виленскій Археографическій Сборникъ. VII. 1870. №№ 76—81, 95, 96, 107, 108).

1) См. письмо его отъ 12 мая 1632 года въ Виленскомъ Археографическомъ Сборникѣ VII. 1870 № 64, стр. 90—91.

2) „Kiedy Lutrow w Polsce nie będzie, to i wolności nie będzie. Widziemy insze państwa Hiszpańskie, Włoskie, Rakuskie, ktore carent herezji, ale oraz etiam libertate“: изъ письма кн. Богуславу Радзивилу отъ 18 октября 1653 г. (Kotłubaj. str. 384—385).

3) Icones Radivillianaе. tab. 54: anno 1629 Academiae Lipsiensis RECTOR.

князь Янушъ, на двадцатомъ году жизни, началъ свою придворную карьеру и государственную дѣятельность.

Юный дипломатъ поспѣшилъ заказать свой портретъ извѣстному голландскому живописцу Давиду Байльи ¹⁾, жившему тогда въ Лейденѣ. Судя по описаніямъ гравюры съ портрета этого, князь Янушъ на немъ изображенъ былъ въ доспѣхахъ съ богатою перевязью черезъ плечо, съ моднымъ кружевнымъ воротникомъ и длинными спадающими до плечъ волосами; словомъ тогда, на 20-мъ году жизни, онъ имѣлъ, конечно, мало общаго съ болѣе поздними портретами его же (см., напримѣръ, табл. I, рис. 1).

Съ этого портрета въ слѣдующемъ 1633 году исполнена была большая гравюра, посвященная князю Янушу извѣстнымъ голландскимъ граверомъ Вильгельмомъ Хондіусомъ ²⁾; на рамкѣ вокругъ портрета помѣщенъ девизъ: *resolve nodos virtute* въ подписи подъ ней Янушъ названъ, кромѣ его придворнаго чина и наслѣдственныхъ титуловъ, также королевскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Англію и обѣ Бельгіи и начальникомъ королевскаго германскаго легіона. Последнее званіе относится къ порученію, данному Янушу королемъ набирать за границею пѣхоту, пушкарей и инженеровъ для предстоящей осады Смоленска.

Въ октябрѣ 1633 года въ Кейданахъ Янушъ организовалъ собственныя гусарскія хоругви, съ которыми въ ноябрѣ пришелъ подъ Смоленскъ, гдѣ и принималъ участіе въ осадѣ московской арміи, обложившей было польскій гарнизонъ Смоленска. Янушъ со своими наемными полками и артиллеріей стоялъ въ окнахъ на Жаворонковой горѣ, откуда и обстрѣливалъ московскій лагерь (Kotlubaj, str. 32, 34). Ему, очевидно какъ сыну виленскаго воеводы, давали почетныя порученія: такъ, 25 февраля (нов. ст.) 1634 г. онъ именно занялъ очищенные русскими укрѣпленія на Дѣвичьей горѣ, а на другой день ѣздилъ съ принцомъ Казиміромъ смотрѣть сданныя русскими пушки, возбуждавшія величиною своею общее любопытство ³⁾.

¹⁾ David Bailly: см. о немъ Т. v. Westheene и Bode въ *Allgemeines Künstler-Lexikon... von Julius Meyer*. II. 1878. S. 563—564, гдѣ однако, среди портретовъ, гравированныхъ по его картинамъ, портрета князя Януша Радзивила не упоминается, но ни къ какому иному извѣстному художнику подпись подъ гравюрою В. Хондіуса: *cujus effigiem a celeberrimo Bailio depictam* и т. д., не подходитъ.

²⁾ Кромѣ общихъ словарей художниковъ и граверовъ, о немъ см. J. Łoski. *Wilhelm Hondius, nadworny rytownik dwóch królów polskich*. (Biblioteka Warszawska. 1882. I, str. 357—368).

Wł. Bartynowski. *Wspomnienie o rytowniczych pracach Wilhelma Hondiusa* (Przegląd bibliograficzno-archeologiczny. Tom. II. 1882. str. 195—210, 266—273, 313—319 (не окончено).

Edw. Rastawiecki. *Słownik rytowników polskich, etc.* Poznań. 1886, str. 128—144.

Mathias Bersohn. *O rytownikach gdańskich*. Warszawa. 1887. 8°, str. 41—47.

J. C. Block. *Das Kupferstichwerk des Wilhelm Hondius*. Danzig. 1891. 8°. 80 SS., mit 4 Tafeln.

Вас. Г. Ляскоронскій. О граверѣ XVII в. Гильомѣ Гондіусѣ и его картографическихъ трудахъ относительно Южной Россіи, произведенныхъ по чертежамъ и планамъ Левассера-де-Боплана. (Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣвоньца. XI, 1896, стр. 5—7) [краткое изложеніе реферата въ Обществѣ].

Этого перваго по времени портрета князя Януша я не видалъ.

³⁾ *Gestorum Vladislai IV Poloniae et Sueciae Regis pars II Regem panegyricè repraesentans auctore E. Wassenbergio, S. R. M. historiographo, editio secunda correctior*. Gedani. 1643. p. 111: *Sequenti die 25 Febr., qui erant in fortalitijs, cis et trans Borysthenem, in Virgineo et alio monte Mosci, reflectis tormentis, et aliis, ut convenerat, omnibus, vexillis involutis, duabus ante meridiem horis in Söhini castra*

Видную роль во время этой кампании игралъ отецъ Януша, князь Христофоръ Радзивиль (1585—1640), великій гетманъ литовскій; ему на сеймѣ 1634 года въ Варшавѣ поручено было читать въ сенатѣ реляцію о войнѣ московской и въ отвѣтъ на нее принесена благодарность отъ лица короля, сената и избы посольской; но просьбу его о владѣніи на ленномъ правѣ отнятыми у Москвы Невелемъ и Себежемъ сеймъ не уважилъ. Зато самъ онъ увѣковѣчилъ свои заслуги подѣ Смоленскомъ медалью, заказанною тому же Себастиану Датлеру, о которомъ рѣчь была уже выше (см. стр. 209 сл.)¹⁾, и лицевымъ дневникомъ осады Смоленска.

Такой драгоцѣнный для насъ, археологовъ, памятникъ эта, столь несчастная для Россіи, кампанія дала въ видѣ огромной, на 16 листахъ, гравюры; судя по объяснительному тексту, обращенному къ князю Христофору Радзивилу, она была исполнена по его заказу по чертежамъ инженера Юганна Плейтнера въ 1636 году въ Данцигѣ В. Хондіусомъ, который тогда былъ уже халкографомъ польскаго короля²⁾; на ней подѣ №№ 179 и 159 показаны укрѣпленія князя Януша на Жаворонковой горѣ; тамъ же подѣ № 54 церковь св. Михаила, изъ которой во время одной изъ битвъ князь Янушъ вытѣснилъ русскихъ, но и самъ въ ней не удержался, а подѣ № 76 оврагъ, занятый имъ во время другой операціи.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны кн. Янушъ принималъ участіе въ неудачной для поляковъ осадѣ Бѣлой: изъ его шанца велъ свои неумѣлые подкопы инженеръ Плейтнеръ (см. Kotłubaj. Odsiecz Smoleńska. str. 49—51, гдѣ пишется: Szleitner).

concesserunt: quae mox Janus Radzivilius, Ducis Generalis filius, tera explosione, et Polonis aquillis vallo fixis, se praesidio Regio munivisse, demonstravit; pag. 112: Die postera, quae erat 26 Febr. Serenissimo Casimiro Principe, tribus Radzivilijs ducibus, Christophoro, Sigismundo et Johanne, comitato, in hostilia castra, ad visenda omnia, et praesertim tormenta bellica, concedente... etc.

Перечисленіе величайшихъ пушекъ (Единогоръ [= Ипроръ] 70-фунтовая, „Passineck“ [= Пасынокъ] — 50 фун., Волкъ — 40 фун., Соколъ [= Кречетъ] — 30 фун., Царь [= Ахиллесъ] — 24 фун.) см. *ibid.* p. 126—127. Часть ихъ вернулась въ Россію: см. Н. Печенкинъ. Описаніе орудій, находящихся у Главнаго Артиллерійскаго Управленія С.-П.-Б. 1905. 8^о, стр. 4, 5, 6 и 11; Н. Е. Бранденбургъ. Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Ч. I. 1877. стр. 96, 97, 107—110, 113—114. Цѣликомъ *Spis dzieł zdobytych pod Smoleńskiem* см.: Edw. Kotłubaj. Odsiecz Smoleńska i pokoj polanowski. Kraków 1858. str. 71—72 (cf 44; о кн. Янушъ: str. 27, 44, 48—51) и *Biblioteka Ordynacyi Krasieńskiach, Muzeum K. Swidzińskiego*. Tom. XIII. Warszawa. 1895. *Dyaryusz wojny Moskiewskiej 1633 roku z rękopismu wydał... Alexander Rembowski* str. 108.

¹⁾ Описаніе медали этой, по величинѣ и длинной латинской надписи, занимающей всю обратную сторону, сходной съ описанной нами выше медалью 1651 года, см. у Даниловича (о. с. str. 8) Рачинскаго (о. с. № 112), въ каталогъ собранія князя Вильгельма Радзивила (о. с. 1869. S. 157—158) изображеніе — у Рачинскаго. О князь Христофоръ — см. Kotłubaj. *Galerja Nieświńska portretów Radziwiłowskich*. Wilno. 1857. Str. 95—131.

²⁾ Описаніе гравюры см. въ указанныхъ выше работахъ о Хондіусѣ. Доски хранятся въ С.-Петербургѣ, въ Академіи Художествъ. Существуютъ новые оттиски гравюры и комментированное переизданіе ея: Планъ осады и обороны города Смоленска въ 1633 и 1634 годахъ съ объяснительнымъ текстомъ А. Даниловскаго. Издано при содѣйствіи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба С.-Петербургъ, 1904. (Матеріалы Военно-Ученаго архива. Картографическіе матеріалы. Выпускъ II-й). Видъ самаго города отсюда переизданъ при статьѣ П. Покрышкина: Смоленская крѣпостная стѣна, въ Извѣстіяхъ Импер. Археологич. Комиссіи. Выпускъ 12-й. С.-Петербургъ, 1901 г., стр. 1—25, съ 17 табл.; см. табл. XVI-ую. Кромѣ этого, наилучшаго конечно, плана Смоленской осады, извѣстны еще планы Wassenberg'a и планъ приложенный къ реляціямъ агента Бранденбургскаго Курфиста Weinbeerg'a, изданный, къ сожалѣнію не facsimile, Хав. Liske (*Biblioteka Ossolińskich*, т. XI, нов. сер. Lwów, 1868). Alex. Rembowski (см. выше, стр. 216, прим. 3) воспроизвелъ facsimile на трехъ таблицахъ еще наброски для плана той же осады.

Послѣ войны этой князь Янушъ около десяти лѣтъ находился по должности подкоморія Великаго Княжества Литовскаго при королѣ и письма его къ отцу, издавныя Котлубаемъ (*Życie Janusza, dodatek V, str. 239—331*), представляютъ значительный историческій интересъ. Въ нихъ, среди сообщеній о различныхъ событіяхъ и придворныхъ новостяхъ и случаяхъ, бывали и шифрованные пассажи и и указанія на сообщенія, которыя вовсе не довѣрялись бумагѣ. Сколь основательны были всевозможныя подозрѣнія, высказывавшіяся польскими католиками противъ литовскихъ кальвинистовъ, судить теперь трудно. Для насъ всего интереснѣе тутъ то, что 7 февраля 1635 года князь Янушъ писалъ отцу и притомъ по порученію канцлера Великаго Княжества Литовскаго, князя Альбрехта Станислава Радзивила, — съ которымъ отецъ и сынъ были, какъ съ фанатическимъ католикомъ, въ довольно холодныхъ отношеніяхъ, — о слухѣ, что перехвачены письма князя Христофора къ кievскому митрополиту Петру Могилѣ, въ которыхъ литовскій гетманъ побуждалъ, будто бы, казаковъ къ бунту противъ Рѣчи Посполитой (*str. 257*)¹⁾.

Въ 1636 году во время пребыванія короля въ Вильнѣ, князь Христофоръ въ засѣданіи сената, — правда, послѣ хорошаго обѣда, — рѣзко поспорилъ съ польскими вельможами, предъявляя имъ требованіе, чтобы все дѣла Московскія и иныхъ съ Литвою смежныхъ странъ шли черезъ литовскихъ чиновъ, и не унимался даже послѣ закрытія королемъ засѣданія, а князь Янушъ договорился при этомъ до восклицанія: „Прійдетъ время, когда поляки и дверей не найдутъ, какъ мы ихъ изъ оконъ повыкидаемъ!“ (См. *Pamiętniki X. Albr. Stan. Radziwiłła. I, str. 325—327*).

Королевская немилость послѣ этого длилась недолго. (*Kotłubaj, str. 49 сл., 303 сл.*).

Въ 1637 году князь Янушъ собирался ѣхать изъ Варшавы въ Краковъ для знакомства съ одною изъ указываемыхъ ему отцемъ богатыхъ невѣстъ, но встрѣча съ княжною Екатериною Потоцкой у матери ея, которая была дочерью Молдавскаго господаря Іереміи Могилы и слѣдовательно родственницей и митрополита Петра Могилы²⁾, измѣнила матримоніальные планы молодого человѣка, какъ онъ подробно повѣствоваль о томъ отцу въ длинномъ письмѣ отъ 7 октября 1637 года (см. его у Котлубая, *str. 318—325*); въ немъ излагается курьезная исторія, какъ дядя князя Януша, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль, котораго Янушъ просилъ, какъ старшаго, быть сватомъ, вздумалъ, ссылаясь на явленіе ему во снѣ Божіей Матери, вмѣсто того предложить свою собственную руку³⁾; старанія дядюшки и нерасположеніе матери невѣсты къ кальвинизму жениха сильно затянули дѣло, и свадьба состоялась лишь въ сентябрѣ 1638 года. Это супруже-

¹⁾ ...Oznajmuję że ktoś (a żadną go miarą dojść nie mogę) dał się z tem słyseć przed Xięciem P. Kanclerzem, że przejęto listy W. X. M. z Torunia do ojca Mohiły pisane, w których W. X. M. masz kozaki przeciwko Rzeczypospolitej buntować, xiąże J. M. [т. е. князь Альбрехтъ Радзивиль, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго] kazał mi o tém do W. X. M. pisać, a autora wydać nie chciał.

²⁾ Tablica geneologiczna potomstwa Jeremiasza Mohiły podał prof. Dr. Jsydor Szaranewicz см. Przegląd Archeologiczny. Zeszyt III. Rok 1883. Lwów.

³⁾ Исторія сватовства князя Януша послужила темой очерка В. Калицкаго: Swały w r. 1637. Przegląd Polski, 1867, I.) Zarysy historyczne. Lwów. 1869. [Цитирую по Финкелю, Bibliogr. hist. Polsk. № 26399]. См. также вкратцѣ у Шайнохи (русск. пер. въ журналѣ „Русская Мысль“, 1881, июнь, стр. 252—3).

ство было однако не долгимъ: родивъ сперва сына, умершаго въ младенчествѣ, а потомъ, въ 1640 году, дочь, Анну Марію, кн. Екатерина скончалась въ 1642 году въ Слуцкѣ; ея портретъ помѣщенъ на таблицѣ 55-й въ изданіи: „Icones Radivilianae“, напечатанномъ въ 1758 году въ Несвижѣ и переизданномъ съ тѣхъ же досокъ, — нынѣ вернувшихся въ Несвижъ, — въ 1875 году въ С.-Петербургѣ Ю. Б. Иверсеномъ. Этотъ портретъ тождественъ съ рисункомъ перомъ въ старинномъ собраніи радзивиловскихъ портретовъ, принадлежавшемъ, повидимому, самому князю Янушу и хранящемся нынѣ въ Академіи Наукъ, — о которомъ рѣчь будетъ ниже, — но мы не можемъ, конечно, утверждать, чтобы гравюра Лейбовича копировала этотъ именно рисунокъ; и рисунокъ и гравюра оба могли быть копіями съ какого-либо писаннаго красками портрета первой жены князя Януша. Въ Несвижѣ, по сообщенію Б. И. Пуляшовскаго, имѣется портретъ Януша, изображеннаго стоящимъ между обѣими его женами.

Первая жена его была, какъ и мать ея, ревностной католичкою и старалась склонить къ переходу въ католичество, по примѣру многихъ, и князя Януша, но старанія ея остались тщетными, какъ то отмѣтилъ въ надгробномъ словѣ ея Симонъ Окольскій ¹⁾.

Въ Литвѣ кальвинисты были еще достаточно сильны и не разъ доходили до рѣзкихъ столкновеній съ католиками. Извѣстно громкое дѣло, возникшее по поводу нѣсколькихъ стрѣлъ, понавшихъ въ костель арх. Михаила въ Вильнѣ въ 1639 году, и, въ слѣдующемъ году, столкновеніе на похоронахъ Александра Пшибковскаго, бывшаго дядькою князя Януша за границею: при послѣднемъ присутствовали и князь Янушъ, и, по разсказамъ католиковъ, приказывалъ даже будто бы наемной надворной пѣхотѣ своего отца стрѣлять по костелу ²⁾.

Конечный исходъ ихъ былъ, однако, для кальвинистовъ весьма печаленъ: вилненская церковь („сборъ“) и школа ихъ были закрыты и перенесены за городъ, нѣсколько человекъ были приговорены къ смерти и спаслись лишь бѣгствомъ при содѣйствіи князя Христофора Радзивила; наконецъ и послѣдній, сильно потрясенный этимъ дѣломъ, вскорѣ внезапно умеръ (19 сентября 1640 года), оставивъ главою и защитникомъ литовскихъ кальвинистовъ своего сына, князя Януша.

Отъ этого же, столь безпокойнаго для князя Януша и отца его, года сохранилось намъ извѣстіе о болѣе мирныхъ и намъ болѣе близкихъ интересахъ князя Януша: въ письмѣ отъ 21 марта 1640 года онъ просилъ бывшаго тогда за границею двоюроднаго брата своего, князя Богуслава Радзивила, узнать мнѣніе антикваріевъ о какой то „красивой серебряной фигурѣ“ или „штукѣ“, найденной подъ корнями

¹⁾ J. Łukaszewicz. Dzieje Kościołów wyznania helweckiego w Litwie. I. Poznań. 1842. str. 269, n. 1.

²⁾ Объ этихъ двухъ столкновеніяхъ см. J. Kraszewski, Wilno, II, 1840, str. 19—26, 108—112; III, str. 124—132, 144, 145; J. Łukaszewicz. o. c. I, str. 203—231; Kotłubaj. Galerja, str. 125—127. *Życie ks. Janusza*, str. 62—67; Baliński. Dawna Akademia Wileńska. Petersburg. 1862, str. 134—139; В.Г. Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны. (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, изд. Н. Н. Батюшковымъ. Вып. 6. С.-Петербургъ, 1874), стр. 43—46; Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіей. Т. XX, 1893, № 259, стр. 329—336. Впрочемъ, князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль (*Pamiętniki... przez Edw. Raczyńskiego*. Tom. II, Poznań, 1839, str. 4), описывая второе столкновение, объ участіи въ немъ князя Януша не упоминаетъ.

дуба гдѣ то на Волыни и присланной князю Янушу княземъ Янушемъ Вишневецкимъ (+ 1636), и выражалъ при томъ надежду, что князь Богуславъ съ своей стороны пришлетъ какую-либо рѣдкость или драгоценность въ „кунсткамеръ“ князя Христофора ¹⁾.

Годы 1641 и 1642 почти цѣликомъ провелъ князь Янушъ въ Литвѣ, занятый устройствомъ личныхъ дѣлъ сперва по смерти отца, а потомъ (въ 1642 году) послѣ смерти жены.

Въ 1644 году князь Янушъ председательствовалъ на общемъ соборѣ на съѣздѣ кальвинистовъ въ м. Орлѣ по поводу приглашенія католическаго собора 1643 года въ Варшавѣ устроить въ Торнѣ собесѣдованіе для полюбовнаго соглашенія (*colloquium charitativum*), изъ котораго (въ 1645 году), конечно, ничего кромѣ новаго озлобленія сторонъ не вышло. Отвѣтъ съѣзда въ Орлѣ былъ напечатанъ въ томъ же 1644 году подъ заглавіемъ: *Responsio ad epistolam synodi Varsaviensis Janussii Radziwill et epistola Vladislai IV* ²⁾.

Оставшись на тридцатомъ году жизни вдовцомъ съ маленькою дочерью на рукахъ, князь Янушъ помѣстилъ ее на воспитаніе у сестры своей Екатерины, которая была женою Георгія Карла Глѣбовича, подстоля Великаго Княжества Литовскаго, новою же супругой себѣ намѣтилъ Марію Могилу, старшую дочь Молдавскаго господаря Василя Лупулы, славившагося своими несмѣтными якобы богатствами ³⁾. Однако осуществленіе этого проекта встрѣтило не мало препятствій: двойная вассальная зависимость господаря требовала разрѣшенія на этотъ бракъ и отъ польскаго короля и отъ турецкаго султана. Первое получить было легко, но втораго добиться удалось лишь при помощи седмиградскаго князя Георгія I Ракочія, единовѣрца князя Януша. Повидимому не особенно расположены къ князю Янушу были и родители невѣсты, какъ видно изъ письма Януша къ Василю отъ 3 мая 1644 года (см. *Kotłubaj, str. 335—336*). Князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль былъ, видимо, и противъ этого брака своего племянника: „многіе отсовѣтывали, по его словамъ (*Pamiętniki, II, str. 153*), эту конъюнкцію“.

Несмотря на исходившія отъ польскихъ противниковъ и завистниковъ князя Януша старанія разстроить этотъ бракъ, для чего пущень былъ даже слухъ, что

¹⁾ *Posyłam W. X. M. pewną sztukę srebrną na Wolyniu pod wywrótem dębowym nalezioną, a mnie od X. Koniuszego posłaną. Proszę racz W. X. M. komunikować ją Antykwaryuszóm, którzy tam są w tamtych krajach, żeby iudicium suum chcieli mi komunikować, co ta figura znaczy i co ma w sobie; a za okazją proszę o prędkie oznajmienie, mając nadzieję, że i W. X. M. obeszlesz kunsztkamer ojca mego speciafem jakim.* (*Kotłubaj, o. c., str. 380*).

²⁾ *Estreicher. Bibliografia polska XV—XVIII w. VIII. Polnische Bibliographie des XV—XVII Jahrhunderts. Kraków, 1883, S. 243*; о другихъ изданіяхъ письма Владислава *ad bellum supplicem ab evangelicis Orlae scriptum* см. тамъ же, стр. CXVII; письмо это въ нѣмецкомъ переводѣ и подробное изложеніе всего дѣла см. въ изданіи *Theatrum Europaeum, V Theil, 1651, S. 705—707, et passim*, и *Łukaszewicz, o. c., I, str. 239—247*.

³⁾ О Василя, его богатствахъ, отчасти о свадьбѣ князя Януша, особенно же о судьбѣ младшей дочери Василя, Александры, см. статью К. Шайнохи: „Домна Розанда“ (*Szkice historyczne. III, Działa 1862 г. IV*). Русскій переводъ ея помѣщенъ въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1881 годъ, мѣсяць июль, стр. 231—294. Жена князя Януша называется здѣсь Еленою. См. также С. Венгрженевскій. Свадьба Тимоша Хмельницкаго. (*Кіевская Старина, XVII, 1887, стр. 469—4; XVIII, 1887, стр. 26—51*).

такія же, какъ Янушъ, намѣренія имѣть и московскій царь, проектъ былъ доведенъ до осуществленія ¹⁾.

Обстоятельства всѣхъ переговоровъ, предшествовавшихъ свадьбѣ, и подробное, весьма интересное съ бытовой стороны, описаніе свадебныхъ торжествъ и празднествъ въ Яссахъ изложены были въ особомъ латинскомъ трактатѣ, хранящемся, по словамъ Котлубая (str. 79), въ Несвижскомъ архивѣ; этотъ трактатъ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ *Theatrum Europaeum*, будучи вставленъ въ исторію событій 1650 года (VI Theil, ed. 1652 г., SS. 1117—1122). Для насъ въ этомъ разсказѣ интересно извѣстіе, что еще въ 1644 году посланцы князя Януша, Мирскій и Мѣржинскій, вернувшіеся изъ Яссъ послѣ обрученія, привезли также портретъ невѣсты ²⁾.

Въ *Theatrum Europaeum* напечатаны портреты какъ самой Маріи (ed. 1652, S. 1118) такъ и отца ея господаря Василія (ed. 1652, S. 1115); оба портрета одинаковыхъ размѣровъ, одинаковаго характера рисунка и смотря другъ на друга: отсюда ясна, какъ мнѣ кажется, и общность ихъ происхожденія. Подъ портретомъ Маріи (см. табл. XIV, рис. 2) прямо указано, что она изображена въ подвѣнчномъ нарядѣ.

Необычайная пышность украшеній восточной красавицы,—мать ея была черкешенка ³⁾,—и самый нарядъ ея, который едва ли бы стала носить она, какъ жена польскаго царедворца, по всей видимости подтверждаютъ это показаніе подлинси. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, какъ изображена она на упомянутомъ уже несвижскомъ портретѣ князя Януша между объими его женами, но *Icones Radivilianae* не имѣли видимо иного оригинала, такъ какъ тамъ на таблицѣ 56-ой мы находимъ воспроизведеніе, въ обычномъ искаженіи оригинала Лейбовичемъ, этого же портрета, съ тою лишь разницей, что фонъ портрета—темный.

Костюмъ, въ которомъ изображенъ Василій на его портретѣ (см. табл. XIV, рис. 1), соответствуетъ описанію наряда его, данному польскимъ посломъ въ Турцію, Николаемъ Бѣгановскимъ, въ 1643 году: „Было по истинѣ чему подивиться (въ) этой господарской магнифиценціи, которая вполне достойна всякой консидераціи. Кромѣ другихъ одеждъ, было на господарѣ одѣяніе подобное тому, какое носилъ турецкій султанъ, производившее шумъ и шелестъ, какъ ни на одномъ изъ монарховъ. Оно, какъ кажется, было изъ альтебасовой ткани, съ вышитыми золотомъ цвѣтами, въ палець толщиною, съ двумя парами застежекъ брилліантовыхъ, очень

¹⁾ Und obgleich auss Polen, entweder von denjenigen, welche dem Fürsten Radzivil ein so hohes Glück missgönneten, oder je auff ihr eygenes Interesse sahen, viel und mancherley Difficultäten eingestrewet wurden. (gestalt dann ein Geschrey ausskommen; dass auch der Gross-Fürst in der Moscau za diesem Heyrath guten Lust hätte) so hat es jedoch der Allmächtige also geschickt, dass alles glücklich und zu gutem Ende abgelauffen. (*Theatrum Europaeum*. VI, 1652, S. 1120).

²⁾ Sie haben bey dero glücklichlichen Zurückkunfft der Jungen Fürstlichen Braut Contrefait oder Bildniss mitgebracht—кончается пассажъ о посольствѣ Мирскаго и Мѣржинскаго въ *Theatrum Europaeum* (VI, S. 1120), а между тѣмъ Котлубай (str. 78), дѣлая именно эту ссылку, ошибочно приписываетъ привозъ портрета и перстня не имъ, а молдавскимъ посламъ, имена и чины которыхъ остались равно непонятными и тутъ и тамъ: у Котлубая: Katerdzy, Podskarbi i Spatar Miecznik Moldawski, въ *Theatrum Europaeum*: Herr Katerdzy Visternick (читай: постельникъ), (welches so viel als Gross-Schatzmeister gesagt ist) und Herr Iwanowisch Spatar, Eusifer.

³⁾ См. С. Венгрженовскаго (Кіевская Старина, XVII, 1887, стр. 475).

блестящихъ и, полагаю, высокой цѣнности, подшитое соболями, которые достоинствомъ, конечно, соответствуютъ покрывкѣ“¹⁾). Единственно въ чемъ описаніе, это расходится съ портретомъ, это камни на двойной застежкѣ: судя по рисунку ихъ это—не брилліанты.

Конечно, такую пышную одежду государь шилъ себѣ не каждый годъ и носилъ ее не по году, а потому особенно точнымъ опредѣлителемъ времени написанія портрета свидѣтельство это служить само себѣ не можетъ. Но очевидная парность обоихъ портретовъ позволяетъ относить написаніе ихъ съ большимъ вѣроятіемъ именно къ 1644 году. Можно было бы предполагать, что оба портрета написаны были въ Яссахъ, въ январѣ 1645 года, художникомъ, привезеннымъ княземъ Янушемъ, чтобы увѣковѣчить торжество его свадьбы, но тогда мы имѣли бы, вѣроятно, въ *Theatrum Europaeum* и соответственные рисунки торжества.

Гораздо важнѣе того, когда именно: въ концѣ 1644 года или началѣ 1645 года, написаны были оба портрета, вопросъ, кто писалъ ихъ, а этотъ вопросъ повидимому разрѣшается.

Дѣло въ томъ, что сравненіе этого портрета государя Василія Луцулы съ описаніями (см., напримѣръ, Block, о. с., S. 29),—оригинала я къ сожалѣнію найти не могъ,—его же портрета, гравированнаго въ 1651 году Вильгельмомъ Хондіусомъ, показываетъ полное сходство между ними: разница лишь въ подписи, въ размѣрѣ (гравюра Хондіуса, конечно, больше), въ фонѣ (у Хондіуса—темный) и въ обрамленіи (у Хондіуса овалъ съ четырьмя прямоугольными отрѣзками также темными), а потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оригиналомъ для анонимнаго гравера изъ мастерской издателя *Theatri Europaei*, Меріана, служила именно гравюра В. Хондіуса, которую онъ лишь уменьшилъ и упростилъ опущеніемъ темныхъ фоновъ. Если даже, что менѣе вѣроятно, это было не такъ и гравюра *Theatri Europaei* дѣлана лишь по тому же оригиналу, какъ и гравюра Хондіуса, то и тогда остается важнѣйшій для насъ фактъ: оригиналъ этотъ былъ исполненъ, какъ свидѣтельствуется подписью подъ гравюрою Хондіуса,²⁾ художникомъ Авраамомъ ванъ-Вестерфельдомъ, имя котораго, какъ увидимъ ниже, связано и съ иными рисунками, касающимися жизни князя Януша Радзивила.

Едва ли можно сомнѣваться, что тотъ же живописецъ написалъ и парный портретъ дочери Василія „домны“ Маріи. Былъ ли и онъ гравированъ В. Хон-

¹⁾ Цитата К. Шайнохи изъ Дневника Станислава Освѣцима по рк. Института Оссолинскихъ во Львовѣ, № 224, стр. 463 (Русская Мысль, 1881, № 6, стр. 242); С. Венгреновскій (Кіевская Старина, XVII, 1887, стр. 481) даетъ нѣсколько иной переводъ того же, видимо сокращенный, источника точно не называетъ, такъ что годомъ свидѣтельства у него оказывается даже не 1643, а 1645; зато онъ приводитъ (*ibid.*, стр. 480) противорѣчащее свидѣтельство историка мѣстнаго (Іоанна Некульчи), яко бы Василій „одѣвался не въ соболя, а въ лисьи мѣха и тратилъ на содержаніе своего дома по два червонца въ день“. О свадьбѣ Януша тамъ же, стр. 482; она отнесена однако къ 1644 году.

²⁾ Подпись эту различныхъ описаній работъ В. Хондіуса (см. выше стр. 216, пр. 2) передаютъ съ мелкими вариантами: *Abraham van Westervelde pinxit*, *Abram van Westerveldt pinx.*, *Abraham von Westerveldt pinx.*, *Abraham von Westerveldt pinxit*. Невидавъ гравюры устранить разногласіе я не могу. То не многое, что было извѣстно доселѣ о Вестерфельдѣ приведено будетъ ниже, при разсмотрѣніи подписаннаго имъ рисунка (копію его см. на табл. XIII, рис. 6).

діусомъ мы не знаємъ: въ спискахъ его работъ такого портрета не указывается: но это могло бы объясняться, если бы такая гравюра существовала, вполнѣ естественно меньшею ея распространенностью, чѣмъ портрета господаря.

Итакъ, второю женою Януша была православная, дочь молдавскаго господаря и родственница знаменитаго кievскаго митрополита Петра Могилы. Вѣнчаніе въ церкви Трехъ Святителей въ Яссахъ совершалъ именно онъ, о чемъ и сообщалъ въ одномъ изъ писемъ Московскому царю 1).

Сказанное имъ при этомъ случаѣ по румынски и по польски слово объ обязанностяхъ супруговъ, особенно жены, конечнымъ стремленіемъ которой должно было быть обращеніе мужа въ православіе, напечатано было имъ, по желанію кн. Януша, какъ то сообщается въ предисловіи, въ Лаврской типографіи въ Кіевѣ особою книжкою на польскомъ языкѣ 1).

Слѣдовала ли и вторая жена князя Януша, подобно первой, указаніямъ своихъ духовниковъ и пыталась ли и она обратитъ „еретика“ къ другой уже правой вѣрѣ,

1) См. Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. III, С.-Петербургъ, 1861, стр. 65, № 60: „въ лѣто 7153, мѣсяца марта въ 6 день“; но издателями ошибочно помѣчено марта 6, 1644 и помѣщено среди документовъ 1644, а не 1645, какъ слѣдовало бы, года.

„Извѣстие да будетъ царскому ти величеству о радости князя Януша Радивиля, который взявъ дѣвицу Василія воеводы, господаря земли Молдавскіе, выѣзжалъ до Ясѣ гевваря въ 22 день. Господарь ево встрѣчалъ за 10 верстъ отъ Ясѣ, а на пріѣздѣ въ Яси въ городъ изъ пушокъ стрѣляли. Тамъ одну пушку разорвало, и часть, отъ пушки летячи съ лѣваго боку, Василія воеводу Поика до смерти убила, а тотъ Паикъ полудержалъ тамъ же въ городѣ. Князь Радивиль жилъ въ деревяныхъ податахъ двѣ недѣли, а со княземъ людей было двѣ тысячи. Гевваря въ 22 день, митрополитъ Кіевскій въ пятницу пріѣхалъ до Ясѣ въ полдни; встрѣчали его вси паны Яскіе; стоялъ въ монастырѣ Трехъ Святителей; тамъ въ той церкви вѣнчалъ князя и зъ дѣвицею Марією митрополитъ Кіевскій, гевваря въ 25 день, въ недѣлю; а выѣхалъ князь изъ Ясѣ въ четвертъ, февраля въ 5 день; того же дня выѣхалъ и преосвященный митрополитъ Кіевскій“ (О церкви Трехъ Святителей см. Кіевская Старина, XVII, стр. 479, прим.)

1) Эта книжка (in 4°, 1+2+11) листовъ) носитъ такое заглавіе:

Mowa [duchowna] przy szlubię Jaśnie Oswiecone^o P. Jb^o M. Pana [Janusza [Radziwiła] Xiążęcia ná Birzách y Dubinkách] Podkomorzego W. X. Litewskie^o, Kámienieck: [Kázimir: Seywenien: etc. etc. Starosty] z Jaśnie wielmożną Jey M. Panną [Marią] Cerką Jaśnie Wielmożne^o Jego M. P. [Jo Wasillia] [Wolewody y Hospodara Wołoskiego] wystawiona, [przez Jaśnie Przewiel: w Bogu J. M. Oyca] Piotra Mohiłę [Metropolitę Kijowsk: Hálie: y wszystkley] Ruśi, Exarchę S. Thronu Apostolsk: Konstant: [Archimandritę Pieczárskiego w cerkwi] Hospodársniey Jásckley Dedicata, Hierárchom [Bożym SS. Basillo, Joanni, et Graegorio. W. Monasteru Piecz. Kijowsk:] Anno D. 1645.

Оборотъ перваго листа ея украшенъ вырѣзаннымъ на деревѣ гербомъ, представляющимъ орла Радзивиловъ, держащаго щитъ съ Молдавскимъ (бычачья голова, въ коронѣ, со звѣздою между рогами) гербомъ, скрѣпленнымъ кольцомъ съ гербомъ Радзивиловъ, находящимся на груди орла; къ этому рисунку сочинены соответственныя вирши:

Przyiażn tę Głowę Orłowi przydała,
Ktorą przy Sercu sobie podobiała
Gdy Radziwiła uznała być Głowa
Oblubienicą: Mołdawska Herbowa,
Orłowi przeto Głowę powierzyła,
(Mąż Żenie Głowa), by iedna rzadziła.

Въ слѣдующемъ затѣмъ предисловіи среди различныхъ любезностей говорится: Mową przy tym] do szluby W. Xcey Mści przezemnio Polskim i Wołoskiem lęzykiem w cerkwi Jásckley Hospodarskiej miłaną annuendo petitis W. X. Mści idiomate Polono sub prelum podałem... Подписано предисловіе это такъ:

Wm. X. Mści Życzliwy Szwagier Sługa i ustawiczny Bogomodlica Piotr Mohiła, Archiepiskop, Metropolit Kijowski, Háliecki y wszystkley Ruśi.

мы не знаемъ, но ниже увидимъ факты, ясно указывающіе на лучшія отношенія его къ православію, чѣмъ къ католицизму.

Не знаемъ мы также и того, въ какой степени и въ какой суммѣ оправдались надежды князя Януша, если онъ питалъ таковыя, на богатое приданое отъ господаря, о сокровищахъ котораго ходили баснословные рассказы, погубившіе въ концѣ-концовъ Василю Лупулу. Упомянутое выше описаніе свадьбы князя Януша упоминаетъ, помимо перстней, лишь нѣкоторые взаимные подарки: Янушъ посылалъ Василю золотую саблю, хорошія ружья и хитрые часы, а невѣстѣ различныя драгоценности, издѣлія изъ агата, ящичекъ, туалетные приборы и зеркало, а самъ получилъ „въ высшей степени драгоценныя различныя турецкія рѣдкости“¹⁾; не будетъ, кажется, большимъ произволомъ предполагать въ числѣ этихъ турецкихъ рѣдкостей тотъ дорогой восточный кинжалъ, который видимъ мы на издаваемомъ здѣсь портретѣ князя Януша (см. табл. I, рис. 1); и по возрасту изображеннаго на немъ портретъ этотъ принадлежитъ несомнѣнно ко времени между двумя извѣстными портретами князя Януша, гравированными Вильгельмомъ Хондіусомъ: одинъ въ 1633 году (см. выше стр. 216), другой въ 1652 году.

Изъ позднѣйшихъ документовъ узнаемъ мы о какомъ-то роскошномъ шатрѣ, данномъ Василю Маріи, который она проситъ въ 1656 году у кейданскаго управляющаго выручить изъ имущества забраннаго послѣ смерти кн. Януша, которому она дала свой шатеръ на время²⁾.

Осенью 1645 года князь Янушъ съ своей стороны подписалъ въ пользу Маріи дарственный закладной документъ на „сумму 600,000 золотыхъ, обезпечивъ оную закладнымъ правомъ на имѣніяхъ своихъ Бѣлицѣ, что въ Лидскомъ, и Заблудовѣ, что въ Гродненскомъ повѣтахъ. По такому документу княжна Молдавская владѣла имѣніями Бѣлицею и Заблудовымъ“ (Виленскій Археографическій Сборникъ. XI, стр. 350).

Завѣщаніе ея на эту сумму, сдѣланное въ 1659 году въ пользу Заблудовскаго Успенскаго монастыря и коллегіума при немъ и другихъ православныхъ учреждений было началомъ длиннаго, темнаго и не очень чистаго дѣла, тянувшагося до 20-хъ годовъ XIX вѣка: наслѣдники (князь Богуславъ Радзивиль и его наслѣдники) отрицали подлинность и законность завѣщанія, ввозили на духовника Маріи обвиненія въ утайкѣ драгоценнаго перстня и иныхъ сокровищъ и присвоеніи дорогихъ церковныхъ вещей, представители интересовъ Заблудовскаго и Виленскаго Святодуховскаго монастырей давали себя подкупать, виленская Радзивиловская „Масса“ ссылалась на несуществующіе повидимому документы и т. д., и т. д.³⁾

¹⁾ Theatrum Europaeum. VI, S. 1120; Dem Fürsten oder Hospodar selbstem wurde praesentirt ein güldenes Schwerdt oder Säbel; etliche überaus künstlich gemachte Rohr oder Büchsen, und unterschiedliche Kunststücke von Uhrwercken. Das Fürstliche Fräwlein empfing allerhand köstliche Kleinodien; Item mancherley Manufacturen von Aug- oder Agtstein, als Kistlein, unterschiedliche Geschirre und Spiegel... Moldauische Botschaffter nechst Ueberlieferung des Mahrings, und vieler anderer überaus köstlicher Türkischer Raritäten und Praesenten im Namen der Fürstlichen Braut die Sponsalia verrichtet.

²⁾ Виленскій Археографическій Сборникъ, VIII. 1870, № 91, стр. 374.

³⁾ См. Виленскій Археографическій Сборникъ, т. XI, 1890, № 176, стр. 345—364; см. еще там же № 113, стр. 160, стр. 257; т. VII, 1870, № 117, стр. 150—151; № 123, стр. 155—156; № 125, стр.

Дѣтей у Маріи не было; о заботахъ ея о православныхъ церквахъ, которыя строилъ для нея князь Янушъ въ Кейданахъ, рѣчь будетъ еще ниже; здѣсь не лишне, можетъ быть, указать еще на извѣстіе о занятіяхъ ея руководѣльями: въ 1646 году провожая *m-me de Guebriant*, привезшую въ Польшу вторую жену Владислава IV-го, Марію Гонзаго, князь Янушъ подарилъ ей платокъ, на которомъ жена его вышила его и свои имена и гербы (*Kotłubaj, str. 87, со ссылкой на Relation du voyage de la reine de Pologne... par J. Laboureur, 1648*).

Личность Маріи представляетъ для нашей задачи тотъ интересъ, что ей, какъ православной и родственницѣ митрополита Петра Могилы, рисунки кievскихъ древностей, святынь и церквей, возстановленныхъ Могилою, могли представлять особый интересъ и именно она, быть можетъ, и была прямо или косвенно виновницей издаваемого нами кievскаго альбома 1651 года. Доступные намъ источники, къ сожалѣнію, не даютъ на то никакихъ указаній и ниже мы встрѣтимъ извѣстіе лишь объ одномъ привезенномъ ей княземъ Янушемъ изъ Кіева дарѣ: частицѣ мощей великомученицы Варвары.

27 апрѣля 1646 года король вручилъ князю Янушу булаву гетмана польнаго Великаго Княжества Литовскаго, что сдѣлало его фактически начальникомъ литовскихъ войскъ, такъ какъ великій гетманъ Литвы Янушъ Кишка, братъ матери князя Януша, былъ старъ и хворъ. 10 іюля того же года находимъ мы Януша у тестя въ Сучавѣ, откуда онъ пишетъ Кишкѣ между прочимъ о томъ, что секреты ихъ извѣстны уже въ Стамбулѣ (*Kotłubaj, str. 338*). Поэтому можно думать, что поѣздка эта имѣла связь съ проектомъ, навѣяннымъ Владиславу венеціанскимъ посломъ, новой лиги для изгнанія турокъ изъ Европы, какъ, впрочемъ, то прямо и сказано въ *Theatrum Europaeum* (V, 1651, S. 1128). Въ эту же, вѣроятно, поѣздку посѣтилъ князь Янушъ и князя Седмиградскаго, также одного изъ участниковъ предполагавашагося союза¹⁾. Начатыя было въ Польшѣ обширныя военныя приготовленія короля,—въ Литвѣ съ ними не торопились и литовскій канцлеръ князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль рѣшительно противъ нихъ протестовалъ²⁾,—встрѣтили однако, рѣзкую и непреодолимую оппозицію пановъ на сеймѣ 1646 года и проектъ остался проектомъ.

Князь Янушъ на этомъ сеймѣ выступилъ защитникомъ интересовъ Литвы, на-

715—158; Акты, издав. Вилен. Археограф. комиссіей, т. XI, № 51, 52, стр. 148—153, № 72, стр. 201—202; т. XV, № 195, стр. 310; Флегонтъ Смирновъ. Виленскій Святодуховъ монастырь. Вильна, 1888, стр. 120—121.

¹⁾ *Tamże* (въ Аккерманѣ) się pogaństwo pytało, dla czego Xiąże Radziwił hetman polny Litewski jezdził do Rakosego? Jako widzę suspicantur o przyjaźni naszej; ale i nam o nich idem sentiendum—писалъ королю 2 ноября 1647 года Николай Потоцкій о донесеніяхъ своихъ аккерманскихъ шпионовъ (*Jakuba Michałowskiego Księga Pamiętnicza. Kraków, 1864, str. 2*). Впрочемъ, роль Георгія Раковскаго была, кажется, довольно подозрительная: по письму архимандрита Амфилохія изъ Константинополя отъ 25 октября 1646 года въ Москву никто иной, какъ именно Гургій Раковскій, король венгерскій, 20 іюня 1646 года отписалъ великому визирю о союзѣ противъ турокъ, заключенномъ между московскимъ царемъ, королемъ польскимъ, цесаремъ христіанскимъ и государемъ волоскимъ, да государемъ молдавскимъ (*Сборникъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Часть III, Москва, 1822, стр. 434, № 127*).

²⁾ См. Н. Костомарова. Богданъ Хмельницкій. 4-е изд., 1884 г., т. I, стр. 215—217; вообще о планѣ войны этой см. тамъ же, стр. 202—231.

стоявъ на включеніе въ ея составъ, взамѣнъ уступленнаго Москвѣ Трубецка, коронныхъ староствъ Любеча и Лоева (Kotłubaj, str. 93—94) ¹⁾.

30 ноября 1646 года король сдѣлалъ Януша старостою Жмудскимъ, что помимо большихъ доходовъ дало ему мѣсто въ сенатѣ, въ которомъ князь Янушъ Радзивиль оказался послѣднимъ сенаторомъ—диссидентомъ.

На сеймѣ слѣдующаго 1647 года Янушу пришлось вынести ожесточенныя нападки со стороны католиковъ за уничтоженіе имъ въ нѣкоторыхъ изъ его владѣній придорожныхъ крестовъ. Янушъ увѣрялъ, что онъ убралъ ихъ лишь потому, что приходское духовенство пользуясь ими какъ межевыми знаками захватывало чужія земли; едва ли однако въ этомъ длинномъ и сложномъ спорѣ ²⁾ князь Янушъ, говоря по истинѣ, заслуживалъ, какъ и крестоборство нашей въ Западномъ Краѣ администраціи, какого-либо извиненія; несмотря на представленныхъ имъ ксендзовъ, свидѣтелей того, что кресты попадали отъ вѣтхости, и т. п., судебное разбирательство было бы ему, вѣроятно, столь же неблагоприятно, какъ дѣло о стрѣльбѣ въ костель Св. Михаила въ 1639 году для кальвинистовъ.

Поэтому-то, вѣроятно, онъ при личномъ посредствѣ короля и королевы въ концѣ апрѣля 1648 года въ Вильнѣ,—куда онъ вѣхалъ съ пышностью не уступавшей королевской ³⁾,—заключилъ съ виленскимъ архіепископомъ мировую, обязуясь построить на мѣстѣ поваленнаго креста каменную часовню (*inszą pięką raszą z mugu*), дать 6000 злотыхъ на построение костела въ селеніи, гдѣ было дѣло, и разрѣшить католикамъ устраивать въ Кейданахъ процессію Тѣла Божьяго, которой ранѣе не разрѣшалъ (*Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła, II, str. 289*).

Эта жмудская вотчина князя Януша пользовалась его постояннымъ вниманіемъ; городское поселеніе тамъ, пользовавшееся магдебургскимъ правомъ, составляло предметъ заботъ и отца его и матери, Анны Кишанки: послѣдняя въ 1643 году дала десятилѣтнія привилегіи жителямъ новой особой части города, носившей имя ея сына „Janopolis, vulgo Янушовъ“; такимъ образомъ тамъ возникло уже цѣлыхъ два города, населенныхъ въ значительной части шотландскими выходцами, ушедшими съ родины отъ религіозныхъ гоненій.

¹⁾ Для образца парламентскихъ рѣчей князя Януша приводимъ рѣчь его по этому вопросу въ изложеніи князя Альбрехта Станислава Радзивила (*Pamiętniki, II, str. 225—226*): „Кратко излагая Трубецкое дѣло, можно его счесть незначительнымъ и прикрытымъ покровомъ общаго блага, но, взглядывшись въ самую сущность его, мы найдемъ тамъ столь большія правонарушенія [экзорбитанціи], какихъ мы не видали еще у насъ въ отчизнѣ и которыя уничтожаютъ нашу вольность, покушаюся на двухъ устояхъ [колоннахъ]: „Neminem captivabimus nisi jure victum“ и „Nihil de me sine me“. Оба эти устоя сокрушевы: вѣдь какая разница между тѣмъ, чтобы быть схваченнымъ, и тѣмъ, чтобы быть обобранымъ? Рушится и тогъ и другой устой, когда безъ насъ сдѣлано постановленіе [конклюдовано] противъ насъ; вопреки яснымъ протестаціямъ, заявленнымъ на прошломъ сеймѣ, теперь у насъ насильно отняли Трубецкъ и отдали его Москвѣ: что же еще можетъ быть болѣе несправедливаго, чѣмъ нарушеніе чужихъ правъ? Если вы прощаете въ Коронѣ , а съ нами не хотите подѣлить того, что прибавилось Коронѣ, то почему вы не ищете иныхъ средствъ? Когда мы по братски намекали на Лоевъ, почему вы не принимаете этого средства (удовлетворить насъ)? Мы приняли бы это владѣніе, хотя бы оно было и не салынымъ [Тб]=сало, а восковымъ, лишь бы только было равно Трубецку“.

²⁾ См. о немъ Kotłubaj, о. с., str. 93—98; Albr. St. Radziwiłł, *Pamiętniki, II, str. 252—283, 289* *Theatrum Europaeum, V, 1651, S. 1339*.

³⁾ См. описаніе вѣзда въ *Theatrum Europaeum, VI, 1652, S. 371*.

Въ 1647 году князь Янушъ далъ горожанамъ Кейданъ, —(civitas Caiodunensis, какъ назывался городъ, напримѣръ, на водяныхъ знакахъ бумаги тамошней, основанной, быть можетъ, еще княземъ Христофоромъ, фабрики)—новыя льготы и вольности, расширившія самоуправленіе и независимый судъ горожанъ, „милость выше которой власть не можетъ оказать подданнымъ, уступая имъ [свое] прирожденное право и перенося на нихъ [самихъ] свою власть и авторитетъ“¹⁾.

Въ 1648 году кн. Янушъ у одного московскаго выходца, Ларіона Панова, досталъ себѣ пицаль, принадлежавшую прежде принцу Вальдемару Датскому; чѣмъ именно она ему понравилась, достоинствами ли или же, что вѣроятно, своей исторіей, изъ разсказа о томъ Панова московскому гонцу Григорію Кунакову не ясно²⁾.

Еще не уѣхалъ король изъ Вильны, какъ туда пришли уже вѣсти о возстаніи казаковъ, съ Богданомъ Хмѣльницкимъ во главѣ, на Украинѣ. Послѣ первыхъ успѣховъ ихъ, волна крестьянскаго возстанія и казацкіе эмиссары быстро достигли и литовскихъ предѣловъ и князю Янушу съ тѣхъ поръ и до самаго конца жизни пришлось за краткими лишь перерывами осуществлять свою гетманскую должность, то распоряженіями или личнымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, то въ мирные промежутки заботами о комплектованіи, продовольствіи и особенно объ уплатѣ жалованія войску. Біографъ Януша, Котлубай, и безпристрастные современники признаютъ за нимъ и военные таланты и личную храбрость, наоборотъ болѣе фанатичные религіозные противники его старались во всякомъ дѣйствіи его находить какія-либо неблаговидныя „приватныя“ или прямо измѣнническія цѣли, и отрицали даже военныя его знанія и способности³⁾.

1) Археографическій Сборникъ, VIII, № 68, стр. 292: „oświadczamy im dobrodziejstwo, nad które większego zwierzchność poddanym okazać nie może, ustępując im przyrodzonego prawa, a wlewając na nich władzę i powagę naszą“, что издатели перевели такъ: „оказываемъ милость, выше которой правительство не можетъ оказать своимъ подданнымъ, предоставляя имъ естественныя права и переводя на нихъ власть и силу нашу“!

О Кейданахъ см. *Starożytna Polska przez Balińskiego i Lipińskiego*, t. III, str. 563—574 (заботы князя Януша о Кейданахъ *ibid.* 566—567) и предисловіе къ VIII выпуску Виленскаго Археографическаго Сборника, стр. XI—XIII, посвященному въ значительной части различнымъ, касающимся Кейданъ, документамъ. О кальвинскихъ церквахъ и школахъ тамъ см. *Łukaszewicz*. o. c. II, str. 21—29, 159—162 и 179.

2) Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 301: „и въ Варшавѣ пожаловалъ король ево Ларку выходнымъ одного по причинѣ, что была у него Ларки пицаль винтовка добрая, а тое де пицаль укралъ овъ у Вальдемара Дацкаго, какъ Вальдемаръ сперва былъ у государя въ послѣхъ, а овъ Ларка, посланъ былъ изъ Новгорода съ приставы для кормовыхъ отдачи; и тое де пицаль увидѣлъ у него гетмана литовскаго Януша Радивила слуга и сказалъ пану своему, и Янушъ де Радивиль тое пицаль у него Ларки взялъ и упросилъ у короля ему Ларкѣ за выходъ 60 злотыхъ польскихихъ, да 8 локтей адашки, да 6 локтей сукна“; далѣе идутъ разсказы Панова о знакомствѣ его съ Вальдемаромъ, чѣмъ хотѣлъ, якобы, воспользоваться для заграничнаго воспитанія своего сына Александра кн. Александръ Людвигъ Радивиль, у котораго служилъ Пановъ.

3) Вотъ, напримѣръ, какъ пишетъ о немъ венеціанскій дипломатъ Alberto Vimina (*Historia delle guerre civili di Polonia, etc. Venetia, 1671, p. 272—273*): *Parve solamente, che fosse raccomandato così gran peso di questa guerra [съ Москвою въ 1654 году] alla cura del Duca Iannus Ragiad Gran Generale del Gran Ducato di Lituania, esborsata per far levate di qualche picciola somma de contanti, che dalla fama fu divulgato esser piu tosto stati convertiti in uso privato, che impiegati in servizio della Patria, e secondo la publica intentione. E come, che questo Signore riguardevole per titoli illustri de suoi Maggiori, s'hauea guadagnato molto credito col farsi Capo, et Protettore in tutte le Diete con osti-*

Такъ какъ и кievскіе рисунки 1651 года, какъ мы видѣли уже выше, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ военными дѣйствіями князя Януша противъ козаковъ и, что еще важнѣе, кромѣ нихъ оказываются, какъ увидимъ ниже, и иные рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ тѣхъ же военныхъ успѣховъ литовскаго гетмана, то и намъ придется здѣсь излагать эту сторону дѣятельности князя Януша подробнѣе, чѣмъ прочія.

Изъ современныхъ исторій для насъ особый интересъ представляетъ анонимный, дважды, въ 1653 и 1655 годахъ, изданный, „Комментарій о литовскихъ дѣлахъ за время русскаго возстанія“, описывающій событія 1648—1651 годовъ ¹⁾. Книжка, лишенная столь обычныхъ въ тѣ времена предисловія и посвященія, излагаетъ военные дѣйствія противъ казаковъ и примыкавшихъ къ нимъ русскихъ крестьянъ и горожанъ и раздѣляется на двѣ части: въ первой описываются событія 1648—1649 года,

nato constanza de Discendenti (come dicono i Polacchi) dalla Religione Cattolica per esser egli di setta Caluiniana, s'era anco facilitato con inguisti favori appresso il Re moderno la sua promotione al Generalato ignorante d'ogni virtu militare. Quindi fu, che essendosi prima longamente avvilito nell'otio à tempo d'Vladislao Quarto lo studio bellico; e dopoi mal fomentato dall'assistenza di questo Capo, sollevato à tal grado dall'acclamazioni interessate de suoi seguaci, non dalla virtu, ed isperienza militare, sono le cose principiate di sorte, che parono impossibile di ridurre in avvenire ad alcuno, benchè minimo stato.

1) *Rerum in Magno Ducatu Lithvaniae per tempus Rebellionis Russicae gestarum commentarius, in quo obiter et succincte attinguntur, quae in annexis Regno Poloniae provinciis eodem tempore evenerunt.* Первое кенигсбергское изданіе (Regiomonti. Excusus per Joh. Reusnerum. Anno MDCLIII. in 12°. 164 + II pp.) значительно уступаетъ и по формату и по достоинству печати и бумаги второму эльбингскому (Elbingae. Typis Achato Carellii. Anno MDCLV. in 4°. 139 pp.). Между изданіями замѣчается незначительная разница въ словахъ, а иногда и въ выраженіяхъ. Въ обоихъ изданіяхъ нѣкоторыя части напечатаны особымъ наклоннымъ шрифтомъ а иногда еще въ ковычкахъ. Иногда это — части, касающіяся Польши, т. е. какъ бы пояснительныя добавленія, иногда же — какъ бы чьи то прибавленія къ основному тексту и кажутся вставками редактора. Авторъ, судя по К. Эстрейхеру (*Bibliografia Polska* t. XIX. Kraków. 1903, str. 402), остается неизвѣстнымъ и предполагается нѣмцемъ по написанію нѣкоторыхъ собственныхъ имевъ, напр. *Reziza* вм. *Rzeczica*, Рѣчица. Изложеніе событий кончается Бѣлоцерковскимъ договоромъ, который представляется автору концемъ войны, что въ книгѣ, вышедшей въ 1653 году, можно объяснить лишь написаніемъ ея вскорѣ послѣ договора, т. е. въ концѣ 1651 или началѣ 1652 года. Тоже видимъ, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ *Bellum Scythico Cosacicum, etc....* autore Ioachimo Pastorio. Dantisci. 1652. 4; изложеніе нѣкоторыхъ событий Пасторіемъ сходно съ „Комментаріемъ“; о литовскихъ дѣлахъ Пасторій черпалъ, какъ самъ сообщаетъ въ концѣ предисловія, изъ книжки Кояловича и какой-то реляціи кн. Януша Радзивила: *Sed de Lithvanicis rebus legere quoque mihi contigit ipsius, qui praecipua ibi auspiciis Regis gessit, Illustrissimi Principis Janussi Radzivilli relationem.* Надо думать поэтому, что эта реляція была весьма близка къ „Комментарію“, если не тождественна съ нимъ. Я цитирую обыкновенно 1-е изданіе 1653 года по экземпляру Императорской Публичной Библиотеки неизвѣстнаго происхожденія, — ex libris на заглавномъ листѣ отклеено, — въ новомъ переплетѣ; экземпляръ интересенъ по нѣсколькимъ стариннымъ сноскамъ, поставленнымъ чернилами въ текстъ. Сноски эти относились, очевидно, къ какимъ-либо дополнительнымъ или исправительнымъ замѣткамъ владѣльца книжки или же, — что пришло мнѣ въ голову въ виду возможности происхожденія книжки изъ Несвижской библиотеки, — къ какимъ-либо иллюстрировавшимъ книжку рисункамъ. Если допустить послѣднюю возможность, то сноски предполагаютъ слѣдующіе рисунки: А (р. 107) переправа Мирскаго черезъ Днѣпръ на глазахъ у трехъ казацкихъ пословъ; В (р. 111) переправа литовскаго войска черезъ Днѣпръ у Лоева, С (р. 119) торжественный въездъ кн. Януша черезъ Золотыя Ворота, D (р. 120) Св. Софія, у которой стало лагеремъ литовское войско, E (р. 140) нападеніе казаковъ на отрядъ Нольде, возвращающійся въ Кіевъ съ развѣдки, F (р. 149) нападеніе казаковъ на Кіевъ съ суши и съ рѣки, G (р. 156) наступленіе короннаго и литовскаго войска на казаковъ и H (р. 164) Хмѣльницкій проситъ мира у Ник. Потоцкаго. Всѣ эти сноски относятся къ походу 1651 года: изъ сохранившихся въ копѣяхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ его, нѣкоторые оказываются подходящими: къ С — см. табл. IV, рис. 2, къ D — см. табл. V, рис. 1, къ F — см. табл. V, рис. 2 (нападеніе съ Днѣпра только).

во второй—1650 и 1651-аго. Въ самомъ началѣ, гдѣ опредѣляется тема сочиненія, авторъ заявляетъ, что не будетъ вдаваться подробно въ изложеніе событій въ Польшѣ, а равно и въ розыски о причинахъ и началахъ возстанія, „умышленно предоставляя излагать болѣе сокровенныя ихъ причины историкамъ польскимъ“, чѣмъ онъ какъ бы перелагаетъ на поляковъ и самую отвѣтственность за возникновеніе казацкихъ смуть¹⁾.

Послѣ исчезновенія обоихъ коронныхъ гетмановъ вся надежда Рѣчи Посполитой оставалась, по мнѣнію автора, на гетмановъ литовскихъ, но одинъ изъ нихъ (Янушъ Кишка, гетманъ великій) былъ старъ и боленъ и военными дѣлами почти не занимался, зато *alter in ipso iuventae robore militaris Imperii, auspiciis nuper exorsus, tam duro Reipublicae tempore, rerum gerendarum molem in se devolutam, simulque omnium oculos, in novi Magistratus experimentum, intentos sentiebat.*

Is erat IANUSSIUS RADIVILIUS, Dux Birzarum, etc., Ducatus Samogitiae Generalis-Capitaneus, Exercituum Magni Ducatus Lithuaniae Campiductor (Commentarius, p. 5).

Эти прописныя въ обоихъ изданіяхъ буквы имени кн. Януша въ связи съ общимъ содержаніемъ книжки и многими ея мѣстами, имѣющими апологетическій характеръ, а равно и нѣкоторыя характерныя умолчанія, съ достаточной ясностью свидѣтельствуютъ, въ чьихъ интересахъ была она составлена и кто былъ въ сущности истиннымъ ея авторомъ. Для нашей темы она должна быть, конечно, главнымъ и первымъ источникомъ, какъ официальный, такъ сказать, рапортъ кн. Януша о военныхъ дѣйствіяхъ его противъ казаковъ: въ немъ скорѣе чѣмъ гдѣ-либо можемъ мы надѣяться найти данныя, полезныя для пониманія какъ кievскихъ рисунковъ 1651 года, такъ и иныхъ, иллюстрирующихъ побѣды кн. Януша Радзивила надъ казаками.

Другая современная книжка о той же борьбѣ литовскихъ войскъ съ казаками (правда, только въ 1648 и 1649 годахъ) принадлежала извѣстному историку Литвы, іезуиту Альберту Віюку Кояловичу²⁾. Она представляетъ собою источникъ не менѣе, чѣмъ „Комментарій“ авторитетный, тѣмъ болѣе, что авторъ ея остается вѣрнымъ обѣщаніямъ быть безпристрастнымъ, даннымъ въ предисловіи, и въ его изложеніи мы не встрѣчаемъ никакихъ враждебныхъ гетману-кальвинисту замѣчаній, отъ которыхъ онъ не удержался по отношенію къ духовенству православному, которое аттестуется, какъ „главные измѣнники“ (pp. 32, 40); является и элементъ чудесный въ разсказѣ (pp. 10—11) о появленіи навстрѣчу казакамъ въ Несвижѣ чудесныхъ

¹⁾ Neque multum ad scrutanda motuum istorum semina atque exordia ipsaque adeo incrementa descendemus, nisi quatenus res inter se connexae absque mutua luce intelligi nequeunt. Occultiores earum causas Scriptoribus Rerum Polonicarum consulto relinquimus: Commentarius. p. 1—2.

²⁾ De rebus Anno 1648 et 1649 contra Zaporovios cosacos gestis. Vilnae, Typis Academicis. MDCLII in 4°. 102 pp. О книжкѣ этой см. К. Estreicher, Bibliografia Polska t. XIX, 1903, str. 402, гдѣ приведены заглавія составныхъ частей ея: насъ касается только первая (pp. 1—52): Copiarum Magni Ducatus Lithuaniae adversus Zaporovianos Cosacos Anno 1648 et 1649 gesta compendiario narrata.

Книжки Лобанскаго (Epitome de rebus anno 1648 et 1649 contra zaporowianos cosacos in Polonia et Lithuania gestis a Ioanne Dionisio Lobzynski. Viennae Austriae. 1653), зависящей отъ труда Кояловича (Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. 4-е изд. 1884. Т. I, стр. V и XII), я въ рукахъ не имѣлъ о ней см. Estreicher. о. с. XIX, str. 402.

всадниковъ изъ ограды церкви архан. Михаила, прославленной еще ранѣе чудесами, описанными другимъ иезуитомъ Аландой ¹⁾. Кояловичъ въ началѣ книжки также касается въ нѣсколькихъ словахъ причинъ казацкаго возстанія и, не называя, конечно, въ числѣ ихъ религіозныхъ стѣненій, не обходитъ зато молчаніемъ притѣсеній народа ²⁾.

Въ 1648 году и въ послѣдующее время казацкихъ войнъ Литва подвергалась той же опасности общаго возстанія русскихъ крестьянъ и отчасти горожанъ, какъ и русскія провинціи Польши. По мнѣнію автора „Комментарія“, для Литвы, почти сплошь, кромѣ двухъ или трехъ провинцій, заселенной русскимъ и православнымъ народомъ, опасность была еще болѣе значительной ³⁾. Тотчасъ же послѣ успѣховъ Хмѣльницкаго въ Украинѣ и казацкіе отряды и возставшіе крестьяне, а отчасти и горожане русскихъ городовъ, въ южной и восточной части Литвы поставили шляхту въ столь же трудное и опасное положеніе, какъ и тамъ. Но, какъ говоритъ Альберто Вимина ⁴⁾, литовская шляхта оказалась предусмотрительнѣе польской и, организуя разѣзды военныхъ отрядовъ, подавляла возстаніе въ самомъ началѣ. На дѣлѣ это было однако не такъ просто, какъ представлялось венеціанскому дипломату: если для предотвращенія крестьянскаго возстанія тогда, какъ и теперь, достаточно было карательныхъ отрядовъ, то для полосы соприкасавшейся съ мятежной Украиной, гдѣ на сторону казаковъ переходили укрѣпленные города, потребовались настоящіе походы.

Подробности этихъ операцій нашей темы не касаются, интересующіеся найдутъ ихъ у старыхъ и новыхъ историковъ ⁵⁾. Эта борьба шляхты съ крестьянскимъ возстаніемъ облегчалась для магнатовъ наличностью у нихъ значительныхъ надворныхъ отрядовъ, содержимыхъ ими на свой счетъ: у кн. Януша это личное его войско, всѣхъ родовъ оружія, въ 1650 году достигало 3340 человекъ. ⁶⁾ Эти готовыя войска

¹⁾ Libellum de miraculis SS. Angelorum ad Aedem S. Michaelis Nesvisii. Per Joan. Alandam S. J. Typis Academicis. Vilnae. 1630 и 1639. (К. Estreicher. Bibliografia Polska. XII, 1891, str. 93).

²⁾ О. с. р. I: Zaporovianaе rebellionis anno 1648 conflatae, varias vulgus parvo fere, ut solet, veri falsique discrimine occasiones iactavit. At vero sive perfidia inquietae gentis, sive factiosorum hominum scelus, sive quidpiam aliud intercesserit; ante reliqua nimiae oppressionis impatientia praetendebatur: causa profecto et Magnatibus odiosa et ad populi fidem accommodata.

³⁾ Commentarius, p. 4: Hoc incendium non modo subjectas Regno Poloniae Russicae gentis Provincias corripuerat, sed et maximam Lithuanicae dittonis partem circumsteterat, illuc etiam sensim, causae toti nationi communis contagione serpente. Quippe rusticana plebs ubique praeter antiquum Religionis praetextum, nacta novum libertatis stimulum, accedente ob successus, virium fiducia, Nobilitatis jugum excutere adorta est. Quod periculum Lithuaniae tanto praesentius malum minitabatur; quod (una atque altera provincia excepta) tota fere e municipiis ac plebe Russici sanguinis ac ritus constaret.

Ср. p. 5: (Lithuania), quae tota paene e Russica plebe constat...

⁴⁾ Historia delle guerre civili di Polonia. Venetia. 1671. in 4°, p. 31: qui pero si fecero quei Signori più cauti de Polacchi à riparare l'ingruenza dei mali, commandando alle lor truppe, che da per tutto andassero scerrendo, onde restasse nelle nascita compresa la temerita de i sudditi ribelli. Ср. о. с., p. 58.

Рудаевскій (о. с., p. 32), говоря о событіяхъ 1648 года, также замѣчаетъ: Res notatione digna est Lituanos in hanc usque diem fortuna usos meliori semper prostravisse Cosacos minori exercitu.

⁵⁾ О военныхъ дѣйствіяхъ въ Литвѣ въ 1648 году и началѣ 1649 см. Commentarius, pp. 20-24 28-32; Koiłowicz p. 1-25; Kotłubaŷ о. с. str. 112-120; Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій, 4-е изд. 1884. I, стр. 345-346, и проч.

⁶⁾ Koehne's Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. I. Berlin 1840. S. 132. Ядунка солдата одного изъ личныхъ полковъ кн. Януша Радзивила (изъ собранія гр. Красинскаго) была на

давали возможность дѣйствовать противъ мятежниковъ, хотя и меньшими сравнительно съ ними силами, но немедленно и лучшимъ составомъ, чѣмъ шляхетское ополченіе, сбиравшееся всегда медленно и часто не удовлетворявшее своему назначенію.

Хотя литовскимъ панамъ казацкій и связанный съ нимъ крестьянскій бунтъ грозилъ тѣми же страшными послѣдствіями, какъ полякамъ на Украинѣ, но, какъ мы видѣли уже выше, они себя отличали, видимо, отъ поляковъ, на которыхъ возлагали отвѣтственность за вспыхнувшее возмущеніе, такъ, напр., самъ литовскій канцлеръ кн. Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль 12 октября 1648 г. въ Варшавѣ, восхваляя своего коллегу, подканцлера Льва Сапѣгу, „который съ тремя тысячами собственныхъ жолнеровъ оберегалъ границы княжества (Литовскаго) лучше, чѣмъ до того времени все войско Рѣчи Посполитой“, вспоминая о пораженіи поляковъ подъ Пилявцами, „прибавилъ: а что наши оставили возы у казаковъ, такъ вѣдь они нагружены были имуществомъ хлоповъ, а потому хлопамъ и достались“ (Pamiętniki II, str. 324).

Московскій гонецъ Григорій Кунаковъ писалъ 22 октября (ст. ст.) 1649 г. изъ Смоленска: „паны рада литовскіе съ корунными въ розни за то: Литовскіе говорятъ, что они казакамъ никакіе налоги не дѣлали и ничѣмъ ихъ не зацѣпляли, а налога имъ учинилась и кровь многая разлилася отъ корунныхъ, и нынѣ въ томъ шкода учинилась всей рѣчи Посполитой; и на соймѣ де они, Литовскіе, о томъ радить не будутъ: какъ они о томъ хотятъ, такъ и дѣлають!“ (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 375). На сеймѣ въ концѣ 1649 года,—по его же сообщенію (*ibid.*, стр. 399),— „Литовскіе повѣстные послы говорятъ: платить тѣ гроши (на войну съ казаками) коруннымъ, потому что причина Черкасской войнѣ отъ сенатарей и отъ урядниковъ отъ корунныхъ, а отъ Литовскихъ никакіе причины къ Черкасской войнѣ не было, только имъ отъ тое Черкасскіе войны межъусобье и разоренье запосмѣшное, и имъ де и тѣ ихъ панскіе и шляхетскіе шкоды доведется наградить коруннымъ же“.

И Хмѣльницкій съ своей стороны также, видимо, отдѣлялъ Литву отъ Польши и стремился разъединить ихъ, чтобы самому имѣть дѣло только съ Польшею. Достичь этого можно было двояко: нужно было заставить Литву думать о самой себѣ или поднявъ въ ней бунтъ ¹⁾, или, наоборотъ, гарантировавъ ей спокойствіе на условіи нейтральности.

Первое произошло бы, вѣроятно, и безъ эмиссаровъ Хмѣльницкаго, второе же онъ пробовалъ, но неудачно, сдѣлать самъ.

У Кояловича находитея извѣстіе, что казацкіе полки, дѣйствовавшіе въ Черниговщинѣ и проникшіе оттуда и въ Литовскіе предѣлы, разгромивъ нѣсколько городовъ, изъ нихъ почему то вышли ²⁾. Изъ распросовъ въ Москвѣ въ концѣ января

Варшавской выставкѣ 1856 года. См. Katalog wystawy starożytnosci i przedmiotów sztuki. Warszawa, 1856. Str. 89, № 327.

¹⁾ Etenim in Regnum apparanti Chmielnicio bellum intererat maxime Lithuanos intestinis turbis distineri tum formidolosos sibi si ex vi unionis Poloniae coniunguntur (Kochowski, o. c., I, p. 157).

²⁾ Kojalowicz. o. c. p. 2—3: Quanquam vero Zaporovianaе aliquot legiones... ad Czernichoviensis Palatinatus nobilitatem opprimendam missae... duce Glowacio... militem rursus ex Lituani iuris agris deduxissent, accensa tamen belli flamma cum abeuntibus non resedit.

(ст. ст.) 1649 г. посла Хмельницкаго, Силуана Мужиловскаго, оказывается, что „въ Литву Хмельницкій посылалъ объявленіе, чтобы литовцы были въ миру съ Черкасами, а они Черкасы Литву тѣснить ничѣмъ не стануть, а если Литва начнетъ ихъ чѣмъ заирать, и имъ въ домахъ своихъ не усидѣть; однако нѣкоторые Черкасы самовольно начали было грабить Литву и литовцы вступили съ ними въ бой“¹⁾. Первый московскій посолъ Григорій Унковскій, отправившійся съ Мужиловскимъ въ Чигиринь, гдѣ онъ былъ 19—22 апрѣля (ст. ст.) 1649 г., въ свой посольской сказкѣ пишетъ: „а въ прошломъ году Литва Польшѣ на запороское войско ратными людьми не помогали, для того что былъ у нихъ съ гетманомъ и съ войскомъ запороскимъ договоръ на томъ, что гетману и войску запороскому и Крыму на ихъ литовскую землю войною не ходить, а литовскому войску ляхомъ не помогать“²⁾; въ числѣ расходовъ посла значится: „въ Олмязовѣ олмязовскому сотнику Ивану Щуреину дана пара соболей для того, что сказывалъ, какъ онъ былъ въ посольствѣ въ Литвѣ у Родивила и о какихъ дѣлѣхъ, и для того, что гетману свой“. Къ сожалѣнію остается не яснымъ, когда именно былъ этотъ посолъ Хмельницкаго въ Литвѣ, т. к., какъ увидимъ ниже, имъ было посылаемо туда и другое посольство въ началѣ 1649 года. Во всякомъ случаѣ это извѣстіе о сепаратномъ отъ Польши соглашеніи между литовскимъ и казацкимъ гетманами въ періодъ междукоролевья весьма интересно и едва ли можетъ быть заподозриваемо лишь потому, что о немъ умалчиваютъ польскіе источники, которые не дѣлаютъ, конечно, точнаго различія между пришлыми съ Украины казаками и казачьими войсками, дѣйствовавшими по приказамъ своего гетмана. Конечно, и въ дѣйствительности трудно было бы провести точную границу между мѣстнымъ народнымъ возстаніемъ и результатами дѣятельности эмиссаровъ Хмельницкаго. Что ни обѣщали бы послѣдній, литовская шляхта могла полагаться только на свое оружіе.

Въ Вильнѣ собрался чрезвычайный совѣтъ изъ сенаторовъ и трибунальныхъ депутатовъ, который и порѣшилъ набирать немедленно войско, взявъ деньги изъ литовской казны³⁾.

Но тотчасъ же явились и противники принятой мѣры: составъ совѣта казался имъ недостаточнымъ, а главное, повидимому, сейчасъ же явились опасенія, какъ бы при помощи собраннаго войска кн. Янушъ не вздумалъ возстановлять права диссидентовъ. *Theatrum Europaeum*⁴⁾ такъ и выражается; *Commentarius* говоритъ глухо о

¹⁾ Киевская Старина. XVIII, 1887, № 7, стр. 719; изъ статьи А. Востокова: Первые сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой (*ibid.* стр. 714—744). Въ юнѣ 1648 года шляхтичъ Христофоръ Силчъ въ Брянскѣ говорилъ: „а воють де . . . въ ихъ Литовской землѣ охочіе всякіе сборные люди, а не Черкасы“. (Акты Южн. и Зап. Россіи III, стр. 218).

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Малороссійскаго Приказа столбецъ № 7608, которымъ пользовался въ указанной выше статьѣ А. Востоковъ. Въ этой выпискѣ, какъ и въ ижекаждъ доущихъ орфо(?)-графія подлинника мною, для удобства читателей, не сохраняется.

³⁾ О совѣтѣ этомъ всѣхъ подробнѣе рассказываетъ Alberto Vimina. *Delle Guerre civili di Polonia*. 1671. p. 82. Но его показанія о составѣ совѣта (*intervenendovi la maggior parte de' Senatori, e Signori di Conto del Gran Ducato*) рѣзко противорѣчатъ нападкамъ на составъ совѣта, которымъ высказывались на конвокаціонномъ сеймѣ (*Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła*. II, str. 308: 4 czy 5 senatorow z deputatowami trybunalskimi, nie radziwszy się dirgich).

⁴⁾ VI Theil. S. 374: Der Fürst Janus Radzivil hat bald angefangen Völcker zu werben, wiewol mit

противодѣйствіи изъ-за личной вражды или соперничества, или по дурнымъ подозрѣніямъ и присоединяетъ горячее разсужденіе о преступности вмѣшивать религіозныя интересы въ государственныя дѣла, т.-е. пытается отражать нападенія враговъ гетмана-„еретика“ ихъ же собственнымъ оружіемъ ¹⁾).

По словамъ „Комментарія“ (р. 7) кн. Янушъ, несмотря на отказъ многихъ отъ сбора войскъ до соответственнаго постановленія конвокаціоннаго сейма, собрали нѣкоторыя силы на свой счетъ и страхъ.

Кояловичъ (р. 8—9) говоритъ также о сборѣ кн. Янушемъ войскъ, насколько то позволяли обстоятельства; сборъ этотъ и по его показанію производился по рѣшенію сената, собраннаго въ Вильнѣ, но отсутствіе денегъ въ казнѣ мѣшало вести наборъ съ достаточной быстротою ²⁾).

Дѣйствія противъ казаковъ и возставшихъ крестьянъ шли съ переменнымъ для шляхетскихъ отрядовъ счастьемъ, но самъ гетманъ личнаго участія въ разбѣздахъ не принималъ. Онъ отправился на конвокаціонный сеймъ въ Варшаву, куда прибылъ 21 іюля (Pamiętniki Albr. St. Radz. II, str. 304). Тамъ онъ пытался добиться отъ мѣны рѣшенія дѣла о виленскомъ евангелическомъ „сборѣ“, ссылаясь на то, что Рѣчь Посполитая и безъ короля не мертвое тѣло и можетъ уничтожить свои плохія постановленія; но эти и прочія старанія диссидентовъ воспользоваться междукоролевьемъ остались безуспѣшными (см. Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła. II, str. 310, 311, 314, 315). Кн. Янушъ, требуя возстановленія равноправія диссидентовъ, подчеркивалъ, конечно, свою лояльность относительно Рѣчи Посполитой ³⁾. Съ другой стороны требовалъ онъ различныхъ мѣръ для защиты Литвы и даже передачи власти надъ короннымъ войскомъ, за отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, гетманамъ литовскимъ, т.-е. въ сущности себѣ. Въ литовскомъ собраніи (28 іюля) согласія установить не

grosser Verhindernuss, und solches auss der Herren Catholischen Missgunst, als welche sich befürchtet, dass die Evangelischen Stände durch diese Gelegenheit zu ihrer Praetension des erlittenen Unrechts gelangen möchten; sahen also nicht gerne, dass die Werbungen geschwinde fortgingen; dennoch that der Fürst, was bey der Sache von nöthen seyn schiene, warb auch für sich selbst sein eigen Volck, welches er in die nechste Oerter, und insonderheit in Sluczk einquartiert; und nach dem er auss dem Lithauischen Schatz etwas Geld empfangen, gab er bey unterschiedenen Officiern Patenten zu werben auss.

¹⁾ Sed neque deerant, qui aut privatis inimicitias vel aemulatione; aut pravis suspicionibus impulsı recte consulta corrumpent, ac salubriter coepta disturbarent (o. c., p. 6). Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ набранный, какъ и нѣкоторыя иныя мѣста книжки, особымъ прифтономъ пассажъ (o. c., 6—7): Adeo primum saepe in privata commoda obtutum homines defigunt: ut oculos ad publicas jacturas attollere nequeant, quibus tamen et illa communi damno empta, propria emolumenta involvi necesse est. Sed omnium maxime nunc miserabile malum Reipublicae exercet, in quibus per omne fas atque nefas, per calcatas leges, violatam fidem, abrupta sanctissimorum faederum, ac jurisjurandi vincula, proditam patriae salutem ac libertatem, privatae in religionibus factioni quisque gratificari contendit; nescius et Religionem ipsam (nisi prava sit et impia) aspernari, tam irreligiosum officium, et hoc facto in Patriam, quae Religionis sedes est; ipsam que adeo religionem inexpiabile scelus suscipi.

²⁾ Auctoritate senatus consulti Vilnae facti... Janussius Radivilus... quas poterat in subito tumultu opportune contrahebat copias. Verum inter aerarii publici angustias, quibus nemo de suo plerique de alieno, consultum volebant; non potuerunt praesidia maturari, ne rebelles maiore numero collecti tota ad Pripetium et Berezynam ora potirentur. Tantum damni est aerarium in futuros eventus mature non instruere; sed pro ratione incumbentis necessitatis primum pecuniam colligere, cum iam expendi debet.

³⁾ Jakuba Michałowskiego... Kniha pamiętnicza, 1864, str. 139: Uczynił [30 іюля 1648] też i J. X. M. Radziwiłł, hetman W. X. L., dissidens in religione, tę deklaracyą, iż woli teraz na usłudze Rzptej zdrowie swoje polozyć, niż się do takiej niewoli, jaką religiję swojej pretendują wrócić

удалось: многіе возставали противъ самихъ виленскихъ постановленій; сеймовымъ же рѣшеніемъ (1 августа) постановлено было собрать въ Литвѣ 5000 войска, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы гетманы не держали ихъ при себѣ ¹⁾.

Рѣшеніемъ сейма Янушъ остался, конечно, недоволенъ и авторъ „Комментарія“ пишетъ (pp. 7, 8, 20), что на сеймѣ нашлось не мало литовцевъ, которые не считали опасными для Литвы успѣховъ казаковъ въ польскихъ областяхъ, и что ихъ стараніями число войска, опредѣленное въ Вильнѣ, было на сеймѣ уменьшено вопреки совѣтамъ болѣе мудрыхъ; но если бы вняли послѣднимъ, то, подавивъ возстаніе въ Литвѣ, литовское войско могло бы прійти на помощь и областямъ Польскимъ. Последнее утвержденіе, конечно, никоимъ образомъ нельзя считать доказательствомъ того, что упомянутое выше соглашеніе съ Хмѣльницкимъ о нейтралитетѣ Литвы заключено не было. Если бы литовскіе гетманы получили просимое начальство и надъ коронными войсками, кн. Янушъ также не могъ бы, конечно, выполнить принятыхъ по условію съ Хмѣльницкимъ обязательствъ нейтральности, какъ на дѣлѣ не могъ исполнить обѣщанія гарантировать спокойствіе Литвы Хмѣльницкій.

Личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ лѣтомъ и осенью 1648 года кн. Янушъ не принималъ: когда же онъ двинулся, наконецъ, съ организованнымъ войскомъ изъ-подъ Минска къ Полѣсью, то подошло какъ разъ время элекціоннаго сейма для выбора короля. Источники, явно инспирированные кн. Янушемъ, утверждаютъ, что онъ отправился туда съ войскомъ для защиты сейма отъ возможнаго набѣга казаковъ на Варшаву, уступая просьбѣ гнѣзненскаго архіепископа ²⁾. Наоборотъ, католики объясняли прибытіе Януша на элекціонный сеймъ призывомъ диссидентовъ ³⁾, въ числѣ которыхъ современники первое мѣсто по вліянію давали кн. Янушу и двоюродному брату его кн. Богуславу Радзивилу ⁴⁾. По свидѣтельству Альберта Вимины (р. 176), Янушъ располагалъ восьмьюстами голосовъ однихъ „Аріанъ“, т.-е. соцініанъ, помимо, очевидно, лютеранъ и кальвинистовъ.

Въ вопросѣ объ избраніи новаго короля кн. Янушъ стоялъ за Яна Казимира, какъ и прочіе литовцы, которые, по словамъ Вимины (р. 41, cf. 51, 73), грозили даже отдѣлиться и избрать Яна Казимира отдѣльно, т.-е. нарушить литовско-польскую унію. Тотъ же итальянскій дипломатъ утверждаетъ однако, что кн. Янушъ желалъ посадить на польскій престолъ своего друга и единовѣрца седмиградскаго князя Георгія II Ракочія ⁵⁾. Кандидатуру послѣдняго дѣйствительно выставялъ отецъ его Георгій I Ракочій, и она имѣла видныхъ сторонниковъ, приводившихъ основатель-

¹⁾ Pamiętniki Ks. Albr. St. Radziwiłła. II. str. 308—309, 316—317: W Litwie dla bezpieczeństwa uradzono zaciągnąć 5000 żołnierza z tą prekawcą, aby hetmani na swoją assistencyą ich nie obracali. Cf. Alb. Vimina. p. 87.

²⁾ Commentarius, p. 28; Theatrum Europaeum. VI. S. 374.

³⁾ Alberto Vimina, o. c., p. 83.

⁴⁾ Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV: Jana Kazimierza... wydał K. Wł. Wóycicki. Warszawa. 1846, II, str. 22.

⁵⁾ Alberto Vimina, o. c. p. 90: il Ragozzi principe di Transilvania prima della morte del Padre hauea preteso alla Corona di Polonia nell'interregno di Vladislao. Per cagione di che si sapeua hauea nudrite segrete intelligenze col Duca Iannus Radziwil Generale Campestre di Lituania, che lo desideraua promosso a questo Regno, oltre a gli altri rispetti, per esser Principe di Setta Caluina, che pur è da lui ostinamente professata. Cf. ibid. p. 95, 96.

ные въ поддержку ея аргументы ¹⁾, противники же ея, какъ напр. литовскій канцлеръ, говорили о вліяніи семиградскихъ посулъ ²⁾. Въ своихъ мемуарахъ онъ рассказываетъ, что когда онъ ѣхалъ поздравлять новаго короля съ его избраніемъ, то „кто-то сказалъ, что мы чуть не выбрали Сигизмунда IV-го“, и на вопросъ его пояснилъ, что это „Ракочій, сынъ стараго воеводы седмиградскаго, но что Богъ наивысшій далъ намъ настоящаго короля, избраннаго Имъ предвѣчно, мы же нашими головами его только утвердили (Pamiętniki. II., str. 348)“. Ѣхалъ же рассказчикъ, какъ сообщаетъ онъ нѣсколькими строками ранѣе, въ числѣ пяти Радзивиловъ, отъ лица которыхъ онъ, какъ старѣйшій и привѣтствовалъ короля; слѣдовательно, вполне возможно, что его собесѣдникомъ и былъ никто иной, какъ князь Янушъ.

Впрочемъ о поддержкѣ Янушемъ или о намѣреніи его поддерживать кандидатуру Ракочія прямыхъ указаній, кромѣ Вимины, я нигдѣ не нашелъ; въ рассказахъ объ агентѣ седмиградскаго князя, прибывшемъ подъ видомъ алхимика въ Краковъ и тамъ схваченномъ, о Янушѣ, какъ сторонникѣ Ракочія, не упоминается ³⁾.

Диссиденты и на электоральномъ сеймѣ не преминули настаивать на обезпеченіи своихъ правъ и признаніи за ними права всюду свободно отправлять богослуженіе. Альб. Стан. Радзивиль указываетъ на различныя выступленія въ ихъ поддержку главы ихъ, кн. Януша, и въ сенатѣ, и въ сеймовыхъ комиссіяхъ. Такъ онъ добился назначенія особой комиссіи для разбора жалобъ диссидентовъ (Pamiętniki. II., str. 339) и внесенія въ актъ элекціи неприкосновенности (securitas) виленскаго „сбора“ евангеликовъ (ibid. II., str. 345); а у короля послѣ его избранія нѣсколько часовъ толковали нѣкоторые сенаторы объ успокоеніи диссидентовъ, при чемъ Янушъ желалъ, якобы, въ пользу ихъ ограничить права виленской іезуитской академіи и самого города Вильны и литовскій канцлеръ сильно съ нимъ спорилъ; но тѣхъ „нѣкоторыхъ пунктовъ“, на которыхъ они сговорились, онъ въ своихъ запискахъ (II., str. 345) не приводитъ ⁴⁾.

Съ другой стороны добивался кн. Янушъ усиленія войскъ въ Литвѣ и средствъ на ихъ содержанія, но требованія его объявить всеобщее ополченіе („посполитое руженье“) и передать ему часть сборовъ съ сухоходства приняты литовскими вельможами не были; противники Януша, канцлеръ-дядя и его подканцлеръ, Левъ Сапѣга, были противъ и разсерженный Янушъ грозилъ имъ бѣдою, говоря, что скорѣе ихъ погубить, чѣмъ дать въ обиду себя (Albr. St. Radziwiłł. Pamiętniki, II str. 349). По мѣнью канцлера угрозу свою кн. Янушъ и не замедлилъ исполнить размѣщеніемъ въ его пинскихъ владѣніяхъ отряда „еретика Мирскаго“ на зимовку послѣ того, какъ взять и сожженъ былъ городъ Пинскъ, занятый казаками и не захотѣвшій сдаться ⁵⁾.

¹⁾ См. напр. рѣчь кн. Вишневецкаго, приводимую Грондскимъ: *Historia belli cosaco-polonici, conscripta anno 1676 a Samuele Grondski. Pestini. 1789. pp. 82—84.*

²⁾ *Pamiętniki Albr. Stan. Radziwiłła. II., str. 348: i wielu prywatnych już obietnicami skorumpował.*

³⁾ *Pamiętniki... wyd. Woycicki. II., str. 24—25; Kochowski. pp. 76—77.*

⁴⁾ О дѣятельности кн. Януша и кн. Богуслава Радзивиловъ въ это безкоролье въ защиту ихъ единовѣрцевъ см. J. Łukaszewicz. *O kościołach Braci czeskich w dawnej Wielkopolsce. Poznań. 1835, str. 224.*

⁵⁾ Подробное описаніе взятія Пинска см. въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей при Имѣ. Москов. Университетѣ. 1847, № 5, отд. III, стр. 31—38. Ср. Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 297; Альб. Вімина pp. 84—87.

Тщетно жаловался канцлеръ на разорительность этого постоа кн. Янушу, который лежалъ больнымъ въ Брестѣ (Pamiętniki. II, str. 350—351); отрядъ простоялъ у него во владѣніяхъ цѣлыхъ полтора мѣсяца, пока не ушелъ въ походъ, предпринятый кн. Янушемъ въ самомъ концѣ 1648 и началѣ 1649 года¹⁾.

Зимній походъ кн. Януша для завоеванія захваченныхъ казаками или добровольно перешедшихъ на сторону ихъ русскихъ городовъ Полѣсья начался движеніемъ къ Днѣпру, занятіемъ очищенныхъ при приближеніи Литовскихъ войскъ казаками городовъ Гродецка, Турова, Овруча, Чернобыля и крутою расправою съ попадавшимися въ его руки казаками и возставшими хлопами²⁾. Мозырь вступилъ было въ переговоры съ авангардомъ литовскаго войска и, ссылаясь на письма Хмѣльницкаго и переяславскихъ комиссаровъ, отказывался сдаться и впустить на зимовку литовцевъ³⁾, но послѣ внезапнаго ночнаго нападенія казаковъ, въ немъ сидѣвшихъ, на литовскій отрядъ, городъ увидаль подъ своимъ стѣнами подоспѣвшее войско кн. Януша и, послѣ новаго отказа сдаться, былъ взятъ приступомъ спѣшенными драгунами. Кн. Янушъ принималъ въ бою личное участіе: подъ его командою на городской валъ влѣзли,—правда не первыми,—спѣшенные гусары его⁴⁾. Когда войска Радзивила ворвались въ городъ, то часть его, прилегавшая къ рѣкѣ, ледъ на кото-

¹⁾ Точныхъ датъ польскіе источники не содержатъ: Theatrum Europaeum весь походъ Януша относитъ къ 1649 году; анонимъ, изданный Войццикимъ, напротивъ того къ 1648; по Коховскому взятіе Мозыря было еще въ концѣ 1648 года.

²⁾ Theatrum Europaeum (VI. 1652. S. 811), несомнѣнно получившій данныя изъ ближайшихъ къ кн. Янушу источниковъ, выражается такъ: Insonderheit hat der Fürst Radzivil mit dem neuen 1649 Jahr der Zeit am besten gebraucht: Denn, indem alles was lebte, nach Cracau auff die Cronung dess neuen Königs geeylet, gieng er vor sich an der Crone-Gränzen, und befreiete gantz Littauen: der Feind wiche überall: die abgenommene Stätte ergaben sich wieder: der Rebellen-Häupter und Führer wurden theils ausgehändiget, deren theils man mit Schwerdt gestrafft, andere aber auff Pfäle gesetzt. Grodieck, Turow und andere Oerter mehr, seynd recuperirt worden. Московскій гонецъ Григорій Кунаковъ усмиреніе Литвы описываетъ такъ: „А Янушъ Радзивиль, гетманъ польной, да Вицентій Гасіевской, да стражникъ великаго княжства Литовскаго Мирскій и иные многіе урядники ходятъ въ великомъ княжствѣ Литовскомъ и пустошатъ королевскіе жъ города и села и деревни, и благочестивые христьянскіе вѣры къ мѣщаномъ приметываются: только въ которомъ городѣ были Черкасы или гультайство, и они тѣхъ мучать, посягая на благочестивую христьянскую вѣру, а напаче изъ животовъ, и жены ихъ и дѣти и животы посылають въ свои маестности; и пограбятъ мѣщанскіе животы и разоря ихъ совсѣмъ на паля взбивають и рубятъ безъ милости, даючи причину, будто они рѣчи посполитой издрайцы, а Черкасомъ и гультайству доброхоты и съ ними годовѣрны“ (Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 296).. „А какъ гонецъ ѣхалъ въ Краковъ, и въ Оршѣ, и въ Борисовѣ, и въ Менску, и въ Новгородку, и въ Слонимѣ, и въ Пружанѣ, и во всѣхъ городѣхъ и въ мѣстѣхъ королевскихъ и въ всяхъ лежать жолнери и пустошатъ; а только поймають и щирова казака, которой воуетъ съ Черкасы, и тѣхъ взявъ съ нихъ многіе гроши, отпускають. А около Орши и Менска, и Новгородка, и Слонима и Брести Литовской на паляхъ многіе люди, а иные на кольѣ четвертованные, а сказывали тѣхъ мѣсть мѣщане, что все то кажиены мѣщане изъ животовъ и бѣдные люди невинные, а всѣхъ королевскихъ мѣсть мѣщане и пашенные люди отъ жолнерей въ конечномъ разореньѣ“ (ibid. 297). Не обходитъ молчаніемъ Кунаковъ и причину этой расправы: такъ наприм. въ Терцовѣ „сказываютъ остальные, что Черкасы, собравъ ляховъ и жидовъ и ксендзовъ, связавъ, наметали два костела, и тѣ костелы съ людьми спалили“ (ibid. 297).

³⁾ Подробно о взятіи Мозыря см. Commentarius, pp. 37—42; Koiałowicz, p. 26—30; кратко—Theatrum Europaeum VI, 1652, S. 811; Kochowski, p. 157; Grondski, p. 115—116; Pastorius. Bell. scyth. eosac., p. 81—82.

⁴⁾ Commentarius, p. 40: cui (Ganckoffio) equestre hastatorum agmen hortatu ac ductu ipsius Imperatoris raro militaris obsequii exemplo, dimissis equis, succurrit. Кояловичъ (p. 28) однако упоминаетъ о Янушѣ лишь какъ объ одномъ изъ начальниковъ праваго крыла.

рой былъ разломанъ, оказалась отдѣленной отъ прочаго города баррикадами изъ наполненныхъ землею срубовъ и телѣгъ и сложенными изъ льда. Въ городѣ произошла ожесточенная рѣзня; значительная часть его выгорѣла, такъ что войску нельзя было даже остановиться на ночевку. „Комментарій“ однако, сообщая эти факты, замѣчаетъ, что *capto et direpto municipio, aedibus sacris atque imbelli turbae ut parceretur, praesidia Imperatoris cura fuit*, но почему-то умалчиваетъ о расправѣ съ казацкимъ вождемъ. Другіе же источники рассказываютъ, какъ у раненаго или мертваго уже Михненки отрублена была палачемъ голова и повѣшена на воротахъ города ¹⁾.

На эту расправу кн. Януша съ Мозыремъ съ гнѣвомъ указывалъ Хмѣльницкій, когда онъ, 20 февраля (н. ст.) 1649 г., говоритъ въ Переяславлѣ польскимъ уполномоченнымъ, что писалъ по этому поводу Янушу, приказавшему посадить на колъ одного „молодца“, угрозу поступить также съ четырьмястами плѣнныхъ поляковъ, „если онъ сдѣлалъ это съ однимъ христіаниномъ“ ²⁾.

Бобруйскъ, также занятый казаками, былъ осажденъ; видя свое безвыходное положеніе и боясь участи Мозыря, горожане, по прибытіи къ войску Януша, вышли ему навстрѣчу и сдались, отступивъ отъ данныхъ казакамъ клятвъ. Казаки частью бѣжали, частью заперлись въ башняхъ; предпочитая самоубійство казни, они перебили другъ друга и сами подожгли одну изъ нихъ; но не стерпѣвъ жару, вождь ихъ, Поддубскій, выбросился оттуда и не избѣжалъ жестокой расправы: такъ рассказываетъ „Комментарій“ ³⁾.

Кояловичъ повѣствуетъ о сдачѣ Бобруйска гораздо пространнѣе и болѣе сообщаетъ фактическихъ подробностей. Городъ, окруженный всею войскою съ артиллеріей, выслалъ къ Янушу съ просьбою о пощадѣ православныхъ и униатскихъ священниковъ, на которыхъ, по мнѣнію іезуита, падало главное подозрѣніе въ измѣнѣ. Условіями пощады города Янушъ поставилъ имъ поголовный выходъ всѣхъ жителей изъ города въ поле, выдачу оружія, знаменъ и военныхъ припасовъ, а также всѣхъ, кто воевалъ вмѣстѣ съ казаками. Гонсѣвскій съ четырьмя хоругвями занялъ во избѣжаніе какого-либо коварства ворота, откуда вышли въ поле сперва духовенство, потомъ плачущія женщины, наконецъ горожане и замѣшавшіеся въ число ихъ

¹⁾ Kochowski, p. 157; Theatrum Europaeum. VI. 1652. S. 811; Koiałowicz, p. 29; Pastorius. Bellum Scythico-Cosacicum, p. 82.

²⁾ Памятники, издав. Кіевск. Комм. для разбора древн. актовъ. I. Кіевъ. 1845, Отд. III, стр. 324; 2-е изд., Кіевъ. 1898, т. I—II, стр. 318; Michałowski. Księga pamiętnicza, str. 372.

³⁾ Commentarius. p. 42: Illud ante adventum suum lenta obsidione claudi imperaverat, quod impigre à Volovicio mox et Vincentio Corvino Gosiewski M. D. L. Dapifero praemisso, factum obseptis undique itineribus, ne hostis elaberetur. Adventu Ducis Oppidani Mozyriensium casu percussi, rupto Sacramento (p. 43), quo se Cosacis praesidiariis devinxerant, egressi obviam supplices, deditionem faciunt. Deserti praesidiarii pars fugam, pars defensionem moliebantur occupatis turribus, invalido, nec in longum profuturo praesidio. Nam ubi nulla spes evadendi superfuit, subjecto inferioribus tabulatis igne, ipsi desuper in mutuas caedes conversi; adversis sclopetorum ictibus sese conficiebant; donec correptis incendio parietibus plerique ustulati, et vim flammaram tolerare non valentes, sese foras praecipites eicerent. Quos inter Dux eorum Poddubsus captus supplicium, quod voluntaria nece nequicquam praevēnire voluerat, non effugit.

бунтовщики. Но часть послѣднихъ заняли деревянную башню и подожгли ее ¹⁾.

Нѣкоторыя подробности о сдачѣ города и расправѣ съ казаками и приставшими къ нимъ крестьянами и горожанами сообщаетъ анонимный авторъ разсказа объ этомъ походѣ, помѣщеннаго въ *Theatrum Europaeum*: здѣсь говорится лишь объ одномъ выходѣ духовенства изъ города, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, съ просьбою о пощадѣ; зато сообщаются ужасающія подробности о томъ, какъ Поддубскій оставался живымъ на колѣ шесть часовъ, пилъ воду и просилъ звонить въ колокола русскихъ церквей себѣ отходную, какъ восемь человекъ были заколоты копьями, сорокъ обезглавлено а у двухсотъ семидесяти отрублены правыя руки ²⁾.

Московскій гонецъ Григорій Кунаковъ слышалъ въ Краковѣ о перепискѣ князя Януша съ королемъ по поводу осады Бобруйска, а въ Бѣльскѣ подробности о сдачѣ ему 21-го февраля 1649 г. Бобруйска: по этому разсказу казаки заперлись не въ башнѣ,

¹⁾ Koiałowicz, o. c., p. 31: itaque castra mota et qui nuper ad Turoviam relictis fuerant, cum tormentis, caeteroque apparatu bellico, Bobroyscum maturare iussi..... Corvinus (Gosiewski) festinatione, qua praecipue momenta victoriarum vertuntur, usus: nocturno itinere Bobroyscum tenuit, atque loca, quae facilis effugii spem hosti ostendere videbantur, armatis insedit. Tertio die universae copiae supervenerunt, atque oppidum cinxerunt. Cives non perfidiae dolore, sed (p. 32) desperatarum rerum metu, cum bello non sufficerent, ad preces versi, Sacerdotes Russi ritus, et Graeci Schismatis, clementiam Ducis imploratos expederunt. Dux quanquam videret causam talibus deprecatoribus, in quos perduellionis suspicio potissima cadebat, odiosiore redditam: ne tamen oppidanis aggressibusque excisis, plus patriae, quam rebellibus noceret, utendum clementia merito ratus, vitae opibusque civium, integritatem hos conditionibus promisit. Singuli utriusque sexus in campum extra maenia progredierentur: arma, signa bellica, et quidquid militaris apparatus haberent, ex fide traderent; capita rebellionis, omnesque qui servili bello sub Cosacorum signis meruissent, dederent; portas aperirent. Paruere illi libentes: extrema quippe metuentibus quidquid infra timorem accidit, pro beneficio habetur. Veritus tamen Dux, ne rebellibus interea insidiis captandis aliqua occasio daretur: Gosievio cum quattuor signis negotium dedit, portae obtinendae, insidiarumque avertendarum. Tum primum Ecclesiastici ordinis homines (p. 33), deinde ploratu sublato faeminae, denique cives, rebellesque ipsi civibus permixti, in campum progressi. Pars tamen rebellium occupata lignea turri, ne vivi in manus victorum venirent, subjectis flammis se et victori et vitae eripere maluerunt: inter eos fuit ipse illarum copiarum Tribunus. Hic cum ardori flammae ferendo par non esset, saltu se in subiectas aquas demisit: captus, atque ad Ducem pertractus. Rebelles omnes, ab innoxiiis seuncti; praecipui in palum acti; reliqui, quod in Regem et Patriam arma ferre ausi essent, manu mulctati civibus vita et bona donata; militi oppidum ingredi permissum.

²⁾ *Theatrum Europaeum*. VI. 1663. S. 811: Von dannen ist er (Янушъ) weiter biss unter Bobruysk gangen, welcher Orth etliche Wochen durch den Obristen Wollowicz blocquirt gewesen, und ist geschwinde damit verfahren, dass der Feind schier keine Wissenschaft davon haben können. Wie sie aber gesehen, dass frisch Volck im Läger ankommen, und vermeynt, es wäre (S. 812) der Feldherr, haben sie des Mozyrischen Tractaments nicht erwarten wollen. Unterdessen entstunde ein grosser Unwill unter den Bürgern und Cossacken in der Statt: die Bürger machten die Thore auf, und schickten ire Geistliche mit der Procession Weibern und kleinen Kindern herauss, dass sie umb Gnade bitten solten; die Cossacken aber retirirten sich in die starcke Thürne, von welchen sie sich wehren könnten: deren etliche liessen sich todt schlagen, etliche steckten die Thürne, mit sich selbst an, andere schossen mit Mussqueten auff sich, damit sie nur umbs Leben kommen möchten. Der Obrist allein Namens Poddupsky, kunte die Hitz nicht vertragen: daher that er, als sie ihm zu nahe kommen wollen, auss dem Thurn einen Aussfall, und kam dem Fürsten in die Hände: Weil er nun ein grosser Tyrann war, und den Starosten daselbst, nebenst vielen Edelleuten, so er in seinen Händen gehabt, mit Weib und Kindern im Wasser ersäuften lassen; als hat der Fürst Radzivil gleichfalls befohlen, ihn lebendig auff den Pfal zu stecken, an welchem er dann 6. Stunden gelebt, und getruncken, und gebetten, man möchte ihm zu Gefallen mit der Glocken in der Reussischen Kirchen leuten lassen, welches man ihme verwilliget. Nebenst ihme seynd 8. der ältesten gespisset, über 40. enthauptet, die Köpffe auf Pfüle gesetzt, und mehr denn 200. und 70. die rechte Hand abgehawen, und darnach loss gelassen worden, damit sie zu ihren Brüdern gehen und weisen könnten, wie böse es gehandelt sey, wenn Unterthanen gegen ihre Obrigkeit auffstehen und rebelliren.

а въ мельницѣ въ полумилѣ отъ города; разсказъ о расправѣ съ казаками и горожанами, повидимому, преувеличен¹⁾).

И здѣсь въ Литвѣ наблюдалось обычное явленіе, что всю вину за эти жестокия репрессаліи народъ возлагалъ на своеволие господъ, воображая, что король тщетно за него заступается²⁾).

Мы считали нужнымъ провести полностью главныя извѣстія о сдачѣ Бобруйска потому, что одинъ изъ издаваемыхъ рисунковъ (см. табл. I, рис. 2), хранящійся въ библиотекѣ Ординаціи гр. Красинскихъ въ Варшавѣ, представляетъ, по всей видимости, именно сдачу Бобруйска, хотя подпись подъ нимъ и говоритъ о сдачѣ Кіева и указываетъ не 1649, а 1651 годъ. Городъ, судя по его положенію на плоскости, по его укрѣпленіямъ и по общему виду, никакъ не можетъ быть никакою частью Кіева. Городъ осажденъ войскомъ съ пушками, о которыхъ, кромѣ Кояловича (см. выше), упоминаетъ еще и Альбертъ Вимина (о. с. р. 88); изъ воротъ выходитъ процессія горожанъ съ духовенствомъ съ иконою Б. М. и хоругвями во главѣ; справа видна одна горящая башня ограды, а въ центрѣ передъ стѣнами города стоитъ колъ съ корчащимся на немъ человѣкомъ: такъ понимаю я не совѣмъ ясное изображеніе въ центрѣ рисунка. Если толкованіе это вѣрно, то художникъ представилъ три разновременные момента вмѣстѣ. Что подписи подъ издаваемыми копіями рисунковъ не имѣютъ сами по себѣ никакого авторитета, о томъ будетъ еще рѣчь ниже.

Велѣдъ за Бобруйскомъ сдалась и Рѣца (Commentarius, p. 34, Theatrum Euro-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 295: „Февраля въ 25 день писалъ къ королю великого княжства Литовского гетманъ польной Янушъ Радивиль, что онъ съ войскомъ ходилъ подо многіе замки, и многіе замки и мѣста и веси отъ гультайства очистилъ и гультайство многое побилъ и на пали повѣзъ; и многое де гультайство собралось въ Бобруескъ и сѣли въ осадѣ съ 5000 ч.; и онъ де гетманъ Бобруескъ осадилъ; только ему тѣми людьми которые съ нимъ, промыслу подъ Бобруйскомъ учинить немочно, и чтобъ прислали къ нему въ прибавку людей.... А къ гетману де къ Янушу Радивилу отъ короля писано за службу съ великою похвалою и что (стр. 296) войска пришлютъ къ нему въ прибавку 10000 ч. и чтобы на то былъ надеженъ, и надъ казаками и надъ гультайствомъ промышлялъ всякими мѣрами, чтобы конечно Бобруйска достунить, и тымъ хлопемъ израду ихъ и пландрованье отомстить“.... стр. 298: „Да марта въ 9 день сказывали гонцу въ Бѣльску шляхта, что въ Бобруйску мѣщане въ винахъ своихъ добили челомъ, и февраля въ 21 день въ ноци сами съ женами и съ дѣтми и съ животы изъ замку вышли, и которая сторона была положена на ихъ мѣщанскую сторожу, и они тѣ ворота отворили и впустили гетманскіе Радивиловы роты и пѣхоту, а Черкасы де отъ города побѣжали пометавъ всю свою добычъ и сѣли въ осадѣ на млынѣ, отъ Бобруйска въ полумилѣ, а полковникъ у нихъ былъ Поддубскій, а гетманъ де къ той млынѣ приступалъ всѣми людьми, а полковникъ де Поддубскій убѣжалъ съ товарищи во 100 человѣкъ; а съ 400 человѣкъ гетманъ Радивиль поймалъ за присягою и всѣхъ побилъ; да и мѣщанъ де всѣхъ, которые и городъ ему отворили, мучилъ изъ животовъ и руки отсѣкъ у 800 человѣкъ, постыналъ 150 ч.; на пали повѣзъ болше 100 ч., и такую де невинную кровь пролилъ безъ ума для своей корысти“.

²⁾ Вѣсти, шедшія въ Москву и почеркнавшіяся изъ народныхъ устъ, являются тому доказательствомъ. Вотъ напр. разсказъ вяземскаго посадскаго человѣка Андрея Вешнякова (5 марта 1647 г.): „а изъ того де, государь, города Бобровска и подъ иные города, которые города Черкасы жъ имали, гетманъ ксенза,—а какъ его зовуть, тово де онъ не упомянуть,—ляховъ разсылаетъ тысячъ по пяти и по шести и десяти, и велитъ тѣ города воевать и бѣлорусцовъ сѣчь; а король де Казимерь писалъ отъ себя къ тому гетману въ Бобровскъ, чтобъ онъ ляховъ изъ обозу всѣхъ роспустилъ по городомъ и крестьянъ бы не воевалъ; и томъ де гетманъ и ляхи королевскаго письма не послушали, крестьянъ воеють“ (Акты Ю. и З. Россіи. III, дополи., стр. 42—43). Истинное содержаніе королевскаго письма къ Янушу подъ Бобруйскъ, конечно, лучше могло быть извѣстно Кунакову (см. предыдущее примѣчаніе).

раешт. VI. S. 812). Изображеніе этого города имѣемъ мы также на одномъ изъ издаваемыхъ рисунковъ (см. табл. XIV, рис. 5), если вѣрить польской подписи подъ рисункомъ: „какъ въ послѣдній разъ стоялъ (его) княжеская милость подъ Рѣчицей“. Но объ этомъ рисункѣ и о планѣ Рѣчицы рѣчь будетъ еще ниже.

Дальнѣйшія военныя дѣйствія литовскаго войска были остановлены вѣстью о заключеніи королемъ Переяславскаго договора съ казаками и предписаніями его, прекративъ военныя дѣйствія, стать на зимнія квартиры и не давать казакамъ повода къ возобновленію войны: сообщая объ этомъ и *Commentarius* (р. 44—45) и *Theatrum Europaeum* (VI. S. 812) выражаютъ неудовольствіе несвоевременному перемирію и увѣренность въ успѣшномъ ходѣ дальнѣйшихъ дѣйствій¹⁾.

Хмѣльницкій же говорилъ Унковскому, что въ письмѣ къ нему, отъ 17 марта 1649 г., короля Яна Казимира „написано, что король... гетману княжества Литовскаго приказалъ не беспокоить казаковъ подъ страхомъ жестокаго наказанія“ (Кіевская Старина. Т. XVIII. 1887. № 7, стр. 735—736). Насколько искренне было недовольство литовскаго гетмана прекращеніемъ войны, мы, конечно, не знаемъ. Правда не всѣ города и земли, занятые казаками, успѣло отвоевать литовское войско; правда и то, что измѣнилось и самое отношеніе сильно пострадавшихъ отъ мятежа литовскихъ пановъ къ Хмѣльницкому: о нейтралитетѣ Литвы они не допускали уже и мысли, какъ видно изъ сообщеній Унковскаго о второмъ посольствѣ Хмѣльницкаго въ Литву.

Когда онъ проѣзжалъ 1—3 апрѣля (ст. ст.) черезъ Конотопъ, то ему говорили: „да гетманъ же послалъ къ паномъ-радѣ великаго княжества литовскаго пословъ своихъ передъ сырною недѣлю, а о чемъ пословъ своихъ послалъ того имъ не вѣдомо“. Позднѣе онъ провѣдалъ о посольствѣ этомъ слѣдующее: „и гетманъ посылалъ въ литовскую землю къ литовскимъ сенатыремъ, чтобъ литовскіе сенатыри противъ прежняго своего договору въ правдѣ стояли, ляхамъ войскомъ своимъ на запорожское войско не помогали, а будутъ они ляхамъ помогати и противъ запорожскаго войска стоять, и онъ гетманъ съ войскомъ своимъ запорожскимъ и съ Крымомъ учнутъ воевать и ихъ литовскую землю. И литовскіе сенатыри къ гетману и къ войску запорожскому писали: въ прошломъ де году короля у насъ не было, а ныне король обранъ и корунованъ и мы ему присегали и съ вами въ покоѣ быть ради, только на то какъ будетъ королевская воля“.

Возможно, что литовскому войску послѣ вышензложенныхъ успѣховъ исполнять волю короля о прекращеніи военныхъ дѣйствій дѣйствительно было непріятно. Какъ бы ни было срокомъ перемирія назначена была Пятидесятница и опредѣлены границы для размѣщенія войскъ (*Commentarius*, р. 46,44). Наемныя войска поставлены были на зимовку въ четырехъ мѣстахъ, при чемъ въ Рѣчицѣ стоялъ собственный

¹⁾ По разсказу Григ. Кунакова еще до взятія Бобруйска кн. Янушъ имѣлъ отъ короля предписаніе вести борьбу съ казаками и бунтовщиками лишь въ предѣлахъ Литвы: „а за границу на Черкасѣ и на гультайство самимъ ходить и посылокъ посылать не велѣно, чтобы комисарству Адама Киселя съ Богданомъ Хмѣльницкимъ о покоѣ помѣшки не учинить и не розорвать“ (Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 296).

венгерскій полкъ кн. Януша ¹⁾. Шляхта развѣзжалась по домамъ и большой лихорадкою кн. Янушъ уѣхалъ также лечиться къ себѣ въ Слущкъ. Такъ кончилась первая зимняя кампанія Януша противъ казаковъ или, вѣрнѣе, противъ мѣстнаго, поднятаго ими, бѣлорусскаго населенія.

Въ Слущкъ къ кн. Янушу явилось посольство отъ Хмельницкаго, которое, ссылаясь на благожелательныя отношенія къ запорожскому войску кн. Христофора Радзивила, упрекало литовскаго гетмана за его жестокости, увѣщевало прекратить кровопролитіе, вернуть казакамъ спорные города и угрожало расплатой по окончаніи заключеннаго въ Переяславлѣ перемирія: такъ, по крайней мѣрѣ, излагалъ рѣчи пословъ московскій гонецъ Григорій Кунаковъ, отмѣтившій почетный приемъ этихъ пословъ кн. Янушемъ; ²⁾ посольство это, по всей вѣроятности, тождественно съ тѣмъ, о которомъ слышалъ Унковскій.

Переяславскій договоръ не могъ, конечно, измѣнить ходъ событій и съ ранней весны столкновенія поляковъ съ казаками возобновились, возобновились и вторженія ихъ въ литовскіе предѣлы. Но до іюня гетманъ польный не могъ возобновить военныхъ дѣйствій то по болѣзни, то въ хлопотахъ съ успокоеніемъ собственнаго войска, требовавшаго своей платы. Когда мѣстныя средства продовольствія изсякли, подвозъ же и добыча его въ разоренной уже странѣ оказались недостаточными, то требованія уплаты содержанія стали болѣе и болѣе настоятельными и войско стало уже грозить конфедераціей.

Необходимость добывать припасы повела, помимо естественнаго разоренія страны, къ грабежу королевскихъ имѣній въ Брестѣ, что враги Януша приписывали его подстрекательству въ отместку королю за предоставленіе имъ другому Могилевскаго

¹⁾ Kojałowicz. p. 33—34; praetoria ducis legio; Commentarius, p. 46; ср. Памятники. I. Кіевл. 1845. Отд. III, стр. 390; 2-ое изд. Кіевъ. 1898, стр. 358.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, III, стр. 299: И послѣ перемирія прислалъ Богданъ Хмельницкой къ гетману Литовскому къ Янушу Радзивилу пословъ полковника Нестеренка съ товарищи 4-хъ человекъ; а гетманъ де Янушъ Радзивиль, взявъ Бобруескъ, пришолъ въ Слущкъ; и тѣ де запорожскіе послы пришли къ гетману въ Слущкъ марта въ 4 день; и на посольствѣ у гетмана были и выговорили ему, что онъ дѣлаетъ къ большому розлитію крови христіанскіе, товариство ихъ, Запорожскаго Войска подданныхъ, побиваетъ и на паля взбиваетъ за посмѣхъ безъ всякія причины; и въ которыхъ де мѣстехъ Запорожскаго Войска подданные, хоти не на великое время прѣхавъ, побудуть, и онъ гетманъ тѣхъ мѣстъ хлопей невинне стиваетъ и на паля взбиваетъ; и тѣ де хлопья невѣдомо кому достанутся, въ королевскую ль область или Кіевскую, а они де Кіевскіе области и Запорожскаго Войска подданные, по приказу Войска Запорожскаго ни въ чемъ ему не противны, помня къ себѣ добротѣные отца его гетманова; а гетманъ де Богданъ Хмельницкой и за многое христіанское гонительство и за посмѣшное разореніе и ругательство, обнаженную свою на богоотступниковъ и христіанскихъ непріятелей саблю, выиѣ, для святыхъ дней десятиного поста, уявлъ и крови пролитіе достойное гонителемъ на время успокоилъ, какъ достоинъ благочестивымъ христіаномъ дѣлать; и гетманъ бы потому жъ отъ такіе своей неслухности уявлъ и въ такіе великіе постные святые дни на мщеніе невинные христіанскія крови Богомъ посланнаго Запорожскаго Войска не возъярить; и которые города и мѣста онъ, гетманъ Радзивиль, и полковники его и всякіе урядники поймали и мимо всякіе правды илюдровали въ границахъ Кіевскіе области, и гетманъ бы тѣ города и мѣста велѣлъ очистить къ Кіеву тотчасъ по перемирнымъ пактамъ, и причины за моччаньемъ къ нарушенью вѣчныхъ пактъ не учинилъ, а о наградѣ де того ево гетмана илюдрованья будетъ онъ, Богданъ Хмельницкой, и все Войско Запорожское договориватьца послѣ перемирія, какъ тому тогда время покажетъ. И гетманъ Радзивиль изъ Слущка пошолъ въ Любечъ, а тѣхъ запорожскихъ (стр. 300) пословъ взялъ съ собою и воздалъ имъ честь великую и подарки давалъ. Любечъ—на Нѣманѣ близъ Новогрудка.

староства, которое Янушъ считалъ уже обѣщаннымъ себѣ во время выборнаго сейма (Alb. Vimina, p. 96). При дворѣ знали о тайныхъ сношеніяхъ и договорахъ Януша съ Хмѣльницкимъ и на него даже взведено было подозрѣніе въ намѣреніи стать на Литвѣ самостоятельнымъ княземъ (Kotlubaj, p. 135): поводомъ было перехваченное поляками письмо Хмѣльницкаго къ седмиградскому князю ¹⁾. Хотя смѣль упоминанія въ немъ имени кн. Януша былъ и неясенъ и давалъ возможность различныхъ болѣе или менѣе опасныхъ для Януша толкованій (см. ихъ у Альб. Вимины, стр. 95—96), но подозрительный къ диссидентамъ король принималъ, вѣроятно, толкованія наименѣе для Януша выгодныя и послалъ Янушу письмо съ приказомъ, настолько нарушавшимъ законы и обычай, что на сторону Януша сталъ на сей разъ даже дядя его, литовскій канцлеръ, который описываетъ это событіе такъ:

„Гетманъ литовскій, староста жмудскій, впалъ у короля въ подозрѣніе изъ-за дружбы его съ Ракоціемъ, княземъ седмиградскимъ, особенно же потому, что оба они были одной кальвинской вѣры. Подозрѣнія эти усилила еще конфедерація литовскаго войска, которой грозили жолнеры, а король думалъ, что все это было дѣломъ гетмана. Поэтому онъ послалъ гетману письмо съ приказаніемъ, чтобы тотъ половину литовскаго войска прислалъ къ нему, королю („na assistencją boku swego“), а другую половину оставилъ бы подъ своей командой. Гетманъ понялъ чѣмъ пахнетъ это дѣло (zwąchał tą sprawą) и отложилъ его до моего прибытія въ Вильну, такъ какъ трибуналъ трехнедѣльный по казначейству долженъ былъ, по рѣшенію коронаціоннаго сейма, состояться въ Вильнѣ. Когда я прибылъ туда 10 мая, то хотя и имѣлъ злобу на гетмана за опустошеніе Пинска, однако, для общаго блага, далъ упросить себя гетману, который, показавъ мнѣ королевское письмо, просилъ меня о совѣтѣ, что ему въ этомъ случаѣ дѣлать? Я, пригласивъ въ праздничный понедѣльникъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ Вильнѣ, сенаторовъ на обѣдъ, намекнулъ имъ предъ ѣдою объ оскорбленіи (weksie) гетмана королемъ. Тогда гетманъ изложилъ королевскую волю и просилъ совѣта. Всѣ согласно пришли къ заключенію, что выводъ войска за границу Литвы (serpegacja) невозможенъ, будучи противнымъ праву convocationis, и такъ мы всѣ и написали о томъ королю“ (Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła. II, str. 311—372 ²⁾).

Авторъ „Комментарія“, довольно подробно излагающій старанія кн. Януша успокоить войско и хотя бы отчасти расплатиться съ нимъ, объ этомъ столкновеніи съ королемъ не говоритъ ни слова (Commentarius, pp. 46—48, 56, 58, 59).

Войска были кое-какъ удовлетворены частичной уплатой имъ жалованья, ручательствомъ Януша своимъ имуществомъ въ производствѣ въ будущемъ полнаго расчета и посылкою особаго королевскаго комиссара, которому было приказано дѣйствовать примирительно и не примѣнять строгостей изъ боязни войскъ и ихъ гетмана (Alb. Vimina, p. 96—97).

¹⁾ Alberto Vimina, p. 95: l'intercettazione d'una lettera del Chimelniki diretta al Transilvano, colla quale l'esortava a farsi mantenere le promesse dal Duca Iannus Radziuil.

²⁾ Дневникъ Альбр. Ст. Радзивила писанъ по-латыни, но изданъ лишь въ польскомъ переводѣ кн. Геронима Флоріана Радзивила (1715—1760); поэтому отдѣльныя польскія выраженія могутъ и не вполне соответствовать латинскому подлиннику.

Вторженіе въ Литву изъ-за Принети казаковъ Ильи Голоты начало новую кампанію ¹⁾; въ истребленіи этого отряда 17 (7) іюня 1649 г. Гонсѣвскимъ, кн. Янушъ не участвовалъ: онъ собиралъ войска для предстоящаго похода на Украину, который рѣшенъ былъ въ Варшавѣ ²⁾, но который, повидимому, не находилъ въ Литвѣ особаго сочувствія къ исполненію. Этотъ планъ согласованныхъ дѣйствій литовскаго и короннаго войскъ, конечною цѣлью котораго было вторженіе вглубь Украины подъ Кіевъ, столь страшное для Хмѣльницкаго ³⁾ и осуществившееся позднѣе въ 1651 году, кн. Янушъ исполнять не торопился, хотя и прибылъ уже 20 (10) іюня въ лагерь къ Рѣчицѣ. Напрасно король побуждалъ его и письмами и чрезъ посланцевъ идти въ Украину: гетманъ медлилъ, ссылаясь на невозможность увести войско въ виду опасности крестьянскаго возстанія въ Литвѣ и неготовности шляхты своими средствами обезпечить спокойствіе въ странѣ и защитить ея границы ⁴⁾.

Авторъ „Комментарія“, излагая начало лѣтней кампаніи 1649 года, ни словомъ не упоминаетъ ни о проектѣ согласованныхъ дѣйствій обоихъ войскъ, ни о требованіяхъ короля, зато подробно излагаетъ причины, непозволявшія литовскому войску предпринять движеніе вглубь Украины: малочисленность войска, необходимость обороны литовскихъ границъ, близость казаковъ въ Гомелѣ и за Принетью и постоянныя ихъ сношенія съ ненадежнымъ крестьянствомъ, особенно же инертность шляхты, которую никакія увѣщанія и универсалы гетмана не могли заставить собраться въ достаточномъ для собственной ея безопасности количествѣ (Commentarius, p. 59). Ближайшей задачею для Литовскаго войска представлялось обезпеченіе за нимъ свободной переправы черезъ Днѣпръ и отнятіе у казаковъ ближайшихъ городовъ Гомеля, Любеча и Чернобыля, которое дало бы обладаніе богатою провіантомъ об-

¹⁾ См. о немъ Commentarius, p. 57; Koiałowicz, p. 34—35; Theatrum Europaeum. VI. S. 813.; Акты Ю. и З. Россіи III, дополн. стр. 69—71; Памятники Кіевской комиссіи. I—II, изд. 2-е 1898, стр. 358; Н. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. 4-е изд. 1884. Т. II, стр. 185.

²⁾ Въ засѣданіи сената 4 іюня в. ст. 1649 обсуждался вопросъ, jeżeli wojsko Litewskie z Koronnym złączyc, и сообщалось якобы литовское войско вышло уже изъ подъ Рѣчицы на соединеніе съ короннымъ. (Памятники. I Кіевъ. 1845. Отд. III, стр. 424, 2-е изд. 1898, стр. 349—350); въ дѣйствительности войско вышло оттуда лишь 18 (8) іюля.

³⁾ Chmielnicius non ex vano verebatur, ne Lituanae copiae ulterius progressae, Czernihoviensique palatinatu vendicato, Kiioviam invaderent indeque postrema suorum, quos in Polonos ducebat, agmina adepti, novo bello implicarent (Koiałowicz, p. 36).

⁴⁾ См. письмо Яна Казимира отъ 19 іюля 1649. кн. Янушу у Колубая (стр. 357—358)... *žadamy przytém Ur. W. abys pilno chciał agere koło tego, żeby wojsko Nasze załogi przebywszy, w gniazdo Kozackie na Kijów uderzyć mogło.*

Theatrum Europaeum VI. S. 813: Es hetten auch Ihre Majestät der König den Fürsten mehrmahls erinnert, dass er sich entweder nach Kyow (woselbsten das rechte Hertz, Häuser, Gewerbe, Vorrath und aller Raub were) machen sollte; oder aber durch einen andern Weg dem Feinde von hinten zukommen und die Belägerten unter Zbarasz zu erledigen und sich mit dem König zu conjungiren.

Alberto Vimina. o. c., p. 136: (il Re) fece correr anche lettere al Duca Iannus Radziuil in Lituania, accioche fosse à congiungersi seco colle sue genti. Mà questo non ci mosse sotto pretesto di non poter sicuramente mettersi in via per la necessita, c'hauea d'assistere da vicino ab impedire la solleuazione de Villani di quei contorni, ch'ogni giorno tumultuauano, protrahendo il tempo, senza che da quella parte facesse mai capitare alcun rinforzo all'Essercito Regio.

Tentasset tamen fortasse id consilii Lituonarum copiarum Dux, Radivilus princeps, praesertim cum legatione Polonorum urgeretur: si aut tantae ipsi copiae fuissent ad manum, quarum partitio periculo caruisset, aut nobilitas quae per Palatinatus et districtus arma sumpserat finibus tuendis operam navatura, signa hosti admovisset (Koiałowicz. p. 36).

ластью и plurimae rei bene gerendae opportunitates (ibid., p. 60). Кояловичъ (о. с., p. 36) также объясняетъ невозможность движенія Литовскаго войска въ Черниговщину или Кіевщину въ этомъ году опасностью поголовнаго возстанія крестьянъ и горожанъ въ тылу арміи, въ труднопроходимыхъ изъ-за болотъ и лѣсовъ мѣстахъ.

Зависѣло ли уклоненіе литовскаго войска отъ движенія къ Кіеву въ этомъ году дѣйствительно отъ невозможности такого похода, или же стояло въ связи съ какими-либо иными соображеніями, въ родѣ выгоды держаться, по возможности, нейтралитета, доступный намъ матеріалъ рѣшать съ увѣренностью не позволяетъ. Прямые указанія на продолжавшіяся сношенія между гетманами находятся въ вѣстяхъ, шедшихъ въ Москву изъ-за Литовскаго рубежа: около Пасхи (т.-е. около 25 марта ст. ст.) пришли въ Чигиринъ посланцы кн. Януша (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 307); пришедшіе 29 мая въ Сѣвскъ могилевцы рассказывали, что „Литовской де гетманъ Радивиль писалъ къ гетману Хмельницкому, что онъ литовскими повѣты съ ними съ Бѣлорусцы битца не хочетъ, такъ же какъ отецъ его Радивиловъ противъ ихъ Бѣлорусцовъ не бивался; а стоитъ де онъ Радивиль въ собраніи для того, чтобы де запороскіе козаки литовскихъ городовъ и уѣздовъ не извоевали“ (ibid. III, доп. стр. 62). Во всякомъ случаѣ и „Комментарій“ (p. 53—54, 56) и Кояловичъ (p. 37) отмѣчаютъ оборонительное лишь противъ литовскаго войска положеніе казаковъ, подъ начальствомъ Степана Подобайла укрѣпившихся противъ Лоева при слияніи Днѣпра и Сожа: Хмельницкій задачей ему поставилъ лишь не допускать литовцевъ на лѣвый берегъ Днѣпра.

Однако литовское войско ограничиться такимъ же оборонительнымъ образомъ дѣйствій и, вопреки прямому королевскому приказу, не двинуться впередъ, конечно, какъ то разъяснили уже ранѣе (см. выше стр. 240) литовскіе сенаторы посламъ Хмельницкаго, не могло. Анонимный сотрудникъ Theatri Europaei (VI. S. 813) сообщаетъ о военномъ совѣтѣ, устроенномъ кн. Янушемъ въ Рѣчицѣ. Обсуждался вопросъ: завоевывать ли отложившіеся города или напасть на полковника Подобайла, который съ 10.000, по большей части пѣхоты, стоялъ у Лоева, охраняя дорогу на Кіевъ. Рѣшено было не терять времени и людей на осаду городовъ, которые и сами сдадутся послѣ побѣды надъ казаками. Овладѣніе же лагеремъ Подобайла, устроеннымъ при слияніи Днѣпра и Сожа, какъ открывало дорогу на Кіевъ, такъ и обезпечивало войска подвозомъ провіанта. Къ тому же и король неоднократно побуждалъ кн. Януша или идти на Кіевъ, или зайти въ тылъ казакамъ, обложившимъ Збаражъ. Этотъ совѣтъ рѣшилъ движеніе къ Лоеву.

Изъ Рѣчицы, гдѣ былъ оставленъ достаточный гарнизонъ, войско двинулось 18 (8) іюля; кавалерія съ самимъ гетманомъ и частью артиллеріи шла берегомъ, пѣхота же подъ начальствомъ Викентія Корвинъ-Гонсевскаго спускалась на судахъ, заранѣе для этой экспедиціи приготовленныхъ и приспособленныхъ такимъ образомъ, что сидѣвшіе въ нихъ нѣмцы-пѣхотинцы защищены были отъ пуль, а на носахъ поставлены были небольшія полевые пушки ⁵⁾.

⁵⁾ Theatrum Europaeum. VI. S. 813; Commentarius, pp. 51, 63.

Къ обстоятельной реляціи объ этомъ походѣ, напечатанной въ *Theatrum Europaeum* (VI, S. 813—818), приложена особая гравюра, съ латинскимъ и нѣмецкимъ заглавіемъ и нѣмецкимъ объяснительнымъ текстомъ на ней, которая изображаетъ планъ побѣдоносныхъ для кн. Януша столкновений съ казаками въ окрестностяхъ Лоева; на этой гравюрѣ имени составителя плана не имѣется, но близкое сходство ея съ другою, о которой рѣчь будетъ ниже (см. стр. 252), позволяетъ авторомъ ея считать нѣкоего капитана артиллеріи Христофора Эйгирда. Латинское заглавіе гравюры (размѣръ 0,373 × 0,279 м.) таково: *Delineatio Memorabilis Conflictus et Victoriae Lithuanorum Duce Radivilio de Cricevio et Triginta Sex Millibus Cosacorum obtentae Anno 1649 ultima Iuly ad Loiovae Cineres.*

Пенелище Лоева, лежащаго на правой, т.-е. литовской, сторонѣ Днѣпра и сожженного сперва Литовцами (см. *Theatr. Europ.* VI. S. 813; Акты Ю. и З. Россіи, III стр. 322, дополн. стр. 121, VIII стр. 297 сл., 302), а потомъ, окончательно Подобайломъ, изображено на картѣ этой въ видѣ двойной ограды: во внутренней стоитъ литовская, стрѣляющая черезъ рѣку, батарея, а во вѣннемъ, огибающемъ кремль, городъ обозначены развалины погорѣвшаго города, среди которыхъ различается продолговатая церковь (или костель?) съ круглою при ней колокольней, находящаяся въ юго-восточной части города недалеко отъ берега.

Прочія части карты изображеніями и поясненіями къ нимъ (отъ А до S включительно) даютъ наглядное представленіе о ходѣ этой ожесточенной битвы литовскаго войска противъ двухъ казачьихъ отрядовъ Подобайла и Кричевскаго и отлично поясняютъ современныя ея описанія¹⁾, излагать которыя для нашей цѣли, конечно, излишне. Мы ограничимся лишь тѣмъ, что касается самого кн. Януша.

Когда проектировалось тайно переправить охотниковъ на другую сторону Днѣпра, то для перевоза лодокъ на колесахъ къ мѣсту переправы кн. Янушъ далъ собственныхъ лошадей (*Theat. Europ.* VI. 814). При первомъ нападеніи казаковъ Кричевскаго на литовцевъ изъ за-рѣчки Лоевки кн. гетманъ обозрѣвалъ разбивку плана валовъ, которыми предполагалъ окружить свой, огражденный пока лишь четвернымъ рядомъ повозокъ и валомъ, лагерь; личнаго участія, кромѣ распоряженій, въ битвѣ этой Янушъ не принималъ; однако на планѣ Эйгирда во второй, правда, линіи литовскихъ отрядовъ, отражающихъ атаку Кричевскаго, подъ литерой Е изображенъ, скачущій предъ хоругвями полководецъ: *Fürst Radzivil begegnet im Mannlich wiewol mit etwas verwirrter Schlachtordnung.* Послѣ отраженія атаки кн. Янушъ ѣздилъ съ нѣсколь-

¹⁾ См. описаніе битвы самимъ кн. Янушемъ въ письмѣ къ королю отъ 3 августа 1649 г. у Котлубая, о. с., стр. 367—371; анонимная реляція тамъ же, стр. 416—419; *Theatrum Europaeum*, VI. S. 813—818; *Commentarius*, p. 61—82; *Kośalowiez*, p. 37—50; Котлубай (о. с. стр. 139—148), описывая битву подъ Лоевымъ, пользовался, безъадавымъ кажется, рукописнымъ „Діаріумемъ“, принадлежавшимъ Николаю Малиновскому въ Вильнѣ. По письму изъ литовскаго же лагеря битва эта кратко описана въ книжкѣ: *Gründliche und Denckwürdige Relation der newlichen Cosaken-Unruh wider die Cron-Polen* (и т. д., и т. д.) kürzlich verfasst durch einen Namhafiten Officier, jedoch dabey des Friedens Liebhaber. Anno 1649; 4°, непагинирована, о битвѣ подъ Лоевымъ л. В. стр. 7—8. *Kochowski. Anna-Hum Poloniae... Climaeteres* 1683, pp. 159—163; *Pamiętniki do panowania Zygm. III, Wład. IV i J. Kaz...* wydał Wóycicki. Warszawa. 1846. II, str. 105—108; *Pastorius. Bellum Scythico-Cosacicum. Danisci.* 1652 pp. 85—95; Акты Ю. и З. Россіи, III, стр. 337, 398. Ср. *Kotlubaj*, о. с., стр. 140—143; *Богданъ Хмельницкій*, 4-е изд. 1884. II, стр. 186—190.

кими хоругвями къ Днѣпру, гдѣ часть казаковъ Подобайла, переправившись черезъ рѣку, пыталась было окопаться, но была пѣшими и конными литовскими отрядами загнана назадъ въ рѣку и перестрѣляна: Эйгирдъ изобразилъ кн. Януша и здѣсь подъ литерой O: Der Fürst Radzivil. Здѣсь Янушь видѣлъ, по его словамъ въ письмѣ къ королю, какъ неприятель „w pław isé musiał i nam wesole wystawił spectaculum, kiedy 3000 najmniej z samopalami i inszem orężem pławilo się; jeden drugiego topił a piechota gęsto ognia dawała, tak iż ledwo 300 na swoj brzeg wypłynęło“ (Kotłubaj., str. 369); описывая это же истребление казаковъ, Theatrum Europaeum (VI S. 817) называетъ его на сей разъ ein erbärmlich Spectacul.... indem sich solcher gestalt bey vierdt-halb tausend Mann ersäufft. Прочее время битвы кн. Янушь оставался въ полѣ, отдавая распоряженія; послѣднимъ былъ приказъ прекратить вечеромъ неудачный штурмъ засѣкъ, устроенныхъ Кричевскимъ въ лѣсу, а когда войска вернулись въ лагерь и собрались предъ шатромъ вождя, то самъ гетманъ началъ пѣние Te Deum laudamus, причемъ всѣ: и католики, и евангелисты со своими духовными одинаково и рядомъ преклонили колѣна (Theatrum Europaeum VI. S. 818; Koiałowicz. p. 49).

« Авторъ „Комментарія“ (р. 79) успѣхъ битвы объясняетъ милостью Божіей и даже въ набранномъ особымъ (какъ впрочемъ и многія другія мѣста книжки) шрифтомъ пассажѣ считаетъ нужнымъ рассказать (р. 81—82), quod ad Divinae res humanas regentis providentiae vim manifestis vestigiis adorandam pertinet, а именно тотъ фактъ, что посылая за три дня до битвы въ разѣздъ Комаровскаго, внезапный ударъ котораго въ тылъ казакамъ рѣшилъ битву подъ Лоевымъ, кн. Янушь на тотъ день, въ который случилась битва, общимъ со всѣмъ войскомъ паролемъ назначилъ ему слова: Deo sit gloria!

Ночью казаки бѣжали и на утро 10 (1) августа литовское войско овладѣло не только брошеннымъ лагеремъ и пушками, но и оставленнымъ почему-то казаками на носилкахъ раненымъ въ голову и подъ правый глазъ Кричевскимъ; его положили на телѣгу и привезли къ Янушу, который приказалъ его вылѣчить, надѣясь выпытать отъ него всѣ тайные планы Хмѣльницкаго, а самого привезти на ближайшій сеймъ въ Варшаву, какъ лучший подарокъ королю. Плѣнному Кричевскому, его ранѣ, его отчаянію и предсмертнымъ словамъ современные источники и особенно реляція самого кн. Януша удѣляютъ немало вниманія 1); но Кричевскій, прожилъ лишь три дня.

1) Кн. Янушь 3 августа—королю (Kotłubaj., str. 370): nie daleko niego (taboru) Pólkownik Krzyczewski na poszach leżący, którego znać unieść postrzelonego nie można;... Krzyczewski szlachcic, który w wojsku naszym Pólkownikiem Czehryńskim bywał, wzięty, nie tak dalece z postrzału (acz i ten pod oko szkodliwie zadany nie dał mu żyć długo) jako z desperacji, wpadł w gorączkę, w której dziś skonał; to tylko żalobna, że takiej na jaką zarobił nie wziął zapłaty a od żywego dostateczna byłaby o zamysłach i imprezach Chmielnickiego rellacja... Анонимная реляція (Kotłubaj., str. 418—419):.. Był bardzo wdzięczny Xięciu J. M. gość taki, i zaraz go opatrować kazano... Że na takim więźniu siła zależało, kazał go Xiąże J. M. pilno opatrywać, ale dotychczas trudno się u niego czego dopytać. Żыма tylko, а kiedy mu szlachectwo jego, stan i pierwsze jego zasługi, znajomi przypominają nie mile słucha i tylko piecami ściska, а najwięcej śpi, żeby wyleżeć się miał żadnej nie okazując nadziei... Jako z razu przywiedzionemu nie brało się na zdrowie, temu zdzajcy Krzyczewskiemu, dla szkodliwego w oko i głowę postrzału, najbardziej dla zawziętej desperacji z przegranej, z której właśnie w manią wpadł, tak ani pilne staranie które Xiąże J. M. około uleczenia jego mieć kazał, aby z niego potrzebnych o zamysłach Chmielnickiego, zasiągnął wiadomości: przecie nie pomogło, bo właśnie przy wychodzeniu tej poczty skonał, z bardzo piękną dyspozycją,

Съ мертвого уже Кричевскаго, очевидно не безъ вѣдома кн. Януша, а скорѣе прямо по его желанію, нарисованъ былъ какимъ-то, находившимся, очевидно, при войскѣ, художникомъ портретъ, который и воспроизведенъ гравюрою (размѣръ 0,12—0,1185×0,1745 m.) на стр. 815 въ VI томѣ *Theatri Europaei*. Этотъ портретъ (см. уменьшенную почти вдвое фототипію съ него на табл. XIV, рис. 3) противорѣчитъ реляціи, помѣщенной въ текстѣ тѣмъ, что смертельная рана Кричевскаго оказывается тутъ подѣ лѣвымъ, а не подѣ правымъ, какъ значится въ текстѣ, глазомъ ¹⁾. Въ остальномъ исполненъ портретъ весьма недурно и авторомъ его надо предполагать какого-либо умѣлаго художника: едва ли могъ быть имъ тотъ артиллерійскій капитанъ Христофоръ Эйгирдъ, которому, какъ говорили мы выше, принадлежить, по всей вѣроятности, планъ битвы подѣ Лоевымъ; скорѣе можно было бы думать о томъ Авраамѣ Вестерфельдѣ, имя котораго намъ пришлось уже упомянуть выше (стр. 222) и которымъ, какъ увидимъ ниже, исполненъ былъ цѣлый рядъ рисунковъ изъ исторіи войнъ кн. Януша съ казаками.

Ему же безъ всякихъ колебаній слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, приписать рисунокъ, изображавшій какъ послѣ битвы подѣ Лоевымъ привезли въ лагерь къ кн. Янушу раненаго Кричевскаго: сходство какъ фигуры самого Януша и ближайшихъ къ нему лицъ, такъ и двухъ собакъ гетмана, а равно и отдѣльныхъ фигуръ жолнеровъ съ соответственными фигурами на различныхъ изъ издаваемыхъ нами рисункахъ столь разительно, что принадлежность ихъ одному и тому же рисовальщику кажется, намъ по крайней мѣрѣ, очевидной и несомнѣнной, а что авторомъ всѣхъ ихъ былъ Авраамъ Вестерфельдъ, о томъ рѣчь будетъ ниже. Къ сожалѣнію, на сей

bo kiedy go pytano jeżeli chce Popa, odpowiedział: „Trzeba tu 40 Popów!“ Więc Xiędza? Wolę, prawie, wiadro wody zimnej. A wszystko wzdychając i za łeb się rwąc ingeminabat te słowa: „Albo to Iadaco 30,000 stracić“.

Theatrum Europaeum. VI. S. 818... Krzyczewsky, der Cossacken General oder Obrister, selbst gewesen, auff einer Trage geschossen liegend, welchen sie weg zu bringen entweder nicht Hertz oder Zeit gehabt haben. Dieser Krzyczewsky war dem Fürsten ein überaus angenehmer Gast, dahero befahl er, an denselben allen Fleiss zu legen, damit er bey dem Leben möchte erhalten werden, dann er stunde in Hoffnung, er würde an demselben auff nechstem Reichstag Ihrer Königlichen Majestät kein höhers Praesent bringen können. Der Schuss, welchen dieser Krzyczewsky unter dem rechten Aug bekommen, war nicht zu heilen; dahero er auch dritten Tags hernach, ohne einige Poenitentz und Vorbereitung Tods verfahren. Vor seinem Abschied, hat er öfters gesagt: So recht ist das Schertz, etlich dreyssig tausend Mann zu verliehren? Bissweilen hat er als rasend geschryen: Jhr Türcken und Tartarn, Schlaget zu, Schlaget zu, und schonet nichts.

Commentarius (p. 80) и *Koiałowicz* (p. 50) никакихъ фактическихъ дополненій къ рассказамъ не даютъ.

Едва ли, при молчаніи литовскихъ источниковъ, можно придавать фактическую цѣну рассказу, передаваемому Коховскимъ (*Annallum... Poloniae... Climacteres scriptore a Kochowo Kochowski. Vol. I. 1683. p. 162*): *ferunt sermones nostrorum percunctantium aut miserantium eousque aversatum, ut reclinis currui caput illideret quo concusso accelerata morte vita abiit*. То же повторяютъ *Pamiętniki do panowania Zygmunta III. (etc.)*, изданные К. Вл. Войццикимъ. (Warszawa. 1846) Том II, стр. 107.

Въ приводимыхъ выдержкахъ оставлено лишь то, что касается пребыванія Кричевскаго въ лагерь кн. Януша, находяшіяся же тамъ же свѣдѣнія объ исторіи Кричевскаго вообще, опущены, какъ темы нашей не касающіяся. См. о немъ Н. Костомарова. *Богданъ Хмельницкій*. 4-ое изд. 1884. I, стр. 233, 250—251, 273, 274; II, стр. 187—190.

¹⁾ Этотъ, очевидно, портретъ и имѣлся въ собраніи Иос. Крашевскаго (см. *Catalogue d'une collection iconographique Polonaise. Dresde. 1865. pag. 143*), равно какъ и оба плана Эйгирда (*ibid.* p. 92) и портретъ Василія Лунулы (*ibid.* p. 53).

разъ мы имѣемъ передъ собою (см. табл. XIV, рис. 4) не подлинный рисунокъ, хотя бы и въ копіи XVIII вѣка, а лишь воспроизведеніе рисунка въ гобеленѣ съ обычными въ подобныхъ случаяхъ уродливыми искаженіями воспроизводимого рисунка.

Гобеленъ этотъ принадлежитъ къ цѣлой серіи шпалеръ съ изображеніями изъ исторіи Радзивиловъ; мнѣ остались, къ сожалѣнію, неизвѣстными или недоступными точныя опредѣленія мѣста и времени изготовленія ихъ; одинаковые бордюры и гербы на двухъ изъ нихъ, изображеніями которыхъ я располагаю, доказываютъ и безъ того естественную одновременность всей серіи, а позднѣйшее изъ изображенныхъ на нихъ событій (1756 г.), позволяетъ заказчикомъ ихъ считать кн. Михаила Казимира II Радзивила, гетмана Вел. Княж. Литовскаго († 1762); изготовлены они могли быть и на собственной гобеленной фабрикѣ кн. Радзивиловъ.

Первое упоминаніе о гобеленахъ этихъ находится въ анонимномъ описаніи пребыванія короля Станислава Августа въ 1785 году въ Несвижѣ: одна изъ залъ замка „называется Гетманскою потому, что въ ней написаны въ натуральный ростъ все литовскіе гетманы отъ начала до теперешняго времени. Между которыми есть (и) большая картина (sztuka) гобеленной работы, дѣлающая честь мѣстной мануфактурѣ (и) изображающая кн. Михаила Радзивила, вел. гетмана литовскаго и воеводу виленскаго, на конѣ въ натуральную величину, командующаго парадомъ литовскаго войска передъ Августомъ III подъ Заблудовымъ. Видѣли мы (и еще) гобелены той же самой фабрики на нѣсколько комнатъ, изображающіе исторію князей Радзивиловъ, съ широкими, вышитыми серебромъ краями“ (Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku... przez Edw. Raczyńskiego. Poznań. XVI. 1842, str. 38—39). Котлубай (Galerja, str. 508, przur. 22) отмѣтилъ, что этотъ гобеленъ еще существуетъ; между тѣмъ по новѣйшему свидѣтельству теперь въ Несвижѣ оказывается лишь „большое полотно неизвѣстнаго живописца, представляющее кн. Михаила Казимира, каштеляна Троцкаго, показывающаго королю Августу III 24 сентября 1774 г. свои многочисленныя и различныя хоругви ²⁾“. Если легко исправить опечатку 1774 въ 1734 (см. Kotlubaj. Galerja, str. 449), то остается недоумѣніе съ наименованіемъ Михаила каштеляномъ Троцкимъ, которымъ онъ сталъ лишь 15 октября (?) 1735 г. (Kotlubaj. Galerja, str. 450, Icones Radivilianae, tab. 157). Слѣдовательно, если подпись подъ картиною передана вѣрно, то гобеленъ, который она копируетъ, сдѣланъ былъ позднѣе 1785 года. О прочихъ упоминаемыхъ въ 1785 г. гобеленахъ Котлубай (Galerja, str. 508) сообщалъ, что „отъ этихъ гобеленовъ только одинъ остался еще въ достаточно хорошемъ состояніи, а именно изображающій дарованіе Цесаремъ княжескаго достоинства князю Николаю III Радзивилу; отъ прочихъ же уцѣлѣли лишь обрывки“.

Позднѣе уже въ 1883 году I. Лепковскій ³⁾ сообщилъ, что изъ радзивиловскихъ гобеленовъ „сохранился одинъ, находящійся во владѣніи Института Оссолинскихъ и представляющій битву подъ Мозыремъ. Есть ихъ и еще нѣсколько во владѣніи кн. Михаила [Радзивила въ Неборовѣ], а особенно тотъ, который изображаетъ сцену

²⁾ M. Bersohn. Dawna zbrojownia Książąt Radziwiłłow w Nieświeżu. Warszawa. 1904, str. 9.

³⁾ J. Lępkowski. O gobelinach z scenami Odsieczy Wiedeńskiej. (Biblioteka Warszawska. 1883. III, str. 153—157).

полученія Радзивилами княжескаго достоинства“ (о. с., стр. 154). Прочитавъ это указаніе и полагая, что указываемая битва подъ Мозыремъ можетъ быть взятіемъ города этого кн. Янушемъ въ концѣ 1648 или началѣ 1649 года, о чемъ рѣчь была выше (см. стр. 236), я обратился во Львовъ въ Институтъ Оссолинскихъ съ соответственной справкою и получилъ въ отвѣтъ отъ обязательной администраціи музея прекрасную фотографію этого гобелена, точнѣе сохранившейся правой лишь половины его. Къ сожалѣнію, сюжетъ относится не къ войнамъ кн. Януша, а къ посылкѣ небольшого отряда противъ взбунтовавшихся близъ Мозыря крестьянъ тѣмъ же кн. Михаиломъ Казиміромъ, которому за отсутствіемъ настоящихъ побѣдъ пришлось заказывать изображенія смотровъ и драгонадъ ¹⁾.

Такимъ образомъ три гобелена съ изображеніями изъ исторіи Радзивиловъ, несомнѣнно, исполнены были около 1760 года по заказу кн. Михаила Казиміра, извѣстнаго по упоминавшемуся выше (см. стр. 208) ларцу для нумизматическаго собранія, по изданію *Icones Radivilianae* ²⁾ и т. п. Едва-ли можно сомнѣваться, что и вся серія гобеленовъ этихъ обязана своимъ возникновеніемъ именно ему.

По словамъ Б. И. Пуляновскаго въ Несвижѣ, кромѣ упомянутой выше картины, изображающей смотръ подъ Заблудовымъ 1734 года, находились и другія сильно попорченныя картины изъ исторіи Радзивиловъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть ихъ была реставрирована; среди нихъ есть и изображеніе полученія княжескаго званія отъ императора; соответствующій же гобелень, какъ и гобелень Заблудовскаго смотра, теперь находятся у наследника кн. Михаила, кн. Януша Радзивила, въ Неборовѣ подъ Варшавою. Одна изъ картинъ, окаймленная, какъ и гобелены, рамкою и украшенная гербомъ и, слѣдовательно, находящаяся также въ тѣсной связи съ этими гобеленами, представляетъ, по словамъ Б. И. Пуляновскаго, князя Януша на конѣ; подпись же говоритъ о битвѣ подъ Лоевымъ, но о которой именно (1649 или 1651 года), я пока (25 сент. 1907) точныхъ свѣдѣній не получилъ; картина эта находится у кн. Стан. Ант. Радзивила въ имѣніи Манькевичи.

Присутствіе на этихъ картинахъ живописныхъ рамокъ и гербовъ, на мой взглядъ, ясно указываютъ или на то, что картины копируютъ гобелены, или же, что это картоны, по которымъ изготовлены были гобелены: словомъ, что онѣ едва ли старше половины XVIII-го вѣка. Но, конечно, для событій болѣе древняго времени

¹⁾ Объ этомъ событіи см. Kotłubaj. Galerja, str. 456. Въ нижней картушѣ гобелена (по музейному номеру 1139) находится слѣдующая реставрированная отчасти подпись: Michael V. Casimirus Dux Radziwiłł Palat: Viln: Belli Dux Supr: M.D.L. In Districtu Mozyrensi ad Sławeczna(m) per Delegatos suos Seditiosoru(m) Fastum domuit Patriam a periculo Liberavit. Anno D. 1756. На нижнемъ бордюрѣ рамки мелкая, не вполне ясная на фотографіи, надпись: Renovatum MDCCCLXXI (?), а на верхнемъ бордюрѣ вправо отъ короны герба видны двѣ свѣтлыя буквы МК. Сохранилась правая лишь половина гобелена: на переднемъ планѣ скачущій на конѣ начальникъ отряда (поручикъ Понятовскій), на второмъ планѣ два конныхъ воина, стоящіе en face, на заднемъ планѣ идущій влѣво конный отрядъ и далѣе деревня съ бѣгущими къ рѣкѣ и черезъ рѣку крестьянами; на рѣкѣ мельница; за рѣкой высокій курганъ (или гора) съ крестомъ на верху и холмы.

²⁾ Характерны стихи, помещенные на рамкѣ подписи на гравюрѣ Лейбовича (tab. 157):

Octo Aedes Sacrae, Sedecim Palatia, triplex
Arch, Nomen Magni dant RADIVILE tibi.

онѣ могли копировать и болѣе древнія картины или рисунки, какъ то нужно предполагать для разсматриваемаго здѣсь (см. табл. XIV, рис. 4) изображенія битвы при Лоевѣ или точнѣе привоза плѣннаго Кричевскаго къ князю Янушу. Къ сожалѣнію, я не могъ опредѣлить той книги или того изданія, въ которое входила или должна была входить литографія берлинскаго литографа Sala, рисованная нѣкимъ С. Маршевскимъ, которая воспроизводитъ разсматриваемый гобелень, а потому не имѣлъ свѣдѣній и о мѣстѣ находенія его. Я пользовался фотографіею съ того экземпляра, порваннаго и подклееннаго, который хранится въ Собраніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; снятіемъ же и присылкою ея я обязанъ любезности Э. фонъ-Штернъ¹⁾. По изготовленіи уже таблицъ я получилъ (въ сент. 1907) отъ Б. И. Пулъяковскаго фотографію съ самого гобелена, хранящагося въ Промышленно-Техническомъ музеѣ въ Краковѣ: гобелень сшитъ изъ двухъ одинаковыхъ по композиціи экземпляровъ; изъ невидныхъ на литографіи деталей существенны: деревянная церковь и развалины (костела?), обозначающія Лоевъ, слѣва и каменный, повидимому, крестъ на среднемъ курганѣ; всѣ лица, конечно, живѣе и характернѣе, чѣмъ на литографіи; яснѣе и детали знаменъ и т. п. Содержаніе и подпись гобелена въ толкованіяхъ не нуждаются. Замѣтимъ лишь, что лицо Кричевскаго имѣетъ явное сходство съ упомянутымъ выше портретомъ его; это, помимо указанныхъ выше пунктовъ сходства гобелена этого съ серіей нынѣ издаваемыхъ рисунковъ, свидѣтельствуетъ также о принадлежности оригинала, воспроизводимаго гобеленомъ, ко времени близкому къ 1649 году.

Противъ строгой соотвѣтственности этого рисунка съ дѣйствительностью можно указать лишь на то, что изображенный на немъ литовскій лагерь ничѣмъ, повидимому, не огражденъ, тогда какъ источники наши и планъ Эйгирда свидѣтельствуютъ объ огражденіи его четвернымъ рядомъ повозокъ и даже валомъ²⁾; не находятъ себѣ подтвержденія также и изображенная на заднемъ планѣ казни плѣнныхъ: мы видимъ тутъ одну занятую уже висѣлицу, палача рубящаго голову и рядъ обезглавленныхъ уже труповъ; между ними и висѣлицей семь, повидимому, кургановъ. Молчаніе о казняхъ „Комментарія“ было бы, согласно указанному выше свойству его умалчивать о жестокихъ расправахъ, еще понятно; но о нихъ молчить и *Theatrum Europaeum* и прочіе источники. Само собою разумѣется, впрочемъ, что казни полудюжины „измѣнниковъ“ была для современниковъ слишкомъ малозначительна по сравненіи со столь рѣшительной и блестящей побѣдою и о ней могли и забыть описатели сраженія. Казнить же было кого: кромѣ Кричевскаго въ плѣнъ попались еще до ста пятидесяти вождей и видныхъ казаковъ (*Commentarius*, p. 80). Убитыхъ было погребено въ девятнадцати могилахъ до семи тысячъ человѣкъ, не считая

¹⁾ „Каталогъ картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ музеѣ Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ (Одесса 1888, in 8°), составленный А. Л. Бертъе [Делатардомъ] приводитъ подпись подъ нею, невидимую на нашемъ воспроизведеніи, такъ (стр. 45; Отд. IV № 143): *Camp du prince Janus Radziwill sous Lelow en 1649. Copie d'un gobelin contemporain par S. Marszewski. Berlin. F. Sala.*

²⁾ *Commentarius*, p. 64: *castra sua nimium spatiosa contrahi, eaque quadruplici connexorum inter se curruum serie cingi atque insuper vallo muniti imperat.* Cf. *Theatrum Europaeum*, VI, S. 316; Kotłubaj, str. 418. Валы, видимо, только проектировались.

тѣхъ труповъ, которые валялись въ лѣсу и подступиться къ которымъ мѣшало зловоніе (*ibid.* p. 79); Кричевскій погребень былъ отдѣльно подъ самымъ большимъ курганомъ ¹⁾. Этими братскими могилами и нужно, на нашъ взглядъ, объяснить тѣ слишкомъ правильныя возвышенія, которыя видны на рисункѣ гобелена на заднемъ планѣ. Конечно, ихъ не могло еще быть въ моментъ привоза Кричевскаго въ лагерь, но само собою разумѣется, что весь рисунокъ сочинялся хотя бы и очевидцемъ, но позднѣе, и потому такія хронологическія несообразности на немъ вовсе не свидѣтельствуютъ еще о сочиненіи его значительно позднѣе (т.-е. въ XVIII уже вѣкѣ): на изображеніи сдачи Бобруйска (см. выше стр. 239) мы видѣли подобныя же условныя комбинаціи разновременныхъ, строго говоря, моментовъ ради болѣе подробной и ясной передачи изображаемаго событія: если тамъ художникъ долженъ былъ зарисовать на мѣстѣ общій видъ города и, что менѣе вѣроятно, расположеніе войскъ, то для изображенія этого событія ему достаточно было на мѣстѣ нарисовать лишь портретъ Кричевскаго, что, какъ мы видѣли выше, и было сдѣлано. Окончательно же рисунокъ компоновался и вырисовывался, конечно, не въ походѣ, а дома, какъ одна часть цѣлаго ряда рисунковъ, изображавшихъ военные триумфы кн. Януша.

Эта побѣда подъ Лоевымъ прогремѣла, конечно, всюду и прославила имя литовскаго гетмана. Ея мѣсто обозначено даже на второмъ изданіи 1650 года общей карты Украины Боилана особою легендой: „A^o Dni 1649 die 31 Julij ad Loiwograd, sub hoc signum, princeps Janussius Radziwill, Lithuaniae generalis, triginta sex milia Cosacorum rebellium profligavit ducemque eorum Michaelem Krayczowski cepit“ ²⁾; эту прибавку сдѣлать, вѣроятно, уже не самъ Боиланъ, а граверъ и издатель карты, упоминавшійся уже нами неоднократно, Вильгельмъ Хондіусъ.

Однако, побѣда эта, какъ и многія иныя, оказалась слишкомъ изнурительной и для самихъ побѣдителей: у нихъ не было ни пороха, ни пуль; провіантъ изсякъ и люди питались древесной корой (*Commentarius*, p. 82, 83; *Koiałowicz*, p. 50, 51); зловоніе разлагающихся труповъ дѣлало пребываніе въ лагерь невозможнымъ: надо было уходить впередъ или назадъ.

Хотя въ коронномъ войскѣ побѣду подъ Лоевымъ и сочли на радостяхъ нача-

¹⁾ *Theatrum Europaeum*. VI. S. 818, число могилъ здѣсь опредѣляется шестнадцатью; въ реляціи кн. Януша отъ 31 июля 1649 число погребенныхъ до этого дня опредѣляется уже 2,700 въ четырехъ могилахъ (*Kotlubaj*, стр. 419). *Theatrum Europaeum* VI. S. 813 рассказываетъ, что послѣ побѣды надъ Голотой, его посадили на колы, а вокругъ надъ убитыми насыпали семь большихъ кургановъ.

²⁾ Вас. Г. Ляскоронскій. Данные объ атласѣ Боилана. (Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца Кн. X. Кіевъ 1898. I, стр. 37—39), ср. его же Иностранныя карты и атласы XVI и XVII вв., относящіяся къ Южной Россіи (тамъ-же XII. 1898, отд. II, стр. 97—137, см. стр. 134). Приписи этой вѣтъ однако во второмъ французскомъ изданіи карты при книгѣ *Description de l'Ukraine*, Rouen. 1660, (см. факсимиле ея въ изданіи Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ: *Матеріалы по исторіи Русской Картографіи*, вып. I. Кіевъ. 1899. карта XXXII). Наоборотъ, и эта припись и другая о побѣдѣ Яна Казимира 1651 г. при Берестечкѣ являются на переизданіи карты Янсономъ (фототипическое воспроизведеніе его приложено къ XII т. Чтенія въ Обществѣ Лѣтописца Нестора; ср. *ibid.* стр. 130, прим.: *Jansson Walsberg en donna à Amsterdam une nouvelle édition, qui ne diffère de l'original que parce qu'elle est orientée à l'ordinaire et accompagnée de deux légendes historiques=Biographie Universelle*, III, 1811, p. 651).

ломъ триумфальнаго шествія литовцевъ на Кіевъ 1), но на мѣстѣ пришлось рѣшить иначе: 7-го августа нов. ст. литовское войско отступило назадъ къ Рѣчицѣ. И „Комментарій“ (р. 82, 84) и Кояловичъ (р. 50) говорятъ о желаніи Януша продолжать наступленіе, а отступление, согласное рѣшенію военнаго совѣта, объясняютъ лишь необходимостью заготовиться провіантомъ и военными припасами и усилить войско.

Отступить къ Рѣчицѣ побуждалъ кн. Януша не одинъ недостатокъ боевыхъ и пицевыхъ припасовъ: въ тылу слухи о движеніи Кричевскаго подняли возстаніе и два города Чечерскъ и Кричевъ, оказались въ осадѣ у возставшихъ крестьянъ. На освобожденіе ихъ посланъ былъ Гонсевскій, который освободилъ Чечерскъ, а между тѣмъ разъѣзды принесли извѣстіе, что къ Припети движется на осаду Рѣчицы шестьдесятъ или семьдесятъ тысячъ казаковъ подъ начальствомъ Ильи Богаченко 2).

Въ предвидѣніи осады этой укрѣпленія Рѣчицы были увеличены земляными окопами и черезъ Днѣпръ наведенъ понтонный мостъ, что по свидѣтельству „Комментарія“ (р. 84) было въ тѣхъ мѣстахъ вещью дотолеъ неслыханной.

Потому ли, что этотъ укрѣпленный лагерь съ понтоннымъ мостомъ дѣйствительно представлялъ собою нѣчто, съ инженерной точки зрѣнія, замѣчательное, или почему другому, но планъ Рѣчицы изданъ былъ въ гравюрѣ, приложенной (подъ № 40) къ стр. 816-й VI-го тома изданія *Theatrum Europaeum*, но только во второмъ его изданіи 1663 года, а не въ первомъ 1652-го, между тѣмъ какъ планъ битвы подъ Лоевымъ находится въ обоихъ изданіяхъ. Оба плана, по всей видимости, принадлежатъ одному и тому же чертежнику; на планѣ Рѣчицкаго укрѣпленнаго лагеря имя его обозначено: Christoph: ab Eygerd Capit: Artilleriae delineav: Едва ли можно сомнѣваться, что это былъ членъ литовской шляхетской фамиліи Эйгирдовъ, герба Абданкъ, хотя имени Христофора въ числѣ немногихъ Эйгирдовъ, упоминаемыхъ Нѣсецкимъ 3) и не находится. На планѣ съ длинною латинскою и нѣмецкою подписью 4), какъ и подписи подъ планомъ Лоевской битвы, при дополнительныхъ чертежахъ городской ограды и земляного вала подписи сдѣланы по польски: *Parcan Miejskj* 5) и *Profil walu* (вм. *walu*), что въ связи съ фамиліей автора дѣлаетъ несомнѣннымъ мѣстное происхожденіе этого плана; тоже доказываютъ и 50 цифръ представленныхъ на планѣ и имѣвшихъ, очевидно, толкованіе въ оригинальномъ, польскомъ, объяснительномъ текстѣ, но не имѣющихъ ихъ въ нѣмецкомъ текстѣ *Theatri Europaei*. Многое ясно, конечно, и безъ объясненій, само по себѣ, напр. церкви, висѣлица (безъ №№), а о другомъ можно догадываться: такъ нарисованныя въ двухъ мѣстахъ какія-то палки съ кружками на верхнихъ ихъ концахъ (№ 50), одинъ разъ

1) Епископъ Познанскій, Андрей Шолдрекій, около 9 августа 1649 г. писалъ: „Dziś też pewna wiadomość przyszła, że Xże Radziwił z wojskiem Litewskiem wszedł za Dniepr i ma się ku Kijowu, i już tam bajdakami piechotę zpuszczał“ (*Michałowskiego Księga Pamiętnicza*, str. 430).

2) *Commentarius* p. 83–85; *Koiałowicz*, p. 81; *Theatrum Europaeum*. VI. S. 819.

3) *Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego* wydany przez J. N. Bobrowicza. IV. 1839, str. 10.

4) Приводимъ латинскую версію ея, помещенную выше нѣмецкой: *Castra defensiva Ducis Radwily Resiciae, obiecta adventui Eliae Bohaczenlio cum septuaginta millibus Cosacorum, iacturam Exercitus cum Cricevio Vindicantium*. Размѣры гравюры 0,344×0,23 м.

5) Ср. описаніе Кояловичемъ ограды Мозыря (о. с., p. 28): *quae e trabibus acuminatis terrae infossis atque inter se junctis ac congesta a tergo in valli modum humo, more gentis confici solet*.

стоящія кругомъ, другой разъ у какого-то кургана, я считаю насаженными на жерди головами казненныхъ, хотя въ источникахъ опредѣленныхъ указаній на расправу кн. Януша съ плѣнными казаками и бунтовщиками въ Рѣчицѣ и не нахожу.

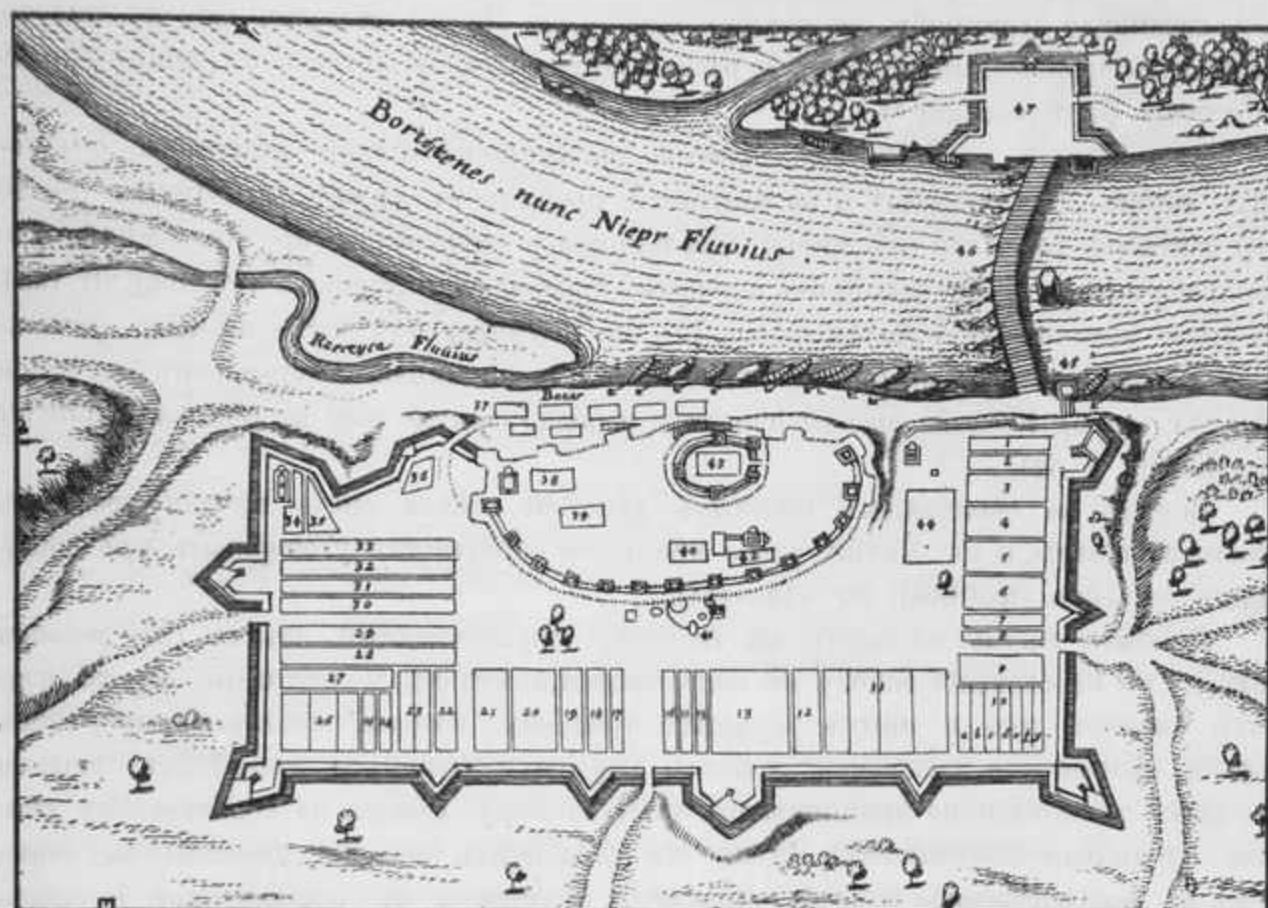

Рис. 1. Укрѣпленный лагерь подъ Рѣчицей по чертежу Эйгирда.

Этотъ планъ Рѣчицы (см. часть его на рис. 1) имѣеть для насъ то значеніе, что даетъ матеріалъ для сличенія съ сохранившимся въ копіи XVIII в. рисункомъ Рѣчицы (см. табл. XIII, рис. 5), несомѣнно принадлежащимъ тому же художнику, который исполнялъ и Кіевскіе рисунки: см. напр. компасъ въ правомъ нижнемъ углу рисунка подобный тому, какой видимъ и на рисункѣ Кіево-Печерской лавры (см. табл. XII, рис. 2). Подпись: *jak X[iażęca] M[iłość] ostatni raz stał pod Rzeczyce*, сама по себѣ не можетъ, какъ увидимъ ниже, считаться доказательствомъ того, что это дѣйствительно Рѣчица, и она на мой взглядъ недостаточно подтверждается сравненіемъ изображеннаго города съ планомъ Христофора Эйгирда. На рисункѣ мостъ остается невиднымъ, а земляные окопы не согласуются съ планомъ Эйгирда и не окружаютъ деревянныхъ стѣнъ города сплошь, будучи лишь примкнуты къ нимъ нѣсколькими бастіонами. Возможно поэтому, что рисунокъ изображаетъ вовсе не Рѣчицу, а какой-либо иной укрѣпленный городъ въ Литвѣ, Польшѣ или Украинѣ.

Работы по сооружению моста начались 9 сентября, когда кн. Янушъ самъ съ майоромъ Ясперсомъ размѣрялъ *tête-du-pont* (см. рис. 1, № 47), но въ тотъ же самый день разъѣзды привели къ кн. Янушу посланца отъ Хмѣльницкаго Мужиловскаго ¹⁾ съ королевскимъ универсаломъ отъ 10/20 августа 1649 г. и копией Зборовскаго договора. Король предписывалъ литовскому гетману очистить коронную (т.-е. казацкую) территорию, на которую однако кн. Янушу вступитъ еще не удалось, прекратить враждебныя дѣйствія и расположить войско по литовской границѣ впредь до особаго распоряженія ²⁾.

Мужиловскій, который велъ, конечно, съ Янушемъ и такіе разговоры, о которыхъ авторъ „Комментарія“ и не заикается, пробылъ въ лагерь кн. Януша до 20 (10) сентября, разсылая отъ имени Хмѣльницкаго универсалы, предписывавшіе возставшему народу прекратить бунтъ и добромъ покориться литовцамъ (Kotlubaj, str. 153); къ этому времени всего болѣе подходилъ бы и универсалъ Хмѣльницкаго полковнику Небабѣ, который, не приводя его полностью, упоминалъ Костомаровъ (см. выше стр. 214, пр. 3). Казацкіе отряды очистили города, занятые ими въ предѣлахъ Литвы (Koiałowicz, p. 52).

Велѣдъ за окончаніемъ военныхъ дѣйствій войска опять начали требовать своего жалованія, и кн. Янушу снова пришлось обѣщаніями уговаривать ихъ подождать до сейма (Kotlubaj, str. 153—154).

Прибытіе Януша на сеймъ въ Варшаву, торжественный визитъ (21 декабря 1649 г.) въ королевскій замокъ въ сопровожденіи плѣнныхъ казаковъ, сорока взятыхъ знаменъ ихъ и иныхъ военныхъ трофеевъ, которые сложилъ онъ у ногъ короля, краткій „по жолнерски“ докладъ королю о военныхъ дѣйствіяхъ, успѣхъ которыхъ дипломатично приписывался лишь милости Божіей да королевскому счастью, публичная благодарность Янушу отъ лица всѣхъ сословій, дарованіе ему королемъ въ наслѣдственное владѣніе Невеля и Себежа и въ пожизненное Борисовскаго староства—все это не прошло для него безъ навѣтовъ со стороны враговъ, что побѣдами своими послѣ королевскихъ неудачъ величается онъ чрезмѣрно, что триумфомъ своимъ хочетъ вопреки законамъ вырвать булаву великаго гетмана литовскаго изъ рукъ больного Кишки ³⁾. Были и другого рода нападки на кн. Януша, которая московскій гонецъ, дьякъ Григорій Кунаковъ, излагаетъ такъ: „а король и паны рада ему не довѣриваютъ съ тое причины: послѣ нынѣшняго договору и пактъ были у него послы Богдана Хмельницкаго въ маестности его и банкетовали три дни, и дарилъ ихъ многими подарками и отпустилъ съ честью, а о чомъ къ

¹⁾ Имя этого посланца Хмѣльницкаго пишутъ и Мойшиловскій (Koiałowicz, p. 52; Mojszyłowski; Kotlubaj, o. c., str. 153; Mojszyłowski), но вѣрнѣе въ „Комментаріи“, p. 86: Muzilovius non ignobilis Cosacorum tribunus. Есть и прямые указанія, что это былъ тотъ же полковникъ, который ѣздилъ ранѣе въ Москву (Акты Ю. и З. Россіи, III, стр. 342).

²⁾ Универсалъ этотъ изданъ въ Сборникѣ Государственныхъ грамотъ и договоровъ, Часть III, Москва, 1822, стр. 450—451, № 137; онъ внесенъ въ *Lapisieci albo Kroniczka J. Jerlicza*, I, 1853, str. 108—109; напечатанъ и въ Актахъ Южн. и Западн. Россіи, III, дополн. стр. 105—106.

³⁾ Kochowski, p. 167: *Etiam Radivillus, Exercitus Lithuanici Praefectus, ne non ex fama tantum quae gesserat, noscerentur, prope triumphum modum in aream Arcis Varsaviae ingressus, exhibebat XL rapta ex hoste signa, aliaque cum captivis spolia. Eas manubrias, ubi succincta in militarem stylum*

нему приходили, и онъ о томъ къ королю не писалъ; да онъ же де Янушъ Радивиль съ волоскимъ владѣтелемъ есылается безпрестани, а о какихъ дѣлѣхъ, того не вѣдомо: и опасенье де король держитъ отъ него большое, чтобъ Волоскихъ людей къ себѣ не привелъ и рокошу не учинилъ, а давно де онъ Янушъ рокошемъ похваляется“ (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 402).

Сеймъ назначилъ для расплаты съ литовскимъ войскомъ особую комиссію, которая должна была собраться въ Вильнѣ въ домѣ кн. Януша 16-го мая слѣдующаго, 1650 года. Предсѣдательствованіе въ ней онъ уступилъ, однако, Христофору Ходкевичу, воеводѣ виленскому; долгіе труды комиссіи полнымъ успѣхомъ все же не увѣнчались: денегъ въ казнѣ не хватало; войска снова отказывались повиноваться, грозя конфедераціей, но Янушу снова удалось уговорить ихъ подождать недоставшей части жалованья до слѣдующаго сейма (Kotlubaj, str. 155—157): наемники привыкли къ подобнаго рода недоплатамъ и въ иныхъ государствахъ, гдѣ служили они ранѣе.

Хотя прочности Зборовскаго мира никто не вѣрилъ, а столкновенія казаковъ съ поляками продолжались, хотя казацкіе загоны безпокоили отчасти и литовскія границы, а черниговскій полковникъ Небаба появился съ войскомъ у Рѣчицы и Лоева, но кн. Янушъ этотъ (1650) годъ жилъ вполне спокойно то въ Вильнѣ, то въ своихъ Кейданахъ и никакихъ военныхъ дѣйствій противъ казаковъ не предпринималъ; а на письмо короля о сосредоточеніи литовскаго войска у границъ Украины отвѣтилъ въ концѣ сентября изъявленіемъ готовности исполнить королевскій приказъ, если войску заблаговременно будутъ приготовлены жалованье, аммуниція и припасы (Kotlubaj, str. 160—161).

Возможно, что это невмѣшательство на сей разъ литовскаго войска въ казацко-польскую распрю и было результатомъ дипломатической миссіи Мужилловскаго; однако кн. Янушъ съ своей стороны посольства къ Хмѣльницкому не отправилъ, чѣмъ тотъ и остался недоволенъ (см. ниже стр. 256, прим. 4).

Годовщина битвы подъ Лоевымъ отпразднована была въ Вильнѣ благодарственными молебнами и широмъ во дворцѣ кн. Януша (Kotlubaj, str. 158).

Въ томъ же 1650 году начался извѣстный трагическій романъ Тимофея Хмѣльницкаго вторженіемъ казаковъ и татаръ въ Молдавію и вынужденнымъ этимъ соглашеніемъ Василія Лупулы выдать младшую дочь свою домну Розанду (т.-е. Александру) за сына казацкаго гетмана. Такое свойство не могло, конечно, нравиться князю Янушу.¹⁾

oratione, praeliorum locis ac discriminibus enumeratis, pedibus subiecerat Maiestatis, Numinis favori ac Regis fortunae debitam victoriam ascribebat. Non iniquus ostentator sui, si subditi cum Rege et minoris cum maiore periculo comparatio abesset. Verum huic verti iactatio victoriae visa, ut quam [p. 168] Rex generalem per Lithuaniam armorum Praefecturam conferre (valetudine impedito supremo Duce) moraretur, illud regimen ultra civilia spirans animus, ostentatione meritorum praeriperet. То же у анонима, издавнаго Войццикимъ II, str. 112.

О различныхъ памфлетахъ по поводу Зборовскаго плѣненія короля и договора см. Kochowski, pag. 165—167, и цѣлый рядъ сатирическихъ стихотвореній, изданный И. Франко въ Львовскихъ „Запискахъ Науковаго Товариства Імени Шевченка“. (XXIII і XXIV. Рік VII. 1898, кн. III і IV).

¹⁾ Michałowskiego Księga pamiętnicza, str. 575:... Subit animum Chmielnicki metus, ne... promissae nuptiae... impediatur ab illustrissimo Radzivilio, qui ita famosum Poloniae et Valachiae praedonem fortassis nollet habere affinem... писалъ 20 октября 1650 г. ректоръ Каменецкій.

и онъ просилъ короля поддержать своего тестя Василя въ его безвыходномъ положеніи (Kotlubaj, str. 160). Просьба Януша реальныхъ результатовъ не имѣла, какъ не имѣли ихъ и королевскіе планы объ организаціи союза Польши, Молдавіи и Седмиградія противъ Хмѣльницкаго, поддержки которыхъ король въ свою очередь просилъ у кн. Януша ¹⁾.

Господарь, давъ вынужденное согласіе на бракъ домны Розанды съ Тимошеемъ Хмѣльницкимъ, исполненіе обѣщанія оттягивалъ, ссылаясь на молодость невѣсты, и для большей вѣрности, отправилъ ее съ матерью въ Литву къ сестрѣ, т.-е. подъ защиту кн. Януша, куда собирался вскорѣ прибыть и самъ, какъ бы во исполненіе доносовъ на него Хмѣльницкаго Высокой Портѣ ²⁾. Мнѣ не удалось, впрочемъ, найти достаточно точныхъ и ясныхъ данныхъ объ этомъ пребываніи домны Розанды въ Литвѣ. О пребываніи ея въ Литвѣ прямо говорятъ современныя сообщенія изъ Польши въ Gazette de France ³⁾, упоминаютъ они и о временномъ пребываніи самого Василя въ стѣнахъ польской крѣпости Хотима ⁴⁾, но указаній на пребываніе и его у кн. Януша я не нашелъ ⁵⁾.

Въ одномъ изъ писемъ къ палатину Черниговскому, т. е. Христофору Тышкевичу, Хмѣльницкій выражалъ свое неудовольствіе на кн. Януша за то, что тотъ не прислалъ къ нему уполномоченныхъ и за столомъ наговорилъ много про него обиднаго при племянникахъ господаря ⁶⁾: вѣроятно, они сопровождали въ Литву Розанду и господаршу. Если бы съ ними былъ и самъ Василій, о томъ имѣлись бы, конечно, болѣе опредѣленныя извѣстія.

Вопросъ этотъ представляетъ для нашей темы то значеніе, что, если бы Василій въ 1650 году дѣйствительно посѣтилъ кн. Януша, то и портретъ, написанный съ него Авраамомъ Вестерфельдомъ (см. табл. XIV, рис. 1, и выше стр. 222), всего вѣроятнѣе было бы полагать исполненнымъ именно въ этомъ году, равно какъ и

¹⁾ Просьбы Василя къ королю излагаетъ по неизданному письму гетмана Потоцкаго отъ 22 октября 1650 г. Шайноха (Русская Мысль. 1881, № 6, стр. 264—265).

²⁾ О намѣреніи Василя уйти со всеми своими сокровищами въ Литву къ кн. Янушу, Хмѣльницкій писалъ въ Константинополь, że wyjednawszy sobie indygenat w Polsce z Polakami wchodzi przeciw Turkom w ligę. Wydawszy córkę za Księcia Radziwiłła, wszystkie skarby tam przeniósł poddając się Polakom z Wołoską ziemią (Historya Jana Kazimierza... wydana przez Edw. Raczyńskiego. Poznań, I, str. 192).

³⁾ Nouvelles ordinaires du 7 Janvier 1651. № 4, p. 41: Le palatin de Moldavie, qui avoit esté contraint d'accorder sa fille au fils de ce Général, ne voulant par tenir sa parole, a envoyé cette fille avec la mère en Lithuanie, pour y demeurer avec le Prince de Razevil son gendre. (De Warsovie, le 5 decembre 1650).

⁴⁾ Ibid. p. 66: Le prince de Moldavie s'est retiré pour quelque temps à Chozun en Pologne de peur de tomber entre les mains dudit Général Chmielniski, irrité contre ce Prince de ce qu'il a envoyé sa fille vers la Princesse Radzivil en Lithuanie, où se doit conclure le mariage entre elle et le fils du Général Potoski. [De Dantzic le 14 decembre 1650].

⁵⁾ Положительно говорить о томъ Шайноха (Русская Мысль. 1881, июнь, стр. 266—267) ссылаясь на Gazette de France. 1651. p. 41 и 46. На первой изъ указанныхъ страницъ рѣчь идетъ только о домнѣ Розандѣ (см. выше примѣчаніе 3), второй ссылки я проверить не могъ по неположенности экземпляра газеты этой въ Публичной Библиотекѣ.

⁶⁾ Il se tesmoigne fort irrité contre le Prince de Radzivil, pour ne lui avoir pas envoyé des Députés, et l'avoir si mal mené étant à table avec les neveux du Hospodar de Walachie que ceux-cy se levans en firent voir leur indignation (Gazette de France. 1651 p. 345, de Warsovie le 27 Février 1651).

портретъ Маріи въ національномъ нарядѣ¹⁾, надѣтъ который она могла, конечно, ради этого случая: тогда время службы или работъ Вестерфельда у кн. Януша значительно сократилось бы.

Въ декабрѣ 1650 года кн. Янушъ явился на сеймъ въ Варшаву въ сопровожденіи двоюроднаго брата кн. Богуслава Радзивила и своднаго брата послѣдняго Франца Эрдмана, принца Саксенъ-Лауенбургскаго, который присланъ былъ въ этомъ году въ Литву кн. Богуславомъ съ его наемнымъ пѣхотнымъ полкомъ²⁾.

На этомъ сеймѣ, окончившемся въ рождественскій сочельникъ, литовскіе послы разрѣшили собрать 15000 войска на случай продолженія войны съ казаками, т. к. надежды на миръ уже ни у кого не оставалось³⁾. Возникновеніе же военныхъ дѣйствій въ Украинѣ неминуемо должно было отразиться и въ Литвѣ. Поляки имѣли, конечно, достаточно оснований не довѣрять тому, чтобы казаки удовлетворились

¹⁾ Б. И. Пуляновскій любезно доставилъ мнѣ фотографіи съ находящихся въ Несвижѣ портретовъ княгини Маріи и кн. Януша съ обѣими его женами (см. выше стр. 219 и 221); оба портрета принадлежатъ позднѣйшему времени. Портретъ Маріи (№ 174) заключенъ въ такую же овальную рамку, какъ всѣ портреты въ книгѣ Kotłubaj Galerja Nieświeżska, и слѣдовательно принадлежитъ къ позднѣйшей серіи радзивилловскихъ портретовъ; по деталямъ костюма онъ ближе стоитъ къ гравюрѣ Лейбовича (Icones Radivilianae, tab. 56), нежели къ гравюрѣ Меріана (см. табл. XIII, рис. 2), которая передаетъ детали эти видимо менѣе реально; лице портрета также ближе къ гравюрѣ Лейбовича, но менѣе характерно, нежели на ней; фонъ темный, платье свѣтлое; поэтому гравюру Меріана приходится признать довольно неточнымъ воспроизведеніемъ портрета Вестерфельда: въ оригиналѣ лице было очевидно, и моложе и болѣе восточнаго характера, что и передано Лейбовичемъ лучше, чѣмъ гравюрою Меріана и Несвижскимъ портретомъ. Совершенно обезличена Марія на картинѣ, представляющей кн. Януша также весьма непохожимъ на старыя его портреты; онъ стоитъ въ кольчугѣ, съ булавою въ правой въ восточномъ наручьи рукъ; рядомъ втѣло отъ него обѣ его жены: ближе къ нему стоитъ Марія, детали костюма которой сильно искажены, равно какъ и лице; далѣе значительно меньшаго роста первая жена Екатерина Потоцкая. Картина является, очевидно, позднѣйшимъ сочиненіемъ какого-либо доморощеннаго живописца; у Маріи онъ опустилъ характерныя перья на головѣ, но прибавилъ локоны на плечахъ вмѣсто покрывала.

²⁾ Kotłubaj (Życie, str. 161) ссылается на Pamiętniki Альбрехта Станислава Радзивила (I, str. 429) пишеть вм. Erdman—Nerman, но это сугубо невѣрно, т. к. имени „Князя Саксонскаго“ въ указанномъ мѣстѣ вовсе не приводится. Францъ Эрдманъ, служившій до кратковременнаго (1665—1666) правленія своего герцогствомъ то полякамъ, то шведамъ, то императору, родился въ 1629 г. отъ втораго брака матери кн. Богуслава, Бранденбургской принцессы Елизаветы Софій (см. Kotłubaj. Galerja, str. 160, 164, 166), портретъ отца которой, маркграфа Іоанна Георга, находится, какъ увидимъ ниже, среди Радзивилловскихъ рисунковъ въ библиотекѣ Академіи Художествъ (№ 335). Его біографія у Эрша и Грубера (Allgemeine Encyclopädie. Erste Sektion, 48 Theil. 1848. SS. 91—92) о пребываніи его въ Польшу знаетъ очень мало, сообщая лишь о пребываніи его въ 1652 г. въ Любекѣ на собраніи польскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ и не указывая на родство его съ Радзивилами. Нѣмецкимъ историкамъ, судя по біографіи этой, неизвѣстно было время полученія имъ польскаго индигената. Изъ Гамбурга въ Парижъ писали, что въ числѣ королевскихъ предложеній сейму 1652 года, т. е. послѣ Кіевского похода, въ которомъ принималъ участіе Францъ Эрдманъ со своимъ полкомъ, было „de naturaliser le Sieur Huwald avec un jeune Prince de la Maison de Saxe Lawenbourg“ (Gazette de France. 1652. № 12, p. 99), а изъ Варшавы (ibid. № 78, p. 626), что на сеймѣ предполагалось, que l'on soddisfasse le General Huwalt, le colonel Perpessy, le lieutenant Giése et quelques autres personnes de marque sur leur demande de naturaliser. Предположеніе осуществилось: см. Pamiętniki Ks. Albr. Stan. Radziwiłła, II, str. 480—481 (Августъ 1652 г.): indygenat niektórych czasu wiele zabrał, aż się nań wszyscy zgodzili. Książę tedy saski, Ubaldus, Giza, Dawgor i Kozak Kresa i Perpessy Francuz przyjęci są do Iona Królestwa naszego. Theatr. Europ. VII, S. 227; Volumina Legum. IV. 1737, p. 384. Ср. виже подъ 1652 г.

³⁾ О казацкихъ дѣлахъ на этомъ сеймѣ см. Н. Костомарова. Богданъ Хмельницкій, 4-е изд. I, стр. 193—198, 201—204. О назначеніи числа войскъ для Литвы см. Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła, II, str. 431; Rudawski, p. 69; Gazette de France. 1651, pp. 161, 239.

выгодами, полученными по Зборовскому договору ¹⁾; казаки имѣли основанія не довѣрять исполненію договора поляками и сеймъ принесъ тому новыя основанія, не допустивъ, напр., кіевского митрополита въ сенатъ. Литовскіе бѣлоруссы и чувствовали и понимали тѣсную связь своей судьбы съ судьбою казаковъ и, какъ и тѣ, обращали надежды свои на помощь изъ-за Московской границы, пугая Москву и себя самихъ разсказами о грозящей имъ якобы гибели. Въ этихъ, конечно нѣсколько преувеличенныхъ, разсказахъ сторонникомъ поголовнаго избіенія бѣлоруссовъ является и кн. Янушъ ²⁾.

Къ началу 1651 года онъ былъ уже въ Литвѣ (Kotłubaj, str. 162) и занялся сборомъ и организаціей войска. По словамъ „Комментарія“ (р. 96) численность его могла быть доведена лишь до 13500 человекъ *ob angustias temporis*, но вполнѣ готовыми оказывалось лишь 4000 ветерановъ, да и тѣмъ было не плачено за много мѣсяцевъ; расплата назначена была сеймовымъ постановленіемъ на 9-е мая въ Минскѣ, и солдаты не хотѣли уходить далеко отъ мѣста расплаты, хотя „многіе настаивали на вторженіи въ самомъ концѣ зимы во вражескую землю за Днѣпръ“ (Commentarius, р. 97—98), но самъ гетманъ считалъ видимо (см. *ibid.*, р. 98) такую экспедицію рискованной.

Напротивъ того, Николай Потоцкій, великій гетманъ коронный, писалъ Янушу, чтобы онъ поставилъ войска по границѣ, но ничего самъ не предпринималъ ранѣе вторженія въ Украину короннаго войска; на это письмо кн. Янушъ отвѣтилъ въ началѣ марта отказомъ, ссылаясь на затрудненія по продовольствію людей и лошадей въ разоренномъ краѣ и обѣцалъ начать дѣйствія, какъ только будетъ готовъ (Kotłubaj, str. 166).

¹⁾ Кояловичъ, говоря о концѣ войны 1649, философствуетъ такъ (о. с. р. 52): *Ita propitio Numine finis huic expeditioni impositus. Utinam vero etiam universo bello! At fere serviles ausus, pacem non admittunt, nisi cum opprimuntur: inter felices successus quiescere non possunt; quia insolentes spes tractare ac temperare ad modestiam non consueverunt.*

²⁾ 12 апрѣля 1651 г. въ Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ Аѣнногенъ Крыжановскій, игумень Воскресенскаго монастыря въ Диснѣ, выдававшій себя за посла отъ всѣхъ бѣлорусцевъ, просящихъ о приѣмѣ ихъ въ царскую оборону, разсказывалъ, что, услыхавъ о присягѣ Хмѣльницкаго царю, „бѣлорусцы христіанскіе вѣры всякихъ чиновъ люди духовные и мірскіе всѣ обрадовались и бурмистры и райцы радные, которые православные христіанскіе вѣры, всѣ между собою совѣтъ учинили на томъ, что имъ всѣмъ прямишь государю, только бѣ лише Хмелницкой государю крестъ поцѣловать“. Онъ же разсказывалъ слѣдующее: „А нынѣшнее де зимы въ мясопустъ передъ масляною недѣлею онъ игумень Аѣнногенъ былъ въ Полоцку у воеводы и у гетмана великаго княжства Литовскаго у Януша Кишки съ полотцкимъ же игуменомъ съ княземъ Гедройцемъ и спрашивали его со многимъ прошеніемъ, чтобъ имъ сказалъ, что надъ ними бѣлорусцы отъ ляховъ будетъ, потому что де онъ хотя и римскіе вѣры только человекъ доброй и старой и богобоязливъ. И гетманъ де имъ сказалъ: король де (и) вся Рѣчь Посполитая приговорили такъ: сколь скоро они свесутъ Хмелницкаго и тогда всѣхъ бѣлорусцовъ до одного человека и съ сущими младенцы выеѣчь и церкви божіи и монастыри всѣ выеѣчь, только оставить однихъ римлянъ. А онъ де гетманъ объявляетъ имъ про то подлинно вѣдая, потому что онъ первой человекъ всей Литвы. И племянникъ де его гетманъ Янушъ Радивилъ о томъ къ нему писалъ; только де я на то не позволяю“... „И на сеймикахъ де римляне всѣ на нихъ бѣлорусцовъ кричатъ завсегда, чтобъ съ ними конецъ учинить и всѣхъ ихъ извести“ (Московский Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Малороссійскія Дѣла. 1651. № 6, орографію здѣсь и въ нижеслѣдующихъ выпискахъ я для удобства чтенія нѣсколько измѣнилъ). О предложевіяхъ избіенія крестьянъ ср. Акты Южн. и Зап. Росс. III, стр. 371.

А между тѣмъ уже въ февралѣ начались столкновения казаковъ съ поляками въ Подоліи и не замедлили, конечно, отразиться и въ Литвѣ. Начались и крестьянскія возстанія и партизанскія стычки; одинъ изъ казацкихъ эмиссаровъ Костыренко погибъ подъ Горвалемъ въ стычкѣ съ русскими охотниками Отрошки Шенченки. (Kotlubaj, str. 166, со ссылкой на рукописный „діаріушъ“, который однако, судя по отсутствію на него дальнѣйшихъ ссылокъ, кіевского похода не излагаетъ).

Большая часть литовскихъ войскъ сосредоточивалась въ Бобруйскѣ, по объясненію „Комментарія“ (р. 99) для того, чтобы долѣе скрывать отъ казаковъ намѣреніе вести наступленіе.

Въ тѣхъ вѣстяхъ, которыя по рассказамъ приходящихъ изъ-за литовской границы русскіе пограничные воеводы сообщали въ Москву ¹⁾, оказывается интересное извѣстіе, подтвержденія которому въ польскихъ источникахъ найти мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось, о переходѣ литовскихъ жолнеровъ, якобы цѣлыхъ четырехъ хоругвей, т.-е. человѣкъ четырехсотъ, на сторону Хмѣльницкаго ²⁾.

Сборъ литовскаго войска шель медленно, какъ и расплата со старыми солдатами въ Минскѣ: деньги доставлялись не во время и неполностью, расплатиться не удалось и къ іюню: опять пришлось кн. Янушу, ручаясь своимъ состояніемъ, упрашивать солдатъ подождать окончательной расплаты еще нѣсколько мѣсяцовъ (Commentarius, p. 100).

Пока литовское войско не было готово къ наступленію на казаковъ, его начальникъ старался, повидимому, дипломатическими приѣмами предупредить наступленіе на Литву войска казацкаго: пріѣхавшіе 14 мая (ст. ст.) на гостиный дворъ въ Сѣвскѣ изъ гор. Мѣны торговые люди Акимъ Семеновъ и Емельянъ Васильевъ говорили, какъ писалъ въ Москву сѣвскій воевода: „Литовской де, государь, гетманъ Родивиль стоитъ въ сборѣ, а войско литовское самыхъ большихъ людей послалъ на помочь къ полякомъ, а къ Хмельницкому пишетъ, чтобъ козакомъ не ходить въ литовскою сторону и задоровъ не дѣлать и то де, государь, литовской гетманъ Родивиль ихъ козаковъ тѣмъ письмомъ обманываетъ“. Ранѣе того 25 апрѣля торонецкій торговый человѣкъ Петръ Щекинъ на распросѣ въ Торонцѣ показывалъ, путая кн. Януша съ дядею его Альбрехтомъ Станиславомъ: „а концлеръ полской Родивилловъ сынъ стоитъ своимъ обозомъ недалечѣ отъ Бобруйска въ своемъ имѣньѣ въ Бори-

¹⁾ О способахъ собиранія вѣстей этихъ и ихъ различной достовѣрности см. статью Н. Н. Оглобина: „Воеводскія „вѣстовыя“ отписки XVII вѣка, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи“ (Кіевская Старина. 1885 г. Іюль, т. XII, стр. 366—416), гдѣ, къ сожалѣнію, о времени насъ интересующемъ никакихъ данныхъ нѣтъ. Въ Москов. Арх. Мин. Ив. Дѣль два толстыхъ тома (Польскія Дѣла 1651, № 1) содержатъ рядъ такихъ вѣстей; такъ какъ страницы расклеенныхъ столбцовъ не нумерованы, то дѣлать точныя ссылки при выпискахъ изъ нихъ невозможно; къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволилъ мнѣ при всѣхъ сдѣланныхъ выпискахъ точно отмѣтить и источники приводимыхъ здѣсь извлеченій.

²⁾ Торонецкій торговый человѣкъ Михайло Чиревъ, прибывъ изъ Витебска въ Торонецъ 18 іюля (ст. ст.) рассказывалъ, будто бы послѣ пораженія казаками Воловича, шедшаго въ Рѣчину, „желнеры его отѣхали къ гетману Хмѣльницкому, да къ Черкасамъ“. Другое извѣстіе число ихъ опредѣляетъ четырьмя хоругвями.

совѣ и въ иныхъ своихъ мѣстечкахъ, потому де что взято съ Хмелинскимъ до Духа Святаго перемирье“ (православная Пасха въ 1651 г. была 30 марта ст. ст.).

Если упомянутое выше письмо было, то оно содержало, очевидно, и обѣщанія со стороны кн. Януша не нападать на казаковъ. Но подтвержденій факта послышки Янушемъ такого письма Хмѣльницкому я не нашелъ ¹⁾; когда въ Москвѣ въ іюнѣ 1651 спрашивали грека Ивана Мануйлова и серба Василія Данилова: „и литовскій гетманъ Радивиль въ которыхъ мѣстѣхъ стоитъ? и многіе ли съ нимъ люди? И Полякамъ онъ на нихъ Запорожскихъ Черкасъ помогаетъ ли? или онъ съ гетманомъ съ Богданомъ въ миру? И ссылки межъ ними бывали-ли? и будетъ были и о какихъ дѣлѣхъ?“, то спрашиваемые знали лишь, что Хмѣльницкій (около 9 мая) получилъ письмо о какой-то побѣдѣ казаковъ надъ литовцами, когда послѣдніе, потерявъ съ тысячу человекъ, отступили подалѣе въ Литву (Акты Южной и Западной Россіи. III, стр. 453—455). Объ этомъ столкновеніи подробнѣе рассказывали въ Сѣвскѣ и упомянутые выше торговые люди изъ гор. Мѣны ²⁾; оно носило оборонительный характеръ: казаки отбили литовцевъ перешедшихъ черезъ Сожъ на ихъ сторону; „Комментарій“ объ этой битвѣ не упоминаетъ.

Сообщаемыя въ Москву „вѣсти“ о намѣреніяхъ Хмѣльницкаго и объ инструкціяхъ его полковнику Небабѣ, хотя и разнорѣчивы, но говорятъ по большей части также лишь объ оборонѣ Украины отъ наступленія литовскаго войска ³⁾.

¹⁾ Въ Несвижскомъ Архивѣ въ перепискѣ кн. Януша, по сообщенію Б. И. Пуляновскаго, находится нѣсколько писемъ Хмѣльницкаго. Лишь пользуясь этимъ архивомъ можно писать о взаимоотношеніяхъ гетмановъ литовскаго и запорожскаго, за чтѣ я не беруся.

²⁾ „И въ Маѣ жъ де, государь, мѣсяцъ предъ Николинымъ днемъ сто человекъ козаковъ ходили въ загонъ въ литовскую сторону въ Гомельской уѣздъ и тѣхъ де, государь, козаковъ въ селѣ Ериловичахъ литовскіе люди побили всѣхъ на голову. Да Мая жъ де, государь, до 14 числа за недѣлю или побольши, того они Якимко и Емелька не упомянуть, перешли де было, государь, черезъ рѣку Сожъ на сю сторону подъ селомъ Ериловичами, литовскихъ людей тысяча человекъ, а козачей де, государь, полковникъ Нѣбоба съ казаки въ то время пришло къ тому перевозу стоять для обереганья и тѣхъ де, государь, литовскихъ людей всѣхъ тысячу человекъ казаки побили на голову“ (Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Польскія Дѣла. 1651. № 1) Ср. Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 451.

³⁾ Илья Мануйловъ и Василій Даниловъ въ Москвѣ рассказывали (Акты Южн. и Зап. Россіи. III. 1861, стр. 455, № 320): „Литовской де гетманъ Радивиль стоитъ съ войскомъ въ Литовскихъ городѣхъ, оберегаетъ Литовскую сторону. А отъ гетмана противъ Радивила для обереганья на сторожѣ, чтобъ Литовское войско не пропустить на козацкіе города, три полковника: Кіевской, да Черниговской, да Нѣжинской, да съ ними Нагайцы всѣ, которые кочевали около Платавы по Орелю и по Самари, а въ которыхъ мѣстѣхъ тѣ козацкіе полковники стоятъ и сколько съ ними войска, про то имъ невѣдомо“.

Торговый человекъ города Королевца Петръ Новокрещень, пріѣхавшій изъ Новгорода Сѣверскаго въ Сѣвскъ 29 апрѣля, сказывалъ: „А литовского де, государь, повѣту гетманъ Радивиль со всею Литвою въ сборѣ жъ стоитъ въ городѣ Рѣчицѣ на козаковъ же и противъ де, государь, ево Радивила отъ козацкаго гетмана Хмелинцкаго стоитъ полковникъ Небаба съ полкомъ своимъ. Козаки въ Черниговѣ, а татары де, государь, съ полковникомъ Небабою итъ и противъ де, государь, литовского гетмана Радивила и Литвы козачей полковникъ Небаба на бой безъ татаръ итти не хочетъ. И послѣ де, государь, Свѣтлой Недѣли полковника Небобова полку козаки сто человекъ ходили въ литовскую сторону для языковъ и для добычи и ихъ козаковъ литовскіе люди побили всѣхъ наголову и нынѣ де, государь, казаки въ полкѣхъ и въ городѣхъ отъ поляковъ и отъ Литвы блюдутся того, чтобъ ихъ козаковъ поляки и Литва не ослабили“.

Торговый человекъ города Могилева Андрей Ермолаевъ, пріѣхавшій въ Сѣвскъ 2-го мая въ роспросѣ сказалъ: „А полковнику, государь, Небобѣ Хмелинцкой писалъ, велѣлъ ему стоять въ

Польскіе источники останавливаются съ большимъ интересомъ на фактъ временной посылки на границы Литвы гетманскаго сына Тимофея, будущаго свояка кн. Януша ¹⁾).

Литовское войско двинулось въ походъ позднѣе короннаго: король прибылъ къ войску 14 (4) мая 1651 года и черезъ десять дней дошелъ съ нимъ уже до Берестечка, гдѣ татары и казаки и понесли рѣшительное поражение 10 (1) іюля, рѣшившее въ сущности всю кампанію, т. е. оправиться отъ моральнаго его дѣйствія Хмѣльницкій, повидимому, не могъ ²⁾; а между тѣмъ кн. Янушъ двинулся съ своимъ войскомъ къ Рѣчицѣ лишь въ концѣ іюня (Kotlubaj, str. 167).

Черниговъ противъ Родивила и Литвы и о всемъ велѣлъ писать къ себѣ наскоро почесту, будетъ ему Небобъ съ полкомъ отъ Радивила и отъ Литвы будетъ тѣснота и онъ де Хмелницкой хочетъ на помощь ему прислать Татаръ*.

Ковотонскій мѣщанинъ Игнатій Гордѣевъ рассказывалъ въ Путивлѣ, что „Апрѣля въ 23 день прѣехали въ Ковотонъ изъ обозу отъ черкаского гетмана Богдана Хмелницкаго съ листомъ къ черниговскому полковнику къ Мартыну Небобъ два черкашенина [слѣдуютъ сообщенія письма о жителяхъ Каменца и т. п.]. ...Да онъ же де гетманъ Богданъ Хмелницкой писалъ къ полковнику Небобъ, стоять де поляки въ собранъ литовскаго повѣту въ городѣ въ Гомли и онъ бы де полковникъ со всемъ полкомъ шолъ къ Гомлю противъ поляковъ. И полковникъ де Небоба со всемъ полкомъ пошолъ противъ тѣхъ поляковъ тотчасъ*. О томъ же самомъ, повидимому, письмѣ Хмѣльницкаго, прѣбывавшій въ Путивлѣ изъ Батурина мѣщанинъ Отрошка Дмитріевъ говорилъ: „и Апрѣля де, государь, въ 26 день, писалъ черкаскій гетманъ Богданъ Хмѣльницкой листъ изъ города Животова къ батуринскому полковнику къ Небобъ [слѣдуютъ тѣ же сообщенія о жителяхъ Каменца]*, а батуринскому полковнику Небобъ велѣлъ гетманъ оберегаться отъ литовскаго гетмана Родивила*.

Прѣбывавшіе въ Сѣвскѣ 1 мая изъ Нѣжина торговые люди райца Климъ Яковлевъ и Андрей Коченовскій на роспросѣ говорили: „да ему жъ де, государь, Небобъ велено заступитъ и оберегать Стародубъ и Почепъ и иные города отъ Литвы, да полковнику жъ де, государь, козацю Кіевскаго полка Антоу Чигиринскому съ Кіевскимъ полкомъ велено стоять около Днѣпра для обереганія отъ поляковъ и отъ Литвы, чтобы, государь, поляки и Литва не прошли на козацкіи украинные города“.

Напротивъ того, прибывшій 10 мая въ Путивль тамошній торговый человекъ Осипъ Шемиринъ со словъ встрѣченнаго имъ подлѣ Прилуками казаковъ, говорилъ такъ: „а противъ де литовскаго гетмана Родивила послалъ гетманъ Черкасъ четыре полка Кіевской полкъ, да Переяславской, да Черниговской, да Батуринской, да съ ними татаръ двѣнадцать тысячъ, а велѣлъ имъ впрямъ итти на Родивила и битися вскорѣ напередъ себя“. Общее число козацкаго войска у Небабы, полковника Черниговскаго, полковниковъ Кіевскаго и Нѣжинскаго опредѣляется въ одной изъ „сказокъ“ въ 50000, при чемъ сообщается, что казаки „пошли изъ Чернигова всемъ войскомъ на Свѣтлой недѣлѣ въ Пятницу подлѣ Выховъ“, подлѣ которыхъ стояло литовское войско; какъ бы тамъ ни было, по вторженію на Литву, не входило, по всей видности, въ 1651 году въ планы Хмѣльницкаго: онъ ожидалъ нападенія самъ и притомъ съ двухъ сторонъ: и отъ Польши и отъ Литвы.

Пришедшій въ Путивль 18 апрѣля путивльскій торговый человекъ Иванъ Мосолитиновъ говорилъ: „былъ де онъ въ городѣ Кіевѣ и слышалъ отъ бурмистра и отъ многихъ Кіевлянъ..., а литовскій де гетманъ Радивиль съ литовскими людьми пришолъ къ городу Могилеву и итти ему на Черкасы же по сей сторонѣ Днѣпра къ Чернигову*.

¹⁾ Письма изъ Польши въ мартѣ—іюні 1651 года въ Gazette de France говорили какъ о посылкѣ Тимофея Хмѣльницкаго якобы съ 60,000, или 36,000, противъ Януша такъ и о слухахъ якобы Янушъ разбилъ и плѣнилъ его (о. с., 1651, р.р. 418, 518, 753); Pamiętniki do panowania Zygm. III, Wład. IV i J. Kaz. wyd. Wóycicki. II, str. 200.

²⁾ Огромный серебряный на престольный образъ, посвященный Яномъ Казиміромъ въ благодарность за побѣду эту иконѣ Холмской Божіей Матери, перенесенъ въ 1871 г. изъ Холмскаго собора въ Оружейную Палату въ Москву, гдѣ и хранится подлѣ № 4059а (Опись Москов. Оружейной Палаты, Москва 1884. Часть II, книга III, стр. 564; клейма данцигскаго мастера ср. съ клеймами №№ 537, 538 у Rosenberg'a. Die Goldschmiede Merkzeichen. 1890). Изображеніе на ней побѣды надъ татарами и козаками носитъ гораздо болѣе условный характеръ и лишено тѣхъ реальныхъ чертъ, которыми драго-

Когда именно начался походъ „Комментарій“ ясно не указываетъ. Письмо кн. Януша Кишкѣ, говорящее о полученіи извѣстія о наступленіи козаковъ на Гомель, о намѣреніи выступить къ Рѣчицѣ „въ будущую пятницу“ и о посылкѣ выручки къ Гомелю и пр., къ сожалѣнію, не сохранило числа іюня (см. Kotlubaj, str. 343), по „Комментарію“ же (р. 103) посылка Фронцкевича на выручку Гомеля была въ концѣ іюня. По датировкѣ письма Павши „do P. Hetmana lit., die 24 Iunii 1651 z obozu litewskiego pod Reczycą“, (Grabowski. Starożytności. I, str. 314) ясно, что Януша тамъ тогда (=14 іюня ст. ст.) еще не было.

Тогда же, въ концѣ іюня, къ сожалѣнію „Комментарій“ не сообщаетъ гдѣ именно: въ Рѣчицѣ ли уже или нѣсколько ранѣе, напр. въ Горвалѣ, — явились въ литовскій лагерь три знатныхъ казака послами отъ Хмѣльницкаго и принесли отъ него письмо къ гетману такого содержанія: „между предками гетмана и запорожскимъ войскомъ издревле существовали взаимно-благожелательныя отношенія; у казаковъ никогда не было никакой ссоры съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, никакихъ поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ; обидами поляковъ доведены казаки до борьбы за свободу, всѣмъ же прочимъ они предлагаютъ дружбу, и если литовцы согласны на миръ съ ними, то они выведутъ свое войско изъ ихъ предѣловъ“. Изложивъ такими словами письмо Хмѣльницкаго авторъ „Комментарія“ подробно передаетъ затѣмъ вполнѣ лойяльный отвѣтъ кн. Януша, который, указавъ на государственное единство Польши и Литвы и на общность ихъ военныхъ дѣйствій, на рядъ враждебныхъ и противъ Литвы поступковъ казаковъ, говорилъ посламъ, или писалъ Хмѣльницкому, что нельзя прекращать войну въ отдѣльныхъ провинціяхъ, миръ же возможенъ лишь послѣ прекращенія враждебныхъ противъ Рѣчи Посполитой и короля дѣйствій ²⁾.

цѣнны издаваемые нами рисунки 1651 года, относящіяся къ походу литовскаго войска. Правда, к на иковъ есть изображеніе города вдаль: но я не имѣю основаній судить о степени реальности его.

Считаю не лишнимъ указать здѣсь на подробные разсказы о битвахъ подъ Берестечкомъ, которые имѣются въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ—въ Польскихъ Дѣлахъ. 1651 г. № 1 (переводъ польскаго письма Іакина Вонщанскаго, писаннаго 1 іюля 1651 въ обозѣ за р. Стыромъ) и 1651 № 9 (роспросныя рѣчи въ Москвѣ польскаго гонца Станислава Голанскаго).

²⁾ Commentarius, p. 104—105: Sub id tempus tres e primiceriis hostium, a Chmielnicio missi, legati in castra advenere, nullis mandatis instructi, nec aliud afferentes praeter literas ad Imperatorem, quarum capita paec fuere: „Inter Majores Ducis et Exercitum Zaporovianum antiquitus mutua intercessisse benevolentiae officia. Nec sibi unquam cum M. D. Lithvaniae litem ullam, aut inimicitiarum causas fuisse. Injuriis Polonorum adactos ad libertatis vindicias, caeteris omnibus amicitiam offerre, et si per Lithvanos pace frui liceat, sese exercitum e finibus eorum deducturos“.

Ad ea responsum: Polonam ac Lithvanam gentes, ex quo in unius Reipublicae indivulsum corpus coaluere, in communi hoste communibus viribus debellando, a vinculis et more majorum nequaquam degenerasse, nec discessuros unquam, quoties non deessent, qui alterutram gentem bello lacerarent. Quando Cosaci a Litvanis nulla sese iniuria provocatos fateantur; quid ita tot nobilium caedes patratae, tot in Lithuania damna et calamitates a Cosacis illatae sunt? Non ejusdem esse hominis, ore ac literis, pacem et amicitiam Lithvaniae offerre: et manu atque armis oppugnare Homellam, incursare Roslawiam, belli ac seditionis favillas jaculari in viscera Lithvaniae. Sero post atroces injurias blandum amicitiae, nomen jactari. Bellum in singulis Reipubl. provinciis, sisti non posse; nisi contra totam Rempublicam et Principis Majestatem hostilitate deposita“.

Пасропіа (Bellum Scythico Cosacicum, p. 202) упоминаетъ лишь кратко genere repulsas Chmielnicii legationes, quibus Principem a susceptis adversus Cosacos armis astute studuerat avocare.

Одного изъ пословъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ соглядатайствѣ и которые поэтому и ради удачи стратегическихъ плановъ гетмана были задержаны до 3-го іюля (=23 іюня ст. ст.), „Комментарій“ называетъ по имени: это былъ Степанъ Подобайло, строитель и начальникъ козацкихъ укрѣпленій на устьѣ Сожа, противъ Лоева ¹⁾.

По счастливой случайности въ одномъ изъ донесеній въ Москву о зарубежныхъ вѣстяхъ Сѣвскаго воеводы (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Польск. Дѣла. 1651. № 1) оказался рассказъ объ этомъ посольствѣ самого Подобайлы: русскій развѣдчикъ сообщалъ, что 26 іюня (т.-е. 6 іюля нов. ст.) „пріѣхали въ Черниговъ отъ литовскаго гетмана Родивила казачьева гетмана Хмелницкого посланцы козацей полковникъ Степанъ Подобайло съ товарищи, а сказывалъ де, государь, посланы де были онѣ отъ Хмелницкого къ Родивилу просить денегъ, чтобъ имъ далъ по ихъ запросу, что дать имъ, Хмелницкому съ казаки, тотаромъ, и говорить ему, Родивилу, объ миру, чтобъ онъ, Родивиль, съ козачьимъ гетманомъ Хмелницкимъ и съ казаки помирился, и литовскай де гетманъ Родивиль козачью гетману Хмелницкому и казакомъ денегъ не далъ и мириться съ ними не хочеть, во всемъ имъ отказалъ, а сказаль: ждита де меня къ себѣ Петровъ день“.

Въ виду согласія между рассказами обѣихъ сторонъ о сущности переговоровъ и объ исходѣ ихъ, мы не имѣемъ права не вѣрить и тому, что козацкіе послы требовали отъ кн. Януша денегъ для татаръ. Столь странная и неожиданная между врагами просьба „Комментаріемъ“ не упомянута, потому ли, что самое письмо Хмѣльницкаго ея дѣйствительно не заключало и выражена она была лишь устно, или же потому, что сообщеніе о такой просьбѣ естественно навело бы читателей на предположенія о подозрительной близости между обоими гетманами. Однако она могла имѣть и менѣе компрометирующій литовскаго гетмана характеръ, будучи не просьбою о займѣ на веденіе войны съ Польшей, а лишь предложеніемъ откупиться отъ татарскаго набѣга на Литву.

Какъ бы тамъ ни было, но мы считали нужнымъ привести всѣ эти подробности о принятіи кн. Янушемъ трехъ козацкихъ пословъ въ виду того, что одинъ изъ издаваемыхъ нами рисунковъ (см. табл. XIII, рис. 6) можетъ представлять, на нашъ взглядъ, именно это событіе. Правда, такому толкованію его противорѣчитъ подпись, говорящая объ отпускѣ Подобайлы съ товарищами, но не 3 іюля (нов. ст.) 1651 г., а въ 1653 г. въ Горвалѣ, однако мы видѣли уже выше (см. стр. 239) и убѣдимся въ томъ неоднократно далѣе, что подписи подъ копіями XVIII вѣка далеко не авторитетны и часто несомнѣнно ошибочны. Разсматриваемый же здѣсь рисунокъ особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что относительно него мы съ несомнѣнностью

¹⁾ Commentarius, p. 105 - 106: Et quia primores hostium viros, nostrarum potius rerum explorandarum, quam suarum literarum tradendarum causa, missos fuisse suspicio fuit, aliquantisper homines detineri placuit, dum paulo plus militum in castra confluerent et ad exequendum Ducis occisum, munitionis hostium in adversa oppidi Loioviae ripa, intercipiendae consilium, necessaria praepararentur. Atque opportune inter legatos aderat Stephanus Podobailo, munitionis hujus architectus atque gubernator. Ibid., p. 109: re ita instructa tertia Iulii demum legati cum Podobailone dimissi ac in tutum deducti sunt.

можемъ доказать, что на оригинальномъ рисункѣ половины XVII вѣка этой подписи не было.

Иосифъ Крашевскій въ письмѣ въ редакцію „Газеты Варшавской“ (1853 г. № 160, стр. 3—4), отъ 18/30 іюня 1853 года, описываетъ рисунокъ, который, по его словамъ, находился тогда во владѣніи виленакаго пейзажиста г. Викентія Дмоховскаго; Крашевскій сдѣлалъ для себя копию этого рисунка; въ каталогѣ его собранія (см. выше, стр. 200, прим.), на стр. 32, о ней говорится такъ: „*Westernedt, A. B. von. 1653. Copie d'un dessin très interessant, représentant les plenipotentiaires polonais traitant avec les Cosaques. Costumes du temps. Crayon. Feuille*“. Теперь эта копія должна находиться вмѣстѣ со всеѣмъ собраніемъ Крашевскаго у гр. Браницкаго въ мѣст. Сухой въ Галиціи, какъ любезно сообщилъ мнѣ Фр. К. Пуласкій.

Въ письмѣ Крашевскаго рисунокъ описанъ подробно: „Въ хатѣ, отведенной для поста гетмана, осаждающаго небольшой замокъ, двери и одна стѣна которой завѣшены занавѣсью, на столѣ, покрытый ковромъ, на которомъ лежитъ булава, стоитъ какой-то ящичекъ и брошенъ свитокъ бумаги, опирается панъ гетманъ въ шапкѣ, окруженный свитою въ польскихъ костюмахъ, среди которой одна фигура одѣта по шведски. Онъ читаетъ что то по бумагѣ (можетъ быть условія сдачи?) стоящимъ передъ нимъ съ открытыми головами казакамъ. Вдали за отнятою стѣною хаты, раздѣляющею картину на двѣ отдѣльныя части, виденъ на горкѣ укрѣпленный замокъ, а здѣсь около хаты войско на караулѣ, состоящее по большей части изъ наемныхъ чужеземцевъ“...

Это описаніе при сравненіи съ однимъ изъ рисунковъ, хранящихся нынѣ въ Академіи Художествъ (№ 305, см. табл. XIII, рис. 6), представляетъ столь несомнѣнное сходство съ нимъ, что общность оригинала обѣихъ копій, снятыхъ для Крашевскаго и для короля Станислава Августа, не можетъ, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, подлежать сомнѣнію. Недоумѣнія Крашевскаго въ объясненіи рисунка и разногласія въ толкованіи его въ письмѣ 1853 г. и въ каталогѣ 1865 г. сами по себѣ указываютъ на отсутствіе на оригинальномъ рисункѣ объяснительной исторической подписи, которая оказывается на копіи конца XVIII-го вѣка; будь она и на рисункѣ, видѣнномъ Крашевскимъ въ 1853 г. въ Вильнѣ, онъ не преминулъ бы, конечно, о томъ упомянуть.

За то, что для насъ особенно важно и что дѣлаетъ особенно желательнымъ отысканіе бывшаго въ 1853 году въ Вильнѣ рисунка, это находеніе на немъ имени рисовальщика. Крашевскій писалъ о немъ такъ: „На моей копіи этого рисунка я читаю подпись: *AB v. Westernelt 1653*, но мнѣ кажется, что или въ оригиналѣ подпись эта была неразборчива, или ошибся Наглеръ, такъ какъ это несомнѣнно тотъ же художникъ, котораго онъ упоминаетъ подъ именемъ Авраама Вестерфельдта. Съ него знаменитый Вильгельмъ Хондіусъ гравировалъ портретъ Василія князя Молдавскаго. Изъ открытаго теперь рисунка видно, что Вестерфельдтъ вращался въ это время въ Молдавіи, Украинѣ и Польшѣ... Вестерфельдтъ зарисовалъ, вѣроятно, эту сдѣчу какого-то занятаго козаками замка для картины, которую собирался написать и которая можетъ еще когда нибудь найдтись“. Выше (см. стр. 221—222) мы гово-

рили уже подробно о портретѣ господаря Василя Лупулы работы Вестерфельда (см. табл. XIV, рис. 1) и приводили основанія, почему можно предполагать, что этот голландецъ, о которомъ рѣчь будетъ еще ниже, состоялъ на службѣ у кн. Януша Радзивила или, по крайней мѣрѣ, исполнялъ и его заказы; разсматриваемый рисунокъ предположеніе это подтверждаетъ и, что важно, свидѣтельствуеетъ, что работы Вестерфельда для кн. Януша продолжались по крайней мѣрѣ до 1653 года, т.-е. всего-навсего, если портреты Василя и Маріи относить къ 1644 году (см. выше, стр. 221, по ср. стр. 256—257), длились около десяти лѣтъ.

Отождествленіе Крашевскимъ автора портрета господаря Василя съ исполнителемъ рисунка 1653 года, конечно, вполне основательно и сомнѣніямъ подвергаемо быть не можетъ: незначительная разница въ написаніи имени художника легко объясняется предположеніемъ, что подъ рисункомъ стояло: *AB v. Westervelt*, подъ гравюрою же Хондіуса написано, если вѣрить Блоку (*Das Kupferstich-Werk des Wilhelm Hondius. 1891. S. 29, № 17*), *Abraham van Westervelde pinxit*¹⁾. Такія незначительныя и даже нерѣдко еще болѣшія различія въ орфографіи собственныхъ именъ были въ тѣ времена явленіемъ обычнымъ и никакъ не могутъ свидѣтельствовать противъ заключенія Крашевскаго о тождествѣ авторовъ обоихъ указанныхъ произведеній.

Письмо Крашевскаго кончалось выраженіемъ надежды, что описанный рисунокъ будетъ изданъ его владѣльцемъ, г. Викентіемъ Дмоховскимъ; но, къ сожалѣнію, благое пожеланіе это осталось, насколько мнѣ извѣстно, неисполненнымъ, а самый рисунокъ неотысканнымъ, хотя я и дѣлалъ попытки разыскать его или, по крайней мѣрѣ, получить указанія о послѣдующей его судьбѣ.

Сынъ указаннаго Крашевскимъ, какъ владѣлецъ рисунка, живописецъ Вик. Дмоховскаго, г-нъ Владиславъ Викентьевичъ Дмоховскій, самъ также художникъ, на обращенный къ нему вопросъ почтилъ меня обстоятельнымъ и любезнымъ отвѣтомъ, который, если и не привелъ меня къ самому искомому рисунку, то далъ о немъ интересныя подробности: рисунокъ исполненъ былъ карандашомъ, исторической подписи не имѣлъ и былъ, можетъ быть, не оригиналомъ 1653 г., а также лишь копіей, новая копія съ котораго была сдѣлана для Вик. Дмоховскаго²⁾.

¹⁾ По другимъ описаніямъ той же гравюры установить форму подписи точно невозможно, т. е. написанія имени разнятся (ср. выше, стр. 222, пр. 2); написаніе *AB. von Westervelt* въ каталогѣ собранія Крашевскаго (см. выше стр. 200, прим.) очевидно лишь опечатка или описка.

²⁾ Перезоужу фактическія сообщенія г-на Вл. В. Дмоховскаго объ интересующемъ насъ рисункѣ изъ письма его изъ сел. Ногородовичи, Гродненской губерніи, отъ 20 февраля 1907 г.: „Я его очень хорошо помню, хотя мнѣ въ то время, когда я его видѣлъ, было лишь двѣнадцать или тринадцать лѣтъ. Рисунокъ этотъ не былъ собственностью моего отца: онъ его принесъ отъ кого-то для изготовленія съ него копій ради костюмовъ той эпохи, и одинъ изъ учениковъ моего отца... сдѣлалъ съ него на прозрачной бумагѣ кальку, которой теперь у меня уже нѣтъ; куда она дѣвалась, о томъ писать долго, да и ни къ чему это не приведетъ. Іосифъ Крашевскій, слѣдовательно, долженъ былъ видѣть его въ тѣ немногіе дни, когда рисунокъ этотъ находился у моего отца. Кто владѣетъ рисункомъ, гдѣ его можно теперь найти, объ этомъ я не могу дать никакихъ указаній. Онъ былъ рисованъ карандашомъ довольно тщательно, но блѣдно; я помню наивную на немъ подробность: на потолкѣ того дома, гдѣ гетманъ принималъ пословъ, между балками нарисована была растянутая паутина съ паукомъ посредию. Гетманъ стоялъ посреди комнаты около стола, покрытаго до пола скатертью или ковромъ, или, какъ тогда называли, „киликомъ“, и держалъ въ правой рукѣ булаву. Въ комнатѣ было помѣщено довольно много фигуръ, послы стояли на первомъ планѣ, обращенныя къ зрителю

Отъ петербургскаго художника Юс. Стан. Дмоховскаго я узналъ, что рисунки Викентія Дмоховскаго приобрѣтаемы были г-номъ Русецкимъ въ Вильяѣ. Чрезвычайная обязательность Б. И. Пулъяновскаго доставила мнѣ возможность получить справку и съ этой стороны: письмомъ отъ 25 Августа 1907 г. Б. И. Пулъяновскій сообщилъ мнѣ, что нынѣшній владѣлецъ коллекціи, художникъ Русецкій, получившій ее отъ отца, сразу призналъ по фотографіи рисунокъ этотъ, какъ находящійся въ копіи, исполненной перомъ и сепіею, въ его собраніи, къ сожалѣнію неразобранномъ; эта копія, неизвѣстно кѣмъ и когда исполненная, не можетъ быть оригинальнымъ рисункомъ Вестерфельда.

Такимъ образомъ надежды мои найдти хоть одинъ оригиналъ Вестерфельда рушились: намъ извѣстны лишь мѣста находенія трехъ копій съ одного рисунка его.

Вопросъ о происхожденіи подписей подъ копіями XVIII вѣка и о степени соответствія ихъ истинному содержанію рисунковъ 1651 года намъ придется еще разсматривать ниже. Въ данномъ случаѣ рѣшительно отвергать свидѣтельство подписи намъ мѣшаетъ то обстоятельство, что въ 1653 году кн. Янушъ дѣйствительно былъ при войскѣ въ Горвалѣ ¹⁾ и слѣдовательно могъ тамъ и принимать или отпускать пословъ Хмѣльницкаго; упоминанія о томъ въ „Діаріушѣ 1653 года“, содержащемъ краткія дневныя записи за время съ 6 Іюля по 12 Сентября ²⁾, мы не нашли, но послы могли прійти туда и позднѣе.

Въ виду того, что содержаніе рисунка соответствуетъ подписи и лишь годъ (1653) здѣсь могъ быть ошибочно отнесенъ къ изображенному событію, хотя въ оригиналѣ онъ означалъ лишь время исполненія рисунка, подобно тому, какъ то предполагаемъ мы относительно другого рисунка (см. выше стр. 239 и табл. I, рис. 2), то нѣтъ основаній не принимать именъ Подобайла и Горваля: первый яено указывается, какъ посоль 1651 г., источниками; мѣстомъ же отпуски или приѣма посольства могъ быть и Горваль, лежащій на Березинѣ близъ впаденія ея въ Днѣпръ, т.-е. нѣсколько выше Рѣчицы; хотя замокъ на рисункѣ по расположенію своему надъ долиной Днѣпра и соответствуетъ замку или кремлю Рѣчицы (см. рис. 1; ср. табл. XIII, рис. 5), но съ послѣднимъ онъ достаточнаго сходства не представляетъ, а замокъ Горваля, стоящаго также надъ рѣчною долиной, имѣлъ такое же примѣрно положеніе.

Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ объяснять рисунокъ этотъ (см. табл. XIII, рис. 6), какъ изображеніе скорѣе приѣма, судя по распечатанному письму въ рукахъ литовскаго гетмана, чѣмъ отпуски, какъ то значится въ подписи, трехъ казацкихъ пословъ, прибывшихъ съ письмомъ Хмѣльницкаго къ кн. Янушу въ лагерь и

бокомъ и плечами, съ лѣвой стороны рисунка... Не припоминаю, чтобы на рисункѣ была подпись и годъ, но можетъ быть я и забылъ это, будучи тогда еще юнымъ, чтобы понимать важность рисунка... Размѣръ рисунка былъ въ листъ обычной канцелярскаго бумаги... Бумага была не слишкомъ груба, немного уже пожелтѣвшая, но не сильно, и, насколько я припоминаю, не походила на старую, древнюю бумагу. Поэтому мнѣ кажется, что это не былъ оригинальный рисунокъ, но лишь копія; но на вѣрное утверждать этого не могу... На водяной знакъ бумаги мой отецъ или Крашевскій обратили бы вниманіе, какъ и на подпись художника. Годъ, какъ мнѣ кажется, былъ написанъ „во 1653-й лѣтъ этого я ужъ не помню“.

¹⁾ Письма его оттуда: 27 сентября и 18 октября (см. Вилен. Арх. Сборн. VIII, стр. 368, и Kotłubał, str. 386).

²⁾ Императ. Публичная Библиотека. Polonica. F. IV. № 133; о немъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже.

отпущенныхъ имъ 3 іюля (нов. ст. = 23 іюня стар. ст.) 1651 года. Мѣсто прибытія и отъезда пословъ „Комментаріемъ“ точно не указано. Во главѣ ихъ стоялъ, согласно съ подписью на копіи конца XVIII вѣка, Степанъ Подобайло. Содержаніе переговоровъ изложено выше (см. стр. 262—263); здѣсь же слѣдуетъ лишь отмѣтить несомнѣнное и очевидное сходство этого рисунка съ прочими издаваемыми рисунками, какъ по манерѣ, по сходству отдѣльныхъ фигуръ, такъ и по реальнымъ деталямъ: при гетманѣ, напримѣръ, мы видимъ его любимыхъ собакъ (ср. табл. I, рис. 2; табл. IV, рис. 2; табл. V, рис. 1; табл. XIV, рис. 4).

Принадлежность этого рисунка Аврааму Вестерфельду засвидѣтельствована описаннымъ нѣкогда Крашевскимъ оригинальнымъ, быть можетъ, рисункомъ XVII-го вѣка (или другою его копіей), а потому мы должны тому же художнику приписать оригиналы и всѣхъ прочихъ, издаваемыхъ нами, рисунковъ. А этотъ выводъ, подтверждаемый, какъ намъ кажется, и буквою W, поставленной подъ многими изъ нихъ (см. табл. VI, рис. 1; VII, 1; XII 2; XIII, 1—4), будетъ, надѣемся, не безынтересенъ и для историковъ голландскаго искусства, которые получаютъ теперь, хотя и въ позднѣйшихъ копіяхъ, цѣлый рядъ рисунковъ художника, о которомъ доселѣ не было извѣстно почти ничего.

Старинные словари художниковъ Фюссли¹⁾ и Наглера²⁾ сообщали объ Авраамѣ ванъ Вестерфельдѣ очень мало, ограничиваясь общимъ указаніемъ на то, что онъ писалъ портреты и въ частности портретъ Василія Луцулы (см. табл. XIV, рис. 1).

„Словарь Польскихъ Живописцевъ“ Раставецкаго³⁾ прибавилъ къ ихъ даннымъ указаніе на статью Крашевскаго (см. выше, стр. 264) и ея изложеніе.

Хр. Краммъ отыскалъ въ старинныхъ каталогахъ распродажъ картинъ упоминанія о произведеніяхъ двухъ Вестерфельдовъ: одному (L. van Westerveld) принадлежалъ рисунокъ чернымъ и краснымъ мѣломъ, изображающій изгнаніе Авраамомъ Агари съ Измаиломъ, другому (A. van Westervelt)—двѣ парныхъ овальныхъ картины, живо написанныхъ, представляющія кавалеровъ и дамъ, занятыхъ музыкой, а также ландшафтъ съ охотниками и собаками. Не имѣя данныхъ о времени жизни этихъ художниковъ Краммъ могъ ограничиться лишь предположеніемъ о вѣроятномъ родствѣ ихъ между собою и о болѣе отдаленномъ—съ живописцемъ Cleerhout van Westervelde, жившимъ во второй половинѣ XV вѣка⁴⁾.

¹⁾ Allgemeines Künstlerlexicon oder kurze Nachricht von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister, Kupferstecher, Kunstgiesser, Stahlstecher u. s. w. Zürich. 1779. S. 709; въ сожалѣнію я не могъ найти этого изданія; въ изданіяхъ 1763 и 1820 г. подъ буквою W. Westerveld'a не значится; въ изданіи 1810 г. (и сл.) говорится о немъ (I. 2. 1811, S. 727) такъ: Westerveld (Abraham), Maler. Wilhelm Hondius hat nach ihm das Bildniss des Prinzen Basilius von Moldau geetzt.

²⁾ Neues allgemeines Künstler-Lexicon... bearbeitet von Dr. G. K. Nagler. XXI Band. München. 1851. S. 333: Westerveld, Abraham, Maler machte sich durch Bildnisse bekannt. W. Hondius radirte jenes des Prinzen Basil von Moldau. Ср. ibidem, S. 339: Westervelde, Cleerhout van, Maler von Gent, arbeitete in der zweite Hälfte des 15 Jahrhunderts (и т. д.).

³⁾ Słownik malarzów polskich tudzież obcych w Polsce osiadłych lub czasowo w niej przebywających przez Edwarda Rastawieckiego. Tom III. Warszawa. 1857, str. 41—42.

⁴⁾ Christiaan Kramm. De levens en werken der Hollandsche en vlaamsche Kunstschilders (etc.). (6 Deel. Amsterdam. 1863) S. 1845:

Westerveld, L. van. waarschijnlijk, vermaagdschapt aan A. Westervelt — Zie aldaar. — Deze wordt vermeld onder de Nederlandsche meesters in den Catalogus van Louis Metayer, Amsterdam

Новѣйшіе подробные словари художниковъ общіе и спеціальные до буквы W не дошли. Въ новой литературѣ по голландскому искусству мнѣ удалось найти, кромѣ упоминанія въ 1649 году фамиліи фанъ Вестерфельдъ ¹⁾, только одно упоминаніе о живописцѣ этой же фамиліи, но безъ собственнаго имени его, такъ что вопросъ о тождествѣ его съ Авраамомъ Вестерфельдомъ рѣшенъ опредѣленно быть не можетъ, хотя хронологическія, также весьма неточныя, данныя тождеству этому и не противорѣчаютъ.

Изъ описанія Роттердама Геррита фанъ Спаана ²⁾, которое вышло первымъ изданіемъ въ 1698 году, извѣстный историкъ голландскаго искусства Корнелиусъ Хофтеде-де-Гроотъ ³⁾ привелъ двѣ цитаты, касающіяся нѣкоего роттердамскаго художника Вестерфельда. Въ списокѣ роттердамскихъ художниковъ уже умершихъ (т.-е. ранѣе 1698 г.) Г. ф. Спааномъ упоминается „Вестерфельдъ (Westervelt), живописецъ и неподражаемый (unübertrefflicher) каллиграфъ“, а въ описаніи лютеранской церкви въ Роттердамѣ упомянута какая-то небольшая стѣнная полка, украшенная какими-то, каллиграфическими повидимому, воспроизведеніями текстовъ Св. Писанія „знаменитымъ Вестерфельдомъ“, который при этомъ объявляется единственнымъ въ мірѣ и неподражаемымъ исполнителемъ буквъ перомъ и кистью ⁴⁾.

Этихъ данныхъ о роттердамскомъ живописцѣ и каллиграфѣ Вестерфельдѣ, къ сожалѣнію, недостаточно для того, чтобы можно было отождествить его съ однимъ изъ трехъ вышеупомянутыхъ художниковъ той же фамиліи.

Наоборотъ едва ли нужно сомнѣваться въ томъ, что А. фанъ Вестерфельдъ, писавшій жанровыя сцены, пейзажи и охоты, былъ именно искомымъ нами живописцемъ и рисовальщикомъ Авраамомъ фанъ Вестерфельдомъ, работавшимъ у кн. Януша Радзивила или для него, повидимому, около десяти лѣтъ ⁵⁾ и сопровождавшимъ его въ 1651 году въ походѣ литовскаго войска на Кіевъ.

1799. bl. 30: Nagar en Ismaël uit het huis van Abraham verdreven; uitvoerig mit zwart en rood krijt, geteekend door L. v. Westerveld.

Westervelt, (A., of van) een onvermeld Kunstenaar, van wien ik twee schilderijen heb beschreven gevonden in den Catalogus van I. W. Barchmann Wuytiers, Utrecht, 1792, onder № 68: Twee stuks gezelschappen van Musicerende Heeren und Dames, fraai geschilderd, ovaal formaat. — Tot welk tijdvak of school ze behooren, is mij niet gebleken, evenmin of de Schilder afstamt van den Vlaamschen Kunstschilder Cleerbout van Westervelde, die bloeide in de tweede helft der XV. eeuw. — Later is mij nog voorgekomen „Een Landschap met Jagers en honden door A. van Westerveld.

¹⁾ Oud Holland. 1887. S. 239. 6 февраля 1649 г. нѣкая Marritge [=Маргарита] Roelofs van Westervelt, молодая дѣвица, заключила договоръ съ Balthasar van Beyerem.

²⁾ Gerrit van Spaan. Beschrijvinge der Stad Rotterdam. 1698. Упоминанія о Вестерфельдѣ (по К. Х. де-Грооту) на стр. 287 и 421 сл. Книга эта осталась мнѣ недоступной.

³⁾ Quellstudien zur Holländischen Kunstgeschichte. Arnold Houbraken und seine „Groote Schouburgh“ kritisch beleuchtet von D-r Corn. Hofstede de Groot. Haag. 1893. SS. 397, 398, 399.

⁴⁾ К. Х. де-Гроотъ приводитъ (S. 398) голландскій текстъ Г. Ф. Спаана (S. 287) безъ перевода и объясненій; пониманіемъ его я обязанъ любезности Э. Э. Ленца, А. А. Неустроева и бар. А. Е. Фелькерзама. Текстъ этотъ таковъ: Onder anderen is in deze Kerk een verwonderenswaardig, doch niet heel groot ophangboord te zien alwaar denige schriftuurplaatsen door den beroemden Westervelt in geschildert zijn. Ik zou wel durven zeggen dat er geen meester in de wereld is of komen zal, die kunstiger, zwieriger of pertinentier letters met de pen of penseel ooit of ooit trekken, schilderen of maken zal.

⁵⁾ Портреты господара Василия Лунулы и его дочери Маріи (см. табл. XIV, рис. 1 и 2) писаны по всей вѣроятности (см. выше стр. 220—222 и 256) еще въ 1644 году; рисунокъ, изображающій сдачу Вобруйска въ началѣ 1649 г., рисованъ, вѣроятно, въ 1651 г. (см. выше стр. 239); рисунокъ приѣма по словъ Хмѣльницкаго—въ 1653 году (см. выше стр. 263).

Художественнымъ памятникомъ этой, столь славной для кн. Януша и столь несчастной для Кіева, экспедиціи и являются тѣ рисунки, которые составляютъ предметъ настоящей работы.

Надо думать, конечно, что кромѣ этихъ иллюстрацій къ текущимъ событіямъ голландскій художникъ исполнялъ для литовскаго гетмана и инья работы, свидѣтельства о которыхъ найдутся, быть можетъ, въ несвижскомъ ¹⁾ или иныхъ польскихъ архивахъ. Ниже мы увидимъ, что послѣ смерти кн. Януша остались ящички съ какими-то рисунками или портретами, а въ завѣщаніи наслѣдника его кн. Богуслава Радзивила прямо названо нѣсколько книгъ съ портретами предковъ и изображеніями ихъ дѣяній, рисованными перомъ. Мы укажемъ ниже одну изъ этихъ именно книгъ, которая хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ и изъ которой заимствованъ издаваемый нами (см. табл. I, рис. 1) портретъ кн. Януша.

Какъ исполнены были оригиналы рисунковъ 1651 г., издаваемыхъ нами по карандашнымъ копіямъ конца XVIII вѣка, мы не знаемъ; однако и свидѣтельство завѣщанія кн. Богуслава Радзивила и, на нашъ взглядъ, самый характеръ кіевскихъ рисунковъ позволяетъ предполагать, что оригиналы исполнены были перомъ, тѣмъ болѣе, что они предназначались вѣроятно, — а относительно выходнаго рисунка (см. табл. II, рис. 2) это даже и несомнѣнно, — для воспроизведенія въ гравюрахъ.

Если такимъ образомъ устанавливается возможность, что Авраамъ фанъ Вестерфельдъ работалъ не только кистью, но и перомъ, то этимъ, помимо соображеній хронологическихъ, увеличивается, на нашъ взглядъ, и возможность отождествленія его съ роттердамскимъ живописцемъ и каллиграфомъ „знаменитымъ Вестерфельдомъ“.

Возвращаемся къ разсказу „Комментарія“ (р. 105—106). Прибытіе трехъ казаковъ въ лагерь показалось подозрительнымъ; тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ, Степанъ Подобайло, оказывался строителемъ и начальникомъ казацкихъ укрѣпленій на Днѣпрѣ при устьѣ Сожа, противъ Лоева. Считая главною цѣлью посольства соглядатайство, литовскій гетманъ задержалъ пословъ въ своемъ лагерѣ до 3-го іюля (н. ст.) и воспользовался ихъ пребываніемъ для введенія врага въ заблужденіе относительно своихъ намѣреній: казацкіе послы видѣли и прибытіе въ литовскій лагерь посланцевъ изъ-подъ Смоленска, просившихъ гетмана о помощи, и переправу черезъ Днѣпръ и уходъ по дорогѣ къ Смоленску отряда Мирскаго, и, по заключенію „Комментарія“, будучи отпущены, принесли своимъ вѣсти объ оборонительныхъ намѣреніяхъ кн. Януша, что впрочемъ, какъ видѣли мы выше (стр. 263), опровергается разсказомъ самого Подобайла о рѣчахъ Януша, грозившаго наступленіемъ.

Между тѣмъ Мирскій имѣлъ тайныя инструкціи напасть, перейдя черезъ Сожъ, 6-го іюля (н. ст.) съ тыла на укрѣпленія Подобайлы. Кн. Янушъ, двинувшись внезапно изъ Рѣчицы 5-го іюля (25 іюня), разбилъ казачій отрядъ, стоявшій у Лоева, 6-го переправилъ часть войска на лѣвый берегъ Днѣпра и совместно съ Мирскимъ не только взялъ казачьи окопы, но разбилъ и подошедшаго было на помощь Небабу, который былъ убитъ.

¹⁾ Б. И. Пуляновскій былъ столь любезенъ, что навелъ справку, нѣтъ ли Вестерфельда въ числѣ корреспондентовъ кн. Януша, но она дала отрицательный результатъ.

Такъ счастливо для литовскаго войска начался походъ 1651 года на казаковъ. „Дай Господи продолжать кампанію такъ же удачно, какъ она началась: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища (т. е. шляхтича), остальные погибшіе челядь“, писалъ кн. Янушъ женѣ въ короткой запискѣ 5-го іюля (= 25-го іюня)¹⁾.

Битва, закончившаяся занятіемъ пустого уже казачьяго лагеря, была всего въ 5 миляхъ отъ Чернигова. Къ Янушу немедленно явились оттуда горожане съ подданствомъ и просьбой о пощадѣ; они обѣщали выдать нѣсколько тысячъ парубковъ, которые стали собираться на помощь Небабѣ.

Къ Чернигову кн. Янушъ послалъ часть войска, а самъ съ другою частью пошелъ къ Любечу. Такъ говоритъ анонимное письмо изъ литовскаго лагеря отъ 7 іюля (27 іюня), ссылаясь на слова татарина, очевидно гонца (Grabowski, I, str. 318).

Но наиболѣе авторитетный источникъ „Комментарій“ (р. 113), рассказываетъ, что, оставивъ во взятомъ лагерѣ казаковъ гарнизонъ и пославъ часть войска къ Любечу для нападенія на стоявшихъ въ немъ казаковъ, самъ гетманъ, съ коннымъ очевидно войскомъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ казаковъ до самаго Чернигова, гдѣ они заперлись. Брать этотъ большой и хорошо укрѣпленный городъ съ многочисленнымъ гарнизономъ было невозможно безъ пѣхоты и артиллеріи, оставшейся на судахъ, и кн. Янушъ послѣдилъ изъ-подъ Чернигова къ Любечу, уже занятому литовцами. Казацкій лѣтописецъ (Лѣтопись Самовидца. Кіевъ. 1878, стр. 27) замѣчаетъ объ этомъ кратко: „князь Радивиль притянулъ подъ Черниговъ, але юже тамъ нѣчого не вскуравши, назадъ повернулъ на Любечъ“.

Въ Кіевѣ же или въ Корсуни московскому посланцу Григорію Богданову „казаки сказывали, что подъ Черниговымъ у козаковъ съ гетманомъ Радивиломъ былъ бой и литовскихъ людей, которые съ гетманомъ Радивиломъ подъ Черниговъ приходили, побили многихъ людей и на бою взяли двѣ пушки огненные, да три пушки полковыхъ. И литовскіе люди отъ Чернигова отступили и стали обозомъ въ шти миляхъ“²⁾. Подтвержденій этому разсказу въ „вѣстяхъ“ болѣе близкихъ къ мѣсту дѣйствія не нашлось, но молчаніе самого кн. Януша о подѣздѣ подъ Черниговъ въ письмѣ къ Кишкѣ (Kotlubaj, str. 344) свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ удачнымъ. Съ другой стороны въ коронный лагерь приходили разсказы уже о взятіи

¹⁾ Письмо это приводитъ въ дневникъ своемъ Станиславъ Освѣцимъ (Кіевская Старина IV, 1882, стр. 333—334).

Подробное описаніе этой битвы,—точнѣе двухъ: подъ Лоевымъ и подъ Рѣвками,—см. Commentarius, pp. 109—113; Pastorius, Bell. scyth. Cosac., p. 202—205; Освѣцимъ (Кіевская Старина. IV. 1882 стр. 334); Rudawski, p. 211.

Письмо (о битвѣ кратко) самого Януша Кишкѣ отъ 13 іюля изъ Любеча см. Kotlubaj, o. s., str. 343—345; письмо очевидца z obozu litewskiego d. 7 Iulii напечатано у Грабовскаго: Starożytności historyczne polskie. I. 1840, str. 317—318. Разсказы о битвѣ этой въ вѣстовыхъ отпискахъ русскихъ пограничныхъ воеводъ (М. Арх. М. И. Д. Дѣла Польскія, 1651, № 1) ничего существеннаго къ польскимъ источникамъ не прибавляютъ. Только изъ Эстрейхера (Bibliografia Polska, tom 4, ogólnego zbioru tom VIII, Kraków. 1882, str. 280) знаю я о существованіи книжки: Janusz Radziwiłł. Aus dem Litauischen Lager unter Lubeczowa zwischen Radziwiłł und Pułkownik Niebaba (genannt Batko). 1651, найти же ее мнѣ не удалось.

Kotlubaj, Życie, str. 167—169; Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій 4-е изд. II, стр. 385—386.

²⁾ Акты, относящіеся до Исторіи Южной и Западной Россіи. Т. III. 1861, № 328, стр. 374.

якобы кн. Янушемъ Чернигова, истребленіи его жителей и опустошеніи страны, изъ чего вѣрно было, конечно, лишь послѣднее ¹⁾).

Подобныя слухи доходили и до московскихъ порубежныхъ воеводъ, но все это было лишь вольными или невольными преувеличеніями дѣйствительности: депутація устрашенныхъ горожанъ слишкомъ поторопилась выдавать „парубковъ“ Хмѣльницкаго и литовскій гетманъ отъѣхалъ отъ Чернигова къ Любечу ни съ чѣмъ.

Любечъ тѣмъ временемъ сдался уже литовскому войску и братъ его кн. Янушу не пришлось ²⁾). Время пребыванія его въ Любечъ опредѣляется датами охранный грамоты мѣстному священнику отъ 11 (1) іюля ³⁾ и письма великому гетману литовскому Кишкѣ отъ 13 (3) іюля ⁴⁾; въ письмѣ этомъ сообщается, что въ Любечъ войску данъ былъ отдыхъ и что рѣшено немедля продолжать наступленіе вглубь непріятельской страны, а заботы объ обезпеченіи Литвы отъ казацкихъ нападений изъ за Двѣпра поручаются Кишкѣ. Изъ „Комментарія“ (р. 114) узнаемъ, что рѣшеніе это принято было на военномъ совѣтѣ, т. к. осада Чернигова признана была непосильною, а дорога на Кіевъ была открыта, какъ сообщали кетати пришедшія извѣстія отъ Гонсевскаго. Въ письмѣ къ Кишкѣ кн. Янушъ о совѣтѣ не упоминаетъ, какъ не упоминаетъ вовсе о подѣздѣ къ Чернигову.

По изложенію „Комментарія“ походъ на Кіевъ, такимъ образомъ, окончательно рѣшенъ былъ лишь въ Любечѣ; но надо думать, что возможность его обдумывалась и раньше; сборъ судовъ на Двѣпрѣ и существованіе плана похода литовскихъ войскъ на Кіевъ еще въ 1649 году (см. выше, стр. 243) показываютъ, что къ этому походу Янушъ готовился, а современныя извѣстія изъ польскихъ источниковъ прямо говорятъ, что движеніе литовскаго войска на Кіевъ входило въ общій планъ и кампаніи 1651 года: тѣмъ характернѣе умолчаніе о томъ „Комментарія“ ⁵⁾.

¹⁾ А. Мясковскій въ письмѣ королю отъ 4 августа 1651 изъ Любартова (Памятника I—II. Кіевъ, 1898, стр. 594); Kochowski. *Annales Poloniae Climacteres* I, p. 281; *Pamiętniki do ranow. Zygm. III Wład. IV i J. Kaz. II*, str. 201; ср. Костомаровъ. *Богд. Хмѣл.* 4-е изд. II, стр. 386.

²⁾ Слова Литоциса Самовидца: „пришовши до Любеча с своими людьми военными, городъ Любечъ осадивъ, и самъ знову переправивши за Двѣпръ, потягнувъ на Кіевъ“, Милорадовичъ понимаетъ такъ: „городъ былъ осажденъ кн. Радзивиломъ и сдался Гонсевскому“; но это невозможно съ двухъ сторонъ: „Комментарій“ прямо говоритъ о томъ, что Радзивиль нашель Lubecam jam a nostris occupatam (р. 114), о пребываніи же Гонсевскаго въ 1651 г. подъ Любечемъ никакихъ свидѣтельствъ нѣтъ; причина ошибки въ невѣрномъ пониманіи слова „осадивъ“: оно здѣсь значитъ „оставилъ въ немъ гарнизонъ“: ср. напр. заглавіе книги Верещинскаго 1595 г.: „Sposob osady nowego Kijowa“.

³⁾ Напечатана въ русскомъ переводѣ у Г. Милорадовича. Любечъ. Москва. 1871, стр. 110—111.

⁴⁾ Kotjubaj. *Życie*, str. 343—345.

⁵⁾ См. напр. *Gazette de France*. 1651 г. № 58, p. 469; de Warsovie le 30 Mars 1651: Le prince Radzivil... a aussi pris sa marche vers Kiovie, ses troupes se grossissant de jour à autre. № 64, p. 518; de Warsovie le 10 Avril 1651: lequel (кн. Янушъ), par ordre de sa Majesté Polonoise, s'avance maintenant vers l'Ukraine pour se joindre au gros des troupes Polonoises. № 91, p. 753; de Warsovie le 17 Juin 1651: le prince (Янушъ) allant le long de Boristhène pour prendre les ennemis en queue. Тамъ же въ письмѣ отъ 30 іюня изъ Варшавы сообщается уже о пораженіи и даже плѣненіи Небабы „près de Kiovie“ (о. с. № 97, p. 782).

Кн. Альбр. Ст. Радзивиль въ своемъ дневникѣ (*Pamiętniki II*, str. 451) извѣстіе о письмѣ короля къ Янушу съ приказомъ идти подъ Кіевъ занесъ подъ августомъ 1651: если письмо было писано дѣйствительно въ этомъ мѣсяцѣ, то оно не могло, конечно, вліять на рѣшеніе совѣта въ Любечѣ.

Равнымъ образомъ неосновательными представляются мѣтвѣ и утвержденія нѣкоторыхъ старшихъ и новыхъ историковъ, якобы движеніе литовскаго войска на Кіевъ явилось результатомъ извѣстій о

Ниже мы увидимъ, что въ половинѣ іюля нов. ст. (ранѣе 5 іюля ст. ст.) въ Кіевѣ получены уже были увѣщательныя письма кн. Януша, требовавшія покорности города и извѣщавшія о скоромъ его приходѣ туда: отправлены они должны были быть, очевидно, ранѣе военнаго совѣта въ Любечѣ.

Но несмотря на то, что походъ литовскаго войска на Кіевъ былъ уже предрѣшенъ, Хмѣльницкій, повидимому, полагалъ и, вѣроятно, имѣя къ тому какія-либо основанія, что кн. Янушъ вовсе не намѣренъ содѣйствовать успѣхамъ польскаго войска въ Украинѣ. Это видно и по посольству его къ кн. Янушу, о чемъ рѣчь была выше, и по тому, что уже послѣ пораженія подъ Берестечкомъ въ Паволочи на вопросы горожанъ, не будетъ ли въ Украинѣ и литовское войско, онъ отвѣчалъ: „не будетъ, я имѣю въ этомъ обѣщаніе отъ кн. Радзивила, что онъ будетъ только стоять на границѣ“, а когда туда пришла вѣсть о гибели Небабы и горожане снова завели съ Хмѣльницкимъ рѣчь о литовскомъ войскѣ, то тотъ воскликнулъ: „Это князь Радзивиль не держитъ своего мнѣ слова!“ (Grabowski. Starożytności I, str. 276, 277). Какъ ни мало вѣрили поляки Хмѣльницкому, но эти слова его были, конечно, подхвачены врагами Януша.

Хотя дѣйствія отряда Викентія Гонсѣвскаго нашей темы ближайшимъ образомъ и не касаются, но приходится вкратцѣ упомянуть и о нихъ, потому что этотъ именно отрядъ явился въ 1651 году подъ Кіевомъ значительно ранѣе главной литовской арміи съ кн. Янушемъ во главѣ, почему въ источникахъ эти вожди нерѣдко смѣшиваются.

Быстрое наступленіе коннаго, трехтысячнаго (Commentarius, p. 115), отряда Гонсѣвскаго произведено было черезъ Полѣсье, гдѣ еще ранѣе успѣшно дѣйствовали противъ казаковъ отрядъ Павши ¹⁾. Время отправленія Гонсѣвскаго точно „Комментаріемъ“ не указывается, но упоминается (p. 106) какъ состоявшееся ранѣе битвы подъ Лоевымъ. Успѣшность дѣйствій Гонсѣвскаго отмѣчается и авторомъ „Комментарія“, но они излагаются очень кратко и ставятся даже въ причинную связь съ побѣдою самого гетмана подъ Лоевымъ и Рѣпками, что довольно сомнительно: т. к. если побѣда эта не заставила сдать даже близкій Черниговъ, то почему она должна была деморализировать казачьи отряды за Припетью? „Комментарій“ (p. 115—116)

побѣдъ короля подъ Берестечкомъ, т.-е. или о битвѣ 1 іюля н. с. (20 іюня ст. ст.), или о взятіи лагеря черезъ десять дней послѣ того.

См. напр. Pamiętniki (etc)... wydał Wóycicki. II, str. 200—201: Xionże do wienkszej odwagi udał się wiedzouc o tryumfach nad Kozakami pod Beresteczkiem... a widzouc pomyslne sukcessa y od Krula otrzymawszy ordynaans w głomb Ukrainy po nad Dnieprem postempował ku Kijowu.

Н. Костомаровъ, Б. Хмѣльницкій. 4-е изд. II, стр. 385: „Пока неизвѣстно было, чѣмъ кончится война на Волыни, Радзивиль не трогался съ мѣста и стоялъ лагеремъ подъ Рѣчицей; только по Полѣсью происходили стычки. Но когда король извѣстилъ его о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и поручилъ соединиться съ войскомъ, которое поидетъ въ Украину, Радзивиль послалъ въ передравѣ отряды“... и т. д.

Если даже не вѣрить вовсе разсказу „Комментарія“ о заблаговременномъ планѣ соединенія съ Мирскимъ 6-го іюля (см. выше), то и тогда нападеніе на Подобайлу 5-го іюля едва ли можно было предпринято по полученіи извѣстій о битвѣ 1-го іюля.

¹⁾ См. письмо его кн. Янушу, помѣченное 24 іюня (нов. ст.), у Грабовскаго. I, стр. 314—315.

упоминаетъ побѣды Гонсѣвскаго подѣ Чернобылемъ и на рѣкѣ Ирпнѣ¹⁾; ранѣе же (р. 106) было уже сказано, что Гонсѣвскому еще до битвы подѣ Лоевымъ дано было вполне самостоятельное порученіе (*permissa ei pleniori Regiminis potestate*) не только охранять границы Литвы по Припети, но наводить страхъ и на казачью территорію. Авторъ тамъ же признаетъ, что порученіе это Гонсѣвскимъ исполнено было прекрасно (*dextre*). Очевидно поэтому, что его успѣшное движеніе не было слѣдствіемъ побѣды Януша при Лоевѣ, а скорѣе наступленіе Януша на Кіевъ было результатомъ успѣховъ Гонсѣвскаго: хотя авторъ „Комментарія“ вѣсть о нихъ называетъ лишь новымъ аргументомъ для наступленія²⁾, но рѣшающее значеніе донесенія Гонсѣвскаго объ его быстромъ и успѣшномъ движеніи къ Кіеву сознается, видимо, и имъ³⁾.

По нѣкоторымъ донесеніямъ въ Москву о зарубежныхъ дѣлахъ въ Кіевѣ 3 іюля (ст. ст.) была, якобы, у Хмѣльницкаго, пріѣхавшаго туда изъ Паволочи, рада съ казаками, послѣ которой „гетманъ Хмелницкой черкасѣ распустить по домамъ для запасовъ, а собрався де съ запасы итти имъ въ сходъ въ Кіевъ и стоять противъ поляковъ въ Кіевѣ“, но иныхъ подтвержденій рассказамъ этимъ я не нашелъ (ср. Костомарова. Богданъ Хмѣльницкій, 4-е изд. II, стр. 391).

Зато вполне достоверно извѣстіе путивльскаго торговаго человѣка Семена Урюпина, выѣхавшаго изъ Кіева 5 іюля, о присылкѣ туда кн. Янушемъ увѣщательныхъ писемъ: „да при немъ же де, государь,—писалъ въ Москву Путивльскій воевода,—Семенѣ присланъ въ Кіевъ къ полковнику отъ гетмана Радивила листъ, чтобъ они, Кіевляня, королю и Речи Посполитой добили челомъ, будетъ де не добьютъ челомъ и онъ де Радивиль хочетъ на нихъ итти вскорѣ, и въ Кіевѣ де отъ гетмана Радивила великое страхованье“.

Не прошло недѣли, какъ страхи эти получили реальное подтвержденіе появленіемъ подѣ Кіевомъ разбѣздовъ Гонсѣвскаго. „Лѣтописецъ“ кіевскаго шляхтича Іоахима Ерлича о приходѣ его говоритъ такъ (I, стр. 124): „Князь (Янушъ) послалъ отъ себя отрядъ (*pospolstwo*) Гонсѣвскаго на другую сторону Днѣпра къ Чернобы-

¹⁾ *Is post cladem Niebabae, ad impulsam hostium fortunam urgendam, opportunitatem obviam non omisit. Sed pavore hostium animadverso, ad Czernobilum movens, inde Antonium et Orcussam Tribunos hostium exegit. Quos Kioviam versus cum copiis recedentes ad flumen Hirpinum consecutus, commissa pugna strenue adoritur, ac feliciter profligat. Mox ibidem difficilem ad Cholmam oppidum trajectum occupat. Unde ad Kioviam facilis, nec ullo objecto impedimento, retardandus accessus aperiebatur. Hujus rei successu per literas exposito, nunciat utrumque Tribunalium sese recepisse Kioviam, in spem virium in ea urbe rursus instaurandarum.*

Пасторій (*Bell. scyth. Cosac.*, р. 223—224) мѣсто битвы Гонсѣвскаго съ соединившимися казачьими полковниками Оркушей и Антономъ опредѣляетъ пятою милей отъ Кіева и упоминаетъ о какихъ-то сожженныхъ ими засѣкахъ и мостѣ (*impedimentis et ponte exusto*). О разбѣздахъ подѣ Кіевъ—Grondski. *Hist. belli cosaco-polonici*, р. 130.

О битвѣ этой и сожженіи моста говорится вкратцѣ по письму отъ 10 августа 1651 г. изъ Литвы въ *Gazette de France* 1651, № 125, pp. 1037—1038: Гонсѣвскій=Gersiewski, численность его отряда 5000.

²⁾ *Commentarius*, р. 115: *His rationibus* (высказывавшимся въ пользу наступленія на совѣтъ въ Любечѣ) *novus accessit stimulus e nuncio ac literis Vincentij Corvini Dapiferi M. D. L. in ipso plane hujus deliberationis articulo supervenientibus.*

³⁾ *Quo cognito Dux Radivillus abjecta omni mora aggrediendam Metropolim hostium, eosque in suis latibulis quaerendos potius putavit, quam committendum, ut fractas virtute nostrorum vires per otium redintegraret* (о. с., р. 116).

лицъ; онъ отъ Чернобыля ища оныхъ (т.-е. казаковъ) по разнымъ мѣстамъ и бѣя ихъ уничтожалъ, а потомъ двинулся къ Кіеву и подойдя къ Дымиру, пять миль отъ Кіева, сталъ тамъ, посылая разъѣзды, испугавшись которыхъ хлопская вольница убѣжала совсѣмъ изъ Кіева въ Триполье, откуда [потомъ] вернулась назадъ въ Кіевъ“. Живое описаніе паники, происшедшей въ Кіевѣ при появленіи Гонсѣвскаго даетъ московскій подъячій Григорій Богдановъ, проѣзжавшій черезъ Кіевъ около этого времени ¹⁾ съ назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ изъ Москвы къ Хмѣльницкому.

Естественно поэтому, что горожане и духовенство, которые тѣснѣе, чѣмъ казаки, связаны были съ Кіевомъ и его благополучіемъ и до которыхъ доходили увѣщательныя и примирительныя воззванія польскихъ властей, обратились къ мысли о покорности сильнѣйшему, чего не было бы, вѣроятно, если бы казакамъ дѣйствительно удалось разбить литовскую армію, или хотя бы передовой отрядъ ея — Гонсѣвскаго. Григорій Богдановъ излагаетъ это вмѣшательство въ ходъ войны кіевского духовенства такъ: „Писалъ въ Корсунь до гетмана изъ Кіева кіевской полковникъ Онтонъ, что стоялъ онъ за Кіевомъ на заставѣ и съ ляхами бой у него былъ не одинова, и до Кіева польскихъ воинскихъ людей не допускалъ; и Кіевскій де митрополитъ и Печерской архимандритъ до него полковника писали съ большимъ прошеніемъ: вѣдомо де имъ ²⁾ учинилось подлинно, что гетманъ Родивильъ посылаетъ на него, полковника, и его полку на козаковъ большихъ воинскихъ людей, и приказалъ имъ такъ: какъ де вы полковника Кіевского и казаковъ на заставѣ побьете, и они бѣ воинскіе люди шли до Кіева и въ Кіевѣ бѣ церкви Божіи и дома разорили до конца и кіевляны бѣ всѣхъ, кого застанутъ, всѣхъ высѣкли; и ему де, полковнику, противъ большихъ воинскихъ людей не устоять, и онъ бы, полковникъ, противъ поляковъ больши того за Кіевъ не стоялъ и отступилъ бы отъ Кіева прочь; а онъ де, митрополитъ, до Радивиля пошлетъ отъ себя посланцовъ своихъ, чтобъ онъ воинскимъ людямъ въ Кіевѣ церквей Божіихъ разорять и православныхъ христіанъ сѣчь не велѣлъ, потому что они духовного и свѣтцого—всякихъ чиновъ людей въ подданствѣ и во всей его королевской волѣ быти хотятъ; а что де казаки противъ

¹⁾ „А какъ Назаретской митрополитъ и подъячей, вѣдучи до гетмана, были въ Кіевѣ, и въ тѣ поры польскіе люди пошли было до Кіева, и кіевской полковникъ Онтонъ съ казаками, не допуская польскихъ людей до Кіева, встрѣтилъ за пятнадцать верстъ, и польскіе люди съ казаками учинили бой и бились во весь день, и казаки польскихъ людей побили и до Кіева ихъ не допустили. А какъ у казаковъ съ поляки былъ бой, и кіевскіе мѣщане животы свои изъ Кіева вывозили и сами выбѣжали за Днѣпръ и Кіевъ покинули пусть; а какъ кіевскіе мѣщане изъ Кіева бѣжали и животы свои возили, и въ тѣ поры съ великого страхованья другъ друга топтали, и межъ ими въ Кіевѣ по улицамъ и на перевозѣхъ тѣснота была большая. А митрополитъ и подъячей въ тѣ поры отъ польскихъ людей, будучи въ Кіевѣ, были въ великомъ страхованьѣ. А въ Кіевѣ города и крѣпостей никакихъ нѣтъ, и въ осадѣ сидѣть отъ воинскихъ людей негдѣ“ (Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 473).

Богдановъ въ Корсунь прибылъ 13 (23) іюля, а отпущенъ оттуда былъ 18 (28); обратно онъ ѣхалъ, повидимому, уже мимо Кіева.

²⁾ О письмахъ кн. Януша именно къ духовенству говорится въ письмѣ изъ Варшавы отъ 28 августа 1651 въ Gazette de France (1651, № 129, p. 1073): Le duc Radzivil ayant passé avec son armée le Niéper et defeat tout ce qui s'opposoit à sa marche, a donné avis à l'Evesque de Kiow de sa marche vers cette ville là et de sa résolution d'y epargner tous ceux qui ce soumettront vouleraiment à Sa Majesté Polonoise, comme au contraire d'exterminer tous ceux qui persisteront en leur rebellion.

короля стоять и войну ведутъ и Кіевомъ владѣють, и то де чинится не по ихъ волѣ. И онъ де полковникъ съ заставы съ козаками сполъ и сталъ выше Кіева во дву миляхъ; и вѣдомо де ему полковнику учинилось, что митрополить до Радзивила посланца посылалъ съ большимъ прошеніемъ, чтобы онъ, Радзивиль, воинскихъ людей для обереганья въ Кіевъ послалъ, а они де во всей королевской волѣ быти хотять. И Радзивиль де воинскихъ людей въ Кіевъ послать не смѣетъ“ (Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 472). Въ этомъ извѣстїи, авторитетность котораго заподозрѣвать едва ли можно, единственнымъ явно не согласующимся съ польскими данными фактомъ является имя Радзивила: онъ приблизился къ Кіеву только 4-го августа новаго стilia, т.-е. 25 іюля ст. ст., когда соединился въ Вышгородъ съ отрядомъ Гонсѣвскаго, а тогда Богдановъ успѣлъ уже проѣхать обратно. Очевидно, что подъ войсками Радзивила тутъ нужно разумѣть отрядъ Гонсѣвскаго.

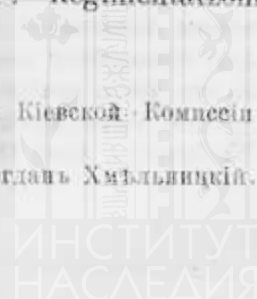
Еще ранѣе прихода кн. Януша въ Вышгородъ до короннаго войска, бывшаго тогда подъ Любартовымъ, дошли слухи, что литовское войско заняло уже „Вышгородокъ, въ трехъ миляхъ отъ Кіева и высѣкло“ его жителей¹⁾; это могъ быть, очевидно, лишь отрядъ Гонсѣвскаго.

Онъ и самъ не замедлилъ дать о себѣ знать и коронному войску, хотя посланецъ его о движеніи кн. Януша далъ не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія: Андрей Мясковскій писалъ королю изъ-подъ Любартова отъ 4 августа (=25 іюля): „при такомъ медленномъ и голодномъ движеніи нашемъ не мало радуютъ насъ прогрессы войска Вашей Королевской Милости Литовскаго, какъ далъ намъ о нихъ вчерашняго дня обширную реляцію товарищъ (т.-е. конный шляхтичъ), посланный къ пану Краковскому (Николаю Потоцкому) отъ пана стольника Литовскаго (Гонсѣвскаго), какъ послѣ погрома Небабы Черниговъ былъ взятъ и высѣченъ, какъ и далѣе идетъ впередъ панъ гетманъ (кн. Янушъ) къ Остру и Нѣжину, какъ подъ Дымиромъ панъ стольникъ Литовскій сильно погромилъ козаковъ, какъ и городъ Кіевъ прислалъ просить о милосердіи“ (Памятники. I—II. изд. 2-е. Кіевъ, 1898, стр. 594).

Очевидно, со словъ того же самаго гонца писалъ и анонимный авторъ письма отъ 4-го же августа (н. ст.) (см. Grabowski. I. str. 336—337): „о литовскихъ прогресахъ пришла сегодня вѣсть, что князь гетманъ Литовскій подъ Дымиромъ Антона и Оркушу разбилъ. Митрополить Кіевскій съ архимандритомъ и всѣмъ городомъ послалъ къ нему просьбу о милосердіи а вмѣстѣ и о гарнизонѣ („залогъ“), приславъ одного чернеца Кіевской Академіи и старшину въ заложники (того), что они будутъ держать вѣрность, что не будутъ принимать ни казаковъ, ни бунтовщиковъ“. Здѣсь наоборотъ побѣды Гонсѣвскаго приписаны кн. Янушу, но очевидно, что къ Гонсѣвскому, но не къ Янушу, пришли и кіевляне съ изъявленіями подданства. Эта „Supplika Kijowian“, приложенная къ письму (ibid. str. 337—338), адресована не князю Янушу, а „jaśnie oświeconym, jaśnie wielmożnym, IM.PP. Regimentarzem wojska J. K. Mei WXLit., i wszystkiemu kołu rycerskiemu“²⁾.

¹⁾ Письмо Андрея Мясковского королю отъ 1 августа нов. ст. (Памятники Кіевской Комиссіи 2-е изд. I—II, 1898, стр. 592).

²⁾ Посланіе это приведено въ переводѣ цѣликомъ у Н. Костомарова (Богданъ Хмельницкій.

„Со слезами просимъ мы, чтобы милостивые паны соблаговолили оказать милосердіе какъ намъ, такъ домамъ Божіимъ и всему городу Кіевскому, не допуская хоругвей до опустошенія (его), такъ какъ мы никогда не поднимали рукъ противъ Помазанника Божія, но молили Величество Божіе за счастливое его царствованіе; напротивъ того много шляхты и шляхтянокъ во время этихъ заварухъ попрятали мы здоровыми, которые сами о томъ расскажутъ. Давно уже обратились бы мы съ этой покорностью (нашей) къ Вамъ милостивымъ панамъ, если бы только намъ было позволено свободно (къ вамъ) пріѣхать, и просимъ здѣсь вторично о защитѣ (насъ) отъ военной силы (ot impetōw wojennych). Въ Кіевѣ. У Св. Софїи дня 21 іюля года 1651 (т.-е. 11 іюля стараго стиля).

Сильвестръ Коссовъ, Кіевскій, Галицкій митрополитъ.

Іосифъ Тризна, архимандритъ Кіевскій Печерскій.

Войтъ. Бурмистръ. Райцы города Его Королевской Милости Кіева“.

Намъ кажется, что краткость и нескладность посланія ясно указываетъ на спѣшку, съ которой составлялся текстъ его въ охваченномъ паникой городѣ. Посланцы съ этимъ письмомъ явились такимъ образомъ къ Гонсѣвскому почти за двѣ недѣли до прихода подъ Кіевъ кн. Януша: правъ былъ, слѣдовательно, панегиристъ Гонсѣвскаго, Михайль Венславскій, когда упомянувъ, къ сожалѣнію весьма кратко, военные подвиги его за описываемое здѣсь время кончалъ перечень ихъ фразою: *dum Kiovios arcus, pharetrasque rebelles captivas tradit Dux RADIVILE Tibi*, пародируя надпись на медали кн. Януша на занятіе имъ Кіева (см. выше, стр. 209)¹).

Гетманъ короннаго войска, Николай Потоцкій, съ своей стороны писалъ митрополиту и кіевлянамъ, какъ сообщаетъ то-же письмо отъ 4 августа изъ-подъ Любартова, извѣщеніе, что „онъ идетъ въ Украину съ войскомъ Его Королевской Милости для умиротворенія бунтовъ, если есть таковыя, и предписывая всѣмъ вѣрнымъ Его Королевской Милости подданнымъ сидѣть по домамъ, не проявляя *nullam hostilitatem*“ (Grabowski. I, str. 337). Но, вѣроятно еще ранѣе полученія объявленія этого, митрополитъ послалъ уже монаха и въ коронное войско, куда (подъ Ружину) тотъ добрался лишь 11-го августа, будучи якобы задержанъ Хмѣльницкимъ, и привѣтствовалъ Потоцкаго витіеватою рѣчью: вѣроятно и этотъ посланецъ былъ изъ Академіи (*ibid.*, str. 280). Другой явился съ тѣмъ же 30 августа (*ibid.*, str. 290). Кіевляне, приходившіе въ коронный лагерь, увѣряли, конечно, поляковъ, что они предпочитаютъ покориться лучше имъ, чѣмъ литовскому войску (*ibid.* I, str. 276: *diariusz obozowy*, 5 Aug.).

Итакъ, задолго до прихода литовскаго войска горожане Кіева и духовенство изъявляли уже покорность обѣимъ двигавшимся на Кіевъ арміямъ: литовской и коронной. Наоборотъ, Хмѣльницкій, если вѣрить тому, что говорили въ Корсунѣ

4-е изд. II, стр. 388) съ ошибкою въ датѣ: 29, и измѣненнымъ почему то адресомъ: „...пану-гетману войска литовскаго“. На той же страницѣ въ уста кн. Януша вложенъ отвѣтъ, данный Ник. Потоцкимъ другой подобной депутаціи (см. ниже). Враждебно и невольнѣ согласно съ источниками изложено на стр. 409 и пребываніе кн. Януша въ Кіевѣ.

¹) *Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski... a Samuele Węśławski... 1664 atque... a Michaele Węśławski... Anno 1691*, въ предисловіи.

московскому посланцу, не допускалъ и мысли о сдачѣ Кіева безъ боя и писалъ о томъ соотвѣтственныя письма и полковнику Антону Ждановичу и митрополиту 1).

Были ли въ это время у Хмѣльницкаго подъ рукою въ дѣйствительности два полка, которые онъ могъ бы послать въ Кіевъ, пришли ли они туда въ самомъ дѣлѣ, это остается неяснымъ: какъ увидимъ ниже, какіе-то казаки и даже съ пушками въ Кіевѣ передъ занятіемъ его дѣйствительно были, но оказать сопротивленіе они были не въ силахъ: вѣроятно все, что это были казаки Ждановича, вернувшася въ Кіевъ послѣ грознаго письма гетмана.

Но такое же отсутствіе данныхъ оказывается и относительно литовскаго войска для всего времени, двухъ почти недѣль, между выходомъ его изъ подъ Любеча и до прихода къ Вышгороду.

„Комментарій“ сообщаетъ (р. 117) объ усиленіи передъ уходомъ гарнизоновъ Рѣчицы и Лоева и о томъ, что въ Любечѣ для защиты литовской границы противъ черниговскихъ казаковъ оставленъ былъ староста Мозырскій (Фронцкевичъ) съ тремя тысячами войска и въ томъ числѣ съ пѣхотою принца Франциска Эрдманна Саксенъ-Лауенбургскаго (см. выше, стр. 257); самого же принца съ его коннымъ отрядомъ кн. Янушъ пожелалъ имѣть себѣ спутникомъ; въ Любечѣ же оставлены были и все лагерныя тяжести (*cum omnibus impedimentis castrensibus*; дальнѣйшій походъ совершился, очевидно, налегкѣ: т.-е. пѣхота и пушки спускались на судахъ, а конница шла по лѣвому берегу Днѣпра, о переправѣ черезъ который подъ Любечемъ упоминаетъ Лѣтопись Самовидца (см. выше, стр. 271, пр. 2). Не давая никакихъ подробностей этого похода авторъ „Комментарія“ отмѣчаетъ, однако, трудность его (р. 117: *post ardui itineris molestiam*). Изъ-подъ Любеча же кн. Янушъ назначилъ Гонсеѣвскому мѣстомъ соединенія Вышгородъ (*ibid.*, р. 117).

Въ иныхъ источникахъ найти подробности объ этой части похода также не удалось: если 25 іюля нов. ст. во Львовѣ было извѣстно, что коронный гетманъ Ник. Потоцкій думалъ найти литовское войско съ его гетманомъ уже въ Кіевѣ, т. к. оно оттуда въ двухъ миляхъ (*Grabowski. I, str. 333*), то изъ этого извѣстія не совсѣмъ ясно, не имѣлся ли и тутъ въ виду лишь отрядъ Гонсеѣвскаго.

Князь Янушъ былъ, видимо, не вполне увѣренъ въ исполнимости начатаго наступленія на Кіевъ и старался получить поддержку отъ Потоцкаго. „Литовскій гет-

1) Григорій Богдановъ о Хмѣльницкомъ сообщаетъ слѣдующее: „тотчасъ до кіевскаго полковника послалъ листъ, что онъ Кіевъ покинулъ безъ его гетманскаго росказастья, и за то онъ будетъ каранъ войсковымъ караньемъ, потому что то учинилъ не добро: самой стольной городъ и церкви Божіи и святыя мощи, откудава православная христіанская вѣра зачалась и возсіяла яко солнце, выдалъ въ лятцкіе въ еретическіе руки на поруганье: и онъ бы полковникъ тотчасъ шолъ на заставу въ прежіе мѣста и до Кіева польскихъ воинскихъ людей не допускалъ; а онъ де гетманъ дву полковниковъ къ нему пошлетъ тотчасъ. И того жъ числа гетманъ велѣлъ въ Кіевъ для обереганья итти дву полкамъ, Уманскому и Бѣлоцерковскому. Да гетманъ же писалъ до митрополита, чтобъ онъ въ Кіевѣ жилъ безо всякаго страхованья и молилъ Бога, чтобъ православная христіанская вѣра отъ еретическихъ рукъ была свободная; а до полковниковъ бы его и до козаковъ о такомъ дѣлѣ, чтобъ за Кіевъ козаки не стояли, впредь не писалъ; а хотя де Господь Богъ милость свою за ихъ многое согрѣшенъе отъ нихъ православныхъ христіанъ отрынетъ и выдастъ ихъ въ еретическіе руки, и ему митрополиту смерти бояться не годится: хотя за православную вѣру и постражеть, и онъ отъ Господа Бога вѣнецъ восприметь“ (Акты Южн. и Зап. Россіи III, стр. 472—473).

манъ, князь Радзивиль, — пишетъ Освѣцимъ (Кіевская Старина. IV. 1882, стр. 543), — побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣ двигались къ Кіеву; онъ пѣвѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ казаками, [т.-е. надъ Небабой] и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія“... Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что не получивъ пресимаго содѣйствія коронаго войска, Янушъ, какъ увидимъ ниже, занявъ Кіевъ счелъ его своею добычей и явно не склоненъ былъ пускаться туда коронаго войска.

Вышгородъ, какъ мы видѣли выше, былъ занятъ или по крайней мѣрѣ разоренъ отрядомъ Гонсѣвскаго еще въ концѣ іюля (нов. ст.), до прибытія туда князя Януша.

Подъ 2-мъ августа (=23 іюля) Ерличъ записалъ въ своемъ Лѣтописцѣ (т. I, стр. 124) слѣдующее: „Панъ Гонсѣвскій получивъ извѣстіе о своевольникахъ (т.-е. о возвращеніи казаковъ въ Кіевъ) идетъ къ Кіеву и становится лагеремъ на выгонѣ¹⁾. Тотчасъ начались стычки, сѣзжались „герцами“; Господь Богъ не благословилъ этихъ своевольниковъ, тирановъ: накосили у нихъ головъ. Увидавъ, что дѣло ихъ можетъ быть проиграно, начали они палить предмѣстье на случай штурма, чтобы нельзя было близко подойти, и сожгли пятьдесятъ хижинъ“.

3-го августа (нов. ст.) по Ерличу къ Гонсѣвскому на помощь отъ кн. Януша прибыла на помощь „по Днѣпру на байдакахъ пѣхота около 1500, за которую поспѣшалъ и самъ онъ со всѣмъ литовскимъ войскомъ“ (ibid., I, стр. 125).

Такимъ образомъ 3 августа (=24 іюля) предположенное соединеніе обѣихъ, пошедшихъ въ походъ, частей литовскаго войска состоялось.

Съ пребываніемъ, всего однодневнымъ, кн. Януша въ Вышгородъ связывается однако два легендарныхъ разсказа объ иконѣ Божіей Матери, находившейся въ тамошней церкви Бориса и Глѣба. Они связаны съ историческимъ фактомъ разоренія Вышгорода литовскими жолнерами, которое помимо приведеннаго выше свидѣтельства Мясковскаго подтверждаетъ также въ своей челобитной царю священникъ Борисоглѣбской Вышгородской церкви Василій Прокофьевъ: „въ прошломъ, государь, во 159-мъ году внезапно, государь, пришло Лядцкое войско и церковь Божию сожгли и меня, богомольца твоего, до конца разорили и отца, государь, моево и брата моего священника Ивана Нѣмца разстрѣляли“ (Акты Южн. и Зап. Россіи. III, стр. 481. Апрѣль 1652).

Легенду о чудесномъ прибытіи въ Кіевъ по Днѣпру Братской иконы Божіей Матери²⁾ приурочиваютъ къ разоренію Вышгорода то въ 1651 литовскимъ войскомъ кн. Януша Радзивила, то въ 1662 поляками и татарами; связанный съ этимъ разсказъ о томъ, что и сама деревянная церковь Бориса и Глѣба была якобы разобрана для постройки моста черезъ Днѣпръ, къ событіямъ 1651 г. явно не подходитъ,

¹⁾ Na błoni, „на Оболони“ переведено въ Матеріалахъ по историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 42, согласно наименованію ровнаго мѣста, тянущагося вдоль Днѣпра отъ Подола до Вышгорода.

²⁾ Описаніе ея и изображеніе см. въ книгѣ Н. Мухина: Кіево-Братскій Училищный Монастырь. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1893. 8^о, стр. 94—95, 279—280, табл. II, и въ брошюрѣ его же, того же заглавія (Историко-Археологическій Очеркъ. Кіевъ. 1895 8^о) стр. 9—10 и 31, табл. II.

т. к. тогда никакой переправы въ Вышгородѣ не было. Древнѣйшій разсказъ о прибытіи иконы изъ Вышгорода по Днѣпру находится впрочемъ лишь въ припискѣ въ „Альбомѣ Академическомъ“ при рисункѣ ея Иларіона Мигуры 1706 года ¹⁾ и говорить о 1662 годѣ, а не 1651-мъ. Такимъ образомъ самое прибытіе Братской иконы Б. М. изъ Вышгорода въ Кіевъ къ нашей темѣ не относится.

Но есть иной разсказъ менѣе легендарнаго характера, передаваемый также сказаніемъ о Братской иконѣ; къ сожалѣнію, мнѣ извѣстенъ онъ не въ старинномъ оригиналѣ, а лишь въ двухъ новыхъ пересказахъ, разнящихся въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, почему приводить ихъ и излишне ²⁾. Сущность ихъ такова: кн. Радзивиль, сжегши Кіево-Подоль, подошелъ къ Вышгороду, гдѣ онъ переправился за Днѣпръ. Одинъ жолнеръ, глумясь надъ иконами въ Борисоглѣбской церкви, ударилъ оружіемъ по лику иконы Б. М. Ночью Божія Матерь явилась во снѣ кн. Радзивилу и грозно требовала смерти война: „аще, рече, обиду мою стерпиши и уязвленія, княже, не отметиши, да вѣси, яко не изыдиши отсюду“. Утромъ Радзивиль повѣсилъ виновнаго жолнера и ушелъ съ войскомъ изъ Вышгорода, не сдѣлавъ ему никакого вреда.

Историческія показанія легенды этой или не подтверждаются источниками, или опровергаются. Указаній на отступленіе кн. Януша изъ-подъ Кіева черезъ Вышгородъ мнѣ неизвѣстно: ниже мы увидимъ, что изъ-подъ Бѣлой Церкви литовское войско ушло въ Литву, по всей видимости, прямою дорогою, вовсе не заходя вторично въ Кіевъ; ни о какой переправѣ кн. Януша черезъ Днѣпръ подъ Вышгородомъ современные источники не говорятъ; изъ разсказа „Комментарія“ про краткое пребываніе кн. Януша въ Вышгородѣ не видно, чтобы онъ провелъ тамъ хотя бы одну ночь; наконецъ разореніе Вышгорода засвидѣтельствовано, какъ мы видѣли, съ двухъ разныхъ сторонъ.

Остается сущность разсказа, хотя сама по себѣ и мало оригинальная, но, въ приложеніи къ кальвинисту, приобрѣтающая особо поучительный характеръ и соответствующая несомнѣнному свидѣтельству (см. ниже) объ увозѣ имъ частицъ отъ мощей Св. Варвары. Мнѣ представляется поэтому возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что сущность разсказа (сновидѣніе и наказаніе жолнера), если не основана на дѣйствительномъ фактѣ, то, по крайней мѣрѣ, возникла во время относительно близкое къ 1651 году. Я хотѣлъ, было, поэтому искать разсказъ этотъ среди 445 чудесъ Божіей Матери, собранныхъ Іоанниемъ Галаятовскимъ въ его „Новомъ Небѣ“, но, если бы такой разсказъ тамъ имѣлся, то онъ несомнѣнно отмѣченъ былъ бы Н. Θ. Сумцовымъ ³⁾. Такимъ образомъ, не располагая достаточно древними свидѣтельствами

¹⁾ В. Аскоченскій. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Кіевъ. 1856. Часть I, стр. 309, 346. Закревскій, стр. 150, 261; Мухинъ, стр. 95, пр. 1: о мостѣ не упоминается, рѣчь идетъ о плотахъ лишь; мостъ является въ разсказахъ болѣе позднихъ, напр. Л. Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1864, стр. 3; его-же: Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки. Кіевъ. 1887, стр. 5; Θ. Маниковскій. Вышгородъ и его святыня, Кіевъ. 2-е изд. 1890, стр. 35; къ сожалѣнію я не нашелъ книжки: Сказаніе о Вышегородѣ и его древней святынѣ, составленное вышегородскимъ протоіереемъ М. Сивачинскимъ. Изд. 2-е. Кіевъ. 1853.

²⁾ Θ. Маниковскій, стр. 34—35; Мухинъ, стр. 280.

³⁾ Кіевская Старина. VII. 1884, стр. 372—375.

какъ о происхожденіи раны на ликѣ Братской Б. М., такъ и о перемѣщеніи иконы изъ Вышгорода въ Кіевъ, я не могу рѣшить этихъ вопросовъ исторически, тѣмъ болѣе, что на гравированныхъ листахъ съ изображеніями русскихъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери при Кіево-Братской иконѣ помѣщается годъ 7162-й, т. е. 1654-й, а ни 1651, ни 1662 ¹⁾.

„Комментарій“ не указываетъ точно дня прибытія кн. Януша въ Вышгородъ, но говоритъ, что въ тотъ же самый день гетманъ во главѣ тысячнаго коннаго отряда сдѣлалъ развѣдку подъ самыя стѣны Кіева, откуда выскочило нѣсколько сотъ казаковъ для „герца“, но потерпѣвъ небольшой уронъ, скрылись въ городъ ²⁾. Но день этотъ согласно опредѣляется, какъ 3-е августа (нов. ст. = 24 іюля стараго ст.), и записью Ерлича (I, стр. 125, см. выше, стр. 278) о днѣ прихода кн. Януша въ Вышгородъ и самимъ „Комментаріемъ“, который слѣдующій день, день занятія Кіева, опредѣляетъ 4-мъ августа, хотя тутъ и есть нѣкоторая разница между изданіями 1653 и 1655 года: второе — опускаетъ это указаніе. Ерличъ о рекогносцировкѣ этой не

¹⁾ Мнѣ не удалось найти историческихъ извѣстій ни о какой переправѣ поляковъ и татаръ въ 1662 г. подъ Вышгородомъ черезъ Днѣпръ. Поэтому, на мой взглядъ, проф. И. А. Шляпкину не слѣдовало бы вводить появленіе Братской Иконы въ этомъ году въ фактическую исторію жизни Св. Дмитрія Ростовскаго (Св. Дмитрій Ростовскій. С.П.В. 1891, стр. 5). Неточно и Н. И. Костомаровъ (Богданъ Хмѣльницкій. 4-е изд. II, стр. 409) указываетъ на Братскую икону, какъ на „памятникъ посѣщенія жолнерами Кіева“.

Гравированныя изображенія чудотворныхъ иконъ Б. М., восходяція до конца XVII вѣка, а равно и прочая весьма обширная литература о русскихъ чудотворныхъ иконахъ Б. М., менѣе всего задавались, конечно, сохраненіемъ исторической и археологической точности и давно уже нуждаются въ тщательной научной разработкѣ; но до сихъ поръ таковой подверглись лишь вопросы объ отдѣльныхъ иконахъ (см. напр. весьма характерное по тону и формѣ изслѣдованіе проф. Дмитриевскаго объ иконахъ Казанской Б. М. въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1905 годъ, кн. II, стр. 188—219). Общее обзорніе литературы этой, къ сожалѣнію со спеціальной церковно-практической точки зрѣнія, даетъ статья Архіеп. Сергія: Русская литература объ иконахъ Пресвятыя Богородицы въ XIX вѣкѣ. С.П.В. 1900. („Странникъ“ II, стр. 3—25, 193—203, 369—384, май, іюнь и іюль); въ статьѣ отмѣчены примѣры искаженія списковъ иконъ духовною цензурой. Нѣкоторыя указанія на литературу объ иконахъ Б. М. см. также въ Византійскомъ Временникѣ, IV, 1897 г., стр. 16—22, примѣч. Какова историческая цѣнность теперешнихъ списковъ чудотворныхъ иконъ, видно изъ того, что въ нихъ фигурируетъ „Вутиванская“ икона на ряду съ „Путивльскою“, хотя странное имя первой есть ничего, какъ невѣрное чтеніе имени второй.

Годы при изображеніяхъ иконъ на гравированныхъ листахъ обозначаютъ, какъ извѣстно, то годъ явленія иконы, то годъ перенесенія ея, то годъ проявленія чудотворной силы иконы; мы не знаемъ поэтому, какъ именно надо понимать дату „7162, мая 10-го“ относительно Кіево-Братской иконы. 1654 годъ — первый годъ занятія Кіева московскими воеводами, въ исторіи же Братскаго монастыря онъ ничѣмъ особеннымъ не отмѣчается. Комбинировать годъ этотъ съ указанными выше сказаніями о Вышгородско-Братской иконѣ можно, при извѣстномъ мнѣ о ней матеріалѣ, лишь путемъ слѣдующей довольно сложной (и потому не особенно вѣроятной) гипотезы: въ древнѣйшемъ (на польскомъ языкѣ?) рассказѣ о кн. Ян. Радзивилѣ и Вышгородской иконѣ правильно стоялъ 1651 годъ обратившейся затѣмъ путемъ опечатки или описки въ 1654-й (см. выше, стр. 197 пр. 1). Этотъ невѣрный уже годъ при переходѣ исторіи въ православное (печатное славянскимъ шрифтомъ) сочиненіе или на гравированный листъ обращенъ былъ вполнѣ правильно въ 7162 годъ отъ сотворенія міра, а изъ послѣдняго путемъ ошибочнаго чтенія неяснаго въ иныхъ экземплярахъ воспроизведенія его могъ явиться и годъ 1662-й.

²⁾ Commentarius, p. 117—118: Dux ipse mille equitum comitatu, pomerio urbis succedens, loci situm speculatur. Effusi portis ad velitandum aliquot centeni hostium paucis amissis, cito intra munimenta sua compelluntur.

говорить подъ 3 августа вовсе, но подъ 2-мъ августа описываетъ, какъ мы видѣли выше (стр. 278), стычки казаковъ съ людьми Гонсеѣвскаго.

Выше говорилось уже (см. стр. 204) объ изданномъ еще въ 1845 году рисункѣ 1651 года, представляющемъ общій видъ Кіева со стороны Оболони, т.-е. именно оттуда, откуда подъѣзжалъ къ нему и Гонсеѣвскій и кн. Янушъ; на рисункѣ этомъ (см. табл. III, рис. 1 и 2) на полѣ передъ городомъ происходитъ рядъ конныхъ стычекъ, а въ лѣвкѣ, занимающемъ передній планъ, стоятъ цѣлые конные отряды („хоругви“) литовцевъ. Едва ли можно сомнѣваться, что художникъ соединилъ общій видъ города съ изображеніемъ рекогносцировки кн. Януша. Но здѣсь гетмана, если онъ есть на рисункѣ, не сопровождаетъ почему-то его значекъ на длинномъ древкѣ, по которому такъ легко находить его на другихъ рисункахъ (см. табл. I, рис. 2; табл. IV, рис. 2; табл. V, рис. 1; табл. XIV, рис. 4); но не является ли именно отсутствіе гетманскаго значка въ битвѣ чертою строго реальною? Едва ли однако изъ этого обстоятельства можно заключить, что рисунокъ долженъ изображать стычки не 3-го августа (и. ст.), а 2-го—еще: послѣднее можно было бы предполагать лишь тогда, если бы на рисункѣ горѣло предмѣстье, согласно разсказу Ерлича (см. выше, стр. 278).

На рисункѣ видимъ и захватъ въ плѣны нѣсколькихъ казаковъ, о чемъ оказывается упоминаніе и въ разсказѣ „Комментарія“ о занятіи кн. Януша Кіева.

Узнавъ отъ плѣнныхъ, что казаки ожидаютъ помощи отъ Хмѣльницкаго и намѣрены якобы сопротивляться, кн. Янушъ двинулъ войска изъ Вышгорода къ Кіеву: 800 пѣхоты и артиллерія спускались на судахъ по Днѣпру, 15 хоругвей конницы шли берегомъ, главныя же силы отъ Кирилловскаго монастыря свернули въ большой въ четыре мили обходъ, чтобы напасть на городъ въ самомъ удобномъ для того мѣстѣ: сверху, отъ Св. Софій, чрезъ т. н. „пробитый валъ“, который носитъ такое имя, якобы, со временъ Болеслава. Штурмъ долженъ былъ начаться на слѣдующее утро, по пушечному выстрѣлу съ тѣхъ батарей, которыя должны были быть поставлены ночью на удобныхъ мѣстахъ. Но за ночь казаки ушли изъ города къ Хмѣльницкому, а съ ними бѣжали и всѣ тѣ, кто имѣлъ основанія бояться расправы за прошлое или не вѣрилъ въ милость побѣдителей ¹⁾.

¹⁾ Даемъ текстъ въ наиболѣе полномъ видѣ съ указаніемъ развѣтченій между изданіями 1653 и 1655 года (Commentarius, ed. 1653, pp. 118—119; ed. 1655, pp. 100—102): Cumque hostis nondum pavoris manifestus esset, et captivi confirmarent, eum spe venturi, quod postulaverat, a Chmielnicio subsidii defensionem meditari: statim reversus eadem die exercitum Visgrado educit, flexoque itinere juxta D. [statim—D. ed. 1653 deest] Cyrilli Monasterium, longo quatuor miliarium ambitu circuit, ut a S. Sophiae Monasterio, qua per hiantis valli, (inde a temporibus Boleslai sic dicti) spatio [ed. 1655: spatia], facillior in urbem aditus patebat, irrumperet. Parte alia ad avertendas alio atque distrahendas [ed. 1655: detrahendas] hostium vires: ab oppido Visgrodiensi recta via; bipartito urbem aggredi praeceperat [recta—praeceperat: ed. 1655 = reperat]. Atque equites quidem quindecim circiter vexilla Suarzhofii [ed. 1655: Svarcoffii] et Polubinscii [ed. 1655: Polubienscii] Slonimensis Succamerarii ductu, propter fluminis subjecti ripam urbi succedere; pedites autem octingentos navibus secundo flumine in viciniam Urbis devehi imperaverat [ed. 1655: mandaverat]; quibus Przibcovium [ed. 1653: Ptzipkovium] praefecit; dato Gorecio negotio, ut per tenebras noctis, erectis idoneo loco tormentorum suggestis, ad primum aurorae exortum, explosae machinae sono; signum invadendae undique eodem tempore urbis daretur.

Sed hostis, ubi primum nostras, sero iam diel propinquantes, et subeuntia longo agmine navigia, explicatis pluribus, quam pro numero militum [ed. 1653 deest] vexillis, fulgentia conspexit, clam nocturna fuga sibi consuluit, atque ad Chmielnicium vires iterum reparantem evasit, profugientibus una, quibus aut certa victorum indignatio metuenda; aut incerta clementia suspecta videbatur.

Это обходное движеніе кн. Януша и планъ нападенія на городъ сверху, со стараго городища, черезъ т.-н. „пробитый валъ“¹⁾, можно, какъ мнѣ кажется, ставить въ связь, а то и въ прямую зависимость отъ описанія Кіева Бопланомъ, который, какъ стратегъ, отмѣтилъ, что „замокъ новаго Кіева лежитъ на вершинѣ горы и повелѣваетъ нижнимъ городомъ; но старый Кіевъ повелѣваетъ и самымъ замкомъ“ (Матеріалы и т. д. II, стр. 45). Первое изданіе Бопланова „Описанія Украйны“ вышло, какъ извѣстно, въ ста экземплярахъ въ 1648 году, а потому могло быть и у кн. Януша и, если было, то, конечно, и сопутствовало ему въ походѣ. Поэтому мнѣ представляется весьма интереснымъ сообщеніе Вас. Ласкоронскаго о Кенигсбергскомъ (Королевскій Государственный Архивъ № 720) экземплярѣ гравированной въ 1648 г. Вильг. Хондіусомъ карты: „Delineatio generalis camporum Desertorum vulgo Ukraina“, приложенной къ первому изданію „Описанія Украйны“. „Карта, — говоритъ онъ (см. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца. XII. 1898, стр. 126), — сильно потерта, очевидно отъ частаго пользованія ею; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней сдѣланы порывѣвшими отъ времени чернилами надписи французскими буквами“. Къ сожалѣнію онъ не счелъ нужнымъ сообщить никакихъ дальнѣйшихъ подробностей о припискахъ этихъ, которыя дали бы намъ, быть можетъ, основаніе для рѣшенія вопроса: не князя ли Януша приписки эти и не этою ли именно картой руководился онъ въ своемъ походѣ 1651 года? Вопросъ же этотъ является самъ собою, такъ какъ, какъ мы увидимъ ниже, книги кн. Януша Радзивила попали именно въ Кенигсбергъ, въ Курфюретскую бібліотеку.

Ерличъ рассказываетъ о бѣгствѣ казаковъ подь 3-мъ августа (I, стр. 125): „Получивъ извѣстіе (о приходѣ литовскаго войска), разбойничья вольница тотчасъ начала ревожиться. Того же дня, со среды на четвергъ, около втораго часа²⁾ ночи, сговорившись, какъ только ударили нѣсколько разъ изъ пушекъ, бросились въ бѣгство, побросавъ все и пушки оставивъ, убѣжали, другъ друга торопя къ бѣгству“. Подь 4-мъ августа Ерличъ записалъ: „Князь Радзивиль гетманъ со всею силою литовскаго войска подходитъ къ Кіеву, имѣя болѣе шести тысячъ знатнаго и приличнаго войска, отборнѣйшаго, которое было при королѣ Его Милости³⁾“.

Подробнѣе излагаетъ обстоятельства вступленія кн. Януша въ Кіевъ „Комментарій“: „Видя бѣгущихъ казаковъ, прочіе горожане еще ночью послали, при содѣйствіи митрополита и духовенства, просить кн. Януша спасти ихъ отъ убійства и грабежа, и приесли ему покорность еще до вступленія его въ городъ. Милостиво принявъ

¹⁾ Vallum hians, очевидно, ничто иное, какъ извѣстный въ топографіи Кіева „пробитый валъ“ см. Сборникъ матеріал. для историч. топогр. Кіева, по указателю: Закревскій. Описаніе Кіева, стр. 320, 510, 511, 567; Н. И. Петровъ. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. 1897, стр. 7, 8, 22, 23, 25, 26, 28; но никто, кажется, не далъ ни толкованія этому имени, ни указанія на приведенное выше мѣсто „Комментарія“: а изъ него ясно, что „пробитіе“ вала приписывали, по крайней мѣрѣ, Болеславу Храброму, очевидно въ связи съ иными сказаніями о взятіи имъ Кіева.

²⁾ O godzinie 17 w nocy, dawszy między sobą hasła, (etc.), т. е. по теперешнему счету около 9¹/₂ — 10¹/₄ вечера.

³⁾ I, стр. 125: zasnego wojska i porządnego co było przy boku króla J. Mei najwzburzeniejszego. Это свидѣтельство о королевской гвардіи у кн. Януша очевидное преувеличеніе: она входила въ составъ короннаго войска. Theatrum Europaeum, VII, S. 82, упоминаетъ королевскій лебъ-регіментъ говоря о болѣзняхъ въ польскомъ гарнизонѣ въ Кіевѣ, но этотъ краткій рассказъ о дѣйствіяхъ въ 1651 г. литовцевъ ненадеженъ: такъ ключи города приносятъ въ лагерь Януша митрополитъ!

изъявленіе покорности и обнадеживая ихъ милосердіемъ Короля, 4-го августа кн. Янушъ вступилъ въ городъ черезъ Золотыя Ворота, извѣстныя тѣмъ, что черезъ нихъ доселѣ вошли въ Кіевъ лишь два короля-побѣдителя, и разбилъ лагерь близъ города между храмомъ Св. Софійи и Печерскимъ монастыремъ¹⁾.

Такимъ образомъ „Комментарій“ страннымъ образомъ не говоритъ ни слова о торжественныхъ встрѣчахъ кн. Януша кіевскимъ духовенствомъ и магистратомъ, которыя мы видимъ изображенными на двухъ изъ издаваемыхъ рисункахъ (см. табл. IV, рис. 2, и табл. V, рис. 1), а, если вѣрять подписямъ подъ ними, то и на трехъ (см. еще табл. I, рис. 2).

Относительно послѣдняго выше приведены уже тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ его изображеніемъ сдачи не Кіева въ 1651 г., какъ увѣряетъ подпись подъ нимъ, а Бобруйска 21 февраля 1649 года (см. выше, стр. 237—239); здѣсь же нужно сказать только, что представленный на этомъ рисункѣ городъ нельзя считать никакою частью Кіева: ни Подоломъ, ни Киселевкой, ни поселкомъ у Св. Софійи въ Старомъ Городѣ, ни слободою у Печерскаго монастыря, т. к. всѣ эти части тогдашняго Кіева изображены на иныхъ рисункахъ 1651 года и не представляютъ никакого сходства съ изображеннымъ на этомъ рисункѣ городомъ; съ другой стороны мы не имѣемъ современныхъ извѣстій и о выходѣ всѣхъ горожанъ изъ Кіева въ поле на встрѣчу кн. Янушу, что положительно засвидѣтельствовано о жителяхъ Бобруйска. Правда, Эд. Котлубай дважды (*Życie*, стр. 171; *Galerja*, стр. 146) пишетъ о встрѣчѣ Януша кіевскимъ духовенствомъ и горожанами „въ полѣ“, но по проверкѣ цитаты его этой подробности въ указанномъ мѣстѣ не оказалось, какъ нѣтъ ея и въ иныхъ извѣстныхъ мнѣ источникахъ²⁾.

¹⁾ *Commentarius*, p. 119: *Id* (бѣгство казаковъ изъ Кіева) *reliqui cives conspicati, concubia adhuc nocte, per legatos, clericos et Metropolitae intercessionem, supplices facti, caedem ac direptionem deprecantur, ac nondum in urbem ingresso Principi deditionem offerunt. Quos benigne in fidem acceptos, clementiae Regiae spe consolatus: urbem per Auream portam, (p. 120) Regum antehac triumphatorum duorum tantum ingressu ac memoria celebrem 4 Augusti die intrat, et castra inter aedem S. Sophiae et Peczarensis [ed. 1655; Pezzarensis ed. 1653] monasterium in contigua urbi vicinia, metatur.*

²⁾ Котлубай (*Życie*, стр. 171) указавъ на Петорію Малой Россіи Бавтышъ-Каменскаго: въ первомъ изданіи (Москва, 1822, I, стр. 13) о походѣ 1651 года говорится совсемъ кратко и этой подробности тамъ нѣтъ; во второмъ же изданіи (Москва, 1830, I, стр. 307—308) дѣйствительно говорится, что духовенство и магистратъ „вышли изъ города при приближеніи Радзивила, умоляя его“ и т. д., но слово „въ полѣ“ не оказывается. Проверка же ссылки Бавтышъ-Каменскаго на Энгеля и этого показанія не подтвердила, т. к. Энгель говоритъ лишь на основаніи некоторыхъ ошибочныхъ показаній источниковъ объ уходѣ, т. е. бѣгствѣ, митрополита и архимандрита изъ Кіева. Въ первомъ изданіи *Исторіи Бавтышъ-Каменскаго* стоитъ своска „Миллеръ“, объясняемая (см. тамъ же стр. VI), какъ указаніе на два портфеля его № 308 и 309: „Cosaccica“. Теперь ихъ въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ нѣтъ въ изданныхъ же изъ Миллеровскихъ портфелей матеріалахъ оригинальныхъ данныхъ о походѣ 1651 г. не оказывается. Въ бумагахъ К. Свидзинскаго (см. стр. 205) въ одной запискѣ его, безъ даты, говорится (л. 89): *Enfin on m'a promis de la Lituanie le journal de l'expédition de Janus Radzivil contre les cosaques*. Вѣроятно, это тотъ же „Діаріушъ“, которымъ пользовался Котлубай (см. выше, стр. 245, пр. 1), принадлежавшій Малиновскому въ Вильнѣ и описывавшій походъ 1649 года. У Котлубая былъ еще (см. выше, стр. 259) какой-то „Діаріушъ“ для апрѣля 1651 г.; ниже мы будемъ пользоваться „Діаріушемъ 1653 г.“: весьма вѣроятно поэтому, что былъ и „Діаріушъ“, описывавшій кіевскій походъ кн. Януша. Будемъ надѣяться, что онъ когда либо найдется.

Такимъ образомъ, при молчаніи источниковъ о встрѣчѣ кн. Януша при въѣздѣ его въ Кіевъ, свидѣтельствомъ о ней остаются лишь два рисунка 1651 года.

Одинъ (табл. IV, рис. 2) является иллюстраціей къ приведенному выше разсказу „Комментарія“ о вступленіи кн. Януша въ Кіевъ черезъ Золотыя Ворота, черезъ которыя ранѣе входили, по мнѣнію автора, „лишь два короля-завоевателя“ Кіева, т.-е. очевидно Болеславы: Храбрый и Смѣлый¹⁾, память которыхъ у поляковъ, благодаря полудегендарнымъ исторіямъ о нихъ, тѣсно связывалась съ Кіевомъ! Содержание рисунка въ объясненіяхъ не нуждается: Янушъ во главѣ войска подъѣзжаетъ къ Золотымъ Воротамъ, въ которыхъ его встрѣчаетъ, очевидно приличной случаю рѣчью, митрополитъ или архимандритъ въ мантии, съ посохомъ, сопровождаемый монахами. Если же другой рисунокъ (табл. V, рис. 1), гдѣ подобная же духовная особа, несомнѣнно митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, встрѣчаетъ кн. Януша у Св. Софій, гдѣ была митрополія; вѣтъ всякаго сомнѣнія, это—тотъ же входъ, который представленъ и на рисункѣ, упомянутомъ выше (табл. IV, рис. 2): хвостъ литовскаго войска выходитъ вдали изъ Золотыхъ Воротъ, которыми вступало оно въ Кіевъ; очевидно, художникъ изображаетъ второй моментъ того же самага торжественнаго вступленія въ Кіевъ литовскаго войска 4-го августа (=25 іюля) 1651 года, какъ то правильно и значителен въ подписи. Встрѣча кн. Януша митрополитомъ на одномъ и томъ же пути дважды конечно, мало вѣроятна: у Золотыхъ Воротъ его встрѣчалъ, слѣдовательно, не митрополитъ, а скорѣе Іосифъ Тризна, архимандритъ печерскій, если только вся встрѣча у Золотыхъ Воротъ не была просто плодомъ угодливой фантазіи рисовальщика.

Если бы не указанная выше подробность на рисункѣ встрѣчи Януша митрополитомъ у Св. Софій, то эту встрѣчу можно было бы относить къ другому дню, нежели встрѣчу у Золотыхъ Воротъ, тѣмъ болѣе, что Ерличъ (I, str. 125) занятіе Стараго Города литовскимъ войскомъ упоминаетъ не подъ 4-мъ августа, когда у него отмѣченъ, какъ видѣли мы выше, лишь подходъ къ Кіеву, а подъ 5-мъ: „Князь велитъ поставить обозъ (т.-е. лагерь) въ старинныхъ валахъ около Софій, а самъ князь отдыхалъ въ монастырѣ, въ Софій, въ покояхъ отца митрополита, и въ нихъ остановился“. Приѣздъ на постой къ митрополиту предполагаетъ и соответствующую обстоятельствамъ встрѣчу важнаго гостя: волей-неволей пришлось принимать его тому

¹⁾ Едва ли можно предполагать, что „два короля“ обозначали не двухъ Болеславовъ, а кого-либо иного, напр. Болеслава Храбраго и Редимина (1320); второй не былъ король (Rex). Что современники подъ этою фразою понимали именно Болеславовъ, видно изъ краткой риторической біографіи кн. Януша Радзивила у Павла Потоцкаго въ его *Saeculum Bellatorum vel Togatorum seu Centuria Elogiorum Clarissimorum Virorum Polonorum et Lithvanorum* (1670 года) въ пассажѣ, относящемся къ походу 1651 года: *Punito transfuga (=Кричевскій), ne aliqua pars late patentis Poloniae excluderetur, spectaculo Radivillianaе virtutis, cum auxiliari Lithuano exercitu, ad Poloniam dum transit campum, docuit Kijovienses portas, non Regali Boleslaorum, sed Radivilliano etiam patere ferro, et nunquam benelatusse, sub illiberali tumultuariae multitudinis clientela, tantam Metropolim, de cujus fastidio dimittantia toties nutavere capita coronata... и т. д.* (Opera omnia Pauli Comitis in Aureo Potok Pila vitae Potocki... edidit... J. Andr. Comes in Załuskie. Varsaviae. 1748, p. 36).

„По примѣру иныхъ королей польскихъ присоединить Кіевъ къ Польшѣ“ хотѣлъ, пользуясь побѣдою подъ Берестечкомъ, по словамъ анонима, изданнаго Войццикимъ (*Pamiętniki do radowania Zygmunta III, etc. II, str. 191*) и самъ король Янъ Казиміръ, но посполитое рѣшеніе не захотѣло идти къ Кіеву.

митрополиту, который незадолго до того жаловался уже, прося милостины у царя: „яко богомолецъ твой отъ многихъ наѣдковъ властительскихъ, которіе пріежчаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ козацкихъ старѣйшинъ изнищенъ до конца“ ¹⁾. Судя по рисунку, митрополитъ привѣтствовалъ кн. Януша приличнымъ словомъ, какъ приходилось ему дѣлать то и въ иныхъ обстоятельствахъ раньше, встрѣчая въ 1648 году Хмѣльницкаго, и позже, принимая въ 1654 году царскихъ воеводъ. Живя въ митрополіи у Св. Софіи кн. Янушъ внѣ всякаго сомнѣнія осматривалъ Софійскій соборъ и его святыни и древности, какъ дѣлали то, конечно, и прочіе, бывавшіе у митрополита, знатные и чиновные польскіе гости, напримѣръ 27 февраля 1649 г. возвращавшійся съ Адамомъ Киселемъ изъ Переяславля подчасій Брацлавскій, Зѣлинскій, и подкоморій Львовскій, Мясковскій ²⁾; но Янушъ относился къ Ярославову храму, видимо, съ ббльшимъ вниманіемъ, чѣмъ обыкновенно осматриваютъ мѣстныя достопримѣчательности, какъ на то указываетъ, на мой взглядъ, выборъ рисунковъ, сдѣланныхъ рисовальщикомъ кн. Януша въ св. Софіи: выбрать изъ множества мозаикъ и фресокъ, покрывавшихъ стѣны церкви, изображеніе ктитора ея (см. табл. VI, рис. 1) могъ, очевидно, лишь человекъ съ нѣкоторымъ историческимъ интересомъ, руководимый болѣе или менѣе компетентными объясненіями мѣстныхъ клириковъ.

Посѣщеніе кн. Янушемъ Печерскаго монастыря Ерличъ (I, стр. 125) отмѣтилъ подъ 6 августа: „князь ихъ милость будучи въ Печерскомъ монастырѣ, мѣстечко и монастырь снабдилъ сильною стражей³⁾: казацкая лѣтопись Самовидца объ этой литовской стражѣ отзывается иначе, чѣмъ православный шляхтичъ ³⁾).

Зачѣмъ ѣздилъ кн. Янушъ въ Печерскій монастырь, Ерличъ не объясняетъ.

¹⁾ Челобитная митроп. Сильвестра Коссова царю, безъ числа (отвѣтъ царя июля 10-го), съ просьбою нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ и „на одеждѣ теплуѣ“ въ Польскихъ Дѣлахъ 1651, № 1, часть 2-я, въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

²⁾ Памятники I—II. Кіевъ. 1898, стр. 327—328: *Ja przecie z p. podczaszym Braclawskim wyboeziliŝmy do S. Zofii, gdzie przywitawszy metropolite, obeirzawszy w cerkwi antyquitates widzenia godne, udaliŝmy się z przystawami od Chmielnickiego przydanemi, za wtora zlotą? brama, za miastem.*

³⁾ Лѣтопись Самовидца. Кіевъ. 1878, стр. 27: „Подолное мѣсто не малъ пустое засталъ, бо с козаками и мѣщане киевскіе уступили суднами в низъ Днѣпра ку Переяславлю, Черкасомъ и къ инымъ мѣстамъ коло Днѣпра, где могли пройти байдаками и иними суднами. А метрополита киевскій Сильвестръ Коссовъ не уступовалъ с катедри, але оставалъ при церкви Святой Софіи. Такъ же и архимандрита печерскій Іосифъ Тризна з братією оставали у монастыру Печерскомъ, любо великую шкочу и небезпечность здоровья мѣли. И пошлѣдировавши в Кіевъ войско Литовское потягнуло подъ Бѣлуду Церковъ“.

Путивльскій воевода кн. Семешъ Прозоровскій доноситъ въ Москву, что „августа, государь, въ 3 день пріѣхалъ въ Путивль... Гаврилко Ермаковъ, а въ роспросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалъ. Сказывали де ему на встрѣчѣ въ дорогѣ Кіевляне. . . . , что они бѣгутъ изъ Кіева тому десятой день и при нихъ пришолъ въ Кіевъ Литовской гетманъ Радивиль, а съ нимъ литовскіе люди конные и въ судахъ пѣшіе рѣкою Днѣпромъ. И въ тѣ де, государь, поры полковники Матвѣй Гладкой да Горкуша да Онтонъ съ Черкасы изъ Кіева побѣжали врознь по инымъ городомъ. А мѣщане де побѣжали въ Печерской монастырь а иные по разнымъ мѣстомъ, а достолныхъ де людей въ Кіевѣ побили и нынѣ де стоять литовскіе люди въ Кіевѣ. А въ Печерскомъ де, государь, монастырѣ которые было заперлись Кіевляне и тѣ де гетману Радивилу хотять добить челомъ, и онъ де Гаврѣяко слышя тѣ рѣчи съ дороги воротился въ Путивль“. (Московскій Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Польскія Дѣла. 1651, № 1, ч. 2).

На первомъ планѣ были, вѣроятно, соображенія стратегическія: занятіе гарнизономъ монастыря и его укрѣпленной слободы были, конечно, необходимы. Съ другой стороны и вліятельный печерскій архимандритъ и нашедшіе себѣ приобѣжище въ монастырѣ шляхтичи также заслуживали вниманія гетмана, наконецъ и самъ монастырь съ его знаменитыми пещерами, о которыхъ ходило столько разсказовъ и полуфантастическія описанія которыхъ въ польскихъ и въ иностранныхъ книгахъ знакомы были, конечно, кн. Янушу, интересовалъ безъ сомнѣнія литовскаго гетмана самъ по себѣ, не говоря уже о его богатствахъ въ ризницѣ и деньгахъ, которыя, какъ увидимъ ниже, также удостоились вниманія побѣдителя. Намъ интересовали бы, конечно, прежде всего указанія на интересъ кн. Януша къ кіевскимъ древностямъ; доступные намъ источники не сообщаютъ о томъ ни слова, но тѣмъ яснѣе свидѣтельствуется объ интересѣ этомъ тотъ, такъ-сказать, „археологическій альбомъ Кіева“, который составляетъ тему нашей работы.

Къ сожалѣнію, эта сторона дѣятельности кн. Януша за время пребыванія его въ Кіевѣ интересовала современниковъ, конечно, менѣе всего. Грабовскій издалъ нѣсколько писемъ изъ литовскаго лагеря въ Кіевѣ ¹⁾, но они о личной дѣятельности кн. Януша за время пребыванія его въ Кіевѣ ничего существеннаго не сообщаютъ.

Подробнѣе говорятъ объ отношеніяхъ его къ горожанамъ источники не первой степени, а позднѣйшія уже историческія сочиненія: *Climacteres* Коховскаго ²⁾ и весьма сходный съ нимъ анонимъ, изданный Войцицкимъ ³⁾; но не ограничиваясь сообщеніемъ фактовъ они даютъ имъ и свое объясненіе. „Кн. Янушъ, по ихъ словамъ, въ погонѣ за славою сбѣшилъ къ Кіеву, зная, что туда же идутъ и польскіе гетманы, и желая достигъ этой побѣдной цѣли ранѣе ихъ, тѣмъ болѣе что Гонѣвскій открылъ ему путь своими побѣдами и донесеніями о беззащитности Кіева. Къ тому же митрополитъ прислалъ ему еще во время его похода письмо, привѣтствующее его уже какъ побѣдителя и умоляющее о пощадѣ церкви и духовенства; вскорѣ за тѣмъ пришли и посланные отъ магистрата съ заявленіемъ о томъ, что они сами поддаются литовцамъ. Горожане, сознавая лежащую на нихъ тяжелую отвѣтственность за содѣянное [т.-е. избіеніе поляковъ и т. п.] и видя себя съ перемѣною счастья казаковъ беззащитными, соображали, кому будетъ безопаснѣе принести покорность, коронному войску или литовскому; подошедшее первымъ литовское войско казалось имъ и менѣе страшнымъ, такъ какъ оно, какъ вспомогательное, вело войну въ польской провинціи только ради славы. Радзивиль немедля сталъ лагеремъ близъ города, который, будучи окруженъ войсками и лишенъ помощи, началъ вести переговоры о договорѣ, заботясь обезпечить безопасность жителей. Но когда стало извѣстно, что

¹⁾ *Starożytności*, I, str. 339—341 отъ 22 августа; str. 347—348 „*diebus Augusti*“ отъ кн. Януша кн. Николаю Потоцкому; str. 348 отъ 2 Сентября—отъ Луки Бѣлобрежскаго; str. 349—2 Сентября—Збигнѣва Моретина.

²⁾ *Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV Climacter Primus. Scriptore Vespasiano a Kochow Kochowski. Anno Ch. MDCLXXXIII. Cracoviae. fol.*, pp. 281—282.

³⁾ *Pamiętniki do panowania Zygmunta III. Władysława IV i Jana Kazimierza z rękopismu wydane* K. WI. Wóycicki. Tom II. Warszawa. 1846, str. 201—202.

переговоры тянуть нарочно, надѣясь на приходъ помощи, то полковнику Нольду было приказано подвезти пушки на судахъ къ монастырю Богородицы, Ельскому одновременно идти съ венгерскою пѣхотой къ Золотымъ Воротамъ, а прочее войско стало въ боевой готовности на возвышенномъ скатѣ, угрожая вторженіемъ въ городъ. Кіевляне болѣе не медлили сдаться на волю гетмана. Войдя въ городъ и разоруживъ жителей, онъ привелъ къ присягѣ на вѣрность королю магистратъ и духовенство и назначилъ день, когда должны быть представлены къ нему на судъ виновные и замѣшанные въ бунтъ. Но полковникъ Макера съ гарнизономъ бѣжали изъ города передъ приходомъ (гетмана) и магистратъ обличенъ былъ въ томъ, что вѣроломно ихъ выпустилъ, а такъ какъ нельзя было судить ушедшихъ, то на причастныхъ къ тому наложены были штрафы, а нѣсколько явныхъ виновныхъ было казнено*.

Иныхъ извѣстій о расправѣ кн. Януша съ признанными имъ виновными въ соучастіи съ казаками горожанами я не нашеть: „Комментарій“, какъ мы видѣли выше, перѣдко умалчиваетъ о казняхъ; но не упоминаютъ о нихъ и другіе источники, напр. кн. Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль въ своихъ запискахъ писалъ: „гетманъ спокойно вошелъ въ городъ, не допуская своимъ жолнерамъ никакихъ грабежей“ (Pamięt, niki. II, str. 451). Таково же утверженіе Грондскаго (Hist. belli cosaco-połonici, p. 189) что Янушъ, victus precibus ingressus quidem in urbem armatus, sed nullam hostilitatem exercuit¹⁾. Эти утверженія имѣютъ слишкомъ общій характеръ и обозначаютъ въ сущности лишь то, что городъ не былъ формально отданъ жолнерамъ на разграбленіе. О пожарѣ рѣчь будетъ ниже, а изъ приведенныхъ уже извѣстій ясно, что у кіевлянъ были, конечно, поводы жаловаться на раззореніе ихъ литовскимъ войскомъ.

Въ „діаріушѣ“ неизвѣстнаго лица, находившагося въ коронномъ войскѣ подлѣ 3 сентября (нов. ст.) сообщается, что „вечеромъ этого дня (т.-е. наканунѣ прибытія кн. Януша) отецъ митрополитъ прислалъ Паву Краковскому (т.-е. Николаю Потоцкому) въ даръ хорошихъ нашивковъ, а тѣ, которые привезли ихъ, много рассказывали о сожженіи и опустошеніи Кіева и о томъ, какая большая добыча досталась литовскому войску, какъ деньгами, такъ и инымъ движимымъ имуществомъ, которое надо бы оцѣнивать милліонами, такъ какъ у трехъ только кунцовъ нашлось 160000, а сколько еще у другихъ въ серебрѣ, драгоценностяхъ, большая часть которыхъ осталась (у казаковъ) поелѣ Пилавецкой (битвы)“ (Grabowski, Starożytności, I, str. 292).

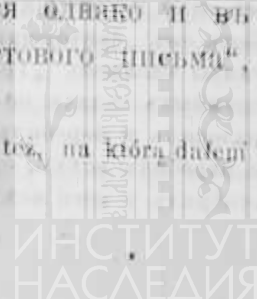
Наиболѣе обстоятельное описаніе раззоренія Кіева литовскимъ войскомъ даетъ,

¹⁾ Нельзя, конечно, особенно довѣрять приведенному выше утверженію „Гітониси Самовидца“, яко бы митрополитъ, печерскій архимандритъ и монахи во время литовской оккупации Кіева „терпѣли великую напасть и опасность для здравія“, и еще менѣе ходившимъ въ Литвѣ среди православныхъ слухамъ, сообщеннымъ царю дисненскимъ игуменомъ Крыжановскимъ въ письмѣ отъ 28 сентября 1660 (=1651 г.): „сказываютъ, писалъ онъ, что у Кіевѣ печерскій монастырь вывели и черицовъ многихъ ва колѣ повсажали“. Будь на дѣлѣ что-либо подобное, о томъ не умолчали бы мѣстные источники, хотя бы тотъ же, жившій въ Печерскомъ монастырѣ, Ерлицъ, какъ ни враждебенъ онъ „бунтовщикамъ“. Повесть Алеліскій (пер. Муркоса, II, стр. 177) повторяетъ, очевидно, рассказы казаковъ: „Три года тому назадъ онъ (Радзивиль) отправился съ большою свитою на многочисленныхъ судахъ по рѣкѣ Днѣпру и захватилъ красилохъ городъ Кіевъ съ его окрестностями, жогъ, разорять и перебить много народу. Когда дошло это до Хмеля, то онъ немедленно навалъ на него и перебилъ всѣхъ, съ нимъ бывшихъ. Ему удалось спастись лишь съ немногими людьми. Хмель отобралъ у него всѣхъ ильняныхъ, суда и богатства“. (Ср. ниже, стр. 299, прим. 2).

приведенный еще С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи, т. X, изд. 1877, стр. 255), но лишь въ сокращенномъ изложеніи и безъ указанія источника, „списокъ съ листа бѣлорусскаго писма, что писалъ изъ Переяславлѣ“ „Сентября въ 12 день лѣта 1651 году“, „Федоръ Лукьяновичъ Барышъ Полченко, мѣщанинъ Кіевскій“, „къ боярину и воеводѣ (Бѣлгородскому) ко князю Борису Александровичу Репнину“ и которое при везено было въ Яблоновъ 23 сентября аleshинскими дѣтьми боярскими Федоромъ Спесивцевымъ и Василюемъ Горяиловымъ, посланными для провѣдыванія вѣстей. Начало письма съ обращеніемъ къ воеводѣ нашей темы не касается; затѣмъ упоминаются посланная воеводою лица, „которые вмѣстѣ со мною будучи въ Кіевѣ видѣли всего завоеваного и разореного и большую часть созженого отъ безбожныхъ еретиковъ, которые церкви божіи пожгли, а напередъ церковь Пресвятыя Богородицы каменую на посадѣ соборную разграбили казну всю и образы пожгли и сама вся выгорѣла только одни стѣны остались. А стояли три недѣли и кони ихъ въ Пресвятей Богородицѣ въ церкви жида и дяхи ставили и въ иныхъ въ церквахъ тожь было. Дервяныхъ церквей згорѣло пять: Николы Доброго, Николы Набережскаго, святого Василя, святого пророка Иліи, святого Богоявленія въ Братствѣ [рк.: в брѣтве] теплая. А которыхъ не жгли то все [рк.: все] разорили, образы дорогіе окладные себѣ поимали, а иные пощепали. Колокола у всехъ церквей взяты и въ струги поклали, которыхъ шесть струговъ по божіе милости казаки отгромили. А въ монастырѣ Печерскомъ Пречистыя Богородицы казну также всю поимали, и что православный государь царь съ Москвы далъ Пречистей Богородицѣ паникадило и то нечестивый еретикъ Радивиль велѣлъ взять. А у святой Соѣи, гдѣ самъ отецъ митрополитъ былъ, также всю казну поимали и всякой церковной чинъ, ризы и сосуды и всю церковную утварь и образъ святыя Соѣи взялъ. И во всехъ монастырѣхъ и въ Межигорскомъ и у Николы Пустынскаго и у Михаила Златоверхого и святого Кирила монастырь и святого Михаила Выдубицкаго до конца разорили и заустошили и казну поимали. А какъ казаки на тѣхъ измѣнниковъ печали наступать и они изъ города уходячи и самого отца митрополита и отца архимандрита съ собою взяли и вмѣстѣ сокупяся войско полское съ литовскимъ нынѣ стоитъ въ Германовкѣ въ городкѣ отъ Кіева во 6 миляхъ“...

Несмотря на обстоятельность нечисленія пострадавшихъ церквей, письмо это, писанное въ Переяславлѣ по особой просьбѣ „вѣстовщиковъ“, стущаетъ, повидимому, краски въ этой картинѣ бѣдствій Кіева; къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстны болѣе авторитетныя описанія литовскаго постоя, которыя пеходили бы отъ самого кіевскаго духовенства. Нѣкоторыя же подробности этого письма кажутся довольно сомнительными, напр. невѣроятны какіе то „жиды“, которые ставили своихъ лошадей въ церкви. Указаній на пожертвованіе царемъ серебрянаго паникадила въ Печерскій монастырь мнѣ найти не удалось: не имѣлась ли въ виду люстра, упоминаемая въ завѣщаніи митрополита Петра Могилы? 4). О люстрѣ этой упоминается однеко и въ иныхъ современныхъ документахъ: такъ, въ одномъ „спискѣ съ вѣстового письма“

4) Памятвникъ, I—II, Кіевъ, 1898, стр. 431: na monastyr zas Pieczarski... lampę też, na która dałem grzywien srebro siedmdziesiąt y dwie.

доставленномъ въ Москву въ концѣ 1651 г., читаемъ¹⁾: „Свѣтильникъ, ризы, что царь православный христіанскій далъ до Пречистые Богородицы въ монастырь Печерскій, и евангеліе князь Радзивиль поималъ, одно на водѣ отгромлено, а того не отгромлено, что возами спроважено въ Литву“. Интересно указаніе на увозъ иконы Св. Софій, какъ *terminus post quem* для теперешняго образа, относимаго ко временамъ Петра Могилы (Закревскій, стр. 823, но см. Павла Аленискаго, II, стр. 71 и 68).

Косвеннымъ подтвержденіемъ этихъ извѣстій о разграбленіи кіевскихъ ризницъ являются для насъ позднѣйшія указанія на обладаніе кн. Янушемъ богатыми церковными вещами, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Кальвинизмъ литовскаго гетмана ни мало не мѣшалъ, конечно, интересу его къ богатствамъ кіевскихъ ризницъ и даже приобрѣтенію непризнаваемыхъ его единовѣрцами святынь. Мы имѣемъ вполне авторитетный рассказъ современника, извѣстнаго историка Феодосія Софоновича, позднѣе (1655—1672 г.) настоятеля Михайловскаго Златоверхаго Монастыря, объ увозѣ кн. Янушемъ частицы мощей великомученицы Варвары.

„Когда князь Радзивиль — пишетъ онъ — взялъ городъ Кіевъ въ 1651 году, то по его просьбѣ пришлось дать ему не малую часть отъ ребра святой Варвары, которую гетманъ отослалъ въ даръ виленскому бискупу, писавшему о томъ князю“. ²⁾

Упомянутой о другой частицѣ мощей, взятой кн. Янушемъ, въ этомъ описаніи чудесъ отъ мощей великомученицы Варвары, — рисунокъ раки которой имѣется среди кіевскихъ рисунковъ 1651 года (см. табл. V, рис. 2), — не находится, быть-можетъ потому, что о другой частицѣ Феодосій Софоновичъ не имѣлъ сообщить ничего чудеснаго. Извѣстія о ней являются въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго, который ссылается притомъ именно на повѣсть Феодосія Софоновича, написанную въ 1670 году. Въ Четыхъ-Миняхъ онъ сообщаетъ: „Въ лѣто отъ Р. Х. 1651 Радивиль князь съ воинствомъ литовскимъ егда взялъ бѣ градъ Кіевъ въ то время на желаніе его дано бысть двѣ части немалыя отъ переп и ребра мощей святыя Варвары.

¹⁾ Московскій Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Польскія Дѣла. 1651. № 1, ч. 2. (Ср. ниже стр. 303).

²⁾ „Чудо г. Гды кязъ Радивиль взял был мѣсто сее Киев року „ЛХМ, а за его прозбою мусѣли дати ему часть отъ ребра святой Варвары не малую, которую онъ отослал за даръ бискупу виленскому который до кіязя о тое писалъ. Тую часть мощей святыя Варвары чесно ховалъ в своихъ палатахъ в габановой шкатулкѣ. А гды одного часу загорѣлися бискупскіи покои і не могли ихъ угасити, що колѣвѣкъ не выкинено з покоевъ, то все погорѣло і покои до конца згорели. А гды по агоренію розгребли понел, о чудо!, мощи святой Варвары въ шкатулкѣ цѣлы ненарушени во огни знашли, і все дивичися прославляли Бѣга и чудотворную великомученицу Варвару. Сие чудо мнѣ повѣдавъ чѣвкъ зацный высокой годности, который тамъ самовидецъ былъ тыхъ чудесныхъ мощей року „ЛХМЗ“. Н. П. Мученіе св. великомученицы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея. (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1894, III, стр. 598-614), стр. 607. Сказаніе это написано Софоновичемъ въ 1670 году и издано по рк. конца XVII в., поступившей въ Михайловскій монастырь въ 1894 году.

Едва ли тутъ имѣется въ виду пожаръ Вильны въ 1655 г. во время взятія ея русскими: тогда и бискупа въ Вильнѣ уже не было, да и разрывать пожарнише едва ли стали бы.

Ничего подходящаго пожара въ исторіи Вильны Іос. Крашевскаго я не нашелъ. Зато В. Г. Васильевскій указываетъ на одинъ пожаръ 1652 года, который могъ бы соответствовать упоминаемому въ сказаніи, если подъ виленскимъ бискупомъ разумѣть проживавшихъ въ Вильнѣ кіевскихъ: униатскаго митрополита или католическаго епископа: см. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae, III, p. 470: *hisce calamitosis temporibus Ecclesiae etiam Cathedrales ad residentiam Archiepiscoporum Kijoviensium assignatae tam Vilnae quam Novogrodi penitus conflagratae sunt* (№ CCCCLXIV, XV Martii 1652).

Отъ нихъ же одну большую переть соблюде женѣ Маріи благочестивой бывшей яже дщи бѣ господара Влахійскаго. По преставленіи та часть остала бѣ Іосифу Тукальскому, митрополиту Кіевскому, юже въ украинскій градъ Каневъ принесе; а по немъ взято въ Батуринъ градъ Малороссійскій и въ монастыру Св. Николая Батуринскомъ обрѣтается. Другую же часть меньшую, юже упомянутый князь Радивиль въ Кіеву бывши посла въ даръ бискупу Виленскому¹⁾, и т. д.¹⁾

Тукальскій дѣйствительно былъ близокъ къ княгинѣ Маріи: онъ былъ ея душеприкащикомъ и отвергавшіе подлинность завѣщанія ея обвиняли и его въ прикосновеніи къ появленію спорнаго документа. Когда онъ сталъ, а болѣе назывался, кіевскимъ митрополитомъ, то живаль и въ Каневѣ, тамъ оставались его бумаги и ризница до 1688 г., когда ихъ перевезли въ Кіевъ: бумаги въ Кіевопечерскую Лавру, а ризницу митрополиту кн. Гедеону Четвертинскому²⁾.

Мощи св. Варвары могли, конечно, и остаться въ Каневѣ „въ казенной палатѣ“, откуда ихъ въ 1691 году и перенесъ въ свой монастырь, выпросивъ позволеніе у гетмана Ивана Мазепы, св. Димитрій, тогда настоятель Батуринскаго Круницкаго монастыря, въ которомъ онѣ хранятся и понынѣ³⁾.

Изъ разсказовъ самого св. Димитрія о перенесеніи (13 января 1691 г.) этомъ для насъ представляетъ интересъ лишь указаніе на то, что тогда унесенная Янушемъ изъ Кіева святыня являлась уже, какъ „образъ сребрній святой великомученицы Варвары (зѣ) значною частью святыхъ ея мощей“ или „часть мощей св. великом. Варвары самая персь вложенная въ серебряный образъ“⁴⁾. Гдѣ и кѣмъ сдѣланъ былъ этотъ серебряный окладъ для святыни, не сказано; вѣроятнѣе всего, конечно, что онъ заказанъ былъ самою кн. Маріей Радзивиль вскорѣ послѣ привоза ей мужемъ этой священной добычи изъ кіевского похода 1651 г.

Всѣ эти свидѣтельства объ увозѣ кн. Янушемъ въ Литву иконъ, евангелій и т. п. изъ Кіевскихъ ризницъ заслуживаютъ, какъ мнѣ кажется, особаго вниманія историковъ кіевскихъ церквей, т. к. увезенныя святыни не пошли, конечно, въ сплавъ, а, надо думать, черезъ посредство княгини Маріи перешли въ различные православныя церкви Литвы, гдѣ при усердныхъ поискахъ нѣкоторыя изъ нихъ, быть-можетъ, и найдутся. Но было бы, конечно, желательнѣе найти болѣе точныя и подробныя данныя объ увезенныхъ изъ Кіева въ 1651 году сокровищахъ, чѣмъ тѣ случайныя указанія, какія удалось собрать здѣсь: этихъ указаній далеко не доста-

¹⁾ Н. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). С.-П.-В. 1891., стр. 242; текстъ приведенъ имъ по рк. Публичной Библиотеки; въ печатныхъ Четьихъ-Минеяхъ (см. 4 декабря, послѣ житія, особое прибавленіе: „о честныхъ мощахъ святыя великомученицы Варвары“) текстъ нѣсколько иной въ несущественныхъ мелочахъ, напр. указанъ 1650 годъ, а не 1651 и т. п.; по Четьимъ-Минеямъ разсказы объ обѣихъ частицахъ пересказаны въ изданіи Сементовскаго и А. Гаммершмита (заглавіе его см. выше, стр. 202) тетрадь IV. 1857 г., стр. 28. Виленскій епископъ называется Георгіемъ Тышкевичемъ, т. е. епископъ римско-католическій.

²⁾ См. (Евгеній Болховитиновъ). Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ. 1825, стр. 190—197; ср. выше стр. 224. Археологич. Сборникъ XI. Вильна, 1890, стр. 353.

³⁾ Круницкій Батуринскій третьеклассный мужескій монастырь Св. Николая. Черниговъ. 1862, (извлечено изъ №№ Чернигов. Епарх. Вѣдомостей), стр. 10—11.

⁴⁾ Н. А. Шляпкинъ, у. с., прибавленіе, стр. 8—9, ср. стр. 241—243; Сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго Часть I, изд. III. Москва. ДВУИЗ, стр. 489.

точно для того, чтобы ясно определить роль самого литовского гетмана в томъ частичномъ разграбленіи Кіева въ 1651 году, о которомъ свидѣтельствуютъ и русскіе и казацкіе и нѣкоторые польскіе источники. Полнаго разграбленія города не было, но у кіевлянъ оказалось, конечно, не мало поводовъ жаловаться и на самого литовскаго гетмана и на его жолнеровъ.

Если и считать приведенное выше письмо изъ Переяславля о разграбленіи Кіева преувеличеннымъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что такіе же преувеличенные, быть-можетъ, слухи ходили о томъ же и на Западѣ: въ одной нѣмецкой книжкѣ съ большими историческими неточностями и фантазіями рассказывается, что поляки въ 1650 г. „послѣ слабаго сопротивленія взяли Кіевъ, начисто ограбили его, освободили многихъ шляхтичей, разрушили греческія церкви казаковъ, забрали съ собою все серебряныя и золотыя образа и церковныя утварь и украшенія, равно какъ и патріарха, тамъ проживающаго, и вернулись домой съ богатой добычей“; казаки потребовали яко бы отъ короля отвѣта, по его ли приказанію было все это сдѣлано, тотъ отвѣтилъ отрицательно: этотъ набѣгъ и разрушеніе принадлежащаго къ королевству города сдѣланы-де самовольно шляхтою въ отместку за жестокости казаковъ, и т. д.¹⁾ Интересно, однако, что этотъ явно фантастическій рассказъ имѣлъ, оказывается, себѣ основанія въ современной народной молвѣ: 7-го сентября (нов. ст.) 1651 г. одинъ участникъ похода записалъ подъ Васильковымъ хлопскія рѣчи: „зачѣмъ это пришли бунтовщики-ляхи, когда король ушелъ назадъ? Это ужъ не ваша земля, а царская!“²⁾

Занятіе Кіева литовскимъ войскомъ совпало, какъ мы уже видѣли выше, съ пожаромъ, опустошившимъ въ два дня значительную часть города. Его виновниками Кіевляне называли (см. выше, стр. 288) литовскихъ жолнеровъ; казацкіе лѣтописцы³⁾ винятъ самого литовскаго гетмана; польскіе историки (Kochowski, p. 282) также видятъ въ пожарѣ умаленіе славы успѣховъ кн. Януша; хвалебный ему „Комментарій“ (p. 139) объясняетъ пожаръ „случайностью или коварствомъ враговъ“; магистратъ,

¹⁾ Summarisch-doch gründliche Beschreibung des Königsreichs Polen, insonderheit Podolien oder der sogenannten Ukraine (etc.), durch J. H. S. Nürnberg. 1672. SS. 52—54. При взятіи Кіева Хмѣльницкій съ господаремъ Валахіи и молодыми (Тимошемъ и Розандой) спаслись яко бы за Днѣпръ (!); ранѣе (S. 51) сообщается, будто бы въ числѣ мотивовъ Василя противъ этого брака было и то, dass der Chimefniski der griechischen und nicht seiner Religion beugethan war (!), будто бы невѣста съ отцемъ провезена была въ Кіевъ (S. 32), и т. п. Говоря о Хмѣльницкомъ авторъ ссылается (S. 44) на одного иностраннаго автора; находящееся въ книжкѣ (S. 33—34) описаніе Кіева, хотя и не содержитъ ничего новаго, противъ изданныхъ въ „Матеріалахъ“ 1874 г., но заслуживаетъ быть включеннымъ въ число ихъ.

²⁾ Grabowski, Starożytnosci, I, str. 350. Письмо это помѣчено з оboзу pod Wasilkowem dnia 17 Sept. r. 1651 очевидно ошибочно, т. к., какъ видно по „діаріюшу обозовому“ (см. ibid. str. 294, 295 300), войско ушло оттуда еще 10 сентября.

³⁾ Woyna domowa z Kozaki i Tatary. Moskwą, potem Szwedzami i z Węgry przez lat dwanasćie.. od Samuela z Skrzywny Twardowskiego. Opus posthumum. Calissii. 1681. (Woyny domowe wtory... częśc wtora... w roku 1650—1651, p. 51—52): О кіевскомъ пребываніи кн. Януша тутъ говорится кратко послѣ упоминанія о побѣдахъ Гонсеѣвскаго... Czym tak utwierdziwszy

W Kijowie się Radziwił acz Miastu przepuścił
K woli Metropolicie, wszakże nie dopuścił
Żadney w nim mieć Armaty, i oprócz przy zdrowiu
Je zostawił ..

производившій строгое слѣдствіе, нашелъ одного виновника, но онъ оказался... его рѣвншмъ: кіевскій шляхтичъ Ерличъ (I, str. 125) винитъ какихъ то желавшихъ пограбить „своевольниковъ“; историкъ-стихотворецъ Сам. Твардовскій объяснялъ пожаръ желаніемъ казацкаго гетмана „выкурить“ изъ Кіева гетмана литовскаго¹⁾; вслѣдъ за нимъ и украинскіе историки видятъ въ пожарѣ этомъ часть сложнаго стратегическаго плана Хмѣльницкаго²⁾. При такомъ разногласіи источниковъ доискиваться причинъ пожара было бы напраснымъ трудомъ, достаточно привести важнѣйшія о немъ извѣстія.

Ерличъ (I, str. 125) писалъ о пожарѣ,—второмъ лишь,—такъ: „17-го (=7 августа нов. ст.) запалили Кіевъ своевольники для грабежа: сгорѣло болѣе двухъ тысячъ домовъ и нѣсколько церквей, а именно: на рынкѣ (церковь) Святой Пречистой, въ которой книги градскія и земскія на храненіи были (и) всѣ пропали, монастырь дѣвичій святаго Хорла [=Фроловскій], Николы Добраго, кляшторъ Бернардинскій, и звоны [=колокола] пропали“. Въ соборной церкви Богородицы сгорѣли и всѣ грамоты и привилегіи, полученные городомъ Кіевомъ отъ князей русскихъ и литовскихъ и королей польскихъ; Кіевскій магистратъ не замедлилъ возстановить списокъ ихъ³⁾, который былъ позднѣе препровожденъ въ Москву, гдѣ на основаніи его была составлена подтверждающая жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича городу Кіеву, нынѣ хранящаяся въ оригиналѣ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ³⁾.

Въ московскихъ архивахъ, въ русскомъ переводѣ, сохранился и списокъ заявленныхъ магистратомъ воеводѣ Адаму Киселю, по возвращеніи его въ Кіевъ, причиненныхъ городу пожаромъ и литовскимъ войскомъ, опустошеній и убытковъ: „Выписъ изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго той же явки [см. примѣчаніе 2-е], ка-

Далѣе говорится о коронномъ войскѣ и о томъ, какъ подошелъ Radziwiłł, który snadź hałasem Kіowskim zatrudniony, nie mógł ztamtąd odejść
Bez potężny załogi. Kiedy chać go podeyść
Kształtciem iakim Chmielnicki już ogniem wykurzyć
Ktory wbudzał kilkakroć, i pospołu zburzyć
Z Miastem go usiłował, już podiazd posławszy
Duży po nim, (и т. д. о нападеніи на Нольда).

¹⁾ Напр. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. 4-ое изд. II, стр. 409—411.

²⁾ „Выписъ изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго явки, какову Кисель воевода, пріѣхавъ въ Кіевъ, записалъ въ книги о пустошеніи Кіевскомъ въ приходѣ Радивиловъ съ ратными людьми Литовскими, и что въ соборной каменной церкви Кіевской погорѣли книги старовѣчные въ которыхъ записаны были привиліи древнихъ Великихъ Князей Русскихъ и Королей Польскихъ, росправы, записи городскіе, земскіе, комисарскіе и дозорные дѣла, рубежи и каштуровые права, которые были еще прежде земскихъ и городскихъ, и всѣ дѣла памяти достойные и украшенія градскіе съ утварью церковною вкупѣ погорѣли, и сколько тѣхъ книгъ послѣ пожара осталось, то все записано, а ся выписъ изъ тѣхъ запасныхъ книгъ вынята съ печатью воеводскою“. (Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи и Древностей. 1858. Кв. I, отд. II, стр. 37).

³⁾ Перечень этотъ „выписанный изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго“, указанъ и отчасти напечатанъ Дм. Бятышъ-Каменскимъ (Исторія Малой Россіи. Ч. I. Москва. 1830, стр. 308 и примѣч. стр. 60, № 279), а потомъ изданъ Бодянскимъ среди матеріаловъ по исторіи Малороссіи, собранныхъ Бятышъ-Каменскимъ (Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи и Древностей. 1858. Кв. I, отд. II, стр. 37).

Грамата отъ 16 іюля 1654 г. напечатана по копіи Архива Министр. Иностр. Дѣлъ въ Собраніи Государственныхъ Граматъ и Договоровъ. Часть III, 1822, стр. 524—531, № 172, и въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1858. Кв. I, отд. II, стр. 75—82.

Сообщеніемъ о недавнемъ приобрѣтеніи оригинала ея Историческимъ Музеемъ я обизавъ А. В. Орѣшникову.

кову записали въ книги мѣщанъ Кіевскіе, войты, бурмистры и райцы о спустошенѣхъ же Кіева въ приходъ Радивиловъ съ ратными людьми, и что въ то жѣ время выгорѣлъ весь городъ съ немногими останки, въ первыхъ церковь соборная каменная Пресвятые Богородицы, торгъ, лавки, ратушь, пивоварни, клѣтъ съ зѣліемъ, хлѣбницы, важня, домъ гостинный, двory ратушныя, двory шляхетскіе, а въ церкви все книги старовѣчныя [слѣдуетъ перечисленіе сгорѣвшихъ документовъ]. И тѣ подлинныя привилея, которыхъ только подтверждальныя остались, и иныхъ много, иные въ церкви погорѣли, а иные въ пожарное время погинули, нарядъ ратушный, зелье, свинець, знамена, литавры, питья всякіе, воски, салы, меды, солоды, вѣсы, одни побраны, а другіе погорѣли, и о томъ всемъ мѣщане явку въ книги записавши, сю Выпись взяли себѣ за печатью воеводскою, лѣта 1651, Ноября во 2 день". (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1858, кн. I, отд. II, стр. 37).

Одинъ очевидецъ пожара, находившійся въ литовскомъ лагерѣ, описывалъ его 22-го (н. ст.) августа такими словами: „16-го авг. показался огонь надъ Дибромъ и около шестидесяти домовъ съ землею сраивалъ. Но костель Св. Яцка [=Іакинба] отстояла нѣхота. 17-го авг. снова показался огонь около полудня и такой страшный, какого я никогда не видалъ. Сперва сгорѣлъ костель отцевъ Бернардиновъ съ кляшторомъ, школы, армянская церковь, двѣ древнихъ каменныхъ церкви дзунитовъ: одна пресвятой Троицы, а другая, заложенная еще Владиміромъ, княземъ Кіевскимъ. Однихъ шляхетскихъ домовъ сгорѣло около трехсотъ. Подъ вечеръ поднялся такой страшный вихрь, что (пожарице) намъ, смотрѣвшимъ съ горы, казалось пекломъ или Содомомъ и Гоморрой. Навѣрное (погорѣлъ бы) и нашъ лагерь, если бы онъ не былъ поставленъ на высокой горѣ; также (погорѣли) и вещи и товары, такъ какъ погорѣли все лавки, почему убытки и неисчислимы. Костель отцевъ Доминиканцевъ остался цѣлымъ, такъ какъ одинъ солдатъ погасилъ огонь въ куполѣ, который тлѣлъ уже болѣе часа. Также и кафедральный костель уцѣлѣлъ отъ огня" (Grabowski I, str. 339—340).

Тѣ же самыя данныя съ нѣкоторыми сокращеніями и въ иномъ порядкѣ, измѣняя лишь число сгорѣвшихъ шляхетскихъ домовъ въ 200, повторяютъ и Пасторій (Bell. Scyth. Cosacic., p. 238—239) и Грондскій (Hist. belli cosacico-polonici, I, p. 189); послѣдній прибавляетъ, что „если бы этотъ пожаръ не былъ остановленъ сбѣжавшими солдатами, то погорѣлъ бы весь городъ“, и датируетъ первый день пожара 6-мъ августа, т.-е. по старому стилю.

Изъ весьма сходныхъ между собою разсказовъ анонима, изданнаго Войцицкимъ, и Коховскаго ¹⁾, болѣе подробнымъ въ мелочахъ является послѣдній. Описавъ расправу кн. Януша съ кіевлянами (см. выше, стр. 286—287) онъ продолжаетъ: „Потомъ славу успѣха уменьшилъ возникшій въ городѣ пожаръ, который, будучи раздуваемъ сильнымъ южнымъ вѣтромъ, пожралъ три квартала строеній на рынкѣ, насмѣваясь надъ всеми стараніями ограничить его, пока не прекратился самъ, дойдя до площади. Притомъ гетманъ запретилъ, опасаясь бунта, подъ страхомъ повѣшенія, звонить въ колокола для созыва народа тушить пожаръ. Тѣмъ болѣе было истребленіе зданій огнемъ, такъ какъ стихія свирѣпствовала тѣмъ ожесточеннѣе, пока не была оста-

¹⁾ О сходствѣ этихъ источниковъ безъ опредѣленія ихъ взаимоотношенія см. Н. Костомарова Богданъ Хмельницкій. 4-е изд. I, стр. XI

новлена. Бѣдствіе казалось прекратившимся, когда въ 7-й день августа огонь, оживъ среди пожарища, съ несказаннымъ упорствомъ возобновился и обратилъ въ пепель и священные зданія,—между ними древнѣйшій монастырь Богородицы съ гимназіей,—и дворцы шляхты и другія постройки. Это бѣдствіе города выжгло, по-видимому, нѣкоторое клеймо на славѣ литовцевъ, такъ какъ распространился слухъ, что огонь подложенъ былъ (ими) нарочно, чтобы поляки, если они вступятъ въ городъ нетронутый, не воспользовались бы имъ, покоривъ его, для (своей) прибыли и добычи. Но въ этомъ слухѣ не было ничего вѣроятнаго, такъ какъ виновника пожара никакого не нашли, хотя и искали усердно: городской магистратъ установилъ, что началомъ пожара была отчаянность какого-то мелкаго торговца, который какъ будто пораженный горячкой, сперва бросилъ въ свою лавку факель, а потомъ и самъ бросился въ огонь. Такъ безуміе одного торгаша обезобразило страннымъ пожаромъ гордый древностью Кіевъ¹⁾.

Эти подробности о кіевскомъ пожарѣ 1651 года имѣютъ для нашей темы то значеніе, что даютъ основаніе датировать исполненіе рисунка, изображающаго городъ (см. табл. III),—или по крайней мѣрѣ наброска съ натуры, на основаніи котораго онъ могъ быть вырисованъ и позднѣе,—временемъ между 5 и 15 августа нов. ст. (26 іюля и 5 августа ст. ст.), т. к. невѣроятно, конечно, чтобы художникъ рисовалъ во время изображаемой имъ конной рекогносцировки 3-го августа. На этомъ рисункѣ не видно никакихъ признаковъ обширныхъ пустырей пожарища, не видно обгорѣлыхъ стѣнъ каменныхъ церквей; все указываетъ по-нашему на изготовленіе рисунка еще до пожара и мы не можемъ согласиться съ Н. И. Петровымъ, который полагаетъ, что „пожары неминуемо должны были отразиться на окончательной обработкѣ вида художникомъ, который послѣ пожаровъ могъ уцѣлить изъ своей памяти нѣкоторыя детали и прибавить новыя, не соответствовавшія дѣйствительности“ (Труды Кіевской Духовной Академіи. 1905. II, стр. 471): былъ ли набросокъ сдѣланъ до или послѣ пожара, при окончательномъ исполненіи рисунка, разумѣется уже безъ провѣрки съ натуры, художникъ все равно сдѣлалъ, конечно, кой какія отступленія отъ наброска, т.-е., съ нашей точки зрѣнія, ошибки. Точность другого вида Кіева (см. табл. V, рис. 2) по-видимому вообще слишкомъ мала, чтобы дѣлать на основаніи ея какіе-либо выводы относительно времени исполненія наброска; на ней города видно очень мало и, хотя само изображаемое на немъ нападеніе казаковъ съ Днѣпра и было уже послѣ пожара, но эта часть города, самая южная, могла вовсе не быть имъ тронута:

¹⁾ Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV Climacter primus auctore Vespasiano a Kochow Kochowski. Cracovia. 1683. p. 282—283.

Ановимъ Войццкаго. (Pamiętniki do panowania Zygmunta III, etc. II, str. 202) описываетъ пожаръ такъ: „Затѣмъ начался въ городѣ пожаръ, сгорѣло три квартала домовъ на рынкѣ; нельзя тоже было бить въ набатъ, слывая на пожаръ, т. к. князь грозилъ повѣсить тѣхъ, кто сталъ бы звонить, опасаясь призыва набатомъ къ бунту; однако пожаръ прекратился. Начался онъ снова 7-го августа еще съ большою силой, чѣмъ прежде; сгорѣлъ монастырь Пречистой, и школы, дворы шляхетскіе и нѣкоя прекрасныя зданія. Эти пожары сваливали на Литву, которая, не желая вернуть полякамъ Кіевъ въ цѣлости, старалась (будто бы) раззорить спаленный Кіевъ и расшарпать все достатки, а потомъ пепелища и пустыри вернуть полякамъ. Но это мнѣніе было неосновательно. Магистратъ чинилъ о томъ строгій розыскъ, ирчто не указывало на литовскія войска, но одинъ козакъ мѣщанинъ со злости запалилъ свой домъ и лавки и самъ въ огонь вскочилъ.“

вѣтеръ дулъ, какъ мы видѣли, съ юга; наконецъ весь рисунокъ повидимому вовсе не рисованъ цѣликомъ съ натуры, съ днѣпровскихъ острововъ, а скорѣе скомпонованъ изъ различныхъ набросковъ, о чемъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже. Опустошительный пожаръ вспоминается при видѣ тѣхъ рисунковъ (см. табл. IX, рис. 2; X, 1 и 2; XI, 1 и 2) гдѣ представлены отдѣльные нищѣ, а также и цѣлыя семьи, поселившіяся со своимъ скуднымъ скарбомъ въ развалинахъ различныхъ зданій,—которыя мы, къ сожалѣнію, не можемъ опредѣлить,—возможно, что это погорѣльцы; такъ какъ тѣ уцѣлѣвшіе въ Кіевѣ шляхтичи, о спасеніи которыхъ кіевляне писали въ своей „сунликѣ“ (см. выше стр. 276), были, вѣроятно, особенно къ приходу литовскаго войска, устроены магистратомъ болѣе удобно; предполагать же большое число спасшихся въ Кіевѣ отъ наступавшихъ литовскаго и польскаго войска хлоповъ и казаковъ едва ли возможно: и тѣ и другіе едва ли могли бы быть увѣрены въ своей безопасности (см. выше, стр. 281). Впрочемъ не слѣдуетъ забывать также и того, что фигуры нищихъ для оживленія пейзажей и особенно развалинъ были любимѣйшимъ приѣмомъ голландскихъ художниковъ того времени, и возможно, что Вестерфельдъ также прибѣгалъ къ этому приѣму, не всегда строго сообразуясь съ дѣйствительностью. Хотя, конечно, и въ дѣйствительности три года мятежей и войнъ собрали въ Кіевѣ множество нищихъ, калѣкъ и т. п.

Значительное число рисунковъ Кіева,—которыхъ первоначально было, какъ увидимъ ниже, вѣроятно еще больше, чѣмъ намъ теперь ихъ извѣстно,—предполагаетъ усердную и долговременную работу художника: но нѣтъ основаній предполагать, чтобы онъ оставался тамъ дольше, чѣмъ литовское войско или даже чѣмъ самъ гетманъ, который, какъ увидимъ ниже, покинулъ Кіевъ ранѣе, чѣмъ остальное его войско, и къ свитѣ котораго принадлежалъ, вѣроятно, и Вестерфельдъ. Съ натуры дѣлались, конечно, лишь болѣе или менѣе точныя наброски, а отдѣльвались рисунки уже дома. О степени точности и достовѣрности отдѣльныхъ рисунковъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже при детальномъ ихъ разсмотрѣніи. О художественномъ достоинствѣ и стилѣ ихъ, имѣя передъ собою лишь копіи ихъ конца XVIII-го вѣка, судить можно лишь приблизительно, т. к. мы лишены возможности контролировать точность копій этихъ; намъ не удалось даже, какъ говорено выше (стр. 264 сл.) видѣть иныя копіи съ того же исчезнувшаго оригинала. Доступные и извѣстные намъ источники не сохранили никакихъ упоминаній ни о самомъ фактѣ исполненія этихъ рисунковъ, ни о цѣли, для которой они были заказаны, ни объ обстановкѣ исполненія ихъ.

Кое-какія заключенія и предположенія по этимъ вопросамъ можно, однако, извлечь изъ разсмотрѣнія самихъ рисунковъ.

Прежде всего на двухъ изъ нихъ мы видимъ самого Авраама фагъ Вестерфельда: на обоихъ видахъ Печерскаго монастыря (см. табл. XII, рис. 1 и 2) изображенъ рисующимъ молодой человекъ, безъ бороды и усовъ, въ европейскомъ костюмѣ: шляпѣ съ широкими полями и кафтанѣ безъ пояса; возможно, что его же представляетъ и молодой же человекъ съ факеломъ въ рукѣ, разсматривающій мощи двѣнадцати каменщиковъ (см. табл. XIII, рис. 2), и юный человекъ съ листомъ бумаги (?) на колѣняхъ, сидящій въ развалинахъ церкви (табл. VIII, рис. 2). Но иное по всей видимости лицо представлено дважды осматривающимъ какія-то развалины

его свиткомъ бумаги (планомъ?) въ рукахъ (см. табл. X, рис. 2 и табл. XI, рис. 2); и по лицу, съ усами и пышными волосами, и по величественному виду это, повидимому, какая-то особа болѣе важная, чѣмъ художникъ; невольнo является предположеніе: не предѣставленъ ли тутъ герцогъ Францискъ Эрдманъ Саксенъ-Лауенбургскій, сопровождавшій, какъ мы видѣли выше (см. стр. 277; ср. 257, прим. 2), кн. Януша въ его Кіевскомъ походѣ?

Самого кн. Януша, кромѣ двухъ рисунковъ торжественныхъ встрѣчъ (табл. IV, рис. 2, и табл. V, рис. 1; ср. табл. I, рис. 1 и 2; табл. XIII, рис. 6; табл. XIV, рис. 4), мы не рѣшаемся однако признавать ни въ какомъ-то важномъ всадникѣ съ лукомъ у пояса, объѣзжающемъ развалины Кіева (см. табл. VII, рис. 1; табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 1) ни въ какой-либо изъ пѣшихъ фигуръ, также удивляющихся остаткамъ былаго величія Кіева (см. табл. VII, рис. 1 и 2; VIII, рис. 1 и 2; X, рис. 1 и 2; XI, рис. 1 и 2; XIII, рис. 1, 2 и 3). Эти многочисленныя фигуры любопытствующихъ посмотрѣть остатки древняго Кіева вполнѣ соотвѣтствуютъ общему содержанию рисунковъ, исполненныхъ Вестерфельдомъ въ Кіевѣ и распадающихся на двѣ неравныя группы: меньшую—военные успѣхи литовскаго войска и триумфальное вступленіе его въ Кіевъ (табл. III; табл. V, рис. 2; табл. IV, рис. 2, и табл. V, рис. 1) и большую—кіевскія древности и святыни (табл. IV, V, 1, VI—XII, XIII, 1—4), при чемъ точной границы между ними провести, конечно, нельзя, т. к. всѣ четыре рисунка первой группы могутъ быть включены и во вторую.

Отсюда намъ кажется вполнѣ допустимымъ сдѣлать заключеніе, что кн. Янушъ поручилъ сопровождавшему его художнику съ особеннымъ вниманіемъ заняться воспроизведеніемъ этихъ остатковъ прошлаго, бывшихъ тогда, какъ и теперь, главными достопримѣчательностями Кіева.

Въ своей работѣ художникъ былъ, видимо, руководимъ свѣдущими людьми, что ясно по копіи фрески съ изображеніемъ Ярослава, или по подбору гробницъ и ракъ съ мощами, по выбору пунктовъ въ пещерахъ. Въ одной изъ разрушенныхъ церквей представлены люди, которые не то разбиваютъ, не то разрываютъ нѣчто въ родѣ престола или, скорѣе, каменной гробницы (см. табл. IX, рис. 1). Если эта сцена взята художникомъ съ натуры, то мы получаемъ свидѣтельство если не о раскопкахъ, то о кладонскательствѣ литовскаго войска въ 1651 году и притомъ, вѣроятно, не безъ указки гетмана, любителя рѣдкостей и древностей. Если же болѣе смѣло толковать сцену эту, какъ находженіе при Петрѣ Могилѣ въ развалинахъ Десятинной церкви гробницы якобы Владиміра Святаго, то художникъ оказался бы руководимымъ какимъ-то мѣстнымъ русскимъ историкомъ. Цѣль изготовленія рисунковъ кіевскихъ святынь и древностей остается намъ неизвѣстной. Мы не знаемъ, хотѣлъ ли кн. Янушъ просто имѣть у себя наглядную память о своемъ триумфѣ, который далъ поводъ его панегиристамъ равнять его Болеславамъ Храброму и Смѣлому (см. выше стр. 284), прославленнымъ легендами завоевателямъ столицы Руси, которая тогда была для Польши едва ли не тѣмъ же, чѣмъ для Руси Царыградъ, или же онъ имѣлъ въ виду поднести этотъ кіевскій альбомъ своей православной женѣ, родственницѣ знаменитаго радѣтеля кіевскихъ святынь Петра Могилы, или же, наконецъ, у богатаго и честолюбиваго магната явилось намѣреніе показать *urbis et orbis* плоды своего

Удачнаго похода путемъ изданія соответственнаго описанія какъ самого похода, такъ и добытаго имъ славнаго города, въ подражаніе своему отцу кн. Христофору Радзивилу, увѣковѣчившему подобнымъ образомъ свой Смоленскій походъ (см. выше стр. 217) гравюрою и медалью. О медали, заказанной кн. Янушемъ на занятіе имъ Кіева, рѣчь была уже выше (стр. 208 сл., см. табл. I, рис. 1).

Всѣ эти три возможности остаются къ сожалѣнію лишь нашими гипотезами. Но въ пользу послѣдней говорить, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, фактъ находенія среди кіевскихъ рисунковъ выходного ко всей серіи ихъ листа (см. табл. II, рис. 2; ср. выше стр. 211), на оригиналѣ котораго въ серединѣ вмѣсто надписи, явно ошибочной, помѣщенной на копіи конца XVIII вѣка, находилось пустое пространство, ясно предназначенное для заглавія той книги или того атласа, который долженъ былъ начинаться фронтисписемъ этотъ, тогда какъ въ нижней части его части его козья шкура, растянута татариномъ и казакомъ, предназначалась, очевидно, для помѣщенія года и мѣста предполагаемаго изданія, можетъ быть имени художника и т. п. Подробнѣе рисунокъ этотъ разсматривается ниже, но вѣрность нашего заключенія очевидна по первому взгляду на эту фантастическую композицію.

Изданіе цѣлаго ряда рисунковъ, снятыхъ со святыхъ и древностей Кіева, предполагало бы, конечно, и соответственный, хотя бы самый краткій, текстъ. Сюжеты опредѣляютъ его содержаніе: это должно было быть историческое описаніе Кіева и его святыхъ; фантазія подсказываетъ и заглавіе: *Kiövia Sacra et Vetusta*, или нѣчто въ этомъ родѣ. Авторомъ такого текста, очевидно, едва ли могъ быть кто либо изъ обычныхъ участниковъ похода: еще менѣе вѣроятно, чтобы соответственнаго специалиста кн. Янушъ везъ съ собою изъ Литвы: исходъ похода далеко не былъ очевиденъ. Скорѣе всего поэтому можно думать, что ученый описатель Кіева или долженъ былъ быть присланъ туда позднѣе, или же, что еще проще, что онъ нашелся въ самомъ Кіевѣ среди тамошняго ученаго русскаго духовенства, также созданнаго Могилой. Было ли однако все это въ дѣйствительности, заказалъ ли кн. Янушъ кому-либо въ Кіевѣ текстъ къ предполагаемому изданію, обѣцалъ ли ему кто-либо его доставить, или даже исполнилъ уже желаніе побѣдоноснаго гетмана, обо всемъ этомъ мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ данныхъ и, высказывая здѣсь столь смѣлая гипотезы, мы можемъ лишь просить лицъ болѣе насъ къ тому подготовленныхъ, если они признаютъ хоть малую долю вѣроятія во всемъ вышесказанномъ, потрудиться надъ разысканіями въ соответственныхъ архивныхъ матеріалахъ, не имѣется ли какихъ-либо хотя бы намековъ на проектъ такого описанія Кіева: вѣдь находка даже упоминанія о такомъ планѣ объяснительнаго къ рисункамъ 1651 года текста, не говоря уже о немъ самомъ, вполне вознаграждаетъ затраченные на поиски труды. Такимъ образомъ всѣ надежды на отысканіе какихъ-либо точныхъ данныхъ объ обстоятельствахъ изготовленія рисунковъ, издаваемыхъ нами по копіямъ XVIII вѣка, приходится возложить на разысканія въ польскихъ архивахъ.

Наши же свѣдѣнія о пребываніи князя Януша въ Кіевѣ ограничиваются собранными выше данными и основываемыми на нихъ предположеніями; жизнь онъ, какъ видѣли мы выше (стр. 284), въ митрополичьихъ покояхъ у Св. Софій (см. табл. V,

рис. 1); войско его стояло лагеремъ въ древнихъ валахъ, что видно и на одномъ рисункѣ (см. табл. V, рис. 2); ни о какихъ оборонительныхъ работахъ литовскаго войска упомянаній нѣтъ; валы, на которые мѣстами (см. табл. IV, рис. 1, и табл. V, рис. 2) поставлены были пушки, дѣлали такія работы излишними и потому произвольныя предположенія о нихъ получили уже своевременно должную оцѣнку ¹⁾. Нашъ лучший источникъ о походѣ 1651 года, „Комментарій“, за время пребыванія кн. Януша въ Кіевѣ сообщаетъ лишь мимоходомъ о пожарѣ (р. 139), о нападеніяхъ казаковъ и о перепискѣ Януша съ вождями короннаго войска, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Русскія свидѣтельства разныхъ „вѣстовицковъ“, черпавшихъ свои свѣдѣнія съ казацкой стороны, говорятъ о перепискѣ и переговорахъ, которые кн. Янушъ велъ съ Хмельницкимъ какъ изъ Кіева, такъ и послѣ выхода изъ него. Положеніе литовскаго войска въ Кіевѣ представляется ими далеко не завиднымъ и имъ то и объяснялись, вѣроятно, эти переговоры о мирѣ, т.-е. о возможности безпрепятственнаго возвращенія въ Литву; ниже мы увидимъ, что и авторъ „Комментарія“ признавалъ затруднительность положенія побѣдителей, но о прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ кн. Януша съ Хмельницкимъ онъ, конечно, не упоминаетъ.

По одному изъ донесеній въ Москву „Августа де въ 26 день при немъ Иванкѣ [Рожновѣ] чли [въ Боранѣ] листъ у полковника у Куриленка, писалъ къ нему изъ подѣ Любича Черниговской полковникъ Подобайла. Сидѣли де въ городѣ Любичѣ поляки и у нихъ де большой острогъ черкасы взяли и поляки сидятъ въ осадѣ въ маломъ острожкѣ и черкасы де у нихъ воду отняли. А литовскихъ людей гетмана Родивила съ поляки въ Кіевѣ черкасы осадили жъ и изъ осады де изъ Кіева кіевской митрополитъ Селивестръ по гетманову Родивилу велѣнію присылаетъ къ гетману Хмельницкому старцовъ безпрестани, чтобъ онъ гетманъ Хмельницкой съ Родивиломъ помирился и гетманъ де Хмельницкой митрополиту отказываетъ, съ Родивиломъ мириться не хочетъ“.

Вернувшійся 13 сентября въ Сѣвскъ пушкаръ Авдѣй Кутузовъ разсказывалъ также объ осадѣ казаками Любеча и о сношеніяхъ между гетманами: „да посылалъ де гетманъ Богданъ Хмельницкой посланцовъ своихъ въ Кіевъ къ литовскому гетману къ Родивилу, чтобы онъ Родивиль шолъ къ нему и далъ бы ему бой и Родивиль де къ Хмельницкому на бой не пошолъ, а пошолъ де изъ Кіева на козаковъ, которые стоятъ подѣ Кіевомъ и козаковъ де, государь, многихъ побилъ и пришолъ къ городу Павлочи въ сходѣ къ гетману къ Потоцкому, а въ Кіевѣ де, государь, оставилъ въ осадѣ нѣмецъ многихъ людей“.

Пріѣхавшіе 23 сентября въ Яблоновъ алешинскія дѣти боярскія Ѳедоръ Спесивцевъ и Василій Горяистовъ сообщали: „а про то де имъ вѣдомо, что Радивиль присылаетъ къ черкасомъ о миру почаству, чтобъ съ ними помирились, и черкасы де говорятъ, что они и напередъ сего съ ними помирились да на томъ не устояли и боятся де черкасы отъ нихъ обману, а кто кому силенъ и про то де еще не вѣдомо“.

¹⁾ См. М. А. Максимовичъ (Собраніе сочиненій, т. II, стр. 54—59): „О судьбѣ Кіева въ 1651 году“ противъ Н. Закревскаго (ср. Описаніе Кіева стр. 923, къ листу III, № 30: „Старокіевское укрѣпленіе Яна Радзивила по древнимъ слѣдамъ“); [Антоновичъ]: Къ вопросу объ уничтоженіи Ярославна вѣста (Чтенія въ Обществѣ Нестора Лытоинеца, X. 1896. II стр. 52: противъ гипотезы Т. В. Квбальчача).

Но польскіе источники говорятъ лишь о столкновѣніяхъ съ казаками. Въ самое время втораго пожара 17 (7) августа казаки съ татарами сдѣлали попытку напасть на литовскій лагерь со стороны Золотыхъ Воротъ, но, будучи замѣчены своевременно литовскими разъѣздами, встрѣтили сопротивленіе и съ урономъ были отбиты и преслѣдуемы полторы мили до какого-то моста, вѣроятно черезъ одинъ изъ овраговъ въ окрестностяхъ Кіева; плѣнные рассказывали, что имѣлось въ виду напасть на лагерь съ трехъ сторонъ, но что ожидавшіеся для того еще 6000 не успѣли подойти. Эта битва описывается и „Комментаріемъ“ (pp. 140—141) и другими современными источниками ¹⁾, но подробности ея нашей темы не касаются; самъ гетманъ личнаго участія въ ней, повидимому, не принималъ, но крайней мѣрѣ ни „Комментарій“, ни другіе источники о томъ не говорятъ; однако письмо свое Ник. Потоцкому съ описаніемъ битвы этой онъ началъ словами: „Сѣвши съ коня о той, которую сегодня имѣли мы съ непріятелемъ забавѣ, кратко освѣдомляю Вашу Милость“ (Grabowski. I, str. 347).

И въ этотъ день, да и постоянно, фуражиры литовскаго войска попадались въ окрестностяхъ Кіева въ руки казаковъ или татаръ (Grabowski. I, str. 349); при этихъ экспедиціяхъ за провіантомъ, фуражемъ и иной, конечно, добычей доставалось, конечно, и той и другой сторонѣ; однажды (10 августа нов. ст.) литовскіе фуражиры избили даже, принявъ ихъ за казаковъ, фуражировъ короннаго войска (Grabowski. I, str. 339). Вѣроятно, одну изъ такихъ неудачныхъ для Литовцевъ встрѣчъ съ казаками и описываетъ извѣстіе съ казацкой стороны о какомъ-то Анжултѣ, упоминаній о которомъ въ польскихъ источникахъ я не нашелъ, что, въ виду позднѣйшаго происхожденія источника, путающаго разные факты, дѣлаетъ сомнительнымъ достоверность упоминаемаго факта ²⁾.

При разореніи страны и недостаткѣ припасовъ положеніе литовскаго войска въ Кіевѣ оказалось затруднительнымъ: оставаться въ немъ будучи отрѣзаннымъ и

¹⁾ Письмо изъ литовскаго лагеря отъ 22 (12) августа—Grabowski. I, str. 340—341; письмо самого кн. Януша, тамъ же, стр. 347—348; Jerlicz. I, str. 126; dnia 19; Pastorius. Bellum scyth-cosac. p. 239—241; Grondski, p. 190. Pamiętniki do panowania Zygmunta III, etc., II str. 202—203, и Kochowski (p. 282—283) рассказываютъ согласно, какъ всегда.

²⁾ „Краткое описаніе Малороссіи“, составленное въ 1734 г., говоритъ (см. Лѣтопись Самовидца съ приложеніями. Кіевъ. 1878, стр. 232—233: „Тогда жъ князь Радивиль, Небабу и Горкушу съ Антономъ подъ Лоевыми поразивши, завитали въ Кіевъ и Подольный городъ спалили; мѣщане же напередъ на низѣ къ Черкасамъ байдаками повнездили съ пожитками. Онъ же Радивиль, когда съ вожемъ Анджуломъ всталъ на подеадъ съмъ хоруговъ, такъ Анжула того, съ добычю пазадъ тяжело поворачувного, козакъ, напавши, поразили и всею користи отпали“. Также не находятъ себѣ подтвержденія въ современныхъ свидѣтельствахъ приведенный выше (стр. 287, прим.) рассказъ Павла Алепискаго и рассказы позднѣйшихъ компіляцій о пораженіи литовскаго войска на обратномъ изъ Кіева пути около Маслова Стана [— Прудница, а иногда и „Стана“!] у Георгія Конискаго (Исторія Русовъ или Малой Россіи. Москва, 1846); стр. 112—113: „При Хвастовѣ извѣтился Гетманъ Хмѣльницкій, что князь Радзивиль съ войсками его, Литовскими, пробираясь на помощь Четвертинскому [?!], по правому берегу рѣки Днѣпра, разорилъ многія селенія побережняя и самый городъ Кіевъ, бывший безъ обороны, разграбилъ, а услышавъ о пораженіи Четвертинскаго [?], воротился обратно въ Литву, со многими корыстями. По сему извѣстію тотчасъ отправился Хмѣльницкій съ легкою конницею преслѣдовать Радзивила и, обошедъ его ночью, засѣлъ впереди у Маслова Прудница, и какъ только онъ съ корпусомъ шедшимъ безпечно, поравнялся съ Хмѣльницкимъ, то сей, напавъ съ боку, разбилъ войска его наголову и воротилъ всею награбленную корысти съ лихвою, получивъ весь обозъ Радзивильовъ съ запасами и собственными его богатствами“.

То же находимъ и у Ник. Маркевича (Исторія Малороссіи, т. I. Москва, 1842, стр. 294—295); у него же (стр. 235 и 292), опять таки согласно съ Конскимъ (стр. 89 и 112), взятіе Кіева и сожженіе Подола Радзивиломъ является дважды: въ 1649 и 1651 гг.

отъ Литвы и отъ короннаго войска было небезопасно, идти далѣе также неудобно: хотя по словамъ „Комментарія“ кн. Янушъ готовъ былъ продолжать свой путь далѣе къ новымъ побѣдамъ, но на дѣлѣ ему приходилось думать лишь объ удержаніи города, т. к. опять потерять его было бы позорно, надѣяться на вѣрность гражданъ невозможно, оставить приличный гарнизонъ — не хватало войска, а передать коронному войску невозможно, такъ оно во время не пришло ¹⁾. Между тѣмъ отступленіе домой было отрѣзано: Любечъ съ его гарнизономъ и всеми военными припасами былъ уже осажденъ казаками, и литовскимъ границамъ угрожало шестьдесятъ, якобы, тысячъ черниговскихъ казаковъ (Commentarius p. 144; ср. выше стр. 277, 298).

Занявъ Кіевъ, кн. Янушъ увѣдомилъ о томъ короля и просилъ его о дальнѣйшихъ указаніяхъ; отвѣтомъ было приказаніе, писанное отъ имени короля кн. Альбрехтомъ Станиславомъ Радзивиломъ около дня Св. Варооломея (т. е. 24 августа), подойти ближе къ коронному войску, но не соединяться съ нимъ. Однако письмо это дошло до Януша лишь послѣ соединенія его съ Потоцкимъ (Albr. St. Radz. Pamiętniki II, str. 452). Вступилъ кн. Янушъ и въ сношенія съ короннымъ войскомъ: въ упомянутомъ выше письмѣ 17 (7) августа онъ увѣдомлялъ Потоцкаго о показаніяхъ взятыхъ тогда плѣнныхъ, якобы Хмѣльницкій, не допуская соединенія короннаго войска съ литовскимъ, намѣренъ напасть сперва на послѣднее, дѣлалъ отсюда заключеніе, что коронное войско далеко и дѣйствуетъ не энергично, и просилъ гетмана его ускорить наступленіе на казаковъ съ тылу, чтобы разъединить ихъ силы: изъ письма видно, что онъ посылалъ уже къ Потоцкому гонцевъ и ранѣ (Grabowski. I, str. 348).

Кн. Янушъ, какъ узнаемъ отъ Рудавскаго, написалъ какое-то патетическое письмо кн. Іереміи Вишневецкому (+ 20 [10] авг.), въ которомъ еще болѣе раззадоривалъ ярость послѣдняго, отрицая какія-либо соглашенія съ Хмѣльницкимъ теперь, когда онъ побѣдоносно вошелъ въ Кіевъ, и все еще ненавидя Хмѣльницкаго за сватовство его сына ²⁾.

Совсѣмъ иначе, повидимому, смотрѣлъ на задачу похода Потоцкій: кн. Альбр. Стан. Радзивилъ подъ сентябремъ 1651 г. сообщаетъ (Pamiętniki. II, str. 453), что Потоцкій на настоянія кн. Януша тѣснить непріятели съ другой стороны, отвѣтилъ, что онъ пришелъ для установленія мира, а не для продолженія войны.

Переговоры съ Потоцкимъ о соединеніи шли медленно: вѣроятно, оно кн. Янушу вовсе не представлялось столь желательнымъ. „Комментарій“, какъ всегда, подробно и апологетически объясняетъ мотивы кн. Януша (pp. 139, 144—149). Король настаивалъ въ письмахъ къ Янушу на соединеніи литовскаго войска съ короннымъ ради усиленія послѣдняго. Кн. Янушу наряду съ коронными гетманами и иными комис-

¹⁾ Nec deerat animus Duci ultra tendere, et hostes tot acceptis cladibus impulsos urgere: si, aut recens occupata Urbs in ditioe hostium princeps, citra jacturam famae, quâ bella constant, iterum amitti: aut sine praesidio, citra metum, in fide retineri: aut copiarum suarum paucitas, in tot praesidia, citra periculum dispergi potuisset: aut certe si Regni copiae maturius advenissent; quibus orbem traderet: cuius tantisper servandae onus sibi incumbere sentiebat. (Commentarius, p. 120).

²⁾ Princeps quoque Janussius Radivilius, exercitus Magni Ducatus Lithuaniae campestris dux, auxilium in immensam flammam, literis suis ad ducem Wisniowiecium pathetice scriptis. Jam enim Kijoviam cum victore Lithuano intraverat exercitu, unde liberius negabat foedera, invisus Chmielnicio ob affectatum principis Valachiae connubium, qui nullum tunc turbati animi motum Cosacis prodidit (Rudawski. o. c., p. 80).

сарам дано было полномочіе по заключенію договора отъ имени Рѣчи Посполитой. Коронные гетманы частыми посланцами и письмами упрашивали его идти къ нимъ на встрѣчу, но это было невозможно по многимъ причинамъ: враги собрались вновь съ силами и нельзя было оставить Кіевъ безъ опасности потерять его. Усиленіе казачковъ у Литовской границы и осада ими Любеча (см. выше стр. 300) породили уже планъ: передать Кіевъ коронному войску и вернуться съ литовскимъ въ Литву. Но коронные гетманы требовали соединенія войскъ и сами хотѣли прійти въ Кіевъ. Однако кн. Янушъ, разсудивъ дѣло, оставилъ мысль о немедленномъ возвращеніи въ Литву, такъ какъ коронное войско тотчасъ же попало бы въ положеніе опасности болѣе близкой и неминуемой, чѣмъ предполагаемая — для Литвы. Дорожа господствомъ надъ рѣкою и опасаясь недостатка фуража для соединенныхъ войскъ, онъ предлагалъ короннымъ гетманамъ занять Бѣлую Церковь, а самъ хотѣлъ спуститься въ Триполье. Но и этотъ планъ не былъ принятъ коронными вождами, которые заявили, что ранѣе соединенія силъ они ничего начать не могутъ или не хотятъ, что и доказали, свернувъ къ Кіеву съ прямой на врага дороги и занявъ Васильковъ въ пяти миляхъ отъ Кіева. Извѣстія изъ короннаго лагеря сообщаютъ также о переговорахъ черезъ посланныхъ между гетманами обоихъ войскъ: одно письмо изъ подъ Фастова отъ 31 (21) августа сообщаетъ: „князь панъ гетманъ литовскій оттягиваетъ соединеніе съ нами по нѣкоторымъ причинамъ: это правда, что ему не годится уходить отъ Днѣпра и его байдаковъ, но есть тутъ однако и личныя соображенія (*privata*), но *sapienti sat.*“¹⁾

Только 2-го сентября (н. с.) вернувшіеся отъ кн. Януша посланцы „принесли не только полную надежду, но и слово отъ князя Его Милости, что онъ соединится съ нами“, какъ сообщаетъ „діаріушъ обозовый“ (Grabowski, I, str. 290); на другой день „литовскій подскарбій, Потоцкій, пріѣхалъ секретнымъ посломъ къ пану Краковскому (Ник. Потоцкому); послѣ двухчасовой аудіенціи, уладивши всѣ *difficultates*, которыя могли быть препятствіемъ для соединенія нашего съ литовскимъ войскомъ, тотчасъ же довольный (*ukontentowany*) уѣхалъ, обѣщая намъ литовское войско навѣрное черезъ два дня; а мы этимъ днемъ прошли три большихъ миль къ Василькову“ (*ibid.*, str. 292).

4-го сентября (25 августа), т.-е. ровно черезъ мѣсяць послѣ занятія Кіева, кн. Янушъ выѣхалъ изъ него съ пятнадцатью хоругвями конницы, оставивъ прочее войско въ кіевскомъ лагерѣ, къ Василькову на встрѣчу коронному войску²⁾ для переговоровъ съ его вождами о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ; по словамъ „Комментарія“ (р. 149) онъ опять отстаивалъ свой планъ, но это ему не удалось и противъ

¹⁾ Grabowski I, str. 346. Въ Польскихъ Дѣлахъ 1651 г. № 1, ч. 2, въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ находится привезенный въ Москву 20 ноября 1651 г. Огородный Слободы тяглемомъ Зиновьемъ Ивановымъ переводъ съ польскаго письма изъ обоза короннаго отъ 13 [читай 31] августа подъ Хвастовымъ, который оказывается переводомъ письма, заданнаго Грабовскимъ; приведенное выше въ нашемъ переводѣ мѣсто московскіе переводчики передали такъ: „Другое что князя панъ гетманъ литовской съ нами случитца не хочетъ отъ нѣкоторыхъ подлинныхъ причинъ. Да и то правда что ему на Днѣпрѣ судовъ своихъ или струговъ метать не годитца. Какъ есть о томъ и мнрекая рѣчь мудрому полно разумѣть“.

²⁾ Commentarius, p. 149; Jerlicz опредѣляетъ отрядъ, шедшій съ Якушемъ, въ 5000. (I, str. 127).

воли, уступая настояніямъ большинства, онъ согласился на соединеніе своего войска съ короннымъ. Въ литовскомъ войскѣ въ усѣхъ мирныхъ переговоровъ съ казаками вѣрили, какъ видно изъ современныхъ писемъ, плохо и опасались въ случаѣ неудачи ихъ за свою судьбу¹⁾. Воинственные совѣты кн. Януша оказали, однако, дѣйствіе на коронныхъ гетмановъ: въ „обозномъ діаріушѣ“ подѣ 6 сентября записано: „Стало conclusum продолжать войну далѣе, на чемъ согласились три пана гетмана: мы слышимъ трубы и бубны“ (Grabowski. I, str. 294).

Итакъ встрѣча, гетмановъ обоихъ войскъ, наконецъ, состоялась.

Современникъ описываетъ ее такъ: „панъ Краковскій съ красивою кавалькадой встрѣтилъ въ полѣ князя Радзивила, съ большою воинскою пышностью съ обѣихъ сторонъ, конно, оружно, панцырно, въ блистательныхъ латахъ, леопардовыхъ и тигровыхъ шкурахъ, серебрѣ и золотѣ. Сеѣвши съ коней панъ Краковскій просилъ всѣхъ въ шатеръ на жолнерское печево“²⁾. Пока одинъ коронный гетманъ встрѣчалъ кн. Януша, другой, Конецпольскій, бился съ казацкимъ отрядомъ, подбирившимся къ Днѣпру, и разбилъ его³⁾. Это движеніе на Кіевъ, по показаніямъ плѣнныхъ, было замышлено также съ двухъ сторонъ: и, по словамъ пшєма изъ короннаго лагеря, князь Янушъ поспѣшилъ дать знать о томъ въ Кіевъ, чтобы тамъ береглись нападенія съ рѣки (Grabowski. I, str. 350).

И дѣйствительно, 5 сентября (26 августа) казаки, спустившись на ладьяхъ изъ р. Десны, сдѣлали попытку овладѣть литовскими судами или сжечь ихъ.

Краткій разсказъ о нападеніи этомъ „Комментаріа“⁴⁾ дополняютъ иныя современныя извѣстія. Ерличъ (I, str. 127) писалъ: „5-го. Разбойники, желая воспользоваться удобнымъ временемъ, на челнахъ подошли подѣ Кіевъ: (но) были, будучи (во время) замѣчены, побиты; они захватили было двухъ городскихъ гайдуковъ [не два-ли байдака?]“⁵⁾. Пшємо отъ 7-го сентября (ср. выше стр. 291, прим. 2) изъ короннаго лагеря разсказываетъ: „казаки, какъ то было уже у нихъ условлено, и сверху изъ рѣки Десны спустившись, и снизу отъ Никольскаго Монастыря напали на Кіевъ и на литовскіе байдаки и тамъ крѣпко перестрѣливаются съ ними литовцы, какъ сказалъ тотъ, который прискакалъ сюда и видѣлъ это. Панъ Краковскій послалъ

¹⁾ Grabowski. I, str. 348—349... wojska się na tych dniach złącza, a jeżeli traktaty na które się zanosł nie dojdą, damy sobie duzo po Iwu. (List P. Zbigniewa Morstina. d. 2. Sept. r. 1651 z Kijowa).

²⁾ Grabowski. I, str. 293; въ подлинникѣ перечислены нѣкоторые приглашенные: въ числѣ ихъ Гонсьскій и Мирскій. Описание встрѣчи у Коховскаго (I, p. 287) краснорѣчіемъ замѣняетъ факты.

³⁾ Grabowski. o. c. I, p. 293, 349—350; Оевѣдцѣмъ (см. Кіевская Старина. IV, 1882, стр. 544—545); Commentarius. p. 149; Jerlicz. I, str. 127; Pastorius. Bellum scythico-cosacicum, p. 243.

⁴⁾ Pars altera secundo flumine delapsa, subito adventu aliquas nostrorum scaphas occupaverat. Sed ab Urbe fortiter repulsa, et infestis tormentorum ictibus e Monasterio Nicolajano [ed. 1655; Nejolajano ed. 1653] vexata, plurium e suis scapharum jactura damnum illatum pensavit, rem strenue gerente Samuele Komorovlo, principis Radivilli tunc locum tenente, ita ut in subsidium nostris missus a Potocio Sokalus [ed. 1653; Sokaliis ed. 1655]; profligatum iam hostem, ei ob irrito conatu in fugam conjectum invenerit (Commentarius, p. 149—150).

⁵⁾ Zbójcy chcąc upatrzeć czas, czójnami przypadli pod Kijow, ktorych postrzegłszy bito, które byli uchwycili hajduków dwa miejskich Судя по разсказу, приведенному ниже, им. hajdukowъ лучше, кажется, читать „байдаковъ“. Далѣе Ерличъ разсказываетъ о пораженіи въ дер. Поргорнахъ гетманами отряда болѣе чѣмъ въ 7000, шедшаго къ Кіеву же отъ Триноля, что онъ относитъ къ тому же году, а не къ предъидущему, какъ прочіе источнки.

туда на помощь пана Сокола съ нѣсколькими хоругвями" (Grabowski, I, str. 350). „Діаріушъ“ короннаго войска подь 7-е сентября сообщаетъ: „казаки сверху, т. е. рѣкою Десной, спустившись и снизу съ Днѣпра, отъ Никольскаго Монастыря, ударили вчера въ вечерній часъ и подступили подь Кіевъ и сильно перестрѣливаются *dubio Marte* съ литовскими (солдатами). Панъ Краковскій послалъ туда пана Сокола съ нѣсколькими хоругвями, такъ какъ князь панъ староста Жмудскій остается здѣсь съ нами. Надежда на Бога, что непріятель останется въ конфузій, но извѣстно, что (имъ) забрано (уже) два литовскихъ байдака: а что было бы, если бы пришли еще сухимъ путемъ тѣ, которыхъ Богъ послалъ намъ третьяго дня?“ (Grabowski, I, str. 294).

На другой день (8 сент.) къ вечеру прибыли въ польскій лагерь послы Хмѣльницкаго съ просьбой о мирѣ; въ числѣ привезенныхъ имъ отъ гетмана писемъ было и къ князю Янушу (*ibid.*, p. 295): „11 сентября панъ Соколъ вернулся изъ Кіева отъ литовскаго войска, которое уже двинулось оттуда, такъ какъ Хмѣльницкій прислалъ двухъ казаковъ, приказывая своимъ людямъ *armisticium* на сушѣ и на водѣ. Итакъ, война около Кіева прекратилась, а то казаки начали уже было докучать литовскому войску съ днѣпровскихъ острововъ и три литовскихъ байдака урвали: однако и у нихъ не мало потерь, такъ какъ въ нихъ стрѣляли изъ пушекъ отъ Никольскаго монастыря и девять челновъ съ людьми потопили. Тѣ же два казака поѣхали въ Лоевъ и Любечъ оглашая перемиріе, чтобы казаки прекратили осаду тамъ литовскихъ полковъ“ (Grabowski, I, str. 295—296). То же въ сущности, какъ этотъ рассказъ, содержитъ о нападении на Кіевъ съ рѣки и *Bellum Scythico-Cosacicum* Пасторія (p. 244—245).

Въ присылавшихся пограничными воеводами въ Москву вѣстяхъ объ украинскихъ дѣлахъ число отбитыхъ казаками байдаковъ оказывается больше: одинъ „списокъ съ бѣлорускаго съ вѣстового писма“ говоритъ: „а войско литовское и князь [въ подлинникѣ: „и а снязь“] Радивиль изъ Кіева поймали было изъ церкви образы и колокола и Днѣпромъ въ Литву послали, и козаки суды погромили“: а „въ другомъ листку написано“: „а войска лятцого сказываютъ 50000 польскаго, а литовскаго войска 15000 и стоятъ теперь Ляхи подь Васильковымъ Добродѣю брате, нынѣ козаки погромили 6 струговъ на Днѣпрѣ и отняли образы и колокола и иной церковный нарядъ, что въ Кіевѣ поимала Литва“. (Ср. выше стр. 287, прим., 288—289).

Мы привели все эти рассказы полностью потому, что одинъ изъ рисунковъ 1651 г., представляетъ, какъ мы видѣли уже выше (см. стр. 204), именно этотъ бой на Днѣпрѣ (см. табл. V, рис. 2). Этотъ рисунокъ преувеличенными размѣрами людей и т. п. менѣе реаленъ, чѣмъ все прочіе: при множествѣ казачьихъ челновъ мы видимъ только три литовскихъ; стрѣльба изъ пушекъ производится не только отъ Никольскаго Монастыря, гдѣ стоитъ всего одна пушка, но и со стороны земляного вала, гдѣ стрѣляютъ двѣ пушки. Зритель предполагается на занятыхъ казаками островахъ: весь рисунокъ внѣ всякаго сомнѣнія сочиненъ позднѣе, при чемъ художникъ пользовался, вѣроятно, сдѣланными ранѣе съ природы видами Кіева и Печерска.

Возможно, что Вестерфельдъ и не былъ уже свидѣтелемъ этого боя, если, находясь въ свитѣ гетмана, онъ уѣхалъ изъ Кіева вмѣстѣ съ нимъ.

Самъ князь Янушъ пробылъ въ Кіевѣ около мѣсяца: съ 4-го августа нов. ст. (=25 іюля ст. ст.) по 4-ое сентября нов. ст. (=25 августа ст. ст.); уйдя отсюда съ кавалеріей, онъ оставилъ тамъ пѣхоту и артиллерію; но затѣмъ 11 (1) сентября и эта часть литовскаго войска ушла изъ Кіева и соединилась съ короннымъ войскомъ подъ Германовкой 13 (3) сентября¹⁾.

Польскій „Дневникъ обозовый“ сообщаетъ объ этой встрѣчѣ: „Стали мы подъ Германовкой, и войско литовское стало того же дня въ четверти мили отъ насъ или ближе. На самомъ разсвѣтѣ оба войска салютовали изъ пушекъ по три раза, съ великой радостью рыцарскихъ сердець на страхъ непріятелю, такъ какъ войска соединились при казацкихъ послахъ“ (Grabowski, I, str. 297). Превосходство польской артиллеріи, повидимому, дѣйствительно было слишкомъ очевидно для казаковъ: „сама чернь признавала, что подъ Берестечкомъ одно королевское ядро было тяжелѣе, чѣмъ сто казацкихъ. Что въ пятницу [т.-е. 8 сентября нов. ст. подъ Кіевомъ], — (говорили они), — когда стрѣляли изъ пушекъ, такъ мы едва на земь не попадали“ (ibidem).

Итакъ, вопреки прежнимъ (см. выше стр. 301) вполне основательнымъ соображеніямъ о необходимости не уводить войска изъ Кіева или по крайней мѣрѣ отъ береговъ Днѣпра, теперь кн. Янушъ почему-то очистилъ Кіевъ.

Тотъ же „Діаріушъ обозовый“ (Grabowski, I, str. 296) приводитъ это въ связь, какъ мы видѣли выше (стр. 303) съ универсаломъ Хмѣльницкаго о перемиріи на сушѣ и водѣ, присланнымъ 11 (1) сентября въ Кіевъ, а оттуда далѣе въ Любечъ. Едва ли кн. Янушъ ранѣе формальнаго заключенія мира повѣрилъ бы столь ненадежному человѣку, какимъ считался и вполне основательно Хмѣльницкій, и оставилъ бы свою крѣпкую базу, если бы на то не было особыхъ, неуказываемыхъ польскими источниками, основаній. Русскія извѣстія, какъ видѣли мы выше, свидѣтельствуютъ о переговорахъ между кн. Янушемъ и Хмѣльницкимъ: опасное положеніе осажденнаго Любеча (см. Grabowski, I, str. 349; письмо п. Сылича изъ Мозыря, 10 сентября 1651 г.) и литовской границы (см. Commentarius, p. 144—146) могло быть рѣшающимъ аргументомъ въ пользу немедленнаго очищенія Кіева, чего естественно было требовать съ своей стороны Хмѣльницкому; но все это является, конечно, лишь нашими догадками. Мы не знаемъ даже о судьбѣ литовскихъ судовъ, нагруженныхъ якобы богатой добычей: невѣроятно, чтобы литовское войско, уходя изъ Кіева, бросило ихъ на произволъ судьбы и казаковъ. Вѣроятно съ заключеніемъ этого перемирія суда эти получили право и возможность уйти назадъ въ Литву. Можетъ быть даже, что указанная выше разница въ опредѣленіи числа отбитыхъ казаками судовъ объясняется именно тѣмъ, что польскіе источники говорятъ лишь о нападеніи казаковъ на Кіевъ 7 и 8 сентября нов. ст., а русскія вѣсти имѣютъ въ виду и послѣдующія мелкія нападенія казаковъ на караванъ судовъ, возвращающійся въ Литву, вверхъ по Днѣпру.

¹⁾ Несовсѣмъ точно, слѣдовательно, пребываніе литовскаго войска въ Кіевѣ опредѣляетъ полтора мѣсяцами Пасторій: *Historiae Polonae... pars posterior de Ioanni Casimiro*. Dantisci. 1685, p. 259; *haeserat autem per sesquimensium ad occupatam a se Kijoviam Radzivilius*. Освѣщимъ (Кіевск. Стар. IV, стр. 546) подъ 11 сентября пишетъ: „Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впоследствии же оно съ нами соединилось“.

Несомненно, во всякомъ случаѣ, что Кіевъ очищенъ былъ Литовцами задолго до окончательнаго заключенія Бѣлоцерковскаго мира, т.-е. до 28 (18) сентября. О положеніи Кіева въ это время кой какія свѣдѣнія даютъ русскіе развѣдчики. Алепинскія дѣти боярскіе Ѳеодоръ Спасивцевъ и Василій Горяистовъ прибыли въ Яблонецъ 23 сентября „и они въ Кіевѣ были одинъ день. И въ Кіевѣ все пусто, жителей никого нѣтъ, потому что разбѣжались... и они де ѣхали изъ Кіева на Переяславль да на Пирятинъ да на Лохвицу да на Гадячъ. И слышели де у черкасъ, что Радивиль въ Кіевѣ стоялъ 6 недѣль и пошелъ изъ Кіева подъ Бѣлую Церковь тому 4-я недѣля. И сталъ близко Бѣлыя Церкви въ Германовкѣ. И войско де польское все съ нимъ. А митрополита де Кіевскаго Радивиль взялъ съ собою... А будучи они въ Черкасскихъ городкахъ слышели какъ Радивиль стоялъ въ Кіевѣ. И въ ту де пору собралось было подъ Кіевомъ черкаскія пѣхоты 4000 и Радивиль де посылалъ на нихъ своихъ ратныхъ людей поляковъ и нѣмецъ и пришли на нихъ безвѣстно и изъ нихъ де многихъ черкасъ побили, а иные разбѣжались“. Слышали они также будто посланный на казаковъ отрядъ Служки межъ Любечемъ и Черниговымъ былъ разбитъ, сообщали имъ и объ осадѣ казаками Любеча. „А больша де того у Радивила съ черкасы бою сильного при нихъ небыло“.

Мы не знаемъ точныхъ подтвержденій разсказамъ (ср. выше стр. 288, 291) о томъ, якобы кн. Янушъ увелъ съ собою изъ Кіева митрополита: но если бы митрополитъ дѣйствительно находился въ польскомъ лагерѣ, то навѣрное принималъ бы дѣяельное участіе въ мирныхъ переговорахъ съ казаками.

Ходъ этихъ переговоровъ нашей темы ближайшимъ образомъ не касается и потому мы ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями на видную роль въ нихъ кн. Януша.

Къ нему именно обратились почему-то съ просьбою о помощи и о выручкѣ польскіе комиссары, осажденные народомъ въ Бѣлой Церкви: „они догадались тогда написать на литовскомъ языкѣ записку князю Старостѣ Жмудскому, сообщая о поруганіи, какое они терпятъ, и прося о скорой (присылкѣ) конвоя, съ которымъ бы имъ уйдти оттуда“ („Діаріушъ“ 17 sept. 1651: Grabowski, I, str. 300). Однако на выручку ихъ со 130 хоругвями польскими и литовскими пошелъ почему то не кн. Янушъ¹⁾, а коронный польный гетманъ Калиновскій, который и вернулся ни съ чѣмъ.

Комиссары спасены были, какъ извѣстно, Хмѣльницкимъ и его полковниками отъ своевольной черни и татаръ. „Слѣдуетъ отмѣтить, — пишетъ авторъ „Діаріуша“ (Grabowski, I, str. 304), — что и чернь щадила литовскихъ пановъ, крича: если бы только дяхи были комиссарами, такъ имъ бы отсюда не выйдти, но эти не виноваты такіе вѣжливыя паны, такъ какъ они никогда не дѣлали обиды нашему войску; и это только ихъ и спасло предъ разнузданнымъ сбродомъ“.

Для насъ особенно интересно, что даже непокорный Хмѣльницкому народъ отличалъ литовцевъ и, несмотря на недавнія битвы съ ними, относился къ нимъ безъ той ненависти, какую питалъ къ полякамъ; надо думать и обратно, что литовцы, въ частности и кн. Янушъ, также смотрѣлъ на казаковъ, и русскихъ вообще,

¹⁾ Какъ пишетъ то Котлубай (о. с. str. 177), по см. Grabowski, I, str. 300—302.

иначе, чѣмъ напр. Іеремія Вишневецкій, хотя и самъ, какъ видѣли мы выше, не разъ расправлялся съ ними съ обычною тогда жестокостью, но все же не питалъ къ нимъ слѣпой ненависти и на Кіевъ въ частности смотрѣлъ не только какъ на вражескій городъ, который можно пограбить, что конечно и было сдѣлано, но и какъ на славную и древнюю столицу Руси: рисунки 1651 г. свидѣтельствуютъ о томъ ясно.

Это сказывавшееся еще тогда былое единство Литвы и Руси замѣчалось, конечно, и поляками и толковалось иными изъ нихъ какъ преступная, сепаратная и приватная, политика еретика-гетмана: такъ напримѣръ Станиславъ Темберскій въ своихъ Анналахъ, совершенно умалчивая о видной роли кн. Януша въ кампаніи 1651 года, отмѣтилъ однако слухи о преступномъ соглашеніи его съ Хмѣльницкимъ¹⁾.

Однако современныя извѣстія ясно говорятъ, что кн. Янушъ во время переговоровъ съ казаками былъ сторонникомъ наступательныхъ дѣйствій и въ совѣтъ и въ полѣ. 22 (12) сентября послѣ безплодныхъ переговоровъ подъ Острою Могилою съ казаками, называвшими себя представителями войска, а не старшины, состоялся совѣтъ на которомъ рѣшили, вопреки мнѣнію Потоцкаго, итти на непріятеля всѣми силами. Авторъ „Діаріуша обозоваго“ съ восторгомъ описываетъ войско это и порядокъ въ его движеніи, которымъ любовались съ кургановъ, и жалѣетъ лишь, что идетъ оно „не на оттоманскую силу“ (Grabowski. I, str. 304—306; Kochowski. I, p. 291).

Въ начавшейся было на другой день (23/13 сент.) битвѣ кн. Янушъ командовалъ правымъ крыломъ: положеніе его было наиболѣе труднымъ и опаснымъ, но зато и дѣйствія наиболѣе рѣшительны и удачны, но нерѣшительный Ник. Потоцкій не сумѣлъ воспользоваться удачей, обѣщавшей, по мнѣнію современниковъ, рѣшительную побѣду²⁾. И на слѣдующій день (14/24 сент.) кн. Янушъ съ нѣсколькими хоругвями участвовать въ стычкахъ съ нападавшими на польское войско казаками и татарами и преслѣдовалъ ихъ своею конницею до самыхъ казацкихъ окоповъ (Grabowski. I, str. 310).

Опытъ удачной, но безрезультатной битвы 23 (13) сентября заставилъ кн. Януша измѣнить свое мнѣніе о цѣлесообразности наступленія: по словамъ Освѣцима „онъ убѣдился въ нашей вялости и потому на слѣдующій день (24 сентября), когда его спросили въ совѣтъ: слѣдуетъ ли продолжать начатыя переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „если бы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ короннаго войска, то я предпочелъ бы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ“ (Кіевская Старина. IV. 1882, стр. 553).

Эти переговоры привели, какъ извѣстно, къ Бѣлоцерковскому договору, торже-

¹⁾ In comitiolis provincialibus ...dleta multa et contra Janusium Radivillium, praefectum exercitus Magni Ducatus Lithuaniae, qui ambitioso suo gressu multa promittebat, nec tamen apparuit ad certamina cum hostibus tractanda. Qui quidem, ne penitus nihil facere videretur, fortasse ex conductamine cum hoste Kiooviam et Mohilovium occupaverat, post Berestecense experimentum nihil aversi a Cosacis agnoscens (Scriptores rerum polonicarum. XVI. Cracoviae. 1897. p. 193—194, cf. 168).

²⁾ См. подробное описаніе битвы въ „Діаріушъ обозовомъ“ 23 Sept.: Grabowski I, str. 307—309; Rudawski. p. 88; Commentarius, p. 157—159, 156 [Lit. G]; Pastorius. Bellum Scythico-Cosacicum, p. 253—255; Kochowski. I, p. 291—292; Дневникъ Освѣцима (Кіевская Старина IV, 1882. стр. 548—549, 553).

ственное заключение котораго состоялось 28 (18) сентября въ польскомъ лагерѣ, куда, обезпечивъ себя взятыми заложниками¹⁾, и явился Хмѣльницкій лично.

Эта встрѣча казацкаго гетмана съ двумя коронными и однимъ литовскимъ описывается многими историками, сообщающими подробности о закончившемъ день ширѣ, о тостѣ за короля, о молчаливости Хмѣльницкаго въ началѣ и о томъ, какъ развязался у него языкъ къ концу пира²⁾. Нашей темы въ разсказахъ этихъ касается лишь ссора между Хмѣльницкимъ и кн. Янушемъ, передаваемая различными источниками съ различными подробностями, но съ тою же сущностью.

Авторъ „Дяриуша обозоваго“ (Grabowski, I, str. 312—313) передаетъ исторію эту такъ. „Пока былъ трезвымъ (Хмѣльницкій) не говорилъ ничего непутеваго (zdrożnego), только издали заговаривалъ: „ваши и литовское войско на меня собрали, а этого не бывало и подѣ Хотимомъ и въ другихъ оказіяхъ“. Потомъ князю Его Милости сказать, что „предки Вашей Княжеской Милости никогда не воевали противъ войска запорожскаго“; но потомъ съ пьяна какъ песь бѣшеный (jadowity) излилъ свою злобу (colegę): начавъ нападать (uczyniwszy inwestywę) на господаря волошскаго, что тотъ проведъ (zawiódł) его сына Тимофея, назвалъ его измѣнникомъ, говоря такъ: что „хоть это и тестъ Вашей Княжеской Милости, однако я готовъ биться въ Волошской (землѣ); онъ имѣетъ много грѣшей, а я много людей“. Это дѣйствительно задѣло князя Его Милость, что онъ нагло и рѣзко трактовалъ тутъ эти вещи, но умѣряя свой гнѣвъ (affekt) князь Его Милость какъ великимъ гетманомъ показалъ себя въ бою, такъ и великимъ гражданиномъ въ сохраненіи мира тѣмъ, что не хотѣлъ подвергать войска Его Королевской Милости опасности отъ гнѣва этого безчестнаго пьяницы, ловко отвѣтивъ ему, что „господарь нимало того не боится и имѣетъ свои средства сохранить себя въ цѣлости“... На другой день, 29 сентября, „когда войско получило уже приказъ двинуться, пріѣхалъ Выговскій.... особенно просилъ онъ извиненія отъ имени Хмѣльницкаго за вчерашнее оскорбленіе (exorbitancya) у князя Его Милости, а князь Его Милость отвѣтилъ ему, что „если онъ сказалъ это съ пьяна, то я вотъ говорю трезвый, что ни я, ни господарь волошскій не боимся и онъ найдетъ меня всегда готовымъ. Если бы онъ и теперь захотѣлъ, я жду его въ полѣ, и знай то, что пьяная его злоба (furya) мнѣ вовсе не страшна и я готовъ съ нимъ расправиться какъ онъ захочетъ, или съ войскомъ или безъ войска“. Выговскій, однако, усердно (suplex) просилъ, чтобы князь Его Милость забылъ объ этомъ“³⁾.

¹⁾ См. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. 4-е изд., II, стр. 434 и сл.

²⁾ См. Н. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. 4-ое изд. 1884. II, стр. 439.

³⁾ Такъ же приблизительно разсказываетъ о столкновеніи этомъ и Рудавскій (Historiarum Poloniae... lib. IV, p. 91—92): „Хмѣльницкій, наморщивъ лобъ и пристально смотря на Радзивила сказалъ: Что значитъ присутствіе въ польскомъ лагерѣ Его Свѣтлости (Celsitudinis)? (И) на отвѣтъ Радзивила, что онъ пришелъ съ литовскимъ войскомъ усмирять возставшихъ козаковъ, а съ ними и клятвопреступника Хмѣльницкаго, тотъ сказалъ: „А предки Вашей Свѣтлости никогда не обижали запорожскаго войска!“ Потомъ по поводу волошской войны началъ онъ грубыми пьяными словами задирать Радзивила (rusticis verbis in Radivillum debacchari), сильно угрожалъ волошскому господарю: „Почему не хочешь онъ отдать за его сына (уже) обѣщанную дочь? Онъ силенъ богатой казною, а я силой, онъ имѣетъ неизмѣримыя сокровища, а я немечелімыя тмы людей, при помощи которыхъ вырву я обѣщанную невѣсту, хотя бы изъ объятій отца, разграблю его славную казну, сокрушу клятвопреступнаго

Сдержанность кн. Януша въ этомъ столкновеніи съ Хмѣльницкимъ объясняли самоотверженнымъ желаніемъ сохранить во что бы то ни стало только-что установленный миръ: сдержанность была, конечно, неизбежна: мало-мало рѣзкій отвѣтъ легко могъ вызвать схватку, которая кончилась бы для Хмѣльницкаго, конечно, весьма плохо, а это, помимо гибели польскихъ заложниковъ (Вик. Гонсѣвскаго и Марка Собѣскаго), повлекло бы возобновленіе войны; положеніе же коронаго и литовскаго войскъ было, какъ видѣли мы выше, таково, что на возвращеніе ихъ домой, не говоря уже о побѣдѣ, гетманы рассчитывать не могли. Но помимо этихъ общихъ соображеній, Янушъ, терпѣливо выслушивая приставающаго подпившаго Хмѣльницкаго, могъ, какъ намъ кажется, сдерживать себя отъ прямой съ нимъ ссоры и по личнымъ соображеніямъ: мы видѣли уже (см. стр. 241, 244, 262) какъ казаки постоянно указывали кн. Янушу на примѣръ его предковъ, встрѣчали мы и указанія на особыя соглашенія, или по крайней мѣрѣ на попытки къ нимъ, между гетманами казацкимъ и литовскимъ (см. стр. 232, 241, 242, 244, 254, 259, 262, 263, 272, 298): развязавшійся языкъ Хмѣльницкаго могъ поставить кн. Януша, и безъ того постоянно подозреваемаго въ „приватныхъ“ замыслахъ, въ положеніе весьма для него нежелательное. Какъ бы тамъ ни было, но „Комментарій“ объ этомъ личномъ столкновеніи Януша съ Хмѣльницкимъ не упоминаетъ, конечно, ни словомъ. Мало того, изложеніе мирныхъ переговоровъ, лишенное обычныхъ у польскихъ историковъ рѣзкихъ по отношенію къ Хмѣльницкому эпитетовъ и выраженій, таково, что авторъ его падить, видимо, самолюбіе казацкаго гетмана: такъ, на примѣръ, слезныя мольбы о прощеніи колѣнопреклоненнаго предъ Потоцкимъ Хмѣльницкаго описываются въ „Комментаріи“ деликатно „просительнымъ жестомъ и словомъ“; странно читать въ книжкѣ, вышедшей въ 1653 году, якобы свиданіе это „разсѣяло всѣ облака вражды повсюду“¹⁾.

По поводу кратковременнаго пребыванія 28 (18) сентября 1651 г. Хмѣльницкаго въ польскомъ лагерѣ у насъ является предположеніе, не тутъ ли былъ исполненъ набросокъ его лица, по которому позднѣе сдѣланъ былъ портретъ гетмана?

Судя по извѣстной мнѣ литературѣ о портретахъ Богдана Хмѣльницкаго²⁾

господаря!“ Такія рѣчи повторялъ онъ среди попойки (*inter medios scyphos*), съ возбужденнымъ лицомъ и духомъ, неоднократно. Всѣмъ было ясно, что эта адекая бестія хотѣла прямо обидѣть князя Радзивила, какъ зятя волошскаго господаря, и тотъ не оставилъ бы конечно это безнаказаннымъ, но тогда ради отечества князь стерпѣлъ столь неважное оскорбленіе. Онъ отвѣтилъ на эту пьяную болтовню (*ad proscasia helluonis verba*) только, чтобы Хмѣльницкій зналъ, что сердце волошскаго господаря готово ко всякимъ враждебнымъ дѣйствіямъ и что у него нѣтъ недостатка ни въ людяхъ ни въ планахъ, которыми онъ сумѣлъ оказать сопротивленіе Хмѣльницкому“, и т. д.

О ссорѣ Хмѣльницкаго съ кн. Янушемъ пишетъ также Коховскій (I, p. 297) и кратко Пасторій (p. 263).

¹⁾ *Commentarius*, p. 164: *Postea quam de Conditionibus inter partes convenit, datis obsidibus, nihil cunctatus Chmielnicius cum praecipuis Tribunorum, biduo ante Calendas Octobres in castra veniens, et gestu ac voce supplicii culpam deprecatus, condiciones pacis relectas audire iubetur. Quibus utrinque subscriptis ac jurejurando firmatis pax postliminio redux sereniori tranquillitatis luce affulsit et cuncta ubique hostilitatis nubila repulit...* Въ экземплярѣ Публичной Библиотеки (см. стр. 228, прим. 1) предъ этою фразою стоитъ знакъ: *Lit. H*, а слова *et gestu ac voce* подчеркнуты: отмѣтка могла относиться къ соответствующему рисунку.

²⁾ Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, составилъ Д. А. Ровинскій. Томъ III, СПб. 1888. стр. 2090—2095, томъ IV, 1889, прилож. стр. 161, 228, 293, 296, 464.

Къ портрету Хмѣльницкаго. (Кіевская Старина. 1882. № 1 т. I, стр. 226—231, съ фотографіей).

єдинственнымъ оригинальнымъ портретомъ его должно признавать тотъ, который гравированъ въ Данцигѣ Вильгельмомъ Хондіусомъ въ 1651 году; всѣ же прочіе являються лишь болѣе или менѣе искаженными копіями съ него; правда Д. А. Ровинскій считалъ портреты съ подписями Boguslaus Chmielnicki ¹⁾ „другимъ оригиналомъ, нѣсколько напоминающимъ типъ Хондіуса“, а анонимъ въ Кіевской Старинѣ (I, стр. 228—229) „сдѣланными по рисунку фантастическому“, по праву, на мой взглядъ, авторы замѣтки въ „Запискахъ Товариства Шевченка“, видящіе въ этой группѣ портретовъ лишь „утрированную переработку типа гравюры Хондіуса“. За портретомъ же, вырѣзаннымъ Хондіусомъ, всѣ признають несомнѣнную авторитетность. Подобіе герба, помѣщенное на фонѣ этого портрета, съ русскими буквами: Б (огданъ) Х (мѣльницкій) Г (етманъ) В (ойска) Е (го) К (оролевской) М (илости) За (порожескаго), воспроизводитъ несомнѣнно войсковую печать съ обычнымъ на ней изображеніемъ идущаго казака, а не личный гербъ Хмѣльницкаго ²⁾. Но это, конечно, отнюдь не даетъ еще оснований предполагать авторомъ оригинальнаго портрета какого-либо мѣстнаго кіевскаго живописца, что, изъ другихъ правда, но такъ же недостаточныхъ, соображеній, дѣлають авторы статьи въ Шевченковскихъ Запискахъ ³⁾; какъ ни выхваляють кіевскихъ живописцевъ (очевидно церковныхъ лишь) архидьяконъ Павелъ Алеппскій ⁴⁾, но тѣ работы ихъ, какія сохранились намъ въ Кіевскихъ гравюрахъ половины XVII вѣка, слишкомъ несовершенны, чтобы равняться съ произведеніями работавшихъ въ Польшѣ „европейскихъ“ художниковъ. Портретъ Хмѣльницкаго, столь сходный въ общемъ со множествомъ портретовъ различныхъ польскихъ и литовскихъ вель-

Владиміръ Бець (см. стр. IV—V предисловія отъ издателя въ книгѣ: Историческіе дѣятели Юго-Западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ I. Составили профессора Имп. Универс. Св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бець по коллекціи Василя Васильевича Тарновскаго. Кіевъ. 1885, и 6 таблицъ [2—9], приложенныхъ къ біографіи Богдана Хмѣльницкаго, составленной О. П. Левицкимъ: стр. 8—34; гравюра Вильгельма Хондіуса 1651 г. воспроизведена фототипіей на таблицѣ 3-ей).

О. Г—ий і М. Г. Портрет Хмельницкого 3 вид. 1683 г. (Записки Научного Товариства Імени Шевченка. Рік VII, 1898, кн. III і IV, т. XXII і XXIV, Львовъ. 1898. Miscellanea, стр. 18—20, съ таблицей).

¹⁾ См. у него №№ 19—22; ср. Историч. Дѣят. Ю. З. Россіи табл. 7=№ 20, табл. 8=№ 21; рис. Зап. Наук. Товар. Шевч. XXIII—XXIV—изъ книги Elogii de' capitani illustri scritti da Lorenzo Crasso Bagone di Pianura, Venezia. 1683.4^o, p. 334. Укажемъ кстати, что № 4 Ровинскаго гравированъ въ мастерской Меріана и изданъ въ Theatrum Europaeum. VII. Taf. zur S. 226.

²⁾ Нѣкоторые портреты и гравюры, копирующіе этотъ же оригиналь, измѣняютъ однако буквы эти такъ: Б. Х. В. Е П (арскаго) В (елчества) З. Г. Въ реестрѣ Запорожскаго войска, поданномъ королю въ 1650 г., гербомъ Хмѣльницкаго показанъ „Абданкъ“ (Script. Reg. Polonic. XIX, 1907, стр. 213).

³⁾ Зап. Шевч., I. I. стр. 19: При деякихъ неоправностяхъ в рисунку, лише повно значіння і змісту, деталі побутові дуже вірні; самі неоправности рисунка (особливо в талії) вказують на те, що се вірна копія місцевого утвору, що як звичайно, цілу вагу клав на подібність лица і аксесуарів, але був слабій в рисунку тіла.

⁴⁾ См. Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное сыномъ его, архидьякономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (напечатанный въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. за 1896 г. кн. 4, 1897, 4, 1898, I и 4, и отдѣльно въ 4 выпускахъ). Сирійскій арабъ естественно изумлялся церковной живописи Молдавіи, Валахій, Украйны и Москвы и превозносилъ тамошнихъ живописцевъ (объ украинскихъ см. II, стр. 41, 76, 89), которые, конечно, не избѣжали сильнаго западнаго вліанія (см., напр., II, стр. 193 о знамени, висѣвшемъ по польскому обычаю надъ могилой Тимофея Хмѣльницкаго и украшенномъ его коннымъ изображеніемъ).

можъ, такъ-же ясно, на нашъ взглядъ, выдаетъ свое „европейское“ происхожденіе, какъ и издаваемые нами рисунки Кіева. Авторъ послѣднихъ, голландецъ Авраамъ ванъ Вестерфельдъ, находился съ кн. Янушемъ при литовскомъ войскѣ и могъ, слѣдовательно, видѣть Хмѣльницкаго въ бытность его 28 (18) сентября въ польскомъ лагерѣ; конечно, тутъ не было ни мѣста ни времени для сеанса, но сдѣлать набросокъ лица художникъ имѣлъ, конечно, и время и возможность. Въ деталяхъ портрета (см. рис. 2) можно даже усмотрѣть именно отсутствіе рисованія съ натуры: напр., совершенно невозможную въ натурѣ рукоятку сабли съ перекрестьемъ необычелаго вида. Этому предположенію о Вестерфельдѣ, какъ авторѣ портрета Хмѣльницкаго, нельзя противопоставлять соображеній хронологическихъ: портретъ, гравированный В. Хондіусомъ въ трехъ, какъ увидимъ ниже, вариантахъ, помѣченъ 1651-ымъ годомъ; на исполненіе его, считая около мѣсяца на доставку оригинала изъ подъ Бѣлой Церкви въ Данцигъ, оставалось цѣлыхъ два мѣсяца, что для исполненія небольшой (0,210 × 0,315 М.) и несложной гравюры вполне достаточно.

Слѣдуетъ однако отмѣтить характерную разницу въ подписяхъ подъ тремя вариантами гравюры В. Хондіуса и отчасти въ деталяхъ самого портрета. На одномъ (у Block'a третьемъ, № 29, о. с., S. 40) Хмѣльницкій называется „гетманомъ войска Его Королевскаго Величества Запорожскаго“ (*Bohdan Chmielnicki, Exercitus S. R. M-tis Zaporohsciensis praefectus*), что указываетъ, при помѣтѣ портрета 1651 годомъ, или на начало года или же, скорѣе, на конецъ этого года, какъ на время изданія портрета; за то на другомъ (Block, № 28, S. 39; Ровинскій № 1 съ рис.) подпись такова, что могла быть вырѣзана и до заключенія Бѣлоцерковскаго трактата: *Bohdan Chmielnicki Exercitus Zaporovien. Praefectus, belli servilis autor, rebelliumque Cosaccorum et plebis Ukrainen. dux*. Наконецъ третій рѣдчайшій вариантъ, въ нашей литературѣ, кажется, не отмѣченный и потому здѣсь по Block'у (Taf. zur S. 38, № 27, S. 38—39) воспроизводимый (см. рис. 2, въ половину противъ величины оригинала), имѣетъ подпись тождественную съ приведенной выше, съ замѣною лишь слова *dux* словомъ *ductor*, и, что дѣлаетъ его особенно интереснымъ, представляетъ казацкаго гетмана въ сатирическомъ видѣ: съ большими звѣриными ушами и козыими рожками вмѣсто страусовыхъ перьевъ на шапкѣ; эти атрибуты объясняются ходячимъ тогда производствомъ слова „козакъ“ отъ „коза“, а, можетъ быть, должны были соответствовать и обычнымъ признакамъ дьявола (ср. выше на стр. 308 „*infernalis bestia*“), звѣриныя же уши прибавлены, можетъ быть, и по аналогіи съ нѣмецкими „*Ketzermütze*“, въ которыхъ жгли еретиковъ, или извѣстными сатирическими изображеніями религиозныхъ противниковъ („*Papstesel*“ и т. п.). Едва ли Вильгельмъ Хондіусъ сталъ бы по своей инициативѣ украшать портретъ такими деталями: это конечно былъ специальный заказъ какого либо ненавистника Хмѣльницкаго, рассчитанный на распространеніе въ Польшѣ, гдѣ имъ были бы одинаково довольны и послѣ заключенія Бѣлоцерковскаго договора, какъ и до него. Равнымъ образомъ и подпись подъ вторымъ вариантомъ не исключаетъ возможности изданія портрета съ нею и послѣ заключенія мира съ мятежнымъ гетманомъ. Такимъ образомъ все три варианта портрета Хмѣльницкаго могли быть изданы послѣ заключенія Бѣлоцерковскаго договора: первый соответ-

ствовали функции покорности Хмельницкого королю, второй — действительности, а третьей — мифию Польши.

Во всем остальном все три варианта одинаковы и по всей видимости печатаны с одной и той же доски, на которой изменяемы были лишь подписи и указанные детали: сделать это можно, перегравировав лишь часть доски.

Рис. 2. Рѣдкій вариантъ портрета Хмельницкаго 1651 года.

Сатирический вариант кажется миф, по сравнению гравюр, первоначальным.

Во виду отмеченных уже неоднократно выше случаев работы В. Хондиуса по заказам отца кн. Януша и его самого (см. еще и ниже о портрете самого Януша 1652 года) естественным кажется миф и предположение, что оригинал для портрета

Хмѣльницкаго данцигскій граверъ получилъ именно отъ кн. Януша, что согласовалось бы и съ выше изложеннымъ предположеніемъ о Вестерфельдѣ, какъ авторѣ этого портрета; если въ сатирическомъ вариантѣ онъ имѣлъ специальное назначеніе глумленія надъ ненавистнымъ гетманомъ, то, наоборотъ, присылкою портрета въ передѣланномъ видѣ можно было доставить ему не малое удовольствіе.

Не невозможно, наконецъ, что портретъ Хмѣльницкаго исполненъ былъ Вестерфельдомъ и ранѣе 28 (18) сентября, во время переговоровъ, когда присылка кн. Янушемъ своего художника не могла не польстить честолюбію Хмѣльницкаго.

Но, конечно, все это лишь предположенія, которыя могли бы подтвердиться лишь перепискою или счетными книгами кн. Януша въ несвижскомъ или иномъ архивѣ.

Немедленно же послѣ заключенія договора войска разошлись: по сообщеніямъ въ Москву, какъ и по „діаріушу обозовому“ (см. выше стр. 307), на другой же день по заключеніи договора войска, недавно еще бившіяся между собою, разошлись: „поляки пошли въ Польшу, а Литва въ Литву, а татарова пошли въ Крымъ“ (ср. Освѣцима—Кіевск. Старина IV, 1882, стр. 551). Коховскій же (I, р. 298) прибавляетъ, что литовское войско пошло на отдыхъ въ Полѣсье.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній относительно пути, по которому возвращалось литовское войско: вѣроятно же всего, что оно пошло прямою дорогою; отрядъ же, осажденный казаками въ Любечѣ, отошелъ къ Рѣчицѣ. Приведенные выше (стр. 287, пр. 1; 299, пр. 2) рассказы изъ казацкихъ источниковъ о пораженіи всего литовскаго войска при его отступленіи не находятъ себѣ иныхъ, болѣе достовѣрныхъ, подтвержденій: судьба литовскихъ судовъ на Днѣпрѣ остается неизвѣстной (см. выше, стр. 288, 289, 302, 303, 304). Кіевъ же снова вернулся въ то положеніе, въ какомъ былъ до похода; правда въ него вернулся вскорѣ (см. стр. 292—293) польскій воевода, извѣстный Адамъ Кисель, но ему пришлось 4-го іюня 1652 (Jerlicz. I, str. 139) покинуть городъ навсегда.

Такъ кончился походъ 1651 года. Выдающаяся роль въ немъ литовскаго гетмана и его войска очевидна. И несмотря на рознь, проявлявшуюся между вождами и войсками короннымъ и литовскимъ, и польскіе безпристрастные свидѣтели признаютъ и заслуги Януша въ походѣ 1651 г. и его личныя достоинства. Вотъ, напр., какъ отзывается о немъ Освѣцимъ (Кіевская Старина. IV. 1882, стр. 552): „Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безурядицы нашей, оставитъ насъ и возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивилу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе“. Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ неимовѣрной скромности и вѣжливости, онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой воинъ. Вообще о князѣ Радзивилѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающийся умъ въ военныхъ совѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣніе держать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и на искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой“. Неособенно расположенный къ племяннику—кальвинисту литовскій канцлеръ кн. Альбр. Ст. Радзивиль также признаетъ въ своемъ дневникѣ (II, str. 454), что польское войско потому только не

погибло, что подошло литовское.— „Гетманъ литовскій, — продолжаетъ онъ, — возвратился въ Литву, всегда былъ побѣдителемъ, и, что еще важнѣе, онъ спокойно выпустилъ десяти тысячное войско, которому было не плачено, по домамъ ожидать уплаты, а пять тысячъ расположилъ по границѣ“.

Даже среди бѣлорусскаго народа литовскій гетманъ въ разсказахъ⁴⁾ о походѣ 1651 года облекался въ образъ героической, заслоняя собою обоихъ коронныхъ гетмановъ; событія излагались при этомъ съ примѣсью ходячихъ сказочныхъ мотивовъ и во многомъ противно дѣйствительности: побѣдителемъ и здѣсь, какъ въ казацкихъ

4) Считаю интереснымъ, какъ примѣръ быстрого сложенія легенды о современныхъ событіяхъ, привести здѣсь цѣликомъ разсказъ торонскихъ торговыхъ людей Федора и Семена Чирьевыхъ отъ 24 декабря 1651 года, изъ дописанія въ Москву Виземскаго воеводы Ивана Бутурлина (Москов. Главн. Архивъ Иност. Дѣлъ. Польскія Дѣла 1651 № 1, часть 2-я): „въ Вильну де при насъ пріѣхали изъ обозу Хмелинскаго Могилевцы и изъ иныхъ литовскихъ городовъ торговые люди... и сказывали намъ, какъ де осадилъ Хмелинской самъ ксенжу Родивила съ войскомъ ево у Бѣлой Церкви, а другое ево войско ксенжа Родивила осадилъ Хмелинскаго запорожскіе черкасы въ Любечю, и тутъ ксенжа Родивиль съ своимъ войскомъ сидѣлъ въ осадѣ многое время и въ той осадѣ ему Родивилу и всемъ людямъ ево учинилося со всякой осадной нужи тѣснота великая, и учаль быть голодъ и моръ, а на кони ихъ надежъ великой. И сидачи де гетманъ въ той осадѣ лошади свои изъ подъ себя рѣзалъ и ѣлъ, а потомъ и надежныя свои лошади изъ земанъ выкапывая съ голоду ѣли жъ, и ксенжа Родивиль прииди на себя и на войско свое голодъ и отъ смрада въ осадѣ великое повѣтріе со всякой нужи учаль быть голодъ и моръ большой и гетманъ ксенжа Родивиль учаль ссылаться и просить у Хмелинскаго и у черкасъ перемирья, и Хмелинской умилвися надъ ево войскомъ перемирье учинилъ, и позвалъ Хмелинской ксенжу Родивила и большихъ сенатарей и полковниковъ и ротмистровъ и поручиковъ и лутчихъ шляхту къ себѣ на обѣдъ, и ксенжа Родивиль на обѣдѣ былъ со многими паны и объ миру просилъ, а Хмелинской на обѣдѣ ксенжѣ Родивилу и паномъ говорилъ, что правды де у васъ вѣтъ и на договорномъ словѣ непостоятельны и на правѣ своемъ не стоите и преже вы сево со мною миръ взяли и крестъ цѣловали и на томъ во всемъ не устояли, нелзѣ де вамъ вѣрять. И ксенжа Родивиль Хмелинскому говорилъ: дамъ де тебѣ изъ своего войска лутчихъ людей полковниковъ въ закладъ двадцать человекъ и которые де тебѣ наша братья надобны, и Хмелинской де у Родивила ксенжа двадцать человекъ лутчихъ людей выбравъ въ закладъ взялъ и перемирье учинилъ до сойму всей посполитой рѣчи. А быть имъ въ закладѣ до королевского сойму, а на соймѣ де передъ королемъ чего ты будешь просить и мы де на соймѣ передъ королемъ того поступимся. И ксенжи Родивилово войско изъ осады велѣлъ Хмелинской освободить. И гетманъ Богданъ Хмелинской велѣлъ со всего ксенжи Родивилова войска, грубя ксенжѣ Родивилу и всей шляхтѣ, платье верхнее и исподнее лутчее все снимать со всѣхъ съ пановъ и въ то ихъ панское вмѣсто платье велѣлъ подавать летчинное платье и сермяжное снимая съ черкасъ да надѣвать на шляхту“.

Этотъ разсказъ о переодѣваніи явно сказочнаго характера; интересно, что подобный мотивъ, по объясняемому иначе, — трусостью шляхты, — находимъ и въ разсказахъ, записанныхъ Кунаковымъ, о Зборовской битвѣ (см. Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 394): „и о томъ вышѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ вездѣ посмѣхъ большой, что Ляхи кроются подъ возы и въ возы, а битися не хотятъ: и рыси и соболы свои мѣняютъ на сермяги, а при томъ и шляхетство на хлопство“. Павелъ Алеппскій, излагающій исторію казацкаго возстанія (II, стр. 14) по казацкимъ разсказамъ, пишетъ такъ-же (II, стр. 12): „военачальникъ польскій спрятался подъ телѣги и слуги прикрыли его навозомъ“ и приводитъ далѣе слова народной о томъ пѣсни. Но наряду съ фантазіей въ вышеприведенномъ разсказѣ есть и реальныя черты: о Любечѣ см. выше стр. 304; объ эпидеміи стр. 282, пр. 3.

Торонецкіе торговые люди Іовъ и Онуфрій Щекны 16 ноября 1651 г., пріѣхавъ изъ Витебска въ Вазьму говорили: „а Кіевъ панъ Рудаминъ съ своимъ войскомъ высѣкли, а высѣкши Кіевъ сталъ въ под(ѣ?) и приходчи де Хмелинскаго люди черкасы побили Рудамина и людей ево на голову и черкасы де учали опять быть въ Кіевѣ“. Такое изложеніе исторіи Кіевскаго похода согласуется съ приведенными выше показаніями позднѣйшихъ казацкихъ лѣтописей, но объясняется, очевидно, не фактами, а убѣжденіемъ въ неизбѣжности отмщенія разорителю Кіева. Объ Авжудѣ изъ коронаго войска (см. выше стр. 299, прим. 2), подробности разсказываетъ *Historya o buntach Chmielnickiego (Pamiętniki o wojnach kozackich. Wrocław. 1842, str. 94).*

разсказахъ (см. выше стр. 299, пр. 2), оказывался гетманъ казацкій, которому желали побѣды разсказчики.

Въ самой Украинѣ кievскій походъ Януша Радзивила также остался въ народной памяти подъ именемъ „Радивилщины“, годъ былъ забытъ ¹⁾, но, какъ видѣли мы выше (см. стр. 278 сл.), къ нему приурочивали различныя легендарныя сказанія ²⁾.

Конечно, память, которую Янушъ оставилъ по себѣ въ Кіевѣ и Украинѣ, была для него недоброй. Указанія на разореніе Кіева и его окрестностей въ 1651 году Литвою нерѣдки и въ послѣдующіе годы; монахи и монахини разоренныхъ монастырей писали въ Москву просительныя письма и сами туда переѣзжали ³⁾. Кіевское православное духовенство такъ же не могло простить литовскому гетману его кальвинскую „ересь“, какъ и католическіе недруги его въ Литвѣ и Польшѣ. Дважды проѣзжавшій (26 іюня—10 іюля 1654 г. и 29 іюня—14 іюля 1656 г.) черезъ Кіевъ архидьяконъ Павелъ Алеппскій упоминаетъ о Янушѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, очевидно подъ вліяніемъ отзывовъ о немъ Кіевского духовенства, какъ о разорителѣ Кіева, и разсказовъ, слышанныхъ въ Москвѣ, какъ объ оскорбителѣ царя, о чемъ придется еще говорить ниже; но фактически роль Януша въ польско-казацкихъ дѣлахъ опредѣляется Павломъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, совсѣмъ невѣрно: „онъ великій ненавистникъ всего рода православныхъ, тиранъ и упрямецъ. Вѣра его, какъ намъ говорили, лютеранская, ибо онъ постится только

¹⁾ Самъ Дмитрій Ростовскій въ его „Діаріи“ (см. Шлякинъ, о. с., прил. стр. 1—11) рожденіе свое, въ годъ похода этого, помѣщаетъ и подъ 1650 и подъ 1651 годомъ: „XII... того року была война Радивилова (въ Сочиненіяхъ Св. Дмитрія Ростовскаго. Москва. 1853. I стр. 458 стоитъ почему-то „была воеводина“, И. А. Шлякинъ видитъ тутъ простую ошибку) и Къевъ спалень“. „Non hic, sed inferius id est“. „XIII тутъ родився и тутъ была война Радивилова. А иншіи сказуютъ, же война Радивилова была XII року, що если такъ было, то я грѣшній родився XII року, гдыжъ кмене не иначе.. яко въ Радивилщину въ Филиповъ постъ“ (о. с., прил. стр. 5—6, ср. тамъ же стр. 2, прим. 4).

²⁾ Въ дополненіе къ сказанному на стр. 278—280 объ исторіи Братской Иконы Богородицы и въ замѣну третьяго раздѣла перваго примѣчанія на стр. 280 слѣдуетъ привести слѣдующій пассажъ Павла Алеппскаго (IV, стр. 186): „Въ среду [т. г. 1 Іюля 1656 г.] пришелъ настоятель Богоявленскаго монастыря, находящагося въ срединѣ города, пригласить нашего владыку патріарха отслужить въ немъ обѣдню въ праздникъ чудотворнаго образа Владычицы, принесеннаго изъ страны Ляховъ“. Настоятелемъ Братскаго монастыря былъ тогда знаменитый Лазарь Барановичъ; 2-ое Іюля, какъ праздникъ Братской Б. М., дѣйствительно указывается при нѣкоторыхъ ея изображеніяхъ (Сергій, у. с. стр. 54, № 110); отсюда естественно было бы въ этой иконѣ видѣть именно Братскую икону Б. М. и предполагать, что ее принесли въ 1654 г. (см. выше, стр. 280, пр. 1) казаки изъ какого либо похода въ польскія или литовскія земли; но Н. И. Петровъ (Историч. топограф. очерки Кіева. 1897 г., стр. 212) полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о т. н. Купятицкой иконѣ Б. М. (бронзовомъ складномъ крестѣ, находящемся нынѣ на хорахъ Св. Софіи), которую дѣйствительно принесъ изъ Литвы самъ Лазарь Барановичъ (см. Н. О. Сумцовъ. Лазарь Барановичъ. Харьковъ. 1885. стр. 9—12). На то, гдѣ именно въ 1656 г. помѣщалась Купятицкая икона, прямыхъ указаній я не нашель. Нашлось однако извѣстіе о переправѣ 1662 г. (Верхъ. Царствов. ц. Алексѣя Михайловича. II. 1831⁴ стр. 165): „польская хроника, доставленная О. А. Толстымъ“ [Феодосія Софоновича „хроника земель польскихъ“ 1673 года?] говоритъ въ изложеніи Берха: „Того жъ (1662) года въ осени Юрій Хмѣльницкій приходилъ подъ Межигорскій монастырь съ татарами и, Кіева не зачепавши, у Вышгорода церковь разобрали и на образахъ за Днѣпръ перевозились татара; и по за Днѣпромъ около Чернигова и Нѣжина великое множество людей въ полонъ набравши вернулись“. Но и здѣсь прямого указанія, которое было бы естественно, на Братскую икону нѣтъ.

³⁾ См. выше (стр. 278) и Акты Южн. и Зап. Россіи. V, стр. 88, 90, 97, 98; X, ст. 713, 717, 730 сл. 734—6, 738, 743 сл., 763 и др.

одинъ день въ году, думая, что такимъ образомъ онъ выполнитъ великій постъ одинъ разъ во всю свою жизнь; молитву „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“ онъ совершаетъ въ своей комнатѣ тайно, полагая, что это согласно со словами Господа Христа въ его святомъ Евангелии. Василій ничего не выигралъ, выдавъ свою дочь за этого „Кальбина“¹⁾. Онъ надѣялся имѣть въ немъ опору и помощника. Этотъ же проклятый одинъ былъ виновникомъ смерти Тимофея, сына Хмеля, ибо между этими двумя свояками была сильная вражда...²⁾ Василій истощилъ все усилія примирить ляховъ съ казаками, но не могъ по причинѣ злобы этого окаяннаго“ (Путешествіе антиох. патр. Макарія въ Россію, перев. Г. Муркоса II, стр. 177 и сл.; см. еще II, 13, 175—7, 179 сл.; III, 117 сл., 139 сл., 144; IV, 46, 51, 65 сл., 90, 153).

Но страннымъ образомъ, описывая Кіевъ и его монастыри и церкви, Павелъ нигдѣ не упомянулъ о грабежѣ и разореніи ихъ литовцами въ 1651 году, а удивлялся лишь ихъ красотѣ и богатству; очевидно, въ три года слѣды пожара и разоренія успѣли уже значительно загладиться: такъ богата и жизненна была еще тогда Кіевская Украина!

Возвратившись въ Литву кн. Янушъ, какъ видѣли мы выше (стр. 313), распустилъ значительную часть войска, съумѣвъ убѣдить его спокойно дожидаться платы; относительно размѣщенія нераспущенныхъ полковъ на зимовку вышли нѣкоторыя пререканія съ великимъ гетманомъ, Янушемъ Кишкою³⁾, который въ отсутствіе кн. Януша въ виду грозившей Литвѣ опасности со стороны 20000 черниговскихъ казаковъ старался собрать посполитое рушенье, причемъ переписывалъ и собиралъ не только шляхту, но и хлоповъ, но старанія эти не дали повидимому желаемыхъ результатовъ⁴⁾.

Въ 1651 году издана была въ Кенигсбергѣ книжка подъ заглавіемъ: *Salutatio Janussii Radziwill*, которая мнѣ извѣстна, къ сожалѣнію, лишь по заглавію⁵⁾; авторъ ея—Thilo долженъ быть никто иной, какъ духовный поэтъ и профессоръ краснорѣчія въ Кенигсбергскомъ университетѣ Валентинъ Тило (Thiel)—младшій (1607—1662), кото-

1) Въ другомъ мѣстѣ Павелъ осмысливаетъ такую транскрипцію слова „кальвинъ“ созвучіемъ его съ арабскимъ словомъ „кельбъ“ = „собака“ (I, стр. 103: венгры враги вѣры и ненавистники креста и евангелія и носятъ имя имъ подходящее именованію „кальвинъ“, погречески „кальвинъ“, и лютеране); ср. выше (стр. 214, пр. 2) латинскую игру словами у Рудавскаго: „іезуитовъ“ же Павелъ сопоставляетъ съ сирійскими „іезидами“ (II, стр. 81, 76, и др.).

2) Далѣе слѣдуетъ приведенный выше (стр. 287, прим. 1) пассажъ о взятіи Кіева.

3) См. подробности у Котлубая, стр. 181 и 345—347: письма Януша къ Кишкѣ изъ Слуцка: одно отъ 2 октября, другое отъ 9 ноября.

4) О наборѣ этомъ и универсалѣ Кишки отъ 20 сентября 1651 г. сообщалъ въ Москву, въ письмѣ отъ 28 сент. 1651 г. къ царю, Лениногенъ Крыжановскій, игумень Дисненскаго монастыря Воскресенія Христова; о томъ же рассказывалъ въ Тороцѣ вернувшійся изъ Литвы 6 октября 1651 г. пушкаръ Павликъ Потаповъ (Москов. Арх. Мпн. Ив. Д. Польскія Дѣла 1651 № 1, ч. 2); по разсказу послѣдняго: „на Невлѣ и въ Полотцкѣ по описи шляхта и всякіе ратные люди въ посполитномъ рушеньѣ отказали, умѣлъ же онъ гетманъ Кишка съ королемъ нарушить крестное цѣлованье и онъ де вынѣ самъ за себя и стоять, а мы де съ царскимъ величествомъ и съ гетманомъ Хмелинскимъ и съ черкасы мирны, и въ обозъ литовскій къ гетману Кишкѣ шляхта и вихто польскіе и литовскіе ратные люди и пашенные мужики не пошли и воеводамъ по городамъ отказали“.

5) *Estreicher. Polnische Bibliographie des XV—XVII. Jahrhunderts.* 1883, стр. 280; *Finkel Bibliographia Historij Polskiej.* № 3879.

рый учился въ Лейденскомъ университетѣ въ 1632—1634 гг., т.-е. одновременно съ кн. Янушемъ (см. стр. 215)¹⁾; съ чѣмъ именно онъ привѣтствовалъ его теперь, со взятіемъ ли Кіева и установленіемъ мира съ казаками, или же по какому-либо иному менѣе важному поводу, это мнѣ остается невѣдомымъ.

Слѣдующій, 1652-ой, годъ начался триумфомъ кн. Януша на сеймѣ въ Варшавѣ; прибывъ на сеймъ почти мѣсяць спустя послѣ открытія его, Янушъ 26-го февраля (н. с.) „сдѣлалъ докладъ,—т. к. короннаго гетмана не было,—о военныхъ успѣхахъ обоихъ войскъ до самаго Бѣлоцерковскаго трактата. Благодарности длились нѣсколько часовъ“.²⁾ Этотъ отчетъ кн. Януша о войнѣ 1651 г.,—какъ и упомянутый выше (стр. 254) о 1649 г.,—былъ по всей вѣроятности весьма близокъ къ „Комментарію“ (см. выше, стр. 228, прим 1), если не по самому тексту, то по общему содержанію.

Королю были поднесены 36 знаменъ и значковъ, отбитыхъ у казаковъ и татаръ Янушемъ и Богуславомъ Радзивилами, и маршалъ сената благодарилъ ихъ особо среди общей благодарности всѣмъ ратовавшимъ за отечество³⁾.

Кн. Богуславъ, двоюродный братъ Януша, участвовалъ въ кампаніи 1651 года со своими тремя полками въ составѣ короннаго войска и вернулся изъ-подъ Берестечка вмѣстѣ съ королемъ (Kotlubaj. Galerja, str. 167—168). Его же братъ по матери

¹⁾ См. о немъ Allgemeine Deutsche Biographie. XXXVIII. 1894. S. 42—43.

K. Goedeke. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung. 2 Aufl. III. 1887. S. 135.

Правда тутъ *Salutatio* въ числѣ его трудовъ не указано; но, быть можетъ, потому, что имъ занимаются, какъ нѣмецкимъ поэтомъ, а не какъ риторомъ; не указана книжка эта и въ болѣе подробныхъ старыхъ спискахъ его трудовъ въ Grösses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig und Halle. Verlegt von Johann Heinrich Zedler. Bd. XLVIII. 1745. Sp. 1437—38, и у Chr. Göttl. Jöcher. Allgemeines Gelehrten-Lexicon. Leipzig. IV. 1751. Sp. 1137—38.

²⁾ Albr. Stan. Radziwiłł. Pamiętniki. II, str. 465. Вотъ, напр., инструкція посламъ Севдомірскаго воеводства: „§ 63 (Пусть) не забываютъ Ихъ Милости паны послы благодарить Его Милость пана гетмана литовскаго, князя Его Милость пана Радзивѣла, который *ex innata dexteritate sua* во всякое время *turbarum et extrema minantis seditionis voragine* вѣрными ему Рѣчи Посполитой *latere* не только неприятелямъ *in praedam* не далъ, но, въ своей ихъ сохранивши цѣлости, *fortissimis cinxit procellis*“ (Stanisława Oświęcimsa Dyaryusz. 1643—1651. Wydał Dr. Wiktor Czermak. Kraków. 1907 [= *Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus XIX*], str. 389).

Выше мы не могли еще пользоваться этимъ полнымъ изданіемъ Дневника Освѣцима, зная его лишь въ отрывкахъ, переведенныхъ въ Кіевской Старинѣ (т. I—IV) В. Б. Антоновичемъ, упомянуть о которыхъ издатель не считалъ нужнымъ. Даемъ здѣсь согласованіе приведенныхъ нами выше выдержекъ изъ Освѣцима со страницами изданія Чермака, а равно и нѣкоторыя дополненія къ предыдущему.

Реляція Бѣгановскаго (см. выше стр. 221—222) издана на стр. 19—29; по дорогѣ въ Яссы (стр. 223) кн. Янушъ заѣзжалъ 23 Января 1645 г. къ Конецпольскому (стр. 70); изложеніе дѣла объ уничтоженіи Янушемъ въ 1647 г. крестовъ (см. стр. 226) сопровождается цѣлымъ рядомъ стихотвореній, на него по этому поводу написанныхъ (стр. 197—200); ваша цитата на стр. 270—str. 348—349; стр. 271 „парубки“ Хмѣльницкаго названы (стр. 349) „parobki—browarniki“; къ стр. 272: движеніе Гонсѣвскаго съ Павшею на Припечь относится Освѣцимомъ (стр. 349) ко времени послѣ битвы подъ Лоевымъ; стр. 278—str. 364; стр. 302, пр. 3—str. 368; стр. 304, пр. 1—str. 369; стр. 306—str. 371—372, 375; стр. 312—str. 375.

Должно исправить слѣдующія ошибки В. Чермака: въ прим. на стр. 348 Мозырскаго Старосту въ 1651 г. онъ считаетъ не Матвѣемъ Фронцкевичемъ, но именно его называетъ въ этой должности „*Commentarius*“ (р. 103); на стр. 343, 355 и 361 то, что касается Богуслава Радзивила, отнесено издателемъ къ Янушу.

³⁾ Gazette de France. 1652, p. 373 (de Warsowie le 14 Mars 1652): „le sénat remercia par la bouche de son Marechal tous ceux qui avoyent signalé leur courage en faveur de leur Patrie dans la dernière campagne: et principalement les princes Janus et Bogeslaüs Radziwil, qui présentèrent à Sa dite Majesté 36 drapeaux et cornettes par eux gagez sur les cosaques et les Tartares“.

принцъ Саксенъ Лауенбургскій въ литовскомъ войскѣ сопровождалъ, какъ мы видѣли выше (стр. 277), кн. Януша въ Кіевъ и на второмъ сеймѣ (съ 23 іюля) этого же 1652 года получить индигенатъ за „видныя услуги его Рѣчи Посполитой, qua расе-qua bello подъятыя“¹⁾.

Самъ Янушъ, по примѣру отца (см. выше, стр. 217), увѣковѣчилъ свой Кіевскій триумфъ медалью, заказанной у знаменитаго тогда мастера Себастіана Дадлера; мы говорили уже подробно о медали этой выше (см. стр. 208—211, табл. II, рис. 1); здѣсь приходится добавить только, что, по любезному сообщенію Б. И. Пульяновскаго, никакой разницы между лицевою стороною медали этой и изображеніемъ ея на ларцѣ кн. Михаила Казимира Радзивила (см. выше стр. 209) въ дѣйствительности не оказывается. Этою медалью²⁾ кн. Янушъ украшалъ свое столовое серебро: послѣ него осталась какая-то „чарка съ двумя мишенями и бѣлою штукаю викторіи Кіевской въ выгибѣ“; на другомъ большомъ кувшинѣ вырѣзана была также побѣда Януша, но неизвѣстно, какая именно³⁾.

Выше упоминались уже (стр. 248—250) гобелены и картины съ изображеніями между прочимъ побѣдъ кн. Януша, сохранившіеся отчасти и нынѣ. Что касается гобеленовъ, то тамъ приведены уже основанія, по которымъ изготовленіе всей серіи ихъ мы приписываемъ кн. Михаилу V Казимиру и относимъ не ранѣе, чѣмъ къ половинѣ XVIII вѣка⁴⁾. Высказанное выше (стр. 248—249) предположеніе, что эти гобелены исполнены были на собственной радзивиловской фабрикѣ подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ Альбетранди въ подлинн. подъ портретомъ кн. Михаила Казимира въ собраніи польскихъ портретовъ, принадлежавшемъ Станиславу Августу,

1) Сеймовая конституція (см. Volumina Legum. Prawa, Konstytucje y Przywileje Królestwa Polskiego, etc. Tom IV. Warszawa. 1737, p. 384—385) говоритъ также о знатности его рода и о родствѣ „со знаменитыми въ Польшѣ и въ Великомъ Бняжествѣ Литовскомъ фамиліями“. Германомъ, вмѣсто Эрдмана (см. выше стр. 257, прим. 2) называютъ его Коховскій (I, p. 349) и названный Рачинскимъ анонимъ (Historya panowania Jana Kazimierza. Poznań, 1846. I, str. 160—161), который, изложивъ знатность его рода, прибавляетъ: „этой акціей всемогущій Богъ утѣшилъ находящуюся въ бѣдѣ отчизну, когда абсолютный нѣмецкій князь пріобщался къ шляхетскому равенству въ Польшѣ“.

2) Къ указаннымъ выше (стр. 209) описаніямъ ея см. еще—гр. Гуттенъ-Чапскаго, который имѣлъ въ собраніи своемъ (нынѣ—въ Краковѣ) и серебряный и золотой экземпляръ этой медали: см. Catalogue de la collection des médailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. Vol. I. 1871 p. 253—254, № 19693; III, p. 44, № 5868.

3) Kotłubaj, str. 431, 2 № 3: (czarka) ze dwiema esami, w lęku sztuka biała wiktoryi Kijowskiej; str. 432, 4 № 1: konewka wielka w puzrze z rysowaną wiktoryją Xięcia J. M.

Въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ хранится громадный серебряный ковшъ, украшенный различными, вставленными въ него, монетами и медалями XVI и XVII вѣковъ и гербомъ Радзивиловъ на ручкѣ; Вельманъ (Московская Оружейная Палата. Москва. 1844, стр. 156—157), описывая этотъ ковшъ, „поступившій изъ Несвижскаго замка князя Радзивила“, говоритъ о талерахъ этихъ, какъ о „современныхъ, вѣроятно, тогдашнему владѣльцу замка Янушіусу Радзивилу“. Но ни нашъ кн. Янушъ (XI), ни отецъ кн. Богуслава, кн. Янушъ (VI), не владѣли Несвижемъ; кромѣ того гербъ, составной изъ 9 гербовъ (см. рис. его у Филимонова въ „Описи Москов. Оружейной Палаты. 4. II, кн. II. Москва. 1885, стр. 227, сл. № 2068), не подходит ни къ тому, ни къ другому.

Упоминаемой же Вельманомъ (у. с., стр. 157) „кружки серебряной кн. Радзивила, также составленной изъ монетъ“ я не нашелъ ни въ описи Филимонова, ни въ самой Палатѣ.

4) Я долженъ исправить недосмотръ, допущенный мною выше, на стр. 248: смотрѣть въ Заблудовѣ, изображенный и на гобеленѣ и на картинѣ, былъ 24 сентября 1744 г. (Kotłubaj. Galeria, str. 453), а не 1734 года, но недоумѣніе съ наименованіемъ Михаила Казимира Каштеляномъ Тродкимъ не отпадаетъ, т. к. въ 1744 г. онъ былъ каштеляномъ уже Виленскимъ съ 21 мая 1742 г. (ibid., str. 453).

а нынѣ хранящемся въ библіотекѣ Академіи Художествъ: въ числѣ основанныхъ Михаиломъ Казиміромъ мастерскихъ упомянута и „шпалерная для тканья шпалеръ съ разными исторіями“¹⁾).

О картинахъ, относящихся къ кн. Янушу, одна изъ которыхъ упоминалась уже выше (стр. 249), я теперь (конецъ ноября 1907 г.) получилъ, благодаря любезной внимательности къ работѣ моей Б. И. Пулъяновскаго, нѣкоторыя новыя данныя въ неоконченной, къ сожалѣнію, описи Несвижскаго замка, составленной видимо между 1744 и 1753 годами, т.-е. опять-таки около половины XVIII в.²⁾

Въ этой описи упомянуто 18 картинъ и приведены полностью, хотя и со множествомъ ошибокъ, латинскія подписи ихъ: половина ихъ оказывается относящимися къ жизни кн. Януша; мы приводимъ здѣсь соответственныя выписи изъ инвентаря цѣликомъ, сохраняя всѣ ошибки оригинала, но безъ указанія тѣхъ комнатъ, гдѣ та или другая картина висѣла, т. к. это не всегда достаточно ясно; почти всѣ картины висѣли надъ дверями. Выписки располагаю въ порядкѣ изображенныхъ событій.

1 (л. 19 об.). „Portret Dobywnia Zamku Bobruskiego. Inskrypcya: Demolitio arcis Bobruscensis per Exercitum M: D: Litt: Duce Janusio Radziwiłł Palatino Vilnensi et Supremo Duce Exercituum M: D: Litt:“ Разрушеніе Бобруйскаго замка 21 февраля (ст. ст.) 1649 ограничилось, какъ видѣли мы выше (см. стр. 237—239), лишь тѣми деревянными башнями, въ которыхъ засѣли казаки; такъ какъ пожаръ нѣкоторыхъ строеній изображенъ и на рисункѣ Авраама ванъ Вестерфельда, относимомъ мною къ этому взятію, или точнѣе сдачѣ, Бобруйска (см. табл. I, рис. 2), то и картину эту мы можемъ представлять себѣ сходной съ этимъ рисункомъ.

2 (л. 17 об.). „Portret Historyi pierwszej potyczki pod Łoiovom. Inskrypcya: Janussius Radziwiłł Dux in Birze et Dubinki S: R: Imp: Princeps Palatinus Vilnensis Supremus Dux Exercituum M: D: Litt: adveniens prima vice ante pugnam Krzyczewscij sub Łoiow.“ Картина представляла, вѣроятно, приѣздъ кн. Януша 24 іюля 1649 г. со своею конницей къ пепелищу Лоева (см. выше, стр. 244—245); это, вѣроятно, и есть именно та картина, которая сохранилась доселѣ и которая представляетъ Януша, ѣдущимъ между всадниками (см. выше, стр. 249).

¹⁾ Manufakture wielce lubił, których wiele w dobrach swoich pożytecznie założył, zprowadziwszy na to z cudzych krajow doskonałych rzemieśników, którzy potem wielu narodowych wyuczyl. Z tych manufaktur są najprzedniejsze zwierciadłowe i innych szkieł równających się w polozie i gatunku cudzoziemskim. Szlifiernia do wyrabiania kamieni Polskich; Persyarnia albo roboty rozmaite pasow przednich gusztem francuzskim i orientalnym; sukiennica; obiciarnia do tkania obiciow z różnemi Historyami; założył szkołę kadetow swoim kosztem; drukarnią w Nieswiżu ufundował dla pożytku publicznego: Bibliotekę i Archiwum u tymże Mieście w zamku pomnożył, ozdobił i do porządku przyprowadził. (Polonorum Icones. II № 140).

²⁾ Руконись эта, въ старомъ переплетѣ, содержитъ лишь 24 исписанныхъ листа, прочая же часть ея - чиста, что и соответствуетъ заглавію: Inwentarz zamku Nieswieżskiego nieskączoney; однако это заглавіе позднѣйшее, для настоящаго же въ началѣ первой страницы оставлено пустое мѣсто.

Время составленія инвентаря приблизительно опредѣляется слѣдующими данными: описывается картина рожденія близнецовъ кн. Януша и Карла (27 февраля 1734 г.), которыхъ „pro primo annos sex hebdomadis nutrit lacte“ ихъ мать кн. Франциска Урсула; въ копіи подписи подъ портретомъ кн. Михаила Казимира онъ носитъ уже титулъ воеводы виленскаго, который онъ получилъ 5 октября 1744 г. (Kotłubaj. Galeria, str. 453; Icones Radziwiłłanae, tab. 157); онъ и жена его именуются „добродѣями“, что указываетъ на нахожденіе ихъ въ живыхъ, а Франциска Урсула умерла 28 мая 1753 г.

3 (л. 17 об.—18.). „Portret Uciezka Krzyczewskiego w lasach Łoiowskich. Inskrypcya: Fuga Krzyczewseyi post obtentam victoriam M: D: Litt: sub Janussio Duce Radziwiłł Patino Vilnense et Supremo Execituum Duce M: D: Litt: in silvis Łoviensibus“. Картина представляла бѣгство раненаго, вѣроятно, уже Кричевскаго (см. выше, стр. 246).

4 (л. 19 об.). „Portret Historyi zwycięstwa pod Łoiowem. Inskrypcya: Expediitio et Victoria Litvanorum Duce Janusio Radziwiłł Palatino Vilnensi et Supremo Duce Exercituum M: D: L: tt: cum Krzyczewscio penes Łoiowo peracta anno 1649 in Julio“. По этой подписи нельзя рѣшить съ увѣренностью, представляла ли картина эта какую-либо сцену самаго боя или же она изображала, какъ сохранившійся гобелень (см. стр. 247—251 и табл. XIV, рис. 4), привозъ раненаго Кричевскаго въ литовскій лагерь; первая возможность представляется мнѣ болѣе вѣроятной.

5 (л. 18). „Portret Historyi Traktat z Chmielnickim. Inskrypcya: Janussius Radziwiłł D: G: Dux in Birze Dubinki Pal: Viln: et Sup: Exer: M: D: Litt: Dux in Castris sub Łojow dat audientiam Mnisłowscio Kozak, nuntio a Duce Cosacorum Chmielnicio cum ratificatione tractatus Zboroviae Conclusi“. Картина представляла приемъ кн. Янушемъ Силуана Мужилловскаго 9 сентября 1649 г. въ лагерь не подъ Лоевымъ однако, а подъ Рѣчицей (см. выше, стр. 254).

6 (л. 9). „Expedycya Starowolska. Wyobrazenie Historyi Janusza Radziwiłł z Inskrypcya: Popodayło Legatus a Chmielnicio Duce Cosacorum et ab Eodem Exercitu ad Celsissimum Janusium Radziwiłł Ducem in Birze et Dubinki S. R. Im. Princepem Palatinum Vilnensem et Supremum M: D: L: Ducem Exercituum Audientia Expedita Horosliae“. Несмотря на множество ошибокъ (Starowolska вм. Horwolska, Popodayło вм. Podobayło, Horosliae вм. Horvoliae) несомнѣнно, что эта картина соответствуетъ рисунку Вестерфельда, изображающему (см. табл. XIII, рис. 6) приемъ кн. Янушемъ въ концѣ юня 1651 г. Степана Подобайла съ двумя товарищами (см. выше, стр. 262—267).

7 (л. 8 об.—9). Historya dobycia Kijowa z Inskrypcya:

Sub auspiciis Regni Joannis Casimiri, turbati licet per Cosacorum Insolenciam, sed oppressa rebellione felicis Exercitus Litvanici Duce Janusio Radivillio Servatis Patriae finibus, ocupato vi et Concilio Boristenis traiecto Rebellium Ducibus altero nierbabo caeso et Occiso altero, Antonio, profligato et pulso atque per strata Hostium cadavera aperta ferro via Cioviam usque percipit et hanc Regionis ac Rebellionis Metropolim Occupavit Anno Dni 1651.

Ciovios arcus fractos faretras que rebelles

Radziwiłł et tradit Casimire tibi

Ciovia recepta porta Aurea“.

Эта отличная отъ прочихъ и непомѣрно длинная надпись подъ картиною копируетъ (съ искаженіями) надписи на обратной и на лицевой сторонѣ медали, выбитой въ память взятія Кіева кн. Янушемъ (см. выше, стр. 209—211, 317); единственнѣмъ добавленіемъ являются послѣднія слова: Porta Aurea, которыя указываютъ на нахождение на картинѣ и Золотыхъ Воротъ; остается однако не яснымъ, копировала ли картина эта лицевую сторону медали (см. табл. II, рис. 1), гдѣ также есть, хотя и условное, изображеніе Золотыхъ Воротъ, или же, что вѣроятнѣе, являлась воспроиз-

изведеніемъ рисунка Вестерфельда, представившаго торжественный въѣздъ кн. Януша, по примѣру двухъ Болеславовъ (см. выше, стр. 283, 284), въ Кіевъ черезъ Золотыя Ворота (см. табл. IV, рис. 2).

8 (л. 19). „Portret Expedycyi pod Kijowem. Inskrypcya: Expeditio cum Cosacis et Tartaris per Exercitum M: D: Litt: in praesentia Janussji Radziwiłł Dei Gratiae Ducis in Birze et Dubinki, Palatini Viln: Supremique Exercituum Ducis M: D: Litt: ultra Cijoviam penes Molendinum“. Эта картина своею подписью доказываетъ, что кн. Янушъ дѣйствительно выѣзжалъ въ поле во время нападенія казаковъ и татаръ на литовцевъ 17 (7) августа 1651 г., какъ онъ и писалъ коронному гетману Ник. Потоцкому (см. выше, стр. 299); въ нѣкоторыхъ разказахъ объ этой стычкѣ, напр. у Пасторія, (см. стр. 299, пр. 1) упоминается и мельница.

9 (л. 18) „Potyczka pod Biało Cerkwio. Inskrypcya: Obsidio propugnaculi Białocerkwivensis expedita per Janussium Radziwiłł D: G: Ducem in Birze et Dubinki Palatinum Vilnensem et Supremum Ducem Exercituum M: D: Litt: Anno 1551“. Въ годѣ — очевидная ошибка. Въ 1651 г. близъ Бѣлой Церкви кн. Янушъ 24 (14) сентября гналъ до самыхъ ихъ укрѣпленій своею конницею казаковъ, выбитыхъ пѣхотою изъ пасѣкъ и бѣжавшихъ балкою къ своимъ шанцамъ, какъ рассказываетъ о томъ „Диаріушъ Обозовый“ (Grabowski. I, str. 310, см. выше, стр. 306).

Такимъ образомъ эти девять картинъ изъ жизни кн. Януша, соотвѣтствуя вѣроятно въ четырехъ случаяхъ (№№ 1, 4, 6, 7: ср. табл. I, рис. 4; XIV, 2; XIII, 6 и IV, 2) сохранившимся до насъ лишь въ копіяхъ XVIII в. рисункамъ Вестерфельда, далеко еще не исчерпываютъ всей представлявшейся художнику задачи: нѣтъ взятія Мозыря (см. стр. 236), нѣтъ двудневной битвы подъ Лоевымъ и Рѣпками въ 1651 г. (см. стр. 269—270), нѣтъ битвы около Бѣлой Церкви 23 (13) сентября 1651 г. (см. стр. 306), нѣтъ, наконецъ, и просящаго мира Хмѣльницкаго (см. стр. 307—308). При неоконченности описи замка и неполнотѣ серіи радзивиловскихъ рисунковъ въ библіотекѣ Академіи Художествъ, — о чемъ рѣчь будетъ ниже, — мы лишены данныхъ для соображеній о томъ, существовали ли и эти картины и соотвѣтствующіе имъ рисунки Вестерфельда. Выше мы видѣли, что рисунокъ сдачи Бобруйска исполненъ былъ, вѣроятно, въ 1651 г. (см. стр. 239), а приѣма Янушемъ Подобайла—въ 1653 (стр. 266), возможно поэтому, что столь безпокойные для Литвы годы 1654 и 1655-ый не дали ему окончить полной серіи рисунковъ дѣяній кн. Януша; но съ другой стороны недостающіе теперь рисунки могутъ еще найтись. Зависимость картинъ отъ рисунковъ Вестерфельда, сопровождавшаго кн. Януша въ его походахъ, — въ 1651 г. несомнѣнно, а въ 1649 г. вѣроятно (см. стр. 239 и 247), — не можетъ подлежать, конечно, никакому сомнѣнію.

Заказать по этимъ рисункамъ большія картины своихъ триумфовъ для украшенія ими своихъ замковъ и дворцовъ самому ли Вестерфельду же или инымъ художникамъ могъ, конечно, и самъ кн. Янушъ¹⁾; если бы эти картины были написаны еще

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ Януша Кейданскому старостѣ Коханскому (отъ 27 сентября 1653 г.) упоминается шедшая изъ Данцига фура съ тремя ящиками: одинъ съ книгами, другой съ какими-то малыми картинами и третій — съ картинами ббльшими (Археограф. Сборникъ. VIII. Вильна. 1870, стр.

для кн. Януша, то наименование его во всехъ подписяхъ на нихъ и Виленскимъ воеводою и великимъ гетманомъ указывало бы на время послѣ іюля 1654 года; но это и послѣдующее время неудачъ и непріятельскаго нашествія на Литву было именно наименѣе подходящимъ для такой большой и дорогой, конечно, работы. Сверхъ того, сохранившіяся въ Несвижѣ и иныхъ радзивилловскихъ владѣніяхъ, картины изъ фамильной исторіи имѣютъ орнаментальную кайму, а вверху посрединѣ родовою гербъ, словомъ составляютъ такую же цѣльную серію съ картиною Заблудовскаго 1744 г. смотра, какъ и серія гобеленовъ, эти картины копирующихъ. Поэтому мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что картины были написаны позднѣе: вѣроятно, по заказу именно кн. Михаила V Радзивила, реставрировавшаго и украсившаго въ 1730 гг. Несвижскій замокъ (Kotlubaj. Galerja, str. 444), но точное рѣшеніе вопроса этого, разумѣется, возможно лишь предъ самими картинами, чрезъ сопоставленіе различныхъ описей ихъ¹⁾ или изъ хозяйственныхъ бумагъ радзивилловскихъ архивовъ. Конечно, наряду съ написанной вновь серіей этихъ историческихъ картинъ висѣли и нѣкоторыя старинныя; этимъ и объясняется, вѣроятно, разница въ характерѣ подписей, приводимыхъ неоконченной описью замка: наряду съ краткими подписями вродѣ приведенныхъ выше являются и длинныя стихотворныя подписи. Оригиналомъ для новой серіи картинъ служили тѣ, завѣщанные кн. Богуславомъ на вѣчное храненіе въ Несвижѣ, рисунки перомъ, изображавшіе „портреты предковъ и ихъ дѣянія“, о которыхъ упомянуто уже выше (стр. 269), а подробнѣе говорить придется въ слѣдующей главѣ; среди нихъ находились, вѣтъ всякаго сомнѣнія, и рисунки Авраама ванъ Вестерфельда, изображавшіе походы кн. Януша. Этимъ двоякимъ составомъ рисунковъ: дѣянія предковъ вообще и дѣянія Януша въ особенности,—и объясняется столь удивительное численное распределеніе сюжетовъ среди восемнадцати картинъ, попавшихъ въ неоконченную опись.

Такимъ образомъ происхожденіе историческихъ картинъ представляется намъ такъ: кн. Михаилъ V Казиміръ въ дополненіе къ немногимъ старымъ историческимъ картинамъ, которыя нашлись въ замкѣ, заказалъ оригинальныя картины только изъ своей собственной жизни, для прошлаго же онъ велѣлъ повторить въ картинахъ завѣщанные кн. Богуславомъ рисунки, а затѣмъ вся получившаяся серія историческихъ картинъ воспроизведена была имъ же въ гобеленахъ. Неудивительно поэтому, что послѣ такой двойной копировки доморощенныхъ, вѣроятно, живописцевъ хорошій въ общемъ рисунокъ Вестерфельда сталъ столь ужаснымъ на гобеленѣ (см. табл. XIV, рис. 4).

Такова была, повидимому, судьба нѣкоторыхъ изъ рисунковъ Вестерфельда: черезъ сто лѣтъ они стали источникомъ для картинъ, изображавшихъ триумфы кн. Януша.

368, гдѣ слово „obrazu“ переводится „образомъ“, хотя послѣднихъ не сталъ бы, конечно, заказывать кальвинистъ; впрочемъ, въ другой русской ученой работѣ мы наткнулись на утвержденіе, что Радзивилы, владѣвшіе Слуцкомъ,—т.е. Янушъ и Богуславъ,—были католики: И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій. 1891, стр. 25).

¹⁾ О нѣкоторыхъ старинныхъ описяхъ и вкратцѣ о картинной галереѣ Несвижа см. Staszołtyna Polska... opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego. III. 1846, str. 643—644.

Какъ думалъ воспользоваться ими самъ Янушъ, на то мы не имѣемъ никакихъ указаній; если нѣкоторые (см. табл. I, рис. 2; III; IV, 2; V, 1 и 2; XIII, 6 и XIV, 4) могли служить оригиналами для историческихъ картинъ, то остальные еще болѣе многочисленные рисунки, изображавшіе Кіевъ и его святыни и древности, предназначались, вѣроятно, какъ говорено было выше, для изданія ихъ въ гравюрахъ, для чего нарисованъ былъ Вестерфельдомъ и особый фронтисписъ (см. табл. II, рис. 2). Если такой планъ у Януша былъ дѣйствительно, то исполнителемъ гравюръ былъ бы навѣрное знаменитый Вильгельмъ Хондіусъ, который исполнилъ колоссальную гравюру „отбитія Смоленска“ для отца кн. Януша (см. выше, стр. 217) и вырѣзалъ еще ранѣе того портретъ юнаго Януша (см. стр. 216) ¹⁾.

Теперь, во время наибольшей славы Януша, онъ опять издалъ въ 1652 году большую гравюру (0,205 × 0,315 м.) по портрету, писанному съ Януша данцигскимъ живописцемъ Данииломъ Шульцемъ ²⁾, который помимо многихъ иныхъ польскихъ вельможъ написалъ портретъ и кн. Богуслава Радзивила ³⁾. Эта гравюра посвящена Хондіусомъ, какъ и первая, кн. Янушу, теперь уже одному изъ виднѣйшихъ лицъ государства. Онъ представленъ въ кольчугѣ, съ мѣховою буркой поверхъ ея, но безъ шапки; характерный высокій и плоскій лобъ, придающій всегда лицамъ столь неприятный неосмысленный видъ, выраженъ на портретѣ очень ясно; все лицо и длина усовъ указываютъ на болѣе пожилой возрастъ, чѣмъ издаваемый нами (см. табл. I, рис. 1) портретъ перомъ, находящійся въ числѣ портретовъ, принадлежавшихъ нѣкогда кн. Богуславу (см. выше стр. 224, 321, и ниже); волоса видны лишь на макушкѣ: очевидно съ годами Янушъ бросилъ европейскую моду пышной шевелюры.

Отъ этого портрета Д. Шульца или, точнѣе, отъ гравюры съ него В. Хондіуса зависятъ всѣ остальные извѣстные мнѣ гравированные портреты Януша. А именно:

1) безъ имени гравера, размѣромъ въ 0,12 × 0,17 м., съ латинскою подписью, дважды отпечатанный въ *Theatrum Europaeum*, V. S. 373 и VII, Taf. zur S. 411, и гравированный, очевидно, въ мастерскихъ наслѣдниковъ Меріана во Франкфуртѣ.

2) Съ именемъ гравера: *Ioannes MeysSENS*, и латинскою подписью, размѣръ (безъ подписи)—0,112 × 0,145; поворотъ влѣво.

3) Съ именемъ гравера: *Maurit. Lang*, и итальянскою подписью, 0,153 × 0,239; поворотъ влѣво. По указанію Д. А. Ровинскаго ⁴⁾ гравюра эта находится въ книгѣ: *Historia di Leopoldo Cesare... dal co. Galeazzo Gualdo Priorato*. Vienna. 1670. Vol. I, p. 406.

4) Съ именемъ гравера: *W. F. Kilian*, и латинскою подписью, 0,171 × 0,310; поворотъ вправо [по Block'у; я видѣлъ экземпляры безъ подписи гравера (отрѣзанной?)].

Въ мелкихъ деталяхъ, а иногда и въ поворотѣ лица, то влѣво, то вправо,

¹⁾ Объ этихъ многолѣтнихъ отношеніяхъ Хондіуса и кн. Януша говоритъ лишь *Bartynowski* на стр. 196 его статьи (см. выше стр. 216, прим. 2).

²⁾ О Даниилѣ Георгіи Шульцѣ (*Schultz* + 1686) см. *Nagler. Neues Allgem. Künstlerlexicon*. XVI. 1846. S. 59; *Rastawiecki. Słownik malarzów polskich*, II, str. 158—159; *Słownik rytowników polskich*. 1886, str. 264; *Bersohn. O rytownikach Gdańskich*, str. 58—61.

³⁾ Портретъ этотъ былъ гравированъ въ 1654 г. *Ieremiey Фалькомъ*: *Rastawiecki. Ryciny Jeremiasza Falcka* (Biblioteka Warszawska. 1856. I, str. 534); *Bersohn*, str. 28; *Rastawiecki. Słownik rytowników*, str. 74.

⁴⁾ Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Томъ IV, С. П. Б. 1889, ст. 6.

разница между гравюрами этими, конечно, есть; но въ общемъ онѣ все несомнѣнно зависятъ отъ гравюры Вильгельма Хондіуса, на которой кн. Янушъ изображенъ въ кольчугѣ¹⁾.

Значительно отличается отъ нихъ одеждою (кафтанъ съ круглыми пуговицами) гравюра Лейбовича (0,197 × 0,295 м.) въ изданныхъ въ 1758 г. кн. Михаиломъ V Казиміромъ *Icones Radivilianae* (tab. 54). Существуютъ еще указанія на гравюру Іереміи Фалька съ портрета также Данила Шульца, называющую кн. Януша уже воеводою виленскимъ, что указываетъ на время послѣ марта 1653 года, но указанія эти сомнительны²⁾.

Сохранился ли гдѣ-либо оригиналъ Данила Шульца, мнѣ неизвѣстно. О портретѣ, повидимому, позднѣйшемъ, изображающемъ кн. Януша съ обѣими его женами и находящемся нынѣ въ Несвижѣ, рѣчь была уже выше (см. стр. 219 и стр. 257, пр. 1).

Такъ торжествовалъ и величался кн. Янушъ послѣ своего удачнаго похода въ сердце Украины и занятія, хотя и кратковременнаго, древней столицы Руси; эти успѣхи, пока дальнѣйшій ходъ событій не показали всей безрезультатности ихъ, затмѣвали удачу короля подъ Берестечкомъ, т. к. ему не удалось „подобно прежнимъ королямъ“ (см. стр. 284, пр. 2) самому овладѣть Киевомъ и кіевскій триумфъ Януша едва ли былъ особенно пріятенъ столь жадному къ военной славѣ Яну Казиміру; и теперь (ср. стр. 254) могли упрекать кн. Януша за то, что онъ слишкомъ величается своими успѣхами, особенно если фраза о „короляхъ-побѣдителяхъ“ (см. стр. 283) была и въ прочитанной Янушемъ на сеймѣ реляціи; враги его кричали (см. выше стр. 306), что успѣхи его—результатъ какого то преступнаго соглашения съ врагомъ. Жестокимъ нападкамъ подвергся онъ и послѣ сорванія перваго сейма этого, 1652, года Сицинскимъ, которое многіе объясняли интригами кн. Януша; но все это, равно какъ и ссора, дошедшая было до сабель, Януша съ Дзялынскими въ Варшавѣ, нашей темы не касается³⁾.

Въ Кейданахъ въ 1652 году торжественно освященъ былъ 26 мая вновь построенный евангелическій „сборъ“⁴⁾ въ присутствіи кн. Януша, кн. Богуслава и

1) J. C. Block *Das Kupferstich Werk des Wilhelm Hondius*. 1891. S. 63, совершенно ошибочно утверждаетъ, якобы Янушъ „trägt ein eng anliegendes Unterkleid von geripptem Zeuge“. Книга его вообще весьма неважна и кишитъ опечатками. Ее по достоинствамъ разобрали рецензенты, напр. L. Lepszy (*Kwartalnik Historyczny*. V. 1891, стр. 839—842).

Положившись на Блока я, по недосмотру, впасть въ грубую ошибку, отвое (стр. 210, пр. 3) аллегорическую композицію, издаваную Блокомъ (Taf. zur S. 24—25) и гравированную въ 1649 г., къ заключенію мира съ Москвою въ 1634 году, тогда какъ она сочинена, конечно, по поводу Зборовскаго договора (см. Lepszy, о. с., стр. 841).

2) Edw. Rastawiecki. *Ryciny Jeremiasza Falcka, Gdańszczanina, Polaka* (Biblioteka Warszawska. LXI, 1856. I, стр. 525—550) стр. 536, № 23, но см. его же, *Słownik rytowników polskich*, изданный послѣ его смерти (Poznań. 1886) стр. 77, № 25, гдѣ выражается сомнѣніе въ существованіи такой гравюры.

3) См. Kotłubaj, стр. 183; Rudawski, р. 100. Кн. Альбр. Ст. Радзивиль съ удовольствіемъ рассказываетъ, какъ кн. Янушъ тщетно старался провести въ подсудки Жмудскіе диссидентъ и какъ король „какъ набожный государь“ вопреки его ходатайствамъ послалъ „привилей“ единственному католику, изъ четырехъ избранныхъ шляхтою кандидатовъ (*Pamiętniki*. II, стр. 471—472).

4) См. *Gazette de France*. 1652, р. 649; но Łukaszewicz, о. с., II, стр. 26, п. I, относитъ постройку эту почему-то къ 1654 году; правда, въ половинѣ декабря 1652 г. крыша „сбора“ была еще не окончена постройкою (Виленскій Сборникъ. VIII, стр. 365), но это не мѣшало, конечно, открытію „сбора“ ранѣе.

многочисленныхъ кальвинистовъ. Изданная часть переписки Януша съ Кейданскимъ старостою Коханскимъ свидѣтельствуесть, съ какой заботливостью относился онъ къ различнымъ постройкамъ и усовершенствованіямъ въ этомъ городѣ¹⁾. Собираясь прикупить одинъ фольваркъ, онъ предписывалъ старостѣ, „дѣлать это быстро, чтобы панъ Канцлеръ (т.-е. кн. Альбр. Стан. Радзивиль) не помѣшалъ: онъ или велитъ выпросить у (владѣльца) какъ бездѣтнаго (имѣніе это) въ качествѣ выморочнаго, или выпросить его для Іезуитовъ“²⁾.

Иначе относился Янушъ къ православнымъ. Въ томъ же 1652 году въ Кейданахъ построена была деревянная церковь Преображенія Господня, при которой поселены были два монаха, присланные „старшимъ“, т.-е. очевидно Іосифомъ Нелюбовичемъ-Тукальскимъ, настоятелемъ Виленскаго Святодуховскаго Монастыря, къ которому причислялся позднѣе „монастырь“ Кейданскій. Въ письмѣ къ старостѣ Кейданскому Коханскому отъ 28 іюля 1652 г. (Археографическій Сборникъ, VIII, 1870, стр. 382) кн. Янушъ предписывалъ отвести мѣсто для церкви и жилища причта, позволять имъ пользованіе мельницей, рыбной ловлей и дровами; письмомъ 28 октября (ibid., стр. 362—363) опредѣлялось имъ содержаніе изъ доходовъ (procentów) кейданской маестности; при письмѣ отъ 4 ноября (ibid., стр. 363) кн. Янушъ посылалъ „два колокола и алтарь русскій [т.-е. иконостасъ?] для малой церкви, соотвѣтственный теперешней нуждѣ“ и интересовался „знать, чего ждать отъ этой русской слободы, если будутъ селиться люди этой вѣры?“ Изъ письма отъ 17 декабря (ibid., стр. 364) однако видно, что посылка до Кейданъ еще не дошла, но что церковь была уже готова: „Я радъ, что церковь построена, пока хоть какая-нибудь, о лучшей подумаемъ“, но тутъ же Янушъ прибавлялъ: „при этомъ случаѣ я беспокоюсь изъ за того, что моя пани (т.-е. кн. Марія) послала въ Кейданы въ эту церковь церковную утварь (apparaty) можетъ быть богатую, а эта церковь еще такой не стоитъ, и я самъ хотѣлъ въ свое время отдать это изъ своихъ рукъ ка вѣчную память. Поэтому всѣ эти вещи возьми Ваша Милость къ себѣ и держи, хорошо спрятавъ. Могутъ они и утварью поплоче (podlejszemi apparaty) служить теперь въ этой временной церковкѣ, не портя такихъ дорогихъ вещей, т. к. и не передъ кѣмъ грязнить (ихъ)... и евангеліе, что поплоче (najpodlejszą Ewangelią), можешь Ваша Милость выдавать имъ сообразно съ надобностью на службы (acty) и праздники ихъ“. Это упоминаніе о дорогихъ церковныхъ вещахъ и евангеліяхъ, которые кн. Марія, не спросясь мужа, послала въ Кейданскую церковь, невольно наводитъ на предположеніе о тождественности ихъ съ тѣми церковными драгоценностями, которыя

¹⁾ Вотъ, напр., какъ указывалъ онъ добывать камень (для мостовыхъ?): 1) обязать каждый домъ въ городѣ доставить пзвѣстное количество камня; 2) тоже и въ волости „съ дому и дыму“; 3) „наконецъ, по примѣру Орли, чтобы каждый приѣзжающій на фуръ привозилъ одинъ камень, хоть большой, хоть малый, и сбрасывалъ его на рынкѣ“, „tak będzie siła kamieni, ostatek by i za grosz...“ (Вилен. Археогр. Сборникъ VIII, стр. 365).

²⁾ „abo do kaze jako bezdietnego kadukiem uprosić, abo na Jezuity uprosi“ etc. etc.; издатель Виленскаго Сборника (VIII, стр. 365—366) перевелъ это такъ: „онъ прикажетъ всякими дьявольскими мѣрами склонить его (владѣльца), какъ человѣка безпотомственнаго, или вымолить у него для іезуитовъ“.

увезъ Янушъ изъ Кіева (см. выше, стр. 288, 289, 290, 291, 303): утварь для проектируемой большой церкви не была бы, конечно, изготовлена ранѣе построения самой церкви; очевидно, что эти дорогія церковныя вещи оказались въ 1652 г. въ рукахъ кн. Маріи случайно, т.-е. вѣроятно получены были ею отъ мужа именно послѣ кіевского похода 1651 года; къ сожалѣнію никакихъ дальнѣйшихъ подробностей о нихъ отыскать мнѣ не удалось¹⁾.

Другую, ббольшую, церковь въ Кейданахъ кн. Янушъ собирался выстроить, повидимому, каменную, судя по послѣднимъ словамъ письма его къ Коханскому отъ 2 іюля 1654 г. (Археогр. Сборникъ. VIII, стр. 369): „Если вышелъ назначенный срокъ лѣтъ Арнетову кирпичному заводу, то я обѣщаль, моей женѣ отдать его для ея церкви“. Намѣреніе это осталось, однако, неосуществленнымъ. Между тѣмъ русское поселеніе въ Кейданахъ росло, и 12 ноября 1654 г. кн. Янушъ пишетъ (ibid., стр. 370): „Русь, если бы пожелала (имѣть) кирпичные заводы... выдѣлить (имъ) плацъ на время, пусть себѣ устраиваются по немногу; имъ же теперь тѣсна церковка, такъ сдѣлать къ ней пристройку, либо прорѣзавъ переднюю сторону, либо придавъ кругомъ какія-нибудь удобныя закрытыя галереи. Напоминаю, чтобы Полоцкіе мѣщане пользовались особой протекціей“ ..

Другое русское поселеніе кн. Янушъ предполагалъ устроить на дорогѣ изъ Кейданъ Вильну въ слободѣ на рѣкѣ Виліи, въ Виліополь, гдѣ было уже отведено мѣсто для церкви (Археогр. Сборникъ. VIII, стр. 399), но и этотъ проектъ не осуществился.

Наконецъ, по свидѣтельству завѣщанія кн. Маріи, Янушъ имѣлъ „благое желаніе и благочестивое намѣреніе“ устроить при Забудовскомъ Успенскомъ Мона-

¹⁾ Въ описяхъ имущества, оставшагося послѣ кн. Януша (см. Kotłubaj, str. 430—436), ясныхъ упоминаній о какихъ-либо церковныхъ вещахъ нѣтъ; опись имущества, оставшагося послѣ смерти кн. Маріи (см. Археографич. Сборникъ. XI, стр. 352), не издана; въ утайкѣ „документовъ, золота, серебра, церковныхъ сварядовъ“ и прочихъ вещей ея (въ томъ числѣ и „большаго алмазнаго брачнаго перстня покойной княгини, стоящаго 12000 галеровъ“) обвинялся ея духовникъ іеромонахъ Мартиніанъ Волосовичъ, но онъ „возвративъ... одинъ шнуръ большаго урианскаго (?) жемчуга и пять стальныхъ... объявилъ, что перстень ему вовсе неизвѣстенъ, прочія же драгоценныя вещи сама княгиня при жизни велѣла раздать разнымъ лицамъ“ (ibid., стр. 352). Изъ этихъ вещей мы знаемъ судьбу лишь образа съ частицей мощей св. Варвары (см. выше стр. 290). Въ дѣйствительности, однако, драгоценности кн. Маріи не исчезли послѣ смерти ея (15 янв. 1650 г.) безслѣдно. Позднѣе въ 1657 г. радзивилловскій уполномоченный обѣщаль отдать Виленскому Свято-Духовскому Монастырю „всѣ церковныя аппараты, серебро и образа, принадлежащіе покойной княгинѣ Маріи Волошской, стоимостью около 30000 грошей“ (Археограф. Сборникъ. VII, стр. 155; XI, стр. 355, прим.) или возмѣстить эту сумму инымъ образомъ. Исполнено обѣщаніе, повидимому, не было и, слѣдовательно, вещи остались во владѣніи Радзивиловъ. Въ краткомъ описаніи сокровищъ, видѣнныхъ въ несвижскомъ „скарбцѣ“ кор. Станиславомъ Августомъ въ 1785 г. (см. *Obraz Polaków i Polscy w XVIII wieku... przez Ed. Raszyńskiego*. XVI, str. 49—52) церковныя вещи не упоминаются; но въ иныхъ разсказахъ о скарбцѣ являются монетранцы, реликваріи, 12 золотыхъ фигуръ апостоловъ, т.-е. вещи хотя и церковныя, но лишь католическія. Конфисковавъ въ началѣ ноября 1812 г. несвижскій „скарбецъ“ адмиралъ Чичаговъ „29 Января 1813 г... предписалъ... изъ числа взятыхъ добычей древніи медали и монеты отаравить въ Харьковскій Университетъ, церковныя вещи отослать въ Московскій соборъ, самыя рѣдкости и древности препроводить къ дѣст. тайн. сов. Валусеву, а прочія малозначущія продать съ аукціона; но были ли по сему предписанію отосланы вещи въ Московскій соборъ и къ Валусеву изъ дѣла не видно“. Что Оружейная Палата, которой завѣдовалъ тогда Валусевъ, вещи изъ Несвижа получила, мы видѣли уже выше см. стр. 317, прим. 3.

стырь „школы русскіе и латинскіе, т.-е. коллегіумъ для христіанскихъ дѣтей святой православной греческой вѣры“, на осуществленіе чего 20 ноябрю 1659 г. вдова его и записала монастырю имѣніе ¹⁾.

Но и это намѣреніе осталось безъ исполненія. Да и въ Кейданахъ русская слобода оказалась не долговѣчна: къ 1682 году тамъ осталось кромѣ двухъ монаховъ всего два православныхъ и „церковь, построенная для княгини ея Милости блаженной памяти господаровни волошеской, въ стѣнахъ совсѣмъ сгнила и гонтовая крыша сильно продырявилась“ (Археогр. Сборн. VIII, стр. 422); однако она простояла до второй четверти XIX вѣка ²⁾.

Несмотря на всѣ свои заботы о Кейданахъ, кн. Янушъ былъ почему то не особенно доволенъ тамошними порядками: вѣроятно, горожане на основаніи полученныхъ отъ Януша же (см. выше стр. 227) привилегій не всегда слѣдовали его планамъ и желаніямъ: такъ, напримѣръ, городъ, повидимому, не пожелалъ платить половину жалованья нанятому Янушемъ ратушному трубачу (см. Археогр. Сборн. VII, стр. 366—368). Ради исправленія этихъ порядковъ, или непорядковъ, Янушъ дѣлалъ разныя измѣненія въ привилегіяхъ, данныхъ городу: 17-го декабря 1652 г. онъ писалъ Коханскому: „Посылаю Вашей Милости привилей на добрый порядокъ въ городѣ; если (и) за нимъ не поправятся (тамъ) дѣла, то (я) брошу все о земь и не взгляну (больше) на это проклятое мѣсто!“ (Археогр. Сборн. VIII, стр. 365). Эти, вѣроятно, измѣненныя привилегіи были напечатаны въ Кейданахъ въ слѣдующемъ 1653 году (послѣ апрѣля) особою книжкой ³⁾, но позднѣе въ 1666 году по сличеніи ихъ съ оригиналомъ онѣ оказались, по заключенію особой, назначенной для того кн. Богуславомъ Радзивиломъ, комиссіи, „черезъ поступокъ злыхъ людей поддѣланы

¹⁾ Акты издав. Вилен. Археогр. Комм. Т. XI. 1880, стр. 148—149; ср. выше, стр. 224 и 290. Самъ Янушъ основалъ въ Заблудовѣ 1654 г. кальвинскую гимназію (см. Łukaszewicz I, str. 253). Павелъ Алеппскій (IV, стр. 51) отмѣчаетъ благоволеніе Януша ради Маріи къ русскимъ монахинямъ.

²⁾ Монахи при церкви получали въ 1682 г. 100 злотыхъ въ годъ, а позднѣе 180. „Монастырь“ въ 1721 г. значился еще въ числѣ владѣній Свято-Духовскаго монастыря въ Вильнѣ; въ 1757 г. проѣзжавшій черезъ Кейданы генераль-фельдмаршалъ Ст. Апраксинъ далъ денегъ на починку церкви (Археогр. Сборникъ. VII, стр. 262); въ 1788 г.—Кейданскій монастырь оказывается уже пустъ и церковь его . . . „отъ многихъ лѣтъ стоитъ заперта“; въ 1796 г. упоминается „церковь небольшая деревянная, ветхая, никакихъ украшеній неимѣющая, безъ ограды и безъ келій“; распоряженіе синода 1798 г. объ обращеніи ее въ приходскую церковь осталось, видимо, безъ исполненія; въ 1822 г. она была отобрана отъ военнаго вѣдомства, устроившаго въ ней, по указанію полиціи, сѣнной складъ, и починена на его же счетъ (См. Фл. Смирновъ. Виленскій Свято-Духовскій Монастырь. Вильна. 1886, стр. 156, 197, 210, 226, 227, 279). Дальнѣйшая судьба церкви для меня не ясна: авторъ статьи о Кейданахъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, издав. Брокгаузомъ и Эфрономъ, увѣряетъ, что она стоитъ и по нынѣ; болѣе же пространная статья въ Słownik Geograficzny Sulimierskiego, Chlebowskiego Walewskiego* (IV, Warszawa. 1883, str. 17—19) сообщаетъ, якобы церковь Преображенія по церковнымъ актамъ построена была еще въ 1648 г., новая каменная церковь выстроена на новомъ мѣстѣ, а потому старая въ 1825 и отдана была военному вѣдомству; въ церкви хранится древняя икона Б. М. византійскаго письма и два образа итальянскихъ на холстѣ.

³⁾ Puncta miastu Kiejdanskiemu od jasnie oswieconego Xięcia Jego Mości papa Wcewody Wlenskigo, hetmana polnego W. X. L. ustanowione i podane roku MDCLIII. (Estreicher. Bibliografia polska. VIII. 1883, str. 287; Finkel. № 3890). Эти же (?) дополнительные пункты кн. Януша къ привилегіи 1647 г. отъ 28 апрѣля и іюня 1652 изданы въ VIII томѣ Археографическаго Сборника (Вильна. 1870), стр. 307—322. №№ 72 и 73.

и подмѣнены *in praeiudicium et detrimentum auctoritatis* князя Его Милости, какъ наслѣдственнаго господина этого города Кейданскаго“ (Арх. Сборн. VIII. стр. 342).

Весь 1652 годъ прошелъ безъ участія литовскихъ войскъ въ казацко-польской распрѣ и потому безъ нарушенія спокойствія и внутри Литвы, хотя вѣкъ ея заключенный въ 1651 году миръ сохранялся обѣими сторонами плохо, хотя Тимошей Хмѣльницкій силою добился отъ Василя Лупулы обѣщанной ему руки домны Розанды, хотя на польско-казацкихъ границахъ кровь литься не перестала, хотя второй сеймъ снова постановилъ набрать противъ казаковъ и въ Литвѣ пятнадцатитысячное войско и самъ король собирался встать въ главѣ соединенныхъ войскъ ¹⁾. Дѣятельность литовскихъ гетмановъ ограничилась лишь заботами о наборѣ ²⁾ да спорами, кому что дѣлать (Kotlubaj, str. 185, 347—348); Янушъ находилъ, что самое мѣсто для сбора литовскаго войска, Брестъ, выбрано королемъ неудачно, т. к. для безопасности Литвы надо особое вниманіе обращать на Бѣлую Русь (*ibid.*, str. 347), но въ виду мира Литвы съ казаками она оставалась въ этомъ году спокойной.

О прямыхъ сношеніяхъ кн. Януша въ этомъ году съ Богданомъ Хмѣльницкимъ мнѣ извѣстенъ лишь рассказъ въ Москвѣ войскового судьи Самуила Богдановича объ обмѣнѣ гетмановъ письмами вскорѣ послѣ половины сентября. ³⁾

Въ началѣ слѣдующаго, 1653, года въ Гроднѣ собрался при королѣ совѣтъ сенаторовъ, постановившій продолжать войну съ казаками до окончательнаго ихъ усмиренія. Кн. Янушъ участвовалъ въ этомъ совѣтѣ, хотя и заставилъ себя долго ждать; будучи убѣжденъ въ гибельности для обѣихъ сторонъ дальнѣйшихъ военныхъ столкновеній, онъ велъ на совѣтѣ тонкую политику въ цѣляхъ сохраненія, хотя бы и плохого, мира съ казаками; такъ по крайней мѣрѣ писалъ онъ самъ въ инструкціи „пану Медельнечеру“, своему посланцу къ Василю Лупулѣ. ⁴⁾

¹⁾ Kotlubaj, str. 184—186; *Theatrum Europaeum* VII, S. 227 (20000), 411; *Gazette de France*. 1652 pp. 889, 914, 1153 s.

²⁾ См. напр. універсалъ Януша отъ 20 іюня 1652 г. „земьянамъ маестности Новаго Города и Кейданскимъ“ о выступленіи въ походъ подъ Бобруйскъ (Археографическій сборникъ. VIII. 1870, стр. 361).

³⁾ Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 484: . . . „писалъ Янушъ Радивилъ, чтобы овъ гетманъ (Хмѣльницкій) и все войско запорожское королю любилъ челомъ и были бы въ подданствѣ на тѣхъ статьяхъ, на чомъ договоръ учиненъ подъ Бѣлою Церковью, и Увѣи бы и костеловъ имъ держати не забороняли; а будетъ овъ гетманъ и войско запорожское на то не позволить и у него де, Радивила, войска готовые есть, и овъ пойдетъ на нихъ Черкасъ войною.“ Отвѣтъ Хмѣльницкаго изложенъ тамъ же, стр. 485; тутъ же и о литовскомъ войскѣ, стоящемъ въ Рѣчицѣ.

⁴⁾ О совѣтѣ этомъ см. *Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła*. II, str. 484; *Theatrum Europaeum*. VII, S. 411—412. Посланецъ же самого кн. Януша долженъ былъ говорить господарю о стараніяхъ Януша сохранить миръ такъ (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 490): „изволь Ваша Государская Милость вѣдати и извѣстити Его Милости Пану Гетману Хмельницкому о томъ, што поляки побилъ бы гораздо козаковъ сее зимы, для того что коронное войско было готово и избранно, какъ и литовское: и того для Король Его Милость, выдачи войска добрѣ устроеные и во всѣмъ готовые, хотѣлъ зимою битися, къ чему вси сенатори его подуцали; только Княжа Его Милость замѣшкалъ и, не будучи въ началѣ думы, какъ прѣхалъ, тотчасъ отложилъ тотъ бой и совѣтовалъ, штобъ былъ соймъ въ Брестью и комисары, которые тамъ будутъ, назначены суть для того, что то дѣло самъ Король Его Милость и ныве вручили Вашей Государской Милости, чтобъ его къ пожитку привелъ“ (о. с., стр. 491); „Княжа Его Милость вельми тщится тако на миръ, что и Короля Его Милость наклонилъ, чтобъ тѣ вещи къ миру могли прійти, о чомъ Король Его Милость не вѣдаетъ, а не можетъ домыслитися, кто естъ прямой посредникъ и побудитель до того миру; понежъ какъ бы звалъ, гнѣвалъ бы ся на то вельми“ (о. с., стр. 492). Та же инструкція „пану Медельнечеру“ напечатана и въ *Акты Ю. и З. Р.* VIII, стр. 364—366.

На Брестскомъ сеймѣ (въ январѣ—февралѣ 1653 г.) шляхта также не раздѣляла воинственныхъ намѣреній короля: посполитое рушенье было отвергнуто, но деньги на сборъ войска даны (см. Костомаровъ. Богд. Хмѣльницкій 4-ое изд. III, стр. 57—58); сторонники мира просили Януша дѣйствовать на Хмѣльницкаго черезъ тестя, Василія Лупулу, который теперь волей-неволей, какъ своякъ Хмѣльницкаго, сталъ въ близкія къ тому отношенія.

Приблизительно къ февралю 1653 г. и относится инструкція кн. Януша посланцу отъ него къ Василю Лупулѣ, которую тотъ переслалъ Хмѣльницкому, откуда русскій переводъ ея попалъ въ Москву: въ этомъ документѣ весьма интересенъ пессимистическій, но вѣрный, взглядъ Януша на конечный исходъ польско-украинской распри, характерны совѣты Хмѣльницкому пользоваться моментомъ, весьма дипломатичны приведенные уже выше указанія на свои заслуги въ сохраненіи мира, но нѣсколько наивны попытки удовлетворить честолюбіе Хмѣльницкаго ролью и честью польскаго магната и придворной карьерой сыновей; кончается инструкція неудовольствіемъ на изгнаніе Хмѣльницкимъ литовскихъ жолнеровъ съ постоа въ Стародубѣ и урядниковъ Януша изъ пожалованныхъ ему староствъ Лоева и Любеча ¹⁾.

На послѣднее, какъ сообщали въ Москвѣ 22 апрѣля послы Хмѣльницкаго, Бырляй и Мужилевскій, „писалъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкой къ нему Радивилу, что онъ Лоева и Любеча ему не уступитъ для того, что они стали на обѣ стороны рѣки Днѣпра, и только ихъ поступиться, и Полякамъ и Литвѣ будетъ дорога чиста во всю Украину“ (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 493).

На второмъ сеймѣ того же 1653 года въ Брестѣ же назначена была на 5-ое мая въ Вильнѣ комиссія по расплатѣ съ войсками; предыдущая комиссія по тому же вѣчному вопросу не состоялась вовсе и дѣло уладилось лишь умѣньемъ кн. Януша ладить съ войскомъ (ср. стр. 242, 255, 312 и 313): по выраженію сеймовой конституціи (Volumina Legum. IV. 1737, str. 402): „навѣрное бы Рѣчь Посполитая praesidio destituta осталась, если бы ея dexteritas и вліяніе intercedentes difficultates не облегчили были не успокоили“.

На этомъ же сеймѣ 31 марта король назначилъ кн. Януша воеводою Виленскимъ, послѣ отказа отъ этой почетной, принадлежавшей нѣкогда отцу Януша, кн. Хри-

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 490—493: „будетъ бой послѣдней—либо полякомъ погубель либо Руси. Есть ли побѣдятъ поляки, тогда въ конецъ погибнетъ родъ и вѣра руская и вся Украина, съ великою жалостью сердца людскаго, испустошена будетъ, а съ потѣхою и пожиткомъ поганые учивятся. А есть ли побѣдятъ козаки, то нежели бы имѣли поддаться поляки козакомъ въ нужу и мучительство? Лутче, чтобъ имъ была та погубель и нужа отъ цысаря Нѣмецкаго и отъ Шведовъ. Итакъ монархія коруны Польскіе изъ давняго вѣку, будучи по всему свѣту славна, потомъ будетъ въ подданствѣ . . . Всюмяни ему (Хмѣльницкому) Ваша Государская Милость, чтобъ хотѣлъ помириться да чтобъ не затѣвалъ статей многихъ и великихъ, но мѣрныхъ, а поляки чего станутъ договариваться чтобъ на все изволилъ, чѣмъ бы могъ стать миръ; понеже и поляки войска свои добръ устроены и во всемъ готовы имѣють; а по утвержденію мира, когда развѣдутся войска польскіе, можетъ и Ея Милость Панъ Хмельницкой чего восхоцеть отъ поляковъ упросити, понеже удобнѣе въ то время о томъ будетъ и большую будетъ власть имѣти, нежели король.“ . . . „Его убо Милость Панъ Хмельницкій въ краткомъ времени великіе чести достунитъ заравно съ иными“ . . . „Чтобы сына своего меньшого аки бы въ закладъ отдалъ, которой бы всегда былъ при боку Ея Королевской Милости; а потомъ было бы то, чтобъ могъ быти при дворѣ великомъ; такожь, какъ бы имѣлъ дочь какову, и тѣ могутъ быть за великими людьми“.—Акты Южн. и Зап. Россіи. VIII, 1875, стр. 364—366.

стофору, должности кн. Альбр. Стан. Радзивила, предпочитавшаго оставаться при король и государственныхъ дѣлахъ литовскимъ канцлеромъ ¹⁾).

Торжественный въѣздъ на воеводство состоялся 16-аго Мая; описаніи его мнѣ неизвѣстно, изображеніе же находится на медали, изготовленной тѣмъ же самымъ Себастьяномъ Дадлеромъ, который, какъ мы видѣли выше (стр. 209, 217 и 317), работалъ уже ранѣе и для отца кн. Януша и для него самого ²⁾. Эта медаль является послѣднимъ по времени произведеніемъ Дадлера.

На одной сторонѣ ея представленъ на фонѣ общаго вида Вильны воевода, скачущій вправо между двумя пѣшими слугами съ сѣкирами; внизу въ отрѣзкѣ мелкая надпись: D. XVI. MAÏ. A. M. DCLIII, а вокругъ крупными буквами двустиншіе:

Ingressus Vilnam Princeps Radivilius Heros

Sic vultu atque habitu conspiciendus erat.

На другой сторонѣ сторонѣ представленъ дворець, во дворъ котораго въѣзжаетъ поѣздъ съ каретою; на заднемъ планѣ три виленскихъ горы: съ замкомъ, крестами и башней надъ могилою Бекеша; въ облакахъ паритъ орелъ Радзивиловъ съ мечемъ, лентою съ буквами S. P. Q. V. и двумя гербовыми щитками („погонь“ и три полумѣсяца) въ когтяхъ; внизу въ отрѣзкѣ мелкая надпись: Ornamento publico, propriae commoditati, и буквы медальера S. и D; кругомъ стихотворная надпись:

Dum capis officium, dum celsa palatia condis,

Jure Palatinum te tua Vilna colit.

Медаль, слѣдовательно, посвящена двумъ событіямъ: въѣзду на воеводство и постройкѣ или возобновленію одного изъ дворцовъ кн. Януша въ Вильнѣ.

Радзивилловскихъ дворцовъ было тамъ нѣсколько ³⁾; въ числѣ ихъ одинъ „на слѣдованный кн. Янушемъ въ 1651 году отъ Кишекъ“ (Kraszewski, III, str. 319); но надпись указываетъ скорѣе на какой-то дворець, вновь построенный самимъ кн. Янушемъ; къ сожалѣнію мнѣ не удалось найти указаній на такую постройку; по положенію относительно трехъ горъ и по общему виду представленный на медали дворець на мѣстѣ, въ Вильнѣ, можетъ быть, и удалось бы отождествить съ однимъ изъ бывшихъ Радзивилловскихъ дворцовъ. Не могу я вполне объяснить и значенія эмблемъ въ когтяхъ радзивилловскаго орла: мечъ указываетъ на *ius gladii*,—т. е. на право казнить,—воеводы; буквы—понятны: S(enatus) P(opulus) Q(ue) V(ilnensis), но едва ли отсюда можно заключить, какъ дѣлалъ то Трахсель ⁴⁾, что медаль заказана была Виленскимъ магистратомъ, а не самимъ Янушемъ; неправильно объясненъ Гуттенъ-Чапскимъ и щитокъ съ „погонью“ какъ гербъ города: таковымъ былъ Св. Христо-

¹⁾ Kotłubaj, str. 187; Theatr. Europ. VII, S. 411; Pamiętniki Albr. St. Radziwiłła. II, str. 482, 484.

²⁾ Счета Дадлера упоминаются въ посмертной описи имущества кн. Януша (Kotłubaj, str. 435 № 45); spraw różnyh i rachunków P. Datlera, sztuk 7.

³⁾ См. рисунокъ ея, къ сожалѣнію въ коллотипии не заслуживающей воспроизведенія, у Рачинскаго: Gabinet medalow polskich. Le Médaillier de Pologne. II. Berlin. 1845, pp. 182-183, № 157; лучше описаніе у Чапскаго: Catalogue de la Collection des médailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. II. 1872, p. 283, № 4082; III, 1880, p. 85. Оригиналъ я не видалъ.

⁴⁾ См. Kraszewski. Wilno od początków jego do roku 1750. Tom III. Wilno. 1841, str. 319 sq., 336, 337.

⁵⁾ Catalogue des monnaies et médailles polonaises, etc. (см. стр. 209, пр.). 1869, p. 138.

форъ; это несомнѣнно гербъ Виленскаго воеводства; но значеніе другаго герба остается для меня непонятнымъ.

Къ тому же 1653 году относится появленіе двухъ книгъ, изданныхъ, очевидно, по инициативѣ кн. Януша и его отчасти прославлявшихъ. Это—анонимный „Compendarius“, которымъ мы столь часто пользовались выше, тѣсно связанный, вѣроятно, съ отчетами кн. Януша на сеймахъ о дѣйствіяхъ его противъ казаковъ (см. стр. 228, пр. 1; 254, 316), и „Fasti Radiviliani“, общая исторія рода князей Радзивиловъ, составленная извѣстнымъ историкомъ Литвы и профессоромъ іезуитской академіи въ Вильнѣ, Альбрехтомъ Віюкомъ Кояловичемъ¹⁾; книга Кояловича, посвященная кн. Янушу, доводила исторію Радзивиловъ до 1653 г.; она описывала, слѣдовательно, хотя бы и кратко, и Кіевскій походъ кн. Януша, который не вошелъ въ другую книжку того же автора, съ которой имѣли мы дѣло выше (см. стр. 229); тѣмъ до- саднѣе мнѣ, что я не могъ нигдѣ достать этой книги.

Предоставляя прославлять іезуиту-историку себя и своихъ предковъ,—т. к. по словамъ Кояловича: „nihil fere in reliqua Lituaniae historia curiosissimus quisque dignum memoria repererit, in cujus partem Duces Radivili non venerint“,—кн. Янушъ съ другой стороны не переставалъ по примѣру своихъ предковъ-кальвинистовъ заботиться объ обогащеніи духовной литературы своихъ единовѣрцевъ: въ Кейданахъ въ этомъ же году печатался на литовскомъ языкѣ сборникъ духовныхъ пѣсенъ Телъги. Въ письмѣ отъ 18 марта 1653 г. къ Коханскому (Археограф. Сборн. VIII, стр. 367) Янушъ требовалъ, чтобы книга эта вышла непременно съ выходнымъ листомъ, гравированнымъ на мѣди, а въ неудачахъ съ печатаніемъ этой гравюры подозрѣвалъ каверзы ксендзовъ²⁾: было ли это въ дѣйствительности или нѣтъ, но книгу пришлось выпустить безъ этой гравюры: по крайней мѣрѣ ее не оказывается ни на одномъ изъ трехъ экземпляровъ Импер. Публичной Библиотеки, какъ сообщилъ мнѣ С. О. Балтрамайтысъ; а между тѣмъ гравюра эта представляла бы для нашей темы особый интересъ, т. к. она могла быть скопирована тѣмъ же Авраамомъ фанъ Вестерфельдомъ, который, какъ мы видѣли (стр. 266), въ 1653 г. работалъ еще для кн. Януша.

¹⁾ Fasti Radiviliani Gesta illustrissimae domus ducum Radziwiłł compendio continentes auctore Alb. Wiłuk Kojałowicz, S. J. Vilnae. 1653. Тур. Acad. S. J., in 4°, 112 неномерованныхъ страницъ. Мои свѣдѣнія объ этой книгѣ ограничиваются данными у Estreicher'a. Bibliografia Polska. Tom XIX. Kraków. 1903, str. 399. Оригинальная рукопись Кояловича на 81 листѣ in 4° принадлежала К. Свидзинскому (см. выше, стр. 204) и хранится нынѣ въ Библиотекѣ гр. Красинскихъ въ Варшавѣ: Biblioteka ordynacyi Krasinskiich. Muzeum Swidzińskiego. Tom I. Warszawa. 1875, str. 16, тамъ-же и другая рк.: Phoenix Radiviliana albo starożytnosci Jasnje Oświeconych Książat I. M. M. Radziwiłłow, 4° безъ конца.

²⁾ Вотъ переводъ соответственной части этого письма:

„Друкаръ пишетъ мнѣ, что той бляхи кунферштиха, которая имѣеть быть титуломъ Литовскаго Канціонала, онъ не можетъ употребить. Знаю я эти фигли и откуда (онѣ) идутъ. Декларуй ему, Ваша Милость, что если (хоть) одинъ экземпляръ безъ него выйдетъ, въ серъбъ (онѣ) будетъ тогда въ на- пасти. Если не хорошо [сработано, пусть велитъ въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ) поправить; если тутъ нѣтъ станка для печати, пусть также велитъ въ Кролевцѣ отпечатать сколько пужо издать экземпляровъ. Вѣдь я безъ него—simpliciter—(и) имѣть не хочу. А знай, Ваша Милость, что это только нашихъ ксендзовъ выдумки (fantazyja) за то, что тамъ поставленъ авторомъ самъ Телъга“.

Заглавіе книги таково: Kniga Nobazniftes Krikščioniszkos . . . Kiedaynise. Drukawoia Joachimias Jurgis Rhetas. Meatu Pana. 1653. Въ началѣ стихотворное посвященіе по польски кн. Янушу.

О кейданской типографіи см. Łukaszewicza, II, str. 118.

Въ Кейданахъ же находилась библіотека кн. Януша; о нѣкоторыхъ рукописяхъ ея рѣчь будетъ еще ниже; печатныя книги Янушъ получалъ ящиками изъ Германіи ¹⁾.

Но непрекращавшаяся, несмотря на все договоры, распря между Польшею и Украиной снова и повидимому вопреки желанія потребовала Януша къ войску: король все еще мечталъ сломить жестокимъ ударомъ казаковъ и снова проектировалъ походъ вглубь Украины обоимъ войскамъ: короннаго и литовскаго.

Коммисію въ Вильнѣ по расплатѣ съ войскомъ кн. Янушъ въ началѣ іюля 1653 г. „окончилъ удачно *et summo omnium applausu*, а равно и приготовленіе того, что нужно было для отправки артиллеріи (*armaty*) и аммуниціи (*munity*) потребной войску“, какъ говоритъ хранящаяся въ Императ. Публичной Библіотекѣ „Діаріушъ 1653 года“, принадлежавшій кн. Янушу и обнимающій время съ 6 іюля по 12 сентября ²⁾.

6-аго іюля отправился онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конныхъ хоругвей и пѣшихъ полковъ, изъ Вильны къ войску, которое стояло, подъ командою Мирскаго, въ Рѣчицѣ. Въ тотъ же день получено было письмо изъ Глинянъ отъ короля, который, препровождая Янушу различныя свѣдѣнія о малочисленности якобы казацкаго войска, предлагалъ ему не упуская okazji и времени напасть на нихъ, что и самъ собирался сдѣлать (л. 1).

Одно изъ приложенныхъ въ копіи писемъ (изъ Гусятина, отъ 14 іюня) сообщало между прочимъ: „что, когда (Хмѣльницкій) двинулся къ Монастырицу, пришли къ нему послы отъ князя Радзивила съ пріязнью, которыхъ онъ *solemniter* трактовалъ двѣ недѣли“ (л. 2).

Дѣйствительно, непосредственныя сношенія между гетманами казацкимъ и литовскимъ продолжались; Хмѣльницкій обращался къ Янушу, какъ и ко многимъ другимъ магнатамъ, съ письмами, въ которыхъ увѣрялъ въ своемъ желаніи сохранять миръ и въ своей покорности королю; но кромѣ того гетмановъ сближала теперь и судьба ихъ общаго свояка Василя Лупулы, богатства котораго манили всехъ со-

¹⁾ Археогр. Сборникъ. VIII. стр. 368, письмо Коханскому отъ 27 сентября 1653 г.: Янушъ ждалъ „изъ Гданска . . . одну фуру, три ящика: одинъ съ книгами, другой съ картинами малыми, третій съ картинами большими, а другая фура съ золотой и серебряной монетою, что мнѣ дѣлали въ Гамбургѣ... объ этихъ вещахъ изъ Гданска вели Ваша милость точно узнать, т. к. я вложилъ въ нихъ тамъ болѣе десяти тысячъ“... (ср. выше стр. 320, прим. 1).

²⁾ Рукопись эту (*Polonica*, IV. Fol. № 133, 67 неписанныхъ листовъ, прочіе пустые, въ старинномъ переплетѣ) цитировалъ Н. И. Костомаровъ, не отмѣтившій, чей именно это Діаріушъ. Въ заглавіи *Diariusz Anni 1653 a die 6-ta July*,—имени кн. Януша нѣтъ, но все содержаніе ясно на него указываетъ. Рукопись, писанная одной, секретарской или писарскою, рукой содержитъ краткія дневныя замѣтки о кн. Янушѣ и копіи получаемыхъ и отправляемыхъ имъ писемъ и иныхъ документовъ: реляцій, допросовъ плѣнныхъ, инструкцій посламъ и т. п. Въ концѣ прилетены нѣсколько оригинальныхъ писемъ Мирскаго. Прекращается „Діаріушъ“ на 12 сентября, хотя пребываніе Януша при войскахъ, продолжалось и далѣе, по крайней мѣрѣ до начала ноября (см. выше, стр. 266). Нѣкоторыя письма списаны не вполне; оставлены пустыми мѣста; переписка—главнымъ образомъ съ коронными войсками, королемъ, канцлеромъ короннымъ и т. п.; отправляемые Янушемъ письма копировались не все; напр., нѣтъ копій писемъ къ Кишкѣ отъ 4 августа (см. *Kotłubaj*, стр. 349—351). Просмотромъ и исправленіемъ сдѣланныхъ мною изъ рукописи этой выписокъ я обязанъ любезности Б. И. Пуляновскаго. Въ нижеслѣдующемъ положеніи я привожу лишь сущность того, что касается плановъ военныхъ дѣйствій литовскаго войска противъ казаковъ и сношеній Януша съ Хмѣльницкимъ и Корономъ.

Все даты оставляю безъ измѣненій, т. е. по новому стилю.

сѣдей и которому въ этомъ году суждено было, оказавшись изъ-за помощи ему Хмѣльницкаго врагомъ Польши, лишиться всего: и власти, и казны, и новаго зятя, а потомъ и самому погибнуть въ Семибашенномъ Замкѣ¹⁾.

Сохранился, въ русскомъ переводѣ, отвѣтъ (отъ 15 мая изъ Вильны) кн. Януша на письмо Хмѣльницкаго, пришедшее къ Янушу 27 апрѣля: просьбы и заявленія Хмѣльницкаго о мирѣ пересланы къ королю, самъ же Янушъ пишетъ, что „давно желалъ, чтобы твоя Милость поволно и смиренно совѣщевалъ съ королемъ Его Милостью и Рѣчью Посполитою, и миръ утвердивши, чтобъ еси на общаго непріятеля силы войска запорожскаго обрацалъ“²⁾.

Вѣроятно именно это письмо отъ 15-го мая 1653 г. и возилъ къ Хмѣльницкому ротмистръ Загоровскій, выѣхавшій 24-го мая изъ Слуцка, прибывшій черезъ Кіевъ къ Хмѣльницкому подъ Бѣлую Церковь, съ почетомъ тамъ принятый (6—11 іюня) и представившій кн. Янушу по возвращеніи (9 іюля) записку о своей поѣздкѣ³⁾.

Хмѣльницкій приглашалъ гонца на пиры, пилъ за здоровье Януша съ пушечными салвами, показывалъ Загоровскому свое войско; Хмѣльницкій увѣрялъ, что идетъ съ войскомъ на встрѣчу коронному войску съ королемъ во главѣ не для бою, а за соглашеніемъ, при посредствѣ кн. Радзивила, съ королемъ и Рѣчью Посполитою: „чтобы кровь христіанская больше уже не лилась и чтобы ему обратить все свои силы на непріятеля креста святаго“ (л. 4). Распросивъ посланца о литовскомъ войскѣ, о которомъ онъ имѣлъ и безъ того точныя свѣдѣнія, гетманъ замѣтилъ: „доброе войско, но дастъ-ли Богъ обратить (его) на поганцевъ, а не на вѣрныхъ христіанъ; довольно ужъ пролито христіанской крови“ (л. 4); турецкаго же посла онъ прямо увѣрялъ, „что и Литва съ нимъ воевать не мыслить и что пословъ съ миромъ къ нему прислали“ (л. 5); правда, по собраннымъ Загоровскимъ свѣдѣніямъ, значительнымъ отрядамъ казаковъ, расположеннымъ противъ литовской границы, „защепать не велѣно, а только защищать (переправы) за Днѣпръ, Сожъ и Десну“. Хмѣльницкій повторялъ: „Пане Загоровскій, проси князя Радзивила, добродѣя, пусть какъ отецъ и предки его милостивъ будетъ и пусть съ Королемъ Его Милостью помирить, а если милости Его Королевской Милости не будетъ, то мы или добьемся мира или другъ на другъ поляжемъ при вѣрѣ и вольности нашей“ (л. 4 об.)⁴⁾.

Письмо Хмѣльницкаго (отъ 10 іюня изъ-подъ Краснаго), которое привезъ Загоровскій, написано въ томъ же смыслѣ: благодаря Януша за неустанныя старанія о

¹⁾ Подробности о судьбѣ Василя см. у Н. Костомарова. (Богданъ Хмѣльницкій, 4-ое изд. III, стр. 61—71, 82, 86, 89—98, 100), въ указанныхъ выше (стр. 220, пр. 3) статьяхъ о домѣ Розандъ и цѣлый рядъ упоминаній у Павла Алеппскаго.

²⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Годъ III, 1848, № 8, отд. IV, стр. 62—63 (Забѣлиня, Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ, № XII).

³⁾ См. подробное изложенеіе реляціи этой у Н. Костомарова. Богданъ Хмѣльницкій, 4-ое изд. III, стр. 71—75 (находящаяся на последней страницѣ двѣ ссылки на рек. Публичной Библиотеки относятся къ одной и той же); реляція занимаетъ 3—5 листы Діаріуша.

⁴⁾ „a iesli łaski J. K. Mei niebudzie iużesz albo dobiem się pokoіu ale odin na drugimъ poliatemъ grumiere u wolności naszej“; Костомаровъ (у. с., стр. 75) передаетъ фразу эту такъ: „а коли ласкі его королевской милости намъ не буде, такъ ми або добьемся до покою, або одинъ на другому поляжемо за вольности наши!“, пропущенное „grumiere“—очевидная ошибка писца вмѣсто „gru wiege“.

прочномъ (gruntowny) мирѣ гетманъ замѣчаетъ: „только то намъ въ удивленіе, что Ваша Княжеская Милость ничего намъ подлинно не выписываетъ, какимъ бы способомъ можно было прійти къ нему; мы, спаси Богъ, изъ подданства короля Его Королевской Милости нашего милостиваго пана не выламываемся, а если бы мыслили мы искать другихъ государей, то давно бы это сдѣлали“... „Мы во всемъ будемъ держаться совѣтовъ (persuasy) В. Кн. М. и теперь бы мы (мира) не нарушили, если бы не это нападеніе короннаго войска; устно подробнѣй Е. М. панъ Загоровскій расскажетъ В. Кн. М.“; Хмѣльницкій снова просилъ Януша стараться о мирѣ, „чтобы, ради Бога, кровь христіанская не лилась, и силы обоихъ войскъ на посторонняго непріятеля обращены были. Мы готовы съ вѣрностью подданства нашего на каждаго непріятеля Е. К. М. пана нашего милостиваго и Рѣчи Посполитой служить и крови (своей) нежалѣть защищаясь за вѣру и отчизну“... (л. 2 об.—3).

И реляцію Загоровскаго и письмо Хмѣльницкаго кн. Янушъ отправилъ королю при письмѣ (отъ 9 іюля), въ которомъ на основаніи своихъ свѣдѣній доказывалъ, что силы казаковъ „non tam contemnendae“, какъ полагалъ это король (л. 5 об.—6).

17 іюля въ Слудкѣ послы Хмѣльницкаго, сотники Черкасскій и Чигиринскій, подали Янушу письмо изъ-подъ Меджибожа отъ 30 іюня того же содержанія, какъ и предъидущія: помимо волошескихъ новостей и просьбъ о ходатайствѣ Януша Хмѣльницкій просилъ, чтобы королю „угодно было показать свое панское и отеческое милосердіе, чтобы мы не расходились по чужимъ панствамъ“ (л. 6 об.—7).

Отвѣтъ Януша (л. 7—7 об.) былъ довольно рѣшительнъ: ... „такъ какъ Ваша Милость теперь опять возобновляешь ту же пѣсенку, то и мнѣ приходится дать на нее тотъ же отвѣтъ“ о необходимости искренней покорности королю, и т. п. „Говоря правду, на слова можно отвѣчать словами, на письма письмами, но тутъ нужно самое дѣло, и оно не можетъ быть инымъ, какъ если Ваша Милость крови христіанской, сильно и обильно (помилуй Боже) разлитой, кровію поганской не затрешь и съ татарами не учинишь вполне разрыва, т. к. пока длится между вами эта столь гибельная христіанамъ лига, невозможно чтобы Рѣчь Посполитая могла (на тебя) полагаться и вѣрить въ ненарушеніе этого мира“.

Выговскій писалъ въ Москву объ обоихъ письмахъ Януша къ Хмѣльницкому и о третьемъ къ митрополиту о мирѣ же (Акты Ю. и З. Р. VIII, стр. 327: 9 авг. 1653).

Отсылая ко двору подлинное письмо Хмѣльницкаго и копію своего отвѣта, Янушъ (18 іюля) объяснялся, что онъ и не думалъ вдаваться въ какія-либо дальнѣйшія конференціи съ Хмѣльницкимъ, но, что чаще и чаще приходятъ отъ него письма и трудно поэтому избѣгнуть сношеній съ нимъ; въ этомъ же письмѣ коронному канцлеру (т. е. Стефану Корицинскому) литовскій гетманъ, предполагая идти съ войскомъ своимъ вглубь Украины, высказывалъ, однако, опасеніе, не есть ли отступленіе Хмѣльницкаго предъ короннымъ войскомъ лишь уловка, чтобы, заманивъ его подалше въ опустошенный и голодный край, заключить потомъ договоръ по собственному желанію, какъ было то подъ Зборовымъ и Бѣлою Церковью (л. 8—8 об.).

Въ коронномъ войскѣ не сомнѣвались, что и литовское войско движется въ Украину, и коронный канцлеръ просилъ лишь Януша принять за правило, чтобы

при его наступлении „покорныхъ головъ мечъ не сѣкъ“ (л. 8 об.—9 об.; отъ 12 іюля, подъ Глинянами).

Въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ коронному канцлеру кн. Янушъ повторялъ тѣ же соображенія о коварной цѣли отступленія казаковъ въглубь разореннаго и голоднаго края, грозилъ осенними непогодами, указывалъ на неоплатную задолженность Рѣчи Посполитой на содержаніе войска и признавалъ, что „вѣдь сказать правду, *utrinque contra fidem peccatum*“¹⁾.

1-го августа еще изъ Слуцка Янушъ просилъ короннаго канцлера помочь по возможности Василю Лупулѣ, хотя и считалъ дѣло его погибшимъ, а подскарбему Вел. Кн. Литовскаго (Викентію Гонсѣвскому) описывалъ разстройство своей артиллеріи, недостатокъ денегъ, затрудненія по расплатѣ съ войскомъ (л. 27—28).

6-го августа Янушъ находился въ „Глускѣ погорѣломъ“, а 7-го прибылъ въ Бобруйскъ; здѣсь получилъ онъ королевское письмо съ требованіемъ, не обращая вниманія на лживыя изъявленія непріятелемъ покорности, дѣйствовать войсками Вел. Кн. Литовскаго такъ, какъ то постановлено Рѣчью Посполитою и какъ того требуютъ обстоятельства, чѣмъ онъ не только исполнитъ свой долгъ, но и стяжаетъ королевскую милость (л. 33, письмо изъ Львова, 29 іюля).

Коронный же канцлеръ сообщалъ Янушу, что, если бы непріятель ждалъ у Бѣлой Церкви, то коронное войско будетъ тамъ едва *circa finem Septembris*, путь войска еще неизвѣстенъ и, начинать ли Янушу наступленіе, онъ судить не можетъ; „письмо которое В. Кн. Милость отписалъ Хмѣльницкому, очень понравилось Е. К. М., согласуясь во всемъ *cum intentione E. K. M.*, и (онъ) не сердится, что Хмѣльницкій сносится съ В. Кн. М., но также заключилъ (*conkludil*), что пока не будетъ разрыва (Хмѣльницкаго) съ татарами, дотуда не можемъ мы быть *certi* мира съ нимъ“; въ припискѣ канцлеръ снова писалъ: „желаю я того, чтобы при наступленіи не было никакого кровопролитія“ (л. 33 об.—34, Львовъ 28 іюля).

Въ Мозырь 2 августа вернулся нѣкій панъ Уляницкій, посланный задолго предъ тѣмъ съ письмами къ Хмѣльницкому, но задержанный послѣднимъ и едва отпущенный, по настояніямъ Василя Лупулы, когда тотъ былъ у Хмѣльницкаго въ Суботовѣ; онъ явился безо всякаго письма отъ Хмѣльницкаго, но представилъ свою устную реляцію и письмо изъ Чигирина отъ 27 іюля отъ нѣкоего Фелиціана Родаковскаго, „который остается тамъ, выдавъ себя за предателя“ и которому казаки обѣщали дать полкъ въ походѣ въ Яссы (л. 28, 29—29 об.).

Изъ Бобруйска самъ кн. Янушъ спускался водою, а войска его шли по обоимъ берегамъ Березины до Горваля, который кн. Янушъ предназначилъ мѣстомъ своей стоянки: „обращалъ въ свою кухню“, какъ выразился Мирскій въ письмѣ къ нему²⁾.

¹⁾ Л. 15—17 об. „a Rzpta takie na się zaciągnęła ciężary iż ferendo non est w tak wielkie zabrnęła długi, że się z nich wypłacić nie może u poprostu nie masz sposobu daley woyska trzymać... Persisto sententiam, że ta retirada nieprzyacelska arte et bellico stała się stratagemmate“. Но въ письмѣ князю Курляндскому 30 іюля (л. 19—19 об.) Янушъ сообщалъ, что Хмѣльницкій ушелъ въглубь Украины *viribus suis diffusus*.

²⁾ Изъ Рѣчицы отъ 27 іюля... *za kuchnią swoię obracasz* (л. 19 об.).

Онъ прибылъ туда около 20 августа¹⁾ и былъ встрѣченъ войсковыми начальниками, кромѣ больного Мирскаго, навѣстити котораго Янушъ ѣздилъ въ Рѣчицу 24 августа. Ѣздилъ онъ туда также и для разбора судебныхъ дѣлъ, между прочимъ объ убійствѣ пана Свинки въ Кожангородкѣ; виновный, нѣкій Друкъ, осужденъ былъ имъ на смерть, но затѣмъ прощенъ по просьбѣ войска (л. 39, 45, 51, 58 об.).

Отъ короля пришло новое письмо (отъ 12 августа изъ Львова): сообщая о намѣреніи своемъ двинуться около 15 августа въ походъ, онъ требовалъ исполнѣ определенно немедленнаго движенія литовскаго войска къ Фастову или Василькову на соединеніе съ короннымъ²⁾, „habito tamen respectu gnanic W^o. X^o. L^o“: нѣсколько тысячъ войска король предписывалъ оставить въ замкахъ по московской границѣ. Коронный же канцлеръ въ длинномъ письмѣ лишь мимоходомъ упомянулъ объ этомъ желаніи короля³⁾; напротивъ того Кіевскій воевода (тогда уже не Адамъ Кисель, а Станиславъ Потоцкій⁴⁾) краснорѣчиво настаивалъ на совмѣстномъ дѣйствіи обѣихъ войскъ⁵⁾.

На эти письма Янушъ отвѣчалъ 27 августа. Отвѣтъ коронному канцлеру С. Корцинскому скопированъ въ Діаріушѣ не весь (весь л. 48 и часть л. 48 об.—пусты); въ переписанной части его указаны различныя препятствія, которыя могутъ помѣшать скорому соединенію войскъ: малочисленность литовскаго войска, болѣзни въ немъ, отсутствіе въ странѣ провіанта и т. п.

Въ письмѣ къ литовскому подканцлеру, Льву Сапѣгѣ, послѣ заявленій о готовности своей стремиться къ соединенію обѣихъ армій, „какъ прежде не лѣнился, прійти по просьбѣ коронныхъ вождей на соединеніе съ ними“, Янушъ излагаетъ Сапѣгѣ, „какъ чиновнику литовскому“, различныя затрудненія въ исполненіи королевскаго плана: малочисленность литовскаго войска, окончаніе срока службы стараго набора, неопытность и неявка новаго набора, заразные болѣзни, надежъ коней, смертность среди деляды, опустошенность предстоящаго пути, затрудненіе въ уплатѣ жалованья войску и, наконецъ (особенно пространно), необходимость прочнаго занятія войсками,—а не нѣсколькими лишь тысячами по замкамъ, какъ писалъ то король,—

¹⁾ Въ Діаріушѣ (л. 39) число пропущено.

²⁾ Przeko po Uprz. W. mieć chcemy y żądamy abyś Uprz. W. bez omieszkania z woyskiem W^o.X^o.L^o. do Fastowa albo do Wasilkowa postępował y tam woysko z nami y z Woyskiem Koronnym wczesnie łączyl (л. 39—39 об.).

³⁾ Л. 39 об.—41 об., отъ 11 августа; въ письмѣ сообщается объ осадѣ Василія въ Сучавѣ, о затрудненіяхъ въ расплатѣ съ войскомъ, подробно о московскомъ посольствѣ, при чемъ отстаивается независимость „поповъ“ въ предѣлахъ Польши и Литвы отъ московскаго патріарха; о московскомъ посольствѣ писалъ Янушу и подканцлеръ литовскій (Левъ Сапѣга) 12 августа (л. 41 об.—42); о нихъ же, Хмѣльницкомъ, Василіи и пр. сообщало еще анонимное письмо (л. 42—42 об.).

⁴⁾ „In hoc statu rerum iezeliby się Chmielnicki cum ea potentia (съ татарами) sua ku Dniestrowi obrócić nie skutecznieyszego, potrzebnieyszego y pożytecznieyszego Oyczyźnie uważam, iako abyś W. X. M. z woyski Wielkiego Xięstwa Litewskiego wpadł w Ukrainę y siły tego Nieprzyziaciela rozrywał. Jezeliby tesz na Szlak Czarny chciał się obrócić y woysk J. K. Mśc. gdzie koło Białocerkiewskiej Pawłoczcy y tey tu Ukrainy czekać, życząc tego W. X. M. y gorąco et per amorem Patriae proszę abyś W. X. M. z woyski naszym coniungere raczył et unita virtute do pogromu Nieprzyziaciela y Oyczyzny uspokojenia, chciał dopomoc (л. 42—43 об. Львовъ. 13 августа).

⁵⁾ По давнымъ въ статьѣ Новицкаго объ Адамѣ Киселѣ (Кіевская старина т. XIII. 1885 г.) онъ оказывается умершимъ ранѣ февраля 1653 г., по Ерличъ (I, str. 144) говоритъ, что онъ умеръ будучи на сеймѣ въ Брестѣ Литовскомъ (съ 24 марта по 12 апрѣля), а погребенъ 17 іюня (str. 186).

восточной границы, изъ-за которой идут слухи о приготовленіи Москвы къ войнѣ (л. 48 об.—50).

Письмо къ Кіевскому воеводѣ, содержащее тѣ же соображенія о необходимости обезпеченія литовской границы со стороны Москвы и о недостаточности войскъ для исполненія двухъ задачъ, кончалось выраженіемъ готовности Януша служить къ успокоенію отчизны и идти при возможности хоть въ Бахчисарай¹⁾ (л. 50—50 об.).

31-аго августа Янушъ отправилъ различныя, полученныя имъ отъ развѣдчиковъ, вѣсти о казакахъ и Москвѣ въ коронный лагерь при письмѣ коронному гетману, изъ котораго скопирована однако лишь первая строка. 6-аго сентября въ Рѣчицѣ все войско было выведено въ поле и переписано писаремъ польнымъ. Въ пришедшемъ въ тотъ же день письмѣ отъ короннаго канцлера сообщалось, что уже подъ Глинянами стало ясно, какъ трудно чего-либо достигъ bello offensivo; далѣе указывалось, какой опасности подвергся бы Янушъ, если бы пошелъ на соединеніе съ короннымъ войскомъ, уклонившимся въ сторону, но все же выражалась надежда на помощь Януша въ случаѣ энергичнаго наступленія казаковъ на коронное войско²⁾.

Отвѣчая 8-аго сентября на письмо это Янушъ сообщалъ снова о военныхъ приготовленіяхъ за Московской границей, о чемъ онъ писалъ уже „брату Колюшешу“,—т.-е. кн. Богуславу Радзивилу,—описывалъ жалкое состояніе литовскаго войска, обнаружившееся на переписи его: голодъ и болѣзни нанесли ему такой уронъ, какого не сдѣлала бы битва съ врагомъ; сообщалъ, какъ „всѣ объявили, что служить долѣе срока, 9-аго ноября, не будутъ“, и т. п. (л. 55—56 об.).

Этимъ письмомъ кончается переписка кн. Януша, внесенная въ его „Діаріушъ 1653 года“, который обрывается 12-ымъ сентября. Но и приведенныхъ выдержекъ изъ переписки Януша за это время достаточно, чтобы видѣть явное его нежеланіе повторять столь безрезультатный въ сущности походъ въ глубь Украины, какой удалось ему счастливо осуществить въ 1651 году. Положеніе вещей сознавалъ онъ, очевидно, яснѣе, чѣмъ король, столь упорно стремившійся къ сомнительнымъ лаврамъ Жванца.

Эта незаконченность дневника похода кн. Януша въ 1653 г. особенно досадна для нашей темы потому, что, какъ говорено уже было выше (стр. 263, 266), она лишаетъ насъ возможности точно судить о достовѣрности подписи подъ однимъ изъ издаваемыхъ рисунковъ (см. табл. XIII, рис. 6): мы остаемся въ невѣдѣніи, принималъ ли кн. Янушъ въ 1653 г. въ Горвалѣ посланцевъ отъ Хмѣльницкаго. Выше указаны были основанія, по которымъ намъ казалось болѣе вѣроятнымъ относить изображенное событіе еще къ 1651 году; въ пользу же достовѣрности подписи можно привести лишь одно обстоятельство, а именно, что на картинѣ, находившейся нѣ-

¹⁾ Osobliwie si per rationes licebit y dopomożenia miley W. M. M. P. Company nie tylko na Czarne szlaki, ale do samego Bakcesseraiu byle nam tylko Murawski szlak nie powariował conceptów (л. 50 об.).

²⁾ Uwasz że tedy W. X. M. iakobys się był zawiódł, gdyby się był ku nam in conjunctionem ruszył a my wbok idziemy zkąd in quovislibet zostawał periculo od nieprzyiacela, iacno osądziysz... Jeśliby jednak na nas Nieprzyiaciel wielką nastąpił potęgą przyszloby W. X. M. pod ten czas rzeczy po plecach swych obaczywszy czynic coś zawsze zwykł z wielką sławą swoją y pożytkiem Rzptey... (л. 53 об.—54, полторы мили отъ Гологоръ, безъ числа).

когда въ Несвижскомъ замкѣ, этотъ приемъ посольства являлся подъ именемъ „Горвальской экспедиціи“ (см. выше стр. 319), каковое обозначеніе вполне подходитъ къ походу 1653 года; но, т.-к. года въ латинской подписи подъ картиною не было, а указаніе Горваля, какъ мѣста приема посольства, могло быть вѣрнымъ и для 1651 г. (см. выше стр. 262), то вопросъ остается неразрѣшимымъ. Подобайло упоминается какъ черниговскій полковникъ въ 1653 г. неоднократно¹⁾ онъ могъ поэтому стоять во главѣ посольства и теперь, если Хмѣльницкій дѣйствительно посылалъ въ этомъ году посольство къ Якушу въ Горваль.

Какъ долго Янушъ пробылъ въ 1653 г. при войскѣ, точно я не знаю: судя по датамъ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ писемъ его²⁾, онъ былъ тамъ еще въ началѣ ноября: въ послѣднемъ изъ писемъ этихъ (отъ 8 ноября) онъ сообщалъ великому гетману литовскому Кишкѣ о томъ жалкомъ состояніи, въ которое пришло войско велѣдствіе болѣзней и голода въ разоренной странѣ, гдѣ пришлось ему такъ долго стоять въ ожиданіи соединенія съ войскомъ короннымъ, которое ушло далеко, за Днѣстръ, оставивъ въ тылу беззащитными границы Польши и Литвы: Янушъ извѣщалъ Кишку о намѣреніи послѣ окончанія срока службы войска³⁾ размѣстить его на зимовку по границамъ Полѣсья, Волыни и отчасти у границы Московской.

Весьма горячо излагалъ Янушъ свое недовольство образомъ дѣйствія Польши относительно Василія Лупулы и способомъ веденія войны съ казаками въ письмахъ примасу Андрею Лещинскому (Kotłubaj, str. 389—393) и кн. Богуславу Радзивилу (ibid., str. 383—386). Но во всѣхъ этихъ извѣстныхъ мнѣ документахъ 1653 года нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы заключать о существованіи какого-либо соглашенія между кн. Янушемъ и Хмѣльницкимъ; на дѣлѣ, однако, Литва осталась въ эту кампанію, въ которой принималъ личное участіе король, нейтральною, и казаки съ своей стороны держались относительно Литвы также выжидательно. Дѣйствительно ли Янушъ не могъ, или лишь не хотѣлъ, идти на соединеніе съ королемъ, рѣшить теперь, конечно, едва ли возможно, но, повидимому, такой походъ былъ бы дѣйствительно слишкомъ рискованъ какъ для войска, такъ и для безопасности Литвы: исторія похода 1651 года, на которую и ссылался Янушъ, показала уже бесполезность для дѣла, хотя бы и успѣшныхъ, временныхъ военныхъ удачъ, и Янушъ былъ правъ, когда писалъ примасу: „не годилось мнѣ *pro fide iurejurando obstricto* добывать (себѣ) славу *ex rebus gestis* такими средствами, которыя могли бы быть вредными для вольности отчизны, *custodiae nostrae* порученной“ (Kotłubaj, str. 389).

Вѣсти, приходившія въ Москву, свидѣтельствуютъ, что кн. Янушъ распустилъ литовское войско и уѣхалъ изъ лагеря подъ Рѣчицей гораздо ранѣе, чѣмъ король

1) *Diaryusz 1653 roku* л. 17, 31 об., 61 об.; Акты Ю. и З. Россіи. X. ст. 269.

2) Отъ 27 сентября изъ Горваля—Вилейскій Сборникъ. VIII, стр. 367—368; отъ 10 октября изъ Рѣчицы—Kotłubaj, str. 389—393; отъ 18 октября изъ Горваля—Kotłubaj, str. 383—386; отъ 8 ноября изъ Рѣчицы—Kotłubaj, str. 351—353.

3) Срокомъ службы указывается 9 ноября (Kotłubaj, str. 353 и 386 и „*Diaryusz*“ 1653 г., л. 55 об.). Котлубай (str. 189) пишетъ, однако, что Янушъ разставилъ войско на зимнія квартиры, лишь получивъ извѣстіе о договорѣ подъ Жванцемъ (16 декабря.)

и его войско вернулись из опаснаго похода подъ Жванецъ, причемъ казаки прямо говорили, что литовскій гетманъ не хотѣлъ помогать королю, что можно усматривать и въ изложенной выше перепискѣ, но о какихъ либо соглашеніяхъ его съ Хмѣльницкимъ и здѣсь упоминаній не находится ¹⁾.

Повидимому, ни казаки, ни литовцы не желали или не рисковали переступить опустошенную и безлюдную полосу, ихъ раздѣлявшую: Любечъ сожженъ былъ казаками изъ опасенія, чтобы литовцы въ немъ не укрѣпились, а Лоевъ въ наказаніе за отказъ хлоповъ идти въ Черниговъ въ казацкое войско (л. 30).

Въ „Діаріушѣ“ упоминается лишь о развѣздахъ, о добываніи „языковъ“, о стычкахъ съ какими-то „лѣсунами“ (л. 49: lesuny; л. 57: lesiuny).

Есть, однако, извѣстія о какой-то побѣдѣ надъ четырьмя или пятью тысячами казаковъ, одержанной литовцами на Днѣпрѣ или у Мозыря ²⁾.

Шляхтичъ Пероцкій изъ Рѣпокъ, служившій челядиномъ у митрополита, „объ оборонѣ Чернигова разсказалъ, что только валь (тамъ) караулили (obwartowali), мѣщане (же) тамошніе просятъ Бога, чтобы войско (литовское) пришло, тотчасъ же думаютъ (они) поддаться“ (л. 31 об.); по его же показаніямъ, въ Кіевѣ ждали снова польскаго или литовскаго нашествія, и на Днѣпрѣ какъ у горожанъ, такъ и у Хмѣльницкаго, стояли челны съ добромъ, приготовленнымъ для отправки внизъ по рѣкѣ ³⁾. Имѣются указанія и на то, что Хмѣльницкій ждалъ, видимо, открытія военныхъ дѣйствій и со стороны Литвы: онъ часто писалъ Золотаренку, нѣжинскому полковнику, чтобы тотъ остерегался Литвы (л. 61), то же писалъ ему и Выговскій, (Акты Ю. и З. Р. X, ст. 163).

Но теперь кн. Янушъ, обращалъ свое вниманіе болѣе въ другую:—московскую сторону, откуда начали приходять вѣсти о военныхъ приготовленіяхъ: въ „Діаріушѣ“

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 156: (17 ноября ст.ст. въ Путивлѣ) „слухъ де есть, что Родивиль поѣхалъ до короля, а на своемъ мѣстѣ для обереганья съ ратными людьми оставилъ товарища своего“; ст. 174: (казацкіе развѣдчики) „вздили по литовскимъ городомъ четыре недѣли и никого въ литовскихъ городѣхъ ратныхъ людей нѣтъ; а Янушъ де Радивиль съ войскомъ стоялъ въ Гречюшнѣ, отъ Чернигова миль съ дватцать, а изъ Гречюшни де вышелъ и съ войскомъ, а куды пошелъ того невѣдомо, а у короля де его нѣтъ же“; ст. 169 (5 декабря въ Путивлѣ): „а Янушъ де Родивиль стоялъ съ войскомъ противъ Чернигова и войско литовское ропустилъ и самъ поѣхалъ въ свои маестности, а королю не помогаетъ“; ст. 175 (начало декабря, изъ Чигирина): „у Родивила де было собрано его маестности войска тысячъ съ тритцать и стоялъ въ своей маестности и съ войскомъ многое время, а нынѣ де онъ войско ропустилъ, а къ королю въ помочъ итти не похотѣлъ“.

²⁾ Michałowski. Księga Pamiętnicza., str. 689: *Xiążę Radziwiłł pisałъ u Dniepru czterę tysiące kozaków rogaził* (письмо отъ 19 октября 1653 г.).

Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 39—40: „охотниковъ и волныхъ людей Черкасъ тысячъ съ пять ходили въ литовскіе города для своей добычи, и тамъ де они въ литовскихъ городѣхъ издобылись; и какъ де они пошли назадъ, и литовскіе де люди подъ литовскимъ городомъ Мазыринимъ побили многихъ, а сколько побито того не вѣдаютъ, а пришло де Черкасъ назадъ тысячи съ двѣ, и тѣ пѣши, а иные идутъ назадъ“ (вѣсти изъ Прилукъ отъ 7—8 октября ст.ст.).

³⁾ *Metropolita u ze wszystkim Duchowienstwem w Kiiowe zostaie. Baydaki czolny urozone ze wszystkim stoia na Dnieprze. Mieszczanie Kiiowscy srodze zyczą pokoiów do których u listi od Hetmana Coronnego czerniec oddałъ żeby się nie bawili oznaymuiącъ zem iużъ Panemъ waszymъ zostałъ.*

W skarbachъ Chmielnickiego to powiedzałъ, że w Burynie [Бужинѣ] na Baydakachъ u czolnackъ zостаia gdyzъ myśli umykać zъ nimi nie dufalącъ w potędze swojej.

(Л. 31 об.—32; допросы присланы Мирскимъ изъ Рѣчицы при письмѣ отъ 4 августа).

немало донесеній оттуда и описаній беззащитности литовской границы съ этой стороны; не внушали довѣрія и бѣлоруссы: Кирилль, сотникъ боровицкій, показывалъ, что Могилевцы возятъ казакамъ порохъ, прикрывая его табакомъ (л. 32—32 об.). Судья мозырскій, возвратясь изъ Могилева, докладывалъ Янушу о настроеніи бѣлоруссовъ, что они готовы дать отпоръ одной Москвѣ, если съ казаками установится миръ, но отражать тѣхъ и другихъ считали непосильнымъ (л. 54 об.).

Насколько вѣрно отражали собранныя судьей свѣдѣнія о настроеніи бѣлоруссовъ ихъ истинныя намѣренія, судить, конечно, трудно. Иначе смотрѣли на вѣрность бѣлоруссовъ Литвѣ казаки: Подобайло, стоявшій со своими казаками у литовской границы, называлъ себя союзникомъ Москвы¹⁾, Выговскій говорилъ московскимъ посланцамъ, что у него въ Бѣлой Руси много друзей, которые не замедлятъ велѣдъ за Малой Россіей привести подъ царскую руку и Бѣлую, и среди нихъ онъ называлъ того шляхтича Поклонскаго, который потомъ дѣйствительно содѣйствовалъ одно время русскому завоеванію Бѣлороссіи²⁾.

Опасенія московскаго нашествія, которыми были полны письма кн. Януша осенью 1653 года, свидѣтельствуютъ о его проицательности: въ Москвѣ 1-го октября заседалъ, какъ извѣстно, земскій соборъ, рѣшившій вопросъ о принятіи Малороссіи подъ царскую руку и о войнѣ съ Польшею³⁾.

Однимъ изъ аргументовъ было обвиненіе Польши въ намѣреніи начать войну съ Москвою, какъ только удастся помириться съ казаками, для того, чтобы дать иное примѣненіе ихъ воинской энергій: въ доказательство существованія такого плана московское правительство ссылалось на рѣчи кн. Януша: „въ вѣстяхъ объявилось, . . . литовскій де гетманъ Радивиль говорилъ: будетъ они съ войскомъ Запорожскимъ ничего не учинять, и они тотчасъ съ ними помирятся и пойдутъ на государеву землю войною“ (Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 15—16).

И дѣйствительно еще 14 іюля (ст. ст.) 1651 г. Выговскій допрашивалъ взятыхъ въ плѣнъ подъ Боролянцемъ поляковъ, а „въ роспросѣ говорили тѣ поляки: слышели де они отъ Радивила, что король и сенатори съ козаками миръ учинить хотятъ . . . Да Радивиль же де говорилъ . . . и имъ [полякамъ] де, хотя на себя поступить, а съ козаками бѣ миръ учинить, потому что хочеть быть непріятелемъ Московской царь; а помирясь де съ козаками, король и сенатори конечно мыслятъ съ Московскимъ государемъ войну вечать для того, чтобъ межуособную войну въ Польши и въ Литвѣ съ козаками успокоить“ (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 471).

Выговскій же 19 августа (ст. ст.) 1653 писалъ царскому посланцу Ивану Фомину, „что Васко Томиленко въ послѣхъ ходилъ къ Радивилу отъ Войска Запорож-

¹⁾ Kochowski. I, p. 392: Etiam in Lithuaniam cum Cosacis Podobaylone dimisso, qui se isthic Lithuanis metuendum Moschis socium ostentaret.

²⁾ Акты Ю. и З. Россіи. X: ст. 132 (27 декабря 1653; о Бѣлой Руси вообще); ст. 245 (10 января 1654; о Могилевѣ и др. городахъ и о Поклонскомъ); ст. 598—599 (10 мая 1654; о Могилевѣ).

³⁾ См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. III. 1822, стр. 481—489. № 157; Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. I. 1830, стр. 293—301; Акты Южн. и Западн. Россіи. X. 1878, ст. 1—18.

ского и самъ слышалъ, что Литва съ Лях(и) хотятъ насъ ратию побѣ(ждать и), смирившия съ Войско(мъ Запорожскимъ), на Москву итти и его царское величество ратовати* (Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 495).

Въ Москвѣ рѣчамъ и роли кн. Януша придавали, повидимому, слишкомъ преувеличенное значеніе, что ясно видно изъ записей Павла Алеппскаго ¹⁾.

Походъ короля съ короннымъ войскомъ подъ Жванецъ кончился договоромъ 16 (6) декабря съ Крымскимъ ханомъ, опять отступившимся отъ Хмѣльницкаго; съ послѣднимъ же никакого договора король, собиравшійся было зимовать въ Кіевѣ, не заключилъ; такимъ образомъ и этотъ походъ не далъ Польшѣ желаемыхъ результатовъ. Между тѣмъ въ Украину ѣхали уже царскіе бояре. 9 (19) января въ Чигиринѣ Хмѣльницкій со старшиною присягалъ на вѣрность Алексѣю Михайловичу, а 16 (26) царскіе посланцы, за полторы версты недоѣзжая до Золотыхъ Воротъ, слушали уже привѣтственную рѣчь кіевского митрополита, а въ Золотыхъ Воротяхъ встрѣчены были крестнымъ ходомъ. Эта встрѣча была, повидимому, для Сильвестра Коссова гораздо тяжелѣе, чѣмъ привѣтствія литовскому гетману въ 1651 году: Бутурлинъ въ тотъ же день сталъ дѣлать ему запросы о его недостаточно горячемъ отношеніи къ подданству Украины Москвѣ ²⁾.

Извѣстны и дальнѣйшія столкновенія Сильвестра Коссова съ московскими боярами по вопросамъ о присягѣ митрополичьихъ слугъ и о принадлежавшей митро-

¹⁾ Путешествіе патриарха Макарія—пер. Муркоса. II, стр. 13: „Разсказываютъ, что ляхи выслушавъ это (т.е. требованія Алексѣя Михайловича) воспротивились въ особенности одинъ, по имени Радзивиль, зять Василя, господаря Молдавіи, который былъ великимъ гетманомъ и независимымъ въ той странѣ, а также и многіе другіе. Говорятъ, что король давалъ свое согласіе, да тѣ не захотѣли“ . . . ; стр. 176: „Этотъ проклятый—самый важный изъ польскихъ вельможъ; онъ великій гетманъ правитель большой, известной области, называемой Мулитфа, и этой Смоленской области, которую завоевалъ его отецъ. Его владѣніе—лучшая часть страны ляховъ, ибо все оно состоитъ изъ сильныхъ каменныхъ укрѣпленій и занимаетъ пространство на два мѣсяца пути, именно отъ города Кіева почти до известнаго города Данска, который служить портомъ всей страны ляховъ. Его боялся даже король и лишь онъ одинъ противился желанію царя, потому что онъ великій ненавистникъ всего рода православныхъ, тиранъ и упрямецъ . . . ; стр. 177: „Онъ презрительно отозвался о царѣ въ присутствіи пословъ, присланныхъ къ королю, говоря: „Онъ не король московскій и не царь, ступайте, скажите ему, что я иду на него самъ лично“. Все это отъ его гордыни и высокомерія, король же того не желалъ. Услышавъ это, царь сильно разгнѣвался и отправилъ къ ляхамъ другихъ пословъ, требуя что бы они заключили миръ“ . . . „Но этотъ окающий не хотѣлъ, пока Господь не уничтожилъ хвостовства его гордыни, какъ объ этомъ мы впоследствии разскажемъ“.

На дѣлѣ кн. Янушъ не видалъ московскихъ посольствъ (Соловьевъ. Исторія Россіи. т. X, изд. 1869 г., стр. 234—242, 262—263, 271—275).

²⁾ Акты Ю. и З. Россіи. X, 1878, стр. 252—254; ср. 315—316; 709—710. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. X, изд. 1869, стр. 288—289; Н. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. III, изд. 1884 г., стр. 133—135: „По свидѣтельству очевидца, православнаго священника, отецъ митрополита отъ жали обумиравъ и все бывшее съ нимъ духовенство за слезами свѣта не видѣли“, со ссылкой на рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

Пользуюсь случаемъ сдѣлать поправку къ предыдущему: посланіе Сильвестра Коссова царю, изъ котораго я сдѣлалъ выписку на стр. 285, оказывается изложеннымъ уже С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи. т. X, изд. 1869 г., стр. 287—288); моя выписка, кажется, не вполне точна; Соловьевъ пишетъ: „а я отъ многихъ павяздовъ властелинскихъ, которые властели прѣзжаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ козацкихъ старшинъ“; 10 іюля (см. стр. 285, пр. 1) состоялся не отгнѣтъ царя, а резолюція его: оставить просьбу безъ исполненія, потому что митрополитъ не подписался на грамоту своею рукою.

полні території Старого Города, стратегическое значеніе которой оцѣнено было и боярами (ср. выше, стр. 282), избравшими ее для постройки новой крѣпости¹⁾.

Эта постройка имѣла важное значеніе для всей послѣдующей исторіи города Кіева и измѣнила, конечно, виѣшній видъ его. Воздвигнутыми вновь воротами, бастионами, окопами и т. п. съ новыми именами ихъ городище было такъ измѣнено, что о старомъ Кіевѣ, современномъ издаваемымъ нами рисункамъ 1651 года, судить во многихъ отношеніяхъ теперь очень трудно.

Этотъ новый, московскій, Кіевъ извѣстенъ относительно очень хорошо, какъ по отдѣльнымъ извѣстіямъ о построеніи крѣпости и по цѣльнымъ описаніямъ ее, такъ и по общему виду Кіева 1691 г. и по плану его 1695 года²⁾.

Напротивъ того для предыдущаго періода топографическія данныя, хотя и не малочисленныя, приходится извлекать изъ разнородныхъ историческихъ и судебныхъ документовъ, графическое же изображеніе Кіева на планѣ Киевопечерской Лавры 1638 года неизвѣстнаго кіевского гравера, приложенномъ къ Тератургимѣ Аванасія Кальнофойскаго, столь несовершенно, что во многихъ пунктахъ возбуждаетъ болѣе вопросовъ, чѣмъ уясняетъ ихъ³⁾. Потому-то рисунки 1651 года, пред-

¹⁾ Соловьевъ, стр. 289—292; Костомаровъ, III, стр. 134—135, 161—165; Акты Ю. и З. Россіи, X, ст. 255—259, 504—506, 545—546; Карповъ, Кіевскій митрополитъ и московское правительство въ 1654 году (Православное Обзорніе, 1871, II, стр. 172—195, 308—327).

²⁾ Донесенія воеводъ въ 1654 году объ осмотрѣ Старокіевского городища и проектъ укрѣпленій см. Акты Южн. и Зап. Россіи, X, 1878, ст. 386—388, 391—392, 399, 400, 408, 413, 545; (ср. ст. 362—264).

Роспись наряду и казны 1658 г.—Акты Ю. и З. Россіи, XV, 1892, ст. 218—222; о крѣпостныхъ работахъ 1658 г. тамъ же ст. 284—285.

Роспись Кіева 1661 г.—Акты Южн. и Зап. Россіи, VII, 1872, стр. 328—Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева, Кіевъ, 1874, отдѣлъ III, стр. 87—88.

Донесеніе воеводы кн. Н. Я. Львова о работахъ 1665 г.—Акты Ю. и З. Россіи, V, 1867, стр. 309—310—Сборн. Матер. III, стр. 88—90.

„Роспись Киеву“ 1682 г.—Чтенія въ Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ, 1858 г. кн. II, отд. II, стр. 59—68—Закревскій, Описаніе Кіева, 1868, стр. 900—904—Сборн. Матеріал. III, стр. 96—103.

Видъ Кіева съ Дуѣпра находится на огромной аллегорической гравюрѣ Иннокентія Щирскаго, помѣченной 1791 г. и склеенной съ академическимъ тезисомъ: *Conclusiones Philosophicae* Іоанна Обѣдовскаго; по предположенію Д. А. Ровинскаго гравюра эта—таже, что и привезенная въ Москву въ 1689 году, но на ней стертъ портретъ царевны Софіи; описанія ее и мелкія фототипическія воспроизведенія см. у Ровинскаго: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, II, 1889: изд. безъ рис. ст. 1290—1298, изд. съ рис. III, ст. 1523—32; Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XVIII вв. II, 1895, ст. 1232—1235. Болѣе крупное фототипическое воспроизведеніе см. въ изданіи (В. В. Стасова): Галерея Петра Великаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ, С.-П.Б. 1903, 4^о, табл. V, см. стр. 2—3.

Планъ Кіева, составленный въ 1695 г., Изданіе Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1893 г. Оригиналъ, „сдѣланный подполковникомъ Ушаковымъ“, находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; изданная же копія Д. М. Струкова оказывается не безупречной (см. напр. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1905, № 6, т. II, стр. 444, пр. 1).

³⁾ (Митр. Евгеній) Описаніе Киевопечерской Лавры, Кіевъ, 1826 г., табл. № I: „Видъ строенію Киевопечерскія лавры въ 1638-мъ году“; гравюра на мѣди, уменьшенная противъ оригинала размѣра, нѣкоторыя №№ переставлены; объясненія ихъ на стр. 146—149. Эта же гравюра издана въ размѣръ оригинала, но безъ №№, въ болѣе точной литографской копіи Фундуклеемъ (Обзорніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, Кіевъ, 1847, къ стр. 68): „Видъ пещеръ копированный съ рисунка 1638 года“ въ списокъ рисунковъ (стр. 110) значится подъ № 40, какъ „Старинный планъ Киевопечерской Лавры, 1635 года; изъ Тератургимы Кальнофойскаго“; въ печаткахъ (стр. 110) исправлена подпись подъ таблицею: „видъ Лавры“, вм. „видъ пещеръ“, но ошибка въ годъ на стр. 110 оставлена безъ исправленія. Еще точнѣе литографская же копія съ надписью: „Планъ Кіева А. Кальнофойскаго, 1638 г. (табл. III)“, при-

составляющие различныя части въ строго реальномъ видѣ и, по всей видимости, съ большою точностью, и являются столь важнымъ матеріаломъ для его исторической топографіи. Отсутствие на этихъ рисункахъ какихъ бы то ни было укрѣпленій, кромѣ замка на Киселевкѣ, на кievскихъ горахъ въ связи съ указаннымъ выше (стр. 213) тожествомъ общаго вида Кіева (см. табл. III) съ медалью 1651 года (см. табл. II, рис. 1) исключаютъ допустимость какихъ бы то ни было гипотезъ о позднѣйшемъ происхожденіи оригинальныхъ рисунковъ Вестерфельда, къ чему, однако, какъ мы увидимъ ниже, могли бы дать поводъ нѣкоторыя подписи подъ копіями XVIII вѣка.

Этотъ рѣшительный оборотъ украинскихъ дѣлъ былъ, повидимому, для литовскаго гетмана неожиданъ: въ письмѣ своемъ Хмѣльницкому, писанномъ въ это время, Янушъ высказывалъ ему прежнія надежды на его миролюбіе, и въ этомъ предположеніи и послалъ было на постой въ Стародубъ свои хоругви, которыя однако были оттуда выгнаны нѣжинскимъ полковникомъ Иваномъ Золотаренкомъ¹⁾.

Въ то же примѣрно время, когда хоругвямъ пришлось уходить во-своеи, Янушъ, очевидно по королевскому указу, писалъ въ Заблудовѣ уже универсалъ, увѣщавающій казаковъ, „чтобъ . . . того ярма горшого, нежели поганской неволи, на себя не беручи“, они переходили или цѣлыми полками или по одиночкѣ въ войска, коронное или литовское, или къ самому Янушу; онъ писалъ имъ: „яко же видимо вамъ, что я розлитія крови христіанскіе николи не желалъ есми, но до згоды и святого покою думалъ есми; а нынѣ емлю васъ на душу свою, что никому волосъ со главы не спадеть, и о всемъ за такую добродѣтель и желаніе всякій, особно съ старшины, которая бѣ къ тому руководствомъ была, противъ всякого годности, пристойную нагороду отнесетъ“²⁾.

Весьма интересно, что хотя этотъ универсалъ распространялся одновременно съ королевскимъ (отъ 21 февраля), но и казаки и москвичи ббольшую опасность придавали, повидимому, „прелестнымъ письмамъ Радивиля“, нежели короля³⁾.

ложенная къ книгѣ Н. М. Петрова: Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ. 1897. (Изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1896 и 1897 г.) и исполненная по III таблицѣ изданія Ханенка.

Фототипически въ натуральную величину всѣ три плана I и II — пещеры дальнія (св. Феодосія) и ближнія (св. Аятонія) изданы были въ 1896 г. Б. И. Ханенкомъ подъ заглавіемъ: „Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года“. Третья и четвертая [двѣ перевернутыя по гипотезѣ Н. И. Петрова части гравюры] таблицы этого самаго изданія приложены къ статьѣ С. Т. Голубева: „О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года“ въ XII т. Чтеній въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, отд. II стр. 20—26 (и отдѣльно: Кіевъ. 1898. 8°. 79 стр.). Эта статья является разборомъ и опроверженіемъ неудачной гипотезы Н. И. Петрова (въ 1893 г. и позднѣе, напр. въ „Очеркахъ“) о томъ, якобы нѣкоторыя части вида (скорѣе чѣмъ плана) Старога Города вырѣзаны граверомъ навыворотъ: лѣво на право. Теперь самъ Н. И. Петровъ отказался отъ этой гипотезы (см. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1905, № 6, т. II, стр. 463, пр. 3).

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 327—330. Письмо отъ 5 февр. 1654 изъ Краснаго Двора; начало письма въ русскомъ переводѣ: „Милостивый пане гетмане войска Запорожского! Надежень будучи, яко ваша милость передъ тѣмъ желалъ успокоенья Рѣчи Посполитой, такъ и теперь, коли уже стало додерживать его захочешь, послалъ есмь нѣкоторые хоругви на лежу до Стародубщины“ и т. д.

О дѣйствіяхъ казаковъ противъ нихъ см. тамъ же, ст. 541—542, ср. 349—350.

²⁾ Весь универсалъ въ русскомъ переводѣ: Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 551—554. Помѣчанъ онъ такъ: „Въ Заблудовѣ мѣсяца 24 (очевидно февраля) лѣта отъ Рождества Христова 1654“.

³⁾ Королевскій универсалъ. Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 549—552. Про оба универсала говорится тамъ же ст. 543—544, 553—554, 559, 561, 562, 564, 565, 570; только о Радзивилловскомъ ст. 543, 550.

Украина, какъ мы видѣли уже выше, дѣйствительно была тѣснѣе связана съ Литвою, чѣмъ съ Польшею; особенно это касалось духовенства: Θεодосій Василевичъ, тогдашній настоятель Михайловскаго Златоверхаго монастыря въ Кіевѣ, былъ, напри- мѣръ, одновременно и архимандритомъ слѣдующимъ и, слѣдовательно, стоялъ въ мате- ріальной зависимости отъ кн. Радзивиловъ, какъ владѣтелей Слѣдующаго. Новые кіевскіе воеводы Бутурлинъ и Волконскій требовали отъ него объясненій, затѣмъ ѣздить онъ въ Литву, и вновь ѣхать туда не пустили¹⁾. Однако митрополиту кіевскому удалось таки приехать въ Варшаву на сеймъ двухъ чернецовъ, которые отъ имени его и кіевскаго духовенства просили короля о скорѣйшемъ содѣйствіи къ изгнанію московскихъ людей изъ Кіева (Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 773).

На этотъ же сеймъ 1654 г. (11 февраля—28 марта) пріѣзжалъ въ Варшаву и кн. Янушъ. Унизительный договоръ короля съ крымскимъ ханомъ, безрезультатность похода въ отношеніи къ казацкой смутѣ, явная опасность московскаго нашествія, все это давало поводъ къ горячимъ спорамъ, рѣзкимъ нападкамъ на короля и раз- сужденіямъ о необходимости новаго сбора и снаряженія войскъ; этотъ важнѣйшій общій вопросъ осложнялся другимъ частнымъ, который занималъ пословъ видимо больше перваго: а именно, почему король не роздалъ обѣихъ булавъ великихъ гетмановъ: коронной и литовской, освободившейся, наконецъ, послѣ смерти Януша Кишки, и кому долженъ онъ вручить ихъ? Сеймъ былъ сорванъ, не разрѣшивъ вопросовъ, а король гетмановъ не назначилъ²⁾.

На должность великаго гетмана Литовскаго первымъ и единственнымъ канди- датомъ былъ, конечно, гетманъ польный—кн. Янушъ; но онъ, какъ диссидентъ, не пользовался довѣріемъ короля (см. выше стр. 242, 254, 255) и многихъ польскихъ и литовскихъ пановъ. Судить о томъ, насколько основательны были подозрѣнія о желаніи его стать въ Литвѣ самостоятельнымъ княземъ (Kotlubaj, str. 135), я по отсутствію у меня матеріаловъ не могу; но, что такія мысли могли приходить ему въ голову, это весьма вѣроятно, какъ по наличности соблазнительныхъ успѣховъ запорожскаго гетмана, такъ и по позднѣйшему проекту ближайшаго къ Янушу челоуѣка, кн. Богуслава Радзивила, сдѣлаться самостоятельнымъ удѣльнымъ княземъ Слѣдующимъ³⁾.

Въ универсалѣ кн. Януша особенно оскорбительнымъ казалось начало, гдѣ говорилось о вѣро- ломствѣ Москвы и объ увѣренности въ скоромъ ей за то отмщеніи. Хмельницкій въ письмѣ отъ 21 марта 1654, прося скорѣйшаго подтвержденія царемъ казацкихъ привилегій, прямо пугаетъ его этимъ универсаломъ: „аще бо ихъ твое царское величество не обвеселитъ и не пожалуетъ тѣмъ всѣмъ, учнутъ что дурного мыслити по предести Радзивиловой“ (тамъ же, ст. 549—550).

¹⁾ См. донесеніе ихъ царю отъ 4 марта 1654—Акты Ю. и З. Росс. X, ст. 393—394. Однако черезъ годъ онъ былъ уже въ лагерѣ кн. Януша и писалъ оттуда „прелестныя письма“ Могилевцамъ, при- сажнувшимъ царю (Акты Ю. и З. Россіи. XIV, 578—584), о чемъ рѣчь будетъ ниже.

²⁾ Kochowski. I, p. 417—419; Rudawski. p. 140—141; *Theatrum Europaeum*. VII. S. 610; *Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora* wydana przez Edw. Raczyńskiego. Poznań. 1842. I, str. 183—184; *Pamiętniki o woynach kozackich za Chmielnickiego przez nieznanego autora*. W Wroclawiu. 1842, str. 133—134. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, 1884. III, стр. 152—153.

³⁾ Въ 1656 г. этого требовали, якобы, шведскій и французскій короли. (Соловьевъ. *Исторія Рос- сіи*. X, 1869, стр. 361). Въ началѣ 1657 года заключенъ былъ договоръ между казаками и шведами, по которому кн. Богуславъ получалъ княжество Слѣдующее на правахъ удѣльнаго (см.: Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882, стр. 211).

Самъ кн. Янушъ не оставался, конечно, безучастнымъ въ различныхъ вопросахъ и интригахъ, связанныхъ съ полученіемъ давно желанной (см. выше стр. 254) имъ булавы, и этотъ „приватный“ интересъ, разумѣется, не мало вредилъ его дѣятельности для предстоящей защиты Литвы; но и помимо того постоянные въ теченіе шести лѣтъ сборы пляхты въ лагеря и походы сильно ослабили, конечно, ея способность къ службѣ, а связанное съ тѣмъ же разстройство финансовъ затрудняло и пользованіе лучшими войсками—наемными; наемниковъ легко было переманивать съ польской или литовской службы на московскую¹⁾.

Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ походъ 1651 г. оставилъ такую память, что и теперь боялись новаго появленія тамъ кн. Януша съ литовскимъ войскомъ: небольшой польскій отрядъ появившійся въ тридцати верстахъ отъ города кіевляне сочли разбѣздомъ наступающаго литовскаго гетмана²⁾; о такомъ же якобы планѣ лѣтней кампаніи 1654 г. говорили казаки московскимъ посланцамъ, настаивая на скорѣйшемъ началѣ войны съ Польшею³⁾.

Въ дѣйствительности, однако, теперь, когда положеніе Литвы стало еще болѣе опаснымъ, чѣмъ было въ 1653 г., кн. Янушъ не могъ, конечно, и думать о столь рискованномъ походѣ и ограничивался принятіемъ кое-какихъ оборонительныхъ мѣръ, ожидая нашествія новаго врага изъ-за московской границы, какъ то и сообщали въ Украину вѣсти болѣе достовѣрныя⁴⁾. Онъ не терялъ впрочемъ надежды

Выговскій также мечталъ о Слуцкомъ княжествѣ, но довольствовался, видимо, положеніемъ польскаго магната, для чего и торговалъ въ 1659 г. Слуцкъ у кн. Богуслава: см. Łukaszewicz. Dzieje Kościółów wuznania helweckiego w Litwie, I, str. 300.

¹⁾ См. напр. Акты Ю. и З. Росс. X, ст. 572, о вѣнкомъ лотарингцѣ, который до перехода на царскую службу побывалъ и въ Варшавѣ, и въ литовскомъ войскѣ; онъ привелъ съ собой изъ Польши 1500 драгуновъ (Theatr. Europ. VII. S. 615), о немъ же—Grabowski. Ojezyste Spomniki, I, str. 101.

²⁾ См. Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 398—399, донесеніе изъ Кіева кн. Куракина и Волконскаго отъ 17 марта: „... чають тѣ люди приходили для язиковъ отъ Радивила и чають Родивилова приходу къ Кіеву вскорѣ“; митрополить и архимандрить печерскій отнесли къ обѣщаніямъ воеводъ защищать ихъ весьма холодно: они, очевидно, никакой вѣры въ небольшой московскій гарнизонъ не питали. Здѣсь кстати будетъ привести, какъ излагаются результаты для Кіева похода 1651 г. въ царской грамотѣ 16 июля 1654 г. Кіеву о сложеніи нѣкоторыхъ налоговъ на 10 лѣтъ (Акты Ю. и З. Росс. X, ст. 650): „въ то жъ время Родивиль съ полскими и съ литовскими людьми пришедь въ Кіевъ городъ выжегъ и запустошилъ, церкви Божіи со всѣми утварми попалилъ, а городскую всякую казну въ ратушѣ и въ соборной церкви побралъ, а иное попалилъ, и всякимъ озлобленіемъ и разореніемъ городъ и жителей тамошнихъ до конца разорилъ; и нынѣ де того мѣста жители оубожбли“; такъ рассказывало въ Москвѣ посольство отъ города съ войтомъ Богданомъ Самковичемъ во главѣ: см. Акты Ю. и З. Россіи. X, № 13, ст. 605—658. Здѣсь же изданы также и приведенные выше (стр. 292—293) перечни кіевскихъ ущербовъ: см. ст. 630—631.

³⁾ 11 мая Выговскій говорилъ дяку Перфильеву: „А Родивиль де въ городѣ Невелѣ приказалъ сборъ чинить людемъ своимъ всей рѣчи посполитой, а хотятъ де приходитъ болшою войною къ Кіеву и къ Умани, для того, что царского величества рать въ Бѣлую Русь далеко не пойдетъ, и удумали, чтобъ де казаковъ сломать, а какъ де они казаковъ сломають, и въ то де время Московского государства люди отъ нихъ устрашатца“ (Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 600).

⁴⁾ „Радивиль нынѣ обрѣтается въ Вильнѣ, а литовскаго войска, надъ которымъ Радивиль начальникомъ, болши пятнадцати тысячъ нѣтъ. А тѣ войска одни стоятъ въ Речицѣ, а ниже въ цорубежныхъ городѣхъ по розну, а другіе тамо еще не собралися вмѣстѣ и сюды къ Кіеву они не пойдутъ. А какъ услышать, что вскорѣ его царское величество приблизится будетъ къ Смоленску, тогда Радивиль тамъ оберегаться будетъ, а на Кіевъ не пойдетъ“ (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Годъ III, 1848, № 8, отд. IV, стр. 69, № XIX, „вѣсти“ отъ мая—1 июня 1654 г.).

О приготовленіяхъ Януша къ войнѣ см. Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 270, 344.

отвратить Хмѣльницкаго отъ Москвы и устроить соглашеніе его съ королемъ, который теперь былъ склоненъ, конечно, ко всякимъ уступкамъ.

Удобнымъ поводомъ для этихъ дипломатическихъ сношеній былъ вопросъ о кievскомъ полковникѣ Антонѣ Ждановичѣ, который, явившись въ 1653 г. депутатомъ отъ запорожскаго войска къ королю во Львовъ, былъ задержанъ; теперь король передалъ его кн. Янушу, а тотъ черезъ бывшего при Ждановичѣ писаря вступилъ съ Хмѣльницкимъ въ переговоры объ обмѣнѣ Ждановича на польскихъ плѣнныхъ.

Въ письмѣ, посланномъ въ концѣ апрѣля (ст. ст.), кн. Янушъ кромѣ того освѣдомлялся о судьбѣ господаря Василія и старался убѣдить Хмѣльницкаго вернуться къ прежнему государю: „нашъ,—писаль Выговскій 12 іюня Бутурлину,—непріятель великій совѣтуеть, чтобъ мы великому государю нашему его царскому величеству не служили и никакова добра его царскому величеству не хочеть“ (Акты Ю. и З. Р. X, ст. 672)¹⁾.

Отвѣтное письмо Хмѣльницкаго мнѣ неизвѣстно; оно можетъ найтись въ Несвижскомъ архивѣ; но о содержаніи его можно отчасти судить по сохранившемуся русскому переводу новаго письма кн. Януша изъ Орши отъ 25 іюня²⁾.

Полученный отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ Януша: „И въ томъ велми недоволенъ быти имѣю,—писаль онъ,—что есть въ надеждѣ, то не получилъ, а особливо что еси Ваша Милость никово своего надежнаго для договору чего доброго ко мнѣ не прислалъ: понеже ни черезъ кого лутше какъ черезъ пана Онтона дѣлается что не можетъ“. Ждановича, находившагося, якобы, гостемъ, а не плѣнникомъ, въ Борисовѣ, Янушъ не освободилъ, хотя и выражалъ готовность сдѣлать это, для чего именно Янушъ и выпросилъ, якобы, его у короля: „чтобъ... освободя до дому его цѣло, а черезъ его съ Вашею Милостію ссылатися“. Пока же, чтобы не терять вре-

¹⁾ Пв. Выговскій еще 10 мая говорилъ въ Чигиринѣ дяку Перфильеву о годовомъ плѣнѣ Ждановича, посла отъ запорожскаго войска, „а нимѣ де Родивилъ того полковника и писаря у короля отпросилъ и отпустилъ ихъ въ Могилевъ, а изъ Могилева де полковникъ Онтонъ того писаря прислалъ въ Кіевъ; и онъ де Иванъ... велѣлъ того писаря прислать къ себѣ тотчасъ“ (Акты Ю. и З. Росс. X, ст. 598); но съ другой стороны Тимофей Спасителевъ доносилъ: „Маія, государь, въ 13 день пріѣхали въ Чигиринъ изъ Оршавы отъ кievскаго полковника Антона два человекъ казаковъ... а тотъ полковникъ... отъ короля не отпущенъ и по се число. И сказывали мнѣ холопу твоему тѣ казаки... полскою де гетманъ Янушъ Радивилъ поѣхалъ изъ Оршавы при нихъ въ Вильню“ (ib id., ст. 678—679). Если однимъ изъ этихъ двухъ казаковъ былъ, — въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, — упомянутый выше писарь, то ему, очевидно, велѣно было не говорить москвичу о посредничествѣ литовскаго гетмана. Яснѣе излагаетъ дѣло анонимная реляція отъ мая—іюня 1654 г. (см. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Годъ III. 1848. № 8, отд. IV, стр. 69, № XIX): „Писарь кievскій пріѣзжалъ отъ Антона полковника до пана гетмана для того, что Антонъ теперь у Радивила сидитъ въ неволѣ. И писаль до пана гетмана чтобъ его высвободилъ изъ неволи; и нашъ гетманъ обѣщался за него и за козаковъ, которые съ нимъ въ неволѣ, 20 лаховъ на обмѣну дать, и съ тѣмъ опять назадъ писаря отпустили, чтобъ скоро, покаместа война не зачнется, Антона высвободить, а лаховъ отдать. Да и Радивилъ писаль до пана гетмана, спрашиваючи о здравіи гестя своего Василія воеводы, государя волоскаго; и нашъ гетманъ къ нему отписаль, что здоровъ есть и обрѣтается въ Крыму. А сидитъ онъ Василій воевода въ Козлевѣ“.

²⁾ Письмо это издано въ Актахъ Ю. и З. Россіи (XIV. 1889, ст. 131—136) безъ имени автора, которое легко опредѣляется содержаніемъ письма. О приходѣ къ Янушу въ Оршу пословъ отъ Хмѣльницкаго, „сказываютъ что съ миромъ“, упоминается въ письмѣ отъ 28 іюня 1654 нѣкоего Симеона Ожарскаго: см. русскій переводъ въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ Дѣла Польскія 1654 г. № 2, л. 14

мени, Янушъ отправлялъ къ Хмѣльницкому опять того же писаря; а въ письмѣ снова просилъ Хмѣльницкаго о прекращеніи кровопролитія, предостерегалъ его отъ московской „тяготы, что оно пуще поганскіе неволи, которые хотя бы сперва и сладили, потомъ однако тяжки и нестерпимы и уже бы неизбытые и никогда не извергнутые были“, клялся Богомъ, что „истинно, а не обманомъ, то дѣло договариваетъ“, увѣрялъ, что король и рѣчь посполитая приметъ ихъ договоръ, и просилъ о присылкѣ уполномоченнаго, „чтобы есмы основательно и правдиво наговориватися могли“.

Подобнаго же содержанія письмо отправилъ кн. Янушъ и Выговскому, которому обѣщалъ въ случаѣ возвращенія въ королевскую вѣрность сенаторство и кіевское воеводство ¹⁾. Послѣдующая исторія Хмѣльницкаго и Выговскаго показала, что задача за которую брался кн. Янушъ, была далеко не безнадежна и что Москва не даромъ такъ боялась этихъ „прелестныхъ писемъ“.

Но ближайшее время готовило Янушу не дипломатическіе успѣхи въ переговорахъ съ казаками, а рядъ военныхъ неудачъ въ борьбѣ съ московскими войсками.

Прежде чѣмъ приступить къ краткому изложенію этого послѣдняго періода жизни кн. Януша, нашей темы ближайшимъ образомъ не касающагося, мы должны остановиться на двухъ фактахъ, лишенныхъ общаго историческаго значенія, но для насъ имѣющихъ особенный интересъ.

Когда кн. Янушъ ѣхалъ съ Антономъ Ждановичемъ съ Варшавскаго сейма въ Вильну, то въ Супрасльскомъ уніатскомъ монастырѣ, около Бобруйска, его вниманіе привлекли двѣ русскія рукописи: хроника и ирмологій; интересуясь, какъ видѣли мы выше (см. стр. 219—220, 285), исторіей и древностями кн. Янушъ взялъ ихъ съ собою „для прочтенія“, въ чемъ и выдалъ архимандриту Силуану Концевичу соотвѣтственную расписку ²⁾; къ сожалѣнію изъ разсмотрѣнія изданныхъ описей монастырской бібліотеки нельзя установить ни болѣе точнаго опредѣленія рукописей, заинтересовавшихъ Януша, ни того, вернулъ ли онъ ихъ по прочтеніи монастырю ³⁾.

¹⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 42—43: рассказъ Выговскаго царскому посланцу Ржевскому 24 августа 1654 г.

²⁾ Археографическій Сборникъ. IX. Вильна. 1870, стр. 215, № 64: Janusz Radziwiłł xiąże. Oznajmię tym skryptem moim, iż mi im. xiądz Koncewicz, iakom był u im. powierzył do czasu xiąg dwóch do przeczytania, to iest Kronikę y Jarmołoy, na co mu dla lepszey wiary daię tę moję kartę z podpisem ręki mey. Dat. w monastyrze Supraslskim, 24 Aprilis a. 1654. J. Radziwiłł W. W, hetman W. Составитель „Супрасльской хроники“, въ которой сохранился документъ этотъ, объясняетъ имена книгъ такъ: xiąg dwóch—Kronikę do przeczytania choragową xięgę pazuwającą się Jarmołoy (ibid. 215).

Если въ подписи Януша не пропущены въ копіи двѣ буквы въ концѣ ея X. и L., то оказалось бы, что онъ подписывался „гетманомъ великимъ“, еще не получивъ отъ короля должности этой.

³⁾ Въ IX т. Виленскаго Сборника издано три описи: 1557 г. (стр. 49—55), 1645 (стр. 204—205) и 1668 (стр. 229—243). Въ первой изъ нихъ среди „старыхъ книгъ“ (монастырь основанъ въ 1500 г.) упоминаются: „Книга царственникъ зъ лѣтописцемъ“, „Ермоловъ знаменныхъ 4, а вятый стихаральчикъ“ и „Ермолой безъ знаменія“, а среди „новыхъ книгъ“, приобрѣтенныхъ составителемъ описи архимандритомъ Сергіемъ Кимбаремъ: „Книга Временникъ изъ Константинова временника выписавъ“ и „ермолойцы 2 новыхъ“; въ описи 1645 г. значатся: „Кройника руска 1“, „2 книгъ временниковъ Григорія Мниха“, „Ирмоловъ 7 московскихъ“ и „Ирмоловъ нотованныхъ въ церкви 3“; наконецъ, по описи 1668 г.: „Хроника русская 1“, „Григорія Мниха временниковъ два“ и „Ирмоловъ нотованныхъ съ фигурами 2, Ирмолой Тереховичъ 1, Ирмоловъ Московскихъ 2“. Отсюда при пред-

Русская хроника, взятая въ Супрасльскомъ монастырѣ, была, однако, не единственною русскою историческою книгою у кн. Януша: ему же принадлежала, правда недолго, никакъ не болѣе трехъ съ половиною лѣтъ, известная со времени двукратнаго обзорѣнія ея Петромъ Великимъ (4 іюня 1697 и 21 ноября 1711, нов. ст.), „Кенигсбергская“ или „Радзивилловская“ лицевая лѣтопись, хранящаяся нынѣ въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ и недавно воспроизведенная фототипически¹⁾.

Драгоценная рукопись эта, представляющая копію, конечно довольно вольную конца XV вѣка съ лицевой же Переяславской лѣтописи 1214 года, исполнена была, по мнѣнію А. А. Шахматова, въ великорусской области. Въ Западную Русь она попала лишь къ концу XVI вѣка; около 1606 года принадлежала какому-то пану Христофору Цицль (или, вѣрнѣе, Цицляти), жившему, повидимому, въ Городенскомъ повѣтѣ (нынѣ Пинскій уѣздъ); была она въ рукахъ и Фурса Сороки, вознаго Городенскаго повѣта; а позднѣе около половины XVII в. находилась въ рукахъ королевскаго дворянина Станислава Зеновича, лѣсничаго Вилькійскаго, который и поднесъ ее „patrono suo collendissimo“, князю Янушу „observantiae ergo“: Вилькійское староство дѣйствительно находилось во владѣніи кн. Януша (Kotlubaj, стр. 437). Къ сожалѣнію время подарка, въ латинской записи Зеновича на послѣдней страницѣ рукописи²⁾ точно не указано: изъ этой записи, называющей Януша уже воеводою Виленскимъ, ясно одно, что она сдѣлана послѣ 31 марта 1652 г. (см. выше, стр. 328). Generalissimus Exercituum M. D. L. должно было бы обозначать, конечно, должность великаго гетмана, каковымъ Янушъ сталъ съ іюня 1654 года; но съ этимъ не согласуется отсутствіе при имени самого Зеновича должности „подсудка Вилькомирскаго“, которымъ онъ является уже въ 1653 г.³⁾; а сверхъ того выраженіе generalissimus

положеніи, что кн. Янушъ книги „зачиталъ“, взятый имъ ирмологій опредѣлился бы, какъ находившій въ церкви ирмологій съ нотными знаками и миниатюрами, что волюнѣ подходить подъ опредѣленіе „хоральной книги“, даваемое авторомъ монастырской хроники (см. выше прим. 2), напоминаетъ громадныя лицевыя хоральныя книги на Западѣ; „хроникой“ же могла бы явиться лишь „Книга Временникъ“, упоминаемая въ описи 1555 года, хотя въ описи 1645 г. она и не упомянута. Къ сожалѣнію недостаточность для меня двухъ каталоговъ „Радзивилловской Библіотеки“, изданныхъ Грабе (см. ниже), лишаютъ меня возможности рѣшить основной вопросъ: были или нѣтъ взятныя книги возвращены монастырю.

¹⁾ См. Изданія Импер. Общ. Любителей Древней Письменности. № СХVІІІ. С. П. Б. 1902, in 8°. 2 части: I. Фотомеханическое воспроизведеніе рукописи; II. Статьи [А. А. Шахматова и Н. П. Кондакова] о текстѣ и миниатюрахъ рукописи.

Отдѣльныя миниатюры рукописи этой издавались неоднократно, напр. Оленинымъ. (Письмо о камнѣ тмуроканскомъ. С.-П.Б. 1806, стр. 42—45. табл. IX, № 11); Прохоровымъ (Русскія Древности. Кн. V. 1871, стр. 67—73, съ 6 табл.) и др. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе ихъ далъ Ва. Ил. Сизовъ (Извѣстія по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ. Томъ X, 1905, стр. 1—50)

²⁾ Запись эта прочтена была для А. А. Шахматова С. Л. Пташицкимъ (см. у. с., II, стр. 1—2, прим., и стр. 129: опечатки).

³⁾ См. Charitas. Księga zbiorowa wydana na rzecz R.—K. Towarzystwa Dobroczynności przy Kościele Sw. Katarzyny w Petersburgu. 1864. pp. 502—509; Ptaszycki. Z dziejów starego rodu [Деспотъ-Зеновичей]; Станиславъ Зеновичъ былъ лѣсничимъ Вилькійскимъ—1643 г., подсудкомъ Вилькомирскимъ—1653, подкоморіемъ Вилькомирскимъ—1661, каштеляномъ Новогрудскимъ—1670 и умеръ въ 1672 г.

А. А. Шахматовъ владѣльца рукописи, Януша Радзивила, называетъ отцемъ кн. Богуслана (у. с., стр. 1), что невозможно потому уже, что этотъ кн. Янушъ (VI, 1579—1620, см. Icones Radivilianae tab. 44) тогда уже умеръ и не былъ ни виленскимъ палатиномъ, ни гетманомъ, ни старостою въ Себежѣ и Невелѣ, какъ титулуется кн. Янушъ (XI) въ дарственной записи.

Впрочемъ подобнаго рода путаница—не рѣдкость: напр. къ Янушу же VI-ому, вмѣсто XI-аго,

обозначало иногда просто титуль гетмана, какъ „великаго“, такъ и „польнаго“¹⁾.

Такимъ образомъ кн. Янушъ владѣлъ, помимо упомянутыхъ выше евангелій, вывезенныхъ изъ Кіева (см. выше, стр. 289 и 324), еще нѣсколькими, по крайней мѣрѣ тремя, русскими рукописями; были у него, надо думать, и еще русскія же рукописи въ томъ большомъ ящикѣ со старыми рукописными книгами, который упоминается въ посмертной описи его имущества²⁾. Къ сожалѣнію мнѣ остались недоступными каталоги Радзивилловской бібліотеки, которую завѣщаль наследникъ кн. Януша, Богуславъ Радзивиль, въ Кенигсбергскую Курфиретскую бібліотеку, куда этимъ путемъ пошла и знаменитая русская лицевая лѣтопись³⁾.

У кн. Януша, унаслѣдовавшаго отъ отца любовь къ собиранію различныхъ рѣдкостей (см. стр. 208, 220), было, кромѣ упомянутыхъ выше винтовки (стр. 227) и кіевской добычи (стр. 287—291, 303, 325), конечно, не мало вещей старинныхъ и новыхъ русской (московской, украинской и литовской) работы: въ посмертныхъ описяхъ имущества его упоминаются еще: московская рогатина съ золотою насѣчкой, московскій карабинъ съ булатнымъ золоченымъ стволомъ, мѣднымъ позолоченнымъ замкомъ и ложей индійскаго дерева, золотая чашка съ русскими буквами и московскій серебряный перстень съ краснымъ камнемъ⁴⁾.

Весьма возможно, что эта „московская рогатина“ была тождественна съ „рогатиной Тирана—царя“ (т.-е. Ивана III или Ивана IV), которую кн. Богуславъ Рад-

отнесена книга Котлубая у Estreicher'a (Bibliografia Polska. IV. 1878, str. 17); смѣшеніе Януша съ Богуславомъ у современнаго польскаго историка мы указали выше (см. стр. 316, прим. 2).

¹⁾ Напр. St. Węsławski (Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski, p. 11, 36, 37) обоихъ гетмановъ вмѣстѣ называетъ generalissimi.

²⁾ Kotlubaj, str. 421, № 6: Skrzynia wozowa z xięgami pisanemi.

³⁾ Кн. Богуславъ (†31 декабря 1669) въ завѣщаніи своемъ отъ 27 декабря 1668 (см. его въ Виленскомъ Археографич. Сборникѣ. VIII, № 113, стр. 410—422) отписалъ Бранденбургскому курфюрсту двѣ пушки, съ обязательствомъ назвать Радзивилловскимъ бастионъ, гдѣ ихъ поставятъ, „temuż leguję do biblioteki Królewskiej, a nie Berlińskiej, wszystkich moich familiantów, także noż sądowy, chłopowi żywemu z żołądka wyrznięty“ (о. с., стр. 416).

Каталогъ Радзивилловской бібліотеки, который остался недоступнымъ, и видимо, неизвѣстнымъ издателямъ факсимиле лицевой лѣтописи, вышелъ въ Кенигсбергѣ въ двухъ частяхъ:

1) D. Mart. Sylvester Grabe. Catalogus Bibliothecae Radivilianae. 1673. Этотъ каталогъ описываетъ 450 книгъ, рукописей и раритетовъ.

2) Mart. Sylv. Grabe (сынъ и преемникъ перваго). Series librorum, qui Bibliothecae in Prussia Regiae Augmento Radziviliano, post editum hujus A. 1673. Catalogum noviter accessere. Regiomonti. 1712. fol. Дополненіе понадобилось потому, что книги поступали постепенно изъ различныхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда кн. Богуславу.

Мои свѣдѣнія о бібліотекѣ этой ограничиваются статьею M. Lillienthal'a: „Beschreibung der Königsbergischen Schloss-Bibliothek“, помѣщенной въ журналъ „Erlautertes Preussen“ (etc.), Tomus I, Königsberg. Anno 1724, SS. 725—766, въ которой нѣтъ упоминаній ни о лицевой лѣтописи, ни о какихъ-либо иныхъ русскихъ рукописяхъ, но приводятся различныя подробности о ножѣ, вырѣзанномъ 9 іюля 1635 медицинскимъ факультетомъ Кенигсбергскаго университета изъ желудка крестьянина Авддея Grünheid'a (1613—1645) и подаренномъ въ 1637 Курфиретомъ Яну Казимиру, а поздѣе тѣмъ кн. Богуславу; приводятся заглавія книжекъ объ этомъ ножѣ, стихи подъ портретомъ крестьянина, эпитафия на его могилѣ и т. п.; отмѣчается интересъ Петра Вел. къ этому ножу (S. 760—762).

⁴⁾ Kotlubaj, str. 427: Rohatyna moskiewska złotem nabijana; str. 429 Karabin moskiewski w czerwonem indyjskiem drzewie, zamiak mosiędzowy złocisty, rura bułatowa złocista; str. 431. № 4: Złoto... czarka z moskiewskimi literami waży grzyw. 1, łotow 7½; str. 436, № 59. 21: (pierscień) srebrny moskiewski z kamieniem czerwonym.

живиль завѣщаль вѣчно хранить въ Несвижѣ вмѣстѣ съ иными семейными драгоценностями¹⁾.

Къ сожалѣнію дальнѣйшая судьба этой рогатины мнѣ неизвѣстна, равно какъ и ея происхождение: приобрѣтена ли она была кн. Янушемъ или его предками, какъ рѣдкость, или же попала имъ въ руки, какъ трофей, послѣ какой-либо побѣды надъ московскими ратями.

Въ начавшейся теперь (въ іюнѣ 1654 г.) новой войнѣ съ Москвою непосильная задача обороны Литвы отъ непріятеля, пришедшаго въ числѣ, значительно превосходившемъ литовское войско, легла на кн. Януша уже какъ на великаго гетмана литовскаго: на второмъ сеймѣ²⁾ (9 іюня—22 іюля 1654 г.) король роздалъ гетманскія булавы: великимъ гетманомъ Литвы сталъ, наконецъ, кн. Янушъ, польнымъ гетманомъ назначенъ былъ Викентій Корвинъ Гонсѣвскій, достойно отличившійся въ литовскихъ походахъ на казаковъ, но извѣстный также и по давней, родовой еще враждѣ и разладу съ кн. Янушемъ. Современники единогласно свидѣтельствуютъ, что раздоры между ними продолжались и теперь предъ лицомъ непріятеля; этимъ раздорамъ они приписываютъ даже большое вліяніе на несчастный для Литвы ходъ войны 1654—55 гг.³⁾ Раздоры не прекращались, несмотря на поздравительное письмо кн. Януша Гонсѣвскому съ призывами къ единодушію, но и съ откровеннымъ признаніемъ, что не его, а своего родственника (кн. Богуслава?) желалъ бы имѣть Янушъ себѣ товарищемъ⁴⁾, и несмотря на увѣщанія архіепископа гнѣзненскаго Гонсѣвскому о необходимости согласія съ товарищемъ ради блага отчизны⁵⁾.

Къ новымъ гетманамъ назначены были королемъ еще два особыхъ комиссара Николай Корфъ и Евставій Кирдей; но въ Литвѣ не было главнаго — достаточно

¹⁾ Вилевскій Археогрф. Сборникъ VIII. 1870. № 113, стр. 416: oszczep Tyrana Сага na jawole pasadzony; въ русскомъ переводѣ: „жельзанный жельзъ царя Тирана“ (1); послѣ непонятнаго слова na jawole въ польскомъ текстѣ издатели сдѣлали догадку: (na jawogu?). „Тиранъ—царь“ можетъ означать какъ Ивана IV, такъ и Ивана III, какъ последнее видно изъ сообщенія Н. В. Мятлева: „О прозвищахъ великаго князя Ивана III“ въ Историко-Родословномъ Обществѣ въ Москвѣ (см. Лѣтопис. Истор.-Родосл. Общ. 1905. Вып. 4. Москва, 1905, у Н. П. Лихачева (Прозвища вел. кн. Ивана III. С. П. Б. 1897. — Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слав. Имн. Акад. Наукъ. II, 1897, стр. 100—103) прозвища „тиранъ“ не указано.

²⁾ О сеймѣ этомъ см. Theatrum Europaeum. VII, S. 614—615; Rudawski, p. 141; Kochowski, p. 423—426; Hist. panowania Jana Kazimierza. I, str. 185—187.

³⁾ См. о нихъ Kochowski. I, p. 425—428, 429, 439; Rudawski, p. 143; Historia panowania Jana Kazimierza. I, str. 185—186, 187, 189, 194; Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 647; Nowakowski. Zródła (etc.), I, str. 147—148; Węsławski. Victor et victus V. C. Gosiewski, p. 5, о раздорахъ гетмановъ, конечно, не говорить.

⁴⁾ Zródła do dziejów Polski, zebrane przez Fr. K. Nowakowskiego. I, Berlin. 1840, str. 143: „я не отрицаю того, что я желалъ себѣ коллеги изъ своей крови и по своей просьбѣ согласно принятому antiquitus обычаю, который всегда хорошо и выгодно практиковался въ отчизнѣ. Однако же fatis sic disponentibus cessit это по милости Его Королевской Милости Моего Милостиваго Пана. Очень утѣшаюсь я тѣмъ, что конферовано по крабней мѣрѣ такому, котораго я самъ искренне и доброжелательно для этой службы Рѣчи Посполитой формоваль (absit invidia verbo, т. к. и самъ его признать благоволишь). А если Его Королевская Милость теперь solo boni Publici intuitu сдѣлалъ, тогда gratulor и отчиваю, что tam periculoso ей tempore являютъ на службу ей такіе, которые viribus et animis consociatis около блага ея, какъ обязаны, хотятъ стараться, къ чему я охотно assedo“. Того же ждетъ Янушъ и отъ Гонсѣвскаго.

⁵⁾ Тамъ же, I, str. 141—142; письмо отъ 2 августа 1654 г.

сильнаго войска и веѣ старанія собрать таковое остались неуспѣшными; не помогъ въ этомъ и сеймъ, члены котораго не сознавали, видимо, всей опасности начавшейся войны и горячо дебатировали вопросъ объ отвѣтственности кн. Януша за оскорбленіе сенаторскаго сана, которое онъ учинилъ на какомъ-то банкетѣ, приказавъ своимъ гайдукамъ избить палками каштеляна смоленскаго (Владислава Воловича), позволившагося себѣ усомниться въ военныхъ талантахъ и способностяхъ Януша¹⁾.

Но, если скентики были правы и если бы литовскими войсками начальствоваль даже общепризнанный стратегъ, то и тогда при огромномъ численномъ превосходствѣ русскихъ и при томъ сочувствіи, которое встрѣчали они нерѣдко среди православнаго населенія восточныхъ и южныхъ областей Литвы, и тогда, вѣроятно, начало войны было бы столь же несчастливо для литовцевъ. Успѣхъ запорожскихъ казаковъ окрылялъ подобными надеждами и многихъ бѣлоруссовъ. Московскія „прелестныя“ письма²⁾, а еще болѣе, конечно, московскія побѣды приводили многихъ горожанъ и даже шляхтичей „подъ высокую царскую руку“.

Изъ нихъ особую помощь въ завоеваніи Бѣлоруссіи оказаль Москвѣ тотъ могилевскій шляхтичъ Конст. Юрьев. Поклонскій, о которомъ еще ранѣе (см. выше стр. 339) говорилъ московскимъ посланцамъ Выговскій; 5 (15) іюня онъ „выѣхаль на государево имя“ къ нѣжинскому полковнику Ивану Никиф. Золотаренку, который отправилъ его не къ царю, а къ Хмѣльницкому (Акты Ю. и З. Р. X, ст. 681), и лишь оттуда съ письмомъ гетмана явился онъ 22 іюля подъ Смоленскомъ къ Алексѣю Михайловичу (Акты Ю. и З. Р. VIII, стр. 384); онъ организоваль особые бѣлорусскіе казачьи отряды и дѣятельно, въ качествѣ „бѣлорусскаго полковника“, содѣйствоваль московскимъ воеводамъ не столько, конечно, этой милиціей, сколько своими уговорами и письмами: 24 августа сдался богатый торговый городъ Могилевъ. Теперь Янушу пришлось увидать на дѣлѣ всю справедливость своихъ опасеній по поводу численнаго господства въ Литвѣ русской народности (см. выше стр. 230, пр. 3). Даже среди его собственныхъ слугъ оказывались предпочитавшіе новаго господина, какъ видно изъ письма Януша отъ 11 (1) августа къ неназванному по имени своему слугѣ (шляхтичу конечно)³⁾.

Въ началѣ іюня 1654 г. кн. Янушъ, по словамъ Поклонскаго⁴⁾, находился въ Вильнѣ; въ половинѣ же—мы находимъ его уже при войскѣ въ Оршѣ⁵⁾; постояи этому городу обошелся, конечно, не легко: горожане жаловались позднѣе царю на сожженіе церквей, раззореніе и грабежи; гетманъ бралъ у купцовъ деньги и товары, выдавая имъ расписки и обязательства уплаты взятаго въ ноябрѣ изъ литовской

¹⁾ Theatrum Europaeum. VII. S. 613; ср. выше стр. 227, прим. 3.

²⁾ Образчикъ см. у С. М. Соловьева. Ист. Россіи. X. 1869, стр. 318.

³⁾ Переводъ письма отъ 11 (1) августа изъ Головинъ въ Моск. Арх. Минист. Ив. Дѣль. Польскія Дѣла. 1654. № 2, л. 60: Янушъ вызываетъ кого-то къ себѣ, т. к. „слуга мой учинился неприятеlemъ отчiny подданныхъ волнуешь“ . . . „И то неслыхано, чтобъ имѣли измѣнники чиниться изъ слугъ Радивилевскихъ“ . . . „Чтобъ если тотчасъ ко мнѣ пріѣхаль я панскимъ словомъ обѣцаю, что и волосъ съ головы твоей не спадеть“.

⁴⁾ Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 681: 5 іюня ст. ст.

⁵⁾ Акты Ю. и З. Россіи XIV, ст. 134: 25 іюня пов. ст.; см. выше, стр. 345.

казны, а самимъ обѣщая, согласно постановленію послѣдняго сейма, шляхетство за денежную помощь отечеству въ военное время¹⁾. Малочисленность литовскаго войска, доходившаго едва до 8000 чел., не позволяла, конечно, надѣяться на успѣхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ болѣе многочисленныхъ московскихъ войскъ и отряда (до 20000) казаковъ, которыхъ привелъ на помощь царю наказной гетманъ запорожскій, пѣкинскій полковникъ Иванъ Золотаренко, и которые начали наступленіе сожженіемъ Рѣчицы и Горвала (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 137), но надолго задержались осадю Гомеля, такъ что въ этомъ (1654) году кн. Янушу не пришлось встрѣчаться съ ними въ болѣе крупныхъ столкновеніяхъ.

Въ отчаянномъ письмѣ королю, изъ Орши отъ 6 іюля, Янушъ указывалъ на ненадежность и жолнеровъ, и даже шляхты, не говоря уже о хлопяхъ²⁾.

Отдѣльнымъ литовскимъ отрядамъ удавалось одерживать и незначительныя побѣды надъ русскими; такъ, конный отрядъ Ганцгофа ночью послѣ Иванова дня разгромилъ лагерь передового русскаго отряда близъ Смоленска и привелъ въ Оршу, несмотря на энергичное преслѣдованіе его русскими, плѣнныхъ бояръ и принесъ взятая знамена³⁾; отрядъ ротмистра Линницкаго разбилъ небольшой пѣшей русскій отрядъ при впаденіи р. Улы въ Двину и взялъ въ плѣнъ нѣсколько нѣмцевъ, а на другой день въ деревнѣ Полонной захватилъ десять человекъ, якобы думныхъ бояръ, изъ двухсотъ, которые дѣлили тамъ собранныя съ крестьянъ деньги⁴⁾; но и этому отряду потомъ пришлось отступить съ большими потерями⁵⁾.

Однако серьезнаго значенія такія стычки не имѣли: Смоленскъ былъ обложенъ и приведенъ къ сдачѣ самимъ царемъ (осада съ 28 іюня по 23 сентября, ст. ст.); рядъ городовъ былъ взятъ; многіе сдались сами. Янушъ видѣлъ всю трудность и безнадежность своего положенія: онъ писалъ Коханскому, чтобы тотъ убѣдилъ пастора Галезія пріѣхать изъ Кейданъ въ Оршу „для совершенія св. приобщенія, т. к. слушатели его, которыхъ въ войскѣ не мало, если когда, такъ (именно) теперь, когда надо постоянно быть въ ладу со (своей) совѣстью, нуждаются въ пастырѣ“⁶⁾. Но заботясь о душахъ своихъ единовѣрцевъ-кальвинистовъ кн. Янушъ не отрицался, видимо, духовной помощи и отъ слугъ иныхъ вѣроисповѣданій: нѣкій⁷⁾ Янъ Хомен-

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи. XIV, ст. 317, 285, 286, 320.

²⁾ Письмо это съ цѣлымъ рядомъ другихъ, писанныхъ Янушемъ и разными лицами къ нему, сохранилось въ русскомъ переводѣ въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Польскія Дѣла. 1654 г. № 2: очевидно въ руки русскихъ попалъ такой же „Діаріумъ 1654 г.“, какой отъ 1653 г. хранится въ оригиналѣ въ Публичной Библиотекѣ (см. выше стр. 331, пр. 2). Письма и универсалы въ этомъ переводѣ идутъ отъ 13 января до 18 декабря 1654, т.-е., за цѣлый годъ; всего въ рукописи 91 л. (столбецъ). Письмо Януша королю отъ 6 іюля на л. 29—34.

³⁾ *Theatrum Europaeum*. VII. S. 614; Kochowski, I, p. 428—429; *Hist. panow. J. Kazimiera*. I, str. 188—189.

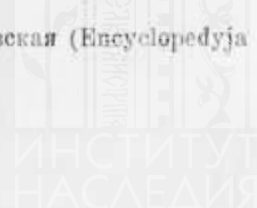
⁴⁾ *Theatrum Europaeum*; (VII. S. 614): двухъ бояръ называетъ по именамъ; Andrej Mosiewitz Zmiesow, Czarn Hof-Juncker und Verwandter, и Boris Tychanowicz Marcianow, des Czarn Truchses.

⁵⁾ См. письмо изъ-подъ Орши отъ 20 (10) іюля у Грабовскаго (*Ojczyste spomniki*. I, str. 108—109).

⁶⁾ Археограф. Сборникъ. VIII. Вильна, 1870, стр. 369: изъ Орши отъ 2 іюля.

⁷⁾ Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Польскія. 1654. № 2, л. 73.

Среди чудотворныхъ иконъ Б. М., чтимыхъ католиками, значится и Шкловская (*Encyclopedyja Powszechna*. XIX. 1865, str. 672).

товскій 18 августа писалъ ему изъ Шклова: „съ тѣмъ образъ пресвятыя Дѣвы отъ отцевъ старцевъ (Доминиканцевъ?) посылаю твоей Милости“.

Значительное превосходство русскихъ силъ заставило Януша отказаться отъ попытки освободить осажденный Мстиславль¹⁾, а затѣмъ пришлось покинуть Оршу, отвести обозы къ западу въ Головчинь, а войско къ югу черезъ Копысь къ Шклову²⁾.

Изъ письма, писаннаго отсюда кн. Янушемъ королю, видно, что онъ сознавалъ всю безнадежность своего положенія³⁾.

Въ день солнечнаго затмѣнiя (т.-е. 2. 12 августа) разыгралась битва, длившаяся пять часовъ и закончившаяся къ ночи, по польскимъ извѣстiямъ, отступленiемъ русскихъ; поле битвы, заваленное трупами, осталось за литовцами, которые избѣгли пораженiя лишь рядомъ отчаянныхъ кавалерiйскихъ атакъ: казацкая хоругвь кн. Януша ходила въ бой болѣе десяти разъ; самъ кн. Янушъ, который загналъ нѣсколько лошадей, принималъ въ битвѣ очѣнъ дѣятельное личное участiе; вечеромъ литовцы, которымъ отступление было отрѣзано плохую переправу въ тылу ихъ, преслѣдовали непрiятеля на протяженiи цѣлой мили до самаго лагеря; но русскiе военачальники, „кн. Яковъ Куденетовичъ Черкасской съ товарищи“, писали царю, что—„они сошли Радивиля подъ Шкловымъ и былъ бой . . . Радивиля побили и языки поймали и Радивиль съ того бою побѣжалъ къ Борису“⁴⁾. Польскiе источники подтверждаютъ, что на слѣдующiй день Янушу отступление все же при-

¹⁾ Объ этой смѣлой экспедиции между двумя вражескими армiями см. письмо отъ 8 августа кн. Януша виленскому епископу, Георгию Тышкевичу (Grabowski. Ojczyście spomniki. I, str. 112—113) и письма отъ 2 августа изъ литовскаго лагеря (тамъ-же, I, str. 109—110); выйдя съ конницей изъ лагеря гетманъ хранилъ цѣль экспедиции въ тайнѣ и грозилъ смертью за болтовню о ней (тамъ-же, I, str. 110), письмо изъ Вильны отъ 8 августа).

²⁾ Извѣстiя о занятiи Орши пришли къ царю подъ Смоленскъ 2 и 4 (12 и 14) августа (см. Соловьевъ. Ист. Росс. X. 1869, стр. 320, Акты Ю. и З. Россiи. XIV. ст. 5, 16, 52); Kotłubaj, str. 194 излагаетъ передвиженiя войска по письмамъ, изданнымъ Грабовскимъ (Ojczyście spomniki. I, str. 112—114, 117—118).

³⁾ Это письмо, отъ 12 августа изъ подъ Шклова, сохранилось въ русскомъ переводѣ (см. Малороссiйская переписка въ Оружейной Палатѣ, № XV, Чтенiя въ Общ. Ист. и Древн. Россiйск. Годъ III. 1848, кн. 8, отд. IV, стр. 64—66): Янушъ сообщаетъ объ отступленiи изъ Орши и объ отправкѣ обоза въ Головчинь, о намѣренiи своемъ напасть на русскiй, четверо сильнѣйшiй его, отрядъ, „но и тамъ пришедши достунити къ нему не могль“, о томъ, что Могилевъ передался русскимъ [не вѣрно: онъ сдался 24 августа (=3 сент.)]. Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 233] „и для того всемъ людемъ, надъ Днѣпромъ въ городѣхъ живучимъ, руки и сердца упали, а непрiятелю сила его и людей подлинно 100000 войска прибыло, и явная уже въ тѣхъ странахъ войска Вашей Королевской Милости погибель“. Слѣдуютъ жалобы на бездѣйствiе шляхты, которая или не является на службу, или явившись уходитъ изъ войска. Янушъ выражаетъ готовность погибнуть за отчизну, „но когда и то ей не пособить, то уже потомъ послѣдняя бы ей погибель пришла, должны есмя головы наши впредь ей и Вашей Королевской Милости на услугу соблюсти. Да судитъ Богъ и весь мiръ, если не сама погибели своей виновата Рѣчь Посполитая, которая и въ правахъ своихъ не слышалася, и тѣ, которые ни совѣтомъ ниже защищенiемъ персей, составити хотя должны, не хотѣли, но точiю прямымъ перестерегаиемъ не имучи вѣры и прямыхъ ненавiда совѣтовъ; а я всегда не по ненависти сказываю погибель тѣмъ, которые того совѣта моего на себѣ понести не могли“ . . .

⁴⁾ Kotłubaj., str. 195, 397; Hist. panow. Jana Kazimierza I, str. 188; Theatrum Europaeum. VII. S. 616 описываетъ битвы 12 и 13 августа, какъ нерѣшительныя. Подлинное письмо Черкаскаго, кажется, не издано: въ Актахъ XIV, ст.: 5=17=52—повторяется лишь краткое упоминанiе о битвѣ.

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнiя объ этой битвѣ даютъ изданныя Грабовскимъ письма изъ литовскаго лагеря, отъ 13 и 14 августа и изъ Вильны отъ 20 августа, см. Ojczyście spomniki. I, str. 114—117, 120—121.

шло продолжать и послѣ различныхъ передвиженій по направленію къ Березинѣ¹⁾.

Наконецъ 24 (14) августа у мѣстечка Шенелевичи кн. Янушъ вынужденъ былъ дать рѣшительный бой значительно превосходившему его силами кн. Алексѣю Трубецкому. Литовцы смяли атакою первую колонну московскаго войска, но затѣмъ были окружены и, будучи разбиты на-голову, обратились въ бѣгство²⁾. Побѣдители, по русскимъ извѣстіямъ, „и знамена и литавры и пушки и пушечные всякіе запасы и кареты и рыдваны и весь обозъ и бунчукъ, что надъ нимъ гетманомъ возять, взяли“³⁾. Этотъ личный значекъ кн. Януша былъ, вѣроятно, тотъ же, который сопровождалъ его въ прежнихъ походахъ и который мы видимъ на рисункахъ Вестерфельда (табл. I, рис. 2; IV, 2; V, 1; XIV, 4); но здѣсь въ рѣшительномъ бою его несли почему-то не за кн. Янушемъ, а за Фронкевичемъ⁴⁾. Въ письмѣ, отъ 18 сентября изъ Койданова (см. Kotłubaj, str. 372—373), биржанскому старостѣ Стрыжкѣ кн. Янушъ старался доказать, что поражение вовсе не было столь страшно и что ликовать Москвѣ особенно не приходится: убитыхъ у непріятеля пало не меньше и въ числѣ ихъ старый воевода Григорій Куракинъ, артиллерія цѣла, обозъ разграбленъ своею же челядью: онъ сообщаетъ, какъ дважды спасся отъ смерти: одинъ разъ поручикъ Греффенбергъ прикрылъ его собственнымъ тѣломъ отъ выстрѣла и удара рогатины, другой разъ его съ 40—50 казаками окружилъ непріятель и былъ отогнанъ огнемъ пѣхоты лишь тогда, когда при Янушѣ оставалось только пять человекъ: „видно, меня знали, да и я тоже довольно видно сидѣлъ въ одномъ бѣломъ жупанѣ на пестромъ конѣ и они могли меня въ битвѣ довольно насмотрѣться“. Но личная храбрость вождя оказалась все же бесполезной и ему, какъ и прочимъ, пришлось спасаться бѣгствомъ, во время котораго при переправѣ „подъ Церцями“ онъ едва не потонулъ: бѣгущая толпа нѣсколько разъ сталкивала его въ болото и онъ долженъ былъ саблею прочищать себѣ дорогу (Kochowski, I, 429; Grabowski, o. c., str. 123); въ Москвѣ къ этому прибавляли еще, что онъ спасся лишь переодѣваньемъ, спрятавшись въ болото, да и то не безъ помощи нечистой силы⁵⁾.

Враждебные Янушу польскіе историки винятъ въ этомъ пораженіи его самого: онъ, якобы, „надѣялся, что Москва, утраченный славными акціями князя Радзи-

¹⁾ Подробности о нихъ даетъ Kotłubaj, str. 195—196, по письмамъ у Грабовскаго (o. c., str. 117, 122).

²⁾ Польскія извѣстія: Kotłubaj, str. 196, 373, 397; Grabowski, Ojczyście spomniki. I, str. 121—127; Hist. Jana Kazimierza. I, str. 188 сл.; Kochowski, I, p. 429 ; Rudawski, p. 143; Theatrum Europaeum VII, S. 617 сл.

³⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній. III, 1851, стр. 284 сл.; Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 83, 87, 101, 108; Соловьевъ (X, 1869, стр. 321) говоритъ о вѣзтѣи 12 полковниковъ и 270 иныхъ плѣнныхъ.

⁴⁾ Grabowski, Ojczyście spomniki. I, str. 125: P. Fronkiewicza więzto, za którym značek hetmański niesiono. Xcia Imci wprawa nogę przebito. Konia pod nim zabito, wilezatego woloskiego bachmata. Тутъ же говорится и о вѣзтѣи 12 хоругвей и на другой день, 25 августа, пушекъ.

⁵⁾ Повесть Аленискій. II, стр. 176: „Проклятый Радзивиль, зять Василія господаря Молдавскаго, корень всего зла и войны, услышавъ о выступленіи царя на завоеваніе этого города [Смолевска], пошелъ съ 30000 войска, чтобы достигнувъ города, войти въ него и укрѣпить. Но многочисленная царская рать, неожиданно встрѣтившись ему, окружила со всѣхъ сторонъ, и разбила его войско всѣхъ истребивъ. Онъ спасся хитростью лишь съ немногими людьми, переодѣвшись въ платье бѣдняка. Всѣ его высшіе офицеры со многими другими были захвачены въ плѣвъ. Люди достойные вѣры говорили, что онъ большой колдунъ и спасся волшебною силой; его, было, догнали, но онъ скрылся отъ преслѣдователей въ грязной топи и густомъ тростникѣ“. Ср. у него же III, стр. 140.

вила ранѣе того совершенными, убѣжить“ (Hist. J. K. I, str. 189); не слушалъ онъ приказовъ короля и совѣтовъ примаса избѣгать открытаго боя съ превосходными силами врага, не губить войска, не ссориться съ Гонсѣвскимъ, ждать прихода помощи и т. п. Кн. Янушъ, въ упомянутомъ выше письмѣ къ Стрыжкѣ, вишилъ въ своей неудачѣ также другихъ: „пусть Богъ судить тѣхъ, которые выдали насъ на убой (na mięsne jatki) и нарочно сгубить хотѣли; откроются когда-нибудь глаза у людей“ . . . „Я бился, — писалъ Янушъ въ припискѣ, — проигралъ (битву), это обычно; не убѣгалъ я какъ подъ Пилавцами, не выкупался какъ подъ Зборовымъ, на выпрашивался какъ подъ Берестечкомъ“ (о. с. 373). Этими сравненіями Янушъ зло намекалъ на короля и коронное войско, со стороны которыхъ Литва теперь не имѣла никакой поддержки. Еще рѣзче выражался онъ о королѣ въ началѣ письма, опасаясь, что въ Варшавѣ не сумѣютъ принять шведское посольство по поводу титула¹⁾; онъ „зная и Пана и раду“ писалъ: „мы изъ за этихъ титуловъ потеряли уже Русь, неужели же и Литва должна еще пропасть? Пусть бы они сами пропали, чѣмъ для нихъ Рѣчи Посполитой прійдти in direptionem“. . . Приказывая Стрыжкѣ просить князя курляндскаго о совѣтѣ, что дѣлать, Янушъ полагалъ, „что дѣла дошли уже до того, что всякій долженъ думать о себѣ и о своемъ; пусть онъ мнѣ въ этомъ братскомъ совѣтѣ mentem suam quam secretissime откроетъ“.

Но эти сношенія съ сосѣдними государями не оставались, конечно, въ секретѣ и истолковывались противниками кн. Януша, какъ махинаціи, направленныя противъ короля въ сторону единовѣрныхъ Янушу Ракочія и шведовъ; Гонсѣвскій, какъ подскарбій Литовскій, обвинялъ еще Януша и въ томъ, что онъ забираетъ денегъ на гораздо большее число войска, чѣмъ держитъ въ дѣйствительности²⁾.

Переправившись съ горстью людей черезъ Березину при впадении р. Бобра, кн. Янушъ 27 (17) августа прибылъ въ Минскъ, куда приказано было собираться остаткамъ войска (Grabowski, о. с., I, str. 123); недѣли черезъ двѣ тамъ собралось уже три тысячи (ibid., str. 129); а еще черезъ недѣлю, 18 сентября, Янушъ писалъ: „по милости Божіей tego exemplo разсѣянное войско снова соединилось и снова послано мною къ Березинѣ для обороны этихъ краевъ“ (Kotłubaj, str. 373). Дѣйствительно уже 30 августа (9 сентября) Поклонскій писалъ царю, что „поляки съ княземъ въ Минскѣ собираются“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 244), а черезъ недѣлю 5 (15) сентября сообщалъ: „О Радзивилѣ подлинно, что готовится крѣпко, а на останокъ и всей черни мѣща-

¹⁾ „ta Szwedzka legacja albo na tytuł łapka, albo na wojnę okazyjka“.

²⁾ Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy Księga Pamiętnicza, 1654—1668 (Scriptores Rerum Polonicarum. III) Kraków. 1875. str. 1: въ сентябрѣ 1654 Медекша ѣздилъ отъ Гонсѣвскаго въ Койдановъ къ кн. Янушу, гдѣ и старался въ разговорахъ съ полковниками, „отвратить ихъ на сторону Его Королевской Милости отъ радзивилловскихъ факцій, обращенныхъ въ сторону шведскую и Ракочія“, потомъ ѣздилъ онъ къ войску подъ Смилевичи узнать сколько осталось „недобиткомъ“ подъ Шепелевицами: войска было не болѣе 4000, а жалованье брали на 15000; онъ же разузнавалъ, „къ которому гетману войско имѣетъ болшую инклинацію“. Самъ Гонсѣвскій въ битвѣ подъ Шкловомъ не участвовалъ: онъ былъ въ Вильнѣ, собирая войска, и отсюда писалъ коронному гетману просьбу помочь Литвѣ диверсіей на Украйну (Grabowski. Ojez. spomn. I, str. 111, 127, 129; подобное письмо кн. Богуслава — str. 128).

помъ и мужикомъ на голову велѣлъ итти на войну; для чего и вашей царской милости указъ учинити надобно, чтобъ все на голову шли² (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 294). Съ одною хоругвью и двумя тысячами такихъ, набранныхъ въ милицію, хлоповъ Фр. Медекша¹) разбилъ московскій отрядъ и хлоповъ, „которые предалися (Москвѣ) и уже обстриглись“ (по московски).

Кн. Янушъ дѣятельно старался сформировать и увеличить войско, разбѣжая съ коннымъ отрядомъ въ сто человекъ. Чтобы затруднить врагу наступленіе онъ велѣлъ уничтожить все мосты, сжегъ свой собственный городъ и замокъ Борисовъ, сложилъ съ крестьянъ, переложивъ на шляхту, налоги военный и подымный, желая удержать ихъ тѣмъ въ вѣрности²).

Въ октябрѣ, 14 (24), Поклонскій извѣщалъ уже царя о наступательныхъ замыслахъ литовцевъ: „то подлинно, хотя бы все имѣли погинути, ляхи будутъ дерзати ѣхать къ намъ подъ Могилевъ и Шкловъ, чтобы могли тѣ города высѣчь и осѣсть: понеже уже черезъ Березину рѣку не мало хоругвей переѣхало, и тамъ и моихъ казаковъ, въ загонѣ будучихъ, посѣкли и побили“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 421). Другія вѣсти о наступленіи литовцевъ сообщали Поклонскому, прося его о защитѣ, Могилевцы (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 424—425), о томъ же писалъ и воевода Михаилъ Воейковъ: такъ 6 (16) октября могилевскіе казаки разбиты были литовцами въ 6 миляхъ отъ Могилева (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 433—434).

Но самъ Янушъ не особенно вѣрилъ, видимо, въ успѣхъ реванша и писалъ 12 ноября изъ Минска, гдѣ заседала коммиссія по расплатѣ съ войскомъ (Script. Reg. Polon. III, str. 9; Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 467), своему кейданскому старостѣ наставленія на случай вывоза имущества: „Библиотеки не трогать, но имѣть кадки, бочки, ящики на случай, если бы, спаси Богъ, случилось что либо такое, что пришлось бы вывозить вещи изъ Краснаго Двора, (такъ) что бы и библиотеку унести, но, дай Богъ, что бы дѣло до того не дошло. Я радъ бы увезти оттуда (и) пани [т.-е. кн. Марію], bo i przeszkoda i koszt i gość, да не знаю куда; посоветуй Ваша. Милость, какъ (ты) думаешь, будетъ ли ей теперь удобно въ Ретовѣ?“³).

Не будучи увѣренъ въ успѣхѣ дальнейшей борьбы самъ, кн. Янушъ старался, однако, ободрить другихъ, такъ въ универсалѣ жителямъ Витебскаго воеводства⁴),

¹) Księga pamiętnicza (Scriptores rerum polonicarum III), str. 2.

²) О расположеніи и численности литовскихъ отрядовъ см. показанія могилевца Ильи Алексѣева отъ 7 (17) сентября—Акты Ю. и З. Р. XIV, стр. 331—332. О мѣрахъ кн. Януша: Theatrum Europaeum. VII. S. 618; рассказъ послѣдняго, можетъ быть, преувеличенъ.

³) Археографич. Сборникъ. VIII. Вильна. 1870, стр. 371—372; въ письмѣ этомъ помимо иныхъ распоряженій по городу (см. выше стр. 325), говорится о необходимости поспѣшить доставкою въ Кейданы колокола (dzwon), стонашаго 12000, „т. к. въ Кролевицъ (ему быти) не безопасно, потому что тамъ есть купцы, готовые наложить арестъ на мои товары по нѣкоторой причинѣ“, т.-е. разумѣется, за долги. Этотъ колоколь, очевидно въ связи съ отмѣченнымъ выше неудачнымъ переводомъ издателей „Сборника“ (см. выше, стр. 320, прим. 1), повлекъ В. Г. Васильевскаго въ неосновательное утвержденіе, якобы кн. Янушъ, выписывалъ для православной церкви колокола изъ Кеннгоберга и образа изъ Гданска“ (Памяти. русск. старина въ зап. губери. Имперіи. VI. 1874, стр. 50); о назначеніи колокола и картинъ никакихъ указаній въ источникахъ нѣтъ.

⁴) См. Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 621—623, отъ 23 октября 1654 изъ Койданова. Отрядъ, посланный въ началѣ декабря на выручку Витебска, опоздалъ (Theatr. Europ. VII, S. 619—620).

убѣждая ихъ „крѣпчайшій неприятелю тому давать отпоръ“, обнадеживалъ ихъ и своею помощію, „понеже уже и войско собралось и корунные пришли и повѣты находятъ вдругъ“¹⁾.

Дѣйствительно, Литвѣ готовилась, наконецъ, помощь и со стороны Польши: король прибылъ въ ноябрѣ въ Гродно и выражалъ готовность самъ идти отвоевывать Смоленскъ. Посполитое рушеніе и наемъ войска не давали, однако, ожидаемыхъ результатовъ: шляхта сидѣла по большей части дома, заботясь о защитѣ своихъ имѣній; около короля кромѣ его гвардіи и полка королевы собралось лишь 17 хоругвей, да около 2000 привели съ собой Сапѣга и Тышкевичъ; Сапѣгу и Глѣбовича король послалъ къ Могилеву, а самъ пробылъ въ Гроднѣ до начала декабря, стараясь установить согласіе между литовскими гетманами, которые писали ему другъ на друга доносы и жалобы²⁾.

Такимъ образомъ и король надѣялся, видимо, на возможность реванша и вмѣстѣ съ другими панями, обвинявшими кн. Януша въ нежеланіи изъ-за какихъ-то личныхъ обидъ³⁾ защищать отчизну, заставить литовское войско, расположившееся было на зимовку, предпринять трудный зимній походъ за Березину. Но въ Москвѣ, наоборотъ, виновникомъ упорнаго продолженія борьбы считали почему-то кн. Януша: царь Алексѣй Михайловичъ писалъ 23 января (ст. ст.) 1655 Арт. Серг. Морозову, собираясь въ новый походъ, такъ: „а мы, великій государь, идемъ тоже, и не потому, что Радивиль гордится предъ Богомъ, и хочетъ взять Новый Быховъ, да Могилевъ, да Шкловъ, и взявъ, идти къ Москвѣ; а король подлинно хотѣлъ посылать пословъ къ намъ великому государю, да Радивиль отговорилъ: я де пойду еще отвѣдаю счастья своего и Золотаренка собою и города отворочу и подь Москву пойду, и король и воротилъ пословъ“ (Соловьевъ. Ист. Россіи. X. 1869, стр. 338).

Болѣе вѣрное представленіе объ отношеніяхъ Януша къ королю и его совѣтникамъ даетъ длинное письмо его примасу, Андрею Лещинскому, изъ Минска отъ 2 декабря 1654 г., изданное Котлубаемъ (str. 393—399). Въ этомъ письмѣ кн. Янушъ оправдывается передъ примасомъ, а черезъ него и передъ королемъ, въ цѣломъ рядѣ нападокъ и обвиненій, направленныхъ на Януша; письмо является отвѣтомъ на излагавшее ихъ посланіе примаса, при чемъ въ частности Янушу ставилась, по видимому, въ упрекъ дерзкія сужденія и выраженія о королѣ въ частномъ письмѣ.

Янушъ, конечно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ какія-либо сепаратистическіе замыслы: „и тому дивлюсь я, — пишетъ онъ, — что бы кто либо могъ помыслить о дисембраціи, о которой говорить и думать *sacra unionis vincula vetant*“; отрицаетъ онъ и то, что несогласіе его съ Гонсефскимъ, Львомъ Сапѣгою, Корфомъ и другими могло имѣть дурное вліяніе на ходъ дѣлъ; отрицалъ причастность свою къ какимъ-то листкамъ и пасквилямъ: „какъ отцовская *honestas* не допустила этой

¹⁾ Уже въ письмѣ отъ 12 сентября изъ Вильны (Grabowski, Ojczyste spomniki, I, str. 128) сообщалось о движеніи коронныхъ войскъ и королевской гвардіи къ Минску.

²⁾ О пребываніи короля въ Гроднѣ см. *Historya Jana Kazimierza*, I, str. 194; Kochowski, I, p. 438—439; Rudawski, p. 143; *Theatrum Europaeum*, VII, S. 619.

³⁾ Kotłubał, str. 198, ссылаясь на недоступный мнѣ *Żywot X. Bogusława Radziwiłła*, str. 112—113, не приводитъ подробностей.

licentii войску, такъ и я бы ее не допустилъ . . . : рука жолнера должна лежать на саблѣ для обороны отчизны и славы Его Королевской Милости, а не строчить перомъ“. Сужденія же свои въ частномъ письмѣ объ ошибкахъ короны онъ признавалъ изложенными не столь aserbe и libere, какъ выражались о нихъ на многихъ сеймахъ; Янушъ выражалъ желаніе, чтобы король вспомнилъ его прежній совѣтъ, „что лучше было бы rebelles ad desperationem не доводить, чѣмъ remedium desperationi искать у непріятеля cum periculo Reipublicae“; оправдывался онъ и въ сношеніяхъ съ Хмѣльницкимъ: „съ вѣдома и позволенія Короля Его Милости и самой же Вашей Княжеской Милости послалъ я, пробуя (достичь) редукии казаковъ, и надѣюсь, что эта легация non sterilis cadet, т. к. есть извѣстія и изъ Украйны и изъ Орды, что татары и казаки о возвращеніи къ намъ и conjunctio противъ Москвы трактуютъ“; оправдывался Янушъ и противъ многихъ иныхъ нападокъ; самъ нападалъ на тѣхъ, кто изъ ненависти къ нему взводитъ на него такія нареканія; выставлялъ свои заслуги и свою самоотверженность въ дѣйствіяхъ на пользу отечества.

Послѣднее доказалъ онъ и на дѣлѣ зимнимъ походомъ, трудности котораго онъ переносилъ несмотря на болѣзнь (Kotlubaj, str. 198), но результаты котораго, несмотря на удачу въ началѣ, не соответствовали понесеннымъ войскомъ трудамъ: возможно, что зимній отдыхъ и непрестанныя приготовленія къ весенней кампаніи дали бы для литовскаго войска въ дальнѣйшей борьбѣ больше успѣховъ.

Московскія войска послѣ отъѣзда царя изъ-подъ Смоленска въ Москву отошли назадъ: въ Могилевѣ остались лишь казаки Поклонскаго; Ив. Золотаренко съ украинскими казаками тщетно продолжалъ осаду Старога Быхова; между тѣми и другими происходили постоянные раздоры и ссоры изъ-за продовольствія и грабежа мѣстныхъ крестьянъ.

Съ наступленіемъ зимы, голодомъ и уходомъ многихъ казаковъ домой Золотаренко послѣ 12-недѣльной осады, сжегши свой лагерь, отступилъ въ началѣ ноября отъ Старога Быхова къ Новому¹⁾; 18 и 21 декабря въ городъ вошли значительные литовскіе отряды, а 31-го прибыли и оба литовскіе гетмана съ войсками и пушками; численность ихъ войска въ Быховѣ и Ворколабовѣ иные, очевидно, съ преувеличеніемъ, опредѣляли въ 30000; Поклонскій въ Ворколабовѣ насчитывалъ 10000²⁾; другія болѣе вѣроятныя и совсѣмъ малыя числа называлъ плѣнный литвинъ³⁾; о цѣляхъ наступленія Поклонскій писалъ такъ: „сказываютъ языки всѣ, что король назадъ идетъ, полегку, съ людьми, а гетмановъ впередъ послалъ, чтобъ шли въ Москву и если бы здался Могилевъ и Шкловъ; а если ся не здадутъ, тогда ужъ минути и далѣе итти велѣно, а самъ король подъ Смоленскомъ хочеть стояти“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 488).

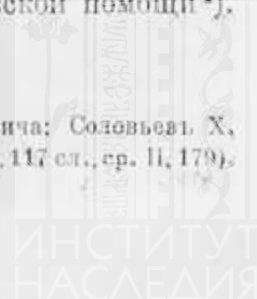
Поклонскій, отбивъ нападеніе литовцевъ на свой лагерь, 1 (11) января 1655 г. пришелъ въ Могилевъ, откуда и писалъ просьбы о присылкѣ московской помощи⁴⁾.

¹⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 441, 443—447.

²⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 483—486, 488.

³⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 489. Ср. упомянутое письмо Алексѣя Михайловича; Соловьевъ Х, стр. 338. Павелъ Алеппскій число войскъ Радзивила оцѣнилъ въ 12000 (у. с., III, стр. 117 сл., ср. II, 179).

⁴⁾ Акты Ю. и З. Р. VIII, стр. 384—385; XIV. 1889, ст. 488, 490, 493, 496, 501.

О томъ же съ своей стороны писалъ и Золотаренко, также посылавшій свои отряды на развѣдки и опредѣлявшій силы кн. Януша въ 24000¹⁾; ему удалось разбить татарскій отрядъ князя Несвижскаго, т.-е. кн. Михаила I Казимира Радзивила, шедшій въ литовскій лагерь²⁾, но все же литовское войско уже въ началѣ января (4?) осадило его въ Новомъ Быховѣ³⁾.

Кн. Янушъ лежалъ въ обозѣ больнымъ, поручивъ начальство кн. Богуславу Радзивилу: оправившись, онъ попробовалъ взять городъ штурмомъ, но послѣдній не удался⁴⁾ и въ концѣ января литовское войско ушло отъ Новаго Быхова къ Могилеву, взятіе котораго представлялось, конечно, гораздо болѣе важнымъ. Однако, самъ кн. Янушъ объяснялъ позднее этотъ уходъ своимъ нежеланіемъ воевать съ украинскими казаками, которыхъ онъ все еще надѣялся вернуть въ королевское подданство обѣщаніями прощенья и милостей отъ короля и указаніями на московскія обиды⁵⁾.

Золотаренко, однако, несклоненъ былъ, повидимому, къ двойной игрѣ, какъ его гетманъ, по крайней мѣрѣ переводы „прелестныхъ писемъ“, пересланныхъ имъ царю, сохранились въ московскихъ архивахъ въ большомъ числѣ. Но исполнить царскій приказъ идти на выручку Могилева онъ не рѣшался или не могъ и объяснялъ невозможность эту въ письмахъ къ царю такъ: „только что намъ помѣшкой снѣги великіе есть, изъ которыхъ конемъ человекъ не можетъ выбрестъ“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 530, ср. стр. 531). Но снѣга эти не помѣшали приходу литовскаго войска, не мѣшали и самимъ казакамъ въ ихъ набѣгахъ.

9 марта Золотаренко извѣщаль царя о возвращеніи подѣзда, который сжегъ Бобруйскъ и Королевскую Слободу и перебилъ тамошніе гарнизоны (*ibid.*, ст. 533; *Theatr. Europ.* VII. S. 768). Взятыхъ при этомъ трехъ плѣнныхъ, въ числѣ ихъ Доминика Паца, Золотаренко не послалъ, однако, къ царю, боясь якобы, что ихъ ото-

¹⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 515—516, письмо Золотаренка отъ 2 января 1655 г.

²⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 520, 522.

³⁾ Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 519, 522 отъ 7 янв., 508, 496.

⁴⁾ См. подробности у Котлубая (*Życie ks. Janusza*, str. 198—199; *Galerja*, str. 169); указываемыхъ имъ двухъ биографій кн. Богуслава, изданныхъ Рачинскимъ и Поплинскимъ, я въ рукахъ не имѣлъ. Объ осадѣ Быхова см. еще *Theatr. Europ.* VII, S. 764—765 и анонимное письмо (см. ниже, стр. 359 пр.)

⁵⁾ „Вѣдая я, что король его милость готовъ есть войску запорожскому все отдать и милость показать, . . . и . . . не желая пролитія крови христіанской, не наступалъ есмь ничего и на Вашу Милость, но изволилъ есмь возвратитися на природныхъ непріятелей нашихъ, вѣдая, что попрежнему межъ Рѣчью Посполитою и войскомъ запорожскимъ до покою ведетъ“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 535—536, отрывокъ, ранѣе 1 апрѣля); цѣликомъ дошло—въ переводѣ же—письмо изъ Могилева отъ 24 (14) марта къ Ив. Золотаренку (см. Акты Ю. и З. Россіи XIV, ст. 546—548); начинается оно такъ „Милостивый ване гетмане сѣверскій! Вѣдаешь Ваша Милость, какъ есмь я изъ предковъ моихъ всегда войску запорожскому былъ пріятель; вѣрь и тому, что есмь всегда съ паномъ гетманомъ запорожскимъ, хотя и война велася, имѣлъ и имѣю свои пріязни и желательства; о чемъ не сомнѣваюся, что и Ваша Милость вѣдаешь добре; оттуду и съ Вашею милостью желаю познатися“ и т. д. Слѣдуютъ нападки на „народъ московскій“ и его вѣроломство: „а что можетъ быть явѣвающимъ дѣломъ надто въ дѣлѣ хотя обороняти вѣру старожитную російскую и волность ея, такъ много душъ въ неволю забралъ и землю ту, которая не ляхами, но Русью осажена, ни во что изгубилъ; а какой же то оборонитель вашъ и какъ васъ обороняетъ?“ Интересно указаніе на продолженіе сношеній кн. Януша съ Хмѣльницкимъ: „я такожде и нынѣ недавно послалъ до пана гетмана, яко до свата своего, на душу свою его взявъ, что измѣны никакіе нѣсть въ томъ“.

бьютъ по дорогѣ, „и для того . . . чтобъ могли товариство наше изъ неволи свободити“ (ст. 534, ср. ст. 538), а вѣроятнѣе имѣя въ виду солидный выкупъ. Дѣйствительно Золотаренкѣ не замедлилъ прислать письма о Пацѣ и кн. Янушѣ (ст. 539—540), и „панѣ Жижемскій“ (ст. 540—541), предлагая обмѣнъ на плѣнныхъ казаковъ.

Лишь въ половинѣ апрѣля Золотаренко рѣшилъ послать своихъ казаковъ на выручку Могилева на стругахъ Днѣпромъ (ст. 553—554): 16 апрѣля онъ писалъ кн. Алексею Трубецкому: „мы съ войсками своими рушились, какъ полемъ, также и чолнами водою“ (ст. 568; ср. ст. 570, 596, 597).

Литовское войско подступило къ Могилеву 3(13) февраля (А. Ю. и З. Р. XIV, ст. 575); кн. Янушъ универсаломъ отъ 12 (2) февраля требовалъ сдачи города, обѣщая свободный выходъ московскому гарнизону и королевскую милость горожанамъ (ibid. 577—578); пространная „прелестная письма“ посылались въ Могилевъ духовенству и горожанамъ извѣстный уже намъ Θεодосій Василевичъ, находившійся при кн. Янушѣ и при томъ якобы переодѣтымъ въ нѣмецкое платье (Акты Ю. и З. Р. III, стр. 518); онъ увѣрялъ отъ имени кievскаго митрополита, будто бы тотъ собирается покинуть завоеванный Кіевъ и переѣхать въ Могилевъ: „мы же убогіе и при думать о себѣ инако не можемъ съ его милостью отцемъ митрополитомъ и со всеми духовными, полагаючи едину надежду на Бога, въ жалованье княжати его милости пану гетману, токмо тутъ въ Литвѣ притулитися“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 578—584).

6(16) февраля „бѣлорусскій полковникъ“ Поклонскій, еще 17 января пересылавшій къ царю „прелестная письма“ кн. Януша (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 508), перешелъ со своими казаками на сторону Литвы: онъ впустилъ ихъ войско въ большой земляной валъ, который защищали, и хотѣлъ обманомъ войти самъ и ввести ихъ въ меньшій земляной валъ и въ деревянный острогъ, но московскій комендантъ Воейковъ этого не допустилъ, сдѣлавъ вылазку; московскія войска и оставшіеся на ихъ сторонѣ горожане въ происшеднемъ бою съ литовцами „двѣ роты гусаръ побили и бунчукъ Богуслава Родивила взяли и знамя“; городъ въ большей части, конечно, погорѣлъ; такъ излагають дѣло извѣстія московскія (см. Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 575, 587—588); по рассказамъ же другой стороны ворота города въ назначенное время не отворились и валы взяты были кн. Богуславомъ приступомъ¹⁾.

¹⁾ Kotłubaj. *Życie*, str. 199; *Galerja*, str. 169. Къ сожалѣнію, мнѣ осталась недоступной автобіографія кн. Богуслава, изданная подъ именемъ біографіи кн. Альберта Радзивила въ вилненскомъ журналѣ: *Więzunki i rozważanie naukowe*, 1839, № 9, гдѣ рассказывается, какъ контуженъ былъ кн. Богуславъ въ церкви, стоявшей подъ самымъ городскимъ валомъ. Евст. Тышкевичъ (*Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi*. St. Petersburg. 1869. str. 147—148), предпологаетъ, что съ этой именно церкви былъ снятъ колоколъ, находящійся на евангелическомъ „сборѣ“ въ Биржахъ и отлитый, судя по надписи на немъ, въ 1508 для могилевской церкви Вознесенія Господня и Покрова Богородицы.

Объ осадѣ Нов. Быхова и Могилева подробно говорить указывается Финкелемъ (№ 3905) брешюра: *Extrait d'une lettre écrite par un officier de l'armée de Lituanie logée dans la ville basse de Mohilow du 19 Fevrier 1655*. Bruxelles. 1655. 4 pp. in 4°.

Рассказъ участника весьма обстоятеленъ и достоверенъ, кромѣ развѣ мотивовъ перехода Поклонскаго: le dit Sr. Pokloński voiant que nous étions maître de son poste et du quartier, où il logeoit, se presenta avec quelque cavallerie et demanda sa grace, qui lui fut promptement accordée par le grand general, ce qui advança fort nos affaires. Осаждавшіе разсчитывали и на сдачу двухъ нѣмецкихъ полковъ Нирода (Nerod) и Фансталена (Staden), которые, якобы, были недовольны тѣмъ, что ихъ при расцѣлѣ сильно обсчитали. Въ Могилевѣ было тогда 7000 домовъ и 100.000 душъ жителей.

Теперь, вернувшись под королевскую руку, Поклонский усердно разсылалъ увѣщанія послѣдовать его примѣру и Могилевцамъ, и Золотаренку, и нѣжинскому протоіерею и т. д.; въ своихъ письмахъ онъ описывалъ обманутыя надежды на московское покровительство вѣрѣ и народу, указывалъ на насильственное переселеніе въ Москву монаховъ, на грабежи церквей, на насилія надъ жителями (см. Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 541—546, 549—552). Особенно интересно объяснительное письмо Поклонскаго какому-то московскому боярину, къ сожалѣнію не полное, гдѣ Поклонскій доказываетъ безкорыстіе своего рѣшенія (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 509—514). На дѣлѣ переходъ этотъ стоилъ, вѣроятно, кн. Янушу не мало и денегъ и не даромъ Рудавскій называетъ его *Mohiloviae mercator* (см. выше стр. 214, пр. 2).

Письма Поклонскаго и другихъ, какъ и письма самого Януша, къ сдачѣ склонить гарнизона и части горожанъ не могли; осада длилась цѣлыхъ 12 недѣль; попытки взять замокъ штурмами и подкопами не удавались; упоминаются ночной приступъ 18 (28) февраля, взрывъ подкопа 8 (18) марта, взрывъ двухъ или трехъ подкоповъ и общій ночной штурмъ 9 (19) апрѣля; при послѣднемъ осажденные сдѣлали удачную вылазку, послѣ чего 10 (20) апрѣля кн. Янушъ около 3000 человекъ, обозъ и стада отправилъ къ Березинѣ, гдѣ стали строить мосты. Ночью на 13 (23) апрѣля былъ жестокій приступъ, на который ходили даже гусары и рейтары, но и онъ былъ отбитъ¹⁾.

Между тѣмъ на выручку Могилева двинулся, какъ мы видѣли выше, Золотаренко и 1 (11) мая послѣ послѣдняго подкопа и приступа (и вылазки) кн. Янушъ со всеѣмъ своимъ войскомъ, сжегши городъ, снялъ осаду (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 576, 590), а 3 мая пришелъ полковникъ Елфимъ Коробка съ 2000 казаковъ (ст. 590).

Передъ уходомъ 31 апрѣля (10 мая) Янушъ издалъ универсалъ (ст. 621—622), объявлявшій о передачѣ имъ до скорого своего возвращенія власти надъ всеѣми краями бѣлорусскими Поклонскому, „узнавъ желательство его къ тому и мужество и до дѣла войскаго способность“.

Русскія извѣстія характеризуютъ его дѣятельность такъ: „а большое де дурно Могилеву отъ измѣнника отъ Костки Поклонскаго, онъ де Радивила на всякое зло приводить и въ промыслу во всеѣмъ Радивилу язается“ (А. Ю. и З. Р. XIV, ст. 570).

Поклонскаго и Василевича, въ качествѣ измѣнниковъ, царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ предать церковному проклятію, но патріархъ Никонъ на просьбу его объ этомъ отвѣтилъ однако отказомъ (Соловьевъ. Ист. Россіи. X. 1869, стр. 334).

На отступавшее литовское войско казаки Золотаренки напали около Березины и, разбивъ двухъ полковниковъ, взяли четыре знамени и литавры и освободили до 2000 могилевцевъ, которыхъ литовцы уводили съ собою (Акты Ю. и З. Р. XIV,

¹⁾ Объ осадѣ Могилева см. Акты Ю. и З. Россіи. XIV, ст. 588—589, 569—570; *Theatrum Europaeum*. VII. S. 766, 768, 769; см. выше стр. 359, пр. 1; отдѣльные эпизоды см. въ „Хроникѣ (Трубицкаго) бѣлорусскаго города Могилева (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1887, кн. III, отд. I, № 3, стр. 1—124), стр. 21—22; ошибочно, конечно, полагалъ Рудавскій (р. 147), что Могилевъ литовцы взяли бы, nisi Radivillio vacillans fuisset fides et amor patriae. Павелъ Алеппскій (III, стр. 144) увѣряетъ, что и теперь (ср. выше, стр.) Радзовиль „переменилъ одежду подобно дьяволамъ, и бѣжалъ съ немногими людьми, покинувъ свое войско, изъ котораго никто не спасся. Мы порадовались этой вѣсти“.

ст. 602—604, отъ 10 мая); самъ Золотаренко сталъ лагеремъ у Старого Быхова и возобновилъ осаду его упорнаго гарнизона, вопреки совѣтамъ Хмѣльницкаго „не сидѣть надъ курятниками“ (Соловьевъ. X, 1869, стр. 336), и здѣсь позднѣе былъ и убитъ¹⁾.

Вскорѣ послѣ отступленія за Березину, когда выяснилась неудача произведеннаго было реванша, оба литовскихъ гетмана отпразднелись на сеймѣ въ Варшаву (19 мая—21 іюня 1655) просить помощи противъ новаго похода на Литву самого царя; войско же оставлено было на кн. Богуслава Радзивила (Theatr. Europ. VII. S. 784).

Гонсѣвскаго при появленіи его на сеймѣ привѣтствовали очень горячо и торжественно, а кн. Януша (1 іюня нов. ст.) встрѣтили молчаніемъ. Въ общемъ собраніи Янушъ читалъ реляцію о дѣйствіяхъ литовскаго войска и представилъ королю трофеи: 52 плѣнныхъ, среди которыхъ было трое бояръ, и 60 знаменъ и значковъ; говорилъ онъ и о невозможности бороться съ врагомъ столь малыми силами и отбирать завоеванные Москвою города. Послы благодарили обоихъ гетмановъ и сеймъ, поражавшій современниковъ работоспособностью, согласился на объявленіе посполитаго рушенья; диссиденты пробовали было получить право *libri exercitii religionis*, но тщетно; католики подняли даже новое спорное дѣло о кн. Янушѣ и уваженіи распятіи (ср. выше стр. 226), но и оно было отложено *ad recessum*²⁾.

Продолжались и обвиненія кн. Януша въ измѣнническихъ отношеніяхъ къ королю замыслахъ: приближенный Гонсѣвскаго Стеф. Фран. Медекша пишетъ: „въ томъ же году передъ взятіемъ Вильны довѣрился мнѣ Его Милость панъ гетманъ во всѣхъ секретяхъ, какъ онъ хотѣлъ, усмотрѣвъ измѣну въ коллегѣ Радзивилѣ, оторваться отъ него и войско съ собою увести на службу Его Королевской Милости и Рѣчи Посполитой, какъ велъ онъ переговоры (трактовалъ) черезъ меня съ войскомъ и королю Его Милости писалъ, давая о томъ извѣстія“ (Scr. Reg. Polon. III. 1875, стр. 2—3).

Правъ ли былъ, однако, Гонсѣвскій и велъ ли кн. Янушъ въ дѣйствительности уже тогда переговоры со шведами о подданствѣ имъ, для сужденія о томъ рѣшающихъ данныхъ мнѣ неизвѣстно. Про кн. Януша всегда ходили слухи, что онъ своему королю-католику предпочитаетъ государей сосѣднихъ, чужихъ, но ему единовѣрныхъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ еще, чтобы онъ проектировалъ подданство имъ всей Литвы. Несомнѣнно, конечно, что онъ велъ сношенія, притомъ иногда и тайныя, и со шведскимъ дворомъ и съ иными протестанскими государями, но нельзя утверждать, чтобы цѣлью ихъ былъ именно разрывъ Литвы съ Польшей. Рѣчь могла идти объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ пользу диссидентовъ, о протестанскихъ кандидатахъ на польскій престолъ и т. п., но далеко еще не о признаніи чуждой власти при живомъ королѣ.

Таково, напримѣръ, письмо изъ Могилева отъ 20 марта 1655 по поводу переговоровъ Польши со Швеціей и частныхъ сношеній кн. Януша съ курляндскимъ княземъ и шведами: „я особенно желаю *et per gloriam Dei* прошу,—писалъ кн. Янушъ

1) Н. Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. III, 1884, стр. 200—201; къ указаннымъ тамъ рассказамъ о томъ, какъ сгорѣло въ Корсувѣ его тѣло вмѣстѣ съ церковью см. еще: Лѣтописи . . . , изд. Киевской Археогр. Комиссіей. Киевъ. 1888, стр. 167—168.

2) О сеймѣ этомъ см. Theatrum Europaeum. VII, S. 770; Rudawski, p. 156.

своему биржанскому старостѣ, — чтобы въ трансакціи [т. е. въ переговорахъ между Польшей и Швеціей] не забыли диссидентовъ, ихъ *securitatem et liberum* въ городахъ королевскихъ и господскихъ *exercitium*, какъ намъ, такъ и лютеранамъ, Руси и аріанамъ“; видно, что Янушъ предпочиталъ бы имѣть королемъ шведа; онъ просилъ даже о чужеземной себѣ помощи, недовѣряя, очевидно, своему войску, которое могло предпочесть ему Гонсѣвскаго; отмѣчается и дипломатическій планъ защититься отъ московскаго нашествія протекціей шведскаго вассала, но о прямомъ подчиненіи Литвы Швеціи нѣтъ еще пока, видимо, и мысли¹⁾.

Мысль прибѣгнуть въ крайности къ протекціи шведовъ, какъ къ средству спасенія отъ московскаго нашествія, являлась, такимъ образомъ, еще въ то время, когда крайность эта не наступила; когда же именно началъ кн. Янушъ и соотвѣтственныя съ ними сношенія, мы точно не знаемъ, но полагаемъ, что нѣтъ основаній не вѣрить словамъ его въ письмѣ къ кн. Богуславу Радзивилу: „хотя говорятъ, что это было давно мною задумано, (но) пусть дьяволъ проклянетъ мнѣ душу, если я когда либо сносился объ этомъ раньше: съ того времени, какъ писали мы изъ Вильны письмо, началось это дѣло, когда не было средства спастись иначе²⁾“.

Въ это крайнее положеніе привели Литву съ одной стороны шведы, начавшіе въ іюль 1655 г. войну съ Польшею, а съ другой стороны продолжавшееся наступленіе московскихъ войскъ вглубь Литвы.

Документы, изданные въ XIV томѣ „Актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, даютъ ясную, хотя и краткую, исторію движенія казаковъ Золотаренка и московскихъ войскъ по направленію къ столицѣ Литвы, Вильнѣ.

20 (30) мая казаки Золотаренка разбили три литовскихъ хоругви въ м. Толочинѣ³⁾; около 10 (20) іюня кн. Юр. Барятинскимъ разбиты были казаки Поклонскаго

¹⁾ Письмо адресовано Христофору Довгяллѣ Сtryжкѣ, биржанскому старостѣ, который сносился отъ имени Януша съ курляндскимъ герцогомъ, (см. выше, стр. 353); оно издано у Котлубая, стр. 374—376. Вотъ еще нѣкоторыя выдержки изъ того же писма, характеризующія отношенія Януша ко двору и Гонсѣвскому: „За прибрѣтеніе конфиденціи въ Швеціи благодарю, однако съ нею нужно быть осторожнымъ (ex quo самъ знаетъ князь Его Милость, въ какую я попадаю *suspiciam*, а также, что *optimas pro republicam* [?] *actiones* толкуютъ навыворотъ). Довольно однако, что самъ король ихъ *ambit amititiam*, а намъ почему будетъ преступленіемъ списывать *favor* друзей? (А тутъ при этой okazji постарайся Ваша Милость о контрефектѣ [=портретѣ] теперешняго короля Его Милости и этой шальвой Христины).“ Послѣ приведенной въ текстъ фразы слѣдуетъ: „*Commoda* отъ этого такіа: 1) *Favor* къ королю шведскому и его дому; а какъ звать, что *fata* могутъ; элекція Пана [=короля] въ рукахъ у насъ. 2) Евангеликамъ *accedet* силы, т. к. города заселяться будутъ нѣмцами и мы будемъ въ лучшемъ респектѣ. 3) Заслуга у Господа Бога *per dilationem* хвалы Его“ . . . „И то также Ваша Милость *unice agas* съ княземъ Курляндскимъ, чтобы въ мое литовское войско, если ужъ *ad conjunctionem* *armorum* дойдетъ, дали тысячи двѣ пѣхоты и тысячу конницы, чтобы и я былъ этимъ *securior* отъ своихъ непослушныхъ. А я могу это тутъ устроить (такъ), что дѣйствія со стороны Руси даны будутъ моему раздущенному [*perfidowanemu*] коллегѣ, а я самъ себѣ возьму трактъ отъ Двины. Это трактуй Ваша Милость *quam ferventissime*, но также и *quam cautissime*, чтобы тутъ этого не проиюхали“. . . „О панѣ подскарбѣи [=Гонсѣвскомъ] и о Пацахъ знаю, что они не только этому дѣлу [т. е. переходу Инфлянтъ во владѣніе курляндскаго герцога] но и особѣ князя *infensissimi* и добывши извѣстія, что король Шведскій писалъ Царю, что онъ взялъ князя Курляндскаго *sub protectionem* *suam*, были такіе дискурсы: дать князю мандаты, и пр., и пр. Но тѣ же *contradicere* этому будутъ, а теперь только *iesuиты* и ихъ *креатуры*, изъ которыхъ и самъ Пана [=король] вышелъ. Я написалъ бы князю самъ, да, какаа у меня бумага, самъ Ваша Милость видишь“.

²⁾ Письмо отъ 26 августа 1655 изъ Кейдавъ: Котлубай, стр. 387—388; *Mihałowskiego Ksiąga pamiętnicza*. 1864, стр. 764—767.

³⁾ „Тѣхъ полскихъ и литовскихъ людей побили и языки повмали и три знамя и двои литавры взяли“ (Акты Ю. и З. Россіи, XIV. 1889, ст. 677).

въ Борисовѣ¹⁾; около 20 (30) іюня казаки Золотаренка, посланные въ разъѣздъ къ Минску, въ 6 миляхъ за Березиною, разбивъ литовскій отрядъ, захватили языковъ и письма, назначавшіяся въ осажденный Старый Быховъ²⁾, а 25 іюня (5 іюля) переходить Березину и самъ Золотаренко³⁾. 2 (12) іюля онъ ожидалъ въ Смѣловичахъ, въ 9 миляхъ отъ Минска, подхода московскихъ войскъ и извѣщалъ царя о взятіи его передовымъ отрядомъ м. Свислочи⁴⁾.

Минскъ занятъ былъ бояриномъ Ө. Юр. Хворостининымъ (Соловьевъ, Исторія Россіи. X. 1869, стр. 340) и сожженъ (Rudawski, p. 179). Изъ подъ Минска 12 (22) іюля Золотаренко писалъ царю о двухъ удачныхъ „подъѣздахъ“: къ Вильнѣ, въ 25 верстахъ отъ которой разбитъ былъ отрядъ Поклонскаго, и въ Койдановъ, который былъ взятъ и сожженъ⁵⁾; перехваченное подъ Вильною чье-то письмо оттуда отъ 16 (6) іюля ясно рисовало безнадежность ея положенія между двумя наступающими арміями: московскою и шведскою, т. к. въ началѣ іюля и шведы объявили войну Польшѣ⁶⁾.

16 (26) іюля Золотаренко, не дойдя трехъ миль до Ошмянъ, сообщалъ о побѣдѣ надъ семитысячнымъ, якобы, отрядомъ Глѣбовича⁷⁾, а черезъ нѣсколько дней самъ Золотаренко и кн. Ос. И. Щербатый бѣжали съ Поклонскимъ и Глѣбовичемъ и преслѣдовали ихъ до Ошмянъ, гдѣ и разбили⁸⁾.

1) „Многихъ людей побили и гоняли за ними за Березиною пятнадцать верстъ и многихъ языковъ и знамена и литавры у нихъ поимали . . . , а измѣнникъ Костка Поклонской ушелъ съ того бою съ малыми людьми въ Польшу“ (ibid., ст. 706).

2) Ibidem, ст. 724—725; письма—ст. 727—732.

3) „Съ остаткомъ войска переходимъ на ту сторону Березины, и вскорѣ Господь дастъ перейти тогда имѣемъ просто итти къ Менску“ (ibid., ст. 726).

4) „Мѣсто Свислочь знатное . . . взятъ черезъ мечъ и не мало въ ней неприятелей будучихъ всѣхъ подъ мечъ пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ безъ остатку сожгли Пребываю ожидаючи приходу околничего и намѣстника ржевскаго Богдана Матвѣевича Хитрово и ратныхъ людей при немъ будучихъ“ (ibid., ст. 745—746, ср. 747—748).

5) Ibidem, ст. 749—750; „Наказной гетманъ Иванъ Золотаренко . . . посылалъ изъ Минска въ посылку полковника Федора Федорова къ Вилни для подлинныхъ вѣстей и для языковъ. И полковникъ, государь, прошедъ мѣстечка Койдановъ, не дошедъ до Вилни за двадцать пять верстъ, данолъ Поклонскаго роту . . . тое роту побили и языки поимали, знамя и литавры взяли. Да . . . послать посылку сотника Федора Мринскова къ мѣстечку Койданову . . . и . . . мѣстечка Кайдановъ взяли и которыя, государь, были въ томъ мѣстечкѣ полскія и литовскія люди, и тѣхъ всѣхъ людей мечю предали и то мѣстечка и посады все выжгли“ (ibid., ст. 751—754).

6) „И тако отвсюду неприятелей много, и Богу толко вѣдомо, какъ жестокое въ Литвѣ, вотчинъ нашей, приходитъ премѣненіе. Мы уже до селца отгуду бѣжати мыслили, какъ и сперва сказано, что Москва не далече отъ Вилна была, нмѣи о Свезяхъ слышать, не знаемъ что дѣлать. Шахта вси и граждане не думаютъ бѣжати, ноипаче какъ скоро приблизится пришествіе ихъ, поддадутся помишлютъ. Сеймникъ обьклой при князѣ его милости пану гетману три дни былъ: посполитое рушенъе послѣдняго дня быти имѣеть. Зѣло стужаютъ, что и подимныхъ двѣ и на конь садитися тотчасъ понужденны. Богъ да будетъ съ гетманы и съ рыцери“, и т. д. (ibid., ст. 751—752). См. другое письмо, также въ русскомъ переводѣ, гдѣ сообщается, что универсаль кн. Януша назначалъ смотрѣ посполитаго рушенъа ва 30 іюля, ibid., ст. 757—758. Еще письма—ст. 759—762.

7) „И какъ пришли товарищи наши блиско города Ошмянъ за три мили, встрѣтили враговъ и недруговъ нашего царского величества 7000, идучихъ съ тое стороны рѣки Немени изъ Злостай, нареченнаго села. И какъ встрѣтились, учинили бой . . . и тѣхъ враговъ . . . въ конецъ разорили и многихъ мечю предали, межъ которыми неприятели вашего царского величества старшій былъ быховецъ, ротмистръ Глѣбовичъ“ (ibid., ст. 755).

8) „Послыша враговъ . . . будучихъ въ собранъ въ обозѣ, называемомъ Новомъ селѣ, до нѣсколко тысячь, а съ ними были начальныя люди, быховецъ ротмистръ Глѣбовичъ и Поклонской и

Съ другой стороны въ Жмудь вступали шведы и литовскому войску не оставалось, конечно, никакой надежды на возможность сопротивления на оба фронта; нетронутымъ еще военной грозой частямъ Литвы предстояло неминуемое раззореніе; судьба Жмуди, гдѣ находились родовыя владѣнія кн. Януша: Биржи, Дубинки, Кейданы и др., заботила его, конечно, особенно сильно. Возникавшій уже и ранѣе планъ признанія шведской протекціи теперь дѣлался особенно соблазнительнымъ: съ одной стороны подчиненіе единовѣрному шведскому королю обезпечивало личные интересы кн. Януша, а съ другой распространеніе хотя бы номинальной власти шведскаго короля на всю Литву, оставленную своимъ королемъ безо всякой помощи, давало надежду на прекращеніе дальнѣйшаго наступленія московскихъ войскъ.

Шведскія воззванія приглашали шляхту къ покорности, обѣщая ей безопасность и защиту; шляхта познанскаго и калишскаго воеводствъ приняла въ Устицѣ 15 іюля, н. ст., протекцію шведовъ. Къ тому же тяжелыя обстоятельства толкали и литовцевъ. Сношенія кн. Януша со шведами приняли поэтому теперь именно тотъ характеръ, какой ранѣе въ нихъ лишь подозрѣвали и, вѣроятно, ошибочно, его враги.

31 (21) іюля 1655 года нѣкій Лубенскій отъ имени кн. Януша и литовскихъ пановъ заключилъ предварительный договоръ о принятіи Литвою протекціи шведскаго короля. Десять пунктовъ этого договора посланы были кн. Янушемъ изъ Вильны, послѣ принятія ихъ нѣкоторыми духовными лицами и панами, единомысленными съ кн. Янушемъ, въ томъ числѣ якобы и Гонсеѣвскимъ. По этому договору Литва становилась въ личную унию со Швеціей, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность и порядки; шведскій король принималъ на себя обязанность добиться очищенія Литвы московскими войсками; войско шведское и литовское соединялись противъ всякаго непріятели, исключая однако короля польскаго; Янушъ обязывался сдать шведамъ свою крѣпость и городъ Биржи¹⁾.

Запущенное состояніе стѣнъ города Вильны, которое въ спокойныя времена сравнивали съ отсутствіемъ стѣнъ у древней Спарты²⁾, и малочисленность литовскаго войска, котораго было всего пять тысячъ вмѣсто прежнихъ шестнадцати,—если не считать собравшихся еще ополченцевъ: до 10000 шляхты, мѣщанъ и др., (*Theatrum Europaeum VII, S. 784*),—не давали гетманамъ надежды на удачу сопротивления подходившимъ московскимъ арміямъ, а потому кн. Янушъ попытался всту-

иные начальныя люди . . . укрѣпя табаръ . . . сошлись съ полскими людьми, и тѣхъ всѣхъ людей и языки поймавъ побилъ жъ и потомъ . . . пошли противъ тѣхъ Ляховъ и гонили ихъ отъ села Нового полторы мили до мѣстечка Ошмянъ и многихъ порубилъ; а у мѣста Ошмянъ тѣ Ляхи, войска свои расправя, . . . учинили бой большой и райтарскихъ пятнадцать хоругвей да гусарскихъ три хоругви побилъ" (*Ibid.*, ст. 898—899).

¹⁾ Эти условія напечатаны въ изложеніи у Рудавскаго, р. 180—181; а полностью, но въ переводѣ, у Котлубая, стр. 206—207. На нихъ и была, вѣроятно, отвѣтомъ брошюра: *Responsum comitis Gabriel de la Gardie ad episcopum Viliensem (et) Radzivillos. 31 Iulii 1655*, которую упоминаетъ Finkel № 3899. Въ Биржахъ у кн. Януша было 800 отборныхъ жолнеровъ, не считая офицеровъ и большаго десятка пушкарей (*Eust. Tyszkiewicz. Birże. St. Petersburg. 1869, str 53*); впрочемъ этотъ гарнизонъ изъ-за неплаты жалованья грозилъ одно время начать самовольно собирать себѣ содержаніе съ волости (*ibid.*).

²⁾ В. Г. Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны. II (= Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Вып. VI. С.-П.-Б. 1874), стр. 50.

нить въ дипломатическіе переговоры и съ московскими полководцами; изъ лагеря подъ Вильною онъ послалъ имъ (кн. Як. Куд. Черкасскому?) письмо, въ которомъ, называя себя великимъ гетманомъ шведскаго короля и Вел. Княжества Литовскаго, предлагалъ заключить съ нимъ, вѣроятно какъ съ вассаломъ дружественной Москвѣ державы, договоръ и, надо думать, просилъ о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій¹⁾. Но посланцы его были задержаны и отвѣта отъ бояръ онъ не получилъ, а отъ плѣнныхъ, захваченныхъ при какомъ-то нападеніи двухтысячнаго литовскаго отряда на русскіхъ, узналъ о намѣреніи тѣхъ напасть на него (Theatr. Europ. VII. S. 785).

29 іюля (8 августа) цѣлый день длился подъ Вильною бой между отступавшимъ отъ нея литовскимъ войскомъ и наступавшими русскими, которые къ вечеру взяли городъ, пытавшійся на свое горе сопротивляться.

Разсказъ о битвѣ этой, который даетъ Theatrum Europaeum²⁾, согласуется въ общемъ съ донесеніями о ней царю кн. Черкаскаго³⁾ и Золотаренка⁴⁾.

Во время этой битвы въ наиболѣе важномъ пунктѣ, при переходѣ черезъ мостъ за Вилію, гдѣ оба литовскихъ гетмана принимали въ бою личное, повидимому, участіе, въ литовскомъ войскѣ произошелъ расколъ и часть его, пробившись черезъ московскіе ряды, ушла, направляясь къ королю, въ Ковно; однако организатору этого плана, Гонсевскому, пришлось вмѣстѣ съ Янушемъ отступить въ Жмудь⁵⁾.

¹⁾ Такъ можно заключать, комбинируя Theatrum Europaeum (VII. S. 785: der Fürst Radzivill . . . schickte Gesandten an den Moskowiter, dass sie sich in einem Vergleich mit einander einlassen wolten) съ приводимымъ Соловьевымъ (Ист. Росс. X. 1869, стр. 347) содержаніемъ отвѣта кн. Як. Куд. Черкаскаго кн. Янушу, о чемъ см. ниже.

²⁾ VII. S. 785: „Князь Радзивиль отступилъ отъ вражескаго лагеря за рѣку, т. к. онъ считалъ себя очень слабымъ. Московиты тотчасъ стали его преслѣдовать и уничтожили всѣхъ, кто не успѣлъ перейти рѣку. Но князю Радзивилу очень хотѣлось удержать за собою городъ Вильну (Wilda); онъ сталъ поэтому на горѣ съ одной стороны города и велѣлъ поставить тамъ свои пушки, чтобы къ нему могли тѣмъ временемъ присоединиться горожане; но духовенство въ городѣ не хотѣло никого выпускать, а желало смягчить врага просьбами. Онъ тѣмъ временемъ занялъ гору на другой сторонѣ и открылъ такой огонь изъ пушекъ по лагерю князя, что тотъ долженъ былъ уйти оттуда“.

³⁾ . . . „Гетманы Родивиль и Гонсевской со всѣми полскими и литовскими и нѣмецкими людьми стояли обозомъ въ полу-мили отъ Вилни, и былъ бой отъ шестаго часа дни до ночи. И . . . гетмановъ обоихъ и полскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей многихъ побили, и языки поймали, и гетманы съ литовскими людьми съ бою побѣжали за рѣку Вилею; и наши царскаго величества ратные люди къ городу приступали жестокими приступы, и столицу Великаго Княжества Литовскаго, городъ Вилню, взяли, и литовскихъ служилыхъ и мѣщанъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей побили, и въ городѣ нарядъ и пушечные всякіе запасы взяли“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 772—773). Ср. XV ст. 291.

⁴⁾ „Были . . . въ собраніи князь Радивиль и Гонсевской съ войсками не малыми. . . . Съ тѣми жъ непріатели вашего царскаго величества имѣли (мы) бой сильной чрезъ весь день, которые стояли на той сторонѣ города за рѣчку, и мосты попалили, до которыхъ трудно было такъ скоро переправиться: повеже намъ помѣшкой былъ дождь сильной; а когда была погода подлинно одва бы остатокъ непріателей вашего царскаго величества уйти могли. . . . Тѣхъ тогда непріателей . . . сбили и городъ Вилню взяли, и много непріателей вашего царскаго величества на мѣстѣ полегло. Также на томъ бою взяли есмь языковъ многихъ и двадцать знаменъ, которые знамена, за прибытіемъ вашего царскаго величества покладаемъ подъ ноги вѣрныя слуги и желательные подданные вашему царскому величеству“ (Акты Ю. и З. Р. XIV, ст. 769—770).

⁵⁾ Панегиряетъ Гонсевскаго, Сам. Венславскій разсказываетъ объ этомъ такъ (Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski. 1691, p. 11—12): Spectata igitur ab adversa Villiae parte, Urbis conflagratione, . . . pontis solummodo defenso aditu, in Samogitiam itum. Pars Lithuanii exercitus, seu Ducis Supremi exuens militare imperium, seu Suecorum in Samogitia evitans protectionem, per Moschorum occurrentes acies, et crebros in campis Ponarensibus conflictus, Caunam, inde Brestiam, Ductore Casimir Zeronski, locum tenente Gosievii, evasere; ipse fato, non consilio, dum Moschis cum Principe Radziwił

Такимъ образомъ литовское войско съ обоими гетманами, одинъ изъ которыхъ былъ еще и виленскимъ воеводою, въ безсиліи ушло, оставивъ Вильну на волю непріятели; печальная судьба города нашей темы не касается¹⁾; отмѣтимъ лишь извѣстіе, повидимому, достовѣрное, что Золотаренко сталъ на постой во дворцѣ кн. Януша (Theatr. Europ. VII. S. 785), да менѣе надежный рассказъ Павла Алепскаго (у. с., IV, стр. 66), якобы „царь велѣлъ сломать съ дворца Радзивила семь куполовъ, покрытыхъ золотомъ, и перевезъ ихъ въ Москву вмѣстѣ со множествомъ колоннъ изъ краснаго и разноцвѣтнаго мрамора, множествомъ плитъ и безсчетомъ столовъ: рѣдкости, доселѣ не виданныя москвитями“. Точности этого показанія разумѣется, довѣрить нельзя: на упомянутой выше (стр. 329) медали дворецъ кн. Януша имѣетъ лишь пять верховъ, гдѣ могли находится какія-либо золоченныя навершья; но самый фактъ вывоза въ Москву изъ Литвы даже архитектурныхъ частей весьма интересенъ²⁾.

Но еще до занятія и разграбленія Вильны русскими ей не мало пришлось потерпѣть, повидимому, и отъ литовскаго войска, съ которымъ стоялъ тамъ кн. Янушъ, *Vi nae praedator nobilis*, какъ величаетъ его Рудавскій (см. выше стр. 214, пр. 2). Документально засвидѣтельствованы правда лишь денежныя выдачи ему отъ магистрата: сперва „14000 зл. на содержаніе втеченіе четверти года казацкой (т.-е. легковооруженной) хоругви въ 120 человекъ, а затѣмъ дней за десять слишкомъ до

ad pontem restitit, dum hostiles insultus profligat, pontemque incendit, abreptus Corvinus in Samogitiam: quandoquidem iter sibi cum Zeronscio destinaverat; sistere Moschorum victorias; expedire consilia, dum paria objicere arma non licebat, habebat animum. Клиентъ Гонсевскаго же Медекша пишетъ (Script. Regum Polonicarum III, str. 3): „подъ конецъ я и значекъ носилъ и его самого, когда онъ былъ окруженъ большою московскою силою, увелъ, такъ какъ прочіе все разбѣжались: я одинъ только при немъ остался, даже хлопца и конюха не было“. Съ другой стороны приверженецъ кн. Януша, Мържинскій писалъ (изъ Кейданъ, 26 августа 1655 г.) кн. Богуславу Радзивилу такъ: „Подъ Вильномъ онъ (Гонсевскій) всѣхъ взбунтовать, чтобы не переходили за каменный мостъ, но чтобы лучше войско шло въ Гродно, а потомъ къ королю. Когда его полкъ нарочно, а пана старосты Жмудскаго (т.-е. Георгія Карла Глѣбовича) случайно, оставался на той сторонѣ (рѣки), то они не хотѣли возвращаться къ войску, даже и самъ (онъ) не могъ ихъ revocare, хоть онъ самъ уже подписался на принятіе протекціи короля Его Милости шведскаго“.

¹⁾ Подробности о вступленіи въ нея сперва русскихъ войскъ и нѣмецкихъ наемниковъ, а потомъ и самого царя, см. въ Theatrum Europaeum. VII, S. 784—785, которымъ не пользовался В. Г. Васильевскій (Памяти русск. стар. въ зап. губ. Имперіи, вып. VI, стр. 49—54), подробно разсматривая извѣстія о раззореніи Вильны русскими. О свѣдѣніяхъ по русской исторіи, заключающихся въ этомъ изданіи см. статью С. В. Рождественскаго въ Ж. М. Н. Пр. Часть CCLXXV, 1891, № 5, отд. 2, стр. 57—77. Рассказъ Павла Алепскаго (IV, стр. 65—66) и его подробности, напр., о взрывѣ Янушомъ моста на Виані пороховъ и т. п., какъ и иные его рассказы о литовской войнѣ, не особенно, конечно, надежны.

²⁾ Ср. Alberto Vimina. Delle guerre di Polonia, 1671, p. 281: E se non fosse alla mia vista occorsa la serie longhissima de Carri carichi di spoglie, e la marchia continuata di sei mesi interi la copia innumerabile de (p. 282) cavalli ed altri bestiami grossi e minuti; non sarebbe ciò facilmente passato alla mia persuasione. Ne certamente nella riflessione, ch'io faccìo mi dò ad'intendere d'haver veduti meno di cento mila Carri tutti gravi di supellettili di poco valore, rami lavorati, ed altri levati dai tetti delle Chiese, ferramenta, stagni, piombi, campane, panni di lana e di canape, e tutto quello di qualche stima, ch'occorse à vista de soldati, li quali colla commodità de Carri, e Cavalli rapiti si sono potuti trasportare. Далѣе—о гуманномъ способѣ перевозки русскими плѣнныхъ женщинъ и дѣтей и о противоположныхъ картинахъ, видѣнныхъ Вишиной у казаковъ въ Украйнѣ. О литовскихъ плѣнныхъ и добычѣ см. еще Павла Алепскаго (IV, стр. 66, 89—90, 116), который не преминулъ замѣтить (стр. 90): „все это постигло ляховъ за злые дѣла ихъ вельможъ; вина за это на выѣ проклятаго Радзивила, которому Богъ впоследствии отплатилъ ужасною и быстрою гибелью“.

завоеванія Вильны чистыми деньгами, которые получили слуги его панъ Прижиковскій и панъ Штумбергъ, выдалъ городъ на жолнеровъ 50000 зл.^а 1).

Но польскіе, враждебные кн. Янушу, историки утверждаютъ, что онъ обобралъ якобы и горожанъ, ограбилъ церкви, разыскивалъ припрятанныя богатства и унесъ съ собою въ свои Кейданы собранныя вѣками сокровища 2). Весьма возможно, конечно, что литовскія войска, оставляя Вильну, забирали съ собою что могли, чтобы не оставлять добычи врагамъ, а городскую казну съ тою же цѣлью могъ унести и самъ Янушъ; но тщательное разсмотрѣніе рассказовъ этихъ В. Г. Васильевскимъ значительно подрываетъ ихъ достовѣрность: церковныя драгоценности, напримѣръ, оказываются вывезенными отчасти самимъ духовенствомъ 3).

Тѣ же историки и самое отступленіе литовскаго войска отъ Вильны въ Жмудь объясняли желаніемъ кн. Януша защитить свои тамъ владѣнія; однако, что не имъ однимъ объяснялось оставленіе Вильны, а также и желаніемъ сохранить войско для дальнѣйшихъ дѣйствій, это признаетъ и Венславскій, панегиристъ Гонсѣвскаго 4). Надежда на шведскую помощь также указывала, конечно, на этотъ путь къ сѣверу. Но правъ, разумѣется, и В. Г. Васильевскій въ своемъ заключеніи, что „огромное княжеское богатство вовсе не внушало Виленскому воеводѣ героическихъ помысловъ, а напротивъ давало ему возможность слѣдовать своей самостоятельной и не совсѣмъ безкорыстной политикѣ“ (о. с., стр. 50).

Въ Кейданахъ, куда отступило литовское войско, продолжалась борьба двухъ партій въ немъ: королевской, главою которой былъ Гонсѣвскій, и шведской — кн. Януша; послѣдній употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать всѣ выгоды „шведской протекціи“ 5), и достигъ желаемого: актъ принятія Литвою подданства

1) Regestr expensow miasta Wilenskiego u Kraszewskiego. Wilno. II. 1840, str. 137.

2) Rudawski, p. 179: Radivilius celeritati usus, cives bonis spoliare, ecclesias invadere, abdita scrutari, diripere publicum aerarium et tot annorum congestas opes. Historya panowania Jana Kazimierza. I. str. 285, объясняетъ отдачу Вильны и ея костеловъ на разореніе врагу мстью за разрушеніе тамъ католиками кальвинскаго „сбора“ (см. выше, стр. 219). Ни Медекша, ни Венславскій (о. с. р. 9—11), говоря о разореніи Вильны, о грабѣжъ кн. Януша не упоминаетъ. J. Kraszewski (Wilno. II. 1840, str. 40—42, 113—116) повторяетъ обвиненія противъ Януша польскихъ историковъ.

3) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Вып. VI. С. П. Б. 1874, стр. 49—54.

4) О. с., р. 11: Generalissimi Lithuaniae, quanquam cunctatione et viribus sese opponerent; tantae nihilominus potentiae impares, desperata Vilnae defensione, residuas copias ulterioribus casibus Reij: reservare, decreverunt.

Явно невѣрно говорить объ оставленіи Янушемъ Вильны „ne exerto quidem gladio“ Коховскій (II, р. 34).

5) Вотъ какъ излагаетъ аргументы кн. Януша Ст. Фр. Медекша: „онъ пускаетъ туманъ въ очи всѣмъ обывателямъ Княжества Литовскаго особливо Жмуди, выхваляя короля шведскаго. Говоритъ, какой онъ государь хорошій и могущественный, какой счастливый, что свѣтъ долженъ удивляться его дѣяніямъ и счастью; бранитъ короля польскаго Яна Казиміра, за время правленія котораго Рѣчь Посполитая пришла къ падевію. Предлагаетъ (пропорціе) поѣтому ассекрацію уже заключенныхъ имъ втайнѣ и, вѣроятно, еще до вятія Вильны трактатовъ съ королемъ шведскимъ, который обѣщается отвоевать (rekuprować) завоеванное и занятое Москалемъ Княжество Литовское, притомъ же сохранять (ego) при прежнихъ правѣ, вѣрѣ и вольностяхъ, что и клятвою утвердить (komprobować) желаетъ. Какъ наконецъ [онъ] жизнь и имущество отъ неистовства (fugyi) Москвы, которая имени шведскаго боится, сохраняетъ, т. к. никогда Москаль его войной не осилитъ, такъ оно могущественно, и по картамъ разъяняетъ величину шведской короны. Когда же онъ будетъ еще имѣть униъ съ нами, и по картамъ разъяняетъ величину шведской короны. Когда же онъ будетъ еще имѣть униъ съ нами, то (весь) свѣтъ и поганство непременно долженъ побѣдить (zakrzec). Излагаетъ (пропорціе), что Ве-

шведскому королю былъ подписанъ 18 августа (н. ст.) 1655 въ Кейданахъ¹⁾ рядомъ съ кн. Янушемъ подписался подъ нимъ, хотя и не безъ сопротивленія (Theatr. Europ. VII. S. 789), и Гонсѣвскій. Этотъ актъ навѣки закрѣпилъ у польскихъ историковъ за кн. Янушемъ славу измѣнника и биографъ его (Котлубай) напрасно старался защищать своего героя.

Намъ обсуждать этотъ актъ съ моральной или патриотической точки зрѣнія нѣтъ, конечно, никакого интереса. Начало трактата содержало совершенно вѣрное опредѣленіе тогдашняго положенія Литвы: „нѣтъ иного способа для сохраненія нашего государства, какъ только присоединиться къ одной изъ воюющихъ теперь противъ насъ сторонъ и ввѣрить ей наши дѣла и судьбы“. Кн. Янушъ избралъ едино-вѣрныхъ ему шведовъ, которые, по трактату, должны были немедленно потребовать отъ Москвы очищенія Литвы, какъ ихъ достоянія, по самый Днѣпръ, а въ случаѣ отказа въ томъ добывать Литву для литовцевъ силою. Гонсѣвскій же наоборотъ, вошелъ въ сношенія съ царемъ московскимъ и обѣщаніями ему избранія на королевство достигъ, если вѣрить Венславскому, ухода царя изъ Литвы: *servatur consilio, quod peribat Marte*²⁾.

Конечно, въ сущности и для того и для другого гетмана все эти договоры со вчерашними врагами были лишь дипломатическими приемами обезпечить по возможности спокойствіе и благосостояніе не разоренныхъ еще войною частей Литвы. Кн. Янушъ писалъ 26 (16) августа изъ Кейданъ кн. Богуславу Радзивилу: „У Бога и свѣта excusabimur (въ томъ), что мы приняли эту протекцію, когда насъ, Литву, выдали и когда Москаль сталъ въ Вильнѣ, чего не было въ Великой Польшѣ, а мы съ бѣды къ чему могли броситься? Все еще не конецъ, насъ могутъ спасти и намъ recedere вольно“³⁾.

На сей разъ кн. Янушъ въ предвидѣніи грядущихъ событій ошибся: его дѣло очень скоро оказалось проиграннымъ, тактика же Гонсѣвскаго увѣнчалась, въ концѣ-концовъ, успѣхомъ: Литва вернулась къ Яну Казимиру.

Кн. Янушъ отряды, ушедшія изъ подъ Вильны къ королю (см. выше стр. 367), считалъ измѣнниками, тѣмъ болѣе что они по дорогѣ пограбили имѣнія его и другихъ пановъ; въ письмѣ къ кн. Богуславу онъ выражалъ сожалѣніе, что не имѣеть

ликопольскіе повѣты и воеводства уже приняты протекцію короля шведскаго, Краковъ и Варшава имъ обложены, гетманы и съ короннымъ войскомъ уже поняли [się nakierowali], что понятиѣ стѣнится счастлива унія съ королемъ Его Милостью шведскимъ. Такого намъ Господь Богъ даетъ государя, что не по казиміровски, но счастливо будетъ нами править“. (Scriptores Rerum Polonicarum Tomus III. Stefana Franciszka z Prószeza Medekszy Księga pamiętnicza wydarzeń zaszłych na Litwie 1654—1668. Kraków. 1875, str. 13—14).

¹⁾ Латинскій подлинникъ (?) см. Рудавскаго, (о. с., р. 207—211); сокращенный нѣмецкій переводъ въ Theatr. Europ., VII, S. 789—790; польскій переводъ у Котлубая (о. с., стр. 207—212).

²⁾ Sam. Węszawski, о. с., р. 13: . . . Nempe, tantum valuit apud Magnum Mosch: Principem, iusta et grata oratio, ut clam datis Corvino, firmatisque faederibus, excesserit Lithuania.

О сношеніяхъ и переговорахъ Гонсѣвскаго съ русскими см. В. Г. Васильевскій, о. с., стр. 55, т. 67 сл., Węszawski, о. с., р. 13—16, и особенно интересный „діаріушъ“ Мѣдекши посольства изъ Кейданъ въ Вильну (Script. Rerum. Polon. III, str. 16—27) и о послѣдующихъ посольствахъ его въ русское войско и въ Москву.

³⁾ См. письмо это отъ 26 августа 1655 изъ Кейданъ у Котлубая (о. с., стр. 737—388) и у Михаловскаго (Księga pamiętnicza, str. 764—766).

еще шведской кавалерии, чтобы преслѣдовать ихъ (Kotłubaŭ, str. 387); въ одновременномъ же письмѣ къ заблудовскому старостѣ Герасимовичу онъ приказываетъ ему расправиться съ нѣкоторыми „измѣнниками“, не стѣсняясь средствами: ночнымъ убійствомъ или отравой¹⁾. Въ письмѣ кн. Богуславу Янушъ совѣтовалъ ему отправляться со всѣмъ добромъ въ Тильзитъ, въ четырехъ миляхъ отсюда, въ Таврогенѣ, находилась тогда кн. Марія со всѣми²⁾ судами (wiciny) и вещами Януша, т. к. тамъ подъ протекціей бранденбургскаго курфирста онъ были въ наибольшей безопасности.

Самъ же Янушъ думалъ о предстоящихъ битвахъ съ Золотаренкомъ и сообщалъ о томъ, что еще наканунѣ, (т.-е. 25 (15) августа), изрубилъ сотню его казаковъ въ Червонномъ Дворѣ. Московскія же войска кн. Януша не преслѣдовали, напротивъ того воеводы вступили съ нимъ въ переговоры³⁾.

Намъ о сношеніяхъ этихъ извѣстно очень мало. Theatrum Europaeum говоритъ о нихъ очень кратко и видимо со словъ какого-либо сторонника кн. Януша⁴⁾.

Изъ болѣе же достовѣрныхъ, русскихъ, документовъ о посольствѣ въ Кейданы дворянина В. Н. Лихарева⁴⁾ сдѣлалъ нѣкоторыя выдержки С. М. Соловьевъ⁵⁾. Посольство началось съ упрековъ кн. Янушу за то, что онъ въ письмѣ къ боярамъ писался шведскаго короля и Великаго Княжества Литовскаго великимъ гетманомъ, виленскимъ воеводою: шведскими Литва и Вильна никогда не были, были они польскаго короля, и теперь за государемъ московскимъ; слѣдовательно Янушъ подарилъ шведскаго короля, дружественнаго царю, чужимъ достояніемъ. Кн. Як. Куд. Черкасскій велѣлъ говорить кн. Янушу: „если ты хочешь быть виленскимъ воеводою, то поинци государской милости къ тебѣ и будь въ подданствѣ у царскаго величества: государь тебя пожалуетъ гетманствомъ литовскимъ, воеводствомъ виленскимъ, всѣми твоими маестностями, да сверхъ того пожалуетъ тебя великимъ своимъ царскимъ жалованьемъ, а вольности вашей и вѣры нарушить не велитъ“. На это кн. Янушъ отвѣчалъ: „Хотимъ мы быть у великаго государя въ подданствѣ; но посланцовъ нашихъ задержали, и въ уѣздѣ около Вильны ратные государевы люди крестьянъ, женокъ и малыхъ ребятъ поѣбкуютъ всѣхъ и дома палятъ; видя, что посланцевъ задержали, а польскій король насъ покинулъ, я отдался въ подданство

¹⁾ Письмо кн. Януша изъ Кейданъ отъ 26 августа, см. Michałowski, Księga pamiętnicza, str. 767—768; тамъ же напечатано и письмо кн. Богуславу—str. 764—766; еще письмо отъ того же 26 августа изъ Кейданъ же отъ Мѣржинскаго кн. Богуславу см. Kotłubaŭ, о. с., str. 400—401; выдержку изъ этого письма см. выше стр. 366, примѣчаніе.

²⁾ Tu od Moskali mamy trochu luzu, bo gońcowie ustawicznie hukają (Kotłubaŭ, str. 387—388).

³⁾ VII. S. 789. „Великій князь писалъ . . . князю [Янушу] увѣдомленіе, что послѣ того, какъ онъ сталъ господиномъ Вильны и къ тому же вся литовская страна сдѣлалась его достояніемъ, и онъ (Янушъ) долженъ отдаться подъ его защиту, а иначе онъ будетъ преслѣдовать его огнемъ и мечемъ. Радзивилъ далъ ему такой отвѣтъ: онъ не знаетъ никакого иного патрона кромѣ Его Величества въ Швеціи, подъ защиту котораго онъ отдался“.

⁴⁾ О томъ же посольствѣ нишеть и Медекша, ѣхавшій въ Вильну вмѣстѣ съ Лихаревымъ, но приводитъ разговоры его лишь съ Гонецкимъ (Scriptores Rerum Polonicarum. III, str. 15—16).

⁵⁾ Исторія Россіи. X. 1869, стр. 347, со ссылкой (стр. 397) на Дѣла Шведскія 1655 г. въ Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ и на столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Государственномъ Архивѣ № 71.

Я не имѣлъ, къ сожалѣнію, времени заняться и этими дѣлами, ограничившись болѣе важнымъ для моей темы 1651 годомъ.

шведскому королю». Гонсѣвскій говорилъ лояльнѣе: пусть царь возьметъ къ своему краю, что хочетъ, а ихъ подъ польскимъ королемъ не трогаетъ. Изъ разсказа Лихарева о другомъ свиданіи съ кн. Янушемъ С. М. Соловьевъ привелъ лишь одну пессимистическую фразу Януша: „У насъ мысль наша вся розно пошла, у всѣхъ нашихъ людей мысль врознь“.

Эти переговоры происходили вопреки совѣту патріарха Никона, видѣвшаго, очевидно, въ кн. Янушѣ лишь еретика (ср. выше стр. 314¹⁾: онъ писалъ 19 іюля (ст. ст.) царю совѣтъ: „Радзивила не призывать: его и такъ Богъ предасть“ (Соловьевъ, X, стр. 347). И Никонъ не ошибся: шведская протекція не спасла, а погубила кн. Януша.

Въ самый день отправления Лихарева изъ Кейданъ, 8 сентября, нов. ст., въ остававшемся при гетманахъ войскѣ снова начался мятежь, организованный Гонсѣвскимъ. Онъ, тайно раздобывъ договоръ кн. Януша со Шведами объ обратномъ отвоеваніи ими Литвы, посылалъ его царю въ Вильну со своимъ приверженцемъ Медекшею, который и описываетъ этотъ мятежь. Гонсѣвскій долженъ былъ выѣхать со своими приверженцами за городъ, гдѣ стояли уже другіе конфедераты. Но „далъ знать измѣнникъ измѣннику, Коморовскій Радзивилу“ и Гонсѣвскій былъ арестованъ отрядомъ пѣхоты въ 600 человекъ. Коморовскій, обозный литовскій, арестовалъ его отъ имени радзивиловскаго войска, говоря: „ты, какъ подскарбій, выѣхать не можешь, такъ какъ войско не удовлетворено еще расплатою за его службу“. Выѣхавшіе въ поле заговорщики, узнавъ, что гетманъ задержанъ, и не имѣя главы, чтобы отбить его, пошли подъ Вѣлону; кн. Янушъ выслалъ было за ними нѣсколько сотъ конницы, но т. к. ушедшихъ было больше, то преслѣдователи на нихъ не напали (Script. Reg. Pol. III, str. 17).

Такимъ образомъ войско кн. Януша еще болѣе уменьшилось, а число противниковъ умножалось. Разбѣгались и жители Кейданъ, что также приводило Януша въ бѣшенство: онъ грозилъ имъ конфискаціей имущества и смертю; не слушалась, видимо, совѣтовъ его и жена²⁾.

Московскіе дипломаты требовали и у шведскаго генерала Магнуса Делагарди,

¹⁾ Антиохійскій патріархъ Макарій и его спутники въ Москвѣ въ близости Никона также „изъ глубины сердца возносили мольбы противъ врага Бога и христіанъ, Радзивила, какъ прежде проклинали Стефана, господара Молдавіи [врага Василія], ибо несомнѣнно Творецъ воздвигъ этихъ двухъ людей въ наказаніе христіанамъ и ради умноженія нашей печали“ (Павелъ Алеппскій III, стр. 139)... „Пошли Боже Радзивилу помощь и болѣзнь, продолжительные въ такой мѣрѣ, въ какой онъ повиненъ въ крови тысячей народа и въ какой омрачилъ теперь нашу жизнь, о Творецъ, и за то еще что этотъ проклятый былъ, какъ мы сказали [см. выше, стр. 340, пр. 1, и 356] причиною всѣхъ теперешнихъ золъ“ (ibid., стр. 140).

Противъ сирійскихъ монаховъ кн. Янушъ виновенъ былъ тѣмъ, что изъ-за новаго похода царя въ Литву оттягивалось ихъ возвращеніе на родину!

²⁾ Въ VIII томѣ Археографическаго Сборника, Вильна, 1870, стр. 372, № 89, напечатано письмо кн. Януша Коханскому, помѣченное „w Kiejdanach, d. 12. 9 bris A-o 1655“. „Я велю,—пишетъ въ немъ Янушъ,—жолнерамъ всюду по дорогѣ ихъ [бѣглецовъ] обдирать и вѣшать; и это для этихъ то шк... сыновъ будетъ пани оставаться въ Кейданахъ, какъ, будто ей не вольно ѣхать куда хочетъ!“ Выше мы видѣли, однако, что кн. Марія уже въ концѣ августа была въ Таврогенѣ; нужно, слѣдовательно, предполагать, что она къ ноябрю вернулась оттуда снова въ Кейданы, что маловѣроятно. Странно и то, что письмо писано изъ Кейданъ въ Кейданы. Нѣтъ ли какой-либо ошибки въ датѣ?

чтобы онъ запретилъ кн. Янушу писаться виленскимъ воеводою и литовскимъ гетманомъ, т. к. и тѣмъ и другимъ владѣть царь; Делагарди обѣщала сказать о томъ при скоромъ свиданіи кн. Янушу, обѣщавшая отпустить и бывшихъ у Януша московскихъ плѣнниковъ¹⁾.

Съ другой стороны кн. Януша не признавали болѣе великимъ гетманомъ и все оставшіеся вѣрными Яну Казиміру: приверженцы Гонсѣвскаго, ушедшіе изъ подъ Вильны²⁾ и изъ Кейданъ, отряды, собранные Львомъ Сапѣгою, воеводой витебскимъ, Георгіемъ Карломъ Глѣбовичемъ, старостой жмудскимъ и шуриномъ кн. Януша, кн. Михаиломъ Казиміромъ Радзивиломъ, владѣтелемъ Несвижа и соратникомъ кн. Януша подъ Могилевымъ, и другими панами.

Эти отряды патриотовъ избрали себѣ главою Льва Сапѣгу, котораго король вскорѣ и сдѣлалъ великимъ гетманомъ Литвы; если счастье ихъ въ борьбѣ со шведами и русскими было непостояннымъ, то экспедиціи въ Жмудь противъ кн. Януша, почти лишеннаго собственныхъ силъ и не получившаго достаточной помощи отъ шведовъ, принудили его покинуть неукрѣпленные Кейданы и искать спасенія съ немногочисленными слугами и приближенными и частью своихъ богатствъ въ крѣпкомъ замкѣ Тыкоцина, гдѣ засѣлъ небольшой (500 чел.) шведскій гарнизонъ полковника Дитриха Розе³⁾.

Войска Гонсѣвскаго и Павла Сапѣги упорно осаждали Тыкоцинь; шведы не старались о выручкѣ гетмана, растерявшаго свою армію; придворные, враждебные Янушу, круги ждали гибели „измѣнника“ и сама королева писала, якобы, Сапѣгѣ, чтобы онъ, когда добудетъ Януша, не оставлялъ его въ живыхъ, но тотъ отвѣтилъ, однако, что послѣ битвы не имѣетъ права на жизнь врага и, если тотъ достанется ему живымъ, то онъ представитъ его на судъ Рѣчи Посполитой⁴⁾.

1) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи. X. 1869, стр. 348, о посольствѣ въ сентябрѣ 1655 г. дворянина Несстерова, который по дорогѣ слышалъ уже выраженія неудовольствія нѣкоторыхъ шляхтичей на шведовъ.

2) Въ ихъ числѣ была даже собственная гусарская хоругвь кн. Януша (Kotłuba, str. 401).

3) Котлубай (Życie, str. 214; Galerja, str. 153) и другіе согласно говорятъ объ удаленіи Януша въ Тыкоцинь и смерти его тамъ; между тѣмъ Яриутовскій въ специальной статьѣ о Тыкоцинѣ (Jan Jarnutowski. Tykocin. Miasto w dawnéj ziemi bielskiéj.— Biblioteka Warszawska. 1885. II, str. 165—188) пишетъ, что въ Тыкоцинь привезено было лишь тѣло умершаго уже кн. Януша и что отрядъ Розе вошелъ туда позднѣе (о. с., str. 174). Основаніемъ ему служить отчасти приводимое имъ заявленіе 13 января 1658 г. кн. Богуслава Радзивилъ, какъ наследника по кн. Янушѣ, въ Новогрудскій, градскій судъ, якобы Станиславъ Пакославскій, считая Тыкоцинь наиболѣе безопаснымъ мѣстомъ, привезъ туда останки кн. Януша, своего господина, съ немалой суммой денегъ, золотомъ и серебромъ, а равно съ документами (papiami) и привиллегіями. Но возможно, кажется, что смерть кн. Януша до начала осады Тыкоцина придумана была для того, чтобы легче оспаривать у войска разграбленное имъ имущество Януша.

4) Historia panowania Jana Kazimierza. I, str. 286; впрочемъ историческая достовѣрность этого разсказа о гибели кн. Януша не очень надежна: тутъ утверждается, напр. будто бы онъ самъ выдалъ дочь свою за кн. Богуслава, заплативъ за папское разрѣшеніе 2000 талеровъ, и т. п.

Тотъ же историкъ рассказываетъ (I, str. 285), будто бы въ Тыкоцинѣ въ осадѣ вмѣстѣ съ кн. Янушемъ находилась и жена его; послѣ смерти Януша на выручку ее отправился былъ со своими хоругвами Александръ Конецпольскій, хорунжій коронный, который будучи вдовцемъ, желалъ передъ ней отличиться, но королю шведскому, давшему ему на то позволеніе пришлось его отозвать назадъ, т. к. въ это время (мартъ 1656) шведское войско само попало въ осаду со стороны Стефана Чарнецкаго и Павла Сапѣги въ лагерь на мысу между Вислой и Саномъ около Сандоміра. Чертежъ этой

Но кн. Янушу не суждено было предстать на судъ своихъ противниковъ: сидя въ осаждѣ онъ захворалъ и въ послѣдній день 1655 года (31 декабря н. ст.) умеръ.

Смерть его современникамъ казалась, конечно, не обычною: Ерличъ (I, str. 374) пишетъ, что Янушъ отдавшись въ подданство шведскому королю, „какъ кальвинъ кальвину, впавши потомъ въ отчаяніе, умеръ скоропостижною смертью“; Рудавскій выражаетъ сомнѣніе въ естественности смерти ¹⁾; анонимъ, изданный Рачинскимъ, причину смерти его видитъ въ ипохондріи, которая обуяла его, оставленнаго и чужими и своими ²⁾.

Смерть эту и въ Москвѣ объясняли небесною карой. Павелъ Алеппскій (IV, стр. 153) пишетъ: „Въ это время [въ концѣ февраля 1656 г.] пришло къ царю извѣстіе и въ народѣ распространилась молва, что проклятый Радзивиль, который предался шведамъ и жилъ у нихъ, былъ внезапно постигнутъ гнѣвомъ Божиимъ: у него скривилась челюсть, какъ это случилось съ Теофиломъ иконоборцемъ, и онъ погибъ страшною смертию“.

Когда кн. Янушъ умеръ, кто-то изъ бывшихъ при немъ слугъ составилъ подробную опись бывшаго съ нимъ имущества, которая сохранилась въ несвижскомъ архивѣ и издана Котлубаемъ (*Życie*, str. 420—430); въ этомъ интересномъ съ различными точекъ зрѣнія документѣ нашей темы касаются лишь упоминанія о сундукахъ и ящикахъ съ различными бумагами: инвентаремъ, очевидно, всѣхъ имуществъ кн. Януша, грамотами старыми и новыми, договорами и контрактами, расписками, различными дѣлами и бумагами, а также съ книгами печатными и рукописными (ср. выше стр. 331, 348), и особенно съ картинами. Къ сожалѣнію именно о послѣднихъ опись и не даетъ, конечно, никакихъ подробностей: упоминается сюжетъ только одной картины: генеалогическій орелъ Радзивиловъ; мало того даже самое польское слово „obrazu“ недостаточно опредѣленно: подъ нимъ можно разумѣть и картины, и портреты, и рисунки, и даже образа, хотя послѣднее для имущества кальвиниста и маловѣроятно ³⁾ (см. выше стр. 320, пр. 1).

Во всякомъ случаѣ въ этихъ ящикахъ лежали, по всему вѣроятію, и тѣ рисунки Авраама фанъ Вестерфельда, которые теперь извѣстны намъ къ сожалѣнію,

осады, изданный въ *Theatr. Europ.* VII, Taf. zur S. 291, весьма напоминаетъ въ общемъ упомянутые выше чертежи Эйгирда (см. выше, стр. 245, 252—253), а отдѣльными мелкими бытовыми сценками, какъ пасущіеся кони, солдаты у котловъ и т. п., и рисунки Вестерфельда (см. табл. XIII, рис. 5; XIV, рис. 4).

¹⁾ *Historia*, p. 226: „supra sortem suam Lituani ferocis, Polonis minax, extinguitur suone an alieno fato incertum. Sunt qui credunt conscientia rerum novarum, quibus se fautorem ostenderat, tetra exhaustum melancholia interiisse. Princeps re vera alti spiritus et qui pro patria extrema tentavisset, nisi Regiae obstitissent delationes.“

²⁾ *Historya panowania Jana Kazimierza*. I, str. 285: *żołnierze go odstąpili, nie chcąc być zdrajcami rzeczy pospolitéj; u wszystkich miłość i reputacyą utracił... gryzł się jednak sam w sobie, że go nikt nie estymował. Po odstąpieniu wojska i Szwedzi mniej o niego dbali... Umarł tedy w Tykocinie z hypochondryi dnia 30 Grudnia 1655.*

³⁾ Приводимъ выписи о книгахъ и картинахъ (Котлубай, о. с., стр. 420): 6. Skrzynia wozowa z xiągami staremi pisanemi. 7. Skrzynia żelazna i 8. druga mniejsza. 9. Skrzynka długa żelazna z xiągami drukowanemi... 11. Szuflada z xiągami. 12 i 13. Dwie szuflady wielkie z biblioteką. 14 do 20, 7 szuflad z obrazami... 23. Szuflada płaska z obrazami; (str. 421) 36. Skrzynia wielka w której te są obicia: ... Szpalera jedwabna na której są wojska wyrobione (str. 422). 39. Szuflada płaska stara, w niej... Xięgi 3 wielkie... Karta drukowana pismem po białym atłasie; (str. 427) 50. Osobno... Obraz na którym Orzeł genealogji Xiążąt Jch M.

лишь въ копіяхъ конца XVIII вѣка, и тѣ рисунки перомъ изъ исторіи кн. Радзивиловъ и портреты ихъ, о которыхъ придется еще говорить ниже (ср. и выше, стр. 269 и 321).

И послѣ смерти кн. Януша шведы, засѣвшіе въ Тыкоцинѣ, продолжали оборону и не желали слушать никакихъ предложеній о сдачѣ, съ которыми обращались къ нимъ осаждающіе: напрасно Сапѣга и Гонсѣвскій, по ходатайству кн. Михаила Казимира Радзивила, предлагали имъ выдать тѣло кн. Януша, обѣщаясь, что оно „quam honorificentissime съ конвоемъ будетъ отослано въ Сѣльце къ Его Милости пану старостѣ Жмудскому“ [т.-е. къ шурина кн. Януша, Георгію Карлу Глѣбовичу] и что „кто только ни выѣдетъ при тѣлѣ и сколько дѣлъ и вещей ни вывезетъ, все останется неприкосновеннымъ“¹⁾. Упрямые шведы не шли ни на какія соглашенія и послѣ перерыва въ половинѣ 1656 года осада затянулась до начала слѣдующаго года, когда, наконецъ, городъ и замокъ взяты были приступомъ²⁾.

Ворвавшіеся въ замокъ жолнеры, выбивъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ комнаты, гдѣ стоялъ гробъ съ тѣломъ кн. Януша, выбросили тѣло изъ гроба и взяли саблю, булаву и цѣпь, лежавшія при немъ³⁾.

Взрывомъ порохового погреба, случайнымъ или же, по многимъ свидѣтельствамъ, произведеннымъ шведами, зданіе, гдѣ стоялъ гробъ, было разрушено и несмотря на тщательные розыски Сапѣга и кн. Михаилъ Казиміръ Радзивиль не могли найти подъ развалинами тѣло кн. Януша⁴⁾. Позднѣе его отрыли и перенесли въ фамильную усыпальницу подѣ евангелическимъ „сборомъ“ въ Кейданахъ, но, повидимому, не непосредственно изъ Тыкоцина⁵⁾, такъ какъ еще въ концѣ 1668 г. кн. Богуславъ Радзивиль писалъ въ своемъ завѣщаніи: „Тѣло покойнаго князя его милости Януша, милаго моего брата, которое до сихъ поръ изъ-за замѣшательства въ отечествѣ, оставалось въ Сѣльцѣ въ назначенномъ и извѣстномъ только Ея Милости пани воеводинѣ Виленской [т.-е. кн. Маріи] мѣстѣ, суграбунт ихъ милости паны родственники (мои) незамѣтно взять оттуда и положивъ въ новый, приличный, крѣпкій

¹⁾ Biblioteka Warszawska. 1885. IV, str. 175.

²⁾ Къ сожалѣнію мнѣ не удалось найти точнаго указанія на время взятія Тыкоцина. Балинскій (Starożytna Polska, II, 1845, str. 1324) относитъ его къ концу января 1657 года и замѣчаетъ, что Янушъ умеръ за годъ до этого. Упомянутія объ осадѣ Тыкоцина въ Theatrum Europaeum (VII, S. 953, 963, 1060) отчасти ошибочны (туда запирается якобы Богуславъ Радзивиль), отчасти недостаточно ясны: осада не была непрерывною; осаждавшіе крѣпость уже въ теченіе 9 недѣль поляки были разбиты въ июнѣ шведскимъ генераломъ Дугласомъ; о взятіи Тыкоцина разсказывается подѣ 1657 г. и отмѣчается, что оно было очень убыточно кн. Богуславу Радзивилу, „weil des verstorbenen Fürsten Janus Radzivils Sachen darinnen gefunden worden“. Къ сожалѣнію специальныя брошюры объ этой осадѣ: Relation von dem Entsatz Tykocin. 1656, и Nachricht von Eroberung Tykocin und Birsch, ingleiche wie Posen und Kostian. 1656, 1657, извѣстны мнѣ лишь по заглавію у Finkel'a: № 3912.

³⁾ Въ упомянутой выше описи цѣпи на тѣлѣ не значится, сабля же и булава описаны подробно (см. Kotłubał, str. 425), и упоминается еще коверъ подѣ катафалкомъ (str. 426).

⁴⁾ Подробности эти сообщаетъ письмо (кн. Михаила Казимира?) къ кн. Богуславу Радзивилу, приводимое Янутовскимъ (Biblioteka Warszawska. 1885. IV, str. 175—176).

⁵⁾ Котлубай (Życie, str. 214, Galeria, str. 153) Icones Radivilianae, tab. 54, временемъ погребенія кн. Януша въ Кейданахъ положительно указываютъ 30 декабря 1656 года; но едва ли вѣроятно, чтобы, если это было такъ, потомъ пришлось снова прятать тѣло Януша. Вѣроятноже, что въ Сѣльце (на р. Ясѣдѣ, въ 28 в. отъ г. Пружанъ? см. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego. X, 1889, str. 529, № 22) оно привезено было прямо изъ Тыкоцина.

гробъ вмѣстѣ со старымъ,—привезти въ Кейданы и поставить въ склепахъ моихъ предковъ“ (Археограф. Сборникъ. VIII, Вильна. 1870, стр. 411).

Эта исторія тѣла кн. Януша ясно показываетъ, въ какомъ несчастливомъ для памяти его положеніи пришлось ему умереть; нашей темы положеніе это касается лишь постольку, насколько съ нимъ связана судьба наслѣдства по кн. Янушѣ, т. к. среди него были и оригиналы издаваемыхъ нами рисунковъ 1651 года; выяснить по возможности историческія условія ихъ появленія и должна была эта глава, слишкомъ, къ нашему сожалѣнію и затрудненію читателей, разросшаяся; чрезмѣрная длина этой біографіи кн. Януша Радзивила да извинится намъ тѣмъ, не совсѣмъ обычнымъ для польскаго магната, интересомъ его къ русскимъ древностямъ, которому русская исторія и археологія обязаны сохраненіемъ какъ древнѣйшей лицевой русской лѣтописи, такъ и возникновеніемъ серіи рисунковъ, дающихъ наиболѣе полное и наглядное представленіе о Кіевѣ и его древностяхъ въ половинѣ XVII вѣка.

ГЛАВА III.

Судьба рисунковъ 1651 года и ихъ копіи конца XVIII вѣка.

Войско, взявшее Тыкоцинъ, разграбило то имущество кн. Януша Радзивила, которое тамъ оказалось; еще ранѣе подѣлены были между различными полками и хоругвями и имѣнія умершаго гетмана, доходами съ которыхъ содержалось теперь отчасти литовское войско. Кн. Богуславъ Радзивиль, послѣ того, какъ ему благодаря родственной помощи кн. Михаила Казимира Радзивила удалось избѣгнуть татарской неволи, а затѣмъ, нарушивъ свои ему обѣщанія, убѣжать и изъ литовскаго плѣна, считалъ наслѣдникомъ по князѣ Янушѣ себя, какъ старшаго въ родѣ и какъ опекуна единственной дочери Януша, Анны Маріи. Несмотря на конфискацію, произведенную войскомъ, и на то, что самъ кн. Богуславъ продолжалъ еще держаться шведскаго короля, онъ при помощи родственниковъ и своихъ агентовъ старался собрать что было возможно изъ имущества кн. Януша. Съ этою цѣлью въ Тыкоцинъ нарочно ѣздилъ кн. Михаилъ Казиміръ Радзивиль (см. Kotlubaj. Galerja, str. 380).

Онъ ли или скорѣе какой-либо представитель кн. Богуслава писалъ ему подробности о расхищеніи имущества и о своихъ стараніяхъ въ его пользу; къ сожалѣнію, это интересное письмо издано безъ даты и безъ имени автора, которому удалось достать, вѣроятно выкупить, какія-то „главныя картины“¹⁾. Часть вещей князя

¹⁾ Вотъ переводъ соответственной части письма, изданнаго Янутовскимъ (см. выше, стр. 373 пр. 4; Biblioteka Warszawska. 1885. IV, str. 175—176): „О вещахъ Вашей Княжеской Милости я по полученіи письменной В. Кн. М. информации старательно разузнавалъ, но трудно (достать что-либо); такъ какъ одиѣ—пошли въ разныя стороны (w rozdrab) и другія погибли отъ пожара. Мнѣ досталось, однако, нѣсколько штукъ главныхъ картинъ (obrazów głównych), которыя дойдутъ до рукъ В. Кн. М. пана. Я готовъ постараться и о большемъ ихъ количествѣ, но мнѣ сдается, что въ войскѣ ихъ больше нѣтъ. Прочія вещи В. К. М. пѣликомъ (safe) пошли врозь, а другія (и) въ домъ (w domu), что и мнѣ отчасти пришлось у разныхъ (жолнеровъ) видѣть; однако ящика съ бѣлымъ (białemi chustkami) видѣть нѣтъ и я не могъ о немъ допытаться. Дѣла В. К. М., пана, нѣкоторыя пачками (fascykami) находятся въ войскѣ и будутъ у В. Кн. М., но я думаю, что большая часть ихъ погибла“.

Януша кн. Богуславъ получилъ, повидимому, еще ранѣе паденія Тыкоцина: Котлубай (*Życie*, str. 431—436) издалъ „опись золотыхъ и серебряныхъ вещей, оставшихся послѣ смерти кн. Януша въ Тыкоцинѣ и сданныхъ 26 іюля 1656 г. въ Эльбингенѣ паномъ Тицемъ въ „скарбъ“ кн. Богуслава Радзивила“: въ этой описи никакихъ картинъ или рисунковъ не значится, а изъ бумагъ упомянуты лишь: „реестръ закладовъ гданскихъ и торунскихъ“, да „разныхъ дѣлъ и счетовъ пана Датлера, 7 штукъ“¹⁾.

Гдѣ именно находились среди имущества кн. Януша интересующіе насъ рисунки: въ тѣхъ ли ящикахъ (см. выше стр. 372), которые были съ нимъ въ Тыкоцинѣ, или среди имущества, вывезеннаго въ Торнъ²⁾ или иное безопасное мѣсто (см. выше стр. 369) заблаговременно, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ они не пропали, а тѣмъ или инымъ путемъ очутились во владѣніи кн. Богуслава Радзивила, какъ и прочее уцѣлѣвшее имущество и имѣнія кн. Януша, но произошло это не сразу.

Вдова кн. Януша, Марія, жившая какъ и дочь его у курляндскаго герцога, старалась съ своей стороны собрать разбѣянное имущество; такъ она просила кейданскаго старосту Коханскаго постараться о возвращеніи вещей, забранныхъ нѣкимъ Юдыцкимъ, старостою яевонскимъ, особенно же о шатрѣ, подаренномъ ей отцомъ и данномъ ею мужу „заимообразно“; она интересовалась и кейданскими новостями и просила Коханскаго розыскать и прислать къ ней двухъ русскихъ, очевидно церковныхъ, пѣвчихъ³⁾.

Интересы вдовы и дочери кн. Януша поддерживали передъ королемъ польскимъ ихъ покровители: герцогъ курляндскій и курфирстъ бранденбургскій; въ договорѣ съ послѣднимъ въ 1657 году Янъ Казиміръ обязался возвратить конфискованныя войскомъ имѣнія кн. Януша его наследникамъ.

Съ другой стороны Богданъ Хмѣльницкій ходатайствовалъ въ Москвѣ о возвращеніи кн. Маріи, какъ дочери господаря Василія, имѣній ея мужа, находившихся въ занятыхъ Москвою частяхъ Литвы⁴⁾. Едва ли, однако, это ходатайство могло имѣть какой-либо успѣхъ, когда и въ Польшѣ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда королевскихъ писемъ и универсаловъ, послѣ ряда сеймовыхъ конституцій, послѣ включенія пункта о возвращеніи имущества кн. Януша его наследникамъ въ мирный трактатъ со Швеціей (3 мая 1660 г. въ Оливѣ), рѣшенія и общенія эти осуществлены были окончательно на дѣлѣ⁵⁾.

¹⁾ Въ несвижскомъ архивѣ есть еще помѣченный 15 сентября 1656 года *Rejestr skarbcu księcia (Bogusława) w Tykocinie postradanego—Kopja urzędowi poswiadzona*.

²⁾ Тыкоцинская опись упоминаетъ (*Kotlubaj*, str. 427) „шатерь безъ одного крыла, которое по ошибкѣ завезено въ Торунь“.

³⁾ *Археографич. Сборникъ*. VIII, стр. 373, № 90, письмо изъ Дублина (Доблена?) отъ 15 іюня 1656. . . съ вопросами о кейданскихъ новостяхъ и просьбою убѣдить пріѣхать съ посланнымъ пѣвчихъ: они названы *śpiewaki moje, któru w Nowym Mieście zostali byli, to jest Piotrowski basista i Moskiewski*, т. е. басъ Петровскій и Московскій“.

Тамъ же, стр. 373—374, № 91, издано и другое письмо отъ 11 сентября 1656, изъ Познаня о вещахъ, забранныхъ Юдыцкимъ, гдѣ точно опредѣляются лишь шатры.

⁴⁾ *Акты Ю. и З. Россіи*, III, 1861, стр. 600, № 738, изъ Чигурина отъ 13 марта 1657 г. . . „и тою разореную вдову княгню Радзивилу, памятуя службы отца ея Василія, воеводы бывшаго землян Молдавской, ваше царское величество подъ милостивые свои государскіе изволи призвать крыла“; въ „Актахъ“ письмо озаглавлено ошибочно: „о вдовѣ господаря Молдавскаго“ и т. д.

⁵⁾ См. различные документы объ этомъ у Котлубая, (*Życie*, str. 405—415, *Galerja*, str. 201—209, 212—213, 218—220).

Княгиня Марія скончалась ранѣе (15 января 1660); ея завѣщаніе и имущество надолго стали предметомъ спора между православнымъ духовенствомъ и кн. Богуславомъ и его наслѣдниками (см. выше, стр. 224, 325, 326); тѣло ея лежитъ въ церкви св. Троицкаго монастыря въ Слуцкѣ¹⁾, въ той же самой, гдѣ находятся и мощи послѣдней слуцкой княгини Софіи Олельковны, первой жены кн. Януша (VI) Радзивила, отца кн. Богуслава (*Icones Radivilianae*, tab. 45).

Дочь кн. Януша, Анна Марія (см. стр. 219, 220), жила не съ мачихой, а у герцогини курляндской; опекуномъ ея назначенъ былъ еще самимъ кн. Янушемъ кн. Богуславъ Радзивиль.

Уйдя изъ литовскаго плѣна (см. выше, стр. 374; *Kotlubaj, Galerja*, str. 172) къ курфирсту бранденбургскому въ концѣ 1657 г., онъ во главѣ его войска выступилъ противъ своихъ прежнихъ протекторовъ шведовъ на помощь литовскому войску. Но несмотря на разрывъ свой со шведами и полученіе прощенья отъ польскаго короля, кн. Богуславъ Радзивиль до самой смерти оставался на чужеземной службѣ у курфирста губернаторомъ Пруссіи; въ Польшу же пріѣзжалъ лишь временно. Какъ указано было выше (см. стр. 351, прим. 3) кн. Богуславъ предъявлялъ и свои личныя права на наслѣдство по кн. Янушѣ; а затѣмъ въ 1665 году онъ получилъ въ свое владѣніе все это громадное богатство окончательно путемъ женитьбы на опекаемой двоюродной племянницѣ, для того, якобы, чтобы эти огромныя имѣнія не попали въ руки католиковъ; для большей прочности обладанія ими онъ добылъ себѣ, хотя ни онъ ни невѣста его²⁾ не были католиками, папскую диспенсацію на этотъ бракъ, которая требовала совершенія брака католическимъ священникомъ.

Это наслѣдство кн. Януша дѣйствительно еще долгое время и послѣ смерти кн. Богуслава являлось дѣйствительно сильнымъ подспорьемъ для евангелическихъ общинъ,—а въ Слуцкѣ и для православныхъ,—въ борьбѣ съ усиливавшимся натискомъ католицизма, но нашей темы это не касается³⁾.

Слѣдуетъ лишь упомянуть о книгѣ, которая издана была по всей вѣроятности на средства кн. Богуслава въ защиту памяти кн. Януша противъ тѣхъ обвиненій и упрековъ за сдачу и, якобы, разграбленіе Вильны и за измѣну своему королю, которыми осыпали его и при жизни и послѣ смерти; книжка эта напечатана была безъ указанія автора, мѣста и времени печати и представляетъ большую рѣдкость, чтò и лишило меня возможности ее видѣть⁴⁾.

Крашевскій по шрифту и бумагѣ этой книжки полагаетъ, что она была напечатана въ Вильнѣ въ іезуитской типографіи; Лукашевичъ авторомъ ея называетъ извѣстнаго соцініанца Самуила Пряжиковскаго, а Васильевскій опредѣляетъ время

¹⁾ *Icones Radivilianae*, tab. 56; Россія. IX. С. П. Б. Изд. А. Ф. Девриена. 1905, стр. 528.

²⁾ Письма кн. Богуслава его невѣстѣ изданы Котлубаемъ (*Życie ks. Janusza*, str. 438—456).

³⁾ О дальнѣйшихъ судьбахъ этого наслѣдства, см. *Kotlubaj: Życie*, str. 215, *Galerja*, str. 177—179, 384, 392—393, 405, 424, 426, 444, 458. *Lukaszewicz*, o. c. I, str. 266—270, 274—276, 285, 286, 288, 297—303; *Tyszkiewicz*, *Birże*. St. Petersburg. 1869, str. 60—67, 81—84, 90.

⁴⁾ Мои свѣдѣнія о ней почерпнуты изъ трудовъ Крашевскаго (*Wilno*. 1840. II, str. 40—41, 114—116), Лукашевича (*Dzieje Kościołow wyznania helweckiego w Litwie*. I. 1842, str. 254) и В. Г. Васильевскаго (Памяти русск. старинъ въ западн. губера. Имперіи. Вып. VI. 1874, стр. 51, пр. 11). Заглавіе ея таково: *Apologia pro Illustrissimo ac Celsissimo Principe Janussio Duce Radivilio Sacri Romani Imperii Principe, Duce Birzarum et Dubinkarum etc., quondam Palatino Vlnensi et Exercituum Magni Ducatus Lithuaniae supremo generali* (in 4°, безъ пагинаціи sig. H.²).

выхода книжки 1662 годомъ по упоминанію въ ней семилѣтія, прошедшаго со времени сейма 1655 года.

Въ качествѣ владѣльца Кейданъ кн. Богуславъ собирался въ 1666 г. напечатать вмѣсто изданія 1653 г. (см. выше, стр. 326, пр. 3) новый исправленный текстъ привилегій кн. Януша Кейданамъ и своихъ дополненій: *Reductio ad autographum punctow od J. O. X. J. M. s. p. pana woewody wileńskiego, hetmana polnego W. X. Lit. piastu Kieydanskiemu postanowionych i nadanych w r. MDCLIII z supplementem i melioratią niektórych ustaw, etc.* (см. Археографич. Сборникъ. VIII. Вильна. 1870; стр. 435, № 73).

Къ книгамъ и разнаго рода рѣдкостямъ кн. Богуславъ относился, видимо, не съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ кн. Янушъ; выше мы видѣли, какъ онъ старался послѣ паденія Тыкоцина собрать и скупить, что можно было, изъ имущества и бумагъ покойнаго; этимъ ли или инымъ способомъ получилъ онъ и книги кн. Януша; эту-то приумноженную, конечно, и новыми приобрѣтеніями бібліотеку кн. Богуславъ и завѣщалъ вмѣстѣ съ разными рѣдкостями своему покровителю и родственнику по матери курфирсту бранденбургскому Фридриху Вильгельму, какъ о томъ была уже рѣчь выше (стр. 348, пр. 3). Сыновей у кн. Богуслава не было; оставалась лишь одна дочь Марія Лудовика. Поэтому все то, что имѣло значеніе родовыхъ реликвій, описано было кн. Богуславомъ кн. Михаилу Казимиру Радзивилу, владѣтелю Несвижа, для вѣчнаго тамъ храненія.

Эти вещи перечислены въ завѣщаніи (27 декабря 1668 г.) въ такихъ выраженіяхъ: „specyjal domu naszego—szablę machometanśką, mieczyk xiążęci, który nam przy kreatiej naszej cesarz przyrasał, ośczer Tyrana Cara na jawole nasadzony, skrzynią z przywilejami, domowi naszemu słuźącemi, xiąg kilka abryssów, w których są efigie: piórem gysowane, przodków naszych i dzieł ich“¹⁾.

О „рогатинѣ Тирана—царя“ мы говорили уже выше (см. стр. 348); ящикъ съ граматами былъ, очевидно, результатомъ поѣздки самого кн. Михаила Казимира въ Тыкоцинъ послѣ его паденія (см. выше, стр. 374); „магометанская сабля“ была, надо думать, та самая, которую послѣ взятія въ 1579 году русскаго замка Сокола король Стефанъ Баторій, снявъ съ себя, подарилъ кн. Христофору I Радзивилу (1547—1603), дѣду кн. Януша, и которая ранѣе принадлежала, якобы, султану Махмуду II Завоевателю (1451—1481), а позднѣе хранилась долгое время въ Несвижскомъ „скарбицѣ“²⁾; тамъ же показывали позднѣе даже не одинъ, а два меча, которыми императоры Священной Римской Имперіи опоясывали, якобы, Радзивиловъ при дарованіи имъ имперскаго княжескаго титула³⁾ и одинъ изъ этихъ мечей можетъ, судя по его

1) Археографическій Сборникъ. VIII. Вильна. 1870, стр. 416; переводъ (тамъ же стр. 417) не точенъ и не вѣренъ: „драгоценность нашего дома: магометанскую саблю, княжескій маленькій мечъ, подаренный намъ императоромъ при производствѣ нашей фамиліи въ княжеское достоинство; желѣзный жезлъ царя Тирана; сундукъ съ привилегіями нашего дома, нѣсколько книгъ съ портретами и изображениями подвиговъ нашихъ предковъ, срисованными перомъ“.

2) О подаркѣ этомъ говоритъ Котлубай (*Galerja*, стр. 84), ссылаясь при этомъ (стр. 93, п. 8) и недоступный мнѣ „*Żywot ks. Bogusława Radziwiłła*, стр. 27“.

3) Приводимъ по коніи, любезно сообщенной Б. И. Пулявовскимъ, описаніе мечей этихъ въ описи 1740 года:

описанію, быть признанъ въ одномъ мечѣ, хранящемся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ¹⁾).

Главный же интересъ въ этомъ перечнѣ представляютъ для насъ „нѣсколько книгъ рисунковъ, въ которыхъ изображенія, рисованныя перомъ, предковъ и дѣяній ихъ“: среди нихъ находились, конечно, и оригинальные рисунки Авраама Вестерфельда, копии которыхъ мы теперь издаемъ.

Къ сожалѣнію, въ этой фразѣ завѣщанія кн. Богуслава не вполне ясно, къ чему относится опредѣленіе „рисованные перомъ“; къ портретамъ ли только или же и къ портретамъ и къ историческимъ рисункамъ вмѣстѣ.

Относительно послѣднихъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ, если бы мы имѣли хоть одинъ оригинальный рисунокъ, но отыскать таковой намъ (см. выше, стр. 264—266) не удалось; характеръ же всѣхъ издаваемыхъ копій конца XVIII вѣка вполне допускаетъ предположеніе о томъ, что неразысканные нами оригиналы ихъ исполнены были перомъ. Но этому противорѣчитъ прямое показаніе описи 1670 г. (см. ниже).

Относительно портретовъ судьба оказалась милостивѣе и одну изъ книгъ съ портретами Радзивилловъ, принадлежавшую несомнѣнно кн. Богуславу Радзивилу, а, можетъ быть, и самому кн. Янушу, мы имѣемъ въ подлинникѣ.

Этой находкой, а равно и различнаго рода иною помощью, я обязанъ Бр. Игн. Эпимахъ-Шинилло, который разсказалъ мнѣ, что, спросивъ однажды въ библиотекѣ Академіи Наукъ „*Icones Radivilianae*“²⁾, онъ получилъ вмѣсто того книгу съ портретами Радзивилловъ, рисованными перомъ и не всегда соответствующими гравюрамъ Лейбовича.

Книга эта,—по каталогу иностраннаго отдѣленія Библиотеки Академіи Наукъ

Podanie Skarbcu Ordynackiego alias Grungewelbu J. O. X. J. Mci Michała V Kazimierza . . . J. Panu Marcinowi Wobe, dnia 10 Septembra R. P. 1740 w Neswieżu sporządzone.

1) Miecz Perłową macią sadzony w srebrpozłocistej oprawie którym Maximilian pierwszy pod tenczas Król Rzyski a potym Cesarz J. O. Xiążęcia J. Mci, Mikołaja III Radziwiłła Woiewodę Wileńskiego Kanclerza WX Litt. kreował, Xiążęciem na Goniązdu y Medelach, dając mu przywilej Principatu Sacri Romani Imperij et Jus Gladij, y całemu domowi z roku 1518, przynim nie dostacie sztuczek perłowej macicy № 22.

2) Miecz złoty ze szmelcom różnego koloru pochwy całe złote pończoszkową robotą robione, od Karola V dany J. O. Xiążęciu Mikołajowi VI Radziwiłłowi Cognomento Czarnemu, Woiewodzie Wileńskiemu Marszałkowi Kanclerzowi Wielkiemu W. X. Litt. Gubernatorowi Inf(l)atskiemu, cum privilegio supra ducatum Neswisiensem Ołycensem, Birżensem et Dubincensem, nadając w tych Xięstwach Jus Gladij całemu domowi et principatum S. R. Imperij.

Объ этихъ двухъ полученіяхъ Радзивилами грамотъ на званіе князей Св. Римской Имперіи въ 1518 и 1547 гг. см. Котлубая (*Życie Janusza*, стр. 9—10, *Galerja*, стр. 37, 62) и статью Кёне, указанную выше (стр. 210, пр. 2).

1) Мечъ этотъ съ рукояткою и ножнами, украшенными перламутромъ (теперь недостающихъ кусочковъ нѣтъ, мечъ былъ слѣдовательно починенъ), приобрѣтенъ былъ отъ художника Орловскаго и считался (Каталогъ рѣдкаго, стариннаго и восточнаго оружія, хранящагося въ Арсеналѣ въ Царскомъ Селѣ. I. 1840, стр. 42, № 62) на основаніи вензеля: S I, по всей видимости вырѣзаннаго позднѣе, подаркомъ Венеціи королю Сигизмунду I (1506—1548); старое литографическое изображеніе меча см. въ изданіи Жила: *Musée de Tsarskoe Selo*, pl. C, fig. a; новое опредѣленіе меча даетъ повѣд. (Э. Э. Ленна) *Путеводитель по собранію оружія (Императорскаго Эрмитажа)*. С. П. Б. 1908, стр. 276, В. 72; фотографическое изображеніе—Альбомъ, табл. XXIII.

2) Оригинальное изданіе 1758 хотя и значится тамъ по каталогу, но налицо не находится; поэтому я его не видалъ вовсе и пользовался только новымъ изданіемъ Ю. Б. Иверсена 1875 г.

X Js XXXa, — переплетена въ старинный кожаный переплетъ; на внутренней сторонѣ передней корочки (размѣръ 0,29 × 0,34 м.) наклеено рисованное перомъ и тушью „ex libris“ (0,105 × 0,148 м.) Несвижской Библіотеки: княжескій гербъ Радзивилловъ¹⁾, а подъ нимъ прописными буквами написано въ двѣ строки: Ex Bibliotheca Ducali Radivilliana Nesvisiensi. Подъ „ex libris“ стариннымъ почеркомъ написано чернилами: 43 Effigies, а въ верхнемъ лѣвомъ углу карандашомъ—57: вѣроятно пріемный № при перевозѣ въ С.-Петербургъ. Слѣдующій нумерованный чистый листъ, служащій какъ бы обложкой, помѣщенъ, очевидно, при переплетѣ книги; водяные знаки на немъ представляютъ одноглаваго орла подъ большою короною и четырехугольную рамку съ буквами S и W, раздѣленнымъ листкомъ; очень близкія къ нимъ водяные знаки оказываются на бумагѣ упомянутаго выше (см. стр. 318, пр. 2) неоконченнаго инвентаря несвижскаго замка середины XVIII вѣка, почему и переплетъ описываемаго собранія рисунковъ, или починку его можно относить къ тому же времени кн. Михаила V Казимира, который, какъ видѣли мы выше (см. стр. 318, пр. 1), приводилъ въ порядокъ несвижскіе архивъ и бібліотеку; того же времени, вѣроятно, — и „ex libris“. На этомъ листѣ написанъ чернилами бібліотечный № 262, а на внутренней сторонѣ задней корочки имѣется также бібліотечная помѣта, не знаю несвижская или петербургская: $\frac{m-3-r \text{ [или 2?]}-12}{\text{№}-49-5}$. На оборотѣ послѣдняго листа чернилами на-

сано: Insunt 1 + 61 folia, съ неясною подписью изъ одной [w?] или двухъ [cs?] буквъ

Слѣдующіе, перенумерованные въ Академіи же (?), листы (числомъ 61) состоятъ изъ листовъ съ портретами со старинною надъ ними нумераціей и изъ чистыхъ листовъ, предназначенныхъ для тѣхъ портретовъ, которыхъ не хватало. Какіе именно портреты предполагалось на нихъ помѣстить, видно изъ подписей, которыя сдѣланы чернилами и притомъ одною рукой на всѣхъ листахъ сборника, однако до переплета его, т. к. концы нѣкоторыхъ подписей (л. 4, 9, 11, 14) отрѣзаны.

На листахъ съ портретами видны остатки такихъ же, повидимому, подписей, но сдѣланныхъ карандашомъ, которыя по большей части отрѣзаны вмѣстѣ съ нижнею частью листовъ при переплетѣ; на пустыхъ же листахъ этихъ карандашныхъ подписей, повидимому, не было²⁾, а новыя писались прямо чернилами.

Очевидно, слѣдовательно, что лицо, дѣлавшее подписи, имѣя далеко не всѣ желаемые портреты, предполагало затѣмъ помѣстить на пустыхъ листахъ тѣ, которыхъ ему недоставало. Это составленіе альбома всего естественнѣе было бы относить ко времени его переплета, но такому предположенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что не только листы съ портретами, но и пустые листы оказываются перегнутыми пополамъ въ горизонтальномъ направленіи; составитель же книги далъ бы переплетчику,

1) Отличіе его отъ находящагося на оборотѣ перваго листа изданія „Icones Radivillianae“ состоитъ въ томъ, что въ нашлемникѣ въ срединѣ — не орелъ, а птица со львиною головою en face, а боковыя нашлемники переставлены и что нѣтъ щитодержателей; такое же, но гравированное ex-libris и на II томѣ Historiae Lituanae Кояловича въ бібліотекѣ С. П. Б. Университета.

2) Только на л. 58, назначенномъ для портрета кн. Михаила I Казимира (+ 1680), была и предварительная подпись чернилами же; а на л. 50 соскоблена ошибочная подпись чернилами: Krzystyna Lubomirska żona, и замѣнена другою — вѣрною.

разумеется, пустые листы не мятыми. Следовательно, до переплета какъ портреты, такъ и чистая съ одними лишь подписями бумага, хранились въ какомъ-либо ящикѣ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, перегнутыхъ пополамъ; судя по оставшимся у нѣкоторыхъ несимметрично обрѣзаннымъ полямъ, они достигали размѣровъ $0,35 \times 0,45$ м.

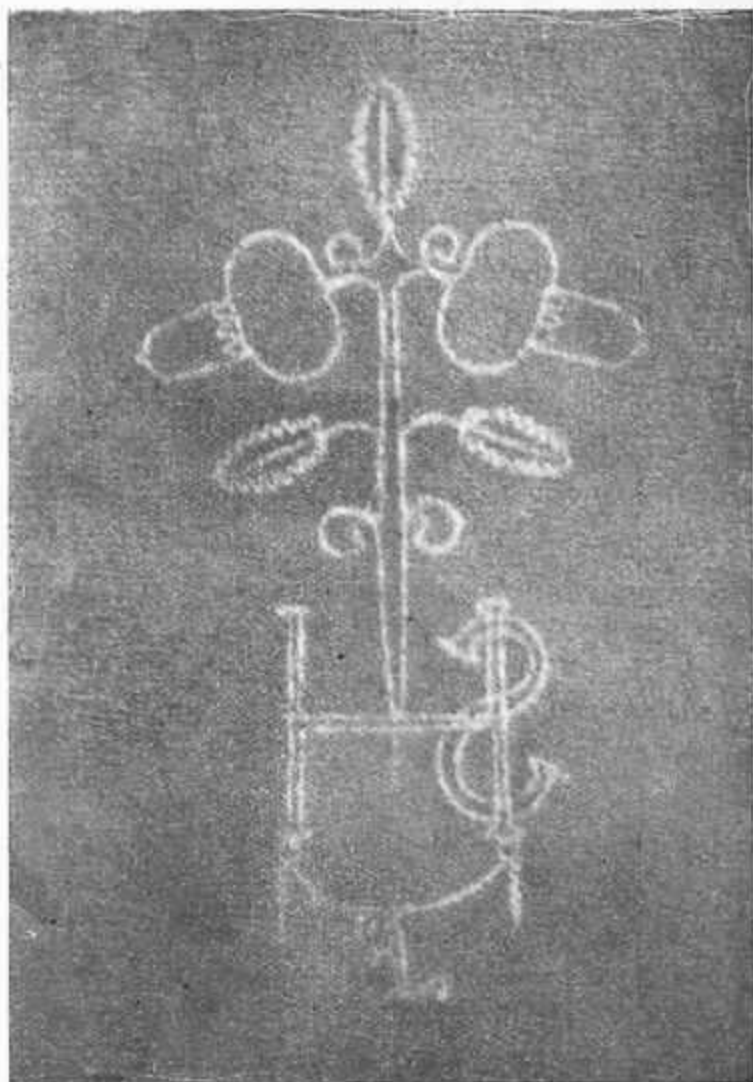

Рис. 3. Водяной знакъ на пустыхъ листахъ собранія радзивиловскихъ портретовъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Между портретами лежали, повидимому, судя по отпечаткамъ ихъ, и какіе-то иные рисунки, исполненные, вѣроятно, также перомъ и чернилами¹⁾, т. к. эти пятна —

¹⁾ На л. 45 и 46 виденъ отпечатокъ наклонно лежавшаго полуэллипсиса, т.-е., вѣроятно, такого же портрета въ овалѣ, но безъ заштрихованныхъ угловъ и къ тому же перегнутаго не въ горизонтальномъ, а въ вертикальномъ направленіи.

На л. 12 и 13—оттиски какого-то, лежавшаго бокомъ, рисунка въ формѣ четверти эллипсиса съ прикинутымъ къ меньшему поперечнику его четырехугольнымъ узкимъ, выступающимъ въ одну сторону, основаніемъ. Фигура эта имѣла, видимо, по краю рамку, а внутри пятна указываютъ на отдѣльные изображенія на свѣтломъ фонѣ(?).

На л. 9 и 10—оттискъ лежавшаго бокомъ согнутаго вчетверо (? ср. л. 45—46) портрета съ бѣлымъ пятномъ (бумажная подклейка?) въ серединѣ.

На л. 42 и 43 оттискъ криво лежавшаго четырехугольнаго рисунка размѣрами около $0,24 \times 0,19$ м.; весь четырехугольникъ далъ темный оттискъ, но свѣтлымъ же пятнамъ внутри его разобрать содержаніе рисунка—невозможно.

таковы же, какъ и даваемые иногда портретами на предъидущій листъ: тѣ и другіе оттиски образовались уже во время нахождения портретовъ въ переплетенной книгѣ.

Чистые листы, приготовленные для дополнительныхъ портретовъ, все почти одинаковой бумаги со сложнымъ водянымъ знакомъ въ видѣ комбинаціи крупныхъ буквъ H и S и мелкихъ F и L и дубовой вѣтви надъ ними (см. рис. 3); изображений и опредѣлений этого знака въ трудахъ Н. П. Лихачева не нашлось; хронологическимъ указаніемъ является, однако, находеніе такого точно знака въ упомянутомъ выше (стр. 331, пр. 2) „Діаріушѣ“ кн. Януша на листѣ 58-омъ съ „конфессатой Ивана Кудриленка“ отъ 3 сентября 1653 г., пересланномъ кн. Янушу изъ Рѣчицы стражникомъ литовскимъ Мирекимъ.

Только два послѣднихъ пустыхъ листа академическаго сборника (л. 60 и 61) имѣютъ иные, чѣмъ прочіе пустые листы, водяные знаки, а именно: кругъ съ непонятною въ немъ надписью и грубое изображеніе рыбы въ центрѣ (см. рис. 4). Такого точно знака у Н. П. Лихачева также не находится, но есть довольно къ нему близкіе.

Рыба объясняется Н. П. Лихачевымъ какъ польскій гербъ „Глаубичъ“ и встрѣчается на польской бумагѣ на документахъ начала XVII в. нерѣдко¹⁾; особенно интересенъ водяной знакъ этого типа на бумагѣ письма кн. Януша (VI) Радзивила 1626 г., гдѣ въ ободкѣ круга читается: *Cartus Mariae Parad²⁾*, въ чемъ заключается, видимо, указаніе на мѣсто выдѣлки бумаги съ этимъ знакомъ; „Рай Богородицы“ весьма возможное имя не только для монастырей и монастырскихъ поселеній, но и для владѣльческихъ помѣстій или мѣстечекъ, или даже загородныхъ дворцовъ, которые нерѣдко назывались „раемъ“³⁾. Справка, произведенная въ этомъ направленіи, увѣнчалась успѣхомъ: оказалось, что съ XIV в. существовалъ извѣстный картезіанскій монастырь „Raj Maryi“, *Marien-Paradies* или *Carthusia Paradisi Mariae*, нынѣ *Carthaus* или *Karthaus* близъ Данцига⁴⁾, лежащій между двумя большими озерами, почему рыба въ гербѣ поселенія ли или самого монастыря или живнаго тамъ фабриканта оказывается вполнѣ естественной.

Подобнаго типа знакъ встрѣтился намъ еще на бумагѣ одного польскаго письма 1651 года, гдѣ, впрочемъ, въ бордюрѣ вмѣсто надписи помѣщены просто кружки, какъ и на листѣ съ портретомъ королевы Варвары, появившимъ въ собраніе Стани-

Рис. 4. Знакъ на послѣднемъ листѣ Академическаго сборника.

¹⁾ Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. С. П. Б. 1899. I, стр. XLIII, 383; II, стр. 133; III, т. ССССXXXVII, № 3311, 3313, 3315.

²⁾ Ук. соч. I, стр. 383; III, т. СDXXXIII, № 3286.

³⁾ См., напр., Россія. Изд. Девриена. IX, стр. 508.

⁴⁾ *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego* przez F. Sulimierskiego. VII, 1886, стр. 884—858.

слава Августа (Академ. Художествъ: Polonog. Icon. I, № 31) по всей видимости изъ Несвижа¹⁾; на одномъ листѣ въ упоминавшейся выше (см. стр. 228, пр. 1) книжкѣ Commentarius (etc), изданной въ Кенигсбергѣ въ 1653 г. въ экземплярѣ Публичной Библіотеки (на стрр., помѣченныхъ ошибочно 3 и 5 и 7 и 6; прочіе листы имѣютъ иной знакъ—корабль между двумя звѣздами) рыба гораздо тоньше и надпись, хоть также непонятная, но иная, чѣмъ на знакѣ послѣднихъ двухъ листовъ академическаго сборника. Наконецъ, что для насъ особенно важно, изъ такой точно бумаги, какъ эти два листа, сшита вся книга „Діаріуша 1653 года“, кромѣ, конечно, вшитыхъ туда оригинальныхъ писемъ и записокъ. (см. стр. 331, пр. 2).

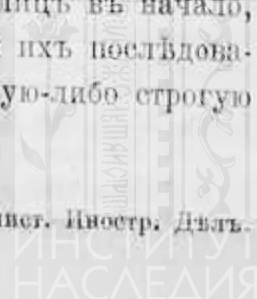
Такимъ образомъ оказывается, что бумага всѣхъ пустыхъ листовъ даетъ возможность относить составленіе всего сборника еще ко времени жизни кн. Януша, однако подписи подъ портретами и на пустыхъ листахъ, сдѣланныя одинаковыми чернилами и одною рукою, принадлежатъ времени болѣе позднему: имѣется мѣсто для жены кн. Богуслава (1665 г.), сестра кн. Януша, Екатерина Глѣбовичъ, называется уже воеводиной виленской (1668 г.), кн. Михайль I Казиміръ носитъ титулъ подканцлера и польнаго гетмана литовскаго (1669 г.).

Конечно, если, какъ говорено было выше, портреты и пустые листы, къ нимъ прибавленные, лежали долгое время не переплетенными, то возможна утрата нѣкоторыхъ (нѣтъ, напр., листа для портрета жены кн. Михайла Казиміра) и потому хронологическія соображенія на основаніи сохранившейся ихъ наличности не могутъ быть окончательными. Но то, что мы теперь имѣемъ въ академическомъ альбомѣ, вполне допускаетъ составителемъ его считать никого иного, какъ кн. Богуслава Радзивила († 31 декабря 1669 г.). Если бы подписи подъ портретами и на пустыхъ листахъ и оказались бы сдѣланными не имъ лично, это не измѣнитъ сущности дѣла. Не мѣняетъ ее и показаніе завѣщанія о „книгахъ“ съ портретами и рисунками: портреты и пустые листы для пополненія ихъ могли лежать въ столь обычныхъ въ XVII и XVIII в. ящикахъ въ видѣ книгъ; рисунки, какъ увидимъ мы ниже, въ настоящую книгу, какъ то случилось съ портретами, переплетены не были: иначе и они были бы въ библіотекѣ Академіи Наукъ. За кн. Богуслава говоритъ также и отмѣтка при именахъ всѣхъ кальвинистовъ: „Ewangelik“, какъ и въ лучшемъ случаѣ не выразился бы католикъ, для котораго такая помѣта вообще не имѣла бы интереса.

Въ какомъ порядкѣ кн. Богуславъ предполагалъ разложить, или разложилъ, портреты уже изготовленные и листы для недостававшихъ ему портретовъ, мы не знаемъ, т. к. онъ ихъ не пронумеровалъ; нумерація могла быть, конечно, отрѣзана при переплетѣ, но и тогда въ альбомѣ былъ бы порядокъ болѣе, нежели теперь, т. к. листы размѣстили бы, конечно, по ихъ номерамъ.

Теперешній же порядокъ, хотя и помѣщаетъ болѣе древнихъ лицъ въ начало, не соответствуетъ, однако, ни хронологической, ни генеалогической ихъ послѣдовательности; при переплетѣ не потрудились привести листы въ какую-либо строгую систему, только жены находятся по большей части при мужьяхъ.

¹⁾ Письмо въ Польскихъ Дѣлахъ 1651 г., № 1, въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностран. Дѣлъ.

Полагая, что этот сборник портретов XVII века представляет некоторый интерес для специалистов и любителей, я считаю полезным дать здесь перечень подписей на листах сборника с необходимыми ссылками на издания Вопе и Котлубая¹⁾.

¹⁾ В нижеследующей таблице первая цифра обозначает новый № листа, следующая цифра при портрете старинный № портрета, отсутствие буквы и цифры обозначает, что лист — пустой. После подписи, находящейся с сборник, добавляю годы жизни и соответственные ссылки на издания: 1) Ic.—Icones Radivilianae, и 2) Gal.—Galerja Nieświńska, при чем в случае сходства рисунка сборника с портретами в котором-либо из них, ссылка предшествует знаку равенства (=).

- Листь 1, портрет 1. Nicolaus II Radziwiłł. [1398—1509]. Icones, tab. 8; Galerja, str. 25.
- л. 2. Żona Munwidowna X. Litt. [1439—1512]. Ic. 9.
- л. 3, порт. 11. Albertus Epūs Vilmensis. [1478—1519]. Ic. 25; Gal. 31.
- л. 4, порт. 4. Nicolaus Epūs Samogitiae, Haeres in K. . . [† 1546]. Ic. 17; Gal. 43.
- л. 5, Kolonka, albo Wolska żona (Георгия Побѣдителя, см. л. 11). Ic. 27.
- л. 5 об. Kiszczanka żona (3-ья жена Яна II Братаро). [+1533]. Ic. 60.
- л. 6, порт. 2. Jan Xiążę Marszałek W. X. L. [1474—1521]. Ic. 57; Gal. 225.
- л. 7, порт. 6. Barbara Krolowa Polska. [1520—51]. Ic. 29; Gal. 54.
- л. 8, Krol Zygmunt August (мужь Варвары).
- л. 9, порт. 10. Mikołaj Xże na Birzách, Wda Wilenski, Kanclerz y Hetman W. . . Evangelik, cognomento Rufus. [1512—84]. Ic. 30; Gal. 61.
- л. 10, порт. 7. Mikołaj Xiążę na Ołyce, Wda Wilenski, Kanclerz y Marszałek W^o. X^o. L^o. Evangelik cognomento Czarny. [1515—65]. = Ic. 66; =? Gal. 235.
- л. 11, порт. 5. Jerzy Wda Kijowski, Kasztellan Wilenski, Marszałek y Hetm. W^o. X^o. L^o. Birzian: Do . . . Zwycięzca nazwany. [1480—1541]. Ic. 26; Gal. 47.
- л. 12, порт. 7. Katarzyna (Елизавета?) z Szydłowca żona (Николая Чернаго?) [1533—62?]. Ic. 67?
- л. 12, порт. 8. Jan Xże na Ołyce, Kraczy W^o. X^o. L^o. [1516—51]. Ic. 63; = Gal. 231.
- л. 14, порт. 3. Mikołaj Xiążę na Goniądzu Wda Wilenski Kan. . . [1470—1522]. = Ic. 12; = Gal. 35.
- л. 15. Żona Xżna Nasiłowska. [† 1547]. Ic. 13.
- л. 16, порт. 3. Anna Xżna Mazowiecka. [1476—1522]. = Ic. 11.
- л. 17, порт. безъ №. Stanisław Xiążę Mazowiecki.
- л. 18, порт. безъ №. Janusz Xiążę Mazowiecki.
- л. 19, порт. 9. Mikołaj Xże na Dubinkach, Woiewoda Nowogrodzki. [1549—89]. Ic. 32; Gal. 77.
- л. 20, порт. 19. Krzysztof Xże na Birzách Woiewoda Wilenski, Podkanclerzy y Hetman W^o. X^o. L^o. Evangelik. [1547—1603]. Ic. 39; Gal. 83.
- л. 21, порт. 20. Katarzyna z Tęczyna. [1544—92]. = Ic. 42.
- л. 22. Anna Xiężna Ostrowska.
- л. 23, порт. 13. Mikołaj Krzysztof Xże na Nieswieżu, Woiewoda Wilenski. [1549—1616]. Ic. 91; Gal. 305.
- л. 24. Xiężna Wisniowiecka żona. [1569—96]. Ic. 92.
- л. 25, порт. 17. Jerzy Xże na Ołyce, Biskup Krakowski y Kardynał. [1556—1600]. Ic. 72; Gal. 249.
- л. 26, порт. 11. Stanisław Xiążę na Ołyce, Starosta Zmudzki. [1559—99]. = Ic. 83; = Gal. 259.
- л. 27, порт. 12. Myszcanka żona. [1563—1600]. Ic. 84.
- л. 28, порт. 15. Albertus Xże na Nieswieżu Marszałek W^o. X^o. L^o. [1558—92]. Ic. 73; Gal. 291.
- л. 29, порт. 19. Anna Xżna Kurlandzka. [1567—1619]. =? Ic. 74.
- л. 30, порт. 18. Jerzy Xiążę na Dubinkach, Kasztellan Trocki. Evangelik. [1578—1613]. = Ic. 37; = Gal. 81.
- л. 31. Zborowska żona. [свадьба 1601]. Ic. 38.
- л. 32, порт. 36. Janusz Xże na Birzách, Dubinkach y Słucku, Kasztellan Wilenski. Evangelik [1586—1620]. = Ic. 44; = Gal. 155.
- л. 33, порт. 37. Zofia Xiężna Słucka. [1586—1612]. =? Ic. 45.
- л. 34, порт. 38. Elisabeth Zofia Xiężna Brandeburska. [1589—1629]. = Ic. 46.
- л. 35, порт. 39. Krzysztof Xże na Birzách, Wda Wilenski. Hetman W^o. X^o. L^o. Evangelik. [1585—1640]. Ic. 51; Gal. 95.
- л. 36, порт. 40. Anna Kiszczanka żona, [свадьба 1606]. = Ic. 52.
- л. 37, порт. 27. Mikołaj Krzysztof, Xże na Nieswieżu. [1590—1607]. = Ic. 101.

Если же обратить внимание на старинную нумерацию самих портретов, то она окажется идущей болѣе или менѣе правильно по колѣнамъ родословной росписи, при чемъ, однако, какъ видно изъ описи, бывають и пропуски, и повторенія, и ошибки. Кромѣ этихъ номеровъ, стоящихъ по большей части вверху надъ серединою портрета (см. табл. I, рис. 1), на нѣкоторыхъ есть еще иные номера карандашемъ внизу значеніе которыхъ непоятно¹⁾.

Интереснѣе, чѣмъ эта нумерация, помѣты, относящіяся къ самимъ рисункамъ, т. к. онѣ даютъ возможность заключать о цѣли, для которой исполнены были все эти 43 портрета въ одномъ размѣрѣ, въ одинаковомъ обрамленіи, одними чернилами и однимъ, несомнѣнно, рисовальщикомъ, правда не очень хорошимъ.

Собственно къ рисунку имѣется лишь двѣ поправки: на л. 38 къ шапкѣ Яна Георгія Радзивила карандашемъ пририсовано перо и сверху карандашемъ же написано три слова, которыхъ я не могъ вполне разобрать: *Kita za mazi...* [*Kita* = перо, султанъ]; на № 16 рисовальщикъ забылъ вырисовать браслеты: на полѣ карандашемъ приписано: *Kogale* (и еще что то). На большинствѣ портретовъ (на 34 изъ 43) въ срединѣ пустого нижняго поля для подписи набросаны, по большей части очень неясно, гербы²⁾. Подъ портретомъ кв. Богуслава (л. 52) гербъ составленъ

л. 33, порт. 28. Jan Jerzy Xże na Nieswieżu Kasztelan Trocki. [1589—1625]. Ic. 94; Gal. 323 (со всѣмъ иное!)

л. 39, порт. 29. Albrycht Władysław Xiążę na Nieswieżu, Kasztelan Wilenski. [1589—1636]. = Ic. 96; = Gal. 327.

л. 40, порт. 30. Anna Sapieżanka. [† 1627] = Ic. 97.

л. 41. Zienowiczowna żona [† 1668]. Ic. 98.

л. 42, порт. 32. Zygmunt Karol Xże na Ołyce Nieswieżu, Krayczy W^o. X^o. L^o. Kawaler Maltanski. [1591—1642]. = Ic. 102; Gal. 331.

л. 43, порт. 33. Alexander Ludwik Xiążę na Nieswieżu etc. Wda Brzeski, Marszałek Naywysszy W^o. X^o. L^o. [1595—1654]. Ic. 103; Gal. 337.

л. 44, порт. 34. Wołowiczowna żona. [1608—38]. = Ic. 104.

л. 45. Marquezanka z Strożen [† 1694]. Ic. 105.

л. 46, порт. 25. Jan Xże na Ołyce y Klecku. [1591—1626] Ic. 75; Gal. 295.

л. 47, порт. 26. Xżna Korecka żona. [† 1614]. = Ic. 76.

л. 48, порт. 21. Mikołaj Xże na Ołyce. [1589—1614]. = Ic. 87; =? Gal. 263.

л. 49, порт. 22. Albrycht Stanisław Xże na Ołyce, Kanclerz W^o. X^o. L^o. [1595—1656]. Ic. 88; Gal. 265.

л. 50. Regina ab Ensenreich. [+1637]. Ic. 89.

л. 51. Krzystyna Lubomirska żona. [1618—1667]. Ic. 90.

л. 52, порт. 41. Bogusław Xże na Dubinkach y Słucku, Koniuszy W^o. X^o. L^o. Evangelik. [1620 - 69] Ic. 47; Gal. 163.

л. 53. Radziwiłłowna żona. [1640—67]. Ic. 48.

л. 54, порт. 42. Janusz Xże na Birzach, Starosta Zmudzki, Hetman Polny W^o. X^o. L^o. Evangelik. [1612—55]. Ic. 54; Gal. 133; = табл. I, рис. 1.

л. 55, порт. безъ №. Katarzyna z Potoka żona. [† 1643]. =? Ic. 55.

л. 56. Marya Hospodarowna Wołoska. [† 1661]. Ic. 56; см. табл. XIV, рис. 2.

л. 57. Katarzyna Hlebowiczowa Wdzina Wilenska Siostra Xcia Janusza Radziwiłła. [1614—72]. Ic. 53.

л. 58. Michał Kazimierz Xiążę Radziwiłł, Podkanclerzy y Hetman Polny W^o. X^o. L^o. [1625—80. Gal. 377.

л. 59. Michał Xże z Klecka, Krayczy W^o. X^o. L^o. [† 1666]. Ic. 79; Gal. 299.

л. 60. Sapieżanka żona. [свадьба 1615]. Ic. 80.

¹⁾ А именно: на л. 28—1, на л. 48—2, на л. 49—3, на л. 46—4 и на л. 37—8.

²⁾ На лл.: 4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 52, 54.

изъ пяти: четыре соотвѣтствуютъ генеалогіи его, пятый же въ центрѣ „погонь“ обозначаетъ, вѣроятно, княжество слуцкое. Предполагалось, очевидно, тщательно вырисовать подъ всеми портретами гербы и обычныя напыщенные надписи, какъ видимъ позднѣе на гравюрахъ Лейбовича въ изданіи: *Icones Radivilianae*. Едва ли можно сомнѣваться, что разсматриваемый сборникъ радзивилловскихъ портретовъ, принадлежавшій нѣкогда кн. Богуславу Радзивилу, далъ идею издать подобный въ гравюрахъ при кн. Михаилѣ V Казимірѣ въ 1758 году.

Однако непосредственнымъ источникомъ для гравюръ Лейбовича эти болѣе древніе рисунки не служили; въ приведенной выше описи ихъ видно, какъ рѣдки случаи сходства между рисунками и гравюрами; оказывающіеся — объясняются иногда и общими оригиналами, которые имѣли предъ глазами оба художника, т.-е., конечно, живописными портретами въ различныхъ радзивилловскихъ замкахъ¹⁾.

Такими же портретами по большей части и руководился вѣроятно рисовальщикъ, исполнившій эти 43 рисунка.

Эта работа была, по всей вѣроятности, лишь подготовительною работою для изданія въ однообразныхъ гравюрахъ цѣлой радзивилловской галлерей, въ видѣ ли самостоятельнаго альбома или же въ видѣ приложений къ общей исторіи ихъ рода въ родѣ книги Альбр. В. Кояловича (см. выше, стр. 330).

Весьма важно то обстоятельство, что все портреты рисованы на иной, болѣе толстой, бумагѣ, нежели пустые листы (см. о нихъ выше, стр. 381 сл.).

Водяные знаки на огромномъ большинствѣ листовъ съ портретами представляютъ небольшого двуглаваго орла въ двухъ вариантахъ (см. рис. 5); лишь на бумагѣ трехъ портретовъ (лл. 19, 44, 48) знакъ иной: т. н. „folie“, т.-е., шутовская погремущка, столь обычная на голландской бумагѣ XVII вѣка²⁾, но такого именно рисунка среди многихъ подобныхъ въ атласахъ Н. П. Лихачева нѣтъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найдти опредѣлений и ближайшихъ аналогій и для двуглаваго орла: эта фигура съ характерными большими пальцами, отсутствіемъ коронъ и пр. носитъ характеръ довольно архаическій и не воспроизводитъ герба Св. Римской Имперіи³⁾. Словомъ, бумага портретовъ кажется мнѣ старше бу-

¹⁾ О нихъ отчасти приходилось уже упоминать выше, см. стр. 219, 221, 257, пр. 1.

Въ дополненіе къ выдержкамъ изъ неоконченной описи несвижскаго замка половины XVIII в. (см. выше, стр. 318 сл.), здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что эта опись въ т.-н. Золотой Залѣ съ пятью окнами (л. 20 об.) отмѣчаетъ „*kominow dwa szafiastych, nad kominami Portret J. O: Xcia Imci. Michała V. w saley posyturze w zbroi y xiazęcey paludamencie*“ (л. 21) и „*na drugim kominie naprzeciwo Portret w saley Posyturze J. O. Xięzcy Jmci Dobrodziki [т.-е. Франциски Урсулы]*“ (л. 21—21 об.); причемъ въ обоихъ случаяхъ приводятся полностью, хотя и безграмотно, копии пространныхъ латинскихъ подписей этихъ портретовъ.

²⁾ См. о ней Н. П. Лихачева: Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ Государствѣ. С. П. Б. [=Записки Импер. Русск. Археол. Общества. Нов. сер. V. 1892, стр. 237—342] стр. 316—317, табл. 53—57, №№ 460—483; Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. С. П. Б. 1899. II, стр. 413—415.

³⁾ Наиболѣе близкое сходство изъ собранныхъ Н. П. Лихачевымъ водяныхъ знаковъ представляютъ два двуглавыя орла на бумагѣ документовъ 1590 и 1608 года (Палеографическое значеніе, и т. д. № 4193 и 3945), но все же и они слишкомъ далеки отъ разсматриваемыхъ, чтобы можно было выводить изъ сходства этого какія-либо заключенія.

маги пустыхъ листовъ, между ними позднѣе вложенныхъ. Однако, время исполненія на ней портретовъ не можетъ быть отодвигаемо слишкомъ далеко: среди портретовъ мы находимъ князя Януша съ первою его женою (см. выше, стр. 218) и кн. Богуслава; портретъ кн. Януша не воспроизводитъ ни одного изъ двухъ гравированныхъ Хондіусомъ въ 1633 и 1652 гг. (см. стр. 216 и 322) портретовъ его, а представляетъ намъ князя Януша въ среднемъ между тѣмъ и другимъ портретомъ возрастѣ (см. табл. I, рис. 1). Оригиналномъ, поэтому, всего вѣроятнѣе было бы предполагать тотъ портретъ, который былъ, конечно, посылаемъ Янушемъ второй невѣстѣ, домнѣ

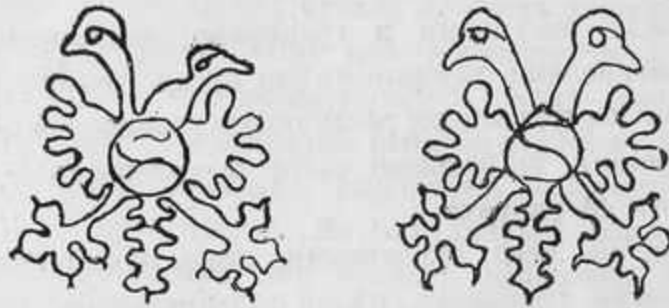

Рис. 5. Водяные знаки на бумагѣ радзивилловскихъ портретовъ Академическаго сборника.

Маріи, въ Яссы въ 1644 или 1645 году (см. выше, стр. 220—224). Эту догадку подтверждаетъ на нашъ взглядъ тотъ дорогой турецкій, осыпанный камнями, кинжалъ, который, вѣроятно какъ подарокъ господаря Василя Лунулы (см. выше, стр. 224) или самой невѣсты (см. тамъ же), видимъ на портретѣ за поясомъ кн. Януша; на то же указываетъ, можетъ быть, и вообще восточная (она же и польская) одежда кн. Януша на этомъ портретѣ: самъ онъ въ молодости, да и позднѣе, какъ большинство польскихъ вельможъ, любилъ щеголять въ европейскомъ костюмѣ¹⁾; въ этомъ же случаѣ нужно было, вѣроятно, угождать тестю и тецѣ (см. стр. 220) инымъ нарядомъ, да и всѣ свадебныя торжества 1645 года прошли, какъ говоритъ Ерличъ (I, str. 48), „не по польски“ (ср. выше, стр. 221 сл.).

Если точно опредѣлить возрастъ кн. Януша на портретѣ этомъ и нельзя, то съ другой стороны кн. Богуславъ, родившійся въ 1620 г., на его портретѣ изображенъ также гораздо моложе, чѣмъ въ *Icones Radivilianae* (tab. 47); онъ нарисованъ моложе, чѣмъ на гравированномъ портретѣ Фалька 1654 г. (см. выше, стр. 322); о возрастѣ его на несвижскомъ портретѣ по неудовлетворительному рисунку у Котлубая (*Galerja*, str. 163) судить трудно: повидимому, однако, и тутъ онъ—старше, чѣмъ на рисункѣ Академическаго сборника, гдѣ онъ представленъ въ латахъ, какъ и на указанныхъ портретахъ, съ жезломъ, какъ командиръ королевской гвардіи [съ 1649 г.], въ рукѣ; оба эти обстоятельства показываютъ, что оригиналомъ для рисунка служилъ не тотъ портретъ 18-лѣтняго Богуслава, о которомъ упоминается въ письмѣ къ нему кн. Януша отъ 18 сентября 1638 года²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 216 и ниже, стр. 387, примѣчаніе.

²⁾ Письмо, адресованное кн. Богуславу за границу (во Францію?) издано Котлубаемъ (*Zupełnie*, str. 377—378): „P. S. Портретъ (obraz) Вашей Княжеской Милости страшно насъ обрадовалъ и укон-

Обращая вниманіе на подписи подъ портретами, которыя при составленіи альбома повторили чернилами написанное ранѣе карандашемъ и не вносили въ титулы изображенныхъ лицъ происшедшихъ за то время перемѣнъ, мы получимъ также время значительно болѣе раннее, чѣмъ составленіе надписей на пустыхъ листахъ, определенное уже нами (см. выше, стр. 382) 1669-ымъ годомъ.

Кн. Янушъ (л. 54) не названъ еще виленскимъ воеводою, каковымъ онъ былъ съ 1652 (см. выше, стр. 328); кн. Александръ Людвигъ (л. 43) именуется воеводою брестскимъ, каковымъ вовсе не былъ: поводъ къ этой ошибкѣ подало, вѣроятно, назначеніе его въ 1650 г. комиссаромъ для рѣшенія вопроса о границахъ брестскаго и сосѣднихъ воеводствъ; полоцкимъ же воеводою (съ 1653) онъ еще не названъ.

Если всему этому придавать, какъ то кажется намъ нужнымъ, значеніе, то окажется, что портреты исполнены были около 1650 года.

Конечно, изготовленіе ихъ могло тянуться не одинъ годъ, но растягивать его на много лѣтъ не позволяетъ на мой взглядъ тожество работы всѣхъ портретовъ.

Кто былъ заказчикомъ этого альбома, точныхъ данныхъ о томъ у насъ нѣтъ. Но и по времени, и по отмѣченному выше интересу кн. Януша, какъ къ собиранію портретовъ вообще (см. стр. 362, пр. 1), такъ и къ исторіи своего рода (см. стр. 330) а равно и по нахожденію у него службъ спеціального художника, рисовавшего и портреты и рисунки, по всему этому вполне естественно и на мой взглядъ допустимо предположеніе, что заказчикомъ этихъ 43 портретовъ и былъ никто иной, какъ князь, Янушъ Радзивиль, а цѣлью ихъ исполненія перомъ и въ одинаковыхъ рамкахъ могло быть предположеніе иллюстрировать гравюрами, по нимъ заказанными, общую исторію рода Радзивиловъ, можетъ быть даже *Fasti Кояловича* (см. стр. 330), т.-е., что эти портреты имѣли то же въ сущности назначеніе, какъ и рисунки военныхъ триумфовъ кн. Януша и альбомъ видовъ занятаго имъ Кіева.

Естественно, поэтому, и исполнителемъ этихъ портретовъ предполагать того же художника, который исполнялъ другіе заказы кн. Януша; т.-е. Авраама фанъ-Вестерфельда, о которомъ неоднократно уже упоминалось выше¹⁾; но для болѣе увѣреннаго разсужденія объ этомъ необходимо было имѣть хотя бы одинъ изъ рисунковъ его въ подлинникѣ, намъ же всѣ они, къ сожалѣнію, извѣстны лишь въ копіяхъ.

Во всякомъ случаѣ находка одной изъ книгъ съ рисунками, упоминавшихся въ завѣщаніи кн. Богуслава Радзивила, даетъ надежду, что найдутся гдѣ-либо и другія съ оригиналами издаваемыхъ нами копій кіевского альбома кн. Януша.

Относительно судьбы и состава собранія рисунковъ кн. Януша, а потомъ кн. Богуслава, я получилъ отъ Б. И. Пуляновскаго, оказывавшаго столь существенную помощь настоящей работѣ, новыя драгоцѣнныя для меня данныя, которыми не обладалъ ранѣе и которыя рѣшаютъ многіе вопросы, являвшіеся для меня лишь поводомъ къ гипотетическимъ построеніямъ.

тентоваль . . . Да и тѣмъ онъ особенно сильно угодилъ (намъ), что я взялъ съ него моделлюшъ тепершняго французскаго платья. Очень прошу Вашу Княжескую Милость соблаговоли хорошаго портваго и швеца (по чести) съ собою вывезть, такъ какъ намъ ихъ сильно не хватаетъ*.

¹⁾ См. стр. 222, 239, 247, 250, 264, 265, 267—268, 295, 310.

При письмѣ отъ 6-го апрѣля 1908 г. Б. И. Пуляновскій сообщилъ мнѣ текстъ и свой переводъ слѣдующихъ выдержекъ изъ инвентаря 1670 года, за подписью Александра Соболевскаго, имущества дочери кн. Богуслава, Людовики Каролины (1667—1695; *Icones Radivilianae*, tab. 49); инвентарь этотъ посланъ былъ въ 1671 г. изъ Кенигсберга управителямъ огромнаго наслѣдства малолѣтней княжны.

„Ящикъ № 63. (Въ немъ) № 5. Книга бѣлая [=альбомъ?], въ которой Князья ихъ Милости рисованы“. Съ помѣтой о передачѣ въ маѣ 1670 г. кн. Михаилу Казимиру Радзивилу, очевидно, во исполненіе завѣщанія кн. Богуслава (см. выше, стр. 377). Эта книга содержала, несомнѣнно, тѣ портреты, рисованные перомъ, которые хранятся теперь въ Академіи Наукъ. Обозначеніе книги „бѣлою“ не подходитъ къ теперешнему ея переплету; но едва ли здѣсь (ср. ниже стр. 389) эти слова можно переводить буквально на русскій языкъ; болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ переводъ на латинскій = *album*.

Въ томъ же ящикѣ (№ 63): „№ 15. *Diariusz Ks. Janusza, wojewody wileńskiego. Expeditie Hetmańskie*“ и № 17: *Commentarius rerum gestarum in Litvania in bello cosatico*.

Первый № обнималъ собою, вѣроятно, одинъ, а, м. б., нѣсколько путевыхъ журналовъ съ копіями переписки кн. Януша, въ родѣ тѣхъ 1653 и 1654 гг., о которыхъ говорилось выше (стр. 331, пр. 2, и 351, пр. 2), а второй — обозначалъ рукописный подлинникъ или печатный экземпляръ извѣстнаго уже намъ анонима „Комментарія“ (см. стр. 228—229).

„Свертокъ № 9. Портреты въ половину (роста) [т.-е. поясные?]:

Янушъ Радзивиль въ нѣмецкомъ и польскомъ костюмѣ.

Янушъ Радзивиль въ чужихъ краяхъ.

Янушъ Радзивиль со смертью танцуетъ.

Статуэтка мраморная Януша въ половину [т.-е. бюсты?] отослана въ Биржи 20 сентября 1670 г.

Статуэтка мраморная Богуслава въ половину [т.-е. бюсты?] отослана въ Биржи 20 сентября 1670 г.

Богуславъ съ женою своею.

Анна Марія господарня земель Молдавскихъ, жена Януша.

На одномъ полотнѣ обѣ жены Януша“.

Выраженіе „въ половину“ (*w pół*) обозначаетъ тутъ скорѣе поясные портреты и бюсты, чѣмъ половинную величину ихъ относительно роста изображаемыхъ.

Первые два раздѣла обозначаютъ, повидимому, три разныхъ портрета кн. Януша: послѣдній, по всей вѣроятности, — портретъ 1632 года работы Д. Байльи (см. выше, стр. 216), второй одинаково можетъ обозначать и работу Шульца около 1652 года (стр. 322) и оригиналъ издаваемого нами (табл. I, рис. 1) рисунка изъ сборника Академіи Наукъ (стр. 386) и вѣроятнѣе даже второй, т. к. первый былъ бы обозначенъ скорѣе: „въ кольчугѣ“ или т. п.

Я не знаю, какъ надо понимать описаніе „Януша, танцующаго со смертью“: въ переносномъ ли смыслѣ, какъ просто лежащаго на смертномъ одрѣ, что кажется намъ

теперь болѣе вѣроятнымъ, или же на портретѣ дѣйствительно фигурировалъ и скелетъ смерти, какъ то нерѣдко бывало въ тѣ времена на портретахъ.

О портретѣ кн. Маріи, находящемся нынѣ въ Несвижѣ, мы упоминали выше (стр. 257, пр. 1), но не можемъ, конечно, рѣшить, онъ ли самый или скорѣе его оригиналь, бывший вмѣстѣ съ тѣмъ и оригиналомъ для издаваемого нами (табл. XIV, рис. 2), внесенъ въ опись 1670 года.

Двѣ жены на одномъ холстѣ при жизни одной изъ нихъ, какъ намъ кажется, не пишутся, и этотъ портретъ едва ли принадлежалъ поэтѣ Янушу (ср. стр. 257, пр. 1).

„Свертокъ № 32. Картина, одна только, какъ князь Его Милость Янушъ читаетъ реляцію о казацкой войнѣ въ сенатѣ“. Какъ мы видѣли, кн. Янушъ выступалъ съ такими отчетами дважды: въ 1649 г. (стр. 254) и въ 1652 г. (стр. 316); имѣется въ виду скорѣе 1652 г., т. к. въ первомъ случаѣ было бы упомянуто о королѣ.

„Свертокъ № 35. Пять штукъ для залы, — вверхъ одна штука квадратная, а четыре боковыхъ одинаковой формы, — разныхъ викторій изъ (времени) гетманства князя Януша“. Это свидѣтельство о существованіи еще въ 1670 г. картинъ (или даже гобеленовъ?), изображавшихъ побѣды, надъ казаками очевидно, кн. Януша, заставляегъ меня усомниться въ правильности высказанныхъ выше гипотезъ объ изготовленіи картинъ этого содержанія лишь при кн. Михаилѣ V Казимірѣ (до 1750 г.) по старымъ рисункамъ (см. стр. 248—250, 317—321): картины могли быть, оказывается, и болѣе древними, заказанными еще самимъ кн. Янушемъ или Богуславомъ; квадратная картина „вверхъ“ (w górę) назначалось, очевидно, для плафона комнаты; мнѣ кажется поэтѣ, что она должна была быть и скомпанована иначе, чѣмъ картины стѣнные; всего естественнѣе было бы заключить изображеніе въ кругъ, заполнивъ углы какими-либо трофеями; отсюда — естественное предположеніе, что плафонъ воспроизводилъ лицевую сторону медали Датлера (табл. II, рис. 1), или vice versa; если такъ, то понятно почему и несвижская картина взятіе Кіева (стр. 319, № 7) отличалась отъ прочихъ такою непомерно длинною надписью. При такомъ предположеніи „Кіевская“ комната была бы украшена по стѣнамъ №№ 8 и 9 изъ исчисленныхъ выше (стр. 318—320) картинъ и еще двумя какими-либо (см. стр. 321), а потолокъ № 7-мъ; прочія картины назначались, вѣроятно, для украшенія другой залы или залъ того же дворца кн. Януша или кн. Богуслава.

Наиболѣе же важною для нашей темы являются слѣдующія, сообщенныя намъ Б. И. Пуляновскимъ, выписки изъ черновика той же описи 1670 г., писаннаго той же рукою и описывающаго книги подробнѣе.

„Тека въ лубкѣ малая съ разными замѣтками, касающимися картинъ (notacjami malarskiemi), покойнаго князя и живописца Авраама—одна“.

„Книга бѣлая [=альбомъ?], въ ней карандашемъ рисована казацкая экспедиція рукою Авраама живописца, которой штукъ сорокъ девять,—одна“.

„Книга бѣлая [=альбомъ?] „глушковая“ [?] въ ней купферштиховъ разныхъ радзивилловскихъ девяносто четыре, кромѣ иныхъ разныхъ рисунковъ—одна“.

„Книга „глушковая“ большая съ купферштихами разными, какъ „глушковой“ работы, такъ и печатными, которыхъ (всего) сто шесть“.

Это упоминание цѣлаго альбома изъ 49 карандашныхъ рисунковъ художника по имени Авраамъ для насъ особенно важно: значить наши гипотезы о происхожденіи всѣхъ издаваемыхъ рисунковъ изъ особаго альбома Кіевскаго похода кн. Януша (см. стр. 269, 295 сл., 320, 322) подтверждаются теперь документально, только альбомъ посвященъ былъ вообще походамъ Януша на казаковъ и до 1651 г., что впрочемъ, ясно было и ранѣе; мы узнаемъ теперь число заключавшихся въ немъ рисунковъ и убѣждаемся, что до насъ сохранилась въ копіяхъ и гобеленахъ едва половина ихъ; наконецъ, получаемъ новое доказательство предполагавшейся нами службы Авраама фанъ-Вестерфельда у кн. Януша; зато намъ приходится отказаться отъ предположенія (стр. 269, 378), что оригиналы издаваемыхъ рисунковъ сдѣланы были перомъ.

Если бы отъ описи¹⁾ можно было дойти и до самихъ описываемыхъ предметовъ, то, пожалуй, ранѣе этого „Казацкаго Альбома Вестерфельда“ мы бросились бы на маленькую портфель, или ящикъ, съ „малярскими замѣтками“ его и „покойнаго князя“ (т.-е., вѣроятно, еще кн. Януша, т. к. черновикъ описи 1670 могъ копировать описи, составленныя еще при жизни Богуслава): здѣсь могли вѣдь лежать тѣ первоначальныя наброски съ натуры, быть можетъ съ пояснительными къ нимъ замѣтками, которые Вестерфельдъ рисовалъ, сидя предъ самими памятниками Кіева; „альбомъ“ же былъ, конечно, вырисованъ на основаніи этого матеріала позднѣе и, конечно, съ неизбѣжными измѣненіями и прикрасами, а по нашему искаженіями, подлинныхъ и первоначальныхъ эскизовъ, которые явились бы для насъ, если бы они гдѣ-либо отыскались, матеріаломъ несравненно болѣе цѣннымъ, чѣмъ издаваемая теперь копія съ вырисованныхъ на-чисто въ альбомѣ видовъ и даже чѣмъ сами

¹⁾ Приводимъ переведенные нами тексты въ польскомъ ихъ оригиналѣ по копіи Б. И. Пульяновскаго. Заглавіе „Regestr Skarbnice albo rzeczy J. O. Xzny J. Méi Radziwiłłowny Koniuszanki W. X. L. Anno 1670 sporządzoney, który się posyła Ich M. M. Panom Aeconomom z Królewca d. 27 Januari 1671 Anno“.

Str. 27: „Skrzynia № 63 . . . № 5. Xięga biała w której Xiążęta Ich Mściowie rysowane.—Anno 1670 d. Mai oddana Xciu J. Mści Podkanclerzemu“; [№№ 16 и 17 см. въ текстѣ на стр. 388].

Str. 45: „Walek № 9. Obrazy w puł.

Janusz Radziwiłł po niemiecku i po polsku.

Janusz Radziwiłł w obcych krajach.

Janusz Radziwiłł ze śmiercią tańcuje.

Statuetka marmurowa Janusza w puł odesłana do Birż 20 Września 1670 r.

Statuetka marmurowa Bogusława w puł odesłana do Birż 20 Września 1670 r.

Bogusław z żoną swoją.

Anna Marja Gospodarówna Ziem Mołdawskich żona Janusza.

Na jednym płótnie obiedwie żony Janusza“.

Str. 51: „Walek № 32. Obraz tylko jeden, jako Książę Jego Mści Janusz czyni relatię woyny kozackiej w Izbie Senatorskiej...“

Walek № 35. Pięć sztuk do pokoju, w górę sztuka jedna w kwadrat, a cztery bokowe jednakie formy: Victorij różnych za Hetmaństwa Xcia Janusza“.

Въ черновикѣ той же описи Б. И. Пульяновскій нашелъ слѣдующія отдѣльныя обозначенія:

„Teka w łubie mała z różnymi notacjami malarskimi nieboszczyka księcia y malarza Abrama.—jedna“.

„Xięga biała wniej ołówkiem rysowana Expedycja kozacka Ręko Abrama Malarza której sztuk czterdzieście dziewięć,—jedna“.

„Xięga biała głuszkowa wniej Copersztykow różnych Radziwiłłowskich Dziewięćdziesiąt cztery okrom innych różnych abrysów,—jedna“.

„Xięga Głuszkowa spora z Copersztykami różnemi tak głuszkowej roboty iako y Drukowanemi, których sto i sześć“.

эти подлинные, но не первоначальные, рисунки Вестерфельда. Впрочемъ содержаніе „теки“ могло бы насъ и разочаровать: „notacjé“ эти могли имѣть совсѣмъ не тотъ характеръ и быть такими же разсчетами Вестерфельда съ кн. Янушемъ, какъ упоминавшіеся выше (стр. 329, пр. 2, и 375) счета Дадлера.

Относительно двухъ другихъ альбомовъ мнѣ представляется затруднительнымъ рѣшить, откуда могло взяться 94 радзивиловскихъ гравюры: вѣроятно, гравюры (портреты) лежали тутъ во многихъ экземплярахъ однѣхъ и тѣхъ же. Совершенно непонятно для меня опредѣленіе одного альбома цѣликомъ и части гравюръ (или рисунковъ вообще?) въ другомъ „глушковыми“: т. к. онѣ противопологаются печатнымъ, то нельзя ли понимать подъ этимъ терминомъ портретовъ, рисованныхъ тушью, какъ указанный выше (стр. 381, 395, пр. 1) портретъ королевы Варвары, происходящій также, повидимому, изъ Несвижа?

Если рисунки, исчисляемые въ описи 1670 г., и не были, какъ альбомъ портретовъ, переданы въ Несвижъ немедленно послѣ смерти кн. Богуслава, то они все же должны были такъ или иначе, вѣроятно, туда же вмѣстѣ со всѣмъ „Нейбургскимъ наслѣдствомъ“ (см. выше, стр. 376) и поэтому проще всего было бы, конечно, думать, что теперь они находятся тамъ же, гдѣ и эта книга, т. е. въ Академіи Наукъ, но такое предположеніе не оправдывается произведенными тамъ справками и поисками; хотя отрицательный результатъ самъ по себѣ и не можетъ, конечно, быть вполне прочнымъ доказательствомъ того, что ихъ тамъ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ.

Несвижская замковая библіотека была, какъ мы видѣли уже выше (см. стр. 318, пр. 1), приумножена и приведена въ порядокъ тѣмъ же кн. Михаиломъ V Казимиромъ, который реставрировалъ самый замокъ, и въ неоконченной описи замка его времени (см. стр. 318) упоминается и „новая библіотека“ (л. 3 об.); особая забота объ увеличеніи ея проявляла жена его, кн. Урсула Франциска († 1753), урожденная кн. Вишневецкая (*Icones Radivilianae tab. 158*), которая и сама писала драмы и комедіи. Ея стараніями библіотека дошла до 9000 томовъ¹⁾.

Умножалась библіотека и послѣ ея смерти какъ при жизни кн. Михаила Казимира, такъ и послѣ его смерти (15 мая 1762 г.) при новомъ владѣтелѣ Несвижа кн. Карлѣ Станиславѣ Радзивилѣ (1734—1790), столь извѣстномъ подъ прозвищемъ „Пане Коханку“ по его любимому присловью²⁾.

Въ первую половину своей жизни онъ игралъ видную роль въ политической жизни Польши и Литвы; участіе его въ Барской конфедераціи повлекло за собою занятіе

1) Kotłubaj. *Galerja*, str. 458; Baliński. *Starożytna Polska*, III, str. 640—641; Radziszewski. *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitych bibliotekach i archiwach . . . w Królestwie Polskiem*. Kraków. 1875, str. 52—54; Nieśwież. Среди сборниковъ рисунковъ въ иностранномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ подъ каталожнымъ № XV. E. XXII оказался молитвенникъ кн. Урсулы Франциски, въ видѣ небольшой книжки въ хорошемъ переплетѣ, оставшейся по большей части не исписанной, гдѣ среди листовъ вклеены небольшія гравированныя изображенія различныхъ святыхъ, праздниковъ и т. п.; настоящее значеніе этой книжки несомнѣнно по ея подлинн. съ 1731 г., по родословной, написанной въ началѣ ея, и по записямъ о рожденіяхъ дѣтей; кромѣ того въ книжкѣ написано еще вѣсколько польскихъ религиозныхъ гимновъ.

2) См. Kotłubaj. *Galerja*, str. 461—523; о немъ писано очень много и мы не могли, конечно, и браться за систематическое ознакомленіе съ этой литературой.

Несвижа русскими войсками, послѣ чего замковая библиотека, достигшая къ тому времени уже 20000 томовъ, отправлена была въ Петербургъ, въ Академію Наукъ.

Бакмейстеръ¹⁾ говоритъ о привозѣ ее такъ: „Многочисленное собраніе книгъ, хранимое по то время въ Несвижѣ, что въ Литовскомъ княжествѣ, привезено и приобщено къ нашему. Дивно, что война, наукамъ вездѣ зловердная, въ Россіи имѣетъ полезна Реченная библиотека привезена къ намъ 1 августа означеннаго [1772] года. При ней какъ не было никакой росписи, то немедленно сочинили оную“. Мнѣ не удалось однако отыскать эту опись въ библиотекахъ Академіи Наукъ. Съ книгами увезено было и много гравюръ (*Tygodnik Ilustrowany*. VI. 1862, str. 249).

Посѣтившіе Петербургъ осенью 1791 года гг. Fortia de Piles и г. Boisgelin de Kerdu въ ихъ анонимной книгѣ²⁾ сообщаютъ только, что забытая радзивилловская библиотека помѣщалась въ ротондѣ перваго этажа того же зданія, гдѣ помѣщаются русская и иностранная библиотеки Академіи Наукъ и нынѣ.

Только въ 1842 году Академія, если вѣрить воспоминаніямъ А. В. Старчевскаго³⁾, вспомнила о Несвижской библиотекѣ и академикъ Беренниковъ пригласилъ А. В. Старчевскаго составить опись польскимъ книгамъ ея, надъ чѣмъ тотъ и работалъ четыре мѣсяца, но это показаніе явно противорѣчитъ утвержденію Бакмейстера; будемъ надѣяться, что „роспись“ 1772 г. найдется.

Теперь Несвижская библиотека соединена, конечно, съ прочею библиотекою и книги, изъ нея происходящія, узнаются лишь по „ex libris“, въ родѣ описаннаго выше (стр. 379); въ систематическомъ каталогѣ подъ рубрикою *Historia Poloniae* имѣется длинный перечень различныхъ панегириковъ, надгробныхъ, свадебныхъ и привѣтственныхъ рѣчей и т. п., относящихся къ разнымъ Радзивиламъ и происходящихъ несомнѣнно изъ ихъ библиотеки; дубликаты мѣнялись и продавались, а потому книги изъ библиотеки Несвижа встрѣчаются иногда и въ другихъ библиотекахъ.

О собраніи радзивилловскихъ, рисованныхъ перомъ, портретовъ подробно говорилось уже выше (стр. 379); упоминалось и о молитвенникѣ кн. Урсулы Франциски (стр. 391 прим. 1); перечислять иныя книги и собранія гравюръ, перевезенныя также изъ Несвижа и видѣнныя мною случайно въ иностранномъ отдѣленіи Академической библиотеки, для нашей темы бесполезно, т. к. гравюръ изъ исторіи Радзивиловъ среди нихъ мнѣ не попадалось. Возможно, однако, что судьбу упомянутаго сборника радзивилловскихъ портретовъ раздѣлили и еще какія-либо книги съ рисунками перомъ изъ числа упоминаемыхъ въ завѣщаніи кн. Богуслава Радзивила (см. выше 377), если онѣ въ 1772 г. хранились также въ библиотекѣ Несвижа.

Однако тѣ оригинальные рисунки, копіи съ которыхъ хранятся нынѣ въ библио-

¹⁾ Опытъ о библиотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей Имп. Академіи Наукъ. С. П. Б. 1779, стр. 43.

²⁾ *Voyages de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1791*. Vol. III. 1796, p. 213 (послѣ большой залы перваго этажа съ 37 шкапами слѣдуетъ) *seconde pièce, petite rotonde fort obscure, où est la collection des livres de M. de Radziwill, tout aussi abandonnés que ceux de la salle précédente*; p. 225 (во второмъ этажѣ) *de la galerie on passe dans un couloir pratiqué autour de la voûte qui donne du jour à la bibliothèque de Radziwill*; p. 234 . . . *une rotonde qui est entre la bibliothèque Radziwill et l'observatoire*.

³⁾ Историческій Вѣстникъ, 1888, № 10, т. XXXIV, стр. 98—99.

текъ Академіи Художествъ, увезены въ 1772 году изъ Несвижа, по всей видности, не были. Мы не можемъ, конечно, объяснить, почему это такъ вышло: лежали ли они не въ библіотекѣ, а гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, напр. въ замурованной комнатѣ „скарбца“ или въ архивѣ; или же они были тогда въ какомъ-либо другомъ замкѣ кн. Карла Радзивила, или даже сопровождали его въ его восьмилѣтнемъ заграничномъ изгнаніи; во всякомъ случаѣ они остались въ рукахъ „Пане Коханку“.

Дѣло въ томъ, что тѣ же два французскихъ библіофила, описывая королевскій замокъ въ Варшавѣ въ краткомъ описаніи коллекціи гравюръ, собранной Станиславомъ-Августомъ, упоминаютъ между прочимъ и „collection de dessins, copiés par cinq élèves, sur les originaux fait dans le temps, que possède le prince Radzivil: ils sont tous relatifs à l'histoire de Pologne. Il y a beaucoup de batailles, de vues, et autres sujets: ils ne sont point mal faits“ (о. с., V, p. 39).

Относитъ ли послѣднюю фразу, какъ то кажется мнѣ вѣроятнѣе, къ этимъ именно радзивиловскимъ рисункамъ, или же видѣть въ ней исчисленіе другихъ отдѣловъ королевскаго собранія гравюръ и рисунковъ¹⁾, во всякомъ случаѣ изъ этого свидѣтельства несомнѣнно, что для короля Станислава Августа скопированы были различные рисунки, относившіеся къ исторіи Радзивиловъ и находившіеся во владѣніи кн. Карла Радзивила; судя же по тому, что копіи эти исполнялись нятю рисовальщиками, можно думать, что рисунковъ было большое количество.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оригиналами для части этихъ копій являлись тѣ именно книги рисунковъ, о которыхъ говорилось въ 1668 году въ завѣщаніи кн. Богуслава (см. стр. 377); но къ нимъ должны были въ теченіе времени прибавиться и иные позднѣйшіе рисунки²⁾. Мнѣ не удалось къ сожалѣнію найти упоминанія объ изготовленіи этихъ копій въ тѣхъ письмахъ кн. Карла Радзивила, которыя я просматривалъ въ различныхъ изданіяхъ. Можно предположить, однако, что интересъ короля къ этимъ радзивиловскимъ рисункамъ возникъ при осмотрѣ имъ „скарбца“ и архива въ Несвижѣ 16—22 сентября н. ст. 1785 года. Правда, въ подробномъ описаніи этого посѣщенія польскимъ королемъ „королька литовскаго“, какъ называли кн. Карла,—который вторую половину своей жизни по возвращеніи изъ изгнанія проводилъ вдали отъ политики въ своемъ Несвижѣ,—объ осмотрѣ рисунковъ

¹⁾ Предыдущія и послѣдующія фразы см. ниже, стр. 395, пр. 2.

²⁾ Такъ, напримѣръ, изъ изданнаго въ XII томѣ вилеискаго Археографическаго Сборника, (стр. 299, № 199) письма къ кн. Іерониму Флоріану Радзивилу († 1760, наслѣдникомъ его былъ кн. Михаилъ V Казиміръ, отецъ кн. Карла) отъ архимандрита Михаила Казачинскаго изъ Слуцка отъ 10 августа 1752 года видно, что онъ заказывалъ для себя рисунокъ въ краскахъ съ триумфальныхъ воротъ въ Кіевѣ, построенныхъ къ пріѣзду туда Императрицы Елизаветы въ 1744 году (см. Закревскій. Описаніе Кіева, стр. 380, листъ IV, 54; Сборникъ матер. для историч. топографіи Кіева. I, стр. 47).

Нѣсколько рисунковъ относящихся къ постройкѣ кн. Богуславомъ дворца въ Виржахъ хранятся въ тамошнемъ архивѣ и упомянуты, а отчасти и изданы, Евст. Тышкевичемъ (Birze, str. 9, 44—46, 58, 76; см. тамъ же стр. 107—108 фантастическій рассказъ объ ужѣ, котораго кн. Христофоръ велѣлъ якобы нарисовать и кромѣ того хранить засушеннымъ въ скарбцѣ: этотъ ужъ приходился братомъ кн. Янушу!).

изъ исторіи Радзивиловъ и не упоминается¹⁾, но такое предположеніе кажется мнѣ не только вполне допустимымъ, но и болѣе естественнымъ. Король Станиславъ Августъ отличался, какъ извѣстно, интересомъ какъ къ искусству, такъ и къ исторіи Польши: его старанія о поднятіи и насажденіи въ Польшѣ разныхъ отраслей изящныхъ искусствъ и его содѣйствіе собранію историческихъ матеріаловъ Альбертранди и Нарушевичемъ отмѣчаются въ обширной о немъ литературѣ²⁾; къ сожалѣнію большая часть ея осталась мною непросмотрѣнной, и я не могу сказать съ увѣренностью, что среди изданнаго уже историческаго матеріала не найдется какихъ-либо иныхъ болѣе прямыхъ и точныхъ указаній на происхожденіе интересующихъ насъ копій радзивилловскихъ рисунковъ, чѣмъ приведенное выше свидѣтельство французовъ и наша догадка объ изготовленіи копій этихъ послѣ 1785 года, т.-е. послѣ посѣщенія королемъ Несвижа.

Другой хронологической гранью, является начало 1792 года, когда посѣтили Варшаву Fortia de Piles и Boisgelin de Kerdu, предположеніе же Б. И. Пульбяновскаго, что сдѣланныя на копіяхъ чернилами подписи принадлежатъ никому иному, какъ князю Иерониму Радзивилу, брату кн. Карла, сопровождавшему въ 1785 г. короля при осмотрѣ имъ несвижскаго „скарбца“ (о. с., стр. 49) и умершему 18 сентября 1786 года³⁾, теперь при сравненіи имъ фотографій ихъ съ архивными подлинниками, къ сожалѣнію, не подтвердилось (письмо отъ 13 апрѣля 1908 г.), а потому соответственное исправленіе должно быть сдѣлано и въ статьѣ объ этихъ рисункахъ Н. И. Петрова (Труды Кіев. Дух. Акад. 1905, II, стр. 434).

Можно было бы предполагать, что копіи эти исполнены были въ Несвижѣ по заказу его владѣльца, который, замѣтивъ интересъ короля къ оригиналамъ, пожелалъ сдѣлать ему удовольствіе присылкою копій подобно тому, какъ онъ отдалъ приказаніе вѣдавшему скарбцемъ капитану де Витте отмѣчать мѣломъ все вещи, которыя понравятся королю, дабы затѣмъ поднести ихъ ему (Obraz Polski. XVI, стр. 50), или какъ потомъ 8 августа 1786 года посылалъ королю понравившихся ему драчливыхъ турухтановъ, называвшихся „батальонами“ (Listy Ks. K. St. Radz., стр. 99—100), но такому предположенію противорѣчатъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыя фактическія обстоятельства, которыя указаны будутъ ниже и которыя приводятъ къ иному заключенію, а именно, что копіи съ радзивилловскихъ рисунковъ исполнены были королевскими рисовальщиками, которые были, вѣроятно, присланы спеціально для этого въ Несвижъ, хотя тамъ и былъ своей „malarz nadworny“⁴⁾.

Дѣло въ томъ, что копіи рисованы умѣлыми людьми, которыхъ, вѣроятно, было

1) Bytność Stanisława Augusta w Nieświeżu (Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku . . . przez Edw. Raczyńskiego. Tom XVI. Poznań. 1842, str. 1—83); объ осмотрѣ королемъ втеченіе трехъ почти часовъ „скарбца“ 17 сентября о. с., стр. 49—52, и архива 18 сентября о. с., стр. 55—56. Извѣстіе же о гобеленахъ съ исторіей Радзивиловъ см. выше стр. 24^а.

2) См. Finkel'a. Bibliografia historyi polskiej. №№ 27354 и сл.

3) Listy księcia Karola Stanisława Radziwiłła „Panie Kochanku“ (1751—1790) z różnych archiwów wydał Ernest Łuniński. Warszawa. 1906, str. 101, not. 1; Kotłubaj, Galerja. str. 506 ошибочно, годомъ смерти кн. Иеронима указываетъ 1787.

4) Josef Heski — см. Rastawiecki. Słownik malarzów. III, str. 230; W. Łoś. Histor. to i ovo. 1896, str. 22; Obraz Polski. XVI, str. 41; плафонъ съ портретомъ короля работы „pana Estkę“.

бы не особенно легко найти въ Несвижѣ¹⁾; бумага этихъ копій съ радзивиловскихъ рисунковъ такая же, какъ и многихъ другихъ рисунковъ въ собраніи Станислава Августа; помѣты именъ нѣкоторыхъ рисовальщиковъ встрѣчаются и подъ другими рисунками того же собранія; наконецъ, выраженія французскихъ билиографовъ также указываютъ, повидимому, на то, что инициатива въ изготовленіи этихъ копій принадлежала самому королю.

Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ эти копіи 1785—1791 годовъ замѣняютъ намъ утраченные или лишь не разысканные пока оригиналы XVII вѣка.

Но къ величайшему сожалѣнію и эти копіи извѣстны намъ далеко не все, а лишь меньшая часть ихъ, изъ которой бѣльшее число копій, какъ говорили мы выше (стр. 197) хранится нынѣ въ библиотекѣ Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ, двѣ—въ библиотекѣ ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ (стр. 203), три—находились, повидимому, нѣкогда въ Кіевѣ (стр. 204, 206), гдѣ же скрываются или куда пропали остальные, намъ неизвѣстно.

Числа рисунковъ, видѣнныхъ французскими библиофилами въ королевскомъ собраніи въ Варшавѣ, не указано; но на тѣхъ изъ нихъ, которые были у меня въ рукахъ, на лѣвой сторонѣ оказались проставленные карандашемъ №№: наименьшій изъ нихъ 17, наибольшій 88; общее число радзивиловскихъ рисунковъ можно приблизительно опредѣлять, слѣдовательно, не менѣе сотни; поэтому-то и копировало ихъ цѣлыхъ пять человекъ.

Когда и какъ произошло такое сильное уменьшеніе числа копій, мы точно не знаемъ; но изложеніе судьбы собранія гравюръ и рисунковъ, составленнаго Станиславомъ-Августомъ, можетъ это до нѣкоторой степени объяснить. Fortia de Piles и Boisgelin de Kerdu, описывая собраніе²⁾, упомянули 54 тома портретовъ: это почти

¹⁾ Образецъ работы несвижскихъ художниковъ имѣется также въ бывшемъ собраніи Станислава Августа (библ. Акад. Художествъ, *Polonogum Icones I*, № 65); это рисунокъ, весьма несовершенный, изображающій трофей изъ вещей, принадлежавшихъ Яву Собѣскому, устроенный въ несвижскомъ костелѣ въ столѣтній юбилей освобожденія Вѣны въ 1783 году (*Kotłubaj. Galerja, str. 503; Gazeta Warszawska, 1783, № 85*), подъ рисункомъ этимъ есть подпись его автора: *Del: P. Jos Korsak. P. I. A.* Надо думать, что этотъ рисунокъ или присланъ былъ королю своевременно, или подаренъ въ бытность его въ Несвижѣ. Последняго, вѣроятно, происхожденія и портреты королевы Варвары, рожденной Радзивиль, весьма удовлетворительно исполненный тушью съ того же оригинала и въ ту же примѣрно величину, какъ соответственная гравюра Лейбовича (*Icones Radivilianae, tab. 57*). Портретъ на листѣ (0,250×0,415) бумаги съ круглымъ водянымъ знакомъ (рыба въ срединѣ, небольшіе кружки по окружности, ср. выше стр. 381, 391) былъ нѣкогда также согнутъ по срединѣ, какъ и портреты библиотеки Академіи Наукъ (см. выше стр. 379, 380); въ картушѣ подъ портретомъ подпись не было и она начата рукою Станислава Августа; старая подпись чернилами помѣщена на оборотѣ внизу листа. Но на оборотѣ же вверху чернымъ карандашемъ поставленъ, какъ и на издаваемыхъ нами рисункахъ, №, а именно: 29. Все это свидѣтельствуетъ о происхожденіи портрета изъ Несвижа и находеніи его нѣкогда тамъ вмѣстѣ съ прочими портретами Радзивиловъ, а у короля съ копіями радзивиловскихъ рисунковъ, среди которыхъ впрочемъ есть другой № 29 (см. ниже, стр. 407). Портретъ Варвары также—въ Академіи Художествъ (*Polonogum Icones I*, № 31).

²⁾ Въ дополненіе къ приведенному выше (стр. 393) упоминанію о копіяхъ радзивиловскихъ рисунковъ приводимъ здѣсь предшествующія и послѣдующія фразы: *Estampes. Elles occupent au château un fort petit emplacement: elles sont classées non par école, par maître, par ancienneté, mais toutes par sujets. Il y a plusieurs bons dessins, de Smuglevits, Polonais. Cinquante quatre volumes de portraits. [См. выше стр. 393]. Presque tous les ouvrages modernes, tels que la collection des Volpato, enluminés, des bains de Tite, etc., se trouvent ici. Ce cabinet, sans être comparable aux grandes collec-*

число (50) одинаковыхъ портфелей въ формѣ огромныхъ книгъ находится нынѣ въ Академіи Художествъ и содержитъ различные портреты¹⁾; всего такихъ же портфелей имѣется тамъ 162: это и есть, очевидно, та часть коллекціи, которая была приведена Альбертранди въ окончательный порядокъ; прочія же гравюры и рисунки находились тогда, какъ и теперь, не монтированными, отчасти и не систематизированными во временныхъ папкахъ. Сообразно съ этимъ и старинный, составленный очевидно также Альбертранди, каталогъ, писанный на хорошей толстой бумагѣ, переплетенный въ хорошиі кожаный переплетъ, имѣется также далеко не ко всему собранію, а лишь къ отдѣламъ, размѣщеннымъ по этимъ большимъ портфелямъ, да и то не ко всѣмъ²⁾. Тотъ же отдѣлъ, — „dessins copiés“, — въ который входили копии радзивилловскихъ рисунковъ, такого стараго каталога Альбертранди теперь къ сожалѣнію не имѣетъ и, вѣроятно, не имѣлъ и прежде, а потому мы и не знаемъ точно ни числа, ни содержанія прочихъ рисунковъ, кромѣ сохранившихся.

Послѣ смерти Станислава Августа (1798) коллекціи его перешли къ его наслѣднику и племяннику гр. Іосифу Понятовскому. Въ 1815 году польское правительство купило у его наслѣдниковъ собраніе гравюръ и рисунковъ для Варшавскаго Университета, гдѣ собраніе это составляло особый кабинетъ искусствъ, т. н., „Cabinet d'Alexandre à Varsovie“: число гравюръ и рисунковъ королевскаго собранія достигало 80000 штукъ, къ нему было добавлено еще 20000 гравюръ, пожертвованныхъ министромъ культовъ и народнаго просвѣщенія гр. Стан. Потоцкимъ³⁾.

Къ сожалѣнію въ статьѣ хранителя этого собранія, Пиварскаго, ни словомъ не упоминается о серіи копій съ радзивилловскихъ рисунковъ⁴⁾; молчаніе это тѣмъ досаднѣе, что тогда, какъ видѣли мы уже выше (стр. 199 сл.), часть интересующихъ насъ рисунковъ находилась уже въ С.-Петербургѣ въ рукахъ или по крайней мѣрѣ во временномъ распоряженіи Ѳ. В. Булгарина, который, издавая одинъ лишь рисунокъ, относительно прочихъ ограничился глухимъ выраженіемъ: „множество любопытныхъ предметовъ касательно русской исторіи“. Можно думать, что и прочіе, оставшіеся не изданными, рисунки, относящіеся къ русской исторіи, происходили также изъ числа копій съ радзивилловскихъ рисунковъ: въ число ихъ навѣрное входили рисунокъ, нашедшійся теперь въ Варшавѣ вмѣстѣ съ изданнымъ Ѳ. В. Булгаринимъ (см. табл. IV, рис. 2) и обозначаемый подписью, какъ сдача Кіева

tions de Paris, de Vienne, de Dresde, etc. est considérable, surtout pour avoir été commencé par le roy régnant (o. c. V, p. 39).

¹⁾ Сверхъ того имѣются еще два особыхъ портфеля съ портретами, также въ видѣ книгъ, но иного формата, и также несомнѣнно изъ собранія Станислава Августа подъ титуломъ: *Polonorum Icones*.

²⁾ На лицо имѣются 10 томовъ носящихъ общее заглавіе: *Catalogue de estampes du Roi*, и слѣдующія частныя: *Portraits*. Vol. I, III, IV. 1788; *Classe de Bambochades*. 1789; *Contes et romans*. 1788; *Catalogue des livres d'estampes*. Varsovie le 8 Janvier 1784; *Mythologie*. 1789; *Nouveau Testament*. 1788; *Sujets galans*. 1788.

³⁾ *Rapport général du Conseil d'état sur l'administration intérieure du Royaume de Pologne, lu en présence de Sa Majesté l'Empereur et Roi à la seconde séance de la diète le 28 Mars 1815*. [Varsovie 1818 in 8°], p. 18—19; *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*. IV. 1902, sp. 397—398, not. 1.

⁴⁾ J. F. Piwarski. *Wiadomość o Gabinecie rycin z publiczną narodową biblioteką połączonej*. (Gazeta Literacka. Warszawa. 1822, №№ 38—42, str. 200—204, 205—209, 217—221, 229—233, 241—244).

въ 1651 году (см. табл. I, рис. 2), и три рисунка, представляющіе дѣйствительно событія въ Кіевѣ въ 1651 году (см. табл. III и V) и нынѣ неизвѣстно гдѣ находящіяся (см. выше стр. 204—206); тутъ же были, вѣроятно, и рисунки, соотвѣтствующіе тѣмъ картинамъ изъ походовъ кн. Януша, которыя мы перечислили выше (см. стр. 318—321, ср. 389); наконецъ, тутъ могли быть и рисунки тождественные еще тремъ картинамъ, относящимся и къ русской исторіи, которыя значатся въ той же неоконченной описи несвижскаго замка, а именно: 1) взятіе Стародуба въ 1535 г. кн. Георгіемъ I Радзивиломъ¹⁾, 2) взятіе Сокола въ 1579 г. кн. Христофоромъ I Радзивиломъ²⁾ и 3) опустошеніе тѣмъ же кн. Христофоромъ московскихъ областей³⁾. Все эти рисунки соотвѣтственными подписями подъ ними естественно обратили на себя вниманіе человѣка, выбиравшаго рисунки, имѣвшіе отношеніе къ русской исторіи, и были поэтому взяты изъ общей группы радзивиловскихъ рисунковъ, гдѣ кромѣ видовъ Кіева, которымъ отбиравшій не придавалъ, очевидно, историческаго значенія, оказывается теперь лишь одинъ такой же рисунокъ,—отпускъ Подобайла кн. Янушемъ (см. табл. XIII, рис. 6), оставленный, быть можетъ, по относительной, въ сравненіи съ прочими, маловажности и неизвѣстности изображеннаго на немъ событія.

Само собою разумѣется, что помимо составителя портфели, находившейся нѣкогда въ рукахъ Ѳ. В. Булгарина, изъ числа интересующихъ насъ копій съ радзивиловскихъ рисунковъ могли дѣлать замѣтки и другія лица и прежде всего

1) Л. 17—17 об.: Wyobrazenie Historji dobywania Starodubowa. Inskrypcya:

Arx Starodubum ingens quam annoso robore Moscus
Firmavit capitur deinde cremata ruit
Millia quae sex dena Hominum cum clausa teneret
Captiva haec Littavus sauromats dedit
Vincta Owczyzna Palatinus selecta iuventus
Bojarique ferunt caetera turba perit
Te summo Radiville Duce haec sunt gesta Georgij
Joanne a Tarnow castra regente simul.

О событіи этомъ см. Kotłubaj, Galerja, str. 49 сл.; Соловьевъ. Исторія Россіи. VI. 1877, стр. 65.

2) Л. 9. об.: Dobycie Sokoła. Wyobrazenie Historji Krzysztofa I. z Inskrypcya:

Christophorus 1-us Radziwiłł S: R: Imp: Princeps Dux in Birze Dubinki Palatinus Vilmensis Campi et postea Supremus Dux M: D: L: cum Filio in minorremi aetate Christophoro III Radziwiłłi S: R: Imp: Principe postea Palatino Vilmensi et Supremo Exercituum Duce. 1579 Anno.

Christophorus Radziwiłł Patre Commendante cohortes
Accipit ad Sokol Moschica rura praemens.
Magnanimi socia arma huic junxere fidemque
Quos Hlebovicius Minscius Intererat.
Sex decies hic mille viri Seremotque fugat[ur]:
Dux caesa et capta est vis Numerosa virum.

Объ осадѣ этой см. Kotłubaj, Galerja, str. 84; Соловьевъ. VI. стр. 320—322.

3) Л. 19. об.—20: Portret Historji Spustoszenia ziem Moskiewskich. Inskrypcya: Anno 1579.

Christophorus Radziwiłł Campi Dux caede cruenta
Derpato advictos igneque vastat agros
Diffugiunt Moschi capiturque arx firma Kierepat
Machinae et insignes multaque praeda simul
Vincta Palatinus Stephanus visus saucius atque
Ostabeo Uminow tum subiere duo
Plescoviam usque tenus populatus et omnia Vilnam
Ad Stephanum Regem victor ovansque redit.

См. Kotłubaj, Galerja, str. 84; Соловьевъ. VI. стр. 327.

самъ владѣлецъ собранія, которому могло показаться болѣе удобнымъ перенести тотъ или другой рисунокъ въ какой-либо иной отдѣлъ своего собранія. Миѣ при случайныхъ справкахъ въ иныхъ отдѣлахъ его такихъ рисунковъ, которые, очевидно, относились бы къ радзивилловскимъ, однако, не попадалось¹⁾. Собрать разсѣянное могутъ лишь тѣ, кому возможна долгая и прилежная работа въ многочисленныхъ польскихъ собраніяхъ старинныхъ рисунковъ; издаваемые нынѣ фототипіи кіевскихъ видовъ и приводимое ниже перечисленіе всѣхъ радзивилловскихъ рисунковъ Академіи Художествъ могутъ дать имъ нѣкоторые признаки для опредѣленія отдѣльныхъ рисунковъ, принадлежавшихъ нѣкогда къ этому интересному отдѣлу коллекціи Станислава Августа. Быть можетъ, польскимъ, болѣе насъ компетентнымъ, изслѣдователямъ удастся выяснитъ и инныя подробности какъ объ этомъ отдѣлѣ вообще, такъ и о составѣ столь интересной для насъ, русскихъ, портфели, находившейся въ 1822 году въ рукахъ *Θ. В. Булгарина*.

13 сентября 1832 года въ протоколѣ засѣданія Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ записано: „Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ собраніе эстамповъ и рисунковъ, находившихся въ Варшавской Публичной Библиотекѣ, кои будутъ привезены въ С.-Петербургъ, отдать въ сію Академію, и что оныя будутъ доставлены въ оную профессоромъ ея Варнеке“²⁾. Такимъ образомъ все огромное собраніе гравюръ и рисунковъ, составленное Станиславомъ Августомъ, а равно и подобныя же собранія Евстаѳія Сапѣги и „Общества Друзей Наукъ“, унаслѣдовавшаго всѣ собранія генерала Яна Г. Домбрѣвскаго († 1818), перемѣстилось въ С.-Петербургъ, въ Академію Художествъ, которая и ранѣе, еще въ 1799 г., получила уже „собраніе эстамповъ, какія нашлись въ Варшавской библиотекѣ“ Залускихъ³⁾.

При сдачѣ коллекціи въ Варшавѣ Пиварскимъ Варнеку всѣхъ гравюръ и рисунковъ показано было 102493, Варнеке насчиталъ еще сверхъ того 3996, а въ С.-Петербургѣ позднѣе при составленіи извѣстнымъ граверомъ Ник. Уткинымъ новаго рукописнаго на французскомъ языкѣ полнаго каталога всему варшавскому собранію общее число рисунковъ и гравюръ его, причемъ считались и гравюры въ книгахъ и атласахъ, оказалось 110397⁴⁾. Весь каталогъ, составленный Н. Уткинымъ, состоитъ изъ 27 книгъ, изъ которыхъ каждая снабжена алфавитнымъ указателемъ именъ художниковъ и граверовъ; эта колоссальная работа исполнена имъ была въ теченіе десяти лѣтъ: съ 1843 по 1854, когда „правленіе Академіи положило завѣдываніе кабинетомъ эстамповъ возложить на хранителя Академическаго Музея Академика Ухтомекаго“.

Въ этомъ-то рукописномъ каталогѣ Н. Уткина въ XV-ой части его (л. 71) въ от-

¹⁾ Два указанныхъ выше (стр. 395, пр. 1) рисунка въ счетъ не идутъ, т. к. это — не копии.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, изданный подъ редакціей Н. Петрова и съ его примѣчаніями. Томъ II. С. П. В. 1885, стр. 286.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ (etc.) I, 1864, стр. 382, и примѣч. 553; примѣчанія ко II-ому тому Матеріаловъ къ сожалѣнію изданы не были.

⁴⁾ Считаемо не лишнимъ провести окончательную „Recapitulation générale de toute la Collection polonaise sequestrée“ (каталогъ Н. Уткина, кн. XVII, л. 60 и 68):

дѣлѣ: „Dessins copiés—d'après des Maîtres inconnus“ и значатся въ портфели 176, подъ №№ 305—336: „32 dessins représentant scènes tirées de l'Histoire de la maison Radziwill (en mine de plomb), fol.“ безъ поштучнаго перечня ихъ.

Я нашелъ рисунки эти вновь монтированными теперешнимъ бібліотекаремъ Академіи Художествъ Ѳ. Г. Беренштамомъ,— которому я обязанъ цѣлымъ рядомъ полезныхъ для настоящей работы указаній и одолженій,—и хранящимися въ портфели подъ № 176 же; нумерація рисунковъ благоразумно сохранена прежняя.

Въ нумераціи рисунковъ никакой общей системы усмотрѣть нельзя: только сцены изъ исторіи Радзивиловъ лежатъ рядомъ; но такъ какъ нельзя найти системы и въ находящихся на обратной сторонѣ рисунковъ старыхъ номерахъ, то мы даемъ нижеслѣдующее исчисленіе рисунковъ, хранящихся въ Академіи Художествъ, въ порядкѣ наличныхъ номеровъ каталога Н. Уткина, который держался, видимо, прежней нумераціи, трудно сказать, какой именно: установленной ли еще Пиварскимъ въ Варшавѣ или же лишь проставленной при сдачѣ собранія Пиварскимъ Варнеку.

Но во избѣжаніе повтореній при описаніи рисунковъ нужно сказать сперва о бумагахъ, на которой они нарисованы и которая оказывается пяти сортовъ:

I. Большая часть листовъ съ рисунками имѣетъ водяные знаки известной голландской фирмы J. Honig & Zoonen, причемъ на листахъ, или вѣрнѣе на полулистахъ, видны то полное имя фирмы ¹⁾, то знакъ ея въ видѣ причудливой формы гербового щита подъ короною съ изображеніемъ рога съ ремнемъ его въ щитѣ и съ изображеніемъ улья,—arme parlante фирмы Honig,—подъ щитомъ ²⁾.

II. Шесть рисунковъ на бумагахъ голландской же фабрики: D. & C. Blauw³⁾; здѣсь кромѣ имени фирмы ставится также крупный знакъ въ видѣ причудливаго щита, окруженнаго разводами и увѣнчаннаго деревомъ; въ щитѣ особый знакъ, т. е. Hausmarke, и буквы D. & C. B.; а на одномъ листѣ (№ 321) полное имя фирмы

	Volumes et portefeuilles.	Estampes et dessins.
Collection Stanislas Auguste	1117	92082
Collection Potocki	51	10411
Collection Sapieha	73	4731
Collection Dombrowski	22	913
Collection des Amateurs des Sciences . .	15	2260
	1278	110397

Каталогъ носитъ такое заглавіе: Catalogue raisonné des Estampes, composant la Collection du Cabinet d'Alexandre de Varsovie redigé par Nicolas Outkine.

¹⁾ На рисункахъ №№ 309, 310, 312, 313, 314, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 332, 333, 335, 336.

²⁾ На рисункахъ №№ 318, 322, 326, 327, 328, 329, 332, 333, 336 и первомъ объяснительномъ листкѣ къ № 336. У Н. П. Лихачева упоминается (Зап. И. Р. Арх. Общ. нов. с. V, стр. 314) фабрика Honig'овъ какъ работавшая со второй половины XVII вѣка „въ теченіе весьма долгаго времени“ и указываются русскія подражанія знакомъ этой бумаги начала XIX вѣка (Палеогр. значеніе. II, стр. 384 и 388, № 3612 и 3617 документы 1801 и 1813 гг.), причемъ на голландскомъ оригиналѣ стоятъ тѣже имена J. H. Honig & Z. Время этой бумаги опредѣляется и тѣмъ фактомъ, что на бумагахъ той же фабрика и съ такими же знаками, но только гораздо лучшаго сорта, писаны отчасти и упомянутые выше каталоги Альбертранди. Выше упомянутый рисунокъ несвижскаго трофея 1783 г (см. стр. 395, пр. 1) рисованъ на бумагахъ: S. & J. Honig, т. е., вѣроятно, болѣе старой, съ гербомъ иной формы.

³⁾ На этой бумагѣ рисованы №№ 306, 311, 315, 316, 330 и 334. Что бумага эта современна и подражаетъ бумагахъ Honig'овъ (или наоборотъ), ясно изъ того факта, что подражаніе сложному водя-

помѣщено подѣ щитомъ съ рогомъ въ немъ и короною на верху, подобномъ находящемуся на бумагѣ Honig'a.

III. Три рисунка (307, 317 и 331) на бумагѣ съ буквами фабриканта G и R, стоящими подѣ щитомъ съ рогомъ въ немъ и короною сверху, и (на второмъ) еще съ отдѣльно стоящими буквами H и R¹⁾; на первомъ рисункѣ верхнія части буквъ G и R и гербъ отрѣзаны.

IV. Одинъ рисунокъ (308) и листокъ (второй) съ объясненіемъ къ рисунку 336 имѣютъ характерный для голландской бумаги XVIII вѣка знакъ въ видѣ ограды съ сидящею въ ней женщиной и девизомъ PRO PATRIA²⁾.

V. Наконецъ, на одномъ листѣ (305) читаются инициалы фабриканта G и B и имя города: KOUVENHAVEN, т.-е. Копенгагенъ³⁾.

Сколь ни приблизительны заключенія по бумагѣ сами по себѣ, но изъ собранныхъ здѣсь фактовъ возможенъ только одинъ выводъ, что бумага разсматриваемыхъ рисунковъ вполне подтверждаетъ показанія каталога: передъ нами дѣйствительно копія конца XVIII в., а не оригиналы Вестерфельда половины XVII.

Распределеніе рисунковъ по листамъ той или другой бумаги совершенно случайно и никакой систематической связи между сортомъ бумаги и содержаніемъ рисунка усмотрѣть нельзя. Нѣтъ опредѣленной связи и между бумагою и тѣми рисовальщиками, которые изготовляли копія, какъ нѣтъ ея и между рисовальщикомъ и сюжетомъ рисунка.

ному знаку на бумагѣ Blaauw'a мы находимъ на знакѣ какой-то русской фабрики А. О. (см. Н. П. Лихачевъ, Палеогр. значеніе, № 3617, II, стр. 49 и 384, документъ 1813 года), съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что въ щитѣ помѣщенъ большой улей, что оказывается подражаніемъ знаку Honig'овъ же (см. тамъ же № 3712, J. H. Honig & Z, II, стр. 384, документъ 1800—1801 г.), на которомъ орнаменты вокругъ щита очень сходны со знакомъ Blaauw, но надъ щитомъ вѣтъ дерева, которое сохраняется на бумагѣ А. О.

На такой же бумагѣ, какъ указанные копія радзивилловскихъ рисунковъ, писавъ отдѣльный списокъ копій съ рисунковъ Worsley'я, изготовленныхъ для Станислава же Августа. Она же встрѣчается и въ каталогѣ Альбертранди 1784—1789 гг.

1) На бумагѣ съ такимъ же знакомъ нарисованъ одинъ старинный рисунокъ въ краскахъ, изображающій абсиду Св. Софій Киевской съ ея мозаиками и принадлежащій библиотекѣ Ординаціи гр. Красинскихъ въ Варшавѣ; къ сожалѣнію я, когда онъ былъ у меня въ рукахъ, не обратилъ вниманія на то, нѣтъ ли на оборотѣ его карандашного №, т.-е. не принадлежалъ ли и онъ къ числу копій, исполненныхъ для Станислава Августа со старинныхъ радзивилловскихъ рисунковъ. Что же касается самого знака: рога въ щитѣ подѣ короною, то онъ встрѣчается очень часто (см. напр. Н. П. Лихачевъ. Бумага, табл. 105—106, №№ 695—700, 1681—1805 гг.; Палеографич. значеніе, № 3711, II, стр. 336, 1731 г.) на бумагахъ разныхъ фабрикъ и долгаго времени, до начала XIX вѣка, такъ что вполне подходитъ и къ 80-мъ годамъ XVIII вѣка. Буквъ же G R и H R у Н. П. Лихачева не находимъ.

2) Бумага съ этимъ знакомъ, называвшаяся даже въ Россіи „пропатрія“, весьма распространена; русскія подражанія ей знаку доходятъ до 30-хъ гг. XIX вѣка; судя по многочисленнымъ примѣрамъ у Н. П. Лихачева (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. и. с. V, стр. 318—319; Палеогр. значеніе, II, стр. 325—327 и указываемыя тамъ таблицы) знакъ не восходитъ ранѣе начала XVIII вѣка. Онъ встрѣчается и на бумагѣ съ именемъ VAN DER LEY (Палеогр. знач. № 504; 1805 г.); возможно, что два наши листика малыхъ размѣровъ принадлежатъ этому фабриканту, потому что одинъ изъ рисунковъ въ Варшавѣ (см. ниже стр. 409) нарисованъ на бумагѣ съ этимъ именемъ.

3) Сочетанія буквъ G и B, указанные у Н. П. Лихачева (Палеогр. знач. II, стр. 41), изъ этой бумагѣ не подходятъ; но сомнѣваться въ принадлежности и этой бумаги концу XVIII в. оснований я не вижу.

Fortia de Piles и Boisgelin de Kerdu (см. стр. 393), свидетельствуют, что радзивилловскіе рисунки скопированы были пятью „учениками“. Копіи ихъ, сохранившіяся въ Академіи Художествъ, даютъ намъ полностью фамилію только одного изъ нихъ: на рисункѣ № 329 на ступенькѣ передъ ракою св. Варвары (см. табл. VI, рис. 2,а) справа на темно-заштрихованномъ пятнѣ въ оригиналѣ ясно читается: Kobrski.

Этому же копінсту принадлежать, очевидно, и всѣ рисунки, помѣченные слѣва внизу буквою К, а именно №№ 306, 315, 317, 319, 323, 325, 326¹⁾, 329, 331 и оба варшавскихъ (см. табл. I, рис. 2; II, 2; IV, 2; VI, 2; VII, 2; IX, 2; X, 2; XI, 2).

Буквою Е обозначены рисунки 312, 313, 318, 322, 324, 327, 332, 333, 335 и 336 (см. табл. VIII, рис. 1; IX, 1; XI, 1; XIII, 5). Возможно, что она обозначаетъ рисовальщика по имени Jos. Łęski, который полностью подписалъ ее, подъ исполненными для Станислава же Августа копіями съ рисунковъ Шуазель-Гуффье (портф. 176 №№ 391—394) и который вѣроятно тождественъ съ извѣстнымъ математикомъ и миниатюристомъ того же имени (см. о немъ Edw. Rastawiecki. Słownik malarzów polskich. II, str. 284—286).

Буква Р стоитъ подъ рисунками №№ 308, 314, 320, 321 и 326²⁾ (см. табл. IV, рис. 1; VIII, 2; XII, 1; XIII, 1).

Наконецъ, буква W помѣщена слѣва внизу при рисункахъ №№ 307, 309, 310, 311, 316, 328, 330 и 334 (см. табл. VI, рис. 1; VII, 1; VIII, 2; X, 1; XIII, 2, 3 и 4). Выше мы высказывали предположеніе, что эту букву, можно было бы относить не къ копировщику 1785—1790 гг., а къ исполнителю оригинальныхъ рисунковъ въ половинѣ XVII вѣка, къ Аврааму ванъ Вестерфельду (см. стр. 267). Если это было дѣйствительно такъ, то окажется, что онъ рисовалъ сцены изъ жизни не только кн. Януша, но и болѣе древнихъ Радзивилловъ (см. № 328: событіе 1584 года). Въ пользу такого толкованія буквы W говоритъ, помимо соответствія буквы съ именемъ художника, и отличіе ея по формѣ (печатнаго шрифта) отъ прочихъ прописныхъ буквъ копінстовъ, а также и отсутствіе этой буквы на томъ рисункѣ (№ 305, см. табл. XIII, рис. 6), подъ оригиналомъ котораго полностью было прописано имя А. ф. Вестерфелда (см. выше, стр. 264 сл.); однако настаивать на этомъ предположеніи можно было бы лишь тогда, если бы на копіяхъ были случаи находженія подъ однимъ рисункомъ двухъ буквъ: W и другой, обозначающей имя копінста, а такихъ случаевъ среди извѣстныхъ мнѣ копій не имѣется; поэтому вполне возможно, что и буква W обозначаетъ также имя одного изъ пяти учениковъ, о которыхъ говорятъ французскіе библиографы.

Отмѣченное выше употребленіе различными копировальщиками однихъ и тѣхъ же сортовъ бумаги и копированіе каждымъ изъ нихъ рисунковъ различнаго содержанія указываютъ, по моему мнѣнію, на то, что вся работа копированія радзиви-

¹⁾ Справа внизу подъ тѣмъ же рисункомъ стоитъ и Р.

²⁾ Слева внизу стоитъ К, а справа внизу же Р.

ловскихъ рисунковъ была произведена ими одновременно и за одинъ разъ, а также, что копируемые рисунки лежали тогда уже безъ всякой системы въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, какъ лежали нѣкогда, до переплета ихъ, радзивилловскіе портреты, попавшіе въ Академію Наукъ (см. выше, стр. 379, 383).

Въ нумераціи цифрами, проставленными итальянскимъ карандашемъ на оборотной сторонѣ рисунковъ (кромѣ 324, 327, 336), такъ же мало наблюдается какая-либо связь съ содержаніемъ рисунковъ, какъ и въ теперешнихъ №№ на лицевой сторонѣ ихъ; кромѣ существующихъ №№ есть еще прежніе, близкіе къ нимъ, иногда зачеркнутые или стертые; это, вѣроятно, нумерація варшавская при сдачѣ коллекціи Пиварскимъ Варнеку. Наконецъ, идутъ еще порядковые номера только для этой группы 32 рисунковъ.

Въ виду отсутствія системы во всѣхъ трехъ нумераціяхъ я располагаю рисунки Академіи Художествъ въ нижеслѣдующемъ перечнѣ въ ихъ теперешнемъ порядкѣ въ портфели № 176, причемъ впереди я ставлю теперешній № рисунка, въ скобкахъ за нимъ прежній (варшавскій?) номеръ, а затѣмъ жирнымъ шрифтомъ число, стоящее на оборотѣ, какъ принадлежащее тому времени, когда весь радзивилловскій отдѣлъ въ собраніи Станислава Августа былъ полонъ.

Измѣренія даются, какъ и ранѣе, сначала въ горизонтальномъ направленіи, потомъ въ вертикальномъ, причемъ рисунокъ измѣряется вмѣстѣ съ обрамленіемъ; сортъ бумаги обозначается № согласно даннымъ выше (стр. 399 сл.) указаніямъ. Въ концѣ ставится буква рисовальщика. Содержанія я касаюсь лишь при рисункахъ, мною не издаваемыхъ, т. к. послѣднему объясненію послѣднихъ посвящена будетъ послѣдняя глава настоящей работы.

1. 305 (303) **53**. Размѣръ 0,325 × 0,208. Бумага № V. См. табл. XIII, рис. 6. *Dimissio Podobailonis a Chmielnicio Cosacor(um) Ductore ejusq(ue) Caterva[ru](m), ad Janussiu(m) XI. P[rin]c[ip]e(m) Radzivilium Palat[inum] Viln[ensem] | Exercitus M[agni] D[ucatus] L[ituaniae] Ducem Emissarii post audientiam Horvoliae expedita A[nn]o 1653.*

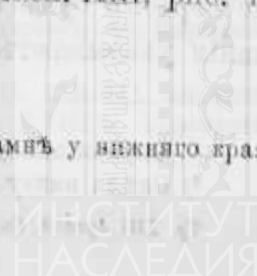
Выше было уже говорено какъ о содержаніи этого рисунка (см. стр. 262—263, 266—267, 319, 336—337), такъ и о подписи: *Ab. v. Westervelt 1653*, на оригиналѣ и на другихъ копіяхъ этого же рисунка (стр. 264—266).

2. 306 (304¹) **55**. Размѣръ 0,330 × 0,205. Бумага № II. *K*. См. табл. VII, рис. 2. *Ruinae Domicilii Veterum Kijoviae Principum, in Superiori Civitatis regione vulgò Pieczarach siti, ut A[nn]o D[omi]ni 1651. conspiciebant[ur] delineatae, posthac in Gubernium Kijoviense int-ropollatae. Pars una exterior.*

3. 307 (302) **71**. Размѣръ 0,108 × 0,092. Бумага № III. *W*: См. табл. XIII, рис. 2. *Demonstratio Depositionis Duodecim Caementarioru(m) | in Cryptis Kijoviensibus.* На оборотѣ чернилами написано: *принялъ*.

4. 308 (305) **73**. Размѣръ 0,114 × 0,094. Бумага № IV. *P*: См. табл. XIII, рис. 1. *Capita Divorum in Cryptis Kijoviensibus salubre Oleum stillantia.*

¹) Едва ли можно придавать значеніе цифры 7 значку этой формы на камнѣ у нижняго края рисунка надъ словами: *in Superiori*.

5. 309 (307). **70.** Размѣръ 0,106 × 0,092. Бумага № I. W: См. табл. XIII, рис. 3. *Corpora incorrupta in cryptis Kijoviensibus.*
6. 310 (306). **72.** Размѣръ 0,105 × 0,093. Бумага № I. W: См. табл. XIII, рис. 4. *Exorcismus super Energumenu(m) in Cryptis Kijoviensibus.*
7. 311 (308). **51.** Размѣръ 0,332 × 0,206. Бумага № II. W: См. табл. XII, рис. 2. *Monasterium Pieczariense Kijoviae.*
8. 312 (309). **59.** Размѣръ 0,325 × 0,209 и 0,212. Бумага № I. L. См. табл. VIII, рис. 1. *Ruinae Domicilij Veterum Kijoviae Principum Pars altera exterior.*
9. 313 (310). **57.** Размѣръ 0,327 × 0,206. Бумага № I. L. См. табл. IX, рис. 1. *Ecclesia Parochialis S[ancti] Nicolai, ad q[ua]m in Prospectu Campanile S[ancti] Michaelis Kijoviae A[nn]o 1651 delineata.*
10. 314 (311). **23.** Размѣръ 0,324 × 0,209 и 0,205. Бумага № I. P. См. табл. VIII, рис. 2. *Ruinae Domicilij Veterum Kijoviae Principum Pars Tertia Exterior.*
11. 315 (312). **62.** Размѣръ 0,348 × 0,302. Бумага № II. K. См. табл. II, рис. 2. Подъ рисункомъ подписано лишь **1651**, что и копируетъ, очевидно, подпись на оригинальномъ рисункѣ. Новѣйшая объяснительная надпись помѣщена на доскѣ на фасадѣ изображаемаго здѣсь въ качествѣ фронтисписа ко всему кievскому альбому фантастическаго зданія, т.-е. на мѣстѣ, которое въ оригинальномъ рисункѣ оставалось пустымъ, какъ и козья шкура между казакомъ и татаринномъ (см. выше стр. 211, 297, 322).
- Rudera Structurae Veteru(m) Kijoviae | Principu(m) quemadmodu(m) in Regione Civi | tatis inferiori sitae, A[nn]o 1651 conspiciebant | tur. Delineata, postea in Academia in | terpollatae, cujus frontispiciu(m) respicit ad | meridiem ad Ecclesiam] Annuntiat[i]onis] B[eatae] V[irginis].*
12. 316 (314). **67.** Размѣръ 0,328 × 0,204 и 0,206. Бумага № II. W: См. табл. X, рис. 1. *Pars Academiae Kijoviensis versus Orientem.*
13. 317 (313). **61.** Размѣръ 0,320 × 0,210 и 0,208. Бумага № III. K. См. табл. XI, рис. 2. Подписи нѣтъ никакой, но изображенныя развалины видимо дѣйствительно тѣ же самыя, которыя составитель подписей подъ рисунками назвалъ Академией (см. № 316, 318 и 319).
14. 318 (315). **65.** Размѣръ 0,329 × 0,204 и 0,206. Бумага № I. L: См. табл. XI, рис. 1. *Pars Academiae Kijoviensis versus Septentrionem.*
15. 319 (316¹). **69.** Размѣръ 0,330 × 0,208. Бумага № I. K. См. табл. X, рис. 2. *Pars Academiae Kijoviensis versus Occasum.*
16. 320 (317). **49.** Размѣръ 0,335 × 0,215. Бумага № I. P. См. табл. XII, рис. 1. *Pieczari Kijoviens(es):*
17. 321 (318). **39.** Размѣръ 0,328 × 0,215 и 0,208. Бумага № II. P. См. табл. IV, рис. 1. *Porta S[ancti] Michaelis ad parte(m) Sinistra(m) de S[ancta] Sophia, Kijoviae, post occupatam Civitatem A[nn]o 1651. delineata.*

¹) Едва ли возможно значкамъ на камняхъ на первомъ планѣ внизу рисунка придавать значеніе цифръ: 7, 2 и 2.

18. 322 (). 17. Размѣръ 0,895 × 0,195, 0,198 и 1,191. Бумага № I. Л.. Большой, склеенный изъ трехъ листовъ, рисунокъ съ подписью: Койдановъ, представляетъ общій видъ его: слѣва селеніе съ двумя деревянными церквами; посрединѣ на возвышенности на берегу запруженной рѣчки, церковь или замокъ съ церковью (католической или протестанской), окруженный стѣною съ башнями; справа барская усадьба съ садомъ. Рисунокъ этотъ по общему характеру его представляетъ достаточное сходство съ кievскими рисунками, чтобы и его относить въ оригиналъ тому же художнику, который исполнялъ и ихъ, т.-е. Аврааму ванъ Вестерфельду. Въ такомъ случаѣ рисунокъ этотъ представляетъ намъ Койдановъ до сожженія его въ іюль 1655 г. (см. выше стр. 363). Замокъ на возвышенности долженъ изображать евангелическій храмъ („сборъ“), въ который обратилъ его кн. Николай V Радзивиль Рыжій (1512—1584), получившій Койдановъ въ наслѣдственное владѣніе отъ короля Сигизмунда Августа ¹⁾.

19. 323 (321). 34. Размѣръ 0,277 и 0,280 × 0,236. Бумага № I. К. Ratificatio Principatus Radivillii collati A[nn]o—1549. Годъ 1549 написанъ, судя по иному отгѣнку чернилъ, ранѣе, чѣмъ остальная подпись.

На рисунокѣ представлена палата совѣта; король съ усами протягиваетъ скипетръ къ подходящему бородатому Радзивилу; грамота и корона лежатъ на подушкѣ, которую держитъ въ рукахъ одинъ изъ присутствующихъ, которые одѣты по большей части въ польскіе костюмы.

И подпись и годъ и содержаніе рисунка указываютъ, по всей видимости, на то, что тутъ представлено подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ Августомъ на Петричовскомъ сеймѣ 1549 года грамоты, полученной кн. Николаемъ VI Радзивиломъ, по прозванію Чернымъ, на титулъ князя Св. Римской Имперіи, какъ для себя, такъ и для двоюроднаго брата своего Николая Рыжаго ²⁾, т.-е. то, что подписано подъ слѣдующимъ рисункомъ и что было изображено на одной изъ картинъ Несвижскаго замка ³⁾.

20. 324 (322). Размѣръ 0,232 × 0,195 Бумага № I. L. Ratificatio et Confirmatio in Comitibus G[e]n[er]alibus Petricoviae Diplomatis Caesarai Nicolao Nigro Radzivil sup(er) P[r]incipatu(m) S[acri] R[omani] I[m]perii et Ducatu(m) in Olysia(m) et Nieswicz dati Peractu 1549.

Рисунокъ незаконченъ и фигуры только набросаны штрихами, подпись написана небрежнѣе, чѣмъ на прочихъ рисункахъ и вся сразу. На оригиналъ, слѣдовательно, могло никакой подписи не быть, а въ такомъ случаѣ рисунокъ можно было бы

¹⁾ См. Kotzuba. Galerja, str. 63, 72; Lukaszewicz, II, str. 37; Starożytna Polska przez Balińskiego i Lipińskiego. III, str. 825; Słownik Geograficzny Sullmierskiego IV, str. 246; Россия, изд. Девриена. IX, стр. 424.

²⁾ См. Kotzuba. Galerja, str. 62, 236, 237.

³⁾ Inwentarz Zamku Niswiskiego (см. выше, стр. 318) л. 10: Portretow nade drzwiami dwa, 1-мо, Sejm Piotrbowski cum Inscriptio:

Ratificatio et Confirmatio in Comitibus Veneralibus Petricoviensibus Sub Sigismundo Augusto Rege Poloniae diplomatis Domui Radivillanae super Principatum S: R: Imp: et Ducatum in Nieswiz Olysa Birze et Dubinki in praesentia Nicolai Cognomento Nigri Ducis in Olyka et Nieswiz Birze Dubinki S: R: Imp: Principis Palatini Vlnensis Supremi Mareschalci et Cancellarij M: D: L: Gubernatoris Livoniae.

считать лучше за изображение подтвержденія княжескаго титула Римскимъ королемъ Фердинандомъ I 14 декабря 1547 г. (см. Kotłubaj, Galerja, str. 236). На рисункѣ представленъ король въ палатахъ, сидящій на тронѣ и протягивающій лѣвую руку къ подходящему къ нему длиннобородому Радзивилу (т.е. Николаю Черному), за спиной короля на стѣнѣ виденъ гербъ: одноглавый орелъ; рядомъ съ трономъ стоитъ человекъ съ грамотою и короной; сейма же, упоминаемаго подписью, на рисункѣ вовсе не изображено.

21. 325 (323¹). **32.** Размѣръ 0,278 × 0,221. Бумага № 1. *К.* Подписи нѣтъ, но подѣ рисункомъ посрединѣ поставленъ годъ: 1547. Рисунокъ довольно плохой и изображаетъ залу совѣта; посрединѣ на тронѣ съ имперскимъ двуглавымъ орломъ на балдахинѣ сидитъ императоръ и обѣими руками возлагаетъ корону на голову колѣбно-преклоненнаго Радзивила; слѣва человекъ въ коронѣ держитъ грамоту.

Изображеніе и годъ достаточно ясно опредѣляютъ содержаніе рисунка: это кн. Николай Радзивиль Черный получаетъ княжеское достоинство и грамоту на такое же и для своего двоюроднаго брата кн. Николая Рыжаго отъ императора Карла V 10 декабря 1547 на Аугсбургскомъ сеймѣ (см. Kotłubaj, Galerja, str. 236).

То же самое событіе изображено было и на одной изъ картинъ, упоминаемыхъ неоконченною описью Несвижскаго замка²).

22. 326 (324). **38.** Размѣръ 0,280 и 0,284 × 0,238 и 0,239. Бумага № 1. *К.* и *P.* *Coronatio Reginae Barbarae 1550.* Годъ проставленъ былъ ранѣе, а надпись приписана позднѣе: ея, слѣдовательно, на оригинальномъ рисункѣ не было.

Въ алтарной абсидѣ предъ престоломъ два епископа коронуютъ колѣбно-преклоненную Варвару; справа на колѣняхъ же стоитъ діаконъ съ подушкой, на которой лежатъ держава и скипетръ; справа подъ балдахиномъ сидитъ король въ коронѣ со скиптромъ и державою въ рукахъ.

Изображенная на рисункѣ коронація 9 декабря 1550 г. жены Сигизмунда Августа Варвары, урожденной кн. Радзивиль, сестры кн. Николая Рыжаго (Kotłubaj Galerja, str. 57), представлена была также и на одной изъ картинъ въ Несвижѣ³).

23. 327 (325). . Размѣръ 0,091 и 0,092 × 0,139. Бумага № 1. *L. Nicolaus VI Niger Dux Radziwil P.[alatinus] V.[ilnensis] C.[ancellarius] et M.[areschalcus] S.[upremus] M.[agni] D.[ucatus] L[ituaniae] Catharinam Franc.[iscam] Gonzagae Duc[is] Mantu.[ae] Viduam Ferdinandi I Rom.[ani] Regis Filiam, Nomine Sigismundi Augusti Regis Pol.[oniae] Desponsat Viennae 5 Julii 1553.*

¹) На рисункѣ надъ нижнимъ краемъ его можно усмотрѣть цифру 7.

²) См. выше, стр. 318. Л. 10: *Historia Konfirmacyi Przywileiu Krola piatego z Inskrypcya:*

Carolus 5-tus Romanorum Imperatorum Semper Augustus in Comitibus Augustae Vindilicarum Anno 1547. Creat Nicolaum Christophorum Cognomento Nigrum, Parentem, et Fratrem ejus, Itidem Nicolaum Christophorum Cognomento Ruphum absentem Radivilios Duces in Olyka et Nieswiz Birze et Dubinki et Princeps S:R:Imp: decima Mensis Decembris.

³) *Inwentarz (etc.) л. 18 об.: Portret . . . Koronacyi Barbary. Inskrypcya: Coronatio Barbarae Filiae Georgij Radziwiłł Castellani Vln: ex Barbara Wolska natae viduae olim Petri Gastoldi Palatini Trocencis. Consortis Sigismundi Augusti Regis Poloniae in Reginam Poloniae Cracoviae Anno 1550.* Сырокомля (Кондратовичъ) эту картину называетъ почему то особенно замѣчательною (Tygodnik Ilustrowany, VI, 1862, str. 249).

Рисунокъ соответствуетъ подписи: кн. Николая Рыжаго епископы обручаютъ за короля Сигизмунда Августа съ Екатериной Гонзага въ присутствіи ея отца римскаго короля Фердинанда I (см. Kotłubaj. Galerja, str. 237 сл.). Рисунокъ отличается отъ прочихъ малыми размѣрами и двойною рамкой.

24. 328 (326). **37.** Размѣръ 0,283 × 0,211. Бумага № 1. W: Georgius III Dux Radivil Episcopus Vlnensis 1584, a Gregorio XIII Sum(m)o Pontifice Sacrae Romanae Ecclesiae, Cardinalis Tituli S[ancti] Sixti creat(us). Подъ рисункомъ, повидимому, стоялъ первоначально только одинъ годъ посрединѣ, прочая подпись добавлена потомъ.

Направо на тронѣ подъ балдахиномъ сидитъ бородатый человекъ съ непокрытыми волосами, около него держатъ „патріаршіи“ крестъ; онъ подаетъ кардинальскую шляпу колѣнопреклоненному епископу Георгію Радзивилу (см. Kotłubaj. Galerja, str. 253).

Въ Несвижѣ была картина того же содержанія, какъ и этотъ рисунокъ, подъ которою сверхъ обычной исторической подписи была еще написана латинская, надгробная повидимому ¹⁾, эпитаграмма.

Изъ длинной надписи подъ несвижскою картиною оказывается, что въ 1584 г. Георгій получилъ лишь беретъ въ Вильнѣ отъ короля Стефана Баторія, шляпу же вручилъ ему въ Римѣ слѣдующій уже папа Сикстъ V въ 1585 году; слѣдовательно, годъ, помѣщенный подъ рисункомъ подписи не соответствуетъ, на тронѣ сидитъ, очевидно, не папа, а скорѣе Стефанъ Баторій.

25. 329 (228). **19.** Размѣръ 0,324 и 0,323 × 0,282 и 0,281. Бумага № 1. К. и Kobrski (см. выше, стр. 401). См. табл. VI, рис. 2. Четыре гробницы нарисованы однимъ листъ, на издаваемой нами таблицѣ VI онѣ раздѣлены на двое по числу фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ съ этого рисунка.

a) *Conditorium Sanctae Barbarae V.[irginis] et M.[artyris] in Ecclesia S.[ancti] Michaelis 2-dae [secundae?] regionis Kijoviae.*

¹⁾ Inwentarz (etc.) л. 12: Portret wyrazenie Odebrania Kapelusza Kardynalskiego od Oycy S. Jerzego Radziwiłła. Inskrypcya: Georgius Radziwiłł S; R: Imp: Princeps tunc Episcopus Vlnensis a Gregorio XIII. absens Cardinalis creatus est et in Ecclesia Catedrali Vlnensi, a Stephano Rege Poloniae insigni Cardinalium Bireto ornatus anno 1584. Deinde Romae a Sixto V. Pilleo Cardinaliko praesens ornatus 1585. Postea creatus Episcopus Cracoviensis cum perpetua administratione Episcopatus Vlnensis Gubernator Generalis Livoniae. Filius Nicolai IV Cognomento Nigri Palatini Vlnensis Supremi Mareschalcj et Cancellarij M: D: Litt: et Supremi Gubernatori Livoniae, ex Comitissa de Odrowąz Szydłowiecka Castellanide Cracoviensi. Obiit Anno 1600. Aetatis annorum 40.

Nizey druga Inskrypcya:

Cardinei pars data [подъ портретомъ clara] chori Radivilia propago
Praesul es et hoc vultu gloria Sarmatiae
Sarmatici fides habuit Cracovia Regis
Pontificem hunc praesens cuius Imago nitet
Quem tegit hic fuit et sacra pars clara senatus
Purpura avos idem protulit atque Duces
Fata quibus cupiunt genere et virtute beatis
Flos in praelustri scilicet arca locant.

Стихи эти копируютъ, очевидно, надгробную эпитагму, вѣроятно съ гробницы Георгія, умершаго въ 1600 г. въ Римѣ и погребеннаго тамъ же въ церкви Іезуитовъ (Kotłubaj, str. 255).

Первые два стиха этой же эпитагмы помѣщены подъ портретомъ Георгія, гравированнымъ мастеромъ съ инициалами О. С. Этотъ портретъ есть въ библиотекѣ Академіи Художествъ: *Polonium Icones II. № 138.*

На ступени подъ ракою скрытно написано: Kobrski.

b) Sepulchrum Marmoreum Jaroslai, Vlodimiri I. Swiatoslavij Filii [ab Anno D[omi]ni 1015 Monarchae totius Russiae, Basilicae Metropolitanae] S[anctae] Sophiae Fundatoris, in ejusdem Sacello S[ancti] Gregorij Kijoviae, Defuncti A[nn]o 1052.

Справа на плитахъ пола видна цифра 10.

c) Conditorium Macarij, in Basilica S[anctae] Sophiae 2-dae [=secundae?] regionis Kijoviae. Qui prius Archimandrita erat Vlnensis Monasterij SS.[anctissimae] Trinitatis ad Sixtum Literas supscripsit; quu(m) ad Kijovien[sem] Metropoli(am) proficisceret, in Pago Skriwolowa a Tartaris decollatus, circa 1496.

d. Sepulchrum Theodosii Abbatis Pieczariensis in Ecclesia Assumptionis B[eatae] M[ariae] V[irginis] in superiori regione Kijoviae, vulgò Pieczarska, qui Decessit A[nn]o D[omi]ni 1074 die 3 Majj.

26. 330 (330). **24.** Размѣръ 0,323 и 0,325 × 0,207 и 0,205. Бумага № II. W. См. табл. VII, рис. 1. Никакой подписи подъ рисункомъ нѣтъ.

27. 331 (329¹). **26.** Размѣръ 0,320 × 0,203. Бумага № III. K. См. табл. IX, рис. 2. Porta Plateae Monastery S[ancti] Michaelis ad qu[am] Hospitale S[ancti] Spiritus Kijoviae 1651.

28. 332 (332). **88.** Размѣръ 0,447 и 0,448 × 0,291 и 0,289. Бумага № I. L. Подписи нѣтъ никакой.

Большой рисунокъ представляетъ замокъ на берегу озера или моря, оживленнаго лодками. Замокъ въ видѣ дома съ двумя флигелями на первомъ планѣ и какого-то высокаго зданія или фасада съ двумя башнями, связанными, повидимому, галереею на второмъ планѣ; передъ замкомъ полукруглый выступъ набережной; по сторонамъ длинная ограда сада, состоящаго исключительно изъ пальмъ. Въ правой части озера какія-то насыпи съ оградями вокругъ и домиками на нихъ: скорѣе концы дамбы или устье канала, чѣмъ батареи.

29. 333 (333). **29.** Размѣръ 0,327 и 0,326 × 0,98 × 0,100. Бумага № I. L. См. табл. XIII, рис. 5. Jak ostatni raz X[ry]sz[ty]f[owski] stał pod Rzeczycą.

О рисунокѣ этомъ упоминалось выше на стр. 253, гдѣ и было указано, что крѣпость, изображенная на рисунокѣ, не вполне сходна съ планомъ укрѣпленнаго лагеря, устроеннаго вокругъ Рѣчицы кн. Янушемъ въ 1649 году (см. выше, стр. 252—254, рис. 1).

30. 334 (332?). **21.** Размѣръ 0,324 × 0,254 и 0,252. Бумага № II, W. См. табл. VI, рис. 1. Никакой подписи подъ рисункомъ нѣтъ.

31. 335 (327). **87.** Размѣръ 0,210—0,220 × 0,257—0,258. Бумага № I. L. Icon (Ioan nis Georgij Dei Gratia Marchionis et Electoris Brandenburgici. † 1598.

Портретъ—безъ рамки; тщательно вырисовано только лице; по сравненію съ серіей портретовъ бранденбургскихъ курфирстовъ, имѣющей въ этомъ же собраніи, онъ изображаетъ дѣйствительно Іоанна Георгія (1571—1598), который былъ отцемъ матери кн. Богуслава Радзивилла (Kotłubaj. Galerja, str. 160; Icones Radivillianaе, tab. 46).

32. 336. Размѣръ листка 0,237 × 0,210. Бумага № I. Рисунокъ весьма сложнаго герба подъ княжеской съ горностаями короной и такой же мантией; гербовый щитъ

украшенъ безобразными лицами и трофеями. Къ нему приложены, а прежде были приколоты булавкой, два объяснительныхъ листика.

а) На бумагѣ № I (осталась лишь часть щита съ рогомъ) написана нѣмецкая записка 1697 года, которая, однако, есть не оригиналь, а, по крайнему моему разумѣнію, также точная копія стараго оригинала, находившагося у кн. Карла Радзивила, какъ и рисунки. Записка эта написана, или точнѣе срисована, готическимъ шрифтомъ и гласитъ:

Das ganze Wappen hinten. Der Adler auf beyden Thüren und vornen.

Die Ziffer in den vier kleinen Feldern nehlich: K. S. R. P. W. X. L.

Sowohl über das ganze Wappen, als auch über die Ziffern und Adler muss allenthalben der fürstlich Hut gesetzt werden.

Enykommendes Wappen ist mit dem Wagen wieder abzuschicken.

Den 6 Decembris St. Ven. 1697.

б) Другой листикъ бумаги № IV перевернуть по числу гербовъ, составляющихъ гербъ на рисункѣ № 336, на пятнадцать частей, восемь изъ которыхъ обозначены цифрами въ такомъ порядкѣ:

ски и объясненія этихъ слѣдуетъ, что гербъ составленъ Радзивила, подканцлера Литовскаго (1665—1717, см. сына кн. Михаила I Кази

3	2	9	6	7
4		1	8	
5				

тутъ же приписаны по польскому гербовъ, изъ которыхъ ¹⁾ вленъ для кн. Карла I Станислава Великаго Княжества Литовскаго (см. Icones Radivilianae, tab. 148), міра и отца кн. Михаила V

Казимира; онъ, какъ и они, владѣль Несвижемъ. Эти листики написаны не тою рукой, какъ прочія подписи.

Къ этимъ 32 рисункамъ должно присоединить описаніе еще двухъ рисунковъ, найденныхъ Фр. К. Пуласкимъ въ Варшавѣ въ библиотекѣ ординаціи гр. Красинскихъ и вышедшихъ изъ числа прочихъ еще ранѣе 1822 года (см. выше, стр. 199, 396 сл.).

1) Вотъ эти толкованія: 1. Herb Trąby z przydatkiem Orła nazwany Radziwiłł Karola Ks. Radziwiłła Podkanclerza W. Ks. Lit.

2. Herb Janina Katarzyny Sobieskiej Kasztellanki Krakowskiej siostry króla Jana III a matki Ks. Karola Stanisława, żony Mich. Kazim. Radziwiłła Podkancl. i Hetmana poln. W. X. L.

3. Herb Sas Theophili Daniłowiczowney Wojewodzanki Ruskiej żony Sobieskiego Kasztell. Krak. matki Katarzyny.

4. Herb Lubicz Zofii Żółkiewskiej Kanclerzanki i Hetmanowney W. Koronn. matki Theofili Daniłowiczowney.

5. Herburt Herb Reginy Herburtowney matki Zofii Żółkiewskiej.

6. Herb Bogorya Tekli Woźłowiczowney Staroscianki Żmudzkiej żony Alexandra Radziwiłła Wojewody Połockiego, Oycy Michała Kazimierza, dziada Karola Stanisława.

7. Herb Wiśniowiecki Elzbiety Eufemii Wiśniowickiej wojewodzanki Wołyńskiej żony Mikołaja Sierotki Wdy Wileńskiego Oycy Alexandra.

8. Herb Odrowąż Elzbiety Szydłowieckiej Kasztellanki Krakowskiej, Kanclerzanki Koronney żony Mikołaja Czarnego Radziwiłła Oycy Sierotki.

9. Herb Pogonia Litewska Anny z Książąt Sanguszków żony Książęcia Karola Stanisława.

Inne Herby w Genealogii nie wchodzi, ale związki tylko poboczne okazują. A именно: во второмъ ряду Равичъ и Дробышъ (т.), въ третьемъ—Наленчъ, Бонарова, Радванъ и Корчакъ.

45 на оборотъ принадлежитъ къ той же основной нумераціи скопированныхъ для Станислава Августа радзивилловскихъ рисунковъ, которую мы указали и на большинствѣ рисунковъ Академіи Художествъ. Кромѣ 45 на оборотъ же поставленъ краснымъ карандашомъ крупный № 15; у нижняго края снизу чернилами написано, насколько я могъ разобрать, начало какого-то слова: Czerm (?). Размѣръ рисунка 0,358 × 0,249. Бумага № III. Помѣта копировальщика К. См. табл. I, рис. 2.

Kijovia supplex a Janussio IX. Duce Radivilio Victori veniam petit, et impetrat. A[nn]o 1651.

По поводу ошибочности такого объясненія рисунка мы говорили уже выше и приводили доказательства того, что здѣсь изображена, вѣроятно, сдача кн. Янушу города Бобруйска 21 февраля (ст. ст.) 1649 г. (см. стр. 237—239), которая представлена была, по всему вѣроятію, и на одной изъ картинъ Несвижскаго замка (см. стр. 318, № 1). Неподходящій къ событію годъ я, по аналогіи съ рисункомъ № 305, полагаю возможнымъ объяснить тѣмъ, что на оригинальномъ рисункѣ стояло только имя рисовальщика Авраама ванъ Вестерфельда и годъ 1651, обозначавшій время исполненія рисунка. Въ пользу такой гипотезы говорятъ еще слѣдующія два обстоятельства. На рисункѣ видимъ деревья, покрытыя листвою, и люди одѣты по лѣтнему, тогда какъ изображаемая сдача произошла зимою: такой ошибки не могло бы, конечно, быть, если бы художникъ самъ присутствовалъ при изображаемомъ событіи.

Видъ Бобруйска, считать который фантазіей мы не имѣемъ, конечно, никакого права, рисовать былъ, слѣдовательно, Вестерфельдомъ лѣтомъ; и дѣйствительно, весной 1651 года литовское войско передъ кievскимъ походомъ, въ которомъ Вестерфельдъ несомнѣнно участвовалъ, стояло и въ Бобруйскѣ, ожидая спада необычайно высокихъ въ этомъ году весеннихъ водъ¹⁾, и стояло, повидимому, долго: до іюня (см. стр. 261); при войскѣ былъ кн. Янушъ (см. выше, стр. 259).

46. Краснымъ карандашомъ № 16, чернилами—Czerm(?). Размѣры 0,320 × 0,205. Бумага фирмы Van der Ley²⁾. Помѣта копировальщика К. См. табл. IV, рис. 2.

Brama Złota Kijowska Ktorą X.[iąże] J[a]n[usz] R.[adziwiłł] wieźdzał 1651.

Рисунокъ этотъ, какъ говорили мы выше (см. стр. 396), несомнѣнно—тотъ самый, который изданъ былъ съ опущеніемъ всѣхъ фигуръ въ 1822 году Ѳ. В. Булгаринымъ въ его „Сѣверномъ Архивѣ“ (см. выше, стр. 198—199, 203); объ изображаемомъ на немъ событіи также уже говорено (см. стр. 283—285), то же самое, повидимому, изображала и одна картина въ Несвижѣ (см. стр. 319, № 7).

¹⁾ Отрывокъ какого-то „діаріуса“: 15 апрѣля (н. ст.) 1651 въ Варшаву „przyszli listy od J. P. Hetmana litewskiego z Bobrujska do J. P. Podkanclerzgo Kor.; który oznajmuje, iż dla srogich wód które nad pamięć ludzką wyłały, nie może dalej postąpić z wojskiem. Za opadnięciem ich jednak gdy się i wojsko zgromadzi, chce iść prosto w Ukrainę (Ambr. Grabowski. Ojczyście spomniki. I, str. 84); иньшо Воиц. Гижикаго къ Пиноччи изъ Варшавы отъ 16 апрѣля 1651 г.: „wojsko też litewskie, jak tylko prędko wody opadną, które tu od dawniej pamięci tak wielkie nie bywały, ma wołą za Dnieprz się ruszyć (ibidem, II, str. 108).

²⁾ См. Н. П. Лихачевъ. Бумага (1892) табл. 67, № 504, 106, № 699, съ документовъ 1805 года, стр. 314, 318. Ср. выше, стр. 400, пр. 2.

Три остальных рисунка Кіева 1651 г. изъ числа тѣхъ же копій съ радзивилловскихъ рисунковъ, которыя перечислены выше, въ рукахъ у меня къ сожалѣнію не были и гдѣ они теперь мнѣ неизвѣстно.

Лишь одинъ изъ нихъ (см. табл. V, рис. 1) изданъ достаточно удовлетворительно по фотографіи (см. выше, стр. 206—207): къ сожалѣнію на ней не видно, конечно, ни стараго № на оборотѣ, ни даже буквы, означающей кописта; размѣръ рисунка, судя по литографическому воспроизведенію его, былъ обычный: $0,330 \times 0,205$. *Monasterium S.[anctae] Sophiae juxta quod Janussius Princeps RadziviŃ Belli Dux Triumphator A[nn]o 1651. (die) 4 Aug.[usti] Kijovia(m) ingressus.*

Объ изображенной на рисункѣ этомъ встрѣчѣ кн. Януша митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ рѣчь была уже выше (см. стр. 284—285, ср. 340, пр. 2).

Два же прочихъ рисунка: рекогносцировка подъ Кіевомъ 3 августа (н. ст.) (см. стр. 281) и нападеніе казаковъ съ Днѣпра 5—6 сентября (нов. ст.) 1651 года (см. стр. 302—303), извѣстны намъ лишь по плохимъ литографскимъ воспроизведеніямъ, изданнымъ въ Кіевѣ (см. стр. 204), и по копіямъ конца 1830-хъ гг. (см. стр. 205), хранящимся въ библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ (см. табл. III и табл. V, рис. 2); послѣднія сохраняютъ, повидимому, размѣры оригинала (первая $0,802 \times 0,252$ и вторая $0,330 \times 0,205$). Но буквъ копировальщиковъ и подписей ни эти изданія, ни копіи не передаютъ.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ 37 рисунковъ изъ числа того отдѣла, содержавшаго, вѣроятно, около ста штукъ, который пять рисовальщиковъ скопировали для короля Станислава Августа со старинныхъ рисунковъ, хранившихся въ Несвижѣ у кн. Карла Станислава Радзивила, т.-н. „Пане Коханку“.

Уже самое исполненіе копій этихъ въ 1785—91 годахъ (см. выше, стр. 393) показываетъ, что рисунки не были увезены въ С.-Петербургъ въ 1772 году вмѣстѣ съ библіотекой и что изъ числа завѣщанныхъ кн. Богуславомъ въ 1668 г. на вѣчное храненіе въ Несвижѣ „исполненныхъ перомъ изображеній Радзивилловъ и ихъ дѣяній“ (см. стр. 377) увезены были лишь переплетенныя въ книгу, на примѣръ портреты, историческіе же рисунки и въ ихъ числѣ драгоцѣнныя для насъ кіевскіе рисунки 1651 года изъ казацкаго альбома Вестерфельда продолжали лежать, повидимому уже отдѣльными листами, въ „скарбцѣ“ или въ архивѣ Несвижа.

О фамильной сокровищницѣ несвижскихъ ординатовъ, объ этомъ полулегендарномъ радзивилловскомъ „скарбцѣ“, намъ приходилось уже упоминать неоднократно (см. стр. 208 сл., 325, 349, 377 сл.); составъ его постоянно измѣнялся: то по наслѣдству или по различнаго рода соглашеніямъ туда поступали новыя вещи, какъ напр., въ 1740 наслѣдіе по Янѣ Собѣсскомъ ¹⁾, то выходили оттуда въ видѣ подарковъ, приданого и т. п.; то, наконецъ, вещи подороже увозились въ закладъ къ нѣмецкимъ банкирамъ, а потомъ, когда дѣла ординатовъ поправлялись, вновь возвращались въ Несвижъ: такъ, напр., уже послѣ королевскаго посѣщенія кн. Карлъ Станиславъ выкупилъ около 1787 г. какія-то „двѣнадцать фигуръ апостоловъ, литыя изъ чистаго золота“ (Kotłubaj. Galerja, str. 502).

¹⁾ *Obraz Polski XVI*, str. 49, 52; *Kotłubaj. Galerja*, str. 452.

Для исторіи несвижскаго „скарбца“, которая, несомнѣнно, представитъ интересъ во многихъ отношеніяхъ, имѣются многочисленныя и надежныя источники въ видѣ различнаго рода сдаточныхъ отъ одного управителя другому и ревизіонныхъ описей, хранящихся въ несвижскомъ архивѣ.

Послѣ смерти кн. Карла Станислава, прославленнаго разказами объ его роскоши, анекдотахъ и чудачествѣ, несвижская ординація перешла къ его племяннику князю Доминику Радзивилу († 1813). Въ его малолѣтство событія 1792 г. вызвали взятіе русскими войсками Несвижскаго замка штурмомъ и долгій ихъ въ немъ постой, а позднѣе участіе кн. Доминика съ его кавалерійскимъ полкомъ въ наполеоновскомъ походѣ 1812 года повлекло за собою конфискацію „скарбца“, замурованного въ особой комнаткѣ, адмираломъ Чичаговымъ (стр. 325, пр. 1). Полныхъ описей забраннаго мнѣ неизвѣстно; среди же тѣхъ вещей, принадлежность которыхъ къ радзивилоvesкому „скарбцу“ такъ или иначе опредѣляется, искомымъ нами старинныхъ рисунковъ не оказывается.

Немало потерпѣлъ зимою 1812—1813 года и несвижскій архивъ: часть дѣлъ и бумагъ выброшена была въ ровъ, окружающій замокъ, часть пошла на отопленіе замка (Археогр. Сборникъ. Вильна. VII. 1870, стр. V). Немало утратъ понесъ архивъ и при временномъ перемѣщеніи его въ Вильну, гдѣ въ 1814—38 гг. засѣдала особая комиссія т.-н. „радзивиловская масса“. Зато по возвращеніи архива въ Несвижъ въ немъ стали водворяться все большій и большій порядокъ трудами Н. Малиновскаго, Симоновскаго, Богущъ-Шишко и въ послѣдніе годы Б. И. Пуляновскаго, и теперь онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе упорядоченныхъ¹⁾, а потому сообщеніе, что искомымъ мною старинныхъ рисунковъ нынѣ въ немъ не находится, и не оставляетъ надежды, чтобы они могли тамъ впоследствии найтись.

Такимъ образомъ остаются двѣ возможности: или оригинальные рисунки, лишь въ одной трети приблизительно сохраненные намъ копіями 1785—91 годовъ, погибли вовсе, или же, что они скрываются гдѣ-либо въ неизвѣстности, напримѣръ, въ какихъ-либо фамилныхъ бумагахъ, въ архивѣ еще не поступившихъ, или же въ какомъ-либо иномъ собраніи не въ Несвижѣ. Будемъ надѣяться, что настоящая публикація части ихъ копій послужитъ поводомъ къ отысканію и публикаціи, если не самихъ оригиналовъ половины XVII вѣка, то хотя бы другихъ, оставшихся мнѣ неизвѣстными, копій ихъ, сдѣланныхъ для Станислава Августа.

Я же принужденъ строить заключенія о составѣ этой столь интересной и для русской исторіи и археологій коллекціи старинныхъ радзивиловскихъ рисунковъ лишь на тѣхъ немногочисленныхъ остаткахъ ея въ копіяхъ 1785—91 годовъ, которые выше перечислены, да на вышеприведенныхъ (стр. 388 сл.) данныхъ описи 1670 года.

Ко времени изготовленія копій къ рисункамъ и портретамъ, завѣщаннымъ кн. Богуславомъ кн. Михаилу I Казимиру (см. стр. 377), должно было, конечно, кое-что прибавиться. Вышеупомянутый гербъ кн. Карла I Станислава съ запискою (№ 336) могъ, кажется, назначаться для кареты, судя по словамъ записки о помѣщеніи его

¹⁾ См. Н. И. Костомарова въ Лѣтописи занятій Археограф. Комиссіи. V. 1871, отд. IV стр. 16—21, Гильдебранта въ Археограф. Сборникъ, т. VII. Вильна. 1870, стр. V, VIII, IX.

полностью „сзади, а орла на обѣихъ дверяхъ и спереди“; выше мы упоминали о рисункѣ въ краскахъ кievскихъ триумфальныхъ воротъ, который заказывалъ кн. Геронимъ Флоріанъ (см. стр. 393, пр. 2).

Изъ числа 37 извѣстныхъ мнѣ рисунковъ такимъ позднѣйшимъ добавленіемъ необходимо считать вышеупомянутый рисунокъ герба 1697 года (№ 336); относительно № 332, представляющаго неизвѣстный мнѣ замокъ, я никакихъ хронологическихъ заключеній дѣлать не могу; все же остальные рисунки могли въ оригиналахъ относиться ко времени не только кн. Богуслава, но и кн. Януша: портретъ (№ 335) дѣда по матери перваго изъ нихъ могъ, конечно, находиться и у второго, о собираніи которымъ портретовъ есть прямыя свидѣтельства (стр. 362, пр. 1).

Отыскавшееся въ Несвижѣ извѣстіе о существованіи особаго изъ 49 рисунковъ альбома Вестерфельда, изобразившаго походы кн. Януша противъ мятежныхъ казаковъ (см. выше, стр. 389 сл.), вполне объясняетъ тотъ фактъ, что большая часть дошедшихъ до насъ лишь въ копіяхъ Радзивиловскихъ рисунковъ, относятся къ кн. Янушу и его походамъ; число должно быть умножено еще по крайней мѣрѣ шестью рисунками, существованіе которыхъ мы вправѣ предполагать на основаніи соответственныхъ картинъ въ описи несвижскаго замка, въ которой такъ же поражаетъ относительное обиліе картинъ изъ жизни кн. Януша (см. выше, стр. 318—321); возможно, что среди радзивиловскихъ рисунковъ были и оригиналы двухъ упомянутыхъ выше плановъ Христофора Эйгирда (см. стр. 245, 252) и портрета Кричевскаго (стр. 247, табл. XIV, рис. 3); что же касается портретовъ Василя Лупулы и домны Маріи (стр. 221 сл., 256 сл., табл. XIV, рис. 3), то рисунковъ ихъ могло и не быть, т.-к. оригиналы были писаны красками (см. стр. 388).

Все прочіе наличные рисунки, вполне подходящіе подъ опредѣленіе завѣщанія кн. Богуслава: „дѣянія предковъ“, изображаютъ событія, предшествовавшія жизни и кн. Богуслава и кн. Януша, при чемъ и они, отчасти, соответствуютъ картинамъ, упоминаемымъ въ неоконченной описи несвижскаго замка или нынѣ тамъ находящимся (см. выше, стр. 248 сл., 317—321, 404—406).

Поэтому мы имѣли право предположить въ числѣ исчезнувшихъ рисунковъ еще взятіе Стародуба въ 1535 г., Сокола въ 1579 и опустошенія русскихъ владѣній въ томъ же году (см. стр. 397), потому же можно предполагать среди нихъ и рисунки переправы Николая I Радзивила черезъ Вислу подъ Завихвостомъ въ 1384 г., каковую картину упоминаетъ опись замка ¹⁾, и побѣды Георгія I въ 1527 г. надъ татарами, что изображено на картинѣ въ Манькевичахъ (см. стр. 249 ²⁾).

¹⁾ Л. 12 об. 13: *nade Drzwiami Portret z wyrazieniem Historji pod Zawichwostem. Inskrypcya Anno Domini 1384 Jagiełło Magnus Dux Litvaniae Olgierdi Filius devastata ferro et Igne Masovia cum vellet Vistulam trajicere ad Expugnationem Zawichwosti Nicolaus Radziwiłł Praefectus Equestris cohortis arrepta cauda Equi in alteram ripae partem enetavit sequentibus Ducem suum Militibus Jagiełło vero cimba transportatus est per flumen. Radivillius primus collegit fascem Bascillorum idemque facere fuisse militem quibus fossam impleverunt, illaque accensa arx quoque Zawichwostensis igne concremata est et nobilitas Polona in servitutum adducta Stricov.* Последнее слово этой безграмотной копіи означаетъ историка Стрыйковского, у котораго и разсказывается этотъ эпизодъ (см. Kotłubaj. *Galerja*, str. 16).

²⁾ Сообщение В. И. Пулянского 15 мая 1908; о битвѣ „ad Holsaniam prore Kiovlam“ см. *Galerja*, str. 49.

Но, если относительно картинъ изъ походовъ кн. Януша, представляющихъ, судя по одной известной миѣ по гобелену Промышленнаго Музея въ Краковѣ (см. стр. 247—250, табл. XIV, рис. 4), столь близкое сходство съ кievскими рисунками 1651, и можно предполагать зависимость этихъ картинъ отъ рисунковъ Авраама ванъ-Вестерфельда, то относительно прочихъ картинъ изъ исторіи иныхъ Радзивиловъ такая же зависимость далеко не доказана, и вполне возможнымъ представляется зависимость обратная, т.-е. рисунковъ, сдѣланныхъ для Станислава Августа, отъ картинъ, висѣвшихъ въ Несвижѣ. Въ пользу послѣдняго предположенія говорить, повидимому, и то обстоятельство, что въ общемъ рисунки этого рода (№ 323—328) отличаются отъ прочихъ меньшею детальною и большею бѣглою исполненія; находеніе же буквы W подъ однимъ изъ нихъ (№ 328) не можетъ еще считаться достаточнымъ доказательствомъ принадлежности оригинальнаго рисунка Вестерфельду, т.-к. буква эта могла означать и одного изъ пяти копистовъ (см. стр. 401).

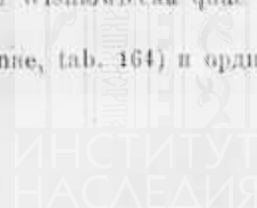
Этотъ вопросъ съ достаточной прочностью мы могли бы рѣшить лишь имѣя предъ собою все радзивилловскіе рисунки Станислава Августа въ ихъ полности, а не одну лишь примѣрно треть ихъ, какъ теперь. Дѣло въ томъ, что, если бы рисунки эти копировали не только разные старинные рисунки, хранившіеся въ Несвижѣ, но и картины, висѣвшія тамъ надъ дверями различныхъ залъ, то среди нихъ оказались бы, конечно, и копии тѣхъ картинъ (или гобеленовъ), которыя заказаны были кн. Михаиломъ V Казиміромъ вновь, а именно смотръ подъ Забудовымъ, „битва“ подъ Славечной (см. стр. 248, 249, 317, пр. 4) и, вѣроятно, рожденіе близнецовъ кн. Януша XIX и кн. Карла II Станислава по картинѣ, упоминаемой описью ¹⁾.

Но отсутствіе этихъ сценъ среди известныхъ миѣ рисунковъ не даетъ основаній къ положительному рѣшенію вопроса, а отрицательный выводъ при малочисленности сохранившихся рисунковъ былъ бы логической ошибкой. Съ этой стороны, слѣдовательно, вопросъ для меня неразрѣшимъ. Лишень я, къ сожалѣнію, возможности приступить къ нему и съ иной стороны, а именно путемъ сравненія наличныхъ рисунковъ съ картинами, поскольку сохранились онѣ въ Несвижѣ и другихъ радзивилловскихъ имѣніяхъ (см. выше, стр. 248, 249, 317, 321), если только при этомъ сравненіи отыскались бы какія-либо основанія для рѣшенія вопроса о взаимоотношеніи рисунковъ Станислава Августа и картинъ Несвижа.

За предположеніе о томъ, что все рисунки 1785—91 года и не относящіеся непосредственно къ кн. Янушу скопированы были со старинныхъ рисунковъ, а не съ рисунковъ и картинъ, говорятъ какъ существованіе такихъ рисунковъ въ Несвижѣ вѣроятно до 1792 или 1812 года, такъ и прямое свидѣтельство (см. выше, стр. 393), говорящее лишь о рисункахъ, такъ, наконецъ, и отсутствіе на историческихъ рисун-

¹⁾ Л. 10 об.: nade drzwiami Portret narodzenia JOO: Xiążątt Ich msc. Janusza y Karola Inskrypcya: Nativitas geminorum Principum Janusii Ordinati in Neswiz et Caroli in Ożyka filiorum Celsissimi Michaelli Casimiri pro tunc Mareschalci M: D: Litt: et Celsissimae Franciscae Ducissae Wisnowiecka quae pro primo Ambos sex Hebdomadis nutritivit lacte. Anno 1734 die 27. Febr.

Кн. Янушъ умеръ 16 лѣтъ (Kotłubaj), Galerja, str. 459; Icones Radivilliane, tab. 164) и ордина томъ сталъ Карлъ.

кахъ орнаментальныхъ рамокъ и гербовъ, которыми украшены все картины и копирующие ихъ гобелены (см. стр. 248—249). Наконецъ, на то же указываетъ и разница въ подписяхъ подъ рисунками и подъ картинами: если бы первые были копіями вторыхъ, то ихъ подписи, если и не копировали бы подписей картинъ цѣликомъ, то все же были бы къ нимъ ближе, чѣмъ то оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ извѣстны подписи, подъ соответственными картинами (см. выше, №№ 323, 325, 326, 328); не вышло бы и предполагаемаго нами заблужденія въ объясненіи событія 1549 года (см. № 323).

Остается вопросъ о подписяхъ, сдѣланныхъ къ тѣмъ то подъ копіями старинныхъ Радзивилловскихъ рисунковъ, и о степени ихъ достовѣрности; вопросъ, котораго неразъ приходилось уже касаться (см. стр. 239, 263—7, 283, 318 сл., 336 сл., 403 сл., 406, 409).

Отсутствіе оригинальныхъ рисунковъ XVII вѣка и малое число извѣстныхъ мнѣ копій ихъ 1785—90 годовъ дѣлаютъ, конечно, рѣшеніе и этого вопроса довольно рискованнымъ, но мы полагаемъ все-же возможнымъ въ предѣлахъ наличнаго матеріала прійти къ опредѣленнымъ положеніямъ отрицательнаго характера.

Подъ пятью рисунками (№№ 317, 330, 332, 334, 336) не оказывается никакой подписи: по всей вѣроятности не было ее и на оригиналѣ.

На двухъ (№№ 315, 325) поставленъ посрединѣ нижняго поля лишь одинъ годъ, опредѣляющій время изображаемаго событія; 1651 годъ подъ выходнымъ листомъ къ видамъ Кіева (№ 315) можетъ быть объясняемъ или какъ опредѣленіе времени Кіевского похода кн. Януша, результатомъ котораго и явился этотъ альбомъ, или же какъ годъ исполненія рисунка, хотя въ послѣднемъ случаѣ онъ стоялъ бы, вѣроятно, не посрединѣ, а сбоку при имени художника.

Число этихъ рисунковъ съ однимъ годомъ должно быть увеличено еще тремя (№№ 323, 326, 328), на которыхъ, какъ указано выше, сперва проставленъ былъ только годъ, а потомъ уже къ нему подгонялась объяснительная подпись.

Эти подписи конца XVIII в. писаны по латыни и, если не считать № 322 (Koydanow), то лишь подъ двумя рисунками оказываются краткія польскія подписи (№№ 46 и 333), ничего въ сущности не объясняющія сами по себѣ: на первой имя триумфатора написано сокращенно, а во второй отсутствуетъ вовсе: первая писана тою же рукою какъ прочія, относительно же второй (см. табл. XIII, рис. 5) это не кажется мнѣ несомнѣннымъ. Если необычное (ср. табл. I, рис. 1; V, 1; XIII, 6) сокращеніе имени кн. Януша въ первой подписи и можно съ натяжкой объяснять тѣмъ, что имя встрѣчалось при полномъ составѣ рисунковъ очень часто и потому понятно было бы смотрящему рисунки и въ сокращенномъ видѣ, то относительно второй подписи можно смѣло утверждать, что она сочинена какимъ-то инымъ толкователемъ, для котораго выраженіе „Княжеская Милость“ совершенно ясно и несомнѣнно обозначало кн. Януша, стоявшаго послѣдній разъ, какъ мы видѣли, съ войскомъ подъ Рѣчицей осенью 1653 года (см. стр. 335, 337, пр. 4), а потому и подпись подъ этою копіей можно считать воспроизведеніемъ старинной подписи, находившейся подъ оригинальнымъ рисункомъ Вестерфельда.

Относительно другого оригинального рисунка (копія его—№ 305) мы уже указывали выше, что подъ нимъ стояло въ оригиналѣ лишь имя рисовальщика и годъ исполненія рисунка (см. выше, стр. 264 сл.), и то же самое предполагаемъ мы и относительно третьяго (копія его—45; см. выше, стр. 239, 266).

Итакъ, оригинальные рисунки половины XVII вѣка подписей, по всему вѣроятію, по большей части не имѣли, и ихъ пришлось сочинять для изготовленныхъ для короля копій.

Въ объясненіи рисунковъ извѣстныхъ событій изъ фамиліи Радзивилловъ толкователь могъ пользоваться и подписями подъ историческими картинами и гобеленами, которые украшали тогда стѣны несвижскаго замка, и цѣлыми историческими повѣствованіями о родѣ кн. Радзивиль, какъ упомянутые выше (стр. 330) *Fasti Radiviliani* Кояловича, и отдѣльными біографіями, какъ напечатанная еще въ 1592 г. *Radivilias* (см. *Kraszewski. Wilno. IV, str. 134*), и хронологическими данными въ подписяхъ подъ изданными въ 1758 г. *Icones Radivilianae*. Однако, несмотря на то, что въ объясненіи этой части рисунковъ (№ 323—323) у толкователя не было, вѣроятно, недостатка въ источникахъ, онъ все же одинъ рисунокъ оставилъ безъ объясненія (№ 325), хотя таковое никакой трудности не представляло, а въ толкованіи другаго, повидимому, ошибся (№ 323, см. выше, стр. 404).

Напротивъ того при объясненіи кievскихъ рисунковъ и сценъ изъ походовъ кн. Януша, если оригинальные рисунки были дѣйствительно, какъ полагаемъ мы, по большей части безъ подписей, ему предстояли гораздо большія затрудненія.

Рисунки этой группы и по содержанію и по характеру ихъ, отличаясь отъ прочихъ, легко могли быть выдѣлены въ особый отдѣлъ, и потому нѣтъ нужды предполагать, что на каждомъ изъ нихъ стоялъ 1651 годъ: разъ связь этой группы съ кievскимъ походомъ кн. Януша была установлена легко опредѣлимыми, хотя бы по несвижскимъ картинамъ, историческими сценами, какъ въѣздъ въ Золотыя Ворота (ер. табл. IV, рис. 2) и встрѣча у Св. Софіи (табл. V, рис. 1), то толкователь могъ смѣло писать объ изготовленіи въ 1651 году (см. № 306, 313, 315, 321, 331) и такихъ рисунковъ кievскихъ развалинъ и видовъ, на которыхъ въ оригиналѣ года этого могло и не стоять, и если онъ дѣйствительно прибавлялъ иногда такое указаніе отъ себя, то въ немъ онъ, конечно, не ошибался, тѣмъ болѣе что всѣ эти рисунки составляли, какъ мы видѣли изъ инвентаря 1670 года (см. стр. 389), одинъ общій альбомъ.

Совсѣмъ иное было при опредѣленіи тѣхъ зданій, развалины которыхъ изображены были на оригинальныхъ рисункахъ 1651 года: тутъ давать имъ объясненія во многихъ случаяхъ ему пришлось по догадкѣ.

Намъ не извѣстно, бывалъ ли когда либо составитель подписей въ Кіевѣ; но если онъ не былъ тамъ самъ, то найти людей бывавшихъ ему, разумѣется, было не трудно, и въ такомъ случаѣ его опредѣленія основывались на чужихъ показаніяхъ. Такъ или этакъ, для насъ это въ сущности безразлично, но весьма важно то, что опредѣленія кievскихъ развалинъ, зарисованныхъ въ 1651 году, несомнѣнно основаны на нѣкоторомъ знакомствѣ съ Кіевомъ конца XVIII вѣка.

Это обстоятельство съ одной стороны придаетъ подписямъ нѣкоторое историко-топографическое значеніе, котораго онѣ не имѣли бы, если бы были сочинены наобумъ, но съ другой стороны „знатокъ“ Кіева въ своемъ стремленіи дать побольше объясненій не замѣчалъ столь очевидныхъ для болѣе внимательнаго наблюдателя фактовъ, какъ тожество воротъ, изображенныхъ на рисункахъ № 331 и № 46 (см. табл. IV) или фантастичность зданія на рисункѣ № 315 (табл. II, рис. 2).

Ошибки въ даваемыхъ подписями объясненіяхъ естественно происекали оттого, что большинства зарисованныхъ въ 1651 г. развалинъ въ Кіевѣ къ концу XVIII вѣка видно уже не было; то-же, что сохранилось въ томъ же приблизительно видѣ, какъ и тогда, опредѣлено подписями совершенно вѣрно, а именно св. Софія (табл. V, рис. 1), гробницы въ ней и въ другихъ церквахъ (№ 329), общій видъ Лавры (№ 311), детали пещеръ (№ 307—310). Но и только; все же прочее, — мы говоримъ, конечно, лишь о наличной части рисунковъ и при томъ объ имѣющихъ объяснительныя подписи, — является не точнымъ опредѣленіемъ очевидца, а болѣе или менѣе натянутымъ объясненіемъ „знатока“ Кіева и его старины.

Что объяснитель дѣйствительно обладалъ нѣкоторыми и книжными знаніями по исторіи Кіева, это видно по тщательнымъ историческимъ даннымъ, приведеннымъ о гробницахъ (№ 315); эти же именно подписи свидѣтельствуютъ и о томъ, что истолкователь былъ или католикъ или униатъ: православному не было бы нужды и интереса упоминать, — или онъ просто и самъ не зналъ бы, — о подписи Макарія подъ посланіемъ 1476 года къ папѣ Сиксту IV¹⁾. Не лишены поэтому значенія для исторіи города Кіева утвержденія о перестройкѣ, — точнѣе включеніи: „интерполюціи“, — древнихъ развалинъ въ зданія, стоявшія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII вѣка: въ этихъ утвержденіяхъ сохранены если не факты, то по крайней мѣрѣ мнѣнія кievскихъ антикваторовъ того времени.

Такихъ указаній имѣется два.

Одно, явно несостоятельное, объясняетъ фантастическое зданіе на сквозныхъ аркадахъ, въ пролетахъ которыхъ видны разныя части нагорнаго Кіева (табл. II, рис. 2) развалинами какого-то великокняжескаго зданія, находившагося, якобы, въ нижней части города (т.-е. на Подолѣ) и „включеннаго потомъ въ Академію, фасадъ которой смотритъ на югъ къ церкви Благовѣщенія“ (№ 315)

Послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно: фасадъ мазенинскаго корпуса Академіи обращенъ къ югу, но къ собору Преображенія Господня; церковь же Благовѣщенія, построена была въ 1735 году²⁾ вмѣстѣ со всѣмъ вторымъ этажемъ въ восточномъ

¹⁾ Самое посланіе это Захарій Копыстенскій называетъ подложнымъ, чего не повторяетъ однако митроп. Евгений (Описаніе Кіево софійскаго собора. 1825, стр. 111), который, впрочемъ, объ участіи въ немъ Макарія не упоминаетъ (ibid., стр. 113; смерть его опредѣляется „въ 1497 г. Маія 1, а по униатскимъ каталогамъ Августа 1^а“); тѣмъ же годомъ смерть его опредѣляетъ и В. Г. Васильевскій (Памяти. русск. стар. въ зап. губери. Имперіи. Вып. V. 1872, стр. 30), также не упоминающій вовсе о посланіи къ Сиксту IV (ibid., стр. 24). Митроп. Макарій. Исторія русской церкви IX. II. 1879, стр. 82—84, стр. 43—63, считаетъ Макарія, подписавшаго посланіе за другое лицо. Ф. И. Титовъ (Труды Кіевск. Дух. Академіи. 1897 II, стр. 7) — также.

²⁾ Впрочемъ Павелъ Алеппскій (II, стр. 78) упоминаетъ о церкви во имя Благовѣщенія, нахо-

концѣ мазепинскаго корпуса ¹⁾; части же старыхъ зданій, и то лишь времени Петра Могилы, можно было искать лишь въ двухъэтажномъ зданіи трапезной и Борисоглѣбской церкви (Закревскій, стр. 154, 176; Петровъ, стр. 210, 216). Тѣ гипотезы и комбинаціи, которыя высказываетъ по поводу этого указанія Н. И. Петровъ (Труды К. Д. А. 1905, т. II, стр. 447—450), не даютъ отвѣта на вопросъ, какою именно часть академическихъ построекъ въ концѣ XVIII в. могли считать за остатокъ зданія великокняжеской эпохи.

Къ сожалѣнію, не многимъ яснѣе и вопросъ о другомъ подобномъ же указаніи, якобы находившіяся гдѣ-то „въ верхней части города, называемой Печерами, развалины княжескаго терема“ включены были позднѣе въ какое-то зданіе присутственныхъ мѣстъ или губернаторскій домъ (Gubernium), какъ говоритъ подпись подъ рисункомъ 306 (см. табл. VII, рис. 2); тѣмъ же зданіемъ „жилица древнихъ князей кievскихъ“ совершенно правильно называются и еще два рисунка 312 и 314 (табл. VIII, рис. 1 и 2); сравненіе этихъ трехъ рисунковъ, несомнѣнно, убѣждаетъ, что это дѣйствительно три стороны одной и той же руины, но, конечно, не терема, а церкви, какъ то ясно видно по остаткамъ абсиды на послѣднемъ изъ нихъ. Въ своихъ объясненіяхъ этихъ рисунковъ Федоровскою церковью, что само по себѣ вполне вѣроятно, Н. И. Петровъ (Тр. Киев. Дух. Акад. 1905, II, стр. 450—455) напрасно пытается отождествлять „Gubernium“ подписанъ конца XVIII съ государственнымъ дворомъ или приказной палатой 1695 года: писавшій имѣлъ въ виду, разумѣется, какое-то правительственное зданіе современнаго ему Киева; а таковымъ должно считать „присутственные мѣста“, находившіяся въ концѣ XVIII вѣка именно на Печерскѣ, между Государевымъ Садамъ и т.-н. „Провальемъ“ (см. Закревскій, стр. 743 § 116; листъ IV. № 29); правда о времени ихъ построения приводится лишь два противорѣчивыхъ указанія, къ нашей гипотезѣ не подходящихъ: 1790 и 1817 года; но есть другія извѣстія объ освященіи „присутственныхъ мѣстъ“ уже въ 1782 году (Сборн. Матер. для историч. топогр. Киева. I. стр. 47); если же это выраженіе можетъ давать поводъ къ сомнѣніямъ, это ли именно зданіе здѣсь разумѣется, то на планѣ 1745 г. значится въ крѣпости „губернская гарнизонная канцелярія“ (№ 12); а въ описаніи Киева Новгородцевымъ (1784 г.) упоминается губернаторскій домъ правда деревянный на каменномъ фундаментѣ, но съ каменными службами (Матеріалы. II, стр. 129), а также и другія каменные казенныя зданія, правда всего 9, въ Печерскѣ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ это указаніе о передѣлкѣ древней церкви въ какое-то казенное зданіе заслуживаетъ вниманія историковъ Киева; но правильность отождествленія съ нею тѣхъ именно развалинъ, которыя изображены были на рисункѣ 1651 г., конечно, болѣе чѣмъ сомнительна.

дившейся на вратахъ Братскаго монастыря, но она не приходится къ югу противъ Академіи и не упоминается въ XVIII в. (см. Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 214).

¹⁾ См. Закревскій. Описаніе Киева. 1868, стр. 159, 161, 176—177; Н. И. Петровъ. Истор. топогр. очерки древняго Киева. 1897, стр. 207—214; Матеріалы. II, стр. 144.

²⁾ Впрочемъ, выраженіе „in regione superiori vulgo Pieszagach“ возможно было бы относить не только къ Печерску, но къ „Печерскому отдѣленію“ Стараго города (Сборн. матер. II, стр. 126), гдѣ естественно предполагать развалины древней церкви; но тамъ въ концѣ XVIII не находилось еще „Gubernium“.

Изъ подписи подъ рисункомъ № 313 (табл. IX, рис. 1), составленной довольно нескладно, надо заключать, что изображенная на немъ развалины толкователь рисунковъ отождествлялъ съ Десятинною церковью, которая, дѣйствительно, можетъ быть названа стоящею противъ Михайловской колокольни (построенной ок. 1719 года), если такъ надо понимать выраженія подписи, и которая, дѣйствительно, до начала XIX вѣка носила иногда имя Никольской, какъ называлась она еще до возстановленія ея Петромъ Могилою, несмотря на то, что и онъ и новая возстановительница въ 1758 году посвящали ее Рождеству Богородицы ¹⁾. Но изъ этого не слѣдуетъ еще вмѣстѣ съ Н. И. Петровымъ (Труды Киевск. Дух. Акад. 1905. II, стр. 442—443) заключать, что рисунокъ 1651 дѣйствительно изображаетъ Десятинную церковь; круглая башня на углу этому рѣшительно противорѣчитъ, а сцена внутри церкви допускаетъ, какъ мы говорили выше (стр. 269), разные толкованія.

Михайловскій монастырь упоминается и въ объясненіи другого рисунка (№ 331, табл. IX, рис. 2): изображенная тутъ развалина съ двумя арками съясняется какъ „ворота улицы (или площади: plateae) монастыря Св. Михаила, у которыхъ (у которой или у котораго?) госпиталь Св. Духа“. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось найти упоминаній о такомъ госпиталѣ въ концѣ XVIII в.; Свято-Духовская же церковь находилась на Подолѣ, но слишкомъ далеко отъ Старого города, гдѣ, конечно, предполагается platea S. Michaelis ²⁾.

Вѣроятно, имѣлись въ виду одни изъ воротъ Старо-Кіевской крѣпости, изъ которыхъ шелъ спускъ на Подоль; такъ приблизительно объясняетъ подпись и Н. И. Петровъ (Тр. Киев. Дух. Акад. 1905. II, стр. 445—6), но напрасно онъ вспоминаетъ при этомъ ворота XII вѣка: составитель подписи имѣлъ въ виду, конечно, ворота, стоявшія въ его время и не восходившія по времени постройки, вѣроятно, ранѣе конца XVII в., т.-е. принадлежавшія къ московской крѣпости. Тѣ же ворота, которыя показаны еще на планѣ 1638 года, никогда Михайловскими не назывались.

Наконецъ, объясненіе рисунка № 321 (табл. IV, рис. 1), несомнѣнно представляющаго Золотыя ворота, съ чѣмъ согласенъ и Н. И. Петровъ (у. с., стр. 441—2), „воротами Св. Михаила влѣво отъ Св. Софіи“ допускаетъ двойное пониманіе: или, что менѣе вѣроятно, здѣсь Золотыя ворота сознательно названы вратами арх. Михаила, или же, что гораздо правдоподобнѣе, непонятнымъ и не виданнымъ въ натурѣ развалинамъ воротъ толкователь далъ имя Михайловскихъ — по однимъ изъ воротъ современной ему Старо-Кіевской крѣпости. Поддерживать первое, — сознаемся весьма искусственное, — толкованіе можно было бы ссылками на повторявшіяся въ Кіевѣ еще въ началѣ XIX в. сказанія, или вѣрнѣе рассказы мѣстныхъ „историковъ“, о связи между Золотыми воротами и гербомъ Кіева — архангеломъ Михаиломъ.

Не зная специальной научной работы объ исторіи кіевского герба, возведеніе котораго къ домонгольской древности, разумѣется, никакой исторической критики не

¹⁾ См. планъ 1745 года у Фувдуклея: подъ № 44: „церковь Николая Чудотворца“; Закревскій, стр. 282—284; Петровъ. Очерки, стр. 120; С. Голубевъ. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могіла. I, 1898, стр. 425—435.

²⁾ Закревскій, стр. 204, 571; Сборн. матеріаловъ. II, стр. 154, 167; планъ 1695 года.

выдержать, я не могу распространяться здѣсь по вопросу о томъ, не связано ли происхождение этого герба кievскаго литовско-польскаго воеводства съ извѣстными сказаніями о томъ, какъ Болеславъ Храбрый рубилъ ворота Кіева мечемъ, т.-наз. „щерблемъ“, который онъ по нѣкоторымъ версіямъ получилъ онъ ангела¹⁾.

Митрополитъ Платонъ писалъ о Золотыхъ воротахъ, что „они назывались златыми потому, что на нихъ стоялъ Ангелъ позлащенный, что было и нынѣ есть гербъ кievскій“²⁾, повторяя, разумѣется, рассказы мѣстныхъ путеvodителей; эта выдумка зависѣла, конечно, отъ извѣстной механической фигуры бронзоваго архангела на башнѣ кievской ратуши³⁾; но существованіе ея не позволяетъ все же думать, чтобы изъ-за предполагаемой фигуры арх. Михаила сами ворота могли называть Михайловскими вмѣсто столь прославленнаго исторіей и легендою настоящаго имени ихъ.

Поэтому проще и вѣрнѣе видѣть въ подписи подъ рисункомъ № 321 простую ошибку: ее сдѣлать толкователю рисунковъ было тѣмъ легче, что древнихъ Золотыхъ Воротъ онъ въ концѣ XVIII уже видѣть не могъ: они были засыпаны около 1751 года⁴⁾, и онъ какъ и митрон. Платонъ видѣли новыя, — носившія старое имя и, разумѣется, съ рисунками 1651 ни мало не схожія. Если же подъ старымъ рисункомъ вѣзда кн. Януша въ Золотыя ворота дѣйствительно была подпись, перенесенная на копію (табл. IV, рис. 2), то имѣя уже одно изображеніе Золотыхъ воротъ и не разобравъ, что и на другомъ рисункѣ изображены они же, нашъ толкователь вздумалъ искать для втораго рисунка другаго имени среди воротъ Старо-Кievской крѣпости и выбралъ почему-то Михайловскія, имя которыхъ является уже въ „респиси Кіеву 1682 года“, а на планѣ 1695 года мы находимъ трое воротъ и одну калитку того же имени; одни изъ нихъ, ведшія изъ Андреевскаго отдѣленія въ Михайловское, Закревскій помѣщаетъ и на своемъ планѣ Кіева XVIII вѣка (листь V, № 47); если не самыя ворота то память о нихъ могла, слѣдовательно, оставаться въ Кіевѣ и въ концѣ XVIII вѣка.

Тщательно разсмотрѣвъ подписи подъ всеми издаваемыми нами рисунками мы убѣждаемся такимъ образомъ, что онѣ являются лишь произвольною попыткою объяснить кievскіе рисунки 1651 года, которые въ оригиналѣ никакихъ подписей, насколько то можно заключать заглазно, не имѣли; догадки же конца XVIII вѣка, когда старый Кіевъ влѣдствіе построенія русской крѣпости сильно измѣнился по сравненію съ Кіевомъ половины XVII вѣка, не могутъ, конечно, имѣть для насъ никакого авторитета, и, слѣдовательно, при пользованіи издаваемыми рисунками на показанія подписей подъ ними лучше не обращать никакого вниманія, т.-к. во многихъ случаяхъ онѣ могутъ только сбить изслѣдователя съ правильнаго пути, каковымъ бываетъ обыкновенно лишь путь самостоятельный.

¹⁾ См. обстоятельную статью Эри. Свѣжавскаго, *Epopeja ludowa o Chrobrym i jego szczerbcu* (Przegląd bibliograficzno—archeologiczny. Warszawa. II 1881—82. №№ 15—19).

²⁾ Путешествіе . . . Платона митрополита Московскаго . . . въ Кіевъ . . . въ 1804 году, С. П. Б. 1813, стр. 53 сл.

³⁾ См. о ней Платона же, стр. 55; Закревскаго, стр. 441; Сборникъ лѣтописей, Кіевъ, 1885, стр. 52.

⁴⁾ См. указанія у Н. И. Петрова, *Очерки*, стр. 147—148.

ГЛАВА IV.

Объясненія издаваемыхъ копій съ рисунковъ Авраама фанъ-Вестерфельда.

Нижеслѣдующія объясненія имѣютъ цѣлью не столько предложить полное и исчерпывающее толкованіе какъ извѣстныхъ уже прежде, такъ и нынѣ вновь издаваемыхъ кіевскихъ рисунковъ Авраама фанъ-Вестерфельда, исторія происхожденія которыхъ во время литовскаго похода 1651 года и обстоятельства сохраненія въ копіяхъ конца XVIII вѣка изложены въ предыдущихъ главахъ, сколько помочь по мѣрѣ силъ толкователя правильному и осторожному пользованію ими всѣмъ, кому они представляютъ какой-либо интересъ или значеніе для изученія ли исторіи и топографіи города Кіева, или для иныхъ научныхъ цѣлей; поэтому здѣсь авторъ старался по возможности избѣгать какихъ-либо гипотетическихъ построеній для рѣшенія многихъ неразрѣшимыхъ для него вопросовъ.

Табл. I, рис. 1. Портретъ кн. Януша (XI) Радзивила.

Уменьшенный вдвое (размѣръ оригинала 0,18 × 0,23 м.) снимокъ съ рисунка перомъ въ сборникѣ радзивилловскихъ портретовъ, хранящемся во П-мъ (иностраннымъ) отдѣленіи бібліотеки Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: листъ 54 (см. выше стр. 384, прим).

Портреты эти, какъ доказывалось выше (см. стр. 384—387) могли принадлежать самому кн. Янушу; кн. Богуславъ Радзивиль завѣщалъ ихъ на вѣчное храненіе въ Несвижъ (стр. 377 сл.), куда они и были переданы въ 1670 г. (стр. 388); въ Академію поступили въ 1772 г. (стр. 392).

Исполнитель портретовъ мнѣ неизвѣстенъ; предположенія объ Авраамѣ фанъ-Вестерфельдѣ (стр. 269, 378) теперь, когда несомнѣнныя его работы оказались (см. стр. 389) исполненными карандашомъ, должны быть значительно умѣрены, хотя возможность исполненія имъ же и этихъ портретовъ все же остается.

Этотъ рисунокъ или тотъ портретъ красками, съ котораго онъ дѣланъ,—если только портретъ имѣлъ подпись,—исполненъ ранѣе апрѣля 1653 года, т. к. подпись называетъ кн. Януша еще старостой жмудскимъ (см. стр. 329), титулъ же гетмана польнаго указываетъ на время послѣ 27 апрѣля (н. ст.) 1646 г. (см. стр. 225), но конечно лишь для подписи: портретъ же могъ быть написанъ и ранѣе.

Немногимъ болѣе точное опредѣленіе времени исполненія портрета можно получить изъ сравненія его съ другими портретами¹⁾ кн. Януша: здѣсь онъ несомнѣнно значительно старше портрета 1632 года и гораздо моложе портрета 1652 г., а потому можетъ быть относимъ къ срединѣ примѣрно между 1640—1650 гг., т. е.

¹⁾ О различныхъ портретахъ его говорено было выше (см. стр. 216, 219, 224, 257 пр. I, 322, 323, 329, 386, 388, 389); въ ихъ число излишне вводить новѣйшія переработки или воспроизведенія ихъ, какъ напр. литографію Н. Aschenbrenner'a „w Lith. A. Dzwankowskiego i Sp[ółki] (въ Варшавѣ) по рисунку Gerson'a по неизвѣстному мнѣ оригиналу, гербъ искаженъ (Румянцевскій Музей. Изъ Виленскаго Музея. Портреты, папка III, № 142), или гравюру на деревѣ по портрету Шульца (см. стр. 322), издаванную въ журналѣ „Tygodnik Ilustrowany“ (VIII, 1863, str. 321) при краткой біографіи кн. Януша: Janusz Radziwiłł przez Wojciecha Grochowskiego (о. с., str. 321—322, 333).

приблизительно ко времени второй свадьбы кн. Януша въ 1645 году (см. стр. 621, 219, 257 пр. 1, 386), когда ему было, разумѣется, вполне естественно заказать снова свой портретъ; отсутствіе гетманской булавы въ рукахъ кн. Януша также указываетъ съ большею вѣроятностью на время ранѣе 1646 года.

Табл. I, рис. 2. Сдача Бобруйска 21 февраля 1649 г. князю Янушу Радзивилу.

Уменьшенный вдвое снимокъ съ рисунка, хранящагося въ библиотекѣ Ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ (см. выше. стр. 199 и 409) и скопированнаго въ концѣ XVIII вѣка съ рисунка Авраама ванъ-Вестерфельда, вѣроятно 1651 года (см. стр. 266, 409).

Объясненіе, данное рисунку въ подписи конца XVIII в. (см. стр. 239, 283 и 409) принято никоимъ образомъ быть не можетъ, какъ въ виду отсутствія въ разсказахъ о занятіи Кіева въ 1651 году изображеннаго здѣсь поголовнаго выхода жителей изъ города навстрѣчу кн. Янушу (см. стр. 283), такъ и по невозможности признать изображенный на рисункѣ городъ за какую-либо часть Кіева; положеніе города на горизонтѣ рисунка, безъ горъ, поднимающихся надъ нимъ, не позволяетъ считать его какого-либо частью Подола, да и не со стороны Подола подошелъ кн. Янушъ къ Кіеву (стр. 281), гдѣ на Старомъ Городѣ въ 1651 г. въ древнихъ валахъ былъ пустырь съ митрополіей и иными церквями (см. табл. IV, рис. 1) и никакого укрѣпленнаго города не было; Печерской слободой, видимою съ запада, изображенный городъ также считать невозможно: т. к. здѣсь не видно господствовавшей надъ нею Лавры.

Общее сходство рисунка съ прочими,—относящимися къ походамъ кн. Януша, и въ частности тожество его самого здѣсь и на другихъ рисункахъ (ср. табл. IV, рис. 2, и табл. V, рис. 1), заставляетъ искать и этому рисунку объясненіе въ исторіи походовъ кн. Януша, и единственно подходящею сценою оказывается при этомъ сдача Бобруйска 21 февраля (ст. ст.) 1649 года (см. выше стр. 237—239, 283, 409¹), которая была изображена и на одной картинѣ несвижскаго замка (см. стр. 318) единственное противорѣчіе такому объясненію можетъ быть указано въ томъ, что на рисункѣ представлена не зима, а лѣто; но это я полагаю возможнымъ объяснять изготовленіемъ рисунка весной 1651 года (см. стр. 409).

Къ сожалѣнію я лишень возможности подтвердить свое объясненіе реально, сравненіемъ города, изображеннаго на рисункѣ, съ какимъ-либо видомъ Бобруйска въ половинѣ XVII в., такъ какъ мнѣ таковаго неизвѣстно²).

На издаваемомъ рисункѣ внутри деревянной городской ограды съ башнями,

¹) Сперва, сбываемый 1651 годомъ въ подписи, я полагалъ было возможнымъ видѣть тутъ сдачу Любеча (см. выше, стр. 270—272), но извѣстія о приходѣ Януша въ ставшійся уже Любечъ не подходятъ къ изображенному здѣсь обложенію города войскомъ.

²) Я видѣлъ лишь планъ Бобруйска въ 1811 г. въ замѣчательномъ собраніи картъ плановъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ, составленномъ генераломъ Домбровскимъ и заключающемъ, вѣроятно, цѣнный матеріалъ для исторіи наполеоновскихъ войнъ; собраніе это завѣщанное Варшавскому Обществу Любителей Наукъ нынѣ хранится также въ библиотекѣ Академіи Художествъ (см. выше, стр. 398, 399, прим.) На этомъ планѣ старинной крѣпости уже не видно, да если бы она и была, то это была бы не та постройка, какъ на рисункѣ, т. к. и Бобруискъ въ 1655 г. выгорѣлъ (см. стр. 358).

стоявшими повидимому только надъ воротами, виденъ кромѣ крышъ домовъ большой костель съ двускатною крышею и украшенными арками и башенками фасадами; по сторонамъ его двѣ башни: слѣва видимо каменная, справа, можетъ быть, и деревянная съ высокой крышею, увѣчанной крестомъ: принадлежать ли эти башни къ костелу или нѣтъ, рѣшить трудно; далѣе вправо видны верхи деревянной церкви и ея колокольни: по относительному положенію ихъ рисунокъ долженъ былъ быть рисованъ съ сѣверо-запада; далѣе крыша (съ лежащими на ней лѣстницами) какого-то большого, каменнаго вѣроятно, дома (магистрата?); затѣмъ опять церковь съ колокольнею предъ ней; отдѣльно возвышающаяся башня (надъ воротами въ противоположащей стѣнѣ города?); наконецъ еще деревянная церковь о двухъ верхахъ и башня правѣе ея, къ ней, м. б., и не принадлежащая; башня въ оградѣ, судя по сводчатымъ воротамъ,—каменная; на краю города, можетъ быть уже внѣ его, изображенъ какой-то горящій домъ; еще правѣе и въ оригиналѣ детали разбираются съ трудомъ; тамъ изображенъ повидимому сводчатый мостъ черезъ рѣчку, которая обозначена извилистою полосой, усѣянной точками.

То немногое, что мнѣ извѣстно о Бобруйскѣ XVII вѣка далеко недостаточно для объясненія этихъ зданій: каменный, доселѣ существующій, костель въ Бобруйскѣ построенъ былъ въ 1615 г. Петромъ Тризноу, воеводой парнавскимъ и старостой бобруйскимъ: портреты его и короля Сигизмунда III написаны на стѣнѣ костела; около 1627 г. при костелѣ поселились іезуиты, но въ 1651 были оттуда [кн. Янушемъ?] изгнаны; городъ имѣлъ при Владиславѣ IV до 1880 домовъ (а въ 1791 г. всего 150!). Въ 1650 г. православнымъ возвращена была на основаніи зборовскаго договора Спасская церковь; существующія церкви—всѣ новыя; „въ прежнія времена“ но неизвѣстно когда именно, въ Бобруйскѣ были еще церкви Успенская и Ильинская. Съ этими данными¹⁾ нельзя рѣшать вопроса, насколько вѣрно и точно нарисовалъ Авраамъ ф.-Вестерфельдъ видъ города.

Что же касается изображенія кн. Януша, его войска, русскаго духовенства, вышедшаго изъ города съ хоругвями и большою иконою, повидимому Божіей Матери, толпы горожанъ и пр., то это вольно сочиненное Вестерфельдомъ дополненіе къ виду города носить такой же характеръ, съ одной стороны жанровый и реальный, но съ другой явно искусственный и парадный, какой видимъ мы и на прочихъ рисункахъ его, да и вообще всѣхъ художниковъ-баталистовъ.

Табл. II, рис. 1. Лицевая сторона медали Себастіана Дадлера на занятіе кн. Янушемъ Радзивиломъ Кіева въ 1651 году.

Увеличенный вдвое противъ серебрянаго оригинала Императорскаго Эрмитажа снимокъ лицевой стороны медали, изготовленной, вѣроятно, вскорѣ послѣ изображеннаго событія (см. стр. 204, 208—209, 317, 329, пр. 2).

Объясненіе аллегорическаго изображенія дано уже нами выше (стр. 210—213),

¹⁾ Baliński. Polska starożytna. III, 1846, str. 843—846; Архим. Николай. Историко-статистическое описаніе Минской епархіи. С. П. Б. 1864, стр. 35, 231 сл.; Słownik geograficzny przez Sulimierskiego, I, 1880, str. 265—266; Россія. Изд. Девриена. IX, 1905, стр. 531 (съ ошибками); Археограф. Сборникъ. XI. Вильна, 1890, стр. 21.

а равно указаны были и пункты сходства нѣкоторыхъ частей его съ издаваемыми рисунками, что и доказываетъ принадлежность оригиналовъ послѣднихъ дѣйствительно 1651 году.

Кромѣ указаннаго выше присутствія на медали рва около кievской деревянной ограды, котораго не видно на рисункѣ 1651 года (см. табл. III; ср. выше стр. 204—205), различіе между ними оказывается еще въ томъ, что на медали на горахъ число церквей и иныхъ зданій уменьшено противъ рисунка и очертанія ихъ нѣсколько иныя; въ городѣ внизу эти отступленія отъ рисунка еще замѣтнѣе: церкви какъ бы сдвинуты; формы ихъ измѣнены, что особенно замѣтно на большой квадратной пятиглавой каменной церкви; европеизація чуждыхъ формъ особенно ясно выразилась въ передѣлкѣ на медали широкой деревянной башни надъ воротами, откуда выходятъ на рисунокѣ въ поле казаки, въ высокую, тонкую, каменную башню, отъ которой перекинута мостъ черезъ ровъ. Всѣ эти мелкія отличія и передѣлки не могутъ однако ослабить важнѣйшаго для насъ факта очевидной зависимости медали Датлера отъ рисунковъ Вестерфельда, и притомъ не отъ одного общаго вида (табл. III), но еще покрайней мѣрѣ отъ двухъ: вида Золотыхъ воротъ (табл. IV, рис. 2) и выходного листа (табл. II, рис. 2), какъ то было указано уже выше (стр. 211, 212, 213). Надписи на медали въ свою очередь встрѣчались намъ позднѣе въ заимствованіяхъ у писателя (Сам. Венславскаго, см. стр. 276) и художника на Несвижской картинѣ (см. стр. 319, № 7; ср. стр. 389); но, копировала ли послѣдняя аллегорическую композицію Датлера или реальный рисунокъ Вестерфельда (табл. IV, рис. 2), по недостаточному подробному описанію ея рѣшить невозможно.

Табл. II, рис. 2. Выходной листъ къ кievскимъ рисункамъ 1651 года Авраама фанъ Вестерфельда.

Уменьшенное вдвое изображеніе рисунка, хранящагося въ библиотекѣ Академіи Художествъ (№ 315, см. стр. 403).

Выше было уже говорено о значеніи этого рисунка (стр. 211, 297, 322, 403) и о недостоверности надписи на немъ (стр. 297, 416, 417), а также и о сходствѣ нѣкоторыхъ деталей на немъ и на медали Датлера (стр. 211, 212).

Нѣтъ нужды распространяться объ архитектурной невозможности изображеннаго на рисунокѣ зданія; между тѣмъ Н. И. Петровъ¹⁾, вовлеченный въ соблазнъ довѣрія къ подписямъ, пытался объяснять рисунокъ этотъ какъ часть того же зданія, которое представлено на четырехъ иныхъ рисункахъ (табл. X и XI) и которое обозначено подписями ихъ, какъ Академія.

¹⁾ Н. И. Петровъ. Новооткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ достопримѣчательностей Кіева 1651 года (Рефератъ, читанный въ засѣданіяхъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи 21 февраля и 21 марта 1905 г.) см. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1905 г. № 7, т. II, стр. 431—472. Такъ какъ статья не сопровождается иллюстраціями, то рисунками 1651 будутъ пользоваться по настоящему ихъ изданію, а потому мы считаемъ излишнимъ исправлять тѣ неточности и мелкія ошибки, которыя оказываются, отчасти по нашей же винѣ, въ общихъ свѣдѣніяхъ и исторіи рисунковъ въ началѣ статьи Н. И. Петрова (стр. 433—437); напротивъ того высокій авторитетъ его въ вопросахъ исторической топографіи Кіева обязуетъ насъ подробно аргументировать всѣ тѣ случаи, когда объясненіе, даваемое имъ издаваемымъ нами рисункамъ, кажется намъ почему-либо неприемлемымъ.

Мы не можемъ детально разбирать аргументацію почтеннаго изслѣдователя кievской топографіи въ пользу его толкованія этихъ пяти рисунковъ какъ изображенія одного и того же пяти-угольнаго зданія въ Старомъ Кіевѣ противъ Десятинной церкви ¹⁾; ограничимся лишь слѣдующими фактическими указаніями. Разсматриваемый рисунокъ сквознаго зданія на ступенчатой платформѣ никакъ нельзя соединить въ одно цѣлое съ прочими четырьмя рисунками какого-то, повидимому дѣйствительно одного, большаго зданія: отдѣльныя же сходныя здѣсь и тамъ детали должно объяснять инымъ, болѣе естественнымъ образомъ.

Изъ помѣщенныхъ въ аркадахъ разсматриваемаго зданія видовъ никакихъ заключеній о положеніи его дѣлать нельзя, т. к. эти виды размѣщены явно безъ вниманія къ дѣйствительному положенію изображенныхъ на нихъ зданій: Михайловскаго монастыря, Золотыхъ воротъ (?), Св. Софійи и Печерской Лавры: послѣдняя нарисована съ той же точки зрѣнія, какъ на рисунокѣ № 311 (табл. XII, рис. 2); Софійскій соборъ—какъ на табл. V, рис. 1. Такой же эклектизмъ замѣчается и въ архитектурныхъ деталяхъ этого фантастическаго зданія: подобіе узорчатому пояску надъ нижними арками находимъ мы на табл. VII, рис. 2; мотивъ полуциркульныхъ сквозныхъ арокъ надъ аркадами—на табл. X, рис. 1; для круглыхъ оконъ идея могла быть дана круглыми медальонами съ изображеніями святыхъ на табл. X, рис. 1; восьмигранные столбы видимъ на табл. X, рис. 2; аналогіи къ развалинамъ задней высокою стѣны съ окнами—на табл. VIII, рис. 2, и X, рис. 1.

Рис. 6. Златоверхо-Михайловскій монастырь (деталь къ табл. II, рис. 2).

Рис. 7. Золотыя ворота (?) (деталь къ табл. II, рис. 2).

Такимъ образомъ, матеріаль для композиціи этого фантастическаго зданія дали, какъ то и бываетъ обыкновенно, тѣ именно рисунки, фронтисписомъ для которыхъ долженъ былъ служить этотъ листъ. Можно слѣдовательно предполагать, что среди нихъ были и, утраченные нынѣ, оригиналы для нѣкоторыхъ иныхъ частей композиціи.

¹⁾ Относительно перваго рисунка (табл. II, рис. 2) Н. И. Петровъ предполагаетъ нѣкоторую полноту художника: „Стѣна центральнаго зданія нарочито устраниена художникомъ для изображенія перспективныхъ видовъ въ просвѣтахъ арокъ“ (447, пр. 1); „эти виды даютъ ясно понять, что развалины эти находились не на Кіево-Подолѣ, а на старомъ или верхнемъ Кіевѣ“. . . „вѣроятно это тѣ самыя развалины, которыя мы видѣли (см. табл. IV, рис. 1) на перспективномъ видѣ на старый Кіевъ отъ Золотыхъ воротъ, на половинѣ пространства между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ“. Здѣсь противъ Десятинной церкви, на бывшей усадьбѣ кн. Трубецкого, донныя сохранились еще остатки фундаментовъ громаднаго зданія. . . Контуры раскрытой [въ 1882 г.] части представляли три стороны многоугольника, соединившіяся подъ тупыми углами. Такой именно многоугольникъ, съ пятью тупыми углами должны были представлять изъ себя изображенныя въ новооткрытомъ альбомѣ руины княжескаго терема, т. к. рисуютъ его не съ четырехъ, а съ пяти сторонъ“ (стр. 448).

напр. для барабана главы какой-то церкви, который так неудачно поставленъ рисовальщикомъ на коробовой сводъ, и для тѣхъ двухъ видовъ: Златоверхо-Михайловскаго монастыря и, повидимому, Золотыхъ воротъ, которымъ среди извѣстныхъ намъ рисунковъ аналогій не оказывается. Хотя эти повторенія отдѣльныхъ рисунковъ на выходномъ листѣ переданы, разумѣется, далеко неточно, но мы считаемъ не лишнимъ помѣтить тутъ ихъ воспроизведенія въ натуральную величину (см. рис. 6 и 7), но, къ сожалѣнью, по блѣдности оригинала лишь въ прориси перомъ, т. е. не факсимиле. Фигуры монаховъ подъ аркадами зданія такъ же должны быть заимствованы со сдѣланныхъ въ Кіевѣ рисунковъ съ натуры и потому мы не можемъ согласиться съ Н. И. Петровымъ¹⁾, считающимъ монаховъ этихъ отчасти католическими: въ Кіевѣ въ 1651 г. такихъ видно не было, а точно такъ же изображаетъ Вестерфельдъ православныхъ монаховъ и на другихъ рисункахъ (см. табл. IV, рис. 2; V, 1; VIII, 2; XIII, 2, 3, 4), да и Павелъ Алеппскій (II, стр. 44) отмѣтилъ сходство въ одеждѣ кіевскихъ монаховъ съ католическими.

Выше мы говорили уже (стр. 297) о томъ, что пустое поле на срединѣ фасада, гдѣ помѣщена объяснительная надпись конца XVIII вѣка, на оригинальномъ рисункѣ предназначалось, вѣроятно, для заглавія всей серіи кіевскихъ видовъ и сценъ изъ похода 1651 г., а для какой-либо болѣе короткой надписи (имени рисовальщика, года изданія, и т. п.) назначалась шкура, которую держатъ сидящіе на ступеняхъ два вооруженныхъ человекъ: справа несомнѣнно казакъ, слѣва же казакъ же или татаринъ; шкура, судя по рогамъ, баранья или скорѣе козья, вѣроятно не безъ намѣренія напомнить смотрящему обычное тогда производство слова „козакъ“ отъ „коза“²⁾. Гербъ въ щитѣ, который довольно неизяцно держитъ амуръ надъ среднею аркою зданія, лукъ со стрѣлою, являющийся и на медали Датлера, должно понимать,—какъ мы выясняли выше (стр. 211—212),—какъ тогдашній гербъ кіевского магистрата, хотя это былъ въ дѣйствительности не лукъ, а самострѣлъ³⁾. А потому, если для фантастическаго зданія искать, во чтобы то ни стало, реальнаго прототипа, то таковымъ нужно было бы считать домъ магистрата съ выступающею среднею

¹⁾ „Авторъ альбома, м. б., слышалъ что-то впоследствии (postea) объ употребленіи разваливъ части матеріала разваливъ терема на постройки въ Кіево-Братскомъ монастырѣ и Академіи, понялъ это . . . , что самыя руины терема передѣланы были въ Кіевскую Академію, и ошибочно перенесъ ихъ съ верхняго Кіева на Подоль. На основаніи этихъ слуховъ онъ пририсовалъ, впоследствии, къ первому рисунку ученыхъ монаховъ, не только православныхъ но и католическихъ“ (о. с., стр. 449—450). Это пользованіе развалинами пяти-угольнаго „терема“ для академическихъ зданій также лишь гипотеза, для той же цѣли построенная изъ факта принадлежности Братскому монастырю Воздвиженской и Трехсвятительской церквей на Старомъ Кіевѣ съ ихъ землями и изъ упоминанія Павломъ Алеппскимъ (II, стр. 78) мраморныхъ косяковъ двери въ трапезной Братскаго монастыря. Вотъ къ какимъ искусственнымъ построеніямъ привело Н. И. Петрова желаніе сохранить хоть что-либо изъ показаній завѣдомо недостоверныхъ (см. выше 414—419) подписей подъ Кіевскими рисунками.

²⁾ Примѣры указаны у Котлубая, *Życie*, str. 103 nota.

³⁾ Такое толкованіе вѣроятноже, чѣмъ приходившая мнѣ въ голову возможность предполагать, что гербъ „лукъ“ заимствованъ былъ художникомъ съ какого-либо зданія, построеннаго печерскимъ игуменомъ Никифоромъ Туромъ (1593—1599), имѣвшимъ такой гербъ: помѣщеніе того же герба на подобіи Золотыхъ воротъ на медали 1651 ясно говоритъ о томъ, что это—гербъ города Кіева. „Магистратскій гербъ“, т. е. очевидно не арх. Михаилъ, фигурировалъ еще на транспарантѣ, устроенномъ магистратомъ въ бытность въ Кіевѣ цесаревича Павла (12 октября 1781, см. Закревскій, стр. 98).

частью и башнею съ упомянутой выше стр. 419) фигурой архангела попирающаго дракона¹⁾; но эта ратуша съ надписью 1697 года на башнѣ не восходила, по всей видимости, до половины XVII вѣка. Да и помимо того прототипъ фантастическаго зданія на аркадахъ, которымъ Вестерфельдъ украсилъ заглавный листъ кievскаго альбома должно искать и можно найти, какъ я думаю, совсѣмъ не въ Кіевѣ, а въ тѣхъ фантастическихъ зданіяхъ на аркадахъ, которыя не безъ реальныхъ у нихъ прототиповъ, итальянскіе живописцы XV—XVI вѣковъ такъ часто изображали на своихъ картинахъ. Итальянское искусство дало голландскому художнику идею этой композиціи, Кіевъ—архитектурныя детали и виды въ пролетахъ аркадъ, Украина—типы казаковъ и монаховъ, а кн. Янушъ Радзивиль—своихъ двухъ любимыхъ собакъ (см. выше, стр. 267), являющихся и на этомъ рисункѣ.

Табл. III, рис. 1 и 2. Общій видъ Кіева съ сѣвера и реконструкция кн. Януша Радзивила 24 іюля (3 августа) 1651 года.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе двухъ рисунковъ карандашемъ на ватманской бумагѣ 1837 года, принадлежавшихъ нѣкогда К. Свидзинскому (см. выше, стр. 204 сл.; 410), а нынѣ хранящихся въ библиотекѣ Ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Величина перваго $0,406 \times 0,252$, величина втораго $0,396 \times 0,252$; на второмъ въ лѣвой части у края прожжена круглая дыра, края которой при исполненіи фототипии были, къ сожалѣнію, заретушированы; блѣдность рисунка была причиною неясности фотографіи, почему для нѣкоторыхъ частей, напр. для изображенія Св. Софіи, по которой рисунокъ, цѣльный вѣроятно въ оригиналѣ, раздѣленъ въ этой копіи надвое, приходится указать на старыя литографическія воспроизведенія этого же рисунка (см. выше, стр. 204—205) въ I-мъ томѣ "Памятниковъ" Кіевской Комиссіи для Разбора Древнихъ Актовъ въ изданіяхъ 1845, 1848 и 1898 гг.

Надо думать, что раздѣленіе рисунка на двѣ части сдѣлано было лишь новымъ копировальщикомъ, старая жѣ копія конца XVIII в. была вѣроятно длиннымъ цѣльнымъ рисункомъ размѣромъ въ $0,802 \times 0,252$ м. въ родѣ вида Койданова (см. выше стр. 404, № 322), и потому очевидно на одномъ складномъ листѣ и воспроизводимъ былъ этотъ рисунокъ въ „Памятникахъ“. О событіи, здѣсь изображенномъ, говорено было выше (стр. 280—281), но не оно, конечно, а общій видъ Кіева представляетъ собою особый историческій интересъ, а потому при разсмотрѣніи его особенно настойчиво является вопросъ о достовѣрности рисунка и точности рисовальщика.

Мы видѣли уже, какъ скептически смотрѣли на него прежде (см. выше, стр. 205); новѣйшій историкъ Кіева, Н. И. Петровъ, пришелъ „къ убѣжденію, что этотъ видъ

¹⁾ Закревскій, стр. 440—441; Матеріалы для ист. топогр. Кіева, II, стр. 131; Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 221—222; Кіевская Старина. Ч. LXXXVI, 1904, стр. 225. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что то башневидное зданіе, которое Н. И. Петровъ (о. с., стр. 140, пр. 4, 221; и Тр. К. Д. Ак. 1905, II, стр. 469) на общемъ видѣ Кіевѣ (см. табл. III, рис. 2, слѣва) принимаетъ за ратушу въ 1651 г., никакъ ею быть не можетъ уже по самому положенію своему въ „Бискупщинѣ“, если принимать мое толкованіе этого вида (см. ниже объясненіе къ табл. III), а потому могло бы быть названо скорѣе дворцемъ католическаго епископа. Напрасно Н. И. Петровъ считаетъ рисунокъ, изданный Фундуклеемъ, (см. выше, стр. 205) за особый, да еще „составленный ранѣе 1651 г.“ (Очерки, 140, пр. 2); это—песомѣнно вырѣзка изъ общаго вида Кіева съ сѣвера.

рисованъ съ двухъ разныхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Сѣверная часть . . . съ сѣверо-западной точки зрѣнія, можетъ быть со Цековицы, по направленію на юго-востокъ . . . ; южная часть Подола рисована, наоборотъ, съ юго-восточной точки зрѣнія, по направленію на сѣверо-западъ. Въ центрѣ спайки этихъ двухъ группъ концы перспективныхъ линій обѣихъ точекъ зрѣнія заходятъ одинъ за другой и образуютъ невообразимую путаницу въ видѣ“ (Труды Кіевской Дух. Акад. 1905, № 7, т. II, стр. 467).

Такая гипотеза кажется мнѣ невозможною по сути дѣла: если можно бы еще допустить, что часть общаго вида рисована, напр., съ востока изъ-за Днѣпра, часть съ сѣвера съ дуга, т. к. рисовать весь городъ съ С.-В. мѣшалъ, можетъ быть, бывшій здѣсь нѣкогда заливъ, то исполненіе общаго панорамнаго вида города съ двухъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія просто нелѣно и потому невозможно.

Если видъ нижняго города на рисункѣ 1651 г. представляетъ для полнаго его объясненія столько затрудненій такому специалисту по исторіи Кіева, какъ Н. И. Петровъ, и принуждаетъ его искать выхода изъ нихъ въ явно невозможной гипотезѣ о двухъ точкахъ зрѣнія, то тѣмъ менѣе могу браться за подробный разборъ его я: для этого потребовалось бы, помимо основательныхъ и продолжительныхъ занятій историческою топографіею Кіева, много времени и мѣста для детального обсужденія вопросовъ о каждомъ, выдающемся на рисункѣ, зданіи, а главное необходимо было бы постоянно провѣрять свои заключенія наблюденіями на мѣстѣ. Все это для меня теперь одинаково невозможно, а потому рѣшеніе этой сложной задачи мы въ правѣ ждать только отъ Кіевлянъ. Я же во время кратковременнаго пребыванія тамъ (лѣтомъ 1907 г.) попробовалъ выяснитъ себѣ лишь общій и главнѣйшій вопросъ о вѣрности рисунка Вестерфельда: а именно провѣрить насколько возможно точность изображенія имъ хотя бы кіевскихъ горъ.

Точка зрѣнія художника приблизительно опредѣляется положеніемъ Св. Софіи ¹⁾ надъ тою сѣдловиною, которая связываетъ гору Флоровскаго монастыря (Киселевку) съ Андреевскою горою: по этому направленію, т.-е. на С. С. В., на Оболони и нужно искать мѣсто, откуда Авраамъ фанъ-Вестерфельдъ въ 1651 году, между 26 іюля—5 августа ст. ст. (см. выше, стр. 294), рисовалъ общій видъ Кіева.

Тогдашній нижній городъ былъ значительно менѣе теперешняго; а потому новыя постройки мѣшаютъ найти эту точку. За городомъ у западнаго угла гавани Императора Николая II сложены штабели дровъ, которыя и дали возможность сличить рисунокъ съ теперешнимъ видомъ если не всего Подола, т. к. этому мѣшаютъ дома, то по крайней мѣрѣ верхняго города. При сравненіи съ дровъ, лежавшихъ къ С.-З. отъ указаннаго угла, достаточно точнаго сходства съ натурою не оказалось, но, пройдя вдоль юго-западнаго края бассейна нѣсколько къ Ю.-В., я убѣдился, что отсюда теперешній контуръ горъ совпадаетъ въ существенномъ съ рисункомъ Ве-

¹⁾ На нашей табл. III изображеніе ея вышло очень неяснымъ и блѣднымъ вследствие неудовлетворительности фотографій съ рисунковъ, исполненныхъ блѣднымъ карандашомъ на шершавой ватманской бумагѣ. Просимъ поэтому читателей смотрѣть эту деталь на литографіи 1-го изданія „Памятниковъ“.

стерфельда: Св. Софія видна дѣйствительно надъ сѣдловинной Киселевки; долина между Киселевкою и Скавикою имѣетъ тотъ же примѣрно видъ; даже профиль ската послѣдней доселѣ имѣетъ такой же почти контуръ, какъ на рисункѣ: словомъ—не-сомнѣнно, что горы рисованы съ натуры.

Разумѣется, полного сходства во всѣхъ деталяхъ мы отъ рисунка требовать не можемъ: передъ нами не оригиналъ Вестерфельда, а лишь копія съ копіи; новые дома скрываютъ очертанія горъ; самые скаты послѣднихъ сильно измѣняются отъ обваловъ и оползней. Въ общемъ, однако, контуръ горъ переданъ вѣрно: теперешнему Александровскому спуску точно соотвѣтствуетъ сѣдловина, приходящаяся надъ сухимъ кустомъ (см. табл. III, рис. 1, слѣва); профиль горъ слѣва кончается тою горой, на которой стоитъ военный Никольскій соборъ и лаврской Великой церкви теперь отсюда не видно.

Еще болѣе сильнымъ и частымъ измѣненіямъ, чѣмъ профиль киевскихъ горъ, подвергался, конечно, контуръ береговъ Днѣпра и Почайны: если на рисункѣ 1651 года мы видимъ (табл. III, рис. 1) концы двухъ излучинъ Днѣпровскаго рукава, или скорѣе Почайны, лишь въ лѣвой части обширнаго луга передъ стѣнами города, а на планѣ 1695 г. Почайна оказывается протекающею вдоль этихъ стѣнъ, то такія измѣненія вполне возможны и въ дѣйствительности.

Но если удалось такимъ образомъ найти приблизительное направленіе, по которому смотрѣлъ Вестерфельдъ на Св. Софію, рисуя городъ съ Оболони, и которое можетъ быть обозначено на планѣ Кіева линіей отъ Св. Софіи на сѣверный уголъ гавани Николая II, т. е. почти прямо на сѣверъ, то я не могъ опредѣлить разстояніе, съ котораго рисованъ былъ этотъ видъ. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что рисунокъ—панорамическій, т. е., что при исполненіи его художникъ нѣсколько разъ мѣнялъ направленіе зрѣнія: въ противномъ случаѣ при большомъ протяженіи рисунка художнику пришлось бы рисовать за нѣсколько верстъ, откуда невозможно было бы разсмотрѣть подробности.

Если же при исполненіи рисунка художникъ повертывалъ голову, то, предполагая точное по вертикали соотвѣтствіе зданій на горахъ зданіямъ Подола, можно было бы легко опредѣлить чертежемъ на планѣ точку откуда рисовалъ Вестерфельдъ, но для этого надо сперва точно и увѣренно опредѣлить хотя бы нѣкоторые изъ зданій Подола, а это далеко не легко. Опредѣленія же, предлагаемыя Н. И. Петровымъ (Тр. К. Дух. Ак. 1905. II, стр. 468—470), при указанномъ взглядѣ его на двойную, якобы, точку зрѣнія художника, представляются въ значительной части сомнительными; а кромѣ того видъ Кіева, изданный въ I томѣ „Памятниковъ“, которымъ пользовался Н. И. Петровъ, оказывается нѣсколько урѣзаннымъ при изданіи съ обоихъ концовъ, какъ видно изъ сличенія съ нашею таблицею III, что впрочемъ—несущественно.

Такъ, напримѣръ, Н. И. Петровъ говоритъ, что „на южномъ концѣ Кіево-Подола изображена Рождественская церковь“ (о. с., стр. 470), имѣя въ виду, очевидно, большую церковь, приходящуюся на рисунокѣ подъ горою Царскаго сада: она на таблицѣ „Памятниковъ“, дѣйствительно, является крайнею слѣва; а между тѣмъ на рисунокѣ 1651 г. (см. табл. III, рис. 1, слѣва) оказывается еще одна церковь съ колокольнею,

которая приходится уже внѣ фона кievскихъ горъ и на берегу рѣки: первое возможно только при исполненіи общаго вида съ сѣвера и на небольшомъ отъ города разстояніи, а второе въ связи съ первымъ позволяетъ опредѣлить церковь эту, какъ Св. Николая Набережнаго или Набережскаго, которая сгорѣла 6—7 августа 1651 г. и была вновь выстроена лишь въ 1677 году¹⁾; но большая церковь подъ горою и съ нашей точки зрѣнія можетъ быть признана за Христорождественскую въ виду сходства ея съ церковью на южномъ концѣ Подола на гравюрѣ 1691 г. (см. стр. 441, прим. 2); но мы не можемъ объяснить церкви, стоящей рядомъ съ нею влѣво, т.-е. еще южнѣе, на той же гравюрѣ. Церковь же съ двускатною крышею объ одной главѣ, которая оказывается слѣва отъ Христорождественской церкви на рисункѣ 1651 г., должна быть съ нашей точки зрѣнія Борисоглѣбскою.

Мнѣ кажется, что и изображеніе деревянной ограды Подола соответствуетъ предполагаемой точкѣ зрѣнія рисовальщика почти прямо на сѣверъ отъ тогдашней стѣны, шедшей почти прямо съ З. на В., т.-е. приблизительно отъ подгорнаго конца теперешней Юрковицкой улицы къ нижнему концу Щековицкой (см. планы 1691 и 1745 гг.); особенно важенъ былъ бы, конечно, первый изъ нихъ, если бы онъ не былъ снятъ на-глазъ; правда, рисунокъ стѣны на немъ совсѣмъ иной, чѣмъ на рисункѣ 1651 г., но это объясняется позднѣйшими возобновленіями городскихъ стѣнъ: со стороны рѣки въ 1651 г. укрѣпленія были гораздо слабѣе и не удивительно, если на рисункѣ этого года ихъ тутъ мѣстами и вовсе не видно. Еще въ 1682 г. описъ города упоминаетъ только трое воротъ: Кожемяцкія (къ долинѣ между Киселевкой и Скавикой), Иорданскія, которымъ соответствуетъ крайняя слѣва башня между деревьями на рисункѣ 1651 года, и Воскресенскія, стоявшія и въ 1691 году на томъ же, повидимому, мѣстѣ въ восточномъ краю сѣверной стѣны, гдѣ изображены они и на рисункѣ 1651 года.

Такимъ образомъ мы имѣемъ на разсматриваемомъ рисункѣ все протяженіе сѣверной главной стѣны Подола, восточный уголъ которой у рѣки на рисункѣ ничѣмъ однако не обозначается.

Странный перерывъ въ стѣнѣ этой (табл. III, рис. 2, у самаго лѣваго края рисунка) въ видѣ какъ бы улицы, идущей между двумя частоколами къ какой-то башнѣ (а не церкви или колокольнѣ, судя по отсутствію на ней креста) внутри города, можетъ, мнѣ кажется, быть границею между „бискупщиною“, т.-е. землями, переданными въ 1602 г. во владѣніе и управленіе римско-католическаго епископа, и прочимъ, управлявшимся магистратомъ, городомъ: этою границею являлась канава, гдѣ протекали слившіеся ручьи Глубочицы и Кіянки; теперь она идетъ между т.-н. Низшимъ и Высшимъ валами; на планѣ 1745 г. она имѣетъ то же примѣрно направленіе лишь въ нижней своей части, но въ верхней—иное, на С. С. В., т.-е. такое, что естественное прямое продолженіе его пересѣкло бы стѣну примѣрно тамъ, гдѣ на рисункѣ 1651 г. и является этотъ непонятный перерывъ ограды²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 288, 292, 293; Закревскій, стр. 576 сл.; Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 197 сл.

²⁾ Бопланъ (Мат. по ист. топогр. Кіева. II, стр. 45): „городъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна называется епископскимъ городомъ“; Закревскій, стр. 44, 270, 271, 380, 383, 388, 433, 449;

Если мои соображенія правильны, то опредѣленіе отдѣльныхъ выдающихся на рисункѣ Вестерфельда зданій могло бы быть произведено графически по хорошему плану Кіева, каковымъ я, къ сожалѣнію, не обладаю, путемъ проведенія вертикалей на рисункѣ между несомнѣнными зданіями на горѣ и подъ горою и построеніемъ соотвѣтственныхъ „створовъ“ на планѣ; хотя само собою разумѣется, что никакой рисунокъ на-глазъ не можетъ быть исполненъ съ вполне удовлетворительною для такого пользованія имъ точностью; тѣмъ менѣе годится для этого копія съ копіи, какую мы теперь издаемъ. И на своемъ оригинальномъ наброскѣ Вестерфельдъ зарисовывалъ въ нижнемъ городѣ, конечно, лишь наиболѣе выдававшіяся своею высотой или положеніемъ зданія и церкви, поднимавшіяся надъ деревянными домами; но и относительно церкви нельзя быть вполне увѣреннымъ, что тутъ нѣтъ пропусковъ или даже прибавокъ; крыши же домовъ рисованы, вѣроятно, уже просто произвольно при отдѣлкѣ рисунка: ни число, ни порядокъ, ни положеніе ихъ не могутъ считаться достовѣрными.

Относительно точности въ передачѣ отдѣльныхъ церквей мы имѣемъ для нѣкоторыхъ (въ верхнемъ городѣ) критерій въ изображеніяхъ ихъ же на другихъ рисункахъ Вестерфельда: сходство оказывается достаточнымъ, чтобы узнать ихъ, но въ деталяхъ разница иногда значительная; особенно часто абсиды церквей принимаютъ на рисункѣ (или по крайней мѣрѣ на копіяхъ) видъ какихъ-то самостоятельныхъ башенъ; но при всемъ этомъ рисунокъ, несомнѣнно, заслуживаетъ новой попытки со стороны Кіевлянъ объяснить подробности вида Подола.

Конечно, лучше было бы сдѣлать попытку эту по отысканіи если не оригинальнаго рисунка Вестерфельда, то хотя подлинной копіи его конца XVIII вѣка; но и теперь она не представляется мнѣ безнадежною.

Отдѣльные наиболѣе характерныя зданія могутъ быть опредѣлены, повидимому, и теперь: такъ я вполне согласенъ съ Н. И. Петровымъ въ опредѣленіи двухъ особенно ясно выдающихся на рисункѣ костеловъ: доминиканскаго Св. Троицы около Житнаго рынка, который на рисункѣ приходится подъ серединою Замковой горы (см. табл. III, рис. 2), и каѳедральнаго Св. Іакинѳа (?), стоявшаго подъ Замковой (Киселевской) горою и приходящагося подъ Св. Софіей (см. табл. III, рис. 1, справа)¹⁾; но относительно не менѣе характернаго, каменнаго очевидно, квадратнаго пятиглаваго собора, приходящагося на рисункѣ подъ Десятинною церковью и считаемаго Н. И. Петровымъ за церковь Николая Добраго (Тр. К. Дух. Ак. 1905. II, стр. 370), я думаю, что это пятиглавый Успенскій каѳедральный соборъ²⁾, который при предполагаемой мною точкѣ зрѣнія Вестерфельда долженъ занимать это именно мѣсто.

Матер. по ист. тои. Кіева. II, стр. 115; Петровъ. Очерки, стр. 47 сл.; Голубевъ. Петръ Могила. I, прил. стр. 171—177; А. Стороженко (Eganos. Сборникъ Статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1906, стр. 249). О ручьѣ на планѣ 1706 г. см. Чт. въ Общ. Лѣт. Нестора. I. 1879, стр. 269.

¹⁾ См. статью А. Стороженка: О существовавшихъ въ Кіевѣ римско-католическихъ храмахъ (Eganos. стр. 242—253); авторъ недостаточно использовалъ данныя о пожарѣ 1651 г.: см. выше, стр. 288, 292, 293, 294, гдѣ также пропущено Сборн. Матер. II, стр. 98 (Целларій) и Сборн. Лѣтоп. К. 1888, стр. 100.

²⁾ Онъ также сгорѣлъ въ 1651 г.—см. выше, стр. 288, 292 сл.; о немъ см. Закревскаго, стр. 853—859; Сборникъ Лѣтописей (и т. д.). Кіевъ. 1888, стр. 81—84; Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 181—186; такой же примѣрно видъ имѣетъ онъ и на планѣ 1695 года.

Я ограничиваюсь этими, наиболее несомнѣнными по-моему, примѣрами, т. е. пересматривать всѣ опредѣленія, даваемые Н. И. Петровымъ, значило бы принять на себя непосильную, по указаннымъ выше причинамъ, задачу: полное истолкованіе древнѣйшаго реального, а не условнаго, какъ гравюры 1638 года, вида Кіева—дѣло Кіевлянъ.

Яснѣе, чѣмъ изображеніе нижняго города, церкви и зданія на кіевскихъ горахъ: уже одно незначительное число ихъ позволяетъ предполагать у художника и большую точность въ ихъ передачѣ.

Наиболѣе интереснымъ и труднымъ является вопросъ о развалинахъ съ аркою вродѣ воротъ, которыя стоятъ на заднемъ планѣ надъ сѣвернымъ скатомъ Киселевской горы въ глубинѣ Кожемякъ. Н. И. Петровъ считаетъ ихъ развалинами церкви, открытыми въ 1878 г.¹⁾; но, во-первыхъ, положеніе этихъ развалинъ надъ изгибомъ Илларионовскаго спуска не соответствуетъ развалинамъ на рисункѣ, которыя помѣщены гораздо лѣвѣе (южнѣе) и приходятся, смотря съ указаннаго выше мѣста, около теперешней церкви Всѣхъ Скорбящихъ; во-вторыхъ, на издаваемой нынѣ копіи ясно видно, что эти воротообразныя развалины находятся въ серединѣ вала, по которому ходятъ солдаты, какъ и на иныхъ изображеніяхъ старо-кіевскихъ валовъ (см. табл. IV, рис. 2; V, рис. 2, и Рис. 7). Я полагаю поэтому, что развалины должно объяснять воротами. Проще всего было бы видѣть въ нихъ развалины Жидовскихъ (позднѣе Львовскихъ) воротъ, какъ разъ соответствующихъ мѣстоположенію развалинъ на рисункѣ, но мнѣ неизвѣстно положительныхъ данныхъ, которыя указывали бы на существованіе въ половинѣ XVII в. значительныхъ ихъ развалинъ²⁾; хотя Львовскія ворота и стояли на углу валовъ Стараго Кіева и, слѣдовательно, продолженіе вала вправо (къ сѣверу) отъ нихъ и является невѣроятнымъ и несогласнымъ съ планами Стараго Кіева у Закревскаго, но Н. И. Петровъ (Очерки, стр. 7, 9) приводитъ достаточно данныхъ о существованіи древняго вала, шедшаго отъ Львовскихъ воротъ въ этомъ именно направленіи и называвшагося именно тѣмъ „Пробитымъ валомъ“, упоминанія о которомъ мы встрѣчали выше въ рассказѣ о походѣ 1651 года³⁾; поэтому невольно обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что правый конецъ этого вала на рисункѣ изображенъ какъ бы изрытымъ: вѣроятно далѣе и былъ тотъ перерывъ въ немъ, который далъ ему имя „Пробитаго“.

Возможно впрочемъ и другое объясненіе, а именно, что развалины представляютъ Золотыя ворота и помѣщены сюда рисовальщикомъ искусственно, дабы не оставлять общій видъ города безъ такой, столь знаменитой (см. выше, стр. 283, 284, 319, 7 и ниже, стр. 438, пр. 2) его достопримѣчательности.

Лѣвѣе всю гору, носившую позднѣе имя Киселевки и принадлежащую теперь

¹⁾ Труды Кіевской Духовной Акад. 1905. II, стр. 459; о развалинахъ церкви, якобы, Св. Симеона см. статью П. А. Лашкарева въ Труд. Кіевской Дух. Акад. 1879, январь, I, стр. 96—121, и въ книгѣ его: Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ. 1898, стр. 160—187.

²⁾ См. Закревскій, стр. 436—437; Матер. по ист. топогр. III, стр. 17, 21, 89, 99, 123; Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 17, 20, 21.

³⁾ См. выше стр. 281—282; къ указаннымъ тамъ свидѣтельствамъ надо прибавить еще стр. 99, III-го отдѣла Сборника матер. для истор. топогр. Кіева, пропущенную въ алфавитномъ указателѣ.

Фроловскому монастырю, занимает литовский замок с домами, церквями и большими, воеводскими впрочем, палатами внутри деревянной ограды тыном; в одном месте ограда эта имеет перерыв, но без ворот. Известное описание киевского замка 1545 года (Сборн. материал. III, стр. 26—32) к объяснению этого рисунка может быть применимо лишь отчасти, т. к. замок в 1608 г. погорел. Упомянутый перерыв в оградѣ может на мой взгляд обозначать место рухнувшей башни, возстановлять которую на столь неприступном месте большой нужды не было; для упоминаемой „фортки ку месту“ перерыв слишком широк и от него вниз не показано никакой дороги. Объяснение, даваемое зданіямъ замка Н. И. Петровымъ (Тр. К. Д. Ак. 1905. II, стр. 458), вновь издаваемая копія измѣняетъ въ слѣдующемъ: два шпица по сторонамъ большаго зданія—не церкви, а башни, судя по шарамъ, а не крестамъ, на вершинахъ ихъ; большой шестиконечный крестъ виденъ лишь на высокомъ шпицѣ посреди замка.

Большая группа шпицевъ и главъ лѣвѣе замка, по которой копія Свидзинскаго раздѣлена надвое, и которая, къ сожалѣнію, плохо вышла на нашей таблицѣ, представляетъ несомнѣнно Св. Софію и зданія митрополіи около нея; сравненіе ихъ съ особымъ видомъ Св. Софіи (табл. V, рис. 1) показываетъ только, насколько вольно передавалъ Вестерфельдъ детали отдѣльныхъ зданій на этомъ общемъ видѣ города; можно было бы думать, что здѣсь Св. Софія срисована прямо съ того спеціального рисунка ея, а не съ натуры, но здѣсь не видно абсидъ, что и правильно, т. к. и по нашему предположенію о точкѣ зрѣнія рисовальщика и по аналогіи изображенія имъ Михайловскаго монастыря, онъ долженъ былъ нарисовать здѣсь Св. Софію съ сѣвера или С. В., но не прямо съ запада. Рядомъ съ Софіею слѣва виденъ тотъ же большой деревянный крестъ, который является уже на гравюрѣ 1628 г. и (въ крупномъ размѣрѣ) на другомъ рисункѣ 1651 года (табл. V, рис. 1).

Еще лѣвѣе — домъ (или церковка: на крышѣ повидимому кресты), который я объяснить не умѣю: онъ не можетъ быть церковью Св. Георгія (см. табл. IV, рис. 1), т. к. та закрывалась бы съ этой точки зрѣнія Св. Софіею, какъ и Золотыя ворота.

Не вполне ясны и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ далѣе влѣво (къ югу) зданій на Киевской горѣ.

Начну съ несомнѣннаго. Большая каменная церковь съ однимъ куполомъ, тремя абсидами и небольшою главкою на западномъ фасадѣ, которая приходится нѣсколько лѣвѣе городскихъ Воскресенскихъ воротъ Подола, представляетъ, въ всякаго сомнѣнія, Златоверхо-Михайловскій соборъ; башня справа — колокольная, не теперешняя каменная (ок. 1719 г.), а тогдашняя деревянная (ср. выше, Рис. 6), надъ входомъ въ его ограду, но группа зданій,—два дома на первомъ планѣ и башня съ конической кровлей на второмъ,—находящаяся слѣва отъ собора, для меня непонятна и даже сомнительна, т. к. на другомъ изображеніи Михайловскаго монастыря (см. табл. V, рис. 2, справа) никакихъ зданій тутъ не видно, а лишь одно сухое дерево. Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. Ак. 1905, II, стр. 443) объясняетъ эти зданія, какъ трапезную церковь Михайловскаго монастыря, но безъ доказательствъ существованія ея въ 1651 году. Съ другой стороны показаніе митр. Евгенія о построеніи Юною Бо-

рецимъ церкви Св. Іоанна Богослова въ сосѣдномъ женскомъ монастырѣ подтвержденій себѣ не нашло и потому новыми изслѣдователями не принимается¹⁾, а кромѣ того монастырь этотъ находился къ сѣверу отъ собора, а не къ югу, какъ разсматриваемая группа зданій.

Сѣвернѣе (т.-е. на рисункѣ правѣе) Михайловскаго монастыря видна церковь въ видѣ двухъ смежныхъ четырехугольныхъ, безъ абсидъ, помѣщений, крытыхъ каждое особою двускатною крышей съ одною главою на каждомъ: положеніе, занимаемое церковью на рисункѣ, соотвѣтствуетъ Трехсвятительской (нынѣ Васильевской) церкви, но видъ на нее совершенно не походить. Последнее обстоятельство, въ виду возобновленія погорѣлой церкви въ концѣ XVII вѣка, не имѣло бы особаго значенія, если бы у теперешней церкви всѣ три абсиды не оказывались древними (Лашкаревъ. Очерки, стр. 130—133), на рисункѣ же абсидъ не видно вовсе. Объясненіе, даваемое Н. И. Петровымъ, для меня не совсѣмъ ясно²⁾.

Слѣдующій (вправо) выступъ надъ деревьями также допускаетъ разныя толкованія: это или двѣ крыши какихъ-либо домовъ (или сараевъ), или же развалины стѣнъ какой-либо изъ многочисленныхъ древнихъ церквей Старога Кіева: если на подлинномъ рисункѣ или хотя бы на копіи XVIII в. окажется второе, то развалины эти можно было бы отождествлять съ остатками церкви Св. Θεодора, изображенными на гравюрѣ 1638 года³⁾ и, м. б., еще на одномъ рисункѣ 1651 г. (см. табл. IV, рис. 1).

Стоящую далѣе къ С. на самомъ высокомъ мѣстѣ горы церковь Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. А. 1905. II, стр. 444) опредѣлилъ какъ Воздвиженско-Симеоновскую: по положенію она дѣйствительно соотвѣтствуетъ теперешнему Андреевскому собору, который и явился на смѣну Воздвиженской церкви.

Слѣдующее зданіе Н. И. Петровъ (ibid.) опредѣляетъ, какъ „тѣ самыя каменныя ворота въ началѣ Андреевскаго спуска на Подоль, которыя изображены на планѣ Кальнофѣйскаго 1638 года, но не съ куполомъ, а со шпилемъ на крышѣ“.

Сходство и по положенію,—въ началѣ спуска, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ московской крѣпости стояли т.-н. „Кіевскія“ ворота,—и по виду, дѣйствительно, достаточно убѣдительно, чтобы признать это объясненіе вѣрнымъ. Правда, для воротъ зданіе это нѣсколько высоко, а положеніе его совпадаетъ съ Десятинною церковью,

¹⁾ (Митроп. Евгений). Описаніе Кіево-Софійскаго собора. 1825, стр. 161, пр. 97; Закревскій, стр. 517, 535; Петровъ. Очерки, стр. 159 сл.; Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Кіевъ, 1889, стр. 49—50.

²⁾ Труды Кіевской Дух. Академіи. 1905, II, стр. 444: „Немного сѣвернѣе Михайловскаго монастыря здѣсь стоятъ, одна противъ другой, двѣ церкви, изъ коихъ стоящая къ востоку есть несомнѣнно нынѣшняя Трехсвятительская, а другая на западъ Екатерининская, обозначенная этимъ именемъ на подлинномъ планѣ Кіева 1695 года“. Я не понимаю: раздѣляетъ ли Н. И. Петровъ двойное зданіе на двѣ отдѣльныя церкви, или же одну изъ церквей онъ видитъ въ башнѣ, которую я считаю Михайловской колокольнею? Что касается Екатерининской церкви, то мнѣ неизвѣстно ея положеніе; нѣкоторые отождествляютъ ее съ Ирвинской церковью, а послѣдняя никакъ не могла бы быть видима на разсматриваемомъ рисункѣ.

О Трехсвятительской церкви и ея реставраціи Могилою см. С. Голубева, Митроп. Петръ Могила. II, 1898, стр. 435—445.

³⁾ Опредѣленіе мѣста этой церкви,—къ С.-В. отъ Десятинной церкви,—Н. И. Петровымъ въ его „Очеркахъ“, стр. 123, какъ основанное на переворачиваніи части гравюры 1638 справа направо (см. выше, стр. 341 сл., пр. 3), теперь не будетъ, вѣроятно, защищено и имъ самимъ.

если смотрѣть съ указаннаго выше пункта у гавани; будь это ворота, художникъ показалъ бы, вѣроятно, и проѣздъ ихъ, хотя бы даже въ натурѣ его и не было видно, какъ то сдѣлалъ онъ съ воротами Львовскими (см. выше). Мнѣ кажется поэтому не исключенной возможность и того, что зданіе это можетъ оказаться и начатою Могилою реставраціей Десятинной церкви.

Какой видъ имѣла тогда эта церковь, намъ неизвѣстно, если только извѣстный и много разъ изданный старинный рисунокъ ея¹⁾ не окажется принадлежащимъ къ числу рисунковъ 1651 года; перестраивалась церковь неоднократно; а потому даже древнѣйшіе виды ея на гравюрѣ 1691 г. (см. стр. 341, пр. 2) и на планѣ 1695 г. (ibid.) не могутъ подтвердить, дѣйствительно ли большая о трехъ верхахъ, стоящая направо отъ предполагаемаго изображенія Кіевскихъ воротъ, церковь изображаетъ Десятинную въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1651 г., какъ то полагаетъ Н. И. Петровъ (Тр. Ак. К. Д. 1905. II, стр. 444). По положенію Десятинною церковью слѣдовало бы считать „ворота“, но самая форма и ориентировка послѣднихъ мало походить на церковь. Вѣроятно же поэтому для этой части рисунка принять объясненія Н. И. Петрова.

Остается каменная церковь на самомъ краю кіевскихъ горъ слѣва; она соотвѣтствуетъ при сравненіи рисунка съ теперешнимъ видомъ горъ съ Подола военному Никольскому собору, который, однако, заложенъ Мазепою лишь въ 1690 году, почему онъ и является уже на гравюрѣ 1691 года и на планѣ 1695 г. На обоихъ изображенъ и тотъ Никольскій столпъ („слупъ“), который видѣлъ уже Павелъ Алеппскій (IV, стр. 187) надъ Пустынскимъ монастыремъ и которымъ можно было бы объяснять башню-колокольню разсматриваемой церкви, если бы онъ не отсутствовалъ и на табл. V, рис. 2. Никакой большой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1651 г. не было: деревянная церковь Никольскаго Пустынскаго (Слупскаго) монастыря находилась на полугорѣ (ср. табл. V, рис. 2; XII, рис. 1) и была, вѣроятно, не видна. Для Спаса на Берестовѣ эта церковь слишкомъ велика, а потому ее остается объяснять какъ изображеніе „Великой“ церкви лавры, помѣщенное сюда художникомъ, м. б., и вопреки тому, что видѣлъ онъ въ натурѣ съ того мѣста, откуда рисовалъ: видъ Кіева безъ Лавры былъ бы столь же не полнымъ, какъ и безъ Золотыхъ воротъ, и если ихъ не было видно съ избранной точки въ дѣйствительности, то онъ долженъ былъ прибавить ихъ на рисунокъ. Впрочемъ возможно, что прежде, до постройки Никольскаго собора, здѣсь же видна была и Великая церковь лавры, т. к. по плану она приходится по той же линіи, если смотрѣть съ предполагаемой мною точки зрѣнія Вестерфельда.

Ему пришлось рисовать Кіевъ съ Оболони, при чемъ городъ и горы оказывались видимыми въ сильномъ ракурсѣ, что и затрудняетъ такъ пониманіе и опре-

¹⁾ Фундуклей, „Обозрѣніе Кіева“, табл. 6; Закревскій, листъ 6; очень часто воспроизводится.

Противъ принадлежности рисунка этого къ издаваемой серіи говорить, на мой взглядъ, ажурная деревянная рѣшетка слишкомъ современнаго типа, видимая слѣва (а на нѣкоторыхъ перевернутыхъ воспроизведеніяхъ справа) отъ церкви, а также сходство съ рис. въ атласѣ Бороздина 1810 г.

О рисункахъ Десятинной церкви см. С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могіла и его сподвижники. II. Кіевъ. 1898, стр. 429, пр. 41; о реставраціи ея—ibidem, стр. 425—435; 438 сл.

дѣленіе церквей на Подолѣ. Совсѣмъ иное дѣло было бы, если бы онъ рисовалъ Подоль съ востока: городъ вытягивался бы во всю длину его и церкви шли бы съ юга на сѣверъ; теперь же объяснять ихъ по этому порядку,—какъ то дѣлаетъ Н. И. Петровъ,—никоимъ образомъ нельзя, и это-то, помимо возможныхъ и даже вѣроятныхъ неточностей рисунка и копій, и дѣлаетъ полное объясненіе этого рисунка 1651 г., для меня по крайней мѣрѣ, невозможнымъ.

Иная, болѣе удачная, точка зрѣнія для общаго вида Кіева была выбрана на восточномъ берегу Днѣпра какимъ то кіевскимъ художникомъ, рисовавшимъ оригиналь гравюры 1691 г. Иннокентія Щирскаго (см. выше, стр. 341, пр. 2), гдѣ кіевскія горы, церкви на нихъ и южный конецъ Подола изображены съ В. В. С.; этотъ рисунокъ Кіева черезъ сорокъ лѣтъ послѣ „прихода Радивилова“ весьма интересенъ при сравненіи его съ Вестерфельдовскимъ, но мнѣ не попадалось ссылокъ на него въ трудахъ по исторической топографіи Кіева.

Табл. IV, рис. 1. Золотыя ворота съ З. и общій видъ на Св. Софію съ Ю.-З.

Уменьшенное вдвое изображеніе рисунка № 321 Академіи Художествъ съ невѣрной подписью (см. выше, стр. 403 и 418—419).

Сравненіе этого рисунка съ другимъ, изданнымъ на той же таблицѣ, неоставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оба рисунка изображаютъ съ различныхъ точекъ зрѣнія однѣ и тѣ же развалины¹⁾, а сравненіе этихъ развалинъ съ планами и чертежами Золотыхъ воротъ, открытыхъ въ 1832 г., убѣждаетъ, что мы имѣемъ предъ собою, дѣйствительно, рисунокъ Золотыхъ воротъ, которыми вѣзжалъ въ Кіевъ 25 іюля (4 авг.) 1651 кн. Янушъ Радзивиль (см. выше, стр. 283).

Разсматриваемый теперь рисунокъ скомпанованъ Вестерфельдомъ искусственно: правая часть его даетъ болѣе или менѣе точное изображеніе развалинъ Золотыхъ воротъ съ запада, а лѣвая видъ Св. Софіи, митрополіи при ней и части Стараго города съ Ю.-З., судя по положенію Св. Софіи. Помимо двойнаго направленія зрѣнія художника, такая комбинація невозможна въ дѣйствительности была и потому, что къ Золотымъ воротамъ съ обѣихъ сторонъ примыкалъ тогда, вплотную конечно, Ярославовъ валъ, какъ то видно на другихъ рисункахъ Вестерфельда же (табл. IV, рис. 2; V, 1 и 2; а, м. 6., и III, 2. Рис. 7, стр. 424): ясно, что на этомъ рисункѣ художникъ снесъ часть вала слѣва отъ воротъ, чтобы показать то, что за нимъ находится и что онъ рисовалъ, очевидно сидя на вершинѣ уничтоженной имъ части вала, т.-е. судя по плану Закревскаго (листъ V-ый) на томъ легкомъ изгибѣ его, который образовывался валомъ нѣсколько сѣвернѣе Золотыхъ воротъ; ворота рисованы съ близкаго разстоянія отъ нихъ съ запада; поднявшись съ этого же мѣста прямо на валъ, художникъ видѣлъ Софію именно въ такомъ же поворотѣ, съ юго-западнаго угла, какъ изображена она на лѣвой части рисунка.

Изображеніе Св. Софіи не можетъ быть признано достаточно точнымъ: если находившіеся къ востоку отъ нея крестъ на полѣ и деревянная колокольная этого

¹⁾ Н. И. Петровъ (Тр. К. Дух. Ак. 1905. II, стр. 433) неточно выразился, что изъ вновь найденныхъ рисунковъ „однѣ только видъ Золотыхъ воротъ тождественъ съ изданнымъ впервые у Булгарина“: оба рисунка изображаютъ Золотыя ворота, но далеко не тождественны.

рисунка и соответствують другому виду Св. Софїи съ В. (табл. V, рис. 1), то рисунокъ западной части собора страдаетъ явною несоразмѣрностью частей: здѣсь южный и западный фасады собора загорожены какими-то большими одно- (или дву-) скатными крышами, сходящимися подъ прямымъ угломъ, который занять круглою башнею; другая большая башня поднимается не на противолежащемъ сѣверо-западномъ углу зданія, а нѣсколько отступя отъ него къ югу. Такое характерное расположеніе ихъ и разная величина ясно указываютъ, что это — извѣстныя башни съ лѣстницами, ведущими на хоры Св. Софїи; ошибка Вестерфельда была лишь въ преувеличенныхъ размѣрахъ, которые онъ далъ внѣшнему притвору предъ центральнымъ зданіемъ. Эта подробность интересна, какъ фактическое свидѣтельство того, что западная часть Св. Софїи въ 1651 г. вовсе не представляла собою (по крайней мѣрѣ снаружи) развалинъ, какъ писалъ въ 1653 г. Павелъ Алеппскій (II, стр. 68).

Рис. 8. Видъ Св. Софїи съ Юго-Запада (деталь къ табл. IV, рис. 1).

Правѣ креста съ распятіемъ на горизонтѣ надъ деревьями видны какія-то развалины (ср. выше, стр. 433), далѣе на горизонтѣ же справа отъ церкви, стоящей между Св. Софїей и Золотыми воротами, видны сперва башня, вѣроятно колокольня Михайловскаго монастыря¹⁾, а затѣмъ правѣ и самый Златоверхій соборъ.

Упомянутая церковь на пустырь Стараго Города по мѣсту положенія ея можетъ быть только Георгіевской церковью, т. к. Ирининская церковь, за которую принимаетъ ее Н. И. Петровъ (Тр. К. Дух. Акад. 1905, II, стр. 341—342), должна была бы приходиться правѣ, а не лѣвѣ Михайловскаго монастыря и стоять подъ самымъ валомъ, идущимъ отъ Золотыхъ воротъ къ Лядскимъ, котораго на рисункѣ нѣтъ вовсе, а кромѣ того о возстановленіи Ирининской церкви Могилою или его преемниками такъ же нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ и о церкви Георгіевской. Последняя же воздвигнута была лишь въ 1673 г., на развалинахъ якобы „отъ Батяя царя“ „и отъ того времени на томъ мѣстѣ церкви Божіей не было“, — писалъ въ Москву кн. Юр. П. Трубецкой (Сибирскій Сборникъ. 1845, малоросс. дѣла, стр. 142); издаваемый рисунокъ заставляеть усомниться въ вѣрности исторической справки московскаго воеводы: двадцати лѣтъ вполне достаточно для безслѣднаго исчезновенія деревянной церкви,

¹⁾ Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. Ак. 1905. II, стр. 442) называетъ „какую-то круглую башню, вѣроятно, при Десятинной церкви“; но, во-первыхъ, Десятинная церковь здѣсь никомъ образомъ прійтись не можетъ, а во-вторыхъ, самое существованіе при ней какой-либо круглой башни ничѣмъ не подтверждается, кромѣ излишняго довѣрія къ подписи конца XVIII в. подъ рисункомъ М 313 (табл. IX, рис. 1), о чемъ см. выше, стр. 403 и 418.

каменные древнія основанія, подъ которой сохранялись до перестройки ей въ XVIII вѣкѣ ¹⁾.

Рисунки развалинъ Золотыхъ воротъ особенно интересны для насъ потому, что даютъ возможность провѣрить по сохранившимся остаткамъ ихъ ²⁾ точность рисунковъ Вестерфельда, особенно же рассматриваемый рисунокъ, т. к. на немъ видимъ мы внутреннюю сторону южной, бѣльшей половины ихъ. Двухъ арокъ теперь уже нѣтъ, но онѣ были еще въ то время (1750), когда рѣшено было засыпать ворота для ихъ сохраненія. При сравненіи рисунка съ чертежами, а особенно при попыткѣ вычертить тогдашній планъ воротъ по копіямъ рисунковъ Вестерфельда убѣждаешься въ невозможности осуществить послѣднее: столь нереальными оказываются нѣкоторыя детали рисунка, но другія напротивъ того вполне совпадаютъ съ дѣйствительностью, такова напр., арка, видимая въ видѣ двери на правой стѣнѣ воротъ въ срединѣ ихъ, которая вполне соответствуетъ круглой нишѣ А на планѣ Самойлова; по рисункамъ 1651 г. трудно рѣшить вопросъ, были ли уже и тогда стѣны бутовой позднѣйшей кладки внутри Золотыхъ воротъ или нѣтъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ не оказывается, но въ другихъ являются странныя, повидимому позднѣйшія, пилястры. Замѣчается не малая разница и въ изображеніи однихъ и тѣхъ же частей развалинъ на обоихъ рисункахъ. Какъ бы то ни было, но и при сравненіи рисунковъ съ чертежами, и, особенно, при сравненіи ихъ съ натурою становится несомнѣннымъ, что Вестерфельдъ рисовалъ Золотыя ворота по крайней мѣрѣ дважды (но см. выше, стр. 425 и Рис. 7) и съ меньшей точностью, чѣмъ другіе рисунки; нѣкоторыя изъ несообразностей могли возникнуть и при копированіи его оригинальныхъ рисунковъ въ концѣ XVIII подобно тому, какъ то наблюдали мы (стр. 199—204) въ новѣйшихъ копіяхъ второго рисунка тѣхъ же Золотыхъ воротъ.

Табл. IV, рис. 2. Видъ Золотыхъ воротъ съ Ю. и взгздъ въ нихъ кн. Януша Радзивила 25 іюля (4 августа) 1651 года.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка бібліотеки Ординаціи гр. Красинскихъ въ Варшавѣ (см. стр. 409).

О первомъ изданіи этого рисунка съ опущеніемъ всѣхъ фигуръ и о многочисленныхъ копіяхъ такого воспроизведенія его говорено выше (стр. 198—205), равно какъ изложена и исторія изображаемаго здѣсь событія (стр. 283—285). Если ворота и на этомъ рисункѣ нарисованы Вестерфельдомъ несомнѣнно съ натуры, то въ изображеніи торжественной встрѣчи кн. Януша кіевскимъ духовенствомъ, конечно, не мало преувеличеній: въ числѣ и блескѣ войскъ, въ привѣтствующей побѣдителя группѣ и т. п., ясно выражаются обычныя преувеличенія батальныхъ и триумфальныхъ картинъ; мы указывали даже выше (стр. 284) на молчаніе „Комментарія“ о

¹⁾ Сборникъ Матеріаловъ для истор. топогр. Кіева. ч. II, стр. 148: „церковь . . . иже въ Кіевѣ у Златыхъ вратахъ или предъ враты Св. Софія . . . съ колокольнею и споднимъ каменнымъ погребомъ и съ оградою вокругъ деревянною“.

²⁾ Обширная литература о Золотыхъ воротахъ указывается Закревскимъ (стр. 324—327) и Н. И. Петровымъ (Очерки, стр. 146—148): я пользовался чертежами при книгахъ Н. Самойлова, Закревскаго (листъ 6-ой) и статьѣ В. А. Толстаго (Труды III Археол. Съѣзда въ Кіевѣ II, прил. стр. 323—325, Атласъ, табл. I).

какой бы то ни было встрѣчѣ кн. Януша у Золотыхъ воротъ и высказывали по-этому сомнѣніе въ самомъ бытіи таковой; указывали мы тамъ также и на то, какъ входъ въ Кіевъ чрезъ Золотыя ворота сравнялъ кн. Януша съ двумя королями: Болеславомъ Храбрымъ и Смѣлымъ (стр. 283, 284, 296, 323); повятно поэтому, почему подобіе Золотыхъ воротъ оказалось и на медали Датлера (см. стр. 209, 317, пр. 1, 319, табл. II, рис. 1) и почему одна изъ висѣвшихъ нѣкогда въ Несвижѣ картинъ копировала, надо думать, именно этотъ рисунокъ (стр. 319, но ср. 389).

Это то историческое, такъ сказать, значеніе Кіевскихъ Золотыхъ воротъ и этимъ подобныхъ Цареградскимъ ¹⁾, и заслуживало бы по моему мнѣнію особаго подробнаго экскурса о тѣхъ историческихъ, легендарныхъ и поэтическихъ разсказахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ, какъ на страницахъ исторіи, такъ и въ устахъ народа, которые связаны съ Золотыми воротами Кіева. Къ сожалѣнію у меня нѣтъ теперь для такого очерка времени и мѣста, и я ограничусь лишь ссылкой на нѣкоторыя извѣстные мнѣ труды и данныя о Золотыхъ воротахъ въ книжныхъ и народныхъ сказаніяхъ ²⁾.

¹⁾ О послѣднихъ см. Д. Θ. Бѣляева. *Byzantina*. Кн. III С. П. Б. 1906 (= Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества, т. IV), стр. 16—31, 66—71.

²⁾ Исторія польскихъ походовъ на Кіевъ (см. Н. Линиченко. Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV в. I. Кіевъ. 1884, стр. 88, 89, 109 сл.) смѣшана съ цѣлымъ цикломъ легендъ, по которымъ съ Кіевомъ связываются и коронаціонный мечъ, т.-н. „щербецъ“ [о немъ и о копіи его, хранившейся нѣкогда въ Несвижскомъ скарбѣцѣ, потомъ въ собраніи Базилевскаго, а нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, существуетъ цѣлая литература — см. Ernest Świeżawski. *Epopeja ludowa o Chrobrym i jego szczerbcu* (Przegląd bibliograficzno-archeologiczny, II, Warszawa. 1881—82, №№ 18—19), W. El. Radzikowski. *Szczerbiec. Miecz bolesławowski*. Kraków. 1898, Э. Левць, Указатель Оружія (Эрмитажа). С. П. Б. 1908, стр. 275 сл., Альбомъ, табл. XXIII], которымъ Болеславъ Храбрый ударилъ, якобы, Золотыя ворота, и бронзовыя двери Гибаненскаго собора, которыя принесены, якобы, Владиміромъ изъ Херсонеса, а Болеславомъ изъ Кіева (Отечеств. Записки, изд. П. Свиньнымъ. XXII, 1823, стр. 421); Ярославъ „двери золатыя, раззоренныя отъ Болеслава, обновилъ и направилъ“ (Синописи, изд. 1680 г., л. 48 об.), но иные искали щербину отъ удара Болеслава на вратахъ Св. Софіи, а съ другой стороны Боянкъ увозить въ стѣну золотыя врата изъ Лавры (Закревскій, стр. 326, пр. 1).

Польскія легенды о Болеславахъ отъ Мартина Галла, Кадлубка, Длугоша, Стрыйковскаго и др. приняты были и кіевскими историками (Феодосіемъ Сафоновичемъ и др.) и вошли такимъ образомъ въ южно-русскій обиходъ, почему и заслуживаютъ съ нашей стороны большаго вниманія, чѣмъ суровые приговоры о „польскихъ сказкахъ“: вѣдь изъ-за нихъ и обуславливаемой ими славы Золотыхъ воротъ черезъ нихъ въѣзжали въ Кіевъ и Хмѣльницкій въ 1649 г. (Костомаровъ. II, стр. 54) и кн. Янушъ въ 1651 г. и московскіе воеводы въ 1654 г. [и всѣхъ ихъ долженъ былъ привѣтствовать владѣлецъ Старога Города — митрополитъ].

Золотыя же ворота имѣются, вѣроятно, въ виду въ разсказѣ о крови, появившейся на главныхъ воротахъ Кіева передъ войною 1651 г. (Костомаровъ. II, стр. 285); Золотыя же ворота разумѣлись, вѣроятно, въ разсказахъ о гибели въ воротахъ Кіева Свентолда, воображаемаго родоначальника Киселей.

А тогда, когда Золотыя ворота исчезли, засыпанные по указу сената, то цародная фантазія связала исчезновеніе ихъ съ былинными мотивами и ожидала, что, увезенныя отъ татаръ на коньѣ богатыремъ Михайликомъ въ Царьградъ, они вернутся оттуда въ лучшіе дни назадъ въ Кіевъ (П. Кулишъ. Записки о Южной Россіи. I. С. П. Б. 1856, стр. 3—5: легенда о Золотыхъ воротахъ кіевскихъ; А. Н. Веселовскій. Южно-русскія быliny. I, 1881, стр. 3—11; Вс. Θ. Миллеръ. Очерки русской народной словесности. Москва. 1897, стр. 352, 355, 358—360).

Разъ рѣчь зашла о народныхъ сказаніяхъ, связанныхъ съ кіевскими памятниками, то умѣстно будетъ указать здѣсь на замѣтку А. Н. Веселовскаго: Нерушимая стѣна и волшебное зеркало въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12, ч. ССXLII, стр. 186—191. Мелкія замѣтки къ былинамъ. II). Въ части, касающейся волшебнаго зеркала, мѣсто котораго Лассотъ въ 1592 г. показывали въ одной изъ рельефныхъ плитъ периль на хорахъ противъ алтаря Св. Софіи (Сборн. матер. II, стр. 17), приведены указанія на иные аналогичные разсказы о зеркалахъ (о. с., стр. 188—189), но пропущены

Изъ реальныхъ подробностей разсматриваемаго рисунка слѣдуетъ отмѣтить, что мѣстами, но далеко не вездѣ, показана характерная кладка воротъ изъ перемежающихся слоевъ кирпичной и бутовой кладки; въ софитѣ передней арки показаны какія-то то квадратныя, то круглыя поля, которыя надо считать остатками фресковой, если не мозаичной, росписи; хотя на рисункѣ квадратныя поля кажутся какъ бы углубленными, а округлыя выпуклыми, но предположеніе, чтобы въ своды, которые обыкновенно клались изъ болѣе легкаго матеріала, напр., горшковъ, могли быть для украшенія вставлены какіе-либо камни, какъ то нерѣдко дѣлали въ вертикальныхъ плоскостяхъ стѣнъ¹⁾, мнѣ кажется менѣе допустимымъ; высоко поднимающійся на обоихъ рисункахъ правый край стѣны воротъ съ заложенными на одномъ (т. IV, р. 2) и открытыми на другомъ (т. IV, рис. 1) окнами съ давнихъ поръ объясненъ какъ остатки бывшей на воротахъ церкви Благовѣщенія; упоминаемая нѣкоторыми старинными писателями „слѣды позолоты“²⁾ могли быть, — если это не просто результатъ имени воротъ, — остатками какихъ-либо наружныхъ или внутреннихъ мозаичныхъ росписей; и по имени церкви и по обычному приему византийской декораціи церковныхъ³⁾ триумфальныхъ арокъ здѣсь можно было бы предполагать двѣ фигуры, Богородицы и архангела Гавріила; если изображеніе это дѣйствительно было мозаичнымъ, т.-е. на золотомъ фонѣ, то приведенное выше (стр. 419) кievское преданіе о „золотомъ архангелѣ“ на Золотыхъ воротахъ оказалось бы имѣющимъ нѣкоторое реальное основаніе, но мнѣ неизвѣстно указаній на находеніе въ развалинахъ Золотыхъ воротъ мозаичныхъ кубиковъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что на вершинѣ вала слѣва отъ воротъ Вестерфельдъ нарисовалъ какую-то какъ бы пошатнувшуюся каменную стѣнку.

Табл. V, рис. 1. Видъ Св. Софіи съ В. и встрѣча митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ кн. Януша Рабзивила 25 іюля (4 августа) 1651 года.

Уменьшенное вдвое (?) воспроизведеніе неизвѣстно гдѣ находящагося рисунка, изготовленное по фототипіи въ атласѣ къ Трудамъ III Археологическаго Съѣзда (см. выше, стр. 206—207 и 410).

Размѣръ (0,330 × 0,205 м.) литографическаго воспроизведенія той же фотографіи, по которой изготовлена была и упомянутая таблица Атласа, позволяетъ по сходству его съ размѣрами иныхъ рисунковъ этой серіи (см. стр. 402—409) думать, что эта,

весьма близкій къ Киевскому разсказъ о зеркалѣ въ церкви гор. Sicca Veneria (нынѣ Кефъ въ Тунисѣ) см. Description de l'Afrique Septentrionale par El-Bekri, traduit par M. M. Slane (Journal Asiatique. Sér. XII, 1858, II, p. 498)

¹⁾ Особенно въ Западной Россіи, напримѣръ, въ Коложекой церкви и въ церкви Св. Василя въ Овручѣ; камни съ причудливымъ рисункомъ въ стѣнахъ последней описываются въ обстоятельной статьѣ Ад. Плуга: *Cerkiew św. Bazylego i Kościół jezuitki w Owruczu* (Tygodnik Ilustrowany. VII, 1863, стр. 97 сл.); тутъ сообщается и о двухъ башняхъ на западномъ фасадѣ этой церкви, открытіе фундаментовъ которыхъ привело прошлымъ лѣтомъ реставраторовъ въ немалое затрудненіе.

²⁾ Гейденштейнъ (Матер. для истор. топ. Кіева. II, стр. 23); Сѣверный Архивъ. I. 1822, стр. 116; выдержка изъ Нѣмцевича.

³⁾ Извѣстія о находеніи по сторонамъ однихъ изъ воротъ Константинополя рельефовъ Благовѣщенія: Богородицы и арх. Гавріила, сомнительно, т. к. прекрасный рельефъ „ангела“, перенесенный съ этихъ воротъ въ Оттоманскій Музей, оказывается не ангеломъ, а Побѣдою (Al. van Millingen. *Byzantine Constantinople*. London. 1899, p. 198).

находившаяся въ 1870-хъ гг. въ рукахъ М. В. Юзефовича, фотографія исполнена была съ рисунка въ натуральную величину; римская цифра IV въ правомъ верхнемъ углу означаетъ № таблицы въ Атласѣ.

О встрѣчѣ, изображенной на рисункѣ „Комментарій“ не упоминаетъ, но свидѣтельство Ерлича о томъ, что кн. Янушъ жилъ въ митрополіи, позволяетъ предполагать, что въ дѣйствительности было нѣчто въ родѣ торжественнаго приѣма, нарисованнаго Вестерфельдомъ (см. выше, стр. 283—285, 340, пр. 2); разбирать въ деталяхъ этотъ торжественный входъ литовскаго войска въ Кіевъ и соображать, насколько торжественность и пышность его преувеличена надворнымъ художникомъ литовскаго гетмана, намъ не интересно. Важнѣе замѣтить, что встрѣчающій кн. Януша на этомъ рисункѣ митрополитъ, или кто иной, нарисованъ почти тождественнымъ съ лицомъ, встрѣчавшимъ его же у Золотыхъ воротъ (табл. IV, рис. 2): это сходство указываетъ очевидно, на то, что Вестерфельдъ имѣлъ въ виду нарисовать и тутъ и тамъ одно и тоже лицо. Это долженъ быть, разумѣется, никто иной, какъ Сильвестръ Коссовъ, если, конечно, исключить произвольныя гипотезы о случайной болѣзни или намѣренномъ уклоненіи его отъ этой церемоніи, которая впрочемъ ему была, вѣроятно, гораздо легче, чѣмъ встрѣча черезъ два съ половиною года московскихъ воеводъ ¹⁾ Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно портрета Сильвестра Коссова, чтобы рѣшить определенно, дѣйствительно ли этотъ высокій тонкій безбородый человекъ въ мантии и съ посохомъ представляетъ вѣрное изображеніе тогдашняго кіевского митрополита: я о наружности Коссова не имѣю данныхъ. Что на рисункахъ изображенъ дѣйствительно митрополитъ, это видно по сходству его мантии и посоха съ такими же на портретѣ Петра Могилы ²⁾; невѣроятнымъ кажется мнѣ отсутствіе на головѣ митрополита клобука и на груди панагін.

Войска выходятъ изъ Золотыхъ воротъ, видимыхъ здѣсь съ В., при чемъ валъ примыкаетъ непосредственно къ нимъ и съ С. и, слѣдовательно, уничтоженіе его на рисункѣ № 321 (табл. IV, рис. 1) было дѣйствительно лишь вольностью художника (ср. стр. 435; въ валу стоятъ Золотыя ворота и на гравюрѣ 1638 года); по гребню вала и здѣсь разставлена пѣхота. Справа отъ входящей кавалеріи видна крыша и главка той самой церкви, которую видѣли мы на этомъ примѣрно мѣстѣ и на упомянутомъ рисункѣ № 321, и здѣсь положеніе ея вполне соответствуетъ церкви св. Георгія.

Большой крестъ съ распятіемъ передъ митрополіей мы видѣли уже и на дру-

¹⁾ См. выше, стр. 340, пр. 2; цитата, по Костомарову, изъ письма православнаго, якобы, священника, тамъ приведенная, оказывается и у Закревскаго (стр. 57), но совсѣмъ съ иную смысломъ: „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос., кн. 3. 1861 г.“, при чемъ авторомъ этого письма изъ Чернобыля отъ 22 января 1654 года называется „какой-то современный униатъ“. По справкѣ въ указанномъ изданіи (1861, кн. 3, отд. V, стр. 1—2 [и 3—4—переводъ]), не видно: кѣмъ, униатомъ или православнымъ, былъ безымянный авторъ, „отецъ протопопъ Чернобыльскій“; судя по почтенію его къ митрополиту вѣроятно второе; московскіе воеводы въ торжественной процессіи за богато убранными конями „sami Źli pĳechotoju w Zołote Worota, gde ich potykał otec Metropolitai wsze duchowienstwo“.

²⁾ См. портретъ къ стр. 126 книги Александра Яблоновскаго: Akademia Kijowsko-MohiloŹska. Kraków. 1899—1900. [Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, V]; на этомъ портретѣ видна въ окно Св. Софія, изображенная съ В. Откуда заимствованъ этотъ портретъ — не указано.

гихъ рисункахъ 1651 г. (см. табл. III, рис. 1; табл. IV, рис. 1), изображенъ онъ и на планѣ 1638 года, упоминается, но почему-то во множественномъ числѣ, и въ разсказѣ о вѣздѣ въ Кіевъ русскихъ воеводъ въ 1654 г. (см. выше, стр. 340): „какъ мы пришли за кресты къ монастырю“ (Акты Ю. и З. Росс. X, ст. 386), т.-е. къ митрополіи у Св. Софій. „А около [нея] ограда деревянная и башни поставлены и бои просѣчены, а по мѣрѣ кругомъ будетъ сажень съ триста, рву вѣтъ, стоитъ на ровномъ мѣстѣ“ (ibid., ст. 400). Эту ограду мы и видѣли выше (стр. 436) на Рис. 8.

Рисунокъ митрополіи, огражденной деревянными стѣнами съ большою наворотною башнею, конечно, гораздо болѣе точенъ и реаленъ, чѣмъ изображеніе ея на планѣ 1695 года; но нѣкоторыя различія въ деталяхъ между этими двумя рисунками имѣютъ и реальное основаніе: напр., башня надъ воротами на рисункѣ 1695 выше, на ней висятъ колокола и она названа колокольнею; на рисункѣ же 1651 г. колокольнею надо считать, какъ и полагалъ прежде Н. И. Петровъ (Очерки, стр. 140), деревянную башню у юго-восточнаго угла собора и къ ней, конечно, надо относить слова Павла Алеппскаго (II, стр. 63) о громадномъ колоколѣ и „прочной, высокой, деревянной колокольнѣ, которая больше всѣхъ видѣнныхъ нами“, и которая шаталась и дрожала, когда внутри ея раскачивали, по западному обычаю, этотъ колоколъ; теперь же (Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1905. II, стр. 468) Н. И. Петровъ колокольнею почему-то называетъ уже наворотную башню; крышу, видную около нея изъ-за ограды, можно считать митрополичьимъ теремомъ и напрасно Н. И. Петровъ (Очерки, стр. 140) считалъ имъ „громадную, трехъярусную башню съ куполомъ и крестомъ на ней“, видимую на общемъ видѣ Кіева (см. табл. III, рис. 1), якобы, „на юго-востокъ“ отъ Св. Софій: эта башня къ С.-В. отъ собора — просто менѣе точный рисунокъ той же башни надъ воротами.

Особенно важно на рисункѣ этомъ, конечно, изображеніе самой Св. Софій, которымъ и пользовались со времени изданія его всѣ, писавшіе объ исторіи собора.

При сравненіи рисунка съ натурою главнымъ недостаткомъ его оказывается то, что все зданіе слишкомъ вытянуто вверхъ; случайная ли это ошибка Вестерфельда или она объясняется привычкою къ болѣе вытянутымъ вверхъ пропорціямъ западно-европейскихъ зданій, рѣшить трудно; замѣтимъ лишь, что на выходномъ листѣ къ кіевскому альбому (табл. II, рис. 2), гдѣ отдѣльные виды Кіева рисованы, разумѣется, не съ природы, пропорціи Св. Софій оказываются еще болѣе вытянутыми вверхъ.

Въ остальномъ рисунокъ замѣчателенъ поразительной точностью въ передачѣ того, чтѣ изъ его подробностей оказывается еще на-лицо; поэтому мы должны вѣрить передачѣ и тѣхъ деталей, которыхъ теперь болѣе нѣтъ.

Наиболѣе поражаютъ насъ среди нихъ статуи, которыми украшенъ сѣверный порталъ церкви: кромѣ причудливаго шпица съ шарами, поднимающагося надъ страннымъ прямоугольнымъ вырѣзомъ въ верхнемъ краѣ восточной стѣны сѣвернаго притвора, шпица, который украшалъ, повидимому, западный фасадъ, на рисункѣ по верху сѣверной стѣны стоятъ изображенныя въ перспективѣ четыре статуи; если относительно трехъ заднихъ можно еще сомнѣваться, статуи ли это, то передняя, стоящая съ копьемъ въ рукѣ, никакого иного объясненія не допускаетъ; извѣстій объ украшеніи Могилою Св. Софій статуями я не знаю. Павелъ Алеппскій (II, стр. 68) объ

абсидахъ писалъ, будто бы „четыре изъ нихъ одинаковы, а три низкія“: рисунокъ Вестерфельда рѣшительно опровергаетъ это и само по себѣ странное показаніе.

Зато онъ поясняетъ слова Павла (II, стр. 69) о стѣнахъ собора или, скорѣе, только абсидъ: „вся наружная стѣна имѣетъ окна, замазанныя известью и гипсомъ съ изображеніями и иконами святыхъ внутри“, и на рисунокѣ почти во всѣхъ ложныхъ окнахъ абсидъ мы видимъ очертанія написанныхъ тамъ фигуръ святыхъ. Я не знаю, производили ли кievскіе археологи поиски за остатками этихъ росписей, но полагаю, что здѣсь могли бы найтись остатки изображеній не только временъ Могилиной реставраціи собора, но и временъ его построенія: такъ можно думать на основаніи другого рисунка Вестерфельда (№ 330, табл. VII, рис. 1), гдѣ мы видимъ подобное, но погрудное лишь, изображеніе святого въ нишѣ ложнаго окна на стѣнѣ развалившейся, т.-е. не реставрированной, церкви. При реставраціи собора въ 1843—1853 гг. этихъ данныхъ о внѣшнемъ ея украшеніи росписью (фресковой или мозаичной?) еще не знали и вниманія на ложныя окна, вѣроятно, не обращали; полагаемъ, что для новаго изслѣдованія штукатурки въ нихъ теперь найдутся и люди и средства.

Табл. V, рис. 2. Нападеніе казаковъ съ Днѣпра на литовское войско въ Кіевъ 26 августа (5—6 сентября) 1651 года.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка (карандашемъ на ватманской бумагѣ 1837 года), принадлежавшаго некогда К. Свидзинскому, а нынѣ библиотекѣ Ординаціи гр. Красицкихъ въ Варшавѣ (см. выше, стр. 204—205, 410); мѣсто-нахожденіе соотвѣтственнаго рисунка конца XVIII вѣка мнѣ не извѣстно.

Объ изображенномъ здѣсь событіи мы подробно говорили уже выше (стр. 288, 302—303), указали и прежнія изданія этого же рисунка (стр. 204), отмѣтили (стр. 303) и то, что этотъ рисунокъ въ реальности изображенія уступаетъ всѣмъ прочимъ, и предполагали даже, что онъ сочиненъ Вестерфельдомъ заглазно. Теперь убѣдившись изъ разсмотрѣнія общаго вида Кіева (табл. III), какъ точенъ былъ Вестерфельдъ въ передачѣ очертаній кievскихъ горъ, и не находя такой же точности при разсмотрѣніи этого рисунка, который вмѣсто реальнаго изображенія высокаго берега Днѣпра съ низменнаго лѣваго берега его, предлагаетъ какую-то условную комбинацію отдѣльныхъ, отчасти срисованныхъ съ натуры, отчасти явно выдуманныхъ, частей Кіева, мы утверждаемся въ прежнемъ предположеніи еще болѣе.

Кромѣ Днѣпра, видимаго съ птичьяго полета,—т. к. съ лѣваго берега видѣть его сверху никакимъ инымъ образомъ невозможно,—и весьма условнаго и наивнаго изображенія битвы на правомъ берегу и на самой рѣкѣ, рисунокъ распадается на слѣдующія составныя части.

Видъ горы съ Лаврою съ С. В., нарисованный повидимому съ натуры, уясняется сравненіемъ его съ рисункомъ № 311 (табл. XII, рис. 2), который представляетъ Лавру съ Ю. В.; но Великая церковь изображена съ опущеніемъ многихъ деталей, напр., придѣла Іоанна Предтечи; церковь на горѣ вправо отъ Лавры будетъ Спасъ на Берестовѣ; башня между ними соотвѣтствуетъ теперешнимъ Экономическимъ воротамъ.

Видъ Пустынно-Никольскаго монастыря, около котораго разыгралась битва

(см. стр. 302—303), представляет его, повидимому, съ Ю.-В., и въ значительно измѣненномъ противъ 1638 года видѣ, какъ то видно по сравненію съ рисункомъ № 45, представляющимъ его же на III-ей таблицѣ Тератургимы (см. выше, стр. 341, пр. 3).

Пространство между нимъ и Старымъ Кіевомъ изображено совершенно условно: оно, во-первыхъ, непомерно мало, во-вторыхъ, представляется какимъ-то покатымъ склономъ, по которому ходятъ и ѣздятъ непомерно большіе солдатики.

Еще болѣе наивно и напоминаетъ даже гравюру 1638 года изображеніе литовскаго лагеря внутри старо-кіевскихъ валовъ (см. выше, стр. 283, 284, 298); детали лагеря и фигурки солдатъ на валахъ на нашемъ снимкѣ съ блѣднаго карандашнаго рисунка видны очень плохо, а потому мы должны отослать читателя къ литографіи I-го изданія „Памятниковъ“, т. к. въ изданіи 1898 г. литографія слишкомъ плоха. Валы видимы съ птичьяго полета и потому кажутся рисованными не съ натуры, а съ плана. Лагерь находится не въ Софійскомъ, а въ т. н. Печерскомъ отдѣленіи (см. у Закревскаго, листъ 5); вмѣсто прежнихъ Печерскихъ воротъ (*ibid.*, листъ 3, № 44) въ валу виденъ прокопъ; въ верхнемъ углу лагеря, гдѣ какъ бы сходятся два вала, видны развалины воротъ, весьма сходныя по формѣ съ воротами посреди вала на общемъ видѣ Кіева (см. табл. III, рис. 2); Львовскія ворота приходится здѣсь никомъ образомъ не могутъ; остается выборъ между Лядскими и Золотыми и, хотя послѣднія въ дѣйствительности должны лежать по ту сторону нагорнаго вала въ Софійскомъ уже отдѣленіи, но я полагаю, что Вестерфельдъ желалъ показать и здѣсь во что бы то ни стало ворота Золотыя (ср. выше, стр. 431).

Гора Стараго Кіева въ правомъ краю рисунка изображена опять болѣе реально и даже, пожалуй, съ натуры съ мѣста теперешняго Царскаго сада; Св. Софія, нарисованная на сей разъ весьма неточно и безъ распятія передъ ней (ср. табл. III, рис. 1, и табл. V, рис. 1), виднѣется изъ-за ската Михайловской горы и обращена къ зрителю, что почти вѣрно, абсидами; Михайловскій же монастырь съ колокольней передъ нимъ виденъ, какъ то и должно быть, съ юго-восточнаго угла.

Наконецъ, внизу подъ Михайловской горою виденъ южный конецъ Подола; деревянная колокольня подлѣ большой, двускатной, церковной вѣроятно, крыши весьма напоминаетъ крайнюю слѣва церковь на общемъ видѣ Кіева (табл. III, рис. 1); хотя полного тождества между этими двумя церквями и между домиками около нихъ на обоихъ рисункахъ и нѣтъ, но все-таки невольно является предположеніе, что Вестерфельдъ, компануя разсматриваемый рисунокъ изъ различныхъ частей, исполненныхъ отчасти и съ натуры, взялъ для обозначенія южнаго края Подола лѣвый край общаго вида его, хотя тотъ рисунокъ былъ не съ В., а съ С., какъ мы старались доказать выше, и такимъ образомъ, если соображенія наши вѣрны, церковь Николая Набережнаго попала на мѣсто Христорожественской.

Въ общемъ, слѣдовательно, разсмотрѣнный рисунокъ битвы на рѣкѣ совершенно недостоверенъ въ цѣломъ и имъ можно пользоваться лишь въ двухъ крайнихъ частяхъ его, а именно лишь видами Лаврской и Михайловской горъ. А между ними—не реальный видъ Кіевскихъ горъ, а лишь декорация къ сочиненной поздне батальной картинѣ: „Разгромъ казачьихъ челновъ на Днѣпрѣ“.

Таблица VI, рис. 1. Изображеніе в. кн. Ярослава съ семьею на фрескѣ св. Софіи.

Уменьшенное почти вдвое изображеніе рисунка № 334 Академіи Художествъ (размѣры его въ оригиналѣ 0,325 × 0,254—0,252; см. стр. 296 и 407).

Содержаніе рисунка ясно само собою: это обычное въ византійской церковной росписи изображеніе ктитора съ его семействомъ, подносящаго модель построеннаго имъ храма Тому, Кому храмъ этотъ былъ посвященъ; раздѣленіе общей композиціи на два яруса несомнѣнно принадлежитъ Аврааму фанъ Вестерфельду и предпринято, очевидно, лишь для экономіи мѣста: въ оригиналѣ же всѣ девять фигуръ растянуты были, разумѣется, въ одинъ длинный рядъ.

Болѣе точное опредѣленіе изображенныхъ лицъ получается при сравненіи четырехъ крайнихъ слѣва фигуръ этого рисунка съ изображеніями четырехъ княжичей, сохранившимися на стѣнахъ св. Софіи доселѣ, но передѣланными реставраторами въ святыхъ Вѣру, Надежду, Любовь и Софію. Прежнее значеніе ихъ опредѣлилось лишь въ 1867 году, когда „академикъ И. И. Срезневскій, прибывши въ Кіевъ съ Солнцевымъ... указалъ, что одежды этихъ мнимыхъ мученицъ княжескія и притомъ на двухъ фигурахъ мужскія, а не женскія, и что фигуры по всей вѣроятности представляютъ семейство создателя Софійскаго храма, в. кн. Ярослава Владиміровича, изображенное здѣсь по обычаю восточному“¹⁾. И. И. Срезневскій подробно говорилъ объ изображеніи этомъ въ своемъ сообщеніи на I Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ (20 марта 1869, см. Тр. I Арх. С., т. I, 1871, стр. CVIII—CX), но обѣщанный имъ текстъ къ изданію „Кіево-Софійскій Соборъ“, куда должно было войти объясненіе и этой фрески, написанъ не былъ. Это открытіе дало поводъ къ изданію рисунка Ѳ. Г. Солнцева съ этой фрески въ переставрированномъ ея видѣ В. А. Прохоровымъ²⁾, который при этомъ въ достаточной мѣрѣ обличилъ археологическую стоимость „реставраціи“ кіево-софійскихъ фресокъ; вкратцѣ говорили объ этомъ изображеніи, какъ объ изображеніи князей, и другіе писавшіе о св. Софіи³⁾ послѣ

¹⁾ Прот. П. Лебединцевъ. (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1878, № 8, т. III, стр. 395 сл.); въ оригиналѣ указанъ 1863 г., исправленный мною на основаніи Исторіи Имп. Русск. Археолог. Общества Н. П. Веселовскаго. С. П. Б. 1900, стр. 118—119; исторія изданія Общества: „Кіево-Софійскій соборъ“ излагается тамъ на стр. 114—123. Изданіе, строго говоря, не окончено и понынѣ.

²⁾ Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. Вып. I, С. П. Б. 1881, табл. къ стр. 60; см. стр. 60. В. А. Прохоровъ о результатахъ поѣздки въ 1867 г. Срезневскаго и Солнцева въ общемъ отзывался неодобрительно (Христіанскія древности. 1875 г., стр. 10—12).

³⁾ Павловъ въ рефератѣ на III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ называлъ эти фигуры Ярославомъ Мудрымъ съ дѣтьми (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. 1875 г. Отд. II, стр. 401); Прохоровъ. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. I. 1881, стр. 60, съ таблицей; Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ (Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи. С. П. Б. 1889, стр. 133—134—Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. нов. сер. т. IV. 1890, стр. 363 сл.) посвятили „изображенію княжеской семьи“ особую, но очень короткую главу XXVIII-ую; они же еще кратче говорили о томъ же въ Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ. VIII. 1890, стр. 585; кратко и неточно описаны эти фигуры, какъ женскія, „съ воздѣтыми руками“, въ Русскихъ Древностяхъ, издав. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ: Вып. IV, С. П. Б. 1891, стр. 144; буквально то же самое (съ замѣною лишь слова „полагаютъ“ словомъ „полагаемъ“) повторено въ книжкѣ Д. Айналова и Е. Рѣдина: Древніе памятники искусства Кіева. Харьковъ. 1899, стр. 43. Женскими же княжескими фигурами считалъ ихъ и рецензентъ послѣдней работы О. Wulff (Repertorium für Kunstwissenschaft. XXIII, 1900. S. 228); Н. И. Петровъ (Историко-топограф. очерки древняго Кіева. Кіевъ. 1897, стр. 131, Труды Кіевск. Дух. Акад. 1896. XI, стр. 367) упоминалъ „княжеское семейство, вѣроятно самого основателя храма“.

открытія Срезневскаго авторы. Подробнѣе, съ уменьшеннымъ воспроизведеніемъ рисунка, изданнаго Прохоровымъ, и съ привлеченіемъ рисунка 1651 г. разсмотрѣлъ недавно эти четыре фигуры Н. П. Кондаковъ ¹⁾.

Такимъ образомъ истинное значеніе этихъ четырехъ фигуръ выяснилось лишь тогда, когда древняя фреска, современная построенію собора, уже много лѣтъ была навѣки испорчена варварскою реставраціею масляными красками, произведенной кистью іеромонаха Иринарха съ братіей. Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ ²⁾ сходство между этими четырьмя фигурами и четырьмя крайними слѣва фигурами рисунка Вестерфельда столь велико, что сомнѣваться въ тождествѣ ихъ оригинала было бы на нашъ взглядъ совершенно излишнимъ скептицизмомъ.

Къ сожалѣнію мнѣ не удалось доискаться оригинальнаго рисунка Ѳ. Г. Солнцева съ фрески этой въ нереставрированномъ еще видѣ, не говоря уже о калькахъ въ натуральную величину, которыя дѣлались иконописцемъ Пѣшехоновымъ якобы со всѣхъ фресокъ, открываемыхъ нѣкимъ „комнатнымъ живописцемъ“ Фохтомъ ³⁾; однако тѣ рисунки, которые по калькамъ этимъ исполнялъ Ѳ. Г. Солнцевъ „при содѣйствіи художника Шурупова“, несмотря на то, что провѣрялись и „утверждались“ на мѣстѣ реставраціоннымъ комитетомъ, при болѣе компетентномъ сравненіи ихъ съ оригиналами гр. С. Гр. Строгоновымъ были признаны „лишенными всякой археологической точности и ошибочными даже въ начертаніи фигуръ“ ⁴⁾; слѣдовательно, и тотъ рисунокъ этихъ четырехъ фигуръ, который Ѳ. Г. Солнцевъ показывалъ И. И. Срезневскому въ 1867 г., когда фреска была уже давно переписана, также никакъ не могъ замѣнить оригинала, испорченнаго реставраторами.

Странно, что между двумя изданіями рисунка Ѳ. Г. Солнцева оказывается въ деталяхъ значительная разница, хотя источникомъ обоихъ воспроизведеній долженъ быть тотъ рисунокъ этой фрески въ нереставрированномъ видѣ, отыскать который мнѣ не удалось ⁵⁾: эти изданія — хромолитографія В. А. Прохорова въ „Матеріалахъ для исторіи русскихъ одеждъ“ и небольшая хромолитографія въ изданіи „Кіево-Софійскій соборъ“ (табл. 34, № 6, слѣва). Изъ сравненія ихъ съ реставраціею видно, что реставраторы, признавшіе почему то фреску эту послѣ ея открытія за изображеніе

¹⁾ Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Н. П. Кондакова. С. П. Б. 1906, стр. 35—39, рис. 3 (уменьшенное цинкографическое клише съ хромолитографіи Прохорова).

²⁾ См. рис. въ штрихахъ въ изданіи Импер. Русскаго Археологич. Общества: Кіево-Софійскій соборъ, табл. 34, № 6, справа; эта таблица издана въ IV выпускѣ, вышедшемъ лишь въ 1887 г.

³⁾ См. статью П. Лебединцева. Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—1853 году (Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1878, № 8, т. III, стр. 364—403, и № 12, т. IV, стр. 495—526), о калькахъ и о Фохтѣ см., у. с., т. III, стр. 376, 378. Рѣче, чѣмъ о. настоятель, но не менѣе справедливо отзывались о „реставраціи“ фресокъ Н. Сементовскій (Кіевъ. 1864, стр. 91) и В. А. Прохоровъ (Христіанскія Древности. 1875, стр. 8—12).

⁴⁾ Н. И. Веселовскій. Исторія Импер. Русск. Арх. Общества, стр. 115—116.

⁵⁾ Въ папкѣ рисунковъ, служившихъ оригиналами при изготовленіи таблицъ изданія „Кіево-Софійскій соборъ“ и сохранившихся въ Импер. Русск. Археологич. Обществѣ, рисунокъ, соответствующаго таблицѣ 34-ой, не оказалось вовсе. Не нашлось тамъ и фотографій, которыя были изготовлены для И. И. Срезневскаго въ Кіевѣ его сыномъ В. И. Срезневскимъ (см. Н. И. Веселовскій. Исторія Импер. Русск. Арх. Общества 1900, стр. 119).

свв. Вѣры, Надежды, Любви и Софiи¹⁾, прибавили сообразно своему пониманiю этихъ фигуръ бѣлая покрывала, въ родѣ платочковъ, на головы поверхъ княжескихъ шапокъ. (см. Труды Киевск. Духовн. Акад. 1878. III, стр. 395).

Вновь написаны были по-гречески и вовсе неподходящимъ (печатнымъ) шрифтомъ и имена при нихъ: древнiя надписанiя именъ святыхъ сохранились, какъ извѣстно, лишь на очень немногихъ фрескахъ Софiйскаго собора, т. к. имена эти были писаны бѣлою краской уже по высохшему фону и потому по большей части или осыпались ранѣе, или снимались вмѣстѣ съ забѣлкой.

Сравненiе же рисунка съ фрески до ея реставрации съ рисункомъ 1651 года устанавливаетъ неоспоримо, какъ мнѣ кажется, фактъ копированiя и притомъ очень точнаго этой самой фрески—или иной, но совершенно съ нею тождественной—Авраамомъ ванъ Вестерфельдомъ. Отмѣчать все пункты сходства считаю излишнимъ; разница оказывается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) фигуры на рисунокѣ Вестерфельда разставлены шире, чѣмъ на фрескѣ; 2) въ деталяхъ костюма есть нѣкоторая разница; 3) въ рукахъ у втораго слѣва княжича на копiи 1651 г. нѣтъ креста, который данъ ему въ правую руку на рисунокѣ Солнцева, хотя крестъ въ рукахъ живого еще княжича неумѣстенъ; 4) четыре фигуры на рисунокѣ Солнцева заключены въ особую рамку, которую невозможно допустить при такой цѣльной композици, каковую видимъ на рисунокѣ Вестерфельда.

Относительно послѣдней детали мы не задумались бы повѣрить рисунку болѣе древнему, если бы здѣсь вопросъ не осложнялся другимъ, а именно о мѣстѣ нахожденiя прочихъ, нынѣ несуществующихъ, семи фигуръ рисунка Вестерфельда.

Четыре княжича, столь поразительно сходные на рисункахъ Вестерфельда и Солнцева, помѣщаются на южной стѣнѣ средняго нефа собора между первою и второю, (считая отъ главнаго купола), пилястрою надъ аркою нижняго яруса и подъ перилами соотвѣтственнаго пролета арокъ, открывающихся въ среднiй нефъ съ хоръ²⁾.

Изображенiе четырехъ княжичей въ этомъ полѣ³⁾ помѣщается такъ, что справа не остается уже мѣста еще для одной фигуры и притомъ болѣе широкой, чѣмъ прочiе: для Ярослава съ церковью. По другую сторону второй пилястры, прилегающей справа къ изображенiю княжичей, имѣется вполнѣ соотвѣтствующее и равное мѣсту, занимаемому ими, поле, въ которомъ мы должны, слѣдовательно, предполагать

1) Описанiе открытыхъ древнихъ изображенiй живописнаго мастера Макара Самс. Пѣшехонова, составленное при участiи о. ключаря Тимофея Сухобрусова и архитектора Спарро отъ 8 октября 1846 г. называетъ уже свв. Софiю, Вѣру, Надежду и Любовь; этотъ рапортъ приведенъ въ статьѣ П. Лебединцева (Труды Киев. Дух. Акад. 1878. III, стр. 381), но когда именно фреска эта была открыта, неизвѣстно; реставрирована же она была iером. Принархомъ въ 1850—52 гг. (ibidem, стр. 391, 393, 395).

2) См. изданiе „Киево-Софiйскiй соборъ“ табл. 34, разрѣзъ по лит. 00; для яснаго пониманiя послѣдующаго просимъ взглянуть хотя бы и иной продольный разрѣзъ храма, напримѣръ у А. П. Новицкаго. Исторiя русскаго искусства. I. 1899, стр. 42, рис. 26. Подробными указанiями на расположенiе теперешнихъ росписей въ этой части храма я обязанъ любезнымъ отвѣтамъ на мои вопросы В. Т. Георгiевскаго еще въ 1904, до посѣщенiя мною Киева.

3) Размѣры его по 34 таблицѣ изданiя: „Киево-Софiйскiй соборъ“ оказываются различными: по масштабу разрѣза по литерамъ 00 поле имѣетъ величину 5 арш. 8 в. × 3 арш. 12 в., а по масштабу рисунковъ фресокъ лишь 4 арш. 10 в. × 3 арш. 14 в.

нахожденіе четырехъ крайнихъ справа фигуръ князей, соотвѣтствовавшихъ нѣкогда княжичамъ, но исчезнувшихъ и сохраненныхъ лишь рисункомъ Вестерфельда ¹⁾).

Уже И. И. Срезневскій въ 1869 г. предполагалъ на этомъ полѣ нахожденіе нѣкогда недостающихъ теперь лицъ семейства Ярослава: по его мнѣнію „по срединѣ на колоннѣ [т. е. пилястрѣ] было изображеніе в. кн. Ярослава“, „по правую руку великаго князя были изображены: мать съ младшими дѣтьми, а по лѣвую старшіе сыновья и старшія дочери“; однако, „Г. Д. Филимоновъ, высказалъ сомнѣніе въ томъ, что на столбѣ былъ изображенъ князь: на столбахъ обыкновенно изображались священныя лица и мученики“ (Тр. I Арх. Съѣзда I, стр. СІХ — СХ).

Вновь найденный рисунокъ 1651 года является подтвержденіемъ научныхъ предположеній обоихъ покойныхъ археологовъ. Однако, онъ не рѣшаетъ вопроса о размѣщеніи фигуръ.

Если крайнія справа и слѣва фигуры были дѣйствительно размѣщены по четыре, то для трехъ крупныхъ центральныхъ фигуръ на стѣнѣ остаются лишь три стороны пилястры, раздѣляющей упомянутыя два одинаковыхъ поля. Лицевая, т. е. южная, поверхность ея вполне достаточна для центральной фигуры на мѣстѣ тенерешней св. Евфросиніи, написанной вновь при реставраціи 1843—53 гг.; но боковыя стороны шириною всего въ аршинъ при высотѣ этого живописнаго пояса около $3\frac{3}{4}$ аршинъ, заняты нынѣ: восточная — орнаментомъ, а западная новою фигурой св. Раны, — несомнѣнно слишкомъ узки для того, чтобы предполагать здѣсь фигуры Ярослава и его жены; помимо недостатка мѣста помѣщеніе ихъ здѣсь не соотвѣтствовало бы, по моему, и ихъ важному значенію во всей композиціи; еще менѣе возможно допускать варварскій перегибъ фигуръ или хотя бы частей ихъ, напр. рукъ, церкви, одежды, на выходящихъ и во входящихъ углахъ.

Такимъ образомъ композиція, которую зарисовалъ въ 1651 году въ Св. Софій Вестерфельдъ, лѣвымъ своимъ концемъ вполне совпадаетъ съ существующей въ непорченномъ видѣ понынѣ лѣвою половиною той же или съ нею тождественной фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, но относительно мѣста нахожденія центральной части и праваго конца этой композиціи тенерешній видъ Св. Софійи удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о томъ не даетъ и потому приходится обратиться къ гипотезамъ.

Отсутствія въ 1651 г. и ранѣе той пилястры, которая мѣшаетъ композиціи этой свободно развернуться вправо отъ лѣвыхъ, тождественныхъ тутъ и тамъ, четырехъ фигуръ княжичей, предполагать никоимъ образомъ нельзя, т. к. эта пилястра со-

¹⁾ Правыя малыя фигуры я называю князьями, а лѣвыя княжичами, для удобства выраженія, хотя число сыновей Ярослава и не было, насколько извѣстно, равно числу дочерей: послѣднихъ упоминается три, сыновей же пять (или шесть съ Игоремъ). Одна изъ правыхъ фигуръ должна быть, слѣдовательно, младшимъ сыномъ Ярослава Вячеславомъ, родившимся въ 1034 году. Срезневскій изъ четырехъ лѣвыхъ фигуръ двѣ, очевидно не имѣющія плащей, считалъ женскими, но присутствіе плащей на двухъ несомнѣнно женскихъ, — судя по покрываламъ на головахъ, — фигурахъ въ правой части рисунка 1651 г. показываетъ недостаточность этого критерія; естественнѣе поэтому дѣлится композицію на двѣ половины: мужскую и женскую, за указаннымъ выше исключеніемъ. Послѣ сообщенія И. И. Срезневскаго „Л. В. Даль указалъ на подобныя же изображенія на Западѣ, прибавивъ, что тамъ обыкновенно направо изображался князь, налѣво — княгиня, а въ срединѣ — образъ“ (Тр. I Арх. С. I, стр. СХ).

отвѣтствуетъ прочимъ и имѣеть въ нижней части, какъ и тѣ, древній карнизъ и древнюю роспись, а верхнюю часть своей поддерживаетъ поперечную арку.

Можно было бы предполагать, что на широкой лицевой сторонѣ пилястры помѣщалась одна средняя фигура, а узкія боковыя стороны ея никакихъ фигуръ не имѣли; тогда, чтобы умѣстить на полѣ между пилястрами вмѣсто четырехъ теперешнихъ фигуръ пять, пришлось бы допустить, что четыре фигуры княжичей занимали въ дѣйствительности не все пространство между пилястрами, не имѣли рамки, какъ на рисунокѣ Ө. Г. Солнцева, и справа отъ нихъ оставалось еще значительное пустое пространство, а что при реставраціи росписей фигуры были сдвинуты правѣе, да еще и увеличены въ размѣрахъ, т. к. при теперешней ихъ величинѣ трудно выгадать мѣсто еще для одной, да къ тому же такой широкой, фигуры Ярослава съ храмомъ. Эта гипотеза о столь невѣроятной передѣлкѣ древней фрески реставраторами мнѣ не представляется допустимой.

Съ другой стороны, замѣчая, что среднія три фигуры вмѣстѣ требуютъ для себя столько же примѣрно мѣста, какъ четыре крайнихъ, можно было бы дѣлить всю композицію на три равныхъ части и размѣщать ихъ на поляхъ между пилястрами, допуская, что лицевая сторона послѣднихъ была украшена не фигурами, а чѣмъ-либо инымъ (орнаментами или надписями), что Вестерфельдъ, имѣвшій задачу изобразить ктitora съ семействомъ, просто опустилъ. Но и такое предположеніе встрѣчаетъ реальныя затрудненія: налицо имѣется лишь два поля и, чтобы получить третье, надо уничтожить хоры надъ западнымъ концемъ средняго нефа, признавъ ихъ результатомъ позднѣйшихъ перестроекъ собора послѣ половины XVII вѣка. Перила этой части хоръ дѣйствительно—не древнія изъ рельефныхъ шиферныхъ плитъ, а новѣйшія изъ массивныхъ балясинъ ¹⁾, но одного этого, конечно, далеко не достаточно, чтобы настаивать на такомъ предположеніи, тѣмъ болѣе, что арки хоръ, примыкающія къ западной стѣнѣ храма, оказываются иныхъ размѣровъ, чѣмъ арки, открывающіяся въ средній нефъ (см. „Кіево-Софійскій соборъ“, табл. 34 и 35), т.-е. приходится предположить перестройку вновь всей западной части храма. Къ сожалѣнію достаточно полного и точнаго архитектурнаго изслѣдованія зданія Св. Софій въ свое время, въ теченіе реставраціи, произведено не было. Поэтому я не могу найти положительныхъ указаній на то, какой—старой или новой—кладки та арка и своды, которые поддерживаютъ теперь хоры въ западномъ концѣ средняго нефа. Вообще же западный конецъ храма, какъ извѣстно, пострадалъ особенно сильно; своды не только надъ хорами у западной стѣны, но и надъ слѣдующею къ востоку частью нефа между второю и третью (съ востока) парю пилястръ теперь не древней, а новой кладки ²⁾; имѣется указаніе на нахожденіе здѣсь трещины въ сводахъ и на соотвѣтственныя починки, произведенныя въ 1771 г.; течь въ эту трещину и послѣдующія починки

¹⁾ До реставраціи были деревянныя; предполагалось сдѣлать перила чугуныя или бронзовыя—см. Тр. Кіев. Дух. Акад., 1878, III, стр. 373. Эти балясины видны на разрѣзѣ собора 1810 г. въ археологическомъ альбомѣ Бороздина (см. о немъ статью Д. В. Полѣнова въ Тр. I Арх. Съѣзда, т. I, стр. 61—74).

²⁾ [Скворцевъ]. Описаніе Кіево-Софійскаго собора по обновленіи его въ 1843—1853 гг. Кіевъ, 1854, стр. 37, прим. 45.

и были, вѣроятно причиною, исчезновенія ¹⁾ большей части, приходившейся здѣсь композиціи, зарисованной Вестерфельдомъ; теперь западная стѣна собора — новой кладки ²⁾; мы упоминали уже о свидѣтельствѣ Павла Алеппскаго (II, стр. 67—68), что „со стороны западнаго нарѣиска она [св. Софія въ 1654 г.] на половину въ развалинахъ“; но, какъ видѣли мы выше на рисункѣ 8 (см. выше стр. 436; ср. табл. IV, рис. 1), послѣ реставраціи Петра Могила даже западный внѣшній притворъ между башнями покрытъ былъ односкатною крышею; ранѣе же, а именно въ 1625 г., — по извѣстному разсказу о чудѣ 6 сентября этого года, — западныя двери „были завалены большою грудой упавшей стѣны и не малою кучею мусора“, такъ что въ церковь нельзя было войти и пришлось смотрѣть черезъ сквозныя трещины въ стѣнѣ ³⁾. Какъ именно реставрирована или, судя по словамъ Павла Алеппскаго, лишь кое-какъ поправлена была западная часть св. Софіи Петромъ Могилою и въ какомъ видѣ была она въ 1651 г., мы не знаемъ; изъ подробнаго описанія храма въ 1651 г. Павломъ Алеппскимъ (II, стр. 67—72) нельзя заключать, что средній нефъ доходилъ до западной стѣны во всю свою высоту, безъ хоръ, скорѣе выходитъ даже обратное, т. е. упомянувъ о входѣ на хоры по одной лѣстницѣ онъ описываетъ затѣмъ и сѣверную и южную половины ихъ, не упоминая о спускѣ по той же лѣстницѣ и о новомъ подъемѣ по другой. Однако существованіе двухъ входовъ на хоры дѣлаетъ наше предположеніе о прежней раздѣльности этихъ двухъ половинъ хоръ и объ отсутствіи нѣкогда теперешней связи между ними все же возможнымъ, хотя извѣстными пока данными и не доказуемымъ.

Такимъ образомъ предположеніе о томъ, что вся зарисованная Вестерфельдомъ цѣльная композиція въ дѣйствительности распадалась на три части, размѣщенныя по южной стѣнѣ средняго нефа отъ трансепта до западной стѣны и раздѣленныя одна отъ другой двумя пилястрами, такое предположеніе оказывается лишь довольно сомнительной догадкою, настаивать на которой мы не рѣшаемся: выступающія пилястры съ ихъ росписью слишкомъ нарушали бы единство композиціи.

Что было написано въ древности на трехъ сторонахъ пилястры, примыкающей справа къ изображенію четырехъ княжичей, также — неизвѣстно: въ изданіи Русскаго Археологическаго Общества здѣсь древнихъ фресокъ не показано. Однако эти показанія не особенно надежны: фрагментированныхъ фресокъ издано весьма мало: можно думать, что малозначительные на взглядъ реставраторовъ куски фресокъ не зарисовывались вовсе; прот. Н. Скворцевъ (у. с., стр. 36) упоминаетъ о фрескахъ, „кои совсѣмъ изглажены и нѣтъ возможности угадать какія изображенія на опустѣлыхъ мѣстахъ были“, и такія фрески ничѣмъ въ изданіи Софійскаго собора не отмѣчены,

¹⁾ Въ расходной книгѣ собора въ 1771 г. значится: „по причинѣ давней течи и ежегодной весенней со стѣнъ текущей мокроты, посреди церкви, на великомъ потолокъ все иконописство потемнѣло, и на иныхъ мѣстахъ до самой цеглы было позлущено и посыпалось; того ради... оной потолокъ великій по срединѣ церкви все иконописство исправить и поновить... Уплачено Григорію каменщику за починку потолка каменнымъ гипсомъ...“ (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1878. III, стр. 369).

²⁾ П. Лашкаревъ. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ, 1898. стр. 134. = Труды III Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Т. I, стр. 26; Закревскій, стр. 769—770, 779.

³⁾ *Τερατόφρυσια*, стр. 196; Закревскій, стр. 782; Голубевъ. Петръ Могила, II, стр. 415—416.

разрѣзы Солнцева съ обозначеніемъ остатковъ фресокъ, которыя онъ представлялъ въ реставраціонный Комитетъ еще въ 1846 году, не изданы, какъ не издано и объщаннаго подробнаго описанія собора ¹⁾.

Древнія фрески XI в. были забѣлены лишь къ началу XVIII вѣка; послѣ чего началось новое расписываніе собора уже масляными красками; на тѣхъ поляхъ подъ хорами, гдѣ по всей вѣроятности такъ или иначе размѣщалась зарисованная Вестерфельдомъ композиція, и на другихъ, имъ соотвѣтствующихъ, написаны были вновь изображенія вселенскихъ соборовъ; первые пять въ 1718 году, а два остальные въ 1724 году ²⁾. Первый соборъ находился на аркѣ подъ хорами въ западномъ концѣ средняго нефа противъ алтаря, а четыре слѣдующихъ на тѣхъ поляхъ между пилястрами, въ одномъ изъ которыхъ (подъ 4 или 5 соборомъ) отыскались потомъ княжичи; соборы же 6 и 7 были уже на западной стѣнѣ трансента, подъ ними также оказались фрески. Отчистивъ найденныя древнія фрески реставраторы пожертвовали ради симметріи и тѣмъ (4 или 5) соборомъ, который приходился противъ мнимыхъ свв. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, и замѣнили и его, хотя фресокъ подъ нимъ и не нашлось, такъ же четырьмя фигурами святыхъ: Фоки, Климента, Александра и Вавилы ³⁾. Уничтоженные соборы написаны были вновь на сводахъ подъ хорами у западныхъ дверей. Въ 1894 г. уничтожили и три первыхъ собора, замѣнивъ ихъ новыми, якобы „византійскими по старымъ образцамъ“, композиціями Рождества Христова, Срѣтенія и Крещенія (Петровъ. Очерки, стр. 146); послѣднее занимаетъ поле къ западу отъ княжичей, гдѣ въ 1651 году должна была находиться часть срисованной Вестерфельдомъ фрески, но были ли при написаніи новыхъ картинъ произведены какія-либо изслѣдованія прежней штукатурки, мнѣ неизвѣстно. Никому, вѣроятно, тогда не пришло на мысль, что здѣсь могутъ найтись, хотя бы и незначительные остатки изображенія самого создателя храма, хотя находженіе нѣкогда княжескихъ изображеній и на этомъ мѣстѣ предполагалъ еще И. И. Срезневскій.

Издаваемый нынѣ рисунокъ Вестерфельда побудить, надѣмся, кіевскихъ археологовъ и соборное духовенство произвести новыя тщательныя изслѣдованія по всей стѣнѣ вправо (къ западу) отъ княжичей съ цѣлью убѣдиться, не сохранилось ли какихъ-либо, незамѣченныхъ при реставраціи, остатковъ семи остальныхъ, зарисованныхъ въ 1651 г. фигуръ.

¹⁾ См. Матер. для историч. топогр. Кіева. 1874, отд. II, стр. 119—120: Свящ. Іоаннъ Лукьяновъ посѣтившій Кіевъ въ 1701 г. на пути въ св. Землю писалъ о св. Софіи: „зѣло хорошо... да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; иконъ нѣтъ; а старое было стѣнное писъмо, а митрополитъ [Варлаамъ Ясинскій] не хай все замазавъ известью“. Въ статьѣ П. Лебедничева (Труды III Археол. Съѣзда, т. I, 1878, стр. 76) опечатка — 1706. О личности этого паломника см. М. Лилеева: Къ вопросу объ авторѣ „Путешествія во Св. Землю 1701—1703 гг.“ московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ и старцѣ Леонтіи (Чт. въ Общ. Лѣтоп. Нестора. IX, 1905, отд. II, стр. 25—41), гдѣ указано (стр. 33) разночтеніе: вм. „да митрополитъ“—„а мастеръ плутъ“, что не вліяетъ на хронологическое значеніе свидѣтельства.

²⁾ Такъ пишетъ, ссылаясь на надписи, митроп. Евгений (Описаніе Кіево-Софійскаго собора. 1825, стр. 45—46); Скворцовъ же (стр. 30, 31) и Лебедничевъ (изд. 1882, стр. 88) въ своихъ описаніяхъ собора написаніе первыхъ пяти соборовъ относятъ вообще ко времени митрополита Іоасафа Брѣковскаго, т. е. къ 1708—1718 гг.

³⁾ (Н. Скворцовъ) Опис. Кіево-Софійскаго собора. Кіевъ. 1854, стр. 48, прим. 51.

Несмотря на невозможность, или мое лишь неувереніе, рѣшить вопросъ, гдѣ и какъ размѣщался на стѣнахъ средняго нефа св. Софій тотъ излишекъ фигуръ, который оказывается на рисункѣ 1651 года противъ фресокъ, я все же полагаю, что лучше оставаться въ недоумѣніи передъ изложенными выше различными гипотезами, нежели искать выхода изъ-за затрудненія въ еще болѣе радикальныхъ предположеніяхъ, что Вестерфельдъ копировалъ не ту фреску св. Софій, какъ мы думаемъ, или, что онъ рисовалъ вовсе не въ св. Софій, или, наконецъ, что это не рисунокъ съ натуры, а вольная его фантазія.

Было бы странно предполагать въ Св. Софій же существованіе въ разныхъ мѣстахъ двухъ болѣе или менѣе одинаковыхъ изображеній ктитора; рисунокъ Вестерфельда такъ хорошо дополняетъ четыре сохранившихся на стѣнахъ Софій фигуры княжичей, (оказывающихся безъ этого дополненія уходящими почему-то изъ церкви и отъ алтаря, а не идущими къ нему, какъ то было бы естественно), что иныхъ, лучшихъ, дополненій къ нимъ нельзя и придумать; а если строитель храма Ярославъ изображенъ былъ въ среднемъ нефѣ церкви, чему находятся и аналоги, то едва ли разумно было бы предполагать повтореніе той же самой композиціи еще гдѣ-либо.

Упомянутія объ изображеніяхъ семи князей, находившихся нѣкогда на хорахъ на стѣнахъ Николаевского придѣла, т. е. въ крайней къ сѣверу изъ пяти высокихъ абсидъ храма, мнѣ извѣстны, но, хотя на нихъ и указывали иногда, какъ на древнія изображенія князей, они не могутъ быть привлекаемы къ разсужденію о рисункѣ 1651 г. по той простой причинѣ, что росписи придѣла этого исполнены были лишь въ 1763 и 1764 годахъ ¹⁾.

Итакъ тожество четырехъ княжичей на рисункѣ и на стѣнѣ Св. Софій не позволяетъ назвать ктитора иначе, какъ Ярославомъ, хотя модель церкви, которую онъ держитъ и мало походить на Св. Софію, какъ это впрочемъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко. Средняя фигура, какъ увидимъ ниже, есть несомнѣнно результатъ реставраціи XVII вѣка. Гдѣ же кромѣ Св. Софій Вестерфельдъ могъ срисовать въ Кіевѣ въ 1651 г. реставрированное изображеніе Ярослава съ семействомъ, какъ не въ Софій, основаніе которой Ярославомъ отмѣчалось даже въ датахъ митропо-

¹⁾ Митроп. Евгений (Опис. Кіево-Софійскаго собора. 1825, стр. 41): „на стѣнахъ его изображены князья Кіевскіе: Владимиръ Святославовичъ, Ярославъ Владимировичъ, создатель Софійскаго собора, свв. мученики князья Борисъ и Глебъ, Всеволодъ Святославичъ создатель церкви Кирилловскаго монастыря, Святославъ Ярославичъ создатель церкви Печерской, Святополкъ Изяславичъ создатель церкви Михайловскаго монастыря“.

Ср.: А. Н. Муравьевъ. Кіевъ и его Святые. 2-ое изд. 1862, стр. 52 сл.; Г. Филимоновъ—Вѣстникъ Общ. Древне-Русскаго Искусства. 1874—76, отд. I, стр. 43, пр. 1. Ровинскій. Подробн. словарь русск. гравир. портретовъ. С. П. Б. 1889. II, прилож., стр. 187.

Древними изображеніями этихъ митр. Евгений, какъ видно изъ стр. 42, вовсе не считалъ и росписи хоръ вообще относить ко времени митроп. Арсенія Могилянскаго (1758—70 г.); то же и Н. Сиворцевъ. Оп. К. С. Соб. 1854, стр. 32; по дѣтописи же П. Лебединцева (Оп. К. С. Соб. 1882, стр. 91) въ 1763—64 гг. „обновленъ иконостасъ на хорахъ въ придѣлѣ св. Николая и придѣлѣ сей (на стѣнахъ) украшенъ иконостасомъ“; а въ другой работѣ онъ приводитъ выдержку изъ записи расходовъ по собору: „за написаніе 5 соборовъ, 10 князей и за преображенскій иконостасъ и за золото 377 р. 90 к.“; при ней указанъ 1773 годъ, но это, такъ какъ далѣе слѣдуютъ годы болѣе ранніе, — по всей видимости опечатка (см. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1878, III, стр. 369, прим.).

личных писем? ¹⁾ Изображения ктиторовъ были обычны въ то время и въ церквахъ и въ костелахъ и собиратели портретовъ историческихъ лицъ обычно прибѣгали къ этому источнику, хотя иногда, разумѣется, и принимали возобновителей за основателей ²⁾. Поэтому оригиналь, съ котораго рисовалъ Вестерфельдъ, должно предполагать, конечно, въ Св. Софін, въ оградѣ которой и жилъ въ 1651 г. кн. Янушъ Радзивиль со своею свитой, а въ томъ числѣ и Вестерфельдомъ (см. выше, стр. 285). Такъ же, какъ и мы, понимаетъ содержаніе рисунка этого и Н. И. Петровъ ³⁾.

Иначе и весьма скептически смотритъ на рисунокъ Вестерфельда Н. П. Кондаковъ ⁴⁾: по его мнѣнію это лишь рисунокъ на память, не заслуживающій никакого довѣрія въ деталяхъ самъ по себѣ. Конечно Вестерфельдъ копировалъ видѣнное не съ той точностью, которую требуютъ отъ своихъ рисовальщиковъ теперешніе археологи и которой не находятъ они даже у такихъ знаменитыхъ археологическихъ рисовальщиковъ недавняго прошлаго, какимъ былъ Ѳ. Г. Солнцевъ, съ копіей котораго

¹⁾ Напр., письмо митр. Сильвестра Косова къ Адаму Киселю: „datae in aedibus S. Sophiae Jaroslaviensis die 12 Martii 1651“—Stanislai Temberski Annales. 1647—1656 (Scriptores Rerum Polonicarum. XVI). Cracoviae. 1897, p. 168.

Въ надписи 1634 г. о реставраціи храма Петромъ Могилою, находящейся въ куполѣ св. Софін (см. Евгений, стр. 34; Закревскій, стр. 784, и др.) сказано: „Изволеніемъ Божиимъ нача здатися сей сей Премудрости Божія храмъ въ лѣто 1037, благочестивымъ княземъ и самодержцемъ всея Россіи Ярославомъ—Георгіемъ Владимировичемъ. Совершился же въ лѣто 1038“ . . .

Стрыйковскій и другіе польскіе историки и западно-русскія лѣтописи также знали о построеніи Софін Ярославомъ и о нахожденіи тамъ его гробницы.

Но находились люди, которые изъ св. Софін дѣлали „Софея святого“ (жалоба кievскихъ мѣщанъ 1586 г., см. Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева. Отд. III, стр. 51). Приходитъ мысль: не непонятная ли фигура византийскаго императора (см. стр. 460) или попорченное временемъ изображеніе Христа въ центрѣ разсматриваемой композиціи давало поводъ къ созданію небывалаго святого епонима храма? Видъ Ярославъ подносилъ на фрескѣ модель собора дѣйствительно мужской фигурѣ! Но, скорѣе, мы имѣемъ тутъ дѣло просто съ писарскою ошибкою, тѣмъ болѣе, что жалоба эта записана не въ Кіевѣ, а въ Житомирѣ.

²⁾ Я имѣю въ виду два польскіе рисунка въ собраніи Академіи Художествъ (Polonogum Icones, II, № 182 и 165): первый представляетъ, якобы, Всеволода Владиміровича, основателя въ 1008 г. Владиміро-Волынскаго собора, но вѣриѣе одного изъ возобновителей его послѣ татарскаго разоренія и пожара 1491 года, а второй какого-то „предка Шуйскихъ“, современника Сигизмунда I; тотъ и другой портреты въ церквахъ: „во Владимірскомъ монастырѣ“ и „въ Витебскѣ въ церкви св. Спаса“; подъ первымъ находилась неразборчивая русская надпись. Портреты эти надѣются со временемъ издать.

³⁾ Труды Киевск. Дух. Акад. 1905, II, стр. 440; напрасно только свѣчи въ рукахъ двухъ княжичей (Владиміра и Изяслава?) называетъ онъ скиптрами и предполагаетъ, что эти 11 фигуръ „вѣроятно занимали 4 плафона [sic], два на южной—и два на сѣверной стѣнѣ храма“; выше мы говорили, что всю композицію можно дѣлать лишь на три части, а И. И. Срезневскій „на замѣчаніе Васильева“, считавшаго свѣчи скиптрами же, „возразилъ, что въ древности при освященіи церкви иногда давались свѣчи“ (Тр. I Арх. Създа, т. I, стр. СХ).

⁴⁾ Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. С. П. В. 1906, стр. 37: „изображенія эти [четырехъ княжичей], очевидно, переданы были неизвѣстнымъ рисовальщикомъ весьма условно, и рисунокъ можетъ назваться лишь отдаленной тѣнью самого памятника. Поэтому при нашихъ сужденіяхъ о типѣ изображеній Ярослава, придется со временемъ принимать въ расчетъ такой рядъ условностей, что въ концѣ всѣхъ этихъ выкладокъ, получится результатъ тоже совершенно условный. . . Всѣ послѣдующія фигуры могутъ быть точно также объясняемы условно, какъ вольная передача нѣкоторыхъ воспоминаній, вынесенныхъ художникомъ изъ церкви“; стр. 39: „Такимъ образомъ, весь этотъ рядъ изображеній не даетъ въ существѣ никакого опорнаго пункта для обоснованія, при его помощи, другихъ памятниковъ и, напротивъ того, самъ нуждается въ разнообразномъ руководствѣ для критическаго анализа своихъ деталей“.

Замѣчу кетати, что обстоятельства находки мною этого рисунка (см. выше, стр. 197) вовсе не соответствовали выраженію Н. П. Кондакова (стр. 36, строка 1).

приходится намъ сравнивать рисунокъ Вестерфельда; конечно, въ случаяхъ расхожденія ихъ мы должны вообще болѣе вѣрить рисунку Солицева: если у крайняго слѣва княжича ткань плаща украшена была на фрескѣ звѣздами и крестами, то замѣна ихъ на рисунокъ Вестерфельда раскиданными по полю вѣтками есть очевидная модернизация и объясняется, конечно, тѣмъ, что въ черновомъ наброскѣ эта деталь была съ натуры не зарисована; еще менѣе можно винить Вестерфельда за неточную передачу чуждой ему формы острыхъ шапокъ съ мѣховымъ околышемъ; и полного довѣрія, на нашъ взглядъ заслуживаютъ такія детали, какъ напр. птицы въ кругахъ на плащѣ Ярослава и третьяго слѣва княжича, которыхъ самъ сочинить Вестерфельдъ, конечно, никоимъ образомъ не могъ: онъ ошибался въ передачѣ непривычныхъ ему деталей, фантазировалъ въ чистовомъ рисункѣ, когда набросокъ былъ, не полонъ; модернизировалъ на обычный ладъ такія детали, какъ короны, скипетръ мечъ,—если только это сдѣлали не Могиллинскіе реставраторы,—но, при всемъ томъ, онъ не сочинялъ свой рисунокъ на память, а дѣлалъ набросокъ его съ натуры предъ самую фреску, почему мы и должны ему въ указанныхъ предѣлахъ вѣрить; вѣроятно, и копировальщики конца XVIII в. также измѣнили кой-какія мелкія детали подлиннаго рисунка Вестерфельда. Надѣемся, что этотъ портретъ Ярослава съ семьею окажется лишнимъ стимуломъ къ отысканію оригинальнаго альбома Вестерфельда.

А до тѣхъ поръ издаваемый нынѣ рисунокъ при всѣхъ сдѣланныхъ выше оговоркахъ является драгоценнымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ доселѣ немногочисленнымъ изображеніемъ русскихъ князей до-монгольской эпохи ¹⁾.

Въ русской древней стѣнописи извѣстно одно лишь аналогичное изображеніе князя въ Спасо-Нередицкой церкви (1198 г.) близъ Новгорода ²⁾; но тамъ написанъ, на южной стѣнѣ церкви лишь одинъ строитель церкви, подносящій ее сидящему Христу; одну же фигуру ктитора какой-то церкви сохранилъ и выходной листъ словъ св. Ипполита (XII в.) ³⁾; столь многолюдной и строго-симметричной композиціи, какъ на издаваемомъ рисункѣ, не имѣется; княжеская семья въ Изборникѣ Святослава (1073 г.) изображена совсѣмъ иначе: такъ скученно и столь наивно, что отъ одного изъ княжичей видна только шапка.

Не знаемъ мы близкихъ аналогій этому монументальному изображенію кня-

¹⁾ Новѣйшее обзорѣніе ихъ см. въ указанной выше (стр. 452 пр. 4) книгѣ акад. Н. П. Кондакова: гл. I—II посвящены миниатюрамъ Трирскаго псалтыря Гертруды, жены кн. Изяслава Ярославича, а гл. III, стр. 35—53, прочимъ изображеніямъ князей, гдѣ даны и рисунки и указана предыдущая литература. Подробное разсмотрѣніе авторомъ княжескаго костюма въ связи съ византійскимъ, царскимъ и придворнымъ, дѣлаетъ излишнимъ давать здѣсь этого рода объясненія къ издаваемому рисунку. См. еще статьи И. И. Срезневскаго: Древнія изображенія свв. князей Бориса и Глѣба (Христіанскія Древности, изд. В. А. Прохорова. 1864 [1863?] г., кн. IX, стр. 183—213, табл. 1—9) и Древнія изображенія В. К. Владиміра и В. К. Ольги (Древности. Археологическій Вѣстникъ. 1867, стр. 1—7, табл. 1—5), П. Лжебединцевъ?]. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. равнопостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? (Кіевская Старина, 1888, т. XXI, стр. 259—264); Н. Плетровъ]. Древнія изображенія Св. Владиміра. (Труды Кіев. Дух. Акад. 1888, II, стр. 443—462); ср. его—же: Древнѣйшія изображенія Св. Владиміра (ibidem. 1887, II, стр. 64—70).

²⁾ В. А. Прохоровъ. Русскія Древности. 1871, кн. 4, табл. 1, и кн. 6, табл. 4, стр. 31—33. Н. П. Кондаковъ, у. с., рис. 5.

³⁾ И. И. Срезневскій, см. Записки Ими. Акад. Наукъ. Приложение къ т. IX, 1866. № 3, стр. 41—48. В. А. Прохоровъ. Русскія Древности. 1871, кн. 6, табл. 1, стр. 31—33. Н. П. Кондаковъ, у. с., рис. 6.

жеской семьи въ среднемъ нефѣ храма и въ Византіи, если не считать слишкомъ далекия по времени знаменитыя мозаики въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ, да мозаичныя изображенія царей и царицъ X и XI вв. на хорахъ Св. Софіи Цареградской, неизданныя Зальценбергомъ и извѣстныя мнѣ лишь по краткому переченію ихъ у А. Н. Муравьева ¹⁾.

Не оказывается ихъ и въ Грузіи среди близкихъ отчасти по времени ко Св. Софіи кievской изображеній царственныхъ ктиторовъ на внутреннихъ стѣнахъ тамошнихъ церквей, по скольку онѣ извѣстны намъ по изданіямъ ²⁾.

По сравненію съ Равенной въ Кіевѣ черезъ пятьсотъ лѣтъ изображенія князей заняли болѣе подобающее имъ мѣсто: на стѣнахъ не алтаря („вимы“), а средняго нефа („хора“), съ другой стороны композиція одна, и мужская и женская половина оказываются лишь внутри ея самой. Слѣдовательно, если на стѣнѣ лѣвой, женской, половины церкви предполагать аналогичную композицію подъ хорами для женщинъ, то отличіе отъ сохранившейся можно предполагать, очевидно, лишь въ замѣнѣ средней, мужской здѣсь, фигуры соотвѣтственною женскою—³⁾. А если центральная фигура была другая, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что все прочія фигуры, т.-е. Ярославъ, Ирина и ихъ дѣти повторены были на сѣверной стѣнѣ вторично, разница могла быть лишь въ атрибутахъ, напр. здѣсь Ярославъ могъ церкви уже и не подносить; но возможно и многое иное: напр., что княжеской семьѣ здѣсь соотвѣтствовали митрополитъ съ клиромъ, и т. п.

Кто же занималъ центральное мѣсто въ той и другой парной композиціи на фрескахъ XI-го вѣка и на той росписи, которую видѣлъ въ 1651 г. Вестерфельдъ?

Храмъ Ярославъ могъ подносить, разумѣется, лишь Тому, Кому онъ былъ вздвигнутъ, т.-е. Христу; на соотвѣтственномъ же мѣстѣ напротивъ на сѣверной стѣнѣ подъ женскими хорами могла быть изображена Божія Матерь; такъ и должны мы представлять себѣ фреску, написанную въ XI-омъ вѣкѣ.

¹⁾ Письма съ Востока въ 1849—1850. Ч. I. 1851, стр. 23—26; ср. Кіевъ и его святыня. Кіевъ. 1864, стр. 52—53.

²⁾ Въ Кутаисскомъ соборѣ (XI в.) русскіе послы въ 1650 г. описывали царское мѣсто такъ: „на правой сторонѣ у столпа мѣсто царево каменное и писаны цари, приходъ въ тое соборную церковь, и на томъ мѣстѣ ставится“ (Древняя Россійская Визелюника. Изд. 2-ое, т. V, 1788 г., стр. 194, ср. стр. 172: „писано въ немъ и околу его святыя и цари“). Въ Гелатскомъ соборѣ на сѣверной стѣнѣ изображенія царей XII—XIII вв. (см. Gagarine, *Le Caucase Pittoresque*. 1847, pl. VIII), но переписанныя въ XVII в. (Муравьевъ. Грузія и Арменія. III, стр. 188—189); въ Некреси ктиторъ (уже святой) съ семьєю написанъ на западномъ концѣ южной стѣны (Gagarine, pl. XLVIII; о времени см. Матер. по Археол. Россіи. № 22, стр. 34, пр. 2). Цари безъ моделей храмовъ въ рукахъ: въ Визаніи (Бетани) близъ Тифлиса—XIII в. (Gagarine, pl. XXXIX, ср. pl. XXXVIII); въ Сіонской церкви въ Атени—IX в. (?) (*ibid.*, pl. LVIII); болѣе поздніе ктиторы XVI—XVII вв.—см. тамъ же: pl. XLV, LVIII.

³⁾ Мнѣ могутъ указать еще на слѣдующую возможность дѣленія композиціи Вестерфельда между четырьмя полями подъ хорами западной части средняго нефа: 1) на южной стѣнѣ а) между 1-ой и 2-ой пилястрой—княжичи, б) между 2-ой и 3-ей—Ярославъ и тотъ, кому онъ подноситъ церковь, и II) на сѣверной стѣнѣ а) между 1-й и 2-ой пилястрой — княжны и б) между 2-ой и 3-ей — князья и опять таже, или аналогичная женская, фигура. Но такая возможность устраняется слѣдующимъ соображеніемъ: было бы приличнѣй и естественнѣй фигуры, которымъ подносится храмъ, помѣстить не въ западной, а въ восточный конецъ каждой изъ двухъ аналогичныхъ композицій, и не рисовать князей, уходящими изъ церкви, какъ то оказывается теперь. Послѣднее, на что также не было обращено должнаго вниманія, можетъ объясняться, разумѣется, только „центральностью“ композиціи на каждой изъ стѣнъ, т.-е. опять-таки заставляетъ такъ или иначе втиснуть весь рисунокъ Вестерфельда на одну южную стѣну.

Не то, однако, видимъ на рисунокѣ 1651 года: здѣсь среднюю фигуру никоимъ образомъ нельзя признать Христомъ: царская корона, скипетръ и крестъ въ одной рукѣ и мечъ въ другой, шуба съ длинными рукавами и отсутствіе креста въ нимбѣ— все это ясно указываетъ, что Вестерфельдъ, какъ бы онъ ни ошибался въ непривычныхъ деталяхъ, копировалъ изображеніе не Христа. Древняя фигура Христа была слѣдовательно при реставраціи Петра Могилы заново переписана; на это помимо деталей (корона, скипетръ, шуба), невозможныхъ по формамъ ихъ для XI вѣка, указываетъ еще и тѣнь, падающая на землю отъ этой только фигуры. Кѣмъ же замѣнилъ Могила Христа, къ его времени, быть можетъ, при указанномъ выше (стр. 448) поврежденіи западной части храма, сильно пострадавшаго отъ сырости или иныхъ причинъ?

Единственнымъ лицомъ, къ которому подходили бы все наличные на рисунокѣ Вестерфельда, атрибуты, является, на мой взглядъ, св. равноапостольный в. кн. Владиміръ.

Къ сожалѣнію, мнѣ въ Кіевѣ не пришлось видѣть изображеніе св. Владиміра, написанное греческими живописцами въ 1644 году для Петра Могилы въ церкви Спаса на Берестовѣ: на престолѣ сидитъ Христосъ—Великій Архіерей, по сторонамъ Его Божія Матерь и св. Владиміръ, самъ Петръ Могила подноситъ модель реставрированной имъ церкви, конечно, самому Христу, на лентѣ около Владиміра надпись: „Призри Господи на церковь сію юже созда недостойный“¹⁾.

На болѣе древнихъ и притомъ сѣвернорусскихъ изображеніяхъ св. Владиміра онъ является въ русской шапкѣ, а не коронѣ, съ мечемъ и крестомъ въ рукахъ и, конечно, безъ скипетра²⁾. Позднѣе шапка замѣняется царскимъ вѣнцомъ: въ новгородскомъ подлинникѣ XVI-го вѣка „князь Владимиръ — сѣдъ кудреватъ, брада Богослова; камка багряна, исподъ камка лазоръ; въ руцѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнѣхъ; на главѣ вѣнецъ царскій“³⁾, а еще позднѣе описывается такъ: „подобіемъ

¹⁾ Закревскій, стр. 742; Лашкаревъ. Археолог. очерки, стр. 116; В. А. Прохоровъ. Христіанскія Древности. 1875, стр. 23; не даетъ изображенія этой интересной композиціи и Н. Семеновскій въ его книгѣ: Древнѣйшая въ Россіи церковь Спаса на Берестовѣ. Кіевъ. 1877.

Впрочемъ росписи Берестовской церкви поновлены не только въ 1863—65 гг. (Петровъ. Очерки стр. 73), но и ранѣе: въ 1815 году (С. Голубевъ. Петръ Могила. II, стр. 431, пр. 90).

²⁾ Фреска ок. 1369 г. въ церкви Феодора Стратилата въ Новгородѣ см. Русскія Древности изд. В. А. Прохоровымъ. 1871. кн. V, табл. къ стр. 47: Владиміръ между Борисомъ и Глѣбомъ стоитъ на кругломъ коврикѣ; въ правой рукѣ—крестъ, въ лѣвой—мечъ. П. Н. Батюшковъ (Холмская Русь. 1887, табл. къ стр. 7), а по нему и Захарченко (Кіевъ прежде и теперь. 1888, рис. на стр. 31) издають изображенія кн. Владиміра съ крестомъ въ правой и мечемъ въ лѣвой рукѣ, съ вѣнцемъ на головѣ по фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ, которую они относятъ къ XII вѣку, вмѣсто начала XV-аго (см. Д. Н. Березковъ. О храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества. 1902, стр. 140 сл., гдѣ среди упомянутыхъ фресокъ Владиміръ не упоминаютъ). Эта фигура написана на столбѣ противъ праваго клироса за архіерейскимъ мѣстомъ; но надписи при ней не сохранилось; П. Н. Батюшковъ имѣлъ акварель съ фрески еще не реставрированной, но издалъ свою хромолитографію уже по реставраціи: см. Холмская Русь, прилож., стр. 13—14; Прот. А. Виноградовъ. Истор. Каѳедр. Успенскаго собора въ губ. г. Владимірѣ. 3 изд. Владимірѣ. 1905, стр. 95; К. Цибульскій—Кіевская Старина. XIX. 1887, стр. 555—556.

Св. Владиміръ и его сыновья написаны были въ Грановитой Палатѣ при Иванѣ Грозномъ (Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. X, изд. Эйнерлинга, стр. 153, примѣч. 452).

³⁾ Иконописный подлинникъ новгородской редакціи по софійскому списку конца XVI вѣка, съ вариантами изъ списковъ Забѣлина и Филимонова. (Сборникъ на 1873 годъ, изданный обществомъ древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ редакціей Г. Филимонова. Москва. 1873. 4^о. Матеріалы. I, стр. 34). Объ иконахъ Св. Владиміра см. Тр. К. Д. Ак. 1899. II, стр. 452, 456, 457.

старъ и сѣдъ, власы мало кудреваты, брада аки Іоанна Богослова, на главѣ аки вѣнецъ царскій, ризы камчатныя княжскія багряныя, исподняя камчатная жъ лазоревая, на нихъ травы золотыя, въ рукѣ мечъ въ ножнахъ, въ другой свитокъ¹⁾.

Къ этимъ атрибутамъ, обычнымъ въ изображеніяхъ свв. князей, на рисункѣ Вестерфельда оказывается прибавленнымъ еще скипетръ, который мы находимъ и на другихъ южно-русскихъ изображеніяхъ: на гравюрѣ на деревѣ, помѣченной 1634 годомъ въ Тератургимѣ (1638 г.; стр. 53) Владиміръ представленъ сидящимъ на тронѣ, въ коронѣ и со скипетромъ между двумя ангелами; на другой, болѣе гравюрѣ съ буквами **І. К.** и датой 30 декабря 1680 г. въ Синописѣ кievской печати того же года „Царь Владиміръ“ (л. 46 об.) изображенъ стоящимъ en face, въ коронѣ, съ крестомъ въ правой и скипетромъ въ лѣвой рукѣ; обѣ руки выходятъ изъ прорѣзовъ длинныхъ, спущенныхъ концами внизъ рукавовъ, какіе (но безъ обозначенія прорѣзовъ) видимъ и на рисункѣ 1651 г. Владиміръ, изображенный вмѣстѣ съ Ольгою на выходномъ листѣ книжки Вармунда: *Universa Religio Moscovitica* (1694 г. и сл.)²⁾, одѣтъ уже въ горностаевую мантию; въ правой рукѣ скипетръ; лѣвая же приподнята передъ грудью и полураскрыта, но ничего не держитъ; на головѣ—корона.

На рисункѣ Вестерфельда Владиміръ оказывается, слѣдовательно снабженнымъ всѣми его атрибутами, кромѣ развѣ свитка (въ подлинникѣ XVIII в.). Фасонъ и узоры его шубы, форма скиптра и короны—все ясно указываетъ на новѣйшую эпоху³⁾: такой фигуры на фрескѣ XI в. быть, разумѣется, не могло, и мы должны поэтому считать ее реставраціей времени Петра Могилы, о работахъ у котораго и греческихъ и московскихъ иконописцевъ имѣются документальныя извѣстія⁴⁾.

Если наши предположенія о симметричности росписей средняго нефа Св. Софіи (см. выше) справедливы, то на мѣстѣ, соответствующемъ св. Владиміру, всего есте-

1) Вѣстникъ Общ. Древне-Русскаго Искусства. 1874—76. Отд. II, № 5: Сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка, стр. 115: въ свиткѣ пишется: „Боже сотворивый небо и землю, призри на новопросвѣщенные люди своя даждь имъ Господи увѣдати истиннаго Бога, и утверди ихъ въ правую вѣру“.

2) *Religio Moscovitica das ist die auffgehende Sonne der Christlichen Religion im gantzen Reussischen Reiche. . . auf Licht gegeben von Theophilo Wahrundo. Gedruckt im Jahr 1694* (безъ мѣста печати). Обѣ фигуры стоятъ предъ пиластрами фронтисписа; Владиміръ направо, Ольга (S. Helena) налѣво, надъ нею солнце, т. к. она называется въ русскихъ книгахъ „*imago solis*“ (S. 6); гравюра помѣчена: *Phil. Neus. sc.* При изданіи 1712 г. тѣ же фигуры, но переведенные обратно, помѣщены на фонѣ пейзажа въ видѣ особой таблицы, не фронтисписа. Прочихъ указываемыхъ Ровинскимъ (Полный Словарь Русск. Гравир. Портретовъ. 1889, II, прилож., стр. 10) изданій я не видалъ.

3) Странное отсутствіе ногъ и нелѣпный рисунокъ нижняго края одежды, (шуба и хитонъ оказываются на издаваемой копіи XVIII в. однимъ цѣлымъ кускомъ матеріи,) позволяютъ догадываться, что на оригиналѣ Владиміръ стоялъ на кругломъ коврикѣ, какъ въ ц. св. Феодора (см. выше, стр. 455, пр. 2); художникъ же нижній край и кайму этого коврика принялъ за нижній край одежды.

4) Греки (судя по надписямъ) расписывали церковь Спаса на Берестовѣ (см. выше, стр. 455, пр. 1); о московскомъ сусальникѣ Акимѣ Евтихievѣ, работавшаго для Петра Могилы въ 1644—45 гг. сусальное золото, см. Акты Ю. и З. Россіи. III, стр. 65—66. Къ сожалѣнію письмо Могилы царю, гдѣ говорится, что „нынѣ... щедротная благодать царскаго вашего величества сице преславнаго иконы во храмъ святаго Софіи украси, воеже всѣмъ дивитися преславному сицевому дѣлу и благодарити вашего царскаго величества“, письмо это сохранилось въ отрывкѣ и помѣчено при изданіи (А. Ю. и З. Р. III, стр. 65) ошибочно, вмѣсто 1645 (см. выше, стр. 223, пр. 1), 1644 годомъ, что ввело въ ошибку даже С. Голубева (Петръ Могила, II, стр. 418), который, впрочемъ, „Михаила Феодоровича“ неправильно въ „Алексѣя Михайловича“.

ственно было бы написать св. Ольгу, какъ и сопоставлены они на гравюрахъ въ книжкѣ Вармунда¹⁾ и въ кievской книгѣ 1628 г.: „Главизны діакона Агапита“.

Почему же реставраторы Петра Могилы написали въ среднѣй разсматриваемой композиціи вмѣсто Христа, — или на мѣстѣ Христа, если эта часть фрески была тогда совсѣмъ разрушена, — изображеніе Владиміра Святого?

Едва ли можно сомнѣваться, что ближайшимъ поводомъ къ тому была извѣстная, но тѣмъ не менѣе темная, исторія открытія въ 1635 г. въ развалинахъ Десятинной церкви какого-то мраморнаго саркофага съ останками, признанными Петромъ Могилою за мощи св. Владиміра²⁾.

¹⁾ Св. Ольга держитъ въ одной рукѣ крестъ, а въ другой скипетръ; поза ея болѣе живая, чѣмъ св. Владиміра; мантия также горнистаева, на головѣ корона; общій характеръ значительно болѣе „европейскій“, чѣмъ св. Владиміра. На кievскомъ фронтисписѣ — лишь головы въ коронахъ.

Разъ рѣчь зашла объ изображеніяхъ св. Ольги, то пользаюсь случаемъ сообщить указаніе, которымъ я обязанъ покойному А. А. Неустроеву, на оригиналъ „образа св. Ольги“, принадлежащаго кн. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, копія съ котораго поступила по завѣщанію А. Н. Муравьева въ Десятинную Церковь, гдѣ и стоитъ у сѣверной стѣны. Въ извѣстныхъ мнѣ упоминаціяхъ объ этомъ образѣ, теперешняго мѣстовахожденія котораго мнѣ пока точно не удалось доискаться, отнесеніе его къ Ольгѣ, что вычитываютъ изъ безграмотной и искаженной греческой надписи на немъ, почти единогласно признается невозможнымъ (Вѣсти. Юго-Зап. и Западн. Россіи. Т. I, 1862, кн. 2, августъ, отд. IV, стр. 122; Срезневскій — Древности. Археол. Вѣстникъ. 1867, стр. 5; Ровинскій. Подробный словарь русск. гравир. портретовъ. С. П. Б. 1889, стр. I, 1178, II, прилож. 185; Голубинскій. Ист. русск. церкви. I, 1. 1901 стр. 84, пр. 1). Когда я показалъ любезно присланную мнѣ изъ Кіева В. Т. Георгиевскимъ литографію 1877 года съ копіи, находящейся въ Десятинной церкви, покойному хранителю картинъ Импер. Эрмитажа А. А. Неустроеву, то онъ тотчасъ же указалъ мнѣ оригиналъ этой иконы: св. Марію Магдалину, картину голландскаго живописца Квентина Метсиса (1466—1530), находящуюся въ галереѣ Манзи въ Луккѣ (см. *Klassischer Bilderschatz*, № 1066), которая отъ „иконы Ольги“ отличается лишь тѣмъ, что фигура Магдалины помѣщена на фонѣ пейзажа, а не готическаго портика и узорчатой ткани, какъ на „иконѣ“; послѣдняя, очевидно, является копіей или, м. б., повтореніемъ кисти самого же Метсиса.

Въ новой работѣ W. Cohen'a (*Studien zu Quinten Metsys*, Bonn, 1904, S. 73—74, 82) указывается на картину въ Антверпенскомъ Музеѣ (№ 243; по каталогу 1905 г. на ней Магдалина изображена „placée sous un portique, qui repose sur des colonnes de porphyre...; fond: paysage“) и въ бывшемъ соборѣ бар. Альфонса Родильда въ Парижѣ. Итого оказывается три варианта, а м. б., и четыре, если „икона“ Бѣлосельскихъ не окажется копіей.

Относительно греческой надписи судить, не видавъ оригинала, не дерзаю; противъ простѣйшаго предположенія о позднѣйшей фальсификаціи говорить, на мой взглядъ, то обстоятельство, что званіе „госпожи рода Росъ“ оказывается написаннымъ наименѣе вразумительно и въ оригиналѣ прочтется, можетъ быть, что либо совсѣмъ иное. Замѣчу еще, что на „иконѣ Ольги“ золотой сосудъ орнаментированъ иначе, чѣмъ на картинѣ въ Луккѣ: болѣе на восточный манеръ.

²⁾ Объ этомъ см. выше, стр. 296 и 418. Древнѣйшія упоминанія объ этомъ фактѣ у Кальнофойскаго [*Тератогурѣя*, 1638, предисловіе: „его въ годъ Господень 1635 святыхъ реликви въ церкви Десятинной, поистинѣ какъ жемчужину изъ перла, изъ мусора мы вырыли“; стр. 53: „св. мощи его найдены въ 1636 г.“] и сообщеніе о томъ же самымъ Могилою царю Михаилу Теодоровичу не содержитъ никакихъ указаній на основанія для сдѣланнаго митрополитомъ, — который, какъ извѣстно (см. статью о немъ Ф. Терновскаго въ Кievской старинѣ II, 1882, стр. 1—24, ср. особенно 13—24), скептизмомъ не отличался, — заключенія о тождествѣ найденнаго саркофага съ гробницею св. Владиміра; мѣсто находки въ развалинахъ той церкви, гдѣ онъ былъ по историческимъ даннымъ погребенъ, казалось по началу достаточнымъ доказательствомъ; слабость этого аргумента выступила, вѣроятно, по мѣрѣ появленія другихъ подобныхъ находокъ: „въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ русскихъ князей“, — пишетъ Бошпанъ (Матер. по ист. топогр. Кіева. II, стр. 44) — и невозможность опредѣлить принадлежность гроба тому или другому князю выяснилась, очевидно, сама собою. Этимъ-то возникновеніемъ сомнѣній въ вѣрности первоначальнаго заключенія и надо, какъ мнѣ кажется, объяснять и странное молчаніе современниковъ о столь важной, казалось бы, находкѣ, и неисполненіе Могилою его намѣренія перенести гробницу или по крайней мѣрѣ мощи въ Св. Софію, и исчезновеніе и самихъ мощей, крѣзь головы хранившейся сперва въ ц. Спаса на Берестовѣ, а потомъ Могилою же переданной въ Лавру, и, на-

При письмѣ отъ 29 января 1640 г. онъ посылалъ царю Михаилу Теодоровичу¹⁾ со своимъ намѣстникомъ вмѣстѣ съ двумя крестами [деревянными?] собственноручной работы и „мощи великаго князя Владимира Кіевскаго въ ковчегѣ сребряномъ“ (А. Ю. и З. Р. III, стр. 41), а въ письмѣ называлъ ихъ „святыхъ мощей его часть, въ Десятинной церквѣ Пресвятыя Богородицы кіевской разоренной, мною въ мраморномъ гробѣ, иде же древле положены быша, обрѣтенныхъ“ (Памятники. I—II, стр. 426) и просилъ у царя „раку... святаго равноапостольнаго великаго князя Владимира, царскаго тя величества прадѣда, въ ней же положше святыя его мощи Божіею помощію отъ Десятинной въ святой Софійн церкве, по свѣтлое недѣль святой Пасхи (возвращавшимся посланникомъ смѣренія моего отъ царскаго ти величества) пренесеніе свѣтолѣпно сотворити хотимъ“ (ibidem). Посланецъ митрополита говорилъ о просимомъ подробно: имѣлась въ виду, по всей видимости, деревянная, рѣзная, золоченная конечно, рака²⁾. Москвичи, недовольствуясь письмомъ митрополита, разспрашивали объ этомъ обрѣтеніи новыхъ мощей посланцевъ; къ сожалѣнію ихъ показанія изложены въ очень короткой припискѣ къ докладу: „а обрѣль де онъ тѣ мощи въ розоренной церквѣ, подъ спудомъ, во 143 (=1635) году“ (А. Ю. и З. Р. III, стр. 48). Просьба митрополита, однако, исполнена не была: по крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно ни о присылкѣ раки, ни о перенесеніи найденныхъ въ Десятинной церкви останковъ въ Св. Софію (Голубевъ. Петръ Могила. II, стр. 434).

конецъ, утрату мраморныхъ гробницъ. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство о „положенныхъ на нихъ надписяхъ“, по которымъ и произвели, якобы, опредѣленіе гробовъ Владимира и жены его Анны, является лишь въ концѣ XVIII в. у митроп. Самуила Миславскаго въ составленномъ имъ (Закревскій, стр. 282) „Описаніи Кіево-Печерскія Лавры“ (Кіевъ, 2-е изд., 1795, стр. 80); напротивъ того, митрополитъ Евгеній, говоря объ открытіи этого (Опис. Кіево Соф. собора. 1824, стр. 7 и 8, пр.; Опис. Кіево-Печерской Лавры. 1826, стр. 91—92), выражается съ весьма замѣтнымъ недоумѣніемъ къ свидѣтельству этому (ср. и Закревскій, стр. 282 сл.), въ чемъ, однако, новѣйшіе историки церкви ему почему-то не слѣдуютъ (Макарій, Ист. русск. церкви. I 3 изд. 1889, стр. 94; Голубинскій, Ист. русской церкви. I. 1. 1901, стр. 186; С. Голубевъ. Митр. Петръ Могила. II, стр. 427, 433—435), хотя послѣдній и отрицаетъ находеніе Могилою гробницы Анны и Ольги (стр. 435); относительно ольгиной гробницы сомнѣвается видимо и Голубинскій (у. с., стр. 84, пр.); митроп. Макарій (Ист. русской церкви. I, 3 изд., 1889, стр. 82—84), подробно изложивъ исторію гробницы Ольги, поздніе рассказы (см. Труды Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ. Ч. III. кн. 1. 1826, стр. 166—167) о находкѣ Могилою и ея гробницы, опять скрытой якобы въ 1777 г., принимаетъ на вѣру, хотя достовѣрность всѣхъ этихъ рассказовъ не превосходитъ доселѣ повторяющихся время отъ времени слуховъ о новой находкѣ гробницы Владимира подъ новою уже Десятинною церковью, куда заложены каменные гробы найденные при раскопкахъ 1824—26 годовъ Ср. Е. Голубинскій. Ист. канонизаціи святыхъ. 1903, стр. 56—57, 63—64.

1) Памятники, изданные Кіевскою Комиссіею для Разбора Древнихъ Актовъ. Т. I—II, изд. 2-е. Кіевъ. 1898. стр. 423—427 [въ заголовкѣ и оглавленіи (стр. 610, № XIV) ошибочно напечатано „Алексею Михайловичу“]; письмо издано здѣсь по подлиннику Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, тогда какъ ранѣе оно же извѣстно было лишь въ ошибочномъ „спискѣ съ грамоты бѣлорусскаго писма“, изданномъ въ Актахъ Ю. и З. Россіи III. 1861. № 18, стр. 27—29, и помѣченномъ 29 октября того же года; слѣдующіе №№ 19—48, относящіеся къ тому же посольству архим. Игнатія Старушича датированы правильно.

2) Акты Ю. и З. Р. III, стр. 44, № 39, челобитная арх. Игнатія Старушича, 7 апрѣля; въ докладѣ (ibid., № 44, стр. 48) просьба изложена короче, „чтобъ государь пожаловалъ велѣлъ здѣлать раку на мощи прародителя своего святаго и великаго князя Владимира, своимъ государевомъ мастеромъ, которые умѣютъ рѣзать царскіе рѣзные двери и иные вещи, и своею жъ государевою казною, какъ государю Богъ извѣститъ; а та де рака съ тѣми мощми стояти будетъ въ соборной церквѣ Софійи премудрости Божіи, юже соорудилъ князь великій Ярославъ Владимировичъ“.

Вѣроятно, въ Москвѣ пожелали сперва провѣрить достовѣрность обрѣтенія мощей, какъ провѣряли подлинность Хитона Господня ¹⁾.

Этотъ вопросъ объ открытіи въ 1635 г. гробницы, якобы, Владиміра Святого имѣеть, полагаемъ, интересъ и чисто историческій и заслуживалъ бы спеціальнаго научнаго разбора его.

Петру Могилю приписываютъ устройство въ Св. Софій особаго придѣла св. Владиміра, существующаго и понынѣ во второй (съ сѣвера) низкой абсидѣ и извѣстнаго по стоящей въ немъ гробницѣ Ярослава ²⁾. Возникновеніе придѣла этого имени естественно, конечно, было бы связывать съ тою же находкой мраморной гробницы въ развалинахъ Десятинной церкви и съ намѣреніемъ перенести въ Софію признанія въ ней мощи св. Владиміра; но мнѣ неизвѣстно прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи придѣла имени его при Могилю: самъ Могила въ указанномъ выше письмѣ 1640 года (см. выше, стр. 458) опредѣляетъ только общее число придѣловъ: „долнихъ осемъ, горнихъ же два . . . нѣкія же отъ нихъ стѣны и верховъ воздвиженія . . . требуютъ“ (Памятники. I—II, 1898, стр. 425); очевидно послѣдніе и освящены еще были; Павелъ Алеппскій (II, стр. 67—72; IV, стр. 185—187) называетъ нѣкоторые придѣлы, но Владимірскаго среди нихъ нѣтъ.

Былъ ли освященъ придѣлъ во имя св. Владиміра Могилою или нѣтъ, во всякомъ случаѣ у реставратора Св. Софій было и безъ того достаточно оснований, чтобы, вмѣсто старой, попорченной вѣроятно временемъ, фигуры Христа, написать рядомъ съ изображеніемъ Ярослава его равноапостольнаго родителя; правда, при этомъ получилась необычная композиція: ктиторъ оказался подносящимъ модель церкви не Тому, Кому она была посвящена ³⁾. Какъ смотрѣлъ Могила на эту несообразность, не ослаблялась ли она находженіемъ Владиміра на выступающей изъ прочей композиціи сторонѣ пилястра: на эти вопросы отвѣтовъ дать я не могу. Во всякомъ случаѣ средняя фигура на рисункѣ 1651 г. никонимъ образомъ не можетъ быть объясняема какъ изображеніе Христа, хотя бы и искаженное вольною передачей художника.

Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. Акад. 1905, II, стр. 469—470) принимаетъ такое же

¹⁾ С. Бѣлокуровъ. Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Господией царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 году. Москва. 1891.

²⁾ П. Лебеднищевъ. Опис. Кіево Соф. собора. 1882, стр. 11: „при митр. Могилю устроены вновь Антоно-Ѳеодосіевскій, Успенскій, Владимірскій и Благовѣщенскій вниау, и на хорахъ—Николаевскій и Андреевскій“; то же и стр. 82; на стр. 13 ко временамъ Могилы относится и иконостасъ Владимірскаго придѣла. Но въ пространной работѣ о соборѣ въ Трудахъ III Археологич. Съѣзда (т. I, 1878, стр. 70 и 72) онъ выражался гораздо осторожнѣе: устройство этихъ придѣловъ относится „къ 17 вѣку“ и лишь „могло принадлежать Могилю“.

³⁾ Можно было бы, конечно, выступить съ инымъ толкованіемъ и искать оригинала, срисованнаго Вестерфельдомъ, въ реставрированной при Могилю же Васильевской (Трехсвятительской) церкви; видя во Владимірѣ, во крещеніи Василія, замѣну одного изъ эпонимовъ церкви; но такое толкованіе было бы невозможнымъ уже по тому, что церковь эта считалась постройкою самого Владиміра и выходило бы, что онъ подноситъ церковь самъ себѣ. Съ другой стороны при такомъ, какъ и при всякомъ иномъ толкованіи, которое отрывало бы весь рисунокъ Вестерфельда отъ сохранившейся и нынѣ въ св. Софій лѣвой части его, крайнѣ невѣроятнымъ кажется мнѣ допущеніе двухъ тождественныхъ композицій въ древности, или, еще менѣе вѣроятное, точное воспроизведеніе древней фрески при Петрѣ Могилю.

понимание этого рисунка Вестерфельда, какъ и я, но не касается вопросовъ о размѣщеніи всѣхъ фигуръ на южной стѣнѣ средняго нефа и несообразности въ поднесеніи модели Св. Софійи Владиміру. Иначе объясняетъ центральную фигуру Н. П. Кондаковъ: онъ видитъ въ ней византійскаго императора¹⁾. Само по себѣ такое объясненіе представлялось возможнымъ и мнѣ: императору южной стѣны соответствовала бы на сѣверной—императрица; греческіе живописцы могли бы такимъ образомъ выразить вассальное отношеніе кіевскаго князя къ византійскому василевсу и нашимъ историкамъ предстояла бы интересная задача рѣшать, насколько такая художественная композиція соответствовала исторической дѣйствительности; но съ такимъ объясненіемъ совершенно не вяжется модель храма на рукѣ Ярослава: церкви и у византійцевъ воздвигались лишь Царю Небесному; если бы дѣло шло объ изображеніи такой или иной зависимости кіевскаго князя отъ императора, то, во-первыхъ, едва ли для этого избрали бы центральное мѣсто храма, а, во-вторыхъ, это и выражалось бы соответственнымъ образомъ: дарованіемъ вѣнца или иной регалии; хотя не исключена возможность поднесенія императору и какого-либо города или крѣпости²⁾. Тогда передѣлку города въ церковь можно было бы относить на счетъ реставраціи Петра Могилы, какъ это несомнѣнно и для вѣнца или, вѣрнѣе, короны Ярослава, которая имѣетъ такую же новую форму, какъ и у центральной фигуры. У княгини зубцы короны менѣе отогнуты вбокъ, но крестикъ на верху ея такъ же не позволяетъ считать эту деталь точнымъ воспроизведеніемъ фрески XI в.; въ коронахъ скорѣе всего могло сказаться и невольное измѣненіе Вестерфельдомъ формы ихъ подъ привычный ему западно-европейскій шаблонъ; напротивъ того, болѣе оригинальныя и странныя для художника детали костюма должны были быть срисованы имъ болѣе точно.

И дѣйствительно, сходство между четырьмя лѣвыми фигурами его рисунка и сохраннымъ рисункомъ Солнцева фреской ясно это показываетъ; на рисункѣ

1) Н. П. Кондаковъ. Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. С. П. Б. 1906, стр. 36: „два ряда фигуръ . . . идущихъ къ фигурѣ, облаченной въ императорскій орнатъ, составляющихъ, несомнѣнно, изображеніе Ярослава съ его семействомъ, повидимому, передъ византійскимъ императоромъ“. . . ; стр. 37: „представляется прежде всего непонятнымъ, что Ярославъ подходит, неся модель св. Софійи, къ неизвѣстному императору, тогда какъ на его мѣстѣ было бы вполне прилично видѣть Господа Вседержителя. Единственное объясненіе, которое мы могли бы этому обстоятельству дать, что на этомъ мѣстѣ изображенъ былъ не самъ Господь Вседержитель, но Его эмблематическое подобіе—святая Софія Премудрость Божія, въ видѣ царственнаго ангела огненнаго цвѣта, котораго императорскій орнатъ далъ поводъ къ сочиненію здѣсь фигуры императора“.

2) Можно было бы, конечно, предполагать и не безъ реальныхъ основаній (см. напр. пиксиду гр. Гр. С. Строганова, — *Byzantinische Zeitschrift*. VIII, 1899, S. 262) поднесеніе императору города, замка и т. п., но опять-таки средній нефъ церкви—не мѣсто для подобной композиціи; городъ же при реставраціи легко могъ обратиться въ церковь, тѣмъ болѣе, что изображенная на рисункѣ Вестерфельда церковь не очень-то похожа на св. Софію, что и дало поводъ Н. И. Петрову (Тр. К. Дух. Ак. 1905. II, стр. 440) толковать ее какъ изображеніе Св. Софійи „еще безъ наружныхъ низкихъ папертей и, кажется, безъ круглыхъ башенъ по концамъ западной стѣны, но уже съ крещальнею съ правой стороны отъ входа въ храмъ, въ который вели двѣ рядомъ стоящія двери“. Я не рѣшаюсь требовать отъ этой модели болѣе точности, чѣмъ отъ многихъ иныхъ и живописныхъ и скульптурныхъ воспроизведеній храмовъ въ рукахъ ктиторомъ, воспроизведеній, которыя имѣютъ обыкновенно лишь самое общее сходство съ оригиналами. Интересны, конечно, открытыя, повидимому во всю высоту, арки церкви; но о такихъ деталяхъ опасно дѣлать выводы по копіи.

1651 г. деталей больше, чѣмъ сохранилось на фрескѣ, но детали эти таковы,—напр. птицы на одеждѣ третьяго слѣва княжича,—что я не вижу оснований сомнѣваться въ точности, разумѣется относительной, передачи Вестерфельдомъ того, что онъ видѣлъ, и никакъ не могу согласиться съ Н. П. Кондаковымъ, якобы „всѣ послѣдующія фигуры могутъ быть объясняемы условно, какъ вольная передача нѣкоторыхъ воспоминаній, вынесенныхъ художникомъ изъ церкви“ (о. с., стр. 37) и будто бы „польскій рисунокъ представляетъ въ деталяхъ сочиненную старину“ (ibid., стр. 36, примѣчаніе).

Конечно, рисунокъ Вестерфельда не столь точенъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ современныхъ археологовъ; конечно, шапки княжичей оказываются на немъ, какъ замѣтилъ Н. П. Кондаковъ, искаженными; но то, что можетъ быть проверено сравненіемъ съ рисункомъ Солнцева, даетъ, на мой взглядъ, достаточно оснований, чтобы вѣрить въ точность въ общемъ передачи и остальныхъ несуществующихъ болѣе фигуръ: птицы въ кругахъ на плащѣ Ярослава никакъ не могутъ быть „сочиненною стариною“ XVII вѣка.

Не сочинены, конечно, и покрывала на волосахъ княгини и старшей изъ ея дочерей: это—реальная особенность костюма замужней женщины.

Къ сожалѣнію я не въ силахъ произвести соответственные хронологическіе выводы изъ этого важнаго для исторіи Св. Софій обстоятельства: извѣстій о дочеряхъ Ярослава въ нашей лѣтописи нѣтъ, извѣстія же иностранныя слишкомъ разнорѣчивы, да и вообще для меня мало доступны; нашими же историками, насколько мнѣ извѣстно, въ новѣйшее время вновь пересматривался лишь вопросъ объ Аннѣ, королевѣ французской; ранѣе ея вышедшей замужъ за норвежскаго короля Гарольда считалась Елизавета, что относили къ 1045 году, насколько, однако, эти старыя заключенія могутъ быть принимаемы теперь, я судить не берусь¹⁾, предоставляя это специалистамъ.

Столь же запутанъ и вопросъ объ окончаніи постройки Св. Софій; выводы ея историка прот. П. Лебединцева²⁾ теперь, повидимому, принимаемы быть не могутъ: лѣтопись и здѣсь въ древнѣйшихъ ея спискахъ никакихъ указаній не даетъ; иныя записи указываютъ подъ 4 ноября „освященіе Св. Софій, иже есть въ Кіевѣ градѣ; освящена Ефремомъ митрополитомъ“³⁾, но время послѣдняго тоже точно не установлено: упоминается онъ въ 1055 г.⁴⁾, и не могъ быть ранѣе 1051 года. Слѣдовательно при немъ замужними должны были бы быть изображены уже двѣ дочери Ярослава. При столь поздней датѣ являлся бы вопросъ и относительно сыновей: изображены ли во главѣ ихъ Владиміръ († 1052) или Изяславъ. Да и вообще число изображен-

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Россійск. т. II, изд. Эйнерлинга, стр. 18—19, прим. 41—44, стр. 19 сл.; Историческое разысканіе о дочеряхъ Ярослава. Изъ сочиненій С. Руссова. С. П. Б. 1824; Recueil de pièces historiques sur la reine Anne ou Agnès (etc.) . . . avec une notice du prince Alexandre Labanoff de Rostoff. Paris. 1825. (Свадьба Анны 14 мая 1049 г.); Кіевская Старина. 1884. IX, стр. 555—560, съ портретомъ новѣйшаго сочиненія (1820 гг.) Анны; Историч. Вѣстникъ. 1894, т. LV, стр. 198—209; Русскій біографическій словарь. II. 1900, стр. 193; Ровинскій. Подробн. Слов. Русск. Портретовъ. I, стр. 293—294.

²⁾ Тр. III Арх. Свѣзда I, 1878, стр. 56—58; Оп. Кіево-Соф. собора. 1882, стр. 76.

³⁾ Архіеп. Сергій. Полный Мѣсяцесловъ Востока. II, 1901, стр. 344.

⁴⁾ Голубинскій. Ист. русской церкви. I. 1. 1901, стр. 286.

ныхъ на рисунокѣ фигуръ не вполне соответствуетъ семьѣ Ярослава: шести сыновьямъ и тремъ дочерямъ. Получить подходящее число восьми человекъ можно только устраненіемъ котораго либо изъ нихъ: предполагать отсутствіе Владиміра, какъ умершаго уже († 1052), препятствуетъ присутствіе княгини Ингигерды-Ирины, которая умерла раньше его (1050); считать же эту большую женскую фигуру за одну изъ дочерей намъ кажется невозможнымъ; если же исключить Игоря, который является подѣ 1036 г. лишь у Татищева, и помѣстить младшаго изъ прочихъ княжичей Вячеслава, родившагося въ 1033 г., вмѣстѣ съ сестрами, то порядокъ именъ представленныхъ на зарисованной Вестерфельдомъ фрескѣ лицъ долженъ былъ быть, идя слѣва, такой: Всеволодъ, Святополкъ, Изяславъ, Владиміръ, Ярославъ, св. Владиміръ, Ингигерда, Елизавета, Анна, Анастасія, Вячеславъ¹⁾.

Впрочемъ эти историческія комбинаціи лучше предоставить историкамъ специалистамъ, которые обратятъ, надѣемся, свое вниманіе на это изображеніе в. кн. Ярослава съ его семействомъ, изображеніе прошедшее, къ сожалѣнію, черезъ реставрацію XVII в., рисунокъ чуждаго этимъ типамъ художника и копировку конца XVIII в. Мы далеки, конечно, въ виду этого отъ наименованія издаваемого изображенія портретомъ, но полагаемъ, что и въ этомъ видѣ все же получаемъ теперь болѣе вѣрное представленіе о Ярославлѣ, по крайней мѣрѣ объ его костюмѣ, чѣмъ имѣли доселѣ на его „сребрѣ“²⁾.

Табл. VI, рис. 2. Четыре гробницы святыхъ въ различныхъ церквахъ Кіева:

а) св. Варвары, б) в. кн. Ярослава, в) св. Макарія (?) или св. Θεодосія (?) и д) св. Іуліаніи кн. Ольшанской.

Уменьшенное вдвое изображеніе рисунка № 329 въ библиотекѣ Академіи Художествъ, раздѣленное по условіямъ фотографированія на двѣ части (см. выше, стр. 406—407); о подписяхъ, не возбуждавшихъ прежде сомнѣнія въ вѣрности ихъ (см. выше, стр. 416), при ближайшемъ изученіи рисунковъ мнѣніе пришлось отчасти измѣнить.

а) Рака съ мощами св. Варвары въ церкви Златоверхаго монастыря и въ 1651 году была одною изъ извѣстнѣйшихъ святынь Кіева и мы видѣли выше (стр. 289—290), какъ кн. Янушъ Радзивиль, несмотря на свой кальвинизмъ, выпросилъ у митрополита частицы мощей этихъ для своей православной жены и для католическаго епископа Вильны, хотя признаніе ихъ мощами великомученицы Варвары не было тогда

¹⁾ И. П. Срезневскій, докладывая на I Археологическомъ Съѣздѣ объ узанныхъ имъ имѣ въ Св. Софіи съ дочерями княжескихъ фигурахъ (см. выше, стр. 444, 447), также давалъ имъ имена, исходя изъ своего опредѣленія двухъ изъ нихъ женскими—: по срединѣ на колоннѣ [т.-е. пилястрѣ] было изображеніе в. кн. Ярослава..., м. б., съ церковью въ рукѣ; по одну сторону его онъ видитъ въ первой особѣ кн. Припу, во второй Святослава, въ третьей одну изъ княженъ, а въ послѣдней Всеволода; по другую сторону могли быть изображены остальные два сына, Владиміръ и Изяславъ, уменьшія дочери^а.

²⁾ Гр. И. И. Толстой на основаніи монетъ полагалъ, что Ярославъ, какъ и Владиміръ, носилъ лишь длинные усы (Ровинскій. Подробный словарь русск. гравир. портретовъ. I, 1889, стр. 447—448). Спорить съ этимъ свидѣтельствомъ современныхъ Ярославу памятниковъ на основаніи рисунка 1651 г., разумѣется, нельзя, т. к. лицо Ярослава на фрескѣ могло быть уже реставрировано, но опасно полагаться и на крайне небрежные „портреты“ на монетахъ; другіе (П. Лебединцевъ, см. выше стр. 458, прим. 1) въ луну усматриваютъ на тѣхъ же монетахъ Владиміра „небольшую, округлую бородку“.

общепринятым¹⁾). Антиохійскій патріархъ Макарій со спутниками въ 1654 г. считали Варвару мѣстною святою; въ 1656 же „услышавъ чтеніе ея еинаксаря и ознакомившись съ ея житіемъ ясно поняли, что она есть именно св. Варвара мученица Баальбекекая“, мощи которой „царь Василій Македонянинъ прислалъ.. съ своею сестрою.. Владиміру“ (Павель Алеппскій. IV, стр. 187).

¹⁾ Въ изданной Михайловскимъ монастыремъ обстоятельной исторіи его (Кіево-Златоверхо-Михайловскій Монастырь. Кіевъ. 1889. 8^о, см. стр. 17—20) наложены аргументы contra и pro традиціоннаго имени мощей, при чемъ первые явно пересиливаютъ вторые.

Феодосій Сафоновичъ, бывшій настоятелемъ Михайловскаго монастыря въ 1655—72 гг., написалъ въ 1670 особую „Повѣсть о преславныхъ чюдахъ св. великомученицы Варвары“, имѣвшую, судя по введению, и апологетическую цѣль: невѣрующіе оказывались даже среди монастырской братіи (чудо 10) и сама св. Варвара, явившись во снѣ Іоанну Сафоновичу, райцѣ города Кіева, „взявши за руку мовитъ ему: „человѣче знай, мовитъ, же я естемъ святая мученица Варвара. Многи, мовитъ, не вѣрують, абы то мощи мои у Михайловскомъ правдивіи были. И самъ же знай, же мои то мощи правдивіи суть, и вѣсьмъ оповѣдай, абы такъ вѣрили, а на знакъ того, а то уже есть здоровъ“ (чудо 2). О познеленіи мощей Сафоновичъ, оговариваясь, что лѣтописныхъ извѣстій о томъ нѣтъ и что онъ говоритъ по преданію старыхъ людей, сообщаетъ, якобы, они „отъ грецкаго царя въ даръ присланны суть“ стронтелю (въ 1108 г.) монастыря в. ки. Михаилу-Святополку Назславичу. „Сказаніе“ Сафоновича издано Н. И. Петровымъ въ Трудахъ Кіевск. Духовн. Академіи. 1894, т. III, стр. 603—614 по рк. конца XVII вѣка (см. введеііе, *ibid.*, стр. 598—602); св. Димитрій Ростовскій, вѣсьма чтившій св. Варвару (см. П. А. Шляпкинъ, 1913 с., стр. 241 сл.; см. выше, стр. 290, пр. 1), приложилъ къ житію ея (Четыи Минен, декабря 4-го, и отдѣльное изданіе 1698 г.) свое сказаніе „о честныхъ мощахъ святаго великомученицы Варвары“, повторяющее съ замѣненіями, дополненіями и сокращеніями „Повѣсть“ Сафоновича: здѣсь мощи приносятъ съ собою изъ Цареграда вторая жена ки. Михаила Святополка, якобы дочь Алексія Комнина, по имени Варвара; во время татарскаго погрома онѣ „сокровены бѣша отъ хранителей церковныхъ подъ снудомъ тоя церкви въ мѣстѣ тайномъ подъ степенями столпа каменнаго, ведущаго на верхъ церкви“. Рѣчь идетъ, очевидно, о несуществующей нынѣ башнѣ въ родѣ софійскихъ (въ Кіевѣ и Новгородѣ) и иныхъ (Овручъ, Черниговъ и т. д.). Судя по софійскимъ башнямъ, и эту надо полагать въ сѣверномъ концѣ притвора, т. е. тамъ приблизительно, гдѣ теперь стоитъ гробница ки. Варвары въ соотвѣтствіе находящейся въ южномъ концѣ гробницѣ ктitora; обѣ гробницы новѣйшаго устройства и съ таковыми же надписями, но вторая имѣла и старую: „похвалы сего мужа писаніе на камени гробномъ красныя до временъ нашихъ храняхуся“, говорила Опись монастыря 1701—1736 гг. (Закревскій, стр. 506, пр. 4; 507, пр. 1) или Феодосій Сафоновичъ (въ иной редакціи сказанія? К.-З.-М. монастырь. К. 1889, стр. 20, 98).

Въ древнемъ помянникѣ Михайловскаго монастыря XVI—XVII вѣковъ (Чтен. въ Общ. Лѣтоп. Нестора, т. XVII, 1903, отд. III, стр. 8) находимъ упоминаніе лишь: „ктitora обителя сея князи Михайла Святополка, отца его и матеръ, вся родители его и сродники“, о женѣ же ки. Варварѣ не упоминается; впрочемъ, слово „Святополка“ написано по скобленному.

Что мощи (не имѣющія главы) отождествлялись съ мощами Варвары Великомученицы уже въ концѣ XVI в., видно изъ свидѣтельства Лавр. Мюллера 1585 г. (Сборн. матер. для ист. тоногр. Кіева. II, стр. 95) и изъ описанія ихъ Лассотою въ 1594 г. (*ibid.* II, стр. 18). Далѣе о томъ же свидѣлствуютъ завѣщаніе Іова Борецкаго (1631 г.—Закревскій, стр. 520), *Тератоборница* Ав. Кальнофойскаго (1638, стр. 58), Бопланъ (Сборн. матер. II, стр. 45), рѣчь боярина В. В. Бутурлина, при передачѣ 8 янв. 1654 г. Хмѣльницкому отъ царя знамени, гдѣ изображена была влмч. Варвара наряду съ Автономъ и Феодосіемъ (Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 230). Сафоновичъ особенно авторитетными считаетъ признаніе этихъ мощей за мощи Варвары Великомученицы великимъ канцлеромъ короннымъ Георгіемъ Оссолинскимъ въ 1644 г. и антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ въ 1656 г. (ср. Павла Алеппскаго, IV, стр. 187) оба они просила и получили частицы мощей. „А же правдиве святой Варвары, зъ самыхъ преславныхъ чюдесъ познавай и вѣруй не вонпливе“, кончаетъ Феодосій Сафоновичъ свою аргументацію.

Итакъ, откуда явилась ки. Варвара и гробница ея: есть ли это лишь „результатъ ученыхъ догадокъ св. Димитрія Ростовскаго“, какъ полагаетъ Н. И. Петровъ (Очерки, стр. 154, пр. 5), или же въ монастырѣ дѣйствительно оставалась память о ки. Варварѣ, женѣ ки. Михаила Святополка, рѣшить изъ приведенныхъ выше данныхъ я не могу, а между тѣмъ при положительномъ рѣшеніи этого вопроса въ смыслѣ существованія ки. Варвары естественно являлось бы предположеніе о тождествѣ мощей съ останками ея, а не великомученицы Варвары, предположеніе, которое устранило бы многообразныя затрудненія, не позволяющія въ научномъ трудѣ слѣдовать традиціи, хотя бы и трехвѣковой (ср. Е. Е. Голубинскаго. Ист. русск. церкви. I. 2. 1905, стр. 418).

Упомянутія о мощахъ св. Варвары и краткія описанія ихъ изъ времени ранѣе 1651 г., даютъ о ракъ и ея украшеніяхъ мало подробностей, которыя мы могли бы сравнивать съ рисункомъ Вестерфельда; только Лассота сообщаетъ, что мощи лежали въ деревянной ракъ, стоявшей слѣва отъ входа, т.-е. у сѣверной стѣны церкви. Изъ завѣщанія Юва Борецкаго также можно заключить, что св. Варварѣ посвященъ былъ въ его время сѣверный нефъ древней части церкви.

Болѣе подробныя данныя о положеніи раки у Павла Алеппскаго 1654 и 1656 г., (см. выше, стр. 314) не совсѣмъ, однако, ясны ¹⁾, и положеніе раки по нимъ можно предполагать и въ западномъ и въ восточномъ концѣ сѣвернаго нефа церкви въ зависимости отъ того, откуда войти въ него: изъ средняго ли нефа ея или съ улицы изъ сѣверныхъ дверей, о которыхъ упоминалъ Павелъ ранѣе; вѣроятно же, однако, второе и желѣзная рѣшетка оберегала здѣсь, какъ и двѣ подобныя въ св. Софїи (см. ниже, стр. 468), драгоценнѣйшее и тогда уже достояніе монастыря отъ попытокъ похитить ли его цѣликомъ или лишь ограбить различныя дорогія приношенія на гробъ святой, чего и бывали попытки ²⁾. И по рисунку Вестерфельда видно, что мощи св. Варвары и тогда, какъ и теперь, особенно привлекали щедроты богомольцевъ; на это большое количество поклонниковъ указываютъ и стоящая подлѣ раки шкатулка съ прорѣзомъ въ крышкѣ, очевидно копилка или же свѣчной ящикъ, и лампада, висящая предъ ракою, и особенно нѣсколько иконъ, очевидно обѣтныхъ, изъ которыхъ устроены цѣлый фронтонъ на лицевой стѣнкѣ балдахина надъ ракою.

Эта деревянная сѣнь надъ ракою представляетъ по формѣ точеныхъ столбиковъ поразительное сходство съ сѣнью надъ другою гробницей, представленной на томъ же листѣ и обозначенной подписью конца XVIII в. какъ гробъ св. Θεодосія (см. ниже, *d*); относительно дальнѣйшаго сходства и въ верхней части сѣни, помимо указанной стѣнки съ иконами, судить нельзя, т. к. эта часть украшена матерчатыми завѣсами различной на каждой сѣни формы; однако, общая форма и этихъ частей сходна и потому является естественное предположеніе, что обѣ сѣни сдѣланы были однимъ и тѣмъ же лицомъ, или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе одновременно.

Но отъ XVII вѣка и ранѣе имени устроителя раки св. Варвары и сѣни надъ нею неизвѣстно. На рисункѣ Вестерфельда рака имѣетъ видъ ящика съ плоскою крышкою, украшеннаго выпуклыми рамками четырехугольныхъ полей, внутри которыхъ видны орнаменты вродѣ цвѣтовъ. Павелъ Алеппскій въ 1654 г. (II, стр. 73) назвалъ ее только „красивою“, но въ 1656 г. (IV, стр. 187) отмѣтилъ, что „недавно устроили... прекрасную раку изъ чернаго дерева, обложенную серебромъ“. Ее смѣнила въ 1694 г. серебряная, устроенная Мазепою ³⁾.

¹⁾ Съ задней стороны сѣвернаго хороса [т.-е. нефа],— пишетъ Павелъ Алеппскій (II, стр. 73),— изящный алтарь лацемъ къ лѣвой сторонѣ входящаго въ хоросъ. Онъ имѣетъ рѣшетку съ двумя створами, сверху до низа изъ желѣза, сплетенную со всевозможнымъ искусствомъ, разрисованную цвѣтами и изображеніями ангеловъ и святыхъ, на подобіе описанной нами [см. ниже, стр. 468, пр. 3] въ церкви св. Софїи. Внутри этого алтаря красивая рака съ мощами св. Варвары Баальбекской (т.-е. Елѣонольской)“.

²⁾ См. „Повѣсть“ Ѳ. Сафоновича—чудо 4-е; И. А. Шляпкинъ (Св. Димитрій Ростовскій, стр. 243, примѣчаніе) упоминаетъ объ обвиненіи въ похищеніи мощей самого Θεодосія Сафоновича.

³⁾ Закревскій, стр. 529, 533; Кіево Златоверхо-Михайловскій монастырь, стр. 102; въ Обзорѣніи Кіева, изданномъ Фундуклеемъ (стр. 54) читаемъ: „кипарисный гробъ, въ которомъ находились мощи...“

Н. И. Петровъ (Очерки, стр. 156), говорить, что „въ это время моци сохранились въ кипарисной, обшитой серебрянымъ глазетомъ розоваго цвѣта съ полосками, гробницѣ, которая и понынѣ находится въ монастырской ризницѣ“. Не видавъ этого гроба или раки, я не могу судить о степени сходства его съ изображеннымъ на рисункѣ 1651 г. и, слѣдовательно, не могу провѣрить ни точности этого рисунка, ни правильности утверждения Н. И. Петрова; изображение же гроба, изданное Н. Семеновскимъ и А. Гаммершмидомъ въ ихъ „Галереѣ“ (см. выше, стр. 202, тетрадь III) не представляетъ достаточнаго сходства съ ракою на рисункѣ и вообще кажется скорѣе гробомъ, который стоялъ внутри мазепиной раки, а не самую прежнюю ракою.

Не имѣю я данныхъ и о сѣни, бывшей надъ ракою въ половинѣ XVII вѣка: деревянная сѣнь, устроенная въ 1775 г., имѣла совсѣмъ иной видъ¹⁾.

Но является вопросъ: вѣрна ли подпись подъ этимъ рисункомъ и дѣйствительно ли на немъ изображена рака св. Варвары, а не какая либо иная? При указанномъ отсутствіи точныхъ данныхъ о внѣшнемъ видѣ раки и сѣни въ половинѣ XVII в. и при принятомъ мною скептическомъ отношеніи къ подписямъ конца XVIII в., я не могъ бы дать ни положительнаго ни отрицательнаго отвѣта, если бы не находилъ подтвержденія вѣрности подписи въ средней изъ иконъ, поставленныхъ на сѣни. Насколько можно разобрать, на ней изображена стоящая женская фигура въ коронѣ съ крестомъ мученицы въ правой рукѣ и съ какимъ-то пучкомъ цвѣтовъ или вѣткою въ лѣвой; справа отъ нея виденъ какой то неясный предметъ, быть можетъ, столь обычная при изображеніяхъ св. Варвары башня. Правда, детали эти переданы Вестерфельдомъ или Кобрскимъ (см. стр. 401 и 407) весьма неясно и столь же неудовлетворительны рисунки и другихъ иконъ; но мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что эта наибольшая изъ иконъ изображаетъ именно ту святую, моци которой отождествлялись съ мощами, лежавшими въ ракѣ, т.-е. Великомученицу Варвару. Весьма интересно сходство атрибута (вѣтви) на этой иконѣ и на аллегорической гравюрѣ Л. М. 1627. „Чистота“ (Ровинскій, Подр. Сл. Русс. Грав. II. 1895, ст. 595 сл.; Русск. Нар. Карт. IV, стр. 733, Атласъ № 1346): Чистота стоитъ тамъ у престола Божія съ арх. Михаиломъ, съ которымъ изображается въ Кіевѣ св. Варвара.

Крестъ вѣнчающій сѣнь, сходенъ по его оригинальной формѣ съ крестомъ, подареннымъ въ 1622 г. гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ въ Братскій монастырь²⁾, съ золотымъ крестомъ 1640 г. въ ризницѣ св. Софіи³⁾ и съ крестомъ, изображеннымъ въ рукѣ св. Владимира на указанной (стр. 456) гравюрѣ 1680 г.

На стѣнѣ за ракою висѣли два восточныхъ ковра: одинъ большой, а другой мень-

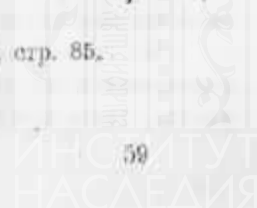
до 1797 года; а съ этого времени онѣ почиваютъ въ богатой серебряной ракѣ⁴⁾; но это не вѣрно: въ 1797 году произведена была, по другимъ извѣстіямъ, лишь починка серебряной раки Мазепы (Закревскій, стр. 529; Н. Семеновскій. Кіевъ и его достопамятности. Кіевъ. 1852, стр. 102: „потомъ на пожертвованную однимъ лицомъ сумму устроена серебряная гробница, нѣсколько передѣланная въ 1797 году“). Двѣ надписи о передѣлкахъ 1740 и 1797 г., находящіяся на мазепиной ракѣ, приведены въ изданіи „Галерея Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей“ Н. Семеновскаго и А. Гаммершмида. 1857, тетр. III, стр. 31.

¹⁾ Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Кіевъ. 1889, стр. 100; Закревскій, стр. 85.

²⁾ Обзорніе Кіева, над. Ив. Фундуклеемъ. 1847, табл. 47, стр. 74.

³⁾ Скворцовъ, стр. 69, № 5; Лашкаревъ, стр. 60, № 1.

Тр. XIII Археол. Съѣзда Т. II.

шей поверхъ его: орнаменты ихъ бордюровъ переданы, разумѣется, не съ совершенною точностью, а въ видѣ болѣе привычныхъ западному художнику растительныхъ разводовъ, но въ центрѣ меньшаго ковра голландскій рисовальщикъ точно срисовалъ обычное на восточныхъ молитвенныхъ коврахъ подобіе михраба.

Такимъ образомъ детали рисунка, насколько можно ихъ разобрать по копіи конца XVIII в., указываютъ на большую точность оригинальнаго рисунка Вестерфельда, который сообщаетъ новыя данныя къ исторіи мощей св. Варвары.

б) Таково же по точности и изображеніе гробницы Ярослава, въ чемъ легко можетъ убѣдиться всякій по любому рисунку Ярославовой гробницы: рисунокъ 1651 г. оказывается точнѣе многихъ новыхъ, какъ, напр., рисунка при Описаніи Кіево-Софійскаго собора митрополита Евгенія (1825 г.), въ „Галереѣ“ Семеновскаго (1857), и др.

Изъ мелкихъ неточностей отмѣтимъ между парю листьевъ, переданныхъ также невѣрно, на правомъ концѣ крышки отсутствіе такой же находящейся здѣсь, какъ и на лѣвомъ концѣ, рамки около отверстія или углубленія, заложенаго нынѣ плиткою мрамора. Мы обратили вниманіе на эту именно деталь, слѣдуя указанію проф. Д. Вл. Айналова, который первый, насколько мнѣ извѣстно, сопоставилъ эту замѣчательную особенность т. н. гробницы Ярослава со свидѣтельствомъ Іакова Мниха о поставленной Владиміромъ въ Десятинной церкви гробницѣ св. Ольги съ чудесно открывавшимся лишь для вѣрующихъ оконцемъ¹⁾.

Нѣтъ, конечно, ничего невозможнаго въ томъ, что саркофагъ, считавшійся нѣкогда гробницею Ольги, послѣ длинной и темной исторіи кіевскихъ памятниковъ въ теченіе XIII—XV вѣковъ, оказался потомъ перенесеннымъ въ другую церковь и носящимъ другое имя. Но излагать и разсматривать въ подробностяхъ этотъ интересный вопросъ о гробницѣ Ярослава въ столь поразительной постановкѣ его мы полагаемъ справедливымъ предоставить самому автору этого блестящаго сопоставленія²⁾.

¹⁾ „Ино чюдо слышите о ней . . . гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица, ту церковь създа блажены князь Володимеръ каменую в честь святыи Богородици, и есть гробъ блаженыя Олги, и на верху гроба оконца сътворено, и туда видѣти тѣло блаженыя Олги лежащи цѣло, да иже съ вѣрою придетъ, отворится оконце, и видѣти честное тѣло лежаще цѣло . . . а другимъ, иже не съ вѣрою приходятъ, не отворится оконце гробное, и не видать тѣла того честнаго, но токмо гробъ“ (Митроп. Маркарій. Исторія Русской Церкви. I, изд. 1889 г., стр. 253; стр. 81—84; Голубинскій. Ист. Русской Церкви. I, 1901, стр. 242); Голубинскій признаетъ это мѣсто о саркофагѣ Ольги „позднѣйшею вставкой, хотя сдѣланной еще въ періодъ домонгольскій“. Объ оконцѣ см. его же: Ист. канониз. святыхъ. 1903, стр. 524 сл.

²⁾ Изъ прежнихъ мнѣній о значеніи этихъ четырехугольныхъ отверстій или углубленій, заложныхъ теперь особыми плитками, мнѣ известны лишь догадки П. Лебединцева (Оп. К. С. соб., 1882, стр. 48: „двѣ квадратныя впадины, не болѣе вершка каждая, заложеныя мраморными квадратиками. Въ углубленія эти, вѣроятно, вложены земля или селѣ въ знакъ преданія тѣла землѣ“) и гр. Н. П. Толстаго и Н. П. Ковдакова (Русскія Древности. Вып. IV. 1891, стр. 162: „мы видимъ двухъ птицъ, сидящихъ у четырехугольнаго бассейна—образъ вѣрующихъ, вкушающихъ плоды ученія“), догадки одинаково невѣроятныя.

Если будетъ когда-либо возможно научное изслѣдованіе гробницы этой, не разъ уже взломанной (Евгеній. Опис. К. С. собора, стр. 55), то разсужденіе объ этой любопытной детали должно исходить, конечно, изъ фактовъ: углубленія ли это или сквозныя отверстія, и, если окажется второе, то не сдѣланы ли они позднѣе изъ первоначальныхъ углубленій.

Въ гробницахъ, стоящихъ въ церквахъ, отверстія эти могли имѣть такое значеніе: до костей, покоившихся въ гробницахъ, долетало пѣніе и доходилъ гимнамъ; но это могло имѣть мѣсто, разумѣется, лишь при вторичномъ погребеніи костей уже.

Нельзя не сожалѣть, конечно, что саркофагъ Ярослава доселѣ стоитъ въ самомъ неудобномъ для осмотра его мѣстѣ и не только не былъ научно изслѣдованъ, но даже не изданъ въ хорошихъ фотографіяхъ, не говоря уже о томъ, что доселѣ никто не попытался точно установить время, къ которому должно относить его изготовленіе, путемъ сравненія его орнаментаціи съ иными византійскими мраморами; мѣсто же его изготовленія еще въ XVII в. правильно опредѣлилъ Павелъ Алеппскій (II, стр. 72), говоря: „Вѣроятно, его привезли на судахъ изъ Мармара, что близъ Константинополя, по Черному морю, потомъ вошли въ рѣку Днѣпръ, которая въ него впадаетъ, и выгрузили мраморъ здѣсь въ Кіевѣ“.

Если неизслѣдованной остается сама гробница, то не лучше обстоитъ дѣло и съ исторіей ея пребыванія въ Св. Софій: лѣтопись подъ 1054 сообщаетъ о тѣлѣ Ярослава, что „положиша и въ ракъ мороморянѣ, въ церкви святое Соѣѣ“. По византійскимъ аналогіямъ надо думать, что саркофагъ Ярослава, какъ и гробницы другихъ послѣ него похороненныхъ тамъ же князей, стоялъ первоначально въ западномъ притворѣ храма, если только для него не было сдѣлано особаго бокового придѣла. Неоднократныя разграбленія Кіева своими и чужими исключаютъ вѣроятность, чтобы саркофагъ могъ остаться неприкосновеннымъ. Довѣрять устному преданію, сохранившему за одною изъ гробницъ Софійскаго собора имя Ярославовой, разумѣется, можно было бы лишь при непрерывности служенія въ храмѣ и неприкосновенности всѣхъ находившихся тамъ гробницъ: если же этого не было и въ раззоренномъ храмѣ оказывалась одна лишь гробница или одна изъ нѣсколькихъ превосходила своими украшеніями прочія, то на нее неизбѣжно должно было перейти имя ктитора храма.

Изъ драгоцѣннаго разсказа о Св. Софій Лассоты видно, что еще въ 1594 г. тамъ было нѣсколько древнихъ гробницъ и наибольшая изъ нихъ считалась гробницею Ярослава: „еще въ капицѣ въ гробницѣ изъ прекраснаго бѣлаго алебастра лежитъ князь Ярославъ, сынъ Владиміра, вмѣстѣ съ супругою. Гробница эта вышиною примѣрно въ ростъ человѣческой и еще не разрушена, находится почти въ первоначальномъ видѣ“. (Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева. II, стр. 17); значительная ширина теперешней Ярославовой гробницы (до 1½ аршинъ), и высота (болѣе 2 арш.) позволяетъ утверждать, что Лассотѣ показывали, какъ гробницу Ярослава, именно ее, хотя въ дѣйствительности она, конечно, назначена для одного лишь тѣла, но всѣ прочія кіевскія гробницы гораздо уже ея. Но если имя Ярослава связано было съ разсматриваемой гробницей уже въ концѣ XVI в., то мѣсто тогдашняго находенія ея остается не опредѣленнымъ: выраженіе Лассоты „въ капицѣ“ указываетъ, очевидно, на одинъ изъ придѣловъ, но на какой именно? Слѣдующее по времени болѣе

Если же на Ярославовомъ саркофагѣ окажутся не сквозныя отверстія, а лишь углубленія, то находящіяся около нихъ изображенія птичекъ съ птенцами могутъ дать основаніе къ иному объясненію этихъ углубленій: современныя аналогіи на армянскихъ кладбищахъ Малой Азіи и столь вѣрѣдкое въ Сиріи соединеніе древнехристіанскихъ гробницъ съ голубитнями дадутъ въ такомъ случаѣ право предполагать, что саркофагъ, носящій имя Ярослава, стоялъ нѣкогда на открытомъ воздухѣ или подъ открытымъ спереди портикомъ или сѣнью, а углубленія эти служили для того, чтобы наливать въ нихъ воду или насыпать зерна для птицъ небесныхъ.

точное повидимому указаніе Захаріи Копыстенскаго въ его Палинодіи 1621 года ¹⁾, что Ярославъ погребенъ въ придѣлѣ ²⁾ выше дверей самой великой церкви, не достаточно ясно: если имя придѣла можно возстановить, какъ придѣлъ св. Григорія, по Стрыйковскому (кн. V, гл. 3; изд. 1846 г. I, стр. 163 = Синописецъ), то выраженіе „выше дверей“ допускаетъ рядъ недоумѣній: которыхъ дверей? Мы видѣли, что въ 1625 г. западныя двери собора были завалены развалинами (см. стр. 449) и обычнымъ входомъ въ пустой храмъ были, слѣдовательно, двери южныя или сѣверныя. Слова „выше дверей церкви“ едва ли можно понимать какъ указаніе на хоры церкви; вѣроятно же, что саркофагъ стоялъ тогда на особомъ возвышеніи: не было ли оно временнымъ результатомъ перетаскиванія саркофага съ одного мѣста на другое? Если такъ, то понятно почему онъ показался такимъ большимъ и Лассотѣ; или же просто полъ того придѣла, гдѣ стоялъ онъ, былъ выше уровня прочаго пола храма и дверного порога? И въ этомъ случаѣ саркофагъ, очевидно, оказывался стоящимъ уже не на своемъ первоначальномъ мѣстѣ.

На рисункѣ Вестерфельда онъ стоитъ на полу, выложенномъ квадратными плитами, и притомъ не доходитъ, на четверть или полторы, заднею своею стороною, — необработанной, по изслѣдованію Дм. Вл. Айналова ³⁾, — до стѣны, около которой поставленъ; меньшее значеніе можно придавать свѣту, падающему справа: оригинальный набросокъ Вестерфельда могъ быть сдѣланъ безъ тѣней. Важно то, что рисунокъ 1651 года ясно показываетъ, что гробница Ярослава стояла тогда не тамъ, гдѣ теперь, или, по крайней мѣрѣ, не такъ, какъ стоитъ теперь. По описанію Св. Софіи Павломъ Алешскимъ (II, стр. 72) тогдашнее положеніе гробницы оказывается однако, соответствующимъ теперешнему ⁴⁾: теперь саркофагъ стоитъ во второмъ сѣверномъ придѣлѣ (св. Владиміра) съ края. Имена, которыя даетъ придѣламъ этимъ Павелъ ⁵⁾ не сходятся съ теперешними, а имя теперешняго Владимірскаго пропущено вовсе.

Придѣлъ же св. Григорія, о которомъ упоминалось ранѣе, отождествляютъ обыкновенно съ придѣломъ Трехъ Святителей (нынѣ Георгія, по Павлу — Положенія во Гробѣ). Въ 1666 году придѣлъ этотъ назывался уже Георгіевскимъ и гробница Яро-

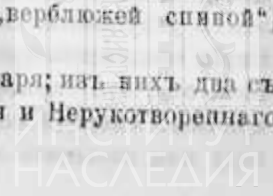
¹⁾ Евгевій, стр. 55; Закревскій, стр. 820; и др. Издана лишь въ 1878 году въ „Русской Исторической Библиотекѣ, издав. Археограф. Комм.“ Т. IV, ст. 1009: „А похованъ лежитъ въ предѣлѣ выше дверей самой великой церкви святой Софіи. Гробъ той и по сесь день алиб[аст]ровый зрится“.

²⁾ Скворцевъ прибавляетъ „св. Григорія“, а П. Лебединцевъ, „Георгіевскомъ“. Въ оригиналѣ же имени не стоитъ вовсе.

³⁾ Труды XII Археологическаго Съезда въ Харьковѣ, т. III. 1905, стр. 10—11.

⁴⁾ „Другіе два алтаря близъ сѣверныхъ дверей, направо отъ выходящаго изъ церкви, въ низкихъ нишахъ. Взамѣтъ тиблѣ [иконостаса] сдѣлана желѣзная высокая клѣтка [рѣшетка?], которая украшена всевозможными фигурами и расписана; на ней изображены ангелы и святые, коихъ лица, по обыкновенію, бѣлы, а одѣянія покрыты позолотой, кресты и греческія надписи, цвѣты разными красками, зеленою и красною, и прочее, — все это поразительно для ума и сдѣлано изъ тонкихъ желѣзныхъ листовъ съ закрѣпками. Въ одномъ изъ упомянутыхъ алтарей находится большой бѣломраморный саркофагъ съ горбообразной [т. е. „двускатной“ = „en dos d'âne“, по арабски „верблюжей спиною“] крышкою; онъ походитъ на ступу св. Элїана въ Эмесѣ“.

⁵⁾ II, стр. 70: „съ сѣверной стороны (главнаго алтаря) находятся четыре алтаря; изъ нихъ два съ высокими куполами [т. е. высокими абсидами] въ честь Божественнаго погребенія и Нерукотвореннаго Образа; четвертый во имя св. Николая“.

слава оказывалась тамъ ¹⁾ въ явное несогласіе съ показаніемъ Павла и теперешней дѣйствительностью; вообще, вопросъ объ измѣненіи наименованій придѣловъ св. Софіи очень запутанъ, и я не могу найти выхода изъ этого противорѣчія.

Но если вопросъ о томъ, гдѣ стоялъ саркофагъ Ярослава въ 1651 году для меня и не разрѣшимъ, то находеніе его за такую же желѣзной рѣшеткой, какъ и мощи св. Варвары, показываетъ, какъ цѣнили этотъ памятникъ Петръ Могила, ко времени котораго можно предположительно относить изготовленіе этой рѣшетки. На вопросъ, чѣмъ объяснялось загражденіе такою же рѣшеткой и сосѣдняго придѣла, наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ предположеніе, что этотъ придѣлъ и назначался въ 1640 г. Петромъ Могилою для помѣщенія туда ожидавшейся изъ Москвы раки для останковъ, найденныхъ въ 1635 г. въ развалинахъ Десятинной церкви и признанныхъ Могилою за мощи св. Владиміра: вполне понятно почему останки Ярослава и Владиміра должны были лежать рядомъ, почему рядомъ оказываются придѣлы Георгія и Владиміра и почему оба заграждены были отъ возможныхъ покушеній со стороны недавнихъ владѣтелей Св. Софіи прочными и изящными желѣзными рѣшетками вмѣсто иконостасовъ. Къ сожалѣнію извѣстныя мнѣ историческія данныя о реставраціи Св. Софіи Могилою не позволяютъ провѣрить достовѣрность такихъ гипотезъ, и тѣмъ большее почтеніе историкъ и археологъ долженъ питать къ голландскому художнику, который сумѣлъ съ такою поразительной точностью сохранить на бумагѣ то, что онъ видѣлъ въ 1651 году въ Кіевѣ: его рисунокъ Ярославовой гробницы оказывается точнѣе и лучше многихъ изображеній ея, опубликованныхъ въ недавнее, да повторяемыхъ и въ настоящее время.

с) Такое же впечатлѣніе большой точности производитъ и рисунокъ Вестерфельда, объясняемый подписью конца XVIII в., какъ рака препод. Макарія, убитаго татарами въ Скриволовѣ около 1496 года; говоря о подписи этой и объ униатской тенденціи ея выше (стр. 416), мы слишкомъ поспѣшили признать ее правильно опредѣляющей изображенную на рисункѣ раку, которая имѣетъ обычную форму гроба со сквозною, желѣзною очевидно, рѣшетчатой крышкою.

И для этого рисунка мы не имѣемъ достаточно матеріаловъ, по которымъ можно было бы провѣрить показаніе подписи: въ 1594 г. Лассота видѣлъ мощи въ деревянномъ гробу (Сб. Мат. II, стр. 17), въ началѣ XVII в. онѣ оказываются „въ гробѣ мрамуровомъ“²⁾; какова была рака св. Макарія въ половинѣ XVII в. и гдѣ она тогда стояла мы не знаемъ; позднѣйшія свидѣтельства ненадежны³⁾.

На планѣ Софійскаго собора 1810 г., находящемся въ извѣстномъ археологиче-

¹⁾ Н. Скворцевъ. Оп. К. С. собора. 1852, стр. 29, пр. 38, указываетъ на челобитную 23 іюля 1666 г. о золотѣ и серебрѣ сусальномъ для построенія въ св. Софіи иконъ, „а наипаче въ придѣлѣ св. в. мч. Георгія, гдѣ опочиваетъ в. кн. Ярославъ въ алебастровомъ гробѣ“.

²⁾ Русск. Истор. Библіотека IV, ст. 237 (Левъ Кривза, 1617 г.); 847, 1038 (Зах. Копытенскій, 1621 г.).

³⁾ Напр., Н. Семеновскій. Кіевъ и его достопримѣчательности. 1852, стр. 140 сл. праж.: „Въ этомъ же (южномъ) придѣлѣ, у сѣверной стѣны, находится остатокъ мраморной гробницы, въ которую, какъ говорятъ, но это несправедливо, первоначально были положены святые мощи Угодника Макарія... Древнѣйшій же гробъ св. Макарія деревянный, тройной, видѣлъ я сохраннымъ стоящимъ въ алтарѣ придѣла Двѣнадцати Апостоловъ“.

скомъ альбомѣ Бороздина¹⁾, мѣсто раки св. Макарія показано (№ 12) въ южномъ концѣ перекрестья за многогранными столбами въ юго-западномъ углу пространства, находящагося предъ третьей (съ юга) абсидою, бывшей тогда „соборнымъ казначействомъ“ (№ 17), чѣмъ служить она и понынѣ, хотя и считается придѣломъ во имя арх. Михаила²⁾; мощи лежатъ головою къ востоку, а надъ ракою, судя по двумъ показаннымъ на планѣ столбикамъ, была сѣнь, занимавшая въ длину всю стѣну отъ двери, ведущей къ югу въ сосѣдній придѣлъ Антонія и Θεодосія, до юго-западнаго угла указаннаго помѣщенія, такъ что окно въ древней, нѣкогда виѣшной, стѣнѣ храма³⁾ приходится надъ ракою какъ разъ посреди ея; западный же конецъ раки оказывался нѣсколько шире, чѣмъ выступающая здѣсь изъ стѣны пилястра.

Въ 1833 году устроена была новая, обложенная серебромъ рака⁴⁾; а во время реставраціи собора оказалось, что подставкою для раки служила древняя мраморная пустая безъ крышки гробница; ее перенесли въ другое мѣсто⁵⁾.

Рисунокъ Вестерфельда не можетъ изображать раку св. Макарія, если она и въ половинѣ XVII в. занимала то же мѣсто, гдѣ стоитъ теперь; окно на рисункѣ слишкомъ мало и помѣщено слишкомъ высоко; рака стоитъ параллельно длинной стѣнѣ, и въ ногахъ ея находится широкой выступъ стѣны, а не пилястра, которая къ тому же должна бы быть справа, а не слѣва. Слѣдовательно, подпись подъ рисункомъ можно принять на вѣру лишь въ предположеніи, что мощи св. Макарія стояли въ 1651 г. въ иномъ мѣстѣ. Широкой выступъ въ ногахъ ихъ украшенъ великолѣпнымъ скульптурнымъ наличникомъ, напоминающимъ надгробный памятникъ Константина Острожскаго (1533 г.) въ Лаврскомъ соборѣ и вообще европейскіе надгробные памятники XV — XVII вѣковъ; нѣтъ сомнѣнія, что и Вестерфельдъ рисовалъ скорѣе подобный каменный надгробный памятникъ, нежели деревянный рѣзной кіотъ иконы; средину фронтона памятника занимаетъ подобіе гербоваго щита, правда не совсѣмъ обычной формы, раздѣленнаго надвое въ вертикальномъ направленіи; никакихъ изображеній на немъ разсмотрѣть нельзя; изъ отсутствія же въ памятникѣ арматуръ и трофеевъ можно предполагать, что подъ нимъ покоилась или духовная особа, или женщина; ширину памятника надо предполагать не менѣе человѣческаго роста; направление раки было, надо думать, головою на западъ или на востокъ, такъ что надгробный памятникъ занималъ восточную или западную сторону какого-то выступа стѣны равной памятнику ширины; подходящаго для памятника мѣста я на планѣ Св. Софій 1810 г. найти не могъ, кромѣ развѣ алтаря Успенскаго придѣла, но тамъ

¹⁾ Объ этомъ альбомѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ, см. Д. Полънова въ Трудахъ I-го Археологическаго Съѣзда (т. I, стр. 61—71, съ полнымъ перечнемъ его содержанія).

Общій видъ Кіева съ Двѣпра (табл. I-ая) не производитъ впечатлѣнія большой точности; за то весьма тщательно вычерченъ планъ города на той же таблицѣ I-ой; таковъ же подробный планъ Печерской Лавры (табл. XVII); рисунокъ Ярославовой гробницы (табл. XV) по точности превосходить, повидимому, всѣ существующіе и во всякомъ случаѣ лучше находящагося въ изданіи „Кіево-Софійскій Соборъ“.

²⁾ Описанія Кіево-Софійскаго собора: Евгения, стр. 40; Скворцева, стр. 52; Лебединцева стр. 10.

³⁾ См. разрѣзъ по линіи К—К: „Кіево-Софійскій соборъ“, табл. 21, но здѣсь раки не показано.

⁴⁾ Скворцевъ, стр. 62; Закревскій, стр. 824; Лебединцевъ, стр. 23.

⁵⁾ По Закревскому, стр. 820, въ придѣлѣ Успенія В. М.; по Лебединцеву, стр. 48, къ проходнымъ южнымъ дверямъ Владимірскаго придѣла; ср. Семеновскаго: см. выше, стр. 469, пр. 3.

въ южной стѣнѣ не показано окна; съ другой стороны, въ Св. Софїи трудно предположить сооруженіе такихъ пышныхъ памятниковъ во время запусетїя и разоренїя ея въ XVI в., памятникъ же, сооруженный послѣ реставраціи ея Могилою, стоялъ бы, вѣроятно, и нынѣ.

Поэтому, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предполагать, что рака, изображенная на разбираемомъ рисункѣ, не—св. Макарія въ Св. Софїи, какъ утверждаетъ надпись конца XVIII в., а какого-либо иного святаго и въ иномъ храмѣ Кіева.

Всего вѣроятнѣе, конечно, предполагать ее въ Печерской лаврѣ, Великая церковь которой со времени возстановленїя ея въ XV вѣкѣ стала усыпальницей для богатыхъ и знатныхъ православныхъ, или „благочестивыхъ“, какъ они официально тогда назывались, пановъ Литовской и Кіевской Руси.

Судя по свѣчамъ, горящимъ въ головахъ и въ ногахъ раки, и висящей на стѣнѣ иконѣ, по всей вѣроятности, того именно святаго, чье имя носила рака, это былъ какой-либо высоко чтимый святой; съ другой стороны, странная рѣшетчатая крышка раки не подходитъ и неудобна для раки съ мощами, которыя запыраются обыкновенно плотно, какъ всякій гробъ. Отсюда является естественный вопросъ, не кенотафъ ли преподобнаго Θεодосїя Печерскаго изобразилъ на рисункѣ этомъ Вестерфельдъ, и не должны ли мы внутри раки со сквозною крышкой предполагать „чудотворный гробъ великаго Θεодосїя“, какъ говоритъ епитафія ему¹⁾.

Къ сожалѣнію, однако, я также лишень возможности провѣрить эту догадку, какъ и показаніе подписи о св. Макаріи: какъ хранился и какой видъ имѣлъ гробъ св. Θεодосїя въ половинѣ XVII в., мнѣ не извѣстно; стоялъ же онъ въ правомъ, т.-е. южномъ, концѣ притвора Великой церкви, но соотвѣтствуютъ ли архитектурныя детали на рисункѣ Вестерфельда тогдашнему виду этой части церкви, также рѣшить нельзя, т. к. послѣ пожара 1718 г. церковь была заново перестроена.

Итакъ, опредѣлить истинное значеніе этого рисунка я не могу; надѣюсь, что у специалистовъ по церковной исторїи Кіева найдутся для того достаточныя данныя.

¹⁾ Сборникъ матер. для историч. топографїи Кіева. Отд. II, стр. 27—28, изъ Тератургимы Аванасїя Кальнофойскаго; неизвѣстно, конечно, какія изъ многихъ напечатанныхъ тамъ епитафїй въ дѣйствительности находились вырѣзанными въ гробницахъ и какія являлись лишь образчиками риторическаго и отчасти типографическаго искусства издателей. Такъ, напримѣръ, мы должны замѣтить, что нахожденіе тутъ латинской епитафїи (№ VI) кн. Софїи Олельковичнѣ Радзивиль († 1612) и ея поворожденной дочери Екатерины вовсе не доказываетъ, что онѣ погребены были въ Печерской лаврѣ, какъ то заключаютъ историки послѣдней, напримѣръ, П. Лебединцевъ (Кіевская Старина, т. XV, 1886, стр. 296); мы видѣли выше, что кн. Софїя погребена была и лежитъ въ Троицкомъ монастырѣ въ Слуцкѣ (см. выше, стр. 376). Мало того въ самой Тератургимѣ (стр. 30—31) въ примѣчанїи къ этимъ двумъ ениграммамъ прямо сказано, что онѣ получены издателемъ отъ Слуцкаго архимандрита Самуила Залѣскаго и помѣщаются здѣсь для полноты рода Олельковичей.

О перенесенїи въ 1090 г. останковъ св. Θεодосїя въ Великую церковь и о гробѣ его, находящемся нынѣ тамъ см. Евгенїя (Опис. К. П. Лавры. 1826, стр. 90—91), Закревскаго (стр. 620, 671), Голубинскаго (Истор. канониз. святыхъ. 1903, стр. 50—55, 541; его же—Ист. Русск. Церкви. I. 2. 1904, стр. 387—390). Утвержденіе послѣдняго, якобы „до 1764 г. мѣсто въ церкви монастыря, гдѣ стояла [до вшествїя монголовъ] рака съ мощами преподобнаго, вѣтъмъ не было отмѣчено“, противорѣчитъ ениграммѣ Кальнофойскаго о гробѣ святаго, который видѣли въ церкви богомольцы, и указываемому Голубинскимъ же письму Петра Могилы ц. Михаилу Θεодоровичу (Акты Ю. и З. Россїи. III, № 18, лучшее изданіе Памятнки. I—II. Изд. 2. Кіевъ. 1898, стр. 423—427), гдѣ рѣчь идетъ не объ устройствѣ гроба преп. Θεодосїя, а о просьбѣ отъ царя покрывала на гробъ, очевидно, уже существовавшїя.

д) Рака съ сѣнью надъ нею, названная въ подписи конца XVIII в. гробомъ препод. Θεодосія Печерскаго (см. стр. 407), поражаетъ сходствомъ сѣни ея съ сѣнью надъ ракою св. Варвары (см. стр. 464): разница во внѣшнемъ видѣ верхнихъ частей ихъ можетъ объясняться не разницею самой, деревянной вѣроятно, основы ихъ, а различіемъ лишь тѣхъ матерчатыхъ пелентъ, которыми онѣ обвѣшаны; поэтому весьма вѣроятно, что обѣ эти сѣни сооружены были или однимъ и тѣмъ же лицомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе одновременно.

Къ сожалѣнію мнѣ не удалось ни относительно раки и сѣни св. Варвары, ни относительно гроба преп. Θεодосія, найти указанія на лицъ, украшавшихъ ихъ передъ половиною XVII вѣка. А относительно второго я не знаю и никакихъ отъ этого времени описаній его убранства, съ которыми можно было бы сравнивать рисунокъ Вестерфельда, дабы убѣдиться, что онъ правильно,—какъ то слишкомъ поспѣшно призналъ я выше (стр. 416),—опредѣляется подписью, какъ гробъ именно Θεодосія; теперешній видъ раки съ гробомъ для этой цѣли также непригоденъ: „нынѣшнее украшеніе кенотафіи его сдѣлано въ 1764 г., а сѣнь надъ нею позлащена въ 1824 г.“—писалъ митроп. Евгеній.

Провѣрять рисунокъ Вестерфельда и толкованіе его въ подписи конца XVIII в., слѣдовательно,—не по чему и остается разсматривать его самъ по себѣ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, конечно, самая рака, напоминающая общимъ видомъ раку св. Варвары и украшенная, какъ и та, выпуклыми, накладными вѣроятно, полосками, которыя и образуютъ на лицевой стѣнкѣ и на крышкѣ разной формы поля.

Эти поля на крышкѣ, по всей видимости плоской, имѣютъ странную, несимметрическую форму, вѣроятную лишь для крышки двускатной; внутри ихъ никакихъ узоровъ не обозначено. Напротивъ того, во всѣхъ четырехъ овальныхъ поляхъ, украшающихъ лицевую стѣнку раки, несомнѣнно различается повторяющаяся хотя и съ немалою разницей, четыре раза одна и таже фигура кентавра. Эта фигура ¹⁾ менѣе всего подходит, конечно, для украшенія ея гроба преподобнаго Θεодосія.

Хотя удлинненный въ горизонтальномъ направленіи овалъ полей, занятыхъ этими кентаврами, и не походитъ на обычныя формы гербовыхъ щитовъ, но онъ вполне соответствуетъ и очертанію самой фигуры и задачѣ украшенія ими продолговатаго поля лицевой стороны раки: естественно поэтому было попробовать объяснить кентавровъ этихъ, какъ фигуры, имѣющія значеніе гербовъ. Сперва я думалъ было, имѣвъ неосторожность довѣриться на сей разъ показанію подписи (см. стр. 416), что эти гербы могутъ указывать на лице, соорудившее дорогую раку для чудотворнаго гроба св. Θεодосія; но и этой, маловѣроятной сама по себѣ, догадки провѣрить оказалось невозможно, т. к. я не нашелъ указаній на изготовителя раки и сѣни святаго Θεодосія.

Пришлось пойти другимъ путемъ болѣе надежнымъ: не отъ отрывочныхъ и не полныхъ историческихъ данныхъ о гробѣ св. Θεодосія, а отъ самого кентавра, по-

¹⁾ Н. И. Петровъ (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1905. II, стр. 465), имѣвшій съ рисунка этого лишь мою неудачную фотографію, этихъ фигуръ не замѣтилъ.

нимая его какъ гербъ, а такое именно пониманіе его подкрѣпляется еще и подобіями буквъ, которыя видны по сторонамъ кентавра: такъ обычно располагаются вокругъ гербовъ инициалы ихъ посетителей (см. напр. выше, стр. 311, Рис. 2).

Конечно, эти буквы на томъ рисункѣ, который мы имѣемъ, т.-е. на копіи конца XVIII в., мало походятъ даже на буквы, т. к. копировальщикъ не понималъ, очевидно, значенія ихъ, да и самъ Вестерфельдъ могъ въ своемъ чистовомъ рисункѣ передать ихъ очень неточно. Повторяясь четыре раза буквы значительно разнятся; опасаясь обвиненій въ произвольномъ чтеніи ихъ въ угоду нашему толкованію рисунка, мы приводимъ ихъ всѣ четыре раза:

к	а(или d)	к	а(d)	к	а(d)	к(или к)	а(d)
з	ѡ	М	ѡ	н	ѡ	з(з)	ѡ

Овалы вверху надъ серединою этихъ полей кажутся мнѣ не буквою О, а скорѣе округлою шляпкой гвоздя или какою-либо вставкою, а на соответственныхъ имъ мѣстахъ внизу неясные, различные и неразборчивые знаки я объяснить болѣе или менѣе увѣренно не умѣю. Буквы же, очевидно, надо считать за к, а, з и ѡ.

Гораздо болѣе надежные результаты даетъ разсмотрѣніе также четыре раза, конечно, съ немалыми одна отъ другой различіями, повторяющихся фигуръ кентавра: онъ представленъ бѣгущимъ влѣво и пускающимъ стрѣлу изъ лука назадъ себя, хвостъ поднять вверхъ; хотя драконью голову на концѣ хвоста разсмотрѣть на рисункѣ этомъ и невозможно, но въ оригиналѣ она, конечно, была, т. к. таковъ древній литовскій гербъ, извѣстный обыкновенно подъ латинскимъ именемъ *Hippocentaurus*, но называвшійся въ старину также „*Kitawrus*“, т.-е. „Китоврасъ“ и „*Strzelec*“, т.-е. „Стрѣлецъ“; по стариннымъ гербовникамъ этотъ гербъ принадлежалъ нѣкогда литовскимъ великимъ князьямъ, лишь позднѣе принявшимъ „погонь“; онъ былъ высѣченъ, якобы, на надгробіи Витовта; его же встрѣчаемъ мы и подъ портретомъ родоначальника Радзивиловъ Войшунда (*Icones Radivilianae*, tab. 1) и въ гербахъ князей Сѣсицкихъ (*ibid.*, tab. 121), Гедройцевъ, Горностаевъ, Рукѣвичей, а также князей Ольшанскихъ ¹⁾.

Послѣднее имя и даетъ истинное объясненіе разсматриваемому рисунку Вестерфельда: передъ нами, очевидно, рака святой Іуліаны или Іуліаніи, княжны Ольшанской, мощи которой покоились въ Великой церкви Печерской Лавры до пожара, опустошившаго всю внутренность церкви въ ночь съ 21 на 22 апрѣля 1718 года

Древнѣйшее, извѣстное мнѣ, упоминаніе о кн. Іуліаніи Ольшанской находится

¹⁾ Ks. Wojciecha Wijuka Kojałowicza S. J. *Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo Herbach (etc.)* (Franciszek Piekosiński. *Studia, Rozprawy i Materiały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego*. Tom II. Kraków. 1897), str. 4, 5, 7, 8; *Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S. J.* IV. 1839, str. 358—359; *Encyklopedia Powszechna*. IX. 1862, str. 729; J. Bł.: *Gedrojeiów herb*; cf. *ibid.*, str. 875; *Giedrojeie*.

Въ гербѣ этомъ кентавръ представляется то стоящимъ (*Icones Radivilianae*, tab. 1), то бѣгущимъ (Kojałowicz, *Compendium*, рис. на стр. 4); но всегда онъ пускаетъ назадъ стрѣлу прямо въ пасть драконьей головѣ, которою оканчивается его собственный хвостъ; это характерная особенность левю указываетъ намъ на заимствование „Китовраса“ не съ Запада, а съ Востока, гдѣ подобныя фигуры были весьма обычны на различныхъ памятникахъ т. н. сарацинскаго искусства, напр., на извѣстныхъ своимъ фигурнымъ изображеніямъ монетахъ султановъ сѣверной Месопотаміи XI—XIII вв.; обычна такая фигура кентавра и въ восточныхъ изображеніяхъ знаковъ зодіака: отсюда и имя герба „Стрѣлецъ“, который въ Изборникѣ Святослава 1073 г. изображенъ въ человѣческомъ видѣ.

въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго (1621 г.): „Въ церкви великой Печерской Успенія Пречистой Богородицы есть тѣло княжны Ольшанской Іуліаніи, которое чудовне инокнии Крупской объявлено есть и зъ гробу въ церковь Пресвятой Богородицы принесенное лежитъ въ чести достойной“¹⁾. Отсутствіе подробностей о томъ, какъ, гдѣ и когда мощи чудесно объявились этой монахинѣ, тѣмъ досаднѣе, что по позднѣйшему сказанію онѣ найдены были случайно при копаніи могилы для какой-то не названной по имени знатной дѣвицы, чудесное же явленіе святой, каковою кн. Іуліанія здѣсь еще не называется, Петру Могилѣ имѣло результатомъ лишь перемѣщеніе раки съ не достаточно якобы почитавшимися мощами на иное, болѣе почетное, мѣсто.

Тератургима Аванасія Кальнофойскаго (1638 г.) сообщаетъ намъ рассказъ о чудѣ, случившемся отъ этихъ мощей въ 1617 г.²⁾ и эпиграмму, сочиненную на гробницу ея (№ XV: „Святой Юліаніи Георгіевнѣ Домбровской, княгинѣ [или княжнѣ?: хіа́зніе] Ольшанской, нетлѣнно въ церкви Пречистой Богородицы Печерской опредѣленія Праведнаго Судіи чудотворно ожидающей, святымъ ея останкамъ авторъ сей алтарь воздвигаетъ“³⁾“.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографическою Коммиссіей. Томъ IV. С.П.В. 1878. [Памятники Полемиической Литературы въ Западной Руси. Кн. I.] стр. 847. Далѣе слѣдуетъ: „А въ церкви Св. Михаила Золотоверхаго тѣло также цѣлое Св. Варвары честно лежитъ“, а ранѣе упоминались мощи митроп. Макарія (см. выше, стр. 469).

²⁾ *Тератургима*. 1638, str. 129—130: пѣкій „аеиستا и невѣрникъ изъ секты богомерзкаго Ариуша“, прійдя подъ видомъ богомольца подъ ложнымъ именемъ Василя, просилъ іеродіакона Ливеріуса Пятницкаго, бывшаго тогда пареклисіархомъ, открыть ему „гробикъ (grunienkę) святой Іуліанны княгини Гольшаньской“, якобы, для поклоненія ея святымъ реликвіямъ и началъ почитать (venęrowaće) „святую божію поклоненіемъ et cultu duliaе“, а когда іеродіаконъ отошелъ, то лже-поклонникъ сорвалъ перстенецъ съ пальца святой. Поблагодаривъ пареклисіарха онъ вышелъ было съ добычею въ кармаѣ (w kiszeni) изъ церкви, но внезапно упалъ рыкая и скончался. Пришедшій архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624) велѣлъ осмотрѣть умершаго, не унесъ ли онъ что-либо изъ церкви; установили, что перстенецъ сорванъ былъ съ пальца св. Іуліаны, и архимандритъ велѣлъ подвѣсить его къ иконѣ Божіей Матери; личность же умершаго еретика призналъ подошедшій Бартоломей Скородевьскій; настоящее имя святотатца, котораго архимандритъ велѣлъ похоронить за монастыремъ, однако, не приведено.

³⁾ Русскій переводъ эпиграммы см. въ Сборникѣ Матер. для ист. топогр. Кіева. II, стр. 34, № XV; польскій же оригиналъ ихъ таковъ: *Тератургима*, str. 37:

Pod ołtarzem Philoktecie,
Zadna Dipsas tym nie tnie cie;
Boé w te Empuzy Syn nie włożon ziemie;
By czwołhających mnożył gadow plemię,
Stawszy pomodł się przed Ołtarzem śmieję;
A od puszczenia za grzechow twych wiele:
W net v Tworce Nieb y Swiata,
Przez wieczyste doydżiesz, lata,
IULIANNAC pomocnica,
Ważna w niebie zastępnica;
Ktorey Ołtarz poświęcony,
Pobożnością pozłożony:
Tu Lekárskie chowa kości,
Przećiw chorob burzliwości;
Przećiw śmierci y chorobie
Recept w Świętey Trunnie tobie
Zawszegdy Wiosna zielonowłosa kwitnie,
Doktorskim zieleм odziewając się świtnie,
W dzięczne są mieysca, w dzięczne są zawsze czasy.
Ustawnie Rayskie noszac z sobą okrasy:
Y nie dżiw że się w tym IULIANNA świećie
Położyła, kwiat chce zdobić drugie kwiećie.

Изъ этого разсказа и эниграммы слѣдуетъ, что уже ранѣе 1617 года гробъ княжны Юліаны стоялъ въ Великой церкви Печерской Лавры и останкамъ ея уже тогда поклонялись какъ мощамъ святой, а къ 1638 г. за ними признавалась уже чудотворная сила: гробъ „скрывалъ кости, врачующія отъ болѣзней“, и авторъ эниграммы приглашалъ вѣрующіхъ молиться св. Юліанѣ: „противъ смерти и нездоровья — рецептъ въ гробѣ святой“; ключъ отъ небольшого гроба находился у еkkлезіарха; а наименованіе раки ея „блистающимъ благочестіемъ алтаремъ, ей посвященнымъ“, показываетъ, что рака была къ 1638 уже особымъ образомъ украшена.

Пріѣзжавшій въ 1643 г. въ Кіевъ грекъ іеромонахъ Мелетій Сѣригъ въ числѣ иныхъ каноновъ печерскимъ угодникамъ написалъ канонъ и св. Юліанѣ ¹⁾.

Въ 1654 году Павелъ Аленискій (II, стр. 52) упоминаетъ о ракѣ св. Юліаны въ такихъ выраженіяхъ: „передъ дверьми... сѣвернаго алтара [Іоанна Предтечи] стоитъ драгоценная рака, покрытая дорогими покровами: въ ней мощи святой, по имени Юліаніи, новой праведницы. На стѣнѣ всего этого мѣста изображено Успеніе Б. М.“

Въ 1666 году, 6-го іюля, Феодосій Софоновичъ, пріѣдя въ Лавру разсказалъ еkkлезіарху о бывшемъ ему во снѣ видѣніи св. Юліаны, которая упрекала его за небреженіе къ ея, лежащимъ въ Лаврѣ, мощамъ: Феодосій просилъ открыть ему раку для поклоненія мощамъ и всегда съ тѣхъ поръ поклонялся имъ ²⁾.

Въ 1701 г. свящ. Лукьяновъ „сподобился лобзати и мощи св. Юліаніи княжны: рука у ней десная вся перстями унизана; чудо! что у живой рука та!“ (Сб. Мат. II, стр. 122).

Въ самомъ началѣ XVIII в., по показанію митроп. Евгенія въ 1705 году, напечатанъ былъ въ типографіи Печерской Лавры тропарь и кондакъ св. Юліаніи, въ заглавіи котораго точно опредѣляется мѣсто нахождения тогда раки „Святой богоугодной княжны Юліаны Ольшанской, почивающей въ нетлѣнныхъ чудесныхъ мощехъ въ обители святой Печерской Кіевской въ церквѣ великой каменной Успенія Пречистыя Богородицы, по лѣвой странѣ въ углѣ при дверехъ сѣверныхъ“, а вмѣстѣ съ тропаремъ и кондакомъ издано было краткое сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Юліаны ³⁾, не вполне согласующееся съ показаніемъ Палинодін 1621 года.

Изъ этого сказанія мы узнаемъ, что гробъ съ нетлѣнными останками кн. Юліаны найденъ былъ при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ (1599—1624) въ землѣ стоящимъ вдоль западной стѣны придѣла Іоанна Предтечи, при чемъ надъ гробомъ находилась [въ стѣнѣ?] каменная плита съ гербомъ кн. Ольшанскихъ, а на самомъ гробѣ прибита была серебряная позолоченная дощечка съ тѣмъ же гербомъ и надписью, изъ которой узнали имя погребенной и ея возрастъ. Погребена кн. Юліана была въ дорогомъ платѣ и съ цѣнными украшеніями: сказаніе сообщаетъ, что старья, разсыпавшіяся отъ свѣжаго воздуха, одежды замѣнены были новыми; гробъ

¹⁾ Е. Е. Голубинскій (Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. 1903, стр. 219, 214) указываетъ на находеніе канона этого въ ркн. Синодальной Библіотеки № 456, л. 481.

²⁾ „Сказаніе о обрѣтеніи честныхъ мощей сея святыя богоугодныя княжны Юліаны“. Кіевъ. Около 1705 г.

³⁾ Заглавіе его см. въ предъидущемъ примѣчаніи. Описаніе этой книжки, пять листовъ въ малую четвертку, изданной безъ обозначенія года и мѣста печати, см. у П. Пекарскаго. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ II, С. П. Б. 1862, стр. 118—119, № 99.

внесенъ былъ въ церковь и поставленъ въ сѣверо-западномъ углу [притвора?], гдѣ и смотрѣли неистлѣвшее тѣло, не считая его, очевидно, мощами святой. Только Петръ Могила послѣ явленія ему во снѣ кн. Юліаніи съ упреками за небреженіе къ ея святымъ мощамъ призналъ ее святою, велѣлъ сдѣлать для нихъ раку, обрядить мощи новыми одеждами и торжественно перенесъ ихъ на то мѣсто, гдѣ онѣ нынѣ [1700 г.] стоятъ.

„Сказаніе“ говоря въ общемъ о чудесной помощи молитвъ св. Юліаніи поклоняющимся ея мощамъ приводитъ лишь одинъ разсказъ о чудесномъ явленіи святой во снѣ 6 іюля 1666 г. Θεодосію Сафоновичу, но разсказа Тератургимы о чудѣ въ 1617 году не повторяетъ ¹⁾ и не упоминаетъ и „инокини Крупской“.

Это сказаніе внесено было св. Димитріемъ Ростовскимъ въ его Четыи Минен подъ 6 іюля, при чемъ тутъ присоединенъ къ нему разсказъ Тератургимы и сдѣланы нѣкоторыя измѣненія не только въ выраженіяхъ ²⁾.

¹⁾ Изъ этого „Сказанія“ извлекаемъ слѣдующія факгическія данныя: „при. . . архимандритъ. . . Елисеи Плетенецкомъ [1599—1624]. . . копаша гробъ близъ Церкви Святой Великой каменной Печерской Успенія Пресвятыя Богородицы предъ предѣломъ святого Іоанна Предтечи, идеже нынѣ суть двери до того предѣла, яже прежде тамо не бяху, но извнутри Великія Церкви входъ въ той Святой Предѣлъ бяше. Въ то время копающіи обрѣтоша. . . честныя Мощи сея святыя Богоугодныя Княжны Юліаны, въ нетлѣнн зѣло красномъ почивающей: бяше бо бѣла тѣломъ и благообразна, аки живая спящая, многоцѣнно украшенная, одѣяніе имаше споднее адамашку лазурового, а верхнее вышневого, обоє строками золотыми изобилно окруженное, на шеи имаше гривны златыя съ многими бисерми, и на рукахъ поручія златыя; на главѣ же вѣнецъ дѣвическій златый съ бисерми. Наушници такожде златыя съ бисерми болшими и каменіемъ драгимъ. Лежаще же при стѣнѣ церковной, главою на полудень, а ногами на полунощъ. Надъ ракою ея положенъ бѣ камень, на немъ же бяше начертано знаменіе или гербъ благочестивыхъ князей Олшанскихъ, и на самой рацѣ пририта бяше дщица серебряная позлащенная, на ней же изображено бѣ тожде Княжее Знаменіе съ написаніемъ: яко здѣ положена естъ Юліана княжна Олшанская, дщерь князя Григорія Олшанского, преставшаяся дѣвою въ лѣто отъ рожденія своего шестнадесятое. Вся же одѣянія ея видяхуся аки нова быти, донелъ же не прикоснуса имъ никто же; но егда прикосновенны быша, абіе растлѣша. И тако въ иное новое одѣяніе шолковое облечены тья святыя Мощи, и положены суть въ церкви Святой Великой Печерской, въ углѣ отъ запада ко полунощи не нарочито, безъ украшенія достойнѣйшею, яже подобаеть святымъ, почестию; ихъ же тамо различныи людіе смотряху и прикасахуся, якоже хотяху, безъ воздаянія подобающей чести. Тогда убо и прахомъ принадоша тья святыя Мощи и причернѣша. По немалѣ же времени . . . Петру Могила явися. . . въ чудесномъ виденіи сія святая Богоугодная Княжна Юліана, обличая о сѣмъ, яко въ толикомъ небреженіи оставлены быша Мощи ея святыя, съ маловѣріемъ о святынѣ ихъ. Тѣмъ же бодрый онъ пастырь, абіе повелѣ искуснымъ и Богобоязненнымъ Чину Иноческаго дѣвицамъ, одѣянія и утвары благолѣпныя къ украшенію тыхъ Святыхъ Мощей прислушющія устроити, и Раку нарочиту сдѣлати; въ юже всенароднѣ тья святыя Мощи благочестно и благочинно потщася преложити, и торжественно на то мѣсто идеже нынѣ лежать пренести: облекшися самъ въ святительскія одежды, созвавши же весь освященный соборъ, и сотворши праздничныя молбы и пѣнія, съ благодареніемъ Богу и Богородици и Преподобнымъ Отцемъ Печерскимъ, яко къ святынѣ сего святого мѣста приложися на похвалу его и сея Святыя Княжны Юліаны явленіе нетлѣнныхъ честныхъ и чудесныхъ Мощей: къ нимъ же притѣкающіи съ благоговѣніемъ и вѣрою, получаютъ молитвами сея угодницы Божия, душеполезную въ требованіяхъ своихъ помощь“.

²⁾ Св. Димитрій Ростовскій сократилъ почему-то точное описаніе одеждъ св. Юліаніи въ слова: „украшенная одѣяніи шелковыми со златотканвыми обложеніями“ (по изданію 1836 г.); кромѣ разницы въ словахъ въ описаніи убора Юліаніи здѣсь являются еще „и перстни драгоцѣнные“, которыхъ не упоминаютъ въ „Сказаніи“. Изложеніе содержанія надписи на дощечкѣ замѣнено словами: „съ надписаніемъ сицевымъ: Юліанія княжна Олшанская, дщерь князя Григорія Олшанскаго, преставльшаяся дѣвою въ лѣто отъ рожденія своего шестнадесятъ“. Первоначальное мѣсто гроба въ Великой церкви опредѣляется „въ углу отъ запада на полудень“.

Въ 1718 году во время пожара, опустошившаго древнюю Великую церковь, рака и мощи св. Юліаны также сгорѣли; остатки ихъ перенесены были въ ближнія пещеры, гдѣ и лежатъ въ закрытомъ гробѣ понынѣ; а на мѣсто ихъ въ Великую церковь поставлены были въ 1730 г. мощи св. Михаила (Евгеній. Описание Кіево-Печерской Лавры. 1826, стр. 86—87).

Въ 1823 году св. Синодъ разрѣшилъ вносить „Сказаніе“ о мощахъ св. Юліаны въ Печерскій Патерикъ, что и было исполнено впервые въ изданіи его 1830 года (Евгеній. Оп. К.-П. Л. 1831, стр. 124). На этомъ сказаніи и основываются новѣйшія статьи и упоминанія о св. Юліанѣ, при чемъ иногда принимаются во вниманіе и труды по генеалогіи князей Ольшанскихъ ¹⁾.

Къ сожалѣнію, несмотря на немалое число работъ о вымершемъ еще въ XVI в. родѣ князей Ольшанскихъ, опредѣлить точно мѣсто св. Юліанѣ въ ихъ родословной невозможно, т. к. окончательно послѣдняя, насколько мнѣ извѣстно, не установлена, да и въ приведенныхъ выше немногочисленныхъ данныхъ о св. Юліанѣ является существенное разногласіе: по эпиграммѣ у Кальнофойскаго она была дочерью князя Георгія Домбровскаго [т.-е. Дубровицкаго] Ольшанскаго, а по „сказанію“ кн. Григорія Ольшанскаго. Въ родѣ кн. Ольшанскихъ было нѣсколько Юліанѣ и Георгіевъ и одинъ Григорій ²⁾.

Н. М. Максимовичъ гипотетически и Бартошевичъ на основаніи родословной, составленной Т. Стыпулковскимъ по документамъ архива въ Дубнѣ и бумагамъ оо. Піаровъ въ Дубровицѣ, считали св. Юліанію дочерью кн. Юрія Александровича Ольшанскаго, воеводы кіевского. Онъ получилъ кіевское воеводство въ 1508 г., упоминался въ этой должности въ 1510, но въ 1511 воеводствомъ управлялъ уже Георгій Радзивиль ³⁾. К. Пуласкому титулъ Дубровицкой кажется указаніемъ на принадлеж-

¹⁾ Вотъ извѣстная мнѣ литература о св. Юліанѣ: (Митроп. Евгеній). Описание Кіево-Печерской Лавры. 1826, стр. 86 сл., 1831, стр. 107, 124; Словарь Историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви. С. П. Б. 1836, стр. 143 сл.; 1862, стр. 126 сл. [здѣсь совершенно неосновательно св. Юліанія называется „преподобною“: описаніе ея парада показываетъ, что монахиней она не была]; Филаретъ. Русскіе святые, чтимыя всею церковью или мѣстно. Іюль. Черниговъ. 1864, стр. 40—43; Закревскій. Описание Кіева. 1868, стр. 660; А. Хойнацкій. Историческое сказаніе о св. Юліаніи дѣвѣ изъ Домбровицы, княжнѣ Ольшанской (Волинскія Епархіальныя Вѣдомости. 1870. № 10, отд. неофициальный, стр. 319—329)—его же. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ, или Патерикъ Волино-Почаевскій. Москва. 1888, стр. 119—126; Русская Историческая Библиотека. Т. IV. С. П. Б. 1878. Примѣчанія, стр. 11: краткая замѣтка редактора Гильдебранта; Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви (= Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійской Кн. 204, 1903, кн. 1) Москва. 1903, стр. 214—215; Русскій Біографическій Словарь. О. С. П. Б. 1905, стр. 259—260; анонимный авторъ пишетъ, не приводя тому доказательствъ, якобы кн. Юліана „признается Православною Церковью блаженной“ и лишь „до начала XVIII в. считалась святою“: синодскій указъ 1823 г. доказываетъ противное, да и у архіеп. Сергія (Полный Мѣсяцесловъ Востока. Владиміръ. 1901, т. II, стр. 202, Замѣтки, стр. 257 сл.) она значится святою.

²⁾ Н. А. Максимовичъ. О Дубровицѣ и кн. Дубровицкихъ (Кіевлянинъ. 1840 г.—Собраніе сочиненій. II. 1877, стр. 401—404); Jul. Bartoszewicz). *Księżęta Dubrowiccy*“ и его же *Księżęta Holszańscy* (Encyklopedja Powszechna. VII. 1861, стр. 542—544, и тамъ же XII, 1863, стр. 52—59); Stecki. *Księstwo Dubrowickie na Wołyniu* (Wiek. 1878: этой работой я не пользовался); Kaz. Pułaski. *Księcie Holszańscy* (Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny. III. 1882, стр. 368—378, и въ его же книгѣ: *Szkice, etc*); Adam Boniecki. *Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku*. Warszawa. 1887, стр. 76—83, съ таблицей родословія).

³⁾ Королевскій „привилей князю Юрію Александровичу на воеводство Кіевское“ отъ 24 октября

ность къ другой, младшей, линіи и тогда отцемъ кн. Юліаны надо полагать кн. Юрія Ивановича, современника Юрія Александровича ¹⁾, но титула Дубровицкой нѣтъ въ разсказѣ о надписи на самомъ гробѣ св. Юліаны (см. выше, стр. 476) и не исключена возможность, что онъ прибавленъ авторомъ эпиграммы, т. к. тогда оставалась только Дубровицкая линія кнн. Ольшанскихъ; Григорій вм. Георгія въ разсказѣ этомъ могло быть и опечаткою, но существовалъ и кн. Григорій Ольшанскій, братъ кн. Юрія Ивановича, и жена его называлась также Юліаною ²⁾. Не помогаетъ рѣшенію вопроса и древній, начала XVI в., помяникъ Кіево-Печерской Лавры ³⁾; здѣсь находимъ мы и (стр. 7) „Родъ княгини Оульяны Юрьевой“, относящійся, судя по упоминанію среди 32 княжескихъ именъ его Іоанна Олгимовтовича, къ кнн. Ольшанскимъ, и (стр. 67) первую въ записи „княгини и князя Юрья Дубровицкаго“, „княгиню Оульяну“: первая не можетъ быть тождественна св. Юліанѣ, т. к. она была, очевидно, женою, а не дочерью кн. Юрія; что же касается второй —, то я не знаю, могло ли въ то время слово „княгиня“ обозначать въ видѣ исключенія и княжну.

Показаніе „сказанія“ о надписи на гробѣ также не уясняетъ вопроса: во-первыхъ, оно отцемъ Юліаны называетъ Григорія, а не Георгія, но если даже видѣть въ этомъ простую опечатку, то является другой болѣе важный вопросъ: что именно и какъ написано было на серебряной дощечкѣ на гробѣ кн. Юліаны, имя ли ея полностью, какъ излагаетъ св. Димитрій Ростовскій, или же лишь инициалы вокругъ герба, какъ то можно предполагать по выраженію „сказанія“ и по рисунку Вестерфелда. Вопросъ, отвѣтить на который теперь, конечно, невозможно, а между тѣмъ при второй возможности значеніе буквъ могло быть истолковано и не вѣрно.

Конечно, въ точность передачи буквъ около герба на издаваемомъ рисункѣ вѣрить нельзя (см. выше, стр. 473); первая двѣ буквы, **к** и **а**, остаются не понятными, но едва ли нужно сомнѣваться, что двѣ послѣднія, **з** и **ю**, обозначали имя Ульяны Ольшанской.

Древнѣйшія свидѣтельства Копыстенскаго и Кальнофойскаго противорѣчатъ утверженію „сказанія“, якобы мощи кн. Юліаны стояли до чудеснаго видѣнія ея Петру Могила въ небреженіи и что святою призналъ ее лишь Петръ Могила. Самый разсказъ о видѣніи мы ждали бы найти въ сборникѣ разсказовъ о различныхъ чудесахъ, составленномъ самимъ Петромъ Могилою ⁴⁾, но тамъ такого разсказа нѣтъ; правда, позднѣйшее изъ чудесъ тамъ записанныхъ относится къ 1631 г., такъ что устройство новой раки св. Юліанѣ, по поводу чего и была, вѣроятно, сочинена эпиграмма Кальнофойскаго, могло бы, — при довѣрїи къ разсказу „сказанія“ о причинѣ

1508 г. см. Акты, относящ. къ ист. Западн. Россіи. П. С. П. Б. 1848, № 44, стр. 56—57; королевская грамота „воеводѣ Кіевскому кн. Юрью Александровичу“ отъ 5 ноября 1510 г.—см. Акты, относ. до ист. Ю. и З. Россіи. I, 18, стр. 44. О Юрїи Александровичѣ—Pułaski, str. 372.

1) О немъ см. Pułaski, str. 373—377.

2) См. о немъ Pułaski, о. с., str. 373—377 жена его была дочь кн. Ивана Ярославича.

3) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. VI. 1892, приложение, стр. 1—88. Въ Тетраграммѣ Кальнофойскаго въ числѣ благодѣтелей Лавры указаны князья Ольшанскіе: Георгій, княгиня (księżna) Марія, Владиміръ и Борисъ, сынъ ихъ (str. 59), т.-е. Юрїи Ивановичъ со второю женою его Марїей Сангушко; приводятся также изъ помяника какая-то „Kniahnia Iulianna“ (str. 62) и „Ks. Jerzy Dubrowicki“ (str. 63).

4) Издавъ С. Голубевымъ въ Архивѣ Юго-Западной Россіи. Часть I, т. VII, 1887, стр. 49—132.

вниманія Петра Могилы къ мощамъ святой, — быть полагаемо въ періодъ 1631—1638 гг., если бы тождественное и лучше засвидѣтельствованное чудо съ Θεодосіемъ Сафоновичемъ не казалось намъ образцомъ для сказанія о видѣніи Петра Могилы.

Во всякомъ случаѣ изъ эпитаграммы Кальнофойскаго и „сказанія“ можно заключить, что новая рака и, вѣроятно, съ сѣнью надъ ней, т.-е. та именно, которую нарисовалъ въ 1651 г. Вестерфельдъ, сооружена была Петромъ Могилою ранѣе 1638 г., а слѣдовательно (см. выше, стр. 464) около того же времени украшена была сѣнью и рака св. Варвары въ Михайловскомъ монастырѣ.

Остается вопросъ о мѣстѣ нахождения раки св. Юліаны. Изъ Кальнофойскаго мы о томъ не узнаемъ ничего. Показаніе Павла Аленпскаго (см. выше, стр. 475) не вполне ясно: что разумѣлось тогда подъ именемъ алтаря Іоанна Предтечи: сѣверная ли абсида древней церкви или отдѣльно пристроенная къ западному концу сѣверной стѣны храма церковь того же имени? Въ первомъ случаѣ рака стояла на томъ же мѣстѣ, гдѣ помѣщается ее и „сказаніе“, а во второмъ у сѣверной же стѣны, но западнѣе.

За то „сказаніе“ даетъ свѣдѣнія болѣе точныя: первоначальное, послѣ находки, положеніе гроба въ небреженіи въ сѣверо-западномъ углу церкви надо понимать, конечно, постановкой гроба въ притворъ церкви, который былъ тогда заполненъ надгробіями православной шляхты, желавшей по примѣру древнихъ князей лежать близъ гроба св. Θεодосія. Отсюда по „сказанію“ Петръ Могила перенесъ мощи въ новую раку, стоявшую уже въ лѣвой сторонѣ церкви при дверяхъ сѣверныхъ, т.-е., по всей вѣроятности, на томъ именно мѣстѣ, которое послѣ пожара 1718 г. заняла съ 1730 г. рака съ мощами св. Михаила¹⁾.

Если мощи св. Юліаны покоились въ 1651 году здѣсь, то на рисункѣ Вестерфельда архитектурныя детали стѣны около нихъ, а равно и упоминаемая Павломъ Аленпскимъ роспись ея, оказываются опущенными. Отсутствие же драгоценныхъ покрововъ на раку можетъ объясняться, конечно, и современной дѣйствительностью, когда оставлять ихъ на виду было, конечно, не особенно умѣстно.

Что касается повторяющихся изображеній кентавровъ съ буквами около нихъ, то естественнѣе всего предполагать, что они на новой, сооруженной Петромъ Могилою раку были повтореніями той серебряной дощечки съ гербомъ и инициалами имени погребенной, которая находилась на старомъ гробѣ св. Іуліаніи.

Къ сожалѣнію, отсутствіе оригинальнаго рисунка Вестерфельда дѣлаетъ слишкомъ рискованными и потому излишними старанія согласовать тѣ подобія буквъ на издаваемой копіи конца XVIII в. съ изложенными выше историческими матеріалами о личности св. Іуліаніи. Довольно съ насъ и того, что этотъ сохранившійся въ копіи рисунокъ 1651 г. даетъ намъ наглядное и, насколько мнѣ извѣстно, единственное представленіе объ одной изъ уничтоженныхъ пожаромъ 1718 г. святынь Печерской Лавры.

¹⁾ См. планъ Великой церкви Лавры въ ея теперешнемъ видѣ въ Киевской Старинѣ, т. XV, 1886, таблица при стр. 386, лит. А. Таблица относится къ статьѣ П. Лебеднцова: Киево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи (Киевская старина. 1886, XV, стр. 26—43, 293—306, 381—409, 613—638, и XVI, стр. 252—264, 500—519), изданной и отдѣльно въ 1886 и 1894 гг.

Табл. VII, рис. 1. Развалины церкви на Щекавицѣ и видъ оттуда на Кіевскій замокъ.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе съ рисунка № 330 Академіи художествъ (см. выше, стр. 407); детальную прорисъ города, видимаго на заднемъ планѣ, см. Рис. 9, на стр. 481.

Выше мы упомянули уже (стр. 431), почему намъ не кажется пріемлемымъ объясненіе Н. И. Петрова (Тр. К. Д. Ак. 1905. II, стр. 459-462) изображенныхъ здѣсь развалинъ церкви тою древнею церковью, стоявшею надъ теперешнимъ Иларіоновскимъ съѣздомъ, остатки которой раскопаны были въ 1878 году (см. стр. 431 пр. 1).

Что касается самой развалины, то прежде всего является вопросъ, какое это было зданіе? Мнѣ кажется, что для признанія его церковью достаточными основаніями являются крестъ надъ луною на полуразрушенной деревянной крышѣ какой-то пристройки слѣва, изображеніе какого-то святого въ нишѣ надъ окномъ, остатки фигуръ другихъ святыхъ въ цѣлый ростъ на внутренней стѣнѣ зданія въ самой глубинѣ его и два связанныхъ со стѣнами арками столба, которые назначены были, конечно, для поддержки центральной части церкви, гдѣ на землѣ видно какое-то возвышеніе о двухъ ступеняхъ.

Изображеніе въ нишѣ могло быть и рельефнымъ и живописнымъ; подобныя мы видѣли выше на восточныхъ стѣнахъ св. Софін (см. стр. 442); на рисункѣ можно различить нимбъ, бородатую голову и державу съ крестомъ передъ лѣвымъ плечомъ; получается, слѣдовательно, изображеніе Христа. Но на нимбѣ не показано обычнаго у него креста, а державка является въ Его рукахъ лишь въ эпоху новѣйшую. На позднѣйшую же реставрацію указываетъ и полуразрушенная крыша на пристройкѣ и крестъ съ полумѣсяцемъ подъ нимъ, а равно и рамы въ окнахъ; но я все же не рѣшаюсь объяснять возвышеніе въ двѣ ступени, видимое посреди церкви, архіерейскимъ мѣстомъ, какъ то дѣлаетъ Н. И. Петровъ ¹⁾, да нельзя придавать значенія хронологическаго критерія и державѣ въ рукѣ Христа (?): она могла явиться лишь при отдѣлкѣ рисунка начисто.

Двѣ, соединяющіяся подъ прямымъ угломъ, стѣны съ арками, перекинутыми отъ одной изъ нихъ на два упомянутыхъ выше столба, нарисованы въ такой перспективѣ, что, если вѣрить точности рисунка, то зданіе оказывалось бы въ направленіи по линіи столбовъ весьма длиннымъ, и арки, видимыя въ обѣихъ этихъ стѣнахъ, по размѣру ихъ были бы уже не дверными, какъ то надо думать, отверстиями, а цѣлыми воротами; невѣроятно широкими въ натурѣ оказывались бы и окна. Должно думать, поэтому, что эта часть рисунка перспективно неправильна и что въ дѣйствительности ширина оконъ и дверей, а равно разстояніе между столбами были гораздо уже, и что, слѣдовательно, Вестерфельдъ рисовалъ развалины обычной четырехстолбной церкви, часть которой онъ почему-то слишкомъ растянулъ въ ширь.

Точнѣе эти разстоянія между внѣшними стѣнами и внутренними столбами можно опредѣлить по рисунку передней части развалинъ того же зданія: разстояніемъ

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Акад. 1905. II, стр. 461: „что то квадратное въ родѣ архіерейскаго мѣста“.

между плоской наугольной пилястрой и пилястрою съ примкнутою къ ней полуколонной ¹⁾, которымъ соответствовали внутри зданія одинъ изъ двухъ другихъ невидимыхъ на рисункѣ, столбовъ. Полусгнившее бревно, которое торчитъ изъ одного изъ видимыхъ столбовъ и на которомъ сидятъ какія-то птицы, нельзя понимать какъ свидѣтельство о томъ, что разстояніе между столбами было дѣйствительно столь широкимъ, что ихъ нельзя было связать каменными сводами и что зданіе имѣло деревянное покрытие: и это бревно и бревна, валяющіяся въ другихъ мѣстахъ, если и принадлежали къ покрытію, то лишь позднѣйшему; сами же развалины были, надо думать, остатками какой-либо древней церкви съ обычными четырьмя столбами внутри.

Съ какой именно стороны изображена церковь изъ рисунка самихъ развалинъ заключить трудно: одна изъ двухъ дверей въ двухъ стѣнахъ задняго плана, конечно, — западная, но другая можетъ быть, слѣдовательно, и сѣверной и южной: низкую же пристройку слѣва къ передней части развалинъ можно по желанію толковать и алтаремъ (позднѣйшей пристройки?), какъ дѣлаетъ Н. И. Петровъ (о. с., стр. 461), и пристройкой передъ сѣверной дверью.

Мы имѣемъ на рисункѣ, слѣдовательно, два противоположащихъ по діагонали угла церкви, видимыхъ одинъ снаружи, другой изнутри, но какіе именно углы эти: сѣверовосточный и югозападный, или же юговосточный и сѣверозападный, этого по самимъ развалинамъ опредѣлить нельзя.

Нужно обратиться къ виду города на заднемъ планѣ этого же рисунка (см. Рис. 9).

Рис. 9. Видъ на Киселевку и Златоверхо-Михайловскій монастырь со Щековицы (?).
(Деталь къ таб. VII. рис. 1).

Тутъ мы видимъ какое-то поселеніе, огражденное тыномъ и стоящее на вершинѣ горы. Среди домовъ его поднимается три коническихъ кровли церквей или башенъ, одинъ большой домъ съ двойнымъ фронтономъ, большая, каменная церковь и колокольня, или иная башня, правѣе ея.

Положеніе на вершинѣ горы, ограда, характерный домъ съ двумя рядомъ стоящими фронтонами, коническіе верхи башенъ—все это прежде всего напоминаетъ литовско-польскій замокъ съ воеводскимъ домомъ, стоявшій въ 1651 г. на Киселевкѣ

¹⁾ Н. И. Петровъ замѣчаетъ, что „она, кажется, облицована полукруглыми кафлями“. Дѣйствительно, на ней обозначены горизонтальные швы составляющихъ ее обтесанныхъ камней, или чего иного, и она увѣнчана капителю, похожей формою своею на античную базу; я слишкомъ мало знакомъ съ вещественными остатками построекъ древняго Кіева, чтобы судить о степеніи вѣроятности предположенія Н. И. Петрова.

(нынѣ гора Флоровскаго монастыря) и изображенный со стороны Подола на общемъ видѣ Кіева (см. табл. III, рис. 2, и стр. 430).

Но, съ одной стороны, тамъ нѣтъ большой каменной церкви и колокольни, господствующихъ надъ городомъ на этомъ рисункѣ, а, съ другой, на томъ рисункѣ домовъ внутри ограды мы видимъ гораздо менѣе, нежели нарисовано ихъ здѣсь. Поэтому объясненіе Н. И. Петровымъ (Тр. К. Д. А. 1905, II, стр. 461) вида этого какъ изображенія Киселевки съ Кудрявца отъ развалинъ древней церкви, открытыхъ въ 1878 г. близъ Иларіоновскаго спуска, казалось мнѣ долгое время не пріемлемымъ; и, не находя подобнаго поселенія на горѣ въ Кіевѣ половины XVII в., я сомнѣвался уже въ принадлежности рисунка къ числу Кіевскихъ.— Оказался, однако, хотя и не особенно надежный, но возможный способъ принять сущность мнѣнія Н. И. Петрова съ надлежащими, конечно, измѣненіями. Большую каменную церковь съ однимъ большимъ куполомъ и однимъ малымъ на двускатной крышѣ и колокольню вправо отъ нея я считаю довольно точнымъ изображеніемъ Златоверхой церкви, которая на другихъ ея изображеніяхъ 1651 года (см. табл. III, рис. 1; II, рис. 2, ср. Рис. 6; IV, рис. 1, ср. Рис. 8; V, рис. 2) является крытою тремя продольными двускатными крышами съ двумя главами на среднемъ изъ нихъ; если смотрѣть на нее съ сѣвера, то видны будутъ именно четыре дѣленія стѣны, какъ и представлено на рисункѣ. Къ сѣверу отъ Михайловскаго монастыря и находился, хотя на значительномъ разстояніи, Кіевскій замокъ и, слѣдовательно, еще сѣвернѣе долженъ былъ сидѣть художникъ.

Изображенное на рисункѣ положеніе церкви Михайловскаго монастыря надъ серединою приблизительно Фроловской горы получится, если соединить на планѣ прямою линіей Златоверхій соборъ съ кладбищенской Свято-Троицкой церковью Флоровскаго монастыря; продолженіе этой прямой придется на вершину Щековицы: отсюда и рисоваль, слѣдовательно, этотъ видъ Авраамъ Вестерфельдъ.

Правда, линія эта пойдетъ не вполне перпендикулярно сѣверной стѣнѣ Злато-верхо-Михайловской церкви, а уклонится нѣсколько болѣе къ сѣверо-западу; но, какъ мы видѣли выше при разсмотрѣніи общаго вида Кіева съ сѣвера (табл. III), ориентировка церквей на рисункѣ и тамъ не всегда оказывается выдержанной вполне точно. Тамъ же приходилось говорить (стр. 430), что числу и положенію отдѣльныхъ обычныхъ домовъ и ихъ крышъ нельзя придавать значенія, а потому и здѣсь не слѣдуетъ смущаться, видя, что внутренность замка на этомъ рисункѣ оказывается застроенной гораздо гуще, чѣмъ на рисункѣ его же съ Подола (табл. III, рис. 2): художникъ отмѣтилъ на своемъ эскизѣ за стѣною дома, а число ихъ и расположеніе онъ вырисоваль, конечно, лишь при отдѣлкѣ рисунка на чисто.

Равнымъ образомъ и Михайловскій монастырь, виднѣвшійся вдаль и отмѣченный, какъ наиболѣе выдающійся, на эскизѣ, принялъ, тамъ ли уже или лишь при перерисовкѣ, слишкомъ большія размѣры; прочихъ, меньшихъ, церквей и зданій, стоявшихъ ближе него: Десятинной, Кіевскихъ воротъ, Воздвиженской и Трехсвятительской (см. выше, стр. 433—434) не оказывается тутъ вовсе; Михайловская же церковь поднимается какъ бы изъ середины самого поселенія на Киселевкѣ.

Помимо этого въ дѣйствительности надъ вершиной Киселевки ясно поднимался, конечно, сѣверный, господствующій надъ нею край Андреевской горы (древней Уздыхальницы) и лишь въ отдѣленіи и не столь большимъ виднѣлся Михайловскій монастырь. Но я все же дерзаю предложить на провѣрку Кіевлянъ такое объясненіе этого вида, т. к. оно единственное на мой взглядъ для Кіева возможное. ¹⁾

Столь значительное число неточностей въ этомъ видѣ замка объяснялось, разумѣется, тѣмъ, что не видъ былъ сюжетомъ для рисунка и на наброскѣ онъ былъ поэтому зарисованъ кое какъ.

Если наблюденія на мѣстѣ предположеніе это подтвердятъ, то, очевидно, гдѣ-либо на Щеговицѣ должны были находиться и изображенные на рисункѣ развалины церкви. На рисункѣ 1651 г. (Табл. III, рис. 2) мы не видимъ, однако, на ней никакихъ развалинъ; на планѣ Закревскаго (листъ II и III) тутъ показана (№ 50 и 94) церковь св. Іоанна Богослова (1121 г.) „въ огородѣ у Олеговой могилы“.

Что на Щеговицѣ стояла въ XII в. какая-то церковь, видно изъ разсказа Ипатьевской лѣтописи подъ 1182 г. о призваніи въ Печерскіе игумны „попа Василія на Щиковинѣ“ (Закревскій, стр. 881, Сборн. Матеріаловъ I, стр. 27); теперь же стоящая на ней кладбищенская церковь Всѣхъ Святыхъ построена лишь въ 1782 года (ibidem, стр. 883). Но вопросъ о положеніи вышеупомянутой церкви Іоанна Богослова не можетъ, кажется, быть признанъ окончательно рѣшеннымъ ²⁾, а потому я и не дерзаю отождествлять съ нею развалины, изображенныя на разсматриваемомъ рисункѣ.

Н. И. Петровъ даетъ именно это имя развалинамъ разсматриваемаго рисунка, но помѣщаетъ онъ развалины совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, надъ Иларіоновскомъ спускомъ, откуда взаимное положеніе Михайловскаго собора и Киселевки будетъ, однако, совсѣмъ иное; полагать же, какъ онъ это дѣлаетъ, что рисунокъ можетъ быть неправильно соединенъ изъ двухъ: вида развалинъ и вида замка, рисованныхъ совсѣмъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, мнѣ не кажется возможнымъ; аналогичный примѣръ (см. выше, стр. 435) показываетъ именно, что такое соединеніе могло быть сдѣлано все же лишь изъ набросковъ, исполненныхъ въ одномъ мѣстѣ, а не въ разныхъ.

Поэтому хотя я и не могу назвать изображенныя на разсматриваемомъ рисункѣ

¹⁾ Вотъ какъ опредѣляетъ положеніе вершины Киселевки (Замковой горы) относительно горъ съ сѣвера и юга отъ нея Опись Кіевского замка 1545 года: „Отъ полуночное стороны за бруною воеводиною прилегла гора, на имя Щиковица, съ которое видно все посередь замку черезъ стѣну, бо гора замковая съ тое стороны похила на доль, а въ середине вышша вижля по краямъ“. „А... отъ полудня за драбскою брамою, только черезъ ровъ... прилегла гора на имя Клинець, равна съ замковою. А другая тамъ же подалей вышша на имя Выхальнея, але тая остра можетъ быти увижена копаньемъ“ (Сборн. Мат. для Ист. Топ. Кіева. Отд. III, стр. 28-29). Последнюю гору поэтому и срывали. Московскіе воеводы забраковали Киселевку для постройки на ней крѣпости по той же причинѣ: „въ приходѣ, государь, воинскихъ людей съ горъ отъ пушечные стрѣльбы въ томъ острогѣ ущитица вельзе“ (Акты Ю. и З. Р. X, ст. 387).

Насколько возвышается Андреевская гора надъ Киселевкой при взглядѣ со Щеговицы и насколько легко или трудно было Вестерфелду совершить предпологаемую мною ошибку, я судить не могу, т. к. это надо провѣрить на мѣстѣ, смотря съ вершиной Щеговицы, съ теперешняго кладбища отъ церкви Всѣхъ Святыхъ; къ сожалѣнію я во время своего краткаго пребыванія въ Кіевѣ этого не сдѣлалъ.

²⁾ См. Закревскій, стр. 880—881; Петровъ. Очерки, стр. 23—25.

развалины церкви по имени ея, но полагаю, что онѣ находились гдѣ-либо на Щековицѣ, а не тамъ, гдѣ полагаетъ ихъ Н. И. Петровъ.

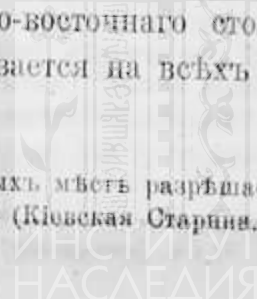
Табл. VII, рис. 2; табл. VIII, рис. 1 и 2. Три стороны развалинъ какой-то одной древней церкви, быть можетъ св. Феодора Тирона.

Уменьшенныя вдвое изображенія рисунковъ №№ 306, 312 и 314 библиотеки Академіи художествъ (см. выше, стр. 402 и 403), представляющихъ три стороны однѣхъ и тѣхъ же развалинъ, что замѣтилъ и составитель подписей, давшей, однако, развалинамъ церкви имя княжескаго терема. Показанія подписей этихъ разсмотрѣны уже были выше (стр. 416—417) и признаны недостоверными ¹⁾; разобрано тамъ, отчасти, и мнѣніе Н. И. Петрова (Тр. К. Д. Ак. 1905. II, стр. 450—455).

Что первый и послѣдній рисунокъ изображаютъ западный фасадъ и восточную стѣну съ остатками абсиды одной и той же церкви, это не можетъ подлежать сомнѣнію послѣ сравненія на томъ и другомъ рисунокѣ пролома въ нижней части западной стѣны и шести оконъ надъ нимъ. Это—несомнѣнно одна и та же стѣна, нарисованная и съ запада и съ востока; конечно, точность рисунка оставляетъ съ нашей археологической точки зрѣнія желать многого: въ этомъ можно убѣдиться, сравнивая, напр., контуры верхней части этого средняго поля западнаго фасада на томъ и на другомъ рисунокѣ. Такую же неточность наблюдали мы и ранѣе (стр. 437), сравнивая два рисунка Золотыхъ воротъ (см. табл. IV). Странно, что и здѣсь, какъ въ рисунокѣ № 330, разсмотрѣнномъ выше, особенно невѣрна перспектива на второмъ планѣ: на рисунокѣ западнаго фасада, напримѣръ, въ проломъ стѣны видѣнъ столбъ и примыкающая къ нему стѣна съ аркою, поставленные такимъ образомъ, что сперва никакъ не догадаться, что это столбъ, стоящій къ югу отъ алтаря, и тотъ самый, который въ значительно измѣненной формѣ находимъ мы и на двухъ остальныхъ рисункахъ, но помѣщеннымъ болѣе точно на свое мѣсто; это подтверждается и высокою полуразрушенной аркой, видной влѣво отъ него надъ фигурою поляка, внимательно разглядывающаго этотъ столбъ: эта арка, очевидно, тождественна съ аркою, изображенной на переднемъ планѣ посрединѣ третьяго рисунка.

На немъ (табл. VIII, рис. 2), кромѣ этого куска средней абсиды, справа видимъ мы ничтожный остатокъ абсиды сѣверной; считать ли соответственнымъ остаткомъ южной—ту стѣнку, за которую заѣхалъ всадникъ въ лѣвой части рисунка, этого я рѣшить не могу; въ случаѣ, если это такъ, то стѣна съ аркою въ ней, видимая за всадникомъ, будетъ восточнымъ концемъ южной стѣны церкви и окажется тождественной правой части передней стѣны на рисунокѣ второмъ (табл. VIII, рис. 1). Сколь ни велика разница въ деталяхъ этихъ двухъ изображеній одной и той же части развалинъ, но тождество ихъ подтверждается находеніемъ на обоихъ рисункахъ къ сѣверу отъ этой части южной стѣны высокаго сѣверо-восточнаго столба церкви, о которомъ мы упоминали выше и который также оказывается на всѣхъ рисункахъ различнымъ.

¹⁾ Разногласіе (см. стр. 417) о времени постройки зданія Присутственныхъ мѣстъ разрѣшается прямымъ свидѣтельствомъ митроп. Серапіона о закладкѣ его 13 юня 1805 г. (Кіевская Старина. IX. 1884, стр. 429).

Наконецъ, восточный конецъ сѣверной стѣны видимъ мы на рисункахъ: третьемъ, у праваго края его, и на второмъ, дѣвъѣ только что упомянутого высокаго столба; опять-таки—значительная разниа въ деталяхъ и сходство въ существенномъ.

Такимъ образомъ эти три рисунка представляютъ развалины одной трехъабсидной церкви обычнаго типа: западный фасадъ ея съ четырьмя пилястрами раздѣленъ на три поля, при чемъ среднее шире боковыхъ; южная стѣна съ пятью пилястрами имѣла также болѣе широкое среднее поле и три болѣе узкихъ: одно въ восточномъ концѣ и два въ западномъ; отъ внутреннихъ четырехъ столбовъ сохранился лишь юго-восточный, къ которому примыкала стѣна съ аркою, отдѣлявшая алтарь отъ діаконалика. Такова была въ существенныхъ своихъ частяхъ эта церковь, начертить точный планъ которой по этимъ тремъ рисункамъ оказалось, для меня невозможнымъ.

Мнѣ кажется, что напрасно Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. Ак. 1905, II, стр. 453, 454) придаетъ реальное значеніе остаткамъ какихъ-то стѣнъ и даже, якобы круглой, башни около этого, стоявшаго на заросшемъ деревьями пустырьѣ, храма, а именно на рисункахъ первомъ и второмъ (табл. VII, рис. 2, и VIII, рис. 1); я полагаю болѣе осторожнымъ вовсе не считаться съ этими, дополнительными такъ сказать, развалинами, т. к. онѣ могли явиться лишь какъ обычный художественный пріемъ; особенно вѣроятнымъ представляется это мнѣ относительно высокой темной стѣны, у праваго края перваго рисунка, на нижней части которой виситъ колчанъ и налучье поляковъ, забавляющихся передъ фасадомъ церкви стрѣльбою изъ лука въ шашку.

На ряду со всеми этими условностями, съ противорѣчіями въ передачѣ однихъ и тѣхъ же частей зданія, съ ошибочнымъ или умышленнымъ нарушеніемъ законовъ перспективы и пр., на этихъ же рисункахъ являются и весьма интересныя детали чисто-реальнаго характера, пользованіе которыми затрудняется, однако, невозможностью разобрать, за что отвѣтственъ самъ Вестерфельдъ и за что копировальщики.

Такъ, напр., въ оригиналѣ раздѣлка западной и южной стѣны церкви была, конечно, одинакова, на рисункахъ же южная стѣна (т. VIII. 1) отличается отъ западной (т. VII. 2) отсутствіемъ каменной, шиферной вѣроятнo, тяги черезъ стѣны и пилястры на высотѣ основанія арокъ верхнихъ оконъ, отсутствіемъ узора въ видѣ прямоугольныхъ зубцовъ подъ этими окнами, появленіемъ углубленныхъ парныхъ нишъ надъ окнами нижняго яруса вмѣсто полуциркульныхъ глухихъ арокъ также парныхъ, отсутствіемъ въ кладкѣ прослойки изъ булыжниковъ подъ окнами нижняго яруса и появленіемъ сводчатыхъ большихъ нишъ вмѣсто глухихъ арокъ у самой земли; который изъ рисунковъ передаетъ детали раздѣлки стѣнъ вѣрнѣе, мы рѣшить, разумѣется, не можемъ, т. к. одно болѣе вѣроятнымъ представляется намъ на одномъ рисункѣ, другое—на другомъ; въ общемъ же все вполне согласуется съ памятниками древне-кѣвской архитектуры: я не могу привести аналогій только для глухихъ арокъ, конструктивное или иное назначеніе которыхъ для меня непонятно.

На западномъ фасадѣ разсматриваемой церкви особаго вниманія достойны двѣ детали: вышеупомянутый зубчатый поясъ и знакъ на второй справа пилястрѣ.

Поясъ этотъ надо представлять себѣ образуемымъ вставленными въ стѣну камнями (мраморомъ или краснымъ шиферомъ) или кирпичами, можетъ быть и полированными;

весьма близкую аналогію ему находимъ мы на рисункѣ развалинъ Десятинной церкви въ 1828 году: рисунокъ, перѣдко воспроизводимомъ, но объявленномъ почему-то Закревскимъ „какою-то фантазіей“; къ сожалѣнію мнѣ не удалось доискаться происхожденія этого рисунка ¹⁾.

Какимъ способомъ изображенъ былъ знакъ на пилястрѣ, по рисунку заключить также нельзя: это могла быть и рельефная плита и какая-либо выкладка; помещенную въ квадратъ фигуру опредѣлить трудно: при желаніи въ ней можно бы даже усматривать подобіе человѣка, хотя здѣсь ничѣмъ не выражена голова его, чего, однако, никогда не забывали дѣлать даже на самыхъ грубыхъ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ подобнаго рода ²⁾; съ другой стороны можно сближать его и съ такъ называемыми руническими знаками, столь обычными въ польскихъ гербахъ ³⁾, и, наконецъ, съ тѣми знаками на древнѣйшихъ великокняжескихъ монетахъ, въ которыхъ видятъ тамги (т. е. личные или родовые знаки) кіевскихъ князей.

Однако, среди двухъ послѣднихъ группъ памятниковъ, съ которыми сходство этого знака было бы всего естественнѣе, мнѣ не удалось найти сколько-либо близкихъ ему аналогій; во всякомъ случаѣ это—такая характерная деталь, что она внимательно была, конечно, срисована Вестерфельдомъ и, по простотѣ ея, не искажена, вѣроятно, и копировальщикомъ конца XVIII вѣка.

Остается вопросъ о возможности опредѣлить развалины, изображенныя на этихъ трехъ рисункахъ. Мы лишены здѣсь какихъ-либо указаній на положеніе этихъ развалинъ относительно другихъ памятниковъ Кіева: кругомъ ихъ плоская поверхность, поросшая мѣстами деревьями; тѣ указанія на положеніе развалинъ, которыми Н. И. Петровъ считаетъ отчасти подпись, отчасти „сосѣднія развалины высокой круглой башни“ (Тр. К. Д. Ак. 1905, II, стр. 451—453) принимаемы во вниманіе быть не должны, т. к. мы неоднократно уже убѣждались въ совершенной недостоверности подписей, сочиненныхъ въ концѣ XVIII в., и т. к. съ другой стороны не только не видимъ на рисункахъ никакой круглой башни, но если бы даже и видѣли, то все же не могли бы относить ее, какъ говорено выше (стр. 418, 436, пр. 1), къ Десятинной церкви.

Однако конечный выводъ Н. И. Петрова, что развалины эти принадлежатъ церкви св. Θεодора, кажется мнѣ вполне возможнымъ и даже вѣроятнымъ, но на иномъ основаніи, а именно: на планѣ 1638 года (см. стр. 341, пр. 3) изображеніе подъ № 50, — „Церковь св. Θεодора Тирона, только стѣны стоятъ“, представляетъ, насколько можно разобрать, нѣчто въ родѣ рисунка № 312 (табл. VIII, рис. 1), а именно: южную

¹⁾ Галерея кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей, издаваемая Н. Семеновскимъ и А. Гаммершмидтомъ. Кіевъ. 1857, тетрадь VII, табл. къ стр. 40—44 (отъ начала изданія № 15, см. Закревскій, стр. 921).

²⁾ См., напр., человѣческія фигурки и отдѣльныя и на разныхъ вещахъ съ Сѣвернаго Кавказа и изъ Херсонеса: Протоколы Подготовит. Комитета V-го Археол. Съѣзда. Москва, 1882, стр. 258, 264, табл. VIII; Матеріалы по Археологіи Кавказа. VIII, стр. 314, 316, рис. 244, 248.

³⁾ Есть старинное описаніе какихъ-то монограммъ или гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ Изборска, образованныхъ выступающими изъ поверхности стѣнъ камнями (Отечественныя записки. 1827 г. XXV, № 81, стр. 28 сл.); къ сожалѣнію въ томъ экземплярѣ, которымъ я пользовался, не было упоминаемой въ текстѣ таблицы.

стѣну развалившейся церкви, состоящую изъ пяти, раздѣленныхъ пилястрами же, очевидно, частей; церковь эта помѣщена на планѣ ближе къ Лаврѣ, нежели Михайловскій монастырь, но довѣрять этому, конечно, нельзя, т. к. тутъ же оказываются и „Кіевскія ворота“, которыя находились, какъ мы видѣли (стр. 433) гораздо сѣвернѣе Михайловскаго монастыря. Гдѣ именно въ Старомъ Кіевѣ стояли эти развалины, я сказать не могу, т. к. вопросъ о положеніи церкви св. Θεодора остается еще спорнымъ¹⁾; не рѣшаюсь я, конечно, настаивать и на тождествѣ развалинъ на трехъ рисункахъ 1651 г. съ развалинами Θεодоровской церкви на планѣ 1638 г.: это тождество лишь возможно, т. к. развалины и другихъ церквей должны были имѣть такой же примѣрно видъ.

Табл. IX, рис. 1. Развалины какого-то зданія съ круглою башнею на юго-восточномъ углу его и небольшимъ церковнымъ приделомъ около нея.

Уменьшенное вдвое изображеніе рисунка № 313 Академіи Художествъ (см. стр. 403). О недостоверности подписи и неприемлемости основаннаго на ней объясненія Н. И. Петровымъ этихъ развалинъ, какъ остатковъ Десятиной церкви, мы говорили уже выше (стр. 417—418, 436, пр. 1), равно какъ и о возможныхъ толкованіяхъ человѣческихъ фигуръ (стр. 296).

Положеніе развалинъ въ Кіевѣ ничѣмъ не обозначено; вдали видны лишь деревья, да покосившаяся изгородь.

На рисунокѣ представлена лишь часть, юго-западный уголъ, какихъ-то весьма значительныхъ, если вѣрить перспективѣ Вестерфельда, развалинъ.

Всего реальнѣе на нашъ взглядъ въ рисунокѣ этомъ изображеніе башни; подобнаго рода башни, служившія для взохода на хоры церквей, намъ приходилось уже упоминать въ св. Софін Кіевской и Новгородской (см. стр. 436), въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ (стр. 463, пр. 1), въ Овручѣ (стр. 439, пр. 1), имѣются указанія на существованіе нѣкогда подобной же башни и на сѣверо-западномъ углу Великой церкви лавры, и т. д. Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ вопросъ объ этихъ башняхъ и о связи ихъ, такой или иной, съ башнями, обычными на порталахъ романскихъ соборовъ, тѣмъ болѣе что вопросъ этотъ насколько мнѣ извѣстно специально никѣмъ еще не разсматривался.

Отношенія величины башни къ всаднику вполне соотвѣтствуютъ такому толкованію этой башни; кусокъ стѣны съ частью односкатной, повидимому, крыши, который виденъ изъ-за башни слѣва, представляетъ, слѣдовательно, юго-западный уголъ южнаго притвора (паперти) той же церкви.

Менѣе реальны, повидимому, прочія части рисунка. Размѣры двухъ открытых

¹⁾ См. Закревскій, стр. 222—225; Н. И. Петровъ. Очерки стр. 121—123; С. Голубевъ (Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца). XII, 1898, отд. II, стр. 33—35; Н. И. Петровъ (Тр. Кіев. Дух. Ак. 1905, II, стр. 453—454).

Вновь появившіяся было аргументъ въ пользу близкаго сосѣдства Θεодоровской церкви съ Десятиною, а именно находка В. В. Хвойкою лѣтомъ 1907 г. креста, якобы изъ этой церкви, по моему мнѣнію также отпадаетъ, т. к. образокъ св. Θεодора находился по всей видимости не одинъ на перекрестіи, а вмѣстѣ съ другими утраченными образками иныхъ святыхъ конновъ (Георгія, Дмитрія и другихъ) могъ украшать и одинъ лишь цѣль концевъ креста.

арокъ, примыкающихъ къ башнѣ съ сѣвера, кажутся мнѣ преувеличенными: открытыя арки такой величины, изъ которыхъ одна ведетъ прямо въ церковь или придѣлъ — невѣроятны; но самый типъ и мотивъ такихъ аркадъ, раздѣленныхъ пилястрами, вполне сходенъ съ притворами св. Софїи; нѣчто подобное имъ и соответственныхъ размѣровъ и было, вѣроятно, въ дѣйствительности; естественнѣе всего этимъ аркамъ было бы имѣть высоту нижняго этажа башни. Какъ было въ дѣйствительности и не преувеличили-ли Вестерфельдъ размѣры арокъ, чтобы лучше показать внутренность зданія, толковать объ этомъ не зная оригинала, съ котораго онъ рисовалъ и не имѣя даже оригинальнаго его рисунка,—безполезно.

Такими же ошибками, быть можетъ только копировальщика, должно объяснять и ту путаницу, которую видимъ мы внутри церкви: несомнѣнно реальныя черты мѣшаются здѣсь съ непонятнымъ и невозможнымъ.

Фигуры святителей на столбахъ, орнаментация наличника арки, поясныя фигуры въ двухъ верхнихъ люнетахъ, раздѣлка нижней части абсиды подобіемъ развѣшанныхъ по стѣнѣ тканей, все это въ частности носитъ характеръ болѣе или менѣе точной передачи византийско-русскаго оригинала. Болѣе западнаго характера—композиція въ конхѣ абсиды: Младенецъ-Христосъ на рукахъ, очевидно, Божіей Матери и два колѣнопреклоненныхъ ангела по сторонамъ. Но совершенно непонятна и невозможна общая конструкція восточнаго конца церкви, какъ является она на разсматриваемой копїи конца XVIII вѣка. На рисункѣ оказываются: на первомъ планѣ какой-то каменный ящикъ (саркофагъ, купель или престолъ), около котораго стоятъ два казака съ молотами (см. выше, стр. 296); на второмъ—два невысокихъ столба, связанныхъ аркою и узкая абсида, непосредственно, повидимому, къ нимъ прилегающая; на третьемъ—два столба повыше и какъ бы наложенный на нихъ большой (каменный, рѣзной?) наличникъ связывающей ихъ арки, внутри которой видна плоская, повидимому, стѣна; въ плоскости этой же стѣны надо полагать и другую, меньшую, арку также съ пояснымъ изображеніемъ какого-то святого, хотя здѣсь люнетъ этотъ благодаря тѣни въ лѣвой его части похожъ уже на конху абсиды; приплюснутость его объясняется желаніемъ художника показать его цѣлкомъ, чему, иначе, мѣшала бы сводъ аркады лицевой стѣны развалины. Наконецъ, уже надъ верхнимъ краемъ этой лицевой стѣны видна вершина еще одной арки, которую можно было бы объяснять и какъ арку, связывающую южныя и сѣверныя столбы церкви, если въ ней столбы эти были, и какъ наличникъ вимы или абсиды.

Присутствіе столбовъ внутри церкви мнѣ кажется мало вѣроятнымъ: судя по прочимъ частямъ рисунка и по тому, что въ окно абсиды видны еще какія-то дальнія стѣны, я думаю, что это была не самостоятельная церковь, а скорѣе лишь небольшой придѣлъ въ одномъ изъ помѣщеній какого-то большаго зданія, м. б., даже большой церкви, придѣлъ, служившій, можетъ быть, усыпальницей или крещальней, какъ аналогичное помѣщеніе около юго-западной башни Св. Софїи, о которомъ, правда не достаточно ясно, говорилъ Павелъ Аленискій ¹⁾. Итакъ понятъ рисунокъ внутрен-

¹⁾ II, стр. 68: „Со стороны западнаго нартекса она наполовину въ развалинахъ... Справа отъ входящаго въ западныя двери въ настоящее время находятся два покинутыхъ алтаря: одинъ

ности этой церкви можно только путемъ различныхъ гипотетическихъ толкованій, каковыя могутъ быть слишкомъ многочисленны и пространны, чтобы излагать здѣсь нѣкоторыя, приходящія намъ въ голову.

Не особенно понятенъ и вѣроятенъ и видъ, открывающійся въ правой аркѣ: вдали виденъ, повидимому, дворъ съ такими же аркадами, какъ на лицевой сторонѣ развалинъ; передъ нимъ какая-то пилястра съ горизонтальною выступающею тягою по ней, на которую, однако, не опирается, какъ то слѣдовало бы прочимъ аналогіямъ, основаніе арки; еще ближе часть большой арки, поднимающейся прямо отъ уровня земли; пространство между нею и лицевой аркою покрыто коробовымъ, а на рисункѣ показаннымъ слишкомъ пологимъ, сводомъ.

Всѣ эти странности не позволяютъ мнѣ предложить какое-либо удовлетворительное объясненіе изображенному на этомъ рисункѣ развалинамъ.

Табл. IX, рис. 2. Лицевая сторона развалинъ какого-то зданія.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка № 331 Академіи Художествъ (см. стр. 407); о подлиннѣ и основанномъ на ней толкованіи Н. И. Петровымъ развалинъ этихъ, какъ „Кіевскія ворота“, рѣчь была уже выше (стр. 418): двойной пробѣздъ воротъ, если и это — ворота, и отсутствіе надъ нимъ второго этажа съ кровлею и главою, которымъ характеризуются Кіевскія ворота и на планѣ 1638 года и на предполагаемомъ изображеніи ихъ на рисункѣ Вестерфельда (см. выше, стр. 433 сл.), не позволяютъ принять для разсматриваемаго рисунка такое толкованіе, тѣмъ болѣе, что тѣ ворота стояли въ оврагѣ между двумя холмами, а эти развалины стоятъ, повидимому, на ровномъ мѣстѣ, а кромѣ того видимый въ пролетѣ одной арки столбъ какой-то аркады на заднемъ планѣ показываетъ, что это — не пробѣздныя городскія ворота, а скорѣе порталъ какого-то зданія или, можетъ быть, и ворота, но не городскія.

Для послѣднихъ изображенныя здѣсь арки малы и по размѣрамъ, сравнительно съ Золотыми воротами Кіева (см. табл. IV, рис. 1 и 2) и Владиміра. Если по человѣческимъ фигурамъ разсчитать размѣры этихъ арокъ, то при ширинѣ около $1\frac{1}{4}$ саж. онѣ имѣли бы высоты около двухъ сажень, т. е. равнялись приблизительно аркадамъ подъ хорами Св. Софій кіевской.

По тому, что видно на рисункѣ, возстановить планъ всей развалины, конечно, невозможно: судя по аркѣ въ правой стѣнѣ обрушившагося прохода, далѣе вправо можно предполагать такое же помѣщеніе съ окнами, какое видимъ слѣва. Какъ далеко отъ аркады передняго плана отстояли стѣны, видимыя на заднемъ планѣ, я опредѣлить не могу; во всякомъ случаѣ между тѣми и другими приходился или внутренній дворъ зданія, или какое-либо значительной величины помѣщеніе; если довѣрять мелкимъ деталямъ, то проходъ у цѣлой арки покрытъ былъ низкимъ купо-

во имя Богоявленія, т. е. Крещенія, гдѣ стоитъ купель для почетныхъ людей изъ твердаго краснаго камня“ и т. д. Я думаю одно время, не является ли разсматриваемый рисунокъ неточнымъ изображеніемъ именно этой крещальни Св. Софій; но помимо несоразмѣрности бани, такого толкованія не допускаютъ и отсутствіе на заднемъ планѣ высокихъ стѣнъ храма, и видъ Св. Софій съ Ю. З. (см. Рис. 8 на стр. 436), гдѣ видно, что въ 1651 г. вся западная панель Св. Софій уже покрыта была односкатною крышею.

ломъ, а у разрушенной коробовымъ сводомъ; у аркадъ задняго плана, судя по темнотѣ въ нихъ, своды были цѣлы.

На мѣсто находенія развалинъ никакихъ указаній на рисункѣ, кромѣ завѣдомо недостоверной подписи (см. выше стр. 418), не имѣется; нѣтъ указаній на подобнаго рода развалины и въ извѣстныхъ мнѣ о древнемъ Кіевѣ данныхъ; если развалины стояли гдѣ-либо внизу подъ склономъ оползающихъ холмовъ или на какомъ-либо такомъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе при крѣпостныхъ работахъ дѣлались насыпи, то будучи засыпаны онѣ могли оказаться и называться позднѣе подвалами, а указанія на находенія таковыхъ въ Кіевѣ нерѣдки: въ началѣ XVIII в. въ сѣверной части Печерскаго отдѣленія на мѣстѣ упраздненной деревянной Покровской церкви „най-дены были великіе погреба и основаніе зданій“ (Закревскій, стр. 224); на Подолѣ близъ Житнаго рынка на Ярославской улицѣ были огромные погреба съ заваленными входами (*ibid.*, стр. 380); въ 1880-хъ гг. на мѣстѣ доминиканскаго монастыря открытъ былъ погребъ изъ трехъ комнатъ (Н. И. Петровъ. Очерки, стр. 225); въ 1889 г. на Стрѣтенской улицѣ обнаруженъ былъ обширный погребъ съ корридорами, съ надписью надъ входомъ въ одинъ изъ нихъ: Апрель 1680 года (Антоновичъ. Археологич. карта Кіевск. губ. Москва. 1895 г., стр. 58).

Табл. X, рис. 1 и 2. Развалины какого-то, одного повидимому, большаго зданія.

Уменьшенныя вдвое воспроизведенія двухъ рисунковъ (№№ 316, 319) въ библиотекѣ Академіи Художествъ (см. стр. 403); относительно несостоятельности показаній подписей подъ ними, якобы это Кіевская Академія, и объясненій Н. И. Петровымъ этихъ развалинъ вмѣстѣ съ рисункомъ № 315 какъ остатковъ какого-то древняго многоугольнаго зданія, обнаруженнаго на усадьбѣ кн. Трубецкого противъ Десятинной церкви, мы говорили уже выше (см. стр. 416, 417, 423—425).

Что касается отнесенія обоихъ рисунковъ къ однимъ и тѣмъ же развалинамъ, то въ правильности этого предположенія мы, конечно, не вполне увѣрены, но оно представляется намъ весьма вѣроятнымъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ выше (табл. IV, рис. 1 и 2; табл. VII, рис. 2, и табл. VIII, рис. 1 и 2) двухъ аналогичныхъ случаевъ, когда Вестерфельдъ рисовалъ одну и ту же развалину съ разныхъ сторонъ,—въ первомъ случаѣ съ двухъ, а во второмъ съ трехъ,—мы убѣдились уже, что онъ допускалъ при этомъ большую вольность въ передачѣ деталей и въ самомъ положеніи одинаковыхъ частей зданія на разныхъ рисункахъ. Имѣя это въ памяти я и дерзаю высказать предположеніе, что рисунки 316 и 319 (табл. X, рис. 1 и 2) представляютъ въ сущности одно и то же, но со слѣдующими существенными сокращеніями во второмъ рисункѣ противъ перваго: опущеніемъ верхнихъ частей стѣнъ надъ двумя внѣшними восьмиугольными столбами и надъ соответствующими имъ внутренними арками, а также пропускомъ отдѣлы послѣднихъ кругами надъ столбами, а задней сплошной стѣны—окнами и кругами же ниже оконъ. Первый рисунокъ является такимъ образомъ болѣе точнымъ въ передачѣ деталей; онъ же даетъ и лучшее понятіе объ общемъ планѣ зданія.

Середину фасада его занимали три открытыхъ арки, опирающихся на два восьмиугольные столба и двѣ пилястры; справа и слѣва по фасаду здѣсь, какъ и въ другихъ

развалинахъ (табл. IX, рис. 2), примыкали отдѣленные лицевыми пилястрами подобныя же арки, но глухія съ окнами лишь посрединѣ; справа такая арка упиралась видимо въ уголъ зданія, т. к. вверху надъ нею въ перспективѣ мы видимъ верхнюю часть стѣны съ окномъ, идущую перпендикулярно къ фасаду и, очевидно, къ этому углу. Возможно, впрочемъ, что зданіе простиралось и далѣе вправо за эту поперечную стѣну, какъ то оказывается несомнѣннымъ при такомъ соединеніи вмѣстѣ обоихъ рисунковъ для лѣвой части фасада: на второмъ рисункѣ мы видимъ значительное продолженіе зданія въ эту сторону за поперечнымъ выступомъ стѣны внутрь (за фигурою которой пряхи), который соотвѣтствуетъ лѣвой пилястрѣ на лицевой сторонѣ той же наружной стѣны зданія.

На параллельной ей внутренней стѣнѣ противъ этой пилястры и внутренняго выступа мы видимъ на обоихъ рисункахъ также пилястру; лѣвѣе ея открытая арка, соотвѣтствующая глухой аркѣ съ окномъ на фасадѣ, а правѣе аркада изъ трехъ арокъ на двухъ квадратныхъ съ полуколонками на каждой сторонѣ столбахъ, соотвѣтствующихъ двумъ восьмиугольнымъ столбамъ фасада.

Еще далѣе вглубь зданія на обоихъ рисункахъ показана третья, параллельная двумъ вышеописаннымъ аркадамъ, сплошная стѣна, глухая на второмъ рисункѣ и раздѣланная сводчатыми окнами и какими-то темными кругами на первомъ.

Вотъ тѣ существенныя и характерныя части, которыя сходятся на обоихъ рисункахъ и соединяютъ ихъ въ изображеніе одного и того же зданія. Но есть, какъ мы говорили выше, и значительныя разногласія между этими рисунками: первый оказывается значительно полнѣе второго.

На немъ мы видимъ еще слѣдующее. На лицевой сторонѣ внѣшней аркады надъ арками нижняго яруса поднимается еще рядъ глухихъ арокъ меньшаго размѣра; на стѣнѣ надъ внутренней аркадой въ поляхъ между арками помѣщены какія-то круглыя украшенія съ выступающимъ, видимо въ рельефѣ, бордюромъ, а выше ихъ надъ горизонтальною тягой стѣна украшена была, повидимому, росписью, какъ то видно въ пролеты двухъ арокъ фасада.

Надъ верхнею разрушенною (причудливымъ контуромъ на первомъ рисункѣ и почти по горизонтальной линіи на второмъ) частью стѣны фасада поднимается (только на первомъ рисункѣ) высокая стѣна съ окнами третьяго, а въ срединѣ и четвертаго, яруса; эта стѣна втораго плана имѣетъ двѣ пилястры, какъ и лицевая.

Но эти пилястры, будучи продолжены внизъ, не находятъ себѣ основаній ни на стѣнѣ внутренней аркады, ни на задней глухой стѣнѣ съ окнами. Я думаю, поэтому, что здѣсь произошла, — у Вестерфельда ли или у копировальщика, — ошибка, а именно, сдвигъ всей этой верхней части рисунка влѣво, т. к. если передвинуть ее нѣсколько правѣе, то лѣвая пилястра придется какъ разъ противъ своего основанія, видимаго въ пролетѣ первой слѣва арки, и, приходясь противъ пилястры на фасадѣ, покажетъ, что въ такомъ же соотвѣтствіи съ другою, правою, пилястрою фасада, стояла, очевидно, и вторая пилястра этой высокой стѣны. Основаніе этой второй пилястры, не видное на рисункѣ, надо предполагать справа отъ третьей арки внутренней аркады.

Вся эта высокая стѣна съ окнами стояла, слѣдовательно, на этой внутренней аркадѣ съ ея характерными столбами, подобными столбамъ на хорахъ въ концахъ трансепта Св. Софiи. На второмъ рисункѣ, какъ мы говорили, вся эта верхняя часть стѣны отсутствуетъ. На первомъ же есть двѣ детали, несогласующіяся съ вышензложеннымъ объясненіемъ плана зданія: это большая арка, видимая на второмъ, по видимому, планѣ надъ правою полуразрушенной глухою аркой второго яруса въ средней части фасада, и слишкомъ широкое пространство между правою изъ вышеупомянутыхъ пилястръ высокой стѣны и правымъ концемъ стѣны въ углу, ясно обозначенномъ въ правой верхней части рисунка. Если это пространство и сѣзвится до нормальныхъ размѣровъ при передвиженіи вправо средней части высокой стѣны, необходимость чего указана была выше, то объяснить или устранить непонятную арку я все же никакими догадками не могу.

Расположеніе той части зданія, которая видна на второмъ лишь рисункѣ въ лѣвомъ (считая по первому рисунку) концѣ описаннаго двойного портика на аркадахъ, остается для меня также неяснымъ: огромное окно въ верхней части высокихъ стѣнъ напоминаетъ скорѣе архитектуру романскую, нежели византийскую; если обратить вниманіе на стѣну съ окнами, видную въ пролетѣ боковой арки слѣва на первомъ рисункѣ, стѣну, которая идетъ перпендикулярно фасаду и соответствуетъ, вѣроятно, не умѣстившейся на рисункѣ пилястрѣ слѣва отъ лѣвой глухой арки фасада, т.-е. лѣвому углу зданія съ аркадами, то эта часть развалинъ, видная въ глубинѣ второго рисунка, окажется какъ-бы боковымъ выступомъ слѣва отъ внѣшняго портика зданія.

Непонятными по назначенію остаются для меня на второмъ рисункѣ и двѣ поднимающіяся отъ уровня земли полуарки, упирающіяся здѣсь вершиной въ особыя пилястры (ср. табл. IX, рис. 1): не служили ли онѣ боковыми стѣнками и основаніемъ для находившейся между ними лѣстницы?

Но и при всѣхъ этихъ гипотетическихъ попыткахъ пояснить одинъ рисунокъ изъ другого, я все же не могу предложить сколько-либо удовлетворительнаго и вѣроятнаго объясненія всему тому зданію (или тѣмъ двумъ разнымъ зданіямъ), развалины котораго представляютъ эти два рисунка.

Еще менѣе допустимы какія-либо гаданія о мѣстѣ нахождения этихъ развалинъ, т. к. никакихъ указаній на него на рисункахъ не оказывается: на второмъ рисункѣ въ пролеты внѣшней аркады открывается широкій видъ на ровную окрестность развалинъ, но видна лишь роца близъ нихъ, да холмы вдаль съ кустами и деревьями (пирамидальными тополями?) передъ ними. Самое отнесеніе развалинъ къ Киеву является, слѣдовательно, лишь гипотезой, основанной на явной связи этихъ рисунковъ съ несомнѣнно кievскими и на общемъ соответствіи архитектурныхъ деталей русскимъ постройкамъ домонгольскаго періода.

Табл. XI, рис. 1 и 2. Развалины одного и того же, быть можетъ, зданія, нарисованныя съ разныхъ сторонъ. (?)

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунковъ № 318 и 317 Академіи Художествъ (см. стр. 403); о подписи на первомъ изъ нихъ и о толкованіи ихъ Н. И. Петрова (Гр. Кіев. Дух. Акад. 1905. II, стр. 446—450) см. выше, стр. 403, 416—417, 423—425.

Въ общемъ и эти развалины, съ ихъ параллельными рядами длинныхъ помѣщеній, крытыхъ сводами, покоящимся на крестообразныхъ въ планѣ столбахъ, напоминаютъ собою, какъ и выше разсмотрѣнные рисунки (см. табл. IX, рис. 1 и 2), притворы Св. Софіи и помѣщенія подь хорами ея, почему и эти развалины можно относить предположительно къ до-монгольскому же времени.

Но то представленіе, какое можно составить себѣ о планѣ зданія изъ сопоставленія этихъ двухъ рисунковъ, не даетъ отвѣта на вопросъ о быломъ назначеніи развалины. Да и самое соединеніе обоихъ рисунковъ вмѣстѣ, какъ двухъ видовъ одного и того же зданія, изображеннаго съ разныхъ сторонъ, встрѣчаетъ нѣкоторыя противорѣчія, каковыя, впрочемъ, мы видѣли въ подобныхъ случаяхъ не только въ предполагаемыхъ двойныхъ видахъ одного и того же (табл. VII, рис. 2, и табл. VIII, рис. 1 и 2; табл. IX, рис. 1 и 2), но и въ несомнѣнныхъ (табл. IV, рис. 1 и 2).

Общее между тѣмъ и другимъ изъ разсматриваемыхъ теперь рисунковъ состоитъ не только въ одинаковомъ архитектурномъ устройствѣ изображенной на томъ и другомъ постройки, но и въ слѣдующихъ частностяхъ. Въ боковой, выходящей въ открытое пространство и наиболѣе разрушенной, части зданія мы видимъ на обоихъ рисункахъ такія же поднимающіяся непосредственно отъ уровня земли арки, какія видѣли уже дважды выше (стр. 489 и 492).

Одно (второе) изъ дѣлений внутренняго корридора на второмъ рисункѣ крыто коробовымъ сводомъ и имѣетъ дверь и два окна, выходящіе во внѣшній портикъ, на первомъ же рисункѣ также оказывается подобное помѣщеніе, только одно изъ оконъ скрыто за пилястрою, да опущенъ карнизъ подь основаніями арокъ этого окна и двери, коробовой же сводъ обозначенъ совершенно ясно.

Противъ отнесенія обоихъ рисунковъ къ одной и той же части развалины, кромѣ указаннаго несущественнаго различія, находятся и болѣе важныя возраженія: второй рисунокъ изображаетъ какъ бы фасадъ всего зданія, или по крайней мѣрѣ части его, между тѣмъ на первомъ анфилада смежныхъ квадратныхъ помѣщеній продолжается вглубь до самой двери съ прямымъ косякомъ безъ какого-либо значительнаго перерыва, боковою частью котораго можно было бы считать фасадъ втораго рисунка; на послѣднемъ кромѣ того въ глубинѣ анфилады не видно сквознаго пролета или по крайней мѣрѣ свѣта слѣва, что было бы необходимо для точнаго согласія съ рисункомъ первымъ; нѣтъ на второмъ рисункѣ и второй, поднимающейся отъ уровня земли, арки, которая показана на рисункѣ первомъ и которую можно ожидать по аналогіи съ рисункомъ 319 (табл. X, рис. 2; см. стр. 492).

Изъ отдѣльныхъ деталей этихъ двухъ рисунковъ отмѣтимъ: наклонное положеніе слоевъ кирпичной кладки надъ упомянутою аркою втораго рисунка; остатокъ росписи (часть фигуры святаго) надъ первою изъ двухъ такихъ же арокъ на первомъ рисункѣ; круглый провалившійся купольный сводъ надъ первымъ дѣленіемъ анфилады на второмъ рисункѣ; непомѣрную и явно невѣрно нарисованную длину полуарки на томъ же рисункѣ: основаніе ея лежитъ на землѣ за фигурою пряжи, а вершина приходится надъ полякомъ, стоящимъ въ первой боковой аркѣ анфилады.

Что въ этихъ случаяхъ согласія и разницы между двумя рисунками должно

относить къ дѣйствительности, и, что явилось лишь результатомъ ошибокъ или небрежности художника, разобрать, конечно,—невозможно, а потому, какъ отнесеніе обоихъ рисунковъ къ однимъ и тѣмъ же развалинамъ, такъ и объясненіе того, что за развалины это были, оказывается, для меня по крайней мѣрѣ, совершенно неяснымъ. Положеніе ихъ относительно другихъ зданій Кіева не отмѣчено: въ просвѣтахъ аркадъ, цѣлыхъ и обвалившихся, показано лишь ровное, поросшее мѣстами деревьями, поле; только на первомъ рисункѣ вдали надъ скачущимъ всадникомъ видно что то въ родѣ кургана.

О многочисленныхъ фигурахъ, оживляющихъ два эти и три разсмотрѣнные раиѣе рисунка (табл. VIII, рис. 2, и IX, рис. 1 и 2), мы говорили уже выше (стр. 295) и указывали на возможность произвольной добавки ихъ художникомъ отъ себя согласно любви голландскихъ живописцевъ того времени къ подобнаго рода жанровымъ сценамъ изъ жизни нищихъ и калѣкъ, сценамъ, ставшимъ слишкомъ обычными послѣ тридцатилѣтней войны.

Говорили мы также и о томъ, что не умѣемъ опредѣлить назначеніе тѣхъ зданій, развалины которыхъ воспроизводятъ шесть послѣднихъ рисунковъ (табл. IX, X и XI): эти ряды открытыхъ аркадъ или квадратныхъ, крытыхъ сводами, помѣщеній, представляющихъ по конструкціи такое сходство съ нѣкоторыми частями Св. Софій, на всѣхъ этихъ рисункахъ не имѣютъ вида церковныхъ притворовъ, т. к. мы не находимъ за ними болѣе высокихъ стѣнъ самой церкви.

Придѣлъ въ юго-восточномъ углу зданія на рисункѣ 313 (табл. IX, рис. 1) и остатки росписей церковнаго, повидимому, характера на рисункахъ 316 и 318 указываютъ, однако, на какую-то связь этихъ обширныхъ развалинъ съ церковною жизнью.

Мнѣ казалась возможной гипотеза о томъ, что мы видимъ тутъ развалины какихъ-либо монастырскихъ или дворцовыхъ зданій.

Первый изъ рисунковъ этой группы (табл. IX, рис. 1) по виду присутствія церкви въ юго-западномъ углу зданія могъ бы считаться остатками какого-либо терема или монастыря православнаго. Прочіе же рисунки ихъ длинными коридорами съ открытыми съ одной стороны аркадами, напоминали мнѣ скорѣе портики квадратныхъ, внутреннихъ дворовъ въ монастыряхъ католическихъ. Имѣется извѣстіе (Петра Развидовскаго ок. 1640 г., см. Сборн. Матер. II, стр. 103), что и въ Кіевѣ доминиканскій „конвентъ св. Николая имѣлъ atrium по 400 локтей въ длину и ширину“.

Выше намъ приходилось уже упоминать о католическихъ монастыряхъ, бывшихъ въ половинѣ XVII в. въ Кіевѣ (стр. 292—294, 430); они были разорены и разграблены казаками въ предшествовавшіе годы смуты, а часть ихъ сгорѣла во время самой оккупации Кіева литовскимъ войскомъ въ 1651 г. (см. стр. 292—294), но этихъ монастырей и костеловъ наши рисунки изображать, конечно, не могутъ: мы не видимъ тутъ никакихъ признаковъ ни свѣжаго пожара, ни недавняго разоренія, да и самые монастыри и костелы эти выстроены были лишь начиная съ конца XVI вѣка и имѣли, разумѣется, совсѣмъ инныя архитектурныя формы (ср. табл. III, рис. 1 и 2; стр. 430), чѣмъ у разсматриваемыхъ развалинъ.

Впрочемъ, исторія этихъ костеловъ и монастырей разработана недостаточно: въ

последней работѣ о ней А. В. Стороженка ¹⁾ не оказывается, напримѣръ, нѣкоторыхъ извѣстій и фактовъ, извѣстныхъ Закревскому (стр. 445—455) и Н. И. Петрову (Очерки, стр. 180).

Слѣдствіемъ по жалобѣ бискупа Христофора Казимірскаго на кіевскихъ мѣщанъ ²⁾ было признано, что „и теперь у Щековицы есть . . . костѣлица или знаки костельные и далѣе у Днѣпра костела католическаго знакъ или руина еще и теперь есть“ (о. с., 67 р. 174), откуда сдѣлано было заключеніе, будто бы вся земля между ними отъ костела до костела должна принадлежать бискупу. А. В. Стороженко признаетъ наименованіе и этихъ развалинъ костелами простою выдумкою; но такого возраженія среди объясненій кіевлянъ не указано, и мы остаемся въ невѣдѣніи, не могли ли среди многочисленныхъ развалинъ Кіева сохраняться до XVII вѣка и развалины католическихъ храмовъ; существованіе же тамъ въ XIII в. католическаго монастыря признаетъ и А. В. Стороженко; утвержденіе его, что наименованіе какихъ-то „стѣнъ изъ тесаннаго камня“, которые разбирали кіевляне, костеломъ Успенія Б. М. также было лишь выдумкой бискупа, не кажется мнѣ достаточно обоснованнымъ. Но я не могу, конечно, входить въ вопросъ о взаимоотношеніи католичества и православія въ Кіевѣ въ до-монгольское время; не могу, и настаивать на томъ, что нѣкоторые рисунки Вестерфельда изображаютъ развалины какого-то кляштора: для этого въ самихъ рисункахъ слишкомъ мало характерно-романскихъ чертъ.

Во всякомъ случаѣ эти шесть рисунковъ (см. табл. IX, X и XI) показываютъ намъ, какія значительныя и совершенно неизвѣстныя намъ изъ литературныхъ источниковъ развалины стояли еще въ Кіевѣ въ половинѣ XVII вѣка. Неумѣніе же наше дать имъ удовлетворительное толкованіе не должно, насъ смущать; вѣдь доселѣ не объяснено удовлетворительно и самое выдающееся зданіе на планѣ Кіева 1638 года.

Табл. XII, рис. 1. Видъ какого-то монастыря (Межигорскаго?), стоящаго между горами на берегу рѣки (Днѣпра?).

Уменьшенное вдвое изображеніе рисунка № 320 Академіи Художествъ (см. стр. 403). Подпись называетъ его: *Pieczari Kijovienses*; напрасно положился я на эту подпись, упоминая рисунокъ этотъ выше (стр. 295); Н. И. Петровъ (Тр. К. Д. Ак. 1905, II, стр. 464) принимаетъ это утвержденіе толкователя конца XVIII в. на вѣру и не входить въ разсмотрѣніе рисунка.

Между тѣмъ сравненіе этого рисунка съ болѣе или менѣе современными видами Печерской Лавры на гравюрахъ 1638 г. и 1650-хъ гг. гравера Иліи (о которыхъ рѣчь

¹⁾ См. выше, стр. 430 пр. 1; вѣтъ у него также упоминанія о привилеѣ кіевскимъ Доминиканцамъ 1509 г. отъ князя Юрія Александровича, который указанъ К. Пуласкимъ (см. выше, стр. 477, пр. 2), стр. 373.

На стр. 249 А. В. Стороженко пишетъ, что бискупъ Христофоръ Казимірскій „отмѣкалъ . . . какія то развалины каменныхъ стѣнъ и подалъ въ 1600 г. королю жалобу на кіевскихъ мѣщанъ будто послѣдніе разобрали . . . стѣны костела Успенія Пр. Богородицы, сложенныя изъ дикаго камня“ и т. п., но въ указываемомъ имъ источникѣ (С. Голубевъ. Митроп. Петръ Могила, I, прилож. стр. 178) нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы разобранныя стѣны изъ тесаннаго (ciosanego) камня были стѣнами развалины, а не начатаго постройкою или неоконченнаго костела; вообще я не вижу оснований считать этой жалобѣ выдумкою бискупа: разборъ православными въ 1602 г. костела, о чемъ не упоминаетъ Стороженко, подтверждаетъ основательность жалобы Казимірскаго.

²⁾ См. королевскій декретъ 1602 г.: С. Голубевъ. Петръ Могила, I, прилож., № XXII, стр. 171—177.

будетъ ниже) не обнаруживаетъ между изображеннымъ монастыремъ и церквами надъ пещерами никакого сходства, ни въ формахъ самихъ церквей, ни въ монастырскихъ зданіяхъ, ни въ окружающей природной обстановкѣ.

На разсматриваемомъ рисункѣ мы видимъ большой монастырь, стоящій подъ горой на плоскомъ мѣстѣ между мельничною запрудой и другою горою, на склонѣ которой поставлена одна башня и часть ограды. Посрединѣ стоитъ большая деревянная крестообразная церковь и около нея такая же колокольня; дворъ монастыря окруженъ отчасти сплошнымъ рядомъ домовъ, отчасти по сторонамъ, примыкающей къ горѣ къ югу отъ церкви, деревяннымъ частоколомъ. Въ прямомъ рядѣ строеній по сѣверному краю монастыря видны сводчатые ворота, откуда идетъ колесная дорога на плотину мельницы, другая дорога съ той же плотины загибается вправо къ башнѣ, съ воротами подъ нею; башня примыкаетъ къ сѣверо-западному углу монастыря; другая (сѣверная) сторона ея стоитъ надъ прудомъ, а изъ воротъ подъ нею идетъ дорога къ западу, по мосту черезъ рѣчку, образующую прудъ; вверхъ по рѣчкѣ тянется по правому берегу частоколъ съ башнями; а выше его, очевидно, надъ береговымъ склономъ рядъ монастырскихъ зданій, кончающійся башнею съ крутою крышею на западномъ углу монастыря. На склонѣ сѣверной горы, т.-е. той, откуда снятъ видъ, видны крыши какихъ-то сараевъ и подъ деревомъ сидитъ за работою самъ художникъ.

Это, очевидно, какой-то большой и богатый монастырь. Его положеніе между горами на берегу рѣки, вѣроятно Днѣпра, т. к. лѣвый, восточный, берегъ ея плоскій, естественно приводитъ на умъ знаменитый монастырь Межигорскій, лежащій верстахъ въ 20 отъ Кіева вверхъ по Днѣпру. Къ сожалѣнію, я тамъ не былъ и потому не знаю, насколько положеніе монастыря, теперь не имѣющаго, разумѣется, ничего общаго, кромѣ мѣста, съ тѣмъ, который стоялъ тутъ въ половинѣ XVII вѣка, соответствуетъ изображенному на рисункѣ.

Какъ видно изъ книжныхъ данных¹⁾ въ это время въ монастырѣ были слѣдующія церкви: соборная Спасская 1611 г., трапезная Никольская 1609 и наворотная Петропавловская 1604 года; всѣ онѣ были, повидимому, деревянные: двѣ первыя легко находятся на рисункѣ 1651 г., одна посреди монастыря съ колокольнею къ Ю. З. отъ нея, а вторая въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, примыкающая къ большому жилому зданію, покрытому тремя двухскатными крышами, поставленными въ рядъ, какъ мы видимъ то на издаваемыхъ рисункахъ нерѣдко. Башня надъ воротами на первомъ планѣ креста на кровлѣ не имѣетъ и вообще на церковь не походитъ; поэтому третью церковь надо предполагать въ другой башнѣ съ болѣе крутою кровлею съ главкою (но также безъ креста на верху) въ башнѣ, занимающей западный уголъ монастырской ограды; это тѣмъ вѣроятнѣе, что упомянутыя выше ворота ведутъ, строго говоря, не въ самый монастырь. Но, конечно, всѣ эти разсужденія умѣстны были бы лишь послѣ провѣрки на мѣстѣ, подходитъ ли положеніе Межигорскаго монастыря къ изображенной на этомъ рисункѣ мѣстности.

Хотя мы и не видѣли въ исторіи похода 1651 г. (см. стр. 277—278) упоминанія

¹⁾ Обзорніе Кіева, изд. Фундуклеемъ. 1847, стр. 82—86; Закревскій, стр. 466; И. Н. Петровъ. Очерки, стр. 242—243.

о проходѣ литовскаго войска черезъ Межигорскій монастырь, но онъ, лежа всего въ двухъ верстахъ выше Вышгорода (см. стр. 278—280), естественно видѣлъ у себя въ гостяхъ литовское войско и, вѣроятно, оказывалъ гостепрѣимство, какъ наиболѣе удобная стоянка, самому кн. Янушу съ его свитой. Во всякомъ случаѣ „приходъ Радивиловъ“ отозвался на пемъ такъ же, какъ и на другихъ кievскихъ монастыряхъ (см. выше, стр. 287, 314), и его братія также пришлось писать въ Москву просьбы о жалованьи.

Не безъ основанія, конечно, внесъ въ число разоренныхъ постоемъ монастырей и Межигорскій монастырь райца города Кіева Теодоръ Полченко (см. стр. 288); не безъ основанія писалъ въ грамотѣ (23 декабря 1653) монастырю и Хмѣльницкій, что „игуменъ Межигорскій со всею братією есть знищений въ именияхъ монастырскихъ Межигорскихъ черезъ Радивиловъ и иныхъ непріятелей церкви Божое“ (Акты Ю. и З. Р. V, стр. 88).

Однако для зданій, изображенныхъ, какъ я предполагаю, на разсматриваемомъ рисункѣ, это посѣщеніе монастыря литовскимъ гетманомъ со свитой, среди которой находился и голландскій художникъ, изобразившій самъ себя за работою передъ монастыремъ (ср. стр. 295), прошло болѣе или менѣе благополучно: до тла сгорѣлъ монастырь пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1665 году. Это придастъ разсмотрѣнному рисунку особый интересъ, если только наблюденія на мѣстѣ подтвердятъ мое предположеніе объ имени изображеннаго здѣсь монастыря.

Табл. XII, рис. 2. Видъ Кіево-Печерской Лавры съ юго-востока.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка № 311 Академіи Художеств (см. стр. 403).

По расположенію передняго и задняго плана рисунокъ этотъ близокъ къ только что разсмотрѣнному: на первомъ планѣ—вершина горы, съ которой видъ рисованъ, на краю ея также сидитъ за работою художникъ; далѣе видно дно оврага между горами; на заднемъ планѣ—склонъ противоположащей горы; сбоку также течетъ Днѣпръ, направленіе теченія котораго обозначено здѣсь стрѣлкою.

Это послѣднее указаніе въ связи съ видомъ Великой церкви лавры съ юго-востока не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что церковь на днѣ балки не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ церковью Воздвиженія Креста Господня (Павель Алеппскій. II, стр. 54) надъ т. н. „Ближними пещерами“ (св. Антонія), и я совершенно не понимаю, какъ могъ Н. И. Петровъ видѣть въ церкви этой Николаевскій Пустынскій монастырь (см. Труды Кіев. Дух. Ак. 1905. II, стр. 462—463), который лежитъ въ дѣйствительности не къ юго-востоку, а къ сѣверо-востоку отъ лавры: то, что Н. И. Петровъ считалъ винными подвалами, оказывается крытою галлереей къ пещерамъ, которая является уже на планѣ пещеръ гравера Иліи (см. ниже), но не видна еще на чертежѣ 1638, гдѣ надъ входомъ въ Антоніеву пещеру поставлена не церковь, а лишь подобіе воротъ съ главою надъ ними.

Церковь, стоящая надъ входомъ въ Ближнія пещеры, согласуется и со словами Павла Алеппскаго (II, стр. 54: „имѣеть два высокихъ купола, крытыхъ жестью съ крестами“) и въ значительной мѣрѣ, хотя и не вполне, съ гравюрою

Иліи¹⁾; есть на этой гравюрѣ и подобіе галлерей, обходящей церковный дворъ съ юго-запада и юга, и заборъ, идущій далѣе къ востоку, и жилой домъ въ сѣверо-восточномъ углу двора; только упомянутый заборъ примыкаетъ тамъ къ дому вплотную; въ сѣверо-западномъ углу двора находимъ тамъ такую же башню, какъ и на рисункѣ Вестерфельда, и такъ же вверхъ по горѣ до квадратной башни поднимается крытая галлерей, нѣсколько иного, правда, вида.

Заборы и дома по южному склону горы между пещерою преп. Антонія и Великою церковью на болѣе близкой по времени гравюрѣ Иліи не изображены: изъ всего, находящагося на поверхности земли, обозначены, кромѣ указаннаго выше, лишь деревья, одинъ колодезь, да идущій монахъ; на гравюрѣ же 1638 года (см. выше, стр. 341, пр. 3) кромѣ колодца обозначены и заборы и разные дома, но полного сходства въ расположеніи и видѣ ихъ съ рисункомъ 1651 г., конечно, не оказывается.

Что же касается общаго расположенія церкви надъ близкими пещерами относительно всего вида горы и нагорной части монастыря, то сравненіе рисунка Вестерфельда съ натурою, смотря отъ церкви Рождества Богородицы на скатѣ горы за Дальними пещерами, убѣдило меня въ большой точности этого рисунка, хотя теперь сравненіе это и затрудняется новыми постройками, да и самые скаты горы значительно измѣнили, конечно, свой профиль вслѣдствіе оползней; но положеніе Великой церкви, глядя отсюда, совершенно таково же, какъ и на рисункѣ; вѣроятно поэтому, что и Вестерфельдъ рисовалъ, сидя около тогдашней деревянной церкви, поставленной въ 1635 году на томъ же мѣстѣ²⁾, гдѣ позднѣе, въ 1696 г., выстроена была теперешняя каменная церковь того же имени.

Въ лѣвомъ концѣ рисунка видна маленькая, т. - е. отдаленная, церковь замѣчательная своимъ каменнымъ, очевидно, полусферическимъ куполомъ византійской формы, который поднимается надъ двумя смежными фронтонами двускатныхъ крышъ; три подобныхъ фронтона и главу съ полусферическимъ куполомъ видимъ мы на изображеніи древней Троицкой церкви надъ святыми вратами лавры на гравюрахъ 1638 и 1677 г.³⁾; на первой сбоку видимъ и деревянную, правда болѣе низкую, чѣмъ на рисункѣ 1651 г., колокольню; такимъ образомъ эту церковь съ округлымъ куполомъ, видимую вдали на лѣвомъ краю рисунка, можно, кажется, считать за Троицкую церковь надъ святыми воротами лавры. Что же касается прочихъ церквей, стоявшихъ тогда въ Печерскомъ мѣстечкѣ, то онѣ на гравюрахъ 1638 г. (I, № 72; II, № 76 и 78; III, № 39) изображены всѣ деревянными и вовсе иного вида.

Находящееся правѣе высокое зданіе съ флюгерами на крышѣ, бо похожее на большую крестообразную церковь, можно по положенію его въ югозападномъ углу лавры

¹⁾ Уменьшенное цинкографическое воспроизведеніе ея см. у Д. А. Ровинскаго. Подробный словарь русскихъ гравировъ. С. П. Б. 1895. I, ст. 419 - 420. О времени и коніяхъ этой гравюры см. стр. 501, пр. 1.

²⁾ На планѣ Дальнихъ пещеръ 1638 года церковь эта изображена подъ № 65 и представляетъ почти полное сходство съ церковью Николаевского Пустынскаго монастыря, изображенной на планѣ Лавры того же года подъ № 45.

³⁾ Планъ Лавры 1638 г. (Табл. III, № 19, 20, 21); фронтисписъ книги: „Пречистые Акаѣнты Всеседмичные“. Кіевъ. 1677 (см. воспроизведенія въ Кіевской Старинѣ. XV. 1886, прилож. къ стр. 385; Захарченко. Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ. 1888, рис. на стр. 139).

считать за „покои архимандричьи“, которые на гравюрѣ 1638 г. (III, № 27) имѣютъ нѣсколько схожій съ рисункомъ 1651 г. видъ, хотя и вѣнчаются крестами: при этомъ дворцѣ печерскихъ архимандритовъ была, надо думать, и домовая церковь.

Видимый еще правѣе домъ съ двускатною крышею и башенкой около него напоминаетъ собою одинъ изъ лаврскихъ домовъ на гравюрѣ 1638 г. (III, № 22: „налѣво же на горѣ построенъ высокій домъ для гостей“), но положеніе послѣдняго относительно прочихъ зданій лавры отождествлять эти два сходныхъ дома не позволяетъ.

Иные дома такого же нѣмецко-польскаго типа, стоящіе по краю лаврской горы, въ значительной степени загораживаютъ Великую церковь; но и такое изображеніе ея представляетъ значительный интересъ, какъ точная передача ея внѣшняго вида въ половинѣ XVII в.; по вѣрности рисунокъ церкви, и лавры вообще, очевидно превосходитъ всѣ извѣстныя доселѣ изображенія ихъ отъ XVII в., изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, тремъ гравюрамъ, составляющимъ въ сущности одинъ длинный сплошной скорѣе планъ, чѣмъ видъ, раздѣленный рамками на три отдѣльныя таблицы, приложенныя къ Тератургимъ А. Ѳ. Кальнофойскаго.

Это изображеніе Печерскаго монастыря на трехъ гравюрахъ 1638¹⁾ года значительно превосходитъ, конечно, рисунокъ Вестерфельда богатствомъ содержанія, но изображаетъ все это въ условномъ, лишенномъ соразмѣрности, видѣ. Великая церковь лавры отдѣльно извѣстна кромѣ того на рядѣ кievскихъ гравюръ, отчасти болѣе древнихъ, нежели рисунокъ Вестерфельда, отчасти позднѣйшихъ, но все же представляющихъ церковь еще въ томъ же старомъ видѣ ея, который, съ различными передѣлками разумѣется, сохраняла она до пожара 1718 года, послѣ чего видъ ея былъ значительно измѣненъ и сохраняется въ существенномъ доселѣ. Большая часть гравюръ этихъ изображаетъ западный фасадъ печерской церкви, иногда между входами въ двѣ пещеры, а чаще между святыми Антоніемъ и Θεодосіемъ, какъ то видѣлъ уже Павелъ Аленискій²⁾, и потому для сравненія съ рисункомъ 1651 г., гдѣ церковь представлена съ юго-востока, видѣнныя мною гравюры³⁾ лишь изрѣдка давали искомыя аналоги.

¹⁾ Выше (стр. 341, пр. 3) мы указывали уже на новыя переизданія трехъ гравюръ на деревѣ, приложенныхъ къ Тератургимъ А. Кальнофойскаго. На той гравюрѣ (III-я по изданію Б. И. Ханевка) гдѣ изображена сама лавра, на орнаментальномъ бордюрѣ ясно читается монограмма неизвѣстнаго гравера Л. Т. Однако Д. А. Ровинскій не внесъ этихъ гравюръ въ списокъ работъ этого гравера (Русскіе граверы и ихъ произведенія отъ 1564 года до основанія Академіи Художествъ. Москва. 1870, стр. 245—246; Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. С. П. Б. 1895, ст. 600—601) и вообще не упоминаетъ о нихъ, зная Тератургиму видимо (Русскія Народныя Картинки. IV, стр. 61) лишь съ чужихъ словъ.

²⁾ П, стр. 57: „Этотъ великій монастырь присвоается имъ, и потому среди иконы помѣщаютъ между ними изображеніе монастырскаго строенія, какъ оно есть“.

³⁾ Я смотрѣлъ гравюры (до 1718 г.), указанныя въ статьѣ П. Лебедицева: Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи (Кіевская старина. 1886, т. XV, стр. 293—396, 384—409, 613—638; XVI, стр. 252—264, 500—519; о рисункахъ церкви см. XV, стр. 302—303), и нѣкоторыя цѣлыя. Учительное Евангеліе 1623 г.; я не видалъ.

Аганита діакона Главизны. 1628 г.; выходной листъ. Граверь Л. Т. Церковь съ З.; рисунокъ очень условный; важна приплюснутая форма полусферическаго купола средней главы.

Терагургуна А. Кальнофойскаго. 1638. Граверь Л. Т. (см. выше, стр. 341, пр. 3). Единственное (?) старое изображеніе Великой церкви съ востока и притомъ до реставраціи Петра Могилы; оба купола полусферическіе; драгоценныя объясненія пристроекъ.

На гравюрѣ 1638 г. мы не видимъ еще такой башнеобразной обработки абсиды, какъ на рисункѣ 1651 г.; помимо разсматриваемаго рисунка подобія круглыхъ башенъ на обонхъ восточныхъ углахъ видны и на рисункѣ, изображающемъ битву на Днѣпрѣ (табл. V, рис. 2); зато низенькая пристройка, примыкающая къ восточному концу южной стѣны Великой церкви на гравюрѣ 1638, объясняется (№ 35), какъ „часовня св. архидіакона Стефана, князей ихъ милостей Корецкихъ“. Небольшія главки на вершинахъ южнаго и восточнаго фронтоновъ и большая глава на западномъ являются и на гравюрахъ послѣ 1640 г.; глава, видимая изъ-за главки на восточномъ фронтонѣ, вѣнчаетъ, очевидно, куполь придѣла Іоанна Предтечи; а странная вертикальная надстройка на юго-западномъ углу церкви повторяется и на гравюрѣ 1677 года. Объясненіе домамъ передъ церковью могъ бы дать планъ лавры 1638 г., если бы онъ былъ нарисованъ не столь безобразно. Мнѣ кажется, что тотъ входъ въ лавру, который обозначенъ тамъ № 1, долженъ приходиться на рисунокѣ 1651 г. не у дома съ колодцемъ, а правѣе и выше у дома, соединеннаго частоколомъ съ башнею, стоящею нѣсколько выше его; тогда два большихъ дома, видимые на рисунокѣ 1651 г. вправо отъ собора, окажутся стоящими по разнымъ сторонамъ подъема и слѣдовательно правый можетъ соответствовать № 5 на планѣ 1638 г., т. е. типографіи, а лѣвый № 22, „высокому дому для гостей“; аналогія дому съ четырьмя фронтонами № 24, „трапезѣ немалой съ теплою церковью во имя апп. Петра и Павла“, на рисунокѣ 1651 г. находится тутъ же въ видѣ большого дома о трехъ смежныхъ фронтонахъ; башня надъ лѣвою частью можетъ быть и трапезной церковью Петра и Павла (№ 24) и, что вѣроятнѣе, колокольной (№ 36), стоявшей отдѣльно къ юго-западу отъ церкви.

Панагіаріонъ. 1655 г.; я не видалъ.

Пречестныи Акаѣисты. 1671 г.; на выходномъ листѣ условное изображеніе съ запада. Подпись гравера: ИЛІЯ С. С. 1658 ГЕЛ (=генваря 30).

Патерикъ Печерскій. 1661 г. Два вида печерской церкви съ запада. а) На выходномъ листѣ меньшее и менѣе точное изображеніе, которое въ перевернутомъ видѣ повторено на выходномъ листѣ книжки Religiosae Kijovienses Cryptae, Herbinus'a. 1675. (=Закревскій, листъ 7-й). На оригиналѣ имя гравера Іліи и дата: 1660 іюля 31. б) На листѣ 108 большее и лучшее изображеніе церкви съ запада же съ именемъ Іліи, безъ даты; въ среднемъ люнетѣ поясное изображеніе Б. М. съ воздѣтыми руками. Обѣ гравюры перепечатаны въ изданіи патерика 1678 года.

Пречистые Акаѣисты Всеседмичные. 1677. На выходномъ листѣ гравера А: К: [т. е. Аѳанасій К. (?) см. Д. А. Ровинскій. Подр. Слов. Русскихъ Граверовъ. I, стр. 33 - 35 съ уменьшеннымъ снимкомъ] року 1677 Киевская старина, XV, прилож. къ стр. 385; Захарченко. Киевъ теперь и прежде, стр. 139). Условный видъ лавры: Троица, Церковь Печерская и Звонница.

Молитвословъ. 1706 г. На выходномъ листѣ западный фасадъ со сплошными уже, но одноэтажными папертями справа и слѣва; средняя лишь часть церкви между Антошіемъ и Θεодосіемъ на оборотѣ того же листа и на л. 241 об.; на л. 198 об. „Соборъ свв. верховныхъ апп. Петра и Павла“, между ними средняя часть церкви, но нѣсколько иного вида.

Тетрадь гравюръ Іліи. Изъ собр. Каратаева—Нубличч. Библиот. Отд. рук. III, 8, № 13. Выпущена лаврой послѣ 1720 хъ гг., какъ видно по изображенію церкви на выходномъ листѣ. Последняя гравюра безъ имени Іліи представляетъ западный фасадъ церкви до пожара: середина ея тождественна изображенной на л. 198 об. Молитвослова 1706 года.

Евхологіонъ. 1708 г.; я не видалъ.

См. еще многочисленныя изображенія печерскихъ угодниковъ, указанныя Д. А. Ровинскимъ: Русскія народныя картинки. II, стр. 299, № 615; III, стр. 621—623, №№ 1505—1518; стр. 625, № 1519; тѣ, которыя я видалъ, изображали церковь послѣ 1720 хъ гг., съ двухэтажными папертями.

Табл. XIII, рис. 1, 2, 3 и 4. Внутренность Ближнихъ пещеръ (преп. Антонія): 1) мироточивыя главы, 2) двѣнадцать каменщиковъ, 3) свв. Іоаннъ и Осеофиль, и 4) заклинаніе бѣсноватаго.

Уменьшенныя вдвое воспроизведенія рисунковъ № 308, 307, 309 и 310 Академіи Художествъ (см. выше, стр. 402—403).

Въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева“ (Кіевъ 1874 г. II, тр. 9, 12, 95, 14, 19—21, 46—47, 50, 95—96) было собрано не мало разсказовъ, которые ходили на Западѣ о Кіевскихъ пещерахъ; теперь къ нимъ можно было бы разыскать еще не мало дополненій. Многочисленные нѣмцы, бывшіе въ войскѣ кн. Януша Радзивила, да и самъ онъ, не оставили, конечно, безъ вниманія этой достопримѣчательности (для нихъ) Кіева. Эти иновѣрцы, скептически настроенные къ самому культу мощей, ограничивались, вѣроятно, осмотромъ лишь одной пещеры, ближайшей къ лаврѣ, т.-е. Антоніевой. По крайней мѣрѣ въ тѣхъ разсказахъ о посѣщеніяхъ пещеръ иновѣрцами, которыя внесены въ собраніе чудесъ А. Кальнофойскаго (*Тератобурѣца*) и Петра Могилы (Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть I, т. VII, стр. 49—132) упоминаются обыкновенно пещеры ближнія; осмотромъ ихъ только могъ ограничиться и кн. Янушъ и Вестерфельдъ: по крайней мѣрѣ изъ четырехъ дошедшихъ до насъ рисунковъ внутренности пещеръ двѣ (307 и 309) относятся несомнѣнно, а двѣ (308 и 310) могутъ быть отнесены именно къ Ближнимъ пещерамъ св. Антонія; юный человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ на рисункѣ 307 (табл. XIII, рис. 2) можетъ опять изображать самого художника, съ любопытствомъ разсматривающаго мощи. Въ темотѣ и духотѣ пещеръ дѣлать наброски съ натуры было, конечно, не удобно и потому то всѣ эти четыре рисунка и были, вѣроятно, рисованы потомъ на память: на всѣхъ ихъ ширина и высота пещеръ слишкомъ преувеличена; въ прочихъ же деталяхъ оказываются, какъ мы увидимъ ниже, и реальныя детали; но и онѣ обязаны скорѣе памяти художника, чѣмъ наброскамъ на мѣстѣ; при существованіи послѣднихъ положеніе тѣхъ или другихъ мощей относительно расположенія ходовъ было бы вѣрнѣе, чѣмъ оказывается то при повѣркѣ рисунка старыми планами пещеръ, т. к. и относительно обѣихъ пещеръ старыя кіевскія граверы оставили рядъ интереснѣйшихъ изображеній съ толкованіями ¹⁾.

¹⁾ Д. А. Ровинскій ошибается (Русск. Народн. Карт. IV, 1881, стр. 484) говоря, что „древнѣйшія изображенія Кіевскихъ пещеръ гравированы на деревѣ монахомъ Ілією“: первыми по времени являются гравюры, приложенныя къ Тератургамъ въ 1638 году (см. стр. 341, пр. 3) и рѣзанныя, вѣроятно, тѣмъ же мастеромъ Л. Т., какъ изданный вмѣстѣ съ ними планъ монастыря (см. стр. 499, пр. 1).

Вторыми по времени являются двѣ гравюры Іліи въ Патерикѣ 1661 и 1678 гг. (уменьшенное воспроизведеніе ихъ см. у Д. А. Ровинскаго: Подр. Словарь Русск. Граверовъ. I. 1895, стр. 419—420).

Эти двѣ гравюры на деревѣ воспроизведены были на мѣди, не безъ ошибокъ (напр. Кидоръ вм. Ісидоръ), въ книжкѣ Гербиніуса: *Religiosae Kijovienses Cryptae sive Kijovia Subterranea*. 1675 г. см. о ней статью Якова Новицкаго. Іоаннъ Гербиній виленскій пасторъ половинны XVII вѣка и его подземный Кіевъ—Вѣстникъ Западной Россіи. Годъ IX. 1871, кн. IV, отд. II, стр. 1—37; эти двѣ таблицы воспроизведены у Закревскаго (Атласъ, листъ 7-ой) и др.; есть при книгѣ и третья таблица, русскаго оригинала которой мы не встрѣчались, это таблица I: *Sertum Deiparae Virginis Sacrum cuius. Flores stellae sunt sertae in quibus nomina Abbatum et Archimandritarum*; имена именованъ сопровождаются нумерами; послѣдняя 51. Joseph (Тризна+1656); звѣзды же для Інокентія Гизеля, приславшаго Гербиніусу рисунки, нѣтъ, и имя его обозначено лишь пририсованной на фонѣ звѣздочкой:

1) *Мироточивыя главы*, какъ правильно опредѣляетъ ихъ и подпись (см. стр. 402): въ вырубленной въ стѣнѣ пещеры нишѣ устроенъ родъ шкафа, дверцы котораго открылъ монахъ-путеводитель; на полкѣ видны три главы, лежація въ сосудахъ вродѣ тазовъ или большихъ тарелокъ; всѣхъ главъ, судя по числу стоящихъ внизу сосудовъ для капающаго съ главъ мира, было тутъ четыре. На планѣ пещеры св. Антонія 1638 г. мироточивыхъ главъ показано въ двухъ мѣстахъ (№ 30 и 58) каждый разъ лишь по двѣ; положеніе первыхъ относительно сосѣдняго коридора таково же, какъ на рисункѣ, нѣтъ только могилы въ лѣвой стѣнѣ идущаго вглубь коридора.

На планѣ гравера Иліи (около 1650 г.) показано также дважды, но уже по четыре главы; положеніе тѣхъ, которыя находятся въ ходѣ въ пещеры изъ алтаря церкви Воздвиженія Креста Господня, нѣсколько сходно съ рисункомъ.

Позднѣе на планѣ 1795 число главъ умножается: онѣ показаны въ разныхъ мѣстахъ (Закревскій, стр. 639), а въ одномъ мѣстѣ даже тридцать (стр. 628, № 13).

Уже Кальнофойскій отмѣтилъ, что двѣ главы „издавна источаютъ миро“ (ibid. стр. 639); въ запискахъ Петра Могилы разсказывается о грекѣ врачѣ Александрѣ Музели, который изслѣдовалъ ихъ въ 1621 году; постоянно упоминается о нихъ, конечно, и въ послѣдующее время ¹⁾.

2) *Двѣнадцать каменщиковъ*, строителей Великой церкви, обозначаются на одномъ, и томъ же приблизительно мѣстѣ планами 1638 г. (№ 6) и 1650-хъ гг., и тамъ же лежатъ теперь; рисунокъ передаетъ положеніе ихъ невѣрно: если они находятся слѣва, то коридоръ въ дальнѣйшемъ его протяженіи долженъ былъ быть изображеннымъ загибающимся вправо, а не влѣво, какъ на рисункѣ; тѣла изображены лежащими рядомъ въ одной широкой и глубокой нишѣ; на старыхъ планахъ они лежатъ въ первомъ изъ двухъ, вырытыхъ одно за другимъ, и соединенныхъ дверями помѣщеній; насколько можно разсмотрѣть теперь, маленькое оконце, въ которое ихъ показываютъ, находится въ каменной стѣнкѣ, которой заложено широкое отверстіе этого помѣщенія;

отсюда ясно, что оригиналъ и этой гравюры принадлежитъ 1650-мъ годамъ и, вѣроятно, Иліѣ. Подобная, литографированная уже, композиція бываетъ при нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданіяхъ патерика.

Д. А. Ровинскій указываетъ (Русск. Нар. Карт. IV, стр. 483) еще уменьшенную копию съ гравюры, изданныхъ Гербиніусомъ, на гравюру Б. Пикара при голландскомъ изданіи книжки Вармунда (=Шлейсинга; см. выше стр. 456, пр. 2). Воспроизведеніями въ размѣръ гравюры Иліи являются по Д. А. Ровинскому гравюры Никодима Зубрицкаго 1705 г. и, на мѣди [уже, Льва Тарасевича; съ отличіями—Мартина Нехорошевскаго и, наконецъ, „замѣчательное изображеніе пещеръ въ уменьшенномъ видѣ находится на тезисѣ, гравированномъ Иваномъ Стекловымъ и посвященномъ Гедеону Грембеку въ іюль 1711 года“ (Русск. Нар. Карт. IV, стр. 486, пр. 4). Всѣхъ этихъ гравюръ я не видалъ.

Съ XVIII вѣка являются уже настоящіе, инструментально-исполненные, планы Кіевскихъ пещеръ: П. Лашкаревъ указываетъ на планы 1744 и 1752 года (Чтен. въ Истор. Общ. Нестора Лѣтот., I стр. 268 сл.) Таковы гравюры при описаніяхъ Печерской Лавры Самуила Миславскаго 1795 и митроп. Евгенія 1825 и 1831 гг.; Ровинскій указываетъ на большой шестистеновой планъ первой четверти XIX в. (Русск. Нар. Карт. IV, стр. 487); планъ у Закревскаго (листъ IX) повторяетъ планъ 1825 года.

¹⁾ Архивъ Юго-Запади. Россіи. Ч. I, т. VII, стр. 119—121, ср. 85; Павелъ Алешекій, II, стр. 56; Прозоровскій. Опись древн. рукоп. Имп. Русск. Арх. Общ. С. П. Б. 1879, стр. 233 (восьмь 1710 г.); Опись кіевской пещеры Вавилы Тихановича Выдомскаго); Евгений, стр. 88; Закревскій, стр. 74, 93, 662, 676; Сборн. матер. II, стр. 21 (Лассота), 47 (Бопланъ).

такъ что въ этомъ отношеніи рисунокъ Вестерфельда передавалъ, повидимому, вѣрно то, что было въ его время.

А. Кальнофойскій въ поясненіи къ плану писалъ, что одни изъ тѣлъ ихъ были въ его время цѣлы, другія распались; сказаніе Печерскаго патерика объ этихъ братьяхъ строителяхъ церкви достаточно извѣстно, чтобы здѣсь его повторять ¹⁾.

3) *Два тѣла*, изображенныя Вестерфельдомъ обнявшимися, изображаютъ, конечно, мощи тѣхъ двухъ братьевъ отшельниковъ, о которыхъ рассказывали, что одинъ изъ нихъ подвинулся въ гробницѣ, чтобы дать мѣсто другому. Павелъ Алеппскій (II, стр. 55) повторяетъ рассказъ этотъ, не называя братьевъ по именамъ: „братъ, умершій за много лѣтъ повернулся на бокъ, чтобы дать мѣсто брату, и до сихъ поръ остается съ приподнятыми колѣнями, на удивленіе смотрящимъ и славу Божию“. На рисункѣ ноги лежащаго въ глубинѣ ниши дѣйствительно согнуты въ колѣняхъ.

А. Кальнофойскій въ объясненіи плана 1638 г. говоритъ подъ № 5: „лежатъ тѣла двухъ святыхъ братій Спиридона и Онисифора, когда одинъ изъ нихъ раньше почилъ о Господѣ, то для другого подвинулся съ мѣста, чтобы дать ему удобнѣйшее упокоеніе“; кромѣ того на этомъ планѣ значатся еще дважды погребенные по двое: Титъ и Аванасій (№ 7) и „Теодоръ и Василій, мученики чудотворцы, умерщвленные княземъ Кіевскимъ Михаиломъ. Изъ нихъ Теодору. . . нѣмецъ выкрутилъ ногу себѣ на бѣду“ ²⁾. На планѣ же 1650-хъ гг. (Иліи) рядомъ лежащихъ ни Спиридона и Онисифора, ни Тита и Аванасія уже не находимъ, остаются лишь Василій и Теодоръ и вновь являются Теофиль и Іоаннъ. Эти два святыхъ изображены лежащими въ одной нишѣ въ глубинѣ особой пещерки: ихъ, слѣдовательно, и должны мы видѣть на рисункѣ Вестерфельда; но для гроба, высовывающагося изъ стѣны, и другого, стоящаго на скамьѣ слѣва отъ входа въ пещеру, на планѣ Иліи мы ничего подобнаго не находимъ. Теперь согласно разсказу Поликарпа въ житіи Марка Печерника чудо о передвиженіи относятъ къ свв. Іоанну и Теофилу ³⁾.

4) *Отчитыванье одержимаго* также происходило и въ Ближнихъ пещерахъ: „столбъ, у котораго молитвами святыхъ отцевъ нашихъ Антонія и Θεодосія печерскаго изгоняемы бываютъ діаволы изъ одержимыхъ ими тѣлъ“, отмѣченъ на одномъ и томъ же мѣстѣ на планѣ и 1638 г. (№ 24) и гравера Иліи; Ровинскій (Русск. Нар. Карт. IV, стр. 487) сообщаетъ, что еще на планѣ начала XIX в. значилась подъ № 52 „келія внутрь пещерь при конхъ столбы съ цепми для привязыванія безумныхъ“; а на планѣ 1795 г. такіе столбы показаны даже въ двухъ мѣстахъ ⁴⁾. На рисункѣ изображенъ не просто бѣсноватый привязанный столбу, чудесною силою котораго

¹⁾ См. о нихъ: Павелъ Алеппскій, II, стр. 56; Прозоровскій. Он. рук. стр. 231; Евгений, стр. 84; Закревскій, стр. 606, 650; Сборн. матер. II, стр. 47 (Бопланъ), 121 (Лукьяновъ) и др.

²⁾ Имѣется въ виду, очевидно, чудо, передаваемое въ запискахъ Петра Могилы: „въ лѣто 1608 г. . . нѣкій цирульникъ, се есть хирургъ, нѣмецъ родомъ“, шедшій въ Москву „съ Димитромъ ростригой“, „единому отъ святыхъ ногу отглезну“, за что и былъ чудесно наказанъ (Архивъ Юго Зап. Россіи. ч. I, т. VII, стр. 109—110). См. о нихъ: Закревскій, стр. 207, 656.

³⁾ Е. Прозоровскій, стр. 231; Евгений, стр. 84; Закревскій, стр. 629, ср. 639; Сб. матер. II, стр. 19 сл. (Лассота).

⁴⁾ Закревскій, стр. 628, № 13, и 642, № 63; ср. еще Павелъ Алеппскій II, стр. 56; Прозоровскій, стр. 232; Сборн. матер. II, стр. 20—21 (Лассота), 47 (Бопланъ), 121 (Лукьяновъ).

онъ долженъ изцѣлиться, какъ то писалъ Павелъ Алеппскій, а совершеніе надъ такимъ одержимымъ особаго чина заклинанія по требнику, какъ совершали его въ греческихъ монастыряхъ Востока еще въ половинѣ XIX вѣка ¹⁾.

Разсмотрѣвъ четыре отдѣльныхъ рисунка изъ Ближнихъ пещеръ и убѣдившись, что они сдѣланы были Вестерфельдомъ, по всей видимости, не по наброскамъ съ природы, а лишь на память подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обзорѣнія Антоніевой пещеры, мы должны поставить еще вопросъ: насколько вѣрно то общее впечатлѣніе о кievскихъ пещерахъ, которое даютъ эти рисунки? Разумѣется, они несравненно выше и реальнѣе тѣхъ отдѣльныхъ изображеній пещеръ, которыя встрѣчаются въ кievскомъ патерикѣ и на иныхъ кievскихъ гравюрахъ XVII вѣка. Выше мы указывали уже (стр. 501) на существеннѣйшее отличіе ихъ отъ дѣйствительности въ преувеличенной ширинѣ и высотѣ ходовъ; несогласія въ положеніи изображаемыхъ мощей относительно направленія ходовъ и т. п. извинительны при отсутствіи набросковъ съ природы; прочія детали, какъ шкапъ и сосуды при мироточивыхъ главахъ, гробъ на лавкѣ, столбъ для бѣсноватыхъ, валяющіеся черепа и кости и т. п., которыя не соотвѣтствуютъ теперешней дѣйствительности, могли, разумѣется, быть довольно точною передачей тогдашняго вида пещеръ. Изъ этихъ отличій отъ современности особенно важно изображеніе всѣхъ видимыхъ на рисункахъ 1651 года мощей нагими, безъ всякихъ одеждъ или покрововъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ онѣ представляются изсохшими тѣлами, а въ другихъ просто скелетами. И то и другое, какъ извѣстно ²⁾, вполне соотвѣтствуетъ древнему значенію слова мощи = кости: см., напр., выше показаніе Кальнофойскаго о мощахъ двѣнадцати каменщиковъ (стр. 503) и его же эпиграмму о св. Іуліаніи (стр. 474 примѣч. 3, стихъ 13). Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, рисунки Вестерфельда соотвѣтствовали дѣйствительности; только мироточивыя главы, — нынѣ черепа, — на рисунокѣ 1651 являются въ видѣ цѣлыхъ головъ, что не соотвѣтствовало, вѣроятно, и тогдашней дѣйствительности. Относительно же обнаженности мощей, которая представляется нашему взгляду столь несоотвѣтствующей почтенію къ святымъ, рисунки Вестерфельда могутъ, какъ мнѣ кажется, считаться вѣрно передающими дѣйствительность половины XVII вѣка: хотя и есть упоминанія объ одеждахъ отдѣльныхъ пещерскихъ святыхъ въ объяснительномъ текстѣ Кальнофойскаго къ планамъ 1638 года; хотя Павелъ Алеппскій (II, стр. 55) и писалъ въ 1654 г.: „они до сихъ поръ остаются въ своихъ гробахъ, отшельническихъ одѣяніяхъ, въ желѣзныхъ узкихъ поясахъ и мантияхъ“; но другія извѣстія, особенно иноземцевъ, смотрѣвшихъ на мощи не какъ на святую, а болѣе какъ на достопримѣчательность, описываютъ нетлѣнныя тѣла столь обстоятельно, какъ того нельзя было бы ожидать, если бы всѣ мощи были, какъ теперь, скрыты покрывами. Такія замѣчанія, какъ Бопланово о всѣхъ мощей, также

¹⁾ См. напр. А. Юнина о монастырѣ св. Наума близъ Охриды: „галерея... поддерживаемая толстыми колоннами, назначена для иступленныхъ, которыхъ приводятъ ко гробу св. Наума. Къ столбамъ прикованы желѣзные кольца и кандалы на желѣзныхъ цѣпяхъ, въ которыхъ заковываютъ несчастныхъ больныхъ въ то время, когда монахи ихъ отчитываютъ“ (День. 1861, № 52, стр. 17).

²⁾ См. Е. Е. Голубинскаго. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Москва. 1903, стр. 31—32, 297—308, 516—527, 538—540, 568—571.

были бы невозможны, если бы мощи и тогда находились въ такомъ же порядкѣ и подѣ такимъ же надзоромъ, какъ теперь. Теперешнія понятія о благолѣпіи во многомъ, разумѣется, не сходились съ тогдашними, да и теперь внѣшнее отношеніе къ святынямъ на греческомъ Востокѣ нерѣдко кажется намъ недостаточно почтительнымъ и благолѣпнымъ. Наконецъ, покрытіе всѣхъ безъ исключенія мощей печерскихъ угодниковъ пеленами, положеніе ихъ въ гробы и т. п., въ то время не соответствовало бы отчасти и самимъ интересамъ православія, т. к. въ тогдашней полемикѣ съ католицизмомъ и унией нетлѣнность печерскихъ мощей являлась однимъ изъ аргументовъ въ пользу православія, а всякаго рода покровы значительно ослабляли бы этотъ доводъ, соответствіе котораго дѣйствительности было и должно было быть всѣмъ извѣстно и для всѣхъ удобопровержимо.

Разумѣется, такія посѣщенія пещеръ скептиками иногда и не приводили къ убѣжденію въ святости почивавшихъ тамъ: посѣщенія пещеръ иновѣрцами, особенно же протестантами, не всегда проходили въ должномъ порядкѣ: помимо вольныхъ рѣчей бывали случаи и глумленія надъ мощами и похищенія частей ихъ¹⁾. Эти рассказы вспоминаются при видѣ рисунковъ Вестерфельда, на одномъ изъ которыхъ онъ изобразилъ молодого человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ, быть можетъ самого себя, внимательно разсматривающаго, съ факеломъ въ рукѣ, тѣла двѣнадцати братьевъ каменщиковъ. Впрочемъ, только на этомъ рисункѣ внутренности пещеры мы не видимъ монаховъ-путеводителей: Петръ Могила „учредилъ строгій надзоръ за лицами, особенно не православнаго вѣроисповѣданія, при ихъ посѣщеніяхъ лаврскихъ святынь“ (С. Голубевъ. Митроп. Петръ Могила I. 1883, стр. 339).

За время своей бытности печерскимъ архимандритомъ (1628—1646 г.) онъ „капитальнымъ образомъ реставрировалъ пещеры, расширилъ и благоукрасилъ въ нихъ церковь („абы непрестанная безкровная офера приношена была“), соорудилъ для св. мощей новыя гробницы, сдѣлалъ надъ каждою изъ нихъ (на деревѣ или камнѣ) надписи, „всякаго до навѣженія оныхъ (св. мощей) побуждаючи и дорогу указующи“²⁾. Очевидно результатомъ этого приведенія въ порядокъ кievскихъ пещеръ и явились планы ихъ, изданные въ 1638 г. при Тератургимѣ, планы, на которыхъ даны имена всѣмъ, вѣроятно, лежавшимъ тогда въ пещерахъ останкамъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оговорено и исправляемое ими народное ихъ наименованіе. Къ 1651 г., какъ приходилось указывать выше (см. стр. 503), нѣкоторыя наимено-

¹⁾ См. выше, стр. 503; Голубевъ. Митроп. Петръ Могила I, 1883, стр. 338—339, 342; Записки митроп. Петра Могила — см. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. I, т. VII, стр. 49—52, 68—69, 73—75, 101—102, 109—110.

²⁾ С. Голубевъ. Петръ Могила I, 1883, стр. 339; источниками для этихъ данныхъ указаны (прим. 142) письмо П. Могила къ львовскому братству отъ 20 января 1628 г. (сохранился лишь конецъ его въ архивѣ Львовскаго Ставропигіального Института) и предисловіе къ Тріоди Поствоя, изданной въ 1642 г. во Львовѣ.

Е. Е. Голубинскій, говоря о Кіевскихъ святыняхъ (Истор. канониз. святынь. 1903, стр. 202—216, 560—562), отмѣчаетъ весьма интересное и едва ли случайное обстоятельство, связанное, надо думать, именно съ упорядоченіемъ пещеръ Петромъ Могилою, а именно, что въ Дальнихъ пещерахъ лежитъ лишь одинъ святой (Пиминъ постникъ) домонгольскаго времени, мощи же всѣхъ прочихъ святынь домонгольскаго времени, о которыхъ есть свѣдѣнія въ рукописномъ и печатномъ патерикахъ и въ летописи, оказываются лежащими въ Ближнихъ Пещерахъ (о. с., стр. 203).

ванія были почему-то измѣнены и съ рисунками Вестерфельда нужно сопоставлять не эти планы 1638 г., а болѣе позднія—1650-хъ гг. гравера Иліи (см. выше стр. 501) Ни гробницъ для мощей, ни надписей надъ ними, о которыхъ говоритъ историкъ Петра Могилы, мы, однако, на рисункахъ 1651 года не находимъ.

Табл. XII, рис. 5. Видъ какого-то укрѣпленнаго города, якобы Рѣчицы (?).

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка № 333 Академіи Художествъ (см. выше, стр. 407). Польская подпись, отличающаяся отъ прочихъ какъ языкомъ, такъ и почеркомъ, сообщаетъ, что рисунокъ изображаетъ, „какъ въ послѣдній разъ Княжеская Милость стоялъ подъ Рѣчицей“; мы говорили уже выше (стр. 414), что эта подпись копируетъ по всей вѣроятности подпись, находившуюся подъ оригинальнымъ рисункомъ Вестерфельда и сдѣланную, надо думать, еще при жизни кн. Януша или его наслѣдника, кн. Богуслава Радзивила. Но приходилось указывать также и на разницу, которая оказывается между этимъ рисункомъ, изображающимъ якобы Рѣчицу, и планомъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ около нея кн. Янушемъ осенью 1649 года (см. выше, стр. 252—254, 407), съ котораго времени Рѣчица и стала прочнымъ базисомъ для литовскаго войска въ его оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ казаковъ (см. стр. 240, 244, 260, пр 3; 261, 262, 335, 337, 338, пр. 1), до тѣхъ поръ пока послѣдніе не сожгли ее въ 1654 году (стр. 351).

Относительно того, какой видъ имѣла Рѣчица въ половинѣ XVII вѣка, мнѣ кромѣ переизданнаго выше (стр. 253, Рис. 1) плана, составленнаго Христофоромъ Эйгирдомъ, никакихъ точныхъ данныхъ найдти, къ сожалѣнію, не удалось. Городъ имѣлъ, конечно, укрѣпленный замокъ; въ 1634 г. Александръ Служка, воевода минскій, поселилъ при костелѣ Доминиканцевъ; ихъ деревянный костелъ, гдѣ въ 1840-хъ гг. были еще портреты Владислава IV и фундатора, сгорѣлъ лишь въ 1862 г., будучи тогда уже православною церковью Пр. Троицы¹⁾.

Въ городѣ, изображенномъ на разсматриваемомъ рисункѣ, виденъ въ срединѣ его замокъ и большой костелъ съ высокою башней; большой домъ съ двухъярусною галереей вокругъ и нѣсколько деревянныхъ, повидимому, церквей и башенъ поднимаются изъ-за деревянной ограды города, которая сходна устройствомъ съ укрѣпленіями иныхъ городовъ Бѣлоруссіи (см. выше, стр. 252, пр. 5). Къ этому русскому острогу примыкаютъ снаружи земляные бастіоны, насыпанные, очевидно, европейскими уже инженерами; валъ крайняго справа бастіона прорѣзанъ проѣздомъ на деревянный мостъ, а внутри бастіона крайняго слѣва стоитъ деревянная церковь. Эта послѣдняя деталь оказывается и на планѣ Рѣчицкаго лагеря Хр. Эйгирда; но расположеніе земляныхъ бастіоновъ на разсматриваемомъ рисункѣ совсѣмъ иное, чѣмъ на томъ планѣ, гдѣ они связаны между собою земляными же валами, а не деревяннымъ острогомъ, который опоясываетъ городъ и его замокъ на значительномъ отдаленіи отъ новыхъ, болѣе обширныхъ, земляныхъ укрѣпленій лагеря.

Поэтому я не считаю возможнымъ отождествлять городъ, изображенный на рисункѣ, съ Рѣчицею, какъ то утверждаетъ подпись: мнѣ кажется невозможнымъ

¹⁾ Starożytna Polska—przez Balińskiego i Lipińskiego. III. 1846, str. 845; Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego. X. 1889, str. 133—134.

столь значительную разницу между ними объяснять вольностью художника и тѣмъ менѣе измѣненіемъ вида города въ періодъ между 1649 и 1653 годомъ, когда кн. Янушъ Радзивиль въ послѣдній разъ былъ подѣ Рѣчицей (см. стр. 337, пр. 3). Если же городъ дѣйствительно не Рѣчица, то опредѣлить его я лишенъ, конечно, всякой возможности.

Табл. XIII, рис. 6. Кн. Янушъ Радзивиль и три казацкихъ посла, вѣроятно полковникъ Степанъ Подобайло съ товарищами.

Уменьшенное вдвое воспроизведеніе рисунка № 305 Академіи Художествъ (см. стр. 402). Подпись конца XVIII в. заслуживаетъ тѣмъ менѣе довѣрія, что на соответственномъ оригинальномъ рисункѣ Вестерфельда стояло лишь его имя и 1653 г., по всей вѣроятности—годъ исполненія рисунка (см. стр. 264, 414).

Достаточно подробно было рассмотрѣно выше (стр. 262—263, 266—267, 319, 336—337) и содержаніе рисунка: скорѣе пріемъ, нежели отпущекъ, посольства, а также и вопросъ о томъ, какое именно изъ многочисленныхъ посольствъ, приходившихъ къ кн. Янушу съ письмами Богдана Хмѣльницкаго, изображено на этомъ рисункѣ, при чемъ мы склонялись видѣть здѣсь, какъ и на одной изъ находившихся нѣкогда въ Несвижѣ картинъ (см. стр. 319, № 6), посольство Степана Подобайла въ концѣ іюня 1651 г. (см. стр. 262 — 263), хотя мы и не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что въ дѣйствительности кн. Янушъ не принималъ Подобайла въ Хорваль въ 1653 г. ¹⁾, какъ говорить о томъ подпись подѣ издаваемымъ здѣсь рисункомъ.

Рисунокъ этотъ является, разумѣется, болѣе или менѣе вольною композиціей Вестерфельда; самое большее, что три казака нарисованы по сдѣланному съ нихъ наброску. Положеніе дома, гдѣ стоялъ кн. Янушъ, относительно видимаго на заднемъ планѣ замка, конечно, также произвольно; разрѣзъ по столь обычному въ европейской живописи того времени пріему одной стѣны комнаты открываетъ видъ на замокъ того города, гдѣ приняты были послы; этотъ послѣдній видъ, наоборотъ, рисованъ, по всей вѣроятности, съ натуры и, если бы мы могли довѣрять указанію подписи на Хорваль, какъ мѣсто изображенной здѣсь аудіенціи, то онъ являлся бы болѣе или менѣе вѣрнымъ изображеніемъ Хорвальскаго замка, стоявшаго на правомъ, высокомъ, берегу рѣки Березины; а значительное сходство его башенъ съ башнями, видимыми внутри города, представленнаго на ранѣе рассмотрѣнномъ рисункѣ, позволяло бы и тотъ городъ назвать вмѣсто Рѣчицы Хорвалемъ; но, какъ выяснено выше, ни та, ни другая подпись сами по себѣ не могутъ пользоваться нашимъ довѣріемъ, а иныхъ, болѣе прочныхъ, оснований для опредѣленія того и другого города у насъ въ распоряженіи не имѣется. Быть можетъ, на оригинальныхъ рисункахъ Вестерфельда и нашлись бы какія-либо указанія вродѣ нумеровъ или чего-

¹⁾ См. выше, стр. 335 - 337; говоря о перенесѣ кн. Януша въ 1653 г. мы забыли (стр. 334) упомянуть о письмѣ кн. Януша къ Янушу Кишкѣ отъ 4 августа, н. ст., изъ Дорцовъ, издаваемъ Котлубаемъ (*Życie*, str. 349), въ которомъ упоминается о приходѣ пословъ отъ Хмѣльницкаго: имѣется въ виду, очевидно, посольство, принятое кн. Янушемъ въ Слуцкѣ (см. стр. 333).

либо подобнаго, теперь же я предпочитаю оставить оба эти рисунка безъ точнаго опредѣленія изображенныхъ на нихъ укрѣпленныхъ городовъ.

Долго было бы разбирать и детали одежды многочисленныхъ фигуръ этого рисунка: вѣрность ихъ исторической дѣйствительности была уже констатирована Г. Крашевскимъ (см. стр. 264); таковы же, разумѣется, и все прочія фигуры на остальныхъ рисункахъ Вестерфельда; соответствуетъ дѣйствительности, вѣроятно, и присутствіе на этомъ рисункѣ двухъ собакъ гетмана (см. стр. 267).

Табл. XIV, рис. 1, 2 и 3. Портреты молдавскаго господаря Василя Лупулы, его дочери, дамы Маріи, и казацкаго полковника Михаила Кричевскаго.

Уменьшенные вдвое воспроизведенія гравюръ, исполненныхъ въ мастерской Меріана во Франкфуртѣ и напечатанныхъ въ VI томѣ изданія *Theatrum Europaeum* (VI, 1652, S. 1115, 1118; VI. S. 818: см. выше, стр. 221—222, 247).

Первый изъ этихъ портретовъ является, несомнѣнно, воспроизведеніемъ гравюры Вильгельма Хондіуса 1651 г. по портрету, писанному Авраамомъ Вестерфельдомъ (см. стр. 222) неизвѣстно когда именно: въ 1644—45 г. въ Яссахъ (стр. 223) или въ 1650 г. въ Литвѣ (см. стр. 256—257); второе, однако, менѣе вѣроятно.

Личность и исторія Василя Лупулы нашей темы не касается, а, поскольку то было нужно, о немъ приходилось упоминать неоднократно. Здѣсь замѣтимъ лишь, что о той же самой драгоценной шубѣ господаря, въ которой изображенъ онъ на портретѣ (см. выше, стр. 221—222, 316, пр. 2), можно найти упоминаніе и у Павла Алеппскаго¹⁾; онъ же передаетъ, что въ церкви одного монастыря (Голія) близъ Яссъ, построеннаго Василиемъ, на стѣнѣ за господарскимъ мѣстомъ написанъ былъ онъ, какъ ктиторъ со своимъ семействомъ²⁾; изображенія Василя найдутся, конечно, и въ греческихъ монастыряхъ Востока на различныхъ вкладышахъ его, которыми онъ щедро одарялъ ихъ.

Чаще, чѣмъ о Василии, приходилось намъ упоминать объ его дочери, бывшей второю женою кн. Януша, ревность которой къ православію даетъ право предполагать, что отъ нея стояло, быть можетъ, въ зависимости и самое возникновеніе альбома святынь и древностей Кіева: ей было, вѣроятно, очень желательно вмѣстѣ съ принесенными изъ Кіева святынями (см. выше, стр. 290, 324, 325) имѣть и виды знаменитыхъ пещеръ и церквей Кіева, возстановленныхъ отчасти ея славнымъ родствен-

¹⁾ I, стр. 109: рассказывая о потерѣ Василиемъ въ 1653 г. власти и богатствъ, Павелъ говоритъ: „У него было нѣсколько кладовъ подъ землею, скрытыхъ уже двадцать лѣтъ; все это онъ вынулъ тутъ было 35 собольихъ капаницъ. Его приближенные рассказывали намъ объ одной изъ нихъ, которую онъ сдѣлалъ къ насхъ, что вся она расшита жемчугомъ и драгоценными камнями и стоила ему 35000 динаровъ“. О Василии, его судьбѣ и богатствахъ Павелъ Алеппскій говоритъ очень много; указатель къ русскому переводу не очень исправенъ и путаетъ иногда одного господаря съ другимъ.

²⁾ I, стр. 58: „Позади трона господаря до угла изображены: Василий воевода во весь ростъ въ парчевой одеждѣ на мѣху съ соболемъ, въ рукахъ у него . . . церковь, которую онъ вручаетъ благословляющему его Господу, окруженному ангелами; за Василиемъ домина, его супруга, въ парчѣ съ соболемъ, въ золотыхъ украшеніяхъ съ собольимъ колпакомъ на головѣ; за нею дочери, назъ коиъ одна замужемъ у ляховъ [=кн. Марія Радзивиль, жена кн. Януша], а другая [=домва Розанда] недавно выдана за сына казака Хмеля; ниже Стефанъ воевода и три брата его, умершіе единъ за другимъ, все въ красивыхъ одеждахъ они нарисованы какъ живые“.

никомъ, митрополитомъ Петромъ Могилою, портретъ котораго (не работа ли также Вестерфельда?) висѣлъ нѣкогда въ Несвижскомъ замкѣ ¹⁾).

Выше мы говорили (стр. 221 — 223), что оригиналомъ для портрета кн. Маріи, изданнаго въ *Theatrum Eugoraeum*, скорѣе была гравюра же, хотя таковой и не извѣстно, чѣмъ оригинальный рисунокъ или портретъ, писанный, надо полагать, тѣмъ же Вестерфельдомъ; указано было и на существующіе нынѣ въ Несвижѣ портреты кн. Маріи (см. стр. 257, пр. 1; ср. стр. 388) и на то, что гравюра Лейбовича (*Icones Radivilianae*, tab. 56) передаетъ черты лица Маріи, повидимому, лучше, чѣмъ гравюра, нами переиздаваемая, которую мы предпочли, какъ парную портрету Василия, принадлежащему несомнѣнно тому же художнику, который нарисовалъ и всѣ прочіе издаваемые нами рисунки; надо думать, однако, что на оригинальномъ портретѣ работы Вестерфельда, да и на гравюрѣ Хондіуса, видѣтъ которой намъ не удалось, лицо Василия также оказалось бы еще болѣе характернымъ, чѣмъ на воспроизведеніи мастерской Меріана.

Портретъ Михаила Кричевскаго, смертельно раненнаго въ битвѣ 21(31) іюля ²⁾ 1649 г. подъ Лоевымъ (см. стр. 245—251), сдѣланъ былъ, несомнѣнно, съ натуры на мѣстѣ; но кто рисовалъ его: кто-либо изъ офицеровъ, или же Вестерфельдъ сопровождалъ, какъ предполагалъ я (стр. 247), кн. Януша и въ томъ походѣ? отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно я, разумѣется, не могу; однако указанный выше случай помѣты историческаго рисунка Вестерфельда изъ событій 1649 г. позднѣйшимъ годомъ 1651-ымъ (см. стр. 266, 409, 421) и возможность исполненія портрета Василия и позже 1645 г. не позволяютъ настаивать на предположеніи о работахъ Вестерфельда для кн. Януша и во время походовъ 1649 года; иллюстрируя исторію побѣдоносныхъ столкновеній кн. Януша съ казаками въ особомъ альбомѣ, состоявшемъ всего изъ 49 карандашныхъ рисунковъ (см. стр. 389), Вестерфельдъ могъ событія болѣе раннія изображать, конечно, и заднимъ числомъ: участіе его хотя бы въ одномъ походѣ 1651 года дало ему, конечно, достаточно для того матеріаловъ (ср. выше, стр. 409). Поэтому портретъ Кричевскаго включать въ число работъ Авраама фанъ-Вестерфельда можно съ меньшей увѣренностью, нежели портретъ кн. Маріи.

Табл. XIV, рис. 4. Привозъ плѣннаго Кричевскаго къ кн. Янушу Радзивилу въ лагерь подъ Лоевымъ 22 іюля (1 августа) 1649 года.

Уменьшенное воспроизведеніе литографіи (Sala въ Берлинѣ) съ гобелена, хранящагося нынѣ въ Промышленно-Техническомъ музеѣ въ Краковѣ и изготовленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка (см. стр. 247—251).

Когда мы составляли таблицы настоящаго изданія, то не имѣли еще прекрасной фотографіи съ оригинала, которую позднѣе доставилъ намъ Б. И. Пулъяновскій (см. стр. 250), и принуждены были воспроизвести литографію изъ изданія, которое опре-

¹⁾ Куклинъ (Отъ Пинска до Новогрудка; см. Вѣстникъ Западной Россіи. Годъ VI. 1868, кн. XI, т. IV, отд. IV, стр. 185—196) упоминаетъ (о. с., стр. 190) среди портретовъ № 135 — Петра Могилы, а изъ картинъ (стр. 191) возведеніе Радзивиловъ въ княжеское достоинство (см. выше, стр. 249, 404, 405) и смотрѣть подъ Заблудовымъ (см. выше, стр. 249, 317, пр. 4).

²⁾ Выше на стр. 244 и 246 въ согласованіи чиселъ стараго и новаго календаря у меня вкратчѣ двѣ ошибки: вмѣсто 18(8) іюля надо читать 18(28), а вмѣсто 1(10) августа — 22 іюля (1 августа).

дѣлать мнѣ такъ и не удалось (ср. выше, стр. 250); впрочемъ, недостатки литографіи въ значительной мѣрѣ покрываются тѣми искаженіями рисунка или картины, которыя получились при воспроизведеніи того или другого оригинала въ гобеленѣ.

Выше мы приводили достаточныя, какъ мнѣ кажется, основанія для отнесенія исполненія этого гобелена, какъ и всей серіи ему подобныхъ къ 1750—60 мѣ годамъ (см. стр. 248—250, 317—318, 321); труднѣе вопросъ о томъ оригиналѣ, который воспроизведенъ былъ этимъ гобеленомъ; существованіе доселѣ картинъ изъ исторіи кн. Радзивиль, которыя представляютъ разныя событія, а въ числѣ ихъ и событія XVIII в., въ такомъ же орнаментальномъ окаймленіи и съ такими же гербами посрединѣ, какъ и на гобеленахъ, привело насъ къ предположенію о принадлежности XVIII же вѣку и всей серіи картинъ этихъ; но ставшее затѣмъ мнѣ извѣстнымъ упоминаніе картинъ изъ исторіи казацкихъ походовъ кн. Януша Радзивила еще въ 1670 году (см. стр. 389), заставило ограничить прежнее заключеніе поправкою о томъ, что изъ числа историческихъ картинъ группа картинъ, относящихся къ кн. Янушу, должна быть выдѣлена и время исполненія ихъ отодвинуто на цѣлое столѣтіе ранѣе; этимъ хорошо объясняется и удивительное численное господство картинъ, прославляющихъ кн. Януша, вовсе послѣ смерти его не популярнаго, среди прочихъ картинъ изъ исторіи Радзивильовъ, которыя исчисляетъ неоконченная опись Несвижскаго замка (см. выше стр. 318—320; 385, пр. 1; 397, пр. 1, 2, 3; 404, пр. 3; 405, пр. 2 и 3; 406, пр. 1; 412, пр. 1; 413, пр. 1).

Фактъ находженія этихъ картинъ побѣдъ кн. Януша у его друга, зятя и наследника, кн. Богуслава Радзивила, дѣлаетъ, однако, вопросъ о времени исполненія ихъ не яснымъ: эти картины Богуславъ могъ и получить въ наслѣдіе послѣ кн. Януша (см. выше, стр. 374, 389) и самъ заказать вновь, на память о своемъ двоюродномъ братѣ и въ угоду своей женѣ, его дочери.

Если картины заказаны были еще кн. Янушемъ, то онѣ могли назначаться для украшенія того новаго дворца въ Вильнѣ, изображеніе котораго мы видѣли на медали 1653 года (см. стр. 320 сл., 329³⁾) и исполнителемъ картинъ вполнѣ естественно предполагать того же Авраама Вестерфельда.

Сходство въ композиціи и въ отдѣльныхъ фигурахъ и деталяхъ между разсматриваемымъ гобеленомъ и прочими издаваемыми рисунками на нашъ взглядъ несомнѣнно и зависимость гобелена отъ композиціи Вестерфельда подлежатъ сомнѣнію не можетъ (см. стр. 247).

Но какова именно была зависимость эта: исполненъ ли гобеленъ по картинѣ, писанной непосредственно самимъ Вестерфельдомъ еще для кн. Януша (т.-е. ранѣе 1655 г.), или же Вестерфельдъ продолжалъ работу по своимъ наброскамъ и для

³⁾ Мы не знали, можно ли отождествить этотъ дворецъ съ какимъ-либо изъ существующихъ нынѣ въ Вильнѣ зданій; въ собраніи польскихъ гравюръ и рисунковъ, полученныхъ Румянцевскимъ музеемъ изъ Виленскаго послѣ Муравьевскаго „упорядоченія“ послѣдняго (см. статью „О Виленскомъ Музеемъ Древностей“ въ Вѣстникъ Западной Россіи, издав. И. Говорскимъ. Годъ VI. 1868, кн. VIII, томъ III, отд. IV, стр. 202—213: списокъ вещей отправленныхъ въ Москву), находится рисунокъ М. Янушевича дворца по медали, изданной гр. Эд. Рачинскимъ (см. выше, стр. 329), съ подписью: „Pałac Ha Radziwiłła w Wilnie obecnie dom Kostry przy uli: Wileń: rysowany z medalu bitego w r. 1653“ (etc.).

кн. Богуслава (т.е. до 1669 г.), или же послѣдній заказалъ иному художнику воспроизвести въ большихъ картинахъ побѣды надъ казаками кн. Януша по тому альбому карандашныхъ рисунковъ Вестерфельда, который позднѣе воспроизводили въ 1785—91 гг. пять рисовальщиковъ для короля Станислава Августа, всего этого мы съ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными рѣшить, разумѣется, не можемъ.

Предложенныя выше объясненія издаваемыхъ копій съ рисунковъ „Альбома казацкой экспедиціи“ Авраама ванъ Вестерфельда не могутъ претендовать на роль полного и исчерпывающаго комментарія къ сохранившимся до насъ въ копіяхъ XVIII вѣка тридцати рисункамъ изъ сорока девяти оригинальныхъ рисунковъ половины XVII вѣка, заключавшихся въ этомъ альбомѣ (см. стр. 389—390).

Отсутствіе оригинальныхъ рисунковъ лишало во многихъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о мелкихъ, легко искажаемыхъ при копированіи, деталяхъ, прочнаго основанія для объясненія тѣхъ или иныхъ изъ нихъ. Отсутствіе у издателя достаточнаго знакомства съ литературою и памятниками половины XVII вѣка во многихъ случаяхъ приводило его къ необходимости отговариваться невѣденіемъ и недоумѣніемъ тамъ, гдѣ люди, болѣе его къ тому подготовленные, могли бы дать отвѣты болѣе содержательные. Теперь при окончаніи труда и самому автору видны многіе недостатки и излишества въ его работѣ. Прося извиненія за послѣднія у терпѣливыхъ читателей, онъ считаетъ долгомъ указать здѣсь на нѣкоторыя изъ ошибокъ или пропусковъ, которые отчасти исправлялись при дальнѣйшемъ ходѣ работы ¹⁾.

¹⁾ Указываю, разумѣется, лишь важнѣйшія исправленія и дополненія.

Къ стр. 209 и 204—I-ый томъ „Памятниковъ“ былъ перенесенъ въ 1848 году, но я этого изданія не видалъ.

Къ стр. 208—209—о медали 1651 г. см. еще Чапскаго, см. стр. 317, пр. 2.

Къ стр. 210, пр. 3—композиція Боя относится къ договору съ казаками въ 1649 г., см. стр. 323, пр. 1.

Къ стр. 219 слл.—о портретахъ домны Маріи см. еще стр. 257, пр. 1, 388, 509.

Къ стр. 221 сл.—о шубѣ Василія Лупулы см. стр. 316, пр. 1, и 508.

Къ стр. 224—о брачномъ перстнѣ домны Маріи см. стр. 325, пр. 1.

Къ стр. 226—объ эпитаграммахъ на уничтоженіе кн. Янушемъ крестовъ см. стр. 316, пр. 1.

Къ стр. 234—есть извѣстіе, якобы кн. Янушъ на выборахъ короля стоялъ за брата короля французскаго: Charitas (см. стр. 347, пр. 3), стр. 164.

Къ стр. 248 сл.—время смотра въ Заблудовѣ указано не вѣрно: надо 1744 г., см. стр. 317, пр. 4

Къ стр. 249 и 318, № 2,—картина въ Манькѣвичахъ изображаетъ не битву подъ Лоевымъ, а побѣду кн. Георгія I Радзивила надъ татарами въ 1527 году.

Къ стр. 252—о жмудской фамиліи Эйгирдовъ см. еще Кояловича Compendium (см. стр. 473, пр. 1), стр. 19, и Eust. Tyszkiewicz. Birże, str. 107, п. 2, 108—110: Христина Эйгирдовна была замужемъ за кн. Дмитріемъ Андреевичемъ Курбскимъ.

Къ стр. 259—походу 1651 г. мѣшалъ чрезвычайный весенній разливъ рѣкъ, см. стр. 409.

Къ стр. 272—273—Гонѣвскій отдѣлился отъ литовскаго войска послѣ битвы подъ Лоевымъ, см. стр. 316, пр. 1.

Къ стр. 278—280—къ исторіи Братской иконы Б. М. см. стр. 314, пр. 2.

Къ стр. 285—къ письму Сильвестра Коссова царю см. стр. 340, пр. 2. Ср. В. О. Эйнгорна. О сношеніяхъ малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1893 г., кн. II), стр. 41, пр. 56.

Публикуя въ настоящее время копии конца XVIII вѣка мы хотѣли не упустить того, что намъ посчастливилось найти, но главное значеніе этой публикаціи видимъ мы въ томъ, что она можетъ послужить поводомъ къ отысканію самихъ оригиналовъ Вестерфельда, а, если бы они оказались погибшими, то хотя бы къ изданію тѣхъ недостающихъ копій съ нихъ, мѣстонахожденіе которыхъ намъ осталось неизвѣстнымъ.

Къ стр. 292, пр. 2 и 3—все дѣло о посольствѣ Кіевлянъ въ 1654 г. въ Москву, см. стр. 344, пр. 2.

Къ стр. 292—293—о пожарѣ Кіева см. еще Закревскій, стр. 212—213; Сборн. Матер. для истор. топогр. Кіева. II, стр. 98; Сборникъ лѣтописей (etc.), Кіевъ. 1888, стр. 160.

Къ стр. 309, пр. 4—переводъ Павла Алеппскаго вышелъ не въ четырехъ, а въ пяти выпускахъ: 5-й—въ Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1900 г., кн. 2.

Къ стр. 326, пр. 2—указанныя у Finkel'я, №№ 14592, статьи о Кейданскомъ монастырѣ въ газетѣ Денъ. 1862, № 14, стр. 10—12, № 22, стр. 12, въ исторической части ихъ не важны—сообщается что „въ 1718 г., монастырь сгорѣлъ до тла“.

Къ стр. 320—о дворцѣ кн. Януша въ Вильнѣ см. стр. 510, пр. 1.

Къ стр. 334—о письмѣ кн. Януша Кишкѣ отъ 4 августа 1653 г. изъ Дорцева, см. 507, пр. 1.

Къ стр. 335, пр. 2—Адамъ Кисель умеръ 3 мая 1653 года.

Къ стр. 340, пр. 2—о письмѣ Чернобыльскаго протопопа см. стр. 440, пр. 1, и В. О. Эйнгорна (Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1893, кн. 2), стр. 51, пр. 25, и 58—59.

Къ стр. 385—наиболѣе близокъ къ водянымъ знакамъ на портретахъ Академическаго сборника, но все же далеко не тождественъ двуглавый орелъ съ документа 1659 года—у Тромошина, табл. CXIV, № 1626.

Къ стр. 399, № II—рисунокъ знака въ гербовомъ щитѣ на бумагѣ D. & C. Вланъ; см. у Тромошина, табл. XLIII, № 584; знаки съ бумаги той же фабрики начала XIX в. см. тамъ же, табл. LXVIII, № 935, и LXXIII, № 1031.

Къ стр. 417—о времени построенія старыхъ присутственныхъ мѣсть въ Кіевѣ см. стр. 484, пр. 1.

Къ стр. 429—о деревянной оградѣ Подола есть извѣстіе 1654 г.: „было острогу сажень съ 300 а по тому острогу было 6 башень да двой воротъ проѣзжіе“ (Акты Ю. и З. Россіи. X, ст. 387).

Походъ кн. Витовта на татаръ и его битва съ послѣдними на р. Ворсклѣ въ 1399 г.

В. Г. Ляскоронскій.

Походы Витовта въ степи, на татаръ, равно какъ и походы его предшественниковъ, являются не отдѣльно стоящими событіями, вызванными личной волей того или иного лица, стоявшаго во главѣ государства, а послѣдовательными, имѣвшими тѣсную связь между собой звеньями той цѣпи аналогичныхъ предпріятій, которыя, какъ мы знаемъ, практиковались южной Русью въ теченіе значительнаго промежутка времени и раньше. Витовтовы походы—это органическое наслѣдіе предыдущей жизни Русской земли. Принимая во вниманіе вышесказанное, можно полагать, что Витовтовъ походъ на татаръ въ 1399-мъ году былъ совершенъ по тому-же маршруту, по той же дорогѣ, какой обыкновенно держались русскіе во время своихъ походовъ въ степи въ предыдущее время. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо принять во вниманіе, что въ силу историческихъ условій того времени, медленно измѣнявшихъ выработанныя вѣками основы историческаго уклада страны, южная Русь, особенно ея предстепная окраина, мало подвергалась какимъ либо крупнымъ, кореннымъ измѣненіямъ своего общественно-бытоваго строя и своихъ отношеній къ сосѣдямъ. Слѣдовательно, разсмотрѣніе военныхъ предпріятій въ означенное время должно быть произведено въ сопоставленіи съ рядомъ предшествовавшихъ событій такого же характера. Насколько можно выяснитъ по имѣющимся у насъ даннымъ, крупныя военныя столкновенія съ кочевниками на юго-востокѣ Руси происходили, главнымъ образомъ, на пограничьи со степями, или же въ той мѣстности, которая представляла собой наиболѣе удобныя для прохода въ населенныя мѣста условія. Извѣстно, что юго-восточная Русь, являясь наиболѣе открытой, а потому и наиболѣе опасной мѣстностью, защищалась нарочно устроенными для того, въ удобныхъ мѣстахъ, городками засѣками, валами и проч., или же—группами выходившихъ изъ степей кочевниковъ, поселявшихся обыкновенно въ удобныхъ для быстрыхъ переходовъ мѣстахъ, на пути кочевническихъ вторженій въ Русскія земли. Въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи, въ древній періодъ времени, какъ извѣстно, существовало два пути, которыми совершали

свои набѣги половцы и другіе кочевники. Первый путь проходилъ по водораздѣлу между верховьями рр. Сулы, Удая, Пела, Ворсклы и пр., съ одной стороны, и десно-сейменской долиной, съ другой. Второю болѣе удобный, по своей краткости и отсутствію серьезныхъ естественныхъ преградъ, путь пролегалъ черезъ низовья лѣвобережныхъ днѣпровскихъ притоковъ—Сулоя, Сулы, Пела, Ворсклы и пр.—и составлялъ обычную излюбленную кочевниками дорогу для нападений на русскіе предѣлы. Насколько часто и долго производились указаннымъ путемъ кочевническія нападенія на Русскую землю, видно изъ того, что онъ даже получилъ названіе *злѣдѣйскаго*, и съ успѣхомъ утилизовался, помимо кочевниковъ древняго времени, и татарами въ теченіе довольно значительнаго періода времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вспомнимъ относящіяся сюда болѣе или менѣе крупныя факты изъ такъ называемаго удѣльно-вѣчеваго періода. Уже на зарѣ русской исторіи кочевники нападаютъ на Русь по указанному пути, пролегалшему черезъ низовья днѣпровскихъ лѣвобережныхъ притоковъ. Такъ, во времена Владиміра св. мы видимъ ихъ подъ Переяславлемъ и на нижней Сулѣ, и для защиты этихъ земель энергичнымъ правителемъ Русской земли предпринимались самыя серьезныя мѣры. Нѣсколько времени спустя, для отраженія безпрестанныхъ набѣговъ кочевниковъ съ Востока, Ярославъ Мудрый выдѣляетъ Переяславль въ особый удѣлъ и поручаетъ его Всеволоду, который вырабатываетъ цѣлесообразный планъ защиты страны отъ враговъ и поручаетъ его исполненіе своему энергичному сыну, Владиміру Мономаху, проведенному весь вѣкъ свой въ походахъ противъ степняковъ. Въ періодъ правленія Мономаха Переяславлемъ, половцы неоднократно совершали свои нападенія указаннымъ *злѣдѣйскимъ путемъ*, о чемъ сохранились живыя извѣстія въ лѣтописи. И въ другія времена, насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, походы въ степи совершались по линіи указаннаго пути; напримѣръ, походы 1150, 1183, 1187, 1215 годовъ и нѣкоторыя другіе. Наконецъ, походъ соединенныхъ силъ русскихъ князей противъ татаръ, въ 1224-мъ году, также, судя по всему, совершался отчасти по указанному пути, на что есть указанія лѣтописи. Если затѣмъ принять во вниманіе, что прилегавшая къ Днѣпру равнинная территорія, въ силу своего географическаго положенія и топографическихъ и стратегическихъ особенностей, играла довольно видную роль въ древній періодъ Русской исторической жизни, представляя собой прекрасное убѣжище для уходившихъ изъ степей, отъ тяжелыхъ условій тамошней жизни, кочевниковъ, которые отсюда уже расселялись дальше, главнымъ образомъ, въ болѣе безопасныя и болѣе защитныя мѣста днѣпровскаго правобережья, и что по ней, съ незапамятныхъ временъ, проходили крупныя военно-торговые пути на востокъ и на югъ, то намъ станетъ понятнымъ то громадное значеніе, какое имѣла указанная территорія въ удѣльно-вѣчевой періодъ и въ послѣдующія затѣмъ времена: здѣсь находился, такъ сказать, узелъ общественно-политическихъ отношеній Руси со степняками; здѣсь Русь непосредственно сталкивалась съ кочевымъ міромъ и, мало-по-малу, претворяла его, ассимилировала съ остальной массой своего населенія. Вслѣдствіе этого, уже очень рано правители земли Русской стали обращать свое вниманіе на указанную территорію, стараясь соотвѣтственными цѣлесообразными мѣрами под-

держатъ тѣ условія и тотъ строй жизни, какіе соотвѣтствовали и нуждамъ данной мѣстности, и интересамъ Русской земли.

Переходъ южной Руси подъ власть Литвы не могъ, конечно, серьезно повліять да ея искони выработанныя условія жизни, которыя и послѣ этого перехода остаются мѣ прежней силѣ, и новые правители ея продолжаютъ политику прежняго времени, особенно по части военной, касавшейся, главнымъ образомъ, защиты пограничной со степями полосы Русской земли. И при литовскихъ князьяхъ мы видимъ тѣ же заботы и тѣ же мѣры по части охраны пограничныхъ со степью окраинъ, какія практиковались и раньше, въ удѣльно-вѣчевое время. Вслѣдствіе этого, въ однихъ мѣстахъ возобновляются, а въ другихъ, гдѣ сознавалась нужда,—вновь строятся укрѣпленныя линіи—валы и города, при чемъ, по примѣру предшествовавшаго времени, на ряду со способомъ охраны земли при помощи болѣе или менѣе солидныхъ укрѣпленій, практикуется также и защита съ помощью выходящихъ изъ степей кочевниковъ, поселяемыхъ обыкновенно въ опасныхъ, но очень важныхъ для южной Руси мѣстахъ. Прежде всего было обращено вниманіе на степное пограничье правой стороны Днѣпра, тѣснѣе и ближе связанное съ основнымъ ядромъ Русскихъ земель, Кіевомъ, чѣмъ таковое же пограничье на лѣвой сторонѣ означенной рѣки.

Предстепныя окраины правой стороны Днѣпра, широкой полосой протянувшіяся отъ Днѣпра до карпатскихъ предгорій или Покутья, издавна представляли удобныя условія, какъ для передвиженій, такъ и для обитанія кочевническихъ племенъ, выходившихъ съ лѣвой стороны Днѣпра. Здѣсь-то мы и видимъ поселенія кочевниковъ, располагавшіяся въ сосѣдствѣ съ русскими предѣлами. Эти новые переселенцы, ища убѣжища въ Литовской землѣ, часто являлись союзниками и защитниками послѣдней, и только въ рѣдкихъ случаяхъ они проявляли враждебное къ ней отношеніе. Такое враждебное отношеніе новыхъ переселенцевъ замѣчается развѣ только въ начальный періодъ татарской эмиграціи на правый берегъ Днѣпра, и то не особенно долго: скоро татары сознаютъ, что имъ не подъ силу борьба съ литовскими князьями, и они смиряются, перемѣняютъ свои отношенія къ нимъ и начинаютъ служить имъ въ качествѣ подручнаго войска. Съ другой стороны, и литовскіе князья нѣсколько измѣняютъ свои отношенія къ татарамъ: они привлекаютъ ихъ въ свои предѣлы, отводятъ имъ земли для поселеній, даютъ пріютъ и содержаніе знатнымъ татарскимъ выходцамъ и затѣмъ пользуются ими въ своихъ политическихъ цѣляхъ, какъ орудіями для достиженія намѣченныхъ плановъ. Такимъ образомъ, политика литовскихъ князей, относительно степи въ своихъ основахъ, очень схожа съ политикой южно-русскихъ князей примѣнявшихъ тѣ же самыя приемы и тѣ же мѣры для защиты своихъ порубежныхъ со степями границъ; разница была лишь въ размѣрахъ, которые въ литовское время были нѣсколько шире, чѣмъ въ удѣльно-вѣчевое. Получивъ въ свои руки юго-западную Русь, Витовтъ, подобно своимъ предшественникамъ, старается возможно лучше обставить свои южныя границы со степью, для чего въ удобныхъ мѣстахъ онъ ставитъ крѣпости, и поселяетъ здѣсь выходившихъ изъ степей кочевниковъ. Такъ, въ концѣ 90-хъ годовъ XIV ст. бѣжалъ къ Витовту въ Кіевъ, ханъ Тохтамышъ, который былъ ласково принятъ литовскимъ

княземъ и получилъ для поселенія вышедшихъ съ нимъ татаръ участокъ земель въ Кіевской области ¹⁾. Кромѣ того, подѣ защиту Витовта приходили и другіе татарскіе выходцы изъ степей, такъ что они образовали довольно внушительную военную силу и даже оказывали сильное вліяніе на весь складъ его двора, носившаго, по словамъ современниковъ, нѣсколько татарскій отгѣнокъ.

Насколько можно судить по тѣмъ мѣрамъ, какія принимались Витовтомъ по части защиты границъ, онъ обращалъ особенное вниманіе, былъ очень заинтересованъ южной, пограничной со степью полосой Кіевской земли. Такъ, посадивъ въ Кіевѣ княземъ Скиргайла Витовтъ велитъ ему идти на *Черкасы и Звенигородъ* и взять ихъ. Свидригайло удачно выполнилъ возложенное на него порученіе — взялъ Черкасы и Звенигородъ и возвратился въ Кіевъ ²⁾. Слѣдовательно, Черкасы и область Синихъ-Водъ были очень интересны для кіевского князя. Вообще, въ это время на правой сторонѣ Днѣпра намѣчается планъ укрѣпленія южныхъ, порубежныхъ со степью границъ, по линіи: Черкасы, Звенигородъ, Каменецъ, Бакота и пр. А насколько было важнымъ для Руси это степное пограничье, видно изъ слѣдующаго. Послѣ нашествія Батые въ Подоліи и южной половинѣ Кіевщины утвердились татары, которые расположились въ удобныхъ стратегическихъ пунктахъ, въ районѣ степныхъ мѣстъ, вблизи русскаго рубежа. Во времена Гедимина эти татары продолжали владѣть пограничной со степью подольской окраиной, но такое сосѣдство было не особенно удобно и пріятно литовскому князю, и потому уже Ольгердъ вступаетъ въ борьбу съ подольскими татарами: онъ разбиваетъ на р. Синія-Воды татарскія полчища, бывшія подѣ начальствомъ трехъ братьевъ: Кочубея, Котлубея и Дмитрія ³⁾. Отвоевавъ Подолье отъ татаръ, Ольгердъ отдаетъ его сыновьямъ князя Коріата, которые старались заселить полученную ими страну и обезопасить построеніемъ ряда укрѣпленныхъ замковъ и городовъ. Витовтъ идетъ въ этомъ дѣлѣ по тому же пути, съ той только разницей, что планы его являются въ нѣсколько большемъ масштабѣ, сравнительно съ предшественниками. Онъ подчиняетъ Подолію своей власти, выгоняетъ изъ нея наслѣдника Коріатовичей, Феодора, продаетъ половину Подольскихъ пограничныхъ земель Польшѣ, но затѣмъ выкупаетъ ее назадъ и сохраняетъ за собой до самой смерти. Необходимо замѣтить, что въ періодъ владѣнія этой землей Коріатовичами, татары удержались еще въ Подоліи, сохранивъ свои земельные степные участки. Близъ этихъ-то удобныхъ для кочевой жизни участковъ и осѣдали обыкновенно тѣ новые поселенцы, которые выходили изъ восточной стороны Днѣпра. По всей вѣроятности, и татары Тохтамыша, какъ и другіе, слѣдовавшіе за нимъ

¹⁾ „Того же лѣта (1398 г.) приде нѣкоторый царь, именовъ Темирь-Кутлуй, и прогна царя Тахтамыша, и сѣде въ ордѣ и въ Сарай на царствѣ; а Тохтамышъ съслася съ Витофтомъ, и бѣжа изъ Орды въ Кіевъ и съ царицами да два сына съ нимъ“. Воскресен. лѣт., II, стр. 71. „Тохтамышъ,—говоритъ Карамзинъ,—по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы... вступилъ въ Сарай, отправилъ посольства къ державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единоподержавнымъ повелителемъ Батыевыхъ улусовъ. Но Темирь-Кутлукъ—наналъ на него внезапно, побѣдилъ и взялъ Сарай. Тохтамышъ со своими царицами, съ двумя сыновьями, съ казноу и съ дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ искать защиты сильнаго Витовта“. Карамзинъ, т. V, гл. II, стр. 95.

²⁾ Daniłowicz, Liatopis. Litwy, с. 49.

³⁾ Daniłowicz, Liat. Litwy, р. 49.

татарскіе выходцы, были поселены въ указанныхъ мѣстахъ: степная, защищенная лѣсами мѣстность по теченію р. р. Синюхи, т.-е. Синей-Воды, Горнаго - Тикича и Южнаго Буга представляла всѣ удобства для кочевниковъ. Кромѣ того, поселеніе воинственныхъ инородцевъ въ стратегическихъ пунктахъ, на такъ-называемомъ Черномъ-Шляху, на торной дорогѣ изъ южныхъ степей въ кievскіе предѣлы, и при томъ близъ тѣхъ пунктовъ, которые только что были отмѣчены крупнымъ столкновеніемъ съ врагами, было очень на-руку Витовту, вполне соответствовало его планамъ. Заботясь о цѣлесообразной защитѣ своихъ южныхъ предѣловъ, Витовтъ, повидимому, задался цѣлью устроить сплошную укрѣпленную линію на пограничьи со степями, начиная отъ Подоліи и кончая Днѣпромъ. Вотъ почему онъ забираетъ въ свои руки сначала всю Подолію, а затѣмъ и земли, лежавшія далѣе на востокъ—Звенигородъ и Черкасы. А чтобы еще лучше обставить означенныя земли въ оборонительномъ отношеніи, Витовтъ выдѣляетъ часть Подолья съ укрѣпленными замками—Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою, Червоноградомъ и Бакотою и отдаетъ ее Шпитку (Spitko) изъ Мельштына, съ обязательствомъ защищать ее отъ степняковъ и держать подъ руками вооруженную силу. Такъ какъ между Подоліей и упомянутыми укрѣпленными пунктами, расположенными ближе къ Днѣпру, находились промежутки, поля, не занятые крѣпостями, то чтобы включить ихъ въ систему защитной линіи, необходимо было помѣстить на нихъ живой оплотъ, какимъ обыкновенно являлись выходившіе изъ степей кочевники ¹⁾. Можно полагать поэтому, что и татары Тохтамыша были поселены близъ обычныхъ мѣстъ обитанія татаръ въ области Подолья и Кіевской земли, т.-е. по р. Роси и неподалеку отъ р. Синія-Воды. Такимъ образомъ, на правой сторонѣ Днѣпра образуется защитная со стороны степей полоса земли, охранявшаяся частью укрѣпленными замками, а частью — вышедшими изъ степей кочевниками-татарами.

Всѣ эти мѣры, равно какъ и политика кн. Витовта относительно татаръ, находившихъ пріютъ на земляхъ послѣдняго, вызвали сильное неудовольствіе со стороны главной татарской орды, Кипчакской, которая сознавая большую опасность отъ такой политики литовскаго князя, старалась всячески помѣшать этому. Отсюда рядъ крупныхъ набѣговъ татаръ на кievскія, подольскія и волынскія земли Витовта. Особеннаго ожесточенія достигала борьба, если въ предѣлы литовскаго князя уходило какое-либо крупное лицо изъ татарскаго царства; тогда татары производили набѣгъ за набѣгомъ на тѣ именно земли, куда уходили бѣглецы, и литовскому князю приходилось принимать энергичныя мѣры, чтобы во время отражать удары кочевниковъ. Такъ, принявъ подъ свое покровительство Тохтамыша, Витовтъ совершаетъ въ 1397 г. крупный походъ на татаръ въ степи и чтобы удержать ихъ отъ нападений на Правобережье, строить на Днѣпрѣ, въ стратегическомъ мѣстѣ, укрѣпленный замокъ ²⁾. Однако, это не

¹⁾ Проф. В. Б. Антоновичъ говоритъ, что Витовтъ распредѣлялъ попадавшихъ къ нему татаръ по разнымъ частямъ своего государства. Въ Кіевской землѣ онъ селялъ ихъ около городовъ Черкасы и Канева и по р. Роси, въ Волынской землѣ—близъ города Острога, въ Подольской землѣ—на пограничьи и т. д. См. лекціи проф. В. Б. Антоновича по исторіи Литвы, с. 279.

²⁾ *Scriptores rerum: Prussic.* III, p. 223—6. Сообщ. Joh. Posilge.

только не удержало татаръ, но еще больше ожесточило ихъ, и мы видимъ, что вслѣдъ за симъ они обходятъ опасный пунктъ, пробираются на правую сторону Днѣпра и страшно опустошаютъ Кіевскую область ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, политика Витовта относительно степи, причиняя ему не мало хлопотъ, приносила свои плоды: послѣ походовъ на татаръ въ 1397 и 1398 гг. „Витовту удалось поселить въ своихъ владѣніяхъ нѣсколько тысячъ татарскихъ выходцевъ, которые составили въ войскахъ великаго князя особый отрядъ“ ²⁾. Предвидя новыя нападенія татаръ, Витовтъ и начинаетъ готовиться къ крупному походу въ степи въ слѣдующемъ году.

Кромѣ Правобережья, Витовтъ обращаетъ также вниманіе и на лѣвую, порубежную со степью сторону Днѣпра, имѣвшую, какъ мы знаемъ, очень важное значеніе по своей тѣсной связи съ Днѣпромъ и правобережными укрѣпленными пунктами. Представляя своимъ возвышеннымъ, покрытымъ въ своей верхней половинѣ крупными лѣсами правымъ берегомъ прекрасныя тактическія удобства, р. Ворскла отлично защищала уходившихъ сюда выходцевъ изъ степей, и подъ ея покровомъ, какъ это мы знаемъ и раньше, эти выходцы или оставались гдѣ-либо вблизи означенной рѣки, или же уходили далѣе на западъ, въ глубь Русской земли, перебираясь обыкновенно черезъ Днѣпръ на правую сторону послѣдняго. Насколько можно замѣтить, главный и ближайшій пунктъ перехода на правую сторону Днѣпра находился близъ устья р. Ворсклы, гдѣ съ незапамятныхъ временъ и возникъ одинъ изъ весьма важныхъ и давнихъ пунктовъ переправъ черезъ Днѣпръ—именно Переволочна, неподалеку отъ котораго, также близъ другой переправы черезъ Днѣпръ, былъ устроенъ крѣпкій замокъ—Кременчугъ.

Извѣстно, что Днѣпръ, въ отдѣлѣ, находящемся ниже впаденія въ послѣдній р. Псла, представлялъ весьма много удобныхъ переправъ и бродовъ, которыми обыкновенно пользовались и торговые караваны, и степняки въ своемъ движеніи на правую сторону Днѣпра. Здѣсь-то и находился, какъ увидимъ ниже, тотъ главный стратегическій пунктъ, куда направлялись кочевники, задумавъ набѣгъ на западные предѣлы Руси; здѣсь находилась та тропа или торная дорога, какой обыкновенно пробирались татары съ одного берега на другой ³⁾. Вслѣдствіе этого, чтобы попасть съ лѣвой стороны Днѣпра на правую и очутиться близъ порубежной со степями защитной линіи Правобережья, необходимо было форсировать р. Ворсклу, прикрывавшую собой всѣ лучшія переправы. Р. Ворскла, какъ извѣстно, служила прекрасной защитой Русской земли съ юго-востока и являлась солидной ея базой во время походовъ въ степи. Поэтому, принявъ подъ свою руку Тохтамыша и зная, что вслѣдъ затѣмъ неминуемо должно ожидать нападенія татаръ, преслѣдовавшихъ Тохтамыша, Витовтъ рѣшилъ дать серьезный отпоръ кочевникамъ, сплотившимся подъ началь-

¹⁾ Ibidem. Изъ буллы папы Бонифація IX, выданной краков. епископу въ 1399 году, для проповѣди крестоваго похода противъ невѣрныхъ, видно, что татары часто нападали на Русь, Литву, Подолію и Валахію и жестоко ихъ опустошали. *A. Theiner. Monumenta Poloniae et Lith. I, 769* и сл.

²⁾ Н. В. Молчановскій. Очеркъ изв. о Подольской землѣ, с. 289.

³⁾ См. объ этомъ L. de Beauplan. Description d'Ukraine.

ствомъ одного изъ татарскихъ намѣтниковъ, — Темиръ-Кутлука, и направился въ тѣ именно мѣста, гдѣ предполагалъ встрѣтить врага.

Къ концу XIV ст., вслѣдствіе разнаго рода благоприятныхъ условій, военныя силы литовскаго князя возрасли настолько, что онъ намѣтилъ обширный планъ расширенія своего владычества, при чемъ было рѣзко измѣнено направленіе политическихъ стремленій Витовта, который, вмѣсто запада, обращаетъ особенное вниманіе на востокъ и на юго-востокъ и здѣсь старается заложить основы своей политики. Но на юго-востокѣ гнѣздилась еще татарская сила, правда, нѣсколько ослабѣвшая въ то время вслѣдствіе внутреннихъ нестроений и разнаго рода смуть, но все же еще довольно сильная и могущая оказать серьезное препятствіе къ осуществленію намѣченной литовскимъ княземъ цѣли.

Не вполне хорошо освѣдомленный на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Золотой Ордѣ, увѣренный, что послѣ двухъ его удачныхъ походовъ въ степи въ 1397 и 1398 гг., татары сильно ослаблены, Витовтъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья въ походѣ противъ татаръ. Считая, что съ приходомъ Тохтамыша и другихъ татаръ, военныя силы Литвы значительно возрасли и подкрѣпляемый надеждой на помощь изъ другихъ странъ, Витовтъ составилъ обширный завоевательный планъ, первая часть котораго состояла въ уничтоженіи степного противника, Тимура, являвшагося сильной грозой съ востока.

Сборнымъ пунктомъ для подходившихъ отовсюду войскъ былъ назначенъ Кіевъ, къ которому въ теченіе цѣлаго мѣсяца стягивались войска. Въ обширной арміи Витовта, собранной для похода въ степи, кромѣ собственно литовскихъ и русскихъ войскъ, принимали также участіе и нѣмцы, и поляки, жмудины, валахи, жители порубежныхъ степныхъ окраинъ и, наконецъ — татары, т. е. недавніе выходцы изъ степей. Татары, подъ начальствомъ Тохтамыша, какъ извѣстно составляли значительный отрядъ Витовтова войска и находились въ моментъ объявленія похода на правой сторонѣ Днѣпра, повидимому, на ближайшей къ степной окраинѣ полосѣ. Въ виду обычной тактики монголовъ, состоявшей въ систематическихъ, осторожныхъ предварительныхъ развѣдкахъ и затѣмъ — быстрыхъ и неожиданныхъ нападенихъ на сильныя, но малоподготовленныя части противника, чтобы имѣть возможность сломить ихъ, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ слиться въ одно цѣлое, или же, по крайне мѣрѣ, ошеломить на первыхъ порахъ врага и тѣмъ облегчить нанесеніе удара на остальныя части, — можно полагать, что планъ Темиръ-Кутлука состоялъ въ быстромъ нападеніи на расположенныя на правой сторонѣ Днѣпра татарскія силы и сокрушеніи ихъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться съ остальными литовскими силами. А что походъ Темиръ-Кутлука былъ задуманъ на правую сторону Днѣпра, видно изъ того, что послѣ побѣды на р. Ворсклѣ, татары ограбили Кіевскую и Волынскую земли, вплоть до г. Луцка ¹⁾. И въ послѣдующія затѣмъ времена татары

¹⁾ J car Temir-Kutlig tohda pride lo Kiewu i wzia s horoda okup 3000 rublew litowskich, silu swoju rozpusti po litowskoj zemli; i wojewasze Tatarowe da ize do wielikoho Lucka i mnoho zla sotworisza zemli litowskoj, i otide wo swoju zemlin^a. *Danilowicz, Letopisiec Litwy, стр. 218.*

нападаютъ на Подолье и Кіевскія земли, гдѣ главнымъ образомъ поселялись татарскіе выходцы изъ степей. Поэтому, узнавъ о движеніи къ русскимъ предѣламъ Темиръ-Кутлука и, предугадывая, что послѣдній долженъ направиться къ тѣмъ мѣстамъ, которыя представляли удобныя переправы на правый берегъ Днѣпра, чтобы отсюда идти на Кіевъ, Витовтъ рѣшилъ предупредить противника и не допустить его до выполненія своего плана, велѣдствіе чего онъ и двинулся ему навстрѣчу.

Въ походѣ Витовта въ 1399 г. противъ татаръ принимали, какъ извѣстно, участіе не только тѣ войска, которыя находились подъ начальствомъ Витовта и сподручныхъ ему князей, но и войска, взятая изъ расположенныхъ на пограничьи со степями отрядовъ, которыя, какъ извѣстно, состояли частью изъ русскихъ силъ, частью—изъ татарскихъ. Это доказывается тѣмъ участіемъ, какое принималъ въ этомъ походѣ Спитько, державшій пограничныя со степью земли, и недавніе выходцы изъ степей—татары Тохтамыша и другихъ татарскихъ владѣтелей ¹⁾. Планъ Витовта состоялъ, по видимому, въ томъ, чтобы всѣми силами ударить на врага въ удобномъ пунктѣ и сломить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ переправиться на другую сторону Днѣпра. Но Витовтъ, какъ извѣстно, не успѣлъ воспользоваться удобнымъ моментомъ и не только не нанесъ врагу рѣшительнаго удара въ удобномъ мѣстѣ, но самъ весьма сильно пострадалъ, оставивъ свою весьма выгодную въ оборонительномъ отношеніи позицію и понавъ подъ удары враговъ.

Несмотря на то, что главнымъ сборнымъ пунктомъ Витовтовыхъ войскъ былъ назначенъ Кіевъ, въ послѣдній собрались не всѣ войска, а только тѣ лишь, которымъ было удобно и необходимо попутно заходить въ него; тѣ же военныя силы, которыя имѣли возможность присоединиться къ кіевскому ополченію по пути, естественно не приходили въ Кіевъ, считая это для себя и затруднительнымъ, и напраснымъ, не отвѣчающимъ требованіямъ и условіямъ военного времени. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы и войска Спитька, и татары Тохтамыша, и другіе шли сначала въ Кіевъ, а изъ послѣдняго выступили вмѣстѣ съ другими войсками на лѣвую сторону Днѣпра, по которой, какъ извѣстно, шла главная армія Витовта. Врядъ ли это было бы выгодно и удобно: это движеніе было бы, прежде всего, неудобно для другихъ войскъ, стѣсняя, отягощая и задерживая ихъ на пути; кромѣ того, оно также было невыгодно и для самихъ союзниковъ-татаръ, заставляя ихъ совершать длинный и не вполне удобный переходъ изъ степей въ Кіевъ и обратно; подобнаго рода маршруты, были бы, съ одной стороны, утомительны, а, съ другой—безцѣльны и бесполезны и даже вредны для арміи, утомляя ее понапрасно въ то самое время, когда необходимы для борьбы съ врагомъ свѣжія, неутомленныя силы. Очевидно, не въ интересахъ общаго военного дѣла было утруждать союзниковъ лишними переходами. Поэтому можно полагать, что и жившіе на степномъ пограничьи татары и ближайшія къ нимъ русскія пограничныя войска не ходили въ Кіевъ, а присоединились къ литовскому войску по пути, когда послѣднее двигалось по лѣвому берегу Днѣпра. А что это было такъ, видно изъ слѣдующихъ сообщеній,

¹⁾ Dlugosz, lib. X, p. 526—9.

которая даетъ намъ Длугошъ. Такъ, сообщая о движеніи Витовта въ степи на татаръ, Длугошъ говоритъ: „Dum itaque fluvii Nyeper, Szimna Woda, Pszlo et Sula superatis ad campestria perwentum fuisset“¹⁾. Упоминаніе здѣсь о переходѣ арміи черезъ р. Синія-Воды указываетъ, что часть войскъ, сидѣвшихъ близъ означенной рѣки, перешла послѣднюю и двигалась на востокъ, къ Днѣпру, т.-е. на соединеніе съ идущими уже по лѣвой сторонѣ Днѣпра русскими войсками.

Въ противномъ случаѣ, было бы непонятно, почему, при упоминаніи о переходѣ черезъ лѣвобережныя днѣпровскія рѣки—Псель и Сулу,—поставлена также и р. Синія-Воды, находящаяся, какъ извѣстно, на правой сторонѣ р. Днѣпра и отстоящая отъ означенныхъ рѣкъ на весьма значительное разстояніе. Слѣдовательно, отъ р. Синія-Воды и татарскія, и русскія войска шли на соединеніе съ главными силами Витовта,—шествовавшими по лѣвой сторонѣ Днѣпра,—шли прямой дорогой, кратчайшей и наиболѣе удобной для нихъ, т.-е. въ перпендикулярномъ къ Днѣпру направленіи.

Что касается Темиръ-Кутлука, то послѣдній, провѣдавъ о значительныхъ силахъ Витовта, дѣйствовалъ очень расчетливо и осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно и смѣло. Такъ какъ главной задачей Темиръ-Кутлука былъ, повидимому, разгромъ ушедшихъ изъ степей въ Кіевскія земли татаръ и преслѣдованіе ихъ главнаго виновника, Тохтамыша, то, конечно, онъ направляетъ свой походъ такъ, чтобы возможно лучше исполнить свой планъ—возвратить, если можно, назадъ, ушедшихъ отъ его власти татаръ, наказатъ бѣглеца Тохтамыша и пограбить русскія окраины. Зная обычное мѣстоположеніе, на правой сторонѣ Днѣпра, кочевій татаръ Тохтамыша и другихъ, Темиръ-Кутлукъ и направился къ нимъ кратчайшей и самой удобной дорогой изъ степей,—черезъ ближайшіе переходы на Днѣпрѣ. Достигнувъ послѣдняго и не зная хорошенько всѣхъ условій даннаго времени; кромѣ того, не освѣдомленный еще вполне относительно плановъ своего противника, и не имѣя въ сборѣ всѣхъ своихъ силъ, которыя вскорѣ должны были подойти съ юга, изъ Крыма, Темиръ-Кутлукъ остановился въ выжидательномъ положеніи, выбравъ предварительно удобную для того позицію.

Судя по тому, куда татары, въ періодъ литовскаго владычества, имѣли обыкновеніе нападать на русскіе предѣлы, а также принимая во вниманіе, какія мѣры предпринимало литовское правительство для защиты важнѣйшихъ переправъ черезъ Днѣпрѣ, можно полагать, что Темиръ-Кутлукъ шелъ къ днѣпровскимъ переправамъ или бродомъ, т.-е. въ ту мѣстность, которая, какъ мы сказали раньше, изобиловала ими. Извѣстно, что р. Днѣпрѣ можно было перейти болѣе удобно или близъ Кременчуга, или же въ мѣстности, расположенной нѣсколько ниже послѣдняго, гдѣ находились удобныя переправы, пользованіе которыми широко практиковалось и въ послѣдующія времена²⁾. Можно полагать поэтому, что планъ Темиръ-Кутлука со-

¹⁾ Diugosz, lib. X, 526—7.

²⁾ „Мишуриискія переправа, — говоритъ Д. И. Эварницкій, — была изъ крѣпости Переволочной черезъ Днѣпрѣ къ крѣпости Мишуриному-Рогу. О ней упоминаетъ Михаилъ Литвинъ въ XVI ст. (переправа у Массури). Эта переправа была пожалована запорожцамъ въ 1687 году, 12 сент., и уже въ 1690 году считалась у запорожскихъ казаковъ *одною изъ главнѣйшихъ переправъ*; въ свое время она доставляла запорожцамъ 12000 руб. ежегоднаго сбора. Въ 1695 г. гетманъ Маазена, направляясь на ту-

стоялъ въ томъ, чтобы незамѣтно, быстро пробравшись черезъ Днѣпръ, неожиданно зайти въ тылъ врагамъ, т. е. напасть на сидѣвшіе на пограничьи со степью русско-татарскіе отряды, и, разбивши ихъ, двинуться затѣмъ на опустошеніе Кіевской земли. Такой планъ татарскаго движенія не является чѣмъ-либо особеннымъ, отличнымъ отъ другихъ предпріятій подобнаго рода: его примѣняли татары и въ послѣдующія времена при своихъ нападеніяхъ на Подолію и Кіевскую область.

Если мы къ этому добавимъ, что предстепная полоса на югѣ Кіевской земли, по линіи Звенигородъ—Черкасы,—незадолго передъ этимъ силою оружія была включена въ составъ Кіевскихъ владѣній, и что нѣсколько лѣтъ раньше здѣсь уже происходили столкновенія съ татарами то движеніе Темиръ-Кутлука въ направленіи къ означенной области имѣло большой смыслъ: несомнѣнно, что среди этихъ пограничныхъ со степью, только что присоединенныхъ къ Литвѣ областей, можно было рассчитывать, при военномъ успѣхѣ на первыхъ порахъ, или найти серьезную поддержку, или же, по крайней мѣрѣ, — слабый отпоръ. А дѣйствовать свободно въ глубинѣ страны, если это имѣлось въ виду, можно было, конечно, только въ томъ случаѣ, если бы пограничная со степями полоса, на значительномъ своемъ протяженіи, не представляла опасности, угрожающей наступающему съ тыла. По всей вѣроятности, Темиръ-Кутлукъ и двигался въ указанномъ направленіи. Понятно, что и Витовтъ прекрасно зналъ какъ стратегическіе пункты по теченію Днѣпра, такъ и характеръ расположеннаго на пограничьи со степями населенія, которое, подъ давленіемъ силы, легко могло перейти на сторону враговъ: это былъ очень ненадежный элементъ, за которымъ надо было сильно смотрѣть и не допускать до отчаяннаго положенія. Опытъ длиннаго ряда лѣтъ предыдущаго времени указывалъ литовскому князю, что оставлять это порубежное полуосѣдлое населеніе на мѣстѣ и не использовать его въ предстоящемъ столкновеніи съ татарами было бы не только не удобно, но даже опасно, такъ какъ врагъ, выигравъ время, легко могъ бы воспользоваться этимъ ненадежнымъ для Витовта населеніемъ. А чтобы не допустить послѣднее до этого, необходимо было свести этотъ полукочевой элементъ въ союзъ съ литовскими войсками, лицомъ къ лицу съ напиравшими съ востока татарами и тѣмъ поставить ихъ въ необходимость энергично бороться со своими противниками. Этого, повидимому, и стремился достигъ Витовтъ, но условія битвы на р. Ворсклѣ были таковы, что онъ потерпѣлъ здѣсь полную неудачу, при чемъ тотъ элементъ которымъ Витовтъ рассчитывалъ воспользоваться въ борьбѣ съ Темиромъ, т. е. татары Тохтамыша, оказался ненадежнымъ: онъ не только не оказалъ помощи Витовту въ критическую минуту, но еще болѣе способствовалъ разгрому литовскихъ военныхъ силъ, бросившись въ самый разгаръ битвы грабить литовскій лагерь. Та-

рецкій городъ Кизикермень, добравшись до Днѣпра и простоявъ здѣсь, за неимѣніемъ лодокъ, нѣсколько недѣль, переправился *выше Переволочной, противъ Мишуринаго-Рога*“. Д. И. Эваранскія Вольности запорож. казаковъ, стр. 253.

Въ той же мѣстности, но нѣсколько ниже по теченію рѣки, находилась и знаменитая въ прежнее время Романковская переправа. „Здѣсь,—говоритъ Бопланъ (Опис. Украины, изд. 1832 г., стр. 27), — Днѣпръ течетъ свободно; острова не задерживаютъ его и татары смѣло переправляются черезъ него въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засады, расположенной выше острова“.

кимъ образомъ, то, на что, повидимому, рассчитывалъ Темиръ-Кутлукъ послѣ перехода на правый берегъ Днѣпра, случилось на лѣвомъ его берегу, и при томъ, въ силу разнаго рода условій, нѣсколько раньше, чѣмъ это предполагалось. Слѣдовательно, планъ Темиръ-Кутлука не пропалъ, а былъ исполненъ съ той только разницей отъ первоначальнаго, что разгромъ литовскихъ союзниковъ произошелъ не предварительно и не отдѣльно отъ литовскаго войска, а совместно съ послѣднимъ, и не на правой сторонѣ Днѣпра, а на лѣвой; что же касается того, что сначала были разбиты силы союзныхъ Витовту татаръ Тохтамыша, а затѣмъ уже и все остальное литовское войско, то все это совершилось на р. Ворсклѣ съ замѣчательной послѣдовательностью, съ полнымъ расчетомъ и, повидимому, безъ отступленія отъ заранее намѣченнаго и тщательно обдуманнаго съ чисто азіатской расчетливостью Темиромъ плана. Остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, гдѣ именно можно предполагать мѣсто битвы Витовта съ татарами въ 1399 году. Чтобы выяснитъ болѣе или менѣе точно мѣстоположеніе означеннаго боя, необходимо очертить вкратцѣ какъ общую картину мѣстности, гдѣ разыгралась эта страшная драма, такъ и тѣ политическія условія, которыя вызвали такое крупное столкновеніе русско-литовскаго войска съ татарами.

Политическая исторія южной Руси слагалась, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ факторовъ; съ одной стороны,—географическихъ свойствъ, которыя присущи странѣ, а, съ другой,—тѣхъ историко-этнографическихъ условій, въ которыя была поставлена страна съ незапамятныхъ временъ. Географическое положеніе южной Руси на перепутьи изъ Азіи въ Европу было причиной того, что страна эта была ареной безчисленныхъ передвиженій кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ съ востока. Двигаясь стихійно на западъ, они производили давленіе на жившія въ южной Руси племена и тѣмъ способствовали сліянію ихъ въ крупный политическій организмъ, стремившійся къ осуществленію въ своей жизни тѣхъ началъ, которыя вытекали изъ общественно-бытовыхъ и историческихъ условій его жизни, заѣщанныхъ исторіей. А условія эти требовали широкаго и безпрепятственнаго пользованія какъ природными дарами края, такъ и его крупными торгово-промышленными артеріями—рѣчными путями. Въ виду того обстоятельства, что рѣчные пути южной Руси составляютъ водную сѣть, тѣсно связанную съ морями: Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ, мы замѣчаемъ издавна стремленіе южно-русской политической жизни—утвердиться на берегахъ означенныхъ морей. Это было естественное и очень сильное стремленіе южно-русскаго міра къ восстановленію тѣхъ связей съ моремъ, какія, какъ извѣстно существовали у него съ самыхъ отдаленныхъ временъ: южная Русь стремилась вновь восстановить то, что весьма часто прерывалось и смывалось безконечными волнами кочевниковъ съ востока, оттиравшими ее отъ моря. И вотъ въ южной Руси издавна замѣчается два стихійныхъ теченія: кочевниковъ—съ востока на западъ, и осѣдлаго міра—съ сѣвера на югъ, къ берегамъ морей. Эти теченія, стремившіяся, какъ извѣстно, въ перпендикулярномъ другъ къ другу направленіи, наиболѣе сильно сталкивались одно съ другимъ въ тѣхъ пунктахъ, которые составляли главныя русла ихъ, ихъ главную дорогу. На памяти исторіи мы можемъ наблюдать нѣсколько такихъ крупныхъ столкновеній, наиболѣе извѣстныхъ изъ которыхъ были—калкское побоище въ 1224-мъ

году и битва Витовта съ татарами въ 1399-мъ году. Оба эти похода происходили на югъ и были направлены къ очищенію дороги къ южно-русскимъ морямъ отъ тѣхъ тормазовъ, какими являлись кочевники съ востока.

Если сравнить условія южно-русской политической жизни на предстепни въ концѣ XIV ст. съ таковыми же ея условіями въ первой половинѣ XIII в., т.-е. въ періодъ нашествія монголовъ на русскіе предѣлы, то не трудно замѣтить между ними значительное сходство; особенно ярко проявляется это сходство въ отношеніяхъ двухъ спорящихъ противниковъ къ тѣмъ кочевникамъ, которые или уходили въ Русь для осѣдлой жизни, или же заключали съ ней болѣе или менѣе тѣсный союзъ. Такъ, во время перваго столкновенія Руси съ татарами, въ 1224 году, одной изъ серьезныхъ причинъ, побудившихъ русскихъ князей принять такое горячее участіе въ судьбѣ половцевъ и оказать имъ такую сильную помощь, было опасеніе утратить своихъ недавнихъ союзниковъ, которые, подъ давленіемъ монголовъ, могли весьма легко перейти на ихъ сторону и тѣмъ, конечно, усилить ихъ боевыя силы на пагубу Руси. Слѣдовательно, страхъ лишиться въ половцахъ своихъ союзниковъ заставилъ русскихъ не только не безучастно отнестись къ половецкимъ воплямъ о надвигавшейся грозѣ съ востока, но, напротивъ, напрячь насколько то было возможно, всѣ свои силы, и мобилизовать противъ новыхъ пришельцевъ съ востока чуть не всѣ свои земли: оставлять половцевъ безъ помощи, на произволъ судьбы, было не расчесть для русскихъ, которымъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо въ другое время, было интересно удержать половцевъ въ союзѣ съ собою. Вотъ почему русскіе и рѣшили такъ скоро и дѣятельно вмѣшаться въ споръ между степняками, надѣясь, конечно, съ помощью половцевъ отразить врага. Но расчесть оказался далеко не вѣрнымъ и не оправдалъ надеждъ Руси: та сила, на которую больше всего рассчитывала Русь и ради сохраненія, которой собственно и выступила Русь противъ татаръ въ 1224-мъ году, сыграла роковую роль и была одной изъ причинъ полнаго разгрома русскихъ силъ на широкихъ степяхъ половецкихъ. Извѣстно, что въ самый разгаръ калкского боя, половцы не выдержали, смѣшались и побѣжали, увлекая и разстраивая по пути русскіе полки, которые были такъ смущены этимъ безпорядочнымъ бѣгствомъ своихъ союзниковъ, что пришли въ страшное смятеніе и были на голову разбиты татарами. Такимъ образомъ, тотъ элементъ, которымъ хотѣли воспользоваться русскіе и тѣмъ увеличить свои боевыя силы, сыгралъ отрицательную роль и не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ.

Почти тоже самое можно сказать и о выходившихъ въ Русь въ концѣ XIV в. татарахъ, которые, какъ и половцы, обитали на степномъ южно-русскомъ пограничьи. Какъ въ XIII в. дѣло возгорѣлось изъ-за бѣглецовъ, изъ степи, ставшихъ союзниками Литвы. Въ концѣ XVI ст., послѣ ухода Тохтамыша ко двору Витовта въ Кіевъ, ханскій золотоордынскій намѣстникъ, Темиръ-Кутлукъ, отправилъ къ Витовту посла съ просьбой выдать ему бѣжавшаго Тохтамыша: „Выдай мнѣ бѣглеца Тохтамыша“ — говорилъ онъ Витовту, — „онъ врагъ мой; не могу быть спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ и пребываетъ у тебя; ханъ Тохтамышъ — чужой мнѣ и врагъ мнѣ, и врагъ очень злой; выдай его мнѣ, а все, что съ нимъ, — можешь взять себѣ!“.

Витовтъ отказалъ, надѣясь, конечно, на помощь татаръ Тохтамыша и другихъ татарскихъ выходцевъ. Но и здѣсь, какъ раньше съ половцами, расчетъ не оправдался и татары Тохтамыша сыграли точь въ точь такую же роковую роль для войска Витовта, какъ половцы для соединенныхъ силъ русскихъ въ бою на Калкѣ: въ разгаръ боя, татары Темиръ-Кутлука, обошедши русскихъ, бросились на Тохтамыша, войско котораго, разграбивъ предварительно литовскій лагерь, бѣжало, открывъ такимъ образомъ тылъ Витовтовыхъ силъ, которыя поэтому и были наголову разбиты.

Такимъ образомъ, тотъ элементъ, который вызывалъ опасеніе и ради сохраненія котораго въ союзѣ съ собой выступалъ Витовтъ противъ татаръ въ 1399 году, весьма много способствовалъ крупному пораженію литовскаго войска на Ворсклѣ.

Опредѣливъ въ краткихъ словахъ причины, повлекшія къ конфликту между литовско-русскимъ княземъ и татарами и указавъ мѣстность, куда былъ задуманъ татарами походъ и куда дѣйствительно устремились татары послѣ побѣды надъ Витовтомъ, постараемся очертить, насколько возможно, сначала движеніе соперниковъ Витовта и Темира — другъ противъ друга, а затѣмъ — мѣсто ихъ боя на р. Ворсклѣ, въ 1399 году.

Движеніе Витовтевыхъ войскъ, въ походѣ на татаръ въ 1399-мъ году, начавшись изъ Кіева, совершалось, какъ извѣстно, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, черезъ рр. Супой, Сулу, Пселъ и проч., пока, наконецъ, оно не достигло р. Ворсклы, гдѣ и остановилось. Судя по всему, союзныя войска литовскаго князя двигались обычнымъ путемъ—по тому равнинному пространству, которое непосредственно примыкаетъ къ днѣпровской долинѣ и составляетъ удобный и прямой путь къ половецкимъ степямъ. Извѣстно затѣмъ, что Витовтовы войска собирались въ теченіе лѣта и выступленіе ихъ совершилось также лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, а въ августѣ они уже были на берегахъ р. Ворсклы. Этотъ лѣтній походъ, въ степи, повидимому, былъ не совсѣмъ обычнымъ по времени походомъ, такъ какъ послѣдніе предпринимались обыкновенно или весной, или же зимой, когда стануть рѣки и болота, когда движеніе черезъ нихъ не представляетъ такихъ затрудненій, какъ въ другія времена года, походъ же въ самый разгаръ лѣта, вызывался, очевидно, какими-то особыми условіями особыми соображеніями. Конечно, желаніе дать возможность союзникамъ рано, до зимы, возвратиться домой съ похода, могло играть нѣкоторую роль, но оно, само собою, не могло служить главнымъ мотивомъ при выборѣ времени для похода. Можно думать поэтому, что здѣсь скорѣе играли другія, болѣе основательныя причины, а именно: или угрожающее, быстрое движеніе татаръ изъ степей, требовавшее такого же быстрого и серьезнаго отпора со стороны Витовта, или же желаніе предупредить враговъ и не допустить ихъ стянуть всѣ свои наличныя боевыя силы въ одно мѣсто. Весьма возможно, что организація лѣтняго похода была предпринята съ этой именно цѣлью—предварительнаго отраженія надвигавшейся изъ степи грозной татарской силы. А что такая гроза назрѣвала въ степи и должна была вскорѣ разразиться надъ русско-литовскими землями — это не трудно было предвидѣть: два удачныхъ похода Витовта на татаръ, совершенныхъ въ 1397 и 1398 гг., сильно раздражили степняковъ и, судя по всему, татары готовились къ нападенію на русскіе предѣлы

литовскаго князя. Въ виду того, что весной такого набѣга со стороны татаръ не произошло, а между тѣмъ разрывъ съ Темиромъ состоялся, можно было ожидать, что нападеніе произойдетъ въ началѣ ближайшей осени, въ удобное для подобныхъ предпріятій время. Такъ какъ войско Темиръ-Кутлука состояло, главнымъ образомъ, изъ конницы и такъ какъ Темиръ шелъ наказывать Тохтамыша, то, очевидно, онъ рассчитывалъ захватить также и обитавшихъ въ предѣлахъ Руси татаръ.¹⁾ Если признать послѣднее, то въ такомъ случаѣ спѣшное движеніе Темиръ-Кутлука къ границамъ южной Руси станетъ намъ вполне понятнымъ: осеннее время, какъ извѣстно, является наиболѣе удобнымъ для передвиженія кочевыхъ массъ временемъ, такъ какъ выжженная лѣтомъ степь вначалѣ осени вновь роскошно покрывается травами и доставляетъ всюду обильный кормъ для скота и лошадей²⁾. Кроме того, лѣтнее время было равнымъ образомъ очень благоприятно для походовъ быстрыхъ и неожиданныхъ: рѣки въ это время обыкновенно сильно мельчаютъ, обнаруживая удобныя для переправъ мѣста и броды, переправы черезъ которые въ то время не представляютъ такихъ трудностей, какъ въ другія времена года. Можно полагать поэтому, что, двинувшись въ концѣ лѣта къ предѣламъ Руси, Темиръ-Кутлукъ рассчитывалъ выиграть время и, переправившись на правый берегъ Днѣпра, повоевать здѣсь русскія окраины, захвативъ къ тому же и татаръ, обитавшихъ на пограничьи со степями, и быстро окончивъ походъ, до зимы возвратиться домой; обратный путь въ такое время для татаръ былъ очень удобенъ, т. к. степь опять одѣвалась роскошными травами³⁾. Въ виду этого Темиръ-Кутлукъ такъ и спѣшитъ приблизиться къ границамъ Руси, чтобы имѣть возможность во-время занять лучшія переправы черезъ Днѣпръ на правую сторону послѣдняго. Подвигаясь къ предѣламъ Руси и зная, что Витовтъ также готовится къ походу, Темиръ-Кутлукъ дѣйствовалъ крайне осторожно: остановившись въ удобномъ стратегическомъ пунктѣ, онъ рѣшилъ осмотрѣться и, разузнавши хорошо обо всемъ, тогда уже предпринять дальнѣйшіе ходы. Конечно, обычные приемы и ходы татаръ на Русь были хорошо извѣстны Витовту, и вотъ послѣдній, съ своей стороны, спѣшитъ во-время выступить противъ враговъ, чтобы не дать имъ возможности достигнуть своей цѣли. Зная хорошо мѣстность и напередъ рассчитавъ, гдѣ можно будетъ встрѣтить враговъ, Витовтъ и направился къ этимъ пунктамъ.

¹⁾ Такого плана придерживались татары и въ послѣдующія времена, при чемъ излюбленными мѣстами ихъ нападеній были Кіевская область и Подолія.

²⁾ Въ народныхъ русскихъ сказаніяхъ, собранныхъ г. Аванасьевымъ, т. II, с. 272,—о времени, когда совершались татарскіе походы, сказано: „Разъярился собака-татаринъ (Мамай)... и писалъ свои ярлыки скорописчатые: „когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнать, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай безбожный будетъ со святой Русью воевать“—что очень напоминаетъ обычныя выраженія крымскихъ грамотъ XVI и XVII вв.

³⁾ Интересно отмѣтить, что и нѣкоторые позднѣйшіе походы татаръ на Кіевъ происходили въ концѣ лѣта. Такъ, въ 1482 году Менгли-Гирей напалъ и разорилъ Кіевъ, 1-го сентября (Воскрес. лѣт. II, с. 25; Никонов. VIII, с. 118; Супрасл. 134 и 147). Въ 1489 году огромная орда (говорятъ въ 100,000 человекъ) напала на Кіевскую землю, опустошила Кіевъ и отправилась грабить дальніе русскія земли (Scriptores rerum prusicarum, II, codex epistol., I, 2, с. 250). Въ 1493 году *сильный разливъ Дмитра* помѣшалъ походу Менгли-Гирей на Кіевъ, однако, онъ два раза затѣмъ, „сидя на коня“, т.-е. выступалъ въ походъ на русскія земли, что, очевидно, происходило позже, т.-е. лѣтомъ или же осенью. (Pułaski, стр. 25). Осенью 1494 года татары нападаютъ на Подолье и Волынь и страшно ихъ опустошаютъ (Супрас. лѣт., стр. 141—5).

Судя по дошедшимъ до насъ источникамъ, Витовтъ успѣшалъ зараньше достигъ тѣхъ мѣстъ, которыя расположены сейчасъ же за рубежомъ русской земли, откуда открывался во всѣ стороны на далекое пространство широкій горизонтъ для наблюденій за движеніемъ непріятеля. Длугошъ даетъ намъ пояснительныя свѣдѣнія на этотъ счетъ; онъ говоритъ, что Витовтъ „Fluwiis Nyeper Szimna-Woda Pszlo et Sula superatis, ad campestria planitiem in singulas partes diffuse porrectam habentia, circa flumen Worzslka, quatro decimo Augusto die... perventum fuisset“. Судя по всему, Витовтъ, пришедши къ Вореклѣ, достигъ только порога мѣстности, откуда можно было наблюдать на далекомъ разстояніи за врагами; что же касается той стратегической мѣстности, о которой говоритъ Длугошъ, и которая имѣла такое важное значеніе, то она, правда, одной стороной касалась р. Ворсклы, другая же ея сторона находилась на р. Орели, съ береговъ которой, въ извѣстныхъ пунктахъ, дѣйствительно открывался широкій горизонтъ на далекое пространство вокругъ, что вполне подходитъ къ передаваемымъ польскимъ писателемъ особенностямъ указываемой имъ мѣстности¹⁾: р. Орель служила какъ бы гранью между широкой степью, разстилавшейся на лѣвой сторонѣ означенной рѣки, и той возвышенной площадью, которая проходила по правой сторонѣ ея²⁾.

Какъ увидимъ ниже, и Витовтъ и Темиръ-Кутлукъ направлялись къ указанной нами выше мѣстности, т.-е. къ равнинному плато, разстилающемуся по правой сторонѣ р. Орели³⁾. Отсюда Темиру весьма удобно было направиться къ находящимся неподалеку бродамъ или переправамъ черезъ р. Днѣпръ. Въ виду того, что Темиръ-Кутлукъ, какъ онъ самъ заявлялъ Витовту, шелъ не на него, а на Тохтамыша, путь его направлялся на правую сторону Днѣпра, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были наиболѣе удобныя переправы черезъ означенную рѣку. Слѣдовательно, въ указанной мѣстности, близъ Днѣпра, ниже устья р. Ворсклы и остановились Темировы полчища татаръ. А что близъ означенной мѣстности находился давній, весьма удобный переходъ на правую сторону р. Днѣпра, видно изъ карты Левассера-де-Бопланъ, на которой въ мѣстности, находящейся ниже р. Тясмина на правой, и ниже р. Ворсклы на лѣвой сторонѣ Днѣпра, помѣщены по обѣ стороны Днѣпра лѣса—Nigra-Silva (Черный-лѣсъ), а внѣ лѣсовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на той площади, которая разстилается по правой сторонѣ р. Орели, находится такая надпись: *Hic Scythae latitare donec omnes convenient irvasuri nostras regiones solent.*

¹⁾ Dlugosz, Ib. X, p. 526—9.

²⁾ „Рѣкой Орелью, говоритъ Д. И. Эварницкій, — рѣзко разграничивается возвышенная равнина идущая сплошь вдоль праваго берега ея, и обширная низменная равнина степь, начинающаяся тотчасъ за лѣвымъ берегомъ ея: если взойти на правый берегъ ея и взглянуть вдоль по теченію ея, то тутъ рѣзко бросается въ глаза рѣзкая разница между правобережьемъ и лѣвобережьемъ рѣки“. (Эварницкій. Вольности запор. казаковъ, с. 154).

³⁾ По всей вѣроятности, та мѣстность, о которой говоритъ Длугошъ, находилась въ нижнемъ отдѣлѣ р. Орели гдѣ, близъ м. Китай-Города, находится очень высокій холмъ, откуда открывается широкій горизонтъ на далекое пространство вокругъ. Интересно отмѣтить, что холмъ этотъ, имѣющій на своей вершинѣ древніе окопы, носитъ названіе „Калитва“, которое въ переводѣ съ тюркскаго означаетъ литовскій городъ (Cala-litwa). Вѣроятно, въ литовское время здѣсь находился стратегическій наблюдательный пунктъ.

Слѣдовательно, эта мѣстность была пригодна какъ для сборнаго пункта степняковъ, такъ и для дальнѣйшихъ ихъ движеній на русскіе предѣлы. Можно полагать, такимъ образомъ, что противники достигли весьма важной въ стратегическомъ отношеніи, порубежной со степью равнины, на одномъ краю которой, т.-е. на р. Орели, остановились полчища Темира, а на другомъ, т.-е. на р. Ворсклѣ,—Витовтовы войска.

Выбирая, однако, эту мѣстность, Темиръ-Кутлукъ долженъ былъ зорко наблюдать и за другой, а именно—за тѣмъ пунктомъ, откуда можно было ожидать нападенія литовскаго князя. Судя по цѣлому ряду походовъ, совершавшихся русскими князьями въ предыдущее, такъ-называемое удѣльно-вѣчевое время, а также, принимая во вниманіе мѣсто находеніе лучшихъ стратегическихъ пунктовъ на р. Ворсклѣ, имѣвшихъ, большое отношеніе и къ днѣпровскому Правобережью по тѣмъ переправамъ, какія имѣлись черезъ р. Днѣпръ, можно полагать, что лучший военный пунктъ на р. Ворсклѣ находился на нижнемъ теченіи означенной рѣки, близъ мм. Кишеньки и Переволочной.

Здѣсь, какъ и на низовьяхъ р. Сулы, мѣстность между концомъ правобережныхъ нагорій р. Ворсклы и р. Днѣпромъ представляла собой какъ бы ворота, черезъ которыя можно было легко проникнуть внутрь страны, по тѣмъ степнымъ раздольямъ, которыя раскинулись по низовьямъ рр. Сулы, Псла и Ворсклы. Этимъ путемъ, какъ извѣстно, русскіе князья совершали цѣлый рядъ походовъ въ степи; этимъ же путемъ шли и караваны русскихъ купцовъ, направлявшихся на югъ; кромѣ того, близъ низовьевъ р. Ворсклы находились лучшія стоянки для судовъ, двигавшихся по Днѣпру, а также переправы съ одной стороны означенной рѣки на другую. Кромѣ того, помимо всего вышеизложеннаго, мѣстность близъ низовьевъ р. Ворсклы была важна еще и въ другомъ отношеніи: впереди, на низовьяхъ р. Орели, находились очень удобные, расположенные на значительныхъ возвышеніяхъ, стратегическіе пункты, откуда можно было видѣть мѣстность на далекое разстояніе; а достигнуть этихъ пунктовъ было чрезвычайно важно для тѣхъ, кто шелъ въ степи и имѣлъ намѣреніе слѣдить за движеніями ея обитателей. Здѣсь то, въ пространствѣ, составляющемъ уголъ между низовьями рр. Орели и Ворсклы и Днѣпромъ, находится множество разнаго рода кургановъ и цѣлая система длинныхъ валовъ и рововъ извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *лижи*, — валовъ, аналогичныхъ по характеру своего устройства, мѣстоположенію, формѣ и преданіямъ съ такъ-называемыми въ южной Руси *зміевыми валами* и ведущихъ свое начало изъ отдаленной древности.

Слѣдовательно, стянуть свои войска къ низовьямъ р. Ворсклы, въ мѣстность, обладавшую указанными преимуществами, имѣло полное основаніе. Здѣсь то, въ крѣпкой позиціи и расположенъ былъ, надо полагать, лагерь кн. Витовта ¹⁾. А позиція, занятая Витовтовыми войсками, была, повидимому, довольно прочной: находясь,

¹⁾ Нѣкоторымъ подтвержденіемъ того, что во время похода 1399 г. Витовтъ находился съ лагерьмъ близъ устьевъ р. Ворсклы и что здѣсь также стояли татары Тохтамыша, можетъ служить то, что между м. Переволочной и с. Солошинымъ, на возвышенномъ берегу Днѣпровской долины, находится городище, носящее названію *Тазтайка*, произошедшее, быть можетъ, отъ стоянки татаръ Тохтамыша. Кромѣ того, нѣсколько далѣе, по тому же берегу есть крупное м. *Колемберда*, имѣющее сходство съ именемъ сына Тохтамыша—Керимберда, и ведущее, очевидно, свое происхожденіе отъ послѣдняго.

съ одной стороны, подъ защитой р. Ворсклы и ея нагорныхъ высотъ, прикрываясь затѣмъ р. Днѣпромъ, съ другой, Витовтъ былъ въ сравнительно выгодномъ положеніи, и его не такъ то легко можно было обойти и побѣдить.

Между тѣмъ, Темиръ-Кутлукъ, приблизившійся къ р. Ворсклѣ и освѣдомленный о томъ, что кн. Витовтъ уже на ея берегахъ и въ довольно крѣпкой позиціи, рѣшилъ не нападать на Витовта, а выждать время, пока не подойдетъ къ нему изъ Крыма подкрѣпленія подъ начальствомъ искуснаго полководца Эдигея.

Остановившись въ удобномъ стратегическомъ пунктѣ, Темиръ отправляетъ къ Витовту пословъ съ мирными предложеніями: онъ убѣждаетъ литовскаго князя оставить вражду, такъ какъ онъ идетъ собственно не противъ Витовта, а противъ своего бѣглаго раба, Тохтамыша. „Зачѣмъ ты пошелъ на меня войной,—велѣлъ онъ сказать Витовту,—вѣдь я не трогалъ твоей земли и не бралъ ни твоихъ селъ, ни городовъ?“ Тонъ рѣчи, какъ видно, былъ вполнѣ мирный, даже нѣсколько заискивающей, но ничуть не вызывающей: на порогѣ къ столкновенію врагъ первый присылаетъ пословъ и говоритъ, что онъ, если и идетъ войной, то вовсе не противъ него, Витовта, а противъ своего личнаго врага. Конечно, со стороны Тимура эти переговоры являлись ничѣмъ инымъ, какъ только тонкимъ маневромъ, пущеннымъ въ ходъ, съ одной стороны, съ тою цѣлью, чтобы оттянуть нѣсколько время, пока подойдетъ на помощь другія войска, а съ другой,—чтобы вывѣдать истинное намѣреніе Витовта на счетъ его готовности къ бою. Къ подобнаго рода приѣмамъ прибѣгали, какъ извѣстно, татары и въ 1224-мъ году, когда они, узнавъ о движеніи русскихъ, дважды присылали къ нимъ пословъ съ подобными же мирными предложеніями. Витовтъ, повидимому, не понялъ этого хитраго маневра. Въмѣсто удвоенной осторожности и осмотрительности, Витовтъ, напротивъ, поступилъ крайне опрометчиво и далъ врагу возможность одержать надъ нимъ полную побѣду.

Получивъ такія мирныя предложенія и полагая, что врагъ застигнутъ врасплохъ, и что, наконецъ, настало время дать ему почувствовать свою силу, Витовтъ послалъ Темиру гордый отвѣтъ: „Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли,—сказалъ онъ Темиру,—покорись же и ты мнѣ, и будь моимъ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ; ты будешь давать мнѣ ежегодно опредѣленныя дани и оброки. Если же ты не захочешь покориться мнѣ добровольно, то знай, что станешь моимъ рабомъ, а вся твоя орда будетъ истреблена мечемъ!“

Получивъ такой отвѣтъ Витовта, Темиръ сдѣлалъ видъ, что сильно смущенъ и попросилъ три дня срока для размышленія и окончательнаго отвѣта. Конечно, вся эта процедура переговоровъ была сдѣлана съ цѣлью лишь выиграть время: татары сильно хитрили въ этомъ дѣлѣ, но Витовтъ этого не замѣчалъ; татары нарочно оттягивали время, чтобы дать возможность подойти подкрѣпленіямъ изъ Крыма, а потому старались не раздражать Витовта и не вызывать его на бой.

Между тѣмъ, къ войскамъ Темиръ-Кутлука подошли подкрѣпленія подъ начальствомъ Эдигея, и отношенія татаръ къ Витовту сразу перемѣнились. Хитрый Эдигей рѣшилъ выманить кн. Витовта изъ его крѣпкой позиціи на р. Ворсклѣ и поразить его. По своему обыкновенію, татары опять начинаютъ дѣло съ переговоровъ, но тонъ

последнихъ былъ уже далеко не тотъ, что прежде: онъ былъ дерзкимъ, надменнымъ и вызывающимъ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, помощью которыхъ можно было бы провѣрить эти переговоры, мы не можемъ судить объ ихъ точности, но, судя по общимъ приемамъ степняковъ и ихъ отношеніямъ къ Руси въ другія времена, можно полагать, что переговоры эти переданы близко къ дѣйствительности: они передаютъ намъ о тѣхъ планахъ и стремленіяхъ, какія дѣйствительно имѣлъ Витовтъ относительно татаръ.

Когда истекъ назначенный для отвѣта срокъ, старый мурза Эдигей подѣхалъ къ р. Ворсклѣ и началъ съ Витовтомъ переговоры. „Слыхалъ я,—сказалъ Эдигей,— что ты хочешь взять нашего хана въ сыновья—это правильно: ты—старъ, а онъ—молодъ. Но я, вотъ, старше еще и тебя, такъ что скорѣе тебѣ подобаешь быть моимъ сыномъ и платить мнѣ дани, и клеймо мое класть на литовскихъ деньгахъ!“ Услыхавъ это, Витовтъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ и рѣшилъ тотчасъ же перейти въ наступленіе, къ чему, собственно, и направляли дѣло татары. Дѣло въ томъ, что, находясь на р. Ворсклѣ, Витовтъ былъ въ сравнительно удобной позиціи и его не такъ-то легко можно было побѣдить; не то было бы, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Витовтъ оставилъ свою базу на р. Ворсклѣ и перешелъ въ наступленіе: тогда р. Ворскла, въ случаѣ неудачи, не только не защищала бы его, но сильно стѣсняла, закрывала путь къ отступленію. Планъ татаръ состоялъ, повидимому, въ томъ, чтобы отвлечь Витовта какъ можно дальше отъ рѣки, чтобы тѣмъ легче поразить его въ полѣ, отрѣзавъ пути къ отступленію. Опытный Эдигей искуснымъ маневромъ успѣлъ выманить Витовта въ степи. Притворнымъ страхомъ татары возбудили смѣлость въ войскахъ Витовта, которыя съ яростью бросились на непріятеля и потѣснили его ¹⁾. Отодвигаясь все дальше и дальше въ степи, татары вмѣстѣ съ тѣмъ удаляли и войска Витовта отъ ихъ базы, что, собственно, и составляло главную задачу Эдигеева плана: въ то время какъ одна часть татаръ сражалась съ литовцами и отходила все дальше и дальше въ степь, другая часть въ это время дѣлала глубокой обходъ съ тыла литовскаго войска и, достигши лагеря послѣдняго, обрушилась на татаръ Тохтамыша, охранявшихъ этотъ лагерь, и совершенно ихъ разбила. Видя безвыходность своего положенія, татары Тохтамыша, разграбивъ литовскій лагерь, бросились бѣжать. Участъ осталнаго литовскаго войска была рѣшена: когда татары узнали объ удачно выполненномъ обходѣ, они быстро перешли въ наступленіе и нанесли страшное пораженіе Витовтовымъ войскамъ; стиснутые съ двухъ сторонъ татарской силой, имѣя съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой—глухую степь, литовскія войска не могли выдержать ожесточенно напиравшаго непріятеля и всѣ пали подъ его ударами: спаслись только немногіе, остальное войско легло костями на широкой степи половецкой. Весь обозъ Витовта и его недограбленный лагерь достались въ руки Эдигея и Темира. Самъ Витовтъ едва спасся съ небольшимъ числомъ своихъ приближенныхъ и ушелъ въ Кіевъ. Такъ печально окончился этотъ знаменитый

¹⁾ Интересно отмѣтить, что въ этой битвѣ Витовта съ татарами были пущены въ дѣло пушки и ишталы, но они мало приносили вреда противнику, а только пугали его конвою. Соловьевъ, т. IV; с. 1034.

походъ Витовта за р. Ворсклу, въ которомъ принимало участіе столько войска изъ разныхъ странъ и народовъ.

Мы опредѣлили такимъ образомъ, путемъ приведенныхъ соображеній, приблизительно то мѣсто, гдѣ погибло литовское войско. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ источники, гдѣ трактуется объ указанной битвѣ, говорятъ объ этомъ неясно, въ такихъ общихъ чертахъ, что на основаніи ихъ невозможно опредѣлить болѣе или менѣе точно мѣстоположеніе этого знаменитаго боя. Несомнѣнно, однако, что пораженіе Витовта было столь крупнымъ, столь выдающимся, что остаться безъ всякаго отраженія въ памяти народной, оно, конечно, не могло. Правда, протекшія съ того времени вѣка своими новыми событіями могли сильно исказить или, по крайней мѣрѣ, наложить свой отпечатокъ на воспоминаніе объ этомъ крупномъ событіи, но совсѣмъ изгладить его изъ народной памяти они не были въ состояніи. И вотъ, слабыя, неясныя, блѣдныя тѣни прошлаго, какъ далекое эхо, не вполне отчетливое въ своихъ переливахъ, доносится до нашего времени и, повидимому, можетъ служить путеводною нитью къ разьясненію отошедшаго вглубь вѣковъ прошлаго.

Вотъ преданіе, относящееся къ этой битвѣ, записанное мною въ м. Переволочномъ отъ одной неграмотной старухи, слышавшей его отъ очень стараго, уважаемаго всѣми дѣда: „Кажуть, що Лытва (sic!) колысь хотіла зовсімъ знычтожыть, звесты значить Малороссію, и пишла войною на неи. Такъ Семень-Палій повернувъ діло такъ, що Лытва начала бытыця сама зъ своими: начали рїзацьця другъ з другомъ, и стильки погыбло Лытвы, що изъ ихъ трупівъ насыпали вельку могылу у Переволочной: вона вся повнехенька костьми. Крови, кажуть, во время цѣго сраженія було такъ багацько пролыто, що и съ конемъ сховався бы въ неи. Та могыла, де поховани убыти, называетьця „Плоскою могылою“. Это преданіе, перепутанное, какъ видно, съ другими событіями и другими лицами, сохранило, однако, вѣрную свою основу, а именно: крупное сраженіе Литвы и гибель ея войска отъ какихъ-то несогласій, произошедшихъ въ средѣ этого войска, что, какъ мы знаемъ, и было во время боя 1399 года, когда татары Тохтамышя бросились грабить и избивать своихъ же союзниковъ.

Интересно отмѣтить также, что близъ указаннаго нами мѣста сраженія Витовтовыхъ войскъ съ татарами, находится м. Кишенька, названіе котораго очень подходитъ къ татарскому слову *кешень*, означающему собой *надгробный памятникъ*, и которое могло получить свое имя въ память тѣхъ татарскихъ воиновъ, которые пали во время знаменитаго боя 1399 года. Кромѣ того, въ той же Кишенькѣ, на горѣ, мысомъ выступающей въ рѣчную долину, и на низу, въ самомъ селѣ, есть урочища, носящія названія „мечеть“, что говоритъ о находившихся нѣкогда въ означенныхъ мѣстахъ татарскихъ поселеніяхъ. Мѣстныя преданія, въ свою очередь, полны разказовъ о находившихся здѣсь вблизи татарскихъ и турецкихъ обитателей и остоджковеніяхъ съ ними. Все это еще болѣе склоняетъ насъ къ тому, чтобы признать, что бой Витовта съ татарами въ 1399 году произошелъ близъ низовьевъ р. Ворсклы, на ея лѣвой сторонѣ.

По поводу одной рукописи XVIII ст. въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

В. Е. Данилевича.

Составляя настоящую замѣтку, я не имѣлъ въ виду дать подробное описаніе той рукописи, которой она вызвана въ свѣтъ. Точно также, читатель не найдетъ тутъ какого-либо изслѣдованія этого памятника русской письменности. Цѣль моя гораздо скромнѣе: мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе специалистовъ, имѣющихъ большую возможность использовать заинтересовавшую меня рукопись, на неизвѣстное въ нашей литературѣ рукописное сочиненіе по нумизматикѣ. По недостатку времени, я лично долженъ былъ ограничиться самымъ поверхностнымъ обзоромъ рукописи, не имѣя при этомъ подъ руками необходимыхъ книгъ для сличенія ея данныхъ съ напечатанными уже матеріалами по нумизматикѣ Россіи. Такимъ образомъ, настоящая замѣтка представляетъ только запросъ, отвѣтъ на который я ожидаю получить отъ другихъ нумизматовъ.

Рукопись хранится въ бібліотекѣ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подѣ № 901/1467. Форматъ ея въ полулистъ писчей бумаги. Написана она на хорошей писчей бумагѣ. Она переплетена въ кожу съ золотымъ тисненіемъ. Края листовъ имѣютъ золотой обрѣзъ. Вообще, видъ ея—очень парадный. Она заключаетъ 229 нумерованныхъ страницъ и 14 ненумерованныхъ.

Рукопись носитъ слѣдующее длинное заглавіе ¹⁾: Историческое описаніе | російскихъ медалей | которыя | на высокославныя дѣла ихъ Величествъ | Блаженныя и вѣчнодостоинныя памяти | Государя Императора | Петра Великаго | Государыни Императрицы | Екатерины Алексѣевны | Государя императора | Петра Втораго | то есть | по вступленіе на всероссійскій престолъ | Ея Величества | Государыни Императрицы | Анны Іоанновны | на російскихъ Монетныхъ дворахъ | также | и въ нѣмецкой земли | здѣланны | сочинено... | Монетной Канцеляріи...

Какъ на заглавномъ листѣ, такъ и въ посвященіи фамилія автора тщательно вычищена. Но этотъ трудъ посвященъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, о которой въ текстѣ говорится, какъ о правящей въ данный моментъ государынѣ, а такимъ образомъ и время составленія рукописи опредѣляется половиной XVIII ст.

¹⁾ Каждая строка заголовка мною отдѣлена вертикальной линіей.

На листѣ 1 об. исполнена изящно аллегорическая фигура Россіи съ принадлежностями монетнаго дѣла. Насколько я могу судить, фигура Россіи представляетъ портретъ самой императрицы Елизаветы Петровны. На щитѣ этой аллегорической фигуры изображенъ портретъ императора Петра I, исполненный очень хорошо. Въ текстѣ рукописи имѣется много заставокъ. Кромѣ того, въ ней даны 117 изображеній медалей въ размѣрѣ подлинника каждой изъ нихъ. При этомъ медали изображены съ лицевой и оборотной сторонъ, но надписи на нихъ не воспроизведены. Рисунки медалей сдѣланы замѣчательно тонко и хорошо тушью. На поляхъ рукописи отмѣчено, къ чему относится данное изображеніе медали.

Текстъ рукописи раздѣляется на слѣдующія четыре части: 1) Посвященіе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 2) Предисловіе, 3) Изъясненіе Гридорованной Фигуры, 4) Самое описаніе медалей. Рукопись написана чрезвычайно красивымъ почеркомъ, обнаруживающимъ въ писавшемъ хорошаго каллиграфа.

Въ посвященіи авторъ указываетъ на заслуги императора Петра I и отмѣчаетъ, что по этой причинѣ медали представляютъ особый интересъ, какъ свидѣтельство о разныхъ дѣяніяхъ покойнаго государя. Восхваливъ добродѣтели императрицы Елизаветы Петровны, извѣстныя всему міру, авторъ въ витѣватыхъ выраженіяхъ посвящаетъ ей свой трудъ. Къ дѣяніямъ императора Петра I онъ возвращается и въ предисловіи, при чемъ указываетъ на невозможность изобразить ихъ всѣ, такъ какъ они слишкомъ велики и разнообразны. Четвертая, главная часть рукописи начинается съ описанія медали на рожденіе императора Петра I и оканчивается описаніемъ двухъ медалей на кончину императора Петра II, одна изъ которыхъ сдѣлана въ Германіи. Медали описаны подробно, при чемъ авторъ указываетъ мѣсто чеканки ихъ и объясняетъ, почему бита медаль. Такова въ общихъ чертахъ заинтересовавшая меня рукопись.

Какъ сообщилъ мнѣ бібліотекаръ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. В. Рождественскій въ богатой архивской бібліотекѣ имѣется много обзоровъ, составленныхъ по большей части чиновниками Архива въ XVIII ст. и относящихся къ различнымъ отдѣламъ историческаго знанія. Но другого обзора по нумизматикѣ, кромѣ описаннаго, въ бібліотекѣ Архива не имѣется. Мнѣ лично извѣстно подходящее рукописное сочиненіе по нумизматикѣ только въ бібліотекѣ графа А. С. Уварова. Но оно относится къ болѣе позднему времени и касается иной области нумизматики. Поэтому можно только пожелать, чтобы нумизматы, располагающіе большимъ количествомъ времени и средствъ, подробно изучили эту любопытную рукопись и сравнили изображенныя въ ней медали и описанія ихъ съ тѣмъ печатнымъ и неизданнымъ матеріаломъ, которымъ располагаетъ нумизматическая наука по данному предмету. Кромѣ того, мнѣ думается, что слѣдовало бы издать эту рукопись, такъ какъ въ печатной литературѣ имѣется не такъ много обзоровъ XVIII ст. и по другимъ отраслямъ знанія, а про нумизматику нечего и говорить. Конечно, было бы хорошо воспроизвести при изданіи хотя бы наиболѣе интересныя и удачныя изображенія медалей.

Московский Императорский Комитетъ.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛИ

Московскій Предварительный Комитетъ.

Заботы Московскаго Предварительнаго Комитета направлены были болѣе спеціально на:

1) Открытіе Отдѣленій Предварительнаго Комитета во всѣхъ городахъ южной Россіи.

2) Выработку указаній и программъ, какъ по собиранію свѣдѣній и предполагаемыхъ раскопокъ, такъ и для Выставки, въ особенности по отдѣлу этнографіи, программа для которой была разработана Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ (см. прибавл. № 1).

3) Собираніе свѣдѣній о мѣстныхъ любителяхъ и собирателяхъ древностей и владѣтелей кургановъ.

4) Полученіе отъ владѣльцевъ разрѣшенія производить раскопки въ намѣченныхъ экскурсіями мѣстностяхъ.

5) Собираніе статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской и сосѣднихъ губерній съ привлеченіемъ къ этой работѣ мѣстныхъ Отдѣленій Комитета.

6) На разработку мѣстныхъ Архивовъ (см. Дневники Екатер. Губ. Зем. Управы, труды Терновскаго и во 2 т. Трудовъ Съѣзда статьи А. И. Маркевича, Бѣдниова и П. М. Добровольскаго). Этимъ дѣломъ занялись также, подъ руководствомъ М. В. Довнаръ-Запольскаго, студенты: Паншинъ, Федровскій, Богумиль и Пичета.

7) Распространеніе между землевладѣльцами Записки, составленной по предложенію В. И. Сторожева и направленную на собираніе документовъ, касающихся исторіи помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вв. (см. приб. № 2).

8) Собираніе свѣдѣній о разработкѣ въ древнія времена рудъ въ предѣлахъ Екатеринославской и сопредѣльныхъ съ ней губерній и находкахъ въ рудникахъ каменныхъ орудій и другихъ предметовъ, указывающихъ на пользованіе ими древними насельниками края.

9) Производство химическихъ анализовъ древней бронзы для выясненія соотношеній существующихъ между находками въ могильникахъ разныхъ отдѣльныхъ

частяхъ Россіи. Анализы эти, начатыя въ Екатеринославскомъ Горномъ Училищѣ немедленно по сформированію Екатер. Отдѣленія Предвар. Комитета, не дали, однакоже, иныхъ результатовъ, какъ маленькую статью Лаврскаго (въ т. 1 Трудовъ Екат. Съѣзда, стр. 379).

10) Собраніе свѣдѣній о церквахъ, ризницахъ, дворцахъ и иныхъ памятникахъ южно-русскаго искусства (см. приб. 3, 4, 5, 6, 7, 8, и 9, равно какъ и докладъ Г. Г. Павлуцкаго на Съѣздѣ).

11) Переписку съ учеными, какъ Русскими, такъ и иностранными, съ цѣлью вызвать рефераты на запросы, поставленные Съѣзду.

12) Собраніе свѣдѣній о каменныхъ бабахъ (см. приб. 10—Гр. Уваровой).

13) Производство раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи для выясненій задачъ, поставленныхъ въ основу изслѣдованій Съѣзда (см. т. 1 Трудовъ Съѣзда).

14) Командировку Н. С. Державина для обслѣдованія Болгарскихъ Колоній въ Новороссійскомъ краѣ (см. приб. 11).

15) Переговоры съ В. А. Кордтъ касательно изученія древнихъ картъ, касающихся побережья Чернаго моря и вообще юго-западныхъ предѣловъ Россіи (см. приб. 12).

16) Переписку съ Екатеринославомъ касательно строящагося Музея, устройство въ немъ Выставки и подготовки всего необходимаго, какъ для научной дѣятельности Съѣзда, такъ и помѣщеній для членовъ и остальныхъ подготовленій.

Отдѣленіе Харьковскаго Предв. Комитета.

Отдѣленіе образовалось при Историко-Филологическомъ Обществѣ Харьковскаго Университета. Предсѣдателемъ избранъ Н. Θ. Сумцовъ, секретаремъ Е. К. Рѣдинъ, товарищемъ секретаря В. Е. Данилевичъ. Предположены: 1) Подробное обслѣдованіе городища и могильниковъ въ Салтовѣ. 2) Продолженіе раскопокъ въ сѣверо-западномъ углу Харьковской губ., въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, и въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко. 3) Продолженіе изслѣдованія могильника въ имѣніи Духовскаго, около с. Мервика. 4) Раскопка кургановъ около ст. Дергачи, въ имѣніи Любарскаго. 5) Окончаніе изслѣдованія Донецкаго городища. 6) Изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. 7) Изслѣдованіе городища съ находящимся на немъ могильникѣ въ Лебединскомъ у. 8) Продолженіе раскопокъ въ Купянскомъ у. 9) Командировка пр. М. Г. Халанскаго для изученія народныхъ говоровъ Харьковской губ. по тому же образцу, какъ оно производилось для XII Съѣзда въ Курской губ.; и 10) Продолженіе изученія общественныхъ и частныхъ Архивовъ Харьковской губ.

Занялись раскопками проф. Д. И. Багалъй (см. его отчетъ въ т. 1 Трудовъ), В. Е. Данилевичъ (тамъ же), Е. К. Рѣдинъ съ Е. П. Трифильевымъ, Е. М. Ивановымъ и П. Ефименко (см. приб. № 13) и учит. Бабенко (см. т. 1 Трудовъ Съѣзда). Болѣе полное знакомство съ дѣятельностью Харьковскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, которое относилось къ XIII Археол. Съѣзду съ такой же теплотою и вниманіемъ, какъ къ предыдущему XII, собиравшемуся въ Харьковѣ, получается при

ознакомленіи съ т. 16 Сборника Харьк. Историко-Филологическаго Общества, издавнаго подь названіемъ „Труды Харьк. Комиссіи по устройству XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ“, и съ отдѣльнымъ „Отчетомъ“ той же Комиссіи.

Кіевское Отдѣленіе.

Образовалось при Обществѣ Нестора-Лѣтописца и работало сперва подь предсѣдательствомъ В. З. Завитневича, а впослѣдствіи Г. Г. Павлуцкаго и при секретарѣ В. Г. Ляскоронскомъ.

Постановлено: 1) направить изслѣдованіе на первобытныя древности предстепной полосы южной Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра; 2) обратить вниманіе на окрестности Чигирина, изобилующія разнаго рода древностями, какъ первобытными, такъ и собственно-историческими, и если будетъ возможно, произвести тамъ раскопки; 3) продолжить изслѣдованіе бассейновъ рр. Пела и Хорола по образцу раньше произведенныхъ В. Г. Ляскоронскимъ изслѣдованій въ области р. Сулы; 4) просить В. Е. Гезе заняться раскопками въ области древняго Вышгорода; 5) обследовать (по указанію В. Б. Антоновича) мѣстность между теченіемъ рр. Орела и Ворсклы, въ виду почти полнаго отсутствія о ней археологическихъ изслѣдованій; 6) обследовать (по указанію его же) пограничныя полосы, находящіяся въ южной чертѣ Кіевской губ. и въ сѣверной части Херсонской губ., въ нѣкоторыхъ частяхъ которой (напр. близъ Мигея, при устьѣ р. Синюхи въ Бугѣ) находятся обширныя могильники, своимъ содержимымъ могущіе способствовать выясненію вопроса о типѣ кочевническихъ кургановъ и установленію связи ихъ съ кавказскими (кабардинскими); 7) обследовать (по указанію его же) южную Подолію, въ предѣлахъ между рр. Синюхой и Днѣстромъ, по границѣ Херсонской губ., въ виду почти совершеннаго отсутствія изслѣдованій объ-этомъ краѣ (Балтскій уѣздъ); 8) изслѣдовать (по указанію его же) мегалиты въ указанной выше пограничной полосѣ между Кіевской и Херсонской губ.; 9) обратить (по указанію его же) вниманіе и на находящіяся въ этой мѣстности пещеры; 10) изслѣдовать (по указанію его же) городище майданы, нанести ихъ на карту, установить главные ихъ типы и произвести раскопки траншеями по внутреннимъ площадямъ майдановъ и ихъ валовъ; 11) изслѣдовать (по указанію его же) линію южно-подольскихъ длинныхъ, такъ-называемыхъ „зміевыхъ валовъ“, и ихъ связь съ Кіевскими; 12) назначить, по предложенію Гр. Уваровой, экскурсіи для собраній свѣдѣній объ историческихъ памятникахъ Украины.

Раскопками и изслѣдованіями кургановъ, городищъ, майдановъ, мегалитовъ и зміевыхъ валовъ занялись: В. Г. Ляскоронскій (см. т. 1 Трудовъ Съѣзда), Е. Н. Антоновичъ, С. А. Мазараки, В. В. Хвойко, Н. Ѳ. Бѣляшевскій и Д. М. Щербаковскій (см. приб. 14). Обслѣдованіе историческихъ памятниковъ Украины занялись по преимуществу: Г. Г. Павлуцкій (см. вып. 1 Древностей Украины) и студентъ Щербаковскій, продавшій впослѣдствіи собранныя фотографіи Императорской Археол. Комиссіи.

Одесское Отдѣленіе.

Образовалось изъ Членовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Историко-Филологическаго факультета Новороссійскаго Университета. Предсѣдателемъ избранъ Э. Р. Штернъ, секретаремъ А. И. Маркевичъ.

Отдѣленіе занялось слѣдующими работами:

1) Г. Знойко, по предложенію Комитета, ознакомился съ документами о козачествѣ, хранящимися въ архивахъ г. Одессы.

2) Б. М. Ляпуновъ изслѣдовалъ рукописное Евангеліе XIV вѣка, хранящееся въ О. О. Ист. и Др.

3) Г. Чурчинъ собиралъ свѣдѣнія о сербскихъ колоніяхъ въ архивахъ г. Екатеринослава и Одессы.

4) Э. Р. Штернъ произвелъ раскопки на о. Березани и въ Аккерманской крѣпости. Онъ же съ успѣхомъ продолжалъ раскопки въ Бессарабіи, гдѣ найденъ интереснѣйшій могильникъ съ росписными сосудами (см. т. 1 Труд. Съѣзда).

5) Г. Кордтъ изслѣдовалъ карты Черноморья, хранящіяся въ О. О. Ист. Др.

6) Родзевичъ занимался въ Одесскомъ Ген.-Губернаторскомъ Архивѣ актами и документами касающимися Екатеринославской губ.

7) Комитетъ сдѣлалъ запросъ въ газетахъ относительно каменныхъ бабъ и получилъ слѣдующіе отвѣты:

1) Г. Фроловъ Ив. (Одесса) пишетъ, что видѣлъ каменные бабы въ с. Верх.-Рогаичкѣ, Мелитоп. уѣзда, Тавр. губ., въ имѣніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, въ казенномъ саду и въ саду Бакая, г. Бердянска.

2) Ученики Херсонск. учит. семинаріи А. П. Попачевъ и Евф. Караяновъ пишутъ, что въ с. Мангунѣ Екат. губ., Мариуп. у. имѣется изрядное количество каменныхъ бабъ.

3) Крестьянинъ П. Голубъ изъ м. Никополя, Екатер. губ. пишетъ, что видѣлъ каменные бабы: возлѣ Никополя, въ плавнѣ, у помѣщика Ивана Герцъ, у помѣщика Лемкаря и въ м. Ново-Воронцовкѣ.

Черниговское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета.

Составилось изъ членовъ мѣстной Архивной Комиссіи, которая и занялась собраніемъ свѣдѣній по археологіи края, издала подробную программу съ цѣлью распространенія среди населенія указаній на археологическіе, историческіе и этнографическіе памятники, собраніе которыхъ желательно какъ для предполагаемой выставки при Екатеринославскомъ Съѣздѣ, такъ и вообще для болѣе подробнаго и научнаго изученія Черниговской губ. и въ слѣдующихъ строкахъ изложила свою дѣятельность на пользу Съѣзда:

„По предложенію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, Комиссіей принята на себя организація Черниговскаго Отдѣленія Предварительнаго

Комитета для подготовки къ предстоящему въ 1905 году XIII Археологическому Съѣзду въ Екатеринославѣ.

Въ числѣ запросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе этого Съѣзда, и рекомендуемыхъ особенному вниманію архивистовъ, имѣется такой: „привести въ извѣстность и составить описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣковъ (матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, прихода-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки; мѣсто храненія—старыя дворянскія усадьбы).

Поставивъ себѣ задачей собрать и описать какъ можно больше означенныхъ архивныхъ матеріаловъ, Архивная Комиссія обратилась ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и, по указанію ихъ, ко многимъ изъ дворянъ, съ просьбою доставить Комиссіи подробное описаніе своихъ фамильныхъ архивовъ, или передать свои архивы для изученія и описанія въ Архивную Комиссію. Эта просьба комиссіи вытекала изъ слѣдующихъ соображеній. Семейныя архивы являются хранителями цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ, по которымъ можно изучать правдивую исторію края и взаимныя отношенія предковъ между собою, въ частности же, отношенія ихъ къ крестьянству, другимъ сословіямъ и различнымъ событіямъ мѣстной жизни и государства. Къ сожалѣнію, должно сказать, что эти, иногда вѣками слагавшіеся, архивные фонды, вследствие различныхъ случайностей и превратностей судьбы, весьма часто подвергаются уничтоженію, гибнутъ отъ пожаровъ, продаются на вѣсь, и, такимъ образомъ пропадаютъ безслѣдно для науки. Поэтому, крайне желательно и необходимо изслѣдовать и описать хотя то, что теперь сохранилось.

Помимо этого обращенія, Комиссіей, въ цѣляхъ изученія губерніи къ предстоящему Съѣзду, была составлена особая программа для собиранія свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ по Черниговской губерніи. Программа эта напечатана въ январской книжкѣ „Земскаго Сборника“ за 1903 годъ, издана отдѣльными оттисками, въ количествѣ 1900 экземпляровъ, напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и разослана дворянамъ, духовенству, народнымъ учителямъ, земскимъ врачамъ и ветеринарамъ, страховымъ агентамъ и проч. съ просьбою сообщить Комиссіи свѣдѣнія хотя по одному изъ отдѣловъ программы. На это приглашеніе за отчетное время послѣдовало въ общемъ немного отвѣтовъ. Полные отвѣты на всѣ вопросы программы могли бы дать богатый матеріаль для составленія особыхъ трудовъ по изученію губерніи къ предстоящему Съѣзду, и главнѣйше—матеріаль для составленія археологической карты Черниговской губерніи. Какъ извѣстно, наука до сихъ поръ не знаетъ такой карты, хотя рѣчь о ней поднималась давно и неоднократно, въ видѣ вопросовъ и запросовъ на ученыхъ Съѣздахъ. Теперь, въ распоряженіи Комиссіи имѣются двѣ карты—Новозыбковскаго и Суражскаго уѣздовъ, составленныя членомъ комиссіи П. М. Еременко. Матеріаль для карты Глуховскаго уѣзда, отчасти собранъ и подготовленъ имъ же. Собираніемъ и группировкой свѣдѣній по Мглинскому уѣзду занятъ членъ Комиссіи С. А. Гатцукъ. Къ этому можетъ быть присоединена еще карта Черниговскаго уѣзда—трудъ Н. А. Константиновича, конечно,

съ новыми добавленіями, если таковыя окажутся. Остальные же десять уѣздовъ составляютъ пока неначатое искомое дѣло Комиссіи.

Въ число задачъ, намѣченныхъ въ программу дѣятельности Черниговскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, входитъ еще составленіе указателей научныхъ матеріаловъ по исторіи, археологій и этнографіи, имѣющихся въ мѣстныхъ органахъ печати, какъ нынѣ дѣйствующихъ, такъ и тѣхъ изъ нихъ, которые прекратили свое существованіе. Старѣйшій изъ этихъ органовъ—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, начало изданія которыхъ восходитъ къ 1838 году. Къ сожалѣнію, при составленіи указателя къ нимъ встрѣтились непредвидѣнныя и серьезныя затрудненія. Чуть-ли не единственный (и то не полный) экземпляръ Губернскихъ Вѣдомостей, переданный въ Комиссію изъ архива губернскаго правленія, оказался совершенно испорченнымъ: за нѣкоторые годы вырвана почти вся неофициальная часть. Попытки подыскать другой, болѣе исправный экземпляръ, не увѣнчались пока успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, Комиссія все-таки рассчитываетъ закончить свой трудъ—начать уже указатель къ Губернскимъ Вѣдомостямъ; указатель къ—„Черниговскимъ Епархіальнымъ Извѣстіямъ“ уже составленъ протоіереемъ церкви с. Случевска, Стародубскаго уѣзда, о. Іоанномъ Жигуновымъ и ожидаетъ редакціи; указатель къ „Земскому Сборнику“ также составленъ членомъ комиссіи И. Е. Коноваломъ и ожидаетъ печати. Остаются еще два указателя къ „Запискамъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета“, и къ „Черниговскому Листку“, составленіе коихъ стоитъ въ зависимости отъ возможности имѣть полные экземпляры изданій“.

Историко-филологическое Общество при институтѣ кн. Безбородко приступило къ описанію дѣлъ Архива Братства нѣжинскихъ грековъ и Греческаго Магистрата, за время XVIII—XIX вв., важнаго для исторіи Нѣжинской греческой общины.

Полтавское Отдѣленіе Комитета.

Состояло также изъ Полтавской Архивной Комиссіи, которая признала своимъ долгомъ принять посильное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ предстоящему Археологическому Съѣзду, но, открытая только осенью 1903 года, Комиссія не могла при началѣ своей собственной дѣятельности найти ни людей, ни средствъ для осуществленія тѣхъ задачъ, которыя намѣчались Съѣздомъ и только къ началу 1905 г. обстоятельства, обусловливавшія до того времени слабое движеніе въ Архивной Комиссіи вопросовъ, касающихся Съѣзда, существенно измѣнились и только тогда оказалось возможнымъ заняться, уже ранѣе намѣченнымъ обслѣдованіемъ *козацкихъ стѣч* въ предѣлахъ губерніи, изысканіемъ *каменныхъ бабъ* и образовать экспедицію для собранія свѣдѣній по *памятникамъ церковной архитектуры*, по части которой собрано довольно значительное количество фотографій, которыя будутъ использованы при изданіи Украинскихъ древностей.

Донское Отдѣленіе Комитета.

Осталось и на время подготовительныхъ работъ по Екатеринославскому Съѣзду въ томъ же составѣ, въ какомъ оно было во время Харьковскаго Съѣзда и состояло

и за новое трехлѣтіе подѣ покровительствомъ Войскового Наказнаго Атамана Войска Донскаго и подѣ предсѣдательствомъ Старшаго Помощника по гражданской части, Генераль Лейтенанта А. М. Грекова, при чемъ все дѣлопроизводство отдѣленія сосредоточивалось, какъ и прежде, въ Комиссіи по устройству Донскаго Музея, члены и сотрудники которой состояли и ближайшими исполнителями обязанностей Отдѣленія.

Комиссія эта, не располагая особенными средствами и не имѣя въ особенности членовъ расположенныхъ и имѣющихъ возможность посвятить свое время наукѣ, сосредоточила свои силы на собранія свѣдѣній по древностямъ Донской Области, при чемъ зарегистрировало уже свыше 30-ти городищъ, изъ которыхъ многія очень значительны, какъ, напр., Рыгинское, (занимающее болѣе 90 десят.), на правой сторонѣ Донца, близъ ст. Каменской, Семикаракорское на Дону, Дурновское на Бузулукѣ и друг. равно какъ и обширныя стоянки съ остатками каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ—на песчаныхъ розсыпяхъ въ юртахъ станицъ Нижне-Кундрюческой на Донцѣ, Есауловской и Вешенской на Дону, Слащевской на Хопрѣ и друг.

Воронежское Отдѣленіе.

Сосредоточилось также при Воронежской Архивной Комиссіи, которая занялась составленіемъ плана раскопокъ по губерніи, собраніемъ свѣдѣній о Маяцкомѣ, близъ Дивногорскаго монастыря, Коротоякскаго уѣзда, и Хозарскаго, близъ гор. Воронежа городищахъ. Комиссія обратила также вниманіе на окрестность села Шалаева, Валуйскаго уѣзда, близъ р. Оскола, гдѣ обнаружена стоянка каменнаго вѣка (см. приб. 15).

Курская Архивная Комиссія.

Доставила Предварительному Комитету свѣдѣнія о *каменныхъ бабахъ*, имѣющихся въ губерніи.

Таврическая Архивная Комиссія.

Занялась собраніемъ матеріала для составленія археологической карты губерніи и благодаря художнику Ружицкому собрала подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія и хорошія фотографіи и рисунки съ *каменныхъ бабъ*, сохранившихся въ губерніи.

Екатеринославское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета.

XIII Археологическій Съѣздъ былъ созванъ въ гор. Екатеринославѣ на основаніи тѣхъ дружныхъ заявленій, которыя были получены отъ мѣстнаго Губернатора Гр. Келлера (см. приб. № 16), Губ. Предводителя Дворянства М. И. Миклашевскаго,

Городского Головы А. Толстякова, Предсѣдателя Губ. Земской Управы М. В. Родзянко, Предсѣдателя Уѣздной Зем. Управы С. А. Бродницкаго, Научнаго Общества и Статистическаго Комитета.

Отдѣленіе Предвар. Комитета сформировалось при дѣятельнѣйшемъ и просвѣщенномъ участіи графа Келлера, подъ Предсѣдательствомъ М. И. Миклашевскаго и при участіи представителей всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій. Отдѣленіе занялось а) собираніемъ свѣдѣній по древностямъ края, которыя однакожь впоследствии не были собраны по всей губерніи, а главное не были обработаны для Съѣзда; б) переговорами о дозволеніи раскопки одного изъ огромнѣйшихъ кургановъ края, находящагося на частной землѣ, принадлежащей графу Брунето д'Юссо, но къ сожалѣнію переговоры эти не привели ни къ какому результату; в) переговорами съ Уѣздными Управы по вопросу о собираніи для Выставки Съѣзда этнографическихъ коллекцій, на что всѣ Уѣздныя Земства отпустили, помимо разныхъ предметовъ и нѣкоторыя денежныя средства; г) оказаніемъ содѣйствія студентамъ, командированнымъ по рекомендаціи М. В. Довнаръ-Запольскаго для изученія мѣстныхъ Архивовъ; д) выработки программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, которая и распространена по губерніи (см. Приб. 17) и приглашеніемъ учителя Верхно-Салтовскаго училища, Харьковской губ., В. А. Бабенко, уже порабатывшаго для Харьковскаго Съѣзда, для объѣзда губерніи съ этнографическими цѣлями, разбора полученнаго по этой части коллекцій, разстановки ихъ въ Музей и составленія имъ каталога, что и было вполне удовлетворительно исполнено В. А. Бабенко.

Епископъ Екатеринославскій Преосвященный Сумеонъ отнесся къ задачамъ Съѣзда съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и не только согласился на то, чтобы Д. И. Эварницкому было дозволено объѣхать церкви и указать духовенству на предметы желательные для Выставки, не только чтобы для всѣхъ этихъ древностей было приготовлено помѣщеніе въ строящемся Музеи имени А. Н. Поля, но даже отпустилъ нѣкоторую сумму денегъ на изготовленіе витринъ для этихъ предметовъ, что дало возможность обставить отдѣлъ Церковныхъ Древностей на Выставкѣ такъ, какъ подобныя Отдѣлы должны были бы всегда быть обставлены.

Главными же дѣятелями по работамъ касающихся задачъ Съѣзда были: Предсѣдатель Губ. Зем. Управы М. В. Родзянко, Предсѣдатель Уѣздной Екатер. Зем. Управы С. А. Бродницкій и Д. И. Эварницкій. Благодаря энергіи перваго къ Съѣзду выстроился въ Екатеринославѣ Музей имени А. И. Поля; второму обязанъ Съѣздъ всею внѣшней обстановкой Съѣзда и самыми теплыми и постоянными заботами о благосостояніи членовъ, и спокойствіи о благополучномъ теченіи занятій Съѣзда; третьему — неослабными работами въ продолженіе всѣхъ трехъ лѣтъ подготовительныхъ работъ къ Съѣзду, обследованію всей губерніи по части собиранія церковныхъ и частью — владѣльческихъ древностей и раскопокъ кургановъ, что послужило матеріаломъ для заполненія новоотстроеннаго Музея и заставило Членовъ Съѣзда забыть о бездѣятельности остальныхъ членовъ Екатеринославскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета. Каталогъ собраннымъ коллекціямъ составленъ А. А. Скрыденко.

Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ на предстоящемъ въ 1905 г. въ г. Екатеринославѣ XIII Археологическомъ Съездѣ.

Предварительныя замѣчанія.

На XIII Археологическомъ Съездѣ будутъ выставки по предметамъ Съезда и между прочимъ, этнографическая — изъ предметовъ, собранныхъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Харьковской, Воронежской, Черниговской, Курской, Полтавской и областей: Донской, Кубанской и Терской и Ставропольской губерніи.

Цѣль этнографической выставки: 1) сохранить для науки тѣ предметы народнаго быта, которые выходятъ изъ употребленія подъ давленіемъ современной цивилизаціи, 2) опредѣлить различныя бытовыя переживанія, 3) выяснитъ пункты взаимодѣйствія различныхъ историческихъ культурныхъ и національныхъ вліяній, 4) выяснитъ отраженіе мѣстной природы въ обстановкѣ быта и 5) представить въ наибольшей полнотѣ обслуживаемую Съездомъ область, чтобы при соответствующихъ условіяхъ превратить этнографическую выставку въ постоянное мѣстное учрежденіе — Этнографическій Музей — въ родѣ тѣхъ, которые существуютъ въ нѣкоторыхъ русскихъ и во многихъ европейскихъ городахъ, гдѣ они высоко цѣнятся, какъ научныя и образовательныя учрежденія.

Собирателямъ предоставляется полная свобода въ выполненіи той или другой части программы или даже отдѣльныхъ пунктовъ ея, въ зависимости отъ личныхъ наклонностей, мѣстныхъ и другихъ условий.

Программа дана краткая. Въ случаѣ надобности, могутъ быть предложены болѣе подробныя указанія. Въ кругъ наблюденій, изученій и собираній можетъ быть вносимо и не отмѣченное въ предлагаемой программѣ. Весьма желательно содѣйствіе общества, учреждений, и частныхъ лицъ въ дѣлѣ осуществленія предметной программы.

Для выставки нужны прежде всего и больше всего образцы предметовъ; очень важно также имѣть модели, рисунки, фотографіи, чертежи, планы и т. п. О каждой вещи должно быть непременно указано, откуда она взята, а также по возможности имя лица, которому она принадлежала, имя мастера, который ее дѣлалъ. Если вещь привозная то — откуда она зашла въ данную мѣстность. Точно такъ же необходимо обозначать, готовится ли вещь для собственнаго употребленія, по чьему-либо личному заказу или для рынка. При представленіи коллекцій желательно имѣть точное описаніе ихъ, съ соблюденіемъ точной нумераціи въ описаніи и на вещахъ, съ сохраненіемъ мѣстныхъ терминовъ для названія предметовъ и ихъ частей, а также поясненія какъ къ этимъ терминамъ, такъ и къ употребленію предметовъ въ семейной, обрядовой и всякой другой обстановкѣ. Желательно также имѣть описанія

предметовъ, хотя-бы и не представленныхъ къ выставкѣ, особенно съ иллюстраціями, какъ научный матеріалъ.

При собираніи предметовъ особое вниманіе нужно обращать на то что, сохранило еще черты архаическаго быта, а также и на то, что даетъ болѣе или менѣе типичное представленіе о приемахъ и формахъ народнаго искусства (вышивки, планки, рѣзба по дереву, орнаменты и композиція гончарныхъ издѣлій и т. п.); при этомъ надо имѣть въ виду, что въ научномъ отношеніи заслуживаютъ вниманія и предметы, лишеныя художественнаго достоинства.

Кромѣ предметовъ, ихъ описаній и иллюстрацій, желательно имѣть самостоятельныя изслѣдованія и матеріалы по вѣрованіямъ, обрядамъ, семейному и общественному быту, обычному праву, матеріальной культурѣ, языку, словесному творчеству, танцамъ, музыкѣ и пѣнію. При этомъ очень важно имѣть рисунки и фотографіи, изображающія типы населенія, сцены изъ его жизни, особенно обрядовой, виды мѣстностей, населеній и строеній, народныхъ пѣвцовъ, рассказчиковъ, хороводы, вечеринки и т. п. собранія для развлеченій; записи словесныхъ произведеній должны быть сдѣланы съ обозначеніемъ удареній и возможно точнымъ соблюденіемъ народнаго говора; записи музыкальныхъ мелодій желательны при помощи фонографа, а также, за отсутствіемъ послѣдняго, и въ обычной нотной передачѣ по слуху; записи танцевъ должны сопровождаться описаніями и чертежами фигуръ танцевъ и различныхъ движеній.

Въ обширномъ районѣ, намѣченномъ въ программѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе не только на крупныя этнографическія единицы, но и на болѣе мелкія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди довольно однообразнаго русскаго населенія (великорусскаго или малорусскаго) обнаруживаются загадочныя русскіе оазисы — села, съ населеніемъ болѣе рослымъ, болѣе красивымъ, съ особыми привычками, съ своеобразными чертами въ одеждѣ. Нужно ихъ отмѣтить, описать, разъяснить, по возможности собрать относящіяся сюда архивныя данныя и, если не окажутся на мѣстѣ соответствующіе сотрудники, изучить при посредствѣ командировки специалистовъ.

Кромѣ того представляется важнымъ изученіе слѣдующихъ нерусскихъ народностей, поселившихся въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: 1) *Екатеринославской*: а) нѣмцевъ-колонистовъ въ уѣздахъ—Екатеринославскомъ, Александровскомъ, Верхнеднѣпровскомъ, б) потомковъ грековъ и албанцевъ, вызванныхъ въ 1797 г., в) слѣдовъ переселенцевъ съ острова Минорки въ 1783 г., г) сербовъ, волоховъ, молдаванъ, болгаръ, черногорцевъ; въ Славяносербскомъ и другихъ уѣздахъ, д) грековъ, переселившихся изъ Крыма въ XVIII вѣкѣ и Анатолиі въ 1-й четверти XIX в., е) поляковъ въ Александровскомъ, Бахмутскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ, ж) турокъ, цыганъ и еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; 2) *Таврической*: татаръ, болгаръ, нѣмцевъ; 3) *Области войска Донскаго*: калмыковъ; 4) *Херсонской* губ.: потомковъ сербовъ, переселившихся въ XVIII вѣкѣ (въ уѣздахъ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ), черногорцевъ, венгровъ, молдаванъ, грековъ, нѣмцевъ, еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, слѣдовъ потомковъ шведовъ, переселенныхъ съ острова

Даго въ 1783 г.; 4) *Ставропольской губерніи*: калмыковъ, ногайцевъ, трухменъ; 5) *Кубанской Области*: остатковъ черкесскихъ племенъ.

Наконецъ отдѣльный вопросъ представляетъ изученіе раскольниковъ и сектантовъ особенно въ бытовомъ отношеніи.

Такъ какъ не всѣ означенныя выше народности изучены антропологически, то весьма желательно, чтобы спеціалисты занялись и антропологическими изслѣдованіями.

Надѣясь на содѣйствіе земствъ, Статистическихъ Комитетовъ, мѣстныхъ ученыхъ Обществъ, Архивныхъ Комиссій и другихъ учреждений, Екатеринославскій Предварительный Комитетъ по устройству Археологическаго Съѣзда разсчитываетъ еще на просвѣщенное содѣйствіе частныхъ лицъ, при чемъ онъ предполагаетъ принять на себя расходы по собиранію и пріобрѣтенію предметовъ, по ближайшемъ ознакомленіи съ ними.

Всѣ сообщенія, замѣчанія, соображенія, предметы, фотографіи, рисунки и другіе матеріалы просятъ доставлять въ Екатеринославъ въ Предварительный Комитетъ по устройству XIII Археологическаго Съѣзда.

Предметная программа.

Собраніе напечатанныхъ мѣстныхъ этнографическихъ изслѣдованій, статей и матеріаловъ (въ порядкѣ хронологическомъ и топографическомъ), а также рукописныхъ. Систематическіе указатели какъ къ собраннымъ, такъ и вообще къ существующимъ изданіямъ и рукописямъ.

Портреты и біографіи по изданіямъ исторіи, археологій и этнографіи края.

Карты географическія, этнографическія, историческія, промысловыя, школьныя и другія, старинныя строительныя планы и чертежи, наглядныя діаграммы различныхъ показаній въ различныхъ проявленіяхъ жизни изслѣдуемыхъ народностей въ районѣ губерній, указанныхъ въ предварительныхъ замѣчаніяхъ.

Предметы быта: Общее положеніе поселенія. Его отношенія къ рѣкѣ, пруду и проч. Планы поселенія. Типичная группировка хозяйственныхъ построекъ. Виды и планы отдѣльныхъ дворовъ и мѣстныхъ построекъ: хаты, амбаровъ, амшанниковъ, куреней, бань (гдѣ онѣ имѣются) — съ объяснительными указаніями матеріала и способа постройки. Крыша. Печь. Полъ. Окна. Названія всѣхъ частей хаты и другихъ построекъ.

Рисунки рѣзбы на деревѣ (снаружи и внутри хаты) на сволокѣ, дверяхъ, мысникѣ, ставняхъ, конькахъ, на воротахъ, дугахъ, полкахъ (бирки-палки для счета и др.), челнахъ. Надписи на сволокахъ въ хатахъ.

Мебель и посуда—въ образцахъ, моделяхъ, рисункахъ и фотографіяхъ. Скрыни, повозки. Сани. Упряжь. Челноки. Прялки, гребни и другіе промысловые инструменты, употребляемые при работѣ въ домѣ. Музыкальные инструменты (судки, сопилки, бандуры, лиры и др.). Мѣстные мѣры и вѣсы, условные знаки и записи у неграмотныхъ.

Образцы, модели, рисунки и описанія всѣхъ каменныхъ, деревянныхъ и желѣзныхъ предметовъ; употребленіе каменныхъ или деревянныхъ вмѣсто желѣзныхъ и наряду съ ними.

Народная механика: тереза, журавель, безминъ, колещата, коловоротъ для взвѣшивания, вытягиванія ведеръ изъ колодца и проч.

Всѣ приемы и предметы для добыванія и поддержанія огня (кресало, губка и кремень, каганецъ, щипцы для сальныхъ свѣчей стараго времени, треноги, кабица и др.). Повѣрья и обычаи, связанные съ огнемъ.

Всѣ предметы и приемы охоты и рыболовства. Мѣстныя названія звѣрей, птицъ, рыбъ, орудій и снастей и пр. Повѣрья и обычаи охотниковъ и рыбаковъ.

Предметы, характеризующіе приемы мѣстнаго скотоводства и овцеводства. Обстановка табунщика и чабана. Какъ пользуются молокомъ, шерстью и т. д. Повѣрья и обряды, связанные со скотоводствомъ. Народная ветеринарія.

Земледѣліе. Названія хлѣбныхъ растений. Время и способы вспашки поля. Способъ вымолота зерна. Земледѣльческія орудія. Вѣнки, „Спасова борода“ и другіе обряды. Фотографіи земледѣльческихъ работъ въ послѣдовательныхъ фазахъ.

Садоводство, огородничество, виноградарство, табаководство.

Пчеловодство. Какіе улья употребляются. Уходъ за пчелами. Употребленіе меда и воска. Восковыя свѣчи домашняго приготовленія. Фотографіи типичныхъ пасѣкъ и уликовъ.

Мирошничество. Ручныя мельницы. Рисунки водяныхъ, вѣтряныхъ и др. мельницъ. Сукновальни. Мѣстныя названія всѣхъ составныхъ частей. На какихъ условіяхъ производился прежде и производится теперь помолъ зерна. Опыты улучшенія. Жизнь мирошника.

Гончарное производство. Какъ добываютъ глину, выжигаютъ и наводятъ полуду. Описаніе производства. Рисунки гончарнаго станка и печи. Мѣстное употребленіе кирпича. Коллекція мѣстныхъ гончарныхъ издѣлій (по одному экземпляру, съ объясненіями). Изразцы. Черепица. Сбытъ товара.

Образцы и модели предметовъ, фотографіи и описанія народныхъ промысловъ бондарства, коцарства и ткацкаго производства вообще (плахтъ, поясовъ и т. д.) шевства, выпаливанія угольевъ, ковальства (кузнечнаго ремесла), лымарства (изготовленія сѣделъ и т. п.), изготовленія дугъ, колесъ, телѣгъ и проч., съ указаніемъ хода работъ, инструментовъ и способовъ сбыта. Коллекціи мѣстныхъ красокъ. Излюбленные цвѣта.

Пища и напитки, употребляемые нынѣ въ будни и въ праздники, особенно въ связи съ обрядами. Остатки старины въ ѣдѣ. Выходящія изъ употребленія кушанья и напитки (журъ, бублики, сладены, старинныя настойки и проч.). Реценты приготовленія. Мѣстное употребленіе пряностей (шафрана, имбиря, перца и пр.). Недозволенная пища. Распредѣленіе пищи по сезонамъ.

Всѣ части одежды мужской и женской, праздничной и будничной, при обрядахъ. Головные уборы. Ожерелья. Запястья. Кольца. Пояса. Обувь. Вышивка и мережки. Плахты. Коцы. Килимы (характерные для данной мѣстности—по одному или

нѣскольку экземпляровъ). Для коллекціи костюмовъ, въ крайнемъ случаѣ, можно ограничиться изготовленіемъ куколъ, въ полномъ и точномъ національномъ одѣяніи разныхъ половъ и возрастовъ.

Предметы, фотографіи и описанія, характеризующія семейный бытъ въ различные моменты жизни человѣка: роды (колыбель), крестины (предметы „на зубокъ“), воспитаніе дѣтей (соски, рожки, игры, игрушки, развлечения), жизнь молодежи до брака, (собранія молодежи, подарки, талисманы, игры, развлечения), бракъ, хозяйство въ большой и малой семьѣ (родовые знаки), смерть и погребеніе.

Суевѣрія и гаданія (обстановка, гадалыцики, коллекціи гадальныхъ книгъ и т. п.). Народная медицина. Лики (лѣкарства домашняго приготовленія). Талисманы, амулеты, ладонки, старинные грудные крестики и иконки. Случаи вырѣзыванія знаковъ на тѣлѣ (татуировка), какіе, чѣмъ и когда знаки вырѣзываются. Рукописные лѣчебники (травникъ или зелейники). Собраніе заговоровъ.

Предметы, фотографіи и описанія, характеризующія различные народные и христіанскіе праздники (святки, масленицу, веснянки, Пасху (писанки), красную горку, Троицу, Ивана Купала и т. д.), священныя мѣста почитанія (рощи, озера, колодцы), а также все, что имѣетъ отношеніе къ исторіи и бытованію народнаго театра (вертепъ съ его принадлежностями, тексты піесъ и т. д.). Народный календарь. Базаръ. Ярмарки. Сношеніе съ городомъ.

Планы, рисунки и фотографіи старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ и мѣщанскихъ домовъ, мебели, оружія. Старинные портреты и рисунки. Свѣдѣнія о мѣстныхъ семейныхъ архивахъ.

Слѣды казачества въ современномъ быту народа.

Приб. № 2.

Записка В. Н. Сторожева.

Имѣю честь предложить Императорскому Московскому Археологическому Обществу нижеслѣдующій запросъ, который желательно двинуть въ виду подготовительныхъ работъ для XIII Археологическаго Съѣзда. „Привести въ извѣстность и составить описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка (матеріалъ хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ отчетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, приходорасходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки; мѣсто храненія—старыя дворянскія усадьбы)“.

Изученіе хозяйственной исторіи Россіи вообще и въ частности исторіи сельскаго хозяйства — изученіе, поставленное на строго научныя основанія,—едва начато въ нашей наукѣ; любопытно, что и въ данной области, какъ то было ранѣе при изученіи русскаго юридическаго быта, смѣлое и порою нѣсколько безпочвенное теоретическое построеніе, предшествуетъ тщательному собиранію, описи и анализу историческихъ источниковъ. Явленіе, извинительное для 40-хъ, 50-хъ годовъ прошлаго

вѣка, представляется непростительнымъ для начала XX вѣка, когда, казалось бы, долженъ былъ доминировать элементъ сознательнаго научнаго творчества и отсутствовать стихійная случайность или наивная любознательность одиноко поставленной въ своей работѣ личности. Капитальнымъ вопросомъ хозяйственной исторіи Россіи, научная цѣнность котораго соперничаетъ съ его практическимъ интересомъ, является паденіе крѣпостнаго крестьянскаго труда, созданное актомъ 19 февраля 1861 года и, въ свою очередь, создавшее рядъ безчисленныхъ послѣдствій, съ которыми считается современная русская дѣйствительность и въ которыхъ отчасти призваны разобратъся недавно организованные сельскохозяйственные комитеты. Не думаю, чтобы мнѣ надо было тратить слова для доказательства того, что въ нашей наукѣ вопросъ о причинахъ паденія крѣпостнаго крестьянскаго труда надо признать очереднымъ и что послѣднее никакъ не можетъ быть изъясняемо исключительно смѣною однѣхъ идей другими. Вопросъ объ *экономическихъ* причинахъ паденія крѣпостнаго права занимаетъ теперь преимущественное вниманіе изслѣдователя; съ особенною рѣшительностью и силой его ставятъ въ современной литературѣ Н. А. Рожковъ и П. Б. Струве, хотя не имъ принадлежитъ пріоритетъ формулировки указаннаго построенія. Экономическая подкладка крестьянскаго вопроса сознавалась уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, а современные изслѣдователи тщетно препираются между собою на тему: слѣдуетъ ли искать основную причину паденія крѣпостнаго права въ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства или же въ условіяхъ обрабатывающей промышленности. Въ настоящее время спору, отъ разрѣшенія котораго въ опредѣленномъ смыслѣ зависитъ все движеніе нашей науки, грозитъ мучительная пріостановка, такъ какъ ничего не дѣлается для сохраненія, описанія и обработки основныхъ источниковъ по исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Источники эти — документальное богатство старыхъ дворянскихъ усадебъ: матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, приходорасходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки. Это именно такого рода матеріаль, которымъ мало дорожили, не понимая его цѣны, дворянскіе землевладѣльцы второй половины прошлаго вѣка; это матеріаль по преимуществу статистическій, его сухія цифры отжившаго хозяйства мало говорили уму и сердцу дворянскаго землевладѣльца пореформенной эпохи, порою съ презрѣніемъ смотрѣвшаго на земледѣліе и равнагося къ другимъ отраслямъ народной экономіи получавшимъ съ момента реформы широкое развитіе. Драгоцѣнные для науки источники, не возбуждая ничьего просвѣщеннаго вниманія, гибли массами, и если теперь немедленно и горячо не приняты за ихъ спасеніе, то мы непристойно потеряемъ возможность строго-научнаго изученія прошлыхъ судебъ сельскаго хозяйства, находившагося въ рукахъ нашего помѣстнаго дворянства. Пусть же новые представители стараго дворянства, усидѣвшіе на своихъ прародительскихъ гнѣздахъ, вновь окажутъ наукѣ крупныя услуги, вспомнивъ труды представителей своего сословія по части науки и литературы въ первой половинѣ XIX вѣка! Предлагаемый запросъ считаю не только очереднымъ, а даже *экстреннымъ* по своему положенію въ текущей дѣйствительности. Экстренность его, по моему мнѣнію, двоякаго рода: во-первыхъ, надо

спѣшить съ поисками и спасеніемъ этого въ подавляющихъ размѣрахъ статистическаго источника, ибо въ противномъ случаѣ намъ грозитъ постыдный жребій потерять все или почти все, а во-вторыхъ,—желательно спѣшить именно теперь, въ минуты областного оживленія въ сторону нуждъ и задачъ нашего сельскаго хозяйства. Ничто такъ не помогаетъ болѣе объективному, спокойному обсужденію и живому пониманію той или другой вещи въ современности, какъ глубокое проникновеніе въ ходъ ея закономернаго историческаго развитія. Кто не знаетъ, какъ бурно и страстно, а потому порою и слѣпо, обсуждался въ нашей литературѣ вопросъ о крестьянской общинѣ, сколько странныхъ, странностей наговорено было и противниками и сторонниками, часто видными представителями литературы, но гораздо лучше знавшими толкъ въ тонкихъ построеніяхъ Гегелевой схемы, нежели въ историческихъ судьбахъ общины въ своемъ отечествѣ, обратившей на себя вниманіе *русскихъ* благодаря указанію *иностраннаго* барона! Пусть опытъ прошлаго насъ чему-нибудь научить, не будемъ ждать пріѣзда въ нашу Россію иностраннаго барона, который бы искуснымъ почеркомъ своего пера сталъ указывать: „господа у васъ въ старыхъ дворянскихъ усадьбахъ есть кой-гдѣ драгоценный матеріалъ; соберите же его, изучите: онъ способенъ подарить насъ, европейцевъ, любопытными построеніями для схемы хозяйственной эволюціи европейскихъ государствъ“...

Позволяю себѣ повторить еще разъ: необходимо приняться за указанную работу, собрать возможно болѣе или свѣдѣній о матеріалѣ, или самого матеріала и, наконецъ, описать его по *однообразной* программѣ. Я готовъ, какъ членъ Предварительнаго Комитета Съѣзда, взять на себя трудъ разработки присланнаго матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что къ подобной работѣ примкнутъ многіе представители современной русской науки, и уже въ настоящее время является возможнымъ предложить вниманію общую программу проектируемыхъ изслѣдованій, составленную приватъ-доцентомъ Московскаго Университета Н. А. Рожковымъ и любезно предоставленную авторомъ въ мое распоряженіе для настоящей записки. Вотъ 22 основныхъ вопроса этой программы:

- „1) Какъ велики размѣры даннаго имѣнія?
- 2) Какова относительная величина барской и крестьянской (т.-е. находящейся въ пользованіи крестьянъ) земли?
- 3) Каково распределеніе земли по угодьямъ (усадебная земля съ огородами и конопляниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгонъ) у барина и у крестьянъ?
- 4) Сколько крестьянъ въ имѣніи и каковы размѣры ихъ надѣловъ?
- 5) Сколько дворовыхъ имѣлось въ былое время въ имѣніи?
- 6) Существуютъ ли передѣлы крестьянской земли, и если существуютъ, то какъ часто?
- 7) Степень примѣненія барщины и оброка въ былое время въ имѣніи.
- 8) Употреблялись ли вольнонаемные рабочіе въ имѣніи, и если да, то изъ мѣстныхъ ли крестьянъ или изъ другихъ уѣздовъ или губерній?
- 9) Нѣтъ ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или

у постороннихъ за деньги или за отработки на барской пашнѣ и на условіи исполъщицы (изъ половины или вообще изъ какой-либо доли урожая)?

10) Нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и крестьянъ?

11) Какіе хлѣба сѣялись, въ какомъ количествѣ и какъ густо?

12) Какова урожайность разныхъ хлѣбовъ?

13) Какія употреблялись земледѣльческія орудія?

14) Не сѣялись ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимощеевка)?

15) Какъ и въ какомъ количествѣ сбывались продукты земледѣльческаго производства бариниомъ и крестьянами?

16) Что, гдѣ и въ какомъ количествѣ покупалось бариниомъ и крестьянами для употребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цѣлей?

17) Каковы были размѣры оброковъ и степень тяжести барщины?

18) Нѣтъ ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если да, то имѣлись ли при этомъ въ виду собственное потребленіе или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначался ли для скупщика? Въ послѣднемъ случаѣ не было ли раздачи сырья въ долгъ скупщиками?

19) Не было ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки?

20) Не было ли въ имѣніи эксплуатаціи какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предпріятій (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если да, то крестьяне того же помѣщика на нихъ работали или посторонніе, на какихъ условіяхъ; добывалось ли все сырье въ данномъ имѣніи, имѣлись ли машины, куда и какъ сбывались продукты?

21) Чѣмъ заняты были вообще дворовые и, въ частности, не отпускались ли они на оброкъ, и если отпускались, то куда и для какихъ занятій?

22) Состояло ли данное имѣніе въ залогъ — на какихъ условіяхъ и съ какого времени?

О П И С Ъ

Находящимся Города Екатеринослава въ Каѳедральной Успенской Церкви утварямъ, Сосудамъ, Облаченіямъ, и разнымъ вещамъ, Служебнымъ и нравственнымъ книгамъ, и колоколамъ, учиненная Августа 11-го дня 1808 года, потомъ исправлена и пополнена Іюля 1823 и Маія 1830 года ¹⁾.

В. Машукова.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>Церковь Успенская деревянная съ придѣльнымъ храмомъ Св. Великомученика Георгія покрытая желѣзомъ съ новою окраскою и обнесенная рѣшотчатою оградою.</p> <p>Въ ней въ среднемъ большомъ олтарѣ Жертвенникъ съ рѣзбою и позолоткою.</p> <p>Горнее сѣдалище съ рѣзбою и позолоткою, утвержденное на особо сдѣланномъ камодѣ.</p> <p>Престоль надъ коимъ балдахинъ на четырехъ столбахъ сдѣланъ, гдѣ придѣто въ верху изображеніе Бога Отца съ происхожденіемъ отъ Него Святаго Духа</p>	<p>Перенесена съ предписанія бывшего Губернатора Хорбата ²⁾ изъ упраздненнаго Полтавской Епархіи Соколскаго монастыря по дозволенію покойнаго преосвященнаго Митрополита Гавріила ³⁾ 1797 года.</p> <p>Изъ Того же Соколскаго монастыря перенесены.</p>
<p>Въ придѣльномъ Олтарѣ</p> <p>Престоль безъ балдахина.</p> <p>Жертвенникъ, набранный страстными иконами съ изображеніемъ въ верху Бога Отца со Святымъ Духомъ;</p> <p>Вмѣсто Горняго Сѣдалища изображенъ на полотнѣ Спаситель сѣдящій на Престолѣ.</p>	<p>Изъ того же Соколскаго монастыря перенесены.</p>

¹⁾ При печатаніи удержано правописаніе оригинала.

²⁾ Очевидно здѣсь простая орфографическая ошибка: съ 1794 по 1797 годъ правителемъ Екатеринославскаго намѣстничества былъ генералъ-майоръ и кавалеръ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ.

³⁾ Преосвященный Гавріилъ Бодони (Банулеско), съ 10 мая 1793 года митрополитъ Екатеринославскій въ 1797 году 21 декабря переименованъ въ митрополита Новороссійскаго и Днѣпровскаго съ перемѣщеніемъ архіерейской кафедрѣ изъ Крестовоздвиженскаго Полтавскаго монастыря въ городъ Новомиргородъ, а въ 1799 году переведенъ въ Кіевъ, скончался 30 марта 1821 года.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

Въ томъ и другомъ Олтарѣ
разные образа:

въ первомъ Успенскомъ: Благовѣщенія два, Входъ Христовъ во Іерусалимъ, Воскресенія Христова въ посребренной мѣдной ризѣ, Сшествіе С. Духа, С. Апостолъ Петра и Павла, Преображенія Господня, Успенія пресвятыя Богородицы украшенное ризою, Рождество Пресвятыя Богородицы, Воздвиженіе Честнаго Креста, Покровъ Пресвятыя Богородицы, Входъ во храмъ Ея, Рождество Христово, Обрѣзаніе Его, Нерукотворенный Образъ, С. тріехъ Святителей, С. Пророка Іліи, Рождество Іоанна Предтечи, Усѣкновение Главы Его, С. Великомученицы Варвары, С. Равноапостольнаго Князя Владимира, Св. Архистратига Михаила, С. Великомучениковъ Димитрія и Георгія который второй подъ шатою, Евангелиста Матѳея, Василя Великаго, С. Николая два, одинъ подъ шатою сребренною, С. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, С. Іоанна Богослова, С. Священномученика Антипа, С. Казанскія Богоматере, Страстный Іисуса Христа въ порфиру одѣтаго, С. Апостола Андрея первозваннаго.

Образъ Успенія Пресвятыя Богородицы украшенный и позлащенный въ серебрянной ризѣ надъ вратами

Во второмъ Георгіевскомъ:

Въ рамкахъ С. Троица возлагающая вѣнецъ на С. Богородицу;

Спаситель въ порфирѣ и терновомъ вѣнцѣ указующій десницею на прободенное ребро;

Поступили въ церковь частію изъ прописаннаго Соколскаго монастыря, и изъ упраздненной Екатеринославской Казанской церкви, въ которую такыя перенесены изъ бывшей въ здѣшнемъ селѣ Половицѣ Петропавловской церкви, а большею частію здѣланы вновь на коштъ прихожанъ какъ и образъ подъ шатою Николая Коллежскою Секретаршею Дьяковою тожъ церковною и складочною суммою по старанію священнослужителей въ разныхъ годахъ.

Данъ въ Соборъ отъ преосвященнаго Архіепископа Іова¹⁾ въ серебрянной ризѣ марта 23 дня 1814 года, которую потомъ позлатилъ на свой коштъ Коллежскій Регистраторъ Елеазаръ Плисовъ 1822 года.

Тоже поступили изъ Соколскаго монастыря и Казанской церкви.

¹⁾ Архіепископъ Іовъ (Потемкинъ) занималъ Екатеринославскую кафедру съ 7 февраля 1812 года по 28 марта 1823 года, когда скончался и погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ близъ г. Новомосковска.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>С. Богоматерь написанная на хрусталѣ;</p> <p>Страстныхъ намѣстныхъ иконъ десять. На разныхъ мѣстахъ прибитыхъ;</p> <p>Спасителя и Богоматери въ серебрянныхъ ризахъ для повѣшенія при вратахъ, вѣсу въ нихъ серебра 240 золотниковъ;</p> <p>Взяты въ новый Соборъ по приказанію Преосвященнаго Гавріила ³⁾.</p> <p>Спасителя и Богоматери меньшей мѣры безъ шаты при вратахъ Средняго храма.</p> <p>Спасителя и Богоматере придѣльнаго храма такіе же безъ шаты.</p> <p>Въ Храмъ Среднемъ: Успенія пресвятая Богородицы.</p> <p>Средній иконостасъ на яхонтовомъ полѣ съ рѣзбою покрытою золотомъ и серебромъ мѣстами. На намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматере и другихъ положены серебрянные позолоченные вѣнцы.</p> <p>Иконостасъ отъ правой стороны придѣла С. Великомученика Георгія на голубомъ полѣ съ здѣланною верху его томбою.</p>	<p><i>Разшиблена и уничтожена ¹⁾.</i></p> <p>Здѣланы на церковный коштъ съ прибавкою 50 рублей, пожалованныхъ покойнымъ Платономъ ²⁾ 1805 г. въ день своего Ангела.</p> <p>Поступили изъ упраздненной Казанской церкви.</p> <p>Иконостасъ привезенъ изъ Соколскаго монастыря, а вѣнцы подѣланы и иные изъ нихъ позолочены на коштъ усердныхъ подателей.</p> <p>Здѣланъ вновь на церковный коштъ 1797 года.</p>

¹⁾ Приписки курсивомъ находящіяся въ самой описи сдѣланы не позднѣе 1836 года. Когда была составлена новая опись Новаго Каѳедральнаго Преображенскаго Собора.

²⁾ Архіепископъ Платонъ (Любарскій) занималъ Екатеринославскую кафедру съ 18 августа 1805 года по 20 октября 1811 года, когда скончался и погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ близъ г. Новомосковска.

³⁾ Преосвященный Гавріиль (Розановъ) съ 22 мая 1828 года епископъ Екатеринославскій, 31 декабря 1832 года возведенъ въ санъ архіепископа, а 9 мая 1837 года перемѣщенъ въ г. Одессу, скончался 8 сентября 1858 года.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

На образъ С. Великомученицы Варвары и на иныхъ иконахъ положены серебряные вѣнцы.

Отъ добротныхъ подателей.

При семъ Иконостасѣ пять большихъ иконъ съ коихъ два всевидящее Око и вся слышащее ухо. Три разныхъ Святителей; да на стѣнахъ три же на полотнѣ написанныхъ: Спаситель сѣдящій въ каедрѣ, держащій скипетръ и державу; по сторонамъ изображеніе преподобныхъ Онуфрія и Петра Аѳонскаго.

На лѣвой сторонѣ храма:

Рѣзной кіотъ разными красками покрытой утвержденный на колонахъ съ уставленною въ немъ Богородичною въ подобіи Ахтирской иконою оправленною въ серебрянную позолоченную съ простыми камушками шату.

По распоряженію Преосвященнаго Гавріила взята въ новый соборъ ¹⁾.

Образы Апостольскіе оставшіеся отъ Стараго Иконостаса въ Соколомъ монастырѣ.

Изображеніе небснаго Отца въ символахъ вся нужная просящимъ подающаго съ Евангельскою молитвою: Отче Нашъ, и прочая...

Здѣлана на коштъ Губернскаго Прокурора Коллежскаго Совѣтника Нефедьева 1809 г. отъ коего и шата позолочена съ прибавкою на то церковной суммы.

Привезены изъ Соколкаго монастыря съ церковію.

Отданъ въ церговъ поручикомъ Степаномъ Васьковымъ 1801 года.

¹⁾ Судя по этой отмѣткѣ, а отчасти по описанію оклада можно думать, что эта икона сохранилась до настоящаго времени и находится въ числѣ другихъ въ общемъ кіотѣ у лѣвой подкупольной колонны.

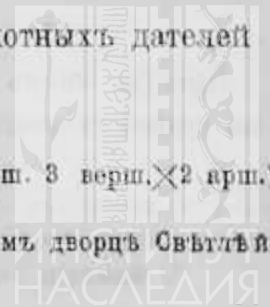
З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>Въ Женскомъ притворѣ.</p> <p>Спаситель и Богоматерь писанные на холстѣ безъ рамъ.</p> <p>Распятіе Спасителя подь стекломъ на бумагѣ. Великомученика Пантелеимона.</p> <p>С.—Мученицъ Вѣры, Надежды Любве и Матерей Софіи.</p> <p>Образъ честнаго воздвиженія Креста Господня.</p> <p>Икона Святыя Троицы вѣнчающей пресвятую Богородицу, а въ низу изображенны Петръ и Павель.</p> <p>Образъ Введенія во храмъ пресвятыя Богородицы.</p>	
<p>Малый иконостасикъ для положенія на немъ храмоваго образа Успенія Богородицы.</p>	
<p>Хоругвія, Звѣзды и кресты:</p>	
<p>Хоругвій написанныхъ на тонкомъ аломъ и черномъ сукнѣ двѣ.</p>	<p>Внесены изъ Соколскаго монастыря и иныхъ церквей въ разное время.</p>
<p>Звѣздъ руконосныхъ деревянныхъ, одна съ посребренными лучами (3 пуда). <i>Одна за ветхостію упразднена.</i></p>	<p>Сооружены стараніемъ титулярнаго Совѣтника Залюбовскаго ¹⁾ 1817.</p>
<p>Крестовъ новыхъ руконосныхъ съ искусною рѣзбою, живописью и золото сребренною позолоткою 2-ва.</p>	<p>Стараніемъ тогожъ Залюбовскаго 1819 года.</p>
<p>Крестъ вновь поступившій съ изображеніемъ на одной сторонѣ Крещенія а съ другой Распятія</p>	<p>Здѣланы коштомъ двухъ братьевъ Пчолкиныхъ Ивана и Прокофія.</p>

¹⁾ Фамиліи Залюбовскаго и Пчолкина имѣются и теперь въ Екатеринославѣ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p style="text-align: center;">Плащаницы:</p> <p>Плащаница шитая золотомъ и серебромъ по зеленому бархату, обложена во кругъ золотою бахромою, съ четырма золотыми кистями подложена бѣлою тафтою.</p> <p>Полу оберу двулчнаго красной и синей нити обложена бахромою шолковою.</p> <p>Полу оберу палеваго съ шолковою бахромою.</p>	<p>Справлена по заказу въ Кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ на кошть складочной суммы 525 рублей. Освящена 1795 года¹⁾.</p> <p>Изъ Половицкой церкви.</p> <p>Взята въ Крестовую церковь.</p>
<p style="text-align: center;">Напрестолныя одежды:</p> <p>Чехоль одинарной по зеленому полю парчи съ виложеннымъ крестомъ серебрянной сѣтки безъ подкладки.</p> <p>Чехоль малиноваго флорентійскаго бархата на передней части съ золотаго газа крестомъ.</p> <p>Голубаго полуобера съ виложеннымъ въ преди серебряннымъ крестомъ.</p> <p>Штофу по желтому полю— На престолѣ придѣльнаго храма.</p> <p>Малиноваго Атласа и Гранитура два.</p>	<p>Справленъ на складочную сумму отъ прихожанъ 1807 г.</p> <p>Заплаченъ церковною суммою при продажи въ княжемъ домѣ²⁾ сего бархата и другихъ вещей съ акціона 1797 года.</p> <p>Справленъ на церковный кошть ветхъ.</p> <p>Изъ Соколскаго монастыря въ 1797 году.</p> <p>Отъ добротныхъ дателей</p>

¹⁾ Въ соборѣ до сего времени сохранилась небольшая плащаница (1 арш. 3 верш. × 2 арш.) весьма близкая къ этой по своему описанію, но на ней вытканъ 1796 годъ.

²⁾ Очевидно рѣчь идетъ о нынѣшнемъ домѣ Дворянскаго собранія—прежнемъ дворцѣ Свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина († 5 октября 1791).

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
Напрестолная золотая половинчатая пелена по ранжевому полю съ вилоченнымъ крестомъ безъ подкладки.	Поступили съ надгробныхъ покрываль.
Покрывало напрестольное золотой парчи по малиновому полю (<i>по ветхости уничтожено</i>).	
Напрестольное покрывало одинарной парчи по голубому полю съ мишурною бахрамою безъ подкладки.	
Чехоль одинарной парчи по темно вышневому полю вилоченъ золото сребренною тясмою.	Пожертвованъ купцомъ Афанасіемъ Кохановымъ.
Чехоль одинарной малиновой парчи съ вилоченнымъ мишурнымъ крестомъ.	Поступилъ изъ дому надворнаго совѣтника Муцмана ¹⁾ .
Чехоль Чернаго плица съ вилоченнымъ въ преди сребреннымъ крестомъ безъ подкладки.	Здѣланъ на коштъ складочной суммы.
Чехоль плисовой съ вилоченнымъ крестомъ золотосребреннымъ.	Здѣланъ по усердію Прихожанъ.
Покрываль напрестольныхъ матеріаныхъ два изъ коихъ одно на подкладкѣ.	Изъ надгробныхъ покрываль.
Покрывалы на жертвенникъ:	
Парчи золотой по ранжевому полю въ краяхъ обложено широкимъ газомъ.	Съ надгробнаго покривала.
Парчи одинарной по бѣлому полю обложено по краямъ мишурною съ шолкомъ сѣткою	
Парчицы по желтому полю обложено по краямъ сребренною сѣткою.	Съ остатковъ отъ ризъ.

¹⁾ Фамилія Мусманъ сохранилась въ Екатеринославѣ до настоящаго времени; сохранилось даже названіе „Мусманская гора“ тамъ, гдѣ проложена крутогорная улица.

Званіе вещи.	Откуда поступили.
<p>Парчи одинарной по темновышневому полю обложенное по краямъ золотосеребряною сѣткою.</p>	<p>Съ Готоваго ласкутка.</p>
<p>Парчи одинарной по голубому полю съ занавѣсою для нижней части жертвенника той же голубой парчи.</p>	<p>Съ покрывала надгробнаго.</p>
<p>Покрываль съ платковъ золотыхъ по темновышневому полю первое подложено алою (а второе корычневою китайкою).</p>	<p>Отъ оставшихся по погребеніи платковъ ¹⁾</p>
<p>Катапетазмы:</p>	
<p>По атласному блѣднокоричневому полю цвѣтотканому съ сребренными цвѣточками два.</p>	<p>Ветхи</p>
<p>По ранжевому полю цвѣтотканому съ золотыми цвѣтами.</p>	
<p>Левантина краснаго цвѣта.</p>	<p>Внесли въ церковь иностранные монахини въ даръ.</p>
<p>Молочной тафты съ вышитыми верху словами: „Се домъ Божій Се врата небесная“; въ придѣлѣ Голубаго Гранитура. номъ храмъ</p>	<p>Внесена отъ добротнаго подаянія. Отъ купчихи Пчолкиной.</p>
<p>Покрывалы Аналойные:</p>	
<p>Парчи шахматной по Суто золотому полю въ два конца мѣрою три аршина съ четвертью. Новое</p>	<p>Здѣлано съ надгробнаго покрывала.</p>
<p>Парчи одинарной по желтому полю въ два полотнища аршинъ семь.</p>	<p>Тоже.</p>

¹⁾ На югъ Россіи существуетъ обычай, при погребеніи, принести духовенству шелковые платки для держанія въ рукѣ восковой свѣчки.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
Флорентійскаго малиноваго бархата съ прибавкою въ низу бѣлой тафты.	Подержанное съ остатковъ бархата отъ престола купленаго съ аукціону 1799 года ¹⁾
Матеріи Турецкой по малиновому атласному полю обложено шелковою зеленою бахрамою. <i>По ветхости уничтоженъ.</i>	Съ Казанской церкви данное въ оную 1794 года тещею купца Гараннова ²⁾
Покрывалы и чехлы на столные:	
Кармазиннаго сукна.	Изъ Половицкой церкви.
Чехоль великотравчатой набойки для одѣянія Сосуда при освященіи воды.	Справленъ на церковный коштъ.
Чехоль травчатой по малиновому полю каламайки. <i>По ветхости уничтоженъ.</i>	Тоже.
Чехоль парчи одинарной по голубому полю разръзной съ бѣлою подкладкою.	Тоже.
Чехоль надгробный въ верху золотою тасмою а внизу палевою лѣнтою въ два ряда съ вложеномъ въ преди золотымъ крестомъ; при немъ съ бѣлаго полотна исподній Чехоль полотняный. <i>По ветхости уничтоженъ.</i>	
Чехоль чернаго плиса обложенъ въ низу въ два ряда бѣлою лентою безъ подложенія.	Отъ купцовъ Колѣсникова ³⁾ и Пчолкина поступилъ.
Четыре чехла на подсвѣшники левантину темнаго цвѣта вышневаго. За ветхостію уничтожены.	Здѣланы съ покривала въ употребленіи бывшаго.

¹⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же аукціонѣ, но въ какомъ году онъ былъ — въ 1797 году какъ указывалось выше или въ 1799, какъ говорится теперь, не берусь опредѣлить.

²⁾ Изъ фамиліи Горяиновыхъ Афанасій Горяиновъ былъ гласнымъ съ 1787 по 1791 годъ, а Дмитрій Емельян. городскимъ головою съ 1791 по 1794 годъ.

³⁾ Одинъ изъ купцовъ Колесниковыхъ Иванъ Васильевичъ († 23 янв. 1848 г.) былъ строителемъ вышней приходской Успенской церкви возлѣ которой и погребенъ; съ 1812 по 1818 и съ 1831 по 1825 гг. состоялъ Городскимъ головою.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
Покрывалы настольные изъ платковъ.	
По вышневому (ранжевому) полю съ золотыми цвѣтами большими и малыми.	
Темновышневаго цвѣта по краямъ съ большими золотыми цвѣтами а въ срединѣ малыми.	
Темно-орѣховый клѣтчатой на аналогій близъ престола.	
Левантинной полосатой тѣневой.	
Бѣлый Мирносовой съ цвѣточками.	
Разныя Утвари, Серебряныя Сосуды, Облаченія и иныя вещи:	
1. ¹⁾ Евангеліе оправленное малиновымъ бархатомъ и серебромъ съ позолоткою и финифтавыми штучками обложенными по краямъ сразами съ изображеніемъ посреди Воскресенія Христова а по краямъ Евангелистовъ. На другой сторонѣ Мойсея получающаго отъ Бога скрижали заповѣдей ²⁾).	Куплено 1820 года на коштъ купцовъ Колѣсникова Коханова ³⁾ и Пчолкиныхъ за 750 руб. Въ Преображенскомъ соборѣ.
2. Евангеліе одѣтое малиновымъ бархатомъ и оправленное серебромъ мѣстами позолоченнымъ печатанное 1771 года Іаннуарія.	Изъ Казанской церкви; оправлено жъ на коштъ церковный 1801 года. Въ Преображенскомъ соборѣ.
3. Евангеліе одѣтое зеленымъ бархатомъ и оправленное серебромъ мѣстами позолоченное печатан. 1763 года мѣсяца февраля.	Изъ Соколкаго монастыря 1797 года ⁴⁾).

¹⁾ До этого мѣста номерации въ описи не встрѣчалось.

²⁾ Одинъ изъ Кохановыхъ—Афанасій состоялъ Городскимъ головою съ 1806 по 1808 годъ.

³⁾ Это евангеліе сохранилось до настоящаго времени.

⁴⁾ Евангеліе подъ №№ 2 и 3 оба сохранились, при чемъ евангеліе подъ № 2 изъ Соколкаго Преображенскаго монастыря, а евангеліе подъ № 3 изъ Казанской церкви, куда поступило изъ Петропавловской Половицкой церкви; объ этомъ записано на самихъ евангеліяхъ. Отмѣтки сдѣланы какъ разъ, обратно, переуганы.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>4. Евангеліе въ малый листъ одѣтое вновь зеленымъ бархатомъ и оправленное серебромъ.</p> <p>5. Евангеліе въ малой листъ одѣтое голубою одинарною парчею и оправленное серебромъ печатано 1754 года маія.</p> <p>6. Евангеліе оправленное мѣдью печатаное 1786 года мѣсяца ноемврїа</p> <p>7. Евангеліе въ осуху листа, одѣтое малиновымъ бархатомъ и оправленное серебромъ съ чернью печ. 1803 года мѣсяца Декабря.</p>	<p>Изъ Казанской церкви въ семъ 1823 году оправлено на коштъ церковный. <i>Въ Преображенскомъ соборѣ.</i></p> <p>Изъ Соколскаго монастыря вновь отправлено.</p> <p>Изъ бывшей Казанской церкви.</p> <p>Вписанное преосвященнымъ Архіепископомъ Платономъ изъ Кіева и казенною суммою заплачено 1806 года.</p>
<p style="text-align: center;">Гробницы:</p> <p>1. Гробница Сребренная Сутопозолоченная съ ножками на четырехъ узкихъ столбикахъ при которыхъ стоятъ четыре апостолы, въ срединѣ ихъ два ковчега для С. Даровъ въ верху воскресеніе Христово изображенное на финифтѣ обложено стразами, ниже онаго изображеніе въ сіяніяхъ съ стразамижъ на первой сторонѣ Бога Отца а на другой С. Духа. Вѣсу въ ней 5-ть фунтовъ.</p> <p>2. Сребренная мѣстами позолоченная въ верху ея воскресшій Христосъ объятый окружнымъ сіяніемъ, въ ней вѣсу два фунта съ половиною и тридцать шесть золотниковъ.</p>	<p>Куплена на коштъ купцовъ Колѣсникова, Пчолкина и иныхъ цѣною 800 рублей</p> <p>Изъ Казанской церкви, а въ сію изъ Половицкой 1781 года.</p>
<p style="text-align: center;">Дароносица</p> <p>Серебряная съ такимъ же внутри ковчезцемъ, чашею и лжицею, внутри вызолоченными; вѣсу въ ней 1-нъ фун. 28¹/₂ золотниковъ.</p>	<p>Здѣлана на церковн. коштъ.</p>
<p style="text-align: center;">Кресты.</p> <p>1. Кипарисный оправленный серебромъ мѣстами позолоченный съ сребреннымъ же подножіемъ, въ немъ 3 фун. 18 золот. съ деревомъ.</p>	<p>Изъ Соколскаго монастыря 1797 года.</p>

Званіе вещей.	Откуда поступили.
2. Кипарисный оправленный серебромъ мѣстами вызолоченный съ серебрянымъ же подножіемъ вѣсу 1 фун. 60 золот. съ деревомъ.	Изъ того же Соколекаго монастыря.
3. Кипарисный обложенный серебромъ съ подножіемъ вѣсу 1-нѣ ф. 15½ золотни. съ деревомъ.	Изъ Казанской церкви 1797 года.
4. Кипарисный съ подножіемъ обложенъ серебромъ вѣсу въ немъ 84 золот. съ деревомъ.	Изъ Соколскаго монастыря.
5. Крестъ ручной серебряной Суто-вызолоченный съ зелеными въ серебряныхъ гнѣздахъ управленными камушками, въ немъ вѣсу 1-нѣ фунтъ 47 золотн. гдѣ считаются и камушки въ 9-ти золотникахъ.	Справленъ на церковный коштъ 1807 года. Въ Преображенскомъ соборѣ.
6. Крестъ кипарисный ручной оправленный серебромъ вѣсу въ немъ 88 золот. съ деревомъ.	1823 года здѣланы на церковный коштъ съ употребленіемъ съ двухъ малыхъ попорченныхъ крестовъ и съ прибавкою привѣсокъ.
7. Такой же во всемъ подобный вѣсу 86 золотниковъ	Внесены въ церковь нынѣшняго 1823 года отъ добродотнаго подателя Никифора Шаталова.
8. Крестъ ручной серебряный мѣстами позолоченный подъ чернью вѣсу 23 золотника.	Внесенъ 1824 года Генваря 6-го купцомъ Бѣлявскимъ ¹⁾ .
9. Крестъ ручной серебряный вѣсу 12 золот.	Здѣлана на церковный коштъ 1795 года.
10. Крестъ ручной серебряный суто-вызолоченный съ чернью на престолѣ лежащій вѣсу въ немъ 87 золотник.	 <p>ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ</p>
<p>Сосуды серебряные, Чаши.</p> <p>1. Большая серебряная внутри и въ наружи визолоченная суто съ серебряною въ наружи решоткою и вычекаными по бокамъ четырема позолоченными штуками: Спасителемъ, Богоматерію, Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ. А въ низу страстными орудіями, въ ней вѣсу 3 фунта 15 золот.</p>	

¹⁾ Фамилія Бѣлявскаго есть и теперь въ Екатеринославѣ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>2. Серебряная чеканной работы, мѣстами внутри и съ наружи визолоченная вѣсу въ ней 1-нѣ фунтъ 70 золотн.</p>	<p>Изъ Соколкаго монастыря 1797 года.</p>
<p>3. Серебряная мѣстами визолоченная вѣсу въ ней 58 золотниковъ. <i>Употреблена на блюдо по ветхости по приказанію Преосвященнаго Иеронима.</i></p>	<p>Изъ того же монастыря 1797 года.</p>
<p>4. Серебряная съ позолоткою на нѣкихъ мѣстахъ и мучительныхъ на подножій орудій изображеніемъ вѣсу 79 золотниковъ. <i>Употреблена на лампадки въ Преображенскій соборъ.</i></p>	<p>Изъ Половицкой Петропавловской церкви 1797 года¹⁾</p>
<p>5. Серебряная внутри визолоченная вѣсу въ ней 1-нѣ фунтъ 11 золотн что значитъ и въ надписи на подножій</p>	<p>Доставлена прихожаниномъ Дѣдушенкомъ 1802 года.</p>
<p>6. Чаша серебряная суто-визолоченная внутри и внаружи вокругъ коей сверху стразахъ круглыя финифты четыре съ изображеніями на нихъ священныхъ лицъ, каковыя и на подножій уставлены съ тѣми же лицами и стразами въ четвероугольномъ видѣ, вѣсу въ ней 2-ва фунта и 76 золотниковъ.</p>	<p>Внесъ въ Соборную церковь по обѣщанію прихожанинъ ея купецъ Андрей Трофимовъ сынъ Бѣлявскій 1829 года февраля 7 дня.</p>
<p>7. Чаша серебряная суто-золотая съ финифтами обложенными вокругъ стразами, какія и на подножій уставлены съ подобными стразами; при ней серебряныя суто-визолоченныя дискосъ и звѣзда съ финифтовою наверху штукаю вѣсу во всѣхъ ихъ 2 фунта 10½ золотниковъ.</p>	<p>Внесъ въ церковь купецъ Яковъ Рохлинъ²⁾ опекунъ умершихъ Королевыхъ. За сіи сосуды заплачено 284 руб. 70 копѣекъ.</p>

¹⁾ Петропавловская церковь въ слободѣ Половицѣ сгорѣла 6 августа 1783 года, ее замѣнила вновь устроенная Казанская церковь; которую въ свою очередь замѣнила въ 1796—97 гг. Успенская церковь, сдѣлавшаяся впоследствии соборною и кафедральною.

²⁾ Яковъ Рохлинъ былъ городскимъ головою съ 1825 по 1828 и съ 1836 по 1839 гг. Фамилія Рохлиныхъ существуетъ и теперь.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

Диско́сы

1. Большой серебряный съ чеканною позолоткою съ лица и на подножіи; въ немъ вѣсу съ здѣланною къ нему звѣздою подъ № 1-мъ 2 фун 72 золот.

2. Серебряный съ лица позолоченный, на оборотѣ такая подпись: за упокой Феодора, Матвѣя, Маріи и сродниковъ ихъ. Вѣсу въ немъ 60½ золотниковъ

3. Дискосъ серебряный съ лица позолоченный, въ немъ вѣсу 1-нъ фунтъ 94½ золотника.

4. Дискосъ серебряный суто-вызолоченный съ изображеніемъ по срединѣ его предвѣчнаго младенца окружаемаго двумя Ангелами съ осѣненіемъ въ верху Духа Святаго съ словами во кругъ его: „Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи всего міра“. Вѣсу въ дискосѣ со звѣздою ниженаписанной отъ сего же вкладчика Бѣлявскаго внесенной 72 золотника.

5. Дискосъ серебряный значащійся съ чашею подъ № 7-мъ.

Звѣзды

1. Серебряная мѣстами позолоченная съ изображеніемъ на концахъ: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ“, нынѣ вѣсу въ ней 72 золот.

2. Сутопозолоченная съ изображеніемъ всевидящаго Ока и внизу словъ „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ“, въ ней вѣсу 80-ть золотниковъ.

3. Серебряная мѣстами позолоченная съ изображеніемъ на верхней бляхѣ Бога Отца а по бокамъ херувимовъ вѣсу въ ней 25 золотниковъ.

1816 года справленъ на коштъ покойнаго прихожанина Григоревскаго съ употребленіемъ серебра отъ стараго дискаса и церковнаго въ малыхъ частицахъ лому и привѣсокъ.

Изъ Соколскаго монастыря.

Здѣланъ на церковный коштъ 1795 года и потомъ передѣланъ.

Вновь поступилъ отъ купца Бѣлявскаго.

Справленна на церковный коштъ 1795 года; потомъ передѣлана на большую съ прибавкою отъ другихъ серебра.

Вновь сдѣланна съ прибавкою серебра отъ другихъ штукъ.

Изъ Сокольскаго монастыря 1797 года.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
4. Звѣзда сутопозолоченная съ финифтовою бляхою обложенною во кругъ стразами съ изображеніемъ Бога Отца и Духа Святаго.	Написанны вѣсомъ при двухъ чашахъ внесенныхъ купцами вышесзначающимися Бѣлявскимъ и Рохлинымъ.
5. Таковая жъ во всемъ подобная, вѣсу меньшаго.	
Лжицы	
1. Серебряная сутопозолоченная вѣсу въ ней 16 золотниковъ.	Изъ двухъ старыхъ передѣланы съ добавкою церковнаго изъ разнаго лому серебра отъ 1809 по 1819 годъ.—
2. Серебряная мѣстами позолоченная вѣсу въ ней 10 золотниковъ.	
3. Серебряная мѣстами позолоченная въ ней вѣсу 10 золотниковъ.	
4. Серебряная суто вызолоченная вѣсу въ ней 9½ золотниковъ.	
Копія	
1. Стальное съ костянымъ рукоятіемъ	Сдѣланы и заплочены въ давнее время.
2. Желѣзное съ деревяннымъ рукоятіемъ.	
Блюда	
1. Серебряное съ изображеніемъ на немъ Спасителя вѣсу въ немъ 62 золотника.	Здѣлано на церковный коштъ 1820 года.
2 Два блюда сутопозолоченные на первомъ Распятіе Господне а на другомъ Благовѣщеніе; вѣсъ въ нихъ означенъ съ прочими сосудами пожертвованными купцомъ Бѣлявскимъ подъ № 6-мъ.	Отъ купца Бѣлявскаго.
3. Благословительное блюдо серебряное безъ позолотки, въ немъ припаяно овальное блюдо и двѣ серебряные чашицы вѣсу въ нихъ 3 фунта.	Здѣлано на церковный коштъ 1795 года.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>4. Такоежь мѣдное подведенное сребромъ и мѣстами позолоченное, напереди съ двумя Ангелами, и чашицами съ блюдцомъ, а позади съ подсвѣшникомъ.</p>	<p>Справлено прихожаниномъ Григоріемъ Полуяновымъ ¹⁾ 1807 года.</p>
<p>5. Серебряная теплица мѣстами позолоченная вѣсу въ ней 49 золотниковъ.</p>	<p>Изъ Соколскаго монастыря 1797 года.</p>
<p>6. Чаша водоосвящательная серебряная мѣстами позолоченная въ ней вѣсу 4¹/₂ фунта.</p>	<p>Здѣлана на церковный коштъ и заплачено за нея купно съ сребромъ золотарю 84 рубля.</p>
<p>7. Блюдо и кушинъ серебряные вѣсу въ нихъ 10-й пробы серебра 5 фунтъ 52¹/₂ золотника.</p>	<p>Передѣланы съ старой гробницы и чаши бывшей безъ употребленія съ вѣдѣнія Преосвященнаго Архіепископа Юва въ 1812 году.</p>
<p>8. Ковшикъ съ крышкою серебряный для вина и теплоты вѣсу 49 золотниковъ.</p>	<p>Здѣлано на церковный коштъ 1821 года.</p>
<p>Лампады</p>	
<p>1. Серебряная намѣстная съ тремя мѣстами для подсвѣшниковъ вѣсу въ ней 336 золотниковъ въ ломѣ хранящаяся. Въ 1834 году употреблена на малыя серебряныя лампадки въ Преображенскій Соборъ, по приказанію Преосвященнаго Гавріила.</p>	<p>Здѣлана на церковный коштъ стоящая 157 руб. 15 коп. 1806 года.</p>
<p>2. Фарфоровая съ уставленнымъ въ ней хрустальнымъ стаканомъ.</p>	
<p>Подсвѣшники</p>	
<p>1. Серебряный мѣстами позолоченный.</p>	<p>Изъ бывшей Соборной Новокодацкой церкви.</p>
<p>2. Таковой же во всемъ подобный, вѣсу въ обоихъ состоитъ 2 фун. 92 золот.</p>	
<p>Кадилы</p>	
<p>1. Серебряное съ тремя цепочками въ немъ вѣсу 1 фунтъ и 3 золотника.</p>	<p>Сдѣланы на церковный коштъ съ добавкою серебра отъ лому серебрянаго.</p>
<p>2. Серебряное жъ имѣющее въ себѣ одинаковый вѣсъ. При нихъ мѣдное кадило старое.</p>	

¹⁾ Григорій Полуяновъ состоялъ гласнымъ съ 1806 по 1808 годъ.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

Вѣнцы

1. Серебрянные крестъ и подъ ними бляшка, а также и низменная окружность его позолоченная съ придѣланными на нихъ розовыми цвѣтами; въ нихъ вѣсу 60 золотниковъ

Вѣнцы съ мѣди посеребренные съ придѣланными на нихъ въ верху цвѣтами; внутрь ихъ подложено красное сукно.

Воздухи и Покровцы:

1. Суто золотой съ серебромъ по мѣстамъ парчи, съ вышитымъ на срединѣ серебромъ и фольгою крестомъ обложенъ вокругъ золотою бахрамою подбитъ алою миткалю. При немъ два покровцы парчи золотосеребрянной съ темновиншевыми цвѣтами обложены золотою бахрамою съ такими же золотыми по краямъ кистями, подкладка таковая жъ миткальная.

2. Парчи сутой золотосеребрянной съ шитымъ посрединѣ крестомъ обложенъ золотымъ газомъ подложенъ двуличною тафтою. При немъ два таковыя жъ покровцы.

3. Парчи сутозолотосеребрянной съ вишневыми шелковыми цвѣтами обложенъ узкимъ золотымъ газомъ, подложенъ алою миткалю. При немъ два таковыя жъ покровцы, обложены широкимъ золотымъ газомъ.

4. Шитый разными золотыми серебрянными и шелковыми цвѣтами тожь посрединѣ и крестъ шитый золотомъ съ положенною фольгою; вокругъ положена тясма съ золотомъ серебрянная подкладка двуличная. При немъ два таковы покровцы.

Справлены на церковный коштъ съ заплатою 80 рублей въ 1824 году.

Поступили изъ Казанской церкви 1791 года*)

Отъ дому вдовы Парескевы Пчолкиной.

Справлены на коштъ покойнаго Коллежскаго Ассесора Григоревича.

Доставлены отъ усерднаго прихожанина.

Доставлены съ Кіева отъ добротнаго пожертвователя и заплочены складочною суммою 1803 года.

*) Вѣроятно въ 1797 году?

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>5. Парчи золотой съ шолками мѣлкотравчатой съ крестомъ золотой сѣтки какою и вокругъ обложенъ подбитъ ранжевою тафтою, при немъ два таковыя покровцы.</p>	<p>Пожертвованны отъ Совѣтника Яковлева.</p>
<p>6. Парчи золотой серебрянной съ разными шолковыми цвѣтами; крестъ и край на немъ обложены серебряною тясмою, подложенъ вышневою тафтою. При немъ два таковыя покровцы</p>	<p>Пошиты на церковный коштъ съ остатковъ парчи купца Молчанова ¹⁾ оставшейся отъ ризъ.</p>
<p>7. Золотой по серебрянному полю съ шолковыми цвѣтами, обложенъ золотую сѣткою на немъ крестъ такой же сѣтки. При немъ два покровцы подбиты малиновою тафтою а воздухъ дикою.</p>	<p>Воздухъ справленъ на коштъ коллежскаго ассесора Мусмана а покровцы съ подушки для ордена при погребеніи Стат. Совѣт. Михаила Шляхтина 1806 года.</p>
<p>8. Воздухъ и два покровцы шитые по голубому полуоберу разными шелками, на нихъ кресты вышитые золотомъ, обложены золотую половинчатою сѣткою подложены полосатою набойкою.</p>	<p>Внесены 1799 года отъ вдовой тещи Бочаревой, приносившей Богу обѣтъ своей.</p>
<p>9. Воздухъ парчи Турецкой по малиновому полю обложенъ золотую сѣткою, подкладка жолтой крашанины; при немъ два покровцы золотого глазета обложены серебрянною сѣткою, подкладка кумачевая.</p>	<p>Изъ Новокодацкой Соборной церкви взяты по указу 1806 г.</p>
<p>10. Воздухъ перчи полосатой по бѣлому атласному полю, и при немъ такіе жъ два покровцы безъ окладки на нихъ кресты съ узькаго газа, подложенъ синею китайкою а воздухъ темнозеленою</p>	<p><i>Изъ числа сихъ малыхъ одинъ употребленъ при погребеніи свящ. Понизовскаго, а другой на починку ризъ.</i></p>
<p>11. Воздухъ перчи одинарной по желтому полю и при немъ такой же перчи два покровцы обложены серебрянною сѣткою, подкладка на воздухъ съ полосатой китайки, а на покровцахъ съ алой тафты.</p>	<p>Пошиты съ остатковъ перчи отъ надгробнаго покрывала съ добавкою церковнаго приклада въ 1794 году. За ветхостію упразднены.</p>

¹⁾ Изъ фамиліи Молчановыхъ Козьма Молчановъ упоминается въ числѣ гласныхъ съ 1794 по 1796 годъ.

Званіе вещей.	Откуда поступили.?
<p>12. Воздухъ и два покровцы штофу по голубому полю, обложены золотою сѣткою, подкладка выбойчатая.</p>	
<p>13. Воздухъ по красному гранитурѣ шитый золотомъ и шелковыми цвѣтами, на немъ крестъ шитый однимъ золотомъ, около ни чемъ не обложенъ, подкладка тафты синей. При немъ два покровцы шитые золотомъ и шелками по малиновой адаманкѣ обложены шелковою пестрою бахрамою, подкладка дикой тафты, на нихъ кресты шитые однимъ золотомъ съ фольгою.</p>	<p>Воздухъ изъ Казанской церкви, а покровцы внесены по обѣщанію благочестивымъ прихожаниномъ скрывшимъ свое имя 1802 года.</p>
<p>14. Два покровцы шитые золотомъ и серебромъ по малиновому бархату, съ коихъ на первомъ вышита Богоматерь, а на второмъ разрѣзномъ по срединѣ Духъ Святой въ звѣздѣ а по краямъ четыре херувима обложены золотою шелковою бахрамою подложены набойкою.</p>	<p>Изъ Новокодацкой Соборной церкви поступили въ 1806 году по Указу.</p>
<p>15. Воздухъ съ покровцами перчи одинарной по голубому полю обложены атласомъ алаго цвѣта подержанные. Подбыти голубою китайкою.</p>	<p>Справлены по обѣщанію прихожаниномъ который пожелалъ скрыть имя свое 1801 года.</p>
<p>16. Воздухъ и два покровцы постовые двойнаго плиса обложены серебряною сѣткою подкладка тафты голубой</p>	<p>Изъ Казанской церкви съ коихъ воздухъ 1809 года при передѣлкѣ въ края обложенъ суто золотою по зеленому полю перчею, а покровцы перчею по темновышневому полю съ положеніемъ на крестахъ и вокругъ золотой узкой тесмы подшиты голубою тафтою.</p>
<p>17. Воздухъ и два покровцы темносиняго полу-бархата Крестъ и въ краяхъ обложены золотосеребряною тясмою, подложены алою тафтою.</p>	<p>Принесены женою генерала Шперберга Еленою Петровною.</p>
<p>18. Воздухъ шитой золотомъ серебромъ и разными шелками и таковыя жъ два покровца во всемъ почти всѣ они подобны стоящимъ подъ № 4-мъ.</p>	

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>19. Воздухъ и два покровцы одинарной бѣлой перчи, обложены мишурною желтою тясмою подкладка на нихъ набойчатая</p>	<p>Доставлены въ церковь отъ дому купца Степана Евсева 1810 года. <i>За ветхостью уничтожены.</i></p>
<p>20. Воздухъ и два покровцы одинарной бѣлой перчи съ шелковыми цвѣтами обложены мишурнымъ желтымъ газомъ подкладка на нихъ набойчатая съ красными цвѣточками и газомъ.</p>	<p>Справлены и внесены прихожаниномъ, пожелавшимъ скрыть имя свое 1821 года. <i>За ветхостью уничтожены.</i></p>
<p>21. Воздухъ и покровцы темносиняго бархата обложены крестъ и по краямъ золотосеребряною сѣткою, къ нимъ пришита и серебряная вокругъ бахрама подшита бѣлою тафтою.</p>	<p>Внесены отъ добротнаго изъ духовныхъ лицъ подателя¹⁾ 1830 гоа декабря 4 дня.</p>
<p>Священническія облаченія</p>	
<p>1. Фелонъ и при немъ епатрахилий перчи сутозолотой обложены золотою сѣткою, подкладка зеленой клѣтчатой.</p>	<p>Справлены питейнымъ откупщикомъ Коллежскимъ Ассесоромъ Яжиннымъ съ дополненіемъ на приборъ церковной суммы въ 1794 году.</p>
<p>2. Фелонъ и при немъ епатрахилий сутозолотой перчи съ зелеными и красными цвѣтами, обложены серебряною сѣткою подкладка желтой китайки.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала умершаго прапорщика Афанасія Головатаго въ 1803 году.</p>
<p>3. Фелонъ и при немъ епатрахилий перчи золотой по серебряному, съ разными шелковыми цвѣтами, полю, обложенъ пестрою сѣткою по краямъ плетеною съ фольгою подкладка алой китайки.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала купца Молчанова жены Евдокии на коштъ сего мужа ея въ 1805 году.</p>
<p>4. Фелонъ и при немъ епатрахилий сутозолотой перчи по бархатному зеленому полю обложенъ серебряною сѣткою, подкладка китайки темнокирпичной въ краяхъ рызы подпушка бѣлаго атласа.</p>	<p>Сдѣланъ изъ покрывала умершаго Предсѣдателя уголовной палаты Григорія Бразоля въ 1809 году.</p>

¹⁾ Едвали не отъ священника, въ послѣдствіи протоіерея Іоанна Герболинскаго († 1868 г.) служившаго при Соборѣ.

Званіе вещи.	Откуда поступили.
<p>5. Фелонъ и при немъ епатрахилій сүтозолотой перчи по малиновому бархатному полю обложенъ серебрянною сѣткою, подкладка на нихъ китайка пѣсочнаго цвѣта.</p>	<p>Сдѣланъ изъ надгробнаго покрывала умершаго надворнаго Совѣтника Трофима Мищенко 1806 года съ прикладомъ церковнымъ.</p>
<p>6. Два фелона и два епатрахиліи по палевому атласному полю, съ серебрянными шолковыми цвѣтами обложены серебрянною сѣткою съ оплечьемъ на одномъ фелонѣ перчи зеленой а на епатрахиліи перчи турецкой, подкладка на нихъ китайчатая.</p>	<p>Сдѣланы съ надгробнаго покрывала преставльшагося въ Бозѣ Преосвященнаго Архіепископа Афанасія ¹⁾ 1807 года.</p>
<p>7. Фелонъ и при немъ епатрахилій перчи турецкой по зеленому полю, обложенъ золотымъ газомъ подкладка алой китайки. Ветхіе.</p>	<p>Справленъ на коштъ складочной отъ добротныхъ дателей суммы 1803 года.</p>
<p>8. Фелонъ и при немъ епатрахилій бѣлой камки съ оплечьемъ перчи посеребренному полю съ золотомъ и шолковыми цвѣтами обложенъ золотою сѣткою.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала. <i>По ветхости упрядненъ для употребленія на починку другихъ одѣяній.</i></p>
<p>9. Фелонъ и епатрахилій перчи одинарной по вышневому полю обложенъ серебрянною широкою сѣткою съ которой и крестъ выложенъ. Подкладка кубовой крашанины.</p>	<p><i>По ветхости уничтожены.</i></p>
<p>10. Фелонъ и епатрахилій по желтому полю, обложены пѣстрою широкою сѣткою подкладка китайки полосатой.</p>	<p><i>По ветхости назначены и употреблены на подчинку другихъ одѣяній</i></p>
<p>11. Такіе же Фелонъ и епатрахилій.</p>	

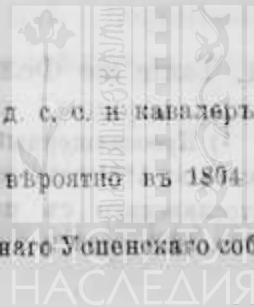
¹⁾ Преосвященный Афанасій (Ивановъ) съ 1 октября 1799 года епископъ Новороссійскій и Дѣпровскій въ 1801 году возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1804 году 4 декабря переименованъ въ Екатеринославскаго съ перемѣщеніемъ катедръ изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, скончался 18 августа 1805 года и погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ близъ г. Новомосковска.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>12. Фелонъ и епатрахилій одинарной кофейной перчи обложенны пестрою сѣткою съ золотомъ и серебромъ, подкладка на плечахъ рызы, для теплоты въ зимнее время баевая а далѣе темнозеленая крашаниная.</p>	<p>Пошитъ съ надгробного покрывала преставляшагося въ Бозѣ Гражданскаго Губернатора Василія Каховскаго ¹⁾ съ употребленіемъ прибора на церковную сумму въ 1795 году. Ветхой.</p>
<p>13. Фелонъ и епатрахилій бѣлой одинарной перчи обложенны золотою узкою сѣткою подкладка на нихъ набойчатая полосатая.</p>	<p>Пошитъ съ надгробного покрывала отъ дому купца Даміана Кисилева ²⁾ 1804 года <i>Положены на умершаго свящ. Иваишкевича.</i></p>
<p>14. Фелонъ и епатрахилій штофа по темновишневому полю обложенны серебряною съ золотомъ сѣткою, на немъ на оплечьи выложенъ крестъ съ серебряной сѣтки, подложенъ крашаниною а по краяхъ голубою тафтою.</p>	<p>Справлены единственнымъ стараніемъ протоіерея Іоанна Станиславскаго ³⁾ въ чайніи что сіе облаченіе за употребленіемъ его на службу церковную послѣ надѣто на него будетъ по кончинѣ его 1798 іюня 24 дн. <i>Употреблено по завѣщанію.</i></p>
<p>15. Фелонъ и епатрахилій одинарной перчи по кофейному полю обложены сутозолотою сѣткою, подкладка на нихъ кубовой крашанины.</p>	<p>Пошитъ въ 1803 году съ покрывала надгробнаго отъ дому Надворной Совѣтницы Маріи Куцевой.</p>
<p>16. Фелонъ и епатрахилій сутой по фіалетовому полю съ золотыми цвѣтами перчи обложенны нарочито широкимъ золотосеребрянымъ газомъ, по краямъ зубчатымъ, на камъи крестъ шитый золотомъ и серебромъ съ фольгою, подкладка китайка попелнастаго цвѣта, а по краямъ выложенны вердепоноваго цвѣта.</p>	<p>Пошитъ изъ покрывала умершаго Вицегубернатора Матвѣя Чайковскаго 1812 года августа 1 дня прикладъ для него употребленъ церковный.</p>

¹⁾ Правитель Екатеринославскаго намѣстничества съ 1789 по 1794 годъ д. с. с. и кавалеръ Василій Васильевичъ Нечуй-Каховскій.

²⁾ Доміанъ Киселевъ былъ городскимъ головою съ 1818 по 1821 годъ; въроятно въ 1804 году умеръ кто-нибудь изъ его родственниковъ.

³⁾ Протоіерей о. Іоаннъ Станиславскій былъ настоятелемъ стараго кафедральнаго Успенскаго собора.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

17. Фелонъ и епатрахилій такой же золотой по кофейному полю перчи, обложенны золотосеребреннымъ по краямъ зубчатымъ газомъ, на немъ крестъ и кустодія вышиты золотомъ и серебромъ съ фольгою желтаго и фіалетоваго цвѣта и бліосками, подкладка китайки дикой.

18. Фелонъ и епатрахилій перчи сутозолотой по серебрянному съ цвѣтами и кофейному полю, обложены широкимъ газомъ съ зубчатыми краями на ризѣ крестъ шитый золотомъ серебромъ и фольгою, подложены алою китайкою, а епатрахилій набойкою.

19. Фелонъ и епатрахилій сутозолотой по темновышневому полю съ серебрянными и зеленаго шолка цвѣтами перчи, обложенны одностороннимъ зубчатымъ золотымъ съ фольгою газомъ. На нихъ крестъ выложенъ съ такого же газа; подкладка китайки синей; а по краямъ обшитъ тафтою темнокоричневаго цвѣта.

20. Фелонъ и епатрахилій золотой великотравчатой съ серебрянными и золотыми по бѣлому полю перчи, обложены на одномъ оплечьи съ золотымъ съ серебрянными цвѣтами широкимъ зубчатымъ а на епатрахиліи узкимъ такимъ же газомъ, на ризѣ крестъ и кустодія вышиты золотомъ и фольгою съ бліосками подкладка алой китайки.

21. Фелонъ (и епатрахиліи) по суто золотому полю съ разными цвѣтами серебрянными и шелковыми перчи, обложенъ золотосеребреннымъ по краямъ газомъ, на немъ крестъ и кустодія шитые однимъ золотомъ съ бліосками, подбитъ меткалею землянаго цвѣта; при немъ епатрахилій золотой по серебрянному полю съ шелковыми цвѣтами перчи обложенъ таковымъ же газомъ а обшитъ алою китайкою.

Сдѣланъ съ покрывала умершаго купца Гавріила Вязмина на кошть наслѣдниковъ его въ 1820 году.

Сдѣлана съ покрывала покойнаго помѣщика Екатеринославскаго уѣзда Сидельскаго 1815 года.

Сдѣланъ съ покрывала умершей помѣщицы Елены Мусмановой съ прикладомъ половинной части отъ сына ея Петра Мусмана а половинной отъ церкви.

Сдѣланъ съ покрывала умершаго купца Стефана Пчолкина на кошть наслѣдниковъ сыновъ его купцовъ Ивана и Прокофія Пчолкиныхъ 1821 г.

Сдѣланъ съ покрывала умершей купеческой жены Кохановой съ употребленіемъ прибора отъ сына ея Купца Афанасія Коханова 1821 года.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>22. Фелонъ и епатрахилій золотой по серебряному полю перчи, обложенъ золото серебрянымъ съ фольгою одностороннимъ на краяхъ зубчатымъ газомъ, съ котораго и крестъ на оплечьи выложенъ, подкладка голубой китайки а по краямъ обшитъ темнозеленою тафтою.</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала умершей Статской Совѣтницы Екатерины Шляхтиной 1818 года.</p>
<p>23. Фелонъ и епатрахилій другой почти во всемъ подобенъ первому.</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала отъ дому Петра Четверикова ¹⁾.</p>
<p>24. Фелонъ и епатрахилій одинарной перчи по голубому полю; обложенъ серебряною сѣткою, подкладка меткали темнойхонтовой.</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала умершаго Бухгалтера Титулярнаго Совѣтника Михаила Кванушченка съ прикладомъ доставленнымъ отъ жены его 1823 года.</p>
<p>25. Фелонъ и епатрахилій одинарной перчи по кофейному полю съ золотыми и серебряными цвѣтами, на немъ крестъ выложенъ съ золотосеребрянаго широкаго зубчатаго газа обложенъ серебряною съ золотыми цвѣточками тязмою, подшить кубовою крашаниною, а на краяхъ полосатымъ алымъ демукиномъ. Епатрахилій же обложенъ узкимъ серебряннымъ газомъ.</p>	<p>Сдѣланъ съ оставшагося отъ умершаго прихожанина покрывала 1822 года.</p>
<p>26. Филонъ и епатрахилій бархатные зеленого цвѣта съ оплечьемъ перчи золотосеребряной по черному полю выложенны газомъ золотосеребрянымъ зубчатымъ, крестъ на спинѣ серебрянной фольги съ бліостками, подбиты краснымъ коленкоромъ.</p>	<p>Оба сін сдѣланы Титулярнымъ совѣтникомъ</p>
<p>27. Такая же подобная во всемъ вышеозначенной при ней епатрахилій зеленого плица.</p>	<p>Иваномъ Лазаренкомъ въ 1828 году.</p>

¹⁾ Петръ Четвериковъ былъ городскимъ головою съ 1803 по 1806 годъ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>28. Филонъ и епатрахилій золотосеребряной перчи съ большими шелковыми цвѣтами обложенъ широкимъ золотосеребрянымъ газомъ зубчатымъ на снѣгъ крестъ золотосеребряной фольги съ блістками и съ такою внизу звѣздою подбитъ краснымъ каленкоромъ.</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала умершаго купца Ивана Пчолкина 1828 года.</p>
<p>29. Филонъ и епатрахилій золотосеребряной перчи по бѣлому полю съ зелеными фіолетовыми и шелковыми цвѣтами обложенъ узкимъ золотосеребрянымъ газомъ зубчатымъ, крестъ на оплечьи фольговый фіолетоваго цвѣта, подкладка демикитонная кирпичнаго цвѣта</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала умершей помѣщицы Письменной 1828 года.</p>
<p>30. Фелонъ и епатрахилій сѣребряной золотой перчи по зеленому бархатному полю, обложенъ узкимъ золотосеребрянымъ газомъ зубчатымъ. Крестъ на оплечьи и звѣзда внизу фольговы фіолетоваго цвѣта подбиты демикитономъ кирпичнаго цвѣта.</p>	<p>Здѣланъ съ покрывала умершаго Екатеринославскаго купца Королева 1828 года.</p>
<p>31. Фелонъ и епатрахилій золотосеребряной перчи по кофейному полю, обложены золотосеребряной тясмою. Крестъ на оплечьи и въ низу звѣзда фольговы зеленаго цвѣта. Подкладка демикитонная чернаго цвѣта.</p>	<p>Сдѣланъ съ покрывала умершаго прихожанина.</p>
<p>32. Фелонъ и епатрахилій полуперчевые по желтому полю съ разными цвѣтами. Обложенъ не такъ широкимъ золотымъ съ серебряными цвѣточками газомъ. Подкладка демикитонная чернаго цвѣта.</p>	<p>Сдѣланъ съ надгробнаго покрывала умершей жены титулярнаго совѣтника Афанасія Якимовскаго 1828 года.</p>
<p>33. Фелонъ и епатрахилій полуперчевые по голубому полю съ золотыми цвѣтами, обложенъ узкимъ серебрянымъ газомъ, подкладка демикитонная кирпичнаго цвѣта.</p>	<p>Сдѣланъ съ надгробнаго покрывала умершаго титулярнаго совѣтника Хоменка 1828 года.</p>

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>34. Фелонъ и епатрахилій золотосеребряной перчи низшаго разбора, по бѣлому полю съ шелковыми кофейными цвѣтами. Крестъ на оплечьи фольговый зеленаго цвѣта обложенъ узкимъ золотосеребрянымъ газомъ подкладка демикитонная чернаго цвѣта.</p>	
<p>35. Фелонъ и епатрахилій полупарчевые по желтому полю съ красными шелковыми цвѣтами обложены золотосеребряною сѣткою въ оплечьи широкою зубчатою съ таковой же и крестъ.</p>	<p>Пошиты съ надгробнаго покрывала.</p>
<p>№ Фелонъ и епатрахилій бѣлаго гарденапола, крестъ и окладъ на нихъ золотосеребряной тязмы. Подкладка каленкоровая.</p>	<p>Справлены на коштъ Ивана Пчолкина</p>
<p>№ Такихъ фелонъ съ епатрахиліями еще три пары.</p>	<p>и другихъ.</p>
<p>Облаченія черныя.</p>	
<p>№ Фелонъ и епатрахилій добротнаго плиса, на нихъ крестъ и окладъ золотосеребряной тязмы зубчатой подпушка бѣлой тафты, а подкладка крашанинная.</p>	<p>Справлены кош- томъ купцовъ Пчолкина и</p>
<p>№ Такихъ во всемъ подобныхъ фелонъ съ епатрахиліями еще пять паръ.</p>	<p>Колѣсникова.</p>
<p>+ Фелонъ и епатрахилій двойнаго плиса обложены золотосеребряною сѣткою подкладка черной крашанины.</p>	<p>Справленъ на коштъ цер- ковный 1795 года.</p>
<p>№ Фелонъ и епатрахилій чернаго плиса обложены золотосеребряною сѣткою. На оплечьи крестъ выложенъ изъ золотаго газа, подкладка крашанинная.</p>	<p>Сей фелонъ перекрашенъ и при немъ епатрахилій обло- женный мишурною сѣткою 1829 года.</p>
	<p>Эпатрахилія не оказалась, а принадлежитъ къ нему черныи миткальный.</p>

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>× Фелонъ и епатрахилій черного плиса обложены мишурною бѣлою сѣткою, подшиты кубовою крашаниною, при немъ епатрахилій обложенъ старою мишурною сѣткою.</p> <p>+ Фелонъ и епатрахилій стараго плису обложенъ бѣлою мишурною тясмою при немъ епатрахилій обложенъ желтою по краямъ бѣлою мишурною старою сѣткою подкладка крашанинная.</p>	<p>Справленъ изъ давна на церковный коштъ 1823 года.</p> <p>Справленъ на коштъ церковный 1823 года.</p>
<p style="text-align: center;">Діаконскіе стихари.</p> <p>1. Стихарь зеленой одинарной перчи на немъ оплечье съ перчи сүтозолотой по малиновому ритому бархату обложенъ золотосеребренною узькою сѣткою подкладка черной крашанины.</p> <p>2. Стихарь добротной золотой по серебряному полю съ разными шелковыми цвѣтами перчи обложенъ золотымъ узькимъ позументомъ оплечье и края рукавовъ золотой перчи по малиновому полю, на оплечьи крестъ выложенный съ широкаго золотосеребреннаго газа по краямъ зубчатаго, подкладка кубовой крашанины съ китайкою темно-вышневаго цвѣта, при немъ орарь одинарной перчи.</p> <p>3. Стихарь сүтозолотой перчи по малиновому полю цвѣточному, оплечье и края рукавовъ перчи золотой по красному полю, подбитъ черною китайкою.</p> <p>4. Стихарь и орарь одинарной перчи по красному полю, обложенъ золотымъ узькимъ позументомъ, съ выложеннымъ оплечьи съ онаго жъ въ двойнѣ крестомъ подложенъ кубовою крашаниною. На орарь положенъ половинчатый зубчатый газъ.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала 1809 года.</p> <p><i>Положенъ на умершаго діакона Левицкаго.</i></p> <p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала 1817 года—помѣщицы Александры Письменной ¹⁾.</p> <p>Справленъ купцомъ Иваномъ Колѣсниковымъ въ память умершаго малолѣтняго сына его 1822 года. <i>По ветхости уничтоженъ.</i></p> <p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала на коштъ церковный 1822 года.</p>

¹⁾ Одна изъ станцій Екатеринбургской желѣзной дороги носитъ названіе „Письменная“.

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

5. Стихарь и при немъ орарь одинарной по голубому полю съ золотыми и разныхъ шелковъ цвѣтами, перчи обложенъ золотымъ узкимъ газомъ съ выложеннымъ въ двойнѣ съ того газа крестомъ, подкладка кубовой крашанины на орарѣ золотой съ серебромъ половинчатой газикъ.

6. Стихарь одинарной по бѣлому полю, перчи, съ золотыми и разныхъ шелковъ цвѣтами, края жъ рукавовъ перчи голубой обложенъ мишурною желтою тясмою на оплечьи крестъ выложенъ съ серебрянной сѣтки.

7. Стихарь перчи по пюсевому полю съ разными золотыми и шолковыми тканными цвѣтами, обложенъ мишурною сѣткою съ выложеннымъ серебрянной сѣтки крестомъ. При немъ орарь такой же перчи обложенъ мишурною бѣлою тясмою подложенъ голубою крашаниною.

8. Стихарь одинарной по голубому полю перчи обложенъ мишурною сѣткою, съ которой и крестъ на оплечьи виложенъ. Края на рукавахъ съ вишневой перчи. При немъ орарь обложенъ мишурнымъ газикомъ, подложенъ черною крашаниною

**Донскіе Стихари
вновь шитые**

9. Протодіаконскій, перчи сутой золотосеребрянной съ большими цвѣтами по серебрянному полю, пюсовыми цвѣтами, оплечье и подоль обложенъ золотосеребрянною тясмою, на коемъ и крестъ выложенъ съ той же широкой тясмы, подбитъ кирпичною тонкою крашаниною. При немъ таковой же и орарь длинный.

Пошить съ надгробнаго покрывала на коштъ церковный 1822 года.

Положенъ на умершаго священника въ Богоугодномъ заведеніи.

Пошить съ надгробнаго покрывала на коштъ церковный 1822 года.

По ветхости употребленъ на подкладку новаго стихаря 1837 года Августа 22-го дня или? (28)

Пошить съ надгробнаго покрывала 1817 года.

Положенъ на умершаго дячка Левицкаго.

Пошить съ надгробнаго покрывала 1816 года. Поношень.

Употребленъ на починку подобнаго ему таковаго цвѣта.

Справленъ съ купленной перчи съ прибавкою сторонняго пожертвованія 1823 года

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>10. Два діако́нскія стихаря перчи суто-золотой серебряной съ шолковыми, малиновыми, зелеными цвѣтами пюсовыми разводами обложенны на оплечьи рукавахъ и подолѣ золотосеребряною тясмою каторою выложенъ и крестъ, подложенны синюю кубовою крашаниною. При нихъ таковыя жѣ и два ораря.</p>	<p>Перча купленна на церковный коштъ съ приборомъ 1829 года.</p>
<p>11. Два стыхаря перчи малиновой съ золотомъ и шолковыми цвѣтами, на оплечьи и въ подолѣ положенна золотосеребряная тясма съ какой выложенъ и крестъ на оплечьи, подкладка кубовой крашанины. При нихъ таковыя жѣ два орари.</p>	<p>Справленны съ надгробнаго покрывала съ добавкою церковнаго кошта и сторонняго пожертвованія 1829 года.</p>
<p>12. Протодіако́нскій суто золото-серебряной съ разными шолковыми цвѣтами въ шахматахъ перчи, на немъ оплечье отличной серебряной съ малиновыми и другаго сорта цвѣтами оплечье и подолъ и рукава обложенны золотосеребрянымъ газомъ подкладка кубовой крашанины, на рукавахъ алой калинкоръ. При немъ таковой же и орарь.</p>	<p>Справленъ умершаго купца Ивана Пчолкина женою Параскевою 1828 года.</p>
<p>13. Два стихаря перчи одинарной по бѣлому полю на нихъ оплечье на рукавахъ и въ подоли доточка перчи одинарной голубой; обложенны крестъ оплечье рукава и подолъ тясмою золотосеребряною тясною, подложенны кубовою крашаниною. При нихъ такіе же и орари.</p>	<p>Съ надгробнаго покрывала, съ добавкою церковнаго кошта 1829 года.</p>
<p>14. Два стыхаря вподіако́нскіе матеріи бѣлаго гарденаполя, на нихъ крестъ, оплечье и рукава и подолъ обложенны атласною желтою лентою подкладка калинкоровая. При нихъ такіе же и орари.</p>	<p>Справленны коштомъ купчихи Параскевы Пчолкиной.</p>
<p>15. Таковыхъ же стихарей меньшей мѣры безъ орарей одна пара.</p>	<p>Тоже.</p>

З в а н і е в е щ е й.

Откуда поступили.

16. Пѣвческихъ стихарей шесть перчи одинарной по бѣлому полю; три съ натачками по оплечью рукавамъ и подолнику голубыми, а три зелеными той же одинарной перчи. На нихъ кресты, оплечья и рукава выложены золотосеребряною узкою сѣткою; подложены кубовою крашаниною.

17. Причетнической стихарь полосатаго демукитона съ приточками на оплечья, рукавахъ и въ подолникѣ съ зеленой перчи подложенъ крашаниною.

Стихари постовые черные.

1. Стихарь чернаго двойнаго плиса обложенъ широкимъ мишурнымъ газомъ съ котораго на оплечья и крестъ выложенъ подшитъ голубою кубовою крашаниною. При немъ такой же и орарь.

2. Стихарь съ ораремъ чернаго добротнаго плиса оплечье и края рукавовъ перчи по зеленому полю на коихъ подложена золотая сѣтка, подкладка кубовой крашанины.

3. Стихареи добротнаго плиса съ орарями числомъ шесть. На нихъ кресты оплечье рукава и подолники обложены золотосеребряною тясмою, подбиты кубовою крашаниною.

4. Такихъ же во всемъ подобныхъ безъ орарей два.

Справлены съ покрываль надгробныхъ и прибавкою купленной перчи и подкладокъ на церковный коштъ 1829 года.

Одинъ изъ нихъ употребленъ на починку.

Одинъ употребленъ по ветхости на подкладку новаго стихаря 1837 года или 1834 (?) Августа 28 дня.

Справленъ на церковный коштъ (ветхий).

Пошитъ на церковный коштъ 1820 года.

По ветхости уничтожены.

Пошитъ на церковный коштъ 1822 года.

Уничтожены.

Справлены
купцами
Прокофиемъ
Пчолкинымъ и
Иваномъ
Кольсенико-
вымъ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>5. Такихъ же малыхъ во всемъ подобныхъ стихарей семь, изъ коихъ пять подбиты синею кубовою крашаниною а два простою желтою крашаниною.</p>	<p>Справлены коштомъ тѣхъ же прихожанъ 1828 года.</p>
<p>Подризники</p>	
<p>1. Палеваго гранитура тканый въ низу серебромъ, подшить палевою китайкою.</p>	<p>На кошть добротнаго подаянія испрошеннаго Свя. Павломъ Дмитревскимъ 1803 года.</p>
<p>2. Голубаго гранитура съ приставленными вновь двуличной тафты рукавами. Шить въ подолъ золотомъ, серебромъ и шолками. Подшить черною крашаниною</p>	<p>Купленъ въ Кіевѣ на складочную сумму по старанію Іерея Гавріила Шенитьковскаго 1798 года</p>
<p>3. На аломъ гранитурѣ тканной въ низу разными шелками подшить алою китайкою.</p>	<p>Справленъ складочною суммою отъ добротныхъ дателей 1802 года.</p>
<p>4. На бѣломъ глашатѣ золотомъ серебромъ и разными цвѣтами; одинъ точію подолникъ ¹⁾.</p>	<p>Поступилъ съ Казанской церкви и подчиненъ 1823 года <i>положенъ на умершемъ.</i></p>
<p>5. Штофу великотравчатаго по двуличному полю, внизу обложенъ золотою сѣткою, подбитъ крашаниною. Отданъ на умершаго Священника Иліевскаго.</p>	<p>Пошить съ покрывала умершаго прихожанина въ 1799 году.</p>
<p>6. Штофа по двуличному гранитуровому полю, въ низу обложенъ золотою сѣткою, подбитъ крашаниною.</p>	<p>Пошить съ надгробнаго покрывала умершей жены купца Ивана Шевелева въ 1795 году <i>положенъ на умершаго священника Понизовскаго.</i></p>
<p>7. Галажевой съ палевыми и малиновыми полосками, въ низу обложенъ бѣлою атласовою тясмою съ черною по краямъ бархаткою, рукава тафты голубой, подбитъ крашаниною.</p>	<p>Пошить съ катапетазмы: по ненадобности ея доставленной въ церковь отъ дому Коллежскаго Совѣтника Ставровскаго 1796 года.</p>

¹⁾ Вообще вся запись объ этомъ подризникѣ не понятна и, повидимому, съ пропусками.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>8. Штофу по бѣлому полю съ оплечьемъ набойки мелкотравчатой, въ низу обложенъ голубою лентою подкладка желтой крашанины.</p>	<p>Пошить съ надгробнаго покрывала умершаго прихожанина 1802 года <i>Ветхий уничтоженъ.</i></p>
<p>9. Тафты мардаревой съ оплечьемъ двуличной тафты, которая въ другомъ цвѣтѣ и на рукавахъ; въ низу положенная серебрянная сѣтка, подбитъ полотномъ.</p>	<p>Пошить съ покрывала 1801 года <i>по ветхости уничтоженъ</i></p>
<p>10. Атласа пѣсочнаго цвѣта съ полосками, обложенъ въ низу золотою сѣткою, на оплечьи и рукавахъ тафта голубая съ одной стороны подшить набойкою.</p>	<p>Справленъ купеческою женою Александрою Четвриковою въ 1813 году.</p>
<p>11. Тафты темновышневой съ оплечьемъ димукитоновымъ дикаго цвѣта, въ подолѣ положена золотосеребрянная сѣтка, подшить набойкою по черному полю.</p>	<p>Пошить съ покрывала на коштъ церковный 1810 года.</p>
<p>12. Тафты темнойхонтоваго цвѣта съ оплечьемъ димикитоновымъ, въ низу обложенъ въ два ряда мишурною сѣткою, подкладка кубовой цвѣтной крашанины.</p>	<p>Пошить съ покрывала на коштъ церковный 1816 года. <i>Положенъ при погребеніи на протоіерея.</i></p>
<p>13. Яхонтовой мелкотравчатой матеріи въ низу тканъ палевыми цвѣтами, оплечье полосатаго демукитона по темнокоричневому полю, подкладка кубовой крашанины.</p>	<p>Пошить съ покрывала умершей малолѣтней дочери помѣщика Захарова 1822 года.</p>
<p>14. Палевой сдамашки великотравчатой подолъ выложенъ въ два ряда золотосеребряннымъ газомъ подбитъ калинкоромъ.</p>	<p>Справленъ отъ дому купчихи Параскевы Пчолкиной въ 1828 году.</p>
<p>15. Двуличной съ золотыми цвѣточками матеріи подолъ по голубому полю одинарной перчи, выложенъ серебрянною сѣткою обложенъ полуситцемъ.</p>	<p>Сдѣланны съ надгробныхъ покрываль</p>
<p>16. По атласному пѣсовому полю, полосатой съ золотыми цвѣточками. Подолъ выложенъ серебрянною сѣткою на такой же голубой перчи, подкладка полуситцевая.</p>	<p>1827 года.</p>

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>17. Перчи одинарної по кофейному полю, въ низу положенна золотая сѣтка, подбитъ полуситцемъ въ оплечьи, а въ подолѣ холстомъ.</p> <p>18. Галажевой полосатой въ низу положенна золотосеребряная узкая тясма подбитъ кубовой крашаниною.</p>	<p>Справленны съ надгробныхъ покрываль съ малою прибавкою церковнаго кошта въ томъ же году.</p>
<p style="text-align: center;">Поручи</p> <p>1. Перчи золотой съ серебряными цвѣтами, на крестѣ и въ краяхъ серебряный узкій положенъ газъ.</p> <p>2. Такіе же разныя поручи 2-е перчи золотосеребряной съ цвѣтами</p> <p>3. Перчи по кофейному полю серебряные.</p> <p>4. Перчи золотой по зеленому полю.</p> <p>5. По серебряному полю шитые цвѣтами.</p> <p>6. Золотой перчи съ пюсовыми и зелеными цвѣтами.</p> <p>7. Такіе же</p> <p>8. Золотосеребряной перчи</p> <p>9. По темнозеленому бархату шитые золотомъ и серебромъ.</p> <p>10. Перчевые по зеленому полю</p> <p>Еще старыхъ разныхъ перчъ и матерій но къ употребленію способныхъ до времени 10-ть паръ.</p> <p>На темносинемъ бархатѣ шитые серебромъ и золотомъ 2 пары.</p> <p>На малиновомъ грантурѣ шитые золотомъ и серебромъ съ шелковыми цвѣтами 1 пара.</p>	<p>Справленны</p> <p>отъ разныхъ</p> <p>остатковъ</p> <p>отъ по шитыхъ</p> <p>ризь и</p> <p>стихарей.</p> <p>Поступили отъ добротныхъ подателей.</p>
<p style="text-align: center;">Палицы</p> <p>1. Перчи сѣтозолотой по серебряному полю; обложена серебрянымъ съ золотомъ газомъ на ней три висящія золотые кисти, подложена набойкою мѣлкотравчатою по синему полю.</p>	<p>Справленна коштомъ умершаго купца Петра Воронькова въ 1802 году.</p> <p>Употреблена при погребеніи протоіерея.</p>

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>2. По фіолетовому полю шитая золотомъ и серебромъ; тожь и разными шелковыми цвѣтами, обложена серебряною бахрамою съ тремя серебряными кисточками. Подкладка тафты широко полосой.</p> <p><i>По ветхости уничтожены.</i></p>	<p>Внесена отъ протоіерея Башинскаго ¹⁾ которая была его собственная сдѣланная отъ подарка ему сей матеріи почившимъ въ Бозѣ преосвященнымъ Афанасіемъ который милостиво удостоилъ его и сего знака при священнослуженіи въ Новомиргородскомъ Каѳедральномъ Соборѣ ²⁾ марта 25 д. 1802 год.</p>
<p>3. На гранитуровомъ бѣломъ полѣ шитая разными цвѣтами, по срединѣ крестъ золотомъ и фольгою вишитъ обложена широкою тясмою, при ней три золотые кисти, подкладка бѣлаго атласа.</p>	<p>Пошита съ епатрахилія купленного на церковный коштъ 1801 года и потомъ по дебелости его къ употребленію оказавшагося не способнымъ.</p>
<p>4. По малиновому атласу шитая золотыми цвѣтами, при ней три шелковые кисти, обложена желтымъ узкимъ позументомъ подкладка двуличнаго гранаполя.</p>	<p>Внесена отъ ключаря протоіерея Іоанна Станиславскаго отданная въ сію Успенскую церковь мѣстечка Никополя ³⁾ Священ. Григоріемъ Кретлянскимъ 1803 года.</p>
<p>5. Перчи сүтозолотой обложена золотымъ газомъ и бахрамою съ тремя золотыми кистями на ней крестъ накладной серебряный съ блюсками подкладка матеріи зеленой тафты двуличной.</p>	<p>Справлена стараніемъ ключаря протоіерея Іоанна Станиславскаго 1808 года.</p>
<p>6. По зеленому бархату шиты золотомъ 4 херувими съ золотыми лучами и малиноваго цвѣта вольгою около вышита золотыми цвѣтами и обложена золото бахрамою съ тремя кистями подшита алою китайкою.</p>	<p>Отдана по приказанію преосвященнаго изъ архіерейской ризницы 1811 года.</p>

¹⁾ Протоіерей Іоаннъ Башинскій былъ ректоромъ Екатеринославской Духовной Семинаріи.

²⁾ Каѳедральный соборъ въ Новомиргородѣ былъ во имя св. Николая чуд.

³⁾ Мѣстечко Никополь находится въ Екатеринослав. губерніи и Екатеринославскомъ уѣздѣ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>7. Суто золотой по серебрянному полю съ зелеными и кофейными шолковыми цвѣтами перчи; обложена малиновою ленточкою подбита малиновою тафтою.</p> <p>8. Вторая подобная же во всемъ.</p>	<p>Пошиты обѣ съ оставшейся отъ ризъ перчи еще недоделанны.</p>
<p>Набедраники</p>	
<p>1. По малиновому бархату шитый золотыми цвѣтами съ фольгою, крестъ и края выложены широкою золотою сѣткою, обложенъ золотою узкою бахрамою, при немъ въ низу золотыхъ кистей двѣ подкладка тафты полосатой яхонтоваго цвѣта.</p>	<p>Пошить кромѣ бархата на церковный коштъ 1806 года.</p>
<p>2. По бѣлому гранитуровому полю шитый разными золотыми и шелковыми цвѣтами по срединѣ два шитые золотомъ и фольгою кресты. Обложенъ широкою золотою тясмою во кругъ серебрянною сѣткою, въ подолѣ золотая бахрама, подшитъ малиновою тафтою.</p>	<p>Пошить съ епатрахилія купленнаго на церковный коштъ 1801 года и потомъ по дебелости къ употребленію оказавшагося неспособнымъ, приборъ же на оный составленъ отъ добродотныхъ дателей.</p>
<p>3. Перчи суетосеребряной съ мѣлкотравчатыми цвѣтами, крестъ и края выложены серебряннымъ газомъ обложенъ серебрянною сѣткою подшитъ бѣлымъ атласомъ.</p>	<p>Поступилъ изъ Новокодацкой Соборной Николаевской церкви по указу Консисторіи въ 1806 на коемъ подкладка перемѣнена двуличнымъ гранитуромъ.</p>
<p>4. Перчи суетозолотой съ шолковыми цвѣтами, крестъ и края выложены серебряннымъ газомъ. Степеньки 3 подъ крестомъ здѣланны съ серебряной сѣтки и бахрами, каковою и около обложенъ, подшитъ двуличнымъ гранитуромъ.</p>	<p>Поступилъ въ церковь въ 1793 года и есть собственный ключаря Протоіерея Іоанна Станиславскаго отданный ему Новокодацкимъ Священникомъ Кодратомъ Сѣверскимъ.</p>

Званіе вещи.	Откуда поступили.
<p>5. Перчи одинарной по желтому полю, обложенъ золотою сѣткою, на немъ крестъ выложенъ золото-серебряною, степенки три золотою сѣткою съ серебряною бахрамою которою и около обложенъ, подшитъ зеленымъ двуличнымъ гранитуромъ.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала на коштъ церковный 1794 года <i>Употребленъ при погребеніи протоіеря Станиславскаго.</i></p>
<p>6. Перчи одинарной по шюсовому полю, обложенъ золотымъ въ два ряда газыкомъ и по краямъ бахрамою. Крестъ выложенъ съ золотою сѣтки, под нимъ степенки сдѣланы съ золотаго жъ газыка и бахрамы, подкладка красной баи.</p>	<p>Пошитъ съ надгробнаго покрывала на церковный коштъ 1795 года.</p>
<p>7. Малиноваго бархата на немъ крестъ и под нимъ степенки и края выложенны съ золотаго позумента подкладка алаго кумача.</p>	<p>Откуда поступилъ неизвѣстно, а отданъ оный въ соборъ отъ покойнаго духовника Ливеріи ¹⁾ 1812 году.</p>
<p>Вновь пошитые набедраники:</p>	
<p>8. Перчи сутозолотой серебряной по зеленому бархатному полю, на немъ крестъ и вокругъ выложенъ золотосеребряною тясмою, подложенъ темно-голубымъ демукитомомъ.</p>	<p>Съ перчи оставшейся отъ ризъ сшитыхъ съ покрываль</p>
<p>9. Перчи сутозолотосеребряной съ шюсовыми разводами крестъ и вокругъ выложенны золотосеребряною тясмою, подбиты корычневымъ демукитомомъ.</p>	<p>умершихъ прихожанъ и малою добавкою церковнаго кошта</p>
<p>10. Второй во всемъ ему подобенъ.</p>	<p>1829 года,</p>
<p>11. Перчи по голубому полю съ золотыми цвѣтами, крестъ и подолникъ выложенны золотосеребряною и выше его такуюжъ узькою тясмою, съ прибавкою выше по краямъ на мѣсто тясмы лоскутами перчи. Подбитъ алымъ калинкоромъ.</p>	<p>Изъ таковой же надгробнаго покрывала перчи.</p>

¹⁾ Въ Самарскомъ монастырѣ близъ г. Новомосковска въ числѣ братіи былъ іеромонахъ Ливерій — родной племянникъ высокаго подвижника Паисія Величковскаго, но кажется, онъ скончался позже 1824 года. Можетъ быть здѣсь идетъ рѣчь о другомъ духовникѣ Ливеріи.

З в а н и е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>12. Турецкой по зеленому полю перчи. Крестъ выложенъ золотосеребряною тѣсною, обложенъ старою узкою золотою сѣткою подбитъ алымъ каленкоромъ.</p>	<p>Сдѣланъ изъ оставшагося оплечья отъ ризъ 1828 года</p>
Поясы и кушаки	
<p>1. Кушакъ перчи суто золотой по серебрянному полю съ серебрянными пуговицами подшитъ набойкою.</p>	<p>Пошитъ съ остатковъ перчи отъ надгробнаго покрывала жены купца Молчанова Евдокин, а серебрянные пуговицы сдѣланны на церковный коштъ въ 1804 году.</p>
<p>2. Тканый золотомъ съ мѣлковыми шелковыми цвѣтами длиною аршинъ шесть съ половиною на концахъ бахрама шелковая съ золотомъ обветшавшая.</p>	<p>Взять по указу изъ Новокодацкой соборной церкви въ 1806 году и разрѣзанъ на двѣ части которые подшиты набойкою.</p>
<p>3. Такой же во всемъ подобный.</p>	
<p>4-й. Кушакъ тканый красный полосатый.</p>	
<p>5-й. Четыре пояса перчовые вновь сшитые.</p>	
<p>6-й. Поясъ серебряннаго фризе разными шолками съ бліостками, золотимъ крестомъ; обложенъ золотою тѣсною. Подбитъ краснымъ гардинаполемъ.</p>	
<p>7-й. Поясъ шитый канве шитье гарусомъ, подбитый краснымъ каленкоромъ.</p>	
Утиральники	
<p>1. разнаго сорта 10-ть</p>	<p>Поступили изъ разныхъ мѣсть</p>
Шолковые платки:	
<p>1. Платокъ золотой по мардоревому полю большой.</p>	
<p>2. Платокъ по зеляному полю, съ золотыми цвѣточками.</p>	

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>3. Двуличный съ нитью красною, и черною.</p> <p>4. Два двуличные съ пѣстрыми каймами тафтяные.</p> <p>5. Два по кофейному полю гранитуровые съ цвѣточками.</p> <p>6. Тяфтяной малиновой съ кисемъ и цвѣточками золотыми тожь и камбѣю.</p> <p>7. Тяфтяной по лазоревому полю съ камьями.</p> <p>8. Тяфтяной палевой съ камьями.</p> <p>9. Полутафтяной малиновой.</p> <p>10. Съ широкими алыми, голубыми и бѣлыми полосами.</p> <p>11. Гранитуровой лазореваго цвѣта обложенъ серебряною сѣточкою</p> <p>12. Полосатой въ двойную нитку тканый божмажный.</p> <p>13. Божмажный съ цвѣтами по бѣлому полю, съ каймами тканый.</p> <p>14. Такій же большій почти во всемъ первому подобный.</p> <p>15. Кизимировый полосатой съ широкими каймами въ разныхъ цвѣтахъ.</p> <p>16. Божмажный черной съ красными и другихъ цвѣтовъ каймами.</p>	
<p style="text-align: center;">Ковры и кылими.</p> <p>1. По черному полю съ разными большими цвѣтами мѣрою 3 аршина.</p> <p>2. Длинной по черному полю тканый разными цвѣтами мѣрою 4 аршина съ половиною.</p> <p>3. По черному полю съ разными цвѣтами мѣро 4 аршина.</p>	<p>Оставленъ отъ гроба въ церкви умершей Статской Совѣтницы Брачемыли.</p> <p>Взять по указу съ Новокодацкой Николаевской церкви въ 1806 году.</p> <p>Остался въ церкви отъ гроба умершаго Предсѣдателя уголовной палаты Бразола.</p>

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>4. По бѣлому полю тканый разными цвѣтами, мѣрою 3 аршина съ половиною.</p> <p>5. По желтому полю разными цвѣтами тканый съ тремя орлами мѣрою 3 аршина съ половиною.</p> <p>6. Коверъ по зеленожелтому полю съ разными цвѣтами мѣры 2 аршина съ половиною.</p> <p>7. По черной земли съ разными цвѣтами мѣрою 5$\frac{1}{2}$ аршинъ.</p>	<p>Оставленъ въ церкви отъ гроба умершаго прихожанина въ 1803 году.</p> <p>Поступилъ изъ Казанской церкви, а въ оную доставленъ добροхотнымъ дателемъ 1793 года.</p> <p>Внесенъ отъ дому умершаго прихожанина 1816 года.</p> <p>Поступилъ отъ умершаго Коллежскаго ассесора Софронія Дьяченкова 1829 года.</p>
<p style="text-align: center;">Коцы¹⁾.</p> <p>1. По зеленому съ малиновыми цвѣтами полю, вокругъ цвѣты съ жолтаго и другихъ красокъ тканья, мѣры 2 аршина и 3 четверти.</p> <p>2. Тканый разными мѣлкотравчатыми цвѣтами на краяхъ кайма нарочито широкая по малиновому полю, и другихъ цвѣтовъ, мѣры 2 аршина и 3 четверти.</p> <p>3. Тканый разными цвѣтами съ выложенною по срединѣ звѣздою и съ большими около каймы тканными по малиновому больше полю, мѣры 3 аршина</p> <p>4. Тканый разными взорами цвѣтовъ, малиноваго, зеленого, синяго, голубаго, вишневаго, и другихъ цвѣтовъ; каймы широкіе, таковыхъ же цвѣтовъ мѣры 2 аршинъ и 3 четверти.</p> <p>5. Тканый по синезеленому съ малиновыми цвѣточками полю, каймы на немъ простыя разныхъ цвѣтовъ мѣры 2 аршина съ $\frac{1}{2}$.</p> <p>6. По зеленому полю съ малиновыми круглыми цвѣтами съ камьею блѣдокрасною.</p>	<p>Поступили въ церковь отъ домовъ умершихъ разныхъ прихожанъ въ разные годы.</p>

¹⁾ Особый видъ ковроваго производства, о которомъ былъ заслушанъ рефератъ на бывшемъ въ Харьковѣ въ 1902 году XII всероссійскомъ Археологическомъ Сѣздѣ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>Покрывало при погребеніи мертвыхъ тѣлъ употребляемое, черного стараго плица, съ приточкою синяго плица съ выложеннымъ съ желтой мишурной сѣтки крестомъ и другими знаками; подкладка крашаниная.</p>	<p>Поступило изъ Казанской церкви а потомъ поправлено въ 1798 году.</p>
<p>Паникадилы, Лампады и Подсвѣшники.</p>	
<p>Паникадило мѣдное посеребренное съ 12 подсвѣшниками, на мѣсто коего поступило мѣдное жъ посеребренное съ 24 подсвѣшниками. Вѣсу въ немъ одинъ пудъ 28 фунтовъ.</p>	<p>Сіе паникадило едѣланное на кошты бывшего вице-Губернатора Степана Васильевича Глесскаго внесено въ церковь по дозволенію покойнаго преосвященнаго архіепископа Теофила ¹⁾ а прежнее отдано Павлоградскаго уѣзда Петровскаго прихода въ Михайловскую церковь 1826 года.</p>
<p>Лампады хрустальныхъ двѣ.</p>	
<p>Мѣдныхъ при намѣстныхъ иконахъ аплике и девятая выше при Нерукотворенномъ образѣ одна.</p>	<p>Поступили отъ добрыхотныхъ подателей въ 1820 году а старыя остались безъ употребленія.</p>
<p>1. Подсвѣщникъ мѣдный посеребренный стоящій.</p>	<p>Купленъ въ Харьковѣ по заказу 1818 году.</p>
<p>2. Такой же новой мѣдной посеребренный.</p>	<p>Принесенъ въ церковь въ пожертвованіе отъ прихожанки 1829 года.</p>
<p>Такіе жъ посеребренные 4-ре два большихъ, а два меньшихъ</p>	<p>Куплены въ Ильинскомъ ярманкѣ на кошты церковный 1830 года.</p>

¹⁾ Преосвященный Теофиль (Татарскій) съ 19 мая 1823 года епископъ Екатеринославскій, въ 1826 году возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1827 году уволенъ на покой; скончался 11 ноября 1830 года.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>3. Малыхъ напрестольныхъ и настольныхъ разныхъ сортовъ 6.</p>	<p>Поступили въ различное время.</p>
<p>Оловянные блюда.</p>	
<p>1. Плоскихъ антидорныхъ овальныхъ одно большее а другое меньшее. Маленькое плоское круглое.</p>	<p>Поступили изъ бывшей Казан-</p>
<p>2. Полумисоки красной мѣди одинъ большій а другой меньшій.</p>	<p>ской церкви.</p>
<p>Кофейники</p>	
<p>1. Мѣди желтой большой 2. Той же мѣди меньшей.</p>	<p>Изъ Казанской церкви. Тоже.</p>
<p>Щипцы</p>	
<p>1. Желѣзные съ длиннымъ рукоятіемъ Ложка желѣзная большая Такая жъ меньшая</p>	<p>Изъ Сокольскаго монасты- ря.</p>
<p>Раздувательный мѣхъ.</p>	<p>Купленъ на церковный коштъ.</p>
<p>Звонки</p>	
<p>Разнаго вѣса три употребляемые для кошельковъ и другой надобности.</p>	<p>Изъ бывшей Казанской церкви.</p>
<p>Зеркало</p>	
<p>Стекла простаго овальное одѣтое въ позолоченныя рамы.</p>	<p>Тоже.</p>

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
Разныя вещи.	
1. Большой сундукъ безъ оковы, для положенія разныхъ мѣлочей въ пономарнѣ стоящій.	Поступилъ изъ Казанской церкви въ 1797 году.
2. Окованный меньшій для храненія церковной суммы.	Купленъ на церковный коштъ въ 1798 году.
3. Окованный для сбора свѣчныхъ денегъ	Съ бывшей Казанской церкви.
4. При стѣнѣ прибитый для сбора кошельковыхъ денегъ.	
5. Ящикъ для храненія плащаницъ.	Сдѣланъ на церковный коштъ 1795 года.
6. Шкафъ для сосудовъ и книгъ	Изъ Сокольскаго монастыря.
7. Деревянный кіотикъ подъ стекломъ для продажи свѣчей.	Сдѣланъ на церковный коштъ въ 1798 году.
8. Амвонъ большой архіерейскій.	Вновь
9. другой меньшей на горнемъ сѣдалищѣ	здѣланы.
10. Амвонъ діаконскій въ одной части.	Изъ Казанской церкви.
11. Купель желѣзная покрашенная.	Сдѣлана на церковный коштъ.
12. Мирница деревянная покрашенная.	Вновь сдѣлана на церковный коштъ.
13. Аналоеъ вновь сдѣланныхъ четыре.	
14. Стульевъ деревянныхъ четыре.	Сдѣланы на церковный
15. Запоровъ деревянныхъ къ дверямъ три.	коштъ.
16. Желѣзныхъ съ замками четыре.	

Званіе вещей.	Откуда поступили.
Книги.	
1. Апостоль печатанъ 1790 года.	Купленъ добротнымъ дательмъ 1801 года
2. Апостоль московской печати 1756 года. <i>Остается.</i>	Подержанъ.
3. Уставъ церковный 1785 года московской печати. <i>Остается.</i>	Поступилъ изъ Казанской церкви.
4. Служебникъ полулистовой Кіевской печати 1795 года.	Купленъ въ Кіевѣ добротнымъ дательмъ.
4. Служебникъ Львовской печати, первые листы потеряны, почему неизвѣстенъ годъ отпечатанія его.	Поступилъ изъ Сокольскаго монастыря 1790 года.
5. Служебниковъ въ осьмуху 5-ть и седмой въ четверть листа. <i>Оставлено 2.</i>	Первые куплены на сумму церковную, а послѣдній поступилъ изъ Соколскаго монастыря.
6. Акафистникъ печати Кіевской 1793 года. <i>Остается.</i>	Купленъ на коштъ дворянина Остроухова ¹⁾ 1797 года.
7. Акафистникъ Почаевской печати печатанъ 1809 года. <i>Остается.</i>	Поступилъ отъ протоіерея Іоанна Станиславскаго.
8. Акафистникъ Кіевской печати печатанъ 1819 года.	Купленъ добротнымъ дательмъ 1825 года.
1. Требникъ московской печати печатанъ 1800 года. <i>Остается.</i>	Доставленъ добротнымъ дательмъ 1801 года.
2. Требникъ въ полулистъ московской печати безъ означенія года на первомъ листѣ который потерянь.	Поступилъ отъ добротнаго дателя

¹⁾ Отмѣтки „остается“ вѣроятно означаетъ какія богослужебныя книги при передачѣ церковнаго имущества въ нынѣшній Преображенскій соборъ должны были остаться въ старомъ Успенскомъ соборѣ.

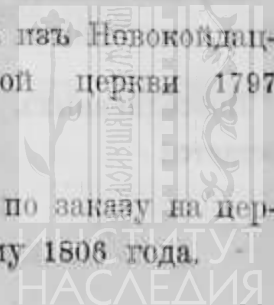
²⁾ Фамиліи Остроухова и Рудя есть и теперь въ Екатеринославѣ.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
3. Требникъ въ полулистъ московской печати 1785 года.	Поступилъ изъ Казанской церкви.
4. Требникъ въ четверть листа подъ красною кожею 1805 года. <i>Остается.</i>	Выписанъ изъ Кіева и заплаченъ церковною суммою.
5. Требникъ въ четверть безъ означенія года подъ новою кожею.	Поступилъ изъ Казанской церкви 1797 года.
6. Требникъ въ осьмуху Кіевской печати 1818 года.	Поступилъ въ Церковь отъ прихожанки Рудевой.
7. Требникъ въ четвертку кіевской печати 1805 года.	
1. Октоиховъ въ осьмуху листа печатанныхъ 1764 года восьми гласовъ. <i>Остается одинъ послѣдній томъ.</i>	Выписаны по заказу 1801 года.
2. Октоиховъ полулистовыхъ 3-ри книги изъ коихъ 2-въ части оправлены а третья въ старомъ переплетѣ 1782 года. <i>Остается 2 книги.</i>	Поступили изъ Казанской церкви 1797 года.
3. Октоихъ подъ красною кожею печатанъ 1797 года.	Выписанъ изъ Кіева на коштъ церковный.
1. Минея общая безъ означенія года. <i>Остается.</i>	Поступила изъ (Казанской) Соколкаго монастыря 1797 года.
Служба преподобныхъ Кіевопечерскихъ отецъ называемая Патерикъ въ 3-хъ книгахъ. <i>Остаются 3.</i>	Поступили отъ купца Афанасія Гараина, а 2-я изъ Соколкаго монастыря.
1. Тріодъ постная печатана 1791 года. <i>Остается.</i>	Выписана нарочно на коштъ церковный 1806 года.
2. Тріодъ такая же печатана 1791 года.	Поступила изъ Казанской церкви.
3. Тріодъ цвѣтная печатана 1792 года	Куплена на церковный коштъ 1807 года.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>4. Такая же безъ означенія года</p> <p>1. Слѣдованная псалтирь московской печати 1754 остается.</p> <p>2. Часословъ оправленный въ кожу Кіевской печати 1814 года. <i>Остается.</i></p> <p>Псалтирь съ толкованіемъ печати (въ двухъ экземплярахъ) 1802 года.</p> <p>Ирмолой текстовой кіевской печати 1791 года.</p> <p>Ирмолой такой же 1743 года. <i>Остается.</i></p>	<p>Изъ Соколскаго монастыря</p> <p>Изъ Соколскаго монастыря</p> <p>Доставленъ изъ Кіева на коштъ прихожанина 1827 года.</p> <p>Вывезена изъ Кіева на коштъ церковный 1809.</p> <p>Присланъ изъ Консисторіи.</p> <p>Изъ Соколскаго монастыря.</p>
<p style="text-align: center;">Нотныя.</p> <p>Октоихъ печат. 1800 года.</p> <p>Праздничный печат. 1800 года. <i>Остается.</i></p> <p>Обиходъ церковный 1-на книга 1798 года вторая же не отыскана.</p> <p>Ирмосы гласовъ 5, 6, 7 и 8</p> <p>Панихидныхъ реестровъ 7-мъ печатанныхъ въ разные годы. <i>Остается 1 экземпляръ.</i></p> <p>Каноны Воскресенія Христова и службъ на свѣтлую седмицу 4 книжки. <i>Остается одна книга.</i></p> <p>Поучительныхъ словъ на воскресные и другіе дни печатанныхъ 1777 года. <i>Остается.</i></p> <p>Повседневныхъ краткихъ поученій печат. 1789 г. остается</p>	<p>Присланы изъ Духовной Консисторіи.</p> <p>Тоже</p> <p>Присланы иные изъ Консисторіи другіе изъ Харькова отъ добротныхъ дателей, а иные изъ Соколской церкви и Соколскаго монастыря.</p> <p>Поступили отъ разныхъ мѣстъ безъ заплаты.</p> <p>Изъ Казанской церкви.</p> <p>Тоже.</p>

Званіе вещей.	Откуда поступили.
Книги.	
1. Поучительныхъ словъ Іоанна Златоустого печат. 1787 года.	<p>Присланы</p> <p>изъ Духовной</p> <p>Консисторіи выпи-</p> <p>санные изъ москов-</p> <p>ской типографіи.</p> <p>Тоже</p> <p>изъ Кон-</p> <p>систо-</p> <p>ріи.</p> <p>Поступила отъ бывшаго ста-</p> <p>росты Стороженко.</p> <p>Изъ Казанской церкви 1797</p> <p>года.</p> <p>Поступила изъ Невскойлац-</p> <p>кой соборной церкви 1797</p> <p>года.</p> <p>Выписано по заказу на дер-</p> <p>ковную сумму 1806 года.</p>
2. такая же печат. 1787 года	
3. такая же (Бесѣды Іоанна Евангелиста 1793 г.) <i>Взята.</i>	
4. Бесѣды на дѣянія Іоанна Златоустого печати 1767 часть 1-я. <i>Нѣтъ.</i>	
5. Словъ избранныхъ Іоанна Златоустаго часть 1-я и 2-я 1792. <i>Остается.</i>	
6. Бесѣды Іоанна Златоустого часть 2-я 1791 го- да. <i>Остается.</i>	
7. Бесѣды на дѣянія печат. 1767 года.	
<i>Бесѣдъ на дѣянія 1767 года не оказалось, а есть 1768. Взято.</i>	
8. Бесѣды Іоанна Златоустаго часть 1-я 1781-го года. <i>Нѣтъ.</i>	
9. Бесѣды о покаяніи 1779 году. <i>Взято.</i>	
10. Толкованіе на посланіе къ Римляномъ 1806 года и къ Коринѣяномъ 2-вѣ 1806 года.	
Разсужденіе о расколникахъ заблужденныхъ безъ означенія года. <i>Взято.</i>	
Толкованіе на посланіе собор. Апостола Іакова 1794 года. <i>Взято.</i>	
Послѣдованіе присоединяемыхъ изъ иновѣрныхъ къ православной католической церкви московской печати 1776 года. <i>Остается.</i>	
Евангеліе читаемое ввремя страстей 1801 года. <i>Остается.</i>	

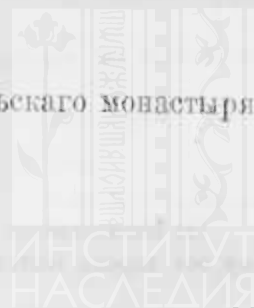
З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
Такое жъ печати Кіевской безъ означенія года.	Изъ Сокольскаго монастыря 1765 года ¹⁾ .
Рукописная на освященіе церковныхъ вещей и на иные случаи. <i>Нѣтъ.</i>	Изъ Новокоидацкой соборной церкви 1793 года.
Часословъ въ осьмуху листа безъ означенія года.	Привезена изъ Кіева добротнымъ дателемъ.
Часословъ въ осьмуху московской печати 1790 г. <i>На мѣсто сего купленъ причетниками новый печ. 1821 года. Остается</i>	
Послѣдованіе молебнаго пѣнія изъ конхъ 1-я печатана 1786. 2-я печатана 1802 года. <i>Остается</i> 3-я печатана 1802 года 4-я такая же 1801 года	Изъ Соколкаго монастыря и изъ Казанской церкви.
Книга о должности христіанина безъ означенія года. <i>Остается.</i>	
Молебное пѣніе во время заразительнаго немощи 1771 года.	Изъ Соколкаго монастыря 1797 года.
Историческое разсужденіе о чинахъ грекоросійскія церкви 1805 года. <i>Нѣтъ.</i>	При-
Молебныя книги отпѣваемыя въ день Рож. Христова 3-ри экземпляра печатаны 1816-го двѣ и 1-на 1826 года. <i>Остается 1 книга.</i>	сла-
2-въ о побѣдѣ на сопостаты Христоименитому воинству печ. 1-я 1808-го, а 2-я 1828 годовъ. <i>Остается 1 книга.</i>	
Послѣдованіе молебныхъ пѣній на испроверженіе крамолы 2-въ печат. 1826 года. <i>Остается 1 книга.</i>	

¹⁾ Годъ указанъ, вѣроятно, ошибочно; долженъ быть скорѣе всего 1797-ой.

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
Молебныхъ пѣній 2-вѣ совершаемыхъ нояб. 6-го и Апреля 5-го печат 1797 годовъ. <i>Нѣтъ.</i>	изъ
Чинъ како пріймати къ православной вѣрѣ приходящихъ иже изъ млада воспитани быша внѣ православныя церкви печ. 1816 года. <i>Остается.</i>	конси-
Чинъ священнослуженія и обрядовъ наблюдаемый въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ печ. 1795. <i>Остается.</i>	сторіи.
Чинъ бываемый въ явленіе истины между двумя человѣкома тяжущимися 1800 года. <i>Нѣтъ.</i>	
Служба Димитрія митрополита Ростовскаго 1763. <i>Остается.</i>	Изъ Соколенскаго монастыря
Службы преподобному Феодосію Тотемскому 2 вѣ, 1-я 1806-го а 2-я 1823 годовъ. <i>Остается 1 книга.</i>	Изъ Консисторіи
Чинъ дѣйствія какимъ образомъ совершалось коронованіе Государя Николая I-го 1826. <i>Остается 1 книга.</i>	Изъ Консисторіи
Чинъ исповѣданія отроковъ 2-вѣ, 1 я 1769 го а 2-я 1817 годовъ и при нихъ на греческомъ диалектѣ одна книжица состоитъ подъ другимъ годомъ.	Изъ Консисторіи
Краткое увѣщаніе о привытїи коровьей оспы. 1829 года. <i>Остается.</i>	Изъ Консисторіи
Чинъ коронованія Императора Александра I-го Сентября 25-го 1801 года. <i>Остается.</i>	Изъ
Послѣдованіе въ неделю православія 1797. <i>Нѣтъ.</i>	Кон-
Молитвы чтомыя въ неделю пятидесятницы 1821 г. <i>Нѣтъ.</i>	си-
Менторъ или руководство къ образованію ума сердца и вкуса 1808 года. <i>Нѣтъ.</i>	сторіи.

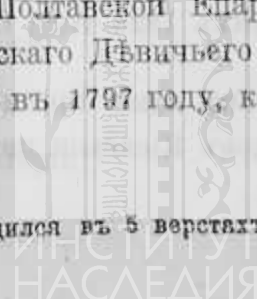

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
Выписки изъ писаній свят. церковно учителей и другихъ писателей о пользѣ чтенія Св. писанія 1817 года. <i>Нѣтъ.</i>	Посту-
Новая скрижаль или дополненіе къ преждеизданной скрижали съ таинственными объясненіями 1816 года. <i>Нѣтъ.</i>	пили
Толкованіе на посланіе къ римляномъ С. Апостола Павла отъ Св. Отець и другихъ важныхъ писателей 1815 года. <i>Нѣтъ.</i>	изъ
Книгъ на толкованіе пророковъ 5-ть взяты 4 книги. <i>Одной нѣтъ.</i>	Духов-
Богословіе С. Іоанна Дамаскина 1785 разныхъ годовъ. <i>Взято.</i>	ной
Исторія Новаго Завѣта Георгія Кедрина 1820 года. <i>Взято.</i>	Кои-
Книжница по коей отпѣвается моленіе Іоанну Воину 1762 года. <i>Остается.</i>	отъ добротнаго дателя
Правильникъ въ Кіевопечерской печати 1823 года. <i>Взято.</i>	си-
Библия 1816 года. <i>Взято.</i>	сторіи
Миней мѣсячныхъ новыхъ 12-ть а старыхъ 6-ть книгъ въ коихъ по два мѣсяцы 1-е 1787 а 2-я 1750 годовъ. <i>Остаются старыя 6.</i>	Старыя поступили изъ Казанской церкви, а новыя выписаны изъ Кіева.
О вѣрѣ и нравственности христіанина въ 2-хъ частяхъ 1828 года Санктпетербургъ. <i>Нѣтъ.</i>	
Чинъ како пріймати возрастъ имущихъ отъ жидовъ Кіевской печати 1789 года.	Изъ Сокольскаго монастыря

З в а н і е в е щ е й.	Откуда поступили.
<p>12-ть книгъ Христіанскаго Чтенія 1833-го года.</p> <p>Октоихъ нотнаго пѣнія 8-ми гласовъ Московской печати 1831-го года.</p> <p>Обиходъ нотный въ 2-хъ книгахъ такой же печати 1826-го года.</p> <p>Ирмологій нотный 8 гласовъ въ 2-хъ книгахъ такой же печати 1833 года.</p> <p>Службы Страстныя седмицы въ 2-хъ книгахъ такой же печати 1831-го года.</p>	<p>Выписаны изъ Московской Синодальной типографской конторы на церковные деньги 1834-го</p> <p>Года Марта</p> <p>1-го дня.</p>
<p style="text-align: center;">Колокола.</p> <p>Колоколя новая на столбахъ покрытая желѣзомъ</p> <p style="text-align: center;">На ней колокола:</p> <p>1. Ста пяти пудъ</p> <p>2. Пятидесяти одного пуда 10 фунтовъ</p>	<p>Обнесена въ поперекъ шелевкой.</p> <p>Сей колоколь доставленъ въ Новокойдацкій соборъ Сѣчевымъ полковымъ Есауломъ Касаповымъ, и, за упраздненіемъ тамъ соборной церкви, взятъ по резолюціи преосвященнаго Платона въ 1806 году. По разбытіи его вновь перелить въ Таганрогъ стараніемъ и коштомъ нѣкинхъ прихожанъ а болѣе настоятелемъ церкви.</p> <p>Перевезенъ изъ упраздненнаго въ Полтавской Епархіи Пушкароекаго Дѣвичьего монастыря ¹⁾ въ 1797 году, кото-</p>

¹⁾ Вознесенскій Пушкароекскій монастырь, нынѣ село Пушкароека находится въ 5 верстахъ къ югу отъ города Полтавы.

Званіе вещей.	Откуда поступили.
<p>3. Двадцати 4-хъ пудъ сорока 6 фунтовъ ²⁾).</p> <p>4. Вѣсу въ немъ не показано.</p> <p>Меньшіе два } и Два маленькихъ }</p>	<p>рый отъ преосвященнаго Архієпископа Іова взятъ въ крестовую церковь 1812 года ¹⁾).</p> <p>Перевезенъ изъ упраздненнаго въ Полтавской Епархіи Соколскаго монастыря въ томъ же 1797 году.</p> <p>По разбитіи его обмѣненъ съ добавкою заплаты.</p> <p>Остались отъ Половицкой Казанской церкви.</p>
<p style="text-align: center;">Разное.</p> <p>Привѣсокъ и одна сребренная маленькая шата съ 2-мя коронками вѣсомъ 2 фун. и 8 золот.</p> <p>Парчи, полупарчи и матеріи разной 18-ть кусковъ.</p> <p>Парчи разнаго сорта 15 кусковъ.</p> <p>Полупарчи разнаго сорта 14 кусковъ.</p> <p>Разныхъ кусковъ и платковъ 16-ть.</p>	<p>Все сіе серебро по приказанію Преосвященнаго употреблено на одѣлку лампадокъ въ Преображенскій Соборъ.</p> <p>При разсматриваніи оказалось 8 кусковъ парчи и полупарчи, протчіе употреблены на облаченія напрестольныя въ новый соборъ.</p>

¹⁾ Этотъ колоколь сохранился до настоящаго времени и находится на колокольнѣ архіерейской церкви.

²⁾ Если не ошибочно прописано сорока 6 фунтовъ, то странно почему не обозначено прямо 5 п. 6 ф.

Воспоминанія старожиловъ объ иконѣ „плачущаго Спасителя“, находящейся въ г. Екатеринославѣ, въ кафедральномъ Преображенскомъ соборѣ¹⁾).

В. Машукова.

При входѣ въ кафедральный соборъ, съ правой стороны находится образъ такъ называемаго „Плачущаго Спасителя“.

Названіе это икона получила отъ событія, случившагося въ г. Екатеринославѣ, — не припомню навѣрное года, но слухъ о немъ достигъ къ намъ въ деревню въ 1836-мъ или 1837 годахъ.

Разсказъ объ этомъ событіи былъ слѣдующій:

Икона эта принадлежала какой-то бѣдной вдовѣ, Дѣвой, преимущественно работавшей церковныя одежды. Случилось такъ, что, не получая долго уплаты за свою работу, она находилась въ крайней нищетѣ и не имѣя чѣмъ заплатить за комнату, занимаемую во дворѣ богатой купчихи, которая угрожала ей выгнать ее съ квартиры она усердно молилась предъ этою иконою о ниспосланіи ей помощи. Во время молитвы, она ясно увидѣла, что изъ глазъ иконы Спасителя, вытекали слезы. Полагая, что это явленіе происходитъ отъ жары, она взявъ чистенькое полотенце, отерла эти слезы и начала опять молиться. Но слезы изъ глазъ иконы продолжали являться еще въ большемъ видѣ. Она вторично отерла ихъ; но опять повторилось въ третій разъ тоже явленіе обильныхъ слезъ иконы Спасителя. Тогда она побѣжала сообщить объ этомъ чудномъ явленіи къ своей хозяйкѣ, у которой въ это время было много гостей. Всѣ поспѣшили въ комнату бѣдной вдовы и удостовѣрившись лично въ чудесномъ изліяніи слезъ иконы Спасителя послали за священникомъ. Началось служеніе молебна; народу собралось множество и всѣ молящіеся удѣляли деньги для бѣдной вдовы владѣтельницы этой чудной иконы. Такимъ образомъ Господь, услышавъ мольбы, возносимыя ею, ускорилъ проявить ей чудную свою помощь.

Молва объ этомъ чудномъ событіи скоро достигла до слуха Преосвященнаго, который прислалъ протоіерея соборнаго Моторнаго удостовѣриться въ ея справедливости. Протоіерей, взявъ икону завернулъ ее въ платокъ, привезъ ее въ городъ и поставилъ въ алтарѣ собора, такъ что желающіе помилиться передъ нею не могли болѣе ее видѣть.

¹⁾ Это сказаніе найдено въ рукописи, нынѣшнимъ кафедральнымъ протоіереемъ о. Петромъ Доброхотовымъ среди бумагъ, оставшихся послѣ смерти его предшественника кафедральнаго протоіерея о. Петра Катранова († 1896 г.).

Вскорѣ послѣ того, одна крестьянка привела съ собою 12-ти лѣтнюю дочь больную припадками падучей болѣзни. Дѣвочка эта по сновидѣнію, настоятельно просила мать вести ее въ соборъ Екатеринославскій, гдѣ находится икона Спасителя которую она ясно видѣла во снѣ и отъ которой обѣщано ей исцѣленіе. Когда мать привела ее въ соборъ, больная, осмотрѣвъ всѣ находящіяся въ немъ иконы, Спасителя не находила той, какая являлась ей въ сновидѣніи. По убѣдительной просьбѣ больной дѣвочки и ея матери и по разговорамъ ея объ изображеніи этой иконы, священникъ вынесъ ее изъ алтаря. Увидѣвъ ее, больная упала передъ ней со слезами, пламенно молилась объ исцѣленіи, просила священника отслужить молебенъ съ акаѣистомъ передъ иконою и при послѣднемъ кондакѣ упала въ конвульсіяхъ на полъ; но припадокъ продолжался не долго. Приложили къ ней икону, она очнулась, встала и тутъ же получила полное исцѣленіе.

Набожная вдова, акушерка г. Новомосковска Ирина Ивановна долго страдала отъ ревматизмъ, которые такъ свели ея ноги, что ее катали въ креслѣ. Слышавъ о чудотвореніяхъ иконы Спасителя, она пріѣхала въ Екатеринославъ. Ее вкатили въ креслѣ въ соборъ, и во время чтенія акаѣиста Спасителю, она была совершенно исцѣлена. Пересчитать всѣхъ остальныхъ исцѣленіи невозможно, но можно только сказать, что они продолжаются и что „Плачущаго Спасителя“ знаютъ всѣ въ Екатеринославѣ.

Памятники XVIII столѣтія въ Екатеринославскомъ кафедральномъ Преображенскомъ соборѣ.

В. Машукова.

Просмотрѣвъ опись прежней кафедральной Успенской церкви, составленную въ 1808 году и дополнявшуюся въ 1823 и 1830 гг., а также описи нынѣшняго кафедральнаго Преображенскаго собора за 1853, 1857 и 1887 гг. ¹⁾, мы не нашли въ нихъ предметовъ, входящихъ своею древностію далѣе XVIII столѣтія. Впрочемъ и отъ XVIII столѣтія, если только не считать печатныхъ богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ, въ соборѣ сохранилось весьма ограниченное число памятниковъ. Эти памятники слѣдующіе: 1) *Сребропозлащенный крестъ*, поступившій въ соборъ въ 1864 году по духовному завѣщанію майора Золотова ²⁾. Длина креста $4\frac{3}{4}$, ширина $2\frac{5}{8}$ и толщина $\frac{3}{8}$ вершка. На лицевой сторонѣ, на пяти финифтяныхъ дробницахъ изображены: распятіе Христово, архангелы Михаилъ, и Гавріиль, Господь Саваоѣ и подъ распятіемъ—несеніе креста; внизу на рукояти вычеканены орудія Христовыхъ страданій: столбъ съ вервиемъ, бичъ, молотокъ, гвозди и др. На обратной сторонѣ переименованы святѣи, хранящіеся въ крестѣ.

2) *Напрестольное евангеліе*, московской печати—1763 года, сохранившееся еще отъ Половицкой ³⁾ Петропавловской церкви ⁴⁾, о пожертвованіи въ которую имѣется на оборотѣ заглавнаго листа слѣдующая записка: „сіе евангеліе данное въ церковь половицкую новопоселенную апостоловъ Петра и Павла за упокой Трофима Куги, а стараніемъ Стефана Афанасіева сына Лубенскаго 1782 году маія 5 дня. Доски евангелія обиты зеленымъ бархатомъ и мѣстами украшены окладомъ изъ низкопробнаго сѣребра. На верхней доскѣ посреди распятіе Христово, а въ углахъ св. евангелисты съ символами; на исподней доскѣ въ средникѣ изображеніе св. Николая

¹⁾ Описи собора за 1836 годъ намъ не удалось найти.

²⁾ Первоначально, этотъ крестъ находился въ одномъ изъ кievскихъ монастырей, затѣмъ нѣкоторое время составлялъ семейную святѣи Г-на Протопопова, служившаго при святѣйшемъ синодѣ, а отъ него перешелъ, по родству, къ майору Золотову. Копія завѣщанія Золотова и краткія свѣдѣнія о семъ крестѣ хранятся при дѣлахъ собора.

³⁾ Въ 1787 году государственная слобода „Половица“ была переименована въ губернской городъ Екатеринославъ.

⁴⁾ Петропавловская церковь такъ и не была освящена: будучи приготовленною къ освященію, она 6 августа 1783 года, отъ неизвѣстной причины сгорѣла; успѣли спасти только иконы, утварь и богослужебныя принадлежности. При вторичномъ же устроеніи храмъ былъ освященъ уже въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Изъ Казанской церкви большая часть имущества (въ томъ числѣ и это евангеліе) была передана въ замѣнившую ее Успенскую церковь именованную уже кафедральною, а изъ послѣдней, послѣ ея упраздненія, въ нынѣшній кафедральный Преображенскій соборъ.

чудотворца, по краямъ чеканный узоръ, и кромѣ того, еще четыре гладкихъ пукли возвышающихся больше чѣмъ на $\frac{1}{2}$ вершка. Всѣ изображенія также чеканныя.

3) *Напрестольное евангеліе изъ Сокольскаго Преображенскаго монастыря* ¹⁾. Въ 1796 г. изъ упомянутаго монастыря была перевезена въ г. Екатеринославъ деревянная церковь, освященная въ честь Успенія пресвятыя Богородицы, одновременно съ которою вѣроятно, передано и самое евангеліе. Евангеліе довольно большихъ размѣровъ: въ вышину 11 и въ ширину $7\frac{1}{4}$ вершковъ; доски его обиты малиновымъ бархатомъ и, мѣстами, украшены сребропозлащеннымъ окладомъ. На верхней доскѣ изображены посрединѣ распятіе Христово, а въ углахъ св. евангелисты съ символами; кромѣ того надъ средникомъ и подъ нимъ по серафиму. На исподней сторонѣ средникъ съ иконою Преображенія Господня, кругомъ четыре звѣздочки, далѣе четыре гладкихъ пукли, а по краямъ чеканный узоръ. По листамъ евангелія имѣется слѣдующая записъ: „1776. года мѣсяца августа седмого числа сия книга евангеліе купленное въ сокологорскій монастырь Преображенскій за шесть десять рублей..... куреня Дюдновскаго Григоріемъ Даниловичемъ Татротомъ“.

4) *Плащаница 1796 года* шитая золотомъ и серебромъ по зеленому бархату. На ней посрединѣ, живописное на холстѣ изображеніе пречистаго тѣла Господня; положеніе рукъ Спасителя вытянутое вдоль тѣла, опоясаніе на чреслахъ и вѣнецъ вокругъ главы вышиты золотомъ. По сторонамъ главы Спасителя надписаніе „*Іис. Хрс.*“, а въ углахъ шестокрылые серофимы, лица коихъ живописныя, а крылья шиты золотомъ. Далѣе, внутри прямоугольной рамки вышить тронарь: „*благообразный Іосифъ*“... а въ углахъ рамки 4 звѣздочки, подложенныя цвѣтною фольгой. На поляхъ плащаницы въ четырехъ углахъ, въ кругахъ поясные лики св. евангелистовъ, съ символами; по сторонамъ рукъ Спасителя съ одной стороны—позорный столбъ съ вервиемъ, бичъ, чаша, рука беззаконныхъ, три жребія и пѣтухъ, а съ другой—крестъ, копье, губа съ тростію, лѣстница, молотокъ, гвозди; внизу у ногъ означенъ годъ „*лцзз*“—1796 ²⁾; въ остальныхъ же мѣстахъ вышиты травы и цвѣты подложенные цвѣтною фольгой. По краямъ плащаницы нашита тесьма, а въ углахъ четыре кисти.

Длина плащаницы 2 аршина, ширина 1 аршинъ 3 вершка. По свидѣтельству церковной описи эта плащаница сдѣлана за 525 рублей въ Кіево-Флоровскомъ женскомъ монастырѣ ³⁾.

Кромѣ описанныхъ предметовъ, другихъ памятниковъ XVIII столѣтія ⁴⁾ мы не встрѣчали.

¹⁾ Упраздненный Преображенскій-Сокольскій или Сокульскій монастырь, нынѣ мѣстечко „Соколка“ находился въ Кобелякскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. (Матеріалъ для истор.-топогр. изслѣдованія о монастыряхъ въ Россійской Имперіи. В. В. Звѣринскій, т. II, № 1093-а).

²⁾ Хотя годъ на плащаницѣ помѣщенъ 1796-й, но въ описи каедральной Успенской церкви составленной въ 1808 году и дополнявшейся въ 1823 и 1830 гг. сказано, что эта плащаница освящена въ 1795 году. Въ описяхъ каедральнаго Преображенскаго собора за 1857 и 1887 гг. также значится, что эта плащаница приобрѣтена въ 1795 году.

³⁾ Опись Успенской каедральной церкви 1830 года.

⁴⁾ Въ соборѣ есть еще копія съ извѣстнаго образа художника Гверчино: „*Невѣріе св. Фомы*“, но, когда именно она написана, свѣдѣній не имѣется. О ней извѣстно лишь то, что она куплена за большую сумму въ Италіи бывшимъ Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Герсевановымъ и въ 1833 году принесена имъ въ даръ каедральному собору.

Опись города Новомосковска

Соборной Свято-Троицкой церкви со всѣми съ украшеніями, имуществомъ и утварью,
учиненная іюня 17 дня 1827 года.

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубл.	Копѣйки.			
	Отдѣленіе первое. <i>О церковь и колокольнѣ</i>						
	Города Новомосковска Соборная Свято-Троицкая церковь на каменномъ фундаментѣ деревянная строеніемъ крѣпкая, заложена 1773-го года Архіепископомъ Евгеніемъ Славянскимъ; освящена 1781-го года сего же прихода протоіереемъ Григоріемъ Порохнею, а сооружена строителями войска Запорожскаго Бригадиромъ Андреемъ Головатымъ и Кошевымъ Иваномъ Чипигю въ царствованіе Императрицы Екатерины Алексѣевны. Снаружи кругомъ обшелевана и окрашена, съ тремя престолами. При постройкѣ сей церкви отъ основанія ея до окончанія вмѣстѣ съ иконостасомъ, горными сѣдалищами, жертвенниками и четырьмя боковыми кивотами издержано шестнадцать тысячъ сѣмъ сотъ восьмидесять пять рублей и сѣмдесять одна копѣйка						
	Колокольня деревянная, строеніемъ						
					16785		71

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубли.	Копѣйки.			
	<p>крѣпка, большая, снаружи ветхая съ шестью колоколами изъ коихъ (1) 262 пуда 24 фунта цѣною 7,220 рублей; 2) 97-мъ пудъ цѣною 1164 руб. 3) 52 пуд. цѣна 975 руб. 4) 17 пуд. цѣною 475 руб. 5) 1 пудъ 7 фун. цѣна 78 руб. и 6) 32 фун. цѣною 41 рубль. Кругомъ церкви и колоколни ограда деревянная строеніемъ крѣпка. Въ ней находятся два церковные дома деревянные рубленные изъ коихъ одинъ меньшій покрытый шелевкою а другой большій покрытъ драпію и оба вѣтхіе. Въ ограды находятся церковный кладезь строеніемъ крѣпкій, обнесенъ оградю, надъ нимъ сооруженъ балдахинъ покрытый шелевкою и выкрашенъ. На верху балдахина находится крестъ съ позолотою, а подъ балдахиномъ близъ кладезя стоитъ крестъ большой деревянный съ изображеніями въ срединѣ Иисуса Христа на краяхъ съ правой стороны Іоанна Богослова, а съ лѣвой Божіей Матери. 1825 года цѣною 575 рублей и 61 коп. <i>пять сотъ семьдесятъ пять рублей и шестьдесятъ одна копѣйка.</i></p> <p style="text-align: center;">Отдѣленіе второе.</p> <p><i>О престолахъ иконостасахъ и жертвенникахъ.</i></p> <p>4 Храпящаяся въ ящикѣ подъ жертвенникомъ Петропавловскимъ шапка святаго Іоанна милостиваго златосеребрянымъ шитьемъ украшенная,</p>						
					1828 года Января 15 дня въ даръ Собору принесена вдовою Штабсъ-Кавитаншею Еленою Щепоткиною.		

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?	
			Рубл.	Копѣйки.				
Отдѣленіе четвертое.								
<i>О крестахъ стоячихъ.</i>								
На среднемъ престолѣ:								
1	Сребренный пестровызолоченный съ подножіемъ съ 13 финифтами вѣсу 5 ф. 63 зол.	—	—	—	1771 г. общимъ коштомъ.			
2	Кипарисный прорѣзной съ подножіемъ оправленъ серебромъ и пестровызолоченъ вѣсу съ кипарисомъ 5 ф. 48 зол.	—	—	—	1783 отъ Новомосковского жителя Ивана Козачины.			
3	Сребренный съ подножіемъ пестровызолоченнымъ вѣсу [3] 2 фунта 62 золотника.	—	—	—	1774 г. общимъ коштомъ.			
4	Сребренный пестровызолоченный съ подножіемъ вѣсу 2 ф. 62 зол.	—	—	—	1775 г.	Общимъ коштомъ.		
На правомъ престолѣ.								
1	Сребренный пестровызолоченный съ подножіемъ вѣсу 3 фун. 93 золот.	—	—	—	1777 г.			
2	Сребренный пестровызолоченный съ подножіемъ вѣсу 1 ф. 83 зол.	—	—	—	1782 г.			
На лѣвомъ престолѣ.								
1	Кипарисный съ подножіемъ въ серебрянной обдѣлкѣ пестровызолоченъ вѣсу 2 ф. 15 зол. съ 6 финифтами.	—	—	—	1826 г. отъ новом. жителя Кузминой.			
2	Кипарисный въ серебрянной обдѣлкѣ пестровызолоченъ, вѣсу 2 ф. 36 зол.	—	—	—	1772 общимъ коштомъ.			
Отдѣленіе седьмое.								
<i>О евангеліяхъ.</i>								
1	Большое на Александрійской бумагѣ оправлено краснымъ бархатомъ подъ серебромъ пестровызолоченнымъ съ 10 финифтами.	—	250	—	1781 отъ козакъ Ивана Прудкого.			

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обвѣшала или убыла въ какомъ году и по какому обстоятельству?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубл.	Копѣек.			
2	Покрѣто зеленымъ бархатомъ въ серебряной пестровызолоченной оправѣ.	—	80	—	1750 отъ козака Лаврентія Плики.		
3	Подъ парчею въ серебряной пестровызолоченной оправѣ.	—	170	—	1771 г. общимъ коштомъ.		
4	Подъ краснымъ плисомъ въ мѣдной съ позолоткою оправѣ.	—	30	—	1767 отъ козака Стефана Пышного.		
5	Въ мѣдныхъ вызолоченныхъ доскахъ подъ серебряною оправою съ 9 финифтами и 6 камушками.	—	210	—	1785 отъ козака Петра Щирато.		
6	Въ серебряныхъ пестропозлащенныхъ доскахъ съ 5 финифтами.	—	85	—	1792 отъ козака Василя Коцубы.		
7	Подъ зеленымъ плисомъ въ мѣдной оправѣ съ 3 финифтами.	—	—	—	1810	} Общимъ коштомъ.	
8	Въ мѣдныхъ доскахъ съ многими (19) финифтами.	—	—	—	1812		
9	Подъ краснымъ бархатомъ въ серебряной оправѣ съ 5 финифтами.	—	85	—	1792		
Отдѣленіе восьмое.							
<i>О чашахъ.</i>							
1	Серебряная пестровызолоченная въсу 3 ф. 93 зол.	—	100	—	1766 отъ козака Федора Колотнечи.		
2	Серебряная пестровызолоченная съ 8 финифтами въсу 3 ф. 23 з.	—	100	—	1791 поселнина Карпа Мосюрды.		
3	Серебряная пестровызолоченная съ 8 финифтами въсу 2 ф. 31 з.	—	61	2	1783 священника Іоанна Ковалевскаго.		
4	Серебряная пестровызолоченная въсу 1 ф. 38 зол.	—	37	80	1761 общимъ коштомъ.		
5	Серебряная пестровызолоченная въсу 91 зол.	—	17	50	1754 Иванъ Чуманъ.		
6	Серебряная съ позолоткою и финифтовыми изображеніями въсу 150 зол.	—	—	—	1826—Іустинъ Кузминъ.		

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубли.	Копѣйки.			
7	Серебряная вызолоченная съ 8 финифтами обложенными стразовыми камнями и бѣрюзою вѣсу 2 ф. 10 зол. . .	—	—	—	1821 купца Алексѣя Кучера		
	Отдѣленіе восьмое. <i>О чашахъ.</i>						
	Водосвятная чаша съ крышкою, и въ срединѣ лаханъ вкладная аплѣке одна.	—	37	50	1832 г.		
	Отдѣленіе девятое. <i>О дискосахъ.</i>						
1	Серебряный сверху вызолоченный, а въ подножїи безъ позолотки вѣсу 1 ф. 86 зол.	—	45	—	1763 отъ козакъ Федора Колотнечи.		
2	Серебряный пестровызолоченный вѣсу 72 золот.	—	26	65	1791 поселянина Карпа Мосюрды.		
	Отдѣленіе десятое. <i>О звѣздахъ, ложцахъ и копїяхъ.</i>						
1	Серебряная пестровызолоченная вѣсу 48 зол.	—	11	52	1763 отъ козакъ Федора Колотнечи.		
2	Серебряная пестровызолоченная съ финифтами вѣсу 33½ золотника. . . .	—	10	89	1791 г. отъ козакъ Карпа Мосюрды.		
	Отдѣленіе одиннадцатое. <i>О блюдахъ ангелахъ и кадїлахъ.</i>						
1	Серебряное большое всенощное со всѣмъ приборомъ вѣсу 3 ф. 30 зол. . .	—	96	—	1785 г.	Общ- щимъ кош- томъ.	
2	Серебряное небольшое для раздробленїя св. даровъ безъ позолотки вѣсу 34 золотника.	—	6	92	1786 г.		

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какому обстоятельству?	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубли.	Копѣйки.			
3	Сребренное вызолоченное вѣсу 23 золотника.	—	23	—	1791 отъ іерея Іоанна Ковалевскаго.		
4	Сребренное для согрѣванія надъ чашею Божественныхъ Таинъ вѣсу 44 зол.	—	10	56	1787 общимъ коштомъ.		
<i>Ангелы.</i>							
1	Сребренный имѣющій въ рукахъ по три свѣтилника пестровызолоченъ. Подъ нимъ <i>стручвое</i> (?) яйцо серебромъ оправленное съ серебряною маленькою иконкою вѣсу 3 ф. 40 з.	—	75	—	1781 Рязицкимъ коштомъ.		
2	Сребренный пестровызолоченный подъ нимъ иконка съ изображеніемъ Петра и Павла вѣсу 1 ф. 30 зол.	—	20	—	1762 } Общимъ коштомъ. 1767 }		
3	Сребренный вызолоченный подъ нимъ яйцо каменное выкрашенное вѣсу 6 ф.	—	15	—			
4	Сребренный вызолоченный съ цѣпками въ которомъ ангелъ вѣсу сто восьмь золотниковъ (108).	—	—	—	1834 отъ вдовы Варвары Кошениковой.		
<i>Кадилы.</i>							
1	Сребренное съ 3 гримушками вызолоченное вѣсу 1 ф. 42 золотника.	—	24	60	1771 г. общимъ коштомъ.		
2	Сребренное безъ позолотки вѣсу 1 ф. 22 зол.	—	23	—	1767 г. отъ казака Григорія Шрама.		
3	Желтой мѣди три кадильницы.	—	—	—	1810 общимъ коштомъ.		
<i>Маленькія чашечки.</i>							
1	Сребренная вызолоченная вѣсу 24 зол.	—	7	20	1781 г. отъ казака Михаила Набоки.		
2	Сребренная не вызолоченная вѣсу 24 зол.	—	—	—			

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?
			Рубли.	Копѣйки.		
Отдѣленіе четырнадцатое.						
<i>О престольныхъ облаченіяхъ и паникадилахъ.</i>						
1	Къ Троицкому престолу срачица бѣлаго холста одна.	—	3	—	1774 общимъ коштомъ.	
<i>Индитіи.</i>						
1	Красной ординарной парчи на ней крестъ золотого позумента.	—	90	—	1774 общимъ коштомъ.	
2	Венецкаго малиноваго бархата обложена вокругъ золотою сѣткою на ней крестъ также изъ сѣтки.	—	213	18	1791 г. отъ козаковъ Тимофея Булаха и Ивана Чабанца.	
Отдѣленіе шестнадцатое.						
<i>О набедренникахъ и подризникахъ.</i>						
Подризники:						
1	Полуберу зеленаго вышить снизу золотомъ серебромъ и разнымъ шелкомъ (въ Кладбищенской церкви).	—	45	—	1758 отъ Козака Стефана Прилуки.	
2	Бѣлой матеріи вышить снизу золотомъ серебромъ и разнымъ шелкомъ подшить бѣлою крашаниною.	—	50	—	1765 полковника Ивана Яблунковского.	
3	Полуберу вишневаго вышить снизу золотомъ серебромъ и разнымъ шелкомъ, подшить пѣстрою набойкою.	—	24	—	1768 козака Ивана Игаскаго	
17	Холстяныхъ 14-ть снизу вышиты золотомъ серебромъ и разнымъ шелкомъ.	—	—	—	Въ разные годы отъ разныхъ лицъ.	

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствомъ.	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?	
			Рубли.	Копѣйки.				
Отдѣленіе семнадцатое.								
<i>О поясахъ и діакоонскихъ стихаряхъ.</i>								
Пояса:								
1	Персидскій, на срединѣ красный съ бѣлыми полосками, концы затканые разнымъ шелкомъ и серебромъ краи же серебромъ и чернымъ шелкомъ.	—	12	50	1755 общимъ коштомъ.			
2	Шалевый большой руки затканый одинъ конецъ золотомъ, а другой серебромъ, красный.	—	12	70	1759 общимъ коштомъ.			
3	Шалевый меньшей руки красный съ затканными концами одинъ золотомъ, а другой серебромъ.	—	15	60	1761 отъ козака Леонтія Крутъ.			
4	Шалевый большой руки красный у коего концы вѣтхи.	—	20	—	1762			
5	Шалевый затканый золотомъ съ синенькими на концахъ поворозочками.	—	12	50	1755	Общимъ коштомъ.		
6	Поступленный въ новъ розового полу бархату вышитый серебромъ и золотомъ.	—	—	—	1831			
7	По темномъ полѣ полушюлковой съ мѣлкою желтою тканью обветшалой.	—	—	—				
Стихари:								
.								
.								
.								
Отдѣленіе девятнадцатое.								
<i>О поручахъ.</i>								
1	Греченскіе на голубомъ гранитурѣ серебряные цвѣты по срединѣ красные кресты, на конхъ вышиты слова золотомъ.							

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обвѣщала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ.	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубли.	Копѣйки.			
Отдѣленіе двадцатое.							
<i>О килимахъ, хоругвахъ и значкахъ и зановѣскѣ.</i>							
1	Килимовъ разноцвѣтныхъ двадцать. . .	20	—	—			
2	Турецкій коверъ большой одинъ. . .	1	50	—	1778 отъ добротныхъ дателей.		
3	Небольшихъ ветхихъ восьмъ.	8	—	—			
<i>Хоругви.</i>							
1	По правую сторону на красной едомашки съ изображеніями съ одной стороны святая Троицы, что подъ дубомъ мамврійскимъ, а съ другой святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана, обложена сребренною съ шелкомъ бахромою съ таковыми же тремя кистями.	—	—	—	1787 Шведскимъ коштомъ.		
2	Хоругвь на красномъ сукнѣ, съ изображеніемъ Св. Троицы и Трехъ святителей и на концахъ сребренная бахрама.	—	—	—	1828 года декабря 10 дн отъ Шведскаго цеха въ 30 ⁰ рублей.		
<i>Значки.</i>							
1	На бѣломъ сукнѣ съ изображеніемъ на одной сторонѣ сошествія св. Духа, а на другой двуглавый орелъ, на груди коего изображенъ побѣдоносецъ Георгій обложенъ кругомъ золотою сѣткою съ двумя таковыми же кистями.	—	—	—	1810 Бравецкимъ коштомъ.		
2	На красной едомашкѣ съ изображеніемъ съ одной стороны Воскресенія Христова, а съ другой Спаситель пріуготовляетъ Вечерю, обложенъ золотою сѣткою съ двумя таковыми же кистями.	—	—	—	1823 Рязанскимъ коштомъ.		

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ.	Какая вещь переѣзана или поправлена въ какомъ году?
			Рубль.	Копѣйки.			
3	На голубой едомашкѣ съ изображеніемъ съ одной стороны двуглаваго орла, на груди коего изображена Св. Троица, а съ другой Архистратига Михаила, обложенъ бахрамою шелковою съ двумя такими же кистями.	—	—	—	1818 Шевскія коштомъ.		
4	На сукнѣ яхонтоваго цвѣту съ изображеніемъ съ одной стороны Преображенія Господня, а съ другой Косьмы и Даміана, обложенъ вокругъ серебряною бахрамою съ двумя золотыми кистями.	—	—	—	1827 Кузнецкія коштомъ.		
5	На синемъ сукнѣ съ изображеніемъ съ одной стороны трехъ святителей, а съ другой Архангела съ пораженнымъ демономъ, обложенъ шелковою зеленою бахрамою съ двумя такими же кистями.	—	—	—	1825 Шевскія коштомъ.		
6	На красной едомашкѣ съ изображеніемъ съ одной стороны Архистратига и Иисуса Навина, а съ другой Косьмы и Даміана, обложенъ красною шелковою бахрамою съ двумя такими же кистями.	—	—	—	1803 Кузнецкія коштомъ.		
7	На бѣломъ грантурѣ съ изображеніемъ съ одной стороны Архистратига, а съ другой Николая Чудотворца, обложенъ шелковою зеленою бахрамою съ двумя серебряными кистями.	—	—	—	1802 Гранецкія коштомъ.		
8	На бывшей зеленой едомашкѣ, съ изображеніемъ съ одной стороны Георгія Побѣдоносца съ пораженнымъ змѣемъ, а съ другой двуглаваго орла, обложенъ шелковою бѣлою бахрамою съ двумя черными кистями.	—	—	—	1819 Кравечкія коштомъ.		

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыва въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ?	Какая вещь передана или исправлена въ какомъ году?
			Рубля.	Копѣйки.			
Отдѣленіе двадцать первое.							
<i>О деревянныхъ крестахъ употребляемыхъ при церковныхъ церемоніяхъ.</i>							
1	Безъ рѣзбы, на коемъ изображено съ одной стороны распятіе Спасителя, а съ другой положеніе во гробъ пречистаго тѣла Его, а въ концахъ четыре евангелиста съ надписью таковою: „сооруженъ сей крестъ города Новомосковска ко храму св. Троицы коштомъ шевскаго цеха стараніемъ же цехмистра Василія Бондаренка“	60	—	1809	Шевскимъ коштомъ.		
2	Съ позолоченною рѣзбою, на коемъ съ одной стороны изображено воскресеніе Спасителя, на концахъ страсти Его, а съ другой распятіе Его, на концахъ четыре Евангелиста, съ надписью таковою: „сооружилъ сей крестъ слободы Новоселицы въ церковь св. Троицы цеха Кравецкаго, Шолодецкимъ коштомъ за Атамана ихъ Николая Войтенка“	80	—	1784	Кравецкимъ коштомъ.		
3	Безъ рѣзбы подъ золотомъ съ изображеніемъ съ одной стороны крещенія Господня, на двухъ концахъ Петра и Павла, а на третьемъ верхнемъ Николая, съ другой же стороны распятіе Спасителя съ четырьмя на концахъ Евангелистами съ надписью такою: „сооруженъ крестъ сей до храма Свято-Троицкаго Новомосковской церкви коштомъ шевскимъ за Атамана ихъ Василія“	40	—	1795	Шевскимъ коштомъ.		

Номери.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убыла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствамъ.	Какая вещь передъана или поправлена въ какомъ году?
		Рубл.	Копѣйки.			
4	Звѣзда съ изображеніями съ одной стороны Бога Отца съ осѣненіемъ св. Духа, а пониже Воскресеніе Христово, а съ другой Рождества Христова съ надписью таковою: „сооруженъ въ Свято-Троицкую Новосельскую церковь Коштомъ Кравецкимъ за атамана ихъ Сумеона Чашки съ товарищами“ .	50	—	1792 Кравецкимъ коштомъ.		
5	Съ позолоченною рѣзбюю съ изображеніями съ одной стороны приуготовленіе Спасителемъ Вечери съ четырма на концахъ Евангелистами, а съ другой стороны Воскресенія Христова, въ верхнемъ концѣ Богъ Отецъ, на правомъ концѣ Скорбящая Божія Матерь, а на лѣвомъ Іоаннъ Богословъ съ надписью таковою: „1826 года сооруженъ сей крестъ въ храмъ св. Троицы, отъ усерднѣйшаго жертвованія ремесленниковъ шевскаго общества при головѣ Иванѣ Колесниченко и Цехмистрѣ Иванѣ Гажевалѣ“ .	200	—	1826 Шевскимъ коштомъ.		
<p>Отдѣленіе двадцать второе.</p> <p><i>О платкахъ.</i></p> <p>Перваго сорта 6 — —</p> <p>Втораго „ 8 — —</p> <p>Третьяго „ 10 — —</p> <p>Четвертаго „ 10 — —</p>						
<p>Отдѣленіе двадцать третіе.</p> <p><i>О книгахъ церковныхъ.</i></p>						

Номера.	Званіе церковныхъ вещей.	Сколько всего.	Какая цѣна.		Какая вещь отъ кого поступила въ какомъ году?	Какая вещь обветшала или убывла въ какомъ году и по какимъ обстоятельствомъ.	Какая вещь передана или поправлена въ какомъ году?
			Рубл.	Копѣек.			
18	Ирмологіевъ съ нотою рукописныхъ въ полнсть въ простой кожѣ; два писаны 1709 года	—	—	—			
48	Рукописный Акаѳистъ Дмитрію муроточивому въ четверть въ бумажной оправѣ писанъ 1826 г.	—	—	30			
	Потомъ уже безъ №№.						
	<i>О серебряныхъ привѣскахъ къ иконамъ.</i>						

Опись прошнурована и скрѣплена печатью. На оборотѣ послѣдняго листа наложены подписи:

„Собора настоятель протоіерей Ѳеодоръ Башинскій; Новомосковской соборной Троицкой церкви священники Іоаннъ Писаревскій и Іаковъ Чернявскій, діаконы Ілія Бойковъ, діаконы Корнилій Потапъ, дячекъ Іосифъ Бѣлый, стихарный дячекъ Корнилій Журавлевъ, дячекъ Константинъ Бѣлый, дячекъ Сумеѳъ Замковый, Пономарь Хрисанфъ Бѣлый, пономарь Михаилъ Такаровскій, Стихарный пономарь Александръ Горкаленко“ и наконецъ безъ всякаго обозначенія одна только фамилія „Кучеръ“ — вѣроятно? церковнаго старосты Алексея Кучера.

Краткій отчетъ объ экскурсіи, совершенной лѣтомъ 1904 г. по порученіи Московскаго Археологическаго Общества студентомъ Вадимомъ Щербаковскимъ для фотографированія церквей.

Мнѣ удалось посѣтить слѣдующія села:

I. Херсонской губ. Александрійскій уѣздъ:

1) Долина Каменка, 2) Казарня.

II. Кіевской губерніи. а) Уманскаго уѣзда:

3) м. Торговицу, 4) Сверликово, 5) Каменге, 6) Вышнопиль, 7) Талянки, 8) Майданецкое, 9) Бѣлашки, 10) Машуровъ, 11) Поташъ, 12) Роги, 13) Молодецкое, 14) Ст. Бабаны, 15) Ксендзовка, 16) Дмитровское, 17) Войтовка, 18) Вербовата, 19) Россонки, 20) Христиновка, 21) а) Ораловка, и б) Талалаевка.

б) Липовецкаго уѣзда:

22) Монастырище а, и б, 23) Дубровка, 24) Тернава, 25) Терлица, 26) Китай Городъ, 27) Дашевъ а и б, 28) Дубровицы.

в) Таращанскій уѣздъ:

29) Лисовичи, 30) Вел. Березовка.

г) Кіевскій уѣздъ:

31) с. Глѣбовка, 32) м. Дымеръ.

III. Подольской губ. Гайсинскаго уѣзда:

33) Комаровка, 34) Стражгородъ, 35) Роскошовка, 36) Леухи, 37) Городокъ.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ селахъ (кроме Дониной Камен.) мнѣ удалось сфотографировать 38 церквей снаружи, а также почти во всѣхъ церквахъ и внутри утварь, иконостасы, иконы и проч.—Всѣхъ снимковъ получилось 165 размѣра 13 × 18 сант. Кроме того въ каждой церкви производилась съемка плана основанія при помощи рулетки, и размѣры для разрѣза при помощи складного бамбуковаго шеста въ 5 саж. высотой.—Всѣ измѣренія производились такъ, чтобы можно было реставрировать планъ церквей попорченныхъ перестройками.

Особенное вниманіе обращалось также на рѣзной орнаментъ, коимъ были украшены косяки дверей и скрѣпы купола и верхнихъ восьмигранниковъ (бабъ) церкви, и потому всѣ они мною также сняты.—Мною сняты также, (гдѣ это представлялось почему либо интереснымъ), купола снизу изнутри церкви.

Также точно мною была измѣряема толщина балокъ и посчитано число ихъ.—
Церкви все деревянные.

Кромѣ того мною также были сфотографированы и занесены на планъ колокольни въ м. Дашевѣ, с. Дубровинцахъ и с. Лисовичахъ.

Въ каждой церкви были осмотрѣны старопечатныя книги и записаны ихъ названія, типографія и даты. Съ нѣкоторыхъ (интересныхъ) рукописныхъ книгъ были сфотографированы нѣкоторые листы. Мною фотографировались также кресты надгробные и придорожные.

Все церкви посѣщенные мною построены въ XVIII столѣтїи, изъ нихъ 7 однокупольныхъ, въ селахъ 1) Казария, Торговица, Молодецкое, Талалаевка, Дымеръ и Глѣбовка. 4 пятикупольныхъ: 2 въ Дашевѣ, одна въ Лисовичахъ и одна въ Вел. Березовкѣ. Остальныя церкви трехкупольныя. Изъ однокупольныхъ большой интересъ представляютъ церкви въ м. Торговицѣ и м. Дымерѣ. Изъ трехкупольныхъ особенно замѣчательны церкви въ Сверликовой, Мошуровѣ, Вышнополѣ, Росошкахъ и Городкѣ. Иконостасы вездѣ очень высокіе въ 5 или даже 6 ярусовъ и высотой сажень до шести, сдѣланы обыкновенно изъ липоваго дерева, съ глубокой сквозной рѣзбой, украшены такими же рѣзными колонками. Иконы въ нихъ большею частью барельефныя деревянныя. Одежда въ такихъ иконахъ обыкновенно очень тонко отдѣланный барельефъ съ выпуклыми орнаментами, а для лица оставлялась гладкая выпуклость, на которой рисуется живописное изображеніе лика. Все иконостасы очень изящно раскрашены и позолочены, тоже относится и къ иконамъ. Особенно прекрасны иконостасы въ селахъ: Сверликово, Мошуровѣ, Россошки, Городокъ, Дашевѣ. Попались также двѣ интересныя по сюжету и хорошия по выполнению иконы, которыя сфотографированы.

Матеріалъ, мною собранный, кажется можетъ служить до нѣкоторой степени иллюстраціей той части культуры для Кіевской области XVIII в., которая охватывала собою архитектуру деревянную, рѣзбу по дереву и церковную живопись.¹⁾

Списокъ старопечатныхъ московскихъ книгъ, можетъ указать на степень ихъ проникновенія въ эти мѣста.

¹⁾ Къ сожалѣнію, г-нъ Щербаковскій послѣ Свѣзда не считалъ себя обязаннымъ сдать собранный имъ по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества матеріалъ по принадлежности, а продать его Полтавскому Заметву и Императорской Археологической Комиссіи въ Петербургѣ. — Отъ Редакціи.

Списокъ церквей Полтавской губ. XVII и XVIII в.

Н. Филианскаго.

Миргородскій уѣздъ.

м. Камышна — трехглавая, деревянная	1783
„ Сорочинцы — кам. строит. Гетманъ Апостоль	1734

Гадячскій уѣздъ.

с. Лысовка — дерев. трехглавая — строит. запор. казакъ Нетреба	1767
„ Ручки — дерев. трехглавая	1756
„ Крутьки — дер. трехглавая	1746
„ Лютенъка — каменная	1686
„ Цѣпки — дер.	1706

Прилуцкій уѣздъ.

с. Ржавецъ — стр. сотникъ Иванцкій	1716
„ Ольшано	1732
„ Смошь — стр. гр. Разумовскій	1754
„ Калюжинцы	1743
„ Валки — трехглавая дер.	1752
„ Лиски	1700
„ Березовка	1754
„ Довгалевка	1731
„ Никоновка	1732

Кременчугскій уѣздъ.

г. Кременчугъ — Покровская церковь	?
с. Максимовка	1742
„ Власовка	1735

Лохвицкій уѣздъ.

с. Гольцы	?
„ Скоробогатько	1745
„ Гапоновка	1750
„ Лучки	1742
„ Хитцы	1752

Хорольскій уѣздъ.

с. Ковали	1716
„ Мелюшки	1732
„ Поповка	1727

Пирятинскій уѣздъ.

с. Малютинцы	1720
„ Алексѣвка	1738
„ Тамаровка стр. гр. Кирилъ Гр. Разумовскій	1785
„ Деймановка	1746

Кобелякскій уѣздъ.

м. Голтва—стр. полк. Остроградскій	1743
--	------

Лубенскій уѣздъ.

с. Хорошки—стр. Войск. тов. Новицкій	1721
„ Кармиловка	1738

Роменскій уѣздъ.

г. Глинен—Николаевская церковь	1709
с. Коржи—Рождественская церковь	1764
„ Пустовой товка—трехглав. дер.	?
„ Москалевка—стр. войск. тов. Зарудный	1750
„ Рогинцы	1753
м. Хмѣловъ—трехглавая	1753
с. Евлаши	1730
„ Лозовая	1734

Зѣньковскій уѣздъ.

г. Зѣньковъ—Воскресенская церковь	1750
„ Зѣньковъ—Преображенская	1749
„ Зѣньковъ—Покровская	?
„ Зѣньковъ—Николаевская	1756
с. Бобровники	1747
„ Комыши	1751
„ Чернечій Яръ	1728

Полтавскій уѣздъ.

с. Ковалевка—стр. гр. Разумовскій	1785
„ Семяновка—трехглавая	1786
„ Гавронцы	1710
„ Козло Ольшаны	1731

м. Рѣшетилровка	1746
м. Рѣшетилровка	1752
Итого 54 церкви.	

Дворцы Графа Разумовскаго.

- 1) Яготинъ,—Полт. губ.—дворецъ съ 6-ю павильонами.
- 2) с. Баклань—дворецъ въ стилѣ Римскихъ виллъ.
- 3) м. Почепъ Черн. губ.—дворецъ по проекту арх. Ламотта.
- 4) Батуричь—Реставрація и отдѣлка дворца.

Вотчины перешедшія гр. Кириллу Разумовскому по наслѣдству отъ гр. Алексѣя Разумовскаго.

Конфискованныя у Гр. Миниха:

- 1) —г. Носовка пор. Вербѣ.
- 2) —с. Адамовка?
- 3) — „ Козары?
- 4) —сл. Орчакъ
- 5) — „ Карловка
- 6) — „ Коломакъ

Полтавск. полк.

Пожалованные Императрицей Елизаветой Петровной.

- 1) —с. Андреяшевка
- 2) — „ Андреевка
- 3) —г. Ямполь—Подольск. г.
- 4) —Быковская
- 5) —Чеховекая
- 6) —Почепскій уѣз. Черн. г.
- 7) —Шептановекая волость.
- 8) с. Литвиновичи.
- 9) х. Будійскій.
- 10) с. Кучеровка.

приселки 11) —Потаповка.

- „ 12) —Сошичь.
- „ 13) —Поповка.
- „ 14) —Машиво.
- „ 15) —Жадово.

Къ вопросу о каменных бабахъ.

Графини Уваровой.

Вопросъ о каменных бабахъ, не новъ, какъ въ литературѣ, такъ и на нашихъ Археологическихъ Съездахъ. Не стану разбирать литературу вопроса, такъ какъ она подробно обработана еще Гр. А. С. Уваровымъ на 1-мъ Моск. Създѣ, напому только, что съ тѣхъ поръ тому же вопросу посвящены: статьи Кельсиева въ Трудахъ V Тифлискаго Създа, Н. Е. Бранденбурга въ Трудахъ VIII Московскаго Създа, статья Чирикова въ Трудахъ Предварительнаго Комитета XII Харьковскаго Създа, замѣтки Терещенко и Тышкевича въ Т. I. Древностей Московскаго Арх. Общества, работа В. Ф. Миллера въ Т. III Матер. по Археол. Кавказа, сборная статья Фелицина, Сысоева и Г. И. Куликовскаго въ Т. VII тѣхъ же Матеріаловъ и нѣсколько статей въ Трудахъ нашихъ Ученыхъ Архивн. Ком. Последніе два Създа, Харьковскій и нынѣшній Екатеринославскій, собираясь на югъ съ цѣлью обследованія и ближайшаго изученія того пространства, за которымъ наша исторія закрѣпляетъ наименование „Половецкой степи“ весьма усердно занялись собираніемъ свѣдѣній о сохранившихся еще каменных бабахъ, о бабахъ оставшихся на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, т.-е. въ степи и на курганахъ, производствомъ раскопокъ тѣхъ кургановъ, на которыхъ стоятъ бабы и на специальныя экскурсіи съ цѣлью снятія фотографій и зарисовки сохранившихся еще бабъ. Къ сожалѣнію несмотря на то, что на это дѣло употреблено около шести лѣтъ—результаты достигнуты не блестящія: правда свѣдѣнія собраны нынѣ по всему тому пространству гдѣ по литературнымъ даннымъ имѣлись указанія на бабы, но къ сожалѣнію эти свѣдѣнія какъ исходящія преимущественно отъ волостныхъ властей и народныхъ учителей, не всегда заинтересованныхъ предметомъ и не всегда относящихся сознательно къ предлагаемымъ вопросамъ—отличаются большею частію такою краткостью, что не могутъ удовлетворить изслѣдователя и не могутъ внести ничего новаго въ тѣ детальныя вопросы, на которыя, по моему, необходимо отнынѣ разбить общій вопросъ о каменных бабахъ для окончательнаго его разрѣшенія.

До сихъ поръ всѣ путешественники начиная съ Рубруквиса, миноритскаго монаха и посланца Короля Людовика IX къ Мангу-хану, пробравшагося въ 1253 г. по нашимъ южнымъ степямъ, упоминая о каменных бабахъ, говорятъ о ихъ мѣстѣ нахожденія въ степи, о ихъ многочисленности и добавляют соображенія о томъ, чья народность должна была оставить эти бабы, основывая свои соображенія на историческихъ преданіяхъ о тѣхъ народахъ, которые въ былое время кочевали на томъ

пространствѣ, гдѣ сохранились курганы, увѣчанная бабами. Приписывали бабы то Команамъ, то Гуинамъ, то Скиѣамъ, не разбираясь въ качествахъ и этнографическихъ особенностяхъ этихъ каменныхъ изваяній и видя въ нихъ какъ бы произведенія одного и того же народа. Только Терещенко въ своихъ Очеркахъ Новороссійскаго Края (Журн. Мин. Нар. Просв. 1853 г. июль) заявляетъ что каменная баба принадлежитъ, вѣроятно, произведенію не одного народа—а многимъ; но, высказавши эту вполне вѣрную мысль, онъ увлекается и сравниваетъ наши каменные бабы съ извѣстнымъ Женевскимъ изваяніемъ, носящимъ названіе „la pierre aux demoiselles“, не имѣющей ничего общаго съ бабами уже потому, что наши бабы, какъ извѣстно, всегда и вездѣ представляютъ одну отдѣльную фигуру, большею частью изваянную и обдѣланную со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ „la pierre aux demoiselles“ представляетъ плоскій рельефъ по камню, воспроизводящій связь нѣсколькихъ фигуръ, проходящихъ мимо зрителя въ видѣ хоровода.

Соединеніе всѣхъ бабъ въ одну общую группу, принадлежащей къ одной и той же народности объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что для болѣе древнихъ авторовъ, при продолжительности и затруднительности путешествій по нашимъ далеко и широко раскинувшимся степямъ было слишкомъ затруднительно ближе разбираться въ формахъ, типѣ, головномъ уборѣ и костюмѣ этихъ истукановъ, а позднѣйшія изслѣдователи, не имѣя еще въ своемъ распоряженіи фотографій, основывали свои заключенія или на сказаніи другихъ, или на рисункахъ, которые не всегда вѣрно могли передавать тѣ особенности, которыя должны служить путеводною нитью для необходимыхъ о нихъ заключеній. Эти послѣдніе изслѣдователи имѣютъ еще и то извиненіе, что ко времени ихъ изслѣдованій большая часть памятниковъ была уже снята съ тѣхъ кургановъ, которыя они вѣчали, и представлялась въ такомъ изуродованномъ видѣ, что сдѣлать съ нихъ толковый рисунокъ было весьма трудно, а дѣлались эти рисунки, какъ мы знаемъ, большею частью людьми неопытными и не художниками, которые придавали весьма часто каменнымъ бабамъ обликъ фигуръ нашего времени, въ платьѣ, чулочкахъ и башмачкахъ, какъ то видно по бабѣ, изданной Фундуклеемъ изъ села Мервина, Кіевской губ. Графъ Алек. Сер. Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о каменныхъ бабахъ въ Трудахъ 1-го Арх. Съѣзда, разбираясь впервые во всемъ накопленномъ годами литературномъ матеріалѣ, старается, въ приложенныхъ къ труду таблицахъ, распределить каменные бабы по категоріямъ обращаетъ вниманіе на костюмъ, головной уборъ, поясные привѣски, оформливаетъ всѣ свои замѣчанія, требованія и мечты въ вопросныя пункты, которыя имъ впервые были разсланы по всѣмъ губерніямъ и до сихъ поръ служатъ основой для собранія свѣдѣній по вопросу.

Дѣлать Графъ свои истуканы (какъ видно по прилагаемымъ здѣсь его двумъ таблицамъ) на четыре группы: *столбы или термы* имѣющихъ только голову, на *изображенія мушкетъ*, на *женскія изображенія* и на *особый типъ памятниковъ, встречаемыхъ въ Сибири*, на которыхъ человѣческія изображенія сопровождаются разными сценами и принадлежностями. Оставляя эти послѣднія на этотъ разъ безъ вниманія, я на предлагаемыхъ таблицахъ распредѣлила и свой матеріалъ по той же рубрицѣ, кото-

рой руководился Графъ, при чемъ должна однакожь замѣтить что и Графъ, подобно остальнымъ изслѣдователямъ, былъ введенъ въ ошибку касательно подробностей одежды каменныхъ бабъ, подробности исчезающія отъ глаза изслѣдователя, благодаря, какъ сказано выше, плохой сохранности бабъ и плохихъ съ нихъ рисунковъ. Графъ предполагалъ, на основаніи рельефа верхней части тѣла женскихъ истукановъ, что большая часть изъ нихъ обнажена по поясъ. Предположеніе это нынѣ должно, мнѣ кажется, навсегда измѣниться, ибо благодаря хорошимъ фотографіямъ, которыя удалось собрать за послѣднее время и которыхъ были лишены прежніе изслѣдователи, видно, во 1), что подробности рельефа груди и живота одинаковы для женскихъ и мужскихъ истукановъ (см. война въ гор. Луганскѣ и истуканъ въ Кіевскомъ Универ. саду) и, во 2), что то, что принято называть грудями у кам. бабъ ничто иное, какъ изукрашенное наплечье изъ толстаго сукна, которое спускается фестонами на грудь, окаймляется узорчатымъ шнуромъ по краямъ, поднимается на плечи и тамъ сливается, на однихъ экземплярахъ, въ одинъ общій орнаментъ съ верхнею частью рукава, или, какъ видно это на другихъ, оторачиваетъ рукавъ во всю его длину до тѣснаго обшлага. Между нависшими фестонами наплечья замѣтна широкая оторочка кафтана, опускающаяся до пояса, и также огибающая и полы кафтана. Въ тальфъ кафтанъ сильно стянуть, чѣмъ и объясняется, при несовершенствѣ техники отличающей наши истуканы, сильная выпуклость живота. Такимъ образомъ вмѣсто нагого тѣла у насъ получается весьма изящный, тонко расшитый и разукрашенный фестонами кафтанъ, спускающійся до колѣнъ, охватывающій весьма ловко станъ, съ узкими тѣсными рукавами, расшитыми у обшлаговъ и плечъ, съ тѣснымъ оплечьемъ, охватывающимъ горло, съ напускомъ на грудь и чѣмъ то въ родѣ кашюнона или башлыка на спинѣ. На ногахъ узкіе шаровары и высокіе сапоги — все это расшито и разукрашено, вѣроятно шнуромъ и шитьемъ, подробность съ которой приходится весьма часто сталкиваться при раскопкѣ кургановъ.

Описываемый женскій костюмъ весьма похожъ на мужской — что легко прослѣдить при сличеніи каменныхъ истукановъ и что насъ, русскихъ, не должно удивлять, такъ какъ простонародные русскіе кафтаны какъ женскіе, такъ и мужскіе имѣютъ между собой много общаго.

Изображенія бабъ, которыя позволяютъ разобраться въ костюмѣ, заимствованы мной изъ записной книги Н. Е. Бранденбурга съ истукана въ Темрюкѣ, съ фотогр. бабъ: въ Переконскомъ саду, въ имѣніи Тихомірова, Александр. у., въ имѣніи гр. Канкриня, Мелитопольскаго у., и въ особенности съ фотографіей одной бабы, сохраняемой при Мелитопольской Земской Управѣ и другой (особенно драгоцѣнной по сохранности и деталямъ), найденной крестьянами дер. Дѣвненской, Покровекой вол., Таврич. губ. и преобрѣтенной нынѣ для Музея Таврической Архивной Комиссіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что имѣются женскія бабы и другого типа, о которыхъ упоминаетъ и гр. Уваровъ, обращая вниманіе на то, что онѣ въ широкихъ шароварахъ и въ сапогахъ. Экземпляръ, имѣющійся въ Новочеркасскомъ городскомъ саду, указываетъ на то, что верхняя часть фигуры вѣроятно облечена въ родѣ рубахи съ расшитой опушкою на груди, рубашка, которая, какъ надо предполагать, была виду-

цена въ шалвары, что придаетъ фигурѣ рѣшительно мужской видъ, которому не соответствуетъ, однакоже, безусая фигура и женскій головной уборъ.

Головные уборы женскихъ фигуръ весьма различны: имѣются высокіе, какъ бы *войлочные колпаки*—(баба въ Новочеркасскомъ саду и у Тихомірова); *высокія калмыцкія шляпы* съ изогнутымъ бортомъ (баба въ им. Котовка, Новомоск. у.) и съ туго заплетенными косами, изогнутыми въ видѣ роговъ; *заостренныя тарелкообразныя шляпки* утвержденныя, подобно нашимъ моднымъ уборамъ, на самой макушкѣ, изъ-подъ нее выступаетъ богато убранный очинокъ, спущенный почти на самыя брови и убранный по краю крупными бусами; на уши же спускаются пришитыя къ очинку височныя кольца, съ мелкими на нихъ подвѣсками, сзади изъ-подъ шляпы опускается на плечи и спину фата или башлыкъ (бабы въ Кіевск. Универ. саду, у Иваненко, Мелитопольскаго у., Тавр. губ., въ Перекопскомъ гор. саду и баба у Герценвица, Константиноградскаго у., Полт. губ.); *болѣе плоскія и большія по размѣрамъ шляпы, надѣтыя прямо* на голову (баба у Медитопольской Зем. Управы и въ сел. Дѣвненскомъ) и, наконецъ, *колпакъ-башлыкъ*, который находимъ на головѣ бабы въ шалварахъ изъ Новочеркаскаго сада.

Костюмъ мужскихъ истукановъ одинаковъ съ женскими: имѣются фигуры въ кафтанахъ и воины въ тѣсномъ узкомъ одѣянн, можетъ быть бронѣ, въ гусарскихъ расшитыхъ шароварахъ и высокихъ тѣсныхъ франтовитыхъ сапогахъ (фигура изъ Луганска). Отъ подобныхъ изображеній, хотя и сидячихъ, и съ сосудомъ въ рукахъ, какъ и всѣ остальные, вѣдетъ чѣмъ-то гордымъ, могучимъ и мужественнымъ, между тѣмъ, какъ остальные въ кафтанахъ, имѣютъ передъ ними какой-то угнетенный, приниженный видъ.

Совершенно особый типъ каменныхъ фигуръ встрѣчаемъ на Кубани, вдоль Кавказскаго предгорья: изображенія эти болѣе тонкія, изящныя; на нихъ, вѣроятно, тонкая черкеска, перетянутая въ тальѣ поясомъ, на плечахъ ремянной или голушный орнаментъ, руки безъ сосуда, запущены за поясъ, къ которому привѣшано оружіе. Одна изъ этихъ фигуръ съ короткими руками держитъ въ рукахъ рогъ для питья; другая въ черкескѣ съ мелкими пуговицами на переди, напоминающія нынѣшнія. Даже тѣ фигуры, которыя имѣютъ видъ столба, совершенно, иныя чѣмъ наши степныя: онѣ выше, уже, съ руками, голова сидитъ на длинной высокой шеѣ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму воина въ шлемѣ и мечемъ; одна—съ крестомъ на груди.

Привожу всѣ эти подробности съ цѣлью заинтересовать читателей вопросомъ, обратить ихъ вниманіе на описываемыя изображенія и просить ихъ содѣйствія для фотографированія и зарисовки встрѣчаемыхъ ими бабъ, занесенія ихъ въ списки и доставленія всѣхъ собранныхъ свѣдѣній въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Мною пока собрано указанія на: 4 бабы въ Курской губ., 4—въ Подольской, 2—въ Кіевской, не считая бабъ въ Кіевскомъ Университетскомъ саду, происхожденіе которыхъ неизвѣстно; 12—въ Полтавской; 8—въ Воронежской; 133—въ Харьковской; 350—въ Области Войска Донскаго; 328—въ Екатеринославской; 199—въ Таврической; 6—въ Херсонской; 1—въ Оренбургской; 9—въ Саратовской; 2—въ Самарской; 33—въ

Ставропольской; 39—въ Кубанской области и 3—въ Тургайской области, или всего 1133 истукана.

Кромѣ того выяснено, что каменныхъ бабъ вовсе нѣтъ въ губ. Астраханской, Самарской, Уральской, въ Самаркандской области, въ губ. Тобольской и Томской, Минской, во всѣхъ губерніяхъ царства Польскаго, въ Гродненской и Волынской. Выяснено также, что кромѣ показанной *одной* бабы въ Оренбургской губ. и *девяти* въ Саратовской—другихъ въ этихъ двухъ губерніяхъ не имѣется, а что тѣ изваянія, которыя показаны: въ Волынской губ.—просто статуя; въ Гродненской губ. изображеніе Богоматери, а въ Кѣлецкой губ.—одна фигура мужчины, извѣстная подь названіемъ „Эмерикъ“, по приданію сооружена въ XV в. Владиславомъ Ягелло, а другіе двѣ хорошаго стиля статуи, украшающія церковь Св. Креста въ Гминѣ Слупя Нова.

Такимъ образомъ собрано порядочное количество матеріаловъ, но матеріаль этотъ недостаточенъ потому, что всѣ зарегистрированныя бабы не сняты фотографически и что по нѣкоторымъ губерніямъ, какъ напр. Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Ставропольской фотографированія почти еще не предпринимались.

Когда же весь матеріаль будетъ собранъ, то необходимо, мнѣ думается, разобратся въ немъ, пока еще не поздно этнографически, т. е. постараться сличить костюмы бабъ съ нашими инородческими костюмами, постараться разобраться въ лицевыхъ типахъ бабъ, въ украшеніяхъ (гривнахъ, серьгахъ, позументахъ), которыми они разукрашены, раздѣлить ихъ на категоріи и тогда уже приступить къ выводамъ касательно той народности, которая оставила ихъ намъ въ наслѣдіе. Иначе трудно разрѣшить этотъ такъ давно насъ занимающій вопросъ.

Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи болгарскихъ колоній въ Новороссійскомъ краѣ.

Н. В. Державина.

Согласно порученію Императорскаго Моск. Археологическаго Общества истекшимъ лѣтомъ ныняшняго 1904-го года мною была предпринята поѣздка по губерніямъ Новороссіи для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ болгарскихъ колоній. Колоніи эти давно ждали своего изслѣдователя. Какъ явленіе въ высшей степени любопытное и оригинальное въ этническомъ и въ хозяйственномъ отношеніи, они представляютъ обильный матеріалъ для изслѣдованія и въ интересахъ изученія колонизаціи Новороссіи и въ интересахъ болѣе специальныхъ, т.-е. чисто этнографическихъ.

Исполненіе возложенной на меня Обществомъ работы было обставлено всеми удобствами. Документъ выданный мнѣ Обществомъ въ удостовѣреніе моей личности, открывалъ мнѣ доступъ къ сельскимъ властямъ, знаніе языка помогало установленію съ первыхъ же словъ болѣе близкаго общенія съ народомъ, интересъ къ народной жизни со стороны Археолог. Общества, который народъ усмотрѣлъ въ порученной мнѣ работѣ,—помогалъ наилучшему достиженію цѣли поѣздки. Съ другой стороны,—неопредѣленное и неурегулированное современное хозяйственное положеніе колоній, гнетъ котораго, не такъ чувствительный въ началѣ поселенія, сталъ съ особенною силою сказываться на жизни колоній въ настоящее время, приведя ихъ постепенно почти къ полному упадку,—также помогало мнѣ отчасти въ моей работѣ, такъ какъ народъ былъ убѣжденъ, что изученіе его быта Московскимъ Археологическимъ О-вомъ создастъ въ правящихъ сферахъ знакомство съ народомъ и что моя работа своею ближайшею цѣлью имѣетъ изученіе Обществомъ современного экономическаго положенія колоній въ интересахъ его улучшенія въ ближайшемъ будущемъ. Психологія народной души повсюду одна и та же, и однородныя причины вызываютъ въ народномъ сознаніи одиѣ и тѣ же явленія. Какъ ни грустно было сознавать, что пользуешься настроеніемъ народа, не потерявшаго еще безнадежно вѣры въ лучшее будущее,—въ совершенно иныхъ цѣляхъ, тѣмъ не менѣе и это обстоятельство послужило мнѣ извѣстную службу въ дѣлѣ собранія матеріала.

Все губерскія и уѣздныя земскія управы съ полною охотою откликнулись на просьбу О-ва выслать мнѣ необходимыя справки и открытыя листы на право пользоваться земскими лошадьми, и такія справки я получалъ въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, при чемъ нѣкоторыя земства, какъ напр., Бердянское и Медитондское, нашли возможнымъ дать мнѣ открытыя листы даже безъ прогоновъ. Въ виду

сравнительно поздняго полученія мною увѣдомленія о разрѣшеніи мнѣ поѣздки и средствъ на нее, я выѣхалъ изъ Батума только въ концѣ іюня мѣсяца, имѣя, такимъ образомъ, въ своемъ распоряженіи для поѣздки всего только одинъ мѣсяць свободнаго времени. Въ теченіе этого мѣсяца я долженъ былъ посѣтить губерніи Таврическую, Херсонскую и Бессарабскую, такъ какъ въ Екатеринославской губ., по отзывамъ земскихъ управъ, болгарскихъ колоній не оказалось. Такимъ образомъ, мною были изслѣдованы болгарскія колоніи уѣздовъ: Теодосійскаго, Бердянскаго, Мелитопольскаго, Херсонскаго, Одесскаго и Тираспольскаго. На посѣщеніе этихъ уѣздовъ ушелъ у меня ровно мѣсяць времени и, доѣхавъ до г. Бендеръ, я, не имѣя болѣе свободнаго времени и чувствуя крайнюю усталость, вынужденъ былъ, къ сожалѣнію, пріостановить свою работу, ограничившись изслѣдованіемъ болгарскихъ колоній только двухъ Новороссійскихъ губ.—Таврической и Херсонской. Къ недостатку времени для посѣщенія колоній Бессарабской губ. и утомленію присоединилась еще одна причина, удержавшая меня отъ поѣздки по деревнямъ Бессарабіи. Бессарабская губ. въ текущемъ году почти на всемъ своемъ протяженіи поражена недородомъ хлѣбовъ. Уже въ С.-З. части Херсонской губ. я видѣлъ совершенно черныя поля, съ которыхъ крестьянами не было снято ни одного колоска хлѣба. Начиная съ С.-З. Херсонской губ., полоса неурожая прошла на Ю.-З., охвативъ собою въ особенно сильной степени всю Бессарабію. Я на каждомъ шагѣ видѣлъ невеселое настроеніе, грустныя рѣчи, печальное ожиданіе ближайшей зимы и т. п.; при такомъ настроеніи народа идти къ нему и разсказывать ему о его пѣсняхъ и праздникахъ мнѣ казалось неудобнымъ, и я рѣшилъ ограничиться пока тѣмъ, что мною сдѣлано, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Общество разрѣшить мнѣ оставшуюся часть работы исполнить въ будущемъ году, ввиду чего я и ходатайствую предъ Обществомъ о предоставленіи мнѣ права отъ имени Общества продолжить будущимъ лѣтомъ свою работу по изслѣдованію болгарскихъ колоній Новороссіи и самому отъ имени Общества войти съ ходатайствомъ въ уѣздныя земскія управы Бессарабской губ. объ оказаніи мнѣ содѣйствія, возвративъ документы, выданные мнѣ земствами на текуцій годъ и мною использованные.

При посѣщеніи нѣкоторыхъ изъ земскихъ управъ изъ бесѣдъ съ гг. Членами и Предѣдателями ихъ я вынесъ впечатлѣніе, что они готовы прійти на помощь Обществу своимъ матеріальнымъ содѣйствіемъ. Предѣдатель Теодосійской земской управы просилъ меня представить записку объ изслѣдованіи Теодосійск. уѣзда для доклада ближайшему Земскому Собранію. Предѣдатель Бердянской земской управы въ перепискѣ со мною интересовался, въ какой формѣ могло бы выразиться содѣйствіе Бердянскаго земства. Думаю, что съ полною готовностью на помощь Обществу въ этомъ смыслѣ пришли бы также уѣздныя земства Мелитопольское, Херсонское и Одесское.—На случай, если во время съезда въ Екатеринославѣ, по примѣру предыдущаго Харьковскаго съезда, будетъ организована этнографическая выставка, въ посѣщенныхъ мною болгарскихъ колоніяхъ различныхъ уѣзд. Новороссіи намѣчены мною лица, которые могли бы, при содѣйствіи Археологич. Общества, съ полною своею обстановкою, пѣвцами и музыкантами—явиться въ Екатеринославѣ.

Члены Съезда имѣли бы предъ собою наглядную картину постепенной ассимиляціи колонистовъ съ русскою народностью, начиная съ наиболѣе сохранившихъ свою народность болгаръ колонистовъ Феодоссійскаго у. и кончая совершенно ассимилировавшимися уже колонистами Мелитопольскаго, отчасти Тираспольскаго у. Желательно было бы заблаговременно имѣть отъ Общества соотвѣтственныя указанія для своевременнаго увѣдомлѣнія намѣченныхъ лицъ о томъ, чтобы они приготовили ко времени Съезда все необходимое для выставки.

Ограничиваясь пока этимъ предварительнымъ отчетомъ о своей поѣздкѣ, я буду имѣть честь представить Съезду болѣе подробный отчетъ о поѣздкѣ въ видѣ историка этнографическаго изслѣдованія болгарскихъ колоній Таврической и Херсонской губерній, въ составленіи котораго принимаетъ участіе, между прочимъ, А. Θ. Музыченко (преподаватель 4-ой мужск. гимназій въ Одессѣ), разработавшій на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ Одесскихъ Архивовъ, очеркъ колонизаціи Новороссійскаго края выходцами изъ Болгаріи.

Ваше Сіятельство, Глубокоуважаемая Графиня Прасковія Сергѣевна.

Въ началѣ сентября, послѣ возвращенія моего изъ за границы, я сообщилъ г. председателю Кіевской Археогр. Комиссіи, проф-у В. С. Иконникову и главному редактору Комиссіи г. проф-у М. Ф. Владимірскому-Буданову, о выраженномъ Вашимъ Сіятельствомъ желаніи относительно собиранія матеріаловъ по исторіи картографіи южной Россіи. Далѣе я сообщилъ имъ о предполагаемыхъ розысканіяхъ въ собраніи картъ Одесскаго Музея и спросилъ, не сочтеть ли Комиссія возможнымъ расширить предполагаемый второй выпускъ „Матеріаловъ по ист. русск. картографіи“. Гг. профессора Иконниковъ и Владимірскій-Будановъ отнеслись вполне сочувственно къ этому вопросу и заявили, что они охотно готовы приурочить выходъ 2-го выпуска ко времени открытія Археолог. Съѣзда 1905 г., далѣе, посвятить этотъ выпускъ Съѣзду, и, наконецъ, предоставить мнѣ возможность расширить, соотвѣтственно собираемому мною матеріалу, и объемъ изданія.

Поѣздку въ Одессу мнѣ пришлось долго откладывать; сначала, въ ожиданіи г. Министра, а затѣмъ, вслѣдствіе нездоровья. Наконецъ, 12-го декабря я могъ выѣхать въ Одессу и былъ любезно принятъ г. проф-мъ Э. Р. фонъ-Штерномъ. Въ теченіе 14-го и 16-го числа я просматривалъ по наличности всѣ карты, имѣющіяся въ Музеѣ, и пришелъ къ слѣдующему заключенію: въ числѣ печатныхъ картъ до конца XVII в. я не находилъ новыхъ, мнѣ неизвѣстныхъ экземпляровъ. Что же касается рукописныхъ и фотографическихъ картъ Чернаго моря, висящихъ подъ стекломъ въ первой комнатѣ Музея, то онѣ не подлинники, а копіи съ картъ, изданныхъ большею частью бар. Норденшильдомъ въ его *Regiplus*'ѣ. Въ третьей комнатѣ Музея находится въ витринѣ рукописный портуланъ; но онъ не содержитъ карты Чернаго моря. Весьма интересенъ фактъ, что Черное море даже на самыхъ древнихъ картахъ, не исключая древне-греческихъ, представлено сравнительно вѣрно. Весьма интересно было бы, конечно, составить исторію картографіи Чернаго моря; но мнѣ кажется, что это весьма сложная задача. Для научнаго рѣшенія ея нужно, прежде всего, изучить теорію древнихъ морскихъ картъ и, хотя эта литература возникла сравнительно недавно, но имѣется уже нѣсколько солидныхъ трудовъ, и подробное изученіе ихъ потребуетъ довольно много времени. Значительная часть *Regiplus*'а Норденшильда посвящена этому вопросу, но и Норденшильдъ не взялся одинъ за рѣшеніе его, а пригласилъ себѣ въ сотрудники Дальгрена. Далѣе необходимо, какъ полагаютъ и профессоръ Штернъ, чтобы тотъ, который берется за исторію картографіи Чернаго моря, основательно зналъ и исторію колонизаціи побережья его. Въ виду всего этого, я не рѣшаюсь взяться уже до Съѣзда 1905 г. за этотъ вопросъ, такъ какъ мнѣ, навѣрное, не удалось бы достигъ къ этому времени требуемыхъ ре-

зультатовъ, а полагаю ограничиться исторіей картографіи западной и южной Россіи, Крыма и Чернаго моря съ начала XVI вѣка. Тогда изданіе Комиссіи, которое, надѣюсь представить Съѣзду, будетъ въ себѣ заключать, прежде всего, обзоръ развитія картографіи юго-западной Россіи, затѣмъ, карты южной Россіи, Крыма и Чернаго моря насколько позволятъ мѣсто, за XVI и XVII вв.

Одновременно съ этимъ изданіемъ, но независимо отъ него, я занимаюсь исторіей картографіи сѣверной Россіи и Сибири. Этотъ выпускъ будетъ готовъ позже чѣмъ я предполагалъ, но, надѣюсь, не позже конца января. Такимъ образомъ, если мнѣ удастся закончить къ Съѣзду начатую работу, я надѣюсь быть въ состояніи представить Съѣзду довольно полную и наглядную картину развитія картографіи всей Россіи до конца XVII в. Кажется, у меня будетъ кое-какіе интересные матеріалы.

Окончивъ обзоръ коллекціи Музея, я въ Одессѣ посѣтилъ и бібліотеку Университета, собралъ справки о древнихъ картахъ Россіи и нашелъ одну, о существованіи которой я зналъ, но которую я никогда еще не видалъ, а именно, карту Россіи Сандрарта, конца XVII в. Карта интересная.

Я полагаю составить списокъ извѣстныхъ мнѣ картъ Крыма и прислать его А. Л. Бертье съ просьбою, любезно указать пробѣлы на основаніи его коллекціи. Весьма былъ бы благодаренъ, если бѣ Вы, графиня, сочли возможнымъ увѣдомить меня о томъ, одобряете ли Вы мой планъ.

Въ январѣ же или въ февралѣ я предполагаю поѣхать въ С.-Петербургъ и въ Гельсингфорсъ, для изученія собранія Норденшильда, и на возвратномъ пути посѣтить собранія картъ въ Москвѣ.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ моихъ работъ. Прошу Васъ, графиня, быть увѣренными въ томъ, что все свободное отъ служебныхъ занятій время я теперь посвящаю картамъ. Всѣ другія работы пока отложены въ сторону.

В. Кордъ.

Приб. 14.

Археологическая экскурсія въ с. Дергачи, Харьковскаго уѣзда въ августъ 1903 г.

Е. П. Трефильева.

Въ концъ августа настоящаго года Е. К. Рѣдинымъ, мною, Е. М. Ивановымъ и П. Ефименко была совершена археологическая экскурсія въ с. Дергачи, Харьковскаго уѣзда. О Дергачахъ въ археологическомъ отношеніи извѣстенъ одинъ случай находки при работахъ въ саду скелета и глинянаго сосуда овальной формы. Цѣлью экскурсіи было археологическое обследованіе одной группы кургановъ, находившейся близъ с. Дергачей на землѣ частнаго владѣльца г. Любарскаго.

Мѣстность, гдѣ расположена группа кургановъ, находится въ 2-хъ верстахъ отъ с. Дергачей. Она представляетъ высокое плато съ крутыми, обрывистыми сторонами съ восточной, южной и западной сторонъ, и только съ сѣверной стороны это плато сливается съ общей возвышенностью.

Такимъ образомъ плато является какъ бы мысомъ „шилемъ“, который выдвинула возвышенность въ низменность р. Лопаны и надъ которой онъ господствуетъ. У подошвы сѣверной стороны течетъ ручей Крыныця, который впадаетъ въ р. Лопань, омывающую плато съ NO и O. Съ плато открывается широкій видъ на далекія окрестности, къ С., сквозь просвѣты между деревьями, растущими по южной сторонѣ плато, можно видѣть Харьковъ на разстояніи 9—10 верстъ. Все плато сильно распахано, т.-к. на немъ владѣльцемъ разбита плантація тутовыхъ деревьевъ.

По всей плоскости и по южной покатости, поросшей, молодымъ дубнякомъ, разбросаны курганы въ разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга отъ почти сходящихся подошвами до 25 — 30 шаговъ разстоянія между соседними курганами. Группа состоитъ изъ 60—70 кургановъ, сильно распаханныхъ, высотой отъ 0,70 м. до едва возвышающихся надъ поверхностью земли. Одинъ только курганъ выдавался высотой, доходя до 1,50. Форма кургановъ—сильно разползшаяся, но представляютъ не полушарія, какъ наши степныя курганы, а овалы, что, впрочемъ могло зависить отъ особенности обработки земли. Раскопки производились 3 дня, въ теченіе которыхъ вскрыто десять кургановъ, число достаточное, чтобы судить о всей группѣ. Обследованы курганы, расположенные въ разныхъ мѣстахъ группы. Такъ, 5 кургановъ были раскопаны на самой плоскости, 2 на опушкѣ лѣса, 3—въ лѣсу, на склонѣ возвышенности. Во всѣхъ курганахъ со 2-го слоя снимаемой земли встрѣчались кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ, ясный признакъ когда-то тронутой земли.

На глубинѣ 0,60—0,80 м. на слоѣ темно-желтой глины, ясно обозначалось пятно, которое при дальнѣйшемъ углубленіи оказывалось погребальной ямой, содержавшей кости погребеннаго. Ямы выкапывались въ материкѣ, длиной до 1,50, шириной до 1,0 и глубиной 0,75, въ одномъ курганѣ дно ямы было устлано деревомъ, перегнившіе слѣды котораго ясно сохранились (№ 3).

Ни въ одномъ курганѣ костякъ не сохранился въ цѣлости. Чрезвычайная твердость почвы, т. наз. лѣсной глей, отдѣлялась послѣ сильныхъ ударовъ дощатой твердыми, какъ камень, комьями и сильная его властность разрушительно подѣйствовала на кости. Для примѣра я укажу на одинъ только фактъ. Какъ извѣстно, самая устойчивая часть человѣческаго костяка—зубная эмаль, но у скелетовъ Дергачевскихъ кургановъ зубы крошились въ порошокъ.

Несмотря на такую малую сохранность костей, все-таки въ нѣкоторыхъ изъ могилъ кости или слѣды ихъ были настолько ясны, что дали возможность опредѣлить какъ направленіе, въ которомъ погребены были покойники, такъ до нѣкоторой степени и ихъ положеніе. Именно, умершіе погребались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W.

Предметовъ въ могилахъ встрѣтилось, хотя и немного, но очень характерныхъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить трехгранныя бронзовыя стрѣлки типичнаго скиѣскаго типа. Эти стрѣлки были найдены въ двухъ могилахъ (№ 1 и 6).

Въ курганѣ № 1 семь стрѣлокъ лежали кучкой сбоку скелета, здѣсь же лежали кусочки сильно перержавѣвшаго желѣза.

Въ курганѣ № 6 у ногъ костяка были найдены три стрѣлки, такого же типа, часть желѣзнаго ножа съ остатками деревянныхъ ноженъ и обломки нижней круглой части желѣзнаго наконечника копья.

Въ курганѣ № 5 близъ костей покойника найдены два бронзовыхъ воронкообразныхъ наконечника такихъ же, какъ найдены гр. Бобринскимъ при его раскопкахъ близъ м. Смѣлы въ скиѣскихъ погребеніяхъ.

Вмѣстѣ съ наконечниками были найдены кусочки перержавѣвшаго желѣза. Наконецъ, въ курганѣ № 7 найденъ близъ скелета сильно перержавѣвшій ножъ съ костяной ручкой, слѣды которой сохранились и 13 бусинокъ изъ пасты зеленого и желтаго цвѣта.

Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ могильникѣ с. Дергачей мы имѣемъ дѣло съ типомъ погребенія въ ямахъ, въ которыя умершіе клались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W. Типичные бронзовыя наконечники и стрѣлки являются драгоценными показателями происхожденія нашего могильника, именно, скиѣскаго.

Отчетъ объ археологической экскурсіи въ іюнь и іюль 1904 года.

Даніила Щербаковскаго.

Московское Археологическое Общество, желая обследовать къ Екатеринославскому Археологическому Съезду пограничье между Кіевской и Херсонской губерніи, поручило мнѣ произвести археологическія изслѣдованія въ уѣздахъ: Чигиринскомъ, Звенигородскомъ и Уманскомъ—Кіевской губерніи и Елисаветградскомъ, и Александрійскомъ—Херсонской губерніи. Велѣдствіе скудости отпущенныхъ мнѣ Обществомъ средствъ (150 руб.), я ограничился раскошкой кургановъ только въ 5 пунктахъ: 3 въ Елисаветградскомъ уѣздѣ и по одному въ Александрійскомъ и Чигиринскомъ. При этомъ изъ 23 изслѣдованныхъ мной кургановъ—7 разрыты на средства помѣщика с. Иржева—Эрнеста Эдуардовича Этлингера.

Въ Александрійскомъ уѣздѣ мной раскопанъ 1 курганъ у с. Дожиной Каменки. Онъ заключалъ въ себѣ остатки обряда сожженія, типичнаго для полей погребеній и урны.

Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ я сначала раскопалъ 7 кургановъ у с. Серезлиевки. Курганы этой группы окружены овалами изъ камней, иногда очень большихъ (до 500 пудовъ). Въ нихъ находились скорченные и иногда окрашенные скелеты при крайне бѣдномъ инвентарѣ и полномъ отсутствіи металловъ. Курганъ № 4 этой группы представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ надъ скелетомъ находился сосудъ, повидимому, площадочной культуры, и даетъ, такимъ образомъ, интересный фактъ, для рѣшенія вопроса о взаимоотношеніи эпохъ: площадочной культуры и эпохи могиль со скорченными и окрашенными скелетами. Въ курганѣ № 5 вмѣстѣ съ скорченными скелетами находились и вытянутые. Въ курганѣ № 7 у руки скелета найденъ амулетъ формы, до сихъ поръ не встрѣчавшейся.

У с. Иржева раскопано 8 кургановъ. Иржевскіе курганы относятся къ разнымъ эпохамъ, начиная съ энеолитической и оканчивая эпохой кочевниковъ. Изъ нихъ укажу на №№ 1 и 2. Въ первомъ при скелетѣ находились сосуды (между прочимъ, черный съ глянцемъ кувшинъ), желѣзный кинжалъ и топорикъ, оселокъ, перержавшіе остатки желѣзныхъ стрѣлъ и нѣсколько фибулъ, изъ которыхъ одна представляетъ совершенно новый для Россіи типъ, кажется, тенскій. Въ курганѣ № 2 подъ слоемъ камня была погребена лошадь; подъ ней находился скелетъ человѣка, въ свою очередь тоже прикрытый камнями. Рядомъ съ нимъ лежалъ остовъ теленка съ воткнутыми въ него 7 стрѣлами. Недалеко отъ головы человѣка находились

бронзовыя поножи прекрасной работы съ красивыми выпуклостями, соответствующими рельефу и мускуламъ голени.

Изъ 7 кургановъ, раскопанныхъ мной у с. Ольшанки (Елисаветград. уѣзда) отмѣчу № 2, 3 и 5. Въ № 2 при скорченныхъ окрашенныхъ скелетахъ найдены 2 топорика: бронзовый и роговой. Въ № 3 одинъ сосудецъ имѣлъ совершенно отвѣсныя стѣнки, два другихъ (черныхъ съ глянцемъ) отличались тонкой работой и точнымъ орнаментомъ; у шеи скелета находилось ожерелье изъ 31 волчьего (?) зуба, все дно могилы было усыпано мелкими (ок. линіи) раковинками, изъ которыхъ очень многія имѣли сквозныя отверстія. Въ № 5 въ пустой нишѣ находилось 2 скелета (мужской и женскій); при нихъ—бронзовый трехгранный наконечникъ, стрѣлы и мелкія бусы. Входъ въ нишу, къ которой вела выскобленная въ глинѣ лѣстница, былъ закрытъ двумя большими камнями, между которыми былъ воткнутъ тонкій осиновый колъ.

Въ Чигиринскомъ у. у с. Бирки Большіе мною раскопано 2 кургана и начато изслѣдованіе остатковъ древнихъ поселеній. Курганы заключали въ себѣ погребеніе со скорченными, крашеными скелетами, при чемъ подъ головой одного изъ нихъ лежалъ кусокъ краски болѣе 1 фунта вѣсомъ. Остатки древнихъ поселеній тянутся отъ Бирокъ по направленію къ Ивангороду на протяженіи болѣе версты. Здѣсь мной найдены 2 пряслицы, 1 буса, бронзовый слитокъ и масса фрагментовъ посуды, главнымъ образомъ, эпохи, предшествующей переселенію народовъ; встрѣчались, впрочемъ, черепки какъ каменнаго вѣка, такъ и позднихъ эпохъ (славянской эпохи).

Кромѣ того произведено 23 фотографическихъ снимка съ нѣкоторыхъ кургановъ, скелетовъ и вещей, которыхъ нельзя было въ цѣлости увезти съ мѣста находки.

Стоянка каменнаго вѣка на рѣкѣ Осколь близъ села Шалаева Валуйскаго уѣзда Воронежской губерніи.

А. Орлова.

Рѣка Осколь, оставивши село Шалаево, прорѣзываетъ, на пространствѣ до одной версты по теченію, пластъ песчаныхъ отложеній, имѣющихъ все характерныя особенности дюнь съ подвижностью песковъ и довольно высокими холмами. Дюны эти, расположенныя по обѣимъ сторонамъ рѣки, во многихъ мѣстахъ усеяны осколками кремней и черепками битой посуды, образцы которыхъ мною препровождены Г. правителю дѣлъ Воронежской ученой Архивной Комиссіи О. Стефану Звѣреву. Осмотръ препровожденныхъ экземпляровъ приводитъ съ перваго же взгляда къ несомнѣнному убѣжденію, что мы имѣемъ дѣло съ характерными произведеніями человѣка палеолитическаго періода: черепки, не обожженной глины и орудія—скребла, наконечникъ копья—съ слѣдами отбоя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Шалаевскихъ дюнахъ—они входятъ въ составъ надѣла крестьянъ села Шалаева—имѣются смазки такого же характера, какъ и открытыя г. Хвойко на р. Днѣпрѣ. По лѣвому берегу р. Оскола смазки эти не обширны и достигаютъ всего сажени полуторы ширины до 4 и 5 сажень длины. Впрочемъ, мы склонны полагать, что эти смазанныя площадки нѣкогда имѣли большую ширину и длину, въ настоящее время же они засыпаны подвижными песками. По правой же сторонѣ рѣки смазанныя площадки болѣе обширны (или менѣе засыпаны песками) и одна изъ нихъ имѣетъ до 20 сажень длины и до 10, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 15 сажень ширины. Верхній слой этихъ смазокъ—корка—имѣетъ до полувершка толщины, отъ удара отдѣляется плитками, легко растираемыми руками. Цвѣтъ этой корки темнобурый, такого же цвѣта оказался и песокъ подъ коркою на глубину до одной четверти аршина, тогда какъ окружающіе площадку пески обыкновеннаго, всемъ извѣстнаго, цвѣта. Эти смазки сплошь усеяны кремневыми осколками величиною отъ скорлупы зерна мелкаго подсолнуха до кулака взрослога человѣка, тутъ же попадаются и кремневые орудія и черепки съ разнообразными орнаментами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смазанныхъ пространствъ, по преимуществу въ концахъ ихъ, встрѣчаются холмики до сажени длины, около двухъ аршинъ ширины и разнообразной высоты—самыя высокіе до аршина—цвѣта совершенно чернаго; въ нихъ найдены мною крупныя черепки

посуды безъ орнаментовъ и кость съ двумя поперечными надрѣзами, находятся въ отосланной мною коллекціи; скребла же, обдѣланный камень (оббитый), напоминающій собою копые, найдены валяющимися на смазкахъ. Изъ чего состоятъ эти холмики (черныя), опредѣлить я не рѣшаюсь, такъ какъ я ихъ не разрывалъ, оставляя для болѣе компетентныхъ лицъ, но едва ли ихъ можно отнести къ кухоннымъ остаткамъ. Холмикъ собственно съ кухонными остатками я нашелъ лѣтъ 10 тому назадъ, на дюнахъ правой стороны рѣки; при изслѣдованіи же дюнъ въ августѣ сего года кучи съ кухонными остатками я не обнаружилъ, вѣроятно, она занесена песками. На этой послѣдней кучѣ кухонныхъ остатковъ мною найдены во множествѣ рыбьи кости и чешуя, разбитыя кости лося и козы, кости птицъ и даже части черепа человѣка, обломки рыболовныхъ крючковъ изъ желѣза; сверху этой кучи найденъ кусокъ плитняка, которымъ, несомнѣнно, разбивали трубчатыя кости животныхъ, что подтверждается небольшимъ углубленіемъ въ этомъ камнѣ для большого пальца, а также находеніемъ его въ кухонныхъ остаткахъ. Въ этой же кучѣ кухонныхъ остатковъ найдены мною человѣческія зубы, части челюсти, уголья, но хлѣбныхъ зеренъ ни въ цѣломъ видѣ ни въ раздробленномъ не обнаружено. Ни въ указанныхъ мною холмикахъ чернаго цвѣта, ни подъ смазками я не нашелъ череповъ и вообще частей скелета человѣка. Лишь въ пескахъ, примыкающихъ къ старому руслу рѣки Оскола, мною былъ обнаруженъ полный хорошо сохранившійся скелетъ человѣка, а неподалеку валялись части разбитыхъ (говорятъ пастухами) человѣческихъ же череповъ; скелетъ имѣлъ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ длины. Изъ какого матеріала Шалаевскій палеолетическій человѣкъ составлялъ смазку, опредѣлить не представилось возможности, присутствіе же глины и песка несомнѣнно. Нѣкоторые полагаютъ, что въ составъ смазки входитъ наваръ изъ костей (бульонъ) и истолченныя зерна хлѣба; но будучи разведены въ горячей водѣ, куски этой смазки ни зеренъ ни жирныхъ пятенъ не содержали. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на прочность этихъ смазокъ: онѣ выдерживаютъ тяжесть нѣсколькихъ взрослыхъ людей и это послѣ того, какъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій онѣ подвергались вліянію дождей и солнца; нужно поэтому допустить, что Шалаевскій человѣкъ сдѣлавшую имъ смазку впоследствии выжигалъ. Невольно при этомъ зародится желаніе опредѣлить время, когда жилъ здѣсь первобытный человѣкъ? На послѣдней Харьковской Археологической Выставкѣ, въ залѣ первобытныхъ древностей, мы остановились надъ коллекціей каменныхъ орудій и осколковъ (скребла) изъ сердолика и надъ витриной имѣлась надпись „II и III вв. по Р. X“. Какими данными руководствовался коллекціонеръ, указавъ эту дату, догадаться трудно, но нельзя при этомъ не вспомнить, что орудія и осколки изъ кремня, характеризующія палеолетическаго человѣка, надлежитъ отодвинуть въ глубь вѣковъ примѣрно тысячъ на 50—100 лѣтъ отъ нашего времени. Однако Шалаевскій человѣкъ едва ли очень древенъ; на дюнахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Оскола, не было найдено костей мамонта, носорога и вообще крупныхъ костей и обломковъ ихъ; современниками этого человѣка были козы, лоси, олени, быть можетъ зубры, населявшіе первобытные лѣса. Найденныя остатки угля твердой консистенціи—быть можетъ дубовые. Еще въ 50-хъ годахъ

прошлаго столѣтія близъ этихъ дювъ были пни дубовые въ два—три обхвата. Какая цѣль этихъ смазокъ? Едва-ли можно согласиться, что это—площадки погребенія. Одна уже обширность смазокъ, о чемъ мы упоминали, опровергаетъ эту мысль, отсутствіе же надъ смазками и на смазкахъ человѣческихъ костей можно считать яснымъ противопоказателемъ этого предположенія. Нахожденіе во множествѣ осколковъ кремней, иногда мелкихъ, какъ шелуха зерна подсолнуха, при чемъ этими осколками усыпаны относительно большія пространства, указываетъ, что на этихъ смазкахъ происходила выдѣлка изъ кремней орудій, на этихъ смазкахъ жилъ человѣкъ, онѣ служили основою его жилья—поломъ. Эти смазки, кухонные остатки, найденныя орудія изъ кремня и черепки даютъ основаніе нарисовать проблематически жизнь Шалаевского палеолитическаго человѣка. Питался онъ мясомъ, добывая охотою птицъ, звѣрей и рыбъ, употребляя для рыбъ сѣти (въ переданной мною коллекціи есть разбитое изъ глины грузило), крючки (единственное и рѣдкое желѣзное орудіе), любилъ очень костный мозгъ животныхъ (все трубочатыя кости разбиты) очевидно, не прочь былъ полакомиться человѣкомъ (находящіеся у меня зубы и куски челюсти человѣка найдены въ кучѣ кухонныхъ остатковъ). Едва ли Шалаевскій человѣкъ употреблялъ въ пищу хлѣбныя зерна, но крайней мѣрѣ никакихъ признаковъ того мы въ его жилищѣ не нашли. Своихъ покойниковъ онъ не сожигалъ (нѣтъ обожженныхъ человѣческихъ костей), а зарывалъ въ песокъ (найденный мною скелетъ и остатки череповъ) въ родномъ мѣстѣ. Ему не чуждо было чувство изящнаго. Черепки отъ посуды украшены орнаментами, иногда очень простыми—линіи, вдавленія пальцемъ, а иногда и сплошнымъ и даже красивымъ, съ симметрически расположенными линиями, сквозными отверстіями. Такъ какъ сосуды съ такими сквозными дырочками не годны для варки и содержанія пищи, то мы предполагали, что черепки эти—остатки украшеній. Но главное, Шалаевскій человѣкъ былъ большой искусникъ въ производствѣ орудій изъ кремня: сохранились цѣлыя пространства, усыпанныя мельчайшими и крупными кусками кремня, и орудіями, сдѣланными изъ того же кремня (въ моей коллекціи имѣется наконечникъ стрѣлы и конья изъ кремня). Припомнимъ при этомъ, что Шалаевскій человѣкъ не имѣлъ желѣзныхъ орудій, а обходился тѣми же кремнями и вспоминая твердость этого матеріала, легко себѣ представимъ ту массу труда и искусства, которая была приложена мастерами, чтобы придать кремню форму стрѣлы, пилы или конья. Этимъ же объясняются относительно рѣдкіе экземпляры кусковъ, коимъ придавалась извѣстная форма; безформенные осколки, получающіеся при отбитіи, однако утилизировали: подходящіе употребляли на наконечники стрѣлъ, другіе для соскребанія мяса съ костей, для просверливанія дыръ и проч. Мною собраны довольно большіе куски кремня съ слѣдами, указывающими, что отъ нихъ отбиты части, а можетъ быть они употреблялись какъ орудіе отбоя. Закачивая настоящее сообщеніе, не могу не обратить вниманія на необходимость принять мѣры къ охраненію описываемой стоянки, т. к. 1) она является чрезвычайно характерной, 2) прекрасно сохранившеюся и 3) единственною, по сколько мнѣ извѣстно, въ Воронежской губерніи. Между тѣмъ, часть этой стоянки, находящаяся на лѣвомъ берегу рѣки Оскола, уже

уничтожена — распахана и засажена шелюгою, такъ какъ подвижные пески днѣтъ грозятъ полямъ. Я слышалъ, что та же участь осенью сего года или весной будущаго постигнетъ и стоянку на правой сторонѣ Оскола. Однако, мнѣ кажется, возможно, не трогая части стоянки десятины въ три квадратныхъ, засадить шелюгою оконечности днѣтъ и во всякомъ случаѣ требуется, скорѣйшее и болѣе подробное изученіе этой стоянки лицами болѣе компетентными, чѣмъ пишущій эти строки.

Милостивая Государыня

Графиня Прасковья Сергѣевна.

Предстоящій въ августѣ мѣсяцѣ XII Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ касается также и Екатеринославской губерніи, но, какъ мнѣ извѣстно, болѣе или менѣе обстоятельныхъ работъ по обследованію ея въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ на Съѣздѣ не будетъ представлено. Между тѣмъ Екатеринославская губернія, гдѣ смѣнился цѣлый рядъ различныхъ народностей, является глубоко интересныи какъ для археологовъ, такъ и для этнографовъ. Въ особенности знаменательны въ ней памятники запорожской старины, имѣющіе большое значеніе для исторіи не только Новороссіи, всей Малороссіи, но и современнаго казачества.

Поэтому чрезвычайно важно, чтобы на изученіе Екатеринославской губерніи обращено было особое вниманіе ученыхъ археологовъ и историковъ. Импульсомъ-же къ ускоренію работъ по изслѣдованію губерніи со стороны ученыхъ и мѣстныхъ силъ, и притомъ работъ наиболѣе детальныхъ и обстоятельныхъ, могло бы послужить, между прочимъ, устройство слѣдующаго, послѣ Харьковскаго, XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ. Къ этой идеѣ относятся съ полнымъ сочувствіемъ мѣстное Научное Общество и представители Общественныхъ учреждений, которые окажутъ всякое содѣйствіе устройству Съѣзда.

Въ виду изложеннаго имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство ходатайствовать передъ Харьковскимъ Археологическимъ Съѣздомъ о созывѣ слѣдующаго XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности
Вашего покорнаго слуги

Гр. О. Келлеръ.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи.

1) Какого происхожденія жители вашего селенія: русскіе, малороссы, нѣмцы, греки, болгары или другихъ народностей. Откуда пришли ихъ предки. Изъ какой губерніи Россіи или области другого государства. Давно ли они живутъ здѣсь и довольны ли новымъ отечествомъ.

2) Какъ расположено селеніе, одною ли улицею или нѣсколькими. Окружаютъ ли дома центральную площадь или раскиданы неправильно. Расположено ли селеніе у рѣки или въ открытой степи и пользуется-ли колодцами. Какъ сгруппированы поля вокругъ селенія.

3) Какъ расположены усадебныя постройки. Находятся ли помѣщенія для животныхъ подъ кровлею съ жилымъ помѣщеніемъ или выдѣлены въ отдѣльныя постройки. Какъ эти послѣднія расположены во дворѣ. Дать небольшой планчикъ двора.

4) Какъ устроено жилище. Какую форму имѣетъ крыша (2-хъ или четырехскатная) и изъ чего она сдѣлана. Откуда входъ: со двора или съ улицы. Отгороженъ ли домъ чѣмъ-либо со стороны улицы. Какъ расположены окна и сколько ихъ. Сколько комнатъ. Планъ дома. Внѣшнія украшенія, внутреннее убранство, красный уголь, печь, меблировка, черная комната, сѣни. Дворовыя постройки. Изъ чего онѣ дѣлаются и какъ располагаются. Способы плетенія и устройства изгороди.

5) Одежда. Какую носили прежде и теперь. Отъ кого заимствованъ современный фасонъ. Описаніе отдѣльныхъ частей костюма. Рубашки старинныя и теперешнія, ихъ особенности. Штаны. Обувь. Свита, чѣмъ она отличается отъ носимыхъ въ сосѣднихъ селахъ. Изъ чего дѣлается. Каковъ былъ ея покрой въ старину. Теперешняя верхняя одежда. Зимній костюмъ. Женскій костюмъ. Подробное его описаніе прежде и теперь. Рубашки и ея вышивки. Головной уборъ. Обувь. Почему смѣнился національный костюмъ. Носитъ ли его кто-нибудь еще въ деревнѣ. Каковъ онъ былъ ранѣе. Верхняя одежда прежде и теперь (подробное описаніе). Чѣмъ отличается одежда замужней женщины и дѣвушки. Домашняя утварь. Мебель. Каковы онѣ были прежде и каковы теперь. Есть ли въ хатѣ лавки или онѣ замѣнены стульями и диванами. Есть ли постели. Какова посуда. Описать тѣ принадлежности домашней утвари какія не покупаются въ городѣ а дѣлаются или дома или приобрѣтаются на базарахъ въ сосѣднихъ селахъ. Перечислить хозяйственный инвентарь и сдѣлать то же самое по отношенію къ орудіямъ и экипажамъ. Описать какіе существуютъ въ данномъ

сельскія мѣстные промыслы и какъ они производятся. Гдѣ покупаютъ не домашняго изготавленія предметы. Пища населенія, сколько разъ въ день принято ѣсть, въ какіе часы и что. Какія блюда составляютъ будничную пищу. Нѣтъ ли блюдъ заимствованныхъ отъ сосѣднихъ народностей: нѣмцевъ, болгаръ, грековъ, евреевъ и т. п. Перечислить ихъ и указать изъ чего они состоятъ. Какія особенныя блюда готовятся на большіе праздники, свадьбы, похороны и т. п. Описать эти блюда.

6) Сохранилось-ли общинное землевладѣніе. Если нѣтъ, то какъ пользуются землею, и кто ее наслѣдуетъ, всѣ-ли дѣти или только нѣкоторыя. Какъ пользуются выгонами и свободною землею.

7) Кто сосѣди. Каковы къ нимъ отношенія. Ходятъ ли къ нимъ наниматься въ рабочіе. Какъ относятся къ этимъ рабочимъ. Вступаютъ ли въ браки и если да, то часто ли и охотно ли? Какія повѣрія, примѣты и обряды наблюдаются при рожденіи и крещеніи.

8) Распространеннѣйшія дѣтскія игры и пѣсни.

9) Если сосѣди нѣмцы, то какое вліяніе оказало ихъ сосѣдство: на землевладѣніе, хозяйство, измѣненіе обстановки, на нравы и обычаи. Въ хорошую или дурную сторону повліяло это сосѣдство. Отмѣтить то же въ случаѣ сосѣдства евреевъ, болгаръ и грековъ.

10) Распространенные танцы, вечеринки и ихъ особенности, повѣрія любовнаго характера. Какъ относятся къ цѣломудрію дѣвушки, и осуждается ли потеря невинности до брака. Въ чемъ оно выражается. Свадебные обряды, пѣсни и примѣты. Какъ называется потерявшая невинность невѣста.

11) Повѣрія и примѣты, связанныя съ уходомъ за скотиною посѣвомъ, жатвою.

12) Рыболовство и его принадлежности. Пчеловодство. Мирошничество. Типы мельницъ.

13) Кузнечное и литейное дѣло.

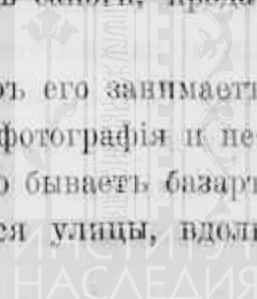
14) Особенности праздники и связанныя съ ними обряды.

15) Знахарство при леченіи болѣзней. Повѣрія, связанныя съ покойниками.

Образецъ описанія селенія и его жителей согласно программѣ.

Село Богатое, Х. губерніи, У. уѣзда, расположено на ровномъ мѣстѣ, близъ небольшой рѣчки. Оно основано крестьянами великороссами, поселенными здѣсь 120 лѣтъ тому назадъ изъ Курской губерніи. Сами крестьяне теперь совершенно забыли откуда родомъ ихъ предки, но въ церковныхъ книгахъ удалось розыскать эти данныя. Они занимаются хлѣбопашествомъ, но часть ихъ шьетъ сапоги, продавая въ городѣ.

Если бы нарисовать планъ селенія, то оказалось бы, что центръ его занимаетъ большая квадратная площадь, среди которой возвышается церковь (фотографія и небольшой набросокъ карандашемъ къ ней прилагается) и обыкновенно бываетъ базаръ по праздничнымъ днямъ. Отъ площади во всѣ стороны расходятся улицы, вдоль

которых съ обѣихъ сторонъ и располагаются усадебныя мѣста жителей. Дворы эти, такъ сказать, двойные. Въ передній—ведуть ворота прямо съ улицы, какъ показываетъ небольшой прилагаемый планчикъ, и онъ весь окруженъ хозяйственными постройками. Влѣво отъ воротъ помѣщается хата, ходъ въ которую всегда со двора, вправо—сарай и навѣсы, въ которыхъ хранятся экипажи, и производятся мелкія работы, или конюшни. Небольшая калитка ведетъ въ задній дворъ, гдѣ въ глубинѣ помѣщается клуня, посерединѣ - токъ и влѣво—конюшни для скота.

Таково расположеніе построекъ въ большинствѣ случаевъ, хотя у ремесленниковъ дворъ меньше и проще, задней части совсѣмъ нѣтъ, въ передней—нѣтъ сарая и конюшенъ.

Хаты расположены такимъ образомъ, что окнами своими смотрять на улицу, не отгорожены онѣ отъ улицы ни тыномъ, ни какой иной изгородью, такъ что съ улицы можно смотрѣть прямо въ окна жилища и изъ комнатъ—свободно видѣть все, что дѣлается на улицѣ; входъ, напротивъ, всегда со двора. Самыя старинныя хаты, какія встрѣчались въ селеніи и были выстроены первыми поселенцами, были тѣсныя и низенькія, онѣ топились по черному такъ какъ трубъ у нихъ не было и дымъ выходилъ черезъ окна и двери. Въ настоящее время въ селеніи сохранилась только одна такая покосившаяся совершенно хатенка, въ которой живетъ выживающая изъ ума 80-лѣтняя полунищая старуха, но, говорятъ, лѣтъ 50 назадъ до большого пожара, когда выгорѣло почти все село, такихъ хатъ было много, но и тогда уже почти всѣ жители бросили топить по-черному и имѣли у себя обыкновенныя русскія печи. вмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже стали бросать прежній фасонъ двухскатныхъ соломенныхъ кровель, а начали замѣтывать фасонъ изъ сосѣднихъ малороссійскихъ селъ съ кровлями 4-хъ скатными и стали класть на нихъ солому много аккуратнѣе.

По расположенію и внутреннему убранству хаты съ 4-скатными кровлями теперь очень походятъ на хаты сосѣднихъ малороссійскихъ деревень, но все же имѣютъ и нѣкоторыя особенности, сохранившіяся, повидимому, отъ прежнихъ русскихъ избъ. Хаты дѣлаются большей частью изъ деревянныхъ брусевъ, которые снаружи обшиваются длинными полосками драни и затѣмъ обмазываются глиною и бѣлятся, но внутри хата не бѣлится, а отшлифованные брусья такъ пригоняются другъ къ другу, что получается гладкая деревянная стѣна. Она ничѣмъ не выкрашивается и не вымазывается.

Потолокъ остается также деревянный и балки, на немъ выступающія, иногда только украшаются вырѣзанными или вытесанными крестами. Но тутъ не соблюдается, въ противоположность малороссамъ, никакихъ правилъ.

Первоначально хаты имѣли не болѣе трехъ оконъ: два на улицу и одно во дворъ маленькое. Теперь число оконъ доходить до 5, а у людей занимающихся ремесломъ—даже до 7 и величина ихъ втрое больше. Прежде они состояли изъ двухъ рамъ, изъ коихъ одна, если хотѣли отворить окно, поднималась вверхъ, теперь окна большею частью двустворчатыя и о трехъ стеклахъ,—верхнее поперечное остается на мѣстѣ, а два нижнихъ—растворяются, при чемъ верхнему стеклу придаютъ сверху слегка кругловатую форму.

Окна закрываются снаружи ставнями. Въ отличіе отъ окрестныхъ малорусскихъ селъ, ставни эти расписаны яркими пестрыми узорами разныхъ цвѣтовъ, образующими красивый рисунокъ, но безъ изображеній цвѣтовъ или животныхъ и птицъ, а просто состоящей изъ смѣшенія полосъ и треугольниковъ. Кромѣ этихъ пестрыхъ ставней снаружи хаты не украшены ничѣмъ—на крышѣ нѣтъ какихъ-либо гребешковъ и украшеній. Только у богатей, имѣющихъ вмѣсто соломенныхъ кровель, желѣзная труба украшена желѣзными вырѣзными узорами.

Означенная свѣтлая комната и составляетъ главное жилие хаты. Въ нее не попадаютъ прямо съ улицы, а черезъ сѣни, обыкновенно темныя, дверь, ведущая въ сѣни, отпирается всегда внутрь, для защиты отъ врага и для удобства во время снѣжныхъ заносовъ. Дверь же, ведущая въ комнату, отпирается всегда въ сѣни, чтобы не занимать лишняго мѣста въ комнатѣ.

У старинныхъ домовъ все жилие состояло изъ сѣней и комнаты, но еще до большого пожара у болѣе зажиточныхъ крестьянъ къ этой хатѣ пристраивалась хатина или черная комната. Первоначально она служила просто кладовою, въ ней не было оконъ и самая стѣна дѣлалась не изъ бревенъ, а, какъ плетни, изъ хвороста, обмазаннаго глиною. Затѣмъ болѣе зажиточные крестьяне стали дѣлать эту хатину, какъ вторую комнату, ставить въ ней печь и лавки и жить въ ней большую часть времени, тогда какъ передняя комната, содержимая болѣе чисто, получила характеръ пріемной комнаты. Другая особенность современныхъ хатъ, которой не было прежде, это, такъ-называемый, „пиддашникъ“. Фундаментъ хаты представляетъ обыкновенно небольшой выступъ, такъ называемую призьбу. Прежде, когда домики были низенькіе и обкладывались на зиму навозомъ для теплоты, надъ призьбой возвышались просто бѣленныя стѣны хаты, а надъ ними свѣшивалась соломенная крыша. Теперь эта крыша, со стороны выходящей во дворъ, поддерживается деревянными колонками, опирающимися въ призьбу, образуя родъ узенькаго балкончика, по которому нельзя ходить, но можно сидѣть въ защитѣ отъ дождя. Другая особенность хатъ нашего села, отличающая ихъ отъ сосѣднихъ малороссійскихъ, это небольшія крылечки, устраиваемыя передъ входною дверью. Крылечки эти съ деревянными навѣсами и скамеечками имѣютъ нѣсколько ступенекъ, по которымъ надо подняться подъ навѣсъ, чтобы попасть въ хату.

Хатнія сѣни ничѣмъ не замѣчательны, въ нихъ царствуетъ полутьма, и въ глубинѣ ихъ, у нѣкоторыхъ, есть ходъ въ кладовку, устраиваемую вдоль длинной задней стѣны хаты подъ навѣсомъ кровли, также темную. Чистая комната хаты убрана часто очень красиво.

Прежде, да и теперь, во многихъ хатахъ еще принято, чтобы подъ окнами по стѣнамъ стояли длинныя лавки, на которыя и садятся входящіе. Вправо отъ входа стоитъ большая широкая русская печь съ лежанками, а влѣво—небольшой шкафикъ съ посудою. Въ примыкающей къ нему стѣнѣ продѣланы окна и подъ ними проходитъ лавка. Въ противоположномъ отъ входа углу стоитъ столикъ и надъ нимъ образа. Этотъ уголокъ подъ образами часто украшенъ полотенцами, бумажными цвѣтами и прутьями вербы—иногда висятъ привязанныя цвѣтными лентами пасхальныя яйца.

Отъ этого угла къ правой отъ входа стѣнѣ тянется лавка, а между печью и этою лавкою настланы доски, образуя, такъ-называемый, полъ, на которомъ спятъ члены семьи. — Такъ у болѣе бѣдныхъ крестьянъ. У болѣе зажиточныхъ полъ замѣняютъ постелью; вмѣсто лавокъ стоятъ деревянные диванчики и стулья, а самый полъ, вмѣсто того, чтобы дѣлаться изъ убитой глины, дѣлается деревянный досчатый.

Таково внутреннее убранство хатъ громаднаго большинства жителей нашего селенія, но есть между ними и нѣкоторыя исключенія. Очень зажиточные люди дѣлаютъ дома свои на городской ладъ: кроютъ кровли желѣзомъ, а не соломой, вмѣсто пиддашника устраиваютъ болѣе широкую галлерейку, которую застекляютъ, придавая ей характеръ стекляннаго коридора, и нерѣдко тогда входъ ведетъ въ нее съ улицы. Пройдя галлереей, уже входятъ черезъ среднюю дверь въ сѣни. Дѣлаютъ вмѣсто 2-хъ комнатъ больше. Отдѣляются въ особыя комнаты кухня и спальня, и тогда чистая комната является исключительно пріемной и украшается стульями и диванами.

Такіе полугородскіе дома имѣются у одного, много 2-хъ жителей. Наконецъ, одинъ крестьянинъ, долго работавшій у колонистовъ, выстроилъ себѣ домъ по образцу нѣмецкаго, гдѣ подъ одной кровлей были и жилия комнаты, и конюшни для животныхъ, и который былъ крытъ черепицей. Но такая архитектура не понравилась его односельчанамъ и они въ насмѣшку его самого называли нѣмцемъ. Есть также у нихъ одна хата, которая сдѣлана вся изъ очерета, т.-е. ея стѣны не бревенчатыя, а очеретяныя, обмазанныя глиною. Эти постройки однако также не нашли подражателей ни у кого.

Изгородь, которою окружается дворъ чаще всего представляетъ изъ себя плетень. Есть нѣсколько фасоновъ какими плетутся такіе плетни, но такъ какъ мы приложили ихъ изображеніе, то не считаемъ нужнымъ особенно подробно объ нихъ распространяться. Когда было больше лѣса всѣ плетни были изъ хвороста, и во дворъ вели ворота на высокихъ столбахъ, съ навѣсомъ. Теперь, когда, съ одной стороны, хворостъ сталъ дорогъ, а съ другой—разработка руды обнажила въ большомъ количествѣ годный для ломки камень, то вмѣсто плетней и тыновъ у многихъ хозяевъ дѣлаются менѣе красивыя каменные изгороди изъ положенныхъ другъ на друга плоскихъ камней. Большая часть хозяйственныхъ построекъ однако дѣлается изъ хвороста, даже не обмазываемаго глиною и кроется соломой. Формы этихъ построекъ нами набросаны карандашемъ и приложены такъ, что не требуютъ поясненія въ текстѣ. Главною постройкою и наиболѣе цѣнною безспорно является клуна, ставимая обыкновенно въ глубинѣ задняго двора.

Переходя отъ жилища къ одеждѣ, мы находили и здѣсь не меньшее разнообразіе. Мужчины въ лѣтнее время носили одежду слѣдующаго покроя:

1) На тѣло надѣвалась косоворотка, приготовляемая изъ домашняго холста. Ея первоначальный покрой былъ очень простъ, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ.

Сшивалось просто 2 полотнища, въ которыя вшивались рукава и прорѣзалось мѣсто для ворота, воротъ обшивался тесьмою, и рубаха была готова. Теперь косо-

воротки дѣлаются много изящнѣе: вставляется для спины и плечъ кокетка, вшивается въ палецъ высотой воротникъ, который вышивается различнаго цвѣта узорами, точно также вышивается треугольникъ на груди въ той части ворота, которая при отстегиваніи отгибается. Вся же грудь, какъ у малороссовъ, никогда не вышивается, точно также какъ не вышиваются, а остаются бѣлыми подолъ и рукава. Холщевыя домотканныя рубахи теперь постепенно стали замѣняться покупными, при чемъ вмѣсто бѣлаго цвѣта въ моду вошелъ красный кумачевый.

Штаны до сихъ поръ носятъ по преимуществу домотканныя бѣлыя съ синими полосками. Они прикрѣпляются къ бедрамъ, стягиваясь веревочкой (очкуромъ). Еще недавно носили лапти, портянки и онучи—теперь же они вездѣ уже замѣнились сапогами, и надъ носящими лапти смѣются. Самые сапоги, носимые мужчинами, неоднократно мѣнялись. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ носили сапоги выворотные, подошва которыхъ не подбивалась гвоздиками, а подшивалась дратвою и по окончаніи работы—подшивки сапоги выворачивались на другую сторону, которая и была лицевая. Теперь шьютъ сапоги обыкновенные на подборахъ, но за шикъ считается, чтобы голенища такихъ сапогъ были неизмовѣрной длины, и они были бы собраны въ сотни складокъ.

Чулки до сихъ поръ еще почти не въ употребленіи, и вообще ничего вязанаго мѣстное населеніе, въ противоположность нѣмцамъ не носить. Зато въ жаркое время на ноги одѣваютъ коты, отличіе которыхъ отъ малорусскихъ заключается въ томъ, что они имѣютъ сзади ушки.

На голову надѣвались прежде войлочныя шляпы, теперь ихъ вытѣснили совершенно картузы.

Въ болѣе холодное время сверху надѣвались поддевки изъ грубаго деревенскаго сукна и свиты. Свиты имѣли форму широкаго халата съ большимъ откиднымъ, на подобіе матросскаго, 4-угольнымъ воротникомъ. Поддевки застегивались на боку и отъ тяги сзади были собраны въ многочисленныя складки, т.-наз. усы, чѣмъ отличались отъ носимыхъ сосѣдями-малороссами и имѣющими сзади всего по 2 уса. На рубаху подъ свиту надѣвается жилетка. Въ настоящее время русскій костюмъ населенія претерпѣваетъ двоякаго рода измѣненія: съ одной стороны бывающіе въ городахъ ввели въ употребленіе пиджаки и суконныя штаны, съ другой стороны сношеніе съ нѣмцами сдѣлало употребительнымъ ношеніе, безобразнаго покроя, черныхъ сюртуковъ и рядъ теплыхъ кофтъ, хватающихъ до пояса. Отъ нихъ же пошелъ безобразный обычай носить баки.

Женскій костюмъ также подвергается измѣненію. Прежде носили на тѣлѣ длинную рубашку, на которую сверху надѣвался сарафанъ изъ синяго самодѣльнаго тонкаго сукна, который только въ самомъ низу въ одинъ рядъ обшивался золотымъ позументомъ. Теперь надѣваютъ юбку съ передникомъ и короткую кофту городского мѣщанскаго покроя яркаго, б. ч. краснаго цвѣта, отдѣланную ситцемъ зеленаго цвѣта. Свою любовь къ красному цвѣту, какъ мужчины, такъ и женщины объясняютъ тѣмъ, что этотъ цвѣтъ лучше отдѣняетъ бѣлизну лица. Теперь голову обыкновенно повязываютъ платкомъ—ранѣе же она спереди повязывалась шитою золотомъ „соро-

кою*—родомъ повязки, вышитой золотыми и шелковыми нитками, дѣвунки же сверхъ того украшали голову цвѣтами.

Рисунки узоровъ, вышиваемыхъ на сорокахъ и болѣе богато вышитыхъ уборовъ, называемыхъ зѣмниками, прилагаются. Эти головные уборы, подобныя малороссійскимъ очипкамъ, постепенно выходятъ изъ моды.

На ногахъ носятъ женскіе коты, теперь чаще и чаще замѣняемые башмаками. Въ старинномъ деревенскомъ нарядѣ обращаютъ на себя вниманіе обычай вставлять въ рубашкахъ на плечахъ красные куски кумача въ видѣ треугольниковъ и окаймлять ихъ вышивками. Образцы этихъ вышивокъ мы здѣсь прилагаемъ.

Свиты женскія мало отличаются отъ мужскихъ. Шубы шьютъ большей частью малороссійскаго, покроя, т.-е. халатообразныя безъ талии и расшиваются красными и зелеными узорами, характеръ которыхъ показываетъ прилагаемый рисунокъ. Высокія войлочныя валенки надѣваются на ноги. Замѣчательно, что женщины, заимствуя въ одеждѣ своей нѣкоторыя черты отъ городского мѣщанскаго населенія, не позаимствовали въ нашемъ селѣ ничего отъ своихъ сосѣдей ни отъ нѣмцевъ, ни отъ малороссовъ.

Орудія и домашняя утварь въ описываемомъ селѣ напротивъ потеряла свой совершенно самобытный характеръ. Тяжелые малороссійскіе плуги замѣнились желѣзными, покупаемыми въ складахъ, то самое можно сказать и о боронахъ. О цѣпахъ забыли и молотятъ теперь паровыми молотилками. Но у болѣе бѣдныхъ крестьянъ и доселѣ еще существуетъ обычай молотить тяжелыми каменными рубчатыми валиками, которые катаютъ по колосьямъ, запрягая въ нихъ лошадь.

Хотя теперь муку мелютъ вездѣ на мельницахъ, но характерно, что здѣсь и тамъ въ хозяйствѣ находятъ большія деревянныя ступы и даже каменныя ступки, которыя приводятся въ движеніе ногою.

Посуда покупная, городская. Кое у кого сохранились деревянныя лакированныя чашки и такія же ложки, но посуда эта все-таки не самодѣльная, а выписывается съ сѣвера. Не городского, а деревенскаго издѣлія у насъ только горшки, но и ихъ готовятъ не повсюду, а только въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть хорошая глина. У насъ ее нѣтъ, потому и посуда покупается въ сосѣднихъ малороссійскихъ селахъ. Соотвѣтственно малороссійскому вкусу она имѣетъ б. ч. желтоватый цвѣтъ съ узорами зеленаго, коричневаго и чернаго цвѣтовъ,—на ней нѣтъ изображеній животныхъ, птицъ или цвѣтовъ—только различныя, довольно простые, узоры. Формы посуды тѣ же, что и у малороссовъ. Прежнія телѣги замѣнились крайне неудобными и тряскими колоннетными фургонами. Замѣны эти объясняются тѣмъ, что наши крестьяне сами не готовили экипажей, и когда появились фургоны на базарахъ и вытѣснили возы, они по необходимости стали покупать фургоны. Старинныя повозки были или дроги, или возы съ широкимъ передомъ суживающимся сзади. Сани, напротивъ, сохранились стариннаго образца. Прилагаемый рисунокъ показываетъ ихъ устройство лучше описанія.

Записки Высочайшаго Благочиннаго Казанскаго XIII
Академическаго Собора.

ПРОТОКОЛЫ.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета XIII Археологическаго Съѣзда.

Протоколь перваго засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 г. въ г. Екатеринославѣ XIII Археологическаго Съѣзда, 4 января 1903 г. въ д. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ предѣдательствомъ графини П. С. Уваровой (деп. отъ Московскаго Археологическаго Общества), въ присутствіи гг. депутатовъ: отъ Московскаго Университета—*проф. М. И. Соколова* и *проф. А. П. Павлова*, Петербургскаго Университета—*проф. А. И. Соболевскаго*, Новороссійскаго Унив. и Одесскаго Общества Ист. и Древн.—*проф. А. А. Кочубинскаго* и *проф. И. А. Линниченко*, Университета св. Владиміра—*проф. Г. Г. Павлуцкаго* и *проф. М. Н. Ясинскаго*, Харьковскаго Университета—*проф. Д. И. Багалъя*, *проф. Е. К. Рѣдина*, *проф. Н. О. Сумцова*, *проф. М. А. Остроумова* и *проф. А. Н. Краснова*, Казанскаго Университета—*проф. И. Н. Смирнова* и *проф. Д. В. Айналова*, Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко и состоящаго при Институтѣ Историко-Филологическаго Общества—*проф. М. Н. Сперанскаго*, Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ—*проф. А. Е. Крымскаго* и *доц. А. С. Хаханова*, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москв. Унив.—*С. А. Бѣлокурова* и *Е. И. Соколова*, Импер. Русскаго Археологическаго Общества—*проф. Н. И. Веселовскаго*, Импер. Московскаго Археологическаго Общества—*графини П. С. Уваровой*, *Ю. В. Готье*, *проф. М. И. Соколова*, *С. О. Долгова*, *проф. К. М. Быковскаго*, *проф. Д. В. Айналова*, *проф. Д. И. Иловайскаго*, *Х. И. Кучукъ-Иоаннесова*, *проф. Е. К. Рѣдина*, *В. Н. Рогожина*, *Д. И. Эварницкаго*, *проф. Д. Я. Самоквасова*, Императ. Общества Любителей Естествознанія при Моск. Университетѣ—*проф. В. О. Миллера*, *Н. А. Янчука*, *В. В. Каллаша* и *Б. В. Богданова*, Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Унив.—*проф. И. Н. Смирнова* и *Н. К. Горталова*, Общества Нестора Лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра—*проф. А. И. Соболевскаго*, *проф. М. Н. Ясинскаго*, *проф. Г. Г. Павлуцкаго* и *В. Г. Ляскоронскаго*, Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности—*С. О. Долгова*, Импер.

пытателей Природы — *проф. А. П. Павлова* и *В. Д. Соколова*, Историко-Филологического Общества при Харьковскомъ Университетѣ — *проф. Д. П. Багалъя*, *проф. Е. К. Рѣдина* и *проф. Н. О. Сулицова*, Церковно-Исторического и Археологического Общества при Киевской Духовной Академіи — *С. А. Бѣлокурова*, Петербургскаго Общества Архитекторовъ — *Акад. А. В. Иванова* и *Р. Р. Бекера*, Московскаго Архитектурнаго Общества — *К. М. Быковского* и *И. П. Машкова*, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ — *графини П. С. Уваровой*, Русскаго Библиологическаго Общества — *А. С. Раевского*, Екатеринославскаго Научнаго Общества — *В. В. Курилова*, *Д. П. Эварницкаго* и *А. С. Синявскаго*, Московской Духовной Академіи — *проф. А. П. Голубцова*, Московскаго Архива Министерства Юстиціи — *Н. Н. Ардашева*, *К. А. Стратонитскаго* и *Г. Г. Лукьянова*, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — *С. А. Бѣлокурова*, *Н. В. Рождественскаго* и *А. В. Допузина*, Московскаго Публичнаго Румянцовскаго Музеевъ — *С. О. Долгова*, *Н. А. Янчука* и *Ю. В. Готье*, Императорскаго Россійскаго Музея — *А. И. Станкевича*, Комисіи по устройству Донскаго Музея — *А. М. Коключина* и *В. А. Харламова*, Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей — *А. А. Титова*, Воронежскаго Церковно-Археологическаго Комитета — *П. В. Никольскаго* и *о. С. Зѣрева*, Артиллерійскаго Вѣдомства — *ген.-лейт. Н. Е. Бранденбурга*, Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета — *В. В. Иванова*, Воронежскаго Губерн. Статист. Комитета — *Л. М. Савелова*, Курскаго Губерн. Статист. Комитета — *Н. П. Златоверховникова*, Черниговской Ученой Архивной Комисіи — *П. М. Добровольскаго*, Костромской Ученой Архивной Комисіи — *В. А. Андроникова*, Рязанской, Тверской и Нижегородской Ученыхъ Архивныхъ Комисіи — *В. Н. Сторожева*, Калужской Архивной Комисіи — *П. Д. Четыркина*, Тамбовской Архивной Комисіи — *Я. Ф. Джемсъ-Симонса*, Воронежской Ученой Архивной Комисіи — *Л. М. Савелова* и *свящ. С. Е. Зѣрева*, Тульской Епархіальной Палаты Древностей — *Н. П. Троицкаго*, Екатеринославскаго Городскаго Управленія и Екатеринославскаго Губерн. Статистическаго Комитета — *Я. Г. Гололобова*, Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда — *В. В. Курилова*, *А. С. Синявскаго*, *Я. Г. Гололобова* и *Д. П. Эварницкаго*.

1. Засѣданіе было открыто Предѣдателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиней П. С. Уваровой на основаніи постановленія Совѣта XII Археологическаго Съѣзда отъ 27 августа 1902 г. и разрѣшенія Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 14 декабря 1902 г. созвать въ Москвѣ съ 4 по 8 января 1903 г. Предварительный Комитетъ по устройству предполагаемаго въ 1905 г. въ г. Екатеринославѣ XIII Археологическаго Съѣзда.

2. По открытіи засѣданія графиня Уварова предложила приступить къ избранію предѣдателя и секретаря Комитета. По единодушно выраженному всѣми гг. депутатами желанію предѣдательство въ Комитетъ приняла на себя графиня П. С. Уварова; секретарями были избраны В. К. Трутовскій и Ю. В. Готье.

3. Доложены официальные увѣдомленія отъ ученыхъ учреждений и обществъ о назначеніи депутатовъ въ Комитетъ. Оказались назначенными отъ:

- 1) Импер. Московск. Унив.—профессора: Д. Н. Зерновъ, А. И. Кирпичниковъ, И. Ф. Огневъ, М. И. Соколовъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Павловъ.
- 2) Импер. Петербургск. Унив.—профессора: С. Ф. Платоновъ, А. И. Соболевскій, и П. А. Лавровъ.
- 3) Импер. Новороссійскаго Унив.—профессора: А. А. Кочубинскій, И. А. Линниченко, Э. Р. фонъ Штернъ, А. А. Павловскій.
- 4) Импер. Унив. св. Владиміра—профессора: Г. Г. Павлуцкій и М. И. Яенискій.
- 5) Импер. Харьковск. Унив. — профессора: Д. И. Багалъя, Е. К. Рѣдинъ, Н. Ф. Сумцовъ, А. С. Лебедевъ, М. А. Остроумовъ, А. Н. Красновъ.
- 6) Импер. Казанскаго Унив.—профессора: П. И. Смирновъ, А. С. Архангельскій и Д. В. Айналовъ.
- 7) Историко-Филологич. Института кн. Безбородко—проф. М. И. Сперанскій.
- 8) Археографической Комиссіи Мин. Нар. Просвѣщенія—профессоръ С. Ф. Платоновъ и академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій.
- 9) Лазаревскаго Института вост. языковъ — профессора: Г. А. Халатьянцъ, А. Е. Крымскій, А. С. Хахановъ.
- 10) Московской Духовной Академіи—проф. А. П. Голубцовъ.
- 11) Московск. Архива Мин. Юстиціи — А. А. Гоздаво-Голомбѣевскій, К. А. Стратонитскій, Н. И. Ардашевъ и Г. Г. Лукьяновъ.
- 12) Москов. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ — С. А. Бѣлокуровъ, С. К. Богоявленскій, А. В. Лопухинъ, Н. В. Рождественскій и С. С. Слуцкій.
- 13) Московск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ: — профессоръ А. И. Кирпичниковъ, С. О. Долговъ, Н. А. Янчукъ и Ю. В. Готье.
- 14) Импер. Россійск. Историческаго Музея — И. Е. Забѣлинъ, кн. Н. С. Щербатовъ, А. В. Орѣшниковъ, В. И. Сизовъ, В. Н. Щенкинъ и А. И. Станкевичъ.
- 15) Комиссіи по устройству Донскаго Музея — А. М. Коключинъ, В. А. Харламовъ, Х. И. Поповъ, А. И. Медвѣдевъ.
- 16) Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей—А. А. Титовъ и И. А. Вахрамѣевъ.
- 17) Артиллерійскаго Музея — ген.-лейт. Н. Е. Бранденбургъ.
- 18) Импер. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив.—профессоръ В. О. Ключевскій, Е. В. Барсовъ, С. А. Бѣлокуровъ, Е. И. Соколовъ, В. О. Эйнгорнъ, проф. М. К. Любавскій и Н. Н. Оглобинъ.
- 19) Импер. Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей — профессора: А. А. Кочубинскій, И. А. Линниченко и Э. Р. фонъ Штернъ.
- 20) Импер. Русскаго Археологич. Общ. — Н. И. Веселовскій, С. Ф. Платоновъ и Н. П. Кондаковъ.
- 21) Импер. Московск. Археол. Общ. — графиня П. С. Уварова, Д. Н. Анучинъ, В. К. Трутовскій, Ю. В. Готье, В. Ф. Миллеръ, М. И. Соколовъ, А. И. Кирпичниковъ, Г. А. Халатьянцъ, С. О. Долговъ, К. М. Быковскій, П. Е. Евсѣевъ, А. Е. Крымскій, Г. Н. Шмелевъ, Д. В. Айналовъ, А. И. Бунинъ, Д. И. Иловайскій, Х. И. Кучукъ-Юаннесовъ, П. Н. Кречетовъ, А. М. Мироновъ, В. Н. Рогожинъ, Н. П. Кондаковъ,

Д. И. Эварницкій, Д. Я. Самоквасовъ, С. С. Слуцкій, В. А. Городцовъ, Л. З. Мерианецъ и С. У. Соловьевъ.

22) Импер. Общ. Любителей Естествознанія — Д. Н. Анучинъ, В. Θ. Миллеръ, Н. А. Янчукъ, В. В. Каллашъ, В. В. Богдановъ.

23) Общ. Археол., Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Унив. — И. Н. Смирновъ, и Н. К. Горталовъ.

24) Общ. Нестора Лѣтописца при Унив. св. Владиміра — А. И. Соболевскій, М. Н. Ясинскій, В. Г. Лякоронскій и Г. Г. Павлуцкій.

25) Импер. Общ. Любит. Древней Письменности — С. О. Долговъ.

26) Импер. Моск. Общ. Испытателей природы — А. П. Павловъ, В. Д. Соколовъ.

27) Истор.-Филол. Общ. при Харьковскомъ Унив. — А. С. Лебедевъ, Д. И. Багалъйи, Е. К. Рѣдинъ и Н. Θ. Сумцовъ.

28) Церковно-Историч. и Археол. Общ. при Кіевской Дух. Акад. — С. А. Бѣлокуровъ.

29) Импер. Петерб. Общ. Архитекторовъ — акад. А. В. Ивановъ и Р. Р. Бекеръ.

30) Моск. Архитектурнаго Общества — К. М. Быковскій, С. У. Соловьевъ и И. П. Машковъ.

31) Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія — графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ.

32) Эстляндскаго Литературнаго Общ. — Г. Шнерингъ.

33) Русскаго Библиологическаго Общ. — А. Л. Липовскій и А. С. Раевскій.

34) Екатеринославскаго Научнаго Общ. — проф. В. В. Куриловъ, Д. И. Эварницкій и А. С. Синяевскій.

35) Воронежскаго Церковнаго Истор.-Археол. Комитета — П. В. Никольскій, свящ. С. Е. Звѣревъ и Т. С. Рождественскій.

36) Харьковскаго Губ. Статист. Ком. — В. В. Ивановъ.

37) Курскаго Губ. Статист. Ком. — Н. И. Златоверховниковъ.

38) Воронежскаго Губ. Статист. Ком. — Л. М. Савеловъ и Д. Г. Тюменевъ.

39) Екатеринославскаго Губ. Статист. Ком. — Я. Г. Гололобовъ.

40) Екатеринославскаго Городскаго Обществ. Управленія — Я. Г. Гололобовъ.

41) Черниговской Ученой Архивной Ком. — П. М. Добровольскій.

42) Таврической " " " А. И. Маркевичъ.

43) Костромской " " " В. А. Андрониковъ.

44) Рязанской " " " В. Н. Сторожевъ, А. И. Черепнинъ и С. Д. Яхонтовъ.

45) Калужской Ученой Архивной Ком. — И. Д. Четыркинъ.

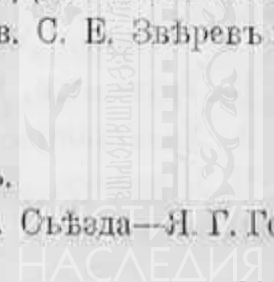
46) Тамбовской Ученой Архивной Ком. — А. Н. Нарцевъ и Я. Ф. Джемезъ-Симонсъ.

47) Воронежской Ученой Архивной Ком. — Л. М. Савеловъ, св. С. Е. Звѣревъ и А. И. Милютинъ.

48) Тверской Ученой Архивной Ком. — В. Н. Сторожевъ.

49) Нижегородской Ученой Архивной Ком. — В. Н. Сторожевъ.

50) Екатеринославскаго Комитета по устройству XIII Археол. Съѣзда — Я. Г. Го-

Лолобовъ, проф. В. В. Куриловъ, С. В. Соловьевъ, А. С. Снявскій и Д. И. Эварницкій.

51) Истор.-Фил. Общ. при Институтѣ кн. Безбородко—М. Н. Сперанскій.

52) Моск. Оружейной Палаты—Ю. В. Арсеньевъ и В. К. Трутовскій.

4. Предсѣдатель Комитета сообщилъ, что Почетный Предсѣдатель пяти предыдущихъ Археологическихъ Съѣздовъ Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ изъявилъ готовность принять депутатовъ, желающихъ представиться Его Высочеству, 7 января, въ 11 ч. утра, въ Нескучномъ дворцѣ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе Комитетъ единогласно постановилъ повергнуть передъ его Императорскимъ Высочествомъ почтительнѣйшее ходатайство о принятіи какъ Предварительнаго Комитета, такъ и самого Съѣзда подъ Свое Августѣйшее Почетное Предсѣдательство.

5. Доложены письма и телеграммы проф. Н. П. Кондакова (Петербургъ), проф. Д. Н. Анучина (Москва) А. Н. Нарцева (Тамбовъ), В. М. Сысоева (Екатеринодаръ), проф. Э. Р. фонъ Штернъ (Одесса), съ выраженіемъ сожалѣнія о невозможности пріѣхать и съ пожеланіями успѣшной дѣятельности Предварительному Комитету.

6. Доложено письмо бывшаго члена XII Археологическаго Съѣзда Л. И. Панфилова, съ выраженіемъ желанія записаться въ число членовъ будущаго XIII Съѣзда и благодарность устроителямъ XII Съѣзда за сердечныя заботы о лицахъ, пріѣхавшихъ для участія въ занятіяхъ этого Съѣзда въ городъ Харьковъ,

7. Обсуждались и были выработаны Правила XIII Археологическаго Съѣзда. При этомъ въ правилахъ XII Археологическаго Съѣзда, которыя были положены въ основаніе обсужденія, были сдѣланы нижеслѣдующія измѣненія:

I. По § 9 постановлено: оставивъ IX отдѣлений, существовавшихъ во время Харьковскаго Съѣзда, измѣнить названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно IV, которое должно носить названіе: „Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный“¹⁾ и IX, получающаго названіе: „Археографія и архивовѣдѣніе“.

II. Первую часть § 17 постановлено редактировать такъ: „Предсѣдателямъ Отдѣлений вмѣняется въ обязанность допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые будутъ предварительно одобрены Ученымъ Комитетомъ Съѣзда“. Остальная часть этого § остается безъ измѣненія.

III. § 21 постановлено редактировать слѣдующимъ образомъ: „Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго проходятъ при закрытыхъ дверяхъ“.

IV. Въ примѣчаніи къ § 26 постановлено выпустить слова „передъ чтеніемъ“.

V. Примѣчаніе къ § 28 постановлено редактировать слѣд. обр.: „Работы, не подходящія, по мнѣнію предсѣдателей Отдѣлений, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и докладываются въ извлеченіяхъ.“

¹⁾ Измѣненіе названія IV Отдѣленія сдѣлано вслѣдствіе мотивированнаго предложенія г. депутата отъ унив. св. Владиміра и Общ. Нестора Лытописца М. Н. Ясинскаго, доказывавшаго необходимость обозначенія Отдѣла юридическихъ древностей. Предложеніе проф. Ясинскаго прилагается къ протоколу.

Остальные §§ Правиль XII Съезда приняты безъ измѣненій и оставлены въ силѣ для XIII Съезда,

8. По предложенію Предсѣдателя Комитета гг. представители учрежденій г. Екатеринослава и Екатеринославскаго Научнаго Общества ознакомили Комитетъ съ предположеніями относительно программы и условій дѣятельности будущаго XIII Археологическаго Съезда, какія были до сихъ поръ высказываемы Екатеринославскими дѣятелями. В. В. Куриловъ, сообщивъ о первыхъ шагахъ дѣятельности Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета, образованнаго по иниціативѣ начальника губерніи графа Келлера, подъ предсѣдательствомъ Екатеринославскаго губ. предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго, сообщилъ, что уже теперь выяснилось, что для XIII Съезда будутъ отведены вполне достаточныя и подходящія помѣщенія въ зданіяхъ Потемкинскаго дворца, Высшаго Горнаго Училища и имѣющаго быть до тѣхъ поръ выстроеннаго Екатеринославскаго Музея. Въ заключеніе В. В. Куриловъ добавилъ, что Екатеринославскій Комитетъ готовъ работать подъ руководствомъ и по указаніямъ Московскаго Археологическаго Общества. Изъ сообщеній Д. И. Эваринскаго о работахъ по изслѣдованію древностей края XIII Съезде выяснилось, что уже теперь предвидится возможность произвести раскопки въ болѣе чѣмъ 10 мѣстахъ на средства мѣстныхъ помѣщиковъ (гр. Канкринъ, Струковъ, Левшина, Гана, Миклашевскаго и др.). Во время занятій Съезда возможно будетъ устройство экскурсій для ознакомленія съ древностями края, относящимися преимущественно къ казачьей эпохѣ. Кромѣ того, имѣется въ виду устроить къ Съезду этнографическую выставку. Я. Г. Гололобовъ, подтвердивъ, что для Съезда найдутся вообще достаточныя помѣщенія, добавилъ, что всѣ мѣстные дѣятели и мѣстные учрежденія заинтересованы успѣхомъ Съезда и готовы работать по указаніямъ Московскаго Археологическаго Общества. А. С. Снявскій высказалъ слѣдующія замѣчанія, касающіяся изслѣдованія первобытныхъ древностей края для XIII Археол. Съезда; а) близъ самаго Екатеринослава имѣются группы кургановъ, особенно удобныя для раскопокъ во время Съезда; б) богатый матеріалъ для изслѣдованія представляютъ берега р. Днѣпра, особенно близъ пороговъ и близъ мѣстечка Никополя. Далѣе А. С. Снявскій высказалъ, что желательно было бы произвести изслѣдованія кургановъ Бахмутскаго у., что служило бы продолженіемъ изслѣдованій, производившихся для XII Харьковскаго Съезда по р. Донцу, затѣмъ продолжать изслѣдованія г. Скадовскаго близъ Херсона, произвести раскопки въ Бессарабіи, гдѣ экспедиціи могли бы быть снаряжаемы Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, и въ Новомосковскомъ и Верхнеднѣпровскомъ уу. Екатеринославской губ., гдѣ встрѣчаются интересныя курганы съ предметами каменнаго и бронзоваго вѣка, и наконецъ произвести разысканія о такъ называемыхъ готскихъ курганахъ.

Слова А. С. Снявскаго вызвали замѣчанія со стороны Д. И. Иловайскаго, признаваго желательнымъ также подвергнуть изслѣдованію вопросъ о Геродотовомъ „Герросѣ“ скиновъ, который по его мнѣнію, находился близъ пороговъ, и со стороны А. А. Кочубинскаго, высказавшаго мысль, что задачи Съезда будутъ блестяще выполнены, если будетъ исполнена даже только та часть программы г. Си-

нявскаго, которая касается Екатеринославской губ. Затѣмъ А. А. Кочубинскій выразилъ пожеланіе, чтобы въ Екатеринославѣ для болѣе усиленной работы передъ Съѣздомъ была устроена Ученая Архивная Комиссія, на что гг. представители г. Екатеринослава замѣтили, что Екатеринославская Ученая Архивная Комиссія уже учреждена и должна скоро открыть свои дѣйствія.

Постановлено благодарить гг. представителей г. Екатеринослава за полныя и интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ и ближайшихъ задачахъ дѣятельности XIII Съѣзда, какія они уже теперь могли дать Предварительному Комитету.

9. Проф. Д. И. Багалъйи высказалъ нѣсколько замѣчаній о программѣ XIII Археологическаго Съѣзда, при чемъ указывалъ, что онъ предлагаетъ только рядъ desiderata, изъ которыхъ можетъ быть выполнена только часть. При опредѣленіи задачъ этого Съѣзда необходимо имѣть въ виду: 1) продолженіе работъ XII Съѣзда; 2) спеціальныя задачи Екатеринославскаго Съѣзда. Районъ дѣятельности XII Съѣзда остается почти безъ измѣненій для XIII; хотя центръ переходитъ изъ Харьковской въ Екатеринославскую губ., но въ этотъ общій районъ продолжаютъ попрежнему входить Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская и сѣв. часть Таврической губ. и области Донская и Кубанская; теперь къ этому району слѣдовало бы еще прибавить Херсонскую губ. и привлечь на Выставку Съѣзда древности Херсонскаго музея. Далѣе, слѣдовало бы продолжить и углубиться въ изслѣдованіе Половецкой степи, столь плодотворно начатое для XII Съѣзда. Разсматривая детально эти задачи, Д. И. Багалъйи приходитъ къ выводу, что было бы желательно: а) произвести археологическія изслѣдованія по р. Донцу, Орели, Самарѣ и Калміусу и сѣв. побережью Азовскаго моря; б) продолжить изслѣдованія теченія р. Донца, обративъ, если возможно, вниманіе также на Старобѣльскій у. Харьковской губ., почти не затронутый работами XII Съѣзда; в) продолжить изслѣдованія въ Харьковской губ. (напр. въ Салтовѣ); д) составить археологическую карту Екатеринославской губ.; е) собрать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губ. и Донецкой области.

Въ отношеніи историческихъ древностей Д. И. Багалъйи признаетъ весьма желательнымъ позаботиться о собираніи памятниковъ запорожской старины и черноморской. Въ области археографіи—сдѣлать краткіе обзоры документовъ, касающихся исторіи Запорожья и Новороссійскаго края и находящихся въ архивахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы, Екатеринослава, Харькова и т. п. Въ сферѣ картографіи,— а) собрать коллекціи картъ района, обнимаемаго XIII Съѣздомъ и составить карту заселенія Новороссіи, Донской и Кубанской областей въ XVII—XVIII столѣтіяхъ; б) наконецъ, собрать памятники церковной старины.

Д. И. Эварницкій отмѣтилъ въ отвѣтъ Д. И. Багалъю, что нѣкоторые матеріалы по картографіи уже имѣются въ виду для XIII Съѣзда Д. Я. Самоквасовъ изъявилъ готовность ходатайствовать о разрѣшеніи выслать на Екатеринославскій Съѣздъ все имѣющіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи описи документовъ, касающихся исторіи Малороссіи и Новороссіи.

10. Д. Я. Самоквасовъ въ числѣ общихъ задачъ будущаго Съѣзда указалъ на

настоятельную необходимость изслѣдованія а) печенѣжскихъ кургановъ, которые доселѣ совсѣмъ неизвѣстны; б) такъ называемыхъ „готскихъ могилъ“, если таковыя будутъ отысканы; в) эпохи скифо-сарматской вообще, при чемъ въ этой области было бы весьма полезнымъ собрать и привести въ извѣстность весь уже имѣющийся по этому вопросу матеріалъ (въ формѣ выборокъ или указателя).

11. Н. И. Веселовскій указалъ на слишкомъ большіе размѣры намѣчавшихся программъ раскопокъ, высказалъ мысль, что было бы въ высшей степени желательно раскопать хотя бы одинъ курганъ типа, сходнаго съ Чертомлыцкимъ, напр. курганъ, находящійся на землѣ Нечаева. Разрытіе одного этого кургана, если бы получено на это разрѣшеніе владѣльца, было бы возможнымъ при наличныхъ силахъ.

А. С. Снявскій возразилъ, что получено разрѣшеніе раскопать курганъ, находящійся на землѣ г. Шинкина; курганъ этотъ, находящійся невдалекѣ какъ отъ Нечаевского, такъ и отъ Чертомлыцкаго, представляетъ большое сходство съ обоими.

12. Въ 11 ч. вечера засѣданіе было закрыто, послѣ того какъ по предложенію предсѣдателя, второе засѣданіе было назначено на слѣдующій день, 5-го января, въ 1 ч. дня, въ д. Общества.

Приложеніе къ протоколу 4-го января.

П Р Е Д Л О Ж Е Н І Е

Депутата университета св. Владиміра, профессора Михаила Никитича Ясинскаго.

По § 9 правилъ XI и XII Археологическихъ Съѣздовъ изъ 6—11 Отдѣленій, на которыя означенные Съѣзды раздѣлялись, 6 отдѣленій перваго изъ этихъ Съѣздовъ и 5 втораго носили названіе „древностей“, а именно а) древности первобытныя, б) историко-географическія и этнографическія, в) церковныя, г) классическія, византійскія и западно-европейскія, д) славянскія и е) восточныя. Поражаетъ однако отсутствіе особаго отдѣленія *древностей юридическихъ*. Правда, уже издавна въ числѣ отдѣленій Археологическихъ Съѣздовъ фигурируетъ, такъ сказать, *сборное* IV-е Отдѣленіе, именуемое по правиламъ XI Съѣзда отдѣленіемъ „быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго“, а по правиламъ послѣдняго XII Съѣзда даже нѣсколько шире — „быта хозяйственнаго, домашняго, юридическаго и военнаго“. Но всякій, знакомый сколько-либо съ обширнымъ и важнымъ кругомъ вопросовъ, обнимаемыхъ исторіей права, называемой нерѣдко юридическими древностями (см., напр., извѣстный трудъ проф. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“; Grimm'a „Deutsche Rechtsaltertümer“, изд. 1828, 1854 и 1881 гг., Zöpffel „Altertümer des deutschen

Reichs unb Rechts 1860—61), смѣю думать—согласится со мною, что означенный кругъ вопросовъ имѣеть неоспоримое право претендовать на особое, вполне самостоятельное отдѣленіе русскихъ Археологическихъ Съездовъ — отдѣленіе, которое слѣдовало бы наименовать Отдѣленіемъ древностей юридическихъ.

Выдѣленіе вопросовъ исторіи права изъ состава пестраго донынѣ IV отдѣленія Археологическихъ Съездовъ, т.-е. обособленіе ихъ отъ вопросовъ быта хозяйственнаго домашняго и военнаго (разъ желали бы сохранить для этихъ послѣднихъ вопросовъ особое отдѣленіе), и установленіе для первыхъ изъ нихъ самостоятельнаго отдѣленія окажется во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ: во-1-хъ, этимъ будетъ оказана подобающая честь достоинству и важности той отрасли исторической науки, которая занимается исторіей права; во-2-хъ, обстоятельство это привлечетъ на будущіе Археологическіе Съезды историковъ права въ большемъ количествѣ, нежели они появлялись доселѣ, а съ ними явится, безъ сомнѣнія, цѣлый рядъ болѣе или менѣе интересныхъ рефератовъ, и, въ-3-хъ, наконецъ, нынѣшнее IV отдѣленіе, разъ его пожелаютъ сохранить, получить большую опредѣленность.

На основаніи вышесказаннаго я ходатайствую объ установленіи на будущемъ XIII и слѣдующихъ за нимъ Археологическихъ Съездахъ самостоятельнаго отдѣленія, посвященнаго древностямъ юридическимъ. Нынѣшнее же IV отдѣленіе можетъ быть сохранено, на ряду съ предлагаемымъ мною, съ переименованіемъ его однако въ отдѣленіе исключительно „быта хозяйственнаго, домашняго и военнаго“; въ кругъ занятій этого послѣдняго отдѣленія войдутъ всѣ тѣ вопросы, которыми обыкновенно исторія права не занимается.

II.

Протоколь-2-го засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 г. въ г. Екатеринославѣ XIII Археологическаго Съезда (въ домѣ Императорскаго Археологическаго Общества) 5-го января 1903 г. подъ предѣтельствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. депутатовъ: Н. Н. Ардашева, Д. В. Айдалова, В. А. Андроникова, В. В. Богданова, С. А. Бѣлокурова, Р. Р. Бекера, Д. П. Багалъя, ген.-лейт. Н. Е. Бранденбурга, Н. И. Веселовскаго, Я. Г. Гололобова, Н. К. Горталова, А. П. Голуцова, С. О. Долгова, П. М. Добровольскаго, Я. Ф. Джемсъ-Симонса, о. С. Е. Звѣрева, В. В. Иванова, Д. П. Иловайскаго, А. М. Коклюгина, А. Н. Краснова, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, В. В. Курилова, А. А. Кочубинскаго, А. В. Лопухина, В. Г. Ляскоронскаго, И. А. Линниченко, Г. Г. Лукьянова, В. О. Миллера, Никольскаго, М. А. Остроумова, Г. Г. Павлуцкаго, Н. В. Рождественскаго, Е. К. Рѣдина, В. Н. Рогожина, Н. О. Сумцова, В. Н. Сторожева, А. С. Синявскаго, Л. М. Савелова, М. Н. Сперанскаго, М. И. Соколова, И. Н. Смирнова, А. А. Титова, Н. И. Троицкаго, А. С. Хаханова, Г. А. Халатъянца.

В. А. Харламова, Д. П. Эварницкаго, М. Н. Ясинскаго и секретаря Комитета *Ю. В. Готье*.

1. Проф. М. Н. Ясинскій, по порученію Общества Нестора Лѣтописца, сообщилъ программу изслѣдованій и подготовительныхъ работъ къ XIII Съѣзду, предложенную проф. В. З. Завитневичемъ въ засѣданіи Общества Нестора Лѣтописца 28-го декабря 1902 г. Программа заключается въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Организовать археологическую выставку при Съѣздѣ, для составленія которой привлечь коллекціонеровъ и музеи юга Россіи.

2) Составить и напечатать каталогъ выставки ко дню открытія Съѣзда.

3) Составить археологическую карту Екатеринославской губ. или, по крайней мѣрѣ, собрать матеріалъ для карты по программѣ, выработанной для предшествовавшихъ Съѣздовъ.

4) Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1903, 1904 и 1905 гг. произвести рядъ археологическихъ раскопокъ, уклоняясь, по возможности, отъ могильныхъ кургановъ, завѣдомо принадлежащихъ къ такъ называемому скинскому типу.

5) Во время Съѣзда, по установившемуся обычаю, произвести примѣрныя раскопки въ одномъ изъ ближайшихъ къ мѣсту Съѣзда пунктовъ.

6) Организовать экскурсію для осмотра Днѣпровскихъ пороговъ и Запорожской сѣчи.

Постановлено: Программу, предложенную проф. Завитневичемъ, принять къ свѣдѣнію.

2. Проф. А. А. Кочубинскій высказалъ пожеланіе, чтобы въ подготовительныхъ къ Съѣзду работахъ было обращено должное вниманіе на исторію южной Россіи въ эпоху, предшествовавшую казачьей, именно на XIV ст., и были приложены старанія къ отысканію слѣдовъ культурнаго вліянія итальянскихъ факторій въ этой мѣстности.

3. Проф. А. Н. Красновъ высказалъ пожеланіе, чтобы былъ изслѣдованъ и изученъ вопросъ о томъ, какія черты собственной культуры удержали въ настоящее время тѣ различныя народности, которыя заселяли нынѣшнюю Екатеринославскую губернію.

4. Предсѣдатель Комитета графиня П. С. Уварова предложила обратиться въ ближайшіе къ Екатеринославу университетскіе города: Кіевъ, Харьковъ и Одессу, а также въ другіе важнѣйшіе центры южной Россіи, съ цѣлью привлечь всѣ мѣстныя силы къ участію въ подготовительныхъ къ XIII Съѣзду работахъ и организовать, гдѣ возможно, мѣстные предварительные комитеты. Представители Университетовъ: Харьковскаго, Новороссійскаго и св. Владиміра, присоединяясь къ мысли Предсѣдателя, указали: профессора Д. И. Багалъйи и Н. Θ. Сумцовъ—на Ист.-Филол. Общество при Харьковскомъ Университетѣ; профессора А. А. Кочубинскій и И. А. Линниченко—на Новороссійскій Университетъ и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество и на Одесское Общество Исторіи и Древностей; профессора М. Н. Ясинскій и Г. Г. Павлуцкій—на Университетъ св. Владиміра и состоящее при немъ Общество Нестора Лѣтописца, какъ на центры, вокругъ которыхъ могла бы развиваться дѣятельность мѣстныхъ предварительныхъ комитетовъ. При этомъ, однако, проф. Багалъйи и

проф. Сумцовъ указали, что часть дѣятелей г. Харькова должна поневолѣ быть отвлечена отъ подготовительныхъ работъ для XIII Съѣзда, такъ какъ въ томъ же 1905 г. предстоитъ празднованіе 100-лѣтней годовщины Императорскаго Харьковского Университета.

Постановлено: Обратиться въ

- a) Историко-Филологическое Общество при Харьковскомъ Университетѣ,
- b) Императорскій Новороссійскій Университетъ и состоящее при немъ Истор.-Филологическое Общество,
- c) Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей,
- d) Императорскій Унив. св. Владимира и состоящее при немъ Общество Нестора Лѣтописца.
- e) Нѣжинскій Истор.-Филол. Институтъ кн. Безбородко и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество,
- f) Екатеринославское Высшее Горное Училище,
- g) Ученыя Архивныя Комиссіи: Воронежскую, Курскую, Полтавскую, Черниговскую, Таврическую и Херсонскую,
- h) Общество изученія Кубанской области,

съ цѣлью привлечь всѣ поименованныя учрежденія и общества къ совмѣстной работѣ и организовать мѣстные предварительные комитеты по устройству XIII Археологическаго Съѣзда.

5. Представитель Комитета Донского Музея В. А. Харламовъ отъ имени этого учрежденія заявилъ, что черновые матеріалы, собранныя еще для XII Харьковского Съѣзда въ Донской области, представляютъ богатый источникъ для дальнѣйшей ихъ разработки. Далѣе, въ числѣ задачъ, которыя подъ руководствомъ Московскаго Археологическаго Общества, могли бы быть выполнены для XIII Съѣзда въ дѣлѣ изученія Донской области В. А. Харламовъ указалъ на слѣдующія: 1) въ области этнографіи: а) изслѣдованіе малорусскаго населенія Донской области, б) вопросъ о верховыхъ и низовыхъ казакахъ; 2) въ области археологіи: продолженіе изслѣдованія мѣстности между Донцомъ и Кагальникомъ и изслѣдованіе древняго Танаиса и Генуэзской Таны, вслѣдствіе чего учрежденіе въ Новочеркасскѣ Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда представляется особенно желательнымъ.

Постановлено: Обратиться въ Донской Музей съ предложеніемъ открыть въ Новочеркасскѣ отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда.

6. Предсѣдатель Комитета доложилъ письмо А. И. Маркевича, въ которомъ онъ указываетъ, что въ дѣлѣ ознакомленія мѣстнаго населенія съ задачами Археологическихъ Съѣздовъ и съ тою пользою, которую они могутъ принести, имѣло бы большое значеніе чтеніе популярныя лекцій по этому вопросу въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи.

Д. И. Эварницкій замѣтилъ, что эта послѣдняя мысль уже была приведена въ исполненіе имъ самимъ для различныхъ мѣстностей и городовъ Екатеринославской губерніи.

Постановлено: Просить проф. А. И. Маркевича содействовать осуществленію поданной имъ мысли, посредствомъ прочтенія соответственныхъ лекцій въ различныхъ мѣстностяхъ Херсонской губ.

7. Доложена телеграмма Севастопольскаго Городскаго Головы Максимова: „Узнавъ, что сегодня въ Москвѣ состоится первое засѣданіе Предварительнаго Комитета XIII Археологическаго Съѣзда, прошу Ваше Сіятельство включить Севастополь въ число мѣсть, которыя члены Съѣзда предполагаютъ посѣтить въ августѣ 1905 г.“

Единоголосно постановлено: Благодарить Севастопольское Городское Управление аз любезное приглашеніе и, по окончаніи работъ Съѣзда въ Екатеринославѣ, предпринять экскурсію въ Севастополь, гдѣ особенно интереснымъ является посѣщеніе Херсониса.

8. Предсѣдатель Комитета сообщилъ, что Уральское Общество Любителей Естествознанія, назначая своихъ представителей въ Предварительный Комитетъ по устройству XIII Съѣзда въ Екатеринославѣ, проситъ имѣть въ виду г. Екатеринбургъ въ качествѣ мѣста для собранія XIV Археологическаго Съѣзда. Аналогичныя заявленія получены также отъ Чернигова и Тифлиса.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

9. Представитель Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Н. И. Златоверховниковъ сообщилъ, что Курскій Комитетъ проситъ о присылкѣ программъ и указаній для работъ по подготовленію XIII Археологическаго Съѣзда, какъ отъ Московскаго Археологическаго Общества, такъ и отъ другихъ мѣстныхъ подготовительныхъ органовъ; со своей стороны Комитетъ сдѣлаетъ все возможное для пріисканія матеріальныхъ средствъ для своихъ работъ.

Проф. Д. И. Багалъйи замѣтилъ, что разсылка подробныхъ программъ, имѣющихъ быть выработанными Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ, по всемъ мѣстнымъ подготовительнымъ органамъ является весьма желательной.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и исполненію.

10. Проф. И. А. Липинченко предложилъ собрать все вопросы и запросы, предлагавшіеся къ разрѣшенію на предыдущихъ 12 Съѣздахъ, съ указаніемъ, на какіе изъ нихъ были въ свое время представляемы отвѣты.

Проф. М. Н. Ясинскій предложилъ сузить задачу и собрать только запросы, представляющіе научныя desiderata.

Постановлено: Имѣя въ виду трудность предлагаемой задачи, признать, тѣмъ не менѣе, желательнымъ ея исполненіе.

11. Проф. Н. Ө. Сумцовъ предложилъ произвести изслѣдованія въ мѣстной печати, которая часто содержитъ богатые, но очень разбросанные матеріалы по археологійи и этнографіи данной мѣстности. Для осуществленія намѣченной цѣли было бы весьма желательнымъ составить указатели научныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ мѣстныхъ органахъ печати.

Постановлено: Просить мѣстные предварительные комитеты войти въ сношенія со всеми мѣстными органами печати для выполненія задачи, предложенной проф. Сумцовымъ, а также заняться изслѣдованіемъ научнаго матеріала, заключающагося въ уже нынѣ не существующихъ повременныхъ изданіяхъ.

12. Проф. В. В. Куриловъ принесъ благодарность совѣту бывшаго XII Археологическаго Съѣзда, въ частности Предсѣдателю его Графинѣ П. С. Уваровой, за то, что XII Съѣздъ въ назначеніи мѣста для будущаго XIII Съѣзда остановился на г. Екатеринославѣ. Все Екатеринославское общество смотритъ на будущій Съѣздъ, какъ на моментъ, долженствующій имѣть большое значеніе въ культурномъ развитіи Екатеринослава.

13. Послѣ сего были заявляемы вопросы и запросы къ Съѣзду какъ лично присутствующими, такъ и отъ нѣкоторыхъ отсутствующихъ ученыхъ.

14. В. Н. Сторожевъ возбудилъ вопросъ о необходимости привести въ извѣстность и составить описанія документовъ, представляющихъ источникъ для изученія крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣковъ (матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ приходо-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки).

Записка В. Н. Сторожева прилагается къ протоколу.

Постановлено: Принять заявленіе В. Н. Сторожева къ свѣдѣнію и обратиться отъ имени Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Архивныя Комиссіи и въ провинціальныя ученые общества съ предложеніемъ оказать содѣйствіе въ настоящемъ дѣлѣ.

15. Въ 3¼ часа засѣданіе было закрыто, послѣ того какъ заключительное засѣданіе Комитета было назначено на 6-е января, въ 1 часъ дня, въ д. графини П. С. Уваровой.

Приложеніе къ протоколу 5-го января.

ЗАПИСКА

**члена-корреспондента Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества
В. Н. Сторожева.**

Являясь въ настоящемъ собраніи Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ представителемъ трехъ губернскихъ ученыхъ Архивныхъ комиссій: Нижегородской, Рязанской и Тверской, имѣю честь предложить на усмотрѣніе XIII Съѣзда нижеслѣдующій запросъ: „Привести въ извѣстность и составить описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVII и первой половины XIX вѣка (матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, приходо-расходныхъ книгъ и всякаго рода хо-

зяйственной переписки; мѣсто храненія — старыя дворянскія усадьбы)“. Считаю необходимымъ представить не только указанную сейчасъ формулу запроса, имѣющую войти въ обычный списокъ вопросовъ и запросовъ подготавлиаемаго ученаго Съѣзда, но и мотивировать право этого запроса на особенное къ нему вниманіе со стороны Ученыхъ Обществъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя пожелаютъ произвести для XIII Съѣзда работу, выходящую за предѣлы исключительно областныхъ интересовъ южной Россіи. Запросъ этотъ представляется *очереднымъ* по своему научному содержанию и *экстреннымъ* по своему положенію въ нашей текущей дѣйствительности; если такъ можно выразиться, онъ имѣетъ и *научно-воспитательное* значеніе для прочной, твердой организациі цѣлесообразной коллективной работы такихъ цѣнныхъ провинціальныхъ учреждений, какими являются губернскія ученыя Архивныя Комиссіи. Вѣдь, если я не ошибаюсь, одной изъ задачъ Археологическихъ Съѣздовъ является возбужденіе мѣстныхъ научно-историческихъ интересовъ и воспитаніе привычки къ систематической коллективной работѣ въ строго научной области, чуждой какихъ-либо предвзятыхъ тенденцій. Археологическіе Съѣзды работали въ указанномъ направленіи такъ усердно, а губернскія ученыя Архивныя Комиссіи оказались такими внимательными ученицами Московскаго Археологическаго Общества, что въ настоящую минуту мы наблюдаемъ прекрасную зарю научной общественной самостоятельности въ русской провинціи: въ г. Ярославлѣ состоялся въ 1901 году *первый* областной Историко-Археологическій Съѣздъ для изученія древней Ростовско-Суздальской земли, въ г. Твери имѣетъ состояться въ августѣ 1903 года *второй* областной Историко-Археологическій Съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростовско-Суздальской областей и представителей всѣхъ архивныхъ комиссій въ Россіи; по имѣющемуся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ намѣчается и *третій* областной съѣздъ... Очевидно, что губернскія ученыя Архивныя Комиссіи многому научились на археологическихъ съѣздахъ, во главѣ которыхъ стоитъ Московское Археологическое Общество, обнаружили свою жизнеспособность, и я въ правѣ рассчитывать на ихъ поддержку и сочувствіе къ разработкѣ предлагаемаго мною на усмотрѣніе XIII Археологическаго Съѣзда запроса.

Изученіе хозяйственной исторіи Россіи вообще и въ частности исторіи сельскаго хозяйства, — изученіе, поставленное на строго научныя основанія, едва начато въ нашей наукѣ; любопытно, что и въ данной области, какъ то было ранѣе при изученіи русскаго юридическаго быта, смѣлое и порою нѣсколько беспочвенное теоретическое построеніе, предшествуетъ тщательному собиранію, описи и анализу историческихъ источниковъ. Явленіе, извинительное для 40-хъ, 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, представляется мнѣ непростительнымъ для начала XX вѣка, когда казалось бы, долженъ былъ доминировать элементъ сознательнаго научнаго творчества и отсутствовать стихійная случайность или наивная любознательность одиноко поставленной въ своей работѣ личности. Капитальнымъ вопросомъ хозяйственной исторіи Россіи, научная цѣнность котораго соперничаетъ съ его практическимъ интересомъ, является паденіе крѣпостнаго крестьянскаго труда, созданное актомъ 19 февраля 1861 года и въ свою очередь создавшее рядъ безчисленныхъ послѣдствій, съ которыми

считается современная русская действительность и въ которыхъ отчасти призваны разобратся недавно организованные сельско-хозяйственные комитеты. Не думаю, чтобы мнѣ надо было тратить слова передъ ученымъ собраніемъ для доказательства того, что въ нашей наукѣ вопросъ о причинахъ паденія крѣпостного крестьянскаго труда надо признавать очереднымъ и что послѣднее никакъ не можетъ быть изъясняемо исключительно смѣною однихъ идей другими. Вопросъ объ *экономическихъ* причинахъ паденія крѣпостного права занимаетъ теперь преимущественное вниманіе изслѣдователя; съ особенною рѣшительностью и силой его ставятъ въ современной литературѣ Н. А. Рожковъ и П. Б. Струве, хотя не имъ принадлежитъ пріоритетъ формулировки указаннаго построенія. Экономическая подкладка крестьянскаго вопроса сознавалась уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, а современные изслѣдователи тщетно препираются между собою на тему: слѣдуетъ ли искать основную причину паденія крѣпостного права въ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства или же въ условіяхъ обрабатывающей промышленности. Въ настоящее время спору, отъ разрѣшенія котораго въ опредѣленномъ смыслѣ зависитъ все движеніе нашей науки, грозитъ мучительная пріостановка, такъ какъ ничего не дѣлается для сохраненія, описанія и обработки основныхъ источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Источники эти — документальное богатство старыхъ дворянскихъ усадебъ: матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, прихода-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки. Это именно такого рода матеріаль, которымъ мало дорожили, не понимая его цѣны, дворянскіе землевладѣльцы второй половины прошлаго вѣка; это матеріаль по преимуществу статистическій, его сухія цифры отжившаго хозяйства мало говорили уму и сердцу дворянскаго землевладѣльца пореформенной эпохи, порою съ презрѣніемъ смотрѣвшаго на земледѣліе и равнагося къ другимъ отраслямъ народной экономіи, получавшимъ съ момента реформы широкое развитіе. Драгоцѣнные для науки источники, не возбуждая ничего просвѣщеннаго вниманія, гибли массами, и если теперь немедленно и горячо не приняты за ихъ спасеніе, то мы непристойно потеряемъ возможность строго научнаго изученія прошлыхъ судебъ сельскаго хозяйства, находившагося въ рукахъ нашего помѣтнаго дворянства. Пусть же новые представители стараго дворянства, усидѣвшіе на своихъ прародительскихъ гнѣздахъ, вновь окажутъ наукѣ крупныя услуги, вспомнивъ труды представителей своего сословія по части науки и литературы въ первой половинѣ XIX вѣка! Объединяющими областными центрами этой спасательной работы могутъ и должны быть губернскія ученныя Архивныя Комиссіи. Пусть онѣ, каждая въ своей губерніи, распространяють свѣдѣнія о драгоцѣнности для науки указаннаго выше матеріала, пусть онѣ его разыскивають въ дворянскихъ усадьбахъ, описываютъ и, если можно, собирають. Для насъ важно имѣть, хотя бы простой на первое время указатель имѣній, въ которыхъ сохранились источники для изученія крѣпостного хозяйства. Если я настаиваю на мысли, что прежде всего Архивнымъ Комиссіямъ надлежитъ заняться этимъ дѣломъ, то именно потому, что имъ всего легче это сдѣлать. Архивнымъ Комиссіямъ не слѣдуетъ увлекаться случайными любительскими задачами;

онѣ могутъ работать планомѣрно и систематически. Не герои и случаи—предметъ научной исторической работы, а реальная жизнь, ея нормальное теченіе. Не примѣры, выхваченные тамъ и сямъ, даютъ возможность стройнаго воссозданія былой дѣйствительности, а болѣе или менѣе значительная совокупность историческихъ источниковъ, собранныхъ на *цѣлой* территоріи за *весь* хронологическій промежутокъ того или другого историческаго момента, той или другой стороны историческаго процесса. Въ отношеніи затронутой темы—воссозданія исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи—громадность матеріала своего рода *conditio sine qua non*. Именно *въ* Архивныя Комиссіи должны приняты за эту работу; онѣ всего лучше могутъ знать старыя дворянскія усадьбы въ своихъ губерніяхъ, завязать съ ними надлежащія связи и спасти одинъ изъ драгоценныхъ источниковъ для исторіи виднѣйшаго земледѣльческаго государства въ Европѣ. Предложеніе организовать такую работу въ болѣе скромныхъ размѣрахъ мною было сдѣлано Нижегородской Комиссіи почти четыре года тому назадъ, и послѣдняя выразила полную готовность работать въ указанномъ направленіи; живо выраженное сочувствіе моему предложенію я нашелъ также въ „Трудахъ“ Пермской комиссіи, не говоря уже о Рязанской, напечатавшей высокаго интереса трудъ князя Волконскаго и предпринявшей огромное изданіе писцовыхъ книгъ рязанскаго края. Позволяю себѣ выразить надежду, что ни одна изъ Архивныхъ Комиссій, вспооществуемая благожелательствомъ и сознаніемъ важности дѣла мѣстнаго дворянства, не откажется отъ настоящаго запроса, предполагаемаго вниманію XIII Археологическаго Съѣзда. Выше я назвалъ свой запросъ не только очереднымъ, я назвалъ его также *экстреннымъ* по своему положенію въ текущей дѣйствительности. Экстренность его, по моему мнѣнію, двоякаго рода: во-первыхъ, надо спѣшить съ поисками и спасеніемъ этого въ подавляющихъ размѣрахъ статистическаго источника, ибо въ противномъ случаѣ намъ грозитъ постыдный жребій потерять все или почти все, а во-вторыхъ, желательно спѣшить именно теперь въ минуты областного оживленія въ сторону нуждъ и задачъ нашего сельскаго хозяйства. Ничто такъ не помогаетъ болѣе объективному, спокойному обсужденію и живому пониманію той или другой вещи въ современности, какъ глубокое проникновеніе въ ходъ ея закономѣрнаго историческаго развитія. Кто не знаетъ, какъ бурно и страстно, а потому порою и слѣпо обсуждался въ нашей литературѣ вопросъ о крестьянской общинѣ, сколько странныхъ странностей наговорено было и противниками, и сторонниками, часто видными представителями литературы, но гораздо лучше знавшими толкъ въ тонкихъ построеніяхъ Гегелевой схемы, нежели въ историческихъ судьбахъ общины въ своемъ отечествѣ, обратившей на себя вниманіе *русскихъ*, благодаря указанію *иностраннаго* барона. Пусть опытъ прошлаго насъ чему-нибудь научить, не будемъ ждать пріѣзда въ нашу Россію иностраннаго барона, который бы искуснымъ почеркомъ своего пера сталъ указывать: „господа! у васъ въ старыхъ дворянскихъ усадьбахъ есть кой-гдѣ драгоценный матеріалъ; соберите же его, изучите, онъ способенъ подарить насъ, европейцевъ, любопытными построеніями для схемы хозяйственной эволюціи европейскихъ государствъ“ . . .

Позволяю себѣ повторить еще разъ: необходимо, чтобы за указанную работу

принялись, по возможности, *все* Комиссіи, собрали возможно болѣе или свѣдѣній о матеріалѣ, или самаго матеріала и, наконецъ, описали его по *однообразной* программѣ. Я полагаю при этомъ необходимымъ обратиться отъ имени Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ съ особыми циркулярными предложеніями къ губернскимъ ученымъ Архивнымъ Комиссіямъ и съ просьбами къ отдѣльнымъ лицамъ. Просьбы къ отдѣльнымъ лицамъ могутъ имѣть свое особое значеніе: надо просить о присылкѣ въ Московское Археологическое Общество указаннаго выше матеріала для исторіи крѣпостного хозяйства. Въ данномъ случаѣ мы многимъ можемъ быть обязаны Предсѣдателю Московскаго Предварительнаго Комитета графинѣ П. С. Уваровой, широкія связи которой съ дворянскою Россією и значительное вліяніе привлекутъ въ Предварительный Комитетъ не дающіеся легко въ руки современнаго изслѣдователя источники. Я, съ своей стороны, какъ членъ Комитета, возьму на себя, если послѣдній признаетъ это возможнымъ, трудъ разработки присланнаго матеріала, и съ этой стороны Предварительный Комитетъ можетъ считать себя обезпеченнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ подобной работѣ примкнутъ многіе представители современной русской науки, и уже въ настоящее время является возможнымъ предложить вниманію ученаго собранія общую программу проектируемыхъ изслѣдованій, составленную приватъ-доцентомъ Московскаго университета Н. А. Рожковымъ и любезно предоставленному авторомъ въ мое распоряженіе для настоящей записки.

Вотъ 22 основныхъ вопроса этой программы:

- 1) Какъ велики размѣры даннаго имѣнія?
- 2) Какова относительная величина барской и крестьянской (т.-е. находящейся въ пользованіи крестьянъ) земли?
- 3) Каково распредѣленіе земли по угодьямъ (усадебная земля съ огородами и конопляниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгонъ) у барина и у крестьянъ?
- 4) Сколько крестьянъ въ имѣніи и каковы размѣры ихъ надѣловъ?
- 5) Сколько дворовыхъ въ имѣніи?
- 6) Существуютъ ли передѣлы крестьянской земли, и если существуютъ, то какъ часто?
- 7) Степень примѣненія барщины и оброка въ имѣніи?
- 8) Нѣтъ ли вольнонаемныхъ рабочихъ въ имѣніи, и если есть, то мѣстные они крестьяне или приходцы изъ другихъ уѣздовъ или губерній?
- 9) Нѣтъ ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или у постороннихъ за деньги или за отработки на барской пашнѣ и на условіи исполнѣния (изъ половины или вообще изъ какой-либо доли урожая)?
- 10) Нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и крестьянъ?
- 11) Какіе хлѣба сѣются, въ какомъ количествѣ и какъ густо?
- 12) Какова урожайность разныхъ хлѣбовъ?
- 13) Какія употребляются земледѣльческія орудія?
- 14) Не сѣются ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимоеежка)?

15) Какъ и въ какомъ количествѣ сбываются продукты земледѣльческаго производства баринномъ и крестьянами?

16) Что, гдѣ и въ какомъ количествѣ покупается баринномъ и крестьянами для потребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цѣлей?

17) Каковы размѣры оброковъ и степень тяжести барщины?

18) Нѣтъ ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если есть, то имѣются ли при этомъ въ виду собственное потребленіе или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначается для скупщика? Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ли раздачи сырья въ долгъ скупщиками?

19) Нѣтъ ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки?

20) Нѣтъ ли въ имѣніи эксплуатаціи какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предпріятій (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если есть, то крестьяне того же помѣщика на нихъ работаютъ или посторонніе, на какихъ условіяхъ, добывается ли все сырье въ данномъ имѣніи, есть ли машина, куда и какъ сбываются продукты?

21) Чѣмъ заняты вообще дворовые и, въ частности, не отпускаются ли они на оброкъ, и если отпускаются, то куда и для какихъ занятій?

22) Состоитъ ли данное имѣніе въ залогъ—на какихъ условіяхъ и съ какого времени?"

Настанвая насосредоточеніи той или другой части ученыхъ силъ губернскихъ ученыхъ Архивныхъ Комиссій на одной систематической работѣ, очередной и экстренной, я закончу свое предложеніе поучительной выдержкой изъ введенія къ „Очеркамъ по исторіи русской культуры“ П. Н. Милюкова. Мотивируя появленіе „Очерковъ“ при современномъ состояніи науки русской исторіи, не могущей часто давать отвѣты на запросы нынѣшняго ученаго изслѣдователя, названный авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самыхъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ себѣ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ-быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. *Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такою расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,*—эти задачи такъ же дороги и близки автору въ качествѣ спеціалиста, какъ важна и привлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ“. Я съ удовольствіемъ повторяю этотъ призывъ къ объединенію и разумной организаціи ученой работы въ Россіи.

III.

Протоколъ третьяго засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 г. въ г. Екатеринославѣ XIII Археологическаго Съѣзда, 6 января 1903 года, подъ предѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. депутатовъ: Н. Н. Ардашева, проф. Д. В. Айдалова, В. В. Богданова, проф. Д. И. Багалѣя, Р. Р. Бекера, В. А. Городцова, Я. К. Гололобова, Н. К. Горталова, П. М. Добровольскаго, Н. И. Златоверховникова, В. В. Иванова, А. А. Кочубинскаго, А. М. Коклюгина, В. В. Курилова, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, проф. А. И. Куртичникова, В. Г. Ляско-ронскаго, А. Л. Липовскаго, проф. И. А. Линниченко, А. В. Лопухина, Г. Г. Лукьянова, проф. Г. Г. Павлуцкаго, А. С. Раевскаго, Н. В. Рождественскаго, В. Н. Рогожина, проф. Е. П. Рѣдина, проф. И. Н. Смирнова, А. М. Савелова, А. С. Синявскаго, А. А. Титова, Н. И. Троицкаго, А. С. Хаханова, В. А. Харламова, Д. И. Эварницкаго, Н. А. Янчука, проф. М. Н. Ясинскаго и секретаря Комитета Ю. В. Готье.

1. Предѣдатель графиня П. С. Уварова сообщила въ дополненіе къ предложенію проф. И. А. Линниченко, сдѣланному въ засѣданіи 5-го января, что для VIII Археологическаго Съѣзда (Московскаго) уже были собраны запросы и вопросы предстоящихъ Съѣздовъ съ указаніемъ, на какіе изъ нихъ были получены отвѣты, но что сборникъ этотъ не принесъ никакой пользы, такъ какъ и послѣ его изданія новыхъ отвѣтовъ на прежніе запросы не послѣдовало.

И. А. Линниченко заявилъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи о пользѣ подобнаго изданія, и самъ составитъ для будущаго Съѣзда желательную сводку неразрѣшенныхъ вопросовъ и допросовъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

2. Въслѣдствіе того, что полученіе коллекцій изъ музеевъ Тарновскаго въ Черниговѣ и Херсонскаго для выставокъ XIII Съѣзда является весьма желательнымъ *постановлено* обратиться въ Черниговскую губернскую земскую управу и Херсонскій Музей съ просьбой о высылкѣ наиболѣе интересныхъ предметовъ изъ этихъ коллекцій въ Екатеринославъ ко времени открытія Съѣзда.

3. В. А. Городцовъ представилъ нѣкоторыя соображенія о подготовительныхъ работахъ къ XIII Съѣзду въ области археологій.

По мнѣнію В. А. Городцова въ этихъ работахъ слѣдовало бы постараться о разрѣшеніи двухъ вопросовъ:

а) Опредѣленіе юго-восточной границы домонгольской Руси XIII вѣка.

б) Выясненіе типовъ погребеній печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ XIV вѣка.

Подробная записка В. А. Городцова прилагается къ протоколу.

Проф. Д. И. Багалѣй, соглашаясь съ высокимъ интересомъ предлагаемыхъ В. А. Городцовымъ задачъ, замѣтилъ, что историческая сторона перваго изъ нихъ уже въ значительной степени освѣщена (напр. въ трудахъ проф. Голубовскаго и В. Г. Ляско-

ронскаго), но было бы весьма полезно произвести провѣрочныя изслѣдованія путемъ раскопокъ важнѣйшихъ городищъ, напр. городищъ, отмѣченныхъ въ книгѣ Большаго Чертежа, какъ имѣющихъ, несомнѣнно, очень древнее происхожденіе.

Въ дополненіе ко 2-му изъ намѣченныхъ вопросовъ проф. Д. И. Багалъи предлагаетъ ограничиться систематическими раскопками въ бассейнѣ нѣкоторыхъ рѣкъ, напримѣръ, продолжая изслѣдованія самого В. А. Городцова въ бассейнѣ рѣки Донца.

Проф. А. А. Кочубинскій прибавилъ, что для разработки 2-го изъ намѣченныхъ В. А. Городцовымъ вопросовъ было бы въ высшей степени полезнымъ привлечь мадьярскихъ археологовъ, такъ какъ это племя оставалось на территоріи вынѣшней южной Россіи въ теченіе IX столѣтія.

4. По предложенію г. Предсѣдателя Комитета обсуждался вопросъ о томъ, кому должны принадлежать предметы, добываемые при подготовительныхъ къ Съѣзду раскопкахъ.

Было принято мнѣніе, высказанное гр. Уваровой, что предметы должны принадлежать тѣмъ учрежденіямъ, обществамъ и лицамъ, которыя дали средства на работы, при которыхъ данныя вещи добыты.

Что же касается предметовъ, добываемыхъ на средства, Высочайше даруемая Московскому Археологическому Обществу на устройство Археологическихъ Съѣздовъ, то распределеніе такихъ предметовъ, по отборѣ вещей для Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, принадлежитъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу на основаніи мотивированныхъ желаній всѣхъ ученыхъ обществъ и учреждений, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ.

5. По предложенію гг. депутатовъ А. С. Снявскаго и Н. К. Горталова постановлено обратиться къ гг. Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ съ ходатайствами о разрѣшеніи членамъ будущаго Съѣзда, занимающимся педагогическою дѣятельностью, оставаться до конца Съѣзда, и затѣмъ принять участіе въ экскурсіяхъ, которыя будутъ устроены по окончаніи работъ Съѣзда.

Въ 3 часа засѣданіе было закрыто.

Приложеніе къ протоколу 6 января 1903 года.

СООБРАЖЕНІЯ В. А. ГОРОДЦОВА.

I.

Опредѣленіе юговосточныхъ границъ домонгольской Руси начала XIII в.

Трудами XII Археологическаго Съѣзда возбужденъ вопросъ, какой народности могли принадлежать городища Донецкое и два Ницахскихъ? При рѣшеніи вопроса, мнѣнія раздѣлились: по однимъ—городища должны быть пограничными славянскими, а по другимъ—кочевническими. Основаніемъ для заключеній второго порядка, главнымъ образомъ служило отсутствіе лѣтописныхъ извѣстій о столь далекомъ распространеніи древнерусскихъ владѣній къ югу. Между тѣмъ линія, проведенная отъ Донецкаго городища къ Ницахскимъ, удивительнымъ образомъ почти совпадаетъ съ линіею юговосточной границы домонгольской Руси, какъ ее обозначаютъ въ нашихъ историческихъ атласахъ Карамзинъ, Погодинъ, Замысловскій и вѣроятно другіе. Очевидно, съ этой или другою, но очень близкою линіею должна совпадать искомая истинная пограничная линія древнерусскихъ владѣній.

Какими вещественными памятниками могла обозначиться эта искомая пограничная линія? Вѣроятно же всего, городищами, необходимыми для защиты осѣдлаго населенія отъ наѣздовъ кочевниковъ. Погодинъ, опираясь главнымъ образомъ на труды Пассека, дѣйствительно указывалъ цѣлый рядъ городищъ, планирующихся какъ разъ въ линіи юго-восточной границы домонгольской Руси. Эти городища слѣдующія: Нежегольское, Салтовское, Колковское, Гумниня, Чугуевское, Мохначева, Колбанова, Каменное, Донецкое, Хорошее, Хазарское, Хмельное и не менѣе 10 городищъ, расположенныхъ по рѣкѣ Каломаку до впаденія ея въ рѣку Ворсклу.

Интересно было-бы рѣшить, дѣйствительно ли принадлежали всѣ эти городища домонгольской Руси и составляли ея пограничные опорные пункты противъ кочевниковъ, или же они принадлежали другимъ народностямъ, и гдѣ, въ такомъ случаѣ, могла проходить юговосточная граница домонгольской Руси и какими археологическими признаками она обозначается.

Рѣшеніе возбуждаемаго вопроса могло бы быть со стороны русской археологій хорошо благодарностью русской исторіи, плодами которой такъ часто и широко приходится пользоваться археологамъ.

Самое выполненіе работы удобно поручить Харьковскому Комитету XIII Съѣзда, который могъ бы детально разработать вопросъ по историческимъ даннымъ и затѣмъ уже произвести изслѣдованіе намѣченной линіи.

II.

Типы погребеній печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ до XIV в.

Въ настоящее время извѣстно большое число погребеній южнорусскихъ кочевниковъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что среди нихъ встрѣчены погребенія всѣхъ названныхъ народностей, поэтому естественно возникаетъ вопросъ, какого типа погребенія связываются съ каждою изъ нихъ.

Екатеринославскій Съѣздъ, въ силу стеченія особыхъ условій, обѣщаетъ быть наиболѣе эксцентрическимъ, что даетъ ему возможность вести одновременно изслѣдованія въ наиболѣе удаленныхъ областяхъ южной Россіи, направляя усилія къ рѣшенію однѣхъ и тѣхъ же задачъ. Въ рѣшеніи возбужденнаго запроса такое условіе особенно важно. Площади распространенія владѣній названныхъ народностей въ предѣлахъ южной Россіи не вездѣ совпадали и, поэтому, при широко планированныхъ изслѣдованіяхъ, является возможность рѣшенія задачи путемъ выключенія нѣкоторыхъ искомымъ. По даннымъ Русской Исторіи, торки долго кочевали въ области р. Торца, затѣмъ передвинулись къ р. Роси; очевидно, ихъ погребенія не могутъ быть ни близъ Новочеркасска, ни близъ Одессы.

Печенѣги и половцы послѣдовательно занимали мѣста на русской территоріи; ихъ погребенія затруднительно отдѣлить другъ отъ друга. Но исторія свидѣтельствуетъ, что та и другая народности, стремясь къ западу, перешли Дунай и осѣли въ исторически извѣстныхъ пунктахъ Византійской имперіи; поэтому вполне естественно искать рѣшенія вопроса о типахъ ихъ погребеній на правомъ берегу Дуная, поручивъ работу или Одесскому Комитету, или болгарскимъ археологамъ, пригласивъ послѣднихъ къ участию въ трудахъ Съѣзда.

При постановкѣ настоящаго вопроса, пріобрѣтаютъ весьма большое значеніе предварительныя работы въ области историческихъ данныхъ, такъ какъ только на основаніи ихъ можно указать, въ какихъ, именно, районахъ рѣшается та или другая часть общей задачи.

СОСТАВЪ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Почетный Предсѣдатель

Его Императорское Высочество Великій Князь СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Предсѣдатель Комитета

Графиня Прасковія Сергѣевна *Уварова*, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

Секретари Комитета:

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Московской Дворцовой Оружейной Палаты.

Готье, Юрій Владиміровичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

Ч л е н ы :

Айналовъ, Дмитрій Власевичъ, депутатъ Императорскаго Казанскаго Университета и Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

Андрониковъ, Владиміръ Алексѣевичъ, депутатъ Костромской губернской ученой архивной комисіи.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Университета, Имп. Московскаго Археологическаго Общества, Имп. Общества Любителей Естествознанія и Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

Ардашевъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Арсеньевъ, Юрій Васильевичъ, депутатъ Московской Дворцовой Оружейной Палаты.

Архангельскій, Александръ Семеновичъ, депутатъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Багалъй, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Имп. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ.

- Барсовъ*, Елпидифоръ Васильевичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Беккеръ*, Робертъ Рудольфовичъ, депутатъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.
- Богдановъ*, Владиміръ Владиміровичъ, депутатъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.
- Боюявленскій*, Сергій Константиновичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Бранденбургъ*, Николай Ефимовичъ, депутатъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.
- Бунинъ*, Алексій Ивановичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Быковскій*, Константинъ Михайловичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Бьлокуровъ*, Сергій Алексѣевичъ, депутатъ Имп. Общества и Древностей Россійскихъ и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Вахрамьевъ*, Иванъ Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.
- Веселовскій*, Николай Ивановичъ, депутатъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества.
- Гоздаво Голомбѣвскій*, Александръ Александровичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- Гололобовъ*, Яковъ Георгіевичъ, депутатъ Екатеринославскаго губ. статист. комитета, Екатеринославскаго городского общественнаго управленія и Екатеринославскаго предварит. комитета по устройству XIII сѣзда.
- Голубцовъ*, Александръ Петровичъ, депутатъ Московской Духовной Академіи.
- Городцовъ*, Василій Алексѣевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Горталовъ*, Николай Константиновичъ, депутатъ Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ.
- Добровольскій*, Петръ Михайловичъ, депутатъ Черниговской губернской ученой архивной комиссіи.
- Доловъ*, Семень Осиповичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ и Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.
- Джемсъ-Симонсъ*, Яковъ Францовичъ, депутатъ Тамбовской ученой архивной комиссіи.
- Евсѣевъ*, Иванъ Евсѣевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Забѣлинъ*, Иванъ Егоровичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Звѣревъ*, о. Стефанъ Егоровичъ, депутатъ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета и Воронежской ученой архивной комиссіи.
- Зерновъ*, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Университета.
- Златоверховниковъ*, Николай Ивановичъ, депутатъ Курскаго губернскаго статистическаго комитета.
- Ивановъ*, Александръ Васильевичъ, депутатъ Петербургскаго Общества Архитекторовъ.
- Ивановъ*, Василій Васильевичъ, депутатъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета.

- Иловайскій*, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Каллашъ*; Владиміръ Владиміровичъ, депутатъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.
- Ключевскій*, Василій Осиповичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Коклюгинъ*, А. М., депутатъ Комитета по устройству Донскаго Музея.
- Кондаковъ*, Никодимъ Павловичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Имп. Русскаго Археологическаго Общества.
- Кочубинскій*, Александръ Александровичъ, депутатъ Имп. Новороссійскаго Университета и Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Красновъ*, Андрей Николаевичъ, депутатъ Имп. Харьковскаго Университета.
- Кречетовъ*, Петръ Никитичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Крымскій*, Агаангель Ефимовичъ, депутатъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Куриловъ*, Венедиктъ Викторовичъ, депутатъ Екатеринославскаго Научнаго Общества и Екатеринославскаго предварительнаго комитета.
- Лавровъ*, Петръ Алексѣевичъ, депутатъ Имп. Петербургскаго Университета.
- Лапте-Данилевскій*, Александръ Сергѣевичъ, депутатъ Археографической Комиссіи и Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ.
- Линиченко*, Иванъ Андреевичъ, депутатъ Имп. Новороссійскаго Университета и Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Липовскій*, Александръ Лаврентьевичъ, депутатъ Русскаго Библиологическаго Общества.
- Попухинъ*, Алексѣй Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностраннхъ Дѣлъ.
- Лукьяновъ*, Григорій Григорьевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- Любовскій*, Матвѣй Козьмичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Ляскоронскій*, Василій Григорьевичъ, депутатъ Истор. Общества Нестора Лѣтописца.
- Маркевичъ*, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Машиковъ*, Иванъ Павловичъ, депутатъ Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Медвѣдевъ*, Александръ Ивановичъ, депутатъ Комитета по устройству Донскаго Музея.
- Миллеръ*, Всеволодъ Ѳедоровичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Имп. Общества Любителей Естествознанія.
- Милютинъ*, А. И., депутатъ Воронежской ученой архивной комиссіи.
- Мироновъ*, Алексѣй Максимовичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Мсеріанцъ*, Леванъ Зармайровичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

- Нарцевъ*, Алексѣй Николаевичъ, депутатъ Тамбовской ученой архивной комиссіи.
- Никольскій*, П. В., деп. Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета.
- Оглоблинъ*, Николай Николаевичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Огневъ*, Иванъ Флоровичъ, депутатъ Имп. Московскаго Университета.
- Орѣшниковъ*, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Остроумовъ*, Михаилъ Андреевичъ, депутатъ Имп. Харьковскаго Университета.
- Павловъ*, Алексѣй Петровичъ, депутатъ Имп. Московскаго Университета и Имп. Общества Испытателей Природы.
- Павловскій*, Алексѣй Андреевичъ, депутатъ Имп. Новороссійскаго Университета.
- Павлуцкій*, Григорій Григорьевичъ, депутатъ Имп. Университета св. Владиміра и Историч. Общества Нестора Лѣтописца.
- Платоновъ*, Сергѣй Ѳедоровичъ, депутатъ Имп. С.-Петербургскаго Университета, Имп. Русскаго Археологическаго Общества и Археографической Комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.
- Поповъ*, Харитонъ Ивановичъ, депутатъ Комитета по устройству Донскаго Музея.
- Раевскій*, Александръ Сергѣевичъ, депутатъ Библиологическаго Общества.
- Рогожинъ*, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Рождественскій*, Николай Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ.
- Рождественскій*, Т. С., депутатъ Воронежскаго церковнаго историко-статистическаго комитета.
- Рѣдинъ*, Егоръ Козьмичъ, депутатъ Имп. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ и Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Савеловъ*, Леонидъ Михайловичъ, депутатъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Воронежской ученой архивной комиссіи.
- Самоковасовъ*, Дмитрій Яковлевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Сизовъ*, Владиміръ Ильичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Синявскій*, Антонъ Степановичъ, депутатъ Екатеринославскаго предварительнаго комитета по устройству XIII Съѣзда.
- Смирновъ*, Иванъ Николаевичъ, депутатъ Имп. Казанскаго Университета и Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.
- Соболевскій*, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Имп. С.-Петербургскаго Университета и Археологическаго Института и Общества Нестора Лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра.
- Соколовъ*, Владиміръ Дмитріевичъ, депутатъ Имп. Общества Испытателей Природы.
- Соколовъ*, Егоръ Ивановичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей.
- Соколовъ*, Матвѣй Ивановичъ, депутатъ Имп. Московскаго Университета и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

- Соловьевъ*, Сергѣй Викторовичъ, депутатъ Екатеринославскаго предварительнаго комитета.
- Соловьевъ*, Сергѣй Устиновичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Сперанскій*, Михаилъ Несторовичъ, депутатъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородки и состоящаго при Институтѣ Историко-Филологическаго Общества.
- Станкевичъ*, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Сторожевъ*, Василій Николаевичъ, депутатъ Нижегородской, Рязанской, Тверской архивныхъ комиссій.
- Стратоницкій*, Конкордій Андреевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- Суцковъ*, Николай Федоровичъ, депутатъ Имп. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ.
- Титовъ*, Андрей Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.
- Троицкій*, Николай Ивановичъ, депутатъ Тульской Епархіальной Палаты Древностей.
- Тюменевъ*, Д. Г., депутатъ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета.
- Халатьянцъ*, Григорій Абрамовичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества и Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.
- Харламовъ*, Василій Акимовичъ, депутатъ Комитета по устройству Донскаго Музея.
- Хахановъ*, Александръ Соломоновичъ, депутатъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.
- Черепнинъ*, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Рязанской ученой архивной комиссіи.
- Четыркинъ*, Иванъ Даниловичъ, депутатъ Калужской ученой архивной комиссіи.
- Шмелевъ*, Григорій Николаевичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.
- Шнерингъ*, Георгій депутатъ Эстляндскаго Литературнаго Общества.
- фонъ-Штернъ*, Эрнестъ Романовичъ, депутатъ Имп. Новороссійскаго Университета и Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Щепкинъ*, Вячеславъ Николаевичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Щербатовъ*, кн. Николай Сергѣевичъ, депутатъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея.
- Эварницкій*, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества, Екатеринославскаго Научнаго Общества и Екатеринославскаго предварительнаго комитета по устройству XIII съезда.
- Эйнгорнъ*, Виталій Осиповичъ, депутатъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Янчукъ*, Николай Андреевичъ, депутатъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея.
- Ясинскій*, Михаилъ Никитичъ, депутатъ Имп. Университета св. Владиміра и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца.
- Яхонтовъ*, Степанъ Дмитриевичъ, депутатъ Рязанской ученой архивной комиссіи.

Правила Съезда утвержденныя Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 мая 1905 г.

1. Археологическій Съездъ открывается въ Екатеринославѣ съ 15 по 27 августа 1905 года.

2. Всѣ подготовительныя работы для Съезда возлагаются на Московскій Предварительный Комитетъ, съ представленіемъ ему права открыть, по мѣрѣ необходимости, другіе мѣстные комитеты. Комитетъ входитъ въ сношеніе съ мѣстными учеными и приглашаетъ ихъ для совмѣстныхъ работъ подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ.

3. За день до открытія Съезда, т.-е. 14 августа, открываетъ свои дѣйствія Совѣтъ Съезда въ Екатеринославѣ.

4. Совѣтъ Съезда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съезду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съездъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и ученыхъ Обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

5. Членами Съезда могутъ быть всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съезда и заплатившія 5 рублей. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который представляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съезда и принимать участіе въ оныхъ. Но въ экскурсіяхъ Съезда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получаютъ на это особое приглашеніе со стороны Распорядительнаго Комитета.

Примѣчаніе. Членами Съезда признаются также ученые учреждения и общества по взносу ими 5 руб.

6. Предварительный Комитетъ имѣетъ право пригласить и иностранныхъ ученыхъ,

7. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскихъ взносовъ.

8. Записаться въ члены Съезда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ Археологическихъ Обществахъ и въ Отдѣленіяхъ Предварительнаго Комитета XIII Съезда.

9. Съездъ раздѣляется на девять отдѣленій: I. Древности первобытныя II. Древности историко-географическія и этнографическія. III. Памятники искусствъ, нумизматики и сфрагистики. IV. Древности юридическія; быть хозяйственный,

домашній и военный. V. Древности церковныя. VI. Памятники языка и письма. VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія. VIII. Древности славянскія. IX. Археографія и архивовѣдѣніе. Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаеть необходимымъ, увеличить число отдѣленій или нѣкоторыя изъ нихъ слить вмѣстѣ.

10. При Съѣздѣ предполагается устроить выставки по предметамъ Съѣзда.

11. Въ секретари Съѣзда приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

12. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

13. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ своемъ засѣданіи избираеть изъ среды своей предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ на все время Съѣзда. Предсѣдатель Совѣта признается предсѣдателемъ Съѣзда. Независимо отъ сего Совѣтъ, въ томъ же засѣданіи, раздѣляется, по числу отдѣленій Съѣзда, на комиссіи, впредь до открытія отдѣленій, которыя немедленно избирають своихъ особыхъ предсѣдателей, при чемъ послѣдніе, съ своей стороны, приглашаютъ секретарей.

14. Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Съѣзда.

15. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Съѣздомъ, входитъ казначей Съѣзда.

16. Предсѣдатели и секретари отдѣленій Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

17. Предсѣдателямъ отдѣленій вмѣняется въ обязанность допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые будутъ предварительно одобрены Ученымъ Комитетомъ Съѣзда. Словесныя сообщенія допускаются Комитетомъ по разсмотрѣніи тезисовъ.

Примѣчаніе. Референты приглашаются присылать свои доклады, по мѣрѣ возможности, заблаговременно въ Предварительный Комитетъ Съѣзда.

18. Ученый Комитетъ руководитъ всею ученою частью Съѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

19. Комитеты Ученый и Распорядительный сами избирають своихъ предсѣдателей и секретарей. Они засѣдаютъ ожедневно во все продолженіе Съѣзда.

20. Совѣтъ Съѣзда и Отдѣленія созываются ихъ предсѣдателями. Каждое отдѣленіе въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Съѣзда ученыхъ, кои въ постоянное содѣйствіе оно признаеть для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ предсѣдатели отдѣленій доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта Съѣзда.

21. Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

22. Засѣданія Съѣзда бываютъ общія и частныя по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ вопросы общаго характера. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

23. Засѣданія Съѣзда публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

24. Почетные предсѣдатели какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и отдѣлений назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ Съѣзда изъ среды членовъ Съѣзда. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Почетный предсѣдатель обязанъ остановить каждаго члена Съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

Примѣчаніе. Ученый Комитетъ Съѣзда избираетъ почетныхъ предсѣдателей засѣданій только изъ тѣхъ лицъ, которыя по своимъ научнымъ занятіямъ соотвѣтствуютъ характеру назначенныхъ засѣданій.

25. Программы каждаго засѣданія Съѣзда какъ общихъ собраній, такъ и отдѣлений опредѣляются заблаговременно на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ Съѣзда. Программы засѣданій, заключающія въ себѣ названіе рефератовъ и ихъ главные тезисы, раздаются членамъ Съѣзда и вывѣшиваются наканунѣ засѣданій у дверей зала. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго заявленія Ученому Комитету.

26. Во время продолженія Съѣзда издаются отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съѣзда бесплатно.

Примѣчаніе. Въ этихъ отчетахъ помѣщается содержаніе лишь тѣхъ докладовъ, авторы которыхъ представили секретарю Отдѣленія краткое изложеніе своего реферата. Изложеніе это не должно превышать 40 печатныхъ строкъ. Лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, приглашаются своевременно доставлять краткое изложеніе своихъ замѣчаній для помѣщенія въ тѣхъ же отчетахъ.

27. Время каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и Отдѣлений, назначается Ученымъ Комитетомъ.

28. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ на то разрѣшенія Ученаго Комитета и присутствующихъ предсѣдателей.

Примѣчаніе. Работы, не подходящія, по мнѣнію предсѣдателей Отдѣленій, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и докладываются въ извлеченіяхъ.

29. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда какъ общихъ, такъ и частныхъ по Отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но Ученый Комитетъ, въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ, можетъ назначать засѣданія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, равно какъ и всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ.

30. Исслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, рассматриваются въ Отдѣленіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

31. Каждый членъ, при входѣ въ засѣданіе, долженъ предъявить свой членскій билетъ и знакъ.

32. Для напечатанія „Трудовъ Съѣзда“ избирается Совѣтомъ Съѣзда особый Редакціонный Комитетъ.

Вопросы, предлагаемые на обсужденіе XIII Археологическаго Съѣзда.

ВОПРОСЫ ОБЩЕ.

1. *Гр. П. С. Уварова.* Обзоръ дѣятельности 12 Археологическихъ Съѣздовъ.

I. Древности первобытныя.

1. *Д. И. Багалъй.* Нѣсколько историко-археологическихъ замѣчаній о городищахъ Донецкаго бассейна.
2. *С. Е. Звѣревъ.* Литература по археологіи Воронежскаго края.
3. *В. В. Куриловъ.* О желѣзномъ и бронзовомъ вѣкѣ съ точки зрѣнія химика.
4. *В. А. Харламовъ.* О каменныхъ бабахъ въ Донской области.
5. — Характеръ предметовъ каменнаго вѣка въ Донской области.
6. — Погребенія кочевниковъ въ Донской области.
7. — Археологическая карта въ Донской области.
8. *И. Д. Четыркинъ.* Палеолитическія находки близъ г. Козельска, Калужской губерніи.
9. *Л. В. Падалка.* О единствѣ основныхъ чертъ „Майдановъ“ „круглыхъ городковъ“ „робленницъ“ и „раскопанныхъ могилъ“.
10. *В. В. Хвойко.* Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ Среднемъ Приднѣпровіи.
11. *Е. П. Трефиловъ.* О раскопкахъ въ Мариупольскомъ у.
12. *В. А. Городцовъ.* О раскопкахъ въ бассейнѣ р. Кальміуса.
13. — О каменныхъ бабахъ.
14. *Д. И. Эваркицкій.* Курганы въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи.
15. — Къ вопросу о каменныхъ бабахъ.
16. *Гр. Уварова.* Къ вопросу о каменныхъ бабахъ.
17. *В. П. Бабенко.* Что дали новаго послѣднія раскопки въ Верхне-Салтовскомъ могильникѣ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. *Д. И. Багалъй*. Даннныя для исторической географіи и этнографіи Новороссійскаго края, заключающіяся въ отчетахъ визитаторовъ.
2. *П. М. Добровольскій*. Путь Екатерины II черезъ Малороссійскій край въ Екатеринославъ въ 1787 году.
3. *С. Е. Звѣревъ*. Карта заселенія Воронежскаго края.
4. *И. А. Линниченко*. Колонизація побережья Днѣпра по атласу XVIII столѣтія.
5. *П. М. Никольскій*. Вліяніе придонскаго населенія на бытъ донскаго монашества.
6. *И. Н. Смирновъ*. Даннныя для рѣшенія вопроса о народности буртасовъ въ современной матеріальной культурѣ чувашскихъ селеній, носящихъ названіе „Буртасъ“ (Пуртас.).
7. — Общія черты въ матеріальной культурѣ южной Руси и Придунайскихъ славянскихъ земель.
8. — Общія черты въ формахъ костюма и орнаментѣ болгаръ и приволжскихъ инородцевъ.
9. — Общіе элементы въ югославянскомъ, въ частности болгарскомъ, фольклорѣ и фольклорѣ Волжско-Камскаго бассейна.
10. — Даннныя для вопроса о Куманскомъ происхожденіи династии Асеней.
11. *Н. П. Троицкій*. Городъ Тѣшиловъ на р. Окѣ.
12. *В. А. Харламовъ*. Характеръ народной пѣсни у донскихъ казаковъ.
13. — Лѣчебные и военные заговоры у донскихъ казаковъ.
14. — Донскіе рылешники (лирники).
15. *Д. И. Эварницкій*. Замѣчательныя урочища въ предѣлахъ бывшаго Запорожья.
16. — Карты Украины и Запорожья и планы Днѣпра.
17. — Запорожье въ послѣдніе годы историческаго существованія по новымъ архивнымъ документамъ.
18. — Запорожская старина.
19. *П. В. Голубовскій*. Историческая Карта Черниговской губерніи до 1300 г.
20. *Л. В. Падалка*. Эволюція казацкихъ Сѣчей на Поднѣпровьи въ связи съ общимъ ходомъ развитія Днѣпровскаго казачества вообще и Запорожскаго въ частности.
21. *М. К. Фотъ*. О Скиѣскомъ вопросѣ.
22. *Гурчинъ*. О Сербскихъ Колоніяхъ въ Малороссіи.
23. *Г. К. Бугославскій*. Откуда казаки появились на сѣверѣ въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губ. въ XVI в.

III. Древности юридическія, бытъ домашній, хозяйственный, общественный и военный.

1. *Д. И. Багалъй*. Изъ экономическаго быта городовъ лѣвобережной Украины.
2. — Торговля Новороссійскаго края на слободско-украинскихъ ярмаркахъ.

3. *П. М. Добровольскій*. Ремесленные цехи и братства южной Россіи, упраздненные и существующіе теперь.
4. *В. В. Ивановъ*. О формахъ землевладѣнія на территоріи Слободскихъ полковъ.
5. — О цѣнахъ на землю и хлѣбъ въ районѣ XIII Археологическаго Съѣзда въ XVII и XVIII вѣкахъ.
6. *Д. П. Миллеръ*. Къ исторіи Задунайской сѣчи.
7. — Цехи въ лѣвобережной Малороссіи.
8. *М. М. Плохинскій*. Нѣжинское братство по юго-западнымъ архивнымъ матеріаламъ.
9. *В. А. Харламовъ*. Войсковое право въ сферѣ церковной жизни Донского края.
10. — Право въ сферѣ церкви.
11. *М. Н. Ясинскій*. „Суды междуцарствія“ (каптуровые) на Волыни въ XVI вѣкѣ.

IV. Древности церковныя.

1. *Д. В. Айналовъ*. Древнія иконы изъ воскомастики и живописныя иконы г. Мариуполя.
2. *С. Е. Зверевъ*. Ризница Воронежскаго Благовѣщенскаго Митрофаніева монастыря.
3. *Е. К. Рѣдинъ*. Общій обзоръ церковныхъ древностей Екатеринославской губ. на основаніи труда преосвященнаго Феодосія.
4. *Е. К. Рѣдинъ*. О нѣкоторыхъ памятникахъ религіознаго искусства Екатеринославской губерніи.
5. — Иконы Ченстоховской и Лоретской Божіей Матери въ церквахъ Харьковской губерніи.
6. — Иллюстраціи сочиненій Іоанна Лѣвевичника въ памятникахъ византійскаго и древне-русскаго искусства.
7. — Деревянная архитектура церквей Екатеринославской губерніи и ея отношеніе къ той же архитектурѣ сосѣднихъ губерній (Харьковской, Черниговской, Полтавской) и Донской области.
8. *Н. И. Троицкій*. Памятники иконографіи съ совмѣстнымъ вліяніемъ символики, исторіи и догмы.
9. — Огонь въ библейской поэзіи.
10. — Апокалипсическій престоль сатаны по раскопкамъ въ Малой Азій.
11. *И. Д. Четыркинъ*. Изображеніе на иконахъ князя Калужскаго Симеона Ивановича, сына Ивана III.
12. *Д. В. Айналовъ*. О Символикѣ Гр. А. С. Уварова и его статья „Церковь ветхозавѣтная и новозавѣтная.“
13. *Филянскій*. Деревянныя церкви Полтавщины.

V. Памятники языка и письма.

1. *В. О. Миллеръ*. Сохранились ли въ былинахъ слѣды періода до Владиміра Святого.

VI. Археографія и архивовѣдѣніе.

1. *С. Е. Звѣревъ*. Архивъ древнихъ актовъ Воронежскаго Губернскаго Музея.

2. *П. М. Никольскій*. Состояніе архивовъ духовнаго вѣдомства въ предѣлахъ Воронежской губерніи.

3. *В. А. Харламовъ*. Войскової архивъ при Донскомъ Музеѣ въ Новочеркасскѣ.

4. *Д. И. Эварницкій*. Приведеніе въ извѣстность архивнаго матеріала, касающагося Запорожья.

5. *А. Г. Богумиль*. Отчетъ по обзрѣнію и обслѣдованію Архивовъ Екатеринославскаго Губернскаго Правленія и Казенной Палаты.

Запросы, на которые желательно получить разъяснение на XIII Археологическомъ Създѣ.

I. Древности первобытныя.

1. *Д. И. Багалъй*. Не встрѣчалось ли славяно-русскаго погребенія между рр. Воркслою и Орелью.

2. *Н. И. Веселовскій*. Были ли въ Курской губерніи мѣстныя каменные бабы.

3. — Отмѣтить сѣверныя предѣлы распространенія каменныхъ бабъ.

4. *В. А. Городцовъ*. Опредѣленіе юго-восточныхъ границъ домонгольской Руси посредствомъ археологическихъ изслѣдованій.

5. — Типы погребеній печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ.

6. *В. Е. Данилевичъ*. Какіе извѣстны случаи находокъ правиль, глиняныхъ или изъ другихъ матеріаловъ, для выдѣлки сосудовъ въ Харьковской и др. губерніяхъ.

7. — Выработка нормальной легенды для составленія картъ монетныхъ кладовъ.

8. — Собраніе свѣдѣній о случаяхъ находокъ грузинскихъ и армянскихъ монетъ въ Европейской Россіи.

9. — О славянскихъ погребеніяхъ въ Харьковской и сосѣднихъ губ.

10. *В. З. Завитневичъ*. Съ возможною для нашего времени точностью охарактеризовать типъ такъ называемаго скиѣскаго погребенія со стороны:

а) курганной насыпи,

б) устройства могилы,

в) погребальнаго ритуала,

г) характера находимыхъ предметовъ.

11. — Какіе вещественные памятники остались отъ пребыванія готовъ на югѣ Россіи?

12. — Указать, на основаніи археологическихъ данныхъ, границы распространенія *славянскаго племени* на югѣ Россіи въ бассейнѣ Днѣпра.

13. — Выдѣлнить и, по возможности, точно охарактеризовать типъ погребенія *степныхъ кочевниковъ* печенѣжско-половецкаго періода сравнительно съ другими погребальными типами степной полосы.

14. *В. З. Зазитневичъ*. Гдѣ искать первоначальную родину мегалитическихъ памятниковъ юга Россіи?

15. *В. Ѡ. Миллеръ*. Какой древній городъ сокрытъ подъ развалинами на р. Зеленчукѣ?

16. *Е. П. Трифилевъ*. О каменныхъ бабахъ.

17. — Слѣды такъ называемой готской культуры на югѣ Россіи.

18. *М. Е. Халанскій*. Археологическое изученіе береговъ Орели.

19. *В. И. Харучевъ*. Желательно собрать свѣдѣнія о Манфутѣ.

20. *Э. Р. Фонъ Штернъ*. Желательно установить путемъ археологическихъ разисканій, какъ далеко простиралась въ нын. Екатеринославской губ. сфера вліянія классической культуры?

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. *Д. И. Багалый*. Объяснить изъ тюркскихъ нарѣчій названія рѣкъ Новороссіи.

2. *М. С. Дриновъ*. Слѣды югославянскихъ и румынскихъ поселеній въ географической номенклатурѣ, языкѣ и бытѣ современнаго населенія Новороссійскаго края.

3. *С. Е. Звѣревъ*. Литература по этнографіи Воронежскаго края.

4. — Этнографическая карта Воронежской губерніи.

5. *Н. И. Златоверховниковъ*. Вліяніе рабочихъ, уходящихъ изъ Курской губ. на заработки въ Екатеринославскую и другія южныя губ., на бытъ ихъ односельчанъ.

6. *А. А. Кочубинскій*. Желательно собрать свѣдѣнія и выяснить значеніе грамотъ Молдавіи XIV—XVIII вѣковъ для русской исторической этнографіи.

7. — Выяснить топографію западной части степи по старымъ картамъ съ XV в. по Ясскій миръ, 1791 годъ.

8. — Обратитъ вниманіе на мѣстныя названія отъ имени печенѣговъ въ области Днѣпръ-Дунай.

9. *А. Н. Красновъ*. Культурные пережитки у нѣмецкихъ колонистовъ и вліяніе нѣмцевъ на русское населеніе Екатеринославской губ. въ бытовомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

10. *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ*. Къ какому времени восходятъ первыя свѣдѣнія объ армянахъ въ Екатеринославскомъ архивѣ?

11. *Н. Ѡ. Сумцовъ*. Въ чемъ выразились особенности фольклора народностей Новороссійскаго края?

12. — Курганы, сауры, могилы и пародныя о нихъ преданія.

13. — О желательномъ изученіи казацкихъ шляховъ, могилъ, кургановъ и др. топографическихъ памятниковъ.

14. *Е. П. Трифилевъ*. Греческія поселенія въ Маріупольскомъ уѣздѣ.

15. *Г. А. Халатьянцъ*. Слѣды древней армянской колонизаціи въ Малороссіи (X—XII вѣка).

16. *А. С. Хахановъ*. Сохранили ли потомки грузинъ, переселившихся въ Малороссию въ XVIII вѣкѣ, какія-либо черты сходства съ современнымъ населеніемъ Грузіи въ устройствѣ жилища, костюмѣ и др. особенностяхъ быта?

17. — Установить, на основаніи археологическихъ и литературныхъ данныхъ, торговый путь, по которому въ классическій и византійскій періоды шли съ юга черезъ нын. Екатеринославскую губ. въ Кіевъ и среднюю Азію.

III Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній, общественный и военный.

1. *И. М. Каманинъ*. Время появленія зимовниковъ вблизи Сѣчи; ихъ ростъ и территорія къ концу XVIII столѣтія.

2. — Гражданское устройство зимовниковъ (администрація и судъ).

3. — Развитіе землевладѣнія среди казачества въ степяхъ Запорожья.

4. *В. Г. Ляскоронскій*. Районъ распространенія въ южной Россіи названія „Китай-Городокъ“; причины и время появленія этого названія.

5. *В. Н. Сторожевъ*. Очеркъ экономической исторіи русскаго города со времени Екатерининской жалованной грамоты до Городового Положенія 1892 г.

6. — Понятія о правѣ и процессѣ по даннымъ практики Екатеринбургскихъ судебныхъ учреждений.

7. — Начала и формы гражданского судопроизводства въ поземельныхъ процессахъ по даннымъ практики Помѣстнаго Приказа и Вотчинной Коллегіи.

IV. Древности церковныя.

1. *П. М. Добровольскій*. Практическіе способы изученія церковнаго осмогласія у старыхъ причетниковъ.

2. *А. П. Голубцовъ*. Какъ часто практиковалось устройство царскихъ вратъ „на одномъ брусу“ въ древнерусскихъ церквахъ, и сохранились ли гдѣ-нибудь памятники подобнаго устройства?

3. — Чѣмъ обусловливалось присутствіе плащаницъ и большихъ воздуховъ и покрововъ въ древней обстановкѣ великаго входа?

4. *Н. В. Покровскій*. Собрать свѣдѣнія о находящихся въ частныхъ рукахъ коллекціяхъ древностей южной Россіи и береговъ Чернаго моря.

5. — Обслѣдовать памятники литейнаго дѣла (крестъ, образки и т. п.), найденныя на югѣ Россіи.

6. *В. Н. Сторожевъ*. Происхожденіе, развитіе и значеніе легенды изображенія на иконахъ святыхъ съ головами животныхъ. (См., напр., Забѣлина, „Исторія города Москвы“, I, стр. 305).

V. Древности классическія, восточныя, византійскія и западно-европейскія.

1. *Д. В. Айналовъ*. Исторія сѣвернаго побережья Азовскаго моря по извѣстіямъ византійскихъ и арабскихъ писателей и древнерусскихъ письменныхъ источниковъ.

2. *Н. В. Покровскій*. Проверка и дополненіе ученыхъ результатовъ А. А. Бертье-де-ла-Гарда по вопросу о значеніи древностей Херсонеса въ общей исторіи искусства.

VI. Археографія и Архивовѣдѣніе.

1. *В. Н. Сторожевъ*. Привести въ извѣстность и составить описаніе документовъ, представляющихъ собою источники для изученія исторіи крѣпостного помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣковъ (матеріаль хозяйственныхъ отчетовъ, старыхъ счетовъ, наказовъ бурмистрамъ и старостамъ, приходо-расходныхъ книгъ и всякаго рода хозяйственной переписки; мѣсто храненія — старыя дворянскія усадьбы).

2. — Привести въ извѣстность и составить описаніе неизданныхъ документовъ, представляющихъ собою источники для изученія сельско-хозяйственной исторіи русскихъ монастырей XVI и XVII вѣковъ.

Засѣданія Совѣта Съѣзда 14 Августа 1905 г.

Засѣданіе открыто въ 4 часа дня въ одной изъ залъ Потемкинскаго Дворца подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда, графини П. С. Уваровой, въ составѣ депутатовъ и представителей отъ нижеслѣдующихъ учреждений и Обществъ:

1. Отъ Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда: М. И. Миклашевскій и Я. Г. Гололобовъ.
2. Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: В. П. Бузескулъ, Д. И. Багалъй, Е. К. Рѣдинъ, А. П. Кадлубовскій, В. И. Савва, Е. П. Трифильевъ и В. Е. Данилевичъ.
3. Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра: Г. Г. Павлуцкій.
4. Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: Н. В. Покровскій.
5. Отъ Кіевской Духовной Академіи: В. З. Завитневичъ.
6. Отъ Казанской Духовной Академіи: Ѳ. В. Благовидовъ.
7. Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: Д. И. Багалъй, В. П. Бузескулъ, Е. К. Рѣдинъ, Е. П. Трифильевъ; А. П. Кадлубовскій, В. И. Савва и В. Е. Данилевичъ.
8. Отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра: В. З. Завитневичъ, В. Г. Ляскоронскій и Г. Г. Павлуцкій.
9. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня П. С. Уварова, Е. К. Рѣдинъ, Д. И. Эварницкій, А. А. Скрыленко, Л. М. Савеловъ, В. А. Харламовъ и В. Н. Рогожинъ.
10. Отъ Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Н. С. Державинъ.
11. Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества: графиня П. С. Уварова.
12. Отъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ: Л. М. Савеловъ.
13. Отъ Московскаго Архива Минист. Юстиціи: С. Д. Щербакъ.
14. Отъ Совѣта областного музея имени А. Н. Поля: М. И. Миклашевскій.
15. Отъ Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета: священ. С. Е. Звъревъ.
16. Отъ Орловскаго Церковно-Археологическаго Комитета: И. Е. Евсеевъ.
17. Отъ Воронежскаго Церковно-Археологическаго Комитета: священ. С. Д. Звъревъ.

Личный состав Съезда.

Предсѣдатель Съѣзда.

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.

Секретари Съѣзда.

Владиміръ Николаевичъ Рогожинъ и Евгений Парѣнъевичъ Трифильевъ.

Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета.

Сергѣй Альбертовичъ Бродницкій.

Предсѣдатель Ученаго Комитета.

Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Распорядительный Комитетъ.

М. И. Миклашевскій, М. В. Родзянко, Я. Г. Гололобовъ, Е. П. Кузьминъ и С. Н. Александровъ.

Казначей Съѣзда.

С. А. Бродницкій.

Предсѣдателями и секретарями секцій.

І. Древности первобытныя.

Предсѣдатель—Эрнестъ Романовичъ фонъ-Штернъ.

Секретари — Василій Григорьевичъ Ляскоронскій и Василій Ефимовичъ Данилевичъ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель—Дмитрій Ивановичъ Багалъйй.

Секретари—Владиміръ Ивановичъ Савва и Василій Ефимовичъ Данилевичъ.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Предсѣдатель—Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.

Секретари—Василій Ефимовичъ Данилевичъ и Евгенийъ Парѣнъевичъ Трифильевъ.

IV. Бытъ хозяйственный и домашній, юридическій, общественный и военный.

Предсѣдатель—Владиміръ Зеноновичъ Завитневичъ.

Секретари—Василій Григорьевичъ Ляскоронскій, Владимиръ Ивановичъ Савва и Арсеній Петровичъ Кадлубовскій.

V. Древности церковныя.

Предсѣдатель—Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретари—Дмитрій Ивановичъ Абрамовичъ и Иванъ Евсеевичъ Евсеевъ.

VI. Памятники языка и письма.

Предсѣдатель—Николай Ивановичъ Петровъ.

Секретари—Владиміръ Ивановичъ Савва.

VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Предсѣдатель—Владиславъ Петровичъ Бузескуль.

Секретари—Арсеній Петровичъ Кадлубовскій и Владимиръ Ивановичъ Савва.

VIII. Древности славянскія.

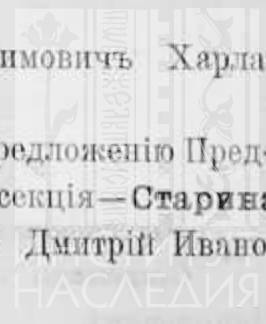
Предсѣдатель—Тимофей Дмитриевичъ Флоринскій.

IX. Археографія и Архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель—Антонъ Степановичъ Синявскій.

Секретари—Петръ Александровичъ Незнамовъ, Василій Акимовичъ Харламовъ и Иванъ Θεодоровичъ Вертоградовъ.

На основаніи § 9 Правиль XIII Археологическаго Съѣзда по предложенію Предсѣдателя Съѣзда, графини П. С. Уваровой, была образована X секція—**Старина Запорожская**; Предсѣдателемъ этой секціи единогласно избранъ Дмитрій Ивановичъ Эварницкій. Секретаремъ Левъ Васильевичъ Падалка.

Депутаты ученых Обществъ и Учрежденій.

- 1) *Императорскаго Московскаго Университета*: Профессора: Д. Н. Зерновъ, Д. Н. Анучинъ, А. Н. Филипповъ и И. Ф. Огневъ.
- 2) *Императорскаго Университета Св. Владимира*: Профессора: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Т. Д. Флоринскій, Ю. А. Кулаковскій, С. Т. Голубевъ, Г. Г. Павлуцкій, М. В. Довнаръ-Запольскій и В. Н. Перетцъ.
- 3) *Императорскаго С.-Петербургскаго Университета*: Профессора: Д. В. Айналовъ, П. А. Лавровъ.
- 4) *Императорскаго Харьковскаго Университета*: В. П. Бузескуль, А. С. Лебедевъ, Н. Θ. Сумцевъ, Д. И. Багалъй, М. Е. Халанскій, Е. К. Рѣдинъ, С. В. Соловьевъ, В. И. Савва, А. П. Кадлубовскій, Е. П. Трифильевъ и В. Р. Данилевичъ.
- 5) *Императорскаго Новороссійскаго Университета*: Профессора: А. А. Кочубинскій, А. А. Павловскій, Э. Р. Фонъ-Штернъ, И. А. Линниченко, А. И. Томсонъ, В. Н. Мочульскій.
- 6) *Императорскаго Варшавскаго Университета*: Профессора: Н. Н. Любовичъ, Д. В. Цвѣтаевъ, И. П. Филевичъ, А. Л. Погодинъ.
- 7) *Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества*: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалъй, В. П. Бузескуль, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, Н. Θ. Сумцевъ, Е. П. Трифильевъ, М. Г. Халанскій и Д. П. Миллеръ.
- 8) *Новороссійскаго Историко-Филологическаго Общества*: Э. Р. фонъ-Штернъ, А. А. Павловскій, И. А. Линниченко, Л. И. Томсонъ, С. Г. Вилинскій, А. В. Рыстенко, Я. П. Ящуржинскій, И. В. Каменскій, М. Н. Тумановъ.
- 9) *Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*: В. О. Ключевскій, Е. В. Барсовъ, С. А. Бѣлокуровъ, Д. И. Иловайскій и Г. А. Муркосъ.
- 10) *Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*: Н. И. Веселовскій.
- 11) *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества*: Граф. П. С. Уварова, Д. Н. Анучинъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. П. Павловъ, Е. К. Рѣдинъ, Д. И. Эварницкій, Д. И. Иловайскій, Д. В. Айналовъ, А. С. Хахановъ, М. И. Соколовъ, Г. А. Халатьянцъ, Х. И. Кучукъ-Юаннесовъ, В. А. Городцевъ, Л. М. Савеловъ, А. А. Скрыленко, А. В. Орфинниковъ, В. А. Харламовъ, В. Н. Рогожинъ, В. К. Трутовскій и Л. Г. Лопатинскій.
- 12) *Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца*: В. Б. Антоновичъ, Е. Н. Анто-

новичъ, С. Т. Голубевъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, И. М. Каманинъ, Ю. А. Кулаковскій, О. И. Левицкій, В. Л. Ляскоронскій, Г. Г. Павлуцкій, В. Н. Перетцъ, М. Н. Сперанскій, Т. Д. Флоринскій, В. И. Щербина.

- 13) *Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи*: Н. К. Горталовъ.
- 14) *Императорской Академіи Художествъ*: Н. П. Кондаковъ.
- 15) *Кіевскаго Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества*: Профессора: Н. И. Петровъ, В. З. Завитневичъ.
- 16) *Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ*: Р. Р. Бекеръ, В. В. Сусловъ, Н. В. Султановъ.
- 17) *Московскаго Архитектурнаго Общества*: Граф. П. С. Уварова, Н. В. Никитицъ, и К. М. Быковскій.
- 18) *Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній*: А. И. Фейерэязень.
- 19) *Главнаго Артиллерійскаго Управленія*: Капитанъ Струковъ.
- 20) *Кіевской Духовной Академіи*: Профессора: Н. И. Петровъ и В. З. Завитневичъ.
- 21) *Московской Духовной Академіи*: А. П. Голубцовъ.
- 22) *С.-Петербургской Духовной Академіи*: Н. В. Покровскій, Д. И. Абрамовичъ.
- 23) *Казанской Духовной Академіи*: Θ. В. Благовидовъ.
- 24) *Императорскаго Археологическаго Института*: Н. В. Покровскій.
- 25) *Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ*: Л. М. Савеловъ, М. Я. Балясный, Н. В. Мятлевъ, С. Н. Кологривовъ, В. К. Трутовскій.
- 26) *Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ*: Н. Ф. Бѣляшевскій.
- 27) *Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ*: проф. В. Б. Антоновичъ, О. И. Левицкій.
- 28) *Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея*: И. Е. Забѣлинъ, кн. Н. С. Щербатовъ, А. В. Орѣшниковъ, В. Н. Щепкинъ, В. А. Городцовъ, И. М. Тарабринъ, А. И. Станкевичъ, Н. Н. Кононовъ.
- 29) *Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ Музеямъ*: С. О. Долговъ, Н. А. Янчукъ, Ю. В. Готье, А. А. Борзовъ.
- 30) *Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей*: А. А. Титовъ, И. А. Вахрамѣевъ, И. А. Шляковъ.
- 31) *Московскаго Архива Министерства Юстиціи*: С. Д. Щербакъ.
- 32) *Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ*: С. А. Бѣлокуровъ, Н. В. Рожественскій и Г. А. Муркосъ.
- 33) *Орловскаго Церковно-Археологическаго Комитета*: И. Е. Евсеевъ.
- 34) *Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества*: протоіер. Е. И. Сѣдинскій, А. Н. Прусевичъ.
- 35) *Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета*: С. Н. Введенскій, свящ. С. Е. Звѣревъ, Н. И. Поликарповъ, В. Е. Нечаевъ.
- 36) *Екатеринославской Ученой Архивной Коммисіи*: А. С. Синявскій, В. А. Бѣдновъ, В. Я. Козловскій и В. И. Пичета.

37. *Курской Ученой Архивной Коммисіи*: Н. Н. Павловскій, Н. И. Златоверховниковъ.
38. *Орѣнбургской Ученой Архивной Коммисіи*: Н. Е. Макаренко, П. А. Незнамовъ.
39. *Пермской Ученой Архивной Коммисіи*: В. С. Малченко.
40. *Полтавской Ученой Архивной Коммисіи*: И. Ф. Павловскій, Л. В. Падалка, А. П. Потоцкій.
42. *Сибирской Ученой Архивной Коммисіи*: В. Н. Поливановъ, И. Я. Яковлевъ.
41. *Таврической Ученой Архивной Коммисіи*: А. Н. Ильинъ, А. И. Маркевичъ, А. П. Колли.
43. *Тамбовской Ученой Архивной Коммисіи*: А. Н. Нарцовъ, Н. А. Щегловъ.
44. *Черниговской Ученой Архивной Коммисіи*: П. А. Войцеховскій, А. К. Ярыгинъ, П. М. Добровольскій.
45. *Ярославской Ученой Архивной Коммисіи*: В. А. Городцовъ.
46. *Воронежскаго Статистическаго Комитета*: свящ. С. Звѣревъ, Д. Г. Тюменевъ.
47. *Курскаго Статистическаго Комитета*: Н. И. Златоверховниковъ.
48. *Екатеринославскаго Статистическаго Комитета*: Я. Г. Гололобовъ, Д. И. Эварницкій, С. И. Евтушевскій и Л. К. Реймеръ.
49. *Екатеринославскаго Общественнаго Управленія*: И. В. Теличенко, Н. В. Быковъ, М. А. Заусайловъ.

Члены Създа.

- Абрамовичъ, Дмитрій Ивановичъ, деп. (С.-Петербургъ).
Алахвердовъ, Авдей Егоровичъ. (Екатеринославъ).
Александровъ, Сергѣй Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Алчевская, Христина Алексѣевна. (Харьковъ).
Алчевская, Христина Даниловна. (Харьковъ).
Антоновичъ, Владиміръ Бонифаціевичъ, проф., деп. (Кіевъ).
Антоновичъ, Екатерина Николаевна, деп. (Кіевъ).
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф., деп. (Москва).
Александровичъ, Надежда Митрофановна. (Екатеринославъ).
Бабенко, Василій Алексѣевичъ, деп. (С. Верхнее-Салтово).
Бабенко, Елена Родіоновна. (Харьк. губ.).
Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ, проф., деп. (Харьковъ).
Бай-де, баронъ. (Парижъ).
Барафъ, Александръ Александровичъ. (Екатеринославъ).
Бачинскій, Сергѣй Васильевичъ. (Екатеринославъ).
Безпальчевъ, Василій Ѳеодоровичъ. (Ромны, Полт. губ.).
Бергманъ, Германъ Абрамовичъ. (Екатеринославъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ, проф. (Нѣжинъ, Черниг. губ.).
Березовскій, Яковъ Даниловичъ. (Екатеринославъ).
Благовидовъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, проф. (Казань).
Бобинъ, Владиміръ Павловичъ. (Харьковъ).
Богаевскій, Авксентій Трифоновичъ. (Екатеринославъ).
Болсуновскій, Карлъ Васильевичъ. (Кіевъ).
Бродницкій, Сергѣй Альбертовичъ. (Екатеринославъ).
Бугославскій, Григорій Кирилловичъ. (Архангельскъ).
Бузескуль Владиславъ Петровичъ, проф., деп. (Харьковъ).
Бузескуль, Екатерина Гавриловна. (Харьковъ).
Бурцевъ, Дмитрій Васильевичъ. (С. Томановка, Екат. г.).
Бѣдновъ, Василій Алексѣевичъ, деп. (Екатеринославъ).
Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ, деп. (Москва).
Бѣляшевскій, Николай Ѳеодотовичъ. (Кіевъ).

- Вавиловъ, Николай Филипповичъ. (Екатеринославъ).
Ваньковичъ, Ефимъ Осиповичъ. (Екатеринославъ).
Василенко, Марія Васильевна.
Вержибицкій, Аркадій Іоилевичъ.
Вертоградовъ, Иванъ Федоровичъ, деп. (Екатеринославъ).
Веселовскій, Николай Ивановичъ, проф., деп. (Петербургъ).
Вивульскій, Борисъ Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Видетедтъ, Александръ Борисовичъ. (Екатеринославъ).
Видетедтъ, Валентинъ Александровичъ. (Екатеринославъ).
Витте-де, Елизавета Ивановна. (Кременецъ, Волынск. г.).
Волжинъ, Валентинъ Алексѣевичъ. (Екатеринославъ).
Ворожейкинъ, Николай Юрьевичъ. (Екатеринославъ).
Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ.
Вунчъ, Мик. Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Гаркушевскій. (С. Тошильна, Екат. г.)
Гегело, Василій Петровичъ. (Екатеринославъ).
Гезе, Петръ Генриховичъ. (Екатеринославъ).
Гилковъ, Николай Емельяновичъ. (Екатеринославъ).
Гіацинтъ, Василій Ивановичъ. (Маріуполь).
Гладкій, Дементій Васильевичъ.
Гололобова, Марія Семеновна. (Екатеринославъ).
Гололобовъ, Яковъ Георгіевичъ. (Екатеринославъ).
Голубцовъ, Алексѣй Петровичъ, проф., деп. (Сергіевъ посадъ, Моск. г.)
Горленко, Василій Петровичъ.
Городцевъ, Василій Алексѣевичъ, деп. (Ярославль).
Готье, Юрій Владиміровичъ, пр.-доц., деп. (Москва).
Гудковъ, Василій Михайловичъ.
Гурляндъ, Яковъ Іоновичъ.
Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, пр.-доц., деп. (Харьковъ).
Даниловъ, Владиміръ Валерьяновичъ. (Екатеринославъ).
Дегтяревъ, Георгій Александровичъ. (Горловка, Бахмут. у.).
Демченко, Дмитрій Григорьевичъ.
Державинъ, Николай Севастьяновичъ, деп. (Тифлисъ).
Десницкая, Вѣра Николаевна. (Москва).
Діаковскій, Евфимій Петровичъ. (Кіевъ).
Джигитъ, Іосифъ Давидовичъ. (Екатеринославъ).
Дмитріевъ, Николай Андреевичъ. (Полтава).
Добровольскій, Петръ Михайловичъ, деп. (Черниговъ).
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, проф., деп. (Кіевъ).
Донцовъ, Григорій Бенедиктовичъ, деп.
Дѣдииковъ, Теофанъ Павловичъ. (Екатеринославъ).
Евсеевъ, Иванъ Евсеевичъ, деп. (Орель).

- Ефановъ, Николай Константиновичъ. (Екатеринославъ).
Евтушевскій, Сергѣй Ивановичъ, деп. (Екатеринославъ).
Ефименко, Александра Яковлевна. (Харьковъ).
Ефановъ, Василій Васильевичъ. (Екатеринославъ).
Жебуневъ, Леонидъ Николаевичъ. (Полтава).
Жирандо, Михаилъ Львовичъ. (Екатеринославъ).
Жукъ, Борисъ Косьяновичъ. (Переяславль, Полт. г.).
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ. (Москва).
Заваднискій, Оома Викторовичъ. (Бѣл. Церк., Кіевск г.).
Завитневичъ, Александра Алексѣевна. (Кіевъ).
Завитневичъ, Владиміръ Зиооновичъ, проф. (Кіевъ).
Запольскій, Петръ Викторовичъ. (Екатеринославъ).
Заусайловъ, Михаилъ Алексѣевичъ. (Екатеринославъ).
Звѣревъ, Степанъ Георгіевичъ, свящ., деп. (Воронежъ).
Златоверховниковъ, Николай Ивановичъ. (Курскъ).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ. (Одесса).
Иванчинъ-Писаревъ, Александръ Александровичъ. (Екатеринославъ).
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ, проф. (Кіевъ).
Иностранцевъ, Константинъ Алексѣевичъ. (С.-Петербургъ).
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, проф., деп. (Москва).
Кабылинъ, Александръ Николаевичъ. (Курскъ).
Кадлубовскій, Арсеній Петровичъ, пр.-доц., деп. (Харьковъ).
Калобановская, Евгенія Константиновна. (Екатеринославъ).
Калобановскій, Константинъ Тихоновичъ. (Екатеринославъ).
Каланчевская, Варвара Васильевна. (Кременчугъ).
Каланчевскій, Алексѣй Михайловичъ. (Кременчугъ).
Каманинъ, Иванъ Михайловичъ, проф., деп. (Кіевъ).
Каменскій, Илья Владиміровичъ, деп. (Одесса).
Каменьковичъ, Саломонъ Борисовичъ. (Веселые Терны, Екат. г.).
Козловская, Марья Николаевна. (Екатеринославъ).
Козловскій, Павелъ Степановичъ. (Екатеринославъ).
Колачевскій, Владиміръ Михайловичъ.
Колли, Людвигъ Петровичъ. (Ѳеодосія).
Комарова, Любовь Болеславовичъ. (Одесса).
Комаровъ, Михаилъ Федоровичъ. (Одесса).
Комаровъ, Алексѣй Федоровичъ. (Купянскъ, Харьк. г.).
Комарова, Марья Васильевна. (Купянскъ, Харьк. г.).
Корвинъ-Круковскій, Генрихъ Осиповичъ. (Верхнеднѣпровскъ, Екатер. г.).
Корнилова. (Екатеринославъ).
Крамаренко, Иванъ Яковлевичъ. (Екатеринославъ).
Красильниковъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ, деп. (Москва).
Краснокутскій, Евлогій Константиновичъ, свящ. (Екатеринославъ).
Кубаловъ, Борисъ Георгіевичъ. (Екатеринославъ).

- Кудлинъ, Георгій Едуардовичъ. (Москва).
- Куличенко, Анатолій Федоровичъ. (Ст. Игрень, Екат. ж. д.).
- Левитскій, Николай Васильевичъ. (Елисаветградъ).
- Левитскій, Іаковъ Ильичъ, свящ. (Сумы, Харьк. г.).
- Левшинъ, Алексѣй Федоровичъ. (Ст. Синельник. Сев.).
- Линниченко, Іванъ Андреевичъ, проф. (Одесса).
- Липеровскій, Александръ Васильевичъ. (Полтава).
- Ловягинъ, Зиновій Сергѣевичъ. (Екатеринославъ).
- Локоть, Федоръ Васильевичъ.
- Лукомскій, Василій Николаевичъ. (Екатеринославъ).
- Луценко, Іванъ Митрофановичъ. (Одесса).
- Лучникъ, Митрофанъ Моисеевичъ. (Ст. Игрень, Екат. ж. д.).
- Любченко, Діомидъ Еліазаровичъ. (Екатеринославъ).
- Любченко, Алексѣй Еліазаровичъ. (Екатеринославъ).
- Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ, пр.-доц., деп. (Кіевъ).
- Магденко, Василій Петровичъ. (Новомосковскъ, Екат. г.).
- Маркевичъ, Арсеній Івановичъ, деп. (Симферополь).
- Мельниковъ, Алексѣй Трофимовичъ. (Екатеринославъ).
- Миклашевскій, Михаилъ Ильичъ, деп. (Екатеринославъ).
- Миллеръ, Дмитрій Петровичъ, деп. (Харьковъ).
- Мирошниченко, Леонъ Николаевичъ. (Екатеринославъ).
- Мирошниченко, Николай Николаевичъ. (Екатеринославъ).
- Мирошниченко, Яковъ Марковичъ. (Москва).
- Моисеевъ, Іванъ Алексѣевичъ. (Курскъ).
- Мордовскій, Михаилъ Феодосьевичъ. (Екатеринославъ).
- Муркосъ, Георгій Абрамовичъ. (Москва).
- Набиркинъ, Николай Алексѣевичъ. (Екатеринославъ).
- Назарова, Анна Федоровна. (С. Александровское, Славянск. у.).
- Незнамовъ, Петръ Алексѣевичъ, деп. (Оренбургъ).
- Нейте, Іванъ Івановичъ. (Екатеринославъ).
- Никифоровъ, о. Василій, протоіер. (Одесса).
- Никонова, Софья Васильевна. (Одесса).
- Новицкій, Яковъ Павловичъ. (г. Александровскъ).
- Оренбургская Ученая Архивная Комиссія.
- Орловская, Елизавета Александровна. (Екатеринославъ).
- Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ. (Москва).
- Остроградскій, Александръ Федоровичъ.
- Павловскій, Николай Николаевичъ. (Курскъ).
- Павлуцкая, Софья Афанасьевна. (Кіевъ).
- Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ, проф., деп. (Кіевъ).
- Павловъ, Алексѣй Петровичъ.
- Падалка, Левъ Васильевичъ, деп. (Полтава).
- Панфиловъ, Леонидъ Івановичъ. (Азовъ).

- Папафонасопуло, Сергѣй Ильичъ.
Перетць, Владиміръ Николаевичъ, пр.-доц. (Кіевъ).
Пичета, Владиміръ Ивановичъ, деп. (Екатеринославъ).
Покровскій, Николай Васильевичъ, проф., деп. (С.-Петербургъ).
Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ, деп. (Симбирскъ).
Поликарповъ, Іосифъ Панфиловичъ, деп. (Сл. Мартыновка, Обл. Войска Донск.).
Поповъ, Харитонъ Ивановичъ. (Новочеркасскъ).
Потелещенко, Евменій Петровичъ. (Анновка, Екат. уѣз.).
Потоцкій, Александръ Платоновичъ, деп. (Кобеляки, Полт. губ.).
Прусевичъ, Александръ Николаевичъ, деп. (Каменецъ-Подольскъ).
Пукаловъ, Теофанъ Ивановичъ. (Екатеринославъ).
Радченко, Петръ Тарасовичъ. (Ст. Эрастовка, Екатеринославской жел. дор.)
Раевскій, Александръ Сергѣевичъ, деп. (С.-Петербургъ).
Роговичъ, Николай Афанасьевичъ, проф. (Томскъ).
Рогожинъ, Владиміръ Николаевичъ, деп. (Москва).
Родзянко, Аполлонъ Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Родзянко, Михаилъ Владиміровичъ. (Екатеринославъ).
Рождественскій, Николай Викторовичъ, деп. (Москва).
Рубанистый, Николай Васильевичъ, свящ. (Екатеринославъ).
Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ, проф., деп. (Харьковъ).
Савва Владиміръ Ивановичъ, пр.-доц., деп. (Харьковъ).
Савеловъ, Леонтій Михайловичъ, деп. (Москва).
Самбурскій, Константинъ Ивановичъ. (С. Гужковка, Черниговской губ.)
Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, проф., деп. (Москва)
Саратовская Ученая Архивная Комиссія.
Сердюкъ, Евгений Наумовичъ. (Полтава).
Синявскій, Антонъ Степановичъ, деп. (Екатеринославъ).
Синявскій, Василій Исидоровичъ. (Дарьевка, Екатеринскаго уѣзда).
Скоробогатовъ, Дмитрій Степановичъ.
Скрыленко, Антонъ Антоновичъ. (Екатеринославъ).
Скубетовъ, Маркъ Ивановичъ. (Севастополь).
Сластіоновъ, Афанасій Георгіевичъ. (Миргородъ, Полтавской губ.)
Соколовъ, Петръ Андреевичъ.
Соколь, Иванъ Васильевичъ. (С. Гусарка, Алексинскаго уѣзда).
Сочинскій, Петръ Михайловичъ. (Новомосковскъ).
Станиславскій, Семенъ Моисеевичъ. (Екатеринославъ).
Степнюкъ, Михаилъ Ивановичъ. (Екатеринославъ).
Сумцовъ, Николай Федоровичъ, проф., деп. (Харьковъ).
Сучковъ, Сергѣй Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Сѣцинскій, Евсеій Іосифовичъ, свящ. (Каменецъ-Подольскъ).
Тарабринъ, Иванъ Мемноновичъ. (Москва, Ист. Музей).
Теличенко, Евсеій Васильевичъ. (Екатеринославъ).
Теличенко, Иванъ Васильевичъ. (Екатеринославъ).
Тимченко Владиміръ Ивановичъ. (Екатеринославъ).

- Тиховскій, Павелъ Ивановичъ. (Ст. Дергачи, К.-Х.-С. жел. дор.).
Толстиковъ, Александръ Яковлевичъ. (Екатеринославъ).
Трифилевъ, Евгенийъ Парменовичъ, пр.-доц., деп. (Харьковъ).
Трипольскій, Иванъ Константиновичъ. (Екатеринославъ).
Трусевичъ, Яковъ Ивановичъ. (С.-Петербургъ).
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ. (Москва).
Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ. (Кіевъ).
Тушканъ, Павелъ Федоровичъ. (Эрастовка, Ек. ж. д.).
Уварова, Графиня Прасковья Сергѣевна, деп. (Москва).
Уварова, Графиня Прасковья Алексѣевна, (Москва).
Уварова, Графиня Екатерина Алексѣевна, (Москва).
Унтиловъ, Василій Юсифовичъ. (Одесса).
Успенскій, Юрій Ивановичъ. (Екатеринославъ).
Фейерэizenъ, Арнольдъ Іоановичъ, проф. деп. (Дерптъ).
Фетисовъ, Петръ Павловичъ (Москва).
Филевскій, Павелъ Петровичъ. (Таганрогъ).
Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ, проф., деп. (Кіевъ).
Харламовъ, Василій Акимовичъ, деп. (Новочеркасскъ).
Харціевъ, Василій Ивановичъ. (Екатеринославъ).
Хвойко, Викторъ Вячеславовичъ. (Кіевъ).
Хвостовъ, Михаилъ Михайловичъ, пр.-доц. (Казань).
Цеткинъ, Александръ Юсифовичъ. (Екатеринославъ).
Цыганко, Петръ Михайловичъ. (Черниговъ).
Черкасовъ, Мануилъ Николаевичъ. (Екатеринославъ).
Черноиванъ, Иванъ Марковичъ. (С. Кошиловка, Екатеринословской губ.).
Шаховской, Михаилъ Васильевичъ. (Екатеринославъ).
Швидскій, Михаилъ Марковичъ. (С. Саксагань, Екатеринославской губ.).
Шелухинъ, Андрей Павловичъ, деп. (Черниговъ).
Шестаковъ, Сергѣй Петровичъ, деп. (Казань).
Штернъ-фонъ, Эрнстъ Романовичъ, проф., деп. (Одесса).
Щербаковскій, Вадимъ Михайловичъ. (Кіевъ).
Щербакъ, Семень Дмитріевичъ, деп. (Москва).
Щербатовъ, Князь Николай Сергѣевичъ, (Москва).
Щербинскій, Николай Филипповичъ. (Екатеринославъ).
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ. (Екатеринославъ).
Эзау, Иванъ Яковлевичъ. (Екатеринославъ).
Эпшъ, Давидъ Генриховичъ. (Екатеринославъ).
Юргенсъ, Софья Николаевна. (Екатеринославъ).
Юргенсъ, Юлія Христафоровна. (Екатеринославъ).
Яненко, Георгій Порфирьевичъ.
Ярыгинъ, Алексѣй Капитоновичъ. (Черниговъ).
Өирсовъ, Николай Николаевичъ, проф., деп. (Казань).
Өомичева, Вѣра Матвѣевна.

Открытие Съезда.

Открытие Съезда состоялось 15 августа, въ 2 часа дня въ залъ Потемкинскаго Дворца.

Передъ открытіемъ былъ отслуженъ Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Екатеринославскимъ Сумеюномъ молебенъ съ литіей по усюшимъ: Августѣйшемъ Почетномъ Предсѣдателѣ Съезда, Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Сергѣи Александровичѣ и графѣ Ѳ. Э. Келлерѣ, А. И. Маркевичѣ, Н. Е. Бранденбургѣ, А. И. Кирпичниковѣ и В. И. Сизовѣ; послѣ чего Преосвященный обратился къ Членамъ съ прочувственнымъ словомъ.

Присутствовали: г. Губернаторъ А. Б. Нейгардтъ, попечитель Одесскаго учебнаго округа, Х. П. Сольскій, губернской предводитель дворянства, М. И. Миклашевскій, предсѣдатель губернской земской управы М. В. Родзянко, попечитель Харьковскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко, городской голова А. Я. Толстиковъ, прибывшіе депутаты и члены Съезда и посторонняя публика. По объявленіи Попечителемъ учебнаго округа Съезда открытымъ, г. **Губернаторъ** произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Съездъ открытъ. Екатеринославская губернія польщена тѣмъ, что жребій выпалъ на нее. Дорогимъ гостямъ—добро пожаловать. Труды Съезда въ настоящее, переживаемое нами, историческое время несомнѣнно явятся особо почтенными въ глазахъ потомства. Русскій человѣкъ, захваченный клокочущимъ настоящимъ, все же нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы заняться научными дѣлами, чтобы поднять завѣсу старины глубокой. Это ли не доказательство бодрости духа русскаго человѣка, это ли не яркое доказательство серьезнаго, степеннаго, уравновѣшеннаго отношенія къ общественности, это ли не яркая надежда на свѣтлое будущее дорогой родины“.

Губернскій предводитель дворянства, **М. И. Миклашевскій** привѣтствовалъ затѣмъ Съездъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Отъ лица предводимаго мною дворянства и по уполномочію Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи, какъ ея Предсѣдатель, я счастливъ привѣтствовать въ стѣнахъ этого, ввѣреннаго моимъ попеченіямъ и полнаго историческими воспоминаніями Потемкина дворца собравшихся сегодня представителей университетовъ, ученыхъ Обществъ и учреждений и всѣхъ почтившихъ настоящее торжество дѣятелей науки и просвѣщенія. Вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ на меня возложена пріятная обязанность высказать наши горячія пожеланія наилучшихъ успѣховъ въ предстоя-

щихъ занятіяхъ Вашихъ въ качествѣ членовъ XIII Археологическаго Съѣзда. Впрочемъ, въ блестящемъ успѣхѣ этихъ занятій подѣ руководствомъ громко извѣстной всему образованному міру, рѣдко просвѣщенной, высокодаровитой и опытной Предсѣдательницы Съѣзда, графини Прасковіи Сергѣевны, никто не сомнѣвается.

Въ третій разъ Археологическій Съѣздъ собирается въ предѣлахъ Украины, столь богатой историческими воспоминаніями: онъ засѣдалъ въ стольномъ Кіевѣ, затѣмъ собирался въ другой украинской столицѣ—Харьковѣ и, наконецъ, нынѣ онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ Екатеринославъ, ближайшій пунктъ къ развалинамъ и остаткамъ историческаго Запорожья. Но не одними только воспоминаніями о Запорожьѣ богата наша губернія: въ ней хранятся еще и другіе цѣнные остатки сѣдой старины, ибо она долго была ареною и зрителемъ разнообразнаго историческаго прошлаго.

Видѣла она когда-то на своихъ необъятныхъ широкихъ степяхъ и скиѳовъ, и печенѣговъ, и половцевъ и др. Нашъ Екатеринославскій уѣздъ, какъ извѣстно, является центромъ территоріи царскихъ скиѳовъ. Его курганы Александропольскій, Чертомлыкскій, Луговая Могила и др. дали замѣчательнѣйшіе образцы скиѳской культуры, украсившіе Эрмитажъ.

Видѣла наша губернія на гребняхъ волнъ своей могучей рѣки ладьи Святослава, плывшаго съ храброй дружиной въ Византію, чтобы прибить свой щитъ къ вратамъ Царьграда; видѣла она первыя струи той воды, чрезъ которую древняя Кіевская Русь пріяла святое крещеніе, основавъ потомъ единую, великую и недѣлимую Россію; видѣла она наконецъ на тѣхъ же своихъ степяхъ славныхъ товарищей Сѣчи Запорожеской, тѣхъ крѣпкихъ духомъ и тѣломъ чубатыхъ рыцарей, которые до конца своихъ дней служили нерушимымъ оплотомъ православія и грозой враговъ родной земли.

Уже много усилій прилагалось учеными изслѣдователями для выясненія оставленнаго намъ исчезнувшими народностями не совѣмъ еще отгаданнаго завѣщанія въ видѣ любопытныхъ памятниковъ своего существованія, но намъ много остается еще невыясненнаго. Между тѣмъ послѣдніе свидѣтели далекаго прошлаго, курганы и могильники, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распаиваются и содержимое расхищается кладонскателями. Каменные бабы, центромъ находокъ которыхъ до послѣдняго времени была Екатеринославская губернія, давно уже снесены съ кургановъ, на которыхъ онѣ стояли. Значительное большинство этихъ загадочныхъ, единственныхъ въ мірѣ памятниковъ, разбито, приспособлено для хозяйственныхъ нуждъ и уничтожено для науки.

Но есть еще памятники, которые пока пощадила рука времени; они ждуть терпѣливо изслѣдователей, которые сумѣютъ прочесть по нимъ таинственную книгу о житьѣ-бытьѣ тѣхъ, кто когда-то существовалъ, мыслить, изобрѣтать и подготовлялъ культурную жизнь для насъ, живущихъ теперь на тѣхъ угодьяхъ, каждая пядь которыхъ смочена кровью сошедшихъ въ могилу народовъ-богатырей.

Если нашъ край представляетъ несомнѣнный научный интересъ въ археологическомъ отношеніи, то онъ является не менѣе интересною обширною ареною для

научныхъ работъ въ области этнографіи и быта. Тутъ малороссы—потомки запорожцевъ, болгары, греки, нѣмцы, сербы, волохи, великороссы и др., хотя близко между собою соприкасаются, но живутъ каждый особымъ укладомъ, своеобразно эволюционируютъ и ассимилируются съ сосѣдями.

На основаніи такихъ данныхъ мы не могли не привѣтствовать постановленіе предыдущаго Съѣзда, избравшаго мѣстомъ слѣдующаго Съѣзда городъ Екатеринославъ съ сопредѣльною ему областью—Южнымъ Приднѣпровьемъ.

Твердо убѣжденные въ пользу Археологическихъ Съѣздовъ, благодаря которымъ созданъ у насъ извѣстный центръ, вокругъ котораго группируются изслѣдователи прошлыхъ вѣковъ и поддерживается общественный интересъ къ отечественной старинѣ, мы радостно встрѣчаемъ дорогихъ гостей!

Затѣмъ Предсѣдатель губернской земской Управы **М. В. Родзянко** привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующую рѣчью:

„Насталъ наконецъ и для нашего края радостный и знаменательный день, въ который сонмъ беззавѣтно преданныхъ наукъ авторитетныхъ и высокочтимыхъ дѣятелей собрался здѣсь для совмѣстныхъ научныхъ трудовъ, направленныхъ къ освѣщенію и изученію святой сѣдой старины съ ея преданіями и завѣтами. И въ жизни каждаго уголка нашего обширнаго отечества такой первостепенной важности событіе не можетъ не обозначать определенной эпохи въ ея мѣстной лѣтописи, не можетъ не опредѣлить извѣстный поворотъ въ ея бытіи, не можетъ не положить извѣстную яркую грань между прошлымъ и будущимъ.

Богатый историческими памятниками, видѣвшій жизнь и движеніе многихъ народовъ и племенъ, край нашъ тѣмъ не менѣе находился долгое время въ томъ періодѣ малаго изученія и недостаточной извѣстности, въ которомъ общественная мысль дремлетъ, и вяло реагируетъ общественная жизнь, не зная своего прошлаго съ его точно опредѣленнымъ бытомъ, съ его традиціями и укладомъ жизни, а потому и не имѣя того живительнаго источника, изъ котораго она могла-бы черпать вдохновенія для своей мѣстной творческой работы.

Но мало-по-малу дремлющія наши степи стали оживляться. Неутомимые и пытливые археологи, не менѣе настойчивые въ трудахъ своихъ, безпристрастные и точные историки и изслѣдователи все болѣе и болѣе стали открывать намъ сокровища былого, все болѣе и болѣе разворачивали они предъ нами картину нашего славнаго прошлаго и, наконецъ, сегодняшній высокочтимый съѣздъ является уже доказательствомъ необходимости сообща разобраться въ обильномъ собранномъ матеріалѣ и, установивъ правильныя методы дальнѣйшей работы, вывести нашъ край изъ юношескихъ лѣтъ въ зрѣлые историческіе годы. Значеніе этого факта для насъ громадно.

Вы, дорогіе наши гости, умудренные научнымъ опытомъ и твердые духомъ въ научныхъ трудахъ, одернете наконецъ окончательную таинственную завѣсу, отблѣняющую насъ отъ далекихъ былыхъ дней и прольете яркій свѣтъ въ туманную даль прошлаго, устанавливая опредѣленно факты тамъ, гдѣ были до сего времени предположенія.

И никогда еще, быть может, не ощущалась въ такой степени потребность и важность этихъ трудовъ, какъ именно теперь, въ тотъ историческій моментъ, когда волею нашего Державнаго Вождя знаменательнымъ актомъ 6-го августа русскій народъ призванъ къ новой творческой работѣ въ обширной области отечественнаго законодательства. Не мнѣ, конечно, доказывать почтенному собранію, какъ важно согласовать условія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ съ тѣмъ міропониманіемъ, которое выработано вѣками историческаго ея развитія, какъ важно согласовать и развивать грядущія правоотношенія съ требованіями постоянно развивающагося и совершенствующагося уклада народной жизни. Позволяю лишь себѣ думать, что близкое будущее потребуетъ отъ русскаго общества той мощной энергіи и того гражданскаго мужества для спокойнаго своего развитія, которое было отличительной чертой нашихъ ближайшихъ предковъ—славныхъ запорожцевъ, быть которыхъ Вамъ, дорогіе гости, суждено освѣтить и точно установить.

Горячо привѣтствуя Васъ отъ имени всей Екатеринославской земли, я позволю себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы результаты предстоящихъ Вамъ трудовъ удовлетворили вполне Вашу научную пылкость, чтобы время, проведенное Вами здѣсь, въ центрѣ нашихъ степей, осталось для Васъ возможно свѣтлымъ воспоминаніемъ, и чтобы Вы увезли отсюда твердое убѣжденіе въ искреннемъ сочувствіи и глубококомъ уваженіи къ Вамъ и Вашимъ почтеннымъ трудамъ всего мыслящаго населенія Екатеринославной губерніи, мы же, мѣстные рядовые работники, зачитываясь Вашими трудами, черпали въ нихъ новыя силы, новыя способы и новыя знанія для посильной работы на пользу и просвѣщеніе горячо любимой родины.

Низко Вамъ кланяюсь“.

Городской голова, **А. Я. Толстиковъ** слѣдующими словами привѣтствовали Съѣздъ: „Искренно привѣтствую отъ имени Екатеринославскаго Общественнаго Управленія XIII Археологическій Съѣздъ. Для города Екатеринослава, который въ научномъ отношеніи еще такъ молодъ Съѣздъ несомнѣнно дастъ толчекъ для изученія края, который богатъ историческими фактами; особенный научный интересъ имѣеть вопросъ о Запорожьѣ. Екатеринославская Дума съ большимъ интересомъ отнеслась къ Съѣзду, и я отъ ея имени выражаю признательность за то, что мѣстомъ для настоящаго Съѣзда избранъ городъ Екатеринославъ. Я не буду касаться важнаго значенія трудовъ Съѣзда; они несомнѣнно будутъ оцѣнены впоследствии; желаю Съѣзду полнаго успѣха въ его занятіяхъ“.

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, **М. М. Алекѣенко** произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мои сотоварищи, представители города Екатеринослава, на XIII Археологическомъ Съѣздѣ возложили на меня лестное порученіе привѣтствовать членомъ Съѣзда.“

Мое сердце—сердце екатеринославца—радостно бьется при мысли о томъ, что съ именемъ родного города связывается открывающаяся сегодня новая страница въ исторіи развитія русской археологіи. Я вѣрю, что труды Съѣзда оставятъ въ мѣстной жизни замѣтные и благотворные слѣды, ознакомивъ общество и учащуюся молодежь

воочию съ археологіей, ея задачами, ея средствами и способами изученія. Археологія возсоздаетъ прошлый бытъ народа съ его жизненною обстановкою и мелочами обихода. Она выпукло выяняетъ, осмысливая обломки прошлаго чередованія стадій развитія, чрезъ которыя проходило историческое и доисторическое человѣчество.

Екатеринославъ—молодой городъ. Онъ только недавно вошелъ во второе столѣтіе своего существованія. Его разсвѣтъ относится къ послѣдному двадцатипятилѣтію, когда онъ сталъ большимъ городомъ. Окружающія его естественныя богатства подпали дѣйствию промышленной энергіи и технического искусства. Это было дѣломъ совокупной дружной работы, въ которой принимали участіе различные элементы: и туземцы, и пришлые, и русскіе, и иностранцы, люди различныхъ націй, различныхъ вѣрованій, различныхъ складовъ. Предъ Вами городъ молодой, недавно выросшій, съ разнообразнымъ населеніемъ, работающимъ для его процвѣтанія. Молодости свойственны воспріимчивость, отзывчивость, способность итти навстрѣчу новымъ мыслямъ и новымъ запросамъ. Познакомившись изъ работъ Съѣзда съ вопросами археологіи, съ ея значеніемъ для исторіи страны, съ ея задачей осмыслить и воскресить прошлую жизнь, екатеринославцы могутъ, проникнутые добрымъ желаніемъ, содѣйствовать успѣхамъ археологіи и словомъ и дѣломъ. Екатеринославъ съ окружающими его уѣздами стоитъ на исторической почвѣ, на которой разыгрывались многіе важные эпизоды исторіи писанной и неписанной. Для неписанной исторіи мѣстныя археологическія изслѣдованія могутъ дать многое.

XIII Археологическій Съѣздъ открывается при особыхъ обстоятельствахъ: не много дней отдѣляетъ насъ отъ историческаго дня—6-го августа, когда былъ возвѣщенъ законодательный актъ высокаго общественнаго значенія. Этотъ актъ открываетъ широкія перспективы для самостоятельной работы общественныхъ силъ и призываетъ къ свободному изслѣдованію и русской дѣйствительности, и русской старины. Мы твердо вѣримъ, что, войдя въ полосу научнаго подъема, Съѣздъ принесетъ самыя плодотворныя послѣдствія.

Представители города Екатеринослава горячо привѣтствуютъ членовъ XIII Археологическаго Съѣзда“.

Затѣмъ профессоръ Екатеринославскаго Горнаго Училища, **В. В. Куриловъ**, преподнося Сборникъ изданный Екатеринославскимъ Научнымъ Обществомъ привѣтствовалъ членовъ Съѣзда слѣдующими словами:

„Позвольте мнѣ, какъ Предѣдателю Екатеринославскаго Научнаго Общества, привѣтствовать отъ лица членовъ Научнаго Общества Гг. членовъ Съѣзда и поклониться имъ посильнымъ приношеніемъ.

Предлагаемый нынѣ „Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края“ представляетъ первую попытку къ выполненію одной изъ задачъ дѣятельности Общества и служить привѣтственнымъ даромъ Общества XIII Всероссійскому Археологическому Съѣзду, избравшему г. Екатеринославъ мѣстомъ для своего собранія.

Среди задачъ Научнаго Общества поставлено изученіе мѣстнаго края. Эта задача указывалась уже при самомъ открытіи дѣятельности Общества, и мѣстные интересы

проходятъ красною нитью во всѣхъ практическихъ предпріятіяхъ Общества, къ каковымъ относится прежде всего и организація въ г. Екатеринославѣ Областного Музея. На этой почвѣ мѣстныхъ интересовъ создавалась ближайшая связь между Научнымъ Обществомъ и мѣстными органами самоуправления.

Въ 1905 году предположенъ былъ въ г. Екатеринославѣ XIII Всероссийскій Археологическій Съездъ. Предварительный Комитетъ Съезда занялся разработкой научнаго матеріала, касающагося археологій, исторій и этнографіи мѣстнаго края. Екатеринославское Научное Общество не задается преслѣдованіемъ специально научныхъ задачъ и этимъ отличается отъ ученыхъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, Обществъ. Оно преслѣдуетъ скорѣе задачи популяризаціи научныхъ знаній, чѣмъ самое развитіе науки, и лишь посильно освѣщаетъ съ научной стороны мѣстныя пользы и нужды. Что касается исторій и археологій, то число специалистовъ-работниковъ, которыхъ оно могло дать, оно выдѣлило въ Предварительный Комитетъ, а потому Научное Общество поставлено было въ необходимость не посылать делегатовъ на Съездъ.

Тѣмъ не менѣе, для Научнаго Общества созваніе въ г. Екатеринославѣ Археологическаго Съезда представляетъ актъ глубокой важности. Мы не можемъ отнестись къ созыву Съезда безучастно и должны быть, тѣмъ или инымъ путемъ, полезными Съезду въ достиженіи намѣченныхъ имъ задачъ.

Одной изъ задачъ Археологическихъ Съездовъ является возбужденіе интереса къ наукѣ и систематическое изученіе исторій и археологій того края, въ районѣ котораго созывается Съездъ. Екатеринославское Научное Общество могло содѣйствовать цѣлямъ Съезда изданіемъ ко времени его открытія сборника статей по изученію мѣстнаго края, заключающаго въ себѣ изложеніе уже установленнаго наукою матеріала, служащаго для характеристики края съ точки зрѣнія естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ. Всякое практическое дѣло только въ томъ случаѣ достигаетъ успѣха, если оно проникнуто единой идеей, согрѣто единымъ чувствомъ и посильно для выполненія. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяетъ изданіе „Сборника“; оно вполне отвѣчаетъ идеѣ Научнаго Общества научно освѣщать мѣстныя пользы и нужды, согрѣто оно чувствомъ любви къ родинѣ и, какъ работа компилятивная, исполнима для членовъ Научнаго Общества.

Въ виду близости Археологическаго Съезда редація старалась выдвинуть историческій отдѣлъ, печатаніе котораго начато было въ началѣ 1904 года, этнографическій отдѣлъ также своевременно былъ законченъ, но, къ сожалѣнію, въ виду запозданія типографскихъ работъ до іюля и отъѣзда въ іюлѣ мѣсяцѣ за-границу редактора А. Н. Краснова, этотъ отдѣлъ по необходимости пришлось отложить печатаніемъ, и онъ можетъ войти лишь въ содержаніе слѣдующаго „Сборника“. Естественно-историческій отдѣлъ оказался подобно историческому отдѣлу представленнымъ также цѣлымъ рядомъ статей. Что касается отдѣла экономическаго и отдѣла мѣстнаго, то въ настоящемъ „Сборникѣ“ и этимъ отдѣламъ уже положено начало съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшихъ изданіяхъ дать имъ надлежащее развитіе. Представляя настоящій „Сборникъ“ въ качествѣ посильнаго дара XIII Всероссийскому Археологическому Съезду, редація глубоко сознаетъ недостатки своего перваго опыта и надѣется лишь

въ будущемъ пополнить и систематизировать матеріалы по изученію края. Цѣль изданія будетъ достигнута, если оно возбудитъ интересъ къ задачамъ мѣстныхъ, подобныхъ Екатеринославскому, Научныхъ Обществъ, и вызоветъ новыхъ сотрудниковъ къ работѣ во имя научнаго освѣщенія мѣстныхъ пользы и нужды“.

Отъ лица Полтавской Ученой Архивной Комиссіи Съѣздъ привѣтствовалъ Предсѣдатель комиссіи Г.-Л. А. П. Потоцкій.

Послѣ этихъ привѣтственныхъ рѣчей, на кафедру взошла **гр. П. С. Уварова**, Предсѣдатель Предварительнаго Комитета и изложила въ слѣдующихъ словахъ отчетъ дѣятельности Предварительныхъ Комитетовъ:

„27-го авг. 1902 г. состоялось закрытіе XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, передъ закрытіемъ котораго была разсмотрѣны приглашенія Г-на Екатеринославскаго Губернатора Гр. Ѳ. Э. Келлера—за упокоеніе души котораго мы только-что молились, Губернскаго Предвод. Дворянства, Предсѣдателей Земскихъ Управъ и Городскаго Головы Екатеринослава назначить слѣдующій XIII Съѣздъ въ гор. Екатеринославѣ. Приглашенія были такія теплыя, дружелюбныя и настойчивыя, что Совѣтъ Съѣзда, разсчитывая на то, что приглашенія подобнаго рода исходятъ отъ *общаго* къ Съѣзду сочувствія, согласился принять приглашенія—и на этомъ основаніи Съѣздъ считаетъ себя нынѣ гостемъ гор. Екатеринослава и сегодня открываетъ свои дѣйствія и засѣданія. Но открывая Съѣздъ, мы должны отъ имени Предвар. Комитета ознакомить членовъ Съѣзда съ тѣмъ, что дѣлалось въ нашемъ мѣрѣ за послѣдніе три года и какія мѣры принимались для исполненія постановленій Харьковскаго Съѣзда, для продолженія работъ, не законченныхъ этимъ предыдущимъ Съѣздомъ, равно какъ и для подготовленія нынѣ открываемаго XIII Съѣзда.

Въ наслѣдіе отъ Харьковскаго Съѣзда намъ остались: а) представленіе Г-ну Министру Внутр. Дѣлъ о желательной защитѣ и покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ, б) ходатайство объ утвержденіи Членовъ Общества Любителей Изученія Полтавской губ., в) ходатайство объ ускореніи Архивной организаціи и г) ходатайство объ изданіи закона, запрещающаго вывозъ древностей изъ предѣловъ Россіи.

Первое изъ этихъ ходатайствъ нашло весьма сердечный откликъ предъ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Вячес. Конст. Плеве: онъ съ обыкновенною своею отзывчивостью рѣшилъ за несчастными слѣпцами право свободно заниматься своимъ ремесломъ, но просилъ Моск. Археол. Общество сообщить ему болѣе точныя свѣдѣнія и по возможности имена кобзарей и лирниковъ съ указаніемъ мѣсть ихъ жительства. Моск. Археол. Общество, получивъ это требованіе Министра, обратилось съ своей стороны къ тѣмъ Обществамъ (Импер. Рус. Геогр. Общество, Общество Нестора Лѣтописца, Этногр. Отд. Моск. Общ. Любит. Естеств., Архивныя, Полтавскую и Черниговскую Ком.) и частнымъ знатокамъ края (А. Н. Малинка, С. Р. Романовъ, В. П. Науменко, М. Н. Сперанскій, В. В. Горленко, Н. Р. Лисенко, П. Д. Гринченко и А. А. Руссову), которые заинтересованы вопросомъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Общества получена обстоятельная статья Н. Ѳ. Сумцова и епископъ кобзарей и лирниковъ отъ А. Н. Малинка, матеріалъ который и былъ доставленъ Министру.

По второму вопросу былъ полученъ отрицательный отвѣтъ.

Вопросъ о переорганизациі Архивовъ обсуждался и обсуждается на всѣ возможные лады, но пока дѣло отъ этого не подвигается.

Что же касается до 4-го ходатайства, т.-е. о выработкѣ закона, запрещающаго вывозъ древностей изъ Россіи, то въ виду серьезности вопроса — онъ пока не поднимался Моск. Археол. Обществомъ.

Харьковскій Съѣздъ закрылся 27 авг., а уже 13-го сент. того-же 1902 года Моск. Археол. Общество, сообщая Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о закрытіи Съѣзда, и объ избраніи для будущаго Съѣзда гор. Екатеринослава, ходатайствовало, чтобы ему было разрѣшено собрать Предвар. Комитетъ по обсужденію программы этого Съѣзда 4-го янв. 1903 г.

Тогда же, не прерывая дружелюбныя отношенія и связи, все крѣпче связывающія Ученныя Учрежденія, Общества, и отдѣльныя личности со времени послѣднихъ Съѣздовъ, созыаемыхъ съ одною общею цѣлью обследовать нашу южную Украину, Моск. Археол. Общество, указывая на ту преемственную связь, которая должна существовать между Екатеринославскимъ Съѣздомъ и его предшественниками, обратилось съ просьбю во всѣ Университеты, Ученныя Общества, Статист. Комитеты и Архивныя Комиссіи нашего Юга съ просьбою не прерывать разъ начатаго дѣла археологическаго изученія окружающей мѣстности и продолжать намѣченныя работы ради общихъ задачъ русской науки и Екатеринославскаго Съѣзда въ частности.

Получивъ же разрѣшеніе на созывъ Предвар. Комитета, Моск. Арх. Общество обратилось къ Ученымъ Учрежденіямъ Екатеринослава съ просьбою приложить особое вниманіе къ собранію матеріаловъ по исторіи и археологіи края и привлеченію къ изслѣдованіямъ и изученію края всѣхъ, могущихъ поработать въ этомъ направленіи.

Предварительный Комитетъ собирался въ Москвѣ съ 4 по 7 января 1903 г., установилъ правила Съѣзда, выработалъ будущую программу занятій и далъ общее направленіе и указанія тѣмъ работамъ, которыя призваны желательными въ виду продолженія уже начатыхъ изслѣдованій и тѣхъ розысканій, необходимость которыхъ вызывается мѣстностью будущаго Съѣзда.

Во время засѣданій Комитета была получена телеграмма отъ Севастопольскаго Городскаго Головы Максимова, приглашающаго будущій Съѣздъ посвятить нѣсколько дней на экскурсію въ Севастополь и Херсонесъ, что тогда же рѣшено поставить на очередь во время Екатеринославскаго Съѣзда.

Собравшіеся въ Москвѣ Члены были любезно приняты нынѣ усопшимъ Августѣйшимъ Хозяиномъ Москвы, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и тогда получили обѣщаніе Его Высочества принять, по примѣру прежнихъ Съѣздовъ, Почетное Предсѣдательство какъ Предварительнаго Комитета, такъ и самого Съѣзда.

Исполняя предначертанія Предварительнаго Комитета и разрабатывая ихъ въ подробности, Императорское Московское Археологическое Общество:

1. Обратило старанье, чтобы Комитеты, работавшіе для Харьк. Съѣзда, продол-

жали свое дѣло и для Екатеринославскаго. Съ этою цѣлью были не разъ приняты мною поѣздки въ Кіевъ, Одессу, Харьковъ, Екатеринославъ и Севастополь.

2. Доставило Екатериносл. Отдѣленію Комитета программы по собиранію свѣдѣній по археологій, историческимъ памятникамъ, церковнымъ древностямъ, каменнымъ бабамъ и этнографіи. Эта послѣдняя была переработана специально для Екатеринослава Этногр. Отдѣленіемъ Моск. Общ. Любителей Эстествозн., Антроп. и Этнографіи.

3. Доставлено Проф. Курильову изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества по вопросу объ химическихъ анализахъ древнихъ бронзъ и разные образцы бронзъ для изслѣдованій, которые онъ предполагалъ предпринять для Съезда.

4. Получено согласіе проф. Харьк. Университета А. Е. Краснова заняться обработкой для Съезда всего этнографическаго матеріала, который ему будетъ доставленъ мѣстнымъ Екатеринославскимъ Комитетомъ.

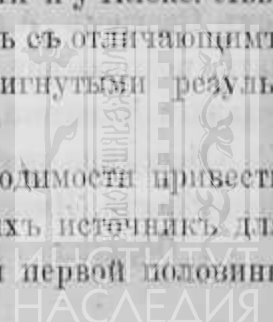
5. Обратилось къ земледѣльцамъ какъ Екатеринославской, такъ и Таврической и Херсонской губ. съ просьбою о разрѣшеніи производить раскопки на ихъ земляхъ, на что Д. П. Эварницкому оказано самое широкое гостепрѣимство и помощь, о чемъ будетъ рѣчь въ Отчетѣ Екатеринославскаго Комитета.

6. Приложено стараніе добыть возможные свѣдѣнія о слѣдахъ разработки въ древнія времена мѣстныхъ рудниковъ. По этому вопросу имѣлись совѣщанія съ Серг. Ник. Сучковымъ, директоромъ Екатер. Горнаго Училища, и по его указанію входили въ сношеніе съ Горнымъ Управленіемъ Южной Россіи, съ Горн. Управл. Юго-Вост. Округа, съ мѣстными горно-промышленниками, но удовлетворительный отвѣтъ, т. е. указанія на присутствіе древней разработки получены только отъ Комис. „Рудное Дѣло“ Ауэрбаха, которая сообщаетъ о слѣдахъ подземныхъ галлерей глубокой древности, въ которыхъ найдены каменные молоты, служившіе для отбойки породъ.

7. Предпринять Библиографическій указатель по археологій нашего Юга. Вызвались сотрудники, нашелся редакторъ въ лицѣ Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, но несмотря на то, что въ Кіевѣ, по инициативѣ В. Б. Антоновича давно существуетъ кружокъ лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ, работа не двинулась и даже, какъ кажется, у редактора нѣтъ матеріала кромѣ того, который ему по обѣщанію былъ доставленъ Предсѣдателемъ Моск. Археол. Общества.

8. Было предложено Веніам. Алекс. Кордту заняться разборомъ, изученіемъ и по возможности изданіемъ того картографическаго матеріала по Югу Россіи и береговъ Черноморья, который хранится какъ въ нашихъ Правительственныхъ древнехранилищахъ, такъ и въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древности и у Алекс. Льв. Бертъе-Делагардъ въ Ялтѣ. Вен. Алек. Кордтъ занялся вопросомъ съ отличающимъ его знаніемъ и любовью и обѣщаетъ ознакомить Съездъ съ достигнутыми результатами.

9. По вопросу, возбужденному В. Н. Сторожевымъ, о необходимости привести въ извѣстность и составить списокъ документовъ, представляющихъ источникъ для изученія крѣпостнаго помѣщичьяго хозяйства въ Россіи XVIII и первой половины

XIX ст. были напечатаны особой брошюрой статьи автора, разосланы въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ Предвод. Дворянства и Архивнымъ Комиссіямъ и частнымъ лицамъ, но до сихъ поръ въ отвѣтъ полученъ самый ничтожный матеріаль.

10. Разосланы запросы по всемъ тѣмъ губерніямъ, гдѣ имѣлись извѣстія о каменныхъ бабахъ, начиная съ Оренбургской губерніи и Сибири на востокъ, области Войска Донск., Курской и Минской губ. на сѣверъ, Царствомъ Польскимъ на западъ,—побережьемъ Чернаго Моря и Предгорьемъ Кавказа на югъ. Послано нѣсколько экскурсантовъ съ цѣлью фотографированья и зарисовки бабъ, полученъ матеріаль отъ Губернаторовъ, Исправниковъ и частныхъ владѣльцевъ, собранъ весьма цѣнный матеріаль, который будетъ демонстрированъ на Създѣ и дастъ поводъ къ докладамъ по вопросу, но нельзя не сознаться, что матеріаль этотъ еще не весь использованъ и необходимо продолжать эту работу и продолжать спѣшно и усердно, пока все уничтожающее наше время не совеъмъ обрушится на эти интересные памятники нашего далекаго прошлаго.

11. Продолжались съ Министерствомъ переговоры, переписки и пререканія по вопросу объ Архивной реформѣ.

12. По исполненію археологической программы были предприняты на средства и подъ руководствомъ Моск. Археол. Общества раскопки В. А. Городцевымъ, Е. П. Трефиловымъ и В. А. Харламовымъ въ восточной части Екатеринославской губ.; В. Г. Ляскоронскимъ по Ворсклѣ, Самарѣ и Орелѣ въ Полтавской, Курской и Екатеринославской губ.; С. А. Мазараки и В. В. Хвойко въ Полтавской; Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ въ Херсонской губ. По части всехъ этихъ раскопокъ имѣются доклады для Създа, а добытыя вещи составляютъ часть Выставки въ Музеѣ.

13. Собиранію свѣдѣній и фотографій съ памятниковъ церковной старины были посвящены экскурсіи проф. Г. Г. Павлуцкаго—въ Кіевскую и Волинскую губ., студентовъ братьевъ Щербаковскихъ въ Волинскую, Кіевскую и Харьковскую губ. и Филянскаго въ Полтавскую губ. Плодомъ предпринятыхъ изслѣдованій явится на Създѣ докладъ Филянскаго о деревянныхъ церквахъ Полтавщины и Вып. 1 Украинскихъ Древностей, издаваемыхъ Моск. Археол. Обществомъ, выпускъ вышедшій благодаря трудамъ и подъ редакціей Гр. Гр. Павлуцкаго, которому позволяю себѣ здѣсь публично принести выраженіе нашей глубокой благодарности.

14. Изученію быта посвящены экскурсіи преподавателя Тифл. Гимназіи Державина, обследовавшаго Болгарскія колоніи и сербина Гурчина—заинтересованнаго сербскими поселенцами Новороссіи. По этому вопросу Моск. Археол. Общество входило въ сношеніе съ Болгарскими учеными Скорпилемъ, Шифтелемъ и Папасчевымъ, которые обѣщаютъ Обществу свое сотрудничество.

15. Изслѣдовать Палеолитическія стоянки юга поручено специалисту преподавателю Александровскаго Землед. Института Криштафовичу, которому ежегодно отпускались денежные средства на поѣздки и который обѣщаль о добытыхъ имъ результатахъ дать отвѣтъ Създу.

16. Архивныя богатства края были изучены молодыми изслѣдователями: Пичета, Богумиль и Терновскимъ — по Екатеринославу, Паншинымъ — по Тульской губ.

и Фидровскимъ — по Подольской, губ. Отчеты и документы, ими добытые, были частью описаны и изданы въ извѣстіяхъ Екатериносл. Земства и въ трудахъ Екат. Архивн. Комиссіи и найдутъ себѣ, если понадобится, мѣсто и въ Трудахъ Екат. Съѣзда.

17. Въ виду ежегодно возрастающаго интереса къ раскопкамъ Херсониса, которымъ наконецъ дано болѣе подобающее развитіе, но памятники котораго еще почти не изслѣдованы, предпринято членами Моск. Арх. Общества, въ память совершившагося 50-лѣтія со дня первыхъ раскопокъ въ Херсонисѣ Гр. А. С. Уваровымъ, *Изданіе древностей Херсониса*, первый выпускъ которыхъ, къ сожалѣнію, не удалось представить г-мъ членамъ нынѣшняго Съѣзда, несмотря на то, что изученію этихъ древностей, ихъ описанію и изданію въ размѣрѣ 1-го тома посвятили три лѣта наши знатоки древнехристіанскаго искусства проф. Д. В. Айналовъ и Е. К. Рѣдинъ.

18. Печатанье Трудовъ Харьк. Съѣзда закончено: вышли эти Труды въ размѣрѣ трехъ объемистыхъ томовъ, въ составъ которыхъ вошелъ и Указатель всѣхъ статей, рѣчей и рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ первыхъ 12-и Археологическихъ Съѣздовъ или обработанныхъ для ихъ Трудовъ.

Остается за Моск. Предварит. Комитетомъ одинъ пробѣлъ, который ему весьма желательно было заполнить—это составленіе сводки всѣхъ Вопросовъ и Запросовъ, которые не получили разрѣшенія на Съѣздахъ, но задача эта такая сложная, что если ее не исполнилъ, какъ обѣщаль (см. Прав. XIII Арх. С. стр. 36) И. А. Линиченко, то я просила бы нашихъ сочленовъ воспользоваться Съѣздомъ и посвятить на его разработку одно или два частныхъ совѣщанія.

Екатеринославское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета сформировалось подъ Предсѣдательствомъ Екатеринославскаго Губернск. Предв. Дворянства, М. И. Миклашевскаго, при самомъ сердечномъ отношеніи нынѣ погибшаго на полѣ чести мѣстнаго губернатора Гр. Ө. Эдуар. Келлера и дѣятельномъ участіи Предс. Губ. Управы М. В. Родзянко, Предс. Екатер. Уѣзд. Управы С. А. Бродницкаго, Секр. Губер. Стат. Комит. Я. Г. Гололобова, Дир. Комер. Училища А. С. Синявскаго, нашего Моск. сочлена Дм. Ив. Эварницкаго и многихъ другихъ лицъ.

Имена лицъ ставшихъ во главѣ Екатеринославскаго Отдѣленія Предв. Комитета говорятъ сами за себя и безъ особыхъ поясненій указываютъ на то сочувствіе, которое вызвала въ Екатеринославѣ мысль о созывѣ Съѣзда. Дворянство, Земство, Ученыя Учрежденія и общество соединились въ одну общую группу, чтобы осуществить Съѣздъ и поработать надъ выдвинутыми имъ задачами. А вѣдь всѣмъ извѣстно, что у насъ въ Россіи совмѣстная дружная работа по нашему славянскому широкому темпераменту—весьма рѣдко примѣняется, весьма рѣдко удается! „Созваніе въ гор. Екатеринославѣ XIII Арх. Съѣзда представляется (какъ пишетъ Предс. Научнаго Общества проф. Курилловъ въ предисловіи къ Сборнику, изданному Научнымъ Обществомъ) актомъ глубокой важности, и мы не можемъ отнестись къ созыву Съѣзда безучастно,

а должны тѣмъ или инымъ путемъ быть полезными Съѣзду въ достиженіи намѣченныхъ имъ задачъ“.

„Тѣмъ или инымъ путемъ“—говоритъ проф. Курилловъ—и опредѣленіе это легло въ основу работъ Екатеринославскаго Предв. Комитета—работа раздѣлилась и всякая группа, всякій отдѣльный членъ постарался сдѣлать то, что было ему, по сердцу и по силамъ. Такъ напр. при помощи Статистическаго Комитета, Дирекціи Училищъ, Земства и Народныхъ Учителей собранъ богатый матеріалъ свѣдѣній, не только этнографическаго характера, но и по части археологіи, указаній на курганы, урочища, камен. бабы и пр. Свѣдѣнья эти собраны благодаря тѣмъ программамъ и указаніямъ, которыя были отпечатаны и разосланы Предвар. Комитетомъ по всей губ. Мѣстное Дворянство, отвѣчая на призывъ Комитета, предоставило Д. И. Эварницкому право безпрепятственно производить раскопки на своихъ земляхъ, дало въ его распоряженіе необходимыя рабочія силы, оцѣниваемая по подсчету дней въ 3500 р. и всѣ пріобрѣтенія жертвуетъ Екатеринославскому Музею. Губернское Земство отпустило 9500 р. на собраніе этнографическаго матеріала. Уѣздныя Земства отпустили съ тою же цѣлью (Екатер. 500 р., Павлогр. 300 р., Новомоск. 300 р., Александр. 200 р., Бахмутская 200 р.) 1500 р. Типографія Губернскаго Земства печатаетъ на свой счетъ (приблизительно на 6000 р.) Труды Предвар. Комитета, всѣ программы, доклады, отчеты изслѣдователей по Архивамъ Екатеринослава, Сборникъ Малорусскихъ пѣсень, собранныхъ Д. И. Эварницкимъ, планы Днѣпра Фалѣва и Аронова 1779 и 1780 г., особый Сборникъ по изслѣдованію Губерніи и, наконецъ, совмѣстно съ Дворянствомъ, Городомъ и Уѣздными Земствами отстраиваетъ къ Съѣзду Музей имени Поля цѣною въ 95,000 р.

Научное Общество предпринимаетъ рядъ научныхъ работъ: г-нъ Э. А. Штеберъ—химическій анализъ древней бронзы; г-нъ Лаврскій—въ интересномъ изслѣдованіи опровергаетъ гипотезу, будто древніе обитатели употребляли для своихъ издѣлій желѣзо метеорнаго происхожденія; проф. Курилловъ предлагаетъ услуги экскурсантовъ посланныхъ Горнымъ Училищемъ со спеціальными цѣлями для попутнаго составленія описанія кургановъ и майдановъ, что и было исполнено Иванчиномъ-Писаревымъ. То же Общество предпринимаетъ для раздачи Членамъ Съѣзда Сборникъ статей, образующихъ 4 отдѣла: Историческій, Естественно-Историческій, Экономическій и Общій, состоящихъ изъ научныхъ трудовъ: Н. Ѳ. Сумцова, Я. П. Новицкаго, П. Буцинскаго, С. Станиславскаго, В. Е. Данилевича, А. В. Лаврскаго, К. И. Котелова, И. Я. Акинфіева, В. В. Кирилова, Земцова, Н. Лямцева и И. Борца.

Екатеринославская Ученая Архивная Комиссія посвящаетъ XIII-му Археологическому съѣзду II томъ издаваемой Комиссіей „Лѣтописи“.

Въ составъ ея входятъ труды: В. И. Пичеты—Объ Екатеринославскихъ архивахъ, Бѣгломъ погѣ, и Политико-экономическіе взгляды Юрія Крижанича; В. А. Бѣднова—Екатеринославская Духовная Семинарія до реформы 1817 г.; Перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ; Матеріалы по исторіи церковнаго устройства Запорожья и свѣдѣнія объ архивахъ Самарскаго монастыря, консисторіи и архіерейскаго дома. А. А. Скриленко—о наиболѣе интересныхъ типахъ

сосудовъ Новороссійскаго края. А. С. Синявскаго—о Хорватъ, о крѣпости св. Елизаветы, „Думы о паденіи Запорожья“, Обзорніе архива Губернскаго Правленія. П. И. Бѣлинскаго—„Описаніе крѣпости Кадакъ“.

Екатеринославское Духовенство, руководимое многуважаемымъ своимъ пастыремъ Преосвященнѣйшимъ Симеономъ, не только нашло возможнымъ украсить Выставку Съѣзда древними предметами собранными по Епархіи, но даже постановило, что церковные предметы, вышедшіе изъ употребленія, составляютъ впредь достояніе Музея Поля, и отпустило 2000 р. на витрины для жертвованныхъ предметовъ.

Мѣстная власть, въ лицѣ Губернатора, вице-губернатора, Исправниковъ, Земскихъ Управъ, Правленія Горныхъ Заводовъ и частныя лица облегчаютъ задачи, возлагаемыя на экскурсантовъ и изслѣдователей и окружаютъ ихъ тѣми заботами, которыя даютъ имъ возможность работать съ удовольствіемъ, избѣгая тѣ неприятели, которыя тормозятъ весьма часто дѣло въ чужомъ углу за недостаткомъ лошадей, рабочихъ или инструментовъ.

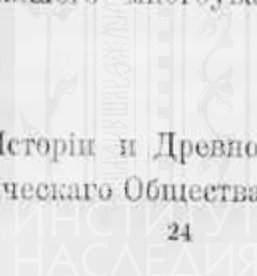
Частные изслѣдователи, какъ напр. Я. П. Новицкій, обслѣдуютъ Архивъ присутственныхъ мѣстъ и учреждений Александровскаго уѣзда; В. А. Терновской и Богумиль издають матеріалы для исторіи Новороссіи и Запорожья; Ученикъ Моск. Консерваторіи Шевченко объѣзжаетъ въ Полтавскую губ. для записыванія у слѣпцовъ кобзарей, думъ и пѣсенъ съ мотивами и, наконецъ, Д. И. Эварницкій посвящаетъ всѣ три года, со времени послѣдняго Съѣзда, на работы для нынѣшняго Екатеринославскаго, и обогащенія его Музея тѣми предметами древности, которые заполняютъ его залы. Въ общемъ Дм. Ив. Эварницкимъ раскопано 103 кургана и городищъ: въ Екатеринославскомъ у. на Земскомъ хут. Отрадномъ и у Мар. Степ. Яковлевой; въ Новомосковскомъ у. у кн. Н. П. Урусова, Ник. Ник. Крашенинникова, Алекс. Степ. Дьяконскаго, Степ. Анд. Ильяшенко, Мих. Ник. Лалашъ, Степ. Степ. Дьяконскаго; въ Павлоградскомъ у. у Петра Алекс. Гана, и Алек. Ѳед. Левшина; въ Александровскомъ у.: у Петра Иван. Соколова, Валер. Сем. Миргородскаго, Ник. Алек. Тихомірова и въ Мелитопольскомъ у. Тавр. губ. у графа Ивана Викт. Канкринна. Кромѣ того Дмит. Ивановичемъ объѣзжена большая часть приходоу губерніи съ цѣлью собрать для Выставки церковныя древности и приготовлены къ печати 820 малороссійскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ какъ любителемъ и знатокомъ Запорожья.

Харьковское Отдѣленіе Предвар. Комитета, находя возможность во время подготовительныхъ работъ къ Екатеринославскому Съѣзду продолжить и додѣлать то, что не было закончено къ Харьковскому Съѣзду, отнеслось къ своимъ задачамъ также тепло и сочувственно, какъ и къ своему собственному Харьковскому Съѣзду. Комитетомъ намѣчено продолженіе раскопокъ въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ у., въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко въ Валскомъ и Духовскаго, близъ с. Мерчикъ, около ст. Дергачей въ имѣніи Любарскаго и въ Верхнемъ Салтовѣ. Занялись этими раскопками Д. И. Багалъй, Е. К. Рѣдинъ, Е. К. Трефилювъ, Е. М. Ивановъ, В. Е. Данилевичъ, Воронецъ, Ефименко и Бабенко. Въ имѣніяхъ Харито-

ненко все курганы оказались приблизительно одного типа—скифосарматского с сильным влиянием греческой культуры: в Верхнем же Салтовѣ и в новых находках выдержанъ одинъ и тотъ же, намъ извѣстный, типъ эпохи переселенія народовъ. Скифосарматского типа оказались и дюнные находки Воронца, сдѣланныя вдоль праваго берега р. Мерло между сел. Красный Куть и Лихачевка. Не упущено изъ виду Комитетомъ и продолженіе работъ Мих. Григ. Халавскаго по изученію говоровъ Курской губ., обширный трудъ, начатый во время подготовительныхъ работъ къ Харьк. Съѣзду и печатаемый нынѣ Академіей Наукъ. Не забыто также собраніе матеріаловъ касательно бандуристовъ и лирниковъ и назначенъ къ печати трудъ Е. И. Криста по этому вопросу, и обращено особое вниманіе на записки пѣсеней и сказокъ, собранныхъ Водолажскимъ въ сел. Верхнемъ Салтовѣ и хут. Непокрытомъ и представляющихъ интересный матеріалъ по діалектологіи Харьков. губ. Приступлено къ печати цѣлаго тома матеріаловъ и не упущена также изъ виду возможность при собраніи этнографическихъ коллекцій для Екатеринославскаго Музея пополнить по этой губерніи и коллекціи Харьковскаго Музея.

Дѣятельность лицъ, стоящихъ во главѣ и работающихъ въ **Кіевскомъ Отдѣленіи Предвар. Комитета**, намъ уже частью извѣстна по отчету Московскаго Комитета, что доказываетъ еще разъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между отдѣльными частями Предварительнаго Комитета, ту дружную неустанную работу, которая связываетъ отъ одного Съѣзда къ другому всехъ лицъ, заинтересованныхъ работами Съѣздовъ и движеніемъ археологическихъ изысканій въ Россіи. Такъ, мы уже знаемъ о поѣздкахъ и собраніи свѣдѣній по Украинскимъ древностямъ Предсѣдателя Кіевского отдѣленія Проф. Григ. Григ. Павлуцкаго и о напечатаніи имъ для нынѣшняго Съѣзда 1 вып. Украинскихъ Древностей; мы знаемъ о попыткѣ, сдѣланной Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ стать во главѣ изданія Библиографическихъ свѣдѣній по археологіи и исторіи края; мы знаемъ о произведенныхъ экскурсіяхъ и раскопкахъ, произведенныхъ Секрет. Кіевского Комитета Вас. Гр. Ляскоронскимъ, Ганъ, Мельникъ-Антоновичъ, Хвойко, Мазараки и другими; мы знаемъ о трудахъ по картографіи нашего юга, предпринятыхъ Вен. Алекс. Кордтъ; мы слышали, что рядъ молодыхъ изслѣдователей: Пичета, Богумиль, Терновской, Паншинъ, Фидровскій работали въ разныхъ Архивахъ для Екатеринославскаго Съѣзда—но было бы несправедливо не дополнить эти свѣдѣнія тѣмъ указаніемъ, что во главѣ Кіевского Отдѣленія стояло Общество Нестора Лѣтописца, что за спиной названныхъ лицъ стояла цѣлая плеяда Кіевскихъ дѣятелей, помогающихъ совѣтомъ и средствами, что многими изысканіями руководилъ самъ Вл. Бон. Антоновичъ, что вся группа архивныхъ изслѣдователей, о которыхъ упоминалось—ученики и посланцы нашего многоуважаемаго сочлена Митр. Викт. Довнаръ-Запольскаго.

Одесское отдѣленіе образовалось при Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, при содѣйствіи Одесскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества,

существующаго при Университетѣ. Предсѣдателемъ Отдѣленія избранъ Эр. Ром. Штернъ, секретаремъ Алексѣй Иван. Маркевичъ, который такимъ образомъ умеръ, работая на пользу Създовъ, которые такъ любилъ, которымъ былъ преданъ всею душою, и въ необходимость и полезность которыхъ вѣрилъ.

Одесскій Комитетъ работалъ въ одномъ и томъ же направленіи какъ и всѣ остальные, т. е. собиралъ свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ по южному побережью Чернаго моря, разъяснялъ вопросъ этотъ газетными статьями, старался заинтересовать имъ ученыхъ Галиціи и получилъ по вопросу не мало интересныхъ указаній; двинулъ разработку архивныхъ документовъ, касающихся исторіи казачества, и направилъ на это дѣло мѣстныхъ изслѣдователей Знойко, Ляпунова и Родзевича; велъ переписку съ дѣятелями въ Херсонѣ, исправляя и вызывая ихъ къ продолженію археологическихъ изслѣдованій; поддерживалъ и направлялъ работы сербина Гурчина въ его архивныхъ розыскахъ о сербскихъ поселеніяхъ въ краѣ и направлялъ работы М. Фота по разработкѣ Скиѣскаго вопроса. Кромѣ того, отвѣчая на запросы, поставленные Създу, Предсѣдателемъ Комитета Эр. Ром. Штернъ были произведены раскопки на островѣ Березань, гдѣ установлено три послѣдовательныхъ слоя погребеній, приурочиваемыхъ профессоромъ къ началу VI и до начала V вѣка до Р. Хр., въ Аккерманской крѣпости съ цѣлью усилить свѣдѣнья касательно слѣдовъ итальянскихъ факторій на русской почвѣ и въ Бессарабіи съ цѣлью закончить тѣ важныя и въ высшей степени благодарныя раскопки, которыя были предприняты Эрнестомъ Романовичемъ во время подготовительныхъ работъ къ Харьковскому Създу.

Въ Симферополѣ не образовано особаго Отдѣленія Предвар. Комитета, но всѣ работы по собиранію свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, о слѣдахъ итальянскихъ факторій и о другихъ памятникахъ древности приняла на себя Таврическая Ученая Комиссія и отнеслась къ этому дѣлу такъ добросовѣстно, что напр. вопросъ о выясненіи количества и сохранности каменныхъ бабъ въ Таврической губерніи долженъ считаться навсегда выясненнымъ. Мало того, Комиссія представила Моск. Археол. Обществу молодого и въ высшей степени добросовѣтнаго художника Ружицкаго, который по порученію Общества объѣздилъ губернію, снялъ фотографіи съ сохранившихся бабъ и зарисовалъ всѣ тѣ подробности костюма ихъ, которыя не поддавались фотографіи. Весьма утѣшительно и то, что при этихъ розыскахъ Тавр. Ком. удалось приобрести для своего Музея въ с. Дѣвненскомъ, Покровской вол. каменную бабу, единственную въ своемъ родѣ по сохранности и подробностямъ костюма.

Въ Черниговской губ. подготовительныя работы по Създу раздѣлились между Архивною Комиссіей въ гор. Черниговѣ и Историко-Филологическимъ Обществомъ при Институтѣ Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Архивная Комиссія при содѣйствіи своихъ членовъ А. Н. Балака, А. В. Верзилова, П. Н. Добровольскаго, Г. А. Коваленко, М. М. Коцюбинскаго и І. М. Руденко выработала подробную Программу для собиранія археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Черниговской губ., отвѣты на которую, если они поступятъ, могли бы послужить не только къ

составленію археологической карты Губерніи, но также выяснить общее богатство губерніи, какъ по церковнымъ древностямъ, такъ и по частнымъ коллекціямъ и архивамъ. Членомъ Комисіи П. М. Еременко подготовлены археологическія карты: Новозыбковского и Суражскаго у.; собранъ матеріалъ по Глуховскому у.; сгруппированы С. А. Гатцукомъ свѣдѣнія по Мглинскому у. Работаетъ Комиссія и по вопросу Библиографическаго Указателя по губ. и не отказалась помочь распространенію записки Сторожева, касательно приведенія въ извѣстность документовъ по крѣпостному помѣщичьему хозяйству въ XVIII и XIX ст.

Филологическое Общество при Нѣжинскомъ Институтѣ Кн. Безбородко занялось для Сѣзда разработкой Архива Братства Нѣжинскихъ грековъ и греческаго магистрата за время XVIII—XIX в.

8. **Полтавская Архивная Комиссія** собралась работать на пользу Сѣзда позднѣе другихъ, хотя и сознавала, что Сѣздъ этотъ, созываемый въ пунктѣ, близкомъ былого Запорожья, долженъ быть связанъ съ Полтавскою губ. общими историческими воспоминаніями и интересами. Собравшись работать, Комиссія остановилась на тѣхъ вопросахъ, которые разрабатываются уже третьимъ Сѣздомъ, т. е. вопросахъ о казацкихъ сѣчахъ, распространеніи каменныхъ бабъ и собираніи свѣдѣній о памятникахъ церковной архитектуры. Первый вопросъ разработанъ недавно вышедшими въ свѣтъ интересными брошюрами Л. В. Падалки: Къ вопросу о древнихъ земляныхъ сооруженіяхъ въ южно-русскихъ степяхъ и Древнія земляныя сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губ. Весьма радостное явленіе составляетъ въ Полтавѣ образуемый мѣстнымъ Епископомъ Іоанномъ, при дѣятельномъ содѣйствіи члена Архивной Ком. А. Ф. Мальцева—Церковно-Историческій Музей, собравшаго уже значительное количество древностей.

Донское отдѣленіе занялось главнымъ образомъ распространеніемъ по области брошюръ, поясняющихъ археологическія задачи Сѣзда, и собрало значительный матеріалъ и рисунки съ каменныхъ бабъ, который, однакожь, не можетъ считаться окончательною работою по всеѣмъ округамъ этой обширной области.

Въ **Воронѣжѣ** подготовительныя работы къ XIII Археологическому Сѣзду выполнялись Воронежскою Архивною Комиссіею и Церковнымъ Историко-Археологическимъ Комитетомъ. Оба эти учрежденія, вызванныя къ жизни предшествующимъ Харьковскимъ Археологическимъ Сѣздомъ, дѣйствовали въ направленіи, намѣченномъ этимъ Сѣздомъ и отчасти по указаніямъ Московскаго Предварительнаго Комитета по Екатеринославскому Сѣзду.

Подробный обзоръ работъ по Воронежскому краю къ XIII Археологическому Сѣзду вошелъ въ составъ второго тома Трудовъ Воронежской Ученой Архивной Комиссіи и второго, третьяго, четвертаго и пятаго выпусковъ „Воронежской Старины“, изданной Воронежскимъ Церковнымъ Историко-Археологическимъ Комитетомъ. Нѣкоторыя работы, имѣющія непосредственное отношеніе къ задачамъ XIII Археоло-

гического Съезда, выпущены кромѣ того отдѣльными оттисками и посвящены Съезду, такъ напр.:

1) Описание рукописей и древнихъ Воронежскихъ актовъ, хранящихся въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ, въ двухъ выпускахъ, подъ редакцію священника С. Е. Звѣрева.

2) Литература по исторіи, археологіи и этнографіи Воронежскаго края, выпускъ первый, въ который вошли матеріалы по Воронежскому краю, подъ общимъ заглавіемъ „Книги, брошюры и листы Воронежской печати“.

Кромѣ печатныхъ трудовъ ко времени XIII Археологическаго Съезда, въ Воронежѣ, по указанію Московскаго Предварительнаго Комитета, выполнены слѣдующія работы:

а) Составленъ по карточной системѣ указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи Воронежскаго края, помѣщенныхъ въ газетѣ Донъ, за 25 лѣтъ существованія этой газеты въ Воронежѣ (остается въ рукописи).

б) Въ дополненіе къ матеріаламъ, собраннымъ для „Археологической карты Воронежской губерніи“, демонстрированной на Харьковскомъ Археол. Съѣздѣ, составителемъ ея В. А. Перелешинымъ разработаны подробныя историко-археологическія данныя по Воронежскому уѣзду изъ личныхъ наблюденій во время специальныхъ экскурсій 1903—1905 годовъ членовъ Воронежской Ученой Архивной Комиссіи священника о. Звѣрева, А. И. Милютинна и В. Д. Языкова (остается въ рукописи).

Ко времени экскурсій были приурочены раскопки въ мѣстностяхъ, обследованныхъ къ Харьковскому Археологическому Съезду: 1) близъ села Подклѣшнаго, Воронежскаго уѣзда, 2) въ чертѣ Хозарскаго городища, по рѣкѣ Воронежу, 3) на Маяцкомъ городищѣ, близъ Дивногорскаго монастыря. При участіи члена Императорской Археологической Комиссіи А. А. Спицына произведены раскопки „Скиѣскихъ“ кургановъ въ окрестностяхъ села Мастюгина, Коротоякскаго уѣзда.

Въ Валуйскомъ уѣздѣ, близъ села Шалаева открыта стоянка каменнаго вѣка, докладъ о которой А. А. Орлова представленъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

По этнографіи Ворон. края къ XIII Археологическому Съезду собраны значительныя коллекціи въ дополненіе къ тому, что демонстрировано Воронежемъ въ Харьковѣ въ 1903 году.

Докладъ мой я старалась по возможности сократить; но, несмотря на его кажущуюся краткость, онъ занялъ достаточно времени, что, впрочемъ, весьма понятно, такъ какъ онъ обязательно охватываетъ дѣятельность 10 Предварительныхъ Комитетовъ за цѣлыхъ три года существованія. Рефераты, которые будутъ представлены для доклада на Съѣздѣ или напечатаны въ его Трудахъ, покажутъ яснѣе и полнѣе, чѣмъ я могла это сдѣлать *предъ* открытіемъ Съезда, что и *къ* *къ* *именно* *и* *въ* *какихъ* *размѣрахъ* были исполнены обѣщанія и благія начинанія какъ Ученыхъ Обществъ и Учрежденій, такъ и отдѣльныхъ личностей, о которыхъ упомянуто въ моемъ докладѣ.

Не могу, заканчивая свой отчетъ, не посвятить нѣсколько словъ тому Музею, который былъ освященъ вчера и постройка и освященіе котораго навсегда будетъ связана съ памятью объ Екатеринославскомъ Съѣздѣ. Мысль объ основаніи Музея въ Екатеринославѣ была поднята Научнымъ Обществомъ въ 1901 г., когда въ одномъ изъ Засѣданій Общества, Предѣвателемъ онаго, проф. Курилловымъ, былъ сдѣланъ докладъ о необходимости основанія въ городѣ Музея съ естественно-историческимъ и археологическимъ отдѣленіями. Однимъ изъ первыхъ примкнулъ къ этому дѣлу нынѣ покойный Гр. Θεод. Эдуард. Келлеръ, который съ прирожденнымъ ему тактомъ и сердечностью находилъ необходимымъ связать основаніе Музея съ именемъ чело-вѣка, открывшаго краю новый широкій горизонтъ дѣятельности, т.-е. придать Музею наименованіе Музея Александра Николаевича Поля. На первыхъ порахъ Музей открылся въ помѣщеніи Екатеринославскаго Коммерческаго Училища и составилъ изъ коллекцій естественно-историческихъ и горныхъ породъ, принадлежащихъ Екатер. Губ. Земству. Въ основу археологическаго отдѣла тогда же вошли предметы, пожертвованные Е. Н. Мельникъ, В. Б. Антоновичемъ и Дм. Ив. Эварницкимъ. Въ 1902 г. Губернская Земская Управа выработала предложеніе о постройкѣ Музея на средства Губернскаго и Уѣздныхъ Земствъ, Дворянства, Города и частныхъ лицъ; предложеніе было принято, средства нашлись и Музей, какъ мы видимъ, отстроенъ и даже уже наполненъ, благодаря тому сочувствію, который онъ встрѣтилъ въ краѣ и среди людей образованныхъ, не поскупившихся отдать принадлежащія имъ вещи на пользу общую. Я уже сказала, что Музей полонъ и, несмотря на то, что въ нынѣшнемъ его составѣ находятся коллекціи, присланныя для Выставки Съѣзда, приходится, одна-кожъ согласиться, что выставочныя коллекціи составляютъ весьма незначительную часть всего Музейнаго достоянія. Достояніе же это сложилось: по древностямъ первобытныхъ и историческихъ главнымъ образомъ, изъ предметовъ пожертвованныхъ Д. И. Эварницкимъ. Къ этому основному фонду примкнули пожертвованія 170 лицъ, переименованныхъ въ началѣ изданнаго каталога Музея, лицъ, между которыми мнѣ позволено, можетъ быть, назвать нѣкоторыхъ: какъ Бургмейстера; Бѣлаго; Гана; Гегело Вас. Петр.; Гладкаго Петра Вас.; Деконскихъ; Иваненко, Алекс. Алекс.; Гр. Ив. Викт. Канкринъ; Магденко; Новицкаго; Родзянко, Ан. Ник. и Серг. Ник.; Сочинскаго; Струкова, Ананія Петр.; Тихомировыхъ; и, наконецъ, Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича, которому угодно было прислать Музею Запорожскій якорь и обѣщать Запорожскую чайку, выкопанную въ самомъ имѣніи.

Собраніемъ Церковныхъ древностей Музей обязанъ всецѣло милостивому вниманію мѣстнаго Епископа Симеона, дозволившаго Дм. Ив. Эварницкому объѣздить церкви и отобрать тѣ древности, которыя возможно навсегда оставить Музею, равно какъ и тѣ, которыя украшаютъ его на время Съѣзда, но должны, какъ церковныя драгоценности, быть возвращены церквамъ по закрытію Съѣзда.

Собственно на **Выставку Съѣзда** представлены *коллекціи первобытныхъ древностей*: Проф. Багалѣмъ и Воронежъ изъ раскопокъ произведенныхъ въ Харьк. губ. на средства П. И. Харитоненко; В. Е. Данилевичемъ изъ тѣхъ же мѣстностей и на

тъ же средства; В. Е. Данилевичемъ изъ Таврич. губ. на средства Д. А. Алчевскаго; Харьковскимъ Университетомъ коллекціи изъ могильника Верхне-Салтово-раскопки Бабенко; Императорскимъ Московскомъ Археологическимъ Обществомъ— изъ раскопокъ Е. П. Трефилова въ Мариупольскомъ уѣздѣ и изъ раскопокъ В. А. Городцева въ Бахмутскомъ у. Остальныя коллекціи принадлежатъ: Харьковскому Историко-Филологич. Обществу, Петру Ник. Сочинскому изъ Новомосковска, Карлу Вас. Большуновскому изъ Кіева, Артемію Дмитр. Байдаку изъ Херсон. губ., Бор. Кастьянов. Жукъ изъ Полтавской губ., Черниговской Архивной Комиссіи, среди предметовъ которой поражаетъ своею художественностью и разнообразіемъ шитье холщевыхъ подрясниковъ и рушниковъ, Василя Петр. Горленко, Мих. Вл. Родзянко и Вас. Петр. Магденко, приславшаго на Выставку великолѣпный портретъ кисти Боровиковскаго Запорожскаго полковника Руденко.

Не малымъ украшеніемъ Музея и Выставки служить *Этнографическій отдѣлъ*, собранный на средства мѣстныхъ Земствъ учителемъ Бабенко, командированнымъ Екатериносл. Земствомъ послѣдовательно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, для объѣзда губерніи и собиранія предметовъ для Музея.

Каталогъ Музея и Выставки составленъ стараніями А. А. Скрыленко, которая положила не мало труда, чтобы разобратъся и привести коллекціи въ надлежащій порядокъ въ то время, когда дѣло постройки и устройства велось съ лихорадочною поспѣшностью для завершения его ко времени Съѣзда. Честь и слава всѣмъ лицамъ и жертвователямъ, порабатавшимъ надъ обогащеніемъ Музея; честь и слава Предсѣд. Губ. Зем. Управы Мих. Влад. Родзянко, мощной волѣ котораго обязанъ, вѣроятно, Екатеринославъ тому, что Музей могъ въ столь короткое время заложиться, выстроиться и предстать ко времени Съѣзда въ формѣ вполне оборудованнаго учрежденія.

Открывая нынѣ Съѣздъ въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ временъ Екатерины Великой при болѣе и менѣе торжественной обстановкѣ, мы не можемъ, однакожъ, господа, не вспомнить и не помянуть добрымъ словомъ тѣхъ, которыхъ уже болѣе нѣтъ среди насъ, но которые отдались идеѣ Съѣзда всей душой и поработали для него съ той первой минуты, какъ возникла мысль о созывѣ Съѣзда въ Екатеринославѣ: я говорю, господа, объ Августѣйшемъ Предсѣдателѣ всѣхъ нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, начиная съ VI Одесскаго, Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ, серьезно преданномъ русской наукѣ и русскимъ древностямъ, и преждевременная кончина котораго тяжело отзовется на продолженіи всѣхъ тѣхъ работъ и изслѣдованій, которыя касаются нашей родной старины.

Я говорю о Графѣ Θεод. Эдуардовичѣ Келлерѣ, который съ обычною ему отзывчивостью отнесся къ первымъ работамъ Предварительнаго Комитета; я говорю объ Алексѣѣ Иван. Маркевичѣ, умершемъ въ должности секретаря Одесскаго отдѣленія Предварит. Комитета, который, по словамъ проф. Штерна, осиротѣлъ съ кончиной Алексѣя Ивановича. Я говорю о Ник. Ефим. Бранденбургѣ, Влад. Ильичѣ Сизовѣ, Алек. Ив. Кирпичниковѣ, Иванѣ Ник. Смирновѣ, Алексѣѣ Иван. Буяинѣ, постоянныхъ посѣтителей нашихъ Съѣздовъ, постоянныхъ ихъ работниковъ и истинныхъ радѣтелей.

Скончались еще за три года, истекшіе со времени Харьк. Съезда много лицъ, порабатавшихъ на прежнихъ Съездахъ: Влад. Вас. Вельяминовъ-Зерновъ, помощникъ графа по устройству первыхъ Съездовъ, Алекс. Висар. Комаровъ, Вал. Люд. Бернштамъ и Евг. Дм. Фелицынъ — видные дѣятели V Тифлискаго Съезда; Θεод. Алекс. Теплоуховъ извѣстный собиратель и работникъ на VII и VIII Съездѣ; Павелъ Алекс. Висковатовъ, Θεод. Вас. Покровскій и Юліанъ Θεод. Крачковскій — работники по устройству IX Виленскаго Съезда и наконецъ Ник. Гавр. Добрынкннъ, свящ. Спѣснцевъ и Ив. Даниловичъ Четыркинъ, находившіе возможность приносить каждому Съезду посильную лепту изученіемъ мѣстныхъ древностей.

Миръ праху ихъ и да поможетъ Вседержитель подростающему поколѣнію идти по ихъ слѣдамъ и полюбить науку, какъ они ее любили и послужить ей, какъ они служили“.

Заканчивая докладъ свой Графиня предложила повергнуть отъ лица Съезда къ стопамъ Августѣйшей Вдовы усопшаго Почетнаго Предсѣдателя Великаго Князя Сергія Александровича слѣдующую телеграмму:

„Екатеринославскій Археологическій Съездъ въ день своего открытія повергаетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ искреннѣйшую и сердечнѣйшую скорбь о преждевременной кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, лишившей Съездъ дорогаго Почетнаго Предсѣдателя и русскую археологію покровителя и искренняго доброжелателя. Предсѣдатель Съезда Графиня Уварова. Предсѣдатель Ученаго Комитета Профессоръ Багалъй. Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета Бродницкій“.

Текстъ телеграммы принять единогласно и выслушанъ присутствующими стоя. Доложены привѣтственныя телеграммы, полученныя Съездомъ отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений:

Отъ завѣдующаго СПб. Артиллерійскимъ Историческимъ Музеемъ Струкова, отъ Донскаго Музея, отъ В. М. Сысоева — изъ Екатеринодара, отъ В. В. Иванова — изъ Москвы, отъ г. Бардзкаго — изъ Люботина, отъ Д. А. Корсакова — изъ Казани, отъ А. А. Кочубинскаго — изъ Одессы, отъ г. Вакуловскаго — изъ Либавы.

Предсѣдатель сообщилъ, что XIII Археологическому Съезду посвящены слѣдующія изданія:

1) Екатеринославскимъ Научнымъ Обществомъ — Сборникъ статей по изученію края.

2) Труды Харьковской Комиссіи по устройству XIII Археологическаго Съезда въ г. Екатеринославѣ. Изданы подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ (Сборникъ общества, т. 16).

3) В. А. Бабенко — Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. Изданіе Екатеринославскаго Губернскаго Земства къ XIII Археологическому Съезду.

Въ заключеніе секретаремъ съезда, В. Н. Рогожинымъ, доложены результаты

выборовъ, произведенныхъ наканунѣ, въ засѣданіи совѣта Съѣзда, послѣ чего засѣданіе объявлено закрытымъ.

Въ 7 час. вечера въ одной изъ залъ Потемкинскаго Дворца подѣ председательствомъ проф. Д. И. Багалѣя состоялось засѣданіе Ученаго Комитета XIII Археологическаго Съѣзда, въ которомъ разсмотрѣны полученные рефераты и выработана программа занятій на первые дни.

16-го августа,

10 час. утра.

II. Отдѣлъ: Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель—проф. Н. Θ. Сумцовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. Д. И. Багалѣй.

Секретари—В. Е. Данилевичъ и В. И. Савва.

Почетный предсѣдатель проф. Н. Θ. Сумцовъ открылъ засѣданіе слѣдующей рѣчью:

Ваше Сіятельство, Милостивые государи и Милостивыя государыни! Избраніе меня въ почетные предсѣдатели настоящаго засѣданія глубоко меня тронуло, и я не нахожу достаточно словъ для выраженія моей признательности. Моя благодарность обусловлена не только той человѣческой слабостью, которая называется самолюбіемъ, но и сознаниемъ той пользы, которую приносятъ русской наукѣ Археологическіе Съѣзды. Сознаніе это во мнѣ выросло и окрѣпло главнымъ образомъ послѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, благодаря которому Харьковскій университетъ обогатился приобрѣтеніемъ трехъ Музеевъ — музея древностей, который ранѣе былъ лишь въ слабомъ зародышѣ, и двумя совсѣмъ новыми — церковно-археологическимъ и этнографическимъ. Вообще, въ послѣднее время стало особенно замѣтнымъ благотворное вліяніе Археологическихъ Съѣздовъ на возникновеніе и развитіе мѣстныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, что выразилось ярко на XIII Археологическомъ Съѣздѣ въ дѣлѣ возникновенія въ Екатеринославѣ прекраснаго областного Музея имени А. Н. Поля. Какъ ни важно научно-систематическое накопленіе матеріаловъ и возникновеніе соотвѣтствующихъ музеевъ, еще важнѣе и благотворнѣе то взаимное знакомство и уваженіе, которое развивается и укрѣпляется при посредствѣ научныхъ Съѣздовъ, а лично въ приложеніи ко мнѣ сегодня облеклось въ лестную для меня форму почетнаго предсѣдательства, и все это будетъ служить для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній о моемъ пребываніи въ Екатеринославѣ, который, къ слову сказать, произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе своими широкими, какъ сосѣднія степи, улицами и площадями и красотой стараго украинскаго батыка — Дѣвпра — Славуты.

„Якъ споминъ про нашу далеку и славно украинскую старину вырынають думки про ти часы, колы по цихъ стѣнахъ пыталась и гарцювала казацкая воля, колы вона кохалась и колыхалась на днпровыхъ хвляхъ, на човнахъ, по чайкамъ та байдакамъ, та доля и та воля, про котори сгадувавъ и спивавъ незабутній Тарасъ Шевченко. Вчора високоповажни добродіи вже сгадовали про украинську старину; сегодня и мени треба трохи нагадать про неѣ на еѣ ридной мовѣ, нагадать на березѣ широкаго та дужога Днипра, того Днипра, который колысь-то носывъ въ море багато казацкой крови, а теперь, пиелья великаго закона 6 августа, нехай несе народови побильше счастья та любви для добраго пожитку и ясноѣ просвѣты“.

Загѣмъ проф. *Н. О. Сумцовъ* прочель докладъ: „Заговоры инкантаціи“ (Труды Съѣзда; т. II стр. 145).

Проф. *В. З. Завитневичъ* по поводу доклада замѣтилъ, что для того чтобы классификація имѣла серьезное научное значеніе, необходимо, чтобы она сдѣлана была на основаніи признака, охватывающаго существенную сторону классифицируемыхъ предметовъ и явленій. Такимъ признакомъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть фактъ отношенія народнаго сознанія къ актамъ колдовства и заклинанія. Сущность колдовства состоитъ въ стремленіи заставить силы природы дѣйствовать согласно съ желаніемъ челоуѣка. Въ природѣ челоуѣкъ различаетъ двоякаго рода силы: однѣ онъ признаетъ дѣйствующими свободно и сознательно, въ другихъ онъ видитъ проявленіе слѣпой случайности, подчиняетъ закону необходимости; первыя онъ старается склонить на свою сторону просьбами, мольбами, на другія онъ дѣйствуетъ путемъ магізма, причѣмъ и дѣйствующая воля и подвергающійся воздѣйствию объектъ одинаково признаются проявленіемъ слѣпой силы. Иллюстрировавъ свою мысль примѣрами, проф. *В. З. Завитневичъ* сдѣлалъ заключеніе, что классификація на основаніи такого признака могла бы пролить свѣтъ въ дѣлѣ изученія народноѣ психологіи и вообще народнаго міровоззрѣнія.

И. М. Луценко представилъ слѣдующія соображенія: слово *incantatio* совершенно точно переводится великорусскимъ словомъ „нагѣваніе“, которое употребляется и въ смыслѣ наговора, которому оно соотвѣтствуетъ по его научному значенію. Распредѣленіе заговоровъ и наговоровъ по болѣзнямъ съ медицинскоѣ точки зрѣнія неосновательно, такъ какъ это есть отдѣльный терапевтическій методъ, отнесенный современноѣ медицинскою наукою къ гипнозу; ихъ слѣдовало разсматривать по элементамъ опыта народнаго и элементамъ, основаннымъ на теоретическихъ, религіозныхъ и т. п. воззрѣніяхъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе, кромѣ поименованныхъ лицъ, еще: проф. *Н. В. Покровскій*, г. Добровольскій, г. Каменскій и проф. *М. В. Довнаръ-Запольскій*.

Проф. *Д. И. Багалъѣй* выразилъ благодарность референту, стяжавшему себѣ почетную извѣстность въ изученіи фольклора, за открытіе засѣданій II Отдѣленія докладомъ, который является образцовымъ по своему научному методу. Референтъ разработалъ вопросъ на основаніи сравнительнаго метода, и если рѣшеніе вопроса, предложенное референтомъ, можетъ представиться не вполне убѣдительнымъ, то причи-

ною тому являются общія условія работы, предпринятой референтомъ. Основная гипотеза, сдѣланная референтомъ, представляется заманчивою.

Л. В. Падалка доложилъ—„О единствѣ основныхъ чертъ степныхъ майдановъ, круглыхъ городковъ, роблениць и раскопанныхъ могилъ“. Тезисы автора слѣдующіе.

1) Положеніе вопроса въ научной литературѣ о степныхъ земляныхъ сооруженіяхъ различныхъ видовъ.

2) Главнѣйшіе выводы изъ сообщеній полтавскихъ корреспондентовъ-любителей старины о характерныхъ признакахъ означенныхъ сооружений и вытекающія изъ этихъ сообщеній гипотезы о происхожденіи степныхъ майдановъ, круглыхъ городковъ и проч. изъ древнихъ степныхъ могилъ.

3) Данныя экскурсії въ Поорельи лѣтомъ текущаго года, разъясняющія выводы изъ корреспондентскаго матеріала и утверждающія въ мысли о единствѣ основныхъ чертъ разнородныхъ степныхъ земляныхъ сооружений древней поры.

4) Догадки о порѣ, когда древнія могилы перерабатывались въ майданы, о народѣ, соорудившемъ майданы изъ могилъ, и о первоначальномъ назначеніи майдановъ.

5) Пункты совпаденія и расхожденія въ географическомъ распространеніи майдановъ и каменныхъ бабъ.

6) Догадки о происхожденіи круглыхъ степныхъ городковъ, какъ огражденныхъ пунктовъ для стражи (старинныхъ „залогъ“) на пролегавшемъ черезъ степь „Залозномъ“ пути, упоминаемомъ въ начальной лѣтописи.

Въ 7 часовъ вечера.

V отдѣлъ: Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель—Преосвященный Сумеонъ, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій.

Предсѣдатель секціи—проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: проф. Д. И. Абрамовичъ и И. Е. Евсѣевъ.

По открытіи засѣданія Предсѣдатель Отдѣленія проф. *Н. В. Покровскій* сказалъ слѣдующее:

„Уже не въ первый разъ южно-русская церковная старина обращаетъ на себя вниманіе Археологическихъ Съездовъ. Въ 1874 г. на Кіевскомъ Съѣздѣ обсуждались вопросы, касающіеся древнѣйшихъ памятниковъ церковнаго искусства въ Кіевѣ—архитектуры, мозаики и фрески; въ 1902 г. на Харьковскомъ Съѣздѣ занятія церковнаго отдѣла посвящены были памятникамъ церковной старины, особенно XVII—XVIII вв. Сравнивая предметы занятій обоихъ указанныхъ Съездовъ, нельзя не видѣть, что они обнимаютъ періоды древнѣйшій и позднѣйшій; періодъ же

XIII—XVI вв. остается не тронутымъ. Издавна установилея у насъ взглядъ, что этотъ срединный періодъ не представляетъ художественно-научнаго интереса, что разореніе Кіева Батыемъ, а потомъ Польша и унія, какъ сносная форма примиренія между православіемъ и католичествомъ, помѣшали развитію русскаго національнаго искусства. Доля правды въ этомъ есть; но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что русское искусство въ этотъ періодъ не замерло въ Южной и Западной Руси, и въ послѣднія 25 лѣтъ отмѣчено уже значительное количество памятниковъ этого рода; укажемъ на стѣнопись извѣстной Краковской каплицы, тюремнаго костела въ Люблинѣ съ русскою записью, указывающею на русскаго живописца Андрея, на Кіевскую псалтирь 1397 г., изданную Общ. Люб. Древней Письменности, писанную и украшенную миниатюрою въ Кіевѣ, на многочисленные складни, иконы, рукописи, обслѣдованные профессоромъ Краковскаго университета, Маріаномъ Соколовскимъ и проч. Факты этого рода, какъ показатели живучести церковнаго искусства, заставляютъ обратить вниманіе на забытую эпоху и искать дальнѣйшихъ слѣдовъ искусства. Центромъ его былъ не Новгородъ и не Москва, какъ само собою понятно изъ наличности памятниковъ; мы доселѣ еще не знаемъ этого центра, но его нужно искать, и это одна изъ неотложныхъ задачъ Археологическихъ Съѣздовъ. Быть можетъ, эту миссію можно возложить на Екатеринославскій Съѣздъ? Нѣтъ, столь крупныя вопросы не разрѣшаются такъ скоро и легко, а наличность рефератовъ, имѣющихся на Съѣздѣ, показываетъ, что они все-таки почти не касаются разсматриваемой эпохи; въ виду этого мы на этотъ разъ будемъ продолжать дѣло, начатое въ Харьковѣ, т.-е. обсуждать вопросы о памятникахъ позднѣйшей эпохи южно-русскаго искусства XVII—XVIII вѣковъ. Если наши занятія на Екатеринославскомъ Съѣздѣ не будутъ поражать неожиданностью новыхъ научныхъ открытій, все же они внесутъ нѣкоторый свѣтъ въ темную область южно-русской церковной старины“.

Проф. *Г. Г. Павлуцкій* сдѣлалъ докладъ: „Деревянная церкви Полтавщины“.

Южно-русская деревянная церковная архитектура, до сихъ поръ неизвѣстная, внезапно получаетъ важное самостоятельное значеніе. Интересъ къ памятникамъ деревянной архитектуры зародился со времени XI Археологическаго Съѣзда и мы получаемъ возможность судить о своеобразіи южно-русскаго архитектурнаго стиля памятниковъ Лѣвобережной Малороссіи, преимущественно Полтавской губ., фотографіи съ которыхъ собраны для Съѣзда Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, фотографіи, указывающія, что Полтавскія деревянные храмы по своимъ планамъ, по конструктивнымъ и художественнымъ формамъ, весьма близко примыкаютъ къ деревяннымъ церквямъ Юго-Западнаго края. Но при всемъ сходствѣ церквей Полтавщины съ церквями Правобережной Малороссіи, мы находимъ въ нихъ и нѣкоторыя различія. Послѣднія состоятъ въ формѣ куполовъ и главъ. Куполь Полтавскихъ церквей (Лохвицкаго, Лубенскаго и Миргородскаго уѣздовъ) имѣетъ форму опрокинутаго котла; небольшая глава—съ маленькой шейкой и пирамидальной крышечкой. Такая форма куполовъ и главъ встрѣчается въ землѣ Войска Донскаго и въ селахъ Юго-Западнаго края, расположенныхъ по Днѣпру (Чигиринскій у.).

В. М. Щербаковскій доложилъ „Къ вопросу о деревянной архитектурѣ малороссійскихъ церквей Кіевской губ. XVIII в.“

Церкви малорусскія Кіевской губ. въ XVIII в. представляютъ вполне законченный типъ. Основной элементъ его—восьмигранная башня съ постепенно суживающимися ярусами тоже восьмигранными, соединенными между собою и заканчивающимися куполомъ. Элементы эти ставились рядомъ по 2, 3, 5 и 9 и образовывали соответствующихъ названій церкви одно -, двухъ -, трехъ -, пяти - и девяти - купольныя.

И. Е. Евсѣевъ сдѣлалъ сообщеніе на тему—„Древнѣйшіе памятники церковной старины въ Орловскомъ краѣ“.—Вопреки установившемуся представленію объ отсутствіи древнихъ церковныхъ памятниковъ въ бывшей степной Украинѣ, докладчику удалось собрать не малое количество этихъ памятниковъ изъ до - татарскаго и послѣ - татарскаго періода. Изъ памятниковъ древнѣйшихъ, до татарскихъ, особенно цѣнны нѣкоторыя принадлежности церковной утвари византійскаго типа, найденныя въ Вщижскихъ раскопкахъ (Вщижь—село Брянскаго уѣзда, въ первой половинѣ XII в.—столичный городъ Вщижскаго удѣльнаго княжества)—паникадило, подевѣчники, перстень, а также камен, энколпионъ и др. Къ тому же періоду относятся иконы—Столбовская икона Николая Чудотворца и икона Свѣнской Б. М., къ сожалѣнію, очень плохо сохранившаяся. Къ періоду татарскому относится икона Елецкой Б. М., къ періоду же послѣ - татарскому—рѣзное изображеніе Николая Чудотворца въ соборѣ г. Мценска, икона Святителя Николая въ Одринѣ монастырѣ, крестъ мѣстнотимаго Святаго—Поликарпа (XV—XVI вв.). Отъ XVII в. имѣется уже очень много памятниковъ; нѣкоторые изъ нихъ — окладъ евангелія 1682 г., крестъ 1655 г. и кадильница 1699 г. прекрасной ювелирной работы изъ серебра съ золотомъ и камнями, а также двѣ шитыхъ старинныхъ пелены демонстрировались при чтеніи. И древнѣйшіе, и болѣе поздніе памятники бывшей степной Украины по своему происхожденію чаще всего относятся къ Кіеву, а не Московской Руси.

17-го августа,

10 час. утра.

IV Отдѣлъ: Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель—г. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа М. М. Алексѣенко.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари—В. Г. Ляскоронскій, В. И. Савва и А. П. Кадлубовскій.

Предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой, были прочтены: телеграмма отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Беодоровны, полученная въ отвѣтъ на телеграмму, посланную Ея Императорскому Высочеству Съѣздомъ:

„Сердечно благодарю Васъ и Екатеринославскій Археологическій Съездъ за молитву и память о моемъ дорогомъ мужѣ глубоко меня тронувшія. Елисавета“.

И привѣтственная телеграмма отъ И. Е. Забѣлина изъ Москвы:

„Горячо привѣтствую открытіе тринадцатаго Археологическаго Съезда въ Екатеринославѣ. Приношу почтительно живѣйшія пожеланія блистательныхъ успѣховъ въ его почтенныхъ занятіяхъ“.

Проф. *Н. Ѡ. Сумцовъ*, въ своемъ докладѣ о „Литературныхъ правахъ южно-русскихъ ученыхъ XVII в.“, сначала далъ опредѣленіе понятія о литературныхъ правахъ, указавъ на тѣсную связь ихъ съ общимъ политическимъ и нравственнымъ настроеніемъ. Малорусскіе ученые и писатели не были людьми узкими. Они интересовались политическими и общественными вопросами и часто становились на большую высоту пониманія. Большой заслугой ихъ была постоянная заботливость о просвѣщеніи народа, объ улучшеніи его соціального и экономическаго положенія. Они стремились къ тому, чтобы школы вездѣ можно было „вольно фундоваты“, чтобы дѣти „острили свои смыслы на родномъ языкѣ“, чтобы „свѣтъ умѣтности и правды“ разлился среди русскаго народа. Попутно было отмѣчено стремленіе ученыхъ къ взаимному единенію и поддержкѣ, ихъ полемическіе приемы и нѣкоторыя формальныя черты стараго книгоиздательства.

Проф. *В. З. Завитневичъ* отмѣтилъ значеніе данныхъ, приведенныхъ референтомъ, для рѣшенія вопроса о самостоятельности южно-русской культуры XVI—XVII в., вопроса, который рѣшается нѣкоторыми, напр., польскимъ ученымъ А. Яблоновскимъ, отрицательно; такое мнѣніе вызвало уже возраженіе со стороны русскихъ кѣвскихъ ученыхъ, и данныя, собранныя референтомъ, подкрѣпляютъ ихъ точку зрѣнія: усваивая техническую, матеріальную сторону культуры отъ Польши, южно-русскіе дѣятели просвѣщенія были самостоятельны въ духовной, идеальной ея области; такими чертами являются національное самосознаніе, демократическія стремленія, преданность православію, высокое понятіе о церкви, попытки борьбы съ схоластическимъ направленіемъ въ наукѣ и мысли.

М. М. Алексѣенко указавъ на широкое содержаніе реферата Н. Ѡ. Сумцова, охарактеризовавшаго разнообразныя теченія южно-русской культурной жизни данной эпохи, литературной, научной, общественной.

А. Я. Ефименко прочла докладъ: „Къ исторіи землевладѣнія въ Галицкой Руси въ XVI в.“ (Новый трудъ Яблоновекаго *Ruś Czegwona* и Жерсла до исторіи України Руси проф. Грушевскаго). Пользуясь этими источниками для уясненія одной стороны эволюціи понятій частной земельной собственности XVI в., которому посвящены вышеупомянутые матеріалы, авторъ представляетъ типъ частной земельной собственности, очень отличной отъ современной. Категоріи крупной земельной собственности состоятъ изъ „наданій“ на *jure feodali* (пожалованія), „заставы“, „держаній“ (арендъ). Все вмѣстѣ представляетъ собой земельную собственность лишь въ совершенно условномъ смыслѣ этого слова. Мелкая собственность частью представляетъ собой ту же условную собственность, какъ и предыдущая, но

частью имѣть иной характеръ. Это собственность такъ-называемыхъ шляхетскихъ „gniazd“ или околицъ. Здѣсь мы видимъ нѣчто аналогичное старорусскому дворищу, слагающемуся изъ долей (sortes), обрабатываемыхъ собственнымъ трудомъ (propriae culturae). Въ этой категоріи нѣтъ условности, и только эта часть частной поземельной собственности представляетъ собой нѣчто существенно сходное съ современной частной поземельной собственностью. Возможное объясненіе этой стороны можно видѣть въ древнерусскомъ социальномъ строѣ съ его двойственной формулой: князь и дружина съ одной стороны, земля и люди—съ другой.

Проф. *М. В. Довнаръ-Запольскій* замѣтилъ, что *А. Я. Ефименко* остановилась на выясненіи вопроса о крупной и мелкой собственности въ странѣ, но ему не ясно, почему референтъ раздѣляетъ правовое положеніе крупной поземельной собственности отъ мелкой. По мнѣнію проф. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* не ясно, почему референтъ допустилъ раздѣленіе на 3 группы въ правовомъ отношеніи; подобное раздѣленіе могло быть до нѣкоторой степени пригодно въ отношеніи экономическомъ, но не въ юридическомъ. Взгляды референта своеобразны, но, съ точки зрѣнія проф. *М. В. Довнаръ-Запольскаго*, не убѣдительны. Очевидно, референтъ перенесъ взгляды предыдущаго вѣка (XVI в.) въ болѣе позднее время. По мнѣнію *А. Я. Ефименко*, владѣніе сябровъ—это полная собственность, но это не исполнѣ такъ, потому что сябренное землевладѣніе было стариннымъ и очевидно, что это было какое-то другое землевладѣніе, а не то, о которомъ говорить *А. Я. Ефименко*.

Г. Пичета выразилъ сомнѣніе въ столь условныхъ правахъ шляхетства, замѣтивъ, что въ началѣ XVI в. начинается ростъ денежнаго хозяйства въ странѣ, на что имѣются доказательства въ памятникахъ Литовскаго законодательства, напр., жертвуется имѣніе не только до двухъ животомъ, но до трехъ и болѣе. Не вѣрно также, что въ XVI в. имѣнія такъ широко отнимались у шляхетства, когда оно захватило все права въ свои руки. вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что въ XVI в. происходитъ ростъ Магдебургскаго права совмѣстно съ развитіемъ крупной поземельной собственности, а также отсюда начинается развитіе крѣпостнаго права. Въ изслѣдованіяхъ проф. *Любавскаго* и *Довнаръ-Запольскаго* заключается много данныхъ, рѣзко расходящихся съ представленными референтомъ данными.

Проф. *Д. И. Багалъй* заявилъ, что онъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ выслушалъ докладъ и приноситъ *А. Я.* благодарность за то, что ею были указаны труды гг. *Яблоновскаго* и *Грушевскаго*; затрогиваемые вопросы освѣщены научно. Что же касается до аналогіи съ даннымъ современнымъ явленіемъ, то ея не можетъ быть, вслѣдствіе того, что они не совпадаютъ ни по времени, ни по мѣсту. Что касается территоріи, то положеніе Галицкой Руси, какъ извѣстно, нѣсколько иное сравнительно съ остальной русской землей и потому невозможно дѣлать широкихъ обобщеній относительно всей русской земли.

М. М. Алексѣенко замѣтилъ, что *А. Я. Ефименко* имѣла въ виду указать на условность землевладѣнія. Это явленіе общее во всехъ странахъ. Но во Франціи оно явилось со всей опредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, дѣлать объ этомъ какіе-либо опредѣленные выводы трудно. Несмотря на это, содержаніе реферата очень цѣнно,

представляя въ выпуклой формѣ все тѣ особенности относительно даннаго вопроса, какія заключаются въ трудахъ гг. Грушевскаго и Яблоновскаго. Пытаясь освѣтить поземельныя отношенія для Галицкой Руси, трудъ г. Ефименко вызываетъ также интересъ по этой части и для другихъ земель.

Г. К. Бугославскій прочелъ докладъ: „Къ вопросу о Бѣломорскихъ казакахъ въ XVI в.“ (Тр. Съѣзда; т. II; стр. 71).

Л. В. Падалка указалъ, что вопросъ о казачествѣ до сего времени не рѣшенъ, и что къ разрѣшенію этого вопроса должна быть привлечена филологія; въ древнемъ русскомъ языкѣ должны быть данныя для объясненія, что такое казачество. Не есть ли казачество нѣчто самобытное, а не тюркское (какъ нѣкоторые полагаютъ), получившее въ южной Руси новыя формы, противоположныя тѣмъ, какія были на сѣверѣ? Для разрѣшенія вопроса о казачествѣ въ этомъ смыслѣ рефератъ г. Бугославскаго представляетъ большой интересъ.

В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что среди казаковъ, упомянутыхъ референтомъ, можно различить 3 различныхъ вида. Къ первой категоріи, судя по повинностямъ (городовое строеніе, полонянничныя деньги), относятся казаки, упоминаемые въ древнѣйшихъ актахъ Бѣломорскаго края. Эти казаки извѣстны въ Московскомъ государствѣ уже въ XVст. и въ XVI—XVII вв., встрѣчающіеся обыкновенно подъ названіемъ городовыхъ казаковъ и представляютъ одинъ изъ разрядовъ великорусскихъ служилыхъ людей. Ко второй категоріи необходимо отнести казаковъ, упоминаемыхъ въ цитированной референтомъ описи XVII ст. Это—мѣстные сельскіе жители, занимающіеся ремеслами. Почему они называются казаками, Данилевичъ не беретъ отвѣтить, такъ какъ этотъ вопросъ относится къ филологіи или исторической этнографіи. Къ третьей категоріи относятся черкасы или черкашенины, упоминаемые въ актахъ XVII ст. Это черкасы или малороссы, устремляющіеся съ начала XVII ст. изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой въ Московское государство. Черкасы являются какъ по одиночкѣ, такъ и цѣлыми болѣе или менѣе численными группами, имѣющими свою особую организацію. Здѣсь они располагаются сначала преимущественно въ городахъ Бѣлгородской черты, но многіе уходятъ и во внутренніе города Московскаго государства, даже на удаленныя сѣверныя окраины его. Въ XVII ст. черкасы мало по малу заселили цѣлую обширную область—Слободскую Украину.

Проф. *В. З. Завитневичъ* предложилъ въ отвѣтъ на поставленный референтомъ вопросъ общія указанія, единственно возможныя. Матеріалъ референта даетъ основаніе заключить, что казаки не были бобылями, но и не были крестьянами; монастырскія власти за казаками слѣдятъ, какъ за безпокойнымъ элементомъ, но не гонятъ ихъ, потому что нуждаются въ нихъ. Казаки платили повинности только въ мирное время, но въ военное освобождались отъ нихъ, изъ чего слѣдуетъ, что казаки—военные люди, которые держатся на случай войны. Мы имѣемъ факты, когда частныя лица, какъ напр. Строгановы, имѣли право держать казаковъ для охраны себя. Повидимому, казаки, о которыхъ говорилъ референтъ, содержались монастырскими властями: въ направленіи колонизаціи монастырской идутъ и казаки. Что касается термина казакъ, то съ нимъ была знакома вся Русь, и этимъ объясняется появленіе этого термина на сѣверѣ.

Проф. Д. И. Багалый замѣтилъ, что начало казачества, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ—промысловый. Казачество на сѣверѣ не въ группѣ крестьянъ, но на рубежѣ бобылей и крестьянъ. Въ добровольномъ заселеніи казаками земель видимъ черту, которая сближаетъ великорусскихъ и южнорусскихъ казаковъ. Не слѣдуетъ объяснять Сѣвернорусскихъ казаковъ Днѣпровскими, они—Сѣвернорусскіе и Днѣпровскіе. Что касается названія казаковъ черкесами или черкешанами, то правильно назвать ихъ черкасами и черкашенянами.

Почетный предсѣдатель М. М. Алексѣенко отмѣтилъ, что референтъ привезъ съ далекаго сѣвера въ Екатеринославъ свѣдѣнія о казакахъ и возбужденіемъ вопроса о нихъ заслужилъ признательность со стороны членовъ Археологическаго Съѣзда.

Въ 7 часовъ вечера.

I Отдѣлъ: Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель—проф. В. Б. Антоновичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретари Отдѣленія—В. Г. Ляскоронскій и В. Е. Данилевичъ.

Предсѣдатель Съѣзда графиня П. С. Уварова привѣтствовала проф. В. Б. Антоновича слѣдующей рѣчью:

Любезнѣйшій Владиміръ Бонифатьевичъ!

Позвольте мнѣ, какъ послѣднему изъ могиканъ нашихъ первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ, привѣтствовать на XIII Съѣздѣ въ лицѣ Вашемъ одного изъ старѣйшихъ сочленовъ Съѣздовъ. Не сочтите это за нескромность съ моей стороны, не сердитесь на меня за напоминаніе о томъ, что Вы одинъ изъ старѣйшихъ членовъ; и если мысль эта можетъ внести нѣкоторую горечь въ Ваше сердце, то Вамъ въ утѣшеніе остается сознаніе, что я, давшая Вамъ наименованіе „старѣйшаго“, все-таки старше Васъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы въ первый разъ встрѣтились съ Вами на третьемъ нашемъ Съѣздѣ, который положилъ начало Вашихъ дружескихъ отношеній съ графомъ. Съ тѣхъ поръ не проходило ни одного Съѣзда, на которомъ Вы не приняли бы участія, или раскопками, или трудами, оставляющими всегда слѣдъ въ археологической наукѣ, служащихъ намъ всеѣмъ руководною нитью или указкою, безъ которой не слѣдуетъ приступать къ археологическимъ изысканіямъ или изслѣдованіямъ. Недавно, составляя Указатель къ трудамъ 12-ти пережитыхъ мною Съѣздовъ, я зарегистрировала 36 Вашихъ сообщеній на Съѣздахъ, между которыми имѣются такіе капитальные труды, какъ Археологическія карты Кіевской и Волынской губерніи. Не мнѣ, разумѣется, разбирать ихъ достоинства и оцѣнивать Ваши научныя заслуги, но не могу не вспомнить тѣхъ трудовъ, которые Вы понесли во время подготовительныхъ работъ къ Тифлисекому Съѣзду, жизнь Вашу въ степи, на курганѣ, куда мы прѣехали

навѣститъ Васъ съ графомъ; не могу не вспомнить нашихъ совмѣстныхъ съ Вами раскопокъ въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, наши дружескія отношенія при работахъ второго Кіевскаго Съѣзда, отношенія, которыя, надѣюсь, сохранятся еще надолго и прекратятся только съ окончаніемъ нашего земного существованія. Да живетъ же еще на многія лѣта Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ, и да послужитъ онъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ не только работать, но и относиться къ дѣлу и людямъ, которыхъ разъ полюбили.

Проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* сказалъ приблизительно слѣдующее: Позвольте и мнѣ, Владиміръ Бонифатьевичъ, какъ предсѣдателю нашей секціи, присоединиться къ привѣту графини Уваровой. Зная Вашу скромность, Вашъ страхъ предъ всякими оваціями, постараюсь быть краткимъ. Но исполнить Ваше желаніе и совсѣмъ не говорить, я не могу. Въ наше время, когда бряцаніе оружія, шумъ пушекъ и страстной политической борьбы заглушаютъ тихій и скромный голосъ науки, пора напомнить, что безъ предварительной, культурной работы науки ни геніальные герои, ни выдающіеся общественные дѣятели не могутъ имѣть успѣха; напомнить и то, что поздній иногда, но всегда безкорыстный и неподкупный судъ исторіи оцѣнивалъ народы, населяющіе нашу планету, въ концѣ - концовъ только по ихъ участію въ работѣ, по духовному прогрессу человѣчества. Къ числу радѣтелей этого прогресса принадлежите Вы, и въ продолженіе сорока лѣтъ работаете неутомимо надъ умственнымъ просвѣщеніемъ нашей родины.

Далѣе проф. фонъ-Штернъ вкратцѣ охарактеризовалъ ученые труды В. Б. по исторіи и археологіи, его методъ изслѣдованія и заключилъ пожеланіемъ, чтобы силы позволяли и на будущее время Нестору русской археологіи, учителю и руководителю нынѣшнихъ археологовъ, принимать дѣятельное участіе въ Археологическихъ Съѣздахъ.

Проф. *Д. И. Багалъй* привѣтствовалъ проф. В. Б. Антоновича въ качествѣ его ученика средняго поколѣнія, уже подходящаго къ концу своей университетской преподавательской дѣятельности. Проф. Д. И. Багалъй отмѣтилъ одну наиболѣе характерную черту,—то, что проф. В. Б. Антоновичъ создалъ цѣлую школу историковъ-археологовъ. Всѣ ученики его принимали и принимаютъ участіе въ археологическихъ изслѣдованіяхъ и Съѣздахъ, начиная отъ старшаго поколѣнія, продолжая среднимъ и оканчивая юнымъ, даже учениками учениковъ проф. В. Б. Антоновича. Причина такого явленія заключается въ связи областной разработки древне-русской исторіи, чѣмъ начинали свою ученую дѣятельность ученики высокоуважаемаго профессора, съ археологіей. Но тутъ замѣчается и непосредственное вліяніе примѣра проф. В. Б. Антоновича, который совершалъ совмѣстно со студентами археологическія экскурсіи. Въ то же время на учениковъ профессора должны были вліять также археологическіе труды его, ихъ интенсивность, разнообразіе, высокая важность, образцовая научность выводовъ, широта научныхъ интересовъ, вліяли и капитальные труды его въ сопредѣльныхъ, вспомогательныхъ по отношенію къ археологіи, наукахъ: антропологіи, архивномъ дѣлѣ, исторической географіи, народной исторической поэзіи, нумизматикѣ. Въ высокоуважаемомъ проф. В. Б. Антоновичѣ замѣчается сход-

ство съ Вирховомъ, выражающееся въ простотѣ, доступности, обязательности, трудолюбіи. Въстѣ съ тѣмъ проф. В. Б. Антоновичъ обнаруживалъ при устройствѣ Съѣздовъ замѣчательный организаціонный талантъ, какъ результатъ коллегіальнаго духа. Наконецъ, проф. В. Б. Антоновичъ всегда отличается своей любовью не только къ предмету занятій, но и къ той территоріи и народу, который служитъ предметомъ изученія. Они не только являются предметомъ ученаго вниманія, но въ трудахъ проф. В. Б. Антоновича живетъ душа и сердце. Проф. В. Б. Антоновичъ былъ всегда виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, стремившимся неизмѣнно къ осуществленію прогрессивныхъ началъ и вѣрнымъ сыномъ Украины. Мало того, проф. В. Б. Антоновичъ принадлежитъ къ числу дѣятелей эпохи великихъ реформъ 60-хъ годовъ и донесъ свои знанія до новѣйшаго историческаго момента. Онъ постоянно привлекалъ и группировалъ вокругъ себя все живое и прогрессивное. Рѣчь свою проф. Д. И. Багалій заключилъ словами, сказанными нѣкогда А. Ф. Кони о Кавелинѣ: „Вы выступили на общественную арену и были передовымъ дѣятелемъ въ 60-хъ годахъ. Вы не устали работать въ 70-хъ, 80-хъ, 90-хъ годахъ. Вы были молоды. Вы моложе многихъ изъ насъ и теперь“.

Проф. В. Б. Антоновичъ въ своей отвѣтной рѣчи благодарилъ за высказанныя ему привѣтствія, но заявилъ, что считаетъ похвалы выше своихъ заслугъ. Одно, что онъ можетъ принять на свой счетъ—это руководство молодого поколѣнія въ научномъ отношеніи. Онъ считаетъ себя обязаннымъ во многихъ отношеніяхъ покойному графу А. С. Уварову, совмѣстно съ которымъ производилъ однѣ изъ первыхъ своихъ раскопокъ. Онъ дѣлалъ то, что считалъ себя обязаннымъ дѣлать, и что дѣлаютъ и другіе ученые. Такое вниманіе къ себѣ, глубоко тронувшее его, онъ объясняетъ своимъ возрастомъ, такъ какъ ученые, отбывшіе сорокалѣтіе своей дѣятельности, встрѣчаются не такъ часто.

Затѣмъ И. М. Луценко (земскій врачъ изъ Одессы) и Н. В. Левицкій (артельный предприниматель изъ Елизаветграда), попрося слова, прочли заявленія, высказывающія порицаніе Императорскому Моск. Археол. Обществу за неприглашеніе на Съѣздъ Галицкихъ ученыхъ. Почетный предсѣдатель засѣданія заявилъ протестантамъ, что, основываясь на §§ 22 и 24 Правилъ Археологическаго Съѣзда, означенныя заявленія не относятся къ настоящему засѣданію, а могутъ быть направлены въ Совѣтъ Съѣзда.

Д. И. Эваркицкій сдѣлалъ сообщеніе „О раскопкахъ кургановъ въ Екатеринославской губерніи“ (Т. I. Трудовъ Съѣзда; стр. 108).

В. Г. Ляскоронскій „О Городицахъ и Длинныхъ валахъ въ области рр. Псла и Ворсклы“ (т. I Трудовъ Съѣзда, стр. 158).

Н. И. Веселовскій спросилъ референта: почему онъ называетъ скифскимъ Бѣльское городище? Скифы знали издавна желѣзо и даже у самыхъ древнихъ скифовъ на Кавказѣ имѣется отличное желѣзо. Въстѣ съ тѣмъ онъ желалъ бы знать, встрѣтился ли референту волнистый или геометрическій орнаментъ на черепкахъ описанныхъ городищъ.

Д. И. Багалій отмѣтилъ, что представленный референтомъ матеріалъ строго

опредѣленнаго характера—описательный. Онъ полагаетъ, что городища въ древности были тѣми пунктами, на которые опиралось населеніе; интересно поэтому разсмотрѣть эти городища въ сопоставленіи ихъ съ данными книги Большаго чертежа.

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. вечера.

18-го августа.

10 час. утра.

I Отдѣленіе: Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель—губерн. предводит. дворянства М. И. Миклашевскій.

Предсѣдатель отдѣленія—проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретари отдѣленія—В. Г. Ляскоронскій, Е. П. Трифилевъ и В. Е. Данилевичъ.

Докладъ *В. В. Хвойко* подъ заглавіемъ: „Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ южной Россіи“ (т. I Тр. Съѣзда, стр. 1), былъ прочитанъ И. М. Каманинымъ.

В. Б. Антоновичъ, признавая за трудами г. Хвойко научныя достоинства, замѣтилъ, что гипотеза его шире фактовъ и что терминъ, предлагаемый г. Хвойко, уже введенъ раньше гр. Бобринскимъ. Что же касается вопроса о существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи, то признать этого нельзя: бронзовыя орудія здѣсь попадаются спорадически и не въ погребеніяхъ. Очевидно, что край представлялъ территорию, черезъ которую проходили народы разныхъ племенъ.

Н. И. Веселовскій отмѣтилъ, что въ настоящее время еще нѣтъ достаточныхъ основаній для признанія существованія бронзоваго вѣка на югѣ Россіи. Однако, уже есть на это нѣкоторыя указанія, а именно — существованіе формочекъ для отливки бронзовыхъ орудій.

Э. Р. фонъ-Штернъ, воздавая должное заслугамъ В. В. Хвойко, замѣтилъ, что раздѣленіе т.-н. трипольской культуры на 4 періода ему кажется пока мало доказаннымъ, что его нападки на науку, которая будто появленіе земледѣлія въ Европѣ связываетъ съ приходомъ народа, знавшаго металлы, неосновательными, такъ какъ цѣлый рядъ ученыхъ уже до г. Хвойко, а именно, всѣ тѣ, которые считаютъ Европу прародиной индо-европейскаго племени, относятъ начало земледѣлія къ неолитическому періоду, и наконецъ, что чисто бронзовый вѣкъ на югѣ Россіи пока установить нельзя.

Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ отмѣтила находженіе въ одномъ изъ сосудовъ изъ площадокъ бронзоваго топорика вмѣстѣ съ костянымъ топорикомъ.

Д. И. Багалъй прочелъ сообщеніе „О раскопкѣ кургановъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ. въ 1903 году“ (т. I Труд. С. стр. 369).

Д. И. Эварницкій замѣтилъ, что въ имѣніи Синельникова также найдены многіе предметы, аналогичные съ найденными референтомъ. Но Синельниковскія находки интересны тѣмъ, что тамъ найдены и серебряные предметы. Кроме того была

найдена и сердоликовая буса, тождественная съ бусой, поавшейся въ раскопкахъ Д. И. Багалѣя.

Н. И. Веселовскій заявилъ, что курганы эти, судя по всему, принадлежать къ числу разоренныхъ. Что касается синихъ бусъ, то онѣ не характерны, а характерны ножи, зеркала, очевидно, греческіе привозные, попадавшіе сюда вмѣстѣ съ греческими сосудами.

В. Е. Данилевичъ сообщилъ о „Раскопкахъ около д. Кекенеизъ, Ялтинскаго уѣзда, Таврической губерніи, лѣтомъ 1903 года“.

Референтъ производилъ раскопки въ мѣстности, лежащей между д. Кекенеизъ и моремъ. Онъ изслѣдовалъ 3 типа могильныхъ сооружений, курганъ неопредѣленнаго назначенія и 1 городище (исаръ).

Дольмены изслѣдованы референтомъ въ 3 мѣстахъ этого района, при чемъ ихъ зарегистрировано 12. Изъ этого числа референтъ раскопалъ 11 дольменовъ, а двѣнадцатый былъ настолько разрушенъ, что изслѣдовать было излишне. Такъ какъ дольмены въ этой мѣстности совершенно тождественны по своему внѣшнему виду и доставляютъ вещи одного и того же культурнаго типа, то референтъ соединяетъ вмѣстѣ описаніе всѣхъ изслѣдованныхъ имъ дольменовъ.

Всѣ дольмены въ этомъ районѣ болѣе или менѣе разрушены,—крышъ не оказалось ни на одномъ изъ нихъ. Размѣры дольменовъ таковы: длина — отъ 1 ар. $8\frac{3}{8}$ в. до 3 ар., ширина отъ 1 ар. $3\frac{1}{2}$ в. до 2 ар. 7 в., глубина отъ 3 до 1 ар. 3 в.

Обрядъ погребенія удалось установить въ 3 дольменахъ, въ которыхъ были погребены 5 скелетовъ. Они лежали на боку, въ сильно скорченномъ видѣ и были ориентированы различно: 2—съ С. на Ю., 1—съ С.-В. на Ю.-З. и 1 съ Ю. на С.,—пятый оказался въ безпорядкѣ. Вещи, сопровождавшія скелеты, были расположены въ большинствѣ дольменовъ около стѣнъ. Для засыпки дольменовъ употреблялась исключительно мѣстная почва (желтая глина) съ примѣсью мелко разбитыхъ камней и морскихъ валуновъ, а въ верхнихъ слояхъ встрѣчались уголья, куски черепицы и черепки глиняныхъ сосудовъ весьма поздняго типа. Подсыпка встрѣтилась только разъ и состояла изъ мелко истолченнаго угля.

Инвентарь находокъ и по матеріалу, и по характеру предметовъ весьма однообразенъ. Большая часть предметовъ сдѣлана изъ бронзы: частью изъ листовой бронзы, частью изъ бронзовой проволоки различной толщины. Кромѣ того встрѣтились издѣлія изъ стекла (1), пасты и кости, а также просверленные морскія раковины вида *Cypraea moneta*.

Большая часть найденныхъ здѣсь бронзовыхъ вещей представляетъ предметы украшенія: нашивныя штампованныя бляшки, браслеты, кольца, привѣски, булавки и т. д. При этомъ встрѣчается много предметовъ, имѣющихъ видъ цилиндрическихъ и коническихъ спиралей. Изъ оружія встрѣтились 2 бронзовыя стрѣлки типа, близкаго къ древнѣйшимъ стрѣлкамъ изъ Кобани, но въ нихъ уже замѣчается переходъ къ скинскимъ двулепестнымъ стрѣлкамъ. Изъ предметовъ домашняго обихода найдены 2 желѣзныхъ гвоздя, весьма похожіе на желѣзные гвозди въ находкахъ болѣе поздняго времени.

Сопоставляя данныя своихъ раскопокъ съ результатами изысканій гр. Бобринскаго около г. Ялты, гдѣ дольмены доставили желѣзные предметы, референтъ отнесъ дольмены около д. Кекенеизъ къ началу желѣзной культуры. При этомъ онъ отмѣтилъ, что между культурой дольменовъ и культурой прочихъ, изслѣдованныхъ имъ въ этомъ районѣ, памятниковъ древности не замѣчается никакой связи, а также хронологически они раздѣлены громаднымъ промежуткомъ времени.

Изслѣдованныя имъ на урочищѣ Катра-Ташларъ каменные ящикообразныя могилы приходилось открывать съ помощью послыной раскопки, такъ какъ надъ могилами не было ни кургановъ, ни каменныхъ надгробій. Эти могилы представляютъ прямоугольныя ямы въ почвѣ, обложенныя съ 4 сторонъ и прикрытыя сверху каменными плитами. Онѣ обнаруживались на различной глубинѣ (отъ 3 в. до 1 ар. $7\frac{1}{4}$). Размѣры этихъ могилъ не одинаковы: длина — отъ 1 ар. $2\frac{3}{8}$ в., ширина — $8\frac{1}{4}$ в. до $9\frac{5}{10}$ в., глубина — отъ $4\frac{3}{4}$ в. до $15\frac{1}{2}$ в.

Могилы содержали коллективныя погребенія (отъ 2 до 10 скелетовъ), при чемъ кости равнѣ погребенныхъ при послѣдующихъ погребеніяхъ сдвигались въ сторону. Скелеты лежали на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами и въ большинствѣ случаевъ (4) были ориентированы съ С.-З. на Ю.-В., — лишь въ 1 случаѣ скелетъ оказался ориентированнымъ съ В. на З. Инвентарь находокъ очень бѣденъ и состоялъ изъ бронзовыхъ проволочныхъ колечекъ и шаровидныхъ пуговицъ, сердоликовой бусы, бусы изъ горнаго хрустала.

Своимъ устройствомъ и типомъ погребеній могилы на Катра-Ташларъ сближаются съ могилами на Параланыкъ-Кая (въ Токлукѣ) и могилами, изслѣдованными гр. Бобринскимъ на Кавказѣ: у Херха, у Веденя и у Хатуны. Но все эти могилы доставили вещи, отличающіяся по своему культурному типу отъ описанныхъ выше. Больше аналогіи эти вещи встрѣчаютъ въ инвентарѣ славянскихъ погребеній до-татарскаго періода, какъ напр., въ инвентарѣ бѣднѣйшихъ погребеній около с. Ницахи, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Затѣмъ референтъ отмѣтилъ, что во многихъ отношеніяхъ приближается къ этимъ могиламъ курганъ съ каменной обкладкой на ур. Исарское кладбище. Описавъ подробно устройство каменнаго склепа, обнаруженнаго въ курганѣ, референтъ указалъ, что погребеніе было тутъ коллективнымъ, при чемъ болѣе ранніе скелеты при новыхъ погребеніяхъ сбрасывались въ канавку, устроенную на днѣ склепа. Инвентарь находокъ очень бѣденъ, и вещи, найденныя тутъ (бронзовыя пуговицы, стеклянныя браслеты и т. д.) относятся къ позднему средневѣковью. Такъ, стеклянныя браслеты встрѣчаются въ большомъ числѣ въ Херсонесѣ и въ находкахъ велико-княжескаго періода г. Кіева. А такъ какъ инвентарь вещей изъ могилъ и изъ кургана почти тождественъ, то оба эти вида погребальныхъ сооружений можно отнести приблизительно къ одному времени. Судя по находкамъ, и могилы, и курганъ относятся къ той эпохѣ, которая въ русской исторіи опредѣляется названіемъ до-татарскаго періода.

Отмѣтивъ затѣмъ, что раскопка кургана на ур. Буюкъ-Узень-Исарларъ не дала никакихъ результатовъ, референтъ сообщилъ тѣ данныя, которыя доставила раскопка

2 часа дня.

IX Отдѣленіе: Археографія и архивовѣдѣніе.

Почетный предсѣдатель—Л. И. Савеловъ.

Предсѣдатель отдѣленія—А. С. Сіяевскій.

Секретари отдѣленія—В. А. Харламовъ, И. Ѳ. Вертоградовъ и П. А. Незнамовъ.

Засѣданіе открылось краткой рѣчью почетнаго предсѣдателя, *Л. М. Савелова*, посвященной памяти проф. Новороссійскаго университета А. И. Маркевича, принимавшаго участіе въ Археологическихъ Сѣздахъ, начиная со втораго, и бывшаго предсѣдателемъ отдѣленія археографіи и архивовѣдѣнія на XII Археологическомъ Сѣздѣ въ Харьковѣ.

Предсѣдатель отдѣленія *А. С. Сіяевскій* посвятилъ свою вступительную рѣчь также памяти А. И. Маркевича. Въ своей рѣчи онъ охарактеризовалъ его дѣятельность, какъ ученаго и профессора. Кромѣ профессорской и ученой дѣятельности А. И. Маркевичъ усердно работалъ и по устройству какъ предыдущихъ, такъ и настоящаго Археологическихъ Сѣздовъ; когда въ Одессѣ было открыто отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIII Археологическаго Сѣзда, онъ принялъ въ немъ обязанности секретаря, а также пришелъ на помощь трудамъ Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи.

Память проф. Маркевича собраніе почтило вставаніемъ.

И. М. Каманинъ: „Метрическій методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южно-русскаго устава и полуустава XVI—XVIII вв.“

Въ настоящее время палеографія для опредѣленія времени и мѣста написанія документа пользуется данными исторіи и филологіи, качествомъ матеріала для письма, водными знаками бумаги, орнаментомъ и, наконецъ, рисункомъ, фигурой буквъ; но все это составляетъ лишь половину работы въ дѣлѣ изслѣдованія письма. Недостаетъ точнаго метода, который давалъ бы положительныя результаты. Наблюденія референта привели его къ мысли, что между широтой и высотой буквъ, ихъ разстояніемъ между собою, между словами и строками существуетъ всегда опредѣленное отношеніе, которое въ извѣстные періоды измѣняется, и эти измѣненія служатъ показателями возраста рукописей. Оставалось лишь измѣрить буквы и ихъ разстоянія и опредѣлить взаимоотношеніе цифръ. Необходимы инструменты; готовыхъ не было, и референту самому пришлось заняться приспособленіемъ существующихъ. Для этого онъ употребилъ: 1) раздвижной циркуль съ миллиметрической скалой на дугѣ, укрѣпленной надъ циркулемъ; онъ требовалъ при работѣ большой затраты времени и потому требовалъ измѣненія; 2) самораздвигающійся посредствомъ пружины и винта циркуль съ миллиметрической скалой у конца одной изъ ножекъ; онъ удобенъ; 3) неподвижную стеклянную линейку съ дѣленіями на миллиметры и полумиллиметры для провѣрки показаній циркуля и болѣе мелкихъ измѣреній (эти три инструмента референтъ называетъ графометрами); 4) обыкновенный транспортиръ съ масштабомъ и

прикрѣпленной къ послѣдному ниткой для измѣренія наклоновъ линій. (Всѣ эти инструменты при чтеніи были демонстрированы).

Наконецъ, референту пришлось выработать и программу вопросовъ, на которые инструменты давали отвѣты. Такъ какъ палеографическія измѣренія возможно производить лишь по подлиннымъ рукописямъ вслѣдствіе недостатковъ, заключающихся въ нашихъ палеографическихъ изданіяхъ, то референтъ для своего изслѣдованія пользовался рукописями, хранящимися въ бібліотекахъ и музеяхъ Кіева, Каменца и Житомира.

Измѣренія показали, что буквы раздѣляются на узкія (е, о, р, с, ь), широкія (ж, м, т, ш, щ, ы, ф, ө, ѡ, ѧ, і-є, Ъ, ѣ, Ѧ,) и среднія (а, б, в, г, з, л, н, п, у, х, ц, ч.), между которыми и широкими есть еще посредствующія (д, к, л, н, п, ы), переходящія то къ одной, то къ другой изъ этихъ группъ.

Измѣренія показали, что шрифты XVI в., въ сравненіи со шрифтами XI в., отличаются большой широтой буквъ по отношенію къ высотѣ при большихъ высотахъ въ 7—4 м.м.; среднія буквы почти не измѣняются, а узкія, при малыхъ высотахъ въ 3—1½ м.м. становятся квадратными, т.-е. ихъ широта равняется высотѣ; красивыми буквами изъ нихъ являются тѣ, которыя слѣдуютъ геометрическому правилу дѣленія линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи.

Въ концѣ XVI в. острожское и кіевское письмо проявляетъ наклонность къ суженію по закону золотого сѣченія. Въ XVII в. это суженіе уже окончательно устанавливается; двѣ узкія буквы „о“ и „р“ переходятъ въ разрядъ среднихъ буквъ, широкія становятся уже, хотя все же 2 м.м. больше высоты, а среднія, бывшія въ XVI в. равными высотѣ, суживаются на 1 м.м., разстояніе между строками увеличивается, а между словами только появляется.

Рукописи XVIII в. продолжаютъ идти по тому же направленію; суженіе ихъ еще болѣе увеличивается, посредствующія буквы исчезаютъ, наклонъ линій буквъ равняется 90°, тогда какъ въ предшествующіе вѣка онъ колебался до 80° вправо и влѣво, словомъ письмо медленно, но постепенно идетъ впередъ и развивается по закону золотого сѣченія и становится болѣе красивымъ.

Національность весьма обнаруживается также измѣреніями. Южно русское отличается наклономъ влѣво и большей широтой буквъ; сѣверно-русское — наклономъ вправо и большимъ суженіемъ буквъ.

Въ мѣстномъ письмѣ также замѣтны, благодаря измѣреніямъ, особенности: кіевское письмо отличается узостью буквъ по отношенію къ высотѣ; волынское большей широтой, а подольское занимаетъ среднее мѣсто; два послѣднія письма отражаютъ на себѣ готическое вліяніе.

Палеографическое описаніе рукописи №

1. Заглавіе рукописи:
2. Время ея написанія:
3. Мѣсто ея написанія:
4. Мѣсто настоящаго храненія:
5. Матеріаль рукописи и водный знакъ:

6. Форматъ и размѣръ рукописи и число страницъ:
7. Число столбцовъ и строкъ на страницѣ:
8. Число буквъ въ строкѣ:
9. Высота буквъ:
10. Ширина ихъ (въ широкой части):
11. Толщина линій буквъ:
12. Разстояніе между строками:
13. Разстояніе между буквами:
14. Наклонъ линій буквъ подъ угломъ:
15. Знаки препинанія:
16. Особенности начертанія буквъ и орнамента и выноски надъ строку:

Примѣчаніе: Измѣреніе сдѣлано въ сантиметрахъ и миллиметрахъ.

Въ заключеніе референтъ указалъ на задачи, которыя даются для палеографовъ принятіемъ метрическаго метода, на возможность усовершенствованія инструментовъ и развитіе программы измѣреній.

Предсѣдатель отдѣленія А. С. *Синяевскій* обратилъ вниманіе на огромное значеніе доклада не только для опредѣленія времени и мѣста написанія памятника, но и его возстановленія, указалъ на заслуги И. М. Каманина по изученію университетскаго архива въ Кіевѣ и предложилъ выразить ему благодарность, что было принято единогласно.

А. И. *Маркевичъ*. „Къ исторіи крымскихъ архивовъ“ (т. II Тр. Съѣзда, стр. 166).

В. А. *Бѣдновъ*: „Свѣдѣнія объ архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи“ (т. II Тр. Съѣзда; стр. 185).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе П. М. Добровольскій, Д. П. Миллеръ и др.

П. П. *Добровольскій* указалъ на значеніе реферата, какъ перваго опыта описанія консисторскихъ архивовъ и обратилъ вниманіе на цѣнность этихъ архивовъ вообще.

По обсужденіи этого вопроса собраніе признало желательнымъ возбудить ходатайство передъ Святѣйшимъ Синодомъ объ открытіи широкаго доступа въ архивы духовныхъ консисторій.

Въ заключительной рѣчи почетный предсѣдатель Л. М. Савеловъ, указавъ на то, что мѣстные архивы, какъ это выяснилось изъ выслушанныхъ докладовъ А. И. Маркевича и В. А. Бѣднова, находятся попрежнему въ жалкомъ состояніи, предложилъ Съѣзду вновь возбудить ходатайство о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи.

7 час. вечера.

IV Отдѣленіе: Быть юридическій, общественный, домашній и военный.

Почетный председатель—проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Председатель отдѣленія—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари—А. П. Кадлубовскій, В. Г. Ляскоронскій и В. И. Савва.

Пр.-доц. В. Г. Ляскоронскій: „О походѣ кн. Витовта и его битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г.“.

Референтъ, характеризуя походы Витовта въ степь какъ органическое наслѣдіе предыдущей жизни русской, считаетъ возможнымъ, что походъ Витовта на татаръ въ 1399 г. былъ совершенъ тѣмъ путемъ, какого обыкновенно держались русскіе во время походовъ въ степи въ предыдущее время. Въ древнее время въ южной Руси было два пути, какими совершались походы въ степи: путь сѣверный, проходившій между верховьями рр. Сулы, Псла, Ворсклы и долиной Посемья, и путь южный, проходившій черезъ нижнее теченіе рр. Сулы, Псла и Ворсклы. Этимъ вторымъ путемъ кочевники во время своихъ набѣговъ такъ часто пользовались, что онъ даже получилъ названіе *злотѣйскаго*; пользовались имъ и русскіе князья во время походовъ въ степи. На этотъ путь обращаютъ особенное вниманіе русскіе и стараются разными мѣрами обезопасить его.

На правой сторонѣ Днѣпра во время Витовта была намѣчена къ укрѣпленію линія, начиная отъ предѣловъ Подолія до р. Днѣпра. Здѣсь были устроены крѣпости Звенигородъ и Черкасы и поселены въ укрѣпленныхъ пунктахъ татары. Намекомъ на пребываніе здѣсь татаръ служитъ походъ Ольгерда на татаръ и его битва съ ними близъ р. Синія-Воды. Здѣсь же находились и поселенія другихъ лицъ, исполнявшихъ обязанность защищать южно-русскія окраины. На лѣвой сторонѣ Днѣпра такой защитной линіей была р. Ворскла, очень удобная своими стратегическими пунктами, разбросанными на берегахъ этой рѣки.

Мѣстность, гдѣ происходила переправа на правую сторону Днѣпра, находилась ниже р. Псла: здѣсь были самые переходы и броды черезъ рѣку. Здѣсь былъ ключъ при переправѣ съ одной стороны Днѣпра на другую. Черезъ эти мѣста переходили и татары. Вѣроятно и Тахтамышъ пришелъ этимъ путемъ со своими татарами и поселился на правой сторонѣ Днѣпра, въ южной части Кіевской земли, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обитали татары и позже. Преслѣдовавшій Тахтамыша Темиръ-Култукъ шелъ на правую сторону Днѣпра, чтобы захватить своего противника и затѣмъ уже грабить Кіевъ.

Предвидя нападеніе враговъ, Витовтъ рѣшаетъ предупредить ихъ и пойти имъ навстрѣчу. Путь Витовта шелъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра черезъ рр. Сулу и Пселъ и направлялся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ на порогѣ со степью находились стратегическіе пункты. Къ этимъ же пунктамъ подвигался и Темиръ-Култукъ. Последний, не доходя Ворсклы, расположился въ томъ мѣстѣ, откуда открывался широкой круго-

зорь вокругъ, т.-е. на берегахъ р. Орели. Отсюда, дожидаясь подхода войскъ Эдигея, Темиръ и рѣшилъ дать битву Витовту. Последний былъ вызванъ изъ своей крѣпкой позиціи на р. Ворсклѣ въ степь и здѣсь былъ разбитъ на голову. Войско Тахтамыша, охранявшее обозъ литовской арміи, было обойдено и также разбито. Въ виду того, что главный стратегическій пунктъ на р. Днѣпрѣ былъ близъ Переволочной, можно полагать, что здѣсь-то и происходила битва Витовта съ татарами. Къ этому склоняло докладчика также преданіе среди мѣстныхъ жителей о страшной рѣзнь, происходившей нѣкогда здѣсь и отличавшейся тѣмъ, что она произошла среди союзниковъ Литвы, шедшей здѣсь на Украину. Кромѣ того, урочище Тахтайка близъ м. Переволочной, на устьѣ Ворсклы, еще болѣе склоняетъ автора признать, что битва Витовта съ татарами происходила близъ устья р. Ворсклы.

Референту возражалъ проф. *В. Б. Антоновичъ*, говоря, что выводы автора могутъ имѣть основаніе только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что во время нашествія Темира Тахтамышъ со своими татарами обиталъ на правой сторонѣ Днѣпра.

Референтъ указалъ, что въ польскихъ источникахъ находятся на это указанія довольно ясныя, а именно, что Тахтамышъ со своими татарами жилъ въ Кіевской области, что, кромѣ того, при дворѣ Витовта проживало много татарскихъ князей и что они, конечно, жили въ Витовтовой столицѣ, Кіевѣ, не одни, а со своими татарами.

В. И. Пичета сдѣлалъ указаніе, что названіе „Витовтова могила“ существуетъ близъ Опошны въ Полтавской губ., гдѣ поются пѣсни, относящіяся къ данной эпохѣ и связанныя съ именемъ Витовта. Затѣмъ онъ отмѣтилъ, что на лѣвомъ берегу Днѣпра находится много названій татарскаго характера, напр. „Тахтауль“; эти данныя, по мнѣнію *В. И. Пичеты*, также слѣдуетъ принять во вниманіе при опредѣленіи мѣста битвы.

Л. В. Падалка и *Д. И. Эварницкій* указали на существованіе въ Переволочномъ главной переправы черезъ Днѣпръ и что Витовтъ обращалъ особенное вниманіе на стратегическіе пункты по Днѣпру, вслѣдствіе чего построилъ даже замокъ у Днѣпра близъ Кременчуга.

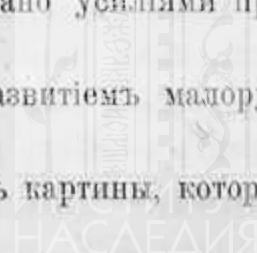
Л. М. Савеловъ доложилъ о „Происхожденіи и составѣ дворянства на Дону въ XVIII в.“ Донское казачество, демократическое по происхожденію и по составу, демократически относилось и къ своей старшинѣ; на случай похода избирались полковники и атаманы, но кончался походъ, и полковники и атаманы складывали свои булавы и насадки передъ войсковымъ кругомъ и смѣшивались съ остальнымъ казачествомъ до слѣдующаго похода. Среди этихъ бывшихъ полковниковъ и атамановъ были лица, которыя стремились тѣмъ или другимъ способомъ сохранить свое привилегированное положеніе навсегда и распространить его на своихъ близкихъ. Такія стремленія отдѣльныхъ лицъ, болѣе честолюбивыхъ и энергичныхъ создали на Дону особый старшинскій классъ. Началомъ этого отдѣленія старшины отъ рядоваго казачества референтъ считаетъ конецъ XVII и начало XVIII вв., когда званіе старшины начинаетъ становиться какъ бы семейнымъ, когда войсковой кругъ изъ уваженія къ заслугамъ

отца избираетъ на какую-либо должность сына. Слѣдствіемъ выдѣленія изъ общей массы казачества нѣкоторыхъ семей было появленіе въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. фамильныхъ прозваній, какъ отличій извѣтнаго рода, при чемъ въ фамильное прозваніе переходило имя отличавшагося предка; таковы фамиліи: Ефремовы, Фроловы, Денисовы и др. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ сохранились прозванія, съ которыми предки пришли на Донъ, или перешли въ фамильныя прозванія прозвища предковъ, таковы Иловайскіе, Машлыканы, Краснощековы и др. Съ появленіемъ фамильныхъ прозваній какъ бы появилось фамильное честолюбіе: попавшій въ атаманы тянетъ своихъ родственниковъ въ старшину и роднится преимущественно съ старшинскими семьями. Въ это время казачеству приходилось все больше и больше считаться съ русскимъ центральнымъ правительствомъ, и представители старшины начинаютъ добиваться утвержденія Царскимъ, а затѣмъ и Императорскимъ правительствомъ всѣхъ льготъ и привилегій, которыми они пользовались при своемъ собственномъ управленіи, прекрасно понимая, что милости изъ рукъ Царскаго или Императорскаго правительства затмятъ милости войскового круга. Правительство, нуждаясь въ казачествѣ, пошло навстрѣчу такому стремленію и начало жаловать сначала ковши и сабли, а затѣмъ званія старшины и армейскихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ внѣшними отличіями начало улучшаться и матеріальное положеніе старшины, въ рукахъ которой было размежеваніе свободныхъ земель; иногда старшина жаловалась землями. Потомки бѣглыхъ, владѣя землею, начинаютъ заселять свои земли крѣпостными крестьянами. Въ 1802 г., т.-е. черезъ 4 года послѣ оффиціального возникновенія дворянства на Дону, въ области войска насчитывалось 70,000 крѣпостныхъ. Въ послѣдней четверти XVIII в. видимъ во главѣ донскаго казачества небольшой привилегированный кружокъ — казачью аристократію; ея внутренній бытъ, прежде патріархальный, начинаетъ мѣняться и отличатся отъ быта остального казачества, но это было выдѣленіе немногихъ изъ массы казачества. Указомъ Павла I отъ 22 сентября 1798 г. вся чиновная часть казачества была произведена въ дворянское достоинство. Составъ донскаго дворянства былъ весьма разнообразенъ по національности, но громадное большинство было чисто русскаго происхожденія. Въ самомъ концѣ XVIII в. на Дону появляется титулованное дворянство, а въ царствованіе Александра I вводятся на Дону дворянскія учрежденія, и донское дворянство входитъ въ составъ всероссійскаго дворянства.

В. А. Харламовъ, возражая референту, находилъ, что главную роль въ развитіи дворянскаго сословія надо приписать къ политикѣ московскаго правительства; это послѣднее послѣ бунта Разина стремилось притянуть на свою сторону казаковъ, особенно выдающихся, разными средствами: подарками, дарованіемъ выгодъ и привилегій; *В. А. Харламовъ* полагалъ, что такимъ образомъ дворянство на Дону не возникло путемъ естественнаго развитія на почвѣ мѣстныхъ условій, при указанномъ референтомъ демократическомъ характерѣ жизни на Дону, а создано усиліями правительства.

Д. И. Багалъй указалъ на аналогію даннаго явленія съ развитіемъ малорусскаго дворянства.

М. В. Довнаръ-Запольскій отмѣтилъ интересъ для историковъ картины, которую нарисовалъ референтъ, основываясь на первоисточникахъ.

Проф. *Д. И. Багалъй* ознакомилъ собраніе съ „Неизданными сочиненіями Г. С. Сковороды“.

Докладчикъ распространился главнымъ образомъ о 4-хъ неизданныхъ до сихъ поръ сочиненіяхъ Сковороды, которыя теперь онъ получилъ возможность напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, благодаря содѣйствію академика А. А. Шахматова. Сочиненія эти преимущественно богословскаго характера: 1) „Израильскій змій“ (1776), 2) „Асхань“, 3) „Потопъ змій“ (1791), 4) „Книжечка о чтеніи св. Писанія, нареченная жена Лотова“. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проф. *Д. И. Багалъй* отмѣчалъ: высокое почитаніе Библии, какъ источника познанія; далѣе духовное, а не формальное пониманіе Сковородою св. Писанія, не отрицающее, но ставящее на задній планъ форму, обрядъ; мысль о превосходствѣ духовнаго начала надъ матеріальнымъ; признаніе правъ испытующаго разума человѣческаго; ученіе Сковороды о необходимости самоуглубленія, самопознанія, которое можетъ вести вмѣстѣ съ Библіей къ постиженію Бога и къ духовному счастью. Далѣе проф. *Д. И. Багалъй* напомнилъ высказанныя въ литературѣ о Сковородѣ мнѣнія, объ источникахъ ученія Сковороды, объ отношеніи его къ церковному ученію (проф. А. С. Лебедева, проф. *Θ. А. Зеленогорскаго*, А. Я. Ефименко, г. Краснюка) и указывалъ, что вновь издаваемые сочиненія содѣйствуютъ рѣшенію этихъ вопросовъ.

Въ заключеніе докладчикъ выражалъ сожалѣніе, что сочиненія Сковороды не могли быть изданы своевременно, при его жизни, по условіямъ отъ него независѣвшимъ и не оказали того благотворнаго, гуманнаго и просвѣтительнаго вліянія, какое можно было бы ожидать отъ нихъ, и что и самъ Сковорода не могъ испытать благотворнаго вліянія, которое оказываетъ на писателя общеніе его съ читателями, съ обществомъ и съ критикой.

По поводу реферата *Д. И. Багалъя С. М. Станиславскій* высказалъ мнѣніе, что Сковорода повидимому пользовался и еврейскою, послѣ-библейскою письменностью, которая могла оказывать на него извѣстное вліяніе (нѣкоторыя выраженія Сковороды, напр. въ характеристикѣ Библии, напоминаютъ эту письменность), что на него оказывали вліяніе сочиненія Филона Александрійскаго, а раціоналистическія толкованія Библии (напр. чудесь) отражаютъ воздѣйствіе Спинозы.

Д. И. Багалъй, признавая возможною извѣстную зависимость Сковороды отъ еврейской письменности, указывалъ отсутствіе положительныхъ указаній на этотъ счетъ; равнымъ образомъ признавалъ труднымъ установить зависимость его отъ Спинозы: украинскій философъ путешествовалъ по Европѣ, но повидимому интересовался другими теченіями мысли.

Свящ. *І. Левицкій* сомнѣвался въ значительномъ вліяніи на Сковороду Александрійской школы, которая держалась преданія; а если когда происходили въ ея средѣ отклоненія отъ него, то это отклоненіе было осуждаемо. Раціонализмъ Сковороды оппонентъ думалъ объяснить, какъ явленіе самостоятельное и оригинальное, какъ черту національную, основанную на стремленіи къ свободѣ и самостоятельности мысли; въ заключеніе о. *Левицкій* не раздѣлялъ сожалѣній референта о маломъ

распространеніи сочиненій Сковороды въ его время, находя, что они тогда могли быть болѣе вредны для массъ своимъ рационализмомъ.

Референтъ указывалъ, что сочиненія Сковороды были по самому содержанию мало доступны для массъ, такъ что едва ли можно говорить о вредѣ для широкаго круга читателей. Въ болѣе развитыхъ кругахъ его сочиненія все-таки читались, по рукописямъ. Что же касается вопроса о вліяніи рационализма Сковороды на народъ, то Д. И. Багалъй указалъ, что есть мнѣніе о вліяніи Сковороды на духоборство, но положительныхъ данныхъ въ подтвержденіе его нѣтъ; а есть извѣстія, что Сковорода вообще возставалъ противъ сектантства. Въ народѣ же сохранилась память именно о положительныхъ сторонахъ его ученія (Сковорода училъ страху Божію и любви).

Наконецъ, докладчикъ принципиально высказался за свободное распространеніе произведеній человѣческой мысли, при которомъ только и можетъ быть свобода критики, устраняющая опасность ихъ „вреда“.

Священникъ о. *Страховскій* указалъ, что въ св. Писаніи многое понимается въ духовномъ смыслѣ, а не буквально. Въстѣ съ тѣмъ о. Страховскій поддерживалъ мысль о вліяніи въ этомъ отношеніи на Сковороду Александрійской школы.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

19-го августа.

10 час. утра.

I. Отдѣленіе: Древности первобытныя.

Почетный председатель—проф. Н. И. Веселовскій.

Председатель отдѣленія—проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретари отдѣленія—В. Г. Ляскоронскій и В. Е. Данилевичъ.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ. „О доисторической греческой культурѣ на почвѣ Россіи“ (т. I Труд. Съѣзда, стр. 9).

Проф. В. П. Бузескуль отмѣтилъ выдающіяся достоинства этого реферата, указавъ, что онъ проливаетъ новый свѣтъ въ область древней культуры Греціи и помогаетъ опредѣлить исходную точку этой культуры.

Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ указала, что во время раскопокъ Трипольской культуры въ Кіевской губерніи въ одномъ изъ сосудовъ, находившихся на площадкѣ, былъ найденъ бронзовый топорикъ-кельтъ и рядомъ съ нимъ костяной.

Пр.-доц. В. Г. Ляскоронскій къ высказанному референтомъ добавилъ, что районъ предметовъ такъ называемой Трипольской культуры нѣсколько шире сравнительно съ тѣмъ, какой отводитъ ей референтъ: подобные сосуды были найдены въ Малой Азіи, въ области Капподокіи и Киликіи. Кроме того, найдены такіе сосуды и среди нихъ такъ-называемые биноклеобразные въ предѣлахъ средняго Египта въ толщѣ песку и ила, отложенныхъ разливами р. Нила. Интересно также отмѣтить, что въ юго-восточной Африкѣ среди туземныхъ племенъ еще и до сихъ поръ существуютъ, какъ пред-

меты обихода, сосуды, до мелочей сходные какъ относительно формы, такъ и орнамента.

Проф. *Н. И. Веселовскій* заключительную рѣчь посвятилъ выясненію огромнаго значенія разработки и освѣщенія данныхъ, представленныхъ референтомъ.

А. А. Иванчикъ-Писаревъ „О курганахъ въ Мариупольскомъ уѣздѣ“. Референтъ совершилъ въ 1904 году поѣздку по Мариупольскому уѣзду, при чемъ зарегистрировалъ всѣ встрѣченные имъ курганы. Указавъ на положеніе этого уѣзда въ юго-восточной части южно-русскихъ степей и отмѣтивъ историческія особенности этого края, онъ обрисовалъ характерныя черты кургановъ даннаго района. Курганы, конечно, служили мѣстомъ погребенія усопшихъ для жившихъ тутъ воинственныхъ народовъ, но въ расположеніи ихъ все-таки можно найти нѣкоторую систему. Курганы устроены такъ, что съ одного кургана видны два-три другихъ и окружная мѣстность на большое пространство. При этомъ расположеніе ихъ вполне соотвѣтствуетъ рельефу мѣстности, и если съ какого-либо кургана открывался слишкомъ узкій горизонтъ, то между нимъ и слѣдующимъ устраивался еще одинъ курганъ, который обслуживалъ мѣстность на большое пространство. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что курганы въ этомъ районѣ должны были служить не только для погребенія, но и для сторожевой службы. Затѣмъ референтъ далъ картину расположенія кургановъ въ различныхъ частяхъ уѣзда и охарактеризовалъ внѣшній видъ ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, такъ какъ они замѣтно отличаются другъ отъ друга своей формой и высотой. При этомъ онъ остановился на группировкѣ кургановъ и указалъ, что вещи обыкновенно встрѣчаются въ большемъ количествѣ въ небольшихъ курганахъ, чѣмъ въ курганахъ большихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ данныя раскопокъ, производившихся тутъ, такъ и показанія мѣстныхъ жителей, занимающихся добываніемъ древностей.

Проф. *Д. Я. Самоквасовъ*, указавъ, что курганы этого района представляютъ вообще большой интересъ, присоединился къ пожеланію референта, чтобы группировка кургановъ и отношеніе ихъ къ рельефу мѣстности были изучены. Но онъ не можетъ оставить безъ вниманія то дѣленіе кургановъ на погребальное и сторожевое, котораго придерживается референтъ. На XI Археологическомъ Съѣздѣ зашелъ вопросъ о томъ же, и большинство высказалось противъ такого дѣленія. Въ доказательство послѣдняго положенія проф. *Д. Я. Самоквасовъ* привелъ рядъ примѣровъ, доказывающихъ, что такъ-называемые сторожевые курганы содержатъ въ себѣ тоже погребенія. Правда, иногда раскопка такихъ кургановъ не даетъ ничего, но это не служитъ доказательствомъ положенія автора, такъ какъ въ подобныхъ курганахъ далеко не легко найти могилу. Поэтому утверждать на основаніи такихъ результатовъ раскопки, что данный курганъ принадлежитъ къ числу сторожевыхъ, рѣшительно невозможно.

А. А. Иванчикъ-Писаревъ въ подтвержденіе своего положенія указалъ на большое соотвѣтствіе числа и расположенія кургановъ съ рельефомъ мѣстности: это показываетъ, что они имѣли то двоякое назначеніе, на которое онъ указалъ въ своемъ рефератѣ. При этомъ онъ отмѣтилъ, что въ одномъ курганѣ даже до сихъ поръ отлично сохранился вѣздъ.

Д. И. Эваркицкий указалъ, что въ большинствѣ случаевъ такъ-называемые сторожевые курганы оказываются скиѣскими могилами. Правда, ими пользовались для наблюденія за степью запорожцы, но это еще не доказываетъ вѣрности положеній референта.

Проф. *Д. И. Багалъй* высказалъ мнѣніе, что вполне допустимо существованіе особыхъ сторожевыхъ кургановъ. Достаточно вспомнить, сколько вниманія удѣляло Московское государство станичной и сторожевой службѣ. При этомъ извѣстно, что сторожа и станичники часто наблюдали за степью съ кургановъ. Между тѣмъ сторожевая служба гораздо древнѣе Московскаго государства, и весьма возможно, что сторожевые курганы насыпаны были въ болѣе отдаленное время. Онъ на челѣ около городищъ славянскаго типа у с. Ницахи курганъ, господствовавшій надъ окружающей мѣстностью на большое пространство. Самая добросовѣстная раскопка этого кургана не дала ни погребеній, ни вещей. Очевидно, что этотъ курганъ предназначался для сторожевой службы.

Д. Я. Самоковцовъ замѣтилъ, что сторожи ему извѣстны тоже, но онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ проф. *Д. И. Багалъй*, что существовали и сторожевые курганы, такъ какъ одинъ примѣръ ничего не доказываетъ.

Проф. В. Б. Антоновичъ сказалъ, что многіе ошибаются, называя сплошь и рядомъ погребальныя курганы сторожевыми. Можно установить признаки сторожевыхъ кургановъ. Прежде всего они идутъ непременно по водораздѣламъ рѣкъ. Затѣмъ, такіе курганы никогда не встрѣчаются поодиночкѣ, а располагаются такъ, что съ каждаго кургана видны только 2 сосѣднихъ кургана, не больше. Ему удалось наблюдать такую линію сторожевыхъ кургановъ на протяженіи 200 верстъ, а именно на водораздѣлѣ рѣкъ Случи и Горыни, съ одной стороны, и рѣки Буга, съ другой стороны. Относительно этой линіи имѣются и точныя историческія показанія: это — Черный шляхъ, по которому ходили татары, предпочитавшіе во время своихъ набѣговъ передвигаться по водораздѣламъ рѣкъ. Въ описаніи замковъ упоминаются сторожи, одна и изъ нихъ совпадаетъ съ курганомъ указанной линіи. Наконецъ, въ ней былъ раскопанъ одинъ изъ кургановъ, но раскопка не доставила ни погребеній, ни вещей.

А. А. Иванчинъ-Писаревъ обратилъ вниманіе на то, что формы описанныхъ имъ кургановъ сохранились хорошо, такъ какъ Мариупольскій уѣздъ распахивается недавно, при чемъ описанные имъ курганы большею частью стоятъ на цѣлинѣ. Не было тутъ въ новое время и войскъ, которые занимались бы насыпкой кургановъ.

Проф. *Н. И. Веселовскій* заявилъ, что онъ самый рѣшительный противникъ сторожевыхъ кургановъ; къ этому онъ пришелъ послѣ 20 лѣтъ практики; но соображенія проф. *В. Б. Антоновича* находитъ очень важными. Затѣмъ считаетъ необходимымъ напомнить, что въ нашихъ степяхъ трудно указать два, рядомъ стоящихъ, кургана, которые принадлежали бы одному народу. Съ курганами разсматриваемаго района онъ нѣсколько знакомъ, такъ какъ копалъ отъ Бердянска до Ногайска. Но лучше было бы раскопать курганы, называемые сторожевыми, а для этого просить проф. *В. Б. Антоновича* дать списокъ тѣхъ кургановъ, которые можно считать сторожевыми.

Проф. В. В. Антонович охотно согласился составить такой списокъ.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій указалъ, что мѣста сторожъ можно установить по документамъ, начиная съ XV ст. Правда, это — литовскія сторожи, но онѣ прикрывали Кіевъ и могли быть на мѣстахъ старыхъ сторожъ.

Проф. Н. И. Веселовскій попросилъ проф. М. В. Довнара-Запольскаго дать списокъ этихъ сторожъ.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій указалъ, что все эти сторожи извѣстны проф. В. В. Антоновичу.

Графиня П. С. Уварова разъяснила, что референтъ, командированный въ Мариупольскій у., Горнымъ Училищемъ со спеціальными цѣлями, любезно предложилъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу, попутно зарегистрировать и описать курганы уѣзда, и потому, находя желательнымъ и въ будущемъ поощрить подобнаго рода предложенія, находила справедливымъ выразить референту признательность Съѣзда, какъ за предложенный, такъ и за добросовѣстное его исполненіе. Предложеніе было принято собраніемъ. Засѣданіе закрыто въ 12¹/₂ часовъ дня.

2 часа дня.

III Отдѣленіе: Памятники искусствъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель — проф. Г. Г. Павлуцкій.

Предсѣдатель Отдѣленія — проф. Е. К. Рѣдинъ.

Секретари отдѣленія — А. П. Кадлубовскій и В. И. Савва.

Е. К. Рѣдинъ открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

„Настоящее засѣданіе отдѣленія памятниковъ искусствъ будетъ посвящено главнымъ образомъ церквамъ Малороссіи. Какъ уже указывалось, вопросъ объ архитектурѣ деревянныхъ малороссійскихъ церквей подымался и на предыдущихъ Съѣздахъ, но наиболѣе для уясненія его, собранія и отчасти освѣщенія матеріала, относящагося къ нему, сдѣлалъ настоящій XIII Археологическій Съѣздъ, благодаря участию въ предварительныхъ работахъ членовъ Общества Нестора лѣтописца. Имена этихъ лицъ также упоминались здѣсь и среди нихъ имя почетнаго предсѣдателя нынѣшняго засѣданія проф. Г. Г. Павлуцкаго. Проф. Г. Г. Павлуцкій внесъ въ дѣло изученія этой архитектуры много цѣннаго матеріала, собраннаго имъ въ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской. Но работа Г. Г. не ограничилась однимъ собраніемъ матеріаловъ; онъ далъ, можно сказать, впервые опытъ научнаго обследованія памятниковъ, ранѣе остававшихся неизвѣстными. Результатъ его изслѣдованія — въ вышедшемъ къ Съѣзду 1-мъ выпускѣ „Древностей Украйны“. Мы имѣемъ необходимость указывать на содержаніе этого труда, мы знакомы съ нимъ по реферату, прочитанному въ отдѣленіи церковныхъ древностей. Мы достаточно указать, что здѣсь дается сильный опытъ разрѣшенія вопроса о происхожденіи этой архи-

тектуры, дается систематическое обследованіе главныхъ формъ ея. Быть можетъ послѣдующіе изслѣдователи и не примутъ всѣхъ, высказываемыхъ имъ въ этомъ трудѣ заключеній, но каждый изслѣдователь съ благодарностью отмѣтитъ этотъ трудъ, дающій впервые такъ много цѣннаго, важнаго матеріала, имъ обследованнаго и изученнаго, благодаря чему дальнѣйшее изученіе его значительно облегчено. Нельзя не привѣтствовать трудовъ Г. Г. въ этой области съ особенной радостью. Наша научная литература такъ бѣдна трудами, посвященными изученію памятниковъ родного искусства и тѣмъ болѣе Украины. Художественные памятники Украины были до послѣдняго время почти въ забвеніи, пренебреженіи. И вотъ теперь для нихъ, какъ и для ихъ родины, какъ бы наступаютъ свѣтлые дни: ихъ начинаютъ цѣнить, изучать. Эти памятники народного искусства привлекаютъ невольно вниманіе изслѣдователя, вдохновляютъ его. Г. Г.—по специальности историкъ классическаго искусства, приступивъ къ изученію памятниковъ родной старины, какъ видимъ изъ его труда, проникся любовью къ нимъ, они вдохновили его, и въ трудѣ его мы находимъ много поэтическихъ страницъ, посвященныхъ описанію ихъ, ихъ красоты“...

Въ заключеніе Е. К. Рѣдинъ предложилъ собранію выразить проф. Г. Г. Павлуцкому признательность за его труды, что и было принято сочувственно всѣми присутствующими.

Проф. Е. К. Рѣдинъ прочиталъ, за отсутствіемъ проф. Д. В. Айналова: „О изданномъ трудѣ графа А. С. Уварова: „Символика христіанскаго искусства“ и статью изъ этого труда: „Ветхозавѣтная и новозавѣтная церковь“.

„Начиная съ 1859 года, пишетъ Д. В. Айналовъ, во время пребыванія въ Италіи, покойный графъ А. С. Уваровъ сталъ собирать и обрабатывать матеріалы для объясненія памятниковъ древне-христіанскаго искусства, котораго исторія началась въ Римѣ. Лишь немногія и рѣдкія свѣдѣнія о христіанскихъ памятникахъ (по преимуществу надписяхъ) Африки, Сиріи, Малой Азіи дополняли въ то время картину общихъ свѣдѣній о христіанскомъ искусствѣ. Римъ и Италія съ ея катакомбами и музеями привлекали всеобщее вниманіе. Здѣсь задумалъ покойный графъ свое обширное изслѣдованіе о „Символикѣ“ христіанскаго искусства. Изслѣдованіе это осталось въ неоконченномъ видѣ. По предложенію графини П. С. Уваровой я взялъ на себя трудъ разобрать въ оставшихся многочисленныхъ рукописяхъ, привести ихъ въ порядокъ и, если возможно издать, руководясь единственнымъ желаніемъ почтить память виднаго русскаго дѣятеля на поприщѣ науки, посильнымъ участіемъ въ изданіи его многолѣтней работы.

По приведеніи въ порядокъ всѣхъ рукописей, имѣвшихъ отношеніе къ „Символикѣ“ покойнаго графа оказалось, что весь трудъ его распадается на двѣ главныя части. Первая представляетъ изученіе древне-христіанской символики, явившейся у первыхъ христіанъ вслѣдствіе стремленія ихъ скрыть отъ взоровъ и пониманія язычниковъ догматическую сторону христіанской вѣры, вслѣдствіе чего у нихъ явились особыя выраженія и слова, содержащія скрытый смыслъ выраженія и доступный лишь христіанамъ. Этотъ условный символическій языкъ повелъ за собою новое явленіе—изображеніе условныхъ знаковъ, употреблявшихся какъ на христіанскихъ

надгробіяхъ, такъ и на сосудахъ, на предметахъ домашняго обихода и даже на домахъ. Изъ этой среды условные знаки перешли въ живопись, давши ей новый смыслъ и характеръ, отличающій ее отъ языческой живописи. Первые 5 главъ этого отдѣла широко трактуютъ древне-христіанскую эпиграфику и изобилуютъ множествомъ крайне интересныхъ сопоставленій, предположеній, объясненій еще неизвѣстныхъ наукъ и потому эта первая часть, заключающая изслѣдованіе знаковъ въ древне-христіанской эпиграфикѣ, требуетъ изданія. Шестая глава, представляющая начало изслѣдованій живописи христіанскихъ катакомбъ, осталась неоконченной и необработанной и въ то время, какъ къ этой главѣ не приложено ни одного готоваго клише, первые 5 главъ изобилуютъ ими, а текстъ, за немногими пропусками текстовъ, уже мною возстановленныхъ, легко можетъ быть напечатанъ. Эти пять главъ тѣмъ болѣе интересны, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, которое самостоятельно и въ широкихъ размѣрахъ трактовало бы вопросы древне-христіанской эпиграфики.

Вторая часть труда представляетъ несравненно болѣе обширную половину всей работы и посвящена средневѣковой и русской символикѣ. Эта часть въ свою очередь разбивается на три отдѣла: 1) Введеніе, въ которомъ выясняются общія начала христіанской символики, связанной съ фізіологами, въ эпоху Крещенія Руси, т.-е. въ эпоху перехода ея на Русь вмѣстѣ съ византійскою образованностью и указываются литературные и вещественные источники для изученія русской символики. 2) За введеніемъ слѣдуетъ обширный Символическій словарь, т.-е. цѣлый рядъ самостоятельныхъ статей, посвященныхъ изслѣдованію различныхъ древнихъ понятій, представленій о птицахъ, звѣряхъ, временахъ года, понятіяхъ аллегорическихъ, иконографическихъ, медицинскихъ (лихорадки, заговоры, болѣзни), о водѣ и ея обитателяхъ, о небѣ и звѣздахъ, и т. д. Три очерка, какъ отрывки изъ Символическаго словаря были графомъ обнародованы отдѣльно; именно: Недреманное око (Труды Моск. Арх. Общ. Т. I) и Ангель Хранитель и Вѣтеръ (Архивъ Бертенева 1864 г.). Остальныя статьи въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ со множествомъ готовыхъ рисунковъ представляютъ обширную рукопись толщиной въ ладонь. Многія статьи изъ этого Символическаго словаря могутъ быть безъ особаго труда напечатаны, и, несмотря на то, что со времени смерти графа многое въ наукѣ объяснено и приведено въ ясность, эти статьи представляютъ огромный интересъ для всѣхъ занимающихся отечественными древностями, такъ какъ въ нихъ приведены въ систему и объяснены матеріалы, до сихъ поръ неизданные и доступные для графа въ силу особыхъ условій, въ которыхъ онъ находился, вслѣдствіе своего общественнаго положенія. Именно, изъ этой части я имѣю возможность сегодня доложить вашему вниманію одну изъ готовыхъ къ печати статей, написанныхъ графомъ болѣе $\frac{1}{4}$ вѣка назадъ и ничуть не потерявшей своего научнаго значенія до сихъ поръ.

Наконецъ, третья часть этой работы представляетъ приложение, т.-е. выписки изъ разныхъ рукописей, фізіологовъ латинскаго, славянскихъ и переводныхъ съ греческаго съ примѣчаніями и рисунками уже готовыми для печати. Эта не менѣе обширная часть труда представляетъ самостоятельный интересъ для изслѣдователя русскихъ древностей, такъ какъ въ ней собраны тексты, заимствованные изъ руко-

писей по большей части неизданныхъ, а рисунки совершенно нигдѣ неизданные и неописанные, за исключеніемъ извѣстныхъ отдѣловъ византійской археологіи.

Еще больше матеріаловъ сохранилось въ трехъ тетрадахъ, въ которыя покойный графъ заносилъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ данныя, касающіяся древней иконографіи, астрономіи, медицины, фізіологіи и проч. Огромное количество крайне рѣдкихъ рисунковъ прилѣплены вблизи замѣтокъ и выписокъ, указывая на обширность предпринятаго графомъ труда.

Этотъ трудъ въ общемъ своемъ составѣ долженъ былъ носить заглавіе „Символики“, а эпитафой къ нему слова Григорія Нисскаго: „Мѣхи ветхіе“. Этотъ эпитафъ поучителенъ въ томъ смыслѣ, что ярко обрисовываетъ взглядъ графа на собственную работу. Взавшись за изслѣдованіе огромной области древне-русскаго религіознаго и свѣтскаго или скорѣе гражданскаго, какъ онъ называетъ, искусства, онъ не закрывалъ глаза на то, что это прошлое, давнее искусство по существу представляетъ „ветхіе мѣхи“, уже негодные для новой жизни русскаго народа, но важные для историка, изучающаго исторію и бытъ этого великаго народа. Иллюстраціей къ этому эпитафѣ можетъ служить и статья, намѣченная мною для реферата. Въ этой статьѣ дѣло идетъ о глубокой символикѣ русскаго иконописи, въ которой находилъ пищу своему уму древне-русскій человѣкъ. Статья графа, заключающая символическую загадку для ума древне-русскаго человѣка заключаетъ и разгадку, найденную графомъ у того же древне-русскаго человѣка“.

Прочитанная вслѣдъ затѣмъ статья—отрывокъ изъ труда гр. А. С. Уварова — касается олицетвореній въ христіанскомъ искусствѣ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной; отмѣчаются памятники ранне- и поздне-византійскіе и русскіе, и детально описывается русскій памятникъ XVII в., замѣчательный по своему символическому характеру; въ немъ изображеніе олицетвореній тѣхъ же церквей, въ образѣ Гависаги и Аминадавы. При объясненіи символики памятника гр. А. С. Уваровъ пользуется статьей изъ рукописнаго сборника въ его библіотекѣ въ Порѣчѣ, XVI в., носящей названіе: „Въ среду цвѣтной недѣли Евангеліе истолковано. Благослови отче“.

Проф. *Г. Г. Павлуцкій*, принимая во вниманіе важное значеніе сочиненія Уварова, предложилъ выразить докладчику благодарность за его трудъ редактированія сочиненія.

Проф. *Г. Г. Павлуцкій* доложилъ „О вліяніи деревяннаго церковнаго зодчества на архитектурныя формы каменныхъ храмовъ въ Кіевѣ XVII и XVIII в.“

До настоящаго времени архитектура Кіевскихъ каменныхъ храмовъ XVII и XVIII вв. не была затронута изученіемъ. Между тѣмъ она отличается своеобразнымъ и цѣльнымъ характеромъ и замѣтно выдѣляется въ ряду другихъ національныхъ архитектурныхъ школъ. Эти позднѣйшіе церковные памятники важны и дороги для изслѣдователя и заслуживаютъ изученія не меньше, чѣмъ памятники до-монгольскаго періода, потому что онъ встрѣчается здѣсь съ народнымъ художественнымъ творчествомъ, находитъ интересный фактъ: каменные храмы отличаются отъ древнихъ храмовъ до-монгольскаго періода отступленіями отъ формъ византійскаго искусства, типъ храма берется съ деревянныхъ церквей, какихъ въ ту пору было не мало въ Кіевѣ.

Съ конца XII вѣка архитектурная дѣятельность зодчихъ-грековъ въ Кіевѣ прерывается. Каменные храмы до начала XVII ст. перестаютъ созидаться. На смѣну ихъ выступаютъ деревянныя церкви. Свѣдѣнія о существованіи на Руси деревянныхъ храмовъ уходятъ въ до-историческую даль. По мнѣнію докладчика, можно установить нить, связывающую существующіе деревянные храмы XVII и XVIII в. съ древнѣйшими деревянными церквами до-монгольскаго періода.

Въ 1411 году встрѣчается точное извѣстіе о деревянной церкви Пустынно-Николаевскаго монастыря. Въ XVI вѣкѣ о кіевскихъ деревянныхъ церквахъ сообщаетъ Ляссота. Въ началѣ этого вѣка упоминаются деревянныя церкви въ „Литовскомъ замкѣ“. Къ XVII вѣку относится цѣлый рядъ извѣстій о деревянныхъ церквахъ Кіева, при чемъ можно установить полное тождество въ формахъ этихъ церквей съ существующими церквами XVIII в. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что формы деревянной церковной архитектуры, своеобразный и самобытный складъ которой такъ отличалъ православныя церкви отъ католическихъ костеловъ, достигли того, что формы эти, какъ красивѣйшія по народнымъ понятіямъ, были усвоены и каменнымъ зодчествомъ.

Изъ сохранившихся въ Кіевѣ храмовъ первой половины XVII ст. самымъ замѣчательнымъ по своеобразію своихъ наружныхъ формъ является церковь Спаса на Берестовѣ, возстановленная Петромъ Могилой. Она можетъ считаться типомъ тѣхъ крестообразныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ, (именно форма пятикупольнаго храма) была выработана южно-русскимъ народомъ, его религіозными потребностями и своеобразными понятіями о красотѣ Божьяго храма. Что Спасская церковь въ своемъ нынѣшнемъ видѣ реставрирована Петромъ Могилой и съ тѣхъ поръ капитальнымъ передѣлкамъ не подвергалась, доказываетъ тождественность куполовъ Спасской церкви съ куполами Великой церкви и деревянной колокольни въ Кіево-Печерской лаврѣ времени Петра Могилы.

Конецъ XVII вѣка ознаменовался цѣлымъ рядомъ каменныхъ церквей, сооруженныхъ въ стилѣ деревяннаго зодчества. Къ 1696 году относится построенная гетманомъ Мазепою надъ экономическими воротами Кіево-Печерской лавры пятикупольная церковь. Къ тому же году относится сооруженіе каменной церкви Рождества Богородицы на дальнихъ пещерахъ и каменной церкви во имя св. Георгія въ Выдубецкомъ монастырѣ, къ 1700 году—сооруженіе каменной церкви во имя преп. Теодосія Печерскаго; наконецъ, къ XVIII вѣку принадлежатъ церковь во имя Вознесенія Господня въ Флоровскомъ монастырѣ и церковь Покрова Пресв. Богородицы. Всѣ эти каменные храмы несутъ на себѣ черты несомнѣннаго вліянія деревяннаго церковнаго зодчества.

Проф. *Е. К. Рьдинъ* указалъ параллельныя явленія въ Харьковской губ., особ. отмѣтивъ соборную церковь въ Изюмѣ и церковь Покровскаго монастыря въ Харьковѣ, какъ отражающія на себя также вліяніе деревянной архитектуры.

Г. Г. Павлуцкій доложилъ о „Древнихъ деревянныхъ синагогахъ юго-западнаго края, какъ памятникахъ, отражающихъ въ себѣ черты, выработанныя мѣстнымъ искусствомъ“.

Деревянные синагоги въ настоящее время представляютъ рѣдкіе экземпляры стариннаго зодчества. Докладчикъ назвалъ синагоги въ м. Погребнцахъ Бердичевского у., въ м. Ярмолинцахъ и Шаравкѣ Проскуровскаго у. и въ м. Михалполѣ Летичевского у.

Образцы деревянныхъ синагогъ интересны постольку, поскольку отражаются въ нихъ черты, выработанныя мѣстнымъ искусствомъ. При сооруженіи своихъ молитвенныхъ домовъ, евреи сохранили стилевую связь съ деревяннымъ зодчествомъ христіанскихъ зажиточныхъ классовъ. Можно утверждать, что синагоги — единственные памятники старой свѣтской деревянной архитектуры, и, имѣя ихъ въ виду, историкъ можетъ возстановить себѣ почти совершенно исчезнувшія деревянные шляхетскія хоромы, такъ какъ всѣ элементы тѣхъ и другихъ одни и тѣ же: тотъ же характеръ, тѣ же приемы и тѣ же детали. Способъ сооруженія стѣнъ и наружныя формы синагоги, въ которыхъ выражается вся красота и оригинальность постройки, носятъ совершенно мѣстный характеръ. Синагоги не могли быть подобны костеламъ; поэтому за образецъ для нихъ бралась самая красивая свѣтская постройка; такой постройкой былъ польскій домъ. Разнообразныя формы кровель этихъ синагогъ хорошо извѣстны изъ христіанскихъ памятниковъ свѣтскаго и религіознаго характера.

А. Н. Прусевичъ дополнилъ сообщенныя референтомъ свѣдѣнія указаніемъ на деревянные синагоги Подольской губерніи, числомъ около 20, напр., въ Ярышевѣ, Смотричѣ, Снитовкѣ; свѣдѣнія объ этихъ синагогахъ собираются Подольскимъ церковно-археологическимъ комитетомъ. Далѣе *А. Н. Прусевичъ* отмѣтилъ также живопись въ этихъ синагогахъ, являющуюся большою рѣдкостью въ еврейскихъ храмахъ.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* указалъ на свѣтскій характеръ этой живописи въ синагогахъ (снаки зодіака и др.), приближающійся къ той, что встрѣчается въ росписяхъ потолковъ, стѣнъ дворцовъ, домовъ въ XVII—XVIII в. у насъ въ Россіи (см. *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей) и въ западной Европѣ.

Гр. *П. С. Уварова*, *Е. К. Рѣдинъ*, *Г. Г. Павлуцкій* и *А. Н. Прусевичъ* выражали пожеланія болѣе обстоятельнаго и полнаго собранія свѣдѣній и объ архитектурѣ и о живописи этихъ синагогъ.

Кромѣ того *А. Н. Прусевичъ*, въ дополненіе къ обоимъ рефератамъ проф. *Г. Г. Павлуцкаго*, указалъ на вліяніе архитектуры православныхъ ю.-русскихъ церквей и на католическіе костелы (указаны костелы въ Зиньковцахъ Кам.-Под. у., въ Ярышевѣ).

В. М. Щербаковскій говорилъ „О различныхъ памятникахъ искусства въ малороссійскихъ церквахъ“.

Въ докладѣ отмѣчены были по отдѣламъ разнообразные памятники искусства, встрѣченные референтомъ въ деревянныхъ церквахъ, находящихся въ селахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Кіевской и Подольской губерніи, и дана небольшая характеристика ихъ: иконостасы и иконы въ нихъ и отдѣльныя, самостоятельныя, деревянные статуи Христа, Богородицы, Евангелистовъ, кресты, настѣнная живопись и др.

Докладъ демонстрировался многочисленными фотографіями съ указанныхъ памятниковъ.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, указавъ на важное значеніе собраннаго г. Щербаковскимъ матеріала для характеристики южно-русскаго религіознаго искусства, для выясненія различныхъ вопросовъ при изученіи его, какъ напр., вопроса о вліяніи на него западнаго искусства, такъ сильно проявляющагося, напр., въ многочисленныхъ иконахъ Богородицы, выразилъ пожеланіе, чтобы этотъ матеріаль былъ изданъ. Кромѣ того, проф. Рѣдинъ предложилъ выразить докладчику отъ имени собранія благодарность за его труды въ дѣлѣ собиранія и изученія памятниковъ южно-русскаго искусства.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, отмѣтивъ при этомъ значеніе фотографіи для археологій, какъ незамѣнимыхъ пособій, или вѣрнѣе своего рода источниковъ, документовъ, и указавъ, какъ много демонстрируется этихъ фотографій на засѣданіяхъ Съѣзда иногда цѣлыми коллекціями, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ (въ коллекціи г. Щербаковскаго около 400), и затѣмъ остается неизданнымъ и пропадающимъ для науки, предложилъ проектъ образованія при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ коллекціи негативовъ фотографій съ различныхъ памятниковъ древностей и искусствъ, съ тѣмъ, чтобы издавались каталоги ихъ и интересующіеся той или иной фотографіей могли пріобрѣтать ее за небольшую цѣну; этимъ дѣлу изученія древностей Россіи можетъ быть оказана весьма существенная помощь. Собраніе и предсѣдатель Съѣзда г. П. С. Уварова встрѣтили полнымъ сочувствіемъ предложеніе проф. *Е. К. Рѣдина*, и г. П. С. Уварова обѣщала довести соображенія эти до свѣдѣнія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ цѣлью приведенія его къ жизни.

7 час. вечера.

X Отдѣленіе: Старина запорожская.

Почетный предсѣдатель—пред. Екатер. Губерн. Земской Управы *М. В. Родзянко*.

Предсѣдатель отдѣленія—*Д. И. Эварницкій*.

Секретарь—*Л. В. Падалка*.

Л. В. Падалка сообщилъ объ „Эволюціи казацкихъ „Сичей“ на Подніпровьѣ въ связи съ общимъ ходомъ развитія Дніпровскаго казачества“.

Урочища „Сичи“ въ долинахъ рѣкъ Сулы и Хорола въ предѣлахъ Полтавской губерніи, какъ новый матеріаль для разъясненія вопроса объ эволюціи казацкихъ Сичей на Подніпровьѣ. Краткое обзорніе данныхъ исторической литературы о началѣ Дніпровскаго казачества, приводящихъ къ заключенію, что казачество на Подніпровьѣ въ своихъ первичныхъ элементахъ складывалось еще въ до-татарскій періодъ русской исторіи. Видная роль Черкасскаго элемента въ жизнедѣятельности Дніпровскаго казачества съ XV вѣка. Разсмотрѣніе вопроса о типахъ казацкихъ сичей и преимущественности этихъ типовъ обратнымъ ходомъ изложенія фактовъ отъ послѣдующаго къ предшествующему,—отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному. Типъ Новой Подилиценской и Старой Чертомлыцкой огражденныхъ сичей характе

ризуется обычными чертами старинныхъ земляныхъ огражденій на Поднѣпровьи (внутренній городокъ, затѣмъ внутренній городъ и предмѣстье). Недостаточная яеность огражденій въ Алешковской сичи (Таврич. губ.) и близъ Бизюкова монастыря, при впадѣнїи балки Каменки въ козацкое рѣчище Днѣпра. Другая группа предшествующихъ запорожскихъ сичей на Никитиномъ Рогѣ (въ Никополѣ), на о-вѣ Томаковкѣ и на о-вѣ Хортицѣ характеризуется отсутствіемъ сѣчевыхъ земляныхъ огражденій. Въ Никополѣ находятся козацкіе окопы (городовыхъ козаковъ), времени гетмана Самойловича, посылавшаго козацкіе полки изъ Украйны для содѣйствія Голицыну въ его походѣ на Крымъ въ правленіе царевны Софіи.

Въ Никополѣ же живо воспоминаніе о небольшомъ земляномъ окопѣ, находившемся на самомъ Никитиномъ Рогѣ. Окопъ этотъ, постепенно и уже безслѣдно обвалившійся въ Днѣпръ, представлялъ по вѣсѣмъ видимостямъ не сѣчевое огражденіе, а огражденіе, обслуживавшее потребности знаменитаго въ послѣднее время Запорожья Никитинскаго перевоза черезъ Днѣпръ; небольшое огражденіе польской залоги на о-вѣ Томаковкѣ, Миниховскіе редуты на о-вѣ Большой Хортицѣ и въ окрестностяхъ. Прimitивное огражденіе до-запорожской поры при Савутиной скелѣ на о-вѣ Большой Хортицѣ по даннымъ дневника Эриха Ляссоты. Эта вторая группа очаговъ запорожскаго казачества характеризуется отсутствіемъ специальныхъ сѣчевыхъ огражденій. Это не города-сѣчи, а сѣчи-коши, неогражденные сборные пункты Запорожскаго казачества. Къ третьей группѣ очаговъ Днѣпровскаго казачества, для которыхъ уже не примѣнимъ терминъ „Запорожскій“, относятся расположенные значительно выше пороговъ пункты, а именно: 1) Переволочна на лѣвомъ берегу Днѣпра съ слѣдами древней крѣпости и противулежащій, расположенный на правой сторонѣ Днѣпра, Мишуринъ Рогъ съ выразительными слѣдами давно прошедшей жизни; 2) г. Каневъ Кіевской губ. и 3) Сѣднєвъ, мѣстечко Черниговской губ. на мѣстѣ древняго Сновеска по р. Снови, притоку Десны. Роль Мишурина Рога въ пору казацкаго предводителя Павлюка во второй четверти XVII столѣтія. Четвертую группу казацкихъ сичей на Поднѣпровьи составляютъ урочища-сичи, характеризующіяся полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо огражденій и вообще отсутствіемъ слѣдовъ прошлаго. Таковы, напри-мѣръ, козацкія сичи-урочища въ предѣлахъ Полтавской губерніи по рр. Сулѣ и Хоролу.

Только сборные пункты Днѣпровскихъ козаковъ, еще не организованныхъ въ особое „войско Запорожское“, и можно представить на этихъ урочищахъ-сичахъ.

Такимъ образомъ единственно огражденными очагами Днѣпровскаго казачества, сооруженными по его собственной инициативѣ и примѣнительно къ его потребностямъ, являются Старая Сичь надъ Чертомлыкомъ и Новая Сичь надъ р. Пидпильною.

Ходъ развитія Днѣпровскаго казачества въ историческую пору его существованія представляется нижеслѣдующей схемой, построенной на документальныхъ данныхъ, имѣющихъ основное значеніе въ исторіи Запорожья. Данныя Литовской Метрики 1552 г. о казакахъ - промышленникахъ въ мѣстностяхъ по рѣкамъ Удаѣ, Сулѣ и Хоролу въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губ. Данныя о мѣрахъ правительства

Польской Рѣчи Посполитой, направленныхъ къ организаціи Днѣпровскихъ козаковъ въ цѣляхъ защиты отъ татаръ границъ государства, каковыя мѣры въ послѣдней четверти XVI вѣка привели къ учрежденію „войска Запорожскаго“, какъ особой военной организаціи, получившей официальное признаніе со стороны государства, предназначавшаго въ эту пору для „Запорожскаго войска“, какъ для института, имѣвшаго государственное значеніе, и городъ Терехтемировъ на правой сторонѣ Днѣпра. Затѣмъ, по дневнику Эриха Ляссоты въ самомъ концѣ XVI вѣка на о-вѣ Базавлукѣ видимъ не „войско Запорожское“, а реестровое козачество, совершенно независимое въ своей примитивной еще организаціи и вовсе не считающееся съ правительственными декретами. Днѣпровскіе козаки собирались въ эту пору на низъ Днѣпра не для постоянного пребыванія за порогами, а для того, чтобы укомплектовались здѣсь, въ сторонѣ отъ властей, предпринимать свои походы на чайкахъ и по суходолу. „Запорожское войско“ обнимаетъ какъ составъ городовыхъ, такъ составъ и низовыхъ, „своевольныхъ“ по польской терминологіи козаковъ и въ пору расцвѣта Днѣпровскаго козачества при гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ. Сагайдачный, утвердившись въ Кіевѣ, даетъ широкое устройство козакамъ, разграничиваетъ территорію Украины на полки, распространяетъ на всю Украину козацкій присудъ и ничего не предпринимаетъ для утвержденія козачества на Днѣпровскомъ низу. Не обособилось „Низовое войско Запорожское“ отъ остального козачества и при Богданѣ Хмельницкомъ, на что указываетъ пунктъ Переяславскаго договора, трактующей о запорожцахъ, какъ о казакахъ, которые „за порогами коша берегутъ“, въ качествѣ сторожевого отряда.

Отдѣленіе Запорожья отъ Украины, обособленіе его въ составѣ Днѣпровскаго казачества прошло послѣ „Хмельничины“, въ первое время „руины“ на Украинѣ, выразившись возникновеніемъ особаго, самостоятельнаго „войска Запорожскаго Низового“, послѣ чего, очевидно, имѣло смыслъ и возникновеніе на Днѣпровскомъ низу и города Сичи, построеннаго, по документальнымъ даннымъ, кошевымъ Лутаемъ, и предшественникомъ знаменитаго Сирка. Исторія Днѣпровскаго козачества, такимъ образомъ, рѣзко дѣлится на два главныхъ періода: 1) періодъ официального единого „Войска Запорожскаго“, фактически дѣлившагося на реестровыхъ козаковъ и козаковъ, не состоявшихъ въ реестрахъ, и 2) періодъ обособившагося отъ остального козачества, не подчинявшагося козацкимъ гетманамъ „Низового войска Запорожскаго“, впервые составившагося изъ сторонниковъ автономіи Украины, не желавшихъ подчиниться распоряженіямъ ни Польскаго, ни Московскаго государствъ.

Я. М. Мирошниченко полагалъ, что устанавливаемая докладчикомъ связь названія урочища „Сагайдачне“ близъ о-ва Хортицы съ именемъ гетмана Сагайдачнаго, не доказана. Возможно, что съ названіемъ этого урочища связана имя запорожца Сагайдана, современника разоренія Запорожской Сичи. Объ этомъ Сагайданъ, обитавшемъ близъ Хортицы и занимавшемся разбоемъ, есть свѣдѣнія въ сборникѣ Драгоманова „Малорусскія народныя преданія и разказы“.

Д. И. Эваркичій возражалъ докладчику прежде всего касательно мѣстоажденія о-ва Малой Хортицы, полагая, что этотъ о-въ слѣдуетъ приурочивать къ

островку Канцеровскому или „Вывѣ“, въ чемъ убѣждаетъ подлинный текстъ „Дневника“ Эриха Ляссоты, а не русскіе переводы этого дневника. Въ подлинникѣ читается, что три рѣчки Хортицы находятся *у острова* Малой Хортицы, а это примѣнимо только къ Канцеровскому островку и не примѣнимо къ урочищу „стенку“, куда приурочиваетъ о-въ Малую Хортицу докладчикъ. Противъ мнѣнія докладчика говорить также то соображеніе, что Ляссота совершалъ обратный путь по Днѣпру въ этомъ мѣстѣ рѣчищемъ Днѣпра, примыкавшимъ къ русской сторонѣ, а не новымъ его русломъ, примыкавшимъ къ татарскому берегу, гдѣ, слѣдовательно, Ляссотѣ могло угрожать нападеніе татаръ. На ряду съ этимъ Д. И. Эварницкій мнѣніе свое касательно мѣстонахожденія Хортицы основывалъ на трехъ планахъ о-ва Хортицы, конца XVIII столѣтія, на которыхъ нынѣшній Канцеровскій островокъ названъ Малой Хортицей. Далѣе Д. И. Эварницкій обращалъ вниманіе на то, что при впаденіи балки Каменки въ Козацкое рѣчище Днѣпра есть все признаки огражденной Запорожской Сичи въ противоположность Алешковской Сичи, гдѣ дѣйствительно нѣтъ ясныхъ ея слѣдовъ. На Никитиномъ Рогѣ, по мнѣнію Д. И. Эварницкаго, вѣ всякаго сомнѣнія существовала огражденная Запорожская Сичь, которую онъ представляетъ вовсе не такимъ незначительнымъ по площади и примитивнымъ по устройству огражденіемъ, какъ это полагаетъ докладчикъ. Обращаетъ вниманіе докладчика оппонентъ такъ же на то, что Конашевичъ—отчество, а не прибавка къ фамиліи гетмана Сагайдачнаго.

Л. В. Падалка въ отвѣтъ на возраженіе Я. М. Мирошниченко замѣтилъ, что онъ лишь допускалъ связь названія урочища „Сагайдачне“ съ именемъ знаменитаго козацкаго гетмана, отнюдь не утверждая этого. Въ виду близости къ этому урочищу извѣстнаго „лижка Сагайдака“ на „Средней скелѣ“ полагалъ, однако, что названіе урочища Сагайдачне вѣроятнѣе сблизать съ козацкимъ гетманомъ, чѣмъ съ позднѣйшимъ запорожцемъ Сагайдакомъ. Относительно же мѣстонахожденія острова Малая Хортица *Л. В. Падалка* отстаивалъ высказанное имъ мнѣніе въ силу полной опредѣленности указанія дневника Ляссоты на то, что этотъ послѣдній плылъ мимо двухъ рѣкъ Московокъ, слѣдовательно, плылъ новымъ русломъ Днѣпра и ночевалъ ниже о-ва Малой Хортицы въ ближайшей округѣ нынѣшняго Кичкаса. Что касается плановъ конца XVIII вѣка, то нужно имѣть въ виду, что планы часто бываютъ ошибочны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они составляются поспѣшно, и географическая номенклатура наносится на нихъ на основаніи бѣглыхъ опросовъ незнакомаго населенія, не говоря уже о томъ, что по условіямъ мѣстности, занятой нѣмцами, на планъ могло попасть ошибочное обозначеніе о-ва Малой Хортицы. Относительно балки Каменки *Л. В. Падалка* указывалъ на опредѣленные свидѣтельства источниковъ, что пребываніе Запорожскаго центрального пункта было здѣсь весьма непродолжительнымъ, что пунктъ этотъ импонируетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что на немъ много могилъ козацкихъ съ каменными крестами. А это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Запорожцы, въ пору существованія Алешковской Сичи вывозили покойниковъ для погребенія въ этомъ мѣстѣ, не желая предавать ихъ землѣ въ чертѣ неправистныхъ имъ татарскихъ владѣній. Относительно земляного огражденія на Никитиномъ Рогѣ докладчикъ, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ и наблюденіямъ, призналъ это

огражденіе несоотвѣтствующимъ требованіямъ огражденной Запорожской Сичи и достаточнымъ лишь для обслуживанія потребностей Никитинскаго перевоза. Та подробность, что Конашевичъ—отчество, а не приставка къ фамиліи, докладчику было давно извѣстно изъ литературныхъ источниковъ.

Проф. *Д. И. Багалъй* находилъ, что въ заслушанномъ докладѣ выполнена серьезная работа по систематическому пересмотру всѣхъ данныхъ о мѣстахъ козацкихъ сѣчей, большая часть которыхъ обследована докладчикомъ на мѣстахъ непосредственнымъ наблюденіемъ, и на ряду съ этими выполнена и другая работа систематическаго пересмотра источниковъ, на основаніи чего докладчикъ пришелъ къ выводамъ, въ значительной мѣрѣ разнящимся отъ заключеній, установленныхъ другими изслѣдователями Запорожья. Заслушанный докладъ заключаетъ въ себѣ критику установившихся въ данное время взглядовъ на прошлое Запорожья.

Если позиціи прежнихъ изслѣдователей прошлаго запорожскаго козачества будутъ удержаны, если схема исторіи Запорожья, представленная докладчикомъ, окажется и недостаточно обоснованною въ частностяхъ, то все же трудъ докладчика имѣетъ серьезное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ заново выдвигаетъ основные вопросы по исторіи Запорожья и этимъ вызываетъ дальнѣйшія изысканія въ этой области.

П. А. Ивановъ отмѣтилъ неосвѣдомленность докладчика въ новѣйшихъ источникахъ касательно поры Стефана Баторія и обусловленный этимъ неправильный взглядъ его на значеніе относящихся къ козачеству мѣропріятій въ данную пору.

Д. И. Эварницкій: сдѣлалъ докладъ о „Запорожской старинѣ“ (т. II Труд. Съѣзда, стр. 61).

Въ концѣ засѣданія кобзарями *М. Кравченко* изъ Полтавск. губ., *Т. Пархоменко* изъ Чернигов. губ. и *В. Дубомъ*, ученикомъ Пархоменко, изъ Чернигов. губ. были исполнены слѣдующ. думы и пѣсни: 1) Дума про Морозенка; 2) Дума про Хмельницкаго та Барабаша; 3) Дума про вдову да трехъ сыновъ; 4) Дума „Буря на Черному мори“, про Олексія Поповича; 5) Дума «Невольницкій плачь». Пѣсни юмористическія и сатирическія.

20-го августа.

10 час. утра.

VII Отдѣленіе: Древности классическія, византійскія восточныя и западно-европейскія.

Въ засѣданіи, за неожиданнымъ отъѣздомъ по домашнимъ обстоятельствамъ Почетнаго Предсѣдателя проф. С. П. Шестакова, председательствовали Предсѣдатель Отдѣленія проф. В. П. Бузескуль.

Секретари—А. П. Кадлубовскій и В. И. Савва.

Проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* прочелъ докладъ: „Раскопки на Березани“, богато иллю-

стрируя изложеніе картами, планами, рисунками и фотографіями. Результаты раскопокъ сводятся къ слѣдующему: 1) открыто греческое поселеніе VI и начала V в. со всѣми характерными признаками іонической колоніи; 2) добытъ весьма богатый матеріаль древне-милетской керамики, рѣдкой и на почвѣ самой Греціи; 3) устройство некрополя позволяетъ сдѣлать любопытные выводы относительно трупосожженія и трупоположенія у грековъ: іоняне сожигаютъ своихъ мертвецовъ; съ проникновеніемъ аттической культуры и аттическаго вліянія замѣчается переходъ къ трупоположенію; 4) найденныя ольвійскія рыбки и „ассы“ освѣщаютъ важный вопросъ изъ области нашей нумизматики; 5) раскопки ярко характеризуютъ жизнь древне-греческихъ колонистовъ въ VI в. до Р. X.

Предсѣдатель Отдѣленія указалъ, что въ настоящее время на почвѣ древней Греціи и мѣсть греческихъ поселеній ведется энергичная и плодотворная работа, и въ этой работѣ какъ бы соперничаютъ между собою всѣ націи: въ Афинахъ французы и нѣмцы имѣютъ свои школы, мы же не имѣемъ. Среди русскихъ мало принимаютъ участіе въ этой работѣ, но къ числу лицъ, съ именами которыхъ связаны успѣхи раскопокъ, принадлежитъ проф. Э. Р. фонъ-Штернъ. Его раскопки проливаютъ свѣтъ на древне-греческую жизнь, на древнѣйшія колоніи грековъ на югѣ Россіи. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ выразить благодарность референту за его въ высокой степени интересное сообщеніе.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ рефератъ: „Редакціи лицевыхъ рукописей сочиненія Козьмы Индиклопова“ и указавъ на важное значеніе миниатюръ въ греческихъ спискахъ этого сочиненія въ исторіи византійскаго искусства, отмѣтилъ популярность этого сочиненія на Руси, какъ это видно изъ множества переводныхъ списковъ его съ XV по XIX в., значительная часть которыхъ при томъ украшена миниатюрами. Референтъ устанавливаетъ двѣ главныхъ редакціи лицевыхъ списковъ какъ византійскихъ, такъ и русскихъ: краткую и полную; большинство русскихъ списковъ относится къ краткой редакціи, и лишь три списка къ распространенной. Среди краткихъ устанавливаются слѣдующія подредакціи: 1) Уваровская, 2) Синодальная, 3) Архивная, 4) сложная, 5) самостоятельная, 6) краткая западнаго характера, имѣющая ближайшее отношеніе по композиціи миниатюръ, ихъ исполненію, къ редакціи полной. Представивъ характеристику каждой редакціи, референтъ иллюстрировалъ свои наблюденія надъ ними на одномъ примѣрѣ—изображеніи первосвященника Аарона во всѣхъ спискахъ всѣхъ редакцій.

П. М. Добровольскій пожелалъ получить указаніе, не имѣется ли изображенія олицетворенія церкви въ миниатюрахъ, украшающихъ сочиненіе Козьмы въ лучшихъ спискахъ. Референтъ далъ подробныя указанія по этому поводу, отмѣтивъ, что въ иллюстраціяхъ Козьмы имѣется изображеніе церкви, но не въ видѣ олицетворенія ея въ образѣ женской фигуры, а въ видѣ изображенія представителей церкви (апостоловъ Петра и Павла—въ Лавренціанскомъ спискѣ, тѣхъ же апостоловъ, двухъ пророковъ и двухъ святителей—въ русскихъ спискахъ); о такомъ изображеніи церкви на нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русскаго искусства говорилъ и г. Добровольскій въ засѣданіи 3-й секціи 19 августа.

Проф. *Н. И. Веселовскій* обращая вниманіе собранія на великолѣпный „Альбомъ Самаркандскихъ древностей“, изданный Императорскою Археологическою Комиссіей на Высочайше дарованныя средства, сообщилъ слѣдующее: десять лѣтъ тому назадъ шведскій ученый Мартинъ, по возвращеніи изъ Самарканда, обратился къ С. Ю. Витте съ просьбою обратить вниманіе на Самаркандскія мечети времени Тамерлана и позаботиться о сохраненіи ихъ. Статсъ-секретарь Витте выразилъ готовность оказать свое содѣйствіе дѣлу поддержанія этихъ памятниковъ и обратился въ соотвѣтствующія учрежденія съ этимъ заявленіемъ. Референтъ, находя, что реставрація этихъ памятниковъ по разнымъ причинамъ затруднительна, а иногда даже невозможна, подалъ мысль объ изданіи снимковъ съ нихъ. Мысль эта была одобрена, и С. Ю. Витте исходатайствовалъ необходимыя на изготовленіе архитектурныхъ чертежей средства. Ближайшее руководство изготовленіемъ чертежей и рисунковъ съ мечетей, а также заботы по изданію ихъ были возложены на референта, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приглашалъ для этой работы молодыхъ, только что окончившихъ курсы архитекторовъ-художниковъ. Прежде всего сдѣланы были обмѣры и изготовлены чертежи съ мечети Гуръ-Эмиръ, что значитъ „могила Эмира“, такъ какъ тамъ похороненъ Тамерланъ, затѣмъ съ соборной мечети, которая пришла въ такое состояніе, что дни ея сочтены: вся она въ трещинахъ, а куполь ея едва держится. Далѣе, работы были перенесены въ мечеть Шахъ-зидѣ, а въ настоящее время онѣ ведутся въ г. Туркестанѣ въ мечети надъ могилою Ахмеда-Ясави. Главная прелесть Самаркандскихъ мечетей эпохи Тамерлана заключается въ разноцвѣтныхъ изразцахъ, въ видѣ тонкой мозаики, украшающихъ стѣны мечетей. Эта мозаика исчезаетъ частью отъ времени, а всего болѣе благодаря людямъ: мѣстные жители—сарты выламываютъ изразцы и продаютъ ихъ; такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ одинъ армянинъ отправилъ изъ Самарканда 35 пудовъ мозаики по закаспійской жел. д. Надо сказать, что предпріятыя по описанію мечетей работы были начаты во-время, потому что въ послѣднее время произошло разрушеніе въ нѣкоторыхъ памятникахъ, съ которыхъ уже, по счастью, были сдѣланы снимки: съ одного минарета, верхняя часть котораго грозила паденіемъ, была снята верхняя половина; въ 1896 г. влѣдствіе землетрясенія, рухнули ворота мечети Биби-ханымъ; въ 1903 г. упалъ послѣдній минаретъ мечети Гуръ-Эмиръ. Къ счастью все это было уже зарисовано. Въ апрѣлѣ 1905 г. была похищена цѣлая плита изъ изразцовъ въ мечети Гуръ-Эмиръ, съ надписью, что „это могила султана величайшаго, хакана справедливаго, Эмира Тимура Курагана“. Плита эта своевременно была снята на кальку. Нынѣшнимъ лѣтомъ вышелъ въ свѣтъ альбомъ, заключающій въ себѣ чертежи и рисунки съ мечети Гуръ-Эмиръ. Альбомъ воспроизведенъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

А. С. Раевскій доложилъ, что предѣдатель Императорской Археологической Комиссіи, гр. Бобринскій, уполномочилъ его, какъ члена и депутата Комиссіи, представить Съѣзду фотографіи съ новыхъ археологическихъ находокъ, поступившихъ въ собственность Комиссіи и относящихся къ южной Россіи. Докладчикомъ представлены были фотографіи съ найденныхъ предметовъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и народностямъ. Особенное вниманіе обращено имъ на коллекцію венцевъ, добытыхъ

при раскопках у станицы Келермесской Майкопскаго отдѣла Кубанской Области, производившихся горнымъ техникомъ Шульцемъ (вещи персидскаго или вавилонскаго происхожденія, другія—греческаго VI—VII в. до Р. Х.). Далѣе слѣдовали находки: изъ скифской эпохи (хуторъ Юшкова, Кубанской волости; село Саламатино, Камышинскаго у., Саратовской губ.), греческой (послѣдняя находка покойнаго Н. Е. Бранденбурга: село Ильинцы, Липовецкаго у., Киевской губ.), римской (хуторъ Оедулово, станицы Бакаевской, области Войска Донскаго), готской (катакомба въ г. Керчи, въ Госпитальномъ пер., мѣсто на южномъ берегу Крыма около Суукъ-су, вблизи Гурзуфа), русской (деревня Стражевичи, Сѣнинскаго у., Могилевской губ.; село Каменный Бродъ, Радомысльскаго у., Киевской губ., г. Киевъ: кладъ Михайловскаго Златовѣрхаго монастыря).

Графиня П. С. Уварова предложила Съѣзду выразить благодарность какъ Н. И. Веселовскому, такъ и Предѣдателю Императорской Археол. Ком., гр. Бобринскому за сообщеніе свѣдѣній объ Туркестанскихъ памятникахъ и о новыхъ археологическихъ находкахъ, а также просьбу о повтореніи такихъ сообщеній и на будущихъ Археологическихъ Съѣздахъ. Предложеніе предѣдателя Съѣзда было принято съ удовольствіемъ собраніемъ, при чемъ выражена благодарность и А. С. Раевскому. Засѣданіе закрыто въ 1 ч. дня.

2 часа дня.

IV Отдѣленіе: Древности юридическія; бытъ домашній, хозяйственный и военный.

Почетный предѣдатель—проф. О. В. Благовидовъ.

Предѣдатель отдѣленія—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари—В. Е. Данилевичъ, А. П. Кадлубовскій и В. Г. Ляскоронскій.

Прив.-доц. В. Е. Данилевичъ предложилъ сообщеніе: „Изъ исторіи управленія и быта Слободской Украины въ XVII и XVIII ст.“. Референтъ остановился только на одномъ частномъ вопросѣ изъ исторіи управленія Слободской Украины въ XVII ст., такъ какъ по этому поводу въ наукѣ существуетъ большое разногласіе. Онъ напомнилъ, что вслѣдъ за Г. О. Квиткой изслѣдователи исторіи этого края обыкновенно утверждаютъ, будто въ 1668 году Слободскіе полки особымъ именнымъ указомъ были переведены изъ вѣдомства Разряда въ Государственный Посольскій Приказъ. Противъ этого мнѣнія высказался недавно проф. Д. И. Багалъй, доказавшій на основаніи вновь открытыхъ имъ документовъ, что въ 1668 году ничего подобнаго не произошло. Наоборотъ, до 1668 года Слободскіе полки непрерывно пребывали въ вѣдомствѣ Разряда, а въ этомъ году былъ учрежденъ новый приказъ Великія Россіи, въ вѣдѣніе котораго тогда же и были переданы указанные полки. Референту удалось найти въ московскихъ архивахъ рядъ документовъ, которые вполне подтверждаютъ мнѣніе проф. Д. И. Багалъя и объясняютъ отчасти, какъ воз-

николю противоположное утверждение Г. Θ. Квитки. Указавъ, что 1668 годъ попалъ въ „Записки“ Г. Θ. Квитки по ошибкѣ, вмѣсто 1688 года, референтъ познакомилъ присутствующихъ съ найденными имъ по этому вопросу актами. При этомъ онъ отмѣтилъ, что на основаніи нѣкоторыхъ изъ данныхъ документовъ, пожалуй, можно было бы вывести даже заключеніе, что съ 1688 года Слободская Украина находилась въ вѣдомствѣ сразу 3 приказовъ: Государственнаго Посольскаго, Великія Россіи и Малыя Россіи. Но изъ нихъ явствуетъ, что послѣдніе два приказа были подчинены первому. Кромѣ того, въ исторической наукѣ вполне установлено, что функціи московскихъ приказовъ не были строго разграничены, вслѣдствіе чего однимъ и тѣмъ же дѣломъ завѣдывали часто нѣсколько приказовъ одновременно. Поэтому вполне допустимо, что фактически упомянутые три приказа могли вѣдать дѣла, относящіяся къ Слободской Украинѣ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ легче могло произойти, что, какъ видно изъ найденныхъ референтомъ документовъ, всѣми этими приказами завѣдывалъ извѣстный кн. В. В. Голицынъ, и во всѣхъ этихъ приказахъ сидѣлъ думный дьякъ Е. П. Украинцовъ. Отсюда легко понять и ту путаницу, которую допустили Г. Θ. Квитка и другіе. Но юридически Слободская Украина съ 1688 года находилась въ вѣдомствѣ одного приказа Великія Россіи, о чемъ свидѣлствуютъ почти всѣ документы.

Проф. Д. И. Багалъй указалъ, что референтъ добылъ изъ архивныхъ источниковъ данныя, проливающія свѣтъ на одинъ изъ запутанныхъ и темныхъ вопросовъ. Соглашаясь съ соображеніями автора, Д. И. Багалъй дополнилъ ихъ соображеніями о названіи великороссійскаго приказа и объ отношеніи его къ малороссійскому; параллельное функціонераніе этихъ двухъ приказовъ проф. Д. И. Багалъй объяснялъ точкою зрѣнія Московскаго правительства на Малороссію и Слободскую Украину: первая область сохраняла автономію, по составу населенія была вполне малорусскою, на нее правительство московское не чувствовало за собою такого верховнаго права какъ на вторую, которая, по его мнѣнію, заселилась на его, великорусскихъ, земляхъ.

Д. М. Савеловъ прочиталъ докладъ: „Изъ исторіи сношеній Москвы съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ“. Докладчикъ на основаніи документовъ Москов. Гл. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ описалъ посольство С. И. Тарбѣева въ 1662—1688 гг. Тарбѣеву, кромѣ обычной волокиты и безцеремоннаго обращенія татарскихъ князей мурзъ, старавшихся получить какъ можно больше царскихъ подарковъ, пришлось испытать въ теченіе 9 недѣль осаду въ „Жидовскомъ городкѣ“, куда посольство бѣжало во время начавшейся въ Крыму междоусобицы, окончившейся смѣною хана. Въ осадѣ посольство „умирало голодной смертью“, питалось кореньями и было уже окончательно обобрано татарами.

С. Д. Щербакъ сдѣлалъ сообщеніе: „О доставкѣ фруктовъ ко двору ц. Алексѣя Михайловича“ (т. II Труд. Съѣзда, стр. 121).

Проф. Д. И. Багалъй указалъ, что трудъ референта можетъ имѣть большое значеніе для изученія экономической жизни Малороссіи и что необходимо пополнить его данными изъ другихъ источниковъ.

В. Г. Ляскоронскій указаль, что свѣдѣнія относительно широкаго развитія садоводства въ Кіевѣ можно найти въ Печерскомъ Патерикѣ. Кромѣ того въ люстраціи Кіевского замка 1552 г. находятся свѣдѣнія о существованіи виноградниковъ какъ въ Кіевѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

7 час. вечера.

II Отдѣленіе: Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный председатель—А. Я. Ефименко.

Председатель отдѣленія—проф. Д. И. Багалъй.

Секретари—В. Е. Данилевичъ, А. П. Кадлубовскій и В. И. Савва.

В. И. Савва ознакомилъ съ трудомъ проф. *П. В. Голубовскаго*. „Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г.“ (т. II Труд. Съѣзда, стр. 1).

Проф. *Д. И. Багалъй*, указывая на важность русской исторической географіи, замѣтилъ, что мы еще не имѣемъ исторической карты, которая обнимала бы весь историческій матеріалъ, сохранившійся въ письменныхъ памятникахъ домонгольскаго періода. Проф. *П. В. Голубовскій*, предпринявшій изданіе исторической карты Черниговской губ., занимаетъ самое почетное мѣсто среди изслѣдователей Черниговской губ.: ему принадлежатъ выдающіеся труды по исторіи топографіи Сѣверщины. „Объяснительный словарь“ *П. В. Голубовскаго* — огромный трудъ, заключающій въ себѣ цѣлый рядъ изслѣдованій; въ этомъ трудѣ авторъ исключилъ все гипотетическое, выступивъ во всеоружіи строгой научности.

Въ видѣ дополненія къ труду проф. Голубовскаго *Д. И. Багалъй* сдѣлалъ сообщеніе о планахъ городовъ отчасти Полтавской, отчасти Черниговской губ., Новгородъ-Сѣверска, Нѣжина, Кролевца, Глухова, Стародуба, Гадяча, Полтавы, Миргорода, Лубенъ, Прилукъ, доставленныхъ графиней *П. С. Уваровой* изъ собранія гр. *А. С. Уварова*. Судя по тому, что на одномъ изъ плановъ упоминается домъ гр. *Румянцова-Задунайскаго*, можно отнести планы эти ко времени послѣ уничтоженія гетманства. Ихъ можно раздѣлить на 2 группы: одни съ объяснительнымъ текстомъ (и ихъ большинство), другіе—безъ него. Карты представляютъ значительный историко-археологическій интересъ: на нихъ обозначены съ полною точностью старинныя земляныя укрѣпленія малорусскихъ городовъ, церкви, общественныя зданія, дома обывателей, улицы. Поэтому *Д. И. Багалъй* выразилъ пожеланіе, чтобы гр. *П. С. Уварова*, нашедшая эти карты, нашла бы и средства для изданія ихъ.

Гр. *П. С. Уварова*, сообщивъ членамъ Съѣзда, что проф. *П. В. Голубовскій* не могъ пріѣхать для доклада своего труда, благодаря семейному несчастію, его постигшему, предложила Съѣзду выразить *П. В. Голубовскому* глубокую благодарность за пріеланный имъ трудъ.

Пр.-доц. *В. Г. Ляскоронскій* доложилъ: „О змѣвыхъ валахъ въ предѣлахъ южной Россіи и ихъ связи съ курганами-майданами“ (т. II Труд. Съѣзда, стр. 199).

Проф. Д. И. Багалъй, указаль, что тѣхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя добыты референтомъ, еще не достаточно для того, чтобы доказать, что Бѣльское городище относится къ скиѣскому періоду. Референтъ отвѣтилъ, что его находки были случайны, и что онъ пришелъ къ данному выводу главнымъ образомъ на основаніи трудовъ гр. Бобринскаго, который подробно изслѣдовалъ городище и пришелъ къ выводу объ его скиѣскомъ происхожденіи.

Д. И. Эварницкій предложилъ собранію докладъ: „Карты Украйны и Запорожья и планы р. Днѣпра“. (т. II Труд. Съѣзда; стр. 51).

Проф. Д. И. Багалъй сказалъ, что референтъ представилъ богатый матеріалъ не только библиографическій, но и рядъ цѣнныхъ указаній для изученія географіи Запорожья. Докладчикъ извѣстенъ своими трудами по изученія Запорожья. Но проф. Багалъй считаеъ себя обязаннымъ высказать нѣсколько соображеній по поводу изученія картографическаго матеріала, относящагося къ Запорожью. Теперь въ Екатеринославѣ имѣется свой Музей, а потому слѣдовало-бы собрать въ немъ коніи со всѣхъ плановъ и картъ, и слѣдовало-бы даже начать съ этого. Можно напомнить, что на выставкѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ было собрано много картъ и плановъ, относящихся къ Южной Россіи, причемъ имѣлся даже большой отдѣлъ, специально посвященный Запорожью. Въ Военно-Топографическомъ Дѣпо Генеральнаго Штаба, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ библиотекѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей собранъ богатѣйшій матеріалъ по картографіи Запорожья. Слѣдовало бы снять фотографіи со всѣхъ этихъ картъ и плановъ, чтобы въ Музеѣ А. Н. Поля образовалось полное собраніе матеріаловъ по географіи Запорожья.

Г. Левицкій предложилъ въ распоряженіе референта имѣющіеся въ его распоряженіи планы.

А. Я. Ефименко предложила присутствующимъ выразить благодарность референту, столько потрудившемуся по изученію исторіи и древностей Запорожья.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ вечера.

7 час. вечера.

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

IX Отдѣленіе: Археографія и архивовѣдніе.

Почетный председатель—В. Н. Поливановъ.

Председатель отдѣленія—А. С. Снявскій.

Секретари отдѣленія—П. А. Незнамовъ, И. Ѳ. Вертоградовъ и В. А. Харламовъ.

В. А. Бѣдновъ прочелъ докладъ: „Объ архивѣ Самарскаго монастыря“ (т. II. Труд. Съѣзда; стр. 174).

Предсѣдатель отдѣленія, А. С. Синявскій, указаль, что Самарскій монастырь является самымъ интереснымъ мѣстомъ на югѣ Россіи; онъ съ XVI в. служилъ аванпостомъ, выдвинутымъ въ степь, и потому докладъ имѣеть очень большой интересъ, потому что прошлое и Запорожья, и монастыря затеряно.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ предложилъ собранію выразить благодарность референту за его серьезное описаніе архива монастыря, имѣющаго значеніе для мѣстной исторіи.

В. И. Пичета прочель докладъ: „Нѣсколько данныхъ по исторіи крестьянства и хозяйства въ Екатеринославскомъ уѣздѣ въ началѣ XIX в.“ Въ началѣ XIX вѣка на югѣ Россіи, по словамъ докладчика, устанавливаются крѣпостныясоці альныя отношенія. Край втягивается въ общую экономическую политику страны, начинается вывозъ хлѣба и сырья, что вызывало, въ свою очередь, ростъ крѣпостного права. Всѣ эти вопросы почти что еще не изучены. Далѣе замѣтно полное отсутствіе свѣдѣній относительно помѣщичьяго хозяйства, развитія сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности. Вслѣдствіе преобладанія на югѣ Россіи крупнаго землевладѣнія и мелкаго рабовладѣнія замѣчается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, отсюда погоня за ними и стремленіе всякаго свободнаго человѣка превратить въ крѣпостного. Край наполняется крѣпостными переселенцами изъ центральныхъ губерній, вольными гулящими людьми, считавшими себя потомками малороссійскаго казачества, а также бѣглыми, коихъ помѣщики, записавъ въ ревизскія сказки, прикрѣпляли къ землѣ. Колонизаціонный процессъ преимущественно шелъ изъ Черниговской и Полтавской губерній. Мѣры, предпринятыя Императорами Павломъ и Александромъ I для упорядоченія крестьянскаго дѣла, имѣли мало практическаго значенія, такъ какъ администрація стояла на сторонѣ господствующаго класса. Въ особенности это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣйствій законовъ: 20 іюня 1799, 3 дек. 1797 и 1803 г.г., предоставляющихъ крестьянамъ право отыскивать свободу. Что касается помѣщичьяго хозяйства, то прихотится констатировать нѣкоторую косность въ его веденіи. Правительство всѣми мѣрами стремится поднять его технику, покровительствуя дворянской сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности. Обыкновенно, Правительство казенными заказами обезпечивало сбытъ производства.

Для поощренія въ случаѣ принятія заказовъ Правительство обѣщало сложить недоимки. Сельско-хозяйственная промышленность, садоводство вообще въ краѣ были слабо развиты.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе Самоквасовъ, Довнаръ-Запольскій, Раевскій, Савеловъ, Добровольскій и др.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій указаль, что исторія крѣпостного права недостаточно исследована и плохо проверена по документамъ; причина этого лежитъ въ томъ, что мѣстные архивы мало разработаны въ этомъ направленіи, а работы желательны, онѣ вскрываютъ исторію крѣпостного права данной мѣстности и служатъ матеріаломъ для общей исторіи крѣпостного права.

А. С. Раевскій напомнилъ, что на областномъ Тверскомъ Създѣ Рожковъ умолялъ хранить архивы помѣщичьихъ усадебъ.

Это заявленіе вызвало горячій обмѣнъ мнѣній по вопросу о сохраненіи документовъ, находящихся въ частныхъ рукахъ.

П. М. Добровольскій предложилъ внести въ совѣтъ Съѣзда ходатайство о принятіи широкихъ мѣръ къ собиранію и сохраненію архивнаго матеріала до 1/2 XIX вѣка, съ чѣмъ согласились члены собранія и предсѣдатель отдѣленія, который добавилъ, что отъ цѣлости архивовъ зависитъ успѣхъ научнаго изученія исторіи экономической жизни Россіи и возможность привлеченія интереса общества, которое не сомнѣнно пойдетъ навстрѣчу Архивнымъ Комиссіямъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше будетъ докладовъ на основаніи архивныхъ данныхъ.

Почетный предсѣдатель отъ лица собранія благодарилъ г. Пичету за интересный докладъ.

Собраніе заключилось рѣчью предсѣдателя отдѣленія *А. С. Сивявскаго*, обращенной къ почетному предсѣдателю *В. Н. Поливанову*, въ которой ораторъ указалъ на труды *В. Н.* въ области археологіи, на его участіе въ 10 Съѣздахъ и выразилъ удовольствіе отъ лица отдѣленія, что оно имѣло своимъ предсѣдателемъ столь почтеннаго члена Съѣзда.

21-го Августа.

10 час. утра.

І. Отдѣленіе: Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель—проф. *Д. И. Иловайскій*.

Предсѣдатель отдѣленія—проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ*.

Секретари отдѣленія—*В. Г. Ляскоронскій* и *В. Е. Данилевичъ*.

В. А. Харламовъ прочелъ рефератъ: „Раскопки на берегахъ р. Калміуса и въ Области Войска Донскаго“.

Въ 1903 и 1904 гг. референтъ изслѣдовалъ берега р. Калміуса, по его среднему теченію, а затѣмъ въ области р. Дона. Докладчикъ интересовался главнымъ образомъ курганами, расположенными въ указанной мѣстности, и представилъ подробную картину ихъ мѣстоположенія. Курганы, по большей части, расположены на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что съ вершины одного можно видѣть нѣсколько другихъ, расположенныхъ также на возвышеніяхъ. Эту цѣпь кургановъ можно прослѣдить по теченію означенной рѣки на значительномъ разстояніи.

Референтомъ изслѣдовано свыше 30 кургановъ, при чемъ обнаружено 62 погребенія. Въ курганахъ наблюдались погребенія двухъ родовъ: внизу—древнѣйшее, неолитическое; вверху—болѣе новое, скифское. Первое дало, въ большинствѣ, скелеты въ скорченномъ положеніи, находившіеся въ каменныхъ ящикахъ и катакомбахъ. Иногда бока и дно могилъ были вымазаны известкой. Скелеты лежали, въ большинствѣ, на лѣвомъ боку; ориентировка—на с.-в. и юго-востокъ. Подъ скелетами

замѣтны слѣды какой-то подстилки. Кости скелетовъ окрашены въ красную краску. При скелетахъ обнаружена посуда чернаго цвѣта, украшенная веревочнымъ орнаментомъ, или же орнаментомъ, исполненнымъ при помощи ногтя. Изъ другихъ предметовъ найдены: каменный молотокъ, заостренные кремни, рѣчные раковины, костяныя орудія и, наконецъ, мѣдный наконечникъ копья, находившійся при костякѣ, положенномъ въ скорченномъ положеніи. Второе погребеніе, кочевническое, обнаружено въ верхнихъ частяхъ кургановъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ человѣческимъ скелетомъ, были положены и скелеты лошадей. Что касается инвентаря находокъ; то онъ былъ слѣдующій: сабли аналогичныя тѣмъ, какія были найдены г. Городцовымъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, желѣзныя удила, пряжки, ножи и пр.

Раскопки близъ устья р. Донца дали предметы, аналогичныя предыдущимъ. При раскопкахъ были найдены близъ костяка: глиняная амфора и бронзовые 3-гранные наконечники копій или стрѣлъ. Близъ Трохоровки, въ курганѣ, украшенномъ *каменной бабой*, найдены 12 погребеній, расположенныхъ въ три яруса. Въ *первомъ* ярусѣ находились скелеты въ скорченномъ положеніи, ориентированные на востокъ и юго-востокъ. Окраски и подстилки не наблюдалось. Инвентарь состоялъ въ слѣдующемъ: кольцо, деревянная палочка съ вырѣзками, обломки рѣчныхъ раковинъ и проч. Во *второмъ* ярусѣ скелеты находились въ согнутомъ положеніи. Ориентировка—на с. и с.-в. Окрашенныхъ костяковъ не было. Въ *третьемъ* ярусѣ, находившимся въ угловой ямѣ, обнаружены скелеты, лежавшіе одинъ на другомъ; скелеты обращены головой на востокъ и густо покрыты слоемъ красной краски. Изъ предметовъ здѣсь были найдены: металлическое зеркальце, бронзовый крючекъ и обломокъ такой же фибулы.

Раскопки близъ ст. Карапуной констатировали два погребенія, при чемъ скелеты находились въ вытянутомъ положеніи, головой на западъ; у головы—глиняный сосудъ, а у ногъ—выпуклой формы кувшинъ, растреснувшійся отъ времени.

Интересны также находки въ пещерахъ, идущихъ въ скалахъ на далекое разстояніе. Здѣсь, при костякахъ, была найдена урночка оранжеваго цвѣта.

Найденные предметы демонстрировались докладчикомъ.

Э. Р. фонъ-Штернъ замѣтилъ, что найденная въ пещерѣ, при погребеніи, небольшая амфорочка—характерная греческая.

Д. И. Пловайскій просилъ разъяснить, нѣтъ ли аналогиі въ добытыхъ раскопками вещахъ съ керченскими?

Г. Савеловъ указалъ, что существуютъ пещеры и на Дону, близъ Тихой Сосны и проч.

А. П. Потоцкій добавилъ, что и на Кавказѣ есть много пещеръ, о которыхъ народное преданіе гласитъ, что онѣ нѣкогда служили молельнями для первыхъ христіанъ края.

Д. И. Эварницкій указалъ на пещеру близъ Кичкаса, гдѣ были обнаружены предметы изъ кремня: нуклеусы, кремневая стрѣлы и проч.

Второй докладъ того же лица носилъ заглавіе: „О каменныхъ бабахъ Донецкой Области“.

Докладчикъ далъ статистически-описательный очеркъ *каменныхъ бабъ*, находящихся въ указанномъ районѣ. Наибольшее количество каменныхъ бабъ замѣчено докладчикомъ въ Таганрогскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ обнаружено 350; затѣмъ количество ихъ постепенно уменьшается, колеблясь отъ 2-хъ до 3-хъ десятковъ на извѣстный районъ; на сѣверной окраинѣ области ихъ очень мало: всего 3 или 4. Всѣхъ каменныхъ бабъ зарегистрировано 443 экземпляра. Почти всѣ онѣ свезены со своихъ прежнихъ мѣстъ и находятся въ настоящее время близъ жилыхъ построекъ, въ селахъ и хуторахъ; на курганахъ же сохранилось ихъ мало. Форма каменныхъ бабъ — разнообразна, отъ примитивной до болѣе развитаго характера. Въ первомъ случаѣ каменные бабы представляютъ собою столбъ съ еле намѣченными очертаніями лица; другія представляютъ уже болѣе совершенства въ изображеніи. Усовершенствованія заключаются въ очертаніяхъ фигуръ: есть мужскія и женскія изображенія; однѣ изъ нихъ представлены въ сидячемъ, другія — въ стоячемъ видѣ. Голова иногда представлена покрытой шапкой съ широкими полями; у бабъ, представляющихъ собой женщинъ, замѣчается покрывало на головѣ; иногда можно замѣтить изображеніе косы, расходящихся тремя пучками. На шеѣ изображены ожерелья изъ бусъ; на груди замѣчаются переплетенія, идущія на спину; на рукахъ, у кистей, браслеты. Есть также изображеніе каптарги (мѣшечекъ съ флакономъ), ножа и проч. Вообще, замѣчается аналогія каменныхъ бабъ съ тѣми, которыя находятся близъ р. Дона. У нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ находится изображеніе сосуда въ рукахъ. Однѣ изъ каменныхъ бабъ представляютъ фигуры въ одеждѣ, другія — безъ нея.

Охарактеризовавъ районъ распространенія каменныхъ бабъ и отмѣтивъ ихъ характерныя черты, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы свѣдѣнія его по части каменныхъ бабъ были пополнены другими лицами, такъ какъ несомнѣнно, что многія изъ этихъ каменныхъ бабъ увезены въ другія мѣста, многія попорчены и утилизированы жителями для своихъ нуждъ, подъ постройки, мостовую и проч.

Проф. *Д. И. Эварницкій* указалъ, что порча каменныхъ бабъ практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ до поздняго, сравнительно, времени. Такъ, онъ зналъ одного изъ исправниковъ Екатеринославской губ., у котораго весь погребъ подпирали каменные бабы: онѣ же были поставлены и при входѣ въ погребъ. О каменныхъ бабахъ, перевезенныхъ крестьянами въ свои дворы, — говорить нечего, т. к. это заурядное явленіе. Вообще, уничтоженіе этихъ памятниковъ было очень велико.

А. С. Раевскій выразилъ желаніе, чтобы были изданы труды г. Гревинга, очень много потрудившагося надъ составленіемъ альбома и карты находокъ каменныхъ бабъ.

Графиня *П. С. Уварова* и проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* указали на трудность изданія замѣтокъ г. Гревинга, написанныхъ очень неразборчиво; что же касается изображеній и карты его — то было-бы весьма желательно издать ихъ.

Графиня *П. С. Уварова* сообщила свое изслѣдованіе „О каменныхъ бабахъ“ (т. II Труд. Съѣзда, отд. Матер.; стр. 92).

Э. Р. фонъ-Штернъ высказалъ, что, быть можетъ, въ число каменныхъ бабъ можно будетъ включить тѣ каменные изваянія, которыя находятся въ Германіи.

Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что если собирать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, то только тѣ, которыя имѣють тѣсное съ ними соотношеніе; другія же надо исключить. Такъ, изъ собраннаго и представленнаго въ докладѣ матеріала онъ считаетъ нѣкоторыя изображенія не имѣющими отношенія къ данному вопросу, т. к. они не изображаютъ собой каменныхъ бабъ, а скорѣй могутъ быть отнесены къ типу дольменовъ. Тѣмъ не менѣе, попытка къ разрѣшенію поставленнаго вопроса является чрезвычайно важной и имѣетъ несомнѣнныя научныя достоинства.

Д. И. Багалъй отмѣтилъ, что въ нѣсколькихъ губерніяхъ Сибири каменныхъ бабъ не найдено; но интересно отмѣтить и ихъ, если онѣ окажутся тамъ. Кромѣ того, надо отмѣтить также сообщенія путешественниковъ—Зуева и другихъ.

Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что каменные бабы, по вѣмъ признакамъ, принадлежатъ монголо-татарскимъ племенамъ, вѣроятно разныхъ эпохъ. Новыя данныя по этой части могутъ дать также находки въ Средней Азій.

Прив.-доц. *Е. П. Трифильевъ* ознакомилъ съ „Археологической экскурсіей по р. р. Кальміусу и Кальчику въ предѣлахъ Мариупольскаго уѣзда Екатеринославской губ. лѣтомъ 1904 года“, (т. I Труд. Съѣзда; стр. 366).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе проф. *Н. И. Веселовскій*, *Д. И. Иловайскій* и *Д. И. Эварницкій*.

А. С. Синяевскій сообщилъ о „Находкахъ въ Потемкинскомъ саду и раскопкахъ въ Мандрыковкѣ“.

Первые древности каменнаго вѣка около Екатеринослава найдены въ 1885 г. и сохраняются въ Музеѣ университета св. Владимира. Много вещей изъ той же мѣстности имѣются въ коллекціи Поля и вошли въ каталогъ собранія, составленный *Е. Н. Мельникъ*. Всѣ находки эти относятся къ неолитической эпохѣ. Потемкинскій садъ, гдѣ сдѣлана часть находокъ, расположенъ на отрогѣ Карпатской гряды. Онъ часто перепланировывался, но слѣдовъ древней культуры въ немъ много; замѣтны слѣды городища и весьма вѣроятно что мы имѣемъ здѣсь дѣло со стоянкой каменнаго вѣка. Культурный пластъ глубокъ и помимо предметовъ каменнаго вѣка въ немъ встрѣчаются бронзовыя вещи, скиѣскіе предметы, кафли и запорожскія древности.

У Мандрыковки имѣются 15 кургановъ. Изъ нихъ раскопаны въ 1902—3 гг. 8 кургановъ, при чемъ найдены остатки посуды, черепки и уголь, а въ 4 также камни. Въ одномъ изъ нихъ былъ хорошо сохранившійся сосудъ. Въ нѣкоторыхъ найдено дерево. Перечисливъ скелеты и измѣренія ихъ, референтъ указалъ, что они лежали головой къ западу. Въ головахъ или въ ногахъ находились или цѣлые сосуды, или части ихъ. При нѣкоторыхъ скелетахъ вещей не было. Около одного скелета найденъ изящный каменный молотъ. Въ одномъ курганѣ оказалось коллективное погребеніе. Въ другомъ курганѣ былъ найденъ желѣзный предметъ (копье или мечъ).

Изъ 9 кургановъ у Каменки раскопано пять. Погребенія встрѣтились на линіи горизонта или на материкѣ. Типъ погребенія—коллективный, при чемъ большинство скелетовъ лежало головой на востокъ. Металлическихъ вещей не было. Бѣдность данныхъ не позволяетъ сдѣлать выводы.

Подводя итогъ своему сообщенію, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. въ Потемкинскомъ саду находится обширная стоянка каменнаго вѣка;
2. отсюда до Мандрыковки были поселенія древняго человѣка;
3. культуры лѣваго и праваго берега Днѣпра были одинаковы въ эпоху неолита.

По поводу раскопокъ А. С. Сиявскаго Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ, что докладчикъ не совсѣмъ ясно охарактеризовалъ свои раскопки; желательно было бы знать, насколько обширны были эти раскопки въ означенномъ саду, когда онѣ были сдѣланы, какимъ способомъ и при чемъ участіи?

А. С. Сиявскій объяснилъ, что раскопки производились при помощи дѣтей, которыя разрывали землю руками или палочкою и собирали попадающіяся при этомъ вещи. Иногда и самъ докладчикъ принималъ участіе въ раскопкахъ.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ отмѣтилъ, что вслѣдствіе указанныхъ докладчикомъ условій, раскопки не имѣютъ научной цѣнности, т. к. не установлены ни слои культуры, въ которыхъ были найдены тѣ или другіе предметы, ни разрѣзы той почвы, гдѣ залегали находки. Далѣе, фонъ-Штернъ отмѣтилъ, что врядъ ли возможно говорить такъ смѣло объ единствѣ культуры на обоихъ берегахъ Днѣпра при наличности столь небольшихъ и столь темно освѣщенныхъ данныхъ.

Затѣмъ былъ прочитанъ запросъ г-на Китицына относительно Дулѣбовъ слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь покорнѣйше просить Предварительный Комитетъ Съезда предложить на обсужденіе Археологическаго Съезда запросъ: „На основаніи лѣтописи выяснитъ границы поселеній въ IX столѣтіи славянскаго племени Дулѣбовъ, обитавшихъ на р. Южномъ Бугѣ“. Въ атласѣ Н. Павлицева, на картѣ Россіи № 2, племя Дулѣбовъ показано между племенами Хорватовъ и Полянъ, племя Бужанъ—къ западу отъ города Бреста (Берестья); но другіе ученые смѣшиваютъ ихъ съ Дулѣбами“.

2 часа дня.

III Отдѣленіе: Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный председатель—проф. А. П. Голубцовъ.

Председатель отдѣленія—проф. Е. К. Рѣдинъ.

Секретари отдѣленія—В. Е. Данилевичъ и В. И. Савва.

Проф. Е. К. Рѣдинъ, за отсутствіемъ референта, прочелъ рефераты Я. И. Смирнова, указавъ предварительно на ихъ важное значеніе для исторіи памятниковъ искусства Кіева, вообще и его топографію: 1) Кіевскій альбомъ 1651 года князя Януша Радзивила, и 2) Изображеніе Ярослава съ семействомъ на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора по рисунку 1651 года (т. II Труд. Съезда, стр. 197).

Въ заключеніе референтъ задается вопросомъ: не сохраняются ли остатки изображеній кн. Ярослава съ семействомъ подъ новыми фресками и вносить слѣдующее

ЦИТІС
ІНСТИТУТЪ
НАСЛѢДІЯ

предложеніе: „организовать въ Кіевѣ особую комиссію для тщательнаго изслѣдованія южной стѣны средняго нефа Софійскаго собора съ цѣлью провѣрки показаній малокомпетентныхъ реставраторовъ его объ отсутствіи тамъ древнихъ фресокъ и для отысканія хотя бы ничтожныхъ остатковъ того драгоценнаго для русской исторіи и археологіи изображенія Ярослава Мудраго, которое находилось тамъ, какъ о томъ достаточно ясно свидѣтельствуесть одинъ изъ рисунковъ Радзивиловскаго альбома 1651 г.“

Секція постановила внести предложеніе на рѣшеніе Совѣта Съѣзда; она же, по предложенію проф. А. П. Голубцова, постановила выразить благодарность Я. И. Смирнову за его высокоинтересные, весьма важные для археологіи рефераты.

В. И. Савва прочелъ рефератъ: „Откуда двуглавый орелъ на Тверскихъ монетахъ?“ (Т. II Трудовъ Съѣзда: 115).

Прив.-доц. *В. Е. Данилевичъ* говорилъ: „По поводу одной рукописи XVIII ст. въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, (т. II Тр. Съѣзд).

Предсѣдатель отдѣленія проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ о матеріалахъ и рефератахъ, поступившихъ въ распоряженіе секціи, но не доложенныхъ цѣликомъ въ виду недостатка времени:

1) *А. Н. Прусевича* „Описаніе и объясненіе живописи въ еврейской синагогѣ въ с. Ярышевѣ, Могилевскаго уѣзда, Подольской губ.“.

Памятникъ, описанный докладчикомъ, половины XVIII в., представляется весьма важнымъ какъ по архитектурѣ своей, такъ и по живописи, украшающей куполь. Онъ примыкаетъ къ тѣмъ многочисленнымъ однороднымъ памятникамъ, о которыхъ былъ сдѣланъ докладъ проф. Г. Г. Павлуцкимъ.

2) *Полтавской Ученой Архивной Комиссіи* приславшей на Съѣздъ коллекціи фотографій, приготовленныхъ командированнымъ ею для описанія церковныхъ и другихъ древностей Полтавской губ. И. А. Зарѣцкимъ,—съ описью и перечнемъ другихъ предметовъ, встрѣченныхъ имъ въ церквахъ.

Экскурсія г. Зарѣцкаго, какъ видно изъ перечня изученныхъ имъ памятниковъ и фотографій, предложенныхъ вниманію секціи, дала блестящіе результаты. Она добыла вновь цѣнный матеріалъ для изученія памятниковъ южно-русскаго искусства: деревянной архитектуры церквей, живописи, скульптуры и многихъ другихъ предметовъ церковнаго обихода.

3) *В. Машукова*—(автора цѣнныхъ сообщеній по древностямъ Екатеринославской губ., напечатанныхъ въ трудахъ Харьковской Комиссіи по устройству XIII Археологическаго Съѣзда). Описи: имущества Каѳедральнаго Успенскаго собора г. Екатеринослава 1830 г. и Троицкой собор. церкви г. Новомосковска Екатеринослав. губ. 1827 г. (т. II Труд. Съѣзда, Матеріалы стр. 19).

Въ заключеніе проф. *Е. К. Рѣдинъ*, какъ предсѣдатель Отдѣленія, слѣдующимъ образомъ резюмировалъ его дѣятельность:

„Настоящее наше засѣданіе отдѣленія—последнее, и я считаю не безполезнымъ хотя вкратцѣ указать на результаты работъ его, т. - е. гг. членовъ Съѣзда, принимавшихъ въ немъ участіе своими докладами и различнаго рода сообщеніями. Такъ какъ

отдѣленіе церковныхъ древностей имѣеть ближайшее соприкосновеніе съ нашимъ, то доклады одного присоединяются мною къ другому.

Устройство Археологическихъ Съѣздовъ оказываетъ огромное вліяніе на изученіе и знакомство съ разнообразными памятниками тѣхъ областей, которыя служатъ предметомъ спеціальнаго изученія Съѣзда. Археологическіе Съѣзды вызываютъ интересъ къ памятникамъ, они выводятъ ихъ на свѣтъ Божій и вводятъ въ научную литературу для всеобщаго ознакомленія съ ними, дальнѣйшаго изученія ихъ. Въ этомъ главное и существенное значеніе нашихъ Съѣздовъ.

Обращаясь къ уясненію сдѣланнаго послѣднимъ Съѣздомъ для памятниковъ, входящихъ въ сферу дѣятельности двухъ нашихъ Отдѣленій, мы должны отмѣтить, что, благодаря Съѣзду, дѣло изученія нѣкоторыхъ памятниковъ, служившихъ предметомъ изученія предыдущаго Съѣзда, продолжено и обставлено добытыми матеріалами въ такомъ изобиліи, что обѣщаетъ весьма цѣнные научные результаты.

Харьковскій Съѣздъ обратилъ большое вниманіе на изученіе церковныхъ древностей Харьк. губ.; благодаря ему, было впервые предложено ознакомленіе съ деревянной архитектурой церквей этой губерніи, съ памятниками иконописи, скульптуры и другими отраслями искусства, съ разнообразными памятниками церковнаго обихода. Эти памятники были введены въ кругъ древностей, родственныхъ, извѣстныхъ въ другихъ губерніяхъ юга Россіи, Украины. Дѣлу изученія памятниковъ религіознаго искусства Харьк. губ. было положено прочное основаніе въ связи съ памятниками другихъ губерній, изъ которой наиболѣе полно — въ многочисленныхъ снимкахъ, и рисункахъ была представлена Донская Область и незначительно Полтавская, Черниговская, Кіевская, Подольская и др. губ.

Настоящій Съѣздъ продолжилъ дѣло изученія памятниковъ церковнаго искусства Украины и далъ богатѣйшій матеріалъ по предмету спеціальнаго изученія архитектуры деревянныхъ церквей: Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губ., и по предмету изученія другихъ разнообразныхъ памятниковъ искусства.

Изъ трудовъ, доложенныхъ секціи и посвященныхъ памятникамъ религіознаго искусства Украины, укажемъ прежде всего на доклады проф. Г. Г. Павлуцкаго, такъ много поработавшаго къ настоящему Съѣзду и издавшаго по порученію и на средства Императорскаго Московскаго Археолог. общества капитальный трудъ объ архитектурѣ деревянныхъ церквей.

Изъ другихъ докладовъ укажемъ на цѣнные изслѣдованія тѣхъ же памятниковъ Украины—Я. И. Смирнова, доложенныя въ настоящемъ засѣданіи и посвященныя фрескамъ съ изображеніемъ семьи князя Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіевскому альбому 1651 князя Радзивила; на сообщенія Прусевича объ одной синагогѣ XVIII в. въ с. Ярышевѣ Подольской губ. Полтавской Ученой Архивной Комиссіи съ цѣнной коллекціей фотографій г. Зарѣцкаго съ характерныхъ выдающихся памятниковъ церковной старины Полтавской губ., на сообщенія Машукова — о церковныхъ древностяхъ Екатеринослава въ представленныхъ имъ описяхъ.

Въ нашихъ отдѣленіяхъ были затронуты и памятники древне-русскаго искусства

въ широкомъ смыслѣ—1) въ сообщеніи проф. Д. В. Айдалова о неизданномъ капитальномъ трудѣ гр. А. С. Уварова: „Символика христіанскаго искусства“ и ознакомленіи съ интересной статьей гр. Уварова: „Объ олицетвореніяхъ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной“; 2) въ докладѣ проф. Е. К. Рѣдина о выдающемся памятникѣ древне-русскаго искусства — миниатюрахъ рукописей сочиненія Козьмы Индикоплова и 3) въ докладѣ Н. Е. Евсеева о церковныхъ древностяхъ Орловской губ. Укажемъ также на цѣнныя сообщенія по нумизматикѣ прив.-доц. В. И. Саввы и В. Е. Данилевича. Наконецъ, въ нашемъ отдѣленіи возбуждено дѣло, могущее принести большую пользу изученію древностей Россіи: собраніе негативовъ фотографій съ памятниковъ древностей и искусствъ для сообщенія (за небольшую цѣну) научнымъ работникамъ фотографій, докладываемыхъ въ громадномъ количествѣ на Съѣздахъ, но въ значительной части остающихся неизданными и пропадающими т. о. безслѣдно для науки.

Возбуждено (въ рефератѣ Я. И. Смирнова) и другое дѣло: обследованіе нѣкоторыхъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ для рѣшенія важныхъ научныхъ вопросовъ.

Въ заключеніе проф. Е. К. Рѣдинъ выразилъ благодарность всѣмъ принимавшимъ участіе въ работѣ отдѣленія и пожеланіе, чтобы и послѣдующій Съѣздъ (гдѣ бы онъ ни былъ назначенъ), продолжалъ дѣло изученія памятниковъ древностей и искусства Украины, чтобы для разработки его явились новыя силы: дѣло изученія этихъ древностей, какъ и вообще памятниковъ искусства Россіи, велико, обширно, а работниковъ на его нивѣ очень и очень мало“.

2 ч. дня.

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

VI Отдѣленіе: Древности юридическія; бытъ общественный, домашній и военный

Почетный предсѣдатель—проф. М. Н. Бережковъ.

Предсѣдатель отдѣленія—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари отдѣленія—А. П. Кадлубовскій и В. Г. Ляскоронскій.

В. Е. Данилевичъ доложилъ, за отсутствіемъ докладчика, сообщеніе А. Богумила: „Ордера кн. Потемкина“ (частью отпечатаны въ трудахъ, издаваемыхъ Екатер. Губ. Земской Управой 1905 г.).

Сообщеніе представляло предисловіе къ приготовленному референтомъ изданію сборника ордеровъ кн. Потемкина. Это—указы кн. Потемкина за періодъ 1777 по 1789 г. на имя губернатора Азовской губерніи Черткова, губернатора Новороссійской губ. Языкова и правителя Екатеринославскаго намѣстничества Синельникова; они взяты референтомъ изъ архива Екатеринославскаго Губернскаго Правленія, гдѣ сохранились въ 3 книгахъ. Вслѣдствіе небрежнаго отношенія со стороны Екатерино-

славскаго Губернскаго Правленія къ сохраненію документовъ въ своемъ архивѣ, книги указовъ кн. Потемкина находятся въ весьма несправномъ видѣ: оторванные отъ корешковъ переплета листы легко разнимаются, неисписанная бумага вырвана совсѣмъ (въ послѣднемъ случаѣ, конечно, перѣдко страдали и самые ордера), отдѣльные листы покрыты малиновыми пятнами, выпачканы чернилами, засохшею грязью. Въ книгахъ бумага по краямъ истрѣла и легко крошится, а такъ такъ бываетъ (какъ это было въ январѣ и февралѣ 1905 года), что книги до того подмачиваются водою, протекающею черезъ крышу, что примерзаютъ къ полу (документы и книги не всегда находятся на полкахъ, часто разбросаны въ беспорядкѣ на полу), то и процессъ разрушенія ихъ все увеличивается. Не лишнимъ поэтому казалось референту послѣ изданія ордеровъ Потемкина за 1775—1776 и 1790—91 г. приготовить къ печати и сохранившіеся ордера за 1777—1789 г. Собранные имъ 1378 ордеровъ, захватывая различныя проявленія жизни Новороссіи XVIII в., даютъ, несомнѣнно, новый матеріалъ какъ для исторіи Новороссіи за 1775—1791 г., такъ и для личной характеристики „свѣтлѣйшаго“ князя. Онъ является по даннымъ ордерамъ преслѣдующимъ всякое проявленіе злоупотребленій по службѣ, задержку судопроизводства, награждающимъ заслуги. Заселяя край шведами, албанцами, армянами, колонистами—выходцами изъ Западной Европы, христіанами, выводимыми изъ Крыма, предоставляя имъ льготы для устройства на новыхъ мѣстахъ, устраивая фабрики, пути сообщенія, развивая торговлю, разыскивая руду, кн. Потемкинъ заботился постоянно объ одномъ, чтобы „выгодѣ жителей ни малѣйшаго притѣсненія и отягощенія“ съ чьей-нибудь стороны „быть не могло“; много проявлено имъ внимательности и заботливости, чтобы предохранить населеніе края отъ чумы и „прилипчивыхъ“ болѣзней.

Проф. *Д. Я. Самоквасовъ* сообщилъ изслѣдованіе о „Новооткрытыхъ матеріалахъ по исторіи права Московскаго Государства“ (т. II Труд. Съѣзда, стр. 153).

Проф. *М. В. Довнаръ Запольскій* находилъ, что взгляды Д. Я. Самоквасова на современное состояніе изученія русскаго права слишкомъ мраченъ; разнообразіе мнѣній свойственно и другимъ наукамъ; въ университетѣ изученіе источниковъ происходитъ, хотя эта работа многочисленныхъ участниковъ и не привлекаетъ (это объясняется преобладающимъ интересомъ къ другимъ наукамъ, напр. экономическимъ); равнымъ образомъ и въ архивной работѣ не всё двигается оцупью; но во всякомъ случаѣ мысль о расширеніи науки архивовѣдѣнія слѣдуетъ привѣтствовать.

Д. Я. Самоквасовъ отвѣтитъ, что онъ приводитъ не только свое мнѣніе, но и другихъ, весьма авторитетныхъ, ученыхъ; о малой же подготовленности къ архивнымъ изученіямъ судить по собственному наблюденію надъ лицами, занимающимися архивными работами; конечно, онъ говорилъ вообще, не имѣя въ виду исключеній.

Проф. *В. З. Завитневичъ* находилъ, что командированіе архивистовъ за границу важно для изученія общихъ приемовъ архивнаго дѣла, но кромѣ того нужно практическое знакомство съ русскими памятниками и умѣніе въ нихъ разбираться.

Л. М. Савеловъ и *И. В. Каменскій* интересовались матеріалами по вопросамъ о землевладѣніи въ XV в., о крѣпостномъ правѣ; референтъ пояснилъ, что указанный имъ матеріалъ содержитъ немало данныхъ по этимъ вопросамъ.

А. С. Раевскій указывалъ, что Археологическій Институтъ, хотя и отклонился отъ своего непосредственнаго, первоначальнаго назначенія, но играетъ довольно значительную роль привлекая очень много слушателей.

Въ заключеніе Отдѣленіе по предложенію *А. П. Шелухина* остановило: возбудить черезъ Совѣтъ Съѣзда передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство отъ имени Съѣзда объ учрежденіи у насъ въ университетахъ кафедры архивовѣдѣнія.

П. М. Добровольскій доложилъ: „О письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ цехового устройства въ Черниговской губ.“ (т. II, Труд. Съѣзда; стр. 74).

Д. П. Миллеръ, возражая референту, замѣтилъ, что, по его мнѣнію, докладчикъ сильно преувеличилъ значеніе святителя *Феодосія* въ дѣлѣ основанія цеха въ *Лѣткахъ*: то, что сдѣлалъ *Феодосій*, дѣлали гораздо раньше его другіе владѣльцы: *Жолкѣвскій*, *Вишневецкій*, *Коняцпольскій*. Затѣмъ *Д. П. Миллеръ* поставилъ вопросъ о причинахъ возникновенія и упадка цеховъ, при чемъ обратилъ главное вниманіе на условія экономическія, вызывавшія въ ремесленныхъ классахъ стремленія къ соединенію въ цеховыя братства; запросы религіозно-нравственныя играли при этомъ уже второстепенную роль. Цехъ, по взгляду *Д. П. Миллера*, несмотря на свою, на первый взглядъ, сословную организацію, былъ въ первые годы только профессиональнымъ союзомъ, къ которому имѣлъ одинаковое право принадлежать и мѣщанинъ, и посполиты. Съ развитіемъ сословнаго начала началось разложеніе цеховъ, а когда *Екатерининское* законодательство закрепило за цеховыми положеніе одного изъ городскихъ сословій, цехи начали рѣшительно стремиться къ упадку. Резюмировалъ свои замѣчанія *Д. П. Миллеръ* общими положеніями: цеховое устройство въ Малороссіи, заимствованное съ запада, развивалось и крѣпло до тѣхъ поръ, пока дѣло было предоставлено творчеству самого народа; какъ только въ дѣло вмѣшалась правительственная регламентація, цеховыя братства стали хирѣть и вымирать.

Въ отвѣтъ на сообщеніе *Д. П. Миллера* *П. М. Добровольскій* возразилъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду широко поставленнаго вопроса о цехахъ вообще южной Россіи; его задача ограничивалась только цехами Черниговской губ., и притомъ не въ городахъ, а въ мѣстечкахъ и селахъ. По мнѣнію докладчика, устройство цеховъ въ мѣстечкахъ и селахъ всецѣло обязано величію души святителя. А что устройство цеховъ въ селахъ—явленіе очень рѣдкое, то въ этомъ сомнѣваться нельзя: проф. *Владимірекій-Будановъ* тоже такого мнѣнія объ этомъ явленіи. Что экономическое начало играло извѣстную роль, это вѣрно, но вѣрно также и то, что не меньшую роль играла въ нихъ и церковь, какъ то видно изъ приведенныхъ документовъ.

7 час. вечера.

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА СЪѢЗДА.

Подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, при секретаряхъ: В. Н. Рогожинъ, Е. П. Трифильевъ и А. П. Кадлубовскомъ, присутствовали: Д. И. Багалъйи Э. Р. фонъ-Штернъ, В. П. Бузескуль, Н. И. Веселовскій, Д. Я. Самоквасовъ, В. З. Завитневичъ, Г. Г. Павлуцкій, М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, Д. И. Эварницкій, В. Е. Данилевичъ, А. С. Раевскій, П. М. Добровольскій, Н. С. Державинъ, А. А. Скрыленко, А. И. Прусевичъ, А. П. Потоцкій, В. А. Бабенко, Н. И. Златоверховниковъ, И. В. Каменскій, В. А. Харламовъ, С. А. Бродницкій, П. А. Незнамовъ, С. Д. Щербакъ, Ф. С. Красильниковъ, Л. М. Савеловъ, Д. И. Иловайскій и А. I. Фейерейзенъ.

1. Выслушавъ и обсудивъ докладъ о постановленіяхъ 4 и 9 Отдѣленій по вопросамъ, касающимся архивнаго дѣла, Совѣтъ Съѣзда опредѣлилъ:

а) ходатайствовать нынѣ же предъ Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи по крайней мѣрѣ въ двухъ русскихъ университетахъ, въ Москвѣ и Кіевѣ (для сѣверной и южной Россіи), профессуры по архивовѣдѣнію, а равно обратиться во все русскіе университеты съ просьбою поддержать означенное ходатайство;

б) ходатайствовать предъ Г-мъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ объ ускореніи архивной реформы;

в) просить предполагаемый въ Петербургѣ Съѣздъ архивистовъ заняться: 1) выработкою мотивированнаго ходатайства предъ Св. Синодомъ объ облегченіи для свѣтскихъ ученыхъ, наравнѣ съ духовными, доступа къ архивамъ Духовныхъ Консисторій; 2) вопросомъ о выработкѣ и установленіи общей для архивовъ инструкции о порядкѣ уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ.

2. На основаніи доложеннаго Совѣту постановленія 1-го Отдѣленія опредѣлено обратить вниманіе Предварительнаго Комитета будущаго XIV Съѣзда на необходимость изслѣдованія Пасхаловскаго городища, а также сторожъ и путей въ предѣлахъ Южной Украины, согласно указаніямъ, которыя Съѣздъ просилъ составить проф. В. Б. Антоновича и М. В. Довнаръ-Запольскаго.

3. Доложено постановленіе 3-го Отдѣленія: о желательности организовать въ Кіевѣ особую Комиссію для тщательнаго изслѣдованія южной стѣны средняго нефа Софійскаго Собора съ цѣлью провѣрки мнѣнія малокомпетентныхъ реставраторовъ его объ отсутствіи тамъ древнихъ фресокъ и для отысканія хотя бы ничтожныхъ остатковъ драгоцѣннаго для русской исторіи и археологій изображенія Князя Ярослава Мудраго, которое находилось тамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ рисунковъ Радзивиловскаго альбома 1651 г. Совѣтъ присоединился къ постановленію Отдѣленія.

4. Доложено представленное въ 1-е Отдѣленіе и переданное въ Совѣтъ земскимъ врачомъ Луценко заявленіе, подписанное 37 членами, выражающее сожалѣніе о томъ, что на Съѣздъ небыли приглашены Галицкіе ученые, и предлагающее: 1) выразить отъ имени Съѣзда сожалѣніе по поводу отсутствія зарубежныхъ ученыхъ; 2) выразить удивленіе Предварительному Комитету Съѣзда, не принявшему всѣхъ

мѣрь, чтобы даже на Съѣздѣ въ центрѣ Запорожья присутствовали всеѣ ученые, посвятившіе свои силы изученію исторіи казачества и Украины вообще; 3) послать отъ имени Съѣзда телеграмму ученымъ Галичины и Буковины съ выраженіемъ привѣтствія, глубокаго уваженія къ ихъ ученымъ трудамъ и крайняго сожалѣнія по поводу ихъ отсутствія, 4) принять мѣры, чтобы на будущихъ Археологическихъ Съѣздахъ такіе печальные инциденты не повторялись, и чтобы интересы свободной науки не нарушались больше какими бы то ни было чуждыми ей вліяніями и соображеніями.

По прочтеніи означеннаго заявленія Предсѣдатель Съѣзда и Московскаго Предварительнаго Комитета Гр. П. С. Уварова заявила, что Императорское Московское Археологическое Общество рѣшило не приглашать на Съѣздъ иностранныхъ ученыхъ вообще, а Галичанъ въ частности въ виду тѣхъ особо грустныхъ и постыдныхъ для Россіи обстоятельствъ даннаго года, дѣлавшихъ присутствіе иностранцевъ нежелательнымъ, а осуществленіе самого Съѣзда сомнительнымъ.

Совѣтъ одобрилъ объясненіе Предсѣдателя, всецѣло оставаясь на точкѣ зрѣнія § 29-го Правиль, выработаннаго Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ и его предсѣдателемъ, Гр. П. С. Уваровой, и признающаго право на Съѣздѣ всеѣхъ славянскихъ нарѣчій въ числѣмъ тѣхъ и языка Галицкихъ ученыхъ.

5. Второе заявленіе, переданное изъ того же Отдѣленія и предъявленное, какъ выше сказано, устроителемъ артелей изъ Одессы, не было обсуждено Совѣтомъ по существу въ виду того, что, какъ доложено Предсѣдателемъ, оно подписано въ огромномъ большинствѣ не членами Съѣзда: изъ 187 подписей 4 подписи членовъ.

6. Обсуждался вопросъ о распредѣленіи вещей, добытыхъ на средства Московскаго Предварительнаго Комитета. Постановлено, что всеѣ вещи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя будутъ переданы Историческому Музею, останутся въ Екатеринославѣ въ Музеѣ Поля.

Представитель Донецкаго Музея, В. А. Харламовъ, высказалъ желаніе, чтобы вещи, добытыя въ Донецкой Области, поступили въ Донецкой Музей. Гр. Уварова заявила, что такъ какъ эти вещи неизвѣстны Историческому Музею и должны быть высланы въ Москву, то при посылкѣ необходимо обратиться въ Императорское Московское Археологическое Общество съ официальной просьбой о дарованіи вещей Донецкому Музею, если онѣ не нужны Историческому.

7. Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о мѣстѣ будущаго XIV Археологическаго Съѣзда, имѣющаго состояться въ 1908 году.

Выслушавъ устныя заявленія гг. членовъ Съѣзда, а также письменныя заявленія и приглашенія, полученныя отъ городскихъ общественныхъ учреждений, административныхъ лицъ и мѣстныхъ научныхъ дѣятелей, Совѣтъ приздалъ, что Съѣздъ можетъ быть созванъ въ одномъ изъ слѣдующихъ четырехъ городовъ: въ Архангельскѣ, Курскѣ, Севастополѣ или Черниговѣ. Вопросъ былъ рѣшенъ закрытой баллотировкой, въ которой участвовало 27 лицъ и въ результатъ которой за Архангельскъ было подано 6 голосовъ, за Курскъ—1, за Севастополь—4 и за Черниговъ—16.

Постановлено: мѣстомъ XIV Археологическаго Съѣзда назначить г. Черниговъ.

22 августа.

10 час. утра.

I Отдѣленіе: Первобытныя древности.

Почетный председатель—проф. Н. И. Веселовскій.

Председатель отдѣленія—проф. Э. Р. фонъ-Штернь.

Секретарь и отдѣленія—В. Г. Ляскоронекій и В. Е. Данилевичъ.

Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ доложила о составляемой ею „Картъ кургановъ-майдановъ“.

Задача референта—представить карту района распространения этихъ земляныхъ сооружений въ губерніяхъ: Кіевской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской, Волынской и другихъ, входящихъ въ составъ южной Россіи. Всего на пространствѣ означенныхъ губерній зарегистрировано 1300 кургановъ-майдановъ: Матеріалами или пособиями при составленіи карты служили для Кіевской губерніи. Археологическая карта Кіевской губ., составленная проф. Антоновичемъ, замѣтки гг. Хвойко, Браунера и друг.; для Полтавской губерніи: сообщенія гг. Ляскоронскаго, Падалки и свои собственныя наблюденія; для Харьковской губ.—сообщенія проф. Багалѣя; для Херсонской губ.—сообщенія г. Браунера, отчеты Имп. Археологич. Комиссіи, труды г. Гошкевича; для Волынской губ.—археологическія карты, составленныя гг. Антоновичемъ и Сѣцинскимъ и проч. Несмотря на это, свѣдѣній все еще не достаточно, такъ какъ нѣтъ сообщеній изъ частей губ. Херсонской, Таврической, Екатеринославской и проч.

По своему составу всѣ указанные матеріалы не представляютъ единства; одни изъ нихъ обращаютъ вниманіе на размѣръ, конфигурацію кургановъ-майдановъ, другіе—на расположеніе ихъ относительно странъ свѣта, на находженіе вблизи кургановъ, городищъ и проч. Затѣмъ необходимо отмѣтить также существующую сбивчивость и разногласіе относительно номенклатуры такъ называемыхъ кургановъ-майдановъ: одни относятъ къ нимъ городища со сложнымъ характеромъ своихъ окоповъ, другіе включают въ число ихъ только тѣ земляные холмы, которые имѣютъ внутри углубленіе и крылья, и проч. Между тѣмъ среди народа они называются „роблеными“, раскопанными могилами и проч.; такія же названія придаются имъ и въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ администраціей отъ волостей.

Географическія границы кургановъ майдановъ не вполне точны. Однако, судя по имѣющимся въ настоящее время свѣдѣніямъ, эти границы могутъ быть установлены въ слѣдующихъ чертахъ: на югъ онѣ простираются до береговъ Чернаго и Азовскаго морей; на востокъ—до Воронежской губ.; на сѣверъ—до верховьевъ Тетерева и Ирпеня. Что касается юго-востока, то здѣсь сѣверная граница идетъ по водораздѣлу между р. Сеймомъ и верховьями рр. Сулы, Суноя и проч. Къ югу же линія майдановъ опускается на югъ отъ рр. Сулы и Пела. Въ Черниговской губ. они встрѣчаются на югѣ послѣдней.

Вообще, сѣверная граница майдановъ совпадаетъ съ границей лѣса, такъ что майданы служатъ отличительнымъ признакомъ степныхъ земель. На западѣ они встрѣчаются преимущественно на границѣ Кіевской и Волынской земель; затѣмъ они находятся также и далѣе, на границѣ съ Галиціей, по теченію р. Сбруча и проч. Къ сожалѣнію, влѣдствіе отсутствія свѣдѣній, трудно установить, какъ далеко идутъ они въ Бессарабіи.

Что касается топографіи майдановъ, то, въ большинствѣ, они находятся не на водораздѣлахъ, а близъ теченія рѣкъ, обыкновенно на возвышенныхъ пунктахъ, близъ балокъ или ручьевъ. Расположены майданы бываютъ различно: то единичными экземплярами, то группами по два, по три майдана вмѣстѣ; при майданахъ зачастую находятся и курганы и крылья.

Размѣры майдановъ бываютъ различны: отъ 20, 50 саженой въ окружности до 200, 300 саженой и даже болѣе. Направленіе входовъ и крыльевъ майдановъ также различно и зависитъ, по всей вѣроятности, отъ мѣстныхъ условій. Наблюдаются выходы: къ степи, къ рѣкамъ, къ балкамъ, но подмѣтить общую систему этихъ выходовъ трудно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается особая группировка этихъ майдановъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи цѣпь кургановъ-майдановъ, тянущихся параллельно теченію р. Днѣпра, начиная отъ сѣверной границы Золотоношскаго у., вдоль уѣздовъ Золотоношскаго, Кременчугскаго и Кобелякескаго. Здѣсь они идутъ цѣпью въ два ряда, при чемъ майданы, расположенные ближе къ Днѣпру, обращены выходами на востокъ. Противъ нихъ, на извѣстномъ разстояніи, идетъ уже другая линія, параллельно первой, при чемъ выходы обращены къ первой линіи майдановъ. Интересно отмѣтить, что эта вторая линія, по большей части, не имѣетъ крыльевъ въ настоящее время. Что касается формы майдановъ, то она бываетъ крайне разнообразной. Суммируя общіе признаки майдановъ, можно констатировать шесть главныхъ типовъ майдановъ.

Майданъ-Городище—это довольно обширная насыпь, съ выходомъ на одной сторонѣ. Высота насыпи колеблется отъ 1½ до 7 саж.; замѣчено, что почти у всѣхъ майдановъ часть, расположенная противъ входа, выше остальной насыпи. Внутри майдана находится воронка: на днѣ—площадка, размѣромъ отъ 2, 3 до нѣсколькихъ саженой. Циркулярный валъ—это обычный типъ кургана-майдана, но есть и варианты. Такъ, встрѣчаются майданы и съ подковообразными насыпями: отсюда уже идутъ майданы съ валами и крыльями самаго разнообразнаго характера: крыльями прямыми, дугообразными овальными, удлинено-овальными, правильно-циркулярными и другими вариантами; встрѣчаются двойныя крылья, тройныя и болѣе. Наблюдаются загражденія изъ поперечныхъ валовъ, расположенныя близъ выхода крыльевъ; бываетъ; что близъ одного есть крылья, а близъ другого—нѣтъ ихъ; встрѣчаются майданы съ двумя парами крыльевъ, обращенныхъ въ противоположныя стороны.

Интересно отмѣтить, что каждая область имѣетъ свои отличительныя черты въ майданахъ. Такъ на юго-западѣ (въ Елисаветград., Чигирин. и Звенигород. уу.) наблюдается типъ майдановъ съ протянутыми крыльями; въ Полтавской губ. преоб-

ладаетъ типъ майдановъ съ очень широко раскрытыми крыльями. Типъ майдановъ съ прямыми крыльями встрѣчается всюду. Болѣе всего майданы сгруппированы въ Елисаветградскомъ уѣздѣ и отчасти въ Кіев. губ.; особенно же много ихъ въ бассейнахъ рр. Сулы и Пела.

Въ объяснительномъ текстѣ майданы сгруппированы не по губерніямъ, а по бассейнамъ рѣкъ. Несомнѣнно, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ районъ пространства этихъ земляныхъ сооружений будетъ обнаруженъ и помимо прирѣчныхъ мѣстъ.

Вопросъ о народности и времени построения майдановъ—вопросъ открытый и до сихъ поръ, вслѣдствіе недостаточности специальныхъ изслѣдованій о нихъ и небольшого числа раскопокъ. До настоящаго времени было изслѣдовано 19 могильниковъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ съ самими майданами. Въ курганахъ, прилегающихъ къ майданамъ, констатировано скиѣское погребеніе (близъ сс. Кальника, Ярышевки и проч.). На лѣвой сторонѣ Днѣпра мы имѣемъ раскопки майдановъ, произведенныя Мазараки, Зарѣцкимъ, Антоновичемъ и проч., при чемъ въ одиннадцати случаяхъ констатировано скиѣское погребеніе, въ пяти случаяхъ—погребеніе въ скорченномъ положеніи и одинъ разъ—погребеніе въ лодкѣ. Далѣе, раскопки майдановъ гр. Бобринскимъ обнаружили скиѣское погребеніе; скиѣское же погребеніе обнаружено и въ знаменитомъ курганѣ „Сорока“. Въ кольцевыхъ придаткахъ близъ майдановъ обнаружены погребенія въ скорченномъ видѣ съ окрашенными костяками (графъ Бобринскій и Городцевъ). Въ одномъ только случаѣ обнаружено погребеніе съ конемъ. Несмотря на это, въ настоящее время трудно сказать что-либо определенное какъ относительно народа, создавшаго эти земляныя сооружения, такъ и относительно ихъ назначенія. Можно надѣяться, что съ пополненіемъ матеріала и съ новыми болѣе детальными изслѣдованіями явится возможность болѣе точно определить какъ время созданія этихъ насыпей, такъ и народность ихъ строителей.

Л. М. Савеловъ сдѣлалъ указанія на существованіе матеріаловъ о майданахъ въ Трудахъ Воронежской Архивной Комиссіи.

Н. И. Веселовскій высказалъ, что вопросъ о курганахъ-майданахъ все еще остается трудно разрѣшимымъ и загадочнымъ. Изъ прочитаннаго доклада видно, что въ валахъ находились погребенія разнаго рода. Профессоръ предполагаетъ, что для разрѣшенія вопроса о майданахъ очень важное значеніе можетъ имѣть опредѣленіе значенія слова *майданъ*, которое по его мнѣнію—персидское. Оно имѣется у всѣхъ тюркскихъ народовъ и обозначаетъ собой *площадь*; напр., базарная площадь въ Константинополѣ—*at maidan*. Затѣмъ, извѣстно, что выраженіе на востокъ—выйти на майданъ значитъ выйти на поединокъ. Такимъ образомъ, майданъ могъ обозначать собой площадь съ военнымъ характеромъ. Быть можетъ, поэтому майданы имѣютъ значеніе обороны.

В. В. Антоновичъ въ отвѣтъ на доводы проф. Веселовскаго заявилъ, что народъ вовсе не называетъ майданами тѣ земляныя насыпи, которыя слывутъ подъ этимъ именемъ въ ученномъ мірѣ; названіе майданъ, въ примѣненіи къ описываемымъ курганамъ, очень недавняго времени: впервые это названіе пущено въ ходъ

Фундуклеемъ и Грабовскимъ, которые дали названіе этимъ загадочнымъ насыпямъ по ихъ сходству съ тѣми майданами, въ которыхъ добывается смола. Народъ же называетъ ихъ робленцами или же раскопанными могилами.

А. А. Скрыленко сдѣлала сообщеніе: „Нѣсколько словъ о керамикѣ Екатериносл. губ. по даннымъ Областнаго Музея“. Референтка демонстрировала нѣсколько сосудовъ Екатериносл. Областнаго Музея и указала на способъ выдѣлки нѣкоторыхъ изъ нихъ посредствомъ плетенки, давшей, по ея мнѣнію, начало правильнымъ формамъ въ дальнѣйшихъ издѣліяхъ этого рода; затѣмъ указала на мѣстное производство древней керамики и, въ заключеніе, на мастерскую глиняныхъ кувшиновъ, попадающихся при погребеніяхъ кочевниковъ XIV в., открытую въ с. Петровское-Свистуново, Александровскаго уѣзда.

Е. Н. Антоновичъ высказала, что врядъ ли можно согласиться съ референткой какъ относительно классификаціи указанныхъ сосудовъ, такъ и относительно опредѣленія времени ихъ; выводы референтки не имѣютъ прочныхъ основаній.

Н. И. Веселовскій также высказалъ, что врядъ ли можно такъ легко производить классификацію представленныхъ предметовъ: дѣло классификаціи крайне трудное, и его надо дѣлать очень осторожно, осмотрительно и непременно при наличности достаточныхъ данныхъ.

В. Е. Данилевичъ прочиталъ рефератъ: „О раскопкахъ близъ х. Покровскаго, Волков. у., Харьк. губ.“. (т. II, Трудовъ Моск. Предв. Ком. по устройству XIV Арх. Съѣзда, въ Черниговѣ, стр. 1).

Раскопки эти референтъ производилъ лѣтомъ 1903 г. по порученію Харьковской Комиссіи по устройству XIII Археологическаго Съѣзда. По характеру погребеній, курганы этой мѣстности почти тождественны съ тѣми курганами, которые раскапывали въ Харьковской губерніи *Е. Н. Антоновичъ*, *В. А. Городцовъ* и др. Такъ какъ подробное описаніе раскопокъ заставило бы референта повторить то, что присутствующіе неоднократно выслушивали относительно другихъ подобныхъ кургановъ и полей, то онъ описалъ детально только тѣ случаи, которые представляютъ особенности, не встрѣтившіяся ему ни въ личной практикѣ, ни въ литературѣ.

Въ преніяхъ по этому реферату приняли участіе: графиня *П. С. Уварова*, проф. *Н. И. Веселовскій* и проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ*.

Н. О. Бляшевскій доложилъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1905 г. раскопкахъ въ Липовецкомъ у., Кіевской губ.

Указавъ на раскопки *В. В. Хвойко* и добытыя имъ данныя относительно загадочной культуры, называемой нѣкоторыми учеными Трипольской культурой, референтъ высказалъ мнѣніе, что въ настоящее время еще рано выступать съ какими-либо обобщеніями по этому поводу или выводами, что надо прежде всего имѣть накопленіе фактовъ, а потомъ уже приступать и къ выводамъ. Является необходимость связать эти находки съ тѣми, которыя были сдѣланы въ восточной Галиціи, и въ Босніи и пр. Такъ напр. возлѣ с. Борисовки находится кольцеобразное городище, гдѣ подъ слоемъ славянской культуры открыты остатки той же культуры. Найдены площадки со слѣдами поселеній при нихъ въ видѣ землянокъ круглой или овальной

формы. Въ нихъ найдены слѣды угля, зола, стѣнокъ, обмазки и проч. Инвентарь ихъ заключалъ: кости животныхъ, рыбъ, рѣчныя раковины, множество черепковъ, посуды грубаго типа, съ орнаментомъ, исполненнымъ помощью кремня, камня, кости. Найдены также кремневые шлифованные топоры временъ желѣза; попадалось также множество посуды съ характернымъ вдавленнымъ орнаментомъ, съ началами расписного орнамента; попадались также сосуды двойные, но не биноклеобразные, а чашеобразные, соединенные вмѣстѣ.

Э. Р. фонъ-Штернъ замѣтилъ, что онъ не согласенъ съ докладчикомъ насчетъ того, будто въ настоящее время нельзя еще дѣлать выводовъ изъ имѣющагося матеріала. Последняго накопилося болѣе, чѣмъ достаточно, и отказываться отъ выводовъ и заключеній не въ интересахъ науки, которая требуетъ умѣлой, осторожной и осмотрительной группировки матеріала; въ противномъ случаѣ, ученые могли бы ждать цѣлые сотни лѣтъ въ ожиданіи накопленія матеріала.

Въ заключеніе проф. Э. Р. фонъ-Штернъ сдѣлалъ резюме докладовъ, прочитанныхъ въ Отдѣленіи Первобытныхъ древностей, изъ котораго выяснилось, что оно по количеству рефератовъ было самымъ обильнымъ на Съѣздѣ.

10 час. утра.

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

II Отдѣленіе: Древности историко-географическія и этнографическія.

За отсутствіемъ *Почетнаго председателя*, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, засѣданіе происходило подъ предѣлательствомъ *Председателя отдѣленія* — проф. Д. И. Багалъя.

Секретари отдѣленія—Н. С. Державинъ и А. П. Кадлубовскій.

Н. С. Державинъ доложилъ о „Болгарскихъ колоніяхъ Таврической и Херсонской губерній въ культурно-этнографическомъ отношеніи“.

Общая численность населенія Херсонской, Таврической и Бессарабской губ., по послѣднимъ официальнымъ даннымъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи, составляетъ 170170 душъ обоюга пола, при чемъ на Бессарабскую губернію приходится 103225 душъ, на Херсонскую—25685 и на Таврическую—41260 душъ. Первая официальная извѣстія о нашихъ болгарскихъ колонистахъ относятся къ 1752 г., когда по Указу Сената отъ 24 апр. болгарскіе поселенцы были водворены сперва въ Новомиргородѣ по рѣкѣ Виси, а затѣмъ въ селеніяхъ бывшаго сербскаго гусарскаго полка по рѣкѣ Синхохѣ. Въ 1764-9 г. другая партія болгарскихъ поселенцевъ осѣла на земляхъ Кіево-братскаго монастыря, откуда часть ея расселилась по Черниг. губ. Второй періодъ болгарской колонизаціи—1769—91 гг.; третій, періодъ наиболѣе усиленнаго попеченія о болгарскихъ колонистахъ Русскаго Правительства,—1801—1812 г., когда были основаны, между прочимъ, шесть колоній

въ Херсонской и три въ Таврической губерніи. Къ концу 1819 г. общее количество болгарскаго населенія Новороссіи—приблизительно составляло 32000 чел. Послѣдній четвертый періодъ болгарской колонизаціи края относится въ 1830—34 гг. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что къ 1837 г. болгарь въ краѣ было около 70000, а въ 1844 г. число ихъ возрасло до 75360. По даннымъ центрального статистическаго комитета М. Вн. Дѣль въ 1859—1864 г. болгарь въ краѣ было 94830; къ 1897 г.—170170.

Первоначально болгарскіе поселенцы Новороссійскаго края были бѣженцы изъ разныхъ мѣстъ Балканскаго полуо-ва; они не подчинялись общимъ установленіямъ нашего управленія иностранными колонистами края и владѣли жалкое существованіе, безъ пищи и крова, въ обширныхъ степяхъ Новороссіи. Только съ 1819 г. по ходатайству генерала Инзова они подчиняются вѣдѣнію „Конторы Опекунства Иностранныхъ“ и „пестрая толпа всякаго званія и національностей безпріютныхъ и полуголодныхъ славянскихъ бѣженцевъ“ получаетъ опредѣленное земельное устройство.

Характеристики народнаго болгарскаго быта 50-хъ годовъ XIX вѣка отмѣчаютъ обыкновенно патріархальность семейныхъ отношеній, чистоту нравовъ и наивную простоту незатѣйливой народной жизни, довольствовавшейся натуральнымъ хозяйствомъ и продуктами собственнаго домашняго производства какъ въ костюмѣ, такъ и во всей обстановкѣ своего семейно-общественнаго быта. За послѣдніе 50 лѣтъ своей жизни въ Новороссіи, подъ вліяніемъ различныхъ условій, топографическихъ, географическихъ, этническихъ, экономическихъ, сельскохозяйственныхъ, наше болгарское населеніе утратило эти былыя черты своей національности и стоитъ въ моральномъ и сельскохозяйственномъ отношеніи наканунѣ кризиса, который грозитъ полнымъ разложеніемъ народнаго быта. Невѣжество и безграмотность населенія, неурядица въ землевладѣніи и землепользованіи, безправіе, юридическая и сословная обособленность, произволъ и безконтрольный гнетъ низшихъ органовъ деревенской администраціи—вотъ тѣ данныя, которыя не могутъ гарантировать благопріятнаго развитія нашихъ болгарскихъ колоній. Въ зависимости отъ болѣе или менѣе благопріятнаго въ этнографическомъ отношеніи положенія той или иной колоніи находится и ея современное болѣе или менѣе устойчивое положеніе.

Д. И. Иловайскій интересовался отношеніемъ болгарскаго элемента (какъ въ колоніяхъ, такъ и въ Болгаріи) къ малорусскому, въ области костюма, языка и т. п. и находилъ нужнымъ тщательное собраніе данныхъ по этому вопросу въ возможно болѣе древнее время; интересъ *Д. И. Иловайскаго* обуславливается его мнѣніемъ, что малорусское и болгарское племена и языки ихъ восходятъ къ одной, особой группѣ славянскихъ племенъ и языковъ; онъ указывалъ также на бритье бороды которое объединяетъ южныхъ славянъ и малороссовъ, у этихъ послѣднихъ *Д. И. Иловайскій* въ данномъ обычаѣ видитъ не результатъ польскаго вліянія, а черту исконную. Попутно *Д. И. Иловайскій* замѣтилъ, что онъ допускаетъ въ данномъ случаѣ обратное вліяніе, малорусское, и поднялъ вопросъ объ изслѣдованіи культурнаго вліянія со стороны малороссовъ на поляковъ.

Н. С. Державинъ по вопросу о костюмѣ болгарскихъ колонистовъ указалъ, что

у нихъ національный костюмъ повсюду постепенно исчезаетъ, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ Херсонской губ. даже рѣдко встрѣчается, и широкимъ распространеніемъ все больше и больше начинаетъ пользоваться въ настоящее время мѣщанскій костюмъ.

Предсѣдатель отдѣленія *Д. И. Багалъ* доложилъ рефератъ *М. К. Фота* „О скинскомъ вопросѣ“ (т. I Труд. Съѣзда, стр. 96).

Д. И. Иловайскій обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что напрасно *М. К. Фотъ* остановился на какомъ-то племени гипократовыхъ скиновъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить вниманіе на царскихъ скивахъ. Вопросъ о ихъ народности трудно разрѣшимый; во всякомъ случаѣ споръ здѣсь возможенъ только о славянахъ и германцахъ. *Д. И. Иловайскій* полагаетъ, что это были готы (вопросъ о монгольскомъ происхожденіи скиновъ долженъ быть окончательно оставленъ); славяне же Геродотова времени скрывались подъ именемъ сарматъ.

Д. И. Багалъ отмѣтилъ, что заглавіе реферата шире его содержанія; по видимому, авторомъ его не исчерпаны источники, какъ напр., археологическія данныя, которыя въ этомъ вопросѣ представляютъ большую цѣнность. Сближеніе произведеній скинской культуры съ славяно-русской равно какъ и данныя языка даютъ любопытный матеріалъ для сопоставленій и заключеній о преемственности славяно-русской и скинской культурности.

П. И. Тиховскій обратилъ вниманіе на „Нужды современной малорусской этнографіи“.

Докладчикъ указалъ, что малорусскій фольклорный матеріалъ появляется въ печати, главнымъ образомъ, въ видѣ мѣстныхъ, порайонныхъ монографій и, съ другой стороны, въ видѣ изданія „новыхъ“ записей. Мѣстныя этнографическія монографіи имѣютъ значеніе, какъ дающія цѣльную яркую картину быта извѣстнаго района. Таковы труды Милорадовича. Изданіе исключительно новаго этнографическаго матеріала, со сводкой печатныхъ вариантовъ и сличеніемъ съ ними, вызываетъ опасеніемъ загроздить печать повтореніями. При этомъ, — какъ результатъ отбрасыванія всего, что было разъ напечатано, — теряются цѣнныя данныя о современномъ существованіи напр. пѣсни, объ ея исторіи и территоріи распространенія. Сравниваніе новаго матеріала съ ранѣе изданнымъ не по силамъ провинціальному собирателю, издатели же повторяютъ каждый для себя одну и ту же работу по сводкѣ и сличенію. Въ итогѣ видимъ застои въ дѣлѣ собиранія и изданія, залежи и потерю матеріаловъ.

Естественный выходъ изъ такого положенія — изданіе сводовъ по отдѣльнымъ родамъ фольклора. Таковы труды Антоновича и Драгоманова, Рудченка, Номиса и друг. Нужны своды напр. бытовыхъ пѣсенъ, сказокъ. Работу надъ составленіемъ такихъ сводовъ могли бы предпринять Академія Наукъ и ученые общества и учрежденія юга Россіи; для этого много уже сдѣлано напр. Гринченкомъ и Милорадовичемъ. При составленіи сводовъ слѣдовало бы привлечь рукописный матеріалъ собирателей и отмѣтить по вариантамъ всю территорію и исторію напр. пѣсни. Сводъ былъ бы настольной книгой для собирателей и вызывалъ бы и впредь съ ихъ сто-

роны дополненія. Успѣшнѣе всѣхъ могъ бы издать такіе своды и организовать это дѣло южный отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, давно всѣми ожидаемый. Собрать подобнымъ образомъ народныя мелодіи—задача, выполнить которую предстоитъ нашимъ музыкальнымъ обществамъ; отъ музеевъ же слѣдовало бы ожидать изслѣдованій народной матеріальной культуры и искусства.

Нужны популярныя изданія произведеній народнаго творчества для народа и для широкихъ круговъ общества (пѣсенники, сборники сказокъ и т. п.). Нужны сборники районнаго характера, напр. въ изданіи земствъ, мѣстныхъ народныхъ преданій, суевѣрій и повѣрій съ объясненіями. Вводныя статьи при популярныхъ изданіяхъ, освѣщая матеріаль, возбуждали бы къ нему интересъ и могли бы давать указанія начинающимъ собирателямъ. Для нихъ же нужны справочныя изданія и желательны обзоры текущей этнографической литературы, напр. въ „Кіевской Старинѣ“.

„Я былъ бы счастливъ,—закончилъ докладчикъ,—если бы свѣдущія лица дополнили и выяснили затронутый вопросъ, поставили его болѣе практически и если бы предложеніе о сводахъ этнографическихъ матеріаловъ приняло форму, близкую къ осуществленію“.

Г. Красильниковъ находилъ, что для собирателей важны программы, что и какъ собирать,—а своды для нихъ все равно будутъ недоступны. Въмѣсто сводовъ полезно бы издавать періодическій сборникъ, въ родѣ Сборника матеріаловъ, издаваемого при Кавказскомъ учебномъ округѣ, гдѣ бы собирался матеріаль какъ по фольклору, такъ и по всѣмъ отраслямъ этнографіи. Затѣмъ, предметные указатели дали бы возможность всегда найти, что нужно. Для изслѣдованій и для направленія дѣла методическаго изученія желателенъ этнографическій журналъ въ родѣ „Этнограф. Обзорнія“ или „Живой Старины“. Наконецъ, изученія народныхъ мелодій скорѣе можно ждать отъ музыкальныхъ комиссій при Этнографическихъ Обществахъ, чѣмъ отъ профессиональныхъ музыкантовъ, рѣдко занимающихся собираніемъ музыки народныхъ пѣсенъ.

П. И. Тиховскій, соглашаясь со сдѣланными дополненіями, полагалъ, однако, что все это не устраняетъ необходимости сводовъ. Сводъ нуженъ для специалистовъ, издающихъ, а равно и изучающихъ матеріаль; лучше разъ навсегда сдѣлать эту работу сводки и сличенія вариантовъ и напечатать ее въ руководство всѣмъ, чѣмъ начинать каждый разъ сызнова.

Д. И. Багалъй назвалъ поднятый вопросъ живымъ и даже згучимъ. Трудъ сравненія вариантовъ—черный и тяжелый. Какъ видимъ, сборники-сводъ вполне возможны по небольшимъ отдѣламъ фольклора. Но для изданія свода пѣсенъ нужны значительныя средства, которыя могъ бы дать или какой-нибудь любитель пѣсенъ (какъ для сборника проф. Соболевскаго) или предварительная подписка, при условіи, что цѣна будетъ не очень высока. То же относится и къ богатству сказокъ; много матеріала не издается по недостатку средствъ.

Закрытіе Съѣзда.

22 августа, въ 7 ч. вечера, состоялось заключительное Общее Собрание Съѣзда, на которомъ присутствовали: преосвященный Епископъ Симеонъ, г. губернаторъ, члены Съѣзда и многочисленная публика.

1. Въ засѣданіи проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, по желанію Ученаго Комитета, сдѣлалъ сообщеніе „О международномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Аѣнахъ весною настоящаго года“.

Докладчикъ, охарактеризовавъ организацію работъ Съѣзда, остановился вкратцѣ на нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся рефератовъ иностранныхъ ученыхъ (Эвенса, Дерпфельда, Монтелиуса и др.) и подробнѣе говорилъ о засѣданіи, въ которомъ былъ представленъ русскими учеными очеркъ работы по изученію и изслѣдованію классической почвы юга Россіи въ послѣднее десятилѣтіе. Референтъ отмѣтилъ, что этотъ очеркъ, обнимающій періодъ времени отъ доисторической греческой культуры на почвѣ Россіи до IV столѣтія послѣ Р. Х., обратилъ на себя вниманіе специалистовъ; это вниманіе въ нѣкоторой степени облегчило то тяжелое чувство русскихъ археологовъ, которое они въ Аѣнахъ поневолѣ испытывали въ виду того, что Россія—единственная великая держава, которая на классической греческой почвѣ не имѣетъ своего Археологическаго Института. Воздавъ должное радушному приему, который въ Аѣнахъ и во всей Греціи встрѣтили собравшіеся ученые, докладчикъ подробнѣе остановился на описаніи экскурсій, устроенныхъ послѣ закрытія Съѣзда; особенно много участниковъ имѣла поѣздка по всѣмъ достопримѣчательнымъ пунктамъ Греціи и Малой Азіи подъ руководствомъ перваго секретаря Германской Археол. Школы, проф. В. Дерпфельда; но и меньшими группами совершены были экскурсіи въ разныя выдающіяся по своему археологическому интересу мѣстности, и докладчикъ описалъ болѣе подробнымъ образомъ видѣнное имъ въ Дельѣахъ и на островѣ Критѣ и указалъ на важность и историческое значеніе особенно Критскихъ раскопокъ.

Въ заключеніе референтъ характеризовалъ ходъ работы въ Комиссіи Предсѣдателей, въ которой и онъ лично принималъ участіе, и подчеркнул значеніе принятыхъ Съѣздомъ резолюцій, направленныхъ къ облегченію работы въ музеяхъ, къ ускоренію публикаціи вновь открытыхъ памятниковъ и къ урегулированію дѣла раскопокъ. Весьма удачный Съѣздъ, по мнѣнію докладчика, вполне оправдалъ воз-

ложенныя на него надежды и далъ сильный толчекъ къ дальнѣйшимъ работамъ по археологiи.

2. А. С. Сивявскiй обратился къ присутствующимъ рѣчью, посвященной памяти А. Н. Поля (рѣчь уже заранѣе была напечатана въ „Лѣтописи Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссiи“, годъ I, Екатеринославъ, 1904, стр. XIII—XXXIV).

3. Предсѣдатель Ученаго Комитета, проф. *Д. И. Багалъй*, въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ занятiя XIII Археологическаго Съѣзда.

„Ученая дѣятельность XIII Археологическаго Съѣзда только что закончилась и явится, по всей вѣроятности, предметомъ сужденiя и оцѣнки научной критики. Но и теперь уже у каждаго изъ членовъ Съѣзда, равно какъ у постороннихъ лицъ, интересовавшихся его дѣятельностью и собравшихся въ столь значительномъ количествѣ на нынѣшнее засѣданiе, невольно является вопросъ: какiя задачи преслѣдовалъ Съѣздъ и въ какой мѣрѣ оправдалъ онъ возлагавшiяся на него надежды. Такъ какъ я удостоился быть избраннымъ въ предсѣдатели Ученаго Комитета, то считаю своею нравственною обязанностью по старому обычаю дать посильный отвѣтъ на данный вопросъ, пользуясь какъ личными впечатлѣнiями, такъ и заключенiями компетентныхъ лицъ, не входя, конечно, въ оцѣнку рефератовъ по существу, что едва ли возможно сдѣлать до напечатанiя ихъ и что мнѣ во многихъ случаяхъ было бы не по силамъ. Я постараюсь только дать общую характеристику трудовъ Съѣзда, отмѣтить наиболѣе важныя изъ затронутыхъ на немъ вопросовъ, а главное коснуться специальныхъ задачъ, ему поставленныхъ и въ большей или меньшей степени исполненныхъ.

Все Археологическiе Съѣзды, устраиваемые Имп. Моск. Арх. Обществомъ въ качествѣ всероссiйскихъ, преслѣдуютъ какъ общiя задачи нашей науки—археологiи, понимаемой притомъ самымъ широкимъ образомъ, такъ равно и частныя спеціальныя; спеціально цѣлью ихъ всегда являлось ближайшее болѣе детальное изученiе того или иного областного района, центральнымъ пунктомъ котораго являлся городъ, гдѣ происходилъ Съѣздъ. Такимъ образомъ, Съѣзды эти въ одно и то же время были всероссiйскими, и областными. Такую жизненную организацію имъ далъ незабвенный основатель ихъ гр. А. С. Уваровъ; такими они являются и нынѣ послѣ 36-лѣтняго своего существованiя. Такими, въ противоположность нѣкоторымъ, думающимъ иначе, полагаемъ мы, они должны остаться и впредь, если желаютъ оставаться на прежней высотѣ. Само собою разумѣется, однако, что и мѣстные вопросы связаны съ общими, и рѣшенiе ихъ должно быть введено въ широкую колею общаго научнаго теченiя: при такой постановкѣ многiе изъ этихъ мѣстныхъ вопросовъ могутъ приобрѣсти широкой общественной интересъ. Примѣненiе областного метода дало уже одинаково плодотворные результаты въ изученiи какъ археологiи, такъ и исторiи. И этимъ методомъ необходимо пользоваться и впредь.

Только что закончившiйся Екатеринославскiй Съѣздъ также отличался указаннымъ выше двойственнымъ характеромъ и общимъ, и мѣстнымъ. И такой характеръ его выразился какъ въ составѣ его участниковъ, такъ и въ прочитанныхъ на немъ сообщенiяхъ. Съ отраднымъ чувствомъ мы должны отмѣтить присутствiе на

немъ многихъ корифеевъ, ветерановъ нашей науки, которыми мы все гордимся, къ отзывамъ и замѣчаніямъ которыхъ мы все привыкли прислушиваться, за которыми имѣются обширѣйшія и глубокія познанія; имена ихъ хорошо извѣстны всемъ членамъ Съѣзда, и мнѣ незачѣмъ ихъ называть; но я выражу, вѣроятно, всеобщее, единодушное желаніе, если назову одно только имя, которымъ давно уже гордятся наши Археологическіе Съѣзды, начиная съ перваго Кіевскаго, происходившаго еще въ 1878 г.,—имя маститаго историка и корифея русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича. Его присутствіе на Съѣздѣ было не только отрадно, но и въ высшей степени важно и плодотворно для насъ: оно побуждало насъ, какъ знаютъ члены Съѣзда, къ новому пересмотру, казалось, уже порѣшенныхъ вопросовъ; глубокая благодарность Владиміру Бонифатьевичу—за трудный для него прѣздъ въ Екатеринославъ. Драгоцѣнныя разъясненія давали и другіе видные и заслуженные дѣятели нашей отечественной археологіи: ихъ присутствіе и указанія даютъ намъ увѣренность въ томъ, что мы шли въ своихъ выводахъ по правильному, строго научному пути. Такую же роль играли и другіе представители нашей русской науки—профессора и преподаватели нашихъ русскихъ университетовъ, духовныхъ академій, члены ученыхъ учреждений, все тѣ лица, которыхъ спеціальныя занятія соотвѣтствуютъ многочисленнымъ секціямъ, на которыя распался Съѣздъ. Многие изъ нихъ явились въ роли руководителей отдѣленій и, какъ всегда, составили ихъ основаніе, ихъ фундаментъ, нерѣдко, притомъ, представляя руководимымъ ими отдѣленіямъ и собственные цѣнные рефераты. Обще-россійскій характеръ Съѣзда нашель себѣ выраженіе и въ нѣкоторыхъ докладахъ общаго характера. Но наиболѣе многочисленными, какъ того и слѣдовало ожидать и желать, оказались рефераты, посвященные южно-русской старинѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. изслѣдованію южно-русской территоріи въ отношеніи археологическомъ, церковно-археологическомъ, историко-географическомъ, этнографическомъ, бытовомъ, археографическомъ и т. п. Это и были спеціальныя задачи настоящаго Съѣзда, поставленныя ему еще въ 1903 году на засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета въ Москвѣ. Дѣятельность Екатеринославскаго Съѣзда, благодаря этой программѣ, должна была явиться не случайной, а болѣе или менѣе планомѣрной и служить продолженіемъ работъ двухъ предыдущихъ Съѣздовъ (Кіевскаго и Харьковскаго), имѣвшихъ ближайшимъ предметомъ своихъ занятій южную Русь.

Такою и явилась наша работа въ дѣйствительности. Припоминая содержаніе всехъ прочитанныхъ докладовъ, мы должны высказать заключеніе, что только что закончившійся Екатеринославскій Съѣздъ по общему характеру своему ничѣмъ не отличается отъ предыдущихъ, происходившихъ въ университетскихъ городахъ, богатыхъ научными силами: и здѣсь на ряду съ докладами, посвященными краю, мы слышали доклады общаго характера; общій уровень ихъ нисколько не понизился; разница будетъ, по нашему мнѣнію, количественная, а не качественная; методы и приемы изслѣдованій стоятъ на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій.

Я заранѣе оговариваюсь, что не могу исчерпать даже номенклатурно всего того огромнаго въ его совокупности матеріала, который вводится въ научный обиходъ

даннымъ Съѣздомъ: полное представленіе о немъ мы получимъ въ изданіи Трудовъ Съѣзда; я только бѣгло отмѣчу нѣкоторые важнѣйшіе вопросы по различнымъ Отдѣленіямъ Съѣзда.

Доминирующую роль во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и на предыдущихъ Съѣздахъ, играла секція Памятниковъ первобытныхъ, т.-е. Археологія Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Прочитанные въ ней рефераты расширили наши свѣдѣнія почти обо всѣхъ эпохахъ доисторической жизни нашей территоріи. На первомъ мѣстѣ, по огромной важности и общему интересу, нужно поставить 2 доклада проф. Э. Р. фонъ-Штерна. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ такъ-называемой Трипольской культурѣ, впервые открытой въ Кіевской губ. всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Хвойко и представляющей любопытнѣйшія особенности, сближающія ее съ до-Микенской культурой древней Греціи. Проф. Штерну удалось найти эту культуру въ Бессарабской губ., а также путемъ систематическихъ развѣдокъ по музеямъ зап. Европы прослѣдить всю извѣстную доселѣ территорію ея распространенія и наконецъ что, б. м., самое любопытное—отыскать ее на нѣсколько метровъ ниже слоя, содержащаго остатки Микенской культуры. Все это дало ему возможность выставить предположеніе, признанное весьма правдоподобнымъ, что древнѣйшая греческая культура (до-Микенская) двигалась съ сѣвера на югъ, и однимъ изъ гнѣздъ ея была наша южная Русь за 3000 лѣтъ до Р. Х. Такимъ образомъ изслѣдованіе проф. Штерна открываетъ широкіе горизонты и въ области европейской археологіи, и древне-греческой исторіи. Большой интересъ для исторіи греческой колонизаціи на Сѣверномъ побережьи Чернаго моря и для характеристики Ионической (Милетской) культуры вообще представилъ 2-й рефератъ того же проф. Э. Р. фонъ-Штерна о раскопкахъ на остр. Березани. Вопросу о началѣ земледѣлія и бронзовому вѣку въ Приднѣпровьѣ былъ посвященъ и рефератъ Хвойка по собраннымъ имъ, при изслѣдованіи Трипольской культуры, даннымъ. Мы думаемъ, что объясненіе Трипольской культуры, сближающей насъ съ древней Греціей, является самою крупною заслугою настоящаго Съѣзда въ области первобытной археологіи. Далѣе, въ докладахъ другихъ лицъ (гг. Данилевича, Эварницкаго, Харламова), мы получили новыя данныя о распространеніи той же неолитической культуры въ разныхъ мѣстностяхъ нашего юга, при чемъ любопытно, что и въ южной части Новороссійскихъ степей, гдѣ, казалось, должны были господствовать кочевническія погребенія, все-таки доминируетъ эта культура. Расширились наши свѣдѣнія о распространеніи Скиѣской культуры на сѣверо-востокѣ. Наконецъ, серьезно обогатились наши свѣдѣнія (главнымъ образомъ благодаря раскопкамъ Д. И. Эварницкаго, отчасти гг. Городцова, Трифильева, Харламова) и относительно тюрко-татарскихъ кочевническихъ погребеній. Но вопросъ этотъ настолько важенъ, что требуются еще дальнѣйшія и многочисленныя разысканія въ древней „Половецкой степи“, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна таить въ себѣ еще и погребенія древнихъ русичей, до сихъ поръ однако не открытыя. Много еще работы предстоитъ впереди. А о томъ, что могутъ дать находки на нашемъ славномъ своими богатыми памятниками югѣ, свидѣтельствуетъ докладъ А. С. Раевского, представившаго снимки съ древностей, поступившихъ въ 1903 и 1904 годахъ въ вѣдѣніе Император. Арх. Комиссіи: находки

эти относятся ко всемъ важнѣйшимъ эпохамъ нашей доисторической культуры, и среди нихъ прямо поражаютъ насъ своими великолѣпіемъ и богатствомъ золотыя вещи изъ Кубанской области. Въ той же секціи былъ доложенъ рядъ рефератовъ (гр. П. С. Уваровой, гг. Ляскоронскаго, Данилевича, Харламова, Е. Н. Антоновичъ), посвященныхъ городищамъ, майданамъ, долменамъ, а также остающимся и донинѣ загадочнымъ, каменнымъ бабамъ. Изученіе тѣхъ и другихъ памятниковъ ведется систематически, и благодаря произведеннымъ къ нынѣшнему Съѣзду работамъ сдѣланъ несомнѣнно значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ уясненія ихъ значенія; въ особенности это нужно сказать о каменныхъ бабахъ, которыхъ теперь зарегистрировано свыше 1000.

Памятники древности относятся не только къ доисторическому, но и историческому періоду русской жизни. Часть ихъ изслѣдована въ докладахъ въ отдѣленіяхъ Церковныхъ памятниковъ и Памятниковъ искусствъ, другая—въ Отдѣленіи исторической географіи и этнографіи. Нынѣшній Съѣздъ сильно и замѣтно подвинулъ дѣло изученія южно-русскихъ памятниковъ религіознаго искусства Украины, начатое на предыдущемъ Съѣздѣ и далъ богатѣйшій матеріалъ по предмету спеціальнаго изученія архитектуры деревянныхъ церквей Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губ. и другихъ отчасти разнородныхъ памятниковъ искусства. Сюда внесли свою лепту нѣсколько изслѣдователей (гг. Щербаковскій, Филианскій и др.), но особенно потрудился проф. Г. Г. Павлуцкій, выступившій по порученію Императ. Моск. Археолог. Общества и со спеціальнымъ изданіемъ къ Съѣзду (Древности Украины: деревянные и каменные храмы юго-западной Россіи) и съ рядомъ проникнутыхъ знаніемъ и любовью къ дѣлу сообщений; сюда же относятся дающіе новыя данныя доклады Я. И. Смирнова; сообщенія извѣстныхъ нашихъ специалистовъ проф. Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова были посвящены болѣе общимъ вопросамъ русскаго христіанскаго искусства—миніатюрамъ и символикѣ; послѣдній докладъ тѣсно связанъ съ посмертнымъ изданіемъ труда покойнаго гр. А. С. Уварова.

Въ отдѣленіи Исторической географіи и этнографіи былъ доложенъ рядъ рефератовъ, освѣщавшихъ памятники нашего историческаго прошлаго, въ томъ числѣ и Запорожья, которому было посвящено особое отдѣленіе. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ чрезвычайно цѣнный трудъ проф. П. В. Голубовскаго, карту Черниговщины въ древній періодъ нашей исторіи съ объяснительнымъ текстомъ, сообщеніе проф. Н. И. Веселовскаго объ альбомѣ, заключающемъ снимки въ мечети Тамерлана, Л. В. Падалки о майданахъ и эволюціи запорожскихъ сѣчей, Д. И. Эварницкаго о планахъ и картахъ и вообще древностяхъ Запорожья. Послѣднія сообщенія ярко рисуютъ любовь къ дѣлу и весьма значительные успѣхи, достигнутые почтеннымъ знатокомъ Запорожья въ дѣлѣ обогащенія мѣстнаго музея предметами казацкой старины. Въ отдѣлѣ Этнографическихъ памятниковъ выдается богатствомъ достигнутыхъ результатовъ изслѣдованіе г. Державина о болгарскихъ колоніяхъ въ Новороссіи; возбудилъ интересъ и докладъ о нуждахъ современной малорусской этнографіи; очень богатъ по обыновенію оказалось и Отдѣлъ бытовой старины: здѣсь выдающійся интересъ представляли доклады проф. Н. Ѳ. Сумцова—о „Нравахъ южно-русскихъ писателей XVII в.“,

Л. М. Савельева—о „Происхожденіи донского дворянства“ и проф. Д. Я. Самоквасова—о новооткрытыхъ имъ матеріалахъ для исторіи права Моск. госуд.; интересны были также сообщенія о сѣверныхъ казакахъ, о великороссійскихъ приказахъ и цеховыхъ книгахъ.

Въ археографическомъ отдѣленіи особенно выдается сообщеніе заслуженнаго дѣятеля въ этой области, И. М. Каманина, доложившаго объ изобрѣтенномъ имъ новомъ методѣ (метрическомъ) для палеографическаго изученія памятниковъ.

Вотъ почти голый перечень рефератовъ, доложенныхъ въ теченіе недѣльной интенсивной работы всѣхъ участниковъ Съѣзда. Мы не касаемся здѣсь ни Выставки, организованной къ Съѣзду, ни изданій, спеціально ему посвященныхъ.

Руководствуясь изложенными фактами, можно съ достаточнымъ основаніемъ сказать о нынѣшнемъ Съѣздѣ, что онъ „не всеу протече“. Онъ сдѣлалъ свой вкладъ въ науку русской археологіи. Несомнѣнно благотворно отразился онъ и на изученіи мѣстныхъ древностей, пробудилъ интересъ къ нимъ, помогъ ихъ выясненію. Достигнутыми благопріятными результатами Съѣздъ обязанъ главнымъ обр., мнѣ кажется, той широкой идеѣ общественности, которою руководится Имп. Моск. Археол. Общество много лѣтъ при устройствѣ Археол. Съѣздовъ, привлекая къ подготовкѣ и дѣятельности въ нихъ и провинціальныя ученые учрежденія. При устройствѣ двухъ послѣднихъ Съѣздовъ (Харьк. и Екатерин.) были привлечены къ содѣйствію еще болѣе широкіе общественные круги — земскія и городскія самоуправленія, которыя здѣсь, въ Екатеринославѣ, выдвинули изъ своей среды не только лицъ, сочувствующихъ Съѣзду, какъ это было въ Харьковѣ, а и настоящихъ дѣятелей въ немъ—работниковъ. Въ этомъ я вижу не только въ высшей степени отрадный фактъ, но и залогъ будущаго развитія нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ. Скажу кратко: серьезные успѣхи русской археологіи невозможны безъ сочувствія и содѣйствія къ открытію и сохраненію древнихъ памятниковъ со стороны всего общества, всего народа. И нашъ долгъ стремиться къ этому всѣми путями и средствами. Съ этой точки зрѣнія я только могу привѣтствовать назначеніе будущаго Съѣзда въ Черныговѣ, куда приглашаютъ насъ не только ученые учрежденія, но и земство, и городъ. Я также увѣренъ, что Екатеринославское земство и городское общественное управленіе будутъ дружно заботиться о развитіи музея имени А. Н. Поля, ибо этотъ музей можетъ пріобрѣсть не только серьезное научное, но и широко образовательно значеніе для всего мѣстнаго населенія, не исключая и наименѣе культурныхъ его слоевъ, а безъ культурнаго подъема народныхъ массъ затруднительно и широкое развитіе свободной науки у насъ на Руси.

4. Предсѣдатель Съѣзда, гр. П. С. Уварова, подводя итоги по занятіямъ Съѣзда, сказала:

„Мнѣ, какъ Предсѣдателю Съѣзда, принадлежитъ, по обыкновенію, последнее слово передъ его закрытіемъ, но, въ виду того, что на нынѣшній разъ мы, за краткостью времени занятій Съѣзда и богатствомъ научнаго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, принуждены были на засѣданіи закрытія назначить, помимо отчета Г-на Предсѣдателя Ученаго комитета и моего, еще два сообщенія—я по

необходимости должна сократить, по возможности, свой Отчетъ для того, чтобы не замучить васъ окончательно и не оставить въ памяти Екатеринославскихъ жителей воспоминанія о нескончаемыхъ скучныхъ засѣданіяхъ.

Упомянувъ о краткости времени, предоставленнаго для занятій Съѣзда, считаю долгомъ оговориться. Дѣло въ томъ, что время Съѣзда назначено Правилами съ 15-го по 27-е авг., но, въ виду того, что г-да профессора должны съ 1-го сент. начинать лекціи, а Съѣздомъ предназначены двѣ экскурсіи на Днѣпровскія пороги и г. Херсонисъ, которыя займутъ 5 дней—мы принуждены вдвинуть эти экскурсіи въ рамки Съѣзда и отъ 27 дней отнять необходимые на экскурсіи пять дней. Такимъ образомъ, срокъ нашихъ занятій невольно сокращается, и мы сегодня обязаны подвести итоги нашей дѣятельности, покончить съ нашими занятіями и распрощаться съ Екатеринославомъ.

Подводя необходимые итоги, мы прежде всего обращаемся къ тому богатому ученому матеріалу, о которомъ рѣчь была выше и который подвергся разбору и основательной характеристикѣ многоуважаемымъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета, Дм. Ив. Багалѣмъ. По настоящему послѣ его отчета мнѣ менѣе, чѣмъ когда-либо, приходится вторгаться въ ученую дѣятельность нашихъ ученыхъ собратій, но—есть стороны этой дѣятельности, которыя вовсе не затронуты Дм. Ив. Багалѣмъ и потому предъ мною открывается возможность возвратиться къ этой дѣятельности съ полною надеждою не надѣяться повтореніемъ разъ сказаннаго и возвращаться къ извѣстному только при крайней необходимости.

Мы уже знаемъ изъ отчета Дм. Ив., что всѣхъ засѣданій Съѣзда было 21, или, что тоже, Общихъ Засѣданій было два, по Отдѣленію Первобытныхъ Древностей 5; по Отд. II—Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ 3; по отд. III—Памятники искусствъ и художествъ 2; по Отд. IV—Бытъ хозяйственный и домашній—4; по Отд. V—Древности церковныя 1; по Отд. VII—Древности классическія 1; по Отд. IX—Археографіи и архивовѣдѣнію 2 и по отд. X—Старина Запорожская 1 и что на этихъ 21 засѣданіи, не считая отчетовъ и тѣхъ рефератовъ, о которыхъ Предсѣдатели Отдѣленій сообщали вкратцѣ, доложено 63 сообщенія: по Древностямъ первоб. 18; по Древностямъ историко-географическимъ 9; по Памятникамъ искусствъ и художествъ 8; по Быту 15; по Церковнымъ древностямъ 2; по Древностямъ классическимъ 4; по Археографіи 5 и по Старинѣ Запорожской 2.

Краткій перечень этотъ пополю слѣдующими указаніями:

По Отд. I—Первобытныхъ древностей изъ 18 рефератовъ 7: *В. С. Ляскоронскаго*—Городища и длинные валы въ бассейнѣ рр. Пелы и Ворсклы, *А. А. Иванчина-Писарева*—Обсѣдованіе кургановъ въ Мариупольскомъ у., *В. А. Харламова*—Раскопки на бер. р. Калміуса и о каменныхъ бабахъ, *Е. П. Трифильева*—Археол. экскурсія по рр. Калміусу и Кальчику *Е. Н. Антоновичъ*—Карта кургановъ и майдановъ юга Россіи и *Н. О. Бяляшевскаго*—Раскопки въ Липовецкомъ у. вызваны командировками, данными имъ Имп. Моск. Археол. Обществомъ, и 7 другихъ: *Д. И. Эварницкаго*—Раскопки кургановъ въ предѣлахъ Екатер. губ.; *Д. И. Багалѣя*—раскопки въ Волковскомъ и Богодуховскомъ у., Харьк. губ.; *В. Е. Данилевича*—Раскопки кургановъ около хут.

Покровскаго и близъ дер. Кинезъ Ялтинскаго у.; *Э. Р. фонъ-Штернъ*—Доисторическая культура въ предѣлахъ Южной Россіи и Раскопки на островѣ Березань; *Гр. Уваровой*—О камен. бабахъ и *А. А. Скрыленко*—Нѣсколько словъ о керамикѣ Екатер. губ. —вызваны запросами и подготовительными работами къ Съѣзду.

По Отд. II—Исторіи и Этнографіи два доклада: *Н. С. Державина*—Болгарскія колоніи Таврич. и Херсонск. губ. въ культурно историческомъ отношеніи и *В. Г. Ляскоронскаго*—О змѣвыхъ валахъ въ предѣлахъ Южной Россіи и ихъ связи съ курганами и майданами истекають также изъ командировокъ, данныхъ Имп. Археол. Обществомъ, и 3 другихъ: *Л. В. Падалки*—О единствѣ чертъ майдановъ, круглыхъ городковъ, робленицъ и раскопанныхъ могилъ; *Д. И. Эварницкаго*—Карты и планы Запорожья, служатъ отвѣтами на запросы Съѣзда. Кромѣ того, трудъ *проф. Голубовскаго*—Объ исторической картѣ Черниговской губ., есть дань, уплачиваемая почтеннымъ авторомъ еще IX Археол. Съѣзду, созванному въ 1899 г. въ Кіевѣ.

По Отд. III—Памятники Искусствъ и Художествъ изъ 8 докладовъ 3: *Г. Г. Павлуцкаго*—О вліяніи деревяннаго церк. зодчества на архитектурныя формы каменныхъ храмовъ XVII и XVIII в. и Древнія деревянныя синагоги и *В. М. Щербаковскаго*—Орнаменты на иконостасахъ и иконахъ церквей Кіевской губ. обязаны своимъ появленіемъ экскурсіямъ, предпринятымъ Моск. Арх. Обществомъ.

По IV Отд.—Быть домашній, общественный и пр. докладъ *К. Г. Бугославскаго*—Къ вопросу о Бѣломорскихъ казакахъ всецѣло вызвано запросами Съѣзда.

По V Отд.—Церковныхъ Древностей единственные два доклада, представленные на Съѣздъ: *Г. Г. Павлуцкаго*—Деревянныя церкви Полтавщины (на основаніи матеріала, доставленнаго Филянскимъ) и *В. М. Щербаковскаго*—Деревянныя церкви Кіевской г., обязаны командировкамъ Моск. Арх. Общества.

По IX Отд.—Археографіи и Архивовѣдніи изъ 5 докладовъ 3: *Бѣднова*—Свѣдѣнія объ Архивѣ Екатеринославской Духовн. Консисторіи и Архивѣ Самарскаго Ново-моковскаго монастыря; *В. И. Пичета*—Дѣла Нижняго Земскаго Суда по дѣламъ Екатер. Архивной Комиссіи—вызваны также подготовительными работами къ Съѣзду.

По X Отд.—Старина Запорожская оба доклада какъ *Д. И. Эварницкаго*—Запорожская старина, такъ и *Л. В. Падалки*—Эволюція казацкихъ сѣчей въ Приднѣпровьѣ—вызваны всецѣло подготовительными работами по Съѣзду.

Среди докладовъ или обзоровъ, предложенныхъ Съѣзду на одномъ изъ Засѣданій VII Отд., заслуживають, мнѣ кажется, особаго вниманія и благодарности сообщенія *Н. И. Веселовскаго*—Объ изданіи Туркестанскихъ мечетей и *А. С. Раевскаго*—О новыхъ предметахъ древности, поступившихъ въ Имп. Арх. Комиссію, доклады иллюстрированные: первый великолѣпнымъ альбомомъ, изданнымъ въ Петербургѣ при непосредственномъ наблюденіи Н. И. Веселовскаго, а второй массой фотографій, снятыхъ съ древностей, добытыхъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Подобныя доклады появляются впервые на нашихъ Съѣздахъ, имѣють огромное значеніе для лицъ, живущихъ въ отдаленіи отъ научныхъ центровъ и за такое нововведеніе Съѣздъ обязанъ, мнѣ кажется, глубокою признательностью какъ самимъ докладчикамъ, такъ и Имп. Арх. Комиссіи.

Не сочтите также за нескромность съ моей стороны, если я укажу еще на два сообщения—одно, принадлежащее перу давно усопшаго основателя Археол. Създовъ, Гр. А. С. Уварова, другое, построенное Д. И. Багалъемъ на картографическомъ матеріалѣ по Слободской Украинѣ, сохраняемомъ въ богатомъ архивѣ покойнаго. Сообщенія эти, появившіеся на Създѣ помимо моего личнаго вліянія, я принимаю за благое предзнаменованіе, какъ бы за благословеніе покойнаго Предсѣдателя той сесіи Създовъ, которая открывается послѣ подведенія итоговъ по первымъ 12 Създамъ, закончившихъ свою дѣятельность Харьковскихъ Създомъ. Подобное заявленіе Предсѣдателя Археологическаго Създа можетъ показаться въ переживаемое нами время безвѣрія и отрицанія, чѣмъ-то фантастически-поэтичнымъ — но дѣлать нечего, *вашъ Предсѣдатель* женщина и потому приходится простить ей это увлеченіе.

Но возвратимся къ археологін: доклады нѣкоторыхъ изъ нашихъ экскурсантовъ, дававшихъ отчетъ о предпринятыхъ ими поѣздкахъ и раскопкахъ, вызывали замѣчанія со стороны слушателей, требовавшихъ систематизаціи добытаго матеріала и выводовъ по тому или иному вопросу. Мнѣ кажется, однакожь, что подобныя замѣчанія не могутъ и не должны быть вызываемы выслушанными докладами нашихъ экскурсантовъ, ибо *одно* обследовать и описать мѣстность или произвести раскопку, и *совершенно другое* обработать добытый матеріалъ. Иной экскурсантъ, какъ, напр., В. А. Харламовъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскій прямо съ раскопокъ пріѣхали на Създъ, другой могъ посвятить лѣто на раскопки или поѣздки, но не имѣлъ времени или возможности зимой заняться обработкой добытаго матеріала и потому я, съ своей стороны, какъ Предсѣдатель Моск. Арх. Общества, вызвавшего эти экскурсии, полагаю, что и выслушанные нами доклады, несмотря на ихъ кажущуюся сухость, приносятъ огромную пользу посѣтителемъ Създа, ибо знакомятъ слушателей какъ съ пріемами при раскопкахъ и изслѣдованіяхъ такъ и съ работами, предпринятыми съ одного Създа до другого и съ предметами, добытыми за это время. На этомъ основаніи мнѣ думается, что мы, напротивъ, должны отнестись ко всѣмъ докладамъ подобнаго рода съ глубокой благодарностью и выразить надежду, что экскурсии и раскопки повторятся подъ руководствомъ и при участіи тѣхъ же нашихъ дорогихъ экскурсантовъ: Трифильева, Данилевича, Городцева, Е. Н. Антоновичъ, Ляскоронскаго Павлущаго, Щербаковскаго, Державина и др., которыхъ мы считаемъ со времени подготовительныхъ работъ къ Харьковскому Създу необходимыми сотрудниками и товарищами. Называя сотрудниковъ, обращаясь къ нимъ съ выраженіемъ надежды на будущую помощь и будущія работы, я не упомянула о Д. И. Эварницкомъ; сдѣлала это потому, что Дм. Ивановичъ отдалъ свою жизнь и помышленія Екатеринославу, изученію его древностей, обогащенію его Музея, распространенію въ мѣстномъ краѣ археологическихъ познаній и любви къ памятникамъ старины и потому его просить не о чемъ, а можно только пожелать ему силъ и здоровья на много, много лѣтъ. Произведенныя за послѣдніе годы раскопки и поѣздки вызвали на нашемъ Създѣ доклады и иного характера, чѣмъ вышеописанные; говорю о докладахъ проф. Э. Р. Штеркъ — Доисторическая греческая культура въ предѣлахъ южной Рос-

сін и Раскопки на островѣ Березани, *Г. Г. Павлуцкаго* — О вліяніи дерев. церковнаго водчества на архитектурныя формы камен. храмовъ XVII и XVIII вв.; Древнія дерев. синагоги и деревян. церкви Полтавщины. Но подобныя доклады принимаютъ уже, на ряду съ работой *Дм. Ив. Багалтя* — О неизданныхъ сочиненіяхъ Сковороды, *Е. К. Рѣдина* — Редакція лицевыхъ рукописей Косьмы Индикоплота и *Голубовскаго* — Историческая карта Черниговской губ. — размѣры изслѣдованій или монографій, и наводятъ насъ на сознаніе великой правды, высказанной поговоркой, что „большому кораблю большое и плаванье“.

Закончу обзоръ ученой дѣятельности Екатеринославскаго Съѣзда указаніемъ того, что не могло быть исполнено тѣмъ или другимъ его членомъ или отдѣленіемъ. Присутствующіе, вѣроятно, припомнятъ, что при открытіи Съѣзда, разбираясь въ работахъ Моск. Предварительнаго Комитета и его Отдѣленійхъ, я указала въ 20 пунктахъ (которые нѣтъ нужды здѣсь повторять), на тѣ работы, которыя предприняты для Съѣзда съ указаніемъ, что самъ Съѣздъ покажетъ, что изъ этихъ работъ исполнено и что нѣтъ. Нынѣ возможно подвести итоги болѣе точные:

1) Не удалось получить обработки того этнографическаго матеріала, который долженъ былъ быть собранъ Екатериин. Предварит. Комитетомъ.

2) Не доведена до желательнаго окончанія работа В. А. Кордтъ по картографіи нашего юга, но къ сожалѣнію подготовительныя работы по древней картографіи потребовали гораздо больше времени, чѣмъ предполагалось вначалѣ, и второй выпускъ изданія картъ, обѣщанный Кіевскою Комиссіей для разбора древнихъ актовъ не могъ быть готовъ для Съѣзда. Мы можемъ однакожъ сообщить, что выпускъ этотъ будетъ посвященъ исключительно западной и южной Россіи и имѣеть, главнымъ образомъ, задачу дать наглядное представленіе о развитіи картографіи древней Польши. Соотвѣтственно этому въ него войдутъ слѣдующія карты:

- 1) Карта Польши, составленная въ 1506 г. Маркомъ Беневентаномъ при содѣйствіи Беригардта Ваповскаго. Древнѣйшая карта Польши.
- 2) Карта Польши, составленная Себаст. Мюнстеромъ въ 1552 г. на основаніи карты 1506 г.
- 3) Карта Польши Гродецкаго 1558.
- 4) Карта Польши Гродецкаго, дополненная Пограбіемъ.
- 5) Карта Польши Гильома Боплана, изданная въ 1651 г. Данкертомъ въ Амстердамѣ.
- 6) Первая русская карта Польши, гравированная Пикаромъ въ началѣ XVIII в.
- 7) Карта Украины Боплана 1650 г.
- 8—15) Большая карта Украины Боплана.
- 16—18) Карта Днѣпра изъ атласа Блау.
- 19) Карта Южной Россіи Менгдена 1698 г.
- 20) Карта Литвы 1589 г.
- 21) Карта Литвы Меркатора.
- 22—23) Карта Литвы Гесселя Герритса 1613 г.
- 3) Не представлены также Екатеринославскимъ Научнымъ Обществомъ, обѣщан-

ныя работы по изслѣдованію древнихъ бронзъ — по это послѣднее обстоятельство вызвано вѣроятно тѣми грустными соображеніями, которыя не позволили и самому Обществу принять участіе въ работахъ Съѣзда.

Остается сказать какимъ образомъ достигнуты тѣ результаты, которыми будетъ имѣть право гордиться Екатеринославскій Съѣздъ, созданный въ неуниверситетскомъ центрѣ, гдѣ научныя силы весьма слабо представлены. Объясняется это весьма просто, той дружной совмѣстной самоотверженной работой, которую выказали на этотъ разъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда-либо, пріѣхавшіе члены Съѣзда, представители Моск. Археол. Общества и Университетовъ Одессы, Кіева и въ особенности Харькова, явившіеся на Съѣздъ въ томъ же числѣ, какъ работали въ Харьковѣ, съ той же готовностью работать, какъ работали въ Харьковѣ и отдавшіеся Съѣзду до того, что принимаютъ на себя печатанье послѣднихъ вумеровъ Извѣстій Съѣзда, которые не могли выйти въ Екатеринославлѣ по несправности мѣстныхъ типографій.

Есть еще обстоятельство, которое не могло не отозваться на усиліяхъ Съѣзда — это та привязанность и любовь къ Съѣздамъ, которую выказали члены нашихъ прежнихъ Съѣздовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Н. И. Веселовскій, Д. И. Иловайскій вовсе не собирались пріѣхать, но читая въ газетахъ объ открытіи Съѣзда и его работахъ — они не выдержали; заговорило ретивое, и они явились и немедленно принялись со всѣми за работу и засѣданія. Такими именно отношеніями дружеской совмѣстной работы и привязанности только и крѣпки наши Съѣзды, какъ впрочемъ и всякая другая работа!!

Собралось на Съѣздъ въ этомъ году гораздо меньшее число лицъ, чѣмъ обыкновенно — всего 245 чел. (въ Харьковѣ 405), между которыми насчитываемъ: 26 профессоровъ и 8 прив.-доц. Собралось меньше по той простой причинѣ, что Съѣздъ созывался въ годину тяжелыхъ испытаній, когда лучшимъ людямъ становится нестерпимо больно, а другимъ во чтобы ни стало хотѣлось помѣшать Съѣзду, парализовать его дѣятельность запугиваньемъ, журнальными статьями и распространеніемъ лживыхъ слуховъ, какъ о невозможности Екатеринославу принять Съѣздъ, такъ и бездѣятельности всѣхъ Предварительныхъ Комитетовъ и даже о Съѣздѣ, начавшемъ вопреки ихъ пожеланій, свою спокойную просвѣтительную дѣятельность.

Кончая, не могу не высказать моей глубокой сердечной благодарности многоуважаемому Предсѣдателю Ученаго Комитета Д. И. Багалѣю за его неутомимую дѣятельность по Съѣзду. Также искренно и сердечно благодарю Предсѣдателей Отдѣленій: Э. Р. Штерна, С. К. Рѣдина, В. З. Завитневича, Н. В. Покровскаго и В. П. Бузескула, Секретарей Отдѣленій: В. Г. Ляскоронскаго, В. С. Данилевича, В. И. Савва, А. П. Кадлубовскаго, Д. И. Абрамовича, И. Е. Евсеѣва, П. А. Незнамова, В. А. Харламова и И. Ѳ. Вертоградова. Высказываю глубочайшую благодарность и Секретарямъ Съѣзда: В. Н. Рагожину и Е. П. Трифильеву, которымъ пришлось въ этомъ году въ виду существовавшего броженія поработать еще съ большимъ утомленіемъ, большими затрудненіями, чѣмъ обыкновенно. Всѣмъ упомянутымъ лицамъ Екатеринославль въ видъ осуществленія XIII Археологическаго Съѣзда, на основаніи чего предлагаю привѣтствовать ихъ дружными рукоплесканіями.

Позволяю себѣ также отъ лица Съѣзда выразить глубокую благодарность Г-ну Губернатору, такъ тепло отстаившаго за Екатеринославомъ честь принять Съѣздъ, Губернскому Предводителю Дворянству М. И. Миклашевскому за гостеприимство въ великолѣпныхъ залахъ Потемкинскаго двора, Предсѣдателю Губ. Земской Управы М. В. Родзянко и С. А. Бродницкому за ихъ хлопоты по хозяйственнымъ распоряженіямъ по Съѣзду, по устройству и расходамъ по экскурсіямъ, Городскому Управленію за хлѣбъ-соль, Г-ну Директору Народныхъ Училищъ и Народнымъ Учителямъ за ихъ работы по собиранію матеріаловъ, А. А. Скрыленко за приведеніе въ порядокъ выставки, Д. И. Эварницкому, наконецъ за его работы по обогащенію Музея, которому отъ всей души желаю дальнѣйшаго мирнаго научнаго преуспѣянія и развитія.

Послѣ Графини Преосвященный Симеонъ сказалъ слѣдующее: „Въ ряду научныхъ интересовъ интересъ къ всестороннему изученію памятниковъ старины, прощлаго народа — едва ли не становится господствующимъ; чувствуется потребность выяснить сложившіеся въ этомъ прошломъ идеалы народа; чтобы сознательно, не отрываясь отъ родной почвы, идти къ постоянному усовершенствованію и осуществленію высочайшихъ національныхъ идеаловъ. Нашъ высочайшій идеалъ—въ тишинѣ православія, которое при сознательномъ и дѣятельномъ къ нему отношеніи способно претворить въ насъ все немоющее, укрѣпить и направить все доброе и такимъ образомъ дать возможность осуществить нашу миссію. Въ православіи Русь находила силу въ испытаніяхъ, потому что благодать Божія довлѣла ей и сопутствовала въ немощахъ, не покидала въ испытаніяхъ. Въ немъ наша надежда. Чтобы идти подъ знаменемъ православія къ осуществленію своего идеала, мы должны сознавать свои немощи; намъ необходимо сознавать свою связь съ прошлымъ, такъ корни нашихъ немощей и недостатковъ въ этомъ прошломъ: намъ необходимо изучить себя въ событіяхъ и дѣлахъ нашихъ предковъ, въ той обстановкѣ, тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ текла ихъ жизнь, въ тѣхъ памятникахъ церковнаго искусства, которые питали ихъ чувство, въ тѣхъ средствахъ, которыя служили ихъ религіозно-правственному развитію. Намъ необходимо изученіе исторіи нашей церкви и археологій. У насъ есть уже немало крупныхъ общихъ трудовъ въ этой области, но они недостаточно еще раскрываютъ судьбу частныхъ церквей, какова, на примѣръ, Екатеринославская, которая много пережила, перенесла много несчастій, приобрѣла запасъ жизненныхъ опытовъ и средствъ, имѣетъ много памятниковъ своей исторической жизни. Много памятниковъ погибло безвозвратно; много погребено бы еще; но явилось Императорское Московское Археологическое Общество съ его предсѣдателемъ, гр. П. С. Уваровой. Оно дало жизнь Археологическому обществу, оно приняло мѣры къ охраненію памятниковъ старины.

Всему ученому міру извѣстно, какой подвигъ взяли на себя Ваши труды на пользу нашей родины. Нашъ развить Вамъ глубокую благодарность отъ Екатеринославскаго общества, которое содѣйствовало устройству Съѣзда въ Екатеринославѣ, за

жертвамъ духовенства; молитвенно желаю, чтобы еще многіе годы Вы стояли во главѣ Създовъ и руководили ихъ дѣломъ“.

5. За отсутствіемъ г. Попечителя Учебнаго Округа г. Губернаторъ объявилъ въ 11 час. вечера XIII Археологическій Съездъ закрытымъ.

Послѣ закрытія въ одной изъ боковыхъ залъ дворца группа членовъ Съезда привѣтствовала Графиню Уварову и благодарила ее за понесенные труды по устройству и благополучному окончанію Съезда; послѣ чего былъ сервированъ ужинъ, на который собрались все оставшіеся члены Съезда, которые, далеко за полночь, провели время за мирной бесѣдой, перебирая въ памяти все пережитое и дѣлая пожеланія, чтобы настало въ ближайшемъ будущемъ время, когда возможно будетъ въ Россіи болѣе спокойно и плодотворно работать на пользу чистой науки, безъ примѣси какихъ-либо личныхъ взглядовъ или политическихъ увлеченій.

23—28 августа.

Эккурсія на Днѣпровскіе пороги ¹⁾.

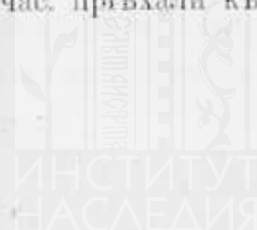
Эккурсія на Днѣпровскіе пороги была устроена Екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ при посредствѣ Екатеринославскаго отдѣленія Крымскаго горнаго клуба и его члена Н. А. Набиркина.

23 августа во вторникъ, несмотря на сильную бурю, холодъ и моросившій дождь, прибыло на пристань и размѣстилось на четырехъ дубахъ (на пятомъ багажъ) и пароходъ „Работникъ“ пятьдесятъ четыре экскурсанта. Дубы съ 30-ю экскурсантами отправились впередъ и остановились на отдыхъ на песчаномъ островѣ противъ устья р. Самары, въ 7 вер. ниже Екатеринослава. Пароходъ же противъ Богомоловскаго монастырскаго острова, сломавши винтъ, сѣлъ на мель. Въ 2 час. дубы отправились далѣе и прибыли въ с. Лоцманскую Каменку въ 10 вер. ниже Екатеринослава; далѣе невозможно было вслѣдствіе бури продолжать путешествіе, и потому рѣшили здѣсь ночевать въ казенномъ домѣ.

24 августа большинство возвратилось ~~на пристани~~ въ томъ числѣ В. Г. Ляскоронскій, Н. Θ. Бѣляшевскій, В. И. Щербаковскій, А. Н. Прусевичъ, В. И. Харціевъ и другіе на двухъ дубахъ, послѣ того, какъ лоцманы изъявили готовность продолжать путешествіе, отправились на пороги. Въ 12 час. дня проѣхали Старо-Кодацкій порогъ „великимъ ходомъ“, т.-е. серединою, а не каналомъ и остановились въ д. Старомъ Кодакѣ, на 3 вер. ниже Лоцманской Каменки. Здѣсь экскурсанты осматривали Боплановскую крѣпость, порогъ и церковь.

Послѣ обѣда въ 5 час. отправились далѣе чрезъ Сурскій, Лоханскій, Звонецкій и Тягинскій пороги. Вечеромъ прибыли въ д. Никольское, а въ 8 час. пріѣхали къ

¹⁾ Отчетъ составленъ А. Н. Прусевичемъ.

нимъ на лошадахъ Д. И. Эварницкій, д-ръ П. П. Пелехинъ, Д. В. Туткевичъ, А. П. Потоцкій и П. И. Тиховскій.

Вечеромъ нѣкоторые экскурсанты осматривали церковь, могилу каменнаго вѣка, Ненасытецкій порогъ, Фалѣевскіе шлюзы и Екатерининскія ворота. Ночевали въ Горномъ клубѣ.

25 августа на двухъ дубахъ, съ утра проѣхавши Ненасытецкій порогъ каналомъ, Воронову и Чертову забору, Будиловскій и послѣдній порогъ Гадючій, остановились на островѣ Перунѣ предъ Гадючимъ порогомъ и осматривали Зміеву пещеру. Около 5 часовъ вечера были на Кичкасѣ, осматривали пещеру Школу, издали видѣли кресло Сагайдачнаго. Въ 7 часовъ высадились на островѣ Большой Хортицѣ. Осмотрѣвши Думну скелю переночевали въ школѣ.

26 августа въ 6 час. утра на лошадахъ объѣхали весь островъ, осматривали земляныя укрѣпленія Миниха (Schancengraben), Литовскую переправу и издали о. Малую Хортицу. Въ 10 час. на пароходѣ „Хортица“ отправились въ г. Александровскъ. Въ Александровскѣ осмотрѣли памятникъ Гладкаго, послѣдняго кошевого; изъ Александровска на пароходѣ „Выхватинець“ отправились въ Никополь, остановились ниже Никополя противъ устья р. Павлюка и ночевали на пароходѣ.

27 августа въ субботу въ 6 час. утр. на дубѣ отправились по р. Павлюку на Чертомлыцкую Сѣчь, вторую по порядку Запорожскую сѣчь, основанную кошевымъ Дужаемъ въ 1651 г. Осмотрѣвши валы и мѣсто запорожской церкви, отправились въ д. Капуловку противъ Чертомлыцкой Сѣчи, гдѣ осматривали могилу Ивана Сирка. Въ 9 час. утра по р. Подпильной, притоку Чертомлыка, отправились на Подпильскую Сѣчь, третью сѣчь запорожскую, перенесенную сюда въ 1709 г. послѣ разгрома Чертомлыцкой Сѣчи русскими войсками. На мѣстѣ сѣчи расположено с. Покровское. Въ с. Покровскомъ осматривали церковь, въ ней видѣли запорожскій аналой съ иконою Покрова Пр. Богородицы съ изображенными внизу Запорожцами съ чубами, послѣ видѣли мѣсто старой запорожской церкви, пристань и мѣсто верфи запорожской, а въ деревнѣ валы. Тою же дорогою возвратились обратно на пароходѣ въ 4 час. пополудни, а затѣмъ на пароходѣ отправились въ Никополь.

Прибывши въ Никополь въ 6 час., отправились въ соборъ. Въ соборѣ осмотрѣли ~~запорожскіе~~ древности: аналой арабской работы съ инкрустаціей, на которомъ по надлежавшія Богдану Хмельницкому, серебряную кружку съ выпуклыми изображеніями пеликана и райскихъ птицъ, принадлежавшую Ивану Сирко, другую кружку со вставленными саксонскими монетами; кипарисовый рѣзной въ серебряной оправѣ крестъ, принадлежавшій кошевому атаману, Павлу Козелецкому; двѣ иконы Покрова Богородицы, на деревѣ и холстѣ, оригинальныя по трактовкѣ сюжета: икону Покрова Пр. Богородицы съ изображеніями внизу Кальнишевскаго, Глобы и Головатаго; плащаницу, шитую золотомъ, подарокъ Ивана Гаркуши 1756 г.; ризу запорожскую съ шитыми оплечьями и епитрахиль 1760 г.; евангеліе запорожское, 2 пуд. вѣсомъ и два портрета (копіи съ оригиналовъ, прежде находившихся здѣсь, а теперь въ Одесскомъ музеѣ) Якова и Ивана Шіянова.

Около собора уже ночью осматривали будынокъ со сволокомъ 1751 г., принадлежавшій Вас. Григ. Сычу, и полтавскій курень, передѣланный въ сарай.

Въ 10 час. экскурсанты выѣхали изъ Никополя, а 28 августа, въ воскресенье, прибыли въ Александровскъ и оттуда разѣхались.

24—27 августа.

Экскурсія въ Херсонисъ и Севастополь¹⁾.

24 августа, въ 3 часа 15 м. дня, члены XIII Археологическаго Съѣзда въ числѣ 31 человѣка отбыли изъ Екатеринослава въ Севастополь съ почтовымъ поѣздомъ. Управление Екатерининской желѣзной дороги любезно предоставило для экскурсантовъ два вагона II класса, благодаря чему экскурсанты могли вполне удобно размѣститься. На другой день, 25 августа, въ 11 ч. 30 м. утра, участники экскурсии прибыли въ Севастополь. На вокзалѣ ихъ встрѣтили: Севастопольскій городской голова А. А. Максимовъ, гласный Севастопольской Городской Думы Л. О. Цебровскій и завѣдывающій раскопками въ Херсонисѣ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ. Обратившись къ Членамъ съ привѣтствіемъ городской голова А. А. Максимовъ пригласилъ ихъ быть гостями города, выразивъ надежду, что они проведутъ въ Севастополь не 2 дня, какъ предполагено, а больше. Затѣмъ онъ сообщилъ, что для желающихъ отведено бесплатное помѣщеніе въ общежитіи ремесленнаго училища, а, кромѣ того, экскурсантамъ во все время пребыванія ихъ въ Севастополь предоставленъ бесплатный входъ на Приморскій бульваръ. Затѣмъ онъ пригласилъ пріѣхавшихъ отъ имени города на обѣдъ. Съ своей стороны экскурсанты привѣтствовали А. А. Максимова и другихъ лицъ, встрѣтившихъ ихъ на вокзалѣ, и благодарили ихъ за приглашеніе и честь, оказанную имъ какъ Членамъ XIII Археологическаго Съѣзда. Послѣ этого экскурсанты отправились съ вокзала, одни въ приготовленное для нихъ городомъ помѣщеніе, а другіе—въ гостиницы.

Въ тотъ же день, въ 2 часа, въ помѣщеніи Яхтъ-клуба, на Приморскомъ бульварѣ, Севастопольское городское управленіе чествовало обѣдомъ участниковъ экскурсии. Во время обѣда городской голова провозгласилъ тостъ за присутствующихъ и поблагодарилъ за честь, оказанную г. Севастополю. Въ отвѣтъ на этотъ тостъ председатель Полтавской Губернской Ученой Архивной Комиссіи А. В. Липеровскій сказалъ: „Сюда, на берега роскошнѣйшей въ мірѣ бухты, пригласило насъ Городское Общественное Управленіе на роскошную трапезу и доставило намъ, изслѣдователямъ жизни мертвыхъ, удовольствіе лицезрѣть въ недалекой близости гвоздь нашей экскурсии, древній Херсонисъ. Позвольте мнѣ, господа, передать отъ имени Членовъ XIII Ар-

1) Отчетъ составленъ В. Е. Данилевичемъ.

хеологическаго Създа прѣвѣтствіе городскому обществу въ лицѣ представителя его, городского головы, глубокоуважаемаго Алексѣя Андреевича Максимова, и выразить чувства живѣйшей благодарности за любезный пріемъ". Затѣмъ были провозглашены тосты за завѣдывающаго раскопками въ Херсонисѣ К. К. Косцюшко-Валюжинича и завѣдывающаго Музеемъ и панорамой Севастопольской обороны полковника І. Н. Протопопова. По окончаніи обѣда, экскурсанты отбыли въ любезно приготовленныхъ городскимъ управленіемъ экипажахъ для осмотра панорамы Севастопольской обороны.

Въ зданіи панорамы экскурсанты были встрѣчены г. завѣдывающимъ, полковникомъ І. Н. Протоповымъ, подъ руководствомъ котораго и приступили къ осмотру этого замѣчательно интереснаго памятника. Во время осмотра І. Н. Протоповъ познакомилъ экскурсантовъ весьма подробно съ соответствующими моментами изъ осады Севастополя, при чемъ его объясненія носили характеръ живой и увлекательной лекціи, давшей слушателямъ весьма много интересныхъ свѣдѣній. Изъ зданія панорамы они прошли, подъ руководствомъ І. Н. Протопопова, на укрѣпленія четвертаго бастіона, недавно реставрированныя по случаю юбилея обороны, а также осмотрѣли нѣкоторые памятники на оборонительной линіи. Здѣсь любезный руководитель снова сдѣлалъ весьма интересное и подробное сообщеніе о техническомъ характерѣ и боевой роли этого бастіона. Поблагодаривъ полк. І. Н. Протопопова за его любезность и весьма интересныя объясненія, экскурсанты въ началѣ 8 ч. веч. уѣхали изъ зданія панорамы.

26 августа, съ 8 часовъ утра, экскурсанты стали собираться на Графскую пристань, гдѣ ихъ встрѣтилъ членъ Севастопольской городской управы, генералъ-лейтенантъ И. Г. Фальченко, сопровождавшій ихъ въ этотъ день. Въ 8½ часовъ утра они отбыли въ Херсонисъ на паровомъ катерѣ, любезно предоставленномъ въ ихъ распоряженіе Севастопольскимъ городскимъ управленіемъ. Въ Херсонисѣ экскурсанты были встрѣчены завѣдывающимъ раскопками К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ, подъ высокоопытнымъ руководствомъ котораго и начали осмотръ древностей. Во все время осмотра К. К. Косцюшко-Валюжиничъ не только давалъ научныя объясненія, имѣвшія характеръ рѣдко полной и увлекательной лекціи, но отвѣчалъ самымъ деятельнымъ образомъ на тѣ многочисленныя вопросы, которыми его засыпали экскурсанты, невольно проникавшіеся тою же любовью и интересомъ къ херсонисскимъ древностямъ, какими дышало каждое слово ихъ почтеннаго руководителя, этого ревностнаго изслѣдователя и хранителя научныхъ сокровищъ Херсониса.

Осмотръ Херсонисскихъ древностей начался съ такъ-называемаго некрополя, при чемъ экскурсанты особенно подробно осмотрѣли замѣчательныя развалины церкви съ остатками мозаичнаго пола и обширное катакомбное кладбище при ней. При этомъ многіе спускались во все наиболѣе замѣчательныя катакомбы. Осматривая эту часть древняго Херсониса, экскурсанты дошли до монастырскаго скотнаго двора, гдѣ въ настоящее время К. К. Косцюшко-Валюжиничъ ведетъ дѣятельныя раскопки. Тутъ, подъ его руководствомъ чертежникъ Императорской Археологической Комиссіи М. И. Скубетовъ приготовилъ для пріѣзжихъ раскопки одной языческой катакомбы.

По удаленіи земли, на небольшой глубинѣ отъ поверхности былъ обнаруженъ входъ въ катакомбу, закрытый каменной плитой.

Катакомба оказалась высѣченный на небольшой глубинѣ и отдѣлана очень грубо. Внутри она имѣла трапецевидную форму съ 3 койками-нишами, по одной на каждой сторонѣ. Скелеты обнаружены во всѣхъ трехъ нишахъ и на полу, у боковыхъ стѣнъ катакомбы. Скелеты были нѣсколько засыпаны отчасти гнилью, образовавшейся отъ разложенія органическихъ веществъ (тѣла, платья и пр.), отчасти землей, осыпавшейся съ потолка катакомбы.

Въ сѣверо-западной нишѣ оказались 3 взрослыхъ скелета, лежавшіе на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, параллельно другъ другу, съ юго-запада на сѣверо-востокъ. У перваго отъ края ниши правая нога сдвинута обваломъ потолка. У третьяго обнаруженъ остатокъ кожаной сандалии у правой ноги.

Въ задней нишѣ найдены тоже 3 взрослыхъ скелета, лежавшіе на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, параллельно другъ другу, съ сѣверо-запада на юго-востокъ. У средняго ноги поворочены въ уголь, а у ближайшаго къ краю ниши правая нога по смерти сломана и сдвинута съ мѣста. У средняго и задняго скелетовъ найдены остатки кожаныхъ сандалій на ногахъ, а у ближайшаго къ краю ниши лежала въ ногахъ кучка мелкихъ углей.

Въ юго-восточной нишѣ обнаруженъ только 1 взрослый скелетъ, лежавшій въ порядкѣ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ юго-запада на сѣверо-востокъ. При немъ никакихъ вещей не оказалось.

На полу, у сѣверо-западной стѣны обнаружены 2 скелета: одинъ — взрослога человека, а другой — небольшого ребенка. Взрослый скелетъ, повидимому, женскій, лежалъ на спинѣ, съ юго-запада — на сѣверо-востокъ. Руки его лежали въ локтяхъ и положены на бедра: правая нога согнута въ колѣнѣ. На шеѣ скелета обнаружено ожерелье изъ бусъ, сдѣланныхъ изъ цвѣтныхъ стеколъ и пасты; на среднемъ пальцѣ правой руки найдено наборное кольцо изъ стеклянныхъ бусъ, навязанныхъ на проволоку; на лѣвой рукѣ, ниже локтя, надѣтъ бронзовый браслетъ грубой работы; на обѣихъ ногахъ остатки кожаныхъ сандалій въ формѣ башмаковъ. Скелетъ ребенка лежалъ на лѣвомъ боку, въ согнутомъ, въ видѣ дуги, положеніи, у праваго плеча взрослога скелета.

На полу же, у юго-восточной стѣны обнаружены 2 взрослыхъ скелета, лежавшіе къ входу лежалъ нѣсколько покато отъ ногъ къ головѣ; руки его раздвинуты въ стороны.

Осмотрѣвъ внимательно катакомбу, экскурсанты перешли къ городской оборонительной стѣнѣ Херсониса. Здѣсь К. К. Косцюшко-Валюжиничъ подробно ознакомилъ присутствующихъ съ исторіей этого замѣчательнаго памятника древности въ связи съ историческимъ ходомъ жизни древняго Херсониса и постепенными измѣненіями въ его планѣ. Закончивъ осмотръ стѣны участники экскурсіи отправились въ Херсонисскій монастырь, куда пригласилъ ихъ настоятель монастыря епископъ Пиннокентій и угостилъ закусками, виномъ и фруктами. Во время трапезы были

провозглашены здравицы за преосвященнаго Иннокентія и братію монастыря, причѣмъ экскурсанты встрѣчали ихъ дружно пѣніемъ многолѣтія. Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы, участники экскурсіи принесли выраженіе своей искренней и глубокой благодарности преосвященному Иннокентію за его радушіе и любезность къ нимъ и, напутствуемые его пастырскимъ благословеніемъ, покинули его покои, чтобы закончить свой осмотръ Херсониса, потому что на этотъ же день была назначена поѣздка въ Инкерманскій монастырь.

Такъ какъ экскурсанты находились въ стѣнахъ Херсонисскаго монастыря, то они первоначально осмотрѣли его достопримѣчательности: соборъ, сохранившійся въ монастырѣ развалины и монастырскій Музей. Отсюда они перешли на развалины города Херсониса, при чемъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ подробно ознакомилъ присутствующихъ съ планомъ города его постепенными измѣненіями равно какъ и съ тѣми предметами, которые Императорская Археологическая Комиссія, оставляетъ изъ раскопокъ въ Херсонисѣ. Участники экскурсіи въ 3 часа дня отбыли на паровомъ ка-терѣ изъ Херсониса въ Инкерманскій монастырь, выражая глубочайшую благодар-ность Косцюшко-Валюжиничу за любезный пріемъ и объясненія.

Поѣздка въ Инкерманскій монастырь, занявшая 3 часа времени, доставила экскурсантамъ новое удовольствіе. Своеобразная и величественная природа Инкерманскаго монастыря и оригинальное устройство его церквей и келій привлекали внима-ніе участниковъ экскурсіи и вызывали невольный восторгъ. Осмотрѣвъ подробно мо-настырь, они снова возвратились въ Херсонисъ.

Здѣсь въ 7 часовъ вечера, въ зданіи склада, инженеръ-капитанъ Н. У. Трете-ский доложилъ собранію изъ своего реферата: „Объ оборонительныхъ сооруженіяхъ Херсониса“, который онъ предполагалъ представить XII Археологическому Съѣзду. Докладъ сопровождался демонстрированіемъ составленныхъ референтомъ плановъ разрывовъ херсонисскихъ стѣнъ. Прослушавъ съ живѣйшимъ интересомъ этотъ рефе-ратъ, присутствующіе единодушно выразили докладчику чувство своей глубокой благодарности за его увлекательное сообщеніе, благодаря которому они получили много новыхъ свѣдѣній о херсонисскихъ укрѣпленіяхъ, осмотрѣнныхъ ими въ этотъ день. Въ 8¹/₂ час. вечера экскурсанты съ величайшимъ сожалѣніемъ покинули Хер-сонисъ, въ которомъ провели такъ пріятно почти весь день, и къ 9 час. вечера были

27 августа Экскурсанты снова собрались къ 9 часамъ утра на Графской пристани, чтобы совершить свою заключительную экскурсію. Согласно программѣ этого дня, составленной Севастопольскимъ Городскимъ Управленіемъ, экскурсанты сначала за-нялись осмотромъ нѣкоторыхъ сооружений военнаго вѣдомства, которые теперь, бла-годаря только-что окончившейся войнѣ, представляютъ особый интересъ для всѣхъ. Поэтому осмотръ былъ начать съ эллинга, а затѣмъ посѣщенъ одинъ изъ фрегатовъ Черноморскаго флота, встрѣтивъ и тамъ, и тутъ самое любезное отношеніе. Остальная часть дня была посвящена осмотру памятниковъ Севастопольской обороны: Музея обороны, Братскаго кладбища и Мемориала Кургана. При этомъ участники экскур-

ни въ этотъ день снова имѣли случай выслушать весьма интересныя объясненія полк. І. Н. Протопопова.

Такимъ образомъ экскурсія въ Херсонисъ и Севастополь продлилась, вмѣсто 2 дней, какъ было предположено на Създѣ, цѣлыхъ 3 дня. Участники ея покинули Севастополь, унося самыя свѣтлыя воспоминанія о времени, проведенномъ ими въ томъ городѣ, гдѣ ихъ тамъ любезно и гостепріимно принимали, гдѣ они приобрѣли только новыхъ свѣдѣній о древностяхъ.

СВѣдѣнія
изъ Ист. Крещенской
и Музейной работы